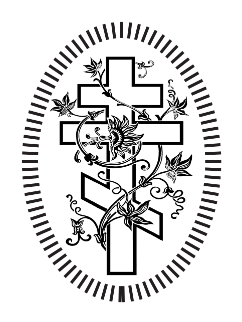
КОНСТАНТИН КАВЕЛИН

ГОСУДАРСТВО И ОБЩИНА

Русская цивилизация

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Москва – Третий Рим
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Шишков А. С.
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Игнатий (Брянчанинов)
Феофан Затворник
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Суворин А. С.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Трубецкой Е. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.
Кожинов В. В.

КОНСТАНТИН КАВЕЛИН

ГОСУДАРСТВО И ОБЩИНА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 304.5
ББК 63.3.(2)52
К 12

Кавелин К. Д.

К 12 Государство и община / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимова/ Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 1296 с.

В книге публикуются главные труды выдающегося русского мыслителя, историка, правоведа, общественного деятеля Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885). Первоначально Кавелин занимал либеральные позиции, позднее отошел от них и сблизился со славянофилами. Стоял на позиции сильной самодержавной власти. В 1866 г. подал царю записку «О нигилизме и мерах против него необходимых».

Кавелин стал основателем государственной школы исторических исследований. В своих трудах он показывает решающую роль самодержавного государства в жизни народа. По мнению ученого, русское государство явилось высшей формой общественного бытия в жизни России.

Кавелин был одним из творцов крестьянского законодательства 1861 г., в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении – основа социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся, по сути дела, коллективными владельцами земли.

ISBN 978-5-4261-0080-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) – выдающийся русский мыслитель, историк, юрист, философ, публицист и общественный деятель. Современники видели в Кавелине не только даровитого ученого и публициста, но и очень ценили обаяние его своеобразной личности: «Ставя в человеке выше всего нравственные основания и посвятив всю свою жизнь тому, чтобы содействовать развитию и прогрессу на Руси нравственной личности, он сам является ярким ее выразителем, и это его главнейшее достоинство. Чувство эгоизма было ему совершенно чуждо: самого себя, свою л и ч н о с т ь[1] он всегда приносил в жертву общему делу, идее, стоявшим у него впереди всего. Немало на Руси было, есть и будет людей талантливых, умных, ученых, но весьма мало людей, которые были бы вполне верны в жизни своим принципам, у которых слово не противоречило бы делу»[2].

Кавелин блестяще заявил о себе ученому и литературному миру еще в 1840-х гг., опубликовав в 1847 г. знаменитую статью «Взгляд на юридический быт древней России», написанную в 1846 г. на основе текстов его лекций в Московском университете. Эта статья почти сразу поставила имя Кавелина в ряд с самыми значимыми и популярными именами поколения мыслителей-идеалистов, «людей сороковых годов», «высокоталантливой дружины русской мысли, которой так много

---

[1] Разрядка Д. А. Корсакова.

[2] *Корсаков Д. А.* Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – СПб., 1897. – С. X.

обязано отечественное просвещение»[1]. В это время отчетливо обозначились два непримиримых лагеря русской общественной мысли – славянофилов и западников. На каждой из сторон были свои выдающиеся мыслители, вокруг которых группировались их горячие сторонники или просто сочувствовавшие, которые в дальнейшем в процессе острых дискуссий этих «врагов-друзей» могли предпочесть и противоположное направление, опять-таки под влиянием самых ярких идеологов этого направления мысли. Среди оригинальных мыслителей – славянофилов (братьев Киреевских, Самарина, И. и К. Аксаковых, Хомякова и др.) и западников (Грановского, Герцена, Белинского, Тургенева и др.) «людей сороковых годов», познакомивших русское общество с немецкой идеалистической философией, западными социальными идеями или обращавшими свой взгляд в далекое прошлое древней Руси, видевших там истоки самобытности России и русских, изучавших русскую историю, предлагавших по-новому взглянуть на события прошлого России – этой славной «дружины» «людей сороковых годов», Кавелин занял почетное место и как ученый и мыслитель, и как полемический публицист, и как яркая цельная личность, как удивительно порядочный и принципиальный человек. Как личность Кавелин оказал умственное и нравственное влияние на несколько поколений мыслящих людей в России.

В статье «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелин выступил как выдающийся русский мыслитель и теоретик исторической науки, сказав о необходимости «общей руководящей идеи в разработке русской истории». Он не только привлек внимание к отсутствию главной идеи в изучении истории, но и предложил собственную оригинальную и идеально выстроенную по логике теорию развития «бытовой» истории России, заключавшуюся в постепенной эволюции личного начала, в выделении личности из первоначального, родового и семейного быта племен русских славян. Эта ярко и живо написанная работа Кавелина стала программой государственной (историко-юридической) школы «родового быта» в русской

[1] *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. IX.

исторической науке. Эта статья помогает нам понять личность самого Кавелина, считавшего «умственное, нравственное, юридическое и политическое развитие личности … основой общественности и прогресса»[1]. Неразрывное соединение умственного, нравственного, правового и политического развития личности Кавелин отстаивал и продолжал изучать на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Сложилась традиция причислять Кавелина к западникам, однако он сам видел свою задачу в соединении всех разумных и ценных идей, которые были выработаны славянофилами и западниками: «Разные точки зрения только потому исключают друг друга, что видят только одну сторону и не видят других, столько же, несомненно, существующих в предмете. Убедившись в правильности такого заключения, останется сделать только шаг, чтобы создать одну сомкнутую русскую национальную интеллигенцию, которая охватит все направления и течения русской мысли со всеми их оттенками»[2].Такое его понимание разумного соединения лучших идей западничества и славянофильства Кавелин высказал несколько иначе, выражая в этом высказывании свою формулу полезной научной деятельности, творчества: «Свету не только, что в европейском окошке. Один настоящий, необманчивый свет и есть – это знание, добытое трудом, опытом, творчеством. Идя рука об руку, они создают историю, науку, общественные и политические формы. Для нас европейские идеалы – только материал, справка, чтобы при помощи их создать свое и для себя, а не обязательный канон жизни, которая имеет бесчисленные множество путей и выходов; нужно только отыскать и разработать тот из них, который нам ближе по натуре, по вкусам, по нашей обстановке»[3].

«Из-за слабых сторон разных направлений русской мысли мы проглядываем сильные, доставившие им во время óно

---

[1] Там же. – С. IX.

[2] Злобы дня общественной-политической жизни России // Русская мысль. – 1888. – С. 539.

[3] *Кавелин К. Д.* Наши недоразумения // Наш умственный строй. Сборник статей. – М., 1989. – С. 417.

влияние и выдающееся положение. Надо отбросить их слабые стороны и разработать общим трудом сильные и влиятельные. Тогда только мы уясним себе, что мы такое между другими народами, проложим себе пути, наиболее свойственные нашему народному гению, и внесем лепту своего труда в общую сокровищницу, накопленную работою всего рода человеческого. Только этим способом мы можем стать чем-нибудь, если вера в наше народное величие не есть мечта Маниловых и мы не осуждены, подобно илотам между народами, унавозить нашу почву для других, более талантливых и достойных работников на поле всемирной истории»[1].

Кавелин родился 4 ноября 1818 г. в С.-Петербурге. Род Кавелиных принадлежал к старинному дворянскому роду и восходил к XVII в. Однако старинный род Кавелиных не был ни богатым, ни знатным и вел свое начало от московского чиновника XVII в., патриаршего дьяка Ивана Ивановича Ковелина (? – ок. 1660). Поэтому по своему происхождению и положению Кавелин относился к среднему провинциальному помещичьему кругу. Дед К. Д. Кавелина, Александр Михайлович Кавелин (? – ок. 1812), носил чин секунд-майора, был женат на Анне Ивановне Кошелевой, имел от этого брака 11 сыновей и 6 дочерей. Из-за такого большого семейства его весьма значительное состояние в 500 с лишним душ крепостных крестьян было разделено на очень мелкие владения, и дети А. М. Кавелина считались уже мелкопоместными дворянами, кроме второго сына, Дмитрия Александровича (1778–1851) – отца Константина Дмитриевича. Д. А. Кавелин, будучи чиновником, очень преуспел по службе «по разным гражданским ведомствам» и к 38 годам достиг чина действительного статского советника. Отец К. Д. Кавелина, кроме чинов, получал за свою удачную службу пожалованные земли и различные аренды земли, а также единовременные денежные награды, что позволило ему существенно увеличить свои наследственные владения. Д. А. Кавелин был женат на бедной сироте – дочери умершего придворного архитекто-

1 Злобы дня общественной-политической жизни России. – С. 540.

ра, шотландца по происхождению, Джона Белли – Шарлотте Ивановне Белли (1787–1853). От этого брака Д. А. Кавелин имел старшую дочь Софью Дмитриевну и трех сыновей, из которых вторым был Константин Дмитриевич.

Д. А. Кавелин был очень образованным человеком, поддерживал дружеские отношения с выдающимися людьми своего времени, среди которых можно назвать графа С. С. Уварова, А. И. Тургенева, графа М. М. Сперанского, В. А. Жуковского, князя П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова, графа Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова. С некоторыми из перечисленных лиц (с Жуковским, Блудовым, братьями Тургеневыми, Дашковым) Дмитрий Александрович учился в Московском благородном пансионе, другие были его товарищами по службе. Учеба в Московском благородном пансионе вместе с людьми, которые стали в дальнейшем выдающимися литераторами и видными общественными деятелями эпохи Александра I, сильно повлияла на его взгляды, развила склонность к занятиям литературой. Благодаря своим однокашникам по пансиону он близко сошелся с представителями просвещенной высшей бюрократии – графом С. С. Уваровым, князем П. А. Вяземским, графом М. М. Сперанским, московским митрополитом Филаретом, бывшим в то время еще молодым богословом. Блестящий круг общения, прекрасно складывавшаяся карьера выделяли Д. А. Кавелина среди общей массы чиновничества, возвышали в глазах его мелкопоместных родственников, у которых он пользовался большим влиянием. По отзывам современников, Д. А. Кавелин обладал добрым сердцем, был тихого нрава, мягкого характера, являясь натурой недеятельной и несамостоятельной. Из-за этих свойств он постоянно поддавался чужим влияниям.

Шарлотта Ивановна, мать К. Д. Кавелина, по складу характера была полной противоположностью своему мужу. Она отличалась твердой волей и практическим умом, целью ее жизни было благополучие семьи, поддержанием которого она неустанно занималась до конца своих дней. Однако Шарлотта Ивановна являлась очень сложной натурой, в ее характере были и с годами становились все заметнее отрица-

тельные черты – деспотизм, нетерпимость к чужим мнениям, снобизм, мелочность. Она подчинила всех домашних своему распорядку, жестко заставляя соблюдать внешние приличия и условные правила, в которых проглядывала врожденная английская пунктуальность, превратившаяся в условиях помещичьего самовластного быта в мелочность и самодурство. Шарлотта Ивановна высоко ставила соблюдение чиновной субординации в общении, следовала укоренившимся дворянским предрассудкам: гордилась генеральским чином мужа (статский советник), пренебрежительно относилась к людям недворянского происхождения. Поэтому она считала карьеру ученого, профессора недостойной для своего сына, не видя разницы между «учительской» карьерой, к которой она относила и профессорскую, и прочими непочетными профессиями, которые больше пристали бы выходцу из разночинцев, а не дворянину, сыну генерала. Почти каждое лето семья Кавелиных проводила в своем тульском имении, с. Иваново. Круг общения там для подрастающего К. Д. Кавелина состоял из соседей-помещиков и родственников, в большинстве своем лишенных каких-либо духовных интересов, интересовавшихся только чиновной субординацией, управлением крепостного хозяйства своих имений, сплетнями и родственными отношениями, кичившихся своим дворянским происхождением. Семейная обстановка не могла содействовать правильному умственному и нравственному развитию Константина Дмитриевича. Только благодаря личным дарованиям, воле и трудоспособности он смог бороться с окружающей его средой и выйти за пределы этого круга.

Первоначальное воспитание и образование, как это было принято в те времена, К. Д. Кавелин получил дома. Кавелин начал обучение в Рязани, где в то время под началом А. Д. Балашова служил его отец. Русской грамоте его учила сестра Софья Дмитриевна, которая была на 10 лет старше его. В дальнейшем Константин Дмитриевич поступил в обучение к гувернерам-немцам, в большинстве своем не являвшимся достаточно образованными людьми. Кроме гувернеров Каве-

лина обучали и учителя, но их подбор не отличался продуманностью, в основном это были семинаристы, священники и учителя местной гимназии. Племянник и биограф Кавелина Д. А. Корсаков отмечал, что детско-отроческие годы были тяжелым временем для Костантина Дмитриевича: «С горьким чувством на каждом шагу оскорбляемого нравственного достоинства и со стороны учителей, и со стороны родителей воспоминал впоследствии К. Д. Кавелин рязанские годы своего учения. Утешение оскорбленный мальчик находил в беседах с сестрой, да с дворовыми и крестьянами, с которыми сближается в очень раннем возрасте, и в одиноких детских размышлениях и мечтах. Он любил удаляться в большой тенистый сад в тульской деревне Кавелиных – Иваново, выбирал в этом саду для своих мечтаний самые глухие места; там он поверял свое горе сестре, там он рассуждал со своими друзьями – крепостными отца, там он предавался мечтам о возможности лучшего существования»[1]. Дружба с дворовыми и крепостными крестьянами заставила Кавелина еще ребенком задуматься о «неправде» крепостного быта, несправедливости. Корсаков обратил внимание, что еще восьмилетним мальчиком Кавелин сказал крепостному садовнику дер. Иваново: «А ведь Бог не велел одним людям работать на других даром; это противно божеским и человеческим законам»[2].

Служебная карьера отца сильно пошатнулась именно тогда, когда Константин Дмитриевич достиг отроческого возраста, что не могло не сказаться на достатке семьи и на душевном состоянии Дмитрия Александровича. Д. А. Кавелин ограничил теперь круг своего общения родственниками и духовными лицами, в основном монахами. В 1829 г. Д. А. Кавелин вышел в отставку и переехал с семьей в Москву, где и проживал до самой своей смерти. Д. А. Кавелин хотел дать детям православно-религиозное образование, поэтому поручил преподавание всех предметов, кроме новых языков, священнику церкви Черниговских чудотворцев С. И. Терновскому, оказавшемуся на деле не-

---

1 *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. XIV.

2 Там же.

веждой. Немецкому языку К. Д. Кавелина обучал немец Эйзенгардт, а французскому – швейцарец из Женевы Барбе. Однако такие занятия не могли дать молодому Кавелину достаточно знаний для поступления в университет, что прекрасно сознавал и сам мальчик, беспокоясь за результат своего вступительного экзамена. Мальчика в его опасениях поддержали учителя Барбе и Эйзенгардт, которые полюбили своего способного ученика. Они добились, что математику маленькому Кавелину стал преподавать Барбе, а латинский язык – Эйзенгардт. Вскоре священник Терновский был отставлен, а его место занял дьякон церкви Святого Георгия на Всполье Лев Степанович, фамилию которого Кавелин вспомнить не мог, но, несмотря на это, с благодарностью вспоминал уроки этого высокообразованного и красноречивого педагога, который не только дал Кавелину начальное образование, но и способствовал развитию самостоятельности мышления в мальчике. Под влиянием Льва Степановича выдающийся ум Кавелина начинает в эти годы интенсивно развиваться. В отроческие годы Константин Дмитриевич много читает книги русских и иностранных авторов, среди которых сочинения Плутарха, Карамзина, сочинение которого в 1830-х гг. пользовалось огромной популярностью, английского историка и поэта XVIII в. Гольдсмита, французского историка XVIII в. Роллена. Кроме того, юноша внимательно изучает сочинения по математике и естествознанию из библиотеки отца. В 1834 г. с К. Д. Кавелиным начинают заниматься два новых педагога, оказавшие впоследствии решающее влияние не только на его познания, но и на систему взглядов в целом. Среди этих двух учителей были известный в будущем филолог, эллинист и санскритолог, в тот период еще студент Московского университета, К. А. Коссович и знаменитый на всю Россию литературный критик В. Г. Белинский, который в то время только что дебютировал на поприще журналистики в газете «Молва» с талантливой статьей «Литературные мечтания». Белинский преподавал Кавелину русский язык, историю и географию, а Коссович занимался с ним греческим и латинским языками.

Общение с В. Г. Белинским оказало большое влияние на развитие Кавелина и на формирование системы его взглядов. Впоследствии в 1840-х гг. уже Петербурге Кавелин особенно сблизился со своим бывшим учителем. Кавелин посвятил Белинскому несколько статей в своих «Воспоминаниях», с благодарностью признавая влияние неординарной личности Белинского, вместе с тем характеризуя его как «малосведущего» учителя: «Учил меня Белинский плохо, задавал по книжке, выслушивал рассеянно, без дополнений и пояснений и, наконец, предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я юноша умный и с учебником справлюсь сам. Но насколько он был плохой педагог, мало знающий предмет, которому учил, настолько он благотворно действовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам. Мы занимались с ним больше разговорами, в которых не было ничего педагогического в школьном смысле, и я только по счастливой случайности не провалился на экзамене; но эти разговоры оставили во мне гораздо больше, чем детальное и аккуратное знание учебника и руководства… В чем, собственно, состояли наши разговоры, этого я решительно не помню. Удержалось у меня только в памяти, что Белинский издевался над греческим языком, которому учил меня К. А. Коссович (теперь проф<ессор> университета, а тогда студент на выпуске), и над греческими красотами, которыми я тогда восхищался. Вообще отрицательное отношение ко всей окружающей меня действительности – социальной, религиозной и политической, благодаря Белинскому, во мне засело, хотя в очень наивной, неопределенной и мечтательной форме. Белинский подействовал на меня не как политический агитатор, а как мыслящий человек. Оба мы тогда мало знали, и потому от наших разговоров ничего не могло во мне остаться, кроме неопределенных стремлений. Они были и прежде во мне, но теперь благодаря Белинскому путь их был намечен»[1].

---

[1] Воспоминания о Белинском // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. – Стб. 1082–1083.

В августе 1835 г. Кавелин поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, но уже в ноябре перевелся на юридический факультет. Предпочтение юридического факультета было связано с увлечением Кавелина лекциями только что вернувшихся из Германии молодых профессоров философии и энциклопедии права и римского права П. Г. Редкина и Н. И. Крылова, которые оба являлись непосредственными учениками Гегеля, философская система которого завладела умами в Европе, а в России в то время была еще не известна. П. Г. Редкин и Н. И. Крылов были выдающимися русскими правоведами, европейски образованными людьми, оказавшими решающее влияние на образование и научные интересы Кавелина. С особым пиететом Кавелин относился к профессору П. Г. Редкину, к которому, по его словам, он «питал культ». Профессор Редкин способствовал развитию и дальнейшему упорядочению в Кавелине свойственного ему от природы обобщающего, строго логического, но отвлеченного мышления, научив своего даровитого студента научным приемам исследования философских и исторических вопросов. А профессору Н. И. Крылову Кавелин был обязан постижением точного, подлинно научного метода изучения правовых явлений, особенно в столь привлекавшей Кавелина в дальнейшем сфере гражданского права. Однако не только эти выдающиеся профессора-правоведы оказали заметное влияние на становление научного мировоззрения Кавелина. На будущего ученого оказали благотворное влияние еще два молодых профессора, тоже прошедшие обучение заграницей: профессор политической экономии А. И. Чивилев и в дальнейшем знаменитый профессор римской словесности и древностей Д. Л. Крюков. В целом 1830-е гг. стали для Московского университета временем небывалого подъема преподавания на высочайшем уровне. Подъем умственной деятельности в Московском университете оказал благотворное влияние на интеллект и формирующееся мировоззрение такого высокоталантливого студента, каким был Кавелин. В период поступления в Московский университет Кавелина произошли два значимых явления в жизни этого

старейшего русского высшего учебного заведения. Во-первых, попечителем Московского университета был назначен граф С. Г. Строганов, с именем которого был связан лучший период в жизни университета (1835–1847 гг.). Во-вторых, в 1835 г. был введен новый университетский устав, который впервые позволил поставить университетское преподавание на подлинно научную высоту. Во время своего попечительства граф С. Г. Строганов приглашал в Московский университет молодых европейски образованных профессоров, оказывал неоценимое личное влияние на постановку высшего образования в университете. В «строгановский» период Московский университет стал центром умственной жизни не только Москвы, но и всей России. С Московским университетом были тесно связаны только что образовавшиеся тогда литературно-философские кружки, в которых формировались два главных противостоящих друг другу общественно-философских направления, определившие все дальнейшее развитие русской общественной мысли и жизни, – западников и славянофилов. Славянофилы и западники собирались в литературных салонах, ожесточенно спорили. Эта полемика переходила на страницы журналов и газет, о ней говорилось на университетских кафедрах, потому что профессора и приват-доценты тоже разделились на сторонников либо славянофилов, либо западников.

К. Д. Кавелин еще со студенческих лет активно принимал участие в жизни литературно-философских салонов. Он еще со второго курса университета посещал салон Авдотьи Петровны Елагиной (1789–1877) – по первому браку Киреевской, матерью двух братьев Киреевских – Петра Васильевича и Ивана Васильевича, основателей-идеологов славянофильского направления. Кавелин сблизился тогда с обоими братьями Киреевскими, которые были его товарищами по Московскому университету, а в дальнейшем – и с остальными знаменитыми духовными вождями славянофильского направления: А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, Ю. С. Самариным. По мнению Кавелина, славянофильский салон А. П. Елагиной и другие литературные кружки сформировали главные начала рус-

ской общественной мысли: «В последние годы царствования Александра I и в продолжение всего царствования Императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного. За все это продолжительное время под ее глазами составлялись в Москве литературные кружки, сменялись московские литературные направления, задумывались литературные и научные предприятия, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать историю русского литературного и научного движения за это время, не встречаясь на каждом шагу с именем Авдотьи Петровны. В литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения»[1]. Литературному салону А. П. Елагиной, опять-таки по словам самого Кавелина, «он обязан направлением всей своей последующей жизни и лучшими пониманиями». А. П. Елагина была высокообразованной женщиной, получив прекрасное домашнее образование и воспитание, ей довелось с юных лет и до старости жить «в самой образованной среде: вокруг нее в течение долгих лет группировалось несколько поколений русских литераторов, ученых, поэтов, художников, публицистов»[2]. Елагина состояла в родстве с В. А. Жуковским, в ее формирующийся салон были вхожи Н. М. Языков, А. И. Тургенев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Д. А. Валуев. Салон Елагиной стал одним из самых любимых и посещаемых в Москве. Приезжая в Москву, русские и иностранные знаменитости прежде всего посещали салон Елагиной. Славянофильское направление этого салона не мешало постоянно посещать вечера Елагиных–Киреевских людям других взглядов, до тех пор пока литературные «партии» не разделились на два непримиримые направления – сла-

---

1 *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – Стб. 1115.

2 *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. XVII.

вянофилов и западников, что произошло со второй половины 1840-х гг. С А. П. Елагиной, братьями Киреевскими, Д. А. Валуевым Кавелин сохранил теплые дружеские отношения на всю жизнь. Вероятно, близость к основателям славянофильского направления в юности оказала настолько глубокое влияние на формирование мировоззрения Кавелина, что даже впоследствии, присоединившись к западникам, он сохранил достаточную самобытность воззрений, которые не позволяли ему стать истинным западником. Влияние славянофильских идей проявлялись и в последующем творчестве. Наиболее отчетливо влияние славянофильских идей проявлялось в творчестве Кавелина, по крайней мере, дважды. Кавелин вспоминал, что до середины 1840-х гг. считал себя «наполовину» славянофилом. Наиболее славянофильской работой 1840-х гг. является его магистерская диссертация 1844 г. В 1870–1880-х гг. в его творчестве тоже можно выделить следы славянофильских идей[1]. Пожалуй, в поздний период творчества речь идет не о влиянии, а о своеобразном переосмыслении некоторых идей славянофилов. Главное, что разделяло его со славянофилами, это его неприятие воззрений славянофилов на вероисповедание, которые можно назвать сутью их доктрины. Религиозные воззрения Кавелина отличались своеобразием и независимостью. Христианство всегда очень много значило для него, особенно священны для Кавелина были этические христианские принципы, однако к церковно-обрядовым формам Христианства он был равнодушен. Кавелин не только не отрицал решающее значение Православия в формировании Русского государства, а наоборот, не поддерживал западников, которые считали принятие Православия исторической ошибкой, считая его причиной изоляции России от Запада. В главной своей исторической монографии «Мысли и заметки о русской истории»[2] Кавелин признавал Православие государствообразующей религией для Русского государства. Не все принимая в обрядово-церковной

---

1 *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. XVII.

2 *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. – 1866. – Кн. 2.

форме, он видел проблему в том, что русские славяне крайне поверхностно восприняли Православие, не поняв мировоззренческой глубины этого учения и предпочтя лишь обрядовую его сторону: «А между тем, еще не так давно люди высокого образования, извращая вопрос, думали, что Православие, отделив нас от остального образованного европейского мира, задержало наше развитие и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости в культуре от прочих народов. На самом деле оказывается, что мы сильно отстали в культуре от Европы потому, что жизнь Великороссии началась с азбуки, с самой первой ступени оседлого быта, едва ли ранее XII в., при самых неблагоприятных условиях, в каких когда-либо находился другой народ. Не Православие заражено формализмом, а мы восприняли его преимущественно с формальной, внешней, обрядовой стороны, потому что по степени развития были неспособны подняться до внутреннего, духовного содержания Христианства. *И при всем том Православие оказало России неисчислимые услуги. Благодаря ему мы сохранили сознание национального единства и не сделались добычей других христианских народов, опередивших нас в образованности. Православие дало возможность в тиши и уединении сложиться и окрепнуть славянскому зародышу, заброшенному в дебри и пустыни, на край света; оно хранило его и оберегало до тех пор, пока из этого слабого зачатка образовалось могучее политическое тело, которому не страшны стали внешние борьбы и бури. Будь мы с самого начала колонизации римскими католиками или сделайся ими вскоре после водворения на новой почве, мы были бы роковым образом втянуты в круг западноевропейского развития, которое, по крайней мере до сих пор, действовало разлагающим образом на все славянские племена, которых коснулось. Последнего термина этой посылки мы не знаем: он еще впереди.* Не может быть никакого сомнения в том, что славянские племена не могут развиваться, не усвоив себе плодов высшей, европейской культуры; но вопрос вовсе не в этом, а в том, когда, на какой ступени развития они могут принимать в себе европейский элемент, не теряя своей

политической и народной самостоятельности; на это история отвечает очень категорически примером России и прочих славянских государств и народов»[1].

В 1839 г. Кавелин окончил курс в Московском университете кандидатом прав, награжденный золотой медалью за сочинение «О римском владении», тему которого ему предложил профессор Н. И. Крылов. Несмотря на требования родителей, особенно Шарлотты Ивановны, Кавелин не стремился начать служебную карьеру в одном из петербургских министерств как кандидат права, окончивший курс одним из первых по успеваемости. Поэтому до 1842 г. он жил в Москве у родителей, привлеченный столь близкой ему московской университетской средой и литературными кружками. В 1840 г. Кавелин успешно сдал экзамен на магистра гражданского права, все более и более укореняясь в ученой и литературной средах. Продолжая слушать лекции профессоров Редкина и Крылова в Московском университете, Кавелин охотно посещал не только салон А. П. Елагиной, но и другие популярные московские литературно-философские салоны. На его «умственный строй» сильное влияние оказало посещение двух салонов противоположных философских направлений – идеолога западников П. Я. Чаадаева и вождя славянофилов А. С. Хомякова. В обоих литературных салонах Кавелин встречал радушный прием. В салоне западников Кавелин особенно сблизился с профессором Т. Н. Грановским, известным деятелем русской общественной мысли, который с 1839 г. возглавил в Московском университете кафедру всеобщей истории. По воспоминаниям современников, сближение и тесная дружба Кавелина и Грановского основывались на схожести их душевной организации и характеров. Кавелин относился к Грановскому с глубочайшим уважением, доходившим почти до культа. В этот период Кавелин сблизился с генералом М. Ф. Орловым – бывшим декабристом, одним из наиболее образованных людей Александровской эпохи. Кавелин был вхож в дом М. Ф. Орлова, давая уроки его сыну. После сдачи магистерского экзамена Кавелин приступил к рабо-

1 *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Сборник статей. – С. 200–201.

те над магистерской диссертацией «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях». Во время работы над магистерской диссертацией один из ее фрагментов Кавелин прочитал на вечере у А. С. Хомякова. В тот период Грановский продолжает оказывать очень сильное влияние на умственное и душевное развитие Кавелина. Спустя почти 17 лет он в рецензии даст следующую восторженную характеристику Грановскому: «Грановский был одним из самых замечательных и видных деятелей. Он точно был создан для роли, которая выпала ему на долю. Трудно вообразить себе натуру более гармоническую, более сочувственную и обаятельную. Чуждый односторонности и исключительности, Грановский был не столько ученым и педагогом, сколько художником на кафедре. <…> Огромная начитанность, изумительная память, тонкая образованность и вкус, наконец, самая наружность, верно передававшая его лучшие внутренние качества, – все это вместе делало Грановского одним из самых значительных и влиятельных лиц и в университете, и в образованном московском обществе»[1]. Впрочем, в Грановском Кавелина привлекали не только редкие душевные качества и схожесть характеров, но и особое понимание своего времени, когда в России совершался решающий перелом в общественной жизни, когда только еще формировались главные идеологические направления. И Грановский старался вдумчиво изучить каждое направление, не беря необдуманно сторону только одного из них. В Грановском Кавелин впервые увидел мудрое стремление соединить лучшее в западничестве и славянофильском учении: «В то время как большинство талантливых и мыслящих людей вдавались в крайность, Грановский в цветущую пору своей деятельности принадлежал к числу тех очень немногих, которые умели понимать и ценить долю истины, заключающуюся в каждом направлении, в каждой мысли, и потому он оставался связующей нитью между противоположными взглядами, уже в то время начинавшими

---

[1] *Кавелин К. Д.* Т. Н. Грановский // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – СПб., 1899. – Стб. 1075–1076.

зарождаться в московских литературных и ученых кружках. И сильными, и слабыми своими сторонами Грановский полнее, лучше всех других выражал характеристическую черту тогдашнего умственного движения в Москве. То было пробуждение умственной жизни. Существенный и важный смысл его заключается в не определившихся еще стремлениях и предчувствиях; напрасно старались бы мы увидеть в нем развитие и борьбу уже установившихся мнений и взглядов; ни тех, ни других тогда еще не существовало. Тогда совершался такой же перелом в русской мысли, какой вслед затем начался и во внутренней жизни России. Между тем и другим явлением нельзя не заметить тесной органической связи. *Взгляды, появившиеся во время этого литературного и научного движения, представляют первые попытки самостоятельного критического отношения к нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не как твердые результаты науки, а как признаки пробуждения у нас литературных и научных интересов. При этом характере тогдашнего нашего умственного движения натура, подобная Грановскому, должна была играть одну из первенствующих ролей. Его чуткий, исполненный такта ум как будто сознавал, что время формулировать мнения и взгляды для нас еще не приспело, и он как будто медлил решительно стать в ряды которой-либо из враждовавших между собою литературных партий*»[1].

Итак, Кавелина влекла стезя ученого, университетская кафедра, ученая среда. Однако он встречает решительное противодействие со стороны родителей. Отец Кавелина полагал, что занятия наукой, основанной на философии Гегеля, опасно, потому что ведет к вольнодумству. Мать в соответствии с усвоенными светскими представлениями о хорошей карьере потомственного дворянина считала профессорскую карьеру унизительной, недостойной ее сына, подходящую только для разночинца. Поэтому настоятельно требовала от Константина Дмитриевича начать чиновничью службу в одном из петербургских министерств. Отцу Кавелин еще мог сопротивляться,

[1] *Кавелин К. Д.* Т. Н. Грановский. – С. 1076–1077.

но властному и категоричному характеру Шарлотты Ивановны он не смог не подчиниться. И в 1842 г. Константин Дмитриевич с большим сожалением был вынужден покинуть Москву и уехать в Петербург, чтобы поступить на службу в канцелярию Министерства юстиции. Однако канцелярская служба, несмотря на очень удачное ее начало, не привлекала и тяготила Кавелина. Мечтая о возвращении в Москву и возобновлении научной деятельности, Константин Дмитриевич тосковал и лишь в переписке с сестрой Софьей Дмитриевной Корсаковой, женой отставного генерал-майора А. Л. Корсакова, находил необходимое ему сочувствие и поддержку. Духовно близкую среду наиболее просвещенных людей своего времени во время жизни в Петербурге Кавелин находил в литературном кружке тогдашних петербургских западников, идейным вождем которых был его бывший учитель В. Г. Белинский, в то время уже ставший ведущим литературным критиком «Отечественных записок». С 1839 г. «Отечественные записки» редактировались А.А. Краевским и являлись периодическим органом литературного кружка В.Г. Белинского. В салон Белинского входили будущие классики русской литературы, поэты и писатели-реалисты (Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. И. Панаев), а также друг Белинского, известный литературный критик, представитель философско-эстетической критики В. П. Боткин. К кружку примыкали молодые петербургские чиновники, интересовавшиеся литературой и вопросами общественной жизни – Н. Н. Тютчев, М. А. Языков, И. И. Маслов, связанные с Белинским личной дружбой. Наиболее тесные дружеские отношения связали Кавелина с В. Г. Белинским и И. С. Тургеневым. Во время пребывания в Петербурге Кавелин интенсивно работал над своей магистерской диссертацией. Части этой диссертации он пересылал в Москву для опубликования.

В конце 1843 г. Кавелин уехал в Москву, а 24 февраля 1844 г. успешно защитил магистерскую диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» (М., 1844). На публичном диспуте по защите

своей магистерской диссертации Кавелин показал себя многообещающим в будущем талантливым и глубоким ученым-правоведом. Монография, опубликованная на основе магистерской диссертации Кавелина, считается одной из тех работ, в которых наиболее отчетливо проявилось влияние на него славянофильских идей. Сразу после защиты ему предложили в Московском университете место исполняющего должность адъюнкта при кафедре истории русского законодательства, которую в то время возглавлял известный правовед профессор Ф. Л. Морошкин. Кавелин с увлечением начал преподавать в Московском университете, его лекции пользовались большим успехом у студентов. Одним из его студентов был в будущем известный русский историк Б. Н. Чичерин, один из основателей государственной концепции в русской историографии. Чичерин характеризовал лекции Кавелина как «умное, живое, ярко-даровитое преподавание»[1]. Молодой ученый не ограничивался одним чтением лекций, а устраивал для студентов домашние беседы, где открыто говорил со студентами, в большинстве тогда детьми помещиков, о необходимости отмены в России крепостного рабства. В личном общении со студентами Кавелин проявлял большой демократизм и искреннюю доброжелательность, прекрасно умел слушать, не говоря о том, что сам был блестящим рассказчиком. Бывшие студенты Кавелина – академик К. Н. Бестужев-Рюмин и высокопоставленный чиновник Н. П. Колюпанов – спустя многие десятилетия с благодарностью и восхищением вспоминали о лекциях Кавелина. Особенно верно подлинное значение преподавания Кавелина для будущих русских юристов определил Н. П. Колюпанов: «Он был тогда совсем юный профессор, не старее иных студентов, полный сил, вполне преданный науке, разработке которой он положил прочное и самобытное начало. <…>, но его отношения к студентам воспитали целое поколение, деятельность которого продолжается до сих пор и, несомненно, отразится в ближайшем будущем. В то время большинство профессоров (Грановский, Кавелин, Редкин и др.) посвящали

[1] *Чичерин Б. Н.* Москва 40-х годов. – М., 1929. – С. 40.

свои воскресные утра беседам со студентами; в особенности часто и усердно посещались эти беседы у Грановского и Кавелина. <…> Но с Кавелиным студентов сближал прежде всего возраст; кроме того, в свои отношения к ним он вносил столько редкой, искренней и задушевной теплоты, что перед ним все являлись, так сказать, нараспашку, каждый готов был ему открыть свою душу и в ответ получал такое участие, которого он мог бы ожидать от самого преданного друга, как бы ни был мелочен тот случай, который подавал повод к объяснению с Константином Дмитриевичем. Оттого между Кавелиным и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечаток на целую жизнь и установляла между людьми, которых судьба впоследствии рассеивала по всей Русской земле, известное единство стремлений, задач и усилий, направленных к достижению цели, намеченной еще в эпоху подготовления к практической деятельности. Кавелин всячески старался приохотить студентов к серьезным занятиям, не ограничиваясь тупым и беплодным заучиванием лекций ради экзамена и диплома. Каждый раз в начале своей лекции Кавелин указывал очередного студента, который к следующему разу обязан был составить эту лекцию; Кавелин возвращал ее исправленною, или, если она совсем оказывалась негодною, вызывал к себе на дом для объяснения составителя и заставлял переделать. На своих воскресных беседах он указывал тему для разработки, объяснял направление, снабжал источниками. Так он раздал для обработки всю эпоху Петра в виде отдельных монографий. В результате получились две работы, напечатанные в «Современнике», из той эпохи: одна – Афанасьева, а другая – Егунова, положившие начало литературной деятельности обоих. Под ближайшим руководством Кавелина в то же время Ерлыков, которого в особенности поддерживал Кавелин как единственного в то время студента из крестьян, – составил свод губных грамот. Постоянными посетителями бесед Кавелина были Ф. М. Дмитриев, Б. Н. Чичерин, А. М. Унковский и другие, – на них являлись даже студенты других факультетов, так что скромный кабинет едва вмещал массу со-

бравшихся гостей»[1]. Студент Афанасьев, о котором упоминает Колюпанов, стал впоследствии знаменитым фольклористом, исследователем русского народного быта А. Н. Афанасьевым. Многие из участников домашних бесед стали земскими деятелями, участниками того меньшинства губернских комитетов, которое стояло за существенное улучшение положения крестьян, а также вошли в число мировых посредников между крестьянами и помещиками при проведении реформы 1861 г.

В это же время Кавелин сблизился с А. И. Герценом, войдя в его кружок. В кружке Герцена Кавелин испытал влияние популярных учений французских мыслителей-социалистов, прежде всего учения Сен-Симона, Фурье, Леру. Нельзя не признать того большого влияния, которое оказал А. И. Герцен на Кавелина. Он признавался: «Я связан с тобою тою связью, которая не прерывается, даже когда мнения расходятся. А мне кажется, что мы не в целях и основаниях расходимся, а скорее в средствах, которые ведут к целям»[2].

В этот период Кавелин активно публикуется на страницах «Отечественных записок» и «Современника». Его критические и полемические статьи второй половины 1840-х гг. по русской истории и истории русского права принесли ему заслуженную известность не только у русской образованной публики, ученых и писателей, но и среди учащейся университетской молодежи. Кавелин стал одним из самых популярных профессоров Московского университета. Он так видел концепцию своего преподавания истории русского права в 1844–1848 гг.: «В изложении ныне действующих законов Кавелин следовал Своду законов, только сокращая его и делая, где было нужно, краткие исторические обозрения. В истории же русского законодательства – главном предмете его занятий – он раскрывал студентам юридического факультета I курса преимущественно родовые начала русского быта в их историческом развитии. Первый курс (1844–1845) был им доведен до царствования Петра Великого; во втором (1845–1846) он успел представить и крат-

1 Цит. по: *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. XX–XXI.

2 Там же. – С. XXII.

кий очерк законодательства Петра Великого в области государственного права; последний учебный его курс (1847–1848) был преимущественно монографический. Кавелин бóльшую часть лекций посвятил весьма подробному обозрению первоначального быта славян и исследованию происхождения древнейших славянских учреждений, причем пользовался данными из теперешнего быта славянских племен и историческими письменными памятниками их древнейшей истории. В то же время он отделял одну лекцию в неделю для чтения и объяснения студентам древних памятников русского законодательства, начиная с "Русской Правды"»[1]. В журнальных статьях и с университетской кафедры Кавелин пропагандировал новую теорию исторического развития русской гражданственности. Однако эта формирующаяся теория опровергала утверждения славянофилов, выводя начало русского общественного и государственного быта из быта первоначального, патриархального, кровно-родственного, а не из общины, как утверждали славянофилы. Эта теория ведущую роль в русской истории отдавала реформе Петра Великого.

Приведенная концепция курса истории русского права показывает нам всю обширность задачи, поставленной Кавелиным: он намеревался пройти этот курс, с монографической глубиной охватив всю историю русского законодательства и вместе с тем постепенно объяснить значение главных памятников русской юридической практики и мысли. К сожалению, эта титаническая задача, рассчитанная на много лет вперед, не смогла воплотиться в жизнь: в 1848 г. Кавелин был вынужден покинуть Московский университет из-за недоразумения, которое было раздуто до скандала. В 1845 г. Кавелин женился на Антонине Федоровне Корш – сестре известных публицистов Евгения Федоровича и Валериана Федоровича Коршей. А на их старшей сестре, Любови Федоровне, ранее был женат профессор Н. И. Крылов, который имел большое влияние на формирование Кавелина как ученого. У Кавелина с Крыловым возникли семейные недоразумения из-за ставшей известной

[1] *Корсаков Д. А.* Указ. соч. – С. XIX.

информации, что Н. И. Крылов жестоко обращается со своей женой, свояченицей Кавелина, часто беспощадно бьет ее. Из-за этого Л. Ф. Крылова даже была вынуждена покинуть дом мужа. Кавелин горячо вступился за сестру своей жены, что привело к открытому столкновению с Н. И. Крыловым, принявшему гласный, служебный характер распри среди «старых» и «молодых» профессоров. «Молодые» во главе с профессором П. Г. Редкиным поддержали сторону Кавелина, а «старые» – Н. И. Крылова. Распря привела к печальному и нелепому итогу: в 1848 г. службу в Московском университете были вынуждены оставить несколько ведущих молодых профессоров, среди которых были Редкин, Чивилев и Кавелин.

Концепция университетского курса истории русского права в конспективном виде была положена Кавелиным в основание его знаменитой монографии «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), опубликованной им в «Современнике». Эту монографию современники почти сразу назвали целой эпохой в русской историографии, начиная с нее отсчет философского изучения русской истории. Монография «…высказывает необходимость общей, руководящей идеи в разработке русской истории и предлагает стройную теорию развития внутренней, бытовой истории России путем постепенной эволюции личности из первоначального, родственно-семейного быта славяно-русских племен»[1]. Несомненно, что именно монография «Взгляд на юридический быт древней России» вызвала бурную полемику между славянофилами и западниками, очень существенно обострив их отношения. М. П. Погодин в славянофильском журнале «Москва»[2] сразу же высказал серьезные возражения против этой монографии Кавелина. Однако главные возражения последовали от Ю. С. Самарина, тоже опубликованные им в журнале «Москва» под названием «О мнениях “Современника”, исторических и литературных»[3]. Именно этот отклик положил начало много-

[1] Там же. – С. IX.

[2] Москва. – 1847. – Ч. 1–3.

[3] Там же. – Ч. 2.

летнему противостоянию Кавелина и Самарина, который с этого времени стал постоянным оппонентом Кавелина в печати и в личной переписке, что, впрочем, не мешало их личному взаимному уважению и приязни, которые поддерживались также и их совместными выступлениями против крепостного права. По мнению Кавелина, «общежитийный быт» русских славян в Средневековье строился на семейно-родовом начале при явном отсутствии личностного начала в отличие от европейских народов. Самарин полагал главным началом русской истории общинное начало, духовно укрепляемое Церковью. Самарин был убежден, что общинный быт славян был основан не на отсутствии начала личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия[1]. В монографии «Взгляд на юридический быт древней России», вызвавшей так много откликов, Кавелин сформулировал главную идею, ставшую основой всего его дальнейшего творчества: умственное, нравственное, юридическое и политическое развитие личности является основой «общественности» и прогресса[2].

Таким образом, уже в работах 1846–1847 гг. Кавелину удалось сформулировать основы государственного (историко-юридического) направления, или государственной школы в русской историографии. Кавелин был убежден, что «вся русская история – как древняя, так и новая – есть преимущественно государственная… Политический, государственный элемент представляет покуда единственно живую сторону нашей истории, сосредоточивает в себе весь смысл и всю жизнь древней Руси»[3]. Таким образом, основателями государственной школы в русской историографии справедливо считать именно К. Д. Кавелина, а не С. М. Соловьева. Соловьев значительно позднее окончил Московский университет (в 1842 г.) и высказал ряд положений этой школы только в 1846 г. в статье «О родовых отношениях между князьями древней Руси»[4], на которую

1 *Корсаков Д. А.* Указ. соч. Ч. 2. – С. 173.

2 Вестник Европы. – 1866. – Т. 2. – 357.

3 *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 277, 285.

4 Московский ученый и литературный сборник. Т. I. – С. 203–215.

Кавелин впоследствии откликнулся обстоятельной рецензией. Кавелин сформулировал главные положения государственной школы в русской истории уже в своей магистерской диссертации и излагал ее в своих лекциях в Московском университете. Последователем школы государственного быта в дальнейшем стали ученик Кавелина Б. Н. Чичерин, которого считали самым крайним представителем этой теории, и Ф. М. Дмитриев.

Итак, после отставки в Московском университете Кавелин снова вернулся в Петербург, где с 1848 по 1857 г. снова состоял на службе в разных ведомствах. Так сложилось, что вся дальнейшая жизнь Кавелина теперь была связана с Петербургом. В 1848–1850 гг. он занимал должность редактора в городском отделе Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел; в 1850–1853 гг. исполнял обязанности начальника учебного отделения в Штабе военно-учебных заведений под руководством князя Я. И. Ростовцева; в 1853–1857 гг. являлся начальником отделения в канцелярии Комитета министров. С 1848 по 1857 г. круг общения Кавелина значительно расширился благодаря общению с выдающимися людьми в сферах общественно-политической и научно-литературной жизни. Кавелин стал известным в свете и политических кругах, заслужил внимание известной деятельницы 1850–1870-х гг. – великой княгини Елены Павловны, принимавшей деятельное участие в важнейших реформах Императора Александра II, особенно в главной реформе царствования – крестьянской реформе. Единомышленниками и друзьями Кавелина стали братья Милютины – Дмитрий Алексеевич, профессор Академии Генерального штаба, впоследствии военный министр, и Николай Алексеевич, в то время начальник отделения в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. В 1850–1860-х гг. Н. А. Милютин был организатором редакционных комиссий по освобождению крестьян, а также убежденным последователем укрепления царской власти в Царстве Польском. В число близких Кавелину людей входили К. К. Грот, А. П. Заблоцкий-Десятовский, В. А. Арцимович, Ю. Ф. Самарин и Г. Г. Данилович, который спустя годы был назначен вос-

питателем будущего царя Николая II. Все это наиболее значимые имена провозвестников и самых деятельных участников крестьянской реформы царствования Александра II. В этот же период Кавелин познакомился с баронессой Э. Ф. Раден – фрейлиной и впоследствии гофмейстериной двора великой княгини Елены Павловны. Кавелин стал не только известным лично великой княгине, но и завоевал ее внимание и расположение.

В 1853 г. умерла Шарлотта Ивановна – мать Кавелина, и он принял управление имениями в Самарской губернии. С этого времени Кавелин не только продолжал разрабатывать крестьянский вопрос и проблемы особенностей русского общинного землевладения, но и активно занимался улучшением быта крестьян в своих имениях, занимался сельским хозяйством; находясь в Петербурге, он переписывалтся с управляющими имениями.

Во второй половине 1850-х гг. Кавелин находился в центре политического и культурного развития России. Он активно участвовал в подготовке отмены крепостного права. В то время дружеские отношения связывали Кавелина в 1850–1860-х гг. с М. П. Погодиным и М. Н. Катковым. Одновременно Кавелин поддерживал дружеские отношения с Н. Г. Чернышевским (в его романе «Пролог» Кавелин представлен в образе профессора Рязанцева – главного авторитета прогрессистов), Н. А. Добролюбовым, который был домашним учителем его сына Дмитрия; печатал статьи в «Современнике». Продолжались и его товарищеские отношения с А. И. Герценом. Кавелин публиковался в вольной заграничной печати А. И. Герцена и Н. П. Огарева[1]. В 1861 г. Герцен посвятил Кавелину отдельную главу о Р. Оуэне в мемуарной книге «Былое и думы» с эпиграфом, адресованном Константину Дмитриевичу: «Ты все поймешь, ты все оценишь!».

Еще в конце 1840-х гг. Кавелин вошел в число членов Императорского русского географического общества и позднее – Императорского вольного экономического общества, приняв должность постоянного секретаря этого общества. Его работа в Географическом обществе завершилась подго-

[1] Голоса из России // Сборник. Ч. 1. – Лондон, 1856; Ч. 3. – 1857.

товкой с целью отмены крепостного права этнографических и статистических материалов о крестьянском быте. В журнале «Современник» публиковалось его известное исследование, посвященное разбору книги фольклориста А. Терещенко «Быт русского народа»[1], в которой во взглядах Кавелина на изучение этнографического и фольклорного материала русского народа заметно сближение с идеями славянофилов. По вопросам этнографии и фольклора русского народа Кавелин написал ряд и других интересных статей. Цель своей работы в Вольном экономическом обществе Кавелин видел в столь важном для него как для помещика и рачительного сельского хозяина распространении в русской публике начал «рационального сельского хозяйства».

Подготовка крестьянской реформы всецело поглотила Кавелина. Поддерживаемый великой княгиней Еленой Павловной, он общался и во многом сходился во взглядах на «эмансипацию», как тогда называли освобождение крестьян, с различными деятелями реформы. Он использовал свой широкий круг общения с петербургской бюрократией, общественными и литературными деятелями для пропаганды освобождения крестьян. К началу 1850-х гг. Кавелин работал над «Запиской об освобождении крестьян», а в 1855 г. появилась ее окончательная редакция в двух частях. «Записка об освобождении крестьян» Кавелина составила ему политическое имя. Эта работа сыграла большую роль не только в деле крестьянской реформы, но и в личной судьбе Кавелина. Первоначально «Записка об освобождении» распространялась в петербургском обществе в рукописных списках. В ней он горячо отстаивал освобождение помещичьих крестьян с землей, убеждал общество в необходимости уничтожения различных видов крепостного права не только в частном землевладении, но и в государственной сфере. В «Записке» Кавелин исследовал происхождение и сущность крепостного права. В понимании Кавелина крепостное право – это не только беспредельная и часто жестокая власть помещика над крепостным, но это еще и фундамент всей обще-

[1] *Терещенко А.* Быт русского народа. – СПб., 1848.

ственной жизни Московского государства. На этом фундаменте покоилась и современная Кавелину Российская Империя. В «Записке» Кавелин проследил развитие государственного и частного крепостного права от момента его зарождения до времени отмены. Освобождение крестьян от крепостного права мыслилось Кавелиным как закономерный этап в цикле других освобождений от крепостничества сначала дворянства, потом других сословий, начиная с эпохи Петра I. Под освобождением от крепостничества Кавелин также подразумевал все большее укоренение в русском обществе принципов гражданственности, которая постепенно проявляется после освобождения от крепостной зависимости. Мнение Кавелина об освобождении крестьян с землей и выкупе государством крестьянских наделов было высказано им одним из первых. И этот главный принцип стал основой Положения 19 февраля 1861 г.

1857 г. стал знаменательным годом и в деле улучшения положения крестьян, и в жизни самого Кавелина. Этот год ознаменовал наступление в жизни Константина Дмитриевича второго его петербургского периода жизни. С 1857 г. и до 1861 г. Кавелин достиг наивысшей точки своего общественного служения и научной деятельности. Имя Кавелина быстро стало популярно не только в Петербурге, но и во всей России. Кавелин стал популярной личностью у прогрессистов и молодежи.

В 1857 г. сфера деятельности Кавелина стала значительно шире. При содействии великой княгини Елены Павловны Кавелина пригласили на почетную должность преподавателя русской истории и гражданского права наследнику престола, старшему сыну Императора Александра II – Николаю Александровичу (умершему в 1865 г.). Соглашаясь на это высокое назначение, почетное и выгодное, Кавелин думал не о почестях и материальных выгодах, которые следовали из этого назначения. Приблизившись к Императорскому трону, Кавелин думал о той новой возможности общественного служения, которая открывалась перед ним благодаря этой заманчивой для многих должности. Идя в наставники к наследнику, Кавелин четко определил свою позицию: «Я ставил вопрос так: при-

звание мое не только лестно для моего самолюбия, выгодно в материальном отношении, но – что гораздо всего этого важнее – это поприще такое, на котором я служу России и призываюсь к участию в будущих ее судьбах. Чем важнее пост, тем он и ответственнее. А это-то меня и пугает страшно, так что я теперь почти раскаиваюсь, что согласился на это предложение… ибо что мне предстоит? Предубеждения, интриги, при которых нельзя сказать ни того, ни другого, ни третьего. И пойдешь битой дорогой: сначала – маленькая уступка в надежде, что за этим купишь себе право делать великие дела; потом – другая уступка все с той же благородной целью. И так уступка пойдет за уступкой, пока мало-помалу все отдашь и ничего не сделаешь. Останутся выгоды, честь, почет в глазах большинства и горькое разочарование и, вероятно, презрение со стороны людей мыслящих и благонамеренных»[1].

В мае 1857 г. Кавелин, наконец, получил возможность вернуться на университетскую кафедру: он был избран профессором гражданского права, а вскоре и философии права Петербургского университета. Лекции Кавелина вновь стали пользоваться огромным успехом у студентов. Кавелин сблизился с молодыми профессорами Петербургского университета – ярыми противниками научной и педагогической рутины – и с представителями «прогрессистов» в Петербурге и Москве, к которым тогда относили и русских радикалов – Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова из «Современника», и консерватора в дальнейшем М. Н. Каткова из «Русского вестника», и В. Ф. Корша из «Московских ведомостей». С Катковым Кавелин общался в 1856–1859 гг. В Петербургском университете Кавелин одним из первых поднял вопрос о необходимости реформ в университетском образовании. Вместе с критиком А. В. Дружининым, В. П. Безобразовым и под редакцией П. И. Вейнберга Кавелин организовал издание еженедельного политического и литературного журнала «Век», целью которого была пропаганда мирного правового прогресса в государственной жизни

1 *Корсаков Д. А.* К. Д. Кавелин. Материалы для биографии: Из переписки и воспоминаний // Вестник Европы. Кн. 8. – 1886. – С. 547.

и русском обществе. Однако из-за тяжелых обстоятельств личной жизни Кавелин отказался от издания этого журнала.

Теперь благодаря высокому назначению идеи Кавелина об освобождении крестьян могли быть услышаны в различных сферах русского общества и поэтому сразу приобрели немалое влияние. Цесаревич Николай Александрович, его царственный ученик, очень полюбил преподавателя; выдающийся ум Кавелина и высочайшие нравственные качества увидела и по достоинству оценила Императрица Мария Александровна, которая до конца своей жизни сохранила к ученому уважение и доброе расположение. Знаменитая «Записка об освобождении крестьян» попала в руки Императору Александру II и была со вниманием им прочитана и одобрена. Именно в 1857 г. продвижение дела «эмансипации» стало быстро продвигаться благодаря правительственному одобрению. В начале этого года по повелению Александра II был образован особый, еще пока негласный комитет по крестьянскому вопросу, председателем которого лично стал Александр II при ближайшем участии великого князя Константина Николаевича. К концу года царь обнародовал два рескрипта «Об улучшении быта помещичьих крестьян», данных виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову и петербургскому – П. Н. Игнатьеву. Эти первые шаги начинающейся крестьянской реформы восторженно приветствовала прогрессивная журналистика Петербурга и Москвы. Вдохновленный всеобщим воодушевлением, Кавелин написал еще одну «Записку» об освобождении крестьян по поручению великого князя Константина Николаевича, активно сотрудничал в комитете, выступал публично с речами в поддержку правительственных мер по крестьянской реформе. 28 декабря 1857 г. в Москве был устроен литературный обед, наделавший немало шума в русском обществе и приуроченный к выходу Императорских рескриптов по крестьянскому вопросу. Приехав из Петербурга, Кавелин посетил этот литературный обед и произнес великолепную речь, которая тронула всех присутствующих и вызвала единодушное одобрение, закончив ее тостом за здравие Императора Александра II.

Так сложилось, что и этот счастливый период жизни Кавелина продолжался недолго. По проискам высокопоставленных недоброжелателей в придворных кругах, которые придрались к факту публикации извлечения из «Записки об освобождении крестьян» Кавелина в апрельском номере журнала «Современник» 1858 г., Кавелин был отстранен от наставничества цесаревича Николая Александровича. Враги Кавелина при дворе объявили направление этой работы Кавелина вредным и противоречащим правительственным мерам по крестьянскому вопросу. После отставки с должности преподавателя цесаревича Николая Александровича Кавелин отказался не только от предложенной ему пенсии, но и от чина действительного статского советника. Позднее, уже в 1862 г., во время празднования тысячелетия России, он отклонил и свое представление к награде орденом за ученые заслуги. Показательно, что спустя всего несколько лет Положение 19 февраля было обнародовано и осуществлено на тех главных началах, изложенных в «Записке об освобождении крестьян» Кавелина, которые были признаны крамольными в 1858 г. Недоброжелатели Кавелина в администрации Петербургского университета и в Министерстве народного просвещения распустили клеветнические слухи о якобы потворстве Кавелина студенчеству, среди которого уже начинались революционные брожения. Показательно, что идеи Кавелина о необходимости университетской реформы были поддержаны и новым министром народного просвещения графом Путятиным, назначенным в 1861 г., и попечителем петербургского учебного округа генералом Филипсоном. Однако в понимании университетской реформы между Кавелиным и новым министром просвещения пролегал непреодолимый рубикон. Кавелин под реформой университетов понимал академическую свободу университетского преподавания, управления и организацию русского студенчества. Глава Министерства желал видеть в университетах жестко регламентированные высшие учебные заведения. Нововведения графа Путятина привели осенью 1861 г. к сильным студенческим волнениям в Петербургском университете и даже к его

временному закрытию. Не являясь сторонником студенческих волнений в Петербургском университете, Кавелин все же стал протестовать против их полицейско-административного подавления. Кавелин резко критиковал действия графа Путятина и Филипсона в университетском совете, составил на основе выступлений «Записку об университетских волнениях в Петербурге в 1861 году». Эта «Записка» была передана в правительственные круги, попала в руки Александра II. В результате граф Путятин и Филипсон были уволены со своих постов. Но и самому Кавелину пришлось подать в отставку, т. к. дальнейшее его пребывание на кафедре было невозможным.

С одной стороны, 19 февраля 1861 г. осуществилось главное чаяние Кавелина – освобождение крестьян от крепостной зависимости с землей. С другой стороны, в этом году Кавелина постигло огромное несчастье: за несколько дней до Манифеста 19 февраля умер его 14-летний сын Дмитрий, очень талантливый юноша, подававший большие надежды. Личное горе было одной из главных причин отхода Кавелина от дел. В 1863 г. Кавелин открыто порвал с журналом «Современник», редакция которого подвергала насмешкам издаваемый К. Д. Кавелиным и А. В. Дружининым журнал «Век». Кавелин полагал, что монархия может сочетаться с гражданскими свободами, однако он четко разграничивал требование необходимых либеральных свобод с идеологией радикального крыла освободительного движения. Это обстоятельство тоже объясняет его разрыв с «Современником», несколько лет спустя – с другом и былым кумиром А. И. Герценом.

С 1862 г. начинается третий период в жизни Кавелина. Долгие 15 лет, с 1862 по 1877 г., он был не у дел, не занимая никакой официальной должности. Это положение приводило к тому, что такой талантливый ученый и яркий общественный деятель, каков был Кавелин, постепенно забывался, переставал быть значимой личностью для последующих поколений. Все это было связано и с изменением главенствующих идей в публицистике 1860–1870 гг. и настроений русской интеллигенции, и с существенной трансформацией воззрений самого Кавелина.

В начале 1862 г. новый министр народного просвещения А. В. Головин, намереваясь всесторонне изучить устройство университетского образования в Западной Европе ввиду предстоящей реформы в русских университетах, командировал Кавелина, причисленного к Министерству народного просвещения, за границу для исследования организации преподавания в университетах Франции, Германии, Бельгии, Голландии и Швейцарии. Кавелин прожил за границей с января 1862 г. до конца 1864 г. Однако собранный им интересный и полезный материал о положении европейских университетов только частично был использован им в статьях, опубликованных в «Журнале Министерства народного просвещения» (1862–1864) и в «Русском вестнике» (1865). К сожалению, практического применения эти материалы не получили, т. к. проект нового университетского устава был уже готов, с его принятием торопились. И в мае 1863 г., еще до возвращения Кавелина из заграницы, новый устав был принят. Тем не менее, двухлетнее пребывание за границей немного выровняло его душевное состояние после потери сына и стало значимым для него как ученого. Кавелин душевно отдохнул в Германии – стране классических университетов, академической строгой науки и комфортного повседневного быта. Всматриваясь в Россию из Европы, Кавелин смог лучше осознать и понять многие наши внутренние проблемы, во многом изменил свои взгляды. Кавелин был дружески принят в сообществе немецких ученых. В Бонне ему предложили выступить в Профессорском клубе с докладом об освобождении крестьян и его значении для русской жизни. Кавелин выступил на немецком языке с докладом «Краткий взгляд на русскую историю»[1], держа в руках конспект доклада на русском языке. Этот краткий конспект показывает социально-исторический оптимизм Кавелина 1860-х гг., объяснявшийся недавним освобождением крестьян, которое он считал закономерным этапом в ряду постепенно проходящего в России освобождения разных сословий от крепостной зависимости.

[1] *Кавелин К. Д.* Краткий взгляд на русскую историю. – 1863–1864.

В работах 1860-х гг. «Дворянство и освобождение крестьян»[1], «Краткий взгляд на русскую историю», «Мысли и заметки о русской истории» Кавелин высказал основополагающие для своего творчества историко-философские, культурологические и политические идеи: последовательный общественный прогресс, примат личностного начала, политические реформы, коренное различие западноевропейской и русской цивилизаций, строящееся на утверждении, что Россия – это «мужицкое царство», которому необходимо сильное государство. Именно в сильном государстве Кавелин видел спасение от политических и социальных переворотов, которые потрясали Европу.

Пребывание в Европе в течение двух лет существенно повлияло на мировоззрение Кавелина, на его «умственный строй». Непосредственно изучив политическую и научную жизнь Европы, Кавелин отказался от идеализации Европы, воочию видя зачастую псевдопросвещенную и псевдолиберальную европейскую административно-политическую систему. Кавелин понял истинный смысл так называемой политики «цезаризма», идеологом которой был французский император Наполеон III. Этот политический курс пользовался повышенным вниманием и одобрением в странах Западной Европы, оказал немалое влияние на политику Александра II. Задолго до поражения Франции во Франко-прусской войне Кавелин увидел неминуемое падение монархии Наполеона III. Кавелин критикует конституционное устройство европейских государств, указывая, что часто именно упадок конституционных учреждений ведет к цезаризму, подобным политической доктрине Наполеона III: «Развитие конституционных учреждений показывает, что они везде созданы и поддерживались далеко не народами в полном составе всех их элементов, а только богатыми и просвещенными высшими классами, отвоевавшими себе у государей верховную власть именем народа, и что, в конце концов, конституционные порядки послужили на пользу не всем классам и слоям народа,

[1] *Кавелин К. Д.*. Дворянство и освобождение крестьян. – Берлин, 1862.

а только высшим его сословиям. Далее мы видим, что всюду, где существуют и процветают конституционные учреждения, верховная власть только по имени разделена между Государем и народом, на самом же деле она сосредоточена в руках или правительствующих политических сословий, или государей. Наконец, мы везде замечаем, что с разложением и упадком высших сословий, держащих власть в своих руках, конституционные порядки сменяются или худшим видом монархии – цезаризмом, или республикой. Таким образом, конституционная теория, выставляющая на первый план равновесие властей, распределенных между государем и народом, в действительности только возводит в принцип момент борьбы, или начало перехода власти от Государя к высшим сословиям. Прочность конституционных учреждений покоится на самом деле на единстве власти, сосредоточенной или в руках правительствующего слоя общества, или в руках действительно правительствующего Государя»[1].

Находясь за границей, Кавелин переписывался со своими друзьями в России, особенно с баронессой Э. Ф. Раден. Работы Кавелина, созданные и опубликованные за рубежом, показывают его взгляды на главные вопросы русской жизни, сообщают интересные подробности той значимой эпохи – эпохи «искушения» на пути прогрессивного развития, времени осуществления крестьянской реформы, разгара польского восстания 1863 г., широкого распространения радикальных воззрений среди русской молодежи, отчетливого разочарования ходом реформ и вместе с тем времени чаяния новых реформ. В тот период у Кавелина формируется умеренный, абсолютно независимый образ мыслей, основанный на существенном пересмотре прежних взглядов. Это заставило его разойтись со многими прежними единомышленниками, прежде всего А. И. Герценом, решительно дистанцироваться от крайних проявлений радикализма. С другой стороны, Кавелин также решительно отдаляется от государственно-бюрократических сфер. На самостоятельность и независи-

---

[1] *Он же.* Политические призраки. – Берлин, 1878. – С. 11–12.

мость Кавелина в этих высоких сферах часто смотрели как на своего рода сопротивление власти. После освобождения крестьян Кавелин обращался к русскому дворянству, за которым признавал его исторические заслуги перед Россией, с призывом отказаться от своих псевдолиберальных иллюзий и возглавить всесословную земскую хозяйственно-политическую деятельность. Кавелин был убежден, что только этим путем дворянство могло сохранить свое лидирующее общественное положение, иначе оно будет неминуемо вытеснено буржуазией. Кавелин называет консервативное крестьянство залогом политической и общественной силы и стабильности России. Эта мысль будет развита им значительно позднее в монографии «Крестьянский вопрос» (1881). Но уже в 1860-е гг. Кавелин говорит о необходимости упрочения «умственно-нравственного» и экономического благосостояния крестьянских масс и дальнейшего их прогрессивного развития.

В изданной в Лейпциге брошюре «Дворянство и освобождение крестьян» Кавелин высказал ключевую для него идею межсословного компромисса. Кавелин видел в дворянстве класс, который соединял в себе наиболее культурных представителей общества, класс, который должен был нести западную культуру народу, культурно и экономически просвещать народ, особенно крестьянские массы в провинции. Через просвещение народных масс должна была осуществиться административная децентрализация России, которая ослабила бы чиновничий и полицейский произвол на местах. Именно дворянству в сословном представительстве принадлежала ведущая роль в формировании гражданского самоуправления и самодеятельности.

После заграничного путешествия Кавелин отчетливо ощутил коренное различие Западной Европы и России, между общественностью и культурой романо-германской и русской. Он одним из первых понял бесполезность поверхностных заимствований для России с Запада общественно-политических форм и увлечения новейшими достижениями европейской науки. Эти идеи Кавелин развивал в названной выше моно-

графии «Дворянство и освобождение крестьян» и «Мысли и заметки о русской истории». Заграничное путешествие позволило Кавелину осознать более отчетливо, чем раньше, что суть цивилизации всего человечества и в частности русской состоит в постоянном умственном и нравственном развитии отдельных человеческих личностей, которые являются элементами общества. Таким пониманием цивилизации объясняется обращение Кавелина к вопросам психологии и этики. Итогом разработки психологических и этических вопросов стало появление ряда публицистических и сугубо научных работ Кавелина: монографий «Задачи психологии» (1872), «Задачи этики» (1885); статьи «Злобы дня», которую опубликовали уже после смерти автора[1].

Вернувшись в конце 1864 г. из заграницы в Петербург, Кавелин покидает Министерство народного просвещения. В 1865 г. его пригласил в свое ведомство давний друг К. К. Грот, в то время директор Департамента неокладных сборов в Министерстве финансов. Эта служба имела фактически полуофициальный характер, т. к. условием своего поступления на должность Кавелин поставил отказ от преимуществ государственной службы в виде чинов и орденов. Кавелин в Департаменте неокладных сборов исполнял обязанности юрисконсульта и за свой труд получал лишь денежное вознаграждение. В Департаменте неокладных сборов Кавелин служил в течение 20 лет – до конца дней.

В 1860–1870-х гг. среди идей Кавелина встречалось немало таких, которые сближают его со славянофилами, в молодые годы оказавшими на него такое заметное влияние. Наиболее заметно сближение точек зрения Кавелина и славянофилов в крестьянском вопросе и тесно связаных с ним вопросах о русской общине и крестьянском общинном землевладении. Кавелин высказывал мысль, что исторически для России необходима сильная и самостоятельная самодержавная власть, признавал особую роль Православия как особой формы само-

[1] *Кавелин К. Д.* Злобы дня общественной-политической жизни России – Кн. 3, 4.

сознания русских, и основным сословием русского общества считал консервативное крестьянство, обеспеченное землей, крепко держащееся за нее. О предпочтении для русского народа исключительно самодержавной власти Кавелин писал в одной из наиболее острых публицистических книг «Политические призраки»: «С одной стороны, у нас не может выделиться из народа в особую, сплоченную, сильную группу один какой-нибудь привилегированный класс; все подобные общественные формации уже во втором, много в третьем поколении расплываются в России в народной массе и заменяются другими элементами, выступающими на поверхность из всенародства. С другой стороны, по той же причине русский царь есть всесословный и всенародный Государь; его значение и сила покоятся на целом народе, в полном его составе, а не балансируют между разными враждебными и борющимися общественными элементами, опираясь то на тот, то на другой и заимствуя свою силу из внутренней разладицы»[1].

В 1870-х гг. Кавелин очень критически относился к европейской демократии, основанной на индивидуальном начале и личной собственности, в том числе и поземельной. Кавелин видел спасение от социальных потрясений в сохранении крестьянского землевладения, в защите его от обезземеления. Он предостерегал от пролетаризации крестьянства, предлагал не ориентироваться в этом на Европу, где противостояние владеющих классов и обезземеленных и обездоленных масс было исторически предопределено: «Европейцы называют такой общественный склад демократическим, однако он не имеет с тем, что они называют демократией, решительно ничего общего, и от такого смешения под одним названием явлений совершенно разнородных, происходит, главным образом, путаница всех наших понятий. Зерно европейской демократии, состоя из обезземеленных народных масс и городского пролетариата, представляет элемент движения, которое естественно зарождается и поддерживается в массах вследствие материальных лишений. Охранителями общественного строя

[1] *Кавелин К. Д.* Политические призраки. – Берлин, 1878. – С. 18.

и порядка от напора демократии являются в Европе немногочисленные владеющие и зажиточные классы, против которых и борется обиженный и обездоленный простой народ. У нас совершенно наоборот. Владеющий крестьянин есть в целом мире прирожденный охранитель, консерватор. Где крестьяне-землевладельцы составляют, как у нас, почти весь народ, там охранительные элементы покоятся в народных массах, а незаметное меньшинство, высшие слои общества и интеллигенция представляют элементы движения. В России эта микроскопически малая часть народа по своему положению не имеет и не может иметь политического веса»[1].

Кавелин призывал к необходимости постоянного улучшения положения крестьян уже после отмены крепостного права, видя в нем государствообразующее сословие, владеющее землей: «В этом отношении Россия представляет явление, невиданное и небывалое в мире. Основный факт русской общественности – это крестьянство, владеющее землей, в котором все прочие общественные разряды и классы исчезают по своей малочисленности, как песчинки. Перед этим характерным фактом, не имеющим себе подобного, бледнеют все наши прочие особенности и отличия от других народов»[2].

Став в 1853 г. землевладельцем, улучшая быт своих крестьян и земледелие в имениях, Кавелин полюбил деревню, постоянно размышлял о лучших способах устройства крестьянского землевладения. Им создано немало публицистических работ, посвященных русской деревне, сельскому хозяйству в деревне, тому «мужицкому царству», которое и было для него главной сутью, центром Руси. Среди них статьи «Письма из деревни» – о юридических обычаях крестьян Новоузенского уезда Самарской губернии (1860), «Уставная грамота» (1860), «Письмо к самарскому предводителю дворянства Б. П. Обухову» (1862), «Из деревенской записной книжки» (1873), «Письма из медвежьего угла» (1880). Кавелин был убежден, что русское крестьянство «должно иметь огромное влияние на весь наш

[1] Там же. – С. 119.

[2] *Кавелин К. Д.* Политические призраки. – С. 119.

быт, на весь строй нашей общественной и государственной жизни и, следовательно, составляет наш главный национальный интерес <…> Повторяем: преобладающий в России общественный интерес в настоящее время и надолго еще впереди – это устройство крестьян. К этому важнейшему делу должны быть направлены все усилия правительства и общества»[1].

Меры по улучшению положения крестьян должны были, по мнению Кавелина, охватывать все стороны их жизни, т. е. необходимо улучшать не только материальное положение крестьян, но и заниматься их нравственным и умственным развитием. Он писал: «Было бы ошибкой думать, что одно улучшение материальных условий в состоянии поднять умственный и нравственный уровень крестьян, или что одни уроки нравственности и грамотности могут повести их к материальному довольству. Нужно совокупное действие и того, и другого. Если не зажиточность, то, по крайней мере, безбедность есть, конечно, одно из необходимых условий образования и культуры; но одна достаточность и богатство к ним еще не ведут. Это видно на умственном и нравственном состоянии тех слоев нашего же русского общества, которые не имеют причины жаловаться на материальную нужду и лишения. Но точно так же одно умственное и нравственное развитие вопреки довольно распространенному у нас мнению еще не ведет к материальному благосостоянию. В действительности все находится в теснейшей взаимной связи, особливо в быту народных масс, живущих непосредственною жизнью; у них чувство, мысль и материальные факты связаны между собою несравненно теснее, чем у развитых и образованных людей. Вот почему мы убеждены, что улучшение быта крестьян станет у нас возможным лишь с той минуты, когда меры для поднятия их экономического положения, их умственного и нравственного уровня, поведутся дружно, рядом, поддерживая и дополняя друг другу. Без этого ни одна

[1] *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос: Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – Стб. 411; 428.

из них не приведет к предположенной цели и не подвинет крестьянского дела впредь»[1].

Об общинном землевладении и особенностях русской общины Кавелин продолжал размышлять на протяжении всего своего творчества. Точка зрения Кавелина на русскую общину является главным пунктом, в котором он решительно расходился с западниками. Взгляд Кавелина на русскую сельскую общину был очень своеобразен и в течение всей его жизни претерпевал изменения. Однако суть этого вопроса в понимании Кавелина оставалась почти неизменной. Первой работой Кавелина о русской общине была статья 1859 г. «Взгляд на русскую сельскую общину», в которой он привлек внимание русского общества к этому важному явлению русской жизни, но, как оказалось, совершенно не разработанному ни славянофилами, ни западниками: «Община – явление живое, действительное и оттого весьма сложное; она органически связана со всеми сторонами нашей народной жизни, находится под их влиянием и сама на них влияет. Естественно, что каждый смотрит на общину со своей точки зрения, подводит ее под общие свои понятия о народной жизни вообще и нашей в особенности. А кто может похвалиться, что понял ее вполне, проник все тайники ее в прошедшем и настоящем, и с уверенностью может указать хотя главные ее направления в будущем? Оттого каждый видит в русской сельской общине одну какую-нибудь сторону и потому, порицая или защищая ее, относительно прав; не прав же потому, что или вовсе не замечает, или не довольно взвешивает другие стороны того же явления»[2].

В статье «Общинное владение» (1876) Кавелин, рецензируя книгу немецкого ученого Иоганнеса Кейсслера об общинном землевладении, развивает идеи о русском общинном землевладении, высказанные им еще в 1859 г. в статье «Взгляд на русскую сельскую общину». Кавелин говорит о необходимости общинного владения для сохранения распадающейся патриархальной крестьянской семьи: «Теперь мы видим у нас

---

1 *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос. – Стб. 426 – 427.

2 *Он же*. Взгляд на русскую сельскую общину. – М., 1989. – С. 95.

разложение непосредственной крестьянской семьи на ее составные единицы. Начало индивидуальности представляет свои права весьма заметно. В такую минуту особенно важно, чтобы это начало не разнесло и не разрушило того, что составляет прочное основание благосостояния, оседлости, обеспеченности и спокойствия многочисленного сельского населения. Период развития, который оно теперь переживает, очень многозначителен, и если мы пойдем по пути исключительной и безусловной индивидуализации поземельной собственности, то попадем безвозвратно на тот опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и с которого сойти не будет уже потом никакой возможности, без глубоких социальных потрясений. Поэтому-то мы и должны не упразднять, а, напротив, бережно сохранять общинное владение и пронести его неприкосновенным до того времени, когда бóльшая степень культуры, лучшее понимание частных и общественных интересов сделают ограждение его ненужным»[1].

Значение общинного владения Кавелин видел в сохранении землевладения в руках крестьян, подчеркивая, что оно не подходит для развития предприимчивости и развития производства. Правильно устроенное общинное землевладение являлись разумным противовесом предпринимательству, личному интересу, спекуляции: «Общинное землевладение, как можно видеть уже и теперь, не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать вперед промышленность: оно может только обеспечивать существование народных сельских масс с их подростками. Оно не есть поприще для кипучей и широкой промышленной деятельности, но есть почва, на которой может спокойно вырасти и приготовиться к промышленной деятельности многочисленная народная масса, и в то же время место прибежища для тех, которые изнемогают и падают в непрерывной борьбе экономических и промышленных интересов»[2].

---

[1] *Кавелин К. Д.* Общинное владение // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – С. 280–281.

[2] Там же. – С. 281.

В монографии «Крестьянский вопрос» (1881) Кавелин резко отделяет свой взгляд на суть общинного землевладения и от западнического, и от славянофильского: «Прежде всего, отстраним идиллии на славянофильские темы братства и любви, будто бы лежащих в основании общинного землевладения и составляющих характерное отличие русского народа. Общинное землевладение в теперешнем своем виде есть тяжкое ярмо на шее крестьянина, цепь, которая вместе с подушной податью и круговой порукой приковывает его к земле и лишает свободы. Устраним также и фантазии социального свойства, будто общинное владение заключает в себе зародыш права всех и каждого на равный надел землей. Такого химерического права вообще нет и быть не может, и всего менее оно доказывается теперешним общинным землевладением, в котором равенство земельного надела вытекает из равенства налогов, тягостей и служб и подавляет всякую личную свободу и почин отдельного лица. Устраним, наконец, и вздорные толки, будто наше общинное землевладение есть коммунистический институт – пошлость, которую пустили в ход иностранцы, не имеющие ни малейшего понятия о быте русского народа, и которая так охотно повторялась еще недавно в известных великосветских кружках с задней мыслью отменить порядок землевладения, сохраняющий землю за крестьянами, и обратить их в безземельных батраков на манер великобританских, причем подразумевалось, что роль английских лордов и джентри, конечно, выпадет на долю русских помещиков»[1].

Однако эти слова Кавелина вовсе не значили, что он перестал считать общинное владение необходимым. Нет, Кавелин не принимал принудительное общинное владение как наследие крепостных времен, которое при натуральном хозяйстве обеспечивало помещикам сверхдоходы, а крестьян облагало не только работой на барина, но и двойными податями. После отмены крепостного права встал вопрос о предпочтительной форме землевладения для крестьян. Кавелин не поддерживал

[1] *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос. – Стб. 464–465.

западников, которые считали общинное землевладение тормозом на пути гражданского и экономического прогресса. Он говорил, что крестьяне могут добровольно предпочесть общинный способ владения землей личной собственности.

Среди мер улучшения крестьянского землевладения Кавелин указал на неразработанность в Положениях 19 февраля вопроса о возможности перехода крестьян к общинной форме собственности в противоположность дроблению земель в личной поземельной собственности: «В Положениях 19 февраля указаны, как мы сказали выше, многие пути для раздробления общинной земли между домохозяевами в частную личную собственность и ни одного для обращения мелкой крестьянской поземельной собственности в общинную, хотя в некоторых местностях, даже в селениях невеликорусских, сама необходимость часто наталкивает на такого рода превращение земли из частной собственности, раздробленной на мелкие куски, в общинную. Можно, не нарушая ничьих прав и никаких народных привычек, прекратить на будущее время раздробление общинной земли в личную собственность крестьян и выкуп наделов отдельными домохозяевами с выделением их из общинной земли и отменить право бывших государственных крестьян продавать свои наделы, безвозмездно полученные из казенных земель. Вместо того дóлжно поставить правилом, что не отчужденная еще общинная земля, приписанная к селениям, составляет не отчуждаемую и не закладываемую вечную собственность селений, и предоставить последним право приобретать вновь землю на имя сельского общества и выкупать в пользу же общества наделы, приобретенные домохозяевами и купленные у них посторонними лицами в частную личную собственность. Выкуп таких наделов из частной собственности в пользу обществ можно подчинить правилам приобретения недвижимой собственности на общеполезное употребление и поощрить к таким выкупам выдачей из кредитных установлений долгосрочных ссуд с погашением их на банковых правилах. Такими мерами будет, по крайней мере, остановлено дальнейшее распадение

крестьянских земель и положен конец начавшемуся уже переходу их в руки скупщиков»[1].

Кавелин в итоговой работе «Крестьянский вопрос» лишь ставит вопрос об общинном землевладении иначе, подчеркивая, что в обществе господствовало ложное понимание сути этого способа землевладения: «Мы думаем, что в действительности никакого противоречия между успехами земледелия и обеспечением землею народных масс нет, что оно существует только в нашем воображении, возникло из совершенно ошибочной постановки вопроса, вследствие того только, что мы ложно понимаем общинное землевладение. Все почему-то уверены, что оно определяет права крестьян на землю; а между тем, всем известно, что оно возможно на землях, занимаемых сельскими обществами на совершенно различных правах – на собственной и на чужой земле, арендуемой или отведенной в надел крестьянам во владение и в пользование из земель частных и государственных. Стало быть, общинное землевладение установляет не права на землю, а только известный способ владения и пользования ею, и притом не вообще, а только между теми, кто ею владеет сообща»[2].

Кавелин был уверен, что все те отрицательные стороны общинного владения, на которые обычно указывают его противники, на самом деле не имеют ничего общего с сутью общинного владения, а являются лишь следствием отсутствия культуры обработки сельскохозяйственной земли у русских крестьян и нежеланием земских деятелей принимать меры к ее улучшению: «Знаем также, что между крестьянами некоторых селений уже придуманы разные меры для устранения при переделах пашен несправедливого обмена тощей и дурно обработанной земли на хорошо удобренную и возделанную. В некоторых местностях уже возникает мысль о крайнем неудобстве разделения пашни на мелкие полоски и о необходимости разбить ее на более крупные загоны. Отсюда видно, что общинное владение допускает различные спо-

[1] *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос. – Стб. 476–477.

[2] Там же. – Стб. 460.

собы пользования землей и не связано, как многие думают, с теми, которые теперь господствуют между великорусскими и белорусскими крестьянами. Поэтому не общинное землевладение, а крайне низкий уровень сельскохозяйственных сведений и понятий препятствует у крестьян успехам земледелия. Настаивающие на отмене общинного землевладения как главной помехи усовершенствованиям сельского хозяйства в народных массах и указывающие на водворение права личной поземельной крестьянской собственности как на существеннейшее условие для поднятия у нас земледельческой культуры обнаруживают этим незнание и непонимание дела, о котором судят так решительно»[1].

Кавелин полагал, что общинное землевладение тогда только может стать эффективным средством противодействия массовому обезземелению крестьян, когда общинная земля будет признана неприкосновенной собственностью сельских обществ, которая будет передаваться в наследственное владение крестьян без права отчуждать эту землю или закладывать. Закрепление права наследственного владения определенными участками за крестьянскими семьями по числу работников позволит упразднить частый передел земель между разными владельцами и поможет противодействовать чрезмерному раздроблению крестьянских наделов. Обеспечение права наследственного владения земельным участком за крестьянами позволило бы постепенно обучать крестьян приемам улучшения культуры земледелия и внедрять систему взаимного мелкого крестьянского кредитования в сельских обществах: «Соединить для крестьян все выгоды прочного водворения и наследственного владения землею с условиями, благоприятными для развития и усовершенствования земледелия, можно, по нашему крайнему убеждению, лишь признав земли, отведенные в надел крестьянам, *за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельских обществ и предоставляя членам обществ лишь право наследственного владения и пользования этою землею, без права*

[1] *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос. – Стб. 461.

ее закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности[1]. Мы непоколебимо убеждены в том, что только таким устройством землевладения будет обеспечен и упрочен быт земледельческого населения не у нас одних, но и всюду и разрешится вопрос о сельском пролетариате, озабочивающий теперь правительства, владеющие классы и мыслящих людей в целом мире»[2].

В отличие от многих славянофилов Кавелин считал Петра I не возмутителем Руси, не иностранцем на русском престоле, а характерным представителем великорусской расы, а его реформу признавал органичной для русской истории, подготовленной предшествующим ходом русской истории, тем, к чему стремились московские цари. Однако и безусловным поклонником реформы Петра Великого Кавелина никак нельзя было назвать. Именно изучив Петровскую эпоху, Кавелин пришел к выводу о коренном несходстве между Россией и Западной Европой. Он полагал, что Россия должна не бездумно заимствовать идеи Запада, а самобытно претворять их в соответствии со своеобразием ее цивилизации.

В монографии «Мысли и заметки о русской истории» и в других исторических работах Кавелин сформулировал свои взгляды на постепенное формирование у русских славян государственного и гражданского быта из первоначального семейно-родственного быта через постепенную эволюцию личности. Личное начало, наиболее развитое Христианством самим бытом у романо-германских народов, по мнению Кавелина, представляло для всех народов безусловное слагаемое прогресса и цивилизации. Однако господство у славян семейно-родственного быта затрудняло развитие личностного начала. Личность в древней Руси являлась формой, лишенной содержания, не получившей развития. Без влияния извне личностное начало не могло развиться в древней Руси. Реформы Петра Великого способствовали тому, что влияние Западной Европы стало развивать в России личностное на-

[1] Курсив Кавелина.

[2] *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос. – Стб.470.

чало, привнесло содержание в форму личности. По мнению Кавелина, Иван Грозный и Петр I явили собой воплощение двух состояний развития личностного начала на Руси. Иван Грозный представлял, по Кавелину, древнерусское, формальное развитие личности, а Петр Великий – новое европейское, внутреннее развитие личности.

Исходя из теории родового быта, Кавелин выделял разные стадии развития русского общественного быта. Изначально славяно-русские племена, состоявшие из многочисленных разрозненных семейств, управлявшихся старейшинами по возрасту, путем нарождения разрастались в несколько родов, в которых при дальнейшем их разветвлении терялись кровно-родственные связи. Ослабевание кровно-родственных связей привело русских славян к возникновению общин и племенных союзов, образовавшихся по типу кровно-родственного быта. Совещательное вече управляет общинами, старейшины уже избираются на вече. Для защиты общин и племен образуются города. В дальнейшем кровно-родственные связи между общинами все более ослабевают, что ведет к постепенному распаду общин и племенных союзов на семьи, которые враждуют между собой. В это время князья приглашаются на Русь извне, из варяг, для умиротворения внутренних междоусобиц. Именно варяжские князья, по Кавелину, приносят на Русь дружину, основанную на личностном начале. Однако это личное начало очень скоро растворяется в кровно-патриархальных основах славяно-русского быта, поэтому варяги постепенно славянизируются. Князь Ярослав и его сыновья, по мнению Кавелина, представляют собой славян, которые старались создать государственный быт Руси на семейно-родовом начале. Кавелин был убежден, что это был именно юридический быт, потому что государство тогда еще не было развито на Руси. Семья Ярослава по мере разрастания распадается на новые княжеские семьи. Это дальнейшее распадение на семьи княжеского рода, которое наиболее ярко проявляется с XII в., приводит к выделению личностного начала в начале вотчинном, которое было наиболее характерно

для Северо-Восточной Руси. Вотчинное начало в соединении с началом личностным способствовало формированию Русского государства, которое со времен правления Ивана III обрело политические формы. С этого времени государственное начало начинает борьбу с вотчинным и родовым началами. В этом заключалась теория Кавелина о развитии русской государственности из кровно-патриархального быта. Теория Кавелина представляла русскую историю как стройное, органическое, разумное целое исторических событий – всегда самостоятельных даже во время реформ Петра I и в последующие периоды. Русская история, по убеждению Кавелина, представляла постепенное изменение государственных форм, а не их повторение, как на Востоке. В постоянном развитии великорусского племени Кавелин видел его принадлежность к европейским народам, способным к развитию, прогрессу. По мнению Кавелина, только на основе тщательного изучения русской истории русские могут осмыслить свое отношение к Западной Европе, от которой Россия во многом существенно отличается. Кавелин призывал изучать фольклор и современный быт русского крестьянства, сохранившее, по его мнению, в себе те остатки старины и древней Руси, без изучения которых наряду с древнерусскими летописями невозможно изучение быта наших предков. Этнографические исследования Кавелина («Быт русского народа», «Мысли и заметки о русской истории» и др.) способствовали осознанию того, что знакомство с историей великорусского племени позволяет понять общественные и племенные особенности великорусского племени среди других русских племен.

С 1864 г. Кавелин публиковал свои статьи в «Петербургском вестнике», который издавали два близких ему человека: его шурин В. Ф. Корш и коллега по Петербургскому университету М. М. Стасюлевич. Среди других периодических изданий Кавелин постоянно сотрудничал с «Вестником Европы», а также в газете «Неделя» П. В. Гайдебурова, журнале «Северный вестник» В. Ф. Корша, газете «Порядок» и журнале «Русская мысль» М. М. Стасюлевича, газете «Новости»

О. К. Нотовича. Теперь среди главных для Кавелина вопросов, кроме крестьянского, появляются проблемы философии, психологии, этики и даже искусства. Итогом исторических исследований Кавелина стала монография «Мысли и заметки о русской истории», публиковавшаяся на страницах «Вестника Европы». Кавелин и это время продолжал публиковать некоторые работы анонимно за рубежом.

После покушения Д. В. Каракозова в 1866 г. политика реформ постепенно начинает свертываться. Встревоженный политической ситуацией в стране Кавелин по совету своего товарища – военного министра Д. В. Милютина – подает Императору Александру II записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых», в которой указывает на ошибочность правительственных мер, которые еще более ужесточают полицейский и чиновничий произвол. Кавелин писал: «Дух оппозиции и порицания правительства, проявляемый ультраконсерваторами по поводу освобождения крестьян и других реформ, обращается также в пользу нигилизма, ибо он приготовляет умы молодежи к восприятию всякой враждебной правительству и существующему порядку пропаганды»[1].

К 1870-м гг. Кавелин рецензирует немало работ по философии, в частности одним из первых откликнулся на работы В. С. Соловьева. Кавелин исследовал труды русских ученых, посвященных позитивизму и идеализму. Среди работ Кавелина, посвященных развитию философской мысли, необходимо особо остановиться на статье «Мысли и заметки о современных научных направлениях: По поводу диссертации г. Неклюдова “Уголовно-статистические этюды”», которая является достаточно значимой в творчестве Кавелина. Возвратившись из заграницы, Кавелин опубликовал статью, направленную против господствующего не только в публицистике, но и в науке того времени нигилистического подхода к исследованию различных предметов. Нигилизм, по убеждению Кавелина, являлся воплощением полного «безразличия» во взглядах.

[1] *Зайончковский П. А.* Записка К. Д. Кавелина о нигилизме // Исторический архив. Т. V. – М. – Л., 1950. – С. 341.

Нигилизм уничтожил не только идеалистические философские течения, но и опошлил материализм и грозил свести на нет даже этот признанный подход. Критик М. А. Антонович под псевдонимом «Посторонний сатирик» в заметке «Ученые пристрастия», опубликованной в «Современнике», обрушился на воззрения Кавелина, высказанные им в статье «Мысли о современных научных направлениях». Антонович и критики-нигилисты увидели в этой работе Кавелина протест против господствующего настроения и учения.

В начале 1870-х гг. Кавелин привлек внимание научной общественности и критики монографией «Задачи психологии» (1872). Эта работа вызвала острую полемику Кавелина с известным физиологом И. М. Сеченовым и философом-славянофилом Ю. Ф. Самариным. Каждый из оппонентов со своей точки зрения оспаривал идеи Кавелина. Самарин представлял теологический взгляд, Сеченов – естественно-научный. Кавелин в этой работе предстает философом-метафизиком «гегелевского направления с поправками, заимствованными из немецкого философского реализма пятидесятых годов и французской "позитивной философии"»[1].Однако, по мнению современников, Кавелин в этой работе не был эклектиком, т. к. философские идеи предшественников он творчески переработал[2].

М. М. Троицкий, профессор философии Московского университета, высоко оценил работу «Вопросы психологии». Он писал: «Чтобы оценить по достоинству метафизику души Кавелина, следует рассматривать ее в связи с обстоятельствами жизни русского мыслителя пятидесятых годов. Кавелин, очевидно, не удовлетворялся ни немецким идеализмом, господствовавшим в кружках наших славянофилов и западников того времени, ни немецким материализмом школы Фейербаха, распространенным тогда в нашей образованной публике, ни психологией Бенеке, которая играла преобладающую роль в нашей высшей школе тех же лет. Ему хотелось создать свою психологию из материала, представляемого

[1] *Корсаков Д. А.* Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина. – С. XXVIII.

[2] Там же.

теориями этих трех направлений, – психологию, которая бы примирила их и внесла мир в умы русского общества. Исполняя эту задачу, Кавелин, по примеру Бенеке, не страшится признать душу за организм, вырастающий на материальной почве, но отделяется от Бенеке во взгляде на сознательность и произвольность, понимая первую… как операцию, параллельную всем другим психическим операциям, и видя в ней, подобно немецкому идеализму, высшее, сравнительно с материей, хотя и неполное, откровение единого начала, так как полное раскрытие его дается только с произвольностью или свободой, сопровождающей сознание»[1].

Как юрист Кавелин не только в 1860–1870-е гг., но и раньше разрабатывал среди различных проблем различных областей права теорию и практику гражданского права.

Итак, наступил последний этап жизни Кавелина, который охватывает с 1877 по 1885 г. В 1877 г. Кавелин, продолжая исполнять должность в Департаменте неокладных сборов, был избран профессором на кафедру гражданского права в Военно-юридической академии. Наступил последний этап так любимой им преподавательской работы: Кавелин начал читать лекции 3 сентября 1878 г. Он сразу же завоевал доверие и любовь, восторженное отношение своих курсантов-офицеров, как некогда студентов Московского и Петербургского университетов. Преподавание Кавелина в Военно-юридической академии было связано с интенсивной его работой как ученого-правоведа. Константин Дмитриевич сформулировал новую систему в главной для него области правоведения – науке гражданского права, которая была представлена в его книге «Права и обязанности по имуществам и обязательствам»[2]. Эта книга является конспектом его лекций курса гражданского права в Военно-юридической академии. По мнению Кавелина, явления гражданского права нужно исследовать в историческом развитии и в действующих законодательствах. Кавелин

---

[1] Цит. по: *Корсаков Д.* Константин Дмитриевич Кавелин: Очерк жизни и деятельности. – СПб., 1896. – С. 11.

[2] Права и обязанности по имуществам и обязательствам. – СПб., 1879.

выступил против полного игнорирования в русском законодательстве русского обычного права и принудительного подведения всех личных, имущественных и семейных прав под чуждые русскому народу нормы римского права и под комментарии норм римского права, сделанные европейскими, прежде всего немецкими, правоведами-цивилистами. Кавелин самостоятельно определил пределы и содержание гражданского права и ограничил его область правами и обязанностями, проистекающими из имущественных отношений и обязательств. Кавелин критически переосмыслил и источники русского права. Так, он пришел к выводу, что значительная часть I ч. X т. «Свода законов Российской Империи» не относится к области гражданского права. Точнее, права семейные Кавелин относил к области общественного права, и наоборот, хотел ввести в систему гражданского права целый ряд новых разделов, в которых описываются юридические отношения, происходящие из прав по имуществу и обязательствам, но рассеяны по разным другим томам «Свода законов» и обычно входили в состав государственного права, административного, общественного, финансового и других отраслей права. Среди явлений русского обычного права Кавелин тщательно изучал русскую сельскую общину как юридически самостоятельную и оригинальную форму землевладения и тип самобытной общественной организации. По мнению Кавелина, русская сельская община не только не была несовместима с личной поземельной собственностью, но даже и не отменяла индивидуальности, индивидуальной воли членов общины.

В последние годы жизни научно-педагогические заслуги Константина Дмитриевича были оценены Киевским и Казанским университетами и тремя юридическими обществами – петербургским, московским и одесским, которые избрали Кавелина своим почетным членом. В 1882 г. Кавелина избрали президентом Императорского вольного экономического общества, однако уже в 1884 г. был вынужден оставить этот пост.

1877 г. стал поистине «черным» годом для Кавелина: в этом году скоропостижно умерла в 26-летнем возрасте дочь

Константина Дмитриевича, Софья Константиновна, в замужестве Брюллова. Кавелин не просто любил, он боготворил Софью, жил ею. С. К. Брюллова была высокоодаренной натурой. Все окружающие восхищались ее необыкновенным умом, образованностью, талантами, характером. Несмотря на свою короткую жизнь, Софья Константиновна сумела много сделать и на педагогической стезе, и на литературно-научном поприще – она преподавала историю в Василеостровской женской гимназии Петербурга, где заслужила всеобщую любовь и уважение. С. К. Брюллова блестяще участвовала в научных диспутах по историческим проблемам, переписывалась с И. С. Тургеневым, который относился к ней с уважением и интересом, высоко ценил ее отзывы о его литературных произведениях. В 1879 г. Кавелина постиг еще один удар: умерла его жена, Антонина Федоровна, не вынесшая потерю дочери.

Для Константина Дмитриевича наступили страшные годы, полные невыносимых душевных страданий и полного одиночества. По собственным словам Кавелина, он старался «топить жизнь в деятельности», чтобы не сойти с ума от душевных страданий. Константин Дмитриевич старался найти душевное успокоение в труде, занятиях благотворительностью и на кафедре Военно-юридической академии, читая лекции своим благодарным слушателям, очень любившим своего профессора. После кончины Кавелина его бывшие курсанты Военно-юридической академии опубликовали в печати свои воспоминания о любимом профессоре, осознав масштаб дарования Константина Дмитриевича и его необыкновенные душевные качества, передав свое самое уважительное и задушевное отношение к нему.

Последней из научных работ Кавелина была монография «Задачи этики» (1884). Эта книга стала итогом многолетних размышлений Кавелина не только по этическим вопросам, но и всего научного мировоззрения ученого. В центре размышлений Константина Дмитриевича – нравственная личность человека, которую Кавелин считал, по его собственным словам, «живым двигателем» жизни общества и личных

жизней отдельных людей. Книгу «Задачи этики» Константин Дмитриевич посвятил молодому поколению с оптимизмом умудренного жизненным опытом и отвлеченными научными размышлениями человека.

Константин Дмитриевич Кавелин скончался от воспаления легких в Петербурге 3 мая 1885 г. Его похороны состоялись 7 мая. На венке, поднесенном от офицеров-курсантов Военно-юридической академии, были слова: «Учителю права и правды».

Хотелось бы привести слова знаменитого русского адвоката А. Ф. Кони, сказанные им о Кавелине: «3 мая, несмотря на старания лучших врачей и нежный уход близких, одним из благороднейших и глубоко просвещенных русских людей стало меньше. Жизнь, полная труда, безупречная по своей чистоте, богатая по своему влиянию, прекратилась. На краю его могилы сошлись представители разнообразных слоев общества, люди разных положений и, что главное, разных, разделенных десятками лет поколений. И старый, близкий, в свою очередь, к концу "человек сороковых", и бывший петербургский студент начала "шестидесятых годов", и мировой посредник "первого призыва", и военный юрист "восьмидесятых годов", и писатель, и ученый, и художник, и бедняк из Андреевского прихода пришли внушительной процессиею, пестрою по составным частям, единой по чувству, проводить его прах. И в том, что каждый из них, независимо от сознания общей утраты, мог по-своему, лично скорбеть о Кавелине и вспоминать о нем как об учителе, советнике, друге, помощнике – выразилась особенность его незабвенной для знавших его личности»[1].

Валерия Трофимова

[1] *Кони А. Ф.* Памяти Константина Дмитриевича Кавелина // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – СПб., 1899. – С. XIX.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Взгляд на юридический быт древней России

В наше время русская история становится предметом общего любопытства и деятельного изучения. Прежде она была доступна одним избранным, на которых потому и смотрели с каким-то удивлением, переходящим в благоговение. Теперь все образованные люди интересуются русской историей; не только у нас, даже в Европе многие ею занимаются. Объяснять причины этого нового, весьма недавнего явления мы считаем излишним. Россия Петра Великого, Россия Екатерины II, Россия XIX в. объясняют его достаточно. Прибавим, что все некогда обширные и сильные государства, основанные славянами, пали. Одна Россия, государство тоже славянское, создалась так крепко и прочно, что вынесла все внешние и внутренние бури и из каждой выходила как будто с новыми силами. Ее судьба – совсем особенная, исключительная в славянском мире, отчасти истребленном, отчасти порабощенном и угнетенном в прочих его отраслях. Это делает ее явлением совершенно новым, небывалым в истории. Один поверхностный взгляд на быт древней России, еще не заслоненный от неопытного взгляда европейскими формами, совершенно убеждает в этой мысли.

Удивительное дело! На одном материке, разделенные несколькими народами, Европа и Россия прожили много веков,

чуждаясь друг друга, как будто умышленно избегая всякого соприкосновения [1].

Европа о нас ничего не знала и знать не хотела; мы ничего не хотели знать о Европе. Были встречи, но редкие, какие-то официальные, недоверчивые, слишком натянутые, чтобы произвести действительное сближение. Еще и теперь, когда многое переменилось, Европа больше знает какие-нибудь Карибские острова, чем Россию. Есть что-то странное, загадочное в этом факте.

В истории – ни одной черты сходной и много противоположных. В Европе дружинное начало создает феодальные государства; у нас дружинное начало создает удельное государство [2]. Отношение между феодальной и удельной системой – как товарищества к семье. В Европе сословия – у нас нет сословий; в Европе аристократия – у нас нет аристократии; там особенное устройство городов и среднее сословие – у нас одинаковое устройство городов и сел и нет среднего, как нет и других сословий; в Европе рыцарство – у нас нет рыцарства; там Церковь, облеченная светской властью в борьбе с государством, – здесь Церковь, не имеющая никакой светской власти и в мирском отношении зависимая от государства; там множество монашеских орденов – у нас один монашеский орден, и тот основан не в России [3]; в Европе отрицание католицизма, протестантизм – в России не было протестантизма; у нас местничество [4] – Европа ничего не знает о местничестве; там сначала нет общинного быта, потом он создается – здесь сначала быт, потом он падает; там женщины мало-помалу выходят из-под строгой власти мужчин – здесь женщины, сначала почти равные мужчинам, потом ведут жизнь восточных женщин; в России в исходе XVI в. сельские жители прикрепляются к земле – в Европе после основания государств не было такого явления.

Как понятно удивление первого, который заметил это глубокое, совершенное различие! Точно он мог забыть из-за него человеческое единство всех племен и народов! Подвиг Петра мог представиться ему нарушением неотъемлемых

прав народа на самобытность. Нам теперь это и странно, и смешно; но не станем укорять первого за ложный взгляд: соблазн был слишком велик.

С XVIII в. наше отчуждение, холодность к Европе вдруг совершенно исчезают и заменяются тесной связью, глубокой симпатией. Так же ревностно принялись мы отказываться от своего и принимать чужое, европейское, как прежде отказывались от чужого и держались своего. Наших старинных обычаев, природного языка, самого имени мы стали стыдиться. Близорукие видели в этом отступничестве какое-то непростительное легкомыслие, невыполнимое желание переменить свою национальность на чужую. Дальше они ничего не видели. Староверы пятнали его преступлением. В самом деле, то было странное время! То был какой-то безумный фантастический маскарад. Каждый жадно выбирал роль, надевал костюм и простодушно верил, что переродился, принимая обман за действительность. Кто не переоделся – на того смотрели с презрением. Никогда самообольщение не доводило до такой слепоты.

Теперь это время прошло. Мы можем судить его беспристрастно. Оно было вызвано горячим, искренним, но бессознательным стремлением выйти из положения, в котором стало как-то тесно и неловко. Но когда мы стали выходить из этого положения, которого не понимали, в другое, которого тоже не понимали, руководствуясь одним темным чувством, оказалось, что мы чуть-чуть не дети. Мы обнаружили много сил, ума, благородства, много очень хорошего, но в таких юридических формах, как будто мы только что начинали жить.

Что же делали до XVIII в.?

Новейшие исследователи доказывают, что славяне в Европе – исконные жители, переселившиеся сюда по крайней мере не позже германского племени, и нельзя сказать когда – так давно. Но оставим их. Возьмем почти несомненно достоверную историю России с прибытия к нам иноземной дружины с севера в половине IX в. [5]. Что делали мы с половины IX до XVIII в. – целые восемь с половиной веков? Вовсе не жили? Это неправда. Факты противоречат этому. Наша исто-

рия представляет постепенное *изменение* формы, а не *повторение* их; след<овательно>, в ней было развитие, не так, как на востоке, где с самого начала до сих пор все повторяется почти одно и то же, а если по временам и появлялось что-нибудь новое, то замирало или развивалось на европейский почин. В этом смысле мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке. В чем же состояло наше развитие до XVIII в.? Какой смысл его? Какое движущее начало? Вот тайна, до сих пор еще никем не разгаданная! Множество «взглядов на русскую историю» брошено, множество «теорий русской истории» построено [6], а разрешение этих вопросов все-таки не подвинулось ни на шаг вперед. На древнюю русскую историю смотрели с точки зрения истории всех возможных восточных и западных, северных и южных народов, и никто ее не понял, потому что она в самом деле не похожа ни на какую другую историю. Наконец, к теориям и взглядам все охладели и потеряли доверие. В них видели повторение прежних, неудачных попыток. Некоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теория русской истории, другими словами – русская история как наука – невозможна, даже не нужна, даже вредна; что до́лжно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теории и взгляды, одни других несообразнее, страннее, а фактов почти никто не знал. Но ошибка их состояла в том, что, когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и то же.

Большая ошибка! Во-первых, однажды возникший вопрос рано или поздно непременно должен быть разрешен; это его неотъемлемое право. Отложить его разрешение на время можно, иногда до́лжно; не признавать его, отвергать – значит стоять ниже вопроса. Во-вторых, в противоположении фактов теории взгляду скрывается важное заблуждение. Взгляд, теория непременно предполагают фактическое знание предмета. Без последнего невозможны первые. Как строить теорию о предмете, которого мы вовсе не знаем? Но и наоборот, фак-

тическое изучение невозможно без взгляда, без теории. Одно необходимо переходит в другое. Сухое знание всех фактов недостижимо по их бесконечному множеству; сверх того, оно совершенно бесполезно, ибо не дает ровно ничего, в сущности, ни на йоту не прибавляет к нашему знанию. Взгляд, теория определяют важность фактов, придают им жизнь и смысл, мешают запутаться в их бесконечном лабиринте – словом, только с их помощью можно воссоздать историю, как она была.

В доказательство ссылаемся на последнее время нашей историко-литературной деятельности. Те, которые всего больше восставали против взглядов и теорий, уступили непреложному закону мышления и бессознательно строили теории русской истории – правда, не очень удачные – но строили [7]. (Может быть, и *сознательно*; мы, однако, не хотим подозревать их в недобросовестном стремлении ввести монополию в науку русской истории.) Во множестве источники везде и всегда имеют свою безотносительную важность и пользу, но не обогащают историческую литературу, составляя в то же время одно из ее существенных, необходимых условий. Собственно ученое обрабатывание русской истории представляет самую жалкую картину. За исключением весьма немногих статей и исследований, которые можно пересчитать по пальцам – так их немного – все прочее служит блистательным доказательством, как неблагоприятно действует на науку отсутствие всякого направления, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели нужно, чтобы не привести ни к каким результатам. Но все исследования поражают какой-то бесцветностью, бесхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные оставлены в стороне; мелочи поглотили все внимание разыскателей. Между отдельными исследованиями никакого единства, так что из всех их вместе ничего не следует, тогда как они должны бы дополнять и пояснять друг друга. Отсюда – никакого доверия к сочинениям по русской истории. Для всех, кто ею занимается, сделалось общим местом не читать их, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться об исторической литературе. В других

охладел всякий интерес к предмету, чего он сам по себе, без сомнения, не заслуживает.

Итак, чтобы понять тайный смысл нашей истории, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходимы взгляд, теория. Они должны представить русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами. Явления ее должны быть поняты как различные выражения этих начал, необходимо связанные между собою, необходимо вытекающие одно из другого.

I

Где ключ к правильному взгляду на русскую историю?

Ответ простой. Не в возможном отвлеченном мышлении, не в почти бесплодном сравнении с историей других народов, а в нас самих, в нашем внутреннем быте.

Многие не без основания думают, что образ жизни, привычки, понятия крестьян сохранили очень много от древней Руси. Их общественный быт нисколько не похож на общественный быт образованных классов. Посмотрите же, как крестьяне понимают свои отношения между собою и другими. Помещика и всякого начальника они называют *отцом*, себя – его *детьми*. В деревне старшие летами зовут младших *робятами*, *молодками*, младшие старших – *дядями*, *дедами*, *тетками*, *бабками*, равные – *братьями*, *сестрами*. Словом, все отношения между неродственниками сознаются под формами *родства* или под формами, прямо из него вытекающими и необходимо с ним связанного, кровного, возрастом и летами определенного *старшинства* или *меньшинства*. Бесспорно, в устах народа эта терминология с каждым годом или исчезает, или становится более и более бессмысленным звуком. Но заметим, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою в незапамятные времена. Ее источник – прежний взгляд русского человека на свои отношения к другим. Отсюда мы в полном праве заключить, что когда-то эти термины, наверное, не были только фразами, но заключали в себе полный, определенный,

живой смысл, что когда-то все и неродственные отношения действительно определялись у нас по типу родственных, по началам кровного старшинства или меньшинства. А это неизбежно приводит нас к другому заключению, что в древнейшие времена русские славяне имели *исключительно* родственный, на одних кровных началах и отношениях основанный быт; что в эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и потому, когда они проявились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения.

Выражаясь как можно проще, мы скажем, что у русских славян был, следовательно, первоначально один чисто семейный, родственный быт, без всякой примеси; что русско-славянское племя образовалось в древнейшие времена *исключительно* одним путем *нарождения* [8]. Это совершенно согласно и с первыми историческими известиями.

Есть большое вероятие, что точно такой же исключительно семейный, родственный быт имели первоначально и все прочие славяне; но историческая судьба их и наша была неодинакова. Последние в разные времена смешались с другими народами или подпали под их власть. Оттого их исключительно родственный, семейственный быт должен был насильственно прерваться, может быть, слишком рано для их дальнейшего исторического действования и даже для самого их существования.

Другие обстоятельства сопровождали наше развитие. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами и потому не могли придать нашей истории свой национальный характер. Много народов прошло через Русь. Торговый путь и восточные монеты, находимые в России, указывают на беспрестанные сношения с иностранцами. Были и завоевания: авары, хозары, какие-то северные выходцы, кажется норманны, и татары попеременно покоряли русских славян, опустошали их земли и собирали тяжкую дань. Но все эти приязненные и неприязненные столкновения с иноплеменниками не имели и не могли иметь в самой малой степени тех последствий для нашей последующей истории, какие имело в других землях поселение завоевателей у туземцев и смеше-

ние их между собою. Кто знает, как необразованный славянин неохотно поддается чужому влиянию, как он везде и всегда остается при своих нравах и обычаях, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами, тот поймет, что торговые сношения русских славян с иностранцами, как бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько изменить внутреннего, домашнего и общественного быта первых. Несколько слов и названий предметов, им неизвестных, – вот все, что могли им передать чужеземцы. Тем не менее, могли изменить их быт толпы варваров, мгновенно появлявшиеся и мгновенно исчезавшие. Авары никогда не смешивались с русскими славянами и обращались с ними слишком жестоко, чтобы последние когда-либо могли забыть свое различие с ними. Потом авары исчезли до единого. Хозары брали одну дань; тем и ограничивалось их владычество. Татары господствовали над ними издалека. Им нужны были подушная[1] и покорность. Влияние их на наш внутренний быт ограничилось посылкою в Россию сборщиков податей – и то только сначала, – вмешательством в распри удельных князей и несколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить нас к исламу. Впрочем, роль фанатических пропагандистов так мало шла к монголам, равнодушным покровителям всех возможных религий, что они ее скоро оставили, если когда-нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у нас на правах завоевателей: они даже не ставили у нас своих ханов, а сажали русских же князей, которые никогда искренно не держали их стороны, кланялись им, пока было нужно и выгодно, и воспользовались их покровительством, чтобы усилиться и свергнуть их же иго. И монгольское влияние ограничилось несколькими словами, вошедшими в наш словарь; может быть, и даже вероятно, несколькими обычаями, не совсем для нас лестными, каковы *пытка*, *кнут*, *правеж*[2]; но эти

[1] Подати собирались с души. – *В. Т.*

[2] Принуждение к уплате долга, денег, налога, носящее официальный характер. Сопровождалось телесными наказаниями и заключением в земляную тюрьму. – *В. Т.*

обычаи, без всякого сомнения, *заимствованы*, *а не навязаны*, и заимствованы больше вследствие тогдашнего быта Руси, чем вследствие сношений с татарами. И без них они бы, конечно, образовались, только под другими формами и названиями. Одни северные выходцы, варяги, составляют как будто исключение. Сначала они покоряют северно-русских славян и ограничиваются, подобно другим, данью. Но потом, призванные несколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, из призванных властителей становятся завоевателями, покоряют все племена, им еще не подвластные, ставят в их городах своих правителей и основывают обширное, как кажется, феодальное государство. Но… замечательное явление! Тогда как в других землях они надолго придают свой характер быту страны, ими покоренной, у нас, напротив, они скоро подчиняются влиянию туземного элемента и, наконец, совершенно в нем исчезают, завещав нам надолго мысль о государственном единстве всей Русской земли, дружинное начало и систему областного правления. Впрочем, и эти следы северной дружины так переродились на русской почве, так проникнулись национальным элементом, что в них почти невозможно узнать их неславянский первообраз. Не станем здесь исследовать, как и почему это сделалось. Для нас самый факт важен, а он несомненен. А между тем варяги – единственные, принесшие к нам какие-то чуждые элементы. Считаем излишним упоминать о других племенах, как, напр<имер>, финских, которые или исчезли, или вполне подчинились господству или влиянию русско-славянского элемента [9].

Итак, посторонние начала никогда не были насильственно вносимы в жизнь русских славян. Единственные, которым можно бы приписать это, – варяги – утонули и распустились в славянском элементе. Посторонние влияния были – это несомненно. Но они не были вынужденные, извне налагаемые, а естественные, свободно принимаемые. Вряд ли они были сильны; во всяком случае, они не могли нам дать ненационального, искусственного развития. Таким образом, история

вполне предоставила нас одним нашим собственным силам. Это еще более справедливо, если мы вспомним, что мы не сидели на плечах у другого народа, который, будучи просвещеннее нас, мог бы сообщить нам, даже против нашей воли, плоды своей высшей цивилизации [10]. На своей почве мы не имели предшественников, а если и имели, то таких, от которых нам нечего было заимствовать.

Итак, мы жили сами собой, развиваясь из самих себя. Отсюда следует необходимое заключение: если наш быт, исключительно семейственный, родственный, изменялся без решительного постороннего влияния, след<овательно>, свободно, сам собой, то и смысла этих изменений дóлжно искать в началах того же семейственного быта, а не в чем-либо другом; другими словами, наша древняя, внутренняя история была постепенным развитием исключительно кровного, родственного быта.

Но по какому закону он развивался? На это отвечает нам новая история с появления Христианства. Христианство открыло в человеке и глубоко развило в нем внутренний, невидимый, духовный мир. Древнее человечество, подавленное природой, или художественно, но бессознательно с нею уравновешенное, как бы примиренное, или погруженное в одну практическую, государственную деятельность, имело о нем какое-то темное предчувствие, но не знало его. Христианство нашло его и поставило бесконечно высоко над внешним, материальным миром. Последний обречен был ему на служение. Оттого с появления Христианства внутренний мир стремится к неограниченному господству над событиями и действиями. Духовные силы человека, его стремления, надежды, требования, упования, которые прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, Христианством были сильно возбуждены и стали порываться к полному, безусловному осуществлению. Характер истории должен был совершенно измениться.

Когда внутренний духовный мир получил такое господство над внешним материальным миром, тогда и человеческая *личность* должна была получить великое, святое значение,

которого прежде не имела. В древности о человеке, помимо определений каст, сословий, национальностей и гражданства, не имели никакого понятия. Даже древние религии, исключительно местные, национальные брали под свое покровительство только известные племена, известные гражданства; других они знать не хотели или преследовали. Словом, в древности *человек как человек* ничего не значил.

Христианство во имя внутреннего, духовного мира отрицает все видимые, материальные, условные, следовательно, несущественные, ничтожные различия между людьми. Все народы и племена, все касты и сословия, всех – и свободных, и несвободных – оно равно призывает к спасению, всех равно называет по духу чадами Божиими, всем обещает и дает равное участие в благах небесных. Первые христианские общины представляют пеструю смесь разноплеменных и разносословных людей, уравненных и соединенных истиной, жаждой приобщиться к одной небесной, духовной жизни.

Так впервые возникла в Христианстве мысль о бесконечном, безусловном достоинстве *человека и человеческой личности*. Человек – живой сосуд духовного мира и его святыни; если не в действительности, то в возможности он представитель Бога на земле, возлюбленный сын Божий, для которого сам Спаситель мира сошел на землю, пролил святую кровь Свою и умер на кресте. Такой совершенно новый взгляд на человека должен был вывести его из ничтожества, освободить из-под ига природы и внешнего мира, который случайно или давал ему значение, или ставил наравне с бессловесными, ниже их. Из определяемого человек стал определяющим, из раба природы и обстоятельств – господином их. Теперь, через истину, он стал первое и главное [11].

Христианское начало безусловного достоинства человека и личности вместе с Христианством рано или поздно должно было перейти и в мир гражданский. Оттого признание этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитие *человека* сделались лозунгами всей новой истории, главными точками или центрами, около которых она вертится. Правда,

много скорбного встречаем мы на пути, уже пройденном; много скорбного еще предстоит. К благородным, великодушным порывам и стремлениям, к чистым побуждениям нередко примешивались низкие и мелочные страсти, плачевные заблуждения, добровольные и недобровольные ошибки, невежество и бессознательность. Но кто понимает историю, кто умеет читать ее спутанные, часто горькие страницы, для того есть отрада в великой цели и в постепенном, хотя и медленном ее достижении. Так, для всех народов нового христианского мира – одна цель: безусловное признание достоинства человека, лица и всестороннее его развитие. Только все идут к ней разными путями, бесконечно разнообразными, как сама природа и исторические условия народов.

Германские племена, передовые дружины нового мира выступили первые. Их частые, вековые, неприязненные столкновения с Римом, их беспрестанные войны и далекие походы, какое-то внутреннее беспокойство и метание – признаки силы, ищущей пищи и выражения, – рано развили в них глубокое чувство *личности* [12], но под грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Их жестокость к рабам и побежденным была неумолима; их семейные отношения были юридические. Издавна появились у них дружины – добровольные союзы, заключаемые для военной цели между храбрым, славным вождем и людьми, жаждавшими завоеваний и добычи. Начало личности положено в основание этих союзов. Предводитель не был полновластным господином дружины. Она была обязана верно служить ему, но и он обязан был делиться с ней добычей. Нарушение условий разрушало союз. С самого начала все отношения германцев запечатлены этим началом личности и выражаются в строгих юридических формах.

Перейдя на почву, где совершалось развитие Древнего мира, где сохранялись еще живые следы его и уже пронеслась проповедь Евангелия, они почувствовали всю силу Христианства и высшей цивилизации. Долго благоговел варвар-германец перед именем Рима и не смел коснуться добычи, уже никем не защищаемой. Он ревностно принимал новое учение,

которое высоким освящением личности так много говорило его чувству, – и в то же время вбирал в себя римские элементы, наследие Древнего мира. Все это мало-помалу начало смягчать нравы германцев. Но и смешавшись с туземцами почвы, ими завоеванной, приняв Христианство, усвоив себе многое из римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей национальности. Государства, ими основанные, – явление совершенно новое в истории. Они проникнуты *личным* началом, которое принесли с собою германцы. Всюду оно видно; везде оно на первом плане, главное, определяющее. Правда, в новоосновванных государствах оно не имеет того возвышенного, безусловного значения, которое придало ему Христианство. Оно еще подавлено историческими элементами, бессознательно проникнуто эгоизмом и потому выражается в условных, резко обозначенных, часто суровых и жестких формах. Оно создает множество частных союзов в одном и том же государстве. Преследуя самые различные цели, но еще не сознавая их внутреннего, конечного, органического единства, эти союзы живут друг возле друга, разобщенные или в открытой борьбе. Над этим еще не установившимся, разрозненным и враждующим миром царит Церковь, храня в себе высший идеал развития. Но мало-помалу под разнообразными формами, по-видимому, не имеющими между собою ничего общего или даже противоположными, воспитывается *человек*. Из области религии мысль о безусловном его достоинстве постепенно переходит в мир гражданский и начинает в нем осуществляться. Тогда чисто исторические определения, в которых сначала сознавала себя личность, как излишние и ненужные падают и разрушаются, в различных государствах различно. Бесчисленные частные союзы заменяются в них одним общим союзом, цель которого – всестороннее развитие человека, воспитание и поддержание в нем нравственного достоинства. Эта цель еще недавно обозначилась. Достижение ее в будущем. Но мы видим уже начало. Совершение неминуемо.

Русско-славянские племена представляют совершенно иное явление. Спокойные, миролюбивые, они жили постоянно

на своих местах. Начало личности у них не существовало. Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувства особенности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других. Такое чувство рождают в неразвитом человеке беспрестанная война, частые столкновения с чужеземцами, одиночество между ними, опасности странствования. Он привык надеяться и опираться только на самого себя, быть вечно начеку, вечно настороже. Отсюда возникает в нем глубокое сознание своих сил и своей личности. Семейный быт действует противоположно. Здесь человек как-то расплывается; его силы, ничем не сосредоточенные, лишены упругости, энергии и распускаются в море близких, мирных отношений. Здесь человек убаюкивается, предается покою и нравственно дремлет. Он доверчив, слаб и беспечен, как дитя. О глубоком чувстве личности не может быть и речи. Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться под гнетом внешних, природных определений, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говорим, что народ действует, мыслит, чувствует, мы выражаемся отвлеченно: собственно действуют, чувствуют, мыслят единицы, лица, его составляющие. Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа. Этим мы совсем не хотим сказать, что она непременно должна ставить себя в противоположность с другими личностями, враждовать с ними. Мы, напротив, думаем, что последняя цель развития – их глубокое, внутреннее примирение. Но во всяком случае каковы бы ни были ее отношения, она непременно должна существовать и сознавать себя.

Этим определяется закон развития нашего внутреннего быта. Оно должно было состоять в постепенном образовании, появлении начала личности и, след<овательно>, в постепенном отрицании исключительно кровного быта, в котором личность

не могла существовать. Степени развития начала личности и совпадающие с ними степени упадка исключительно родственного быта определяют периоды и эпохи русской истории.

Так, задача истории русско-славянского племени и германских племен была различна. Последним предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам предстояло создать личность. У нас и у них вопрос поставлен так неодинаково, что и сравнение невозможно. После мы увидим, что и мы, и они должны были выйти, и в самом деле вышли, на одну дорогу. Теперь с этой точки зрения бросим беглый взгляд на внутренний быт древней России до Петра Великого.

II[1]

В древнейшие времена часть теперешней европейской России была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главным их занятием. Эти племена состояли из больших и малых поселений, которые в противоположность разрозненной жизни первоначальных германцев представляют наших предков собранными вместе, жившими группами. Вглядываясь в каждое поселение, мы видим, что это – разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живут вместе, на одном корню. Так, все первобытное славянское население России было огромное дерево, спокойно выросшее из одного зерна; поселения и племена – его вековые ветви и отпрыски.

Внутри поселений царствует чисто семейный быт под управлением *старшего* рождением и летами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были как будто его дети и между собой соединены родственными узами и отношениями.

Нам теперь трудно вдуматься в этот быт. Сами не подозревая, мы, когда его представляем, невольно придаем ему

[1] Считаем нужным предупредить читателя, что в этом очерке мы ограничились обзором одного юридического быта.

черты теперешнего человеческого общества, судим о нем по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностью, которой он не знал. Его воздала природа, кровь; она его поддерживала и им управляла. Оттого совершенная юридическая неопределенность – его отличительная черта. Напрасно станем мы искать в нем власти и подчиненности, прав и сословий, собственности и администрации. Человек жил тогда совершенно под определениями природы; мысль еще не освободила его от ее ига.

При всей ограниченности он представляет многие прекрасные черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, как потом; не было еще гибельного различия между *моим* и *твоим* – источника последующих бедствий и пороков; все как члены одной семьи поддерживали, защищали друг друга, и обида, нанесенная одному, касалась всех. Такой быт должен был воспитать в русских славянах семейные добродетели: кроткие, тихие нравы, доверчивость, необыкновенное добродушие и простосердечие. На рабов и чужеземцев они смотрели не с юридической, а с семейной, кровной точки зрения. Оттого было хорошо у славян заезжим чужеземцам и пленным: и на них простирался покров и благословение семейной жизни. Много трогательных обычаев вынесли наши предки из этой первоначальной жизни, обычаев, от которых развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются в простом народе.

Этот древнейший, чисто патриархальный быт не мог быть вечным. Не говорите в грустном раздумье: «Да, потому что все человеческое проходит». Все проходит, но не потому, что вечное круговращение, вечная смена одного другим – смысл и задача жизни. Все проходит потому, что существующее хорошее жизнь ведет еще к лучшему. В смерти – зачатки обновления и воскресения. На младенца, на юношу мы смотрим с внутренней скорбью; мы знаем, что исчезнет то непередаваемое очарование, которым исполнены его неопределенные, невысказанные черты. Но выше этой скорби ставит нас сознание, что весеннее обаяние юности сменится строгой

красотой и полнотой жизни возмужалого возраста. Оно дает нам силы подавить грусть, пристально и холодно взглянуть на юность, и мы в ней самой открываем тогда причины ее несостоятельности. К тому же приводит и история.

В чисто семейном быту наших предков лежали зачатки его будущего разрушения. Он был создан природой, а не мыслью, не сознанием, которое могли бы дать ему твердость, постоянство, а вместе и определенность, ему совершенно неизвестную. Но кровные связи слишком непрочны, чтобы поддержать общественный быт. Племена, заселявшие Россию, большею частью разрозненные, иногда враждующие между собою, тоже произошли от одной семьи, но почти совсем забыли свое единство; от него осталось одно смутное воспоминание. То же предстояло и семейному быту поселений; рано или поздно он должен был поколебаться. Чем дальше расходились линии, тем больше должно было забываться между ними кровное родство. Вдобавок семьи и роды переходили из поселения в поселение, ссорились и отделялись друг от друга. Могли быть и другие причины, приведшие поселения к внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно следить за развитием быта в эти отдаленные времена, от которых дошли до нас скудные, отрывочные известия, когда это так нелегко и в ближайшие эпохи. Мало-помалу внутренняя разрозненность поселений повлекла за собою важные изменения в их быте и устройстве.

Мы видели, что главами поселений были сначала старшие по роду и летам; потому они и назывались старейшинами; по смерти одного место его заступал старший по нем. Но когда народонаселение усилилось, семьи и линии в одном поселении размножились, появилось много старших родом и летами, а кто из них старее, невозможно было определить, – стали *избирать* старейшин.

С первого взгляда это изменение кажется неважным; но оно предполагало существенную перемену в прежнем быте. В нем, в этом изменении, обнаружилось, что поселения внутри себя распались на частные, тоже семейные союзы. Как

прежде племена разъединялись, так и семьи в поселениях. Только условия последнего распадения были не одинаковы с первым. Племена были разбросаны на большом пространстве; им можно было забыть и не знать друг друга. Напротив, в поселениях семьи жили рядом, на небольшом клочке земли; забыть и не знать друг друга они не могли; связи и отношения между ними необходимо было поддерживать, но они не были уже только дружественные. Особенные интересы производили между ними неприязненные столкновения, в поселениях – неустройства и несогласия. Лицо старейшины должно было вырасти, характер его власти изменился. Оставаясь по-прежнему патриархальной, она начинает получать легкий, едва заметный юридический оттенок, как и отношения семей, составляющих поселение. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждает поселения прибегать при несогласиях к их собственному главе – старейшине. Они отдаются на его суд и приговор. Он становится посредником, миротворцем и судьею в поселении, лицом необходимым и еще более важным, чем был прежде.

Возрастающее значение старейшин было признаком возрастающей разрозненности семей. Каждая более и более начинает погружаться в свои особенные интересы, внутри себя жить своей особенной жизнью – точно такой же, какой жило сначала целое поселение. В этих семьях – тот же семейный, родственный быт, связи и кровное единство, такой же старейшина по роду и летам. Общие потребности еще поддерживают связи между семьями. О важнейших делах, которые до всех их касаются, старейшина поселения совещается с их старейшинами. С бóльшим ослаблением единства поселения, которого старейшина был представителем, семьи мало-помалу становятся главными деятелями и власть их общего старейшины ослабевает. Образуются в поселениях общие совещания – *веча* (от «вещать») – такие же неопределенные, юридически неустановленные собрания, как и весь тогдашний быт. То были сходбища семей для общего совещания – праматери теперешних крестьянских сходок, и столько же неправильные.

Мало-помалу семьи привыкают, несмотря на внутреннюю разрозненность, все важные и общие дела делать вместе, поговорив между собою. Поселения становятся *общинами*. Некоторые из них для защиты от внешних врагов строят ограды и получают название *городов*; но внутреннее устройство всех общин по-прежнему совершенно одинаково, ибо та же основа во всех.

Дальнейшее развитие общинного быта состояло в большем и большем его распадении. По мере того как возрастала особенность семей и они вживались в свои особенные интересы, единство общин продолжало ослабевать. Власть из рук общинных старейшин переходит к главам семейств, к старейшинам отдельных, родственных союзов. Наконец, первые исчезают и избираются только в случае войны или опасности. Их место заступают вечевые собрания. Вместо одного главы в общинах появляются многие главы – старейшины над семьями. Неприязненные столкновения между ними, ссоры и вражды – неминуемы. Открываются нескончаемые усобицы, внутренние волнения в общинах. Это-то состояние и описывает летописец словами: «не было у них правды и встал род на род; были у них усобицы, и начали они воевать друг против друга» [13].

Как развивался общинный быт, так в незапамятные времена и в огромных размерах развивался быт племенной. Мы можем судить об этом по разительному сходству племенного устройства с общинным. Общины, принадлежавшие к одному племени, собирались на племенные веча. Были и племенные старейшины – *князья*; но, как в общинах, они не везде удержались.

Когда общинный быт совершенно разрушился и семьи стали действовать независимо, свободно, вся власть перешла к ним. За обиду они удовлетворяли себя сами; спор решался боем или отдавался на суд выборных посредников. Так появились *кровная месть*, *поединки*, *целовальники* [14], или присяжные. Некоторые семьи по богатству, известности, талантам и другим причинам возвысились над прочими; появилось различие между *знатными* и *незнатными*, которое обозначалось

все более и более. Так развивался древнейший общественный быт русских славян – у одних племен скорее, у других медленнее; у одних последовательнее, полнее и резче, чем у других; но главные черты этого развития те же у всех. Оно постепенно вело Россию к большему и большему разъединению. Политическое единство целого русско-славянского племени было уже утрачено; единство внутри племени исчезало. Даже общины вследствие этого развития распадались на свои составные части; процессу разложения не предвиделось конца.

В это время возникает в России новый порядок вещей, принесенный извне.

В половине IX в. на северном краю ее совершилось важное, многознаменательное событие. Несколько племен, истерзанных внутренними смутами, отсутствием порядка и устройства, решились власть над собою отдать чужеземцу – явление не столько загадочное, как кажется с первого взгляда. Кровный быт не может развить общественного духа и гражданских добродетелей. Взаимные зависти мешали племенам решиться на выбор начальника, старейшины, князя из своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самим управляться, лучше хотели подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всех. Особенные, частные причины склонили их выбор на варягов. По призыву союзных племен является в Россию воинственная дружина под предводительством вождей, которых наши предки по-своему называют князьями. О происхождении этой дружины и до сих пор спорят [15]. Несомненным кажется, что преобладающие в ней элементы были германские. Едва перейдя на новую почву, <дружина> начинает воевать направо и налево, покорять окрестные племена и угнетать призвавшие. Под начальством второго своего предводителя, Олега, она оставляет север России и переходит на юг, продолжая дело завоевания и покорения и восполняя свои ряды подвластными племенами; некоторые поддаются ей добровольно. Так длится с лишком 100 лет. Во всех действиях варягов в их новом отечестве проглядывают суровые победители, равнодушные к призвавше-

му и покоренному народу, страстные к войне, жаждавшие добычи. Воинственный дух заставляет их искать новых завоеваний, ведет к стенам Византии, и полуваряг-полуславянин Святослав еще мечтает навсегда поселиться в Болгарии. Где дружине было лучше, там и было ее отечество.

Из русско-славянских племен, волей и неволей покорившихся дружине, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носит на себе неславянский отпечаток; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно из слов летописи, что предводители варяжской дружины сажали своих мужей в покорившихся или покоренных городах [16], – слов, которые, впрочем, подлежат различному толкованию, то это более нежели вероятно из того, что Рогвольд [17] и Тур [18] имели свои наследственные владения; что в договоре Олега и особенно Игоря говорится о состоящих под их рукою светлых князьях в Русской земле, исчисляются их имена, все неславянские, посылаются от них послы вместе с послами Олега и Игоря и выговаривается на их часть контрибуция у греков.

Каковы бы ни были варяги, пришедшие к нам, их значение в русской истории весьма важно. Они принесли с собою первые зачатки гражданственности и политического, государственного единства всей Русской земли. Мы совсем не хотим этим сказать, что без них и то и другое было бы невозможно; мы говорим о фактах, как они были. Со времен варягов появляются в России элементы, ей до того совершенно неизвестные. Она была раздроблена; варяги соединяют ее в одно политическое тело. Первая идея *государства* на нашей почве им принадлежит. Они приносят с собою *дружину* – учреждение не русско-славянское, основанное на начале личности и до того чуждое нашим предкам, что в их языке нет для него даже названия, ибо мы по привычке называем его дружиной; но это слово не вполне соответствует значению германского учреждения, придавая ему какой-то частный, домашний, полусемейный оттенок, какой дружины действительно получили у нас впоследствии, но которого не могли иметь сначала. Варяги приносят с собой право князя *наследо-*

вать после *смерда*-поселянина [19] и *новую систему управления*, неизвестную семейно-общинной доваряжской Руси . Эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противополагает их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных. Наконец, варягам принадлежит начало *вир*, или *денежных плат за преступления* в России [20]; название и числовое сходство с германскими вирами обличают в наших вирах неславянское происхождение.

Не прошло века – и варяги начали терять свою национальность. В Святославе под варяжскими формами уже виден славянин. Частые сношения с варягами, прибытие в Россию новых северных дружинников и выходцев долго поддерживали национальную особенность наших властителей; но в княжение Ярослава варяги сливаются с русскими славянами, перестают от них отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще в летописях о варягах вне Русской земли; о славяно-русских варягах не упоминается более ни слова.

Но вдруг не мог совершенно исчезнуть варяжский элемент; следы его остались. Около двух веков варяги были главными деятелями в нашей истории, основали у нас государство и все это время стояли во главе его; естественно, что их учреждения долго сохраняли печать своего исторического происхождения. Только вместе с варягами и они обрусели впоследствии так, что, не знай мы ничего о варяжской природе, мы бы и не заподозрили, что они нерусские.

При Ярославе Великом [21] исчезли варяги; с его времени начинает преобладать русско-славянский элемент. Перерванная нить нашего национального развития поднимается опять – с той точки, на которой оно остановилось перед пришествием дружины. Но отныне оно не ограничивается одним общинным, частным, домашним бытом: оно обхватывает собою и государственный быт, созданный чужеземцами и вместе с ними подчинившийся влиянию туземного элемента.

Перед прибытием варягов семьи начинали становиться главными деятелями в нашем внутреннем быте. Единство внутри племен и общин падало. Но и семьям предстоял тот же путь. Подобно им, и они должны были размножиться и обратиться, наконец, в многоветвистые роды, а роды – со временем распасться на свои составные части и утратить сознание своего внутреннего, кровного единства. Так и было. В лице потомства Ярослава Великого или, правильнее, Владимира [22] выступает на сцену исторического действования *семья*, разросшаяся потом в целый *род*. Конечно, она не была единственная в тогдашней Руси; были и другие, но их судьбы терялись в массах народа и покрыты мраком. Не то представляет княжеский род Владимиров. Он действует в высшей государственной сфере; он один; он всегда на виду. Обладая Россией, он управляет ее историей. Оттого мы на нем можем подробно изучать постепенное развитие семьи и рода, законы этого развития и необходимый его исход. Весь наш государственный быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка.

Ярослав, князь чисто русский, первый задумал основать государственный быт Руси и утвердил ее политическое единство на *родовом начале*. Такая мысль в его время была естественна. Феодальный порядок не мог укорениться на нашей почве и исчез вместе с варягами. Оставалось построить государство по началам туземным, до которых тогда развился наш древний быт. Таким началом было начало семьи, рода. К нему и прибегнул Ярослав Великий.

Вся Россия должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, член рода, получил свою часть; на каком основании он владел ею – не определено. Старший в роде, ближайший по рождению к родоначальнику, долженствовал быть главным, первым между князьями, *великим*. Ему как старшему подчинены все прочие князья в их действиях и отношениях между собою. Он был представителем единства княжеского рода, главою всех князей и вместе пред-

ставителем политического единства Руси. Его местопребыванием был Киев, резиденция Ярослава и его предков. Открывался период уделов.

Государственная система Ярослава, очевидно, была неполна и слишком неопределенна. Множество вопросов, возникших потом, она оставила неразрешенными. Но не до́лжно забывать, что в его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, как впоследствии, когда оно, утратив жизнь, обратилось в материал для многосложной и утонченной казуистики. Кроме того, основное ее начало было непрочно; рано или поздно она должна была разрушиться сама собою.

Вскоре после смерти Ярослава, когда удельный период только начинался, возникло колебание между территориальным началом и личным, родовым и семейным – колебание, которое окончилось разрушением политического единства России. О том и другом мы скажем особо.

По завещанию Ярослава, все сыновья его (кроме последнего – малолетнего) получили по уделу. Старшему достался Киев, и каждый старший в княжеском роде имел право владеть им. Через это Киев делается старшим, первым между удельными городами древней Руси. Так начало старшинства между князьями переходило и на территорию. Если Киев был уделом старшего, то Переяславль должен был сделаться уделом старшего по нему, ибо он достался второму сыну Ярослава; Чернигов – третьего, потому что он отдан был Ярославом третьему сыну, и т. д. Словом, иерархия кровного старшинства должна была сообщиться земле и породить иерархию территориального, или городового, старшинства. Последняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство России, ибо сама по себе она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, беспрестанно изменяясь со смертью и рождением князей, влекла за собою и территориальное устройство. Сначала, когда великий или другой князь умирал, происходило перемещение всех князей из удела в удел для уравновешения кровного и городового распоряд-

ка. Но равновесие не могло долго продолжаться. Увеличение и уменьшение числа князей его нарушало; это должно было дать перевес началу личному. Появились беспрестанно новые дележи России. Начало территориальное уступило личному. А тогдашнее личное начало в противоположность территориальному не могло упрочить государственной целости России. Его представлял род. Но закон развития рода – распадение, уничтожение единства. Едва успели обозначиться линии – ближайшее потомство родоначальника, как они начали уже забывать свое кровное единство, общее происхождение и стали преследовать свои частные, особенные цели, основываясь на правах их ближайшего предка, а не общего родоначальника. Частный, более тесный кровный союз исключал общий, обнимавший всех членов. Так, *по началу родовому*, которое должно было поддерживать единство России и княжеского рода, после общего родоначальника старшим был его старший сын, потом второй, потом третий и т. д. После этого первого ближайшего потомства родоначальника старшинство переходило к старшему внуку (старшему сыну старшего сына) родоначальника, потом ко второму, потом к сыновьям второго родоначальника по старшинству рождения и т. д. По другому началу, которое мы в отличие от родового будем называть *семейственным*, старший внук родоначальника (старший сын старшего сына), основываясь на ближайших интересах семьи, к которой он принадлежал, и не думая о далеких для него интересах целого рода, старался присвоить себе права, принадлежавшие его отцу, и не обращал внимания на права старшего дяди, основанные на родовом начале. Между обоими этими взаимно исключающими, враждебными началами – *родовым* и *семейственным*, отчинным – рано произошло колебание, которое, по закону распадения кровного быта, должно было окончиться победою последнего над первым, а вместе с тем уничтожить и политическое единство России, основанное на единстве княжеского рода и так неразрывно с ним связанное.

Удивительное зрелище представляет западная, особенно юго-западная Россия в первую половину периода уделов, до

исхода XII в. Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по-прежнему земледельческими и торговыми, из которых многие были многолюдны и уже достигли высокой степени процветания. Вековые предания, семейно-общинное устройство и быт живут в них. Само племенное устройство еще не совсем исчезло; временами ярко оживает о нем воспоминание. Над этим первобытным, патриархальным миром носится другой мир – странное слияние элементов, столько противоположных, варяжского и русско-славянского – мир князей-витязей, в которых течет еще варяжская кровь, мир дружин, еще являющих живые следы своего неславянского происхождения, мир кровавых битв, борьбы и беспокойной деятельности. Княжеский род, выдающийся над Русской землею, представляется оторванным от родимой почвы и не имеющим постоянного места; круг его деятельности очерчен; в нем он вращается; его члены разрознены, переходят с места на место, из одного края в другой, далекий, с нетвердым сознанием своих взаимных кровных отношений. В лице первых князей русско-славянский мир как будто готовится освободить себя от ига природы и дать простор личности ослаблением кровного союза.

Взгляд княжеского рода на Россию – какое-то слияние славяно-русского и варяжского элементов. Мысль о ее единстве, нераздельности как государства странно существует подле мысли, что она – наследственное, вотчинное достояние княжеского рода и, следовательно, делима, как частное имение. На княжеских дружинах – та же печать. Дружинное начало поддерживают в период уделов старый варяжский обычай, воинственный дух князей, их беспрестанные переходы из княжества в княжество, из общины в общину, борьба родового начала с семейственным. Состав дружин – самый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный. Все равно, кто служит, лишь бы служил верно: торк [23], венгр, печенег, славянин – какое дело князю? Но преобладающий элемент в составе дружин должен был быть русско-славянский. Естественно, что в их ряды вступала вся удалая часть туземного населения, пробужденная от покоя патриархальной жизни и

ринутая в тревожную деятельность надеждой добычи и приключений. С другой стороны, семьи и роды, выдававшиеся в общинах над остальными жителями, занимавшие высшее место в общественном быту, должны были, наконец, сгруппироваться около князей – вершин общественной иерархии. И те и другие внесли в чисто личный, договорный характер дружин элементы семейной, патриархальной жизни. Для русского славянина с мыслью о князе необходимо соединялось представление о начальнике рода, племени – таков был круг понятий, в котором он вырос и который он переносил с собою всюду. Оттого, сделавшись дружинником, он становился к князю в отношения полудоговорные. Обрусевший князь, начальник дружины, выросший в патриархальной среде, тоже не мог пребывать в одних чисто личных, договорных отношениях к своей дружине: он был ее начальником и вместе становился ее отцом и братом. Так, князь и его сподвижники начали представлять собою военное учреждение, переложенное на семейные нравы.

Сначала князья, полуправители-полувотчинники, по понятиям народа, преемники прежних племенных и общинных старейшин, жили между собою согласно. Но недолго. Семейственное начало, разлагающее род, рано начало высказываться. Дяди обделяли племянников в пользу своих сыновей, племянники восставали на дядей, сыновья присваивали себе достоинство и владение отцов, на которые предъявляли свои права старшие родичи. Когда таким образом единство княжеского рода, находившее менее поборников, было поколеблено, вопрос о старшинстве между всеми князьями стал спорным, а с ним стало спорным и право владеть Киевом. Начались непрерывные войны, которыми решалась борьба двух враждебных начал – семьи и рода. Их предметом были Киев или уделы. Долго сохранял первый в глазах князей значение политического центра России; долго с его обладанием соединялась мысль о власти над прочими князьями. Но с упадком единства княжеского рода эта власть более и более становилась призраком. Тогда в княжеском роде повторилось то же

явление, которое представляет развитие общин: мало-помалу видимый представитель единства стал простым князем. Члены княжеского рода начали с общего согласия решать дела, которые касались всего княжеского рода и России. Появляются *съезды* князей, которые в истории рода соответствуют вечам в истории общин. Но и съезды не могут поддержать единство распадающегося рода. Они только обнаруживают слабость великих князей и еще раз высказывают начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владимир Мономах и сын его Мстислав Великий [24] стараются воссоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этих князей. Когда их не стало, опять обнаружилась вся ее несостоятельность, еще с большей силой, чем прежде, ибо Владимир Мономах и Мстислав, восстановляя прежнее, сами действовали под влиянием вотчинного начала и в новом устройстве России дали первенство потомству Всеволода [25] над прочими линиями Владимирова княжеского рода – это вызвало ненависть последних, особенно Святославичей [26]. Ожесточенная борьба Ольговичей [27] и Мономаховичей показала, что единство княжеского рода навсегда утрачено.

В продолжение этих неумолкающих битв и частых переходов князей на время оживает сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потом сокрытое от нас варяжским слоем общинное начало. Мы видели, что само в себе оно не имело зачатков жизни и развития. Оно клонилось все более и более к упадку, потому что не было основано на личном начале – первом, необходимом условии всякой гражданственности, а покоилось на начале кровном, которое, отрицая себя, отрицало и древний общинный быт. Но перенесенные в мир бесконечных войн, всегда окруженные опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической деятельности. Эта деятельность вообще слаба, более отрицательна, но, тем не менее, заметна. Часто меняя владения, переходя с места на место, князья не могли иметь одних интересов с общинами. Первые, с малыми исключениями, равнодушно смотрели на

последние. Отсюда – угнетения и насилия со стороны князей и их дружинников. Им были нужны деньги и войско; прочее их мало заботило. За битвой и победой следовал грабеж, опустошение областей побежденного князя. Все это должно было, наконец, нарушить совершенное бездействие общин. Они почувствовали необходимость внутреннего единства, сомкнутости и приняли оборонительное положение. Не способные жить без князя, они, разумеется, желали себе князей, отличавшихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими без насилия, могли в случае нужды защищать их от беспрестанных, разорительных набегов. Истощение и ослабление князей дало общинам возможность осуществлять это желание. Они обладали средствами для войны, они были целью вечных распрей между князьями. Оттого они мало-помалу стали выбирать себе князей, призывать и изгонять их, заключать с ними ряды, или условия. Веча получили тогда большую власть, и звон вечевых колоколов часто раздавался в России. Возвратились опять времена избрания старейшин в лице князей. И точно, в предпочтении известных княжеских династий другим, в отношениях общин к князьям видны глубокие следы исключительно патриархального, доваряжского быта первых.

Особенно развились общины на севере. Между ними первое место занимает *Новгород.*

Те же самые причины, которые возбудили деятельность общин в тогдашней России, благоприятствовали и Новгороду. Но к ним присоединились еще и другие, не менее важные: географическое положение на торговом пути сделало Новгород центром промышленности и торговли и рано развило в нем общинный дух. Оттого новгородцы не ладили со своевольной варяжской дружиной, не терпели ее насилий, и когда она удалилась на юг, может быть, столько же манимая Византией, сколько тревожимая новгородцами, им стало свободнее дышать, чем остальной России: гордое требование князя у Святослава, кровавая месть над варягами при Ярославе [28] доказывают это. Когда настал период уделов, право ставить князя в Новгороде удержалось за князем Киевским. За каждой

сменой последнего следовала смена и Новгородского князя. Так, ни одна княжеская династия не могла в нем окрепнуть и утвердиться. Наконец, внимание борющихся князей отвлечено было на юго-запад России, к Киеву – солнцу периода уделов, последней цели всех честолюбивых стремлений. Новгород остался вне этого движения; его не коснулись опустошительные войны; ему не надобно было несколько раз восставать из развалин, как прочим общинам древней России: с самого начала его общинный быт и сохранился, и поддерживался.

Подобно прочим общинам, Новгород не замедлил воспользоваться возможностью избирать своих князей. Но его положение и исторические обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привилегию и обратить ее в право, которым он почти неограниченно пользовался до самого конца своего политического существования.

На Новгород долго смотрели как на какое-то странное исключение из жизни древней России [29]. Объяснить его старались иноземным влиянием. Теперь, когда старая Русь сделалась известнее, этот исторический предрассудок мало-помалу исчезает. Все внутреннее новгородское устройство говорит против него. В этом устройстве нет ни одной нерусской, неславянской черты. Новгород – община в древнерусском смысле слова, какими были более или менее и все другие общины; только особенные исторические условия дали формам ее резче обозначиться, продлили гораздо долее ее политическое существование. Новгород остался для нас образцом первоначального русско-славянского общинного быта. В его внутреннем устройстве мы открываем ту же неопределенность, то же отсутствие твердой, юридической, на начале личности созданной общественности, которые характеризуют нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгород состоял из множества общин; каждая из них имела в главных чертах одинаковое устройство с целой новгородской общиной. В последней верховная власть находилась в одно и то же время в руках князя и веча. По существу своему противоположные, оба живут рядом, друг возле друга, и ни-

чем не определены их взаимные отношения. Постоянного государственного устройства нет: новый князь – новые условия. Они сходны; но потому, что они – условия, они изобличают отсутствие ясного сознания о государственном быте. Князь избирается Новгородом; он от него зависит и всегда может быть удален из общины, когда им недовольны. Власть его ограничена в частностях, не определена в сущности. История родила к ней недоверие новгородцев: отсутствие государственных идей мешало схватить ее в определенных юридических формах. В свою очередь, и вече представляет совершенно неопределенное народное собрание. Дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно, сообща. Живую картину его и теперь еще представляют крестьянские сходки. Несогласные с толпой подвергались народной мести; их убивали и бросали в Волхов; имущество их предавалось разграблению. Обыкновенно вече бывало одно; но иногда их бывало и два, враждебных между собою. Главные новгородские сановники – посадники [30] и тысяцкие [31] – были когда-то княжеские чиновники, но потом вместе с князем стали выборными. Как во всякой древней русской общине, в Новгороде были бояре и смерды, старшие и младшие. Но какова была новгородская аристократия, мы не знаем; знаем только, что в последнее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношения к другим Новгород сознавал в тех же формах, в каких и князья: он был *господином* и *государем*, с городами считался *братством*. Подобно князьям, он управлял своими областями, которые не принимали участия в его политическом устройстве (исключая, может быть, той части новгородской территории, которая изначала была заселена одним племенем); жителей этих областей называл своими смердами, посылал ими править своих посадников и сбирал с них дань и войско.

Отношения Новгорода к остальной России определялись его характером и историей. Он был на краю России, далеко от театра вечных войн и раздоров. Торговля отвлекла всю его деятельность и внимание за море. Сделав его богатым и силь-

ным, она дала ему возможность быть всегда в оборонительном положении в отношении к князьям, ослабленным междоусобиями, говорить с ними смело и оружием поддерживать слова. Поэтому князья должны были избрать себе другую цель, обратиться в другую сторону. Новгород был как бы торговая волость, забытая и оставленная помещиком: богатая и сильная, потому что оставлена, оставляемая, потому что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имея совершенно разные интересы с остальной Россией, но связанный с ней соседством, языком, верой и преданием, Новгород всячески старался избегать неприязненных с нею столкновений, тонко и искусно лавировал между перекрещивающимися интересами князей, чтобы не вызвать из их среды сильного врага. Покуда князья еще кочевали из города в город, это до некоторой степени было возможно; но когда их переходы кончились и появились княжества, более или менее сильные, в близком соседстве от Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидел он возрастающую опасность. Сначала он все еще действовал уклончиво, потом, теснимый, старался по крайней мере не дать усилиться ни одному из соседних княжеств и держал сторону слабых против сильных. Но когда Московское княжество взяло решительный перевес над всеми другими, последний час Новгорода пробил. Иоанн III только совершил то, что было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

В судьбах Новгорода много странного, особенного. Его существование не прекратилось само собой, но насильственно прервано – жертва сколько идеи, столько же и физического возрастания и сложения Московского государства. Мы не можем о Новгороде сказать, как о древней Руси перед Петром Великим, что он отжил свой век и больше ему ничего не оставалось делать, как исчезнуть. Незадолго перед уничтожением самостоятельности Новгорода в нем обнаружилось какое-то неясное стремление идти по тому же пути, по которому великий преобразователь через два с половиной века повел всю Россию, – удивительное сближение, много говорящее и в пользу переворота, совершенного Петром, и в пользу Новго-

рода. Какой особенный оттенок получила бы реформа древней русской жизни в Новгороде, какие были бы результаты ее на почве, столько различной от московской по истории и общественному быту, мы не знаем и не беремся решить. В лице Новгорода пресекся неразвившийся, особенный способ или вид существования древней Руси, неизвестный прочим ее частям. Одно можно сказать с достоверностью: своим долгим существованием Новгород вполне исчерпал, вполне развил весь исключительно-национальный общинный быт древней Руси. В новгородском устройстве этот быт достиг своего апогея, дальше которого не мог идти. Мы видели, каков он был, этот быт, и как мало было в нем зачатков гражданственности, твердого, прочного государственного устройства.

Тогда как на севере община усиливалась и прибирала власть к своим рукам, в остальной России нарождался новый порядок вещей. Политическая система, основанная Ярославом, шаткость которой обнаружилась с самого начала, привела, наконец, к совершенному уничтожению государственного единства России. Долго еще манил Киев честолюбие князей и собирал их вокруг себя; но в пределах прежней Руси им становилось тесно. Владимир Мономах отдал в удел одному из младших своих сыновей, Георгию Долгорукому [32], отдаленный Суздаль. В этой малолюдной стране суздальский Юрий строит города, перезывает туда жителей, населяет пустыни. Привязанный к Юго-западной Руси – цели всех русских князей, невольный изгнанник в далеком краю, младшем из всех, Долгорукий окружает себя воспоминаниями. Он устраивает свой удел по образцу, с которым не расставалась его мысль; на новую почву он переносит названия окрестностей киевских. Киев был еще для него тем же, чем и для других удельных князей со времен Ярослава; он всячески добивается чести быть великим князем Киевским, мнимою главою прочих князей, мнимою главою России; всю жизнь свою преследует эту цель и, наконец, достигает незадолго до смерти.

Совершенно иначе действует уже сын и преемник его в Суздальской области – Андрей Боголюбский [33]. Он вы-

рос и воспитан далеко от Киева; Киев для него – не то что для его отца, Юрия. На западную и юго-западную Русь он смотрит как на владения. Воспоминания не связывают его с ними; сердце его лежит к Суздальской области. Оттого ему здесь хорошо; он не думает переехать в Киев и сесть на великокняжеский престол. И в самом деле в его глазах, не отуманенных историческими предрассудками, что было киевское великокняжеское достоинство? – пустой титул, не дававший никакой власти. Если Андрей не понимал этого отчетливо, то он так чувствовал; в 1169 г., взяв Киев приступом, он отдал его в управление брату своему Глебу, а сам остался жить во Владимире на Клязьме.

С этого времени все начинает принимать у нас новый вид. Сознание родового единства между князьями давно уже совершенно исчезло, а с ним мало-помалу и последний признак политического единства России. Великого князя в прежнем смысле уже не было, и Киев перестал быть столицей. Распадаясь и разъединяясь более и более, ветви прежде единого княжеского рода перестают, наконец, думать о Киеве, перестают искать великокняжеского достоинства; ближайшие семейные интересы мало-помалу сосредоточивают на себе их внимание. Чем владели отцы и деды, тем хотят теперь владеть и князья, их потомки, не простирая далее своих честолюбивых видов. Они заботятся только об удержании за собою наследственных наделов – не более. Таким образом, княжеские ветви и фамилии получают наконец оседлость. Князья перестают блуждать по лицу всей Русской земли, ища владений и чести, соответствующих месту, которое они занимают в родовой лестнице. Россия распадается на несколько территорий, совершенно отдельных и независимых друг от друга; каждая имеет в главе своей особый княжеский род.

В политической сфере семья одержала верх над родом. Но это первенство не уничтожало родового начала в его основании, а только в явлении. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало определять политический быт разрозненных княжений.

В каждом из них в малом виде повторяется то же, что было сначала в целой Руси. Княжеские роды размножаются; между их членами счет – по родовому старшинству. Старший называется великим, и потому много великих князей в России. Между князьями – распри и междоусобия за старшинство; потом мало-помалу и княжества раздробляются на мельчайшие части. Это должно было дать новый характер князьям. Действуя в ограниченной сфере, они становятся простыми вотчинными владельцами, наследственными господами отцовских имений. Их отношения к владениям – сначала неопределенные, теперь определяются. Области, княжения обращаются в их собственность, которую они делят между своими детьми. Вместе с тем совершенно изменяется прежний полуваряжский-полуславянский характер княжеских дружин. Последние следы их нерусского происхождения исчезают. Пока война и странствования поддерживали воинственный дух князей и их окружающих, отношения князей и дружин были крайне неопределенны. Лицо князя не выдавалось резко. Он все еще был как бы первый между равными. Оседлая, более мирная жизнь должна была изменить эти отношения. Когда князь стал вотчинником, господином в своих владениях, – и дружинники его сделались мало-помалу его слугами. Они отправляют при нем придворные должности. Лицо князя вырастает. По-прежнему слуги лично свободны, переходят от одного князя к другому; но они служат, а князь – господин.

Такая перемена отразилась и во внутреннем устройстве областей. Общинное начало, вызванное на время к политической деятельности, опять сходит со сцены. Веча постепенно теряют государственный характер. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владеющих уделами наследственно, как вотчинами. Самое управление областей получает иное значение. Из неопределенного, каким было сначала, когда князь сажал в области своих сыновей, оно более и более становится домашним, вотчинным. Князю нужно удержать у себя в службе своих слуг; прежде они жили вместе с ним войной и добычей; теперь им нужно содержание, и князь отдает им в *кормление*

области. Слуги-кормленщики [34] управляют ими и получают с них доход. При отсутствии правильной государственной администрации эта система управления падает страшным разорением на области; произвол и корыстолюбие правителей, ничем не обузданные, возрастают до безмерности.

Конечно, не вдруг произошли все эти перемены и не равно последовательно совершались они в разных частях России, но зачатки этого первого порядка вещей уже видны в стремлениях Андрея Боголюбского: Андрей окружен уже не дружиной, а *двором*. Впервые при нем встречаем мы это общее название приближенных князя. Он не терпит в своей области соперников и хочет быть самовластным. Братьев и племянников своих он удаляет из своего княжества. Так в этом замечательном историческом лице впервые воплощается в государственном быте древней России новый тип – тип вотчинника, господина, неограниченного владельца своих имений, тип, который еще определеннее высказывается потом в его брате и преемнике, Всеволоде Георгиевиче, и развивается окончательно в Москве.

Мало-помалу из этого нового взгляда на княжества как на собственность князей, на власть последнего как на власть вотчинного владельца вырабатывается совершенно новый порядок наследования. Пока еще не исчезла мысль о государственном единстве России, а потом княжеств, один князь был непременно главным, первым, и таким был тот, который в роде был старшим. Но эта мысль начала постепенно исчезать, князья стали менее думать о сохранении государственного единства княжеств и делили их между своими детьми как наследство. Начало родовое мало-помалу стало вытесняться началом семейственным, и нисходящие получают перевес перед боковыми родственниками.

В нашей древней государственной жизни это было важным и решительным шагом вперед. Правда, раздробление России пошло тогда быстрее. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ее политическое существование. Но в этом начале разрешилась вся неопределенность, все вопросы, возникшие из Ярославовой политической системы.

Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовом начале, несостоятельно; что государственный и кровный быт – враждебны и один из них непременно должен уступить место другому: взяло верх кровное начало – исчезло государство. По крайней мере, история довела до какого-нибудь положительного, твердого результата. С него можно было идти далее, не оглядываясь назад, вновь приняться за созидание государства уже не по старым началам. Московские князья и сделали это.

В общем ходе развития древней русской жизни упразднение родового начала семейственным, покуда совершившееся в одной политической сфере, еще важнее, еще многозначительнее. До того времени у нас везде, во всем действует род. Он создает племена, общины, удельную систему. Пока не настало время его отрицания, человеку не было возможности выйти из очарованного круга исключительно кровных отношений, ибо род объемист и широк: нет ему границ, нет таких далеких ветвей, которые по родовому началу не могли бы считаться родством. Конечно, личность, ища себе простора, часто порывала сети, которыми ее опутывали кровные отношения. Но выход из них был бессознателен, был нарушением закона, тяготевшего над целою жизнью. Чтобы отрешиться от него, нужно было мужество, которого хватало у иных на время, на один случай, не хватало на всю жизнь. Притом весь быт так был сложен по кровным началам, что о других отношениях, кроме родственных, не было и понятия. Но когда семейное начало взяло верх над родовым и главным стала семья, а не род, родовой союз потерял свою обязательную силу. Непризнание его перестало быть нарушением закона. Семьи стали независимы друг от друга. Их взаимные отношения, уже не определяемые кровными началами, должны были определяться чем-нибудь другим, и в этом еще не высказанном другом лежал зародыш будущих юридических отношений. Граница, предел кровного союза, таким образом, обозначились. Можно было, наконец, указать в жизни на отношения, в которых родство не было обязательно. Важный

шаг вперед в развитии личности, прежде всюду стесненной и подавленной, которой кровные отношения заранее указывали место в общественном быту – низшее перед другими, несмотря на ее достоинства, по необходимости высшее перед прочими; иначе захоти старший быть ниже младшего, позор падал на его голову и на голову его потомков.

Как всегда бывает в истории, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерешительно и развивалось под старыми формами, созданными родовым началом. Вдруг оно не могло от них отрешиться; потому-то в нем мы опять встречаемся с понятием о старшинстве, зависимости младших от старших – этими принадлежностями родового начала. Новое борется со старым его же оружием, им прикрывает себя. По родовому началу, старший брат – отец прочим братьям и своим сыновьям. И те и другие – его дети; но как первый его сын – старший из его детей, то он старше и своих дядей. Так, первенство семьи над родом присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счет сыновей с боковыми удержан, а с тем вместе как будто и родовой союз. Но главное было сделано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно изменило прежние родовые отношения, потом разрушило их.

В то время как политическая жизнь России таким образом мало-помалу изменялась вместе с понятиями князей, последние следы единства исчезали, и на северо-востоке России еще удерживалась одна тень великокняжеского достоинства, важное событие ускорило окончательное падение старого и развитие нового порядка вещей. Мы говорим о монгольском иге. Как буря, оно сокрушило все, что было на поверхности; остались одни зерна, спрятанные в земле. Теперь они стали расти, и им было просторно; ничто им не мешало.

Монголы сделали много зла России: из конца в конец они ее опустошили, и опустошали не раз. Рабские привычки, понятия, наклонности, уловки – хотя и обманчивая, но единственная защита слабого против дикой силы – если не впервые тогда у нас появились, то усилились. Несмотря на это, они играют важную отрицательную роль в нашей истории.

Когда они завоевали Россию, князья не могли уже княжить без их согласия, а должны были ездить в Орду и получали от ханов ярлыки, или утверждение в княжеском достоинстве, если были им угодны. Это повлекло за собою важные изменения в нашем политическом быте. Удельные князья и великий князь остались. Прежде они садились на престол сами собою, большею частью по началам родового старшинства; по крайней мере, оно служило предлогом. Но ханам были чужды родовые расчеты. Какое было им дело до того, который князь имеет лучшее право по народным понятиям? По ним, тот был князь, кто им был угоднее, кто ревностно исполнял их волю, был верным слугой и исправно платил дань. Это были личные качества, не всегда совпадающие с родовыми преимуществами. Так является для прав князей на престол новое мерило, чуждое древней Руси; оно противопоставляется прежнему родовому и разрушает его. Одно не лучше другого. Зато исчезает старое, отжившее, которое мешало идти вперед; татарское вслед за ним исчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великого князя и тем воссоздало видимый центр политического единства Руси [35]. В северо-восточной ее половине, как прежде в юго-западной, и по тем же причинам, великокняжеское достоинство перед монгольским игом стало пустым титулом; оно не давало уже никакой власти над прочими князьями. Теперь великий князь – орган и орудие ханской воли. Он действует, распоряжается князьями во имя хана. Неповиновение ему – неповиновение ханской воле, за которым следовало лишение княжеского сана, самая смерть. К услугам великого князя, ханского слуги – монгольские отряды против ослушников. Странное явление! Монголы разрушают удельную систему в самом основании, воссоздают политическое единство – словом, действуют в наших интересах, сами того не подозревая!

Но, как мы видели, они действовали отрицательно. Положительно воспользовались всеми выгодами монгольского ига даровитые, умные, смышленые князья Московские.

Около века после наложения на нас монгольского ярма Московскому князю, Иоанну Даниловичу Калите [36], внуку Александра Невского, удалось добиться великокняжеского достоинства. Он был один из самых небогатых и несильных князей: только восемь городов ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство.

Иоанн Калита был в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность. В нем вполне высказался этот новый тип власти, сменивший прежнюю. Озабоченный одною целью умножить свои вотчины и оставить большое наследство детям, Иоанн действовал очень искусно и пользовался всем, чем может. Обязанность собирать ордынскую дань в это время лежала на великом князе. Это представило Иоанну удобный случай обогатиться; он накупил много волостей и городов на Руси, собрал большую казну и в завещании все свои имения разделил между женой и детьми.

Когда он умер, несколько князей искали великокняжеского достоинства все еще на основании родового старшинства; но в глазах ханов права Симеона [37], сына Иоаннова, были лучше, действительнее. Его отец служил верой и правдой; сам он имел много денег и мог в Орде дарить больше, нежели его соперники: лесть и золото доставили ему то, чего бы он никогда не добился другими путями.

Вот каковы были первые зачатки будущего Московского государства, обнявшего всю Россию! Оно создается по новым началам. Московские князья, прежде всего, неограниченные, наследственные господа над своими вотчинами; прежде всего, они заботятся о том, чтобы умножить число своих имений. Лучшим средством для этой цели было великокняжеское достоинство – и они стараются удержать его за собою. Единственным средством для удержания великокняжеского достоинства была милость, благоволение ханов – и они ничего не щадят, чтобы им нравиться. Как великие князья они – главные, первые между всеми русскими князьями; но они знают, что само по себе первенство – звук, не имеющий смысла; что

только действительная сила может дать ему значение, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительством ханов, авторитетом их власти и опираясь на свою собственную силу, московские великие князья угнетают князей, правдой или неправдой отнимают у них владения, вмешиваются в их распри, становятся их судьями и собирают в их владениях ордынский выход [38].

Так действовали все Московские великие князья. Быстро продвигались они к своей цели, быстро обращалась Россия в их наследственную вотчину. Каждый великий князь передавал свое достоинство старшему сыну. Чем далее, тем они становились самостоятельнее. Опираясь на собственное могущество, они начали решительно господствовать над удельными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для них более ненужное. К этому времени она уже ослабела. В ней появились междоусобия, и несколько ханов соперничали между собою. Еще Московские великие князья пользовались этими враждами, чтобы более утвердиться, однако недолго. Вскоре открылась для них возможность без опасения сбросить личину покорности. Но в самом московском великом княжении скрывались еще зачатки разрушения, наследие предыдущего политического быта. Как вотчина оно делилось на части между детьми великих князей. Старший великий князь не был сильнее прочих, получая равный с ними удел. Внутренние раздоры и счеты между Московскими князьями были неминуемы и обнаружились, когда образовались боковые линии, по-прежнему предъявлявшие свои права на великокняжеское достоинство по началам родового старшинства. Кровное начало, очевидно, мешало еще государству. Оставалось сделать один шаг – пожертвовать семьей государству: этот шаг был сделан, но не вдруг. Чтобы отвратить возможное соперничество между детьми, великие князья стали давать старшему сыну бо́льшую часть, а прочим – меньшие. Кровные интересы начали мало-помалу уступать место желанию сохранить и упрочить силу Московского великого князя. В этом уже заключалась неясная мысль о государстве. Части братьев великого князя становились все

меньше. Братья Иоанна III получили только по три города; братья Василия Иоанновича [39] не были даже самостоятельными удельными князьями, а простыми владельцами, подданными великого князя. Уделы совершенно исчезают, и когда разными неправдами Василий [40] отнял удел у князя Северского – последний в тогдашней России, – какой-то юродивый бегал по Москве с метлой, говоря, что пора очистить государство от последнего сора. И точно, уделы сделались тогда анахронизмом, запоздалым остатком прошедшего.

Уничтожение удельной системы России и соединение России в нераздельное целое, под властью одного великого князя, было не только началом новой эпохи в нашей политической жизни, но важным шагом вперед в развитии всего нашего внутреннего быта. Политическая система, созданная Московскими великими князьями, – нечто совершенно новое в русской истории; она представляет полное отрицание всех прежних систем не в одних явлениях, но в самом основании. Ярославова система покоилась на родовом начале и раздробила Россию на княжества; семья после Андрея Боголюбского обратила княжества в вотчины, делившиеся до бесконечности. В московской системе территориальное начало получило решительный перевес над личным. Кровные интересы уступают место политическим; держава, ее нераздельность и сила поставлены выше семьи. В истории образования Московского государства не столько важно стеснение и покорение уделов, принадлежащих немосковским князьям, сколько постепенное увеличение части, оставляемой великому князю, и уменьшение частей прочих князей, его братьев; то было делом возрастающей силы, это – актом мысли, сознания.

Так, сначала в государственной сфере происходит отрицание исключительно кровного, семейного начала, последнего, самого ограниченного круга кровного союза и кровных отношений. На сцену действия выступает личность. Она непроизвольно выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея – государство. Появление государства было вместе и освобождением от ис-

ключительно кровного быта, началом самостоятельного действования личности, следовательно, началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного общественного быта.

Но и личность, и идея государства сначала едва видимы под старыми, установившимися формами. И та и другая ими проникнуты. Тип вотчиновладельца, полного господина над своими имениями лежит в основании власти московского государя; из-за этого типа трудно разглядеть ее новое, более высокое значение. Московский государь – еще великий князь; он отчич, дедич, наследственный господин своих владений. Области и государство – его вотчина; придворная служба преобладает, и название *слуги* – теперь почетный титул, жалуемый за заслуги. Подобно удельным князьям-вотчинникам, он раздает свои области в кормление своим слугам. Долго сохраняются эти черты; до самого Петра Великого они мало изменяются, по крайней мере, снаружи. Но теперь рядом с ними проступают и другие – провозвестницы нового. С Иоанна III московские государи принимают титул *царя*, усваивают многие принадлежности власти византийских императоров: герб двуглавого орла, регалии, венчание и помазание на царство; великокняжеский двор и придворные церемонии устраиваются по византийскому образцу. Самому ли Иоанну принадлежит первая мысль этих нововведений, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софией – все равно. Они свидетельствуют, что прежние формы были недостаточны, узки, не выражали нового значения московского государя. Из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение. Образуется государственная территория – не случайное соединение земель, а правильное органическое тело, имеющее свою жизнь и свои потребности. Внешняя политика и деятельность московских государей, войны и мирные трактаты, приобретения земель перестают быть частным делом и получают высокое разумное значение. Ими удовлетворяются теперь потребности государ-

ства. Начало подданства начинает сменять начало холопства; является понятие о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом. Улучшения внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство – все это показывает, что в Московском государстве под старыми формами развилось уже новое содержание.

Развитие совершилось, впрочем, медленно. В продолжение с лишком двух столетий старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло в жизнь, многое в ней изменилось, но не отрешилось от исторических форм, под которыми появилось; все стало другим, однако сохраняло прежний вид. Московское государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей истории – утреннюю зарю нового, вечернюю старого – эпоху неопределенную, как все серединные времена, ограничивают от предыдущего и последующего два величайших деятеля в русской истории – Иоанн IV [41] и Петр Великий [42]: первый ее начинает, второй оканчивает и открывает другую. Разделенные целым веком, совершенно различные по характеру, они замечательно сходны по стремлениям, по направлению деятельности. И тот и другой преследуют одни цели. Какая-то симпатия их связывает. Петр Великий глубоко уважал Иоанна IV, называл его своим образцом и ставил выше себя. И в самом деле, царствование Петра было продолжением царствования Иоанна. Недоконченные, остановившиеся на полудороге реформы последнего продолжал Петр. Сходство заметно даже в частностях. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднейшими, достойнейшими ее представителями; но Иоанн сознавал ее как поэт, Петр Великий – как человек по преимуществу практический. У первого преобладает воображение, у второго – воля. Время и условия, при которых они действовали, положили еще большее различие между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менее реальной, нежели преемник его мыслей, Иоанн изнемог, наконец, под бременем тупой, полупатриархальной, тогда уже

бессмысленной среды, в которой суждено было ему жить и действовать. Борясь с ней насмерть много лет и не видя результатов, не находя отзыва, он потерял веру в возможность осуществить свои великие замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывным мучением: он сделался ханжой, тираном и трусом. Иоанн IV так глубоко пал именно потому, что был велик. Его отец Василий, его сын Федор [43] не падали. Этим мы не хотим оправдывать Иоанна, смыть пятна с его жизни; мы хотим только объяснить это до сих пор столь загадочное лицо в нашей истории. Его многие судили, очень немногие пытались понять, да и те увидели в нем только жалкое орудие придворных партий, чем Иоанн не был. Все знают и все помнят его казни и жестокости; его великие дела остаются в тени – о них никто не говорит. Добродушно продолжаем мы повторять отзывы современников Иоанновых [44], не подозревая даже, что они-то всего больше объясняют, почему Иоанн сделался таким, каков был под конец: равнодушие, безучастие, отсутствие всяких духовных интересов – вот что встречал он на каждом шагу. Борьба с ними – ужаснее борьбы с открытым сопротивлением. Последнее вызывает силы и деятельность, воспитывает их; первые их притупляют, оставляя безотрадную скорбь в душе, развивая безумный произвол и ненависть. Петр, одаренный страшной волей и удивительным практическим смыслом, жил веком позже, когда обстоятельства уже изменились и многое было приготовлено; у него был предшественник, даже предшественники; с уверенностью гениального человека он принялся за свое дело; он имел редкое счастье видеть, как его начинания зрели и приносили плоды; но и характер самого Петра отлился в суровую, жесткую форму; и ему нужны были шумные развлечения, в которых он мог бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабели и тяжкое, скорбное изнеможение, душевная усталость прерывала его неутомимую деятельность.

Внутренний быт России перед появлением московского государства в главных чертах мало изменился против прежнего. Кровные начала, исчезнувшие в политической сфере,

продолжали жить и преобладать в остальных. Необходимость создать крепкое, прочное государство шла впереди, торопила события и рано обнаружила несостоятельность кровных начал в политической жизни. Но в гражданской сфере они не подвергались такой строгой критике и могли жить спокойно, не тревожимые ничем; они и жили, как будто рассчитывая на бесконечное существование.

Древняя доиоанновская Русь представляется погруженной в родственный быт. Глубоких потребностей другого порядка вещей не было, и откуда им было взяться? Личность – единственная, плодотворная почва всякого нравственного развития – еще не выступала; она была подавлена кровными отношениями. Были, конечно, некоторые важные реформы: Христианство и Церковь пересоздали семейный быт, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и заменили денежным вознаграждением, сперва в пользу обиженного или его родственников, потом верой в свою пользу. Они установили уголовное наказание, неизвестное в древней Руси. Но таких реформ было немного. Общины, города и волости по-прежнему не имели никакого правильного общинного устройства и потеряли то временное политическое значение, которое получили было. В них сохранялся старинный славянский общинный быт, развивавшийся из исключительного родственного. Только теперь над ними тяготела произвольная, корыстолюбивая власть княжеских областных правителей-кормленщиков, которые владели ими как своими вотчинами, управляли сами и посредством своих слуг и так разоряли, что князья многим общинам дали в виде изъятия и милости жалованные несудимые грамоты, которыми они освобождались от подведомственности правителям. После общин существует множество отдельных родов. Бóльшую частью они находились в службе у других родов или князей и были бесконечно различны по богатству и знатности. С уничтожением уделов княжеские фамилии также низошли в разряд служилых родов. Теперь все эти роды стали служить московскому государю. Одни непо-

средственно окружили его, сделались его приближенными; прочие стали ниже в известной постепенности. Так сложилась лестница родов, которой низшие ступени терялись в простом народе, высшие оканчивались у подножия царского престола. Общих интересов, которые могли бы соединить эти роды в одно целое и создать сословия, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преследуя свои исключительно родовые интересы. Стать выше других родов, по крайней мере, не уступить первенство низшим, не потерять своей *родовой чести* – вот что прежде всего сосредоточивало на себе все их внимание и часто производило между ними неприязненные столкновения. Перенеся в службу родовые понятия и стремления, они должны были рано или поздно встретиться лицом к лицу с государством, которого живым представителем был теперь царь, ибо для них служба была внешним выражением их родовых преимуществ; они старались подчинить ее законам родового старшинства, сделать орудием своих частных интересов. Не так понимали ее московские государи. Они требовали от своих слуг полного, безусловного повиновения; они хотели видеть в них гибкие органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды – начало родовое. Царь посылал на службу двоих, одного – старшим, другого – младшим, по своим расчетам; а младший отказывался служить, говоря, что по родовым он старше и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страх смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь из двух: или все служилые роды заменить людьми неродословными, или при раздаче мест сообразоваться с законами родового и служебного старшинства. Первое было невозможно; оставалось согласиться на последнее. Так раздача мест, назначение в должности не зависели от безусловной воли царя. Ему хотелось назначить лучшего, достойнейшего, а он назначал по необходимости старшего. Мало-помалу важнейшие государственные чины и звание члена царской Думы сделались исключительною принадлежностью известных родов; другим

доступ к ним был закрыт. Правда, царь мог давать чины кому хотел; но с высшими чинами естественно были соединяемы и высшие должности в государстве. Если высший чин, а вместе и высшая должность, были даны человеку незнатного рода, все прочие знатные родичи, которым достались относительно низшие, отказывались служить. Через это цари были вынуждены жаловать в высшие чины одних родословных людей. В Царской Думе заседали одни высшие сановники – бояре и окольничие [45]; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочие, несмотря ни на какие личные качества, не могли сделаться ее членами.

Государство не могло ужиться рядом с этими домашними, частными, кровными интересами, которые в лице безграничных областных правителей и служилых родов связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и действовать. Рано вступило оно с ними в борьбу и довершило в администрации победу над уделами и кровным началом, которая еще прежде была одержана в более широкой, политической сфере. Уже Иоанн III получил название «Грозного» за строгое обращение с вельможами [46]. Для обуздания произвола областных правителей он издал «Судебник» [47], которым установил судопроизводство и величину пошлин. Есть даже известие, что он первый завел окладные книги [48], которыми определил доходы правителей с областей. Но никто ни прежде, ни после, до самого Петра Великого, не действовал так энергически против вельмож и областных правителей, угнетавших народ, как Иоанн IV. Не знаем, до какой степени были справедливы его опасения против их заговоров и тайных козней: подозрительный, страстный характер мог внушить ему многое, чего не было. То верно, что в некоторых вельможах, бывших удельных князьях или близких их потомках, не совсем исчезли при нем воспоминания о недавнем времени, когда они были такие же владетели, как царь Московский. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и изменяли или уезжали, когда могли. Остальные думали только о себе и не радели о государстве. Области находились в бедственном

положении: целые села пустели от грабительства правителей и их слуг. Иоанн предпринимает решительные коренные реформы и надеется осуществить их посредством двух органов, враждебных вельможеству и, следовательно, наилучших для его целей: людей худородных, в особенности *дьяков*[1], грамотных, знающих порядок управления, но большею частью низкого звания и потому не достигавших до высших степеней, и общин, которые страдали от произвола правителей. Сначала Иоанн отделил уголовное и уголовно-полицейское управление и поручил его в исключительное заведывание выборных от общин, губных старост [49] и целовальников (присяжных). И те и другие существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значение, которого не имели. Потом в 1550 г. он издал «Судебник» [50]. В нем гораздо подробнее, нежели при Иоанне III, определены были порядок суда, пошлины, некоторые части гражданского управления и власть областных правителей еще более ограничена: старосты и целовальники получили участие в гражданском суде, без них правители не могли судить никаких тяжб и исков, не могли сажать в тюрьму жителей общин; даже раскладки и сбор податей и повинностей предоставлены выборным; таким образом, разорительное вмешательство областных правителей и их людей должно было прекратиться. Впоследствии и сбор особливых царских доходов поручен выборным от общин. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть над областями; внутренний распорядок отдан в руки выборных. Но недовольный еще этими мерами и видя, что злоупотребления и угнетения продолжались, Иоанн, наконец, совсем уничтожил областных правителей и все местное управление отдал в полное заведывание самих общин, подчинив их непосредственно московским приказам. Остались наместники в одних пограничных областях, но к ним были, кажется, приставлены дьяки, ибо после Иоанна мы находим уже при наместниках дьяков. Эти дьяки должны были наблюдать за дей-

[1] Должность чиновника разных ведомств в России до XVIII в., название должности начальника канцелярии.

ствиями наместников, сами принимали участие в управлении и обо всем доносили царю.

Таковы были реформы Иоанна в областном управлении, но еще важнейшие предприняты им в государственном устройстве. Цель их та же: сломить вельможество, дать власть и простор одному государству. Все главные отрасли управления вверены дьякам: они заведовали приказами; вельможи почти отстранены от гражданских дел и за то ненавидели Иоанна. Еще Дума находилась в их руках; они одни были ее членами; Иоанн в нее вводит новое начало *личного* достоинства. Под названием *думных дворян* он сажает в Думу людей незнатного рода, им самим избранных: при ее неколлегиальном устройстве они не могли не иметь важного влияния на ее решения. Но все эти меры казались Иоанну еще недостаточными: он хотел совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкого происхождения, но преданными, готовыми служить ему и государству без всяких задних мыслей и частных расчетов. В 1565 г. он установил *опричнину*. Это учреждение, оклеветанное современниками и не понятое потомством, не внушено Иоанну, как думают некоторые, желанием отделиться от Русской земли, противопоставить себя ей: кто знает любовь Иоанна к простому народу, угнетенному и раздавленному в его время вельможами, кому известна заботливость, с которой он старался облегчить его участь, тот этого не скажет. Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала поставить в государственном управлении начало личного достоинства – мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим. Если эта попытка была безуспешна и наделала много зла, не принеся никакой пользы, не станем винить Иоанна. Он жил в несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые из низших слоев общества, ничем не были лучше бояр; дьяки были только грамотнее, сведущее в делах, чем вельможи, но не уступали им ни в корыстолюбии, ни в отсутствии всяких общих нравственных интере-

сов; общины, как ни старался Иоанн поднять их и оживить для их же собственной пользы, были мертвы; общественного духа в них не было, потому что в них продолжался прежний полупатриархальный быт. За какие реформы ни принимался Иоанн, все они ему не удались, потому что в самом обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей. Иоанн искал органов для осуществления своих мыслей и не нашел: их неоткуда было взять. Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного, – и мстил страшно. Он умер. Современники его прокляли. Конечно, не все: поверья, которые и теперь еще ходят о нем в простом народе, доказывают это [51]. Потомство не воздало ему должного, даже не пожалело о нем. А ученые и писатели – они повторяли слова современников, которые кричали громче других. Только один его понял – великий преемник его начинаний, которому суждено было довершить его дело и благословить Россию на новый путь.

После Иоанна IV все его реформы или рушились, или потеряли смысл. Некоторые исчезли еще при нем; так, при нем исчезло разделение на опричнину и земщину [52]; появились опять наместники в областях. После него чин думного дворянина обратился в обыкновенный чин, который жаловался и знатным родичам. Старосты и целовальники в значении, которое придал им Иоанн, исчезли, мы даже не знаем когда; они удержались только в уголовном управлении и собирали некоторые доходы царской казны, да то было не привилегия, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформах, о необходимости улучшить внутренний быт не исчезла. Уже при сыне и преемнике Иоанна она выразилась в законодательной мере, которой настоящий смысл не понят, потому что на нее до сих пор смотрят с теперешней, а не с тогдашней точки зрения. В 1592 г. переходы крестьян с места на место были запрещены; сельское народонаселение прикреплено к земле. С юридической точки зрения это событие необъяснимо, но на него и не до́лжно так

смотреть. В древней России не было юридического быта; личность в гражданской сфере сама по себе ничего не значила. Оно было вызвано целями политическими, административными и полицейскими. Еще до Иоанна IV по многим причинам усилилось в России бродяжничество; право, основанное на обычае, переходить с земли на землю при тогдашней грубости, необразованности его усиливало. Привыкнув к скитальческой жизни, многие шли на разбой и воровство (татьбу); появились целые шайки лихих людей, от которых не было покоя жителям. Сверх того, обычай переходить породил между землевладельцами другой обычай – переманивать крестьян с чужих земель на свои, обещая выгоды и льготы. Богатые воспользовались им в ущерб бедным. Федор Иоаннович или, правильнее, Борис Годунов хотел пресечь и то и другое зло в самом основании и запретил переходы; окончательное их уничтожение относится к царствованию Шуйского [53]. Вследствие совершенной юридической неопределенности древнего русского быта за уничтожением переходов последовало постепенное смешение двух сословий, до того совершенно различных – холопского и крестьянского. Сливаясь, они воздействовали одно на другое; многие положения, относившиеся сначала к одним холопям, перенесены и на крестьян. Удержались неважные, чисто формальные исторические различия, более и более терявшие смысл.

Вскоре потом наступила эпоха внутренних смут, неустройств и волнений. Ими начался XVII в. Повод их был случаен, исход не принес никаких существенных изменений в прежнем быте. После 1612 г. все пришло в прежний порядок [54]. Как море, Россия взволновалась и улеглась, не сохранив в своем общественном устройстве никаких следов недавней бури: очевидно, время умственного и нравственного развития еще не наступало. Оттого вся эта эпоха вообще более относится к политической, нежели к внутренней истории России. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла в жизнь: Россия сама стала на свою защиту во имя веры и Москвы – тогдашнего государственного центра нашего отечества.

Когда новая династия вступила на престол [55] и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей с отжившими остатками догосударственной России. По-прежнему поприще ее – администрация, управление; но теперь она совершается тихо, медленно. Победа государства обозначается целым рядом постепенных законодательных реформ, которые идут, не прерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Иоанн IV ненавидел и боялся своих врагов и оттого придал борьбе страстный, кровавый характер. Московские государи XVII в. их уже не страшатся. Они как будто предчувствуют их необходимое уничтожение и подготовляют его исподволь, косвенными мерами.

Алексей Михайлович [56] обходит Думу и все важнейшие дела делает посредством подьячих Тайного приказа [57]. Местнические споры становятся мало-помалу безвредными для государства. Оно их преследует как ослушание царской воли или откладывает. Наконец, в 1682 г. Феодор Алексеевич [58] соборным постановлением уничтожил их совсем. Итак, к временам Петра Великого от родового вельможества удержались только наследственность важнейших чинов и Боярская Дума, последняя уже почти без всякого государственного значения; но и они с учреждением Сената [59] и введением Табели о рангах [60] исчезли навсегда.

Областные правители были ограничены и стеснены. Многие доходы их, особливо от суда и управления, стали доходами государства. При Алексее Михайловиче областные правители из наместников стали воеводами. Их право управлять областями посредством своих людей исчезает; место последних заступают приказные люди. В царствование Федора Алексеевича воеводам придаются выборные от дворян. Сверх того, многими законами воеводы поставлены в совершенную административную зависимость от московских приказов, обязаны были давать подробный отчет в своих действиях – словом, перестали быть неограниченными владельцами управляемых областей. Характер кормленщиков они удержали еще за собою, но уже не в прежнем значении: они стали теперь вместе и органами государства.

Не только в административной сфере уходил и изглаживался прежний порядок вещей, когда-то исключительно правивший внутренней жизнью России: он упадал и разрушался даже в гражданском быту; и в нем стало высказываться начало личности. Юридические отношения начали брать верх над кровными, родственными. Прежде порядок наследования, имущественные и личные отношения между членами семей и родов определялись одним обычаем, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться в посредничестве государства; оно устанавливает их и охраняет страхом наказаний. Появляется порча общественных нравов – естественная и необходимая спутница всех переходных эпох, когда порядок вещей сменяется, но еще не сменился другим. Напрасно будем мы искать причину этой видимой перемены в посторонних влияниях – татарском иге и внутренних смятениях начала XVII в. Нельзя отрицать этих влияний, но они всего не объясняют: грубая, неразвитая и непризнанная личность искала простора; в тесном кругу преобладающих кровных отношений ей становится душно; они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами. И без всяких постоянных влияний она рано или поздно предъявила бы свои права и в частном, общественном быту, как прежде предъявила их в политическом и государственном. Закон жизни был один – и явления были одинаковы.

III

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. В строгой последовательности она провела Россию сперва через общинный быт, потом через родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену истории типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника и осуществляла их в больших размерах. Последним ее усилием, венцом ее существования, были первые зачатки государства и начало личности. В них она превзошла

себя, как бы вышла из своих пределов, хотя и государство, и личность долго созревали и готовились к действованию под формами, ею созданными и развитыми. Она сделала все, что могла, и, окончив свое призвание, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею или сожалеть о ней, думать о ее возвращении, доискиваться в ней, чего она не дала и не могла дать, – равно ошибочно. И то и другое обнаруживает взгляд неисторический, следовательно, непременно ложный. Лучший критик, судья истории – сама история. Она высчитывает наперед все возможности, взвешивает все доводы и «за», и «против» с неподражаемой подробностью, а потом решит – без апелляции. Нам остается только вглядеться в этот суд, в эту критику, понять ее. Иначе непременно впадем в односторонность.

Начало жизни узаконилось в нашей жизни. Теперь пришла его очередь действовать и развиваться. Но как? Лицо было приготовлено древней русской историей, но только как *форма*, лишенная содержания. Последнего не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначение, конечная задача только в том и состояли, чтобы выработать начало личности, высвободить ее из-под ига природы и кровного быта. Сделавшись независимой не через себя, а как бы извне, вследствие исторической неизбежности, личность еще не сознавала значения, которое она получила, и потому оставалась бездеятельной, в ладу с окружающей и ей несоответствовавшей средой. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться к действию, почувствовать свои силы и себя поставить безусловным мерилом всего.

Впрочем, вдруг она не могла сделаться самостоятельной, начать действовать во имя самой себя. Она была совершенно не развита, не имела никакого содержания. Итак, оно должно быть принято извне; лицо должно было начать мыслить и действовать под чужим влиянием.

Такое влияние было для него необходимо и благодетельно. Оно освободило его от всего непосредственного, данного, развязало ему руки, возбудило к нравственному развитию и приготовило к совершенной, безусловной самостоятельности.

Вот характер и значение эпохи внутренних преобразований, которая наступила в России в XVIII в. и окончилась недавно. В сфере политической и государственной личность ранее стала независимою; поэтому она впервые в ней начала действовать неограниченно и под европейским влиянием. В Петре Великом личность на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории.

Как всякое историческое явление, эпоха преобразований имеет множество различных сторон и потому может быть рассматриваема с различных точек зрения.

Многие [61] обвиняют ее в том, что она пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно, разорвала русскую историю на две половины, совершенно между собой не схожие, ничем не связанные, и нас сделала бесхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконец, что она лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов и апостазию[1] от национального возвела на степень добродетели.

Эти обвинения, окончательно формулированные в последнее время, вызваны состоянием, в которое мы пришли, когда эпоха реформ оканчивалась. К нему они и относятся, а не к ней. Как историческое явление они важны, характеризуя состояние одной части общества после реформы; как взгляд на целый отдел истории они не имеют никакой цены, по своему совершенно субъективному смыслу.

Во-первых, эпоха реформ наступила у нас не внезапно; она приготовлена всем предыдущим бытом. Кто не согласен с нашим взглядом на русскую историю, тому мы укажем на появление иностранных обычаев еще до Петра, на умножение иностранцев в Московской России, на всякого рода отступни-

[1] Ересь, отступление от догматов, от принятых основных положений исповедания (греч.). – *В. Т.*

чества от прежних нравов, наконец, на упадок государственного устройства и управления перед реформой. Разложение быта выражалось в страшных, неслыханных злоупотреблениях. В доказательство ссылаемся не на общественное мнение и литературу, которых тогда в России не было, а на современные акты и законы.

Что реформа действовала круто, насильственно – это правда. Но чтобы вывести из этого какое-нибудь заключение в пользу или против нее, до́лжно сперва решить: что была современная ей Россия и можно ли было действовать иначе?

В начале XVIII в. мы только что начали жить умственно и нравственно. Мы были несчастные дети, окруженные самыми невыгодными условиями. К бедной внешней природе присоединились глубокое невежество, полувосточные привычки, которые держали нас в черном теле, в самых зачатках убивали всякое нравственное развитие, всякую общественность, всякую свободу и движение. Тогда – страшная недавняя старина! – делались вещи, непостижимые, невообразимые теперь. Чудовищны были время и общественность, которые могли пересоздать благородную натуру Иоанна IV и наперекор ей воспитать ее в нравственного урода, изверга, не знавшего границ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, в которой не было и тени общественного мнения, никаких общих, ни нравственных, ни даже физических интересов, сделала возможным преобразование в том виде, в каком оно совершилось, со всеми его крутыми мерами и насилиями. Оправдание эпохи реформ – в ее целях: средства дала, навязала ей сама Русь. Петр действовал как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать; невозможное теперь было тогда, по несчастию, необходимо, неизбежно.

Сверх того, не забудем, что реформа особенно сосредоточилась в государственной сфере, в управлении; прочих сторон жизни она коснулась как будто мимоходом, и то большею частью там, где они соприкасались с государством. А мы знаем, каково было положение государства перед реформой и

при Петре: со всех сторон враги, а войска, денег, средств им противостоять не было. В управлении – беспорядок и отсутствие централизации. Тут некогда было выжидать, действовать исподволь. Нужды были слишком настоятельны, чтобы можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед.

Потом говорят, что эпоха преобразований отделила старую Русь от новой необходимой бездной, ничем не наполненной, из нас сделала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россией и Европой – амфибий человеческого рода. Но это не так. Внутренняя связь между древней и новой Россией, как мы видели, есть. Есть и внешняя, в событиях. Петр Великий ничего не знал о различии древней и новой России. Он был глубоко убежден, что продолжает дело своих предков; такое же убеждение имели и его сподвижники. Татищев [62] беспрестанно сравнивает указы Петра с «Уложением» и законами Иоанна, и не так, как мы теперь сравниваем «Русскую Правду» [63] с варварскими законами германцев, а как постановления, дополнявшие друг друга в практике, относившиеся к одной и той же жизни, разрешавшие одни и те же вопросы. В самом деле, действия и законы Петра Великого – лучшее доказательство, как в его время обе России, потом различенные, были слиты в одно нераздельное целое. Мы скажем больше: ни один живой вопрос, возникший в древней Руси, не оставлен Петром Великим без разрешения. Как он их решил – об этом мы не будем теперь рассуждать: решил он все. Мнение, будто Петр не знал России, не имеет никакого основания. Он знал ее отлично, в мелочах, в подробностях, но пренебрегал голословной казуистикой древней России, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридического начала.

Непроходимая бездна между старым и новым создана после воображением, совершенно отвлеченным пониманием истории. Новый мир еще менее походит на древний, чем новая Русь – на старую. Там действуют и новые народы; однако мы знаем, что и Древний мир преобразовался мало-помалу.

Наполеон создал новый порядок вещей во Франции, нисколько не похожий на тот, который им сменился; однако мы не говорим, что Франция до Наполеона и после Наполеона – две совсем разные, ничем не связанные между собою Франции. Вглядываясь в события, мы видим, что прежнее естественным порядком выродилось в новое, как они ни различны между собою. Так и у нас было.

Междоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вследствие реформы. Вспомните людей времен Елизаветы [64], Екатерины [65]: их, право, нельзя упрекнуть в бесхарактерности, в неопределенности. Все они носят на себе такой резкий тип, что их почти с первого взгляда можно узнать. Если бы эпоха реформ сбила их с толку, они не могли бы быть такими. Да и смотрели на преобразования предки наши в XVIII в. совсем другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали с бытовой, живой стороны. Им и в голову не приходила мысль, что она может лишить нас народности, оторвать от прошедшего. Себя они считали русскими, такими же, какими были их предки XVII в., и в самом деле, они были русские, для которых настало время здравого смысла, не стесненного историческими преданиями. Недоумками мы сделались уже после, когда эпоха преобразований начала приходить к концу, стало слагаться общество и родилось бессознательное требование самостоятельности мысли и действий. Тогда к прошедшему, настоящему и будущему мы приступили с вопросами. То, что прежде само собой разумелось, теперь представилось задачей, требующей еще разрешения. Все стало предметом критики, суждений, и пока результаты этой критики не обнаружились, не выработался какой-нибудь взгляд, сомнение и нерешительность поразили ум и деятельность. Но это было явление новое в России, не следствие реформы, а необходимая прелюдия к другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвинение эпохи преобразований состоит в том, что она будто бы лишила нас народности

и, безусловно, подчинила европейскому влиянию. Тут явное недоразумение, частью от слова «народность», частью от отвлеченного взгляда на русскую историю.

Национальность, народность в разные эпохи развития имеют у одного и того же народа разные значения. Сначала, когда народ пребывает в непосредственном, природном состоянии, народность в его глазах неразрывно связана с внешними формами его существования; иначе и быть не может, ибо другого существования он не знает и представить себе не в силах. Для него перемена форм есть и утрата народности; он не узнает себя под другой внешностью. Иван Берсень [66] говорил еще в XVI в., что народу, у которого изменяются обычаи, недолго стоять, и по понятиям тогдашней Руси он был прав. Но когда народ начинает жить более духовной жизнью, и слово «народность» одухотворяется в его устах. Он перестает разуметь под ним одни внешние формы, но выражает им особенность народной физиономии; это нечто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцем, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чем один народ отличается от другого, несмотря на видимое сходство и безразличие. Словом, национальность становится выражением особенности нравственного, а не внешнего, физического существования народа. С бóльшим сближением различных народов она более и более одухотворяется, отрешается от внешнего, случайного, в сущности, безразличного: исчезнуть она не может, пока не исчезнет сам народ.

В первом смысле наша народность сильно тронулась; в высших классах общества она почти совсем исчезла. Но заметим: не с реформы XVIII в., а раньше, гораздо раньше, еще с начала Московского государства, оно внесло в нашу народную жизнь первые зачатки нравственного существования, развившиеся потом; оно впервые посягнуло и на нашу народность в тесном, непосредственном значении слова. Москва – первоначальница нашего ненационального развития. Многим это покажется теперь странным, но оно действительно так было.

Во втором смысле мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту в нашей исторической жизни, начиная с какого угодно времени, в которую бы мы перестали быть русскими и славянами, потому что это совершенно, математически невозможно: *мы* всегда будем *мы* и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчас же исчезнем с лица земли, перестанем существовать как особый народ.

Мысль, что через реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не следствие изучения древней и новой истории России, а один из тех бессвязных воплей, которые вырвались из нашей груди, когда вместе с реформой одна фаза нашего развития кончилась, а другая не наступила. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное расслабление, из которых, казалось, не было выхода. Испрашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и, думая, что за ней смерть, многие обратились к ближайшему прошедшему, придали ему страшный характер, осветили его траурным светом, обставили погребальными факелами. Им представлялась, бесспорно, одна из величайших эпох нашей истории, время ее возрождения, картиной упадка и разрушения. Но эти краски ей чужды. Олицетворение древней и новой России родило такое отвлеченное воззрение. Многие думали, что за европейским влиянием в России XVIII и начала XIX в. ничего не было, что Европа со всеми особенностями перешла к нам и водворилась у нас на место прежнего. Если бы так было, Россия была бы теперь так похожа на остальные европейские государства, как Англия на Францию, Франция на Германию. А этого сходства совсем нет. Отчего же? Оттого, что не Европа к нам перешла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему; ибо, когда человек или народ что-нибудь берет, заимствует у другого, он не перестает быть тем, чем был прежде. Посмотрите на факты: Петр и его преемники не имели никакого понятия о позднейшем противоположении России и Европы. Они и не думали ввести у нас *иностранное* вместо *русского*. Они видели недостатки в современной им России, хотели их исправить, улучшить ее быт

и с этою целью часто прибегали к европейским формам, почти никогда не вводя их у нас без существенных изменений; что из нашего исключительно национального казалось им хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Так действовали и частные лица: все, что им казалось хорошим, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрек Петру, что он будто бы предпочитал иностранцев русским, не имеет ни малейшего основания; где мог, он всегда замещал первых последними. Известно, что иностранцы не всегда были им довольны. Наконец, в гражданских и военных штатах, составленных при Петре, на одного иностранца везде положено по два русских. Если бы он предпочитал первых, он бы так не поступал. Просто они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда русские и что было необходимо для России.

Вообще никогда не до́лжно забывать, что эпоха преобразований, как все живущее, имела внутреннее единство, целость. Практические пользы, улучшения поглощали всю деятельность; об именах и названиях мало думали. Русское и иностранное – все сливалось в одно, чтобы вести Россию вперед. Но когда эта эпоха стала клониться к концу, а новые пути для такого же целостного, живого действия еще не были найдены, мы почувствовали в себе пустоту, скуку; деятельность сменило бездействие, необходимое, потому что прежние источники действования иссякли. Живой дух эпохи исчез. От нее оставался труп, который стал разлагаться на составные стихии, уже ничем не соединенные. Тогда-то появилось у нас противопоставление русского европейскому, желание думать, действовать и чувствовать национально, народно или во что бы то ни стало по-европейски. Требование самостоятельности и требование лучшего, которое нашли представителей в этих двух крайностях, прежде слитые воедино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже бессмыслие и апатия. Таким образом, настоящий смысл эпохи реформ был потерян и забыт. Ее начали, безусловно, порицать или, безусловно, хвалить, но с важными недоразумениями и натяжками с обеих сторон, потому что ее подводили под

известные, односторонние точки зрения, которым она никак не поддавалась. В наше время этот дуализм, признак едва зарождавшейся в нас умственной и нравственной жизни, начинает исчезать и становиться прошедшим. Его сменяет мысль о *человеке* и его требованиях. Что эпоха преобразований сделала в практической жизни, то теперь происходит у нас в области мысли и науки. Непереступаемые границы между прошедшим и настоящим, русским и иностранным разрушаются; открывается широкое воззрение, не стесняемое никакими предрассудками, прирожденными или выдуманными ненавистями. Может быть, мы оттого и начинаем питать такие глубокие симпатии к Петру Великому. На другом поприще он вел нас по той же дороге.

Итак, внутренняя история России – не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после реформы. Исчерпав все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде, – русскими славянами. У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; с XVIII в. оно стало действовать и развиваться. Оттого-то мы так тесно и сблизились с Европой, ибо совершенно другим путем она к этому времени вышла к одной цели с нами. Развив начало личности донельзя, во всех его исторических, тесных, исключительных определениях, она стремилась дать в гражданском обществе простор *человеку* и пересоздавала это общество. В ней наступал тоже новый порядок вещей, противоположный прежнему, историческому, в тесном смысле национальному. А у нас вместе с началом личности человек прямо выступил на сцену исторического действия, потому что личность в древней России не существовала и, следовательно, не имела никаких исторических определений. Того и другого не до́лжно забывать, говоря о заимствовании в реформах России в XVIII в.: мы заимствовали у Европы не ее исключительно национальные элементы;

тогда они уже исчезли или исчезали. И у нее и у нас речь шла тогда о *человеке*; сознательно или бессознательно – это все равно. Бóльшая развитость, высшая степень образования, бóльшая сознательность была причиной, что мы стали учиться у нее, а не она у нас. Но это не изменяет ничего в сущности. Европа боролась и борется с резко, угловато развившимися историческими определениями человека; мы боролись и боремся с отсутствием в гражданском быту всякой мысли о человеке. Там человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами; у нас он вовсе не жил и только что начал жить с XVIII в. Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один. Бояться, что Европа передаст нам свои отжившие формы, в которые она сама уж не верит, или надеяться, что мы передадим ей свои – древнерусские, в которые мы тоже изверились, значит не понимать ни новой европейской, ни новой русской истории. Обновленные и вечно юные, они сами творят свои формы, не стесняясь предыдущим, думая только о настоящем и будущем.

Такой взгляд объясняет много загадочных явлений в нашей внутренней жизни. Понятным делается, почему не было и нет у нас сословий, как в Европе; почему наш гражданский быт и устройство, сходные с европейскими в частностях, совершенно не сходны в общем; отчего мы европейские формы предпочли всем прочим, не заимствуя, однако, тех, которые исключительно принадлежат к ее прошедшему и от него удержались; отчего в нас так много удивительно хорошего и рядом с тем так много удивительно дурного, отчего такая странная распущенность, бессвязность, случайность царствует во всем, что ни делаем, что ни предпринимаем; отчего… но всего не пересчитаешь. Читатель, занимаясь русской историей или думая о своей жизни, сам увидит, что в нашем взгляде есть большая доля правды.

Москва.
23 февраля 1846 г.

Краткий взгляд на русскую историю. Чтение в профессорском клубе в Бонне (1863–1864)

Колыбель ее – западно-русские племена – малороссийское и белорусское. На юге – Киев, Галиция, Козачина [1]; на севере – Полоцк, Смоленск, Псков и в особенности Новгород. Эти племена не могли образовать государства и попадали под власть и влияние Литвы, Польши, Московии. В них вырабатывался рано или поздно аристократический элемент, которым тяготились массы, и недоставало сильной центральной власти.

Русское государство основано великорусским племенем (теперь оно составляет от 35 до 40 млн. чел.). Возникает лишь в XII в. выселками из белорусского и малороссийского племени в страны на восток, заселенные финскими племенами [2]. Новгородцы колонизировали север – Двинскую область, Вологду, Вятку, Пермь, с юга потянулись колонии на Рязань, Владимир, Москву. Новгородские поселения были главным образом торговые, княжеские, судя по последующему времени, по преимуществу – военные, при участии, однако, Церкви и свободного движения русского племени. Заселение азиатской и европейской России русским племенем продолжается беспрерывно и до сих пор и составляет один из главнейших, господствующих интересов внутренней истории.

Как образовалось великорусское племя, отличное от малороссийского и белорусского, сказать трудно. Может быть, отличия зависят от других географических условий (евреи в Сибири) [3]; но более чем вероятно, что финский элемент примешан в этом племени к русско-славянскому, что доказывается: 1) тем, что прежде тут жили финские племена; 2) местными названиями и финскими словами в великорусском диалекте; 3) особенно постепенным обрусением финских племен; это совершается теперь, на наших глазах, и не могло не быть прежде, сыздавна.

В древнейшие времена заметно яркое различие великорусского племени от западно-русских. Последние смотрели на

первое свысока, с презрением. В нем нет почти индивидуального начала, нет поэтического характера, личной храбрости, удальства, рыцарства; действует массами, не пускается на рискованное дело, выжидает, страшно выдержанно. Князья на этой почве перерождаются: из переселяющихся из области в область, из воюющих становятся оседлыми и уже в XII в. мечтают о единодержавии. Андрей Боголюбский и Всеволод напоминают последующих московских царей.

Нашествие татар остановило на 200 лет развитие великорусского племени; но, наконец, и с татарами оно справилось. Московские князья начали понемногу дело освобождения. Умели подольститься к ханам (Иван Данилович) [4], прикинуться их вернейшими слугами и так искусно вели дела, что ханы им поверили, предоставили старшинство над всеми прочими и сделали их главными сборщиками податей. Князья Московские умели с необыкновенным искусством воспользоваться этим положением: ордынские подати употребляли на подкупы в Орде и на покупку себе владений; клеветали на своих соперников ханам как на мятежников, выпрашивали себе для их усмирения татарскую помощь и стали мало-помалу всесильны в России. Окрепнув, они сняли маску, заговорили другим языком с Ордой и к концу XV в. окончательно сбросили иго Орды.

Итак, государство образовано великорусским элементом – единственным между славянскими племенами, сумевшим основать прочное государство.

Исторический тип, который лег в основание этого нового государственного тела, есть тип *des Guts- und Hausherrn*[1]. В этой чистоте и последовательности он нигде и никогда не приведен в истории. К нему, правда, примешались смутные воспоминания западно-русского развития, татарского господства, византийские элементы, польско-аристократические черты, но все эти элементы играли очень второстепенную роль и остались на поверхности. Корень и сущность исторического типа государства – *des Guts und Hausherrn*. Он разви-

[1] Хозяин имения, дома (нем.). – *В. Т.*

вался неудержимо и совершенно выработался в мельчайших подробностях в XVII в.

Главные черты этого типа перечислены далее.

1. Дружина свободная обратилась в двор и дворню. Слуга – высший титул и награда. Название «холоп» (*Knecht*) стало общим для всех служащих Московскому царю, не исключая высших сановников. Писались полуименами, в унизительном смысле. Получали сперва области и города, потом земли и кормление. Это была милость (жалованье). Совершенно и безусловно зависели от царя как принадлежащая ему собственность (аристократические стремления, занесенные из Польши, рушились на этой почве). Анекдот о князе Вяземском и его отношениях к Ивану Грозному [5].

2. Массы народа назывались по отношению к царю сиротами. Этим выражалось, что царь был их защитник, опекун, оберегатель от сильных людей, своих дворовых.

3. Царь был государь – безусловный господин и наследственный владелец земель. Так как другого типа государственности не было, то он делил все свои владения между женою и детьми, как частные лица. Это продолжалось даже тогда, когда появилась надежда и уверенность освободиться от монгольского ига. Лишь с Дмитрия Донского (кон. XIV в.) [6] младшие князья стали получать меньшие части против старшего. Эти части все уменьшались и уменьшались и с XVII в. их вовсе перестали давать.

4. В XVII в. строго проведено начало обязанности всех и каждого нести в пользу государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая из начала рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство. Необходимое разделение занятий родило общественные разряды, наследственные; начало рабства выразилось в том, что они были приписаны к земле или к ведомству, учреждению, заведению. Примеры: служащее дворянство, составлявшее многие разряды, было расписано по городам и областям; горожане – тоже; крестьяне – по деревням и селам; стрельцы – к Москве и городам; казаки, даже артиллеристы и наборщики. Вообще,

как только требовались люди для какого-нибудь дела, – они приписывались с женами и детьми к ведомству и отправляли дело до изнеможения сил или до смерти и наследственно и сначала безвозмездно. В XVIII и даже XIX в. до нашего времени, это начало, перестав быть всеобщим, как прежде, удержалось в больших размерах: солдат, поступая на службу, совершенно вырывался из среды своей и наследственно переходил навсегда в военное ведомство, составляя особое звание; казенные и многие частные фабрики (посессионные) имели своих приписных людей, мастеровых и крестьян, которые работали наследственно на фабрику, то же продолжалось с печатниками Московского университета; солевозы, лашманы[1], казаки *etc*. В XVII в., как сказано, все служили лицом или отправляли натуральные повинности – хлебом, припасами, например рыбою, птицами и проч. Нужны были мастеровые – каменщики, плотники, ремесленники, – их собирали со всего государства и посылали, куда нужно. Оригинальна была служба купцов. В XVII в. продажа водки была регалией и существовали внутренние и внешние таможни; кроме того, казна получала из Сибири подать от инородцев мехами и торговала ими. Все эти ветви финансового управления заведовались московскими купцами, которых посылали с этой целью в города. Меха сдавались им по оценке, и они должны были их продавать, на свой страх, не ниже оценки. Сборы кабацкие и таможенные должны были быть не меньше положенного. Эта служба была разорительна. От нее бегали, и чем меньше становилось купцов, тем чаще приходилось служить. Они жаловались. И вот выбирают богатейших купцов из городов и переселяют их в Москву, чтобы облегчить московское купечество. За заслуги давалось звание гостя, которое таким образом из торгового звания обратилось в чиновническое отличие.

Этот тип удержался в строгой последовательности до XVIII в., несмотря на византийские и польские влияния, ко-

[1] Сословие государственных крестьян, работавших при заготовке корабельных лесов низовых губерний, по большей части к ним относились татары (В. И. Даль).

торые оставались на поверхности и не проникали в глубину жизни. Тип des *Haus-und Gutsherrn* повторялся от царя до последнего подданного. В этом отношении быт представлял удивительное единство. Все и всё было крепостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наследственно. Да и служба едва-едва специализировалась; в конце концов, в силу крепостного права можно было заставить каждого делать все, что угодно, отправлять всякого рода работу [7].

Таким образом, индивидуальность не имела простора, начала личности не было вовсе. То, что составляет основание всего европейского развития, что определило европейскую жизнь, – именно этого у нас не было.

Такой быт, конечно, объясняется исторически. Другого не могло быть, и при данных обстоятельствах он был полезен и благодетелен, потому что помог образоваться и установиться политическому телу. Никакое другое славянское государство не устояло даже при блестящей постановке обстоятельств; все пали от чрезмерного развития аристократии и слабости центральной власти. Очевидно, что в этом племени государство могло образоваться и упрочиться только под условием сильной центральной власти, и при данных обстоятельствах она не могла образоваться иначе, как по указанному типу.

Но, признав это, надо сказать, что индивидуальность в этих условиях задыхалась. Если мы – европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития; без нее немыслим человеческий быт. И вот в конце XVII в. у нас начинается брожение, которое предвещало появление этого начала. Явилось оно к нам из Европы и в европейской форме (князь Хворостинин) [8].

Крепостное начало проникает до XVIII в. весь наш частный и публицистический быт. Это основание всего. Есть и другие элементы: воспоминание западно-русского происхождения (вече и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжество и польское) и византийское (в быту церковном и

во внешних атрибутах власти с Иоанна III) [9]; но все эти элементы остались на поверхности и не проникли вглубь (Соборы прекратились к концу XVII в., аристократические стремления подавлены Иваном IV и династией Романовых, Церковь тоже приведена в должные границы при Иване IV и Алексее Михайловиче в борьбе с Никоном) [10]. Безличность быта не была навязана, наложена насильственно. Она была в нравах большинства. Масса свободных шла в кабалу. Взгляд на наказания: жен (по Олеарию [11], песням и пословицам), крестьян и солдат (анекдоты и виденное). Странно, но не позорно и естественно.

Но жизнь есть только известное определение данных элементов. Все они, самые противоположные, всегда, во всякую данную минуту налицо. Начало личности было и у нас исстари и рвалось на свободу. Беглецы, разбойники, казаки как другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспетая в особом отделе народной литературы. Делами о разбойниках завалены архивы. Стенька Разин, казаки (Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири [12]) – эти проявления индивидуальности идут в параллель с крепостным началом, соответствуют ему и доказывают неспособность индивидуальности создать гражданский быт, этим объясняют крепостное начало.

В сложившемся таким образом быту личное начало могло быть вызвано, пробуждено к нравственному, духовному развитию только извне и только начиная с высших слоев, потому что внутри, в частной и гражданской жизни, не было для этого элементов.

Это пробуждение выразилось в начале XVIII в. в Петре Великом.

Петр – первая свободная великорусская личность со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою и со всеми недостатками, обусловленными той средою и теми обстоятельствами, при которых она появилась. В обществе, построенном на крепостном начале, личность могла заявить себя не иначе как с большой ненавистью к порядку дел, который ее давил, со всею необузданностью и гневом

угнетенной силы, рвущейся на простор, с пристрастием к цивилизованной Европе, где личность служит основанием общественного быта и права, свобода ее признана и освящена. Далее, личность могла выступить только со всей неопытностью, мечтательностью, пренебрежением к действительности, как является всякое новое начало, верующее только в себя и в свою силу. Все эти черты мы находим в Петре: он с ненавистью смотрит на старину и окружающее его, все его предубеждения – в пользу европейского просвещения. С неудержимой, ужасающей силой и верой в свой идеал он пересоздает весь наш быт от азбуки до Синода, от бороды до платья, от ассамблеи до Сената. Никакие препятствия его не останавливают. Во всех его действиях лежит в основании убеждение, что нет ничего невозможного, что можно все пересоздать сразу, и он спешит сделать в свое царствование то, что в обыкновенном порядке исторического развития есть дело веков и поколений. Только перед смертью он понял, что человек – слабое творение. Своему делу, своей мысли Петр посвятил себя вполне, безгранично, с полным самопожертвованием. Его искренность и самоотвержение так же велики, как его дела. Он высказывает начало, что его наследником должен быть тот, кто наследует ему по духу, а не по плоти. Он страшный, неумолимый деспот, но не во имя своего лица, а во имя принципа, и потому деспотизм его просветлен идеей и не оскорбляет. Поставив начало, он сам первый ему следует: учится, работает, выслуживается до чинов за действительные заслуги и выигранные сражения. Перед цивилизацией чувствует себя варваром, стыдится (случай в собрании в Голландии [13]. С гордостью говорит дочерям, что не получил образования с детства [14]). Во всем этом Петр – новое, небывалое, чрезвычайное явление в русской истории. Он – целая революция, и как всякая революция – более программа для будущего, которую пришлось выполнить по следующему времени. Но было бы ошибочно думать, что Петр – какая-то случайность в русской истории. Можно доказать положительными данными, что все его преобразования, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующим временем и

развитием; все вопросы решены им в том духе, в каком они поставлены предшествующей историей, только решены резко, круто, быстро. Петр – фокус, в котором они внезапно сосредоточились и ярко разрешились. Оттого он стал на грани между двумя периодами русской истории и заслонил собою прошедшее. Он выразил собою стремление прогрессивного меньшинства, которое тяготилось бытом тогдашнего времени, и стоял в его главе. Называть его изменником Родине за пристрастие к иностранному, упрекать и ненавидеть его за то, что он был деспот, отыскивать в нем пятна, с точки зрения гуманности, – смешно и жалко. Это судить его с точки зрения, под которую он не может подходить. Петр – варвар и не мог быть другим, но великий человек, наш герой и полубог, наша надежда и знамение русского народа. Страна, создавшая такого человека, не может не иметь будущности. Эта мысль служила нам утешением в самые тяжкие, безотрадные минуты и, исцеляя наши душевные язвы, заставляла умолкать отчаяние, как медный змий в пустыне [15]. С Петром Великим начало личной свободы было поставлено в России как программа, как требование, которое должно было постепенно осуществиться в действительности. Задача была необыкновенно трудна. Надобно было провести ее очень искусно, не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим. Эту задачу разрешают в нашем внутреннем быту XVIII и 1-й пол. XIX в. Теперь она разрешена вполне, и постепенное ее развитие для нас очень ясно и крайне интересно. Бросим беглый взгляд на то, как это сделалось.

Первая личность – Петр Великий – наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам и ставит идею государства, которому все и каждый должны служить. Сам он первый подает этому пример. Упраздняет форму *des Haus- und Gutsherrn* и заменяет ее европейскими государственными формами.

Дворянство. Петр разрушает дворянство как исключительную служебную касту, имеющую служебные привилегии. При Анне Ивановне [16] прекращается обязанность

дворян служить вечно, до смерти. Положен 25-летний срок. Петр III [17] и потом Екатерина II освобождают дворянство вовсе от обязанности служить, от телесного наказания, от лишения прав личных и имущественных без суда; предоставлено право свободно жить в России и за границей. Образованы дворянские корпорации с выборными представителями, с некоторою долею самоуправления, с правом ходатайствовать перед правительством о своих пользах и нуждах.

Городское сословие в высших своих разрядах, именно купечество, получило те же самые почти права. Низшее городское население (мещане и ремесленники) получило их только отчасти, в гораздо меньшей степени. Но с 1846 г. положено начало при организации управления С.-Петербурга самоуправлению городов посредством выборных от всех городских обывателей. В нынешнее царствование это распространено на Москву и Одессу [18]. Есть проект сделать то же самое для других городов.

В 1832 или 1833 г. художники, ученые, образованные люди всех классов и разрядов освобождены от подушной подати и телесного наказания. Долго торговавшие купцы получили наследственное право не платить подушной и не подвергаться телесному наказанию.

Те же права получило мало-помалу и белое *духовенство* с семействами, которое у нас до сих пор образует особое сословие.

Начиная с Александра I подымается вопрос о таком же постепенном освобождении низших городских и *сельских* классов. Еще Екатерина II запретила свободным добровольно записываться в крепость. Но она ввела крепостное право в Малороссии и раздала множество населенных имений с людьми в частную собственность. Только с Александра I совершенно и навсегда прекратилось в России обращение людей в частную собственность, и крепостные государства резко отличены от крепостных дворянства (другие классы, имевшие то же право владеть крепостными, лишились этого права). Освобождение тех и других идет параллельно, не прерываясь, до нашего времени.

Низшие городские и сельские классы получают при Александре I право приобретать недвижимую собственность [19], поступать в высшие учебные заведения (крестьяне – переходить в городские классы) и, получив диплом, все права высших классов, освобожденных уже прежде. При Николае водворяется принцип, что крепостные крестьяне государства – свободные люди; сельские общества образуют особые общины под управлением выборных; множество натуральных повинностей по владению казенной землей отменяется и заменяется денежными; многие разряды крестьян освобождены от телесного наказания. Юридически их быт установлен и права признаны. Допущен свободный переход из городов в села, из сел в города на известных условиях. Над свободными крестьянами тяготеет правительственная опека и произвол чиновников. Кроме того, по-прежнему остается еще наследственное звание солдат; рекрут, солдат – все еще раб государства и употребляется в фабричных и заводских работах, обращается в разные невоенные должности, и солдатское звание продолжает быть наследственным. Равным образом, удерживаются еще очень многие разряды крестьян и мастеровых, приписанных к фабрикам, ведомствам, заведениям наследственно, с обязанностью почти бесплатной и почти бессрочной работы. Они и солдаты были свободны только по имени. В нынешнее царствование совершается (отчасти уже совершилось) совершенное их освобождение. Все приписные к ведомствам освобождены от обязательной работы. Солдаты перестали быть наследственным званием, сроки их службы сокращены на 10 лет (вместо 25 лет – 15), и употребление солдат в другие должности, кроме военной, если не совсем еще отменено, то значительно сокращено [20]. <…>. Самое важное то, что опека чиновников снимается. Для удельных крестьян это уже сделано, для государственных – должно сделаться на днях. Крестьянские общества получают право выкупить занимаемые ими казенные земли и через это обратиться в свободные общины. Идет речь об отмене подушной подати [21] (для низших городских сословий это уже сделано). Кнут отменен. Телесные наказания <применя-

лись> только по суду. Число вовсе освобожденных от телесных наказаний чрезвычайно расширено. Женщины освобождены от них вовсе. Уничтожение крепостного права дворянства, совершившееся в наше время, подготовлено тоже непрерывным рядом постепенных ограничительных мер, которые начались с первых годов царствования Александра I, значительно усилены и умножены при Николае, который все свое царствование мечтал об освобождении крепостных дворянства [22], но не справился с этим делом. Теперь это совершилось. Главные основания: 1) дворовые освобождены безвозмездно; 2) крестьяне получили все гражданские права наравне с прочими свободными и образуют общины с выборными и с большой долей самоуправления; 3) удержали за собой большую часть господских земель, которые обрабатывали при крепостном праве на себя, по известной оценке, и за нее или работают, или платят оброк, определенный законом, – то или другое по своему усмотрению; 4) по соглашению или по одностороннему желанию господина надел может обратиться в полную собственность крестьян за сумму, определенную заранее законом, причем государство выдает сумму частью деньгами, частью облигациями и платит на них проценты, а крестьяне платят государству эти проценты и погашение (рассрочка погашения на 49 лет). В 9 западных губерниях в 1863 г. введен обязательный выкуп по причинам политическим [23]. На этом основании из 10 млн. душ мужского пола уже теперь можно считать половину свободными собственниками. На остальных, кроме получения оброка или права требовать работы (и то без принудительных мер от себя, а лишь через посредника), помещики не имеют никаких прав, никакого юридического влияния.

Выводы.

1. Прекращение частного крепостного права не есть у нас особняком стоящая разумная политическая и социальная мера, какою была везде в Европе, а была заключительным, последним явлением в ряду целого исторического нашего движения в течение XVIII и XIX вв., которого существенный смысл – водворение на нашей почве личного начала, нрав-

ственной почвы и условия развития и упразднения исторического типа, под которым сложилось русское государство. Процесс начался сверху и шел постепенно вниз, в массы, пока не совершился вполне в наше время.

2. Отмена частного крепостного права сопровождалась и отменой государственного крепостного права относительно сельских масс; а сельские массы составляют у нас более $^{5}/_{6}$ населения, за исключением всех других классов и даже солдат и низшего городского населения. Мы – мужицкое царство. Оттого освобождение сельских масс у нас без сравнения важнее, чем было в Европе, где самостоятельно развились, имели свою жизнь, свою блистательную историю Церковь, дворянство, средние классы, монархическая власть, а крестьянство не составляло, как у нас, всего или почти всего, как определяющий элемент внутренней жизни. У нас все другие общественные элементы развились поздно, слабо, несамостоятельно. Они были плохой копией с превосходных образцов. Сельская масса была у нас издавна и с каждым днем более и более определяющим началом, камертоном внутренней жизни, хотя и бессознательно, пассивно. Ею определяется весь строй русской истории, хотя она нигде до сих пор не выступала вперед, на первый план, как планета Нептун производила пертурбации в движении небесных светил, хотя до недавнего времени о ней ничего не знали.

3. Наше движение историческое – совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить рано или поздно время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются. Но теперь это глубокое различие задатков развития, общих предположений есть одна из главнейших причин, что мы друг друга мало понимаем. Образованных русских в Европе считают чрезмерно радикальными, забывая, что

это крайность индивидуального принципа, который именно у нас и развивается теперь. Мы не можем относиться ко всему нашему иначе как отрицательно. У нас же просвещенные люди находят европейский быт узким, не довольно широким, слишком обусловленным историческими преданиями, и, конечно, мы не правы, потому что мы смотрим с точки зрения еще не определившейся, не жившей, только проснувшейся индивидуальности, которая потому и не видит еще ясно, что определиться она может только в исторической форме и ни в какой другой, и что ей предстоит у нас то же самое со временем. Это главный источник всех недоразумений и взаимных отчуждений.

4. Не только в Европе, но в особенности мы сами теперь относимся очень отрицательно к нашей истории, видим в ней только дикость, только варварство, находим, что мы тысячу лет спали, не сделав решительно ничего, что в нашем прошедшем нет человеческого смысла, что наша история не европейская, а азиатская – глубочайшая неподвижность. Справедливо ли это? Я не думаю. Наша история длится с появления великорусского элемента, который ее определяет и до сих пор (от 35 до 40 млн. на население в 70 млн.), следовательно, с XII в., и продолжается не 1000 лет, а 700. Случайное призвание князей варяжских северными племенами, исчезающее в общем ходе истории по внешним, случайным причинам, считается началом русской истории. В эти 700 лет мы успели по возможности колонизировать огромное пространство, образовать огромное государство. Не имея предшественников на своей почве, которые бы передали нам по наследству, фактом какую-нибудь цивилизацию, учась всему у других из книг, по слуху, по впечатлениям немногих путешественников, по немногим заходившим к нам отголоскам Европы, большей частью, особливо сначала, представляемой у нас не лучшими ее представителями, мы осуждены были жить своим умом, должны были вобрать в себя множество элементов, которые нельзя считать принадлежащими к аристократии человеческого рода; вынесли в самом начале 200-летнее иго монголов. Несмотря на все эти неблагоприятствующие условия, страш-

но замедлявшие развитие, мы успели выработать кое-какие зачатки гражданского общежития, где их прежде вовсе не было; успели сбросить историческую форму безличности, которая на нас тяготела. Выработав почву, возможность нравственного развития в свободной личности, мы начинаем внутреннюю жизнь, внутреннее развитие, не имея строго разграниченных сословий, не имея за собой преданий сильной аристократии, сильной и самостоятельной Церкви со светской властью, с огромным землевладельческим сельским населением, которого социальное положение и привычки делают нас надолго, если не навсегда, обеспеченными против самых страшных из всех волнений – волнений народных масс против высших, образованных, владеющих классов. Нельзя сказать, чтобы при тех условиях, с которых мы начали, всего этого не было достаточно для 700-летней деятельности!

Дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих. Почва приготовлена. Что на ней вырастет, что она принесет в сокровищницу всемирной истории – это покажет будущее. Верно то, что на наших глазах второй период русской истории окончился, исчерпан совсем, и для нас начинается другое время, другая жизнь. Верно также, что мы развивались, страдали, боролись, работали в прошедшем, и в этом крестном, терновом пути развития – залог нашего будущего.

Европе готовится сюрприз видеть в мнимых ордах способное к развитию спокойное племя.

Мысли и заметки о русской истории[1]

С каждым десятилетием, а в последнее время чуть ли не с каждым годом русская история выигрывает в интересе, значении и важности. Мы начинаем серьезно сожалеть, что знаем ее

[1] Рецензии на книги: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 13, 14, 15. – М., 1864–1866; *Устрялов Н. Г.* История Петра Великого. – СПб., 1858–1863.

слишком поверхностно и мало. Такие же сожаления слышатся теперь нередко и от европейских историков и ученых.

Когда-то история привлекала как любопытная сказка о старине. Быль могла тогда безнаказанно перемешиваться в ней с небылицей. История в этом виде тешила воображение и подстрекала интерес повестью о прошлых временах и отдаленных предках.

После история стала поучением и справкой. Что и как происходило прежде, служило указанием и советом в практической деятельности. История обратилась в архив старых политических и государственных дел, в том числе и неоконченных.

Напоследок история делается источником и зеркалом народного самосознания [1]. На перепутье двух периодов, в межеумочное время, когда ход народной жизни оставляет привычное вековое русло и ищет новых путей, колеблясь между несколькими, наивная справка с деяниями предков не может уже вразумить насчет того, что и как делать, да и нет уже больше того ясного настроения души и того досуга, какие необходимы, чтобы восхищаться полуволшебной сказкой, художественным сочинением исторической правды с выдумкой. Торная дорога кончилась; предстоит идти целиком, наугад, ощупью, и тогда-то наступает время глубокого раздумья. Народная мысль разрешается в целый ряд вопросов, догадок и предположений, посреди которых мало-помалу и созревает народное самосознание, – единственный руководитель на этой ступени развития.

Но трудно и тяжко дается самосознание. Сначала история допрашивается подробно, но пристрастно судьями, у которых решение готово заранее. Вопросы предлагаются ей нарочно так, чтобы получить желанный ответ. Такие ответы еще не история, не истина; по ним узнается не то, что было, а то, чего домогался, что хотел видеть историк. Только впоследствии возмужавшее и окрепшее народное самосознание приходит к правде в истории и вступает на твердый путь в практической жизни.

Русская история прошла все фазисы, кроме самого последнего. Она является и сказанием, и поучением. События и главные деятели рассматривались в ней с самых различных точек зрения, однако и до сих пор наше народное самосознание еще не установилось. Кто скажет, что мы себя знаем и понимаем? С каждым новым шагом вперед мы, напротив того, по знаменитому слову Сократа, убеждаемся более и более, что почти совсем себя не знаем [2]. Наша мысль не в соответствии с нашей верой в самих себя, в нашу народную мощь, в предстоящие нам великие судьбы; наши взгляды на русскую историю, наша оценка исторических событий и деятелей России оказываются один за другими детским лепетом незрелой и нетвердой мысли и забываются так же легко, как возникают. При кажущемся мирном и спокойном, отчасти даже сонном, строе нашей жизни какой-то быстрый водоворот кружит нашу мысль, унося одну за другой все слабые попытки кристаллизировать наше народное самосознание в сколько-нибудь определенные формы.

Умственное наше бессилие никогда, может быть, не чувствовалось так глубоко, как теперь. Россия, без малого за двести лет круто двинутая на новый путь, теперь снова и так же круто, хотя и в иных формах, поворачивает в другую колею [3]. Целый круг понятий и взглядов, нажитый в минувшие два века, изменяется. Точно будто поднимается завеса и перед глазами открываются новые перспективы, которых мы до тех пор и не подозревали [4]. Примкнув к семье романских и германских народов, мы твердо уверились, что нам предстоит и двигаться в круге идей и направлений, выработанных их жизнью и трудами; а на поверку оказывается, что общего у нас с этими народами одни только свойственные всем людям стремления и задачи, все же остальное – вовсе не похоже на европейское, и мы, может быть, более чем когда-либо предоставлены собственным средствам и усилиям. Теряя наглядный образец, созерцанием которого лениво себя убаюкивали, мы теперь невольно начинаем спрашивать самих себя: что же мы такое, что нас такими сделало и куда мы идем? Эти во-

просы поднимаются у нас теперь со всех сторон; во всем, что у нас ни думается, ни делается, видны попытки отвечать на эти вопросы. В литературе и искусстве одинаково слышится задача понять себя, уяснить себе смысл и значение нашего исторического существования.

Посреди этой заботы на первый план естественно выдвигается изучение русской истории. События и лица, казавшиеся нам до сих пор известными и переизвестными, подвергаются новому исследованию, воссоздаются в искусстве, перерабатываются в ученых трудах. Из лаконического летописного сказания, из сухого свидетельства официального документа мы стараемся вызвать оживлявший их дух, усиливаемся воскресить прошедшее во всей его животрепещущей правде. Мы начинаем чувствовать, что происшествия, решавшие судьбы русского народа, что лица, игравшие большую роль в самые знаменательные эпохи нашей истории, подернуты каким-то туманом, не имеют ярко очерченного образа, и вот все старания направлены к тому, чтобы разогнать этот туман, сорвать таинственный покров. В какой степени удачны эти усилия – другой вопрос; несомненно только, что работа, вызванная новым оборотом нашей истории, идет вперед, и, оглянувшись недалеко назад, нельзя не заметить, что уже произошла некоторая перемена в наших взглядах на прошедшее – верный признак, что народное самосознание зреет, что время его наступает.

Петр Великий и его эпоха не могли быть обойдены или остаться незамеченными при таком усиленном общем нашем стремлении к самосознанию. Не поняв Петра, нельзя понять России: он много для нее сделал; его глубоко любили и глубоко ненавидели современники и потомки; следы его неизгладимы в русской истории; но для верной оценки Петра Великого наше время – едва ли не самое неблагоприятное. Мы всеми путями порываемся выйти из того периода русской истории – периода заимствований у Европы, который он собою открыл и начал. У его подножия еще идет горячий спор об историческом наследстве, которое он по себе оставил [5]. К Ивану Грозному,

к эпохе самозванцев, к Алексею Михайловичу мы относимся спокойно и объективно; все это уже давно прошло, забыто, и мы почему-то наивно воображаем, что интересы и вопросы тех времен давно исчезли без следа. Но Петр как будто еще жив и находится между нами. Мы до сих пор продолжаем относиться к нему как современники, любим его или не любим, превозносим выше небес или умаляем его заслуги; но число его поклонников редеет, а число порицателей растет, по мере того как мы выходим из поставленных им условий народной жизни, и пока новый наш исторический путь не обозначится вполне, мы все будем колебаться между старой и новой Россией, видеть в совершающемся то возврат к допетровской старине, то продолжение его реформы. Много, много еще пройдет времени, пока для Петра наступит спокойный, беспристрастный, нелицеприятный суд, который будет вместе и разрешением вопроса о том, что мы такое и куда идем.

По какой-то счастливой случайности профессор Соловьев [6] окончил древнюю русскую историю и перешел к эпохе преобразований именно в то время, когда ряд новых коренных законоположений, пересоздающих внутренний строй петровской России, возбуждает особенный интерес к делу и эпохе Петра и невольно ставит вопрос: была ли его реформа благом для России или ошибкой гениального Государя? Новый труд профессора Соловьева составляет продолжение его «Истории России с древнейших времен». До сих пор вышли только три тома, из которых собственно два посвящены истории царствования Петра; последний том оканчивается Полтавской битвой. Судя по этому, надо полагать, что история Петра займет еще, по крайней мере, три тома. Как в прежнем своем сочинении, так и в новом достойный ученый держится на строго исторической почве. Труд его – не апология и не памфлет, а добросовестный фактический рассказ, перерываемый лишь изредка взглядами и суждениями самого автора. К сведениям, взятым из напечатанных источников, профессор Соловьев прибавляет множество новых, почерпнутых из архивов, что возвышает ученое достоинство его замечатель-

ного труда. О высоком интересе нового сочинения профессора Соловьева нечего говорить: история Петра Великого не может не быть интересна в высшей степени; но автор умел придать своей книге особенную занимательность последовательным и ясным рассказом, искусным расположением частей, отличной группировкой характеристических подробностей. Рельефный материал, над которым он трудился, конечно, облегчал ему работу, но ему принадлежит несомненная заслуга, что он сумел им прекрасно воспользоваться.

Другое сочинение, посвященное Петру Великому, принадлежит академику Устрялову [7]. Оно, можно сказать, только начато. В 1858 г. вышли три первые тома, содержащие историю Петра только до 1700 г., т. е., собственно, до начала реформ. В следующем 1859 г. издан особо шестой том, содержащий историю царевича Алексея Петровича и следственное дело о нем; наконец, в 1863 г. вышел четвертый том (в двух частях), в котором рассказ доведен до конца 1706 г. Из этого видно, в каких обширных размерах задуман это ученый труд. Книга профессора Устрялова богата критическими исследованиями и драгоценнейшими материалами, из которых много чрезвычайно любопытных открыты ученым автором и напечатаны впервые. Всякий, кому дорого имя Петра, дорогá Россия, конечно, от всей души пожелает, чтобы автор выполнил свою программу до конца, в том же объеме и с той же подробностью, как начал.

Из числа сочинений по русской истории, появившихся в последние годы, истории царствования Петра Великого Соловьева и Устрялова – самые крупные и замечательные. Все, без сомнения, уже знакомы с ним, следовательно, передавать вкратце их содержание нет надобности, тем более что, как бы тщательно ни было составлено из них извлечение, оно не может заменить подлинников, исполненных животрепещущего интереса.

Сообщая множество неизвестных доселе фактов, выставляя происшествия и лица в новом свете, оба историка значительно подвинули вперед решение существенных во-

просов не одной Петровской эпохи, но и всей русской истории. До сих пор мы не умели связать между собою двух ее периодов, разделенных Петром Великим, и не могли объяснить себе, каким образом родилась и выросла на древней русской почве личность, подобная Петру. На Петровский период русской истории мы смотрели как на что-то совершенно новое, не имеющее ничего общего с предыдущим временем; в самом Петре напрасно старались мы отыскать черты, родственные с прежними деятелями России. Нам представлялось, что у нас в эпоху Петра, словно в волшебной сказке или на сцене, страна, люди, нравы, понятия вдруг исчезли без следа и сменились новыми [8].

Кроме нас, нет народа в мире, который бы так странно понимал свое прошедшее и настоящее. Ни один народ не разрывается в своем сознании на две половины, совсем друг другу чуждые и ничем не связанные. Подобно нам все европейские народы переживали в своей истории крутые перевороты, иногда по нескольку раз; однако ни один из них не смотрит на себя как на какие-то два различных народа. Реформация, французская революция существенно, коренно изменили старый быт и создали новый, но ни дореволюционная Франция, ни дореформационная Германия не отделены в глазах французов и немцев такой непроходимой бездной от теперешнего их быта, как отделена, по нашим понятиям, древняя Россия от новой, петровской. Нормандское завоевание было не только переворотом в целом быте Англии, но даже внесло в нее чуждые элементы, чужую национальность; однако, несмотря на то, англичанин сознает свою солидарность и связь с Англией донорманнского периода [9]. Одни мы, русские, лишены до сих пор единого народного сознания. Теоретически, отвлеченно мы понимаем, что преобразованная Россия и сам Петр не с неба к нам упали, что было же что-нибудь и прежде, что как-нибудь Петр и его реформа были подготовлены; знаем мы, что никакого завоевания у нас в конце XVII в. не было, что страна и народ теперь те же самые, что и до Петра. Но все это представляется нам как-то сухо, отвлеченно,

книжно, мертво, входит в нашу голову как-то холодно и безучастно, точно результат математической выкладки, вывод из ряда посылок и умозаключений. В непосредственном, живом сознании мы все продолжаем как-то двоиться, и эта половинчатость лежит тяжелым камнем на всем нашем нравственном существе и деятельности.

В этом удивительном психологическом факте есть глубокий смысл. Раздвоенные в народном сознании, мы не можем высвободиться из вопиющего противоречия между нашим взглядом на самих себя и постепенным, величавым ходом нашей истории. События идут у нас как-то своим чередом, точно как будто помимо нашей воли и понимания. Мы сильны инстинктами, неясными устремлениями, непосредственным чувством и слабы разумением; наша мысль не умеет как-то совладать с фактами и осилить нашу умственную разницу.

Где источник этой умственной немощи? Он глубоко скрыт в вековой привычке смотреть на себя чужими глазами, сквозь чужие очки. Толстый слой предрассудков, в которых мы не отдаем себе отчета, присутствия которого даже не подозреваем, мешает нам понимать себя правильным образом. Думать и учиться мы стали поздно, гораздо позднее других народов. Это дало нам возможность пользоваться без больших усилий тем, до чего другие народы дошли тяжким трудом и горьким опытом. Но зато мы не привыкли думать и, принимая чужие мысли за свои, не выходим из духовного малолетства. Оттого наш собственный опыт остается непродуманным и жизнь наша есть стихийная, неосмысленная. Наши взгляды, убеждения выведены нами не из нас самих и не из нашей истории, приняты целиком от других народов. Оттого мы и не умеем связать прошедшего с настоящим, и все, что ни говорим, ни думаем, так бесплодно, в таком вопиющем разладе с совершающимися фактами и с ходом нашей истории.

Наша умственная апатия и бессилие так же стары, как мы сами. Напрасно будем мы утешать себя мыслью, что они ведут свое начало от реформы Петра Великого. С тех пор как мы себя помним, наша мысль всегда была в плену, находилась в вечной

кабале, что не мешало фактам и событиям идти своим чередом, на основании указаний практики и потребностей. Правда, практическая наша жизнь и деятельность тоже часто, и даже очень часто, руководились посторонними элементами вследствие нашего умственного рабства; но в этой сфере чуждые примеси скоро давали себя чувствовать так сильно, что приходилось волей-неволей от них отказываться и слушаться одного здравого смысла и народных инстинктов. Но в области мысли и понимания мы испокон века были покорными слугами других, и наша жизнь шла своей дорогой, а голова – своей.

Сперва мы подпали под умственную опеку византийцев и оставались под ней чрезвычайно долго. Греки наводнили нашу страну, торговали в ней, брали с нас дань. Старинные архивы константинопольских патриархов, если бы они сохранились, поведали бы нам любопытные вещи и показали бы, как выгодна была для тогдашних фанариотов [10] русская епархия. Мы не любили греков и считали их хитрецами. Толстой, посланник наш в Турции при Петре Великом, отзывается о них почти теми же словами, как и старинные наши летописи [11]. Князья, подобные Ярославу I, люди практические, нетерпеливо сносили господство греков и пытались заменить присылаемых к нам из Греции митрополитов своими ставленниками из русских [12]. Несмотря на эти попытки, полное духовное владычество над нами греков продолжалось. Мы жили по греческим законам, питались греческою письменностью, наслаждались греческим искусством и художниками, ездили в Грецию, как позднее в Париж. Это умственное господство над нами греков продолжалось чрезвычайно долго. Следы его тянутся, постепенно слабея, вплоть до Петра Великого.

С Ивана III, Московского великого князя, начинается мало-помалу умственное наше порабощение литовско-польскому владычеству. Весьма замечательно, что и это духовное иго, подобно греческому, развивается в обратном отношении к политической силе и значению владычествующего элемента. Чем сильнее становится Московское государство в отношении к Литве и Польше, тем сильнее литовско-польская нрав-

ственная власть над нами. Высшей своей точки она достигает в XVII в. [13] и затем постепенно ослабевает, но еще очень заметна даже в царствование Екатерины II. Подобно грекам, литовцы и поляки стремились к нам толпами и пытались внести свои порядки даже в наш государственный строй; но это им окончательно не удалось. Иван III, Иван Грозный, Борис Годунов, Федор Никитич Романов [14], царь Алексей Михайлович были люди практические и отразили этот напор в государственной сфере; но в общественной жизни, в литературе, в нравах и одежде, во всей области умственного развития мы приняли новое духовное ярмо беспрекословно, несли его так же покорно, как прежде греческое.

Почти в одно время с литовско-польским элементом, именно при Иване III, начинают водворяться у нас элементы западноевропейские. Они усиливаются при Иване IV, играют уже большую роль при Алексее Михайловиче, еще бóльшую при Петре Великом и господствуют почти безгранично при Анне Ивановне. Со вступлением на престол Императрицы Елизаветы произошел перелом [15], и с тех пор началась чрезвычайно медленная убыль этого нового господства, что продолжается и до сих пор. В течение этого длинного умственного и нравственного служения третьему господину, которое еще не кончилось, повторилось точь-в-точь то же, что было прежде. В государственной и политической сфере мы сравнительно скоро очнулись и стали на свои ноги. Ни Петр, ни Екатерина II в самый разгар вторжения в Россию иностранных элементов и иностранцев не жертвовали им русскими интересами и вполне самостоятельно представляли государство; но во всех других сторонах русской жизни, начиная от покроя платья и оканчивая взглядами и убеждениями, иностранные элементы владычествовали у нас безгранично, и мы являли собою все, что есть оскорбительного и отталкивающего в добровольной духовной кабале. Чем сильнее и значительнее мы становились в государственном и политическом смысле, тем угодливее и раболепнее делались пред иностранцами в умственном и нравственном смысле. В царствование Императора Александра I невиданный

политический блеск и слава идут рука об руку с небывалым у нас до тех пор духовным закрепощением иностранному игу.

В утешение себя мы обыкновенно говорим, что были до сих пор «в науке» у других народов. Но это не совсем точно. Работая умственно разным господам поочередно, мы в действительности мало чему научились. Когда было нам учиться: мы только идолопоклонничали! Учиться – значит узнавать и брать в толк; это предполагает известную самостоятельность, а мы лишь повторяли чужие речи, переводя их на наш язык. Действительное серьезное учение может начаться разве только теперь, когда мы стали догадываться, и то пока еще очень смутно, что пора, наконец, выйти из духовной кабалы, пора подумать хорошенько над тем, что мы твердим с чужих слов. Если бы мы учились серьезно и сознательно, разве были бы возможны наша теперешняя умственная и нравственная скудость, наше слабоумие, невежество, ветреность, безалаберность и всяческое малолетство? Европейские народы тоже учились друг у друга и теперь учатся беспрестанно; мы находим ли у них что-нибудь подобное тому духовному самоотречению, которому мы предавались то в пользу греков, то в пользу Литвы и поляков, то в пользу западных европейцев? Нет, нигде ничего подобного не бывало; по одному этому мы уже можем судить, как далеко ушло наше развитие.

Теперь мы вступаем в новый период исторической жизни. Четвертый акт самоотречения для нас больше невозможен; хотелось бы верить, что он сделался невозможным, потому что мы стали зрелее; во всяком случае, и идолопоклонничать более не перед кем. Внутренний наш быт перестраивается коренным образом, по указаниям потребностей и нужд, не имеющим ничего общего с нашей умственной несостоятельностью. Теперь должна, кажется, наступить пора плодотворного учения и труда, пора серьезной проверки наших взглядов и стремлений. Когда эта пора действительно наступит, мы должны будем волей-неволей глубоко вглядеться в смысл нашей истории, сличить наши исторические воззрения с живою летописью, с тем, что́ мы теперь, во всех общественных

слоях и элементах. Много неожиданностей предстоит нам на этом пути! Мы воображаем, что знаем и понимаем ход нашей прошедшей жизни – придется отказаться от этого заблуждения; придется убедиться, что мы задаем русской жизни, в прошедшем и настоящем, вопросы, которых она не ставила и не ставит, придаем ей краски, которых она не имеет, представляем себе события и лица совсем не так, как они были в действительности, – все оттого, что живем чужими мыслями, видим себя сквозь чужие очки. В нашей духовной природе от нашей умственной бездеятельности образовался незаметно для нас самих нарост, который должен быть открыт и разрешится только вследствие серьезной умственной работы и сознательного ученья. Уже теперь благодаря трудам, подобным истории профессора Соловьева и академика Устрялова, начинают разоблачаться многие предвзятые взгляды и исторические миражи, результат старых и новых предрассудков, не проверенных мыслью и работой. Если мы не видим связи между древней и новой Россией, не понимаем, как могла личность, подобная Петру, явиться в исходе московского периода русской истории, то очевидно, что в наших исторических знаниях должен быть большой пробел; видимо, что мы или не так смотрим на Петра и его дело, или не так понимаем старую Россию, как следует, или, наконец, и наша оценка Московской Руси и Петра и его преобразования неверна. Простой здравый смысл приводит к этому заключению; ибо как бы ни была велика и могуча личность Петра, как бы отрицательно ни относилось его преобразование ко всему старому – все же он родился в том обществе, которое преобразовал, был дитя своего времени и обстоятельств, и в этом смысле как он, так и его дело должны же были находиться в органической связи с той средой, из которой возникли и к которой относились. Припомним, что дело Петра пережило его и живет до сих пор; было ли бы это возможно без органической связи нашего прошедшего с настоящим? А отсюда следует, что в нас, в нашем незнании или ошибочных взглядах, должна скрываться причина, почему мы ее не видим и не понимаем.

Исторические исследования оправдывают эти выводы вполне. Как только начали несколько вникать во внутренний быт России XVII в. и тогдашнее положение дел, тотчас же и оказалось, что тогдашний страшный хаос и безурядица должны были разрешиться так или иначе. Исчезло представление об идеальном состоянии, которое Петр будто бы Бог весть почему и зачем переломал на иностранный лад. Вообще, по мере того как разрабатывалась русская история, идеалы оттеснялись все более и более в ту седую старину, о которой мы ничего не знаем и узнать не можем. С другой стороны, ближайшее знакомство с Петром и его делами снимает с него тяжкое обвинение в платонической любви к иностранцам, в каком-то чудовищном, небывалом плане вынуть у своего народа живую душу и вдохнуть в него чужую. Освобожденный от риторических прикрас и фимиама похвальных речей и лести, Петр является перед нами живым человеком, с ошибками и удивительными делами, с недостатками и чертами гения, с пороками и великими добродетелями. Сделавшись из мифа историческим лицом, Петр выигрывает в размерах и величии. Голая историческая истина о нем поражает гораздо сильнее, чем вымысел, именно потому, что походит больше на сказку, чем на правду – так она необыкновенна!

Несмотря, однако, на множество прекрасных работ и исследований по русской истории, на обнародованные в огромном числе новые источники, она все еще так же мало известна и понятна, как и сама Россия. В русской истории поставлено множество вопросов, но пока все еще не хватает сил и средств разрешить их: недостает необходимейших подготовительных работ. Кое-где открываются просветы; точнее определяются некоторые задачи; рождаются догадки, более или менее правдоподобные, которые и служат пока жалкой заменой дознанной исторической нити, связующей, по-видимому, бессвязные факты и эпохи. Все это только чаяние будущих исторических трудов, черновые заметки для программы будущей русской истории.

В каком же виде представляется на основании скудных указаний общий ход русской истории? Где ее главные узлы?

Какое значение важнейших ее эпох и событий? На эти вопросы приходится уже теперь отвечать несколько иначе, чем думалось еще недавно.

I

Четыре года тому назад праздновалось тысячелетие нашего государственного существования. Боже! Сколько мы расточали остроумия, сколько глумились над собою по этому поводу [16]! Тысячу лет прожили – так рассуждали мы – и чего достигли? Самые неотложные потребности гражданского общежития и благоустройства еще удовлетворяются кое-как в двух-трех центрах громадного нашего царства, а вне их как будто вовсе не существуют. Сколько же столетий нужно нам прожить еще, чтобы стать хоть тем, чем была Европа в XVIII в.? А она между тем будет идти вперед не по дням, а по часам.

Рассуждая так, мы сравниваем свое настоящее не со своим прошедшим, а с посторонним образцом, который у нас под глазами. Вот наша общая, всегдашняя ошибка зрения, которая перепутывает все наши понятия.

Представим себе колониста, который в дикой глуши, разделенной огромными пространствами от жилых и промышленных центров, впервые заведет хозяйство. Как бы хорошо он ни повел свое дело, сколько бы ни создал удобств для своей ежедневной жизни, все его успехи не выдержат никакого сравнения с обстановкой городского и даже пригородного жителя, и мы, чтобы справедливо оценить его труды и усилия, должны будем сравнивать быт, созданный в глуши, не с лучшими образцами в мире, а с теми условиями и обстановкой, посреди которой бросила его судьба, и наперекор которым он сумел-таки заложить основания устроенной и образованной жизни. Мы именно такие колонисты [17]. Судя о том, что мы сделали, не по тому, что вообще может человек сделать хорошего на свете, а по тому, что мы могли сделать при данных обстоятельствах, мы были бы справедливее к нашим предкам, а главное,

почерпнули бы в изучении нашего прошедшего силы на новый труд, тогда как теперь мы растрачиваем их на бесплодное и дешевое остроумничание [18]. Вникая глубже в дело, нельзя не изумляться, сколько мы успели сделать в такое сравнительно короткое время! Невольно приходишь к мысли, что мы не только не ленились, а, напротив, работали без устали. Чтобы достигнуть того, чего мы достигли в прожитые нами века, нужны были чрезвычайные, нечеловеческие усилия.

Начнем с того, что мы прожили не тысячу лет, а гораздо меньше. Раскроем первую нашу летопись [19], которая писана, во всяком случае, не позже XI в. Составитель ее знает малороссиян и перечисляет разные отрасли этой ветви русского племени; называет северо-восточные отрасли того же племени: кривичей (белорусов) и славян; упоминает еще радимичей и вятичей, происшедших от ляхов; но замечательно, что великорусов он вовсе не знает. На восток от западных русских племен, где теперь живут великорусы, обитают, по летописи, финские племена, частью существующие и теперь, частью уже исчезнувшие. Где же были тогда великорусы? О них в перечислении племен, живших в теперешней России, не упоминается ни слова. Если бы они существовали в то время, когда составитель летописи писал свои этнографические заметки, то, наверное, он знал бы эту отрасль русского народа и упомянул бы о ней. Из его совершенного молчания следует заключить, что в то время этой, теперь самой многочисленной и по исторической роли самой значительной ветви русского племени еще не существовало. С другой стороны, мы знаем, что колонизация финского востока [20] началась с XII в. Таким образом, мы имеем все основание предполагать, что великорусы образовались в особую ветвь не ранее XI в. [21]. С того времени они успели сложиться в сильное государство, занять и обрусить огромную территорию. Только на великорусской почве прочно и крепко зародилось русское государство; только здесь мощные его ростки пробивались беспрестанно, пока им не удалось пустить глубоких корней в Москве. В Андрее Боголюбском и Всеволоде, в князьях Тверских и Рязанских слышатся зачатки

государственности, осуществившиеся трудами и уменьем московских единовластителей, при благоприятных обстоятельствах и в единственно возможной тогда форме. Пока русская история не ступила на великорусскую почву, этой настойчивой, органической потребности объединиться в государство не заметно, по крайней мере, в такой степени. Разные народы приходят к западно-русским племенам, завоевывают их и берут с них дань, господствуют над ними и потом исчезают или сменяются другими господами. Варяжская дружина была не первая и не последняя, придавшая западной России извне характер государства. Перед варягами то же делали обры (авары) и хозары, после них литовцы и поляки [22]. Лишь только внешние властители сливались с туземцами, как, напр<имер>, варяги и литовцы, государство расползалось и страна становилась добычей новых завоевателей или пришельцев.

Исконная несамостоятельность западной России, неспособность ее образовать единое сильное государство резко выдвигает вперед характеристическую особенность Великороссии, которой главнейшая жизненная задача как будто исключительно в том только и состояла, чтобы создать и упрочить государство. Этой цели она приносила и приносит в жертву лучшие свои силы. Глубокий смысл такого стремления великорусов заключается в том, что Россия есть единственное свободное славянское государство.

Спрашивается: что же такое великорусы? Откуда взялись они, когда до XI или XII в. они не существовали? Откуда взялся у них этот удивительный смысл к государству – удивительный тем более, что его в этой степени не оказалось ни у одного из прочих славянских народов?

Эти вопросы – основные, первые не только в русской истории, но и в истории всего славянского племени. К сожалению, они-то именно и разработаны всего слабее. Пока мы должны довольствоваться одними догадками по некоторым намекам и отрывочным указаниям.

Восточная отрасль русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и северо-западного

края на финской земле, частью из обруселых финнов. Русские переселенцы под влиянием новых условий на новой почве получили иной характер, отличный от первоначального корня, от которого отделились; с другой стороны, обрусевшие финские племена внесли новую кровь, новые физиологические элементы в младшую ветвь русского племени. Эта ветвь давно отличалась от своих родичей заметными, выдающимися нравственными и физическими чертами и, след<овательно>, давно уже успела образоваться и получить свою особую физиономию. К тому времени, когда начало слагаться Московское государство, процесс ее образования уже вполне совершился, новая племенная отрасль сложилась вполне. С тех пор она только окрепла, политически объединялась, расселялась далее и далее и поглощала финские племена, что безостановочно продолжается и до сих пор. Таким образом, в каких-нибудь три-четыре века возникло новое зерно для исторической жизни, завязался новый исторический узел, и притом так крепко и прочно, что, несмотря на все невзгоды, он разросся в следующие три-четыре века в одно из сильнейших государств в мире. Не медленности этого движения надобно удивляться; напротив, изумительна крепость и мощь этого зародыша, который развивался и развивается так быстро. Говоря об истории других государств, существующих многие столетия, мы имеем в виду, иногда не отдавая себе ясного отчета, историю государственного существования племени или народа уже сложившегося, имевшего уже пред тем определенную физиономию; но история русского государства есть вместе история возникновения и образования целой отрасли русского племени, которая составляет главное его зерно. Между тем и другим есть громадная, неизмеримая разница!

В образовании великорусской ветви, ее расселении и обрусении финнов состоит интимная, внутренняя история русского народа, оставшаяся доселе как-то в тени, почти забытая, а между тем в ней-то именно и лежит ключ ко всему ходу русской истории. Изучая ее пеструю внешнюю оболочку, мы постоянно, до позднейшего времени, теряли из виду

внутренний, господствующий в ней факт и, конечно, оттого мало ее понимали.

На историю постепенного расселения великорусов и постепенного обрусения финнов стали очень еще недавно обращать серьезное внимание. О древнейшем ее периоде письменные свидетельства крайне скудны; для Московской эпохи они уже гораздо обильнее; а за последние полтораста-двести лет ее можно проследить по документам, с величайшей подробностью – была бы только охота рыться в архивах. Но самым важным и любопытным временем является именно начало колонизации и обрусения финнов, когда великорусская ветвь стала слагаться. Разъяснить, как это совершилось, может только пристальное сравнительное изучение немых памятников старины, русских и финских – названий живых урочищ, языка, областных наречий и этнографии, а за это дело едва-едва у нас только принимаются, и то еще очень вяло. Соображая скудные письменные известия с позднейшим движением колонизации в России, видно, как заметил профессор Соловьев, что расселение направлялось главным образом на восток [23] и происходило, по-видимому, самыми различными путями и способами. С одной стороны, поселения двигались из Новгорода, по северу теперешней Великороссии, к Уралу; с другой – заселялись внутренние наши губернии из Малороссии. Как только завязались первые узлы или центры русского населения в этих странах, тотчас же стали выходить от них новые поселки в различных направлениях и самым различным образом. Вольными дружинами заселялись, по-видимому, преимущественно север, из Новгорода. Весьма замечательно, что северное население и до сих пор удерживает своеобразный характер, напоминающий их новгородское происхождение; в гражданском и общественном быту оно заметно выше, развитее. Князья, со своей стороны, тоже выводили колонии; впоследствии государственная колонизация получила правильный ход и громадные размеры. В края, заселенные инородцами или подверженные вторжениям кочевников, русское население продвигалось под прикрытием ряда крепостей, которые отодвигались все дальше и дальше;

в других местах, как, напр<имер>, в Сибири в XVII в., правительство заселяло край добровольными поселенцами, которые привлекались туда разными льготами. При помощи таких же льгот заводила новые поселения и Церковь, в особенности монастыри. Могущественным двигателем колонизации была также поместная система [24], особливо с тех пор, как стали даваться в поместья незаселенные земли (дикие поля); таким же двигателем явилось впоследствии крепостное право, при помощи которого еще в недавнее время заселились Заволжская степь и Оренбургская губерния. Наконец, припомним, что в очень ранние времена люди из самых различных побуждений оставляли общество и основывали новые поселения вдали от человеческих обиталищ. С одной стороны, благочестивые отшельники уходили в пустыни и глушь лесов, чтобы без помехи предаваться молитве и созерцательной жизни: так возникли пустыни, скиты, обители и монастыри, сделавшиеся впоследствии центрами более или менее многочисленного населения. С другой стороны, все тяготившееся тогдашним общественным строем, повинностями, службами и притеснениями, все искавшее простора и разгула бежало в степь и основало независимые казацкие общества. Беглыми людьми и крепостными еще не очень давно заселялись Новороссия и Кавказ.

Совокупными действиями всех этих видов колонизации Россия подвигалась быстро. Пустыри и степи обращались в заселенные места. Когда-нибудь точные исследования восстановят этот процесс постепенного распространения русского племени по огромной территории, и это, конечно, будет одна из замечательнейших и любопытнейших страниц русской внутренней истории.

Столь же интересна история постепенного поглощения финских племен русскими. Если не ошибаемся, покойный Сенковский [25] первый обратил внимание на этот замечательный факт. Наблюдение это так поразило его, что великорусы представились ему чуть ли не славянским прививком на финском корне. В наше время Духинский [26] подхватил этот намек и обратил его в орудие целей, не имеющих ничего общего с нау-

кой и исторической истиной. Для достижения этих целей ему очень хочется доказать, что великорусы не славяне, а монголы, туранцы. Г-н Духинский не заслуживает чести опровержения. Доказывать, что мы не по указу Петра и Екатерины называемся русскими, а были ими с тех пор, как себя помним на великорусской почве, значило бы унижать науку. Если бы даже фразистая заметка Сенковского была полной исторической истиной, если бы великорусы действительно были не что иное, как обрусевшие финны, то и тогда ославянившийся инородческий элемент, утративший свой язык и само воспоминание о своей первоначальной народности, следовало бы причислить к славянам; теперешние жители Саксонского королевства и немецкого поморья считают себя немцами, хотя они в значительной степени онемеченные славяне; жители теперешней Греции считаются же греками, несмотря на то, что в них много славянской примеси; жители Ломбардии – итальянцами, хотя они, собственно говоря, смесь немцев (лангобардов) с туземными жителями. А мысль Сенковского вдобавок не есть историческая истина. Мы знаем несомненно, что финские племена обрусевают; но смешивались ли западнорусские переселенцы с туземцами или вытесняли их и занимали их места – этого мы не знаем. Если судить по позднейшему времени, то последнее гораздо вероятнее. Припущенники[1] есть и теперь еще в Башкирии; многие думают, что если бы постепенное мирное вторжение русских в Башкирию не было остановлено административными распоряжениями [27], то русский элемент значительно бы ослабил башкирский в местах теперешних поселений этого народа. В Оренбургской губ. много деревень с чувашскими названиями, из которых природные обитатели – чуваши – были совсем вытеснены русскими припущенниками, когда последние усилились в числе. Таким образом, мы не имеем права утверждать положительно, что великорусы – смесь финнов с западнорусскими поселенцами. Верно только, как сказано выше, что массы финнов обрусели и что обрусение их продол-

[1] Припущенники – припущенный или принятый в общину, приселившийся на землю коренных владельцев (В. И. Даль).

жается и до сих пор. Тамбовская и Пензенская губернии – обрусевшая мордва: это обличает наружный вид тамошних крестьян и географические названия. Вотяки (старинная водь) в Вятской губернии русеют на наших глазах; то же заметно на Петербургской губернии, где, по словам окрестных чухонцев, еще около 50-х гг. в некоторых чухонских деревнях женщины и дети совсем не понимали по-русски, а теперь и понимают, и говорят. Любопытные сведения о постепенном обрусении чухонцев С.-Петербургской губернии собраны покойным профессором С. Куторгой [28] во время его геологических исследований здешней губернии. Знакомые с приволжским краем (бывшей Низовской Землей) сообщают наблюдения, сходные в главных чертах со сведениями покойного Куторги; там еще до сих пор можно, не справляясь с историческими свидетельствами, видеть на местах старинное распределение финских племен и направление русской колонизации, можно отличить прежнее местожительство двух ветвей мордовского племени – эрзы и мокши – с их столицами Арзамасом и Моршанском [29]. Этнографические исследования в Тверской губернии, по всей вероятности, повели бы к любопытным результатам относительно старинного распределения северных финских племен. К сожалению, мы пока очень равнодушны к такого рода историческим вопросам, а между тем финские племена неудержимо обрусевают и следы старинного быта изглаживаются безвозвратно и бесследно. По тому, что происходит теперь у нас под глазами, чрезвычайно трудно составить себе понятие о том, что и как делалось в начале колонизации в губерниях, теперь совершенно русских – Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской. Считать ли большинство жителей этих губерний обрусевшими финнами или русскими поселенцами преимущественно из Малороссии – вот вопрос чрезвычайно важный, но который, может быть, навсегда останется неразрешенным по недостатку данных; тогда как одно лишь разъяснение этого вопроса может вести к правильному разрешению другого, несравненно важнейшего вопроса: определяются ли отличия великорусов от западнорусских племен другой обстановкой жизни на новой

почве в течение веков, – или же постепенным смешением поселенцев с финскими элементами. И то и другое предположение имеет своих защитников, но ни одно из них не подкреплено пока серьезными и точными научными исследованиями. Профессор С. Куторга указывает в сведениях, сообщенных им Географическому обществу, на много слов, по-видимому, заимствованных великорусским наречием из финского языка [30], т. к. они только в финском языке объясняются этимологически. Приведенные им слова относятся к земледелию и домашнему быту, из чего можно предполагать, что с этой стороны русское племя подчинилось влиянию финнов и позаимствовало от них понятия и привычки, которых оно не имело или которые были, по крайней мере, менее развиты и вкоренены у них, чем у финских племен. Но такой важный и решительный вывод, очевидно, не может быть принят в науку и возведен в исторически достоверный факт на основании беглых путевых заметок, собранных в одной губернии. Только подробное изучение великорусского наречия сравнительно с другими русскими и славянскими языками, и в то же время с финскими, может окончательно решить этот вопрос, около которого, повторяем, сосредоточен весь интерес древнейшей истории Великороссии. К сожалению, сколько мы знаем, на такого рода труды пока только указывается; никто, кажется, за них еще не принимался, по крайней мере, они вовсе не известны.

От этнографических элементов обратимся теперь к культуре великорусов.

Всем известно, какое огромное, решительное влияние имеет на развитие и исторические судьбы государства степень культуры, которую приносят с собою переселенцы, образующие в новой стране господствующий элемент. Живой пример тому представляют древние греческие колонии, а в настоящее время английские поселения, раскинувшиеся почти по всему земному шару.

Спрашивается: какую степень культуры принесли с собою в Великороссию переселенцы из западной России? Вопрос этот тоже вовсе не исследован, даже едва затронут. Поч-

ти ничего не подготовлено для его исследования, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что значительные научные предрассудки и предубеждения существенно мешают и долго еще будут мешать правильному его поставлению, без чего успешная его разработка невозможна.

Одна из существенных, коренных ошибок, затемняющих дело, состоит, кажется, в том, что, исследуя древнейший быт славян, мы безразлично сводим в общие результаты находимое у разных славянских народов; вследствие этого в нашем представлении слагается один общий тип, один общий уровень древнейшей славянской культуры, и этот-то тип мы затем невольно и бессознательно одинаково приписываем всем славянским народам, стоящим, по-видимому, на различной ступени развития. Этим мы лишаем себя возможности ясно и отчетливо различать то, что в действительности могло быть весьма различно.

Колонизация Великороссии из западной России началась, как мы сказали, по-видимому, в XI или в XII в., следовательно, спустя каких-нибудь полтора или два века после принятия Христианства при Владимире. Это великое событие было делом князя и меньшинства народа и шло, как все великие реформы у славян, сверху вниз; массы народа были погружены в язычество; а история всех народов показывает, как медленно народные верования переживаются в массах и как туго водворялось в них Христианство даже после того, как оно было признано за господствующую веру. Целые века проходили, пока Христианство проникло в ежедневный быт, внедрялось в народные обычаи, нравы и убеждения. Мы знаем также из истории, что Церковь для достижения этого результата не только энергически боролась с языческими представлениями, но мудро и осторожно щадила языческие предрассудки, исподволь заменяя их христианскими образами и целым рядом таких благоразумных снисхождений, переводя мало-помалу языческие верования в христианские, пока, наконец, первые вовсе не изглаживались и исчезали перед новым учением и истинами. Навстречу этим усилиям шло естественное стремление ново-

обращенных – приспособить новое вероучение к своим укоренившимся представлениям, понять и усвоить его себе в формах известных обычаев. Таким образом, языческие представления долго выражались и отчасти развивались под христианскими формами, пока, наконец, дух Христианства не упразднил языческое миросозерцание в самом его основании.

Полутораста или двухсот лет, прошедших со времени крещения Руси при Владимире до вероятного начала колонизации Великороссии, было слишком недостаточно для совершенного перерождения русских язычников. Культура не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой.

Какова могла быть степень этой культуры? При исследовании этого вопроса ученые, нам кажется, впадают тоже в важную ошибку, которая едва ли не есть главная причина безуспешности и безрезультатности всех поисков в этой области, и без того чрезвычайно запутанной и темной. Чтобы дорыться до первоначальных наших языческих представлений и верований, нужно проникнуть сквозь те формы, в которые они облеклись под влиянием новых верований. Уже это одно само по себе чрезвычайно трудно, потому что, облекаясь в новые формы, язычество значительно изменяется в самом существе, о котором мы имеем лишь самые отрывочные исторические свидетельства. Посреди такой сбивчивой и необыкновенно тонкой работы воображение невольно разыгрывается. Стертые и однообразные черты, до которых мы доискивались, нас не удовлетворяют; мы охотно приписываем скудность и бледность того, что нашли, действию времени, силе разрушающих влияний и дополняем недостающее, по нашему мнению, цветами нашей собственной фантазии, воображаем, что за тем, что до нас дошло, скрывается целое развитие, полная система языческой мифологии и миросозерцания, которые впоследствии утратились. Гримм [31] открывал по более развитым и определившимся остаткам скандинавской мифологии следы исчезнувших таких же верований у остальных германских народов. Быть может, этот метод не вполне верен и в применении к германской мифологии; в скандинавской мифологии могли

полнее и отчетливее развиваться при благоприятных обстоятельствах зародыши мифологии, которые у прочих германских народов при других условиях не успели определиться и дошли до нас в этом начальном своем виде. Мы обращаемся с данными славянской мифологии гораздо произвольнее и дурно подражаем Гримму [32]. Смешивая мифологические данные, собранные у разных славянских народов, мы едва замечаем, что, судя по некоторым указаниям, русский Олимп едва начал слагаться около времени Владимира и, вероятно, потому не удержался в народной памяти. В западной России припоминается еще Перун в названии урочищ и в некоторых выражениях; у белорусов сохранилось воспоминание о Волосе или Велесе, переделанном во Власия, как Святовид у северных славян преобразился в святого Вита [33]. Прочие боги, которым, по летописи, поклонялись в западной Руси, не удержались в народной памяти и занесены, кажется, от других – славянских и даже неславянских народов. Вероятно, поэтому они и исчезли без следа. Перун был бог грома и молнии, Волос – бог скота. Вот все, что мы о них знаем. Беднее мифологию трудно себе представить. Нам скажут: это потому, что памятники недостаточны, что Христианство тщательно истребляло следы язычества. Но в Западной Европе языческие воспоминания удержались же в народе, несмотря ни на что; у нас литовцы и мордва до сих пор сохранили, с гораздо большей ясностью и определенностью, древние мифологические представления, чем русские племена. Сравнительно позднее водворение между этими народами Христианства не опровергает этого вывода: успели же сохраниться в народной памяти западно-русских племен Перун и Волос; если остальные языческие боги исчезли, то это ничему другому приписать нельзя, как тому, что они либо только начали слагаться в то время, когда были застигнуты Христианством, либо заимствованы от других народов незадолго до крещения Руси при Владимире.

Очень замечательно, что великорусы не сохранили ни малейшего воспоминания о Перуне; есть только следы Волоса. Все местные названия, все обороты речи, в которых помина-

ется о Перуне, встречаются теперь исключительно только у малороссиян и белорусов. Это подтверждает, что колонизация Великороссии началась уже после принятия Христианства, когда воспоминание о языческих богах стало слабеть. Волос удержался, может быть, единственно потому, что был приурочен к православному календарю.

Мифологические божества являются у язычников как плод уже известного развития. Характер божеств, значение их, бóльшая или меньшая определенность их формы в народных понятиях дают мерило степени этого развития. Судя по таким признакам, мы можем безошибочно заключить, что у русских славян развитие в эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени.

Впрочем, мифология еще не вполне исчерпывает языческое миросозерцание. Неопределенность ее форм доказывает только, что оно не успело сложиться в учение, не перешло в сознание. Заметим также, что богатая мифология предполагает, между прочим, большую силу и живость фантазии, которой одарены не все народы, по крайней мере, не все в равной степени. Особенная осторожность необходима в выводах и заключениях, когда речь идет о славянах – племени, которого развитие, по всем видимостям, еще впереди и призвание в истории еще не обозначилось. Поэтому, не делая никаких окончательных заключений о том, почему слабые, едва намеченные зачатки западнорусской мифологии совсем исчезают на великорусской почве, постараемся определить миросозерцание великорусов в ту отдаленную эпоху, когда эта отрасль русского племени начала складываться.

Было время, когда этот вопрос живо интересовал нас. Обильные материалы для его изучения представляют бытовые народные памятники – песни, сказки, обряды, праздники, поверья, приметы и проч. Как ни мало разработан этот материал, но общие и главные черты древнейшего миросозерцания великорусов выступают из него очень ясно и выпукло. Нас всегда поражал первобытный, непосредственный реализм, которым дышат эти остатки старины. Иносказание, символизм игра-

ют в них самую незаметную роль; антропоморфизм является в очень слабых, первичных намеках и формах; первобытные, грубые факты, которые можно предполагать в основании роскошно развившейся греческой мифологии и даже в основе менее блестящей и поэтической мифологии германской, у великорусов являются во всей своей первоначальной непосредственности. Мы думаем, что в этом смысле исследование великорусских языческих представлений было бы необходимым и лучшим введением к греческой и германской мифологии, как картина миросозерцания, которое и у греков и немцев предшествовало мифологическому периоду, но впоследствии было ими мало-помалу забыто и сохранилось только в немногих, слабых, едва понятных намеках их мифологий. Ключ к этому первобытному миросозерцанию лежит в наших народных поверьях и праздниках, приуроченных ко дням и временам года. Рассматривая их, мы найдем, что в основании их лежит первобытное, непосредственное поклонение предметам, явлениям и силам природы при самых слабых зачатках олицетворения, послуживших у других народов исходной точкой для дальнейшего мифологического развития. На этой ступени культуры человек подчиняется силам и явлениям природы вполне, безусловно, безгранично. Каждый шаг, каждое движение его, дома и вне дома, обставлены обрядами, точное соблюдение которых предохраняет от зла и напастей; никакое действие, даже самое незначительное, не может быть предпринято без соблюдения такого предохранительного и спасительного обряда. Вся жизнь, от колыбели до гробовой доски, совершается, таким образом, посреди непрерывных обрядностей и ритуалов, и свободной инициативе человека не оставлено ни малейшего простора. К этому главному, основному элементу древнейшего языческого миросозерцания великорусов присоединяется поклонение умершим, которое переплетается с поклонением силам и явлениям природы, поставлено в зависимость от него и приурочено ко временам года. Нельзя, однако, не заметить, что древнейшее поклонение предкам далеко не ясно; чрезвычайно трудно различить в дошедших до нас фактах первоначальную

основу от позднейших западнорусских и вообще славянских влияний, а также от христианских представлений.

Народные бытовые памятники западнорусского населения далеко не имеют такого первобытного, непосредственного реального характера. В них фантазия играет гораздо бóльшую роль. В некоторых белорусских обрядовых песнях встречаются поэтические олицетворения сил и явлений природы, приуроченные к именам святых. Вообще у западнорусского народа отношение к природе более поэтическое и более свободное; нет того поглощения человека обрядом, как у великорусов. Последние ограждают себя им на каждом шагу от зловредных влияний и сил; у малороссов и белорусов обряд и ритуал не имеют этого заклинательного значения чар; они улетучились в предание и поэтическое действие, не лишенное изящной торжественности, украшающей важные минуты и события жизни, возвышающей их над прозаическим течением ежедневности.

Откуда взялось это поразительное различие, которое теперь мало-помалу сглаживается, но еще лет 20-30 тому назад бросалось в глаза? Произошло ли оно вследствие влияния финской примеси или вследствие внешних условий и обстановки западнорусских колоний в новой родине? Разрешение этих вопросов пролило бы яркий свет на начало и процесс образования великорусской ветви. Замечательно, что в бывших новгородских колониях обрядовая сторона народной жизни имеет, кажется, более светлый и поэтический характер [34]; но в то же время нельзя сказать, чтобы у одних заведомо обрусевших финнов замечался тот характер обряжности, который мы выше приписали великорусам. При теперешнем состоянии русской этнографии вопрос такой существенной важности неразрешим и для разных предположений открывается широкое поле. Одно только можно, кажется, вывести с некоторой вероятностью: выселенцы в Великороссию из западной Руси – смешались ли они с туземцами-финнами или нет – переродились в новой родине. Характер их миросозерцания, их обрядов и поверий указывает на какой-то перерыв

во внутренней жизни русского племени, который можно объяснить и чужой примесью, и суровой, негостеприимной страной, в которой они поселились. Такого перерыва не было у западнорусов, оставшихся на старых местах, продолжавших развиваться на том же корню, под более благоприятными географическими и климатическими условиями.

Отсутствию культуры в миросозерцании древнейших великорусов отвечало отсутствие ее и в их социальном быту. Прямыми источниками для его изучения служат опять народные праздники, обычаи, нравы, пословицы; вспомогательным – вся наша история до Петра. Ни в чем, может быть, привычка наша перемешивать разные обычаи и нравы и выводить из этого пестрого материала общие выводы не оказала нам такой плохой услуги, как в понимании русской истории. Наклонность и способность славянского племени, в том числе и русских, к общинной и артельной жизни не подлежит сомнению. В минуты великих общественных бедствий и радостей, при всех чрезвычайных случаях и событиях эта сторона славянского характера всегда выступает у нас на первый план весьма ярко. Другое дело – ежедневная, будничная жизнь. Основная черта народного характера будет стремиться выразиться и в ней; но в какой степени она проникнет собою подробности частного и общественного обыденного быта и в каких именно формах выразится – это уже зависит от исторического возраста народа, от условий его развития, от тысячи разных обстоятельств, в которые поставлена народная жизнь. Обстоятельства могут задержать, подавить, исказить народный характер и, наоборот, могут способствовать его правильному раскрытию. Как в жизни частного человека, так и в жизни народа могут выдаваться целые эпохи, когда основной фонд его характера как будто совсем исчезает, а на самом деле только дремлет и впоследствии снова выступает наружу. Потому-то большая ошибка задаваться каким-нибудь, хотя бы неоспоримым, несомненным народным свойством и делать из этого посылку, что оно непременно выражалось в каждую эпоху жизни того народа, даже когда данные противоречат

такому выводу; большая ошибка смешивать быт разных ветвей одного и того же народа и известные черты, встречаемые у одной из них, переносить на другие.

В жизни западной России уже в отдаленную эпоху заметно большое движение: есть городские общины, есть какие-то зачатки феодальных отношений, есть намеки на аристократические элементы. Очень рано появляется дележ наследства – признак развития начала личности. Таким образом, в западнорусском населении общественный быт и отношения представляют в начале истории некоторое разнообразие и сложность. Следы этого сохранились до сих пор в тамошней семье и общине, особливо в Малороссии, чему, конечно, значительно способствовала и последующая история.

Совсем другое находим в Великороссии. С тех пор как здесь образовалась особая ветвь русского племени, ни которого из названных выше общественных элементов мы в ней не встречаем. В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится – именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно так выразиться, древнейшая, первобытная и простейшая ячейка оседлости общежития. Этот начальный общественный тип играет бóльшую или меньшую роль во всех малоразвитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великорусов. В крестьянском быту он еще в очень недавнее время живо сохраняется в первоначальном виде, когда общество и государство уже приняли другие формы [35]. Не говоря о внутреннем устройстве крестьянской семьи и семейных отношений, личных и по имуществу, припомним значение очага в народных поверьях: бесчисленное множество примет, относящихся к избе, печи, угольям; особенные, полуязычеcкие обряды, сопровождающие основание новой усадьбы и переход в новую избу, причем горящие уголья играют такую важную роль.

Таким образом, зачатки великорусского элемента, лежащего в основании Московского государства и Российской Империи, были, по-видимому, вот какие: в XI или XII в. переселенцы двинулись разными путями из западной России на восток, в финские земли. Они не принесли с собой никакой культуры: ни умственной, ни гражданской [36]. В новой родине, печальной и суровой, они не нашли ни образованных народов, ни даже остатков прежде бывшей культуры. Туземцы, финские племена, разбросанные на огромном пространстве нынешней Великороссии, подпали постепенно под власть и влияние переселенцев и, может быть, смешались с ними, всего вероятнее, стали постепенно обрусевать и таким образом внесли новую кровь, новые элементы в русское начало, принесенные колонистами с запада. Под влиянием новой почвы, новой обстановки и притока финской крови сложилась постепенно новая ветвь русского племени. По мере того как она вырабатывалась и получала свою особую физиономию, подготовлялись элементы для новой государственной формации, резко отличающейся, подобно своей основе, от всего, виданного дотоле. На характере великорусов отразилась история их происхождения и постепенного образования; а характер этот, в свою очередь, определил особенности гражданского и государственного строя, который образовался у этого удивительного народа. Переселенец стал на новой почве колонизатором и распространился постепенно по громадной территории. В вековых трудах расселения образовалась та подвижность, то умение найтись в трудных обстоятельствах, тот практический такт в сношениях с инородцами, которыми так отличается великороссиянин перед своими соплеменниками. Преобладанием в новом отечестве над всеми другими племенами объясняется то чувство превосходства над инородцами, которое великорусы глубоко носят в своей душе, хотя не всегда высказывают. Не принеся с собою из родины никакой культуры и не найдя ее на новой почве, переселенец посреди тяжких условий, в которые был поставлен в негостеприимном климате и в дикой стране, долгое время осужден был оставаться при грубых умственных и со-

циальных зачатках первобытного человека. Трудная, упорная борьба с природой-мачехой, поглощая все силы, не оставляла ему досуга для высших помыслов, развила рядом с суверенным фатализмом – признаком гнетущей внешней обстановки – какой-то грубый реализм и надолго помешала образоваться в нем той идеальной сдержке, которая дает человеку точку опоры против окружающего, против изменчивости обстоятельств и случайностей, как бы влагает в него центр тяжести, поддерживающей равновесие посреди бурь житейского моря и в то же время служащей складалищем опытности и воспоминаний, накопленного жизнью умственного запаса. Не без основания ставят великорусам в упрек большую плутоватость, отсутствие предусмотрительности, жизнь со дня на день; замечают с изумлением, что у этого народа как будто нет исторической памяти, что величайшие события и эпохи его истории как будто пронеслись над его головой незаметно, не оставя почти никаких следов в народных воспоминаниях. Как ни различны между собою все эти черты, но они сводятся к тому же первобытному, непосредственному реализму, которого источник скрывается не в прирожденных свойствах великорусов, а в полном отсутствии культуры русских масс, выселившихся первоначально из западной России, в совершенном отсутствии культуры на почве, на которую они пришли, и в тех внешних условиях, в которые они были здесь поставлены, в том труде, на который были здесь обречены в течение столетий.

Для полноты этой характеристики великорусского элемента необходимо коснуться еще двух его особенностей, которые объясняются сказанным выше и без него остаются совершенно непонятными.

Западнорусские переселенцы были уже христианами, когда перешли в новую родину и перенесли на финскую почву Церковь восточного исповедания со всеми ее учреждениями. Несмотря на то, что языческое миросозерцание упорно держалось между колонистами, даже до позднейшего времени, название христианина стало отличительным их признаком посреди язычников-туземцев и надолго заменило сознание

народности. Русский и православный в народном понятии – одно и то же; православный, хотя бы и не русский по происхождению, все-таки считается русским; природный русский, но не православной веры, не признается за русского. Итак, в Великороссии христианская вера восточного исповедания стала народным знаменем, заступила место народности. Этим объясняется огромное политическое значение Православия в Великороссии; в западной России оно получило его впоследствии, под влиянием борьбы с римским католичеством. Хотя, таким образом, оно играет великую роль в целом русском племени, однако характер его на западе и востоке был весьма различен, на что, как нам кажется, не обращено еще должного внимания. В XVII в. малороссияне укоряли москалей за чрезмерный формализм в делах веры, за то, что внешняя сторона поставлена у них на первом плане и производит непримиримые вражды и пагубные раздоры братьями и христианами. Не раз слышались после того с разных сторон подобные же укоры, но уже православной вере, свидетельствующие о полном непонимании дела. Обобщая упреки и относя их к исповеданию, теряют из виду народ. Христианство принимается внешним или внутренним образом, смотря по степени культуры; в ней, а не в Православии, дóлжно искать причины различного характера, который оно долго имело в восточной и западной России. Пока языческое миросозерцание не было вполне отжито великороссиянами, до тех пор они не были в состоянии усваивать духовное содержание Христианства и останавливались преимущественно на его внешней, обрядовой стороне, приноровляя христианское учение и истины к своим полуязыческим представлениям и верованиям. Задержанные в своем развитии на новой почве, западнорусские поселенцы, естественно, гораздо позднее стали доступны внутренней, духовной стороне Православия, чем их братья в первоначальной родине. Флетчер [37], бывший в Москве в конце XVI в., прямо называет нас язычниками. Весьма знаменательно, что туземные ереси и расколы появляются в Великороссии не прежде XVII в. [38] и еще в XVIII в. вращаются около одних внешних, обрядовых

и богослужебных предметов, глубоко погружены в церковный формализм. Предшествовавшие им ереси и секты частью занесены к нам, по-видимому, из Византии, частью, кажется, с запада или, что, может быть, вероятнее, образовались в областях (преимущественно в Пскове), принадлежащих по своему происхождению и степени культуры к западнорусским группам. В западной России развитие продолжалось на том же корню, на котором началось, и потому культура была сравнительно выше; вот почему и Православие воспринималось здесь более и более духовно, что и дало западной России силу бороться с римским католичеством духовным оружием. В Великороссии Православие, соответственно ее степени культуры, получило характер государственного и политического учреждения, под покровом которого окрепло и выработалось национальное сознание. Не понимая этого, нельзя понять русской истории. А между тем еще не так давно люди высокого образования, извращая вопрос, думали, что Православие, отделив нас от остального образованного европейского мира, задержало наше развитие и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости в культуре от прочих народов [39]. На самом деле оказывается, что мы сильно отстали в культуре от Европы потому, что жизнь Великороссии началась с азбуки, с самой первой ступени оседлого быта, едва ли ранее XII в., при самых неблагоприятных условиях, в каких когда-либо находился другой народ. Не Православие заражено формализмом, а мы восприняли его преимущественно с формальной, внешней, обрядовой стороны, потому что по степени развития были неспособны подняться до внутреннего, духовного содержания Христианства. И при всем том Православие оказало России неисчислимые услуги. Благодаря ему мы сохранили сознание национального единства и не сделались добычей других христианских народов, опередивших нас в образованности. Православие дало возможность в тиши и уединении сложиться и окрепнуть славянскому зародышу, заброшенному в дебри и пустыни, на край света; оно хранило его и оберегало до тех пор, пока из этого слабого зачатка образовалось могучее по-

литическое тело, которому не страшны стали внешние борьбы и бури. Будь мы с самого начала колонизации римскими католиками или сделайся ими вскоре после водворения на новой почве, мы были бы роковым образом втянуты в круг западноевропейского развития, которое, по крайней мере, до сих пор, действовало разлагающим образом на все славянские племена, которых коснулось. Последнего термина этой посылки мы не знаем: он еще впереди. Не может быть никакого сомнения в том, что славянские племена не могут развиваться, не усвоив себе плодов высшей, европейской культуры; но вопрос вовсе не в этом, а в том, когда, на какой ступени развития они могут принимать в себе европейский элемент, не теряя своей политической и народной самостоятельности, – на это история отвечает очень категорически примером России и прочих славянских государств и народов.

Другое характеристическое явление русской жизни, получившее свой особый оттенок в Великороссии, есть склонность к молодечеству, к разгулу, к безграничной свободе – удаль, не знающая ни цели, ни предела. Профессор Соловьев очень метко и верно указал на огромную роль, которую эта черта играет в нашей истории. Она создала казачество; она наводнила страну разбойничьими шайками; она производила страшные взрывы, потрясавшие государство, и выступает во всех наших внутренних смутах. Черту эту нельзя объяснить ни административным гнетом, ни склонностью к переходам и бродячей жизни, ни частыми разорениями, отучавшими народ от оседлости, ни крепостным правом; все эти обстоятельства, конечно, вызывали наружу указанную черту характера, может быть, усиливали ее, но нам не объясняют, почему она в нас есть, почему принимает у нас такие невиданные и небывалые формы. Один из ее элементов, бесспорно, – большие силы, ищущие простора и деятельности и не находившие их в ежедневной житейской обстановке. Но такие же громадные силы чувствуются и в североамериканце. Отчего же они проявляются у него иначе – в гражданской деятельности, труде, промышленной предприимчивости? Поэтому-то мы и думаем, что должен быть еще

другой элемент, которым эта черта нашего характера вполне объясняется. Разгадки опять-таки до́лжно искать в отсутствии культуры, к чему мы беспрестанно должны возвращаться, объясняя многие особенности нашей истории и быта. Молодечество, безграничная удаль, разгул, стремление к безграничной свободе, которая манит человека из гражданской обстановки в поля и леса, на приволье, есть лишь оборотная сторона той внешней обрядности, того предохранительного и спасительного ритуала, которым человек без культуры обставляет каждый свой шаг из боязни, чтобы ему не приключилось какой беды. Им не руководит внутреннее сознание, полагающее границы деятельности и указывающее способы, как действовать; его извне как бы опутывает обряд и обычай, которому он подчиняется слепо, по привычке или из боязни его нарушить. Натура не особенно сильная сдерживается этой внешней уздой, но сила с ней не уживается: она разрывает гнетущие ее внешние оковы и, не умеряемая внутренним содержанием, истощается в безграничном и беспредметном разгуле. Глубоко проходит эта черта через всю русскую жизнь; беспрестанно отзывается она в ней. Послушайте рассказы, как кутит наемный рекрут-охотник до окончательного поступления на службу! Кто не знает и не видал своими глазами, как человек, долго живший порядочно и честно, вдруг ни с того ни с сего сбивается с толку и делается никуда не годным. Сколько у нас людей, проведя жизнь, чуть-чуть не до старости, за каким-нибудь делом, вдруг без всякой причины бросают его и начинают фантазировать в ущерб своей деятельности и материальному положению. Сколько можно привести других подобных примеров из самых различных слоев нашего общества и самых разнородных положений и профессий! Струна казачества в нас еще не совсем заглохла и все еще звучит от времени до времени. В образованных слоях нашего общества внешний формализм, с одной стороны, удаль и разгул – с другой – переносятся в сферу мысли и духовной деятельности. Нравственная пустота, сила без внутреннего центра тяжести – вот элементы нашего умственного казачества [40]. Так долго переживаются первобытные черты,

так трудно пополняется пробел духовной, внутренней стороны, завещанный отдаленными веками.

II

Указывают как на особенность и странность русской истории, что в XI и даже в XII в. мы стояли по образованию выше современных европейских народов, но с тех пор они развивались далее, а у нас культура почему-то начала падать. Причины этого явления приписывают нашествию монголов и татарскому игу. Но значение ига сильно преувеличивается. Другие иронически замечают, что не будь у нас татарского владычества, не было бы и Московского государства [41]. Которое же из этих двух мнений справедливо? Было ли татарское иго для нас злом или благом? Нет сомнения, что татарское владычество было горестным, тяжелым и несчастным эпизодом русской истории; оно нас разорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитие, легло тяжким бременем на наши плечи; но напрасно станем мы отыскивать следов органического влияния диких кочевников на нашу жизнь. Несколько слов, позаимствованных русскими у татар, так же мало доказывают такое влияние, как турецкие слова, вошедшие в сербское наречие, – влияние на сербов турецкого элемента. Учреждений у татар мы никаких не заимствовали, да и трудно было их заимствовать у победителей и господ, которые правили нами издалека. Словом, нам не известно ни одного явления русской жизни, которое бы мы вынуждены были приписать органическому влиянию на нее татарщины и не объяснялось бы собственным, внутренним развитием западнорусских поселенцев на новой почве. Что Московское государство сложилось благодаря татарам – об этом смешно и говорить. Стремление к объединению Великороссии появилось очень скоро после начала колонизации и беспрестанно проявлялось под самыми различными формами; Московские князья только воспользовались татарским игом для достижения той же цели, которую имели и другие князья, их предки и современники; а между умением воспользоваться

обстоятельствами, умением при их помощи провести план и фактами или условиями, определяющими развитие исторической жизни, есть огромная разница, которой можно пренебречь остроумия ради, но которую нельзя оставить без внимания при серьезном разрешении исторического вопроса.

Причина кажущегося попятного движения нашей культуры лежит не в татарском иге, а гораздо глубже. Чтобы выяснить ее, необходимо хорошенько условиться в том, о чем мы хотим говорить. В Малороссии, в северо-западной России культура нисколько не понизилась. В первой вечевое и дружинное начала продолжали развиваться по-прежнему; создалась сильная аристократия, с которой боролись князья. Южнорусские летописи исполнены высокого драматического интереса, указывающего на деятельную, умственную и нравственную жизнь тамошнего населения. Такою же полною жизнью продолжала жить и северо-западная Россия, к которой принадлежала не одна Белоруссия, т. е. кривичи, но и славяне – новгородцы и псковитяне, признаваемые и Шафариком за особую группу [42]. Здесь развилась преимущественно муниципальная жизнь, промышленная и торговая деятельность, и муниципии этого края продолжали сильно и быстро развиваться; никакого упадка культуры не заметно; напротив, видно постепенное ее усиление. Быстрое обрусение литовцев, покоривших западную Россию, тоже говорит в пользу тамошней культуры. Наконец, живой интерес к вопросам веры и Церкви, религиозные борьбы, в особенности с римским католичеством [43], вызвавшие большое умственное движение, создавшие школы и целую духовную литературу, не доказывают упадка культуры, а, напротив, подтверждают, что она пустила здесь корни.

Итак, говорить об упадке образованности можно только имея в виду одну Великороссию. Но будет ли точно это выражение? Основываясь на том, что сказано выше, мы думаем, что нет, что культуры здесь вовсе не было, и потому упасть она не могла. Нас вводит в заблуждение то простое обстоятельство, что в самом начале колонизации Великороссии с запада переселенцы принесли с собою живые воспоминания о

родине; в княжеском роде и высших слоях населения сначала поддерживались с нею связи; очень возможно, что новые выселения освежали эти воспоминания, точно так же, как и частные перемещения князей и дружинников из западной России в восточную и обратно. Таким образом, сначала происходил естественный обмен между западной и восточной Россией, что и поддерживало некоторое время западнорусский строй жизни на новой почве. Оттого-то мы сперва не видим резкого перехода от западной России к восточной; в последней сначала как будто происходит то же самое, что в первой: видны те же интересы, та же оживленная жизнь. Но когда связи между обеими половинами русского мира понемногу ослабевают и прекращаются, жизнь Великороссии, не обновляемая более новыми переселенцами и выходцами из западной России, перестает искусственно поддерживаться на одинаковой высоте с последней и приходит мало-помалу в естественный уровень с теми элементами, которые сложились на месте. С тем вместе оживленное движение, характеристические образы, поэтические черты, свидетельствующие о том, что довольно развитая индивидуальность лежит в основе общественности, мало-помалу бледнеют и замирают. Летописи становятся сухи и прозрачны, превращаются в календарь событий; личность деятелей стирается за голыми фактами, точно будто замедлился пульс общественный. Другого, конечно, и не могло быть, когда первоначальные элементы жизни Великороссии, которые мы характеризовали выше, мало-помалу начали вступать в свои права. Грубейший, первобытный реализм слагающегося народа при полном отсутствии благоприятствующих культурных условий постепенно стал выдвигаться из-под временного наплыва западнорусской жизни. Следовательно, мнимый упадок культуры состоял только в том, что действительная основа жизни Великороссии стала проступать наружу из-под обманчивого, наносного, чуждого покрова.

В высокой степени любопытно и поучительно проследить в истории Великороссии постепенное развитие тех зачатков, на которые мы указали выше. Один и тот же материал –

русское племя, – поставленный только в разные условия, дает на западе и востоке России совершенно различные результаты, вырабатывается в различные формы, под которыми лишь с трудом можно разглядеть общее всем им основание. Интерес такого исследования перестает быть местным, русским и становится всемирно-историческим, когда вспомним, что внутренним ходом великорусской жизни поставлен и разрешен вопрос государственного существования, а следовательно, политической независимости и самобытности славянского элемента. История показывает, что для этого недостаточно было одного ума, личной доблести, талантов, в которых никогда не было недостатка у славян: нужен был целый строй жизни, который выдержал бы в суровой дисциплине мягкий, расплывчатый, впечатлительный, женственный славянский элемент до эпохи его исторической возмужалости. В Великороссии он отрешился от остального образованного мира и влияния высшей культуры и должен был сам в себе искать условий государственной жизни, соответствовавших его историческому возрасту. Он и нашел их. Из своей уединенной, своеобразной и тяжелой жизни он вынес то, чего прочие славянские народы напрасно искали другими путями.

Постараемся теперь показать в общих чертах, какое влияние имел обрисованный выше характер зачатков великорусской жизни на все наше последующее развитие. Культурные условия этих зачатков отзываются как основной тон в целом ходе нашего образования и гражданского быта даже до настоящего времени.

Мы сказали выше, что Православие заменило нам вначале сознание народности. Отсюда тогдашний государственный и политический характер нашей Церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единение задолго предшествовало государственному и в течение столетий подготовляло его. Переезды митрополитов из Киева во Владимир, а отсюда в Москву были столько же государственными, сколько церковными событиями, даже более государственными, чем церковными. Алексей митрополит навлекает на себя

сетования патриарха за то, что держит сторону Московского князя в распрях его с удельными. Церковь стоит во главе народных войн против татар, благословляет на подвиг Дмитрия Донского, склоняет колеблющегося Ивана III. Во всех важнейших политических событиях, решавших судьбу нарождающегося государства, Церковь играет первую роль; она его вскормила, выходила и передала на руки светской государственной власти, когда процесс образования политического тела уже совершился. Не понимая этого высокого призвания в судьбах Великороссии – призвания, определившегося составными стихиями последней, – нельзя понять характера нашей Церкви в древнейшую эпоху великорусской истории.

Так же значительна была и образовательная роль Церкви. Если мы ее недостаточно ценим, то единственно потому, что не берем в расчет среду, на которую ей приходилось действовать. Изукрашая старинный наш быт вымыслами или просто не думая о нем вовсе, мы бы хотели видеть в тогдашней деятельности нашей Церкви большее развитие нравственных, духовных элементов, большее обращение к уму и сердцу людей. Но рассмотрите внимательно памятники: они разрешают все недоумения. Церкви приходилось бороться не со злой волей или развращенным умом, а с грубейшими языческими нравами, с дикими предрассудками, с первобытным реализмом, при котором люди приближались к зверям и бессловесным. Борьба эта продолжалась через всю древнюю историю, местами и до сих пор. Встречаются и теперь кое-где в захолустьях примеры невообразимой дикости нравов. Имея дело с такой средой, Церковь должна была вооружиться не проповедью, не поучением, а внешней дисциплиной, чтобы сперва хоть наружно приблизить этих людей к образу и подобию Божию. Знакомый хоть сколько-нибудь с теперешними нравами и обычаями нашего народа не станет отрицать, что они еще очень грубы и суеверны. Что же было в древние времена и каково было ведаться с ними? Церковь и делала, что могла, прибегая к единственно возможным тогда и самым действительным средствам. Прибавим к этому, что личный

состав ее обновлялся под конец большею частью из туземцев; следовательно, в нее по необходимости вторгались те же самые элементы, которые она призвана была воспитывать.

Вообще ход нашего образования – и духовного и светского – вследствие всей совокупности условий, при которых возникла жизнь Великороссии, был очень своеобразен. Развитие культуры было чисто внешнее; вместо самодеятельности видим пассивное воспринятие чужого; меньшинство является проводником этого чужого в нашу жизнь, и потому весь культурный процесс идет сверху вниз, из вершин общества в народные массы. Припомним, что переселенцы из западной России явились в Великороссию без всякой культуры и, следовательно, без зачатков духовного развития; что новая их родина была точно такая же и не внесла непосредственно в их жизнь никаких образовательных элементов; что затем и после, в продолжение всей нашей истории, односложность нашего быта никогда не нарушалась притоком в наш народный состав чужого племени или наплывом завоевателей; что, наконец, в течение столетий все силы Великороссии были обращены на грубый материальный труд заселения дикой страны между дикими племенами и при самых враждебных человеку природных условиях. Все эти обстоятельства, вместе взятые, на целые века сделали невозможным развитие великорусской ветви из самой себя. Ее не воспитывала среда, в которой она жила; нравственная и умственная сторона в ней дремала. Единственным путем культуры Великороссии – путем окольным и чрезвычайно длинным – было постепенное, так сказать, всасывание в себя образовательных элементов извне, из других стран, более образованных. Наша подражательность, обезьянничанье, наша падкость к новому и чужому, наша способность принимать всевозможные виды и образы ставятся нам в укор; но такая восприимчивость и впечатлительность, выработанные в нас, правда, до виртуозности, доказывают только отсутствие в нас всякого содержания и сильную потребность наполнить эту пустоту единственным способом, который остается, – впитыванием, вдыханием в себя образовательных элементов из-

вне. Эти внешние влияния чрезвычайно медленно оседали в народе и продолжали жадно восприниматься отовсюду до тех пор, пока почва не напиталась ими и не народилась для самостоятельного, нравственного и духовного развития.

Отсюда множество явлений в нашей жизни, на которые мы теперь горько жалуемся, потому что время их проходит. Внешний характер образования, раздвоенность общества, отчуждение высших слоев народа от низших и высокомерное отношение первых к последним, посягательство незаметного меньшинства на обычаи и нравы большинства народа – все это обусловливалось стремлением грубой среды к культуре. Нам не нравятся теперь формы, в которых оно выразилось; но они были такие, а не другие, именно потому, что такова была среда. Иной ход образования, иные формы стремления к нему для нее были невозможны.

Отсюда же и другая особенность развития нашей культуры, на которой нельзя не остановиться – так она поразительна. Попытки меньшинства водворить в большинстве внешние формы образованности, заимствованные от других народов, не имели и не могли иметь между собой никакой органической связи, потому что вытекали не из хода внутренней жизни, а определялись внешними материалами, которые случайно попадались под руки и, следовательно, тоже не могли иметь между собою никакой внутренней связи. Преобразования на греческий лад при Иване III [44], польские и литовские влияния в XVII в., западноевропейские влияния в XVIII и в первой половине XIX в. представляют этому обильные примеры. Нередко страшные силы поглощаются в таких попытках бесследно, целые направления вдруг возникают и вдруг же исчезают. Существование у нас литературного памятника, книги, произведений искусства на русском языке и с кажущейся русской обстановкой не дает еще права заключать, что это продукт народной жизни, не доказывает, что мысль и направление, которые в них выражаются, нашли в стране сочувствие, привились, были распространены; такие памятники очень часто оказываются переделками или переводами и ино-

странных образцов, делом прихоти, вкуса, мысли небольших кружков, даже отдельных личностей; круг действия и влияния этих памятников и произведений ограничивается нередко небольшим числом любителей, в лучшем случае известным слоем общества, составляющим незаметное меньшинство. Потому-то, разрабатывая историю нашей культуры, мы ходим на почве весьма шаткой, не представляющей ничего органического. Между несомненным фактом и средой, в которой он оказывается, не существует необходимой, непосредственной связи и потому не может быть сделано безошибочной посылки от первого к последней. Изложите, например, весь ход русской литературы от начала до конца; разберите и объясните подробно все ее памятники – и вы все-таки не будете иметь истории развития русской мысли в литературе; отбросьте наплывной материал, и в результате останется, кроме природного таланта, отрицательное отношение к среде и развитие языка, выработка самостоятельной формы для выражения будущей самостоятельной мысли. То же и во всем остальном.

Обратимся теперь к гражданскому и государственному быту Великороссии: он точно так же представляет своеобразное развитие зачатков, принесенных сюда переселенцами с запада, поставленных в условия, о которых мы уже говорили выше.

Первобытный, начальный тип оседлого общежития – дом или двор – лежит в основе великорусской общественности до самого Петра Великого. Где было завоевание или хоть добровольное призвание чужеземцев, там в жизнь вносится дружинный элемент, из которого впоследствии развивается аристократия или олигархия. Где ранние поселения становятся центрами торговли и промышленности, там развивается со временем муниципальная жизнь и поселения обращаются в государства, наподобие древних и средневековых городских республик, с городским патрициатом и чернью. Но где ни того, ни другого нет, где народ слагается из самых первобытных элементов, не имеет никакой культуры и не находит в стране высшей образованности, которая могла бы иметь на него непосредственное, ежедневное влияние, там формы об-

щежития могут быть только развитием дома или двора, этой первичной социальной ячейки, общей всем оседлым народам в мире. Если никакие внешние обстоятельства не помешают ее естественному развитию, например, если народ не обратится в военную дружину и не получит вследствие того военного характера и устройства, то тип дома или двора мало-помалу непременно разрастется и определит характер всей гражданской и государственной жизни.

Так и случилось в Великороссии. Едва ли есть другая страна в мире, которая представляла бы такое полное, беспримесное и последовательное развитие типа двора или дома от первых его зачатков до высшей ступени; едва ли где этот тип так выносился и вызрел, как в Великороссии. У малороссиян в составных элементах общества находим присутствие дружинного начала; у северо-западных отраслей русского народа муниципальный элемент рано начал играть важную роль. Ничего подобного нет в Великороссии, с тех пор как здесь сложилась особая ветвь русского племени.

Эта характеристическая особенность великорусского быта имеет неизмеримую важность. Ею объясняется беспримерная его своеобразность. Благодаря ей древний быт Великороссии представляет небывалую социальную формацию, которая не может быть обойдена во всемирной истории, заносящей на свои страницы всевозможные типы человеческих обществ. Что же касается русской истории, то в ней шагу нельзя ступить, не возвращаясь беспрестанно к особенностям социального развития Великороссии: здесь ключ к правильному пониманию глубоких общественных различий между древней западной и восточной Русью и различных политических судеб обеих половин одного народа в течение столетий; здесь, наконец, разгадка множества явлений нашего быта, нашего прошедшего и настоящего, всего нашего народного характера.

Дом или двор, как мы уже сказали выше, представляет человеческое общество, поселенное на известном месте, состоящее из членов семьи и домочадцев и подчиненное власти одного господина, домоначальника. В этой социальной едини-

це заключаются, как в зародыше, зачатки всех последующих общественных отношений: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство.

Развитие древнего великорусского общества и государства действительно представляет выделение и самостоятельное развитие этих зачатков. Сначала дом или двор оставался, как еще недавно у наших крестьян, постоянной единицей, к которой все приурочивалось. Отделившийся член семьи переставал принадлежать к этой единице и не имел в ней никакой доли; только наличные члены дома принадлежали к нему и участвовали в нем. На этой ступени развития связи личные и определяемые местом жительства не различаются. Так у наших крестьян: сын, отделившийся от семьи, переселившийся в другое место или отданный в солдаты, и дочь, выданная замуж, – отрезанные ломти, не имеющие части в семейном имуществе, которое скорее принадлежит дому, двору, чем главе семейства. Развитие этой первичной формы общежития выражается сначала в том, что личные связи перестают совпадать с сожительством в одном дворе или доме и получают самостоятельное значение. С тем вместе выдвигается на первый план союз семьи и родства независимо от места поселения, причем общее достояние двора или дома обращается мало-помалу в личное имущество главы семейства или родоначальника и после его смерти делится между членами того семейства или рода. Вслед за тем и союз свойства получает значение и становится основанием прочных личных связей; дочь, выданная замуж, уже перестает быть оторванным и чуждым членом семьи: укрепление личных связей, основанных на родстве, делает безразличным, где она живет – между своими или чужими. По личным связям и чужие делаются своими. Рабы обращаются в имущество, предмет гражданских сделок.

На этих-то простейших основаниях построена общественность древней Великороссии. И частный, и государственный быт ими проникнуты. Политическая организация удельных княжеств – если только к ним идет это выражение – приводит к тем же основаниям по мере того, как забываются

западнорусские формы, занесенные во время колонизации. Княжеская дружина преобразуется в княжеский двор, который состоит из князя, членов его семьи и дворян, слуг княжих. Княжество принадлежит князю, есть его наследственный удел; князь – дедич и отчич княжения. Тип этот лежит и в основании Московского государства: он только раздвинулся, принял громадные размеры. Точно так же, как прежде князь, так теперь Московский государь есть отчич и дедич Московского государства. Царский дом, или двор, состоит из членов царского семейства. Слуги царя, или холопы, окружают его, нисходя по степеням от высших, приближенных, до низших. Прибавляется только к прежним составным элементам двора, или дома, – народ, «сироты царские», т. е. состоящие под защитой, охраной и попечением государя.

Собственно говоря, переход от удельной системы к государственному единству был возвращением в государственной сфере к первоначальному типу двора или дома. Во время уделов княжества обратились в имущество князей, которое они делили между членами своего семейства, покупали, продавали. С Дмитрия Донского начинает вырабатываться ясное представление о государственном единстве и о единстве государственной власти, вследствие чего часть, доставшаяся великому князю, становится все больше, а часть прочих князей – все меньше. С Ивана III все владения переходят в руки одного государя, а остальным князьям достаются ничтожные уделы. Итак, можно сказать, что с этого времени в государственной жизни Великороссии начальный тип дома или двора восстановляется во всей своей первоначальной чистоте и остается господствующим до Петра Великого. Если это не вдруг бросается в глаза, то причины следует искать в том, что внешние наслоения, разные, заимствованные извне, формы заслоняют от нас действительную сущность дела. Западнорусское преставление о великом князе усвоено и Великороссией: оно занесено сюда переселенцами. Но как же различно оно здесь и там! Западнорусский великий князь есть старший из князей, глава княжеского рода; в Великороссии он пере-

рождается в территориального владельца. Великое княжение из власти становится областью. При помощи великого княжения старший, великий князь делается материально сильнее прочих князей, и это мало-помалу ведет к объединению всей Великороссии под властью великокняжеского двора, или дома. Иван III усваивает туземному, великорусскому типу внешние формы византийской царской власти. Таким образом, западнорусская форма заменилась иною, греческой; но сам тип власти, в сущности, остался тот же самый, каким был и вытекал из самых основ великорусской жизни.

Тот же самый тип лежит и в основании крепостного права, которое было лишь одним из его выражений. В XIX в. крепостное право под влиянием европейских экономических воззрений и заметно усилившегося промышленного развития начало местами вырождаться в отталкивающую, возмутительную эксплуатацию людей из барыша; юридическое право на человека стало обращать его в капитал, из которого можно и до́лжно прежде всего извлекать наибольший процент. Крепостное право начало, таким образом, обращаться в рабство, что и ускорило его падение. Но в древней России оно не имело этого характера. Оно было только властью, иногда жестокой и суровой вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека. Крепостное право не исключало попечительности о людях, справедливости в обращении с ними, правильного, не слишком тяжелого определения их обязанностей и повинностей. Так называемые патриархальные отношения между владельцами и их крепостными вытекали из того, что основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта – дом или двор. Такой характер сохранило у нас крепостное право, у большинства владельцев даже до позднейшего времени, не успев получить ни строго юридического, ни строго экономического характера, как, например, в Польше и западных губерниях.

Говоря о крепостном праве, мы теперь представляем себе только известные отношения частного права, упраздненные на наших глазах и едва подозреваемые, что они были запозда-

лым остатком целого общественного строя, который в старину господствовал исключительно в нашем государственном и частном быту. Княжеские слуги имели сначала вольный переход от князя к князю; когда утвердилось московское единодержавие, такие переходы запрещались и наказывались как преступление. Точно так же и крестьяне сначала вольно переходили от владельца к владельцу, а потом такие выходы прекращены. В XVII в. строго разграничены между собою разные разряды, «чины», отправлявшие царскую службу и тягло, с запрещением перехода из одного разряда в другой под страхом наказания. Самые по природе своей свободные промыслы, как, напр<имер>, торговля, подведены под то же самое начало; московские купцы обращены на царскую службу и образовали особый служебный разряд, к которому приписывались принудительно торговцы и посадские других городов, смотря по потребностям царской службы, и из которого не было добровольного выхода в другие разряды. Мало-помалу это начало распространено на все виды царской службы: пушкари и печатники, мастера и рабочие разного рода приписаны наследственно каждый к своему ведомству без права перехода к другому занятию. Вместе с тем каждый приписанный к княжеству, частному владению, служебному разряду или ведомству поступал под полную их власть, суд и управление. Следы этого порядка дел удержались до позднейшего времени и окончательного отменены лишь в нынешнее царствование; сохранились они теперь, и то отчасти только, в сословии белого духовенства. Такое стремление каждого землевладения, каждого ведомства, каждого особого управления замкнуться в особую единицу, составить особое целое с полною властью над принадлежащими к нему лицами характеризует великорусский быт в течение всего московского периода и получило полное развитие в малейших подробностях гражданской и государственной жизни в XVII в. Следовательно, крепостное начало было в то время, можно сказать, основанием всей нашей общественности, а это начало прямо вытекло из первообраза великорусского быта – двора или дома. Потому-то оно и

было в нравах. Чадам и домочадцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии «государя», казалось очень естественным состоять под его «наказанием» (т. е. и наставлением, и исправительным взысканием). Эпитет «грозный» выражал хвалу, по крайней мере, одобрение, а никак не порицание. Не наставлять, не руководить, не руководить подвластных, не взыскивать с них, когда они того заслуживали, считалось в глазах самих подвластных предосудительным признаком равнодушия, невнимания. Рассказ Олеария о русской жене иностранца, которая плакала о том, что муж никогда не бил ее [45], есть карикатура, но не злостная выдумка; в основании этого рассказа лежит правда, которую ни Олеарий, ни передававший этот случай не поняли, потому что она лежала совершенно вне круга их понятий. Еще на нашей памяти простолюдин после наказания благодарил за то, что его учили уму-разуму. В старые времена это было у нас повсеместно делом самым обыкновенным. Факты такого рода, а их можно привести множество, чрезвычайно характеристичны. Они доказывают, что древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекавшим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием. Теперь нам становится трудно вдуматься в этот строй жизни, потому что мы из него выросли; но в народных массах он еще жив – во взгляде на вещи, в привычках, пословицах и преданиях, и пройдет еще много, много времени, пока он совсем забудется. Подчиненный власти считал себя в древней Великороссии не рабом, не предметом промышленной эксплуатации, а несовершеннолетним, неразумным, малосведущим, темным человеком, которого надо учить, наставлять, вразумлять и направлять. Оттого и наказание считалось мерою исправления, а не делом каприза, своеволия или жестокости. Такой взгляд образовался, как сказано, по той причине, что крепостное право возникло из домашней власти и развилось по ее образцу; потому-то именно оно и не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. Одно глубокое непонимание дела

может переносить на этот склад жизни юридические понятия и измерять его последними. Постепенная отмена крепостных отношений, составляющая существенный смысл нашего внутреннего развития в XVIII и XIX вв. и завершившаяся в 1861 г., действительно, не в переносном смысле, обозначает ступени нашего гражданского роста [46] и перехода от несовершеннолетия к возмужалости. Многие удивляются, почему великорусский крестьянин, несмотря на крепостную зависимость в течение без малого трех веков, нисколько не походил на раба. Особенно это поражало иностранцев. Но кто вник в характер и внутренний смысл крепостных отношений, тот найдет это явление очень понятным и естественным.

При исследовании своеобразного быта старинной Великороссии сам собою представляется следующий вопрос: как согласить с этим строем жизни, основанным на крепостном праве, общинный быт массы великорусского населения, его несомненную способность и привычку к общинной и артельной жизни? Вопрос этот один из труднейших в особенности потому, что, кажется, никогда еще не был правильно поставлен. У всех славянских племен есть природное расположение к общественной жизни – это факт, не подлежащий сомнению. Но как оформилась в истории эта общая всем им черта – это другой вопрос, которого никак не следует смешивать с первым. Между тем, говоря об общинном быте русского народа, мы обыкновенно не различаем природной способности, предрасположения от организации, от определенной и установившейся формы отношений и потому при обсуждении этого вопроса никак не можем прийти к точным, положительным результатам. Живя вместе, имея общие дела, общие занятия, общие интересы, люди естественно образуют группу, целое общество, особливо при живости характера, общительности и большом добродушии, которыми мы отличаемся. Но всего этого еще мало, чтобы признать существование у нас общинного быта. Такой быт предполагает общественное устройство и известный способ ведения общественных дел, перешедший в обычаи и нравы. Есть ли у нас общинный быт в этом смысле

или нет – сказать очень трудно. Рядом с фактами, несомненно доказывающими его существование в одних местностях, приводятся данные из других местностей, доказывающие совершенно противное; нередко такие противоречащие факты встречаются в одной и той же местности и даже не на большом расстоянии друг от друга; еще чаще можно заметить, что в одном и том же обществе есть очень развитые и твердо установившиеся общинные учреждения по одной какой-нибудь стороне общественной жизни и полное их отсутствие – по другой. Последнее, можно сказать, факт почти повсеместный в Великороссии. То же противоречие видим и в пословицах, выражающих народный взгляд на общину. Есть пословица: «мир – великое дело»; но есть и другая: «мир силен, как волна, и глуп, как свинья». Рядом с пословицей: «дружка об дружке, Бог обо всех» – есть тоже пословица: «моя изба с краю, ничего не знаю». Всего подробнее и точнее развиты в целом народе обычаи, относящиеся к общественной раскладке всякого рода повинностей, податей, сборов, натурой и деньгами, а также к разделу полей и угодий; все другие общинные обычаи далеко не так повсеместны, как эти. Из всего этого можно, кажется, заключить, что природная наша способность к общинной жизни, которой никто не отрицает, находится еще в развитии и успела принять определенные обычные формы в тех только случаях, когда обстоятельства тому благоприятствовали; но едва ли можно положительно утверждать, что общинный быт у нас уже существует, что он уже теперь представляет нечто развитое, прочно установившееся и выработанное во всех частях и повсеместно [47].

Правильному разрешению вопроса об общинном быте Великороссии мешает также, как нам кажется, еще и то, что мы в этом отношении недостаточно различаем разные эпохи русской истории, а это, в свою очередь, существенно вредит правильности наших исторических воззрений. О внутреннем быте великорусских крестьян и городских обществ мы имеем до царствования Ивана Грозного одни только скудные известия, относящиеся почти исключительно лишь к податям, по-

винностям и раскладкам. Из этих сведений видно, что волости были обременены налогами, что суд принадлежал не им, а кормленщикам или частным владельцам [48]. Необыкновенные усилия употреблял Иван III, чтобы обуздать произвол наместников и волостелей [49]. Иван IV в изданном им Судебнике [50] усилил меры, принятые в этом отношении Иваном III, и даже намеревался отменить вовсе местных царских правителей, а суд и полицию передать самим обществам. Во всем этом трудно усмотреть следы сколько-нибудь установившейся общинной жизни в Великороссии; наоборот, из этих указаний, по-видимому, следует, что сельское и городское население жило вполне под частным правом или под произволом княжеских слуг и кормленщиков, тип власти которых был тот же, что и частных владельцев. Не надо также забывать, что в то время еще существовал свободный переход с одного места на другое, что на частных землях люди жили по договорам с владельцами и что такие договоры заключались последними не с целым обществом, а с отдельными лицами. При таком порядке дел едва ли могла существовать выработанная, самостоятельная жизнь городских и сельских общин. Таким образом, до XVII в. мы не имеем никаких известий об общинной жизни великорусского народа, а те сведения, которые дошли до нас, делают существование прочного общинного быта невероятным и говорят скорее против него, чем в его пользу. В XVII в. крепостное право был в полном цвету; оно определило всю общественную и государственную жизнь во всех малейших подробностях; следовательно, в течение этого века, менее чем когда-либо прежде, мог существовать самостоятельный быт общин; но весьма вероятно, что в этом веке он начал мало-помалу слагаться, и именно под влиянием крепостного начала. Первый его узел завязан, как кажется, налогами, повинностями, вообще тяглом, которое сельчане и горожане должны были тянуть в пользу казны. Ей было удобнее, проще и вернее иметь дело не с отдельными лицами, а с целым городом, сотней, слободой, волостью, деревней – словом, с обществом; вследствие этого на общество легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы. Это

должно было съютить[1] между собою лица, принадлежащие постоянно и наследственно к одному податному, тягловому обществу, должно было связать их одним общим делом и создать юридические общины, податные единицы с выборными представителями во главе. В таком, кажется, виде стала мало-помалу осуществляться великая мысль Грозного, брошенная ими едва ли не в разгаре кровавой борьбы с олигархами. За ту же мысль позднее снова ухватился Петр Великий, но так же безуспешно; общинный быт тогда не успел еще выработаться. Много делалось попыток в том же смысле и впоследствии, но и они остались без результата, пока, наконец, уже в наше время со всех сельских обществ не было снято бремя административной опеки [51], чем и положено действительное основание к развитию сельского общинного быта. В крестьянстве, жившем на землях частных владельцев и впоследствии закрепощенном за ними, общинное начало появилось едва ли ранее XVIII в., и вот почему: когда существовала поместная система, огромное большинство помещиков и вотчинников (последних, кажется, было очень немного) жили в своих имениях и хозяйничали сами или через своих приказчиков и ключников; издельное хозяйство[2], по условиям тогдашнего быта, было повсеместно; казенных и общественных повинностей и тягостей помещичьи и вотчинные крестьяне не несли; в имениях, принадлежавших духовному ведомству, а также и тем из придворных чинов, которые, по обязанностям службы, не могли жить в своих поместьях и вотчинах, вероятно, тоже существовало изделье и приказчичье управление; следовательно, общинный быт мог начать вырабатываться в дворянских населенных имениях лишь в XVIII в., когда крепостные, приписанные к этим имениям, были привлечены к участию в государственных и земских повинностях, податях и службах и когда изделье отчасти заменил оброк натурою или деньгами.

Все сказанное нами выше об общинах и общинном быте пока, разумеется, не более как одни догадки и предположения.

---

1 Съютить – соединять, сблизить (устар.). – *В. Т.*

2 Изделье – барщина, работа на помещика. – *В. Т.*

Профессор Чичерин первый указал на податное, финансовое, тягловое происхождение наших городских и казенных сельских общин [52]. Они и доселе глубоко запечатлены этим характером. Что в их быте принадлежит гению славянского племени и что – истории и особенным обстоятельствам, посреди которых они развивались, – покажет будущее; но в прошедшем великорусского племени они едва ли имели то значение, которое им некоторые приписывают; по крайней мере, наш древний общинный быт ничем не заявил себя в ежедневной, будничной жизни, не оставил по себе следа, что было бы непременно, если бы он развился и играл какую-нибудь роль в народной жизни. Другое видим мы в Малороссии и в северо-западной России, начиная с отдаленной эпохи; может быть, именно это обстоятельство и вводит нас в заблуждение относительно великорусской старины: не различая в прошедшем восточную Россию от западной, мы беспрестанно впадаем в ошибки. В Великороссии общинное начало, как мы сказали выше, есть, кажется, сравнительно явление новое; оно развивается, и ему, видимо, предстоит будущность в наших судьбах. Городовые положения С.-Петербурга, Москвы и Одессы, земские и крестьянские сельские учреждения [53] указывают на вероятный исход из старинной великорусской крепостной организации, упраздненной в течение XVIII и первой половины XIX в. Но пока это только зародыши будущего, а не зрелый плод прошедшего.

К тому же результату приводят и другие соображения. В общественном строе древнего великорусского общества не было места для общинного быта. Вся организация Великороссии в XVII в. представляется в таком виде: в частном быту – и полновластный глава семейства и дома, и господин над холопами; в общественном – значительная часть сельского населения подвластна частным владельцам и духовенству; весь остальной народ разделен на наследственные «чины» или разряды, приуроченные к известным надобностям царской службы, и находится в такой же подчиненности своему разряду, как помещичьи и вотчинные крестьяне – своему владельцу; в администрации – воеводы и разные царские слуги, с такою же

точно властью над подчиненными им городами (ставшими с Алексея Михайловича исключительно царскими) и сельским населением; все государство представляет колоссальный дом или двор, подвластный московскому царю, который заведывает им посредством своих слуг. Посреди такой организации куда вставить общинное устройство и быт? Подвластные одному владельцу или одному чиновнику люди могли жить вместе, могли вместе, общими силами, тянуть тягло, но образовать органическое общежитие они не могли: весь склад этого общественного строя исключает общину. Те, которые предполагают и отыскивают в древней Великороссии установившийся и развитый общинный быт, недостаточно, как мы думаем, вникают в историческое развитие великорусского элемента среди других ветвей русского народа и славянского племени. Глубокий смысл московских государственных и общественных порядков тот, что в них осуществилось государство в формах, вполне доступных и понятных великорусскому народу. Как был устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание. Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал. Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства. Чтобы проникнуть во внутренний смысл этого типа, неизвестного или забытого у других народов, нужно глубоко всмотреться в основание великорусского быта. Русский царь, по народным понятиям, не начальник войска, не избранник народа, не глава государства или представитель административной власти, даже не сентиментальный *Landesvater*[1] *или bon père du peuple*[2], хотя в двух последних и есть кое-что напоминающее великорусский идеал царя. Царь есть само государство – идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение; он превыше

[1] Отец страны (нем.). – *В. Т.*

[2] Добрый отец народа (фр.). – *В. Т.*

всех, поставлен вне всяких сомнений и споров и потому неприкосновенен; потому же он и беспристрастен ко всем; все перед ним равны, хотя и не равны между собою. Царь должен быть безгрешен; если народу плохо, виноват не он, а его слуги; если царское веление тяжело для народа – значит, царя ввели в заблуждение, сам собою он не может ничего захотеть дурного для народа. Девиз царя: «Не боюсь смерти, боюсь греха», и горе народу, когда согрешит царь, потому что если «народ согрешит – царь замолит, а царь согрешит – народ не замолит». Совершенно понятно недоумение западных европейцев перед таким типом государственной власти, ключ к которому у них потерян. Не зная, что она собою выражает, они были бы готовы подвести ее под известный шаблон восточных деспотий, если бы царская власть не была в России деятельным органом развития прогресса в европейском смысле. В чем же тайна этой всемогущей власти? Каким чудом она одна остается неподвижной и несокрушимой в русской жизни в течение столетий, несмотря на внутренние потрясения и внешние замешательства и когда все вокруг нее по ее же инициативе движется и изменяется? Это становится понятным только при глубоком изучении внутреннего смысла истории Великороссии. Установление ее государственного единства, а следовательно, и политического бытия совпадает с судьбами царской власти: вместе они появились, окрепли, бедствовали и спасались от бед. В самые трудные и тяжкие времена, когда приходилось чуть ли не сызнова начинать политическое существование, великорусский народ прежде всего принимался за восстановление царской власти, обеспечивал ее себе и делил с царем радости и горе. Народ и царская власть сжились у нас, как Англия со своим парламентом; оба учреждения глубоко национальны. В этой способности создать себе идеал государства в формах народных и потому доступных и понятных каждому, от мала до велика, в уменье поддерживать и сохранять, как зеницу ока, царскую власть, в которой этот идеал выразился, несмотря ни на какие обстоятельства, через всю историю, и заключается значение Великороссии посреди других славянских племен и

народов. У всех славян зачатки быта были одни и те же, но вследствие разных исторических условий в их жизнь вторглись чуждые элементы, прежде чем она успела сложиться в государственную форму, отвечавшую их народным понятиям и историческому возрасту; или же их естественный рост, а с ним и равновесие составных общественных стихий были нарушены. Оттого прочие славяне и потеряли свою политическую самостоятельность; но в массах народных сохранился утраченный в действительной жизни идеал государства и государственной власти. Он тянул весь русский народ к Великороссии; он покорил Москве Новгород и Псков, присоединил к ней Малороссию, как в наше время влечет к нам народные массы в Западном краю и в самом Царстве Польском. Этого не понимают в Европе и отрицают самый факт, стараясь объяснить рядом случайностей и минутных обстоятельств органические явления русской жизни.

Народный характер царской власти и великое ее значение в судьбах русского племени проливают яркий свет на некоторые эпизоды великорусской истории и объясняют их иначе, чем мы привыкли смотреть на них до сих пор. Следившие за успехами критической разработки русской истории знают, как изменился в последнее время взгляд на Ивана Грозного. Увлекшись самыми честными побуждениями, Карамзин не понял и ошибочно истолковал борьбу Грозного с вельможеством. После Карамзина старались, в особенности профессор Соловьев, исправить эту ошибку и отчасти в том успели [54]. Говорим отчасти, потому что выяснена пока только психологическая сторона действий и побуждений Грозного: объективная, предметная сторона вопроса остается по-прежнему очень загадочной. Вдумываясь в ход великорусской истории, невольно останавливаешься перед рядом событий, начиная с Ивана Грозного и оканчивая царствованием Михаила Федоровича. Чувствуется, что за этот промежуток времени обычная ее нить как будто порвана и теряется: что-то необыкновенное начинается при Грозном; затем крайне натянутое положение после его смерти, при его сыне, собственно говоря, при Годунове;

после того – страшные смуты, посреди которых чуть-чуть не погибает государство; его спасают сверхъестественные усилия всего народа; избрание Михаила Федоровича Романова полагает конец разгрому, но отголоски и последствия его отзываются долго после, почти через все царствование Михаила. С Алексея Михайловича все опять возвращается в обычную колею, и, несмотря на то, что его время совсем не то, что прежнее, до кровавых расправ Ивана, видишь, однако, что оно есть естественное его продолжение, что нормальный ход великорусской жизни восстановлен и обратился на старое свое русло. Таким образом, период времени от Ивана IV до царя Алексея Михайловича составляет одно целое, до сих пор мало разъясненное в главных своих основаниях и пружинах. Сравнительно очень богатая литература об этом периоде обыкновенно ограничивается промежутком времени между избранием Бориса Годунова и Михаила Федоровича. С точки зрения внешних событий это совершенно правильно. Но так ли по внутреннему смыслу событий? Мы не думаем. Буря подготовлялась издалека, и раскаты ее слышались долго после. Повторяем: нам этот эпизод является какой-то удивительной, загадочной вставкой в русскую историю, и чем больше уясняются факты, тем он становится, на наш взгляд, темней и непонятней. Сблизьте с эпохой смут фигуру Грозного – и она предстанет перед вами в трагическом величии. Значит, однако, не одна кровожадность и подозрительность заставляли его лить токи крови! Он чуял беду и боролся с ней до истощения сил. Прочтите его завещание, писанное в половине царствования [55]: оно исполнено мрачных предчувствий, которые оправдались последующими событиями. Грозный впервые формулирует царскую власть как принцип, возводит ее к единственно доступному ему по тому времени идеалу византийского императорства; но и это кажется ему недостаточным: он производит себя от Августа Цезаря [56], как будто для того, чтобы придать больше авторитета, прочности и силы своей власти. Откуда эти заботы? Неужели Грозному нужно было оправдывать царскую власть чужеземными идеалами и иностранным проис-

хождением пред народом, который молил его возвратиться из Александровской слободы в Москву [57]? Не наступи вскоре после смерти Грозного смутное время, мы были бы готовы приписать всю заботу, гнев, тревогу, опасения царя его тиранским наклонностям; но ввиду последующих событий такой приговор был бы наивен и опрометчив. Жестокости и казни Грозного – дело тогдашнего времени, нравов, положим, даже личного характера; но сводить их на одни психологические побуждения, имея перед глазами целый период внутренних смут и потрясений, невозможно. Должны были быть глубокие объективные причины, вызывавшие Грозного на страшные дела. Причины эти были, по-видимому, следующие. Со времени Ивана III в состав Московского государства вошла значительная часть тогдашней западной России – Новгород, Псков, города и княжества литовские [58]. С тем вместе должен был произойти оттуда значительный приток в Великороссию элементов, чуждых ее общественному складу, не дававших в западной России сложиться государству и столько же враждебных к нему в Великороссии. Эти элементы вошли, главным образом, в состав царских служебных чинов и, усилившись новыми литовскими и польскими выходцами из-за границы, получили в царствование Грозного большое влияние. Вспомним роль Глинских [59], стоявших во главе правления; Бельского [60], потомка Гедимина [61], соискателя литовского престола; к той же категории принадлежал и знаменитый Курбский [62]. К этим элементам могли присоединиться старинные великорусские удельные князья, лишенные владений и обратившиеся в слуг московских государей; в то время московская знать едва ли меньше сочувствовала польским и литовским порядкам, чем впоследствии шведским, французским и английским. В попытках всех этих элементов изменить по своему идеалу государственный строй Великороссии, внести в него западнорусские начала и следует, как нам кажется, искать ключ к явлениям и событиям этой замечательной эпохи. В лице Грозного великорусское государство вступило в борьбу с западнорусскими и польскими государственными элемен-

тами, вошедшими в состав Московского государства. Что это не одна догадка, доказывают обстоятельства избрания на престол Шуйского [63] и, если верить Котошихину [64] и Псковской летописи [65], – самого Михаила Федоровича. Флетчеру, черпавшему свои сведения, по-видимому, в той среде, которая сочувствовала литовским и польским порядкам, предсказывали предстоящий переворот [66]. Рассказ этого иностранца особенно любопытен как отголосок партий, игравших потом большую роль в событиях Смутного времени.

Мы не станем развивать далее нашу мысль, боясь выйти из пределов очерка. Позволим себе только заметить, что разработка истории Ивана Грозного, собственно говоря, едва только еще начинается. До сих пор даже не определено критически достоинство тех источников, из которых почерпаются сведения об этой эпохе; а без такой предварительной работы нельзя и приниматься за подобный труд. Страсти и происки, разыгравшиеся впоследствии, зачинались уже при Грозном и встретились с ним лицом к лицу. Оттого так разноречивы сказания и отзывы о нем. Чтобы узнать правду, нужно отличать голос враждебных ему элементов от голоса великорусского народа; в свидетельствах иностранцев – их хронологическое непонимание наших внутренних дел от народных сказаний и суждений, внушенных их личными расчетами или записанных со слов той или другой из тогдашних партий. Как бы мы ни смотрели на Ивана Грозного, царствование его, конечно, – одно из замечательнейших в русской истории; а мы даже до сих пор все больше обращаем внимание на психологический характер его жестокостей, как будто в них вся сущность дела. Не то же ли самое, что судить о последней американской войне по одним ее ужасам [67], о царствовании Петра – по розыскам и казням, о нашем призвании в Польше и Западном крае – по судьбе враждебного нам элемента? Смотреть так на историю – значит заранее отказаться от понимания величайших исторических эпох и событий. Ни в чем наше умственное несовершеннолетие не выказывается так осязательно, как в том, что мы не только не понимаем, но почти не

знаем царствования Ивана IV и даже мало им интересуемся, воображая, что, и не изучив его, можно понимать русскую историю; а между тем эпоха Грозного, по своему значению во внутреннем развитии Великороссии, есть преддверие к эпохе Петра и имеет с ней глубочайшую связь.

Нам остается еще в заключение сказать несколько слов о частном быте и нравах Великороссии. Они тоже определялись и в общем, и во всех подробностях – указанными выше зачатками, лежавшими в основании внутренней жизни. Пассивное восприятие чужой культуры, без собственной производительности, по преимуществу дисциплинарная роль Церкви и первобытные формы государства – все это свидетельствует о первоначальной, грубейшей непосредственности людей, о крайне слабом развитии в них духовного, нравственного элемента, который немыслим там, где индивидуальное развитие еще не начиналось. Это и отражается на частном быте и нравах, которые описываются самыми мрачными красками в туземных источниках и в сказаниях иностранцев. Величайшая невоздержанность, всякого рода вероломство, обман, насилие, воровство, частые грабежи и разбои, шаткость во всем, своекорыстие, плутовство во всех возможных видах – вот в чем, на разные лады и с самых различных точек зрения, упрекается великорусский люд всех общественных разрядов и положений. Те же упреки с небольшими вариациями слышатся и до сих пор. Странно было бы считать эти пороки русского общества прирожденными и на этом основании отчаиваться в возможности их искоренения. Мы страдали и страдаем нравственной и духовной неразвитостью; наши пороки – признак грубого, недозрелого, но не старческого, перезревшего общества. Его здоровые силы выражаются в том, что, чувствуя свою несостоятельность, оно крепко держится за свой государственный строй, обеспечивающий его политическую целость и независимость. Приписывать первобытным формам государственного порядка Великороссии состояние тогдашнего общества – значит извращать вопрос и видеть в следствии причину, а в причине – следствие. Общество, развивающееся правильно,

всегда будет иметь и соответствующие его историческому возрасту государственные формы; следовательно, вся сила – во внутреннем развитии: оно должно стоять на первом плане и в историческом исследовании, и в практической деятельности.

В этом смысле можно также сказать, что частный быт и нравы древней Великороссии представляют оборотную сторону быта церковного, государственного и культурного, служат им пояснением и подтверждением. Это видно во всем, на что ни взглянем.

Откуда взялись, например, затворническая, теремная жизнь великорусских женщин высшего сословия в XVII в.? Не понимая ее связи с коренными основами великорусской жизни, мы или останемся в недоумении перед этим явлением, или приписываем его влиянию татарщины. Но оно прямо вытекает из основных условий великорусского быта. Стоит вдуматься в наш народный взгляд на женщину вообще и жену в особенности – взгляд, выразившийся в пословицах, песнях и свадебных обрядах, – чтобы увидеть ясно, что теремная жизнь женщин есть лишь его практическое применение. Она потому только развилась в одних высших слоях старинного нашего общества, что прочие, по своим достаткам и образу жизни, не могли точно так же устроить свой семейный быт. Аналогическое явление представляет почти повсеместное единоженство массы бедного магометанского народонаселения, несмотря на дозволение Корана иметь несколько жен. Только высшие классы старинного московского общества могли осуществить идеал домашней жизни, который носился перед целым народом и обусловливался его основными социальными элементами.

Возьмем другую поразительную черту – еще весьма недавнюю безличность великорусской массы, отсутствие в огромном большинстве ясно определенного индивидуального характера, индивидуальной обособленности. И теперь еще, когда эта черта заметно сглаживается, она все еще очень заметна. Русская народная масса превосходна во всех отношениях; а выделится из нее человек – редко, очень редко найдешь в нем те качества, которыми не налюбуешься в целом народе. Еще

в начале нынешнего века безличность наших народных масс поражала и изумляла не только иностранцев, но даже малороссиян, у которых, напротив, индивидуальность сильно развита вследствие их истории и сравнительно высшей степени культуры. Нам удавалось слышать от малороссиян, бывших в молодости в Великороссии и возвратившись сюда спустя лет двадцать, что они были удивлены при вторичном приезде переменой, замеченной ими в простом народе: по их отзывам, прежнее однообразие и неподвижность физиономии, прежнее совершенное отсутствие индивидуального характера значительно сгладились. Тот же факт подтверждается усилившимися, особенно в последнее время, разделами крестьянских семейств. Это явление, конечно, объясняется разными другими обстоятельствами и новыми условиями крестьянского быта; но ими одними объяснить этого явления нельзя, потому что оно между самими крестьянами встречает много возражений – явный признак, что не одна внешняя обстановка побуждает сельский люд к семейным разделам.

Но не одни народные русские массы безличны. Безличностью и бесхарактерностью дышит домашняя и общественная жизнь, умственная и всякая деятельность даже образованных слоев нашего общества. Живя долго за границей, в Европе, где индивидуальность определилась так резко и так характерно, приучаешься легко отличать русских по какой-то неопределенности во всем – в наружности, движениях, разговоре и самих взглядах на вещи.

Остановимся еще на одной черте. В Великороссии не было, да и не могло быть другой общественности, кроме, так сказать, домашней и семейной, или родственной. Ее мы и находим здесь, в старину, в полном развитии. Дом и двор, разросшийся, пустивший отпрыски и ветви, – вот единственный центр нашей старинной общественности. Народные обычаи и праздники – живые ее свидетели; еще недавние нравы и обычаи образованных классов великорусского общества доказывают то же самое, несмотря на указ об ассамблеях [68]. Только великие события и бедствия вызвали тогдашних лю-

дей к совокупной общественной деятельности; проходили эти минуты, вступала ежедневная жизнь в свои права – и опять старинное русское общество распадалось на свои замкнутые домашние кружки. Сожительство на одних местах, многоразличные точки соприкосновения между людьми лишь крайне медленно подготовляли общественную и гражданскую жизнь. А между тем из всех славянских племен ни одно не одарено такими сильными государственными и политическими инстинктами, как великорусы; ни одно не являло их так блистательно через длинный ряд счастливых и тяжелых дней. Это кажущееся противоречие объясняется как нельзя лучше начальными формами нашего быта, из которых мы и до сих пор еще не выработались и не выработаемся, по-видимому, весьма долго. Много и с разных точек зрения обсуждался у нас вопрос о взяточничестве, всосавшемся в нашу плоть и кровь. Тысячи причин, и очень основательных, приводятся в объяснение, почему оно явилось и чем поддерживается; но рассуждая об этой проказе, не обращают, кажется, должного внимания на очень любопытный факт, что большинство отъявленных взяточников и казнокрадов – лучшие отцы семейств, образцовые супруги, истинные благодетели своих родственников, верные и надежные друзья, вообще люди добрые и благотворительные. Что же это показывает? Очевидно, все их хорошие стороны сосредоточены только в домашнем, семейном быту; только интересы семейные и домашние составляют для них серьезное дело; все, что вне этого круга – государство и общество, – являются в их глазах чем-то посторонним, внешним, чужим, до которого им нет дела, до этого рода интересов они еще не поднялись; другими словами, в их сознании и ежедневных привычках не выработалась рядом с домашним бытом среда государства и общества, менее непосредственная, более духовная, связующая людей и определяющая их деятельность невидимым, но оттого не менее реальным началом общественной пользы и блага. Если вглядеться глубже в нашу жизнь, то окажется, что не одни взяточники выражают собою этот вид неразвитости русского общества.

III

Внутренний быт России, в том виде как он сложился в XVII в., представлял округленное и законченное целое. Московское государство было азиатской монархией в полном смысле слова. Односложная формация осуждала его на совершенную неподвижность впредь до покорения другим народом или до внутреннего распадения вследствие собственной дряхлости. Остановись мы на этой точке и не иди далее – трудно было бы сказать, что выиграла Великороссия перед западной Россией и прочими славянами, покоренными чужеземному игу или принявшими исподволь нравы и язык других народов, более образованных. Самостоятельность на манер персидской или китайской едва ли чем лучше несамостоятельного участия в жизни других народов, которые играют роль во всемирной истории и общем ходе культуры.

Но к концу XVII в. замечается в Московском царстве брожение, какого в нем прежде не бывало. Прежние смуты были вызваны столкновением внутри государства туземных элементов с чуждыми, внесенными извне в его состав. Волнения и неустройства, предшествовавшие Петру Великому, были совсем другого рода. Они свидетельствовали о расслаблении связей, которыми до тех пор крепко держалось все общество. Появляется хаос в головах и в действительности. Никто не знает, как приняться за исправление непорядков, которые все усиливаются и вырождаются в бунты, грозящие опасностью даже целости и единству государственной власти. Видимо, внутренние, органические причины колеблют государство. И вот посреди этой неурядицы является Петр, с необыкновенной энергией и жестокостью подавляет смуты, преобразует внешним образом все формы быта и придает стране наружный вид европейской монархии того времени.

Если бы реформа остановилась со смертью Петра Великого, то не могло бы оставаться сомнений в том, что Московское государство принадлежит к азиатской, а не европейской группе. Мало ли было брожений и великих государей на

Востоке! Единичные явления сами по себе ничего не значат и подтверждают, а не опровергают общее правило. Внешний характер петровского преобразования служил бы в таком случае новым доказательством, что мы азиатский народ. Но в том-то и сила, что дело Петра не умерло после на русской почве; напротив того, оно, несмотря на крайне неблагоприятные обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора века, вплоть до нашего времени. Вместо того чтобы ослабить Россию, реформа вызвала к деятельности дремавшие в ней громадные силы и развила их в невиданных размерах. Вот почему нельзя не признать реформы Петра органическим явлением великорусской жизни – явлением, которое по своей своеобразности и необычайности требует самого внимательного рассмотрения. Зная судьбы преобразования в России, мы не вправе говорить свысока, с пренебрежением о полувосточном характере брожения, которое предшествовало эпохе Петра, о крутом, насильственном, внешнем характере его реформы: все это имеет свое значение и свой определенный смысл, есть характеристика приготовления и обстановки событий, которым нет подобных в истории.

Спрашивается: какие внутренние, органические причины вызвали переворот? Чтобы правильно разрешить этот вопрос, постараемся уяснить: чем, собственно, отличаются направление и характер нашей внутренней жизни до Петра и после Петра? Что представляет она в этом отношении нового в последние полтора века сравнительно с тем, что было до реформы?

Перемена, если в нее вдуматься хорошенько, поразительна. Наша жизнь усложнилась новым фактором; в нее внесен европейский идеал, во имя которого меньшинство русских людей стало расходиться с окружающей действительностью, относиться к ней отрицательно, иногда враждебно и, во всяком случае, критически и свободно. Каков бы ни был этот идеал, но он представляет новую силу, введенную в нашу жизнь со времени Петра Великого. С тех пор в ней выступает на первый план личная инициатива, индивидуальность вырастает вперед из народной массы, в которой она стушевыва-

лась. Древняя русская история по своей простоте и правильному развитию принадлежит как бы к области естественной истории. Мысль не забегает вперед событий – ее вызывает необходимый ход вещей; человек только следует за ним, отражает его на себе, становится его орудием. Поэтому нет и разлада между действительностью и мыслью, нет внутренних противоречий в человеке и обществе: все однообразно, односложно и просто. Подумаешь, что не люди делают историю, а она делается сама собой, без всякого участия человека, по своим органическим, внутренним, непреложным законам; человека как будто нет вовсе, а действуют одни элементы и силы природы, движимые собственным естеством.

Все это изменилось с преобразованием Петра. Точно в жизнь вошел новый деятель, призванный всюду и во всем произвести разлад. В русском народе, односложном по своему составу, по складу жизни, по единству социального типа, выделяется целая среда – образованный класс, которая живет чужою жизнью, принимает чужие нравы, меняет свой язык на чужой, прилепляется к идеалам, взглядам, требованиям, выработанным чужой жизнью. В древней России человек, отрешившийся от своего быта, бежал из него вон, на простор; никакого определенного образа гражданского и государственного существования он не умел и не мог противопоставить тому быту, который отрицал, и потому менял его на леса и степи, где не было никакого устроенного человеческого общества. Теперь среда, выделившаяся из народа, остается посреди него, отрицает установившийся народный быт не во имя какой-то безграничной, не существующей нигде свободы и разгула, а во имя идеала другого, высшего, лучшего быта и стремится водворить его в народной жизни, переделать его по этому идеалу, пересоздать согласно с ним обычаи и нравы. Если бы такая среда была внесена в русскую жизнь откуда-нибудь извне, представляя чуждый нам этнографический и исторический элемент, то у нее был бы один такой идеал; но преобразующая среда возникла у нас, между нами и нами же пополнялась; русская голова и русская душа приняла чу-

жие идеалы, во имя которых переделывался наш внутренний строй, и потому было множество различных идеалов, смотря по времени, по обстоятельствам, обстановке и тысяче случайным условиям действовавших лиц. Отсюда разлад во всем. Быт перестраивался не всегда согласно с его внутренними требованиями, идеал осуществлялся, не всегда отвечая условиям действительности. Естественный, нормальный ход жизни был нарушен: мысль то опережала ее, то от нее отставала; действительные потребности то оставлялись без внимания, потому что не подходили под идеал, то удовлетворялись не так, как следовало бы, потому что на них смотрели не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественных сочетаний, причудливых комбинаций в мысли и в самих фактах; создалась искусственная действительность, которая, в свою очередь, вызывала искусственную мысль. Мало-помалу призраки перемешались с действительностью, иллюзии – с трезвой мыслью. Возник посреди действительной жизни целый мир фантазий и миражей, и различить их между собою не было сил. Смесь их опутывала человека и не выпускала из своего заколдованного круга. Заманчивая и обольстительная ткань, в которой ложь вплеталась в правду, истина в вымысел, ослепляла умственное зрение, лишала его даже способности замечать между ними разницу.

Теперь эта удивительная эпоха, похожая на арабскую сказку, приходит к концу. На это указывают несомненные признаки. Пристрастие к иностранному и чужому, видимо, сменяется в образованных слоях нашего общества охлаждением к Европе, даже не всегда справедливым предубеждением против европейского; национальное чувство растет быстро; идеалы и идеальное направление – в решительном пренебрежении, даже больше, чем следовало бы; мысль становится трезвее, получает практический склад, обращается к практическим интересам [69]; стараются как бы нарочно окоротить ее полет и держаться исключительно в кругу ближайших, фактических условий действительности – в этом тоже заметна своего рода крайность, суживающая горизонт зрения. Такая перемена в

направлении запечатлена духом реакции против прежнего; но это обстоятельство именно и доказывает, что эпоха, начатая Петром Великим, уходит в прошедшее.

Что выражала она собою? Возраст или степень развития, через которую проходит в той или другой форме каждый человек и каждый народ. В жизни человека это называется юностью; в жизни народов – героическим периодом. Главной движущей пружиной этого возраста является пробудившаяся умственная и нравственная деятельность, которая становится самостоятельным органом в судьбах человека и народа. На первых порах этот новый двигатель преисполнен сознанием своего всемогущества и неудержимо стремится подчинить себе все, даже саму природу и ее неизменные законы. Отсюда в эту пору жизни необыкновенное развитие сил, рвущихся проявиться наружу, упразднить действительность как она есть и переделать ее на другой лад, не соображаясь с тем, возможно ли это, допускают ли это законы природы. Ясное понимание свойства этой силы, ее призвания и назначения, ее пределов и отношений к действительному миру наступает позднее, и тогда она вступает в гармоническое сочетание с действительностью, которой не может победить, из разрушительного, отрицательного элемента становится зиждительным условием осмысленной и правильно развивающейся жизни.

Наш героический век определился особенными обстоятельствами и условиями, в которых мы находились к концу XVII в. Если он нам кажется не таким привлекательным, как бы мы того ожидали от героического возраста, то это не его вина, а наша: мы стоим к нему слишком близко, теряемся в деталях и упускаем из виду целое. Это просто ошибка зрения. Если бы мы знали сухую, прозаическую истину о героическом периоде Греции, и притом с такою ужасающей подробностью, как знаем теперь даже Петра, – Бог знает, показался ли бы нам этот период таким поэтическим, каким мы его себе воображаем сквозь легенды и сказания, в которых он до нас дошел. Отступите подальше и взгляните в перспективе на Петра, на Екатерину II, на Александра I – разве это не фи-

гуры героев и полубогов древности? С точки зрения науки и исторической истины, такая близость к героическому периоду имеет свою очень выгодную сторону: по нашей истории мы можем проследить почти шаг за шагом, как приготовляется этот период, какие были его составные элементы, как он родился из недр старинной русской жизни. Формы его даны прошедшим и им объясняются точно так же, как они, в свою очередь, бросают свет на предшествующий период.

Мы сказали выше, что Московское государство к концу XVII в. находилось в ненормальном состоянии. Это отлично обрисовано профессором Соловьевым в первой главе XIII тома его истории. Перед нами картина разложения, с одной стороны, а с другой – слышится громкий протест против внутренних нестроений, искание выхода из растущих замешательств. Скрытая, но главная причина болезненного состояния общества заключалась в том, что простые, первобытные формы, которыми определялся старинный великорусский быт, оказались уже недостаточными для возникшей более сложной общественности. Начальная социальная ячейка, двор или дом, и развивавшееся из нее крепостное право становились узки и тесны для сравнительно более зрелого государственного и гражданского быта. К Московскому государству уже не шли формы вотчины и дедины, к московскому государю – формы домоначальника, отчича и дедича: это чувствовали уже Иван III и еще более Иван Грозный; точно так же Ордин-Нащокин [70], Одоевский [71], Голицыны [72], Матвеев [73] не походили на холопей, а Посошков [74], Исаев [75] – на царских сирот. Страшные, вопиющие злоупотребления доказывали недостаточность системы управления, основанной на крепостном праве. В обществе стала появляться потребность образования – признак, что духовная жизнь пробуждалась если не в целой массе народа, то в некоторой, лучшей ее части. Словом, все, на что ни взглянем, к чему ни обратимся, показывает, что общество и государство уже переросли старые формы; противоречие между ними и назревающим содержанием и было главной причиной внутренних неустройств и брожения.

Какой выход предстоял древней России из такого положения?

Мы не разделяем фаталистических взглядов на историю и вовсе не думаем, что можно было, как говаривалось прежде на философском жаргоне, «конструировать» Петра Великого – доказывать, что он необходимо должен был явиться и не мог не явиться. Такого рода роковой необходимости мы не видим ни в судьбах отдельного лица, ни в судьбах народов. Есть в складе и развитии каждого организма известные основные черты и направления, которые с ним рождаются и сопровождают его до могилы: это типические свойства, которые могут быть исковерканы, обезображены, но не истреблены; они будут отзываться и в своем искаженном виде, в разных ненормальных явлениях. Есть, далее, известные состояния или положения, обусловливаемые известной ступенью развития, известными обстоятельствами и обстановкой. Они – сложный продукт типических свойств, степени развития, наконец, внешних условий и случайностей, под влиянием которых организм живет. Такие положения сами по себе переходчивы и потому могут изменяться коренным образом, но не сразу, а постепенно, исподволь. Они-то и представляют ближайшую, непосредственную живую среду внешней истории и внешних событий. В ней возникают явления самого разнообразного свойства, органические и случайные; на нее действуют самые различные внешние влияния, временные и постоянные. Глядя на причудливую и пеструю игру бесчисленных сочетаний, которые вследствие того появляются и исчезают в этой среде, как в калейдоскопе, мы не можем предсказать, какое именно обстоятельство, событие или случайность изменят данное положение; но если глубоко его знаем и хорошо понимаем, то можем, не дожидаясь совершившихся фактов, заранее приблизительно определить, какое будет общее направление и характер предстоящих изменений, потому что оба указываются положением и средой, на которую события и случайности действуют. Итак, можно, не будучи пророком, предугадывать вообще склон, течение жизни; изучая историческую эпоху, можно точно так же ука-

зывать на общие черты, определившие дальнейший ее ход, но никакой обыкновенный человеческий ум не в состоянии предсказать деятелей, обстоятельства и события. Когда историк пробует «конструировать» лица и обстоятельства, он только себя и других вводит в заблуждение, потому что история не есть раскрытие алгебраической формулы.

Попробуем применить эти мысли к нашей эпохе преобразования, а для того забудем на минуту, что был Петр Великий, и ограничимся одним тем, что знаем о Московском государстве, и на основании только этих сведений попытаемся определить, каков мог быть характер и направление предстоявшего ему выхода из того положения, в каком оно находилось в конце XVII в.

При разрешении этого вопроса нам, естественно, представятся вот какие соображения.

В обществах со сложным внутренним составом образуются слои, которые под влиянием вековой борьбы между собой смыкаются в корпорации, сословия и вырабатывают каждое свой идеал общественности. Эти идеалы – взгляд корпорации или сословия на то, как должно быть устроено общество с точки зрения того сословия или той корпорации. Каждая усиливается оспорить у другой власть и влияние на ход государственных дел и провести свой идеал, свои взгляды. Таким образом, общество сложного состава вырабатывает идеал нового порядка дел из себя. Когда существующий порядок, построенный по идеалу одной корпорации, оказывается недостаточным и неудовлетворительным, на смену его изнутри того же самого общества является другой, выработанный другой корпорацией. В какой степени он удовлетворяет требованиям всех составных элементов общества и пользам целого государства – это другой вопрос; но довольно, что идеал уже готов и что он родился в самом обществе.

Возьмем теперь государство с односложным составом, каким было Московское. Литовско-польские элементы, внесенные в него начиная с Ивана III, имели свой идеал и пытались водворить его у нас; но эти элементы истреблены: ча-

стью – при Грозном, частью – во времена последующих смут; к концу XVII в. они совсем исчезли. Затем, как и прежде, весь внутренний быт Московского государства был в XVII в. сверху донизу построен по одному типу или идеалу. Не из чего было образоваться корпорациям, сословиям с особыми стремлениями; ничего подобного и не было, а были разряды, или «чины», царской службы, правда, отделенные друг от друга, но не имевшие внутренней замкнутости и организации; оттого не было между ними никакой борьбы и они не имели своих корпоративных идеалов. Отсюда следует, что, когда в таком обществе вековой исторический тип отживет свое время, ему нельзя заменить его другим идеалом, взятым из недр собственной жизни, а придется по необходимости искать его вне себя, у других народов.

Далее: потребность в идеале, взятом из чужой жизни, почувствуют сперва только те слои и стороны общества, которые вследствие разных причин, важных или неважных, постоянных или мимолетных и случайных, практически натолкнутся на неудовлетворительность существующего и необходимость заменить его новым, чужим. Таким образом, потребность преобразования всего сильнее будет чувствоваться на первых порах меньшинством высших слоев общества и в правительственных сферах, которые более доступны влиянию чужих стран, ближе видят и лучше понимают практический ход государственных и административных дел, чем остальная масса народа. Итак, преобразование пойдет неизбежно сверху вниз, а не снизу вверх.

В обществе неразвитом, без культуры, с одними природными наклонностями и инстинктами и внешней дисциплиной чужой идеал будет представляться со стороны внешних его форм и обстановки, да и вводиться он будет внешним образом. Чем меньше развития и культуры в народе, тем он полнее, безотчетнее подчинится влиянию чужого идеала, примет его за образец себе во всем.

Когда раз чужой идеал будет внесен в жизнь народа, в ней произойдет внутренний разлад: явится партия нововводи-

телей и партия приверженцев старого порядка. Иностранный образец послужит такой же закваской для внутреннего развития односложного общества, какою у других народов служит присутствие в их составе нескольких разнородных элементов. Около борьбы между защитниками нового и старого сгруппируются умственные силы страны; эта борьба сделается центром и двигателем духовного развития; обе стороны должны будут все подробнее, глубже и точнее определять свои взгляды и программы, выяснять свои идеалы. Чем дальше, тем эта борьба будет становиться шире, обнимать больший круг интересов, распространится на все стороны жизни. Внутренняя борьба поведет к более точному определению и усилению государственного единства и центральной власти.

Чужой идеал мы могли взять в конце XVII в. только из Западной Европы. Это указывалось и внутренними признаками, и внешними обстоятельствами. Уже с Ивана III правительство стало обращаться к Европе за художниками, медиками, войском, мастерами всякого рода. Некоторые заезжие европейцы попали в большое доверие к царю Ивану Васильевичу [76]. Число европейских выходцев к нам все увеличивалось, и при Алексее Михайловиче они считались в Москве тысячами. Сношения с европейскими государствами, начавшиеся тоже с Ивана III, познакомили высшие слои тогдашнего нашего общества с европейским бытом и нравами в самой Европе, на местах. С Остзейским краем, принадлежавшим тогда Швеции, мы находились в непосредственном соседстве. Вследствие всего этого влияние Европы на высшие слои московского общества становилось в XVII в. заметным. Князю Хворостинину [77] еще при Михаиле Федоровиче стало скучно в Москве, и он собирался бежать в Италию, а если скучно – и дальше; дьяк Котошихин, оевропеившийся русский, бежал в Швецию. В книге профессора Соловьева собраны любопытные факты о влиянии европейских нравов и обычаев на лучших русских людей перед эпохой преобразования. Итак, путь к заимствованиям из Европы был уже проложен до Петра. Да и откуда же было нам заимствовать, как не оттуда? Византийская империя

уже не существовала; из Польши нам мало что приходилось тогда занимать, притом же тамошние государственные порядки, приведшие ее к упадку, не представляли образца, достойного подражания: весь наш государственный и общественный строй был совершенно противоположен польскому, и к концу XVII в. итоги сводились в нашу пользу, а не в пользу поляков. Только Европа с ее внутренним благоустройством и высокой культурой могла быть для нас предметом удивления и служить образцом, достойным подражания.

Итак, по состоянию Московского государства в конце XVII в. можно было предугадать, что если ему только предстоит обновиться, то такое обновление может произойти разве вследствие внешних влияний, всего вероятнее из Европы; что влияние ее должно начаться с высших слоев и правительственных сфер, через которые и будет проникать в народ; что по низкой степени культуры в Московском государстве влияние на него Европы будет сперва, конечно, только наружное, вызовется практической потребностью лучших форм жизни и быта и уже потом, впоследствии, пробудит к самостоятельной деятельности живые силы страны и народа.

Все это можно было предвидеть и предсказать заранее. Так и смотрели иностранцы не только в XVII, а даже еще в XVI в. Но никто в мире не мог предвидеть и предсказать, что преобразователем будет прирожденный царь и что этот царь будет вдобавок необыкновенный, великий человек. Ходу и направлению внутренней жизни России, намеченному всей нашей историей и развитием, он придал еще свой личный характер, наложил на них свою печать. Вот именно в этом, как нам кажется, и лежит источник глубоких недоразумений при всех суждениях о Петре Великом и эпохе преобразований. Не различая того, что определялось обстоятельствами, от личного действия Петра, мы, смотря по взгляду на вещи, или считаем его творцом и создателем России, как будто до него она вовсе не существовала, или, наоборот, видим в преобразовании горестный результат его гениального произвола, неестественный и горький плод его самовластия, не имеющий ни-

чего общего с предыдущим ходом нашей внутренней жизни. В сущности, оба взгляда очень сходны между собою: ни тот, ни другой не признает никакого самостоятельного значения древней России; оба полагают всю силу, весь смысл и успех преобразования в одной личности Петра. Очень понятно, отчего это произошло. Петр Великий, как верно заметил г. Погодин [78], заслонил от нас своей огромной фигурой древнюю Россию. Новое направление русской жизни слилось в нашем представлении с именем Петра, как будто в нем воплотилось. Видя его везде на первом плане, неизмеримо выше всех сподвижников, главным орудием преобразования, душой нового дела, мы приписываем одной его личной деятельности то, что только в его лице выразилось ярко, выпукло, гениально. Когда новое направление проводится неограниченным государем и таким необыкновенным, каким был Петр, невольно забывается естественный ход вещей, который подготовил его подвиг и сделал событие неизбежным в той или другой форме. Все это очень понятная и естественная ошибка зрения, оптический обман, но нельзя на такой ошибке строить историческую теорию, которая спутывает все понятия, и делать правильную оценку предыдущей и последующей истории решительно невозможно.

Петр Великий и его эпоха есть начало нашего героического века. Не прошло еще и двух столетий, а величавый, удивительный образ его стал уже облекаться в мифическое сказание. Не будь у нас под руками несомненных исторических свидетельств, нельзя было бы поверить, что перед нами живое лицо, а не сказочный богатырь. Даже достоверная повесть о его ранней молодости дышит легендой и мифом. Он готовится к своему подвигу, по меткому выражению профессора Соловьева, не в старой России, а подле нее, вне обычной тогда обстановки царственных детей – между потешными и в Немецкой слободе. Обстоятельства его как будто нарочно для того вырастили вдали от двора, чтобы поставить в совершенную независимость от той среды и нравов, которые они призван был преобразовать. Около него с юности составляется осо-

бая атмосфера, чуждая остальному. Грозный тоже уезжает на время из Москвы в Александровскую слободу, но снова возвращается в центр старинной русской жизни; Петр с детства чужд Москве, хотя и находится в ней, а потом оставляет ее совсем, бывает в ней наездом, изредка и живет в Петербурге, который сам построил на новом месте. Какая быль больше похожа на сказку?

Петр Великий с головы до ног – великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, сметливость; склад ума практический, без всякой тени мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость в беде; рядом с тем неразборчивость в средствах для достижения практических целей; безграничный разгул, отсутствие во всем меры – и в труде, и в страстях, и в печали. Кто не узнает в этих чертах близкую и родную нам природу великоруса? Но в каких громадных, ужасающих размерах она в нем высказалась! Несмотря ни на какие свидетельства, все как-то не верится и до сих пор, чтобы в самом деле мог жить на свете такой человек! Раз почуяв свое дело, свое призвание – а до этого он дошел не через книгу или раздумье, а практикой, опытом – Петр отдался ему всей душой, всем помыслом, без колебаний и оглядки, на всю жизнь. Труженик в благороднейшем смысле слова, он не знал устали и только перед смертью догадался, «коль слабое творение есть человек» [79]. Невозможного для него не было; все казалось ему возможным, чего он хотел, а хотел он – ни больше ни меньше – как пересоздать Московское царство в европейскую монархию с европейским государственным устройством, администрацией, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлей, сухопутными и морскими силами, даже с европейской общественностью, нравами и формами – и рассчитывал выполнение этого плана не на сотни лет, а на свой век, желал сам насладиться плодами своего «насаждения».

С этой стороны Петр Великий есть полнейший представитель своей эпохи и ее преобразовательных стремлений. Формы, в которых они осуществились, принадлежат безраздельно

времени, в которое он жил; Петру принадлежит необычайная сила, энергия, с которой велось дело, страстность, если можно так выразиться, темперамент реформы.

О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении; но никогда еще до него преобразование не было возводимо в принцип; никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государства и быта, а те, которые проникались им, не выдерживали сравнения идеала с действительностью, не думали с нею бороться, чтобы переделать ее, и покидали страну. Петр внес этот идеал в русскую жизнь, вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью. В этом смысле он довершил старое время и начал новое. Разрыв между стремлениями и действительностью был им доведен до последних пределов, но стремления получили цель, им придана сила и власть, цели подчинена жизнь и ее условия.

В отрицательном взгляде Петра Великого на старинный быт и нравы иные подозревают нелюбовь его к России. Но такой упрек относится к разряду тех странных, удивительных недоразумений, которыми преисполнены наши суждения об этой эпохе. Петр любил Россию по идеалу, который о ней составил, различал в ней ту, какою ее застал, от той, какою желал видеть, и старался приблизить ее к этому идеальному образу. Можно не одобрять его взгляда – это другой вопрос; но как подозревать его в нелюбви к России, когда он посвятил все свои силы, весь свой труд, всю свою жизнь на то, чтобы она стала, какой ей следовало быть, по его убеждению? Нельзя работать неустанно, всю жизнь, без веры в дело, без любви к нему. Петр так трудился, потому что верил в способность русского народа преобразиться в идеальный образ, который перед ним носился. Прочтите гневные его письма к царевичу Алексею Петровичу. О чем вся забота? О том, чтобы сохранить «насаждение и уже некоторое и возвращенное» его «бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами». В чем главный упрек царевичу? В том, что царевич не помогает ему «в таких его несносных печалех и трудах».

«Ты, – пишет Петр царевичу, – ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю и конечно по мне разорителем оных будешь». Требуя от сына исправления, царь в первом письме грозит ему лишением наследства: «И не мни себе, – прибавляет Петр, – что один ты у меня сын и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполняю, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный». Во втором письме царь опять требует от сына, чтобы он изменился или пошел в монахи, «ибо без сего, – прибавлял он, – дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал» [80]. Во всем этом страшном, неслыханном деле Петр, сколько можно судить по тому, что мы теперь знаем, был, кажется, обманут. Тайная интрига, веденная очень искусно, вооружила его против сына, который, по-видимому, не был умышленным врагом отца, а человеком неспособным и посредственным. Розыск и пытка не обнаружили заговора, а только недовольство. Если сведения, которые дошли до нас, полны, то мучительная смерть царевича Алексея лежит на душе Петра Великого [81]. Однако чем можно было довести Петра до такой крайности? Только внушая ему мысль, что дело его попадет после его смерти в недостойные руки и погибнет. Из-за одной этой мысли Петр Великий забывает все, даже династические интересы, казнит сына и провозглашает начало, что царь имеет право назначать по себе преемника по духу, а не по плоти, не стесняясь потомством. Как государственное учреждение этот закон не выдерживает критики и не пережил Петра, но он вполне характеризует его личность и взгляд: все для дела, все для государства и России, все должно преклоняться перед ними, служить только им, а не лицу, не личным интересам. Сам он служил им народу с другими. Оттого какая простота в жизни, в обращении, в переписке! Ошибки свои – а кто ж не ошибается – Петр признает даже в печатных указах, просит извинения в письмах. Дело прежде всего, а лицо – даже сам Петр – после.

Мысль о коренном преобразовании России по европейскому образцу созрела в Петре Великом, по-видимому, не вдруг, а постепенно. Как человек в высокой степени практический, Петр приведен был к тому наблюдениями, опытом и нуждой. К его времени мы уже вдвигались в круг европейских государств и принимали все большее участие в общих делах Европы. Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы. Давнишняя наша потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну со Швецией [82], а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота; эти реформы, в свою очередь, вызывали нововведения и перемены во внутреннем быте. Так, мало-помалу идеал европейской монархии слился у Петра Великого с мыслью о потребностях, нуждах и пользах России, которые стояли у него на первом плане. Полезное, по его мнению, вводилось, несмотря ни на какие препятствия. Что оно не нравилось, еще не доказывало, что оно не хорошо. Мало ли, замечает он в одном указе, что принималось по принуждению, за что потом благодарили и что уже принесло плод? Вот чем объясняется принудительный характер преобразования. Оно было по необходимости внешнее, вводилось со страстью, возведено в правительственную систему и излагалось не в назиданиях и книгах, а в законах и правительственных распоряжениях. Какой же могло оно иметь характер, кроме принудительного? Как человек, безгранично убежденный в своем деле и нетерпеливый, Петр действовал круто и жестко. Одаренный страшной нравственной силой и энергией, он не понимал слабости, не допускал никаких уступок и сделок с обновляемой средой. Мысль о постепенности внутреннего развития, о переходных мерах была ему вовсе не чужда, да и не по тогдашнему времени. С лишком полвека спустя после него во Франции точно так же мало заботились о постепенном переходе от старого к новому [83].

Учреждая в России новые порядки, Петр выписывал из-за границы иностранцев, давал им места в службе, водился с ними, ласкал их. Что могло быть естественней? Они тогда луч-

ше нас знали дело, и потому Петр употреблял их. Но отсюда упрек, будто бы он предпочитал иностранцев русским. Какие же на это доказательства? Никаких, ни малейших. Напротив, иностранцы жалуются на Петра Великого, что он их дурно рассчитывает, не исполняет заключенных с ними условий, старается при первом благовидном предлоге от них отделаться. Он вызывает из Европы фабрикантов, заводчиков, мастеров, и одно из первых с ними условий – обучить тому мастерству, фабричному или заводскому делу, русских. За исполнением этого условия строго смотрел царь и не исполнявших удалял из России. В коллегиях и присутственных местах определялись чиновниками иностранцы и русские – в равном числе; первые должны были обучать последних европейским административным порядкам и за то получали больше жалованья. Что не пристрастие именно к немцам или голландцам руководило в этом случае Петра, доказывается тем, что он старался с тою же целью вербовать в службу преимущественно «шрейберов цесарской службы», австрийских славян, знающих новое дело, а между тем говорящих на родных нам языках. На высших военных и административных постах, кроме Лефорта [84], не встречаем при Петре ни одного иностранца – все до последнего русские. Зная иностранные языки, Петр писал и переписывался почти всегда по-русски.

Другой упрек Петру, и самый распространенный, заключается в том, что он будто бы нарушил предание, разорвал русскую историю и русскую жизнь на две, друг другу чуждые и даже враждебные половины; будто бы благодаря Петру мы утратили чувство народности и оттого блуждаем теперь, не зная, откуда и куда идем.

Это обвинение относится, разумеется, к тому, что Петр Великий привил к нашей жизни идеал европейской монархии и быта. Но вглядимся в дело поглубже: не принадлежит ли этот упрек к числу странных недоразумений?

Мы уже сказали, что стремление к Европе и практическая необходимость подражать ей, заимствовать от нее появилась в Московском государстве задолго до Петра и заметно

усилилась перед началом преобразования. Значит, была уже в русской жизни наклонность в эту сторону. Стало быть, Петр Великий не создал направления, за которое его обвиняют; он лишь его усилил, возвел в систему. Не только он не нарушил традиции, а, напротив, следовал преданию московских государей: с Ивана III, и особенно с Ивана Грозного.

Не до́лжно также забывать следующего очень важного обстоятельства. Говоря, что Петр Великий насильственно привил русскому народу чужой идеал, мы, собственно говоря, сильно преувеличиваем. Не только огромное большинство народа осталось совершенно чуждым и враждебным этому идеалу, но даже в высших слоях русского общества очень, очень немногие пристали к нему с убеждением. Борьба между привитым чужим и своим началась, если хотите, даже до Петра; при нем она стала ярче, продолжалась и после него, продолжается даже и теперь, изменив только свои формы. Следовательно, никак нельзя утверждать, что Петр убил в нас чувство народности, лишил нас связи с прошедшим; он только внес, правильнее сказать, только усилил элемент брожения, а вместе с тем и развития в нашей односложной жизни. С его времени яснее выступила вперед внутренняя борьба, которая в других формах, по другим поводам происходит у всех народов, играющих роль в истории. Где нет такой борьбы – там нет жизни и развития. Она необходима, чтобы выяснить народное самосознание, вызвать к деятельности народные силы. Если у нас возникла теперь потребность отдать себе отчет в самих себе, понять себя, то это благодаря преобразованию, которое началось еще до Петра. Итак, дело реформы не было нарушением нормального хода нашей жизни, а, напротив, естественным, необходимым ее продолжением.

Наконец, нас смущает внешний, принудительный характер петровской реформы, и из него мы выводим, что если бы Петр не вздумал так круто и насильственно вносить в нашу жизнь чуждых элементов, то они бы вовсе в нее и не вошли. Но, во-первых, европейские элементы появились в России уже до Петра; а потом – взглянем поближе, куда приведут нас по-

добные рассуждения. Если мы могли обойтись без европейской закваски, то, значит, в ней не было никакой надобности; стало быть, старинная русская жизнь имела уже в себе все необходимые условия и задатки для дальнейшего, самостоятельного развития. Каким же чудом один человек, хотя бы и необыкновенный, гениальный, мог всего в какие-нибудь четверть века сдвинуть целый русский народ с его прямого пути, отклонить его от естественного, самостоятельного развития на целые полтораста лет? Делая упрек Петру Великому, мы этим как будто хотим возвысить значение древней России, а на самом деле только вторим тем, которые называют Петра творцом новой, низводим старую Русь на степень исторического материала, до такой степени мягкого и несамобытного, что гениальный человек мог вылепить из него, что ему было угодно. Мы думаем, что для объяснения внешнего и насильственного характера петровской реформы нет никакой необходимости прибегать к предположениям, из которых совсем не то следует, что они должны доказать. Дело, как мы сказали выше, объясняется гораздо проще. В конце XVII в. потребность преобразования сильно чувствовалась в России. По односложности нашей жизни и по степени нашего развития в XVII в. мы были способны только к внешнему, а не внутреннему преобразованию; а всякое внешнее действие есть по необходимости принудительное, насильственное; более или менее это уже зависит от обстоятельств, характера действий, времени и нравов народа и тому подобных условий. Петр по своему личному характеру провел реформу сильно, стремительно, жестоко и сурово. Не будем же терять из виду самого дела из-за его случайной обстановки.

Наконец, рассуждая о реформе и ее последствиях, мы опускаем из виду, что все образованное меньшинство русского общества бросилось в «прорубленное Петром Великим окно в Европу» и протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией до нашего времени. Будь направление, данное Петром нашей жизни, неестественно, оно бы и кончилось с его смертью, тем более что большинство со-

временников смотрели подозрительно и враждебно на его нововведения, а ближайшие преемники его власти не имели ни его гения, ни его силы, ни его взглядов. И что же мы видим? Несмотря ни на что, образованное русское меньшинство с небывалым самоотречением бросилось навстречу европейскому влиянию и идет по этому пути гораздо далее Петра Великого, до отступничества от всего родного, до забвения родины и самого языка. Неужели можно приписать такое течение мысли, такое направление меньшинства русского общества в продолжение нескольких поколений одной подражательности, угодливости, суетности, легкомыслию или случайности, обратившейся потом в дурную привычку? Бесспорно, все это играло большую роль, точно так же, как и во всяком другом историческом явлении рядом с хорошими участвуют и дурные стороны человеческой природы. Но ведь мы знаем, что не одни льстецы и пустые люди шли у нас по этому пути. В сравнительно малочисленном слое русского общества, который безраздельно отдался европейскому влиянию, было много людей талантливых, умов глубоких и светлых, людей, горячо любящих родину, искренно искавших правды. Эти люди, отрешавшиеся от России нередко до забвения русского языка, честно, с убеждением служили ей мечом и пером, честно умирали в битвах за ее независимость и достоинство. Таких людей было немало, и мы их еще помним. Они доказывают своими делами и жизнью, что реформа на европейский лад при Петре не была случайностью или прихотью, а отвечала известной, живой потребности и потому не была нарушением естественного течения русской жизни. Нам теперь она кажется такою потому, что отжила свой век. Но прошедшего нельзя мерить настоящим. Всему есть свое время и своя мерка.

От этих общих соображений обратимся к ближайшим, осязательным, практическим. Возьмем внешние и внутренние вопросы, которые поднял и разрешил Петр, и посмотрим, отклонил ли он хоть один из них от его естественного, правильного течения, нарушил ли он в этом отношении традицию? Самое внимательное изучение коренных русских вопросов того

времени докажет совершенно противное; мы увидим, что все они разрешены Петром Великим в том самом смысле и направлении, в каком ставились перед преобразованием. Приведем в подтверждение несколько примеров.

Говорят, Петр приложил последнюю печать к закрепощению народа. Мы не знаем и даже не можем догадываться, на чем основан этот упрек. Не на том ли, что при нем Поместный и Холопий приказы слиты в один? Но проследите внимательно законы XVII в.: к концу его поместные крестьяне стали такими же крепостными, как вотчинные; права владельцев на крестьян ничем также не отличались в это время от прав на холопей. Но допустим, что Петр действительно сделал новый, окончательный шаг к слитию этих различных разрядов несвободных разрядов в один: разве можно сказать, что он разорвал предание? Подобная мера в то время, когда все было подведено под форму крепостного права, не может ни в каком случае называться нововведением, противным духу старинных учреждений.

Находят, что смешение поместного права с вотчинным показывает грубое незнание нашего старинного юридического быта. Но мы хотели бы, чтобы нам показали, чем в исходе XVII в. поместья отличались от вотчин? Такого различия не существовало уже до Петра. Оно удерживалось только по имени.

Назовут, может быть, нововведением, противным духу старины, табель о рангах, учреждение и устройство Сената? Но стоит только проследить историю местничества [85] и постепенного его упразднения, начиная с Ивана III, чтобы убедиться, что замещение мест по годности к службе, а не по роду было задачей, к разрешению которой московские государи стремились постоянно. Петр и разрешил ее в этом смысле.

Преобразования Петра по духовному ведомству [86] были довершением начатого при Иване III, особенно при Иване IV, и последующих мер, принятых в течение XVII в. Сделанное Петром по этой части представляет весьма последовательное развитие задуманного задолго до него и оконченного его преемниками.

Как мы уже видели, не Петр стал впервые приглашать на службу иностранцев; задолго до него начали это делать московские государи, уже со времен Ивана III.

Первое начало регулярного войска положено Иваном IV в учреждении стрельцов. Сообразно с общим характером древней России они из войска обратились в общественный и вместе служебный разряд, жили семьями в особых слободах и торговали, отправляя военную службу как повинность, подобно казакам. Около них возникли новые виды регулярных войск – сперва иноземных, потом, по образцу их, и русских. Петр только преобразовал эти войска, заменив ими все бывшие дотоле различные их роды.

Называют нововведением татарским и ненавистным установлением при Петре подушной подати [87]; считают эту меру шагом назад, сравнительно со старинной, когда существовало посошное тягло, или подать, определявшаяся по количеству и качеству земли. Но послушайте, что говорят современники; посмотрите, на что народ жалуется беспрестанно и горько в течение всего XVII в.: его тяготит раскладка повинности по земле. Земли были обмерены Бог знает как. Вследствие тяжких податей люди, крестьяне и посадские разбегались, а с оставшихся, часто очень немногих числом, правили, что следовало, на основании посошной раскладки. При таких обстоятельствах введение подушного налога был благодеянием, разрешением вопроса, поставленного стариной, и притом разрешением самым разумным в то время, когда не земля, а рабочая сила имела цену.

Коллегиальное устройство тоже не было нововведением. Зародыши его находим уже в устройстве приказов [88].

Суд по форме, установленный Петром, был не что иное, как организованный, определенный законом старинный суд судебных приказов. Жалобы на бесчисленные, вопиющие дела московских судов XVII в. вызывали не коренное их преобразование, а более точное определение судебного порядка, причем по возможности предусмотрены и устранены и обычные в то время злоупотребления. Не вина Петра, что после него – и мы

до сих пор не знаем, когда именно и как – старинный словесный суд заменился письменным.

Важнейшее дело и забота всего царствования Петра – завоевание и упрочение за Россией Балтийского побережья – было задумано не им, а задолго до него, еще Иваном Грозным [89].

Можно привести другие примеры в доказательство, что и во внешних, и внутренних делах Петр Великий продолжал начатое его предместниками, шел по пути, указанному всей нашей историей. Перерыва в ней никакого при нем не произошло; только все старинные, вековые задачи сошлись в это царствование, как в один фокус, и сильно двинуты к развязке; дело столетий сжато и втиснуто в какие-нибудь четверть века. Повторяем, нас вводит в заблуждение темперамент преобразования, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра. Вот, как нам кажется, существенная и единственная причина всех наших недоразумений.

Говоря это, мы далеки от мысли оправдывать каждое действие Петра Великого, каждую принятую им меру. Во многом он, разумеется, ошибался; многое из того, что он ввел, оказалось несостоятельным еще при его жизни или после него, зато другое пережило вeкá и стоит до сих пор твердо; многое из задуманного им еще не осуществилось; к иному, пришедшему в упадок и забытому, может быть, придется еще воротиться. Но дело вовсе не в том. Существенная сторона вопроса о Петре Великом и его эпохе заключается не в критическом разборе его планов и их выполнении, не в оценке практического достоинства его законов и распоряжений, а в определении места, занимаемого петровской реформой в нашем историческом развитии. Мы старались показать, что она есть органическое продолжение старины, вытекла из нее необходимо и естественно и представляется нам каким-то скачком потому только, что вводилось у нас одним из величайших деятелей истории, который своею необыкновенною личностью и делами затмил обыденный ход нашей исторической жизни. Восстановить потерянное в сознании преемство внутреннего нашего развития, указать органическую связь там, где теперь представляются

как будто порванные концы исторической нити, – вот теперь главная, первая задача русской истории. Разрешить ее необходимо не только в видах удовлетворения исторической любознательности, а для того, чтобы внести хоть сколько-нибудь света и порядка в нашу мысль, блуждающую в невероятном хаосе и тьме. Все наши недоразумения, если их разобрать хорошенько, сводятся, мы глубоко в этом убеждены, к тем, которые скопились около Петра Великого и его эпохи, а они, повторяем, произошли от смешения дела реформы с личностью Петра. Преобразование по ходу древней русской жизни было неизбежно, неотвратимо. Не явись Петр, оно приняло бы, вероятно, какие-нибудь другие формы, но все-таки рано или поздно непременно бы совершились. Петр дал только преобразованию известный вид, форму, темперамент, определил ее ход на последующие времена.

Петр Великий принял титул Императора и окружил царскую власть внешней обстановкой европейских монархий. Этим обозначилось окончательное вступление России в политическую и международную систему Европы. В общем ходе нашей истории и преобразования эти нововведения разумелись сами собой.

Гораздо важнее было новое значение, которое Петр Великий придал царской власти внутри государства. Мы заметили выше, что с Алексея Михайловича наше внутреннее развитие, отклоненное от своего естественного хода приливом польско-литовских элементов, снова восстановилось. С тех пор царская власть является вполне такою же, какой была при Иване III, при Василии Ивановиче, при Грозном и Годунове и какая сложилась в представлениях великорусского народа. Петр Великий только возводит ее в государственный принцип, в идею, освобождает от исторически сложившихся и уже обветшавших форм, которые напоминали давно отжитый в государственной сфере тип домоначальника. Принцип этот он проводит по всем ступеням государственной иерархии.

Некоторые считают Петра Великого основателем самодержавной власти в России. Но это ошибка. Самодержавие ро-

дилось с Великороссией. Андрей Боголюбский был такой же самодержец, как Всеволод Большое Гнездо, как Московские великие князья и цари до смутной эпохи. В этом отношении, как и всегда, ошибка происходит оттого, что дело не различается от лица, у которого оно в руках, которое его представляет и ведет. Петр Великий выражает начало старинной царской власти гораздо резче, определеннее и сознательнее, чем все его предшественники (исключая, впрочем, Ивана Грозного), потому только, что он не только царь, но и преобразователь, что в его лице выразилась и сосредоточилась реформа, что он был ее двигателем и орудием. Борьба необходимо определяет точным образом принципы, приводит к ясному их сознанию. Иван III высказывает новгородцам определительно и точно, чего требует от них Московский великий князь, в чем сущность его власти; Василий Иванович – псковичам; царь Иван Васильевич Грозный формулирует свою власть в борьбе с литовско-польской олигархией [90]; точно так же и Петр Великий в борьбе со старинными государственными и общественными порядками в России, которые начали преобразовывать, только выражает с совершенною определительностью существо царской власти, которая испокон века принадлежала русским государям.

Но не создавая самодержавия, Петр придал ему своей деятельностью, своей личностью, своей жизнью новый характер и в этом смысле определил весь последующий ход нашей истории. Преобразование, как мы сказали выше, возведено им в правительственную систему и вошло с его времени в число атрибутов верховной власти вполне согласно с глубочайшими инстинктами русского народа. Служа государству и государственным пользам횟 преданнее, неутомимее, бескорыстнее, вернее последнего из своих подданных, Петр своими «несносными печалями» и великими делами вписал навеки в наш государственный устав, что власть есть труд, подвиг, служба России прежде всех и больше всех. Это был его завет и благословение потомству, пережившие его армии и флоты, его «виктории» и учреждения, его слабости и ошиб-

ки. Оттого после Петра менялись правительственные системы, направления, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой через весь последующий тяжелый период нашей истории. Преобразование и служение русскому государству и русскому народу осталось ее знамением и до наших дней, когда, по-видимому, довершается дело Петра, прикладывается последний камень к его зданию и начинается новый период нашего исторического существования.

Что Петр своим лицом и своею жизнью укрепил царскую власть, начавшую было перед ним колебаться, поднял ее и придал высокое нравственное и народное значение – в этом его величайшая, бессмертная заслуга перед Россией. Наступила пора глубокого внутреннего перерождения, когда сильная центральная власть есть для народа вопрос существования. Ей предстояло у нас не только представлять с достоинством Россию при внутренних смутах, при борьбе враждебных друг другу направлений, при олигархических стремлениях, при революционных движениях в Европе, поднимавших против нас внешние бури, но, что было несравненно труднее, ей, по целому ходу нашей истории, выпадала на долю крайне трудная задача – продолжать в то же самое время начатое Петром Великим дело внутреннего нашего преобразования.

Новый период нашей истории мы понимаем, если возможно, еще менее, чем отношение Петра Великого и его эпохи к древней России. Европейские формы, в которые снаружи облеклась наша жизнь, спутывают все наши мысли и заслоняют от нас действительность; а она между тем идет своим чередом, решая одну за другой задачи, поставленные всей нашей историей и которых истинного смысла мы не умеем себе объяснить.

Реформа Петра была, как мы видели, внешняя. Он переменил лишь наружные формы нашего внутреннего быта и заменил их иностранными, что, разумеется, не могло переродить нас в европейцев. Эти реформы были только новым условием нашей жизни, под влиянием которого она стала исподволь развиваться далее.

Ход этого развития представляет высокий, животрепещущий интерес. На поверхности русского общества замечается после Петра полная безурядица: тысячи стремлений и направлений, проникнутых европейскими задачами и интересами, страхами и надеждами и не имеющих прямой связи ни с народной жизнью, ни между собой. Рядом с ними и в пестром с ними смешении живут старинные взгляды, понятия, привычки и предрассудки – плод вековой жизни и опытов. Те и другие борются между собою, но часто уживаются мирно в одном лице. Хаос совершенный, приводящий в отчаяние, в котором ничего нельзя разобрать.

А между тем под этой разнохарактерной оболочкой совершается дело истории – медленно, в правильной постепенности. Старинных разрядов, служебных и общественных, Петр едва коснулся и завещал их новому времени. Никакой внутренней организации он не мог им дать, потому что она не дается, а вырабатывается самою жизнью. На почве «чинов» в старинном смысле слова и крепостного права, исключавших всякую тень органической общественной жизни, нельзя было основать ничего прочного. Всякие попытки придать правильный строй нашей общественности при такой почве не могли вести ни к чему. Петр менял несколько раз учреждение городов и провинций – и все понапрасну. Те же заботы продолжаются и после него, при его преемниках, и тоже не приводят ни к каким существенным, положительным результатам.

Так продолжается до половины XVIII в. С этого времени начинается, с одной стороны, постепенное упразднение крепостного начала, с другой – видны попытки организовать наш внутренний быт.

Постепенное упразднение крепостного права и дарование гражданских прав русскому народу совершилось, как и все движение нашей жизни, сверху вниз, начиная с высших слоев общества и оканчивая низшими, и шло, не прерываясь, до нашего времени. Сперва получили гражданские права дворянство, духовенство и купечество, потом разнородные средние слои общества, затем казенные крестьяне, наконец, поме-

щичьи. Снятие административной опеки с государственных крестьян, которые при Императоре Александре I были свободными только по имени и лишь в последующее царствование получили гражданские права, заключает ныне собою этот ряд преобразований старинной русской жизни.

Несравненно труднее было заменить прежний крепостной строй правильной организацией, тем более что отмена крепостного права совершилась не вдруг, а отлагать вопрос внутреннего устройства впредь до окончательного уничтожения крепостных отношений было невозможно.

Петр III и Екатерина II вводят сословную организацию, которую в применении к городам начал вводить еще Петр Великий. Старинные служебные разряды преобразованы в европейские сословия, старинные городские тягловые общества – в замкнутые европейские муниципии. Но сословия и городские корпорации, выросшие на исторической почве, совершенно различной от нашей, не могли у нас приняться. Наши старинные служебные разряды или чины и тягловые общества, плод нашего односложного государственного и народного состава, не имели ничего общего с европейскими сословиями и корпорациями, выработавшимися вследствие долгой внутренней борьбы разнородных составных стихий европейских государств. Под влиянием новых условий государственного быта бывшие разряды или чины только разомкнулись и некоторые из них освобождены от обязательной службы; множество разрядов, старых и новых, с наследственным служебным характером продолжали существовать подле сословий, отчасти в их составе под именем «званий» и отменены окончательно лишь в нынешнее царствование. Что касается тягловых городских обществ, то старинная их замкнутость, вытекавшая из условий их крепостного и служебного быта в XVII в., упразднена целым рядом постановлений, изданных в царствование Александра I и Николая. К ним тоже не привилось европейское начало городских корпораций.

За сословной организацией, по мере распространения гражданских прав на все состояния и звания, появляется

общинное, земское устройство. Начало его введено в наше законодательство в минувшее царствование с образованием обществ государственных крестьян и с изданием нового С.-Петербургского городского устава; но обширное применение получило оно лишь в нынешнее царствование. Теперь общинное устройство узаконено во всех без изъятия крестьянских обществах, а из городов распространено на Москву и Одессу. Введением земских учреждений [91] оно сделало важный шаг вперед, обнимая теперь уезды и губернии, и в заведывании местными делами, местными интересами, отчасти заменило сословное устройство.

Таким образом, петровская эпоха была во всех отношениях приготовлением при помощи европейских влияний к самостоятельной и сознательно народной жизни. Участие европейского элемента в нашем быту было нужно не для одних практических целей, но и для нашего внутреннего развития. Люди и народы приходят к самосознанию через сравнение себя с другими, и чем предмет для сравнения лучше, краше, развитее, совершеннее, тем полнее и глубже человек и народ вникают в самих себя, открывают в себе неизвестные им самим, дремлющие в бездействии силы. Такому периоду жизни соответствуют пробуждение и развитие индивидуальности и выработка форм для предстоящей деятельности. Самостоятельная русская мысль и жизнь, которые должны наполнить эти готовые, но пока еще лишенные содержания формы, далеко впереди. Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды – выводы из чужой жизни и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших внутренних противоречий и разладицы. Не понимая себя и среды, к которой принадлежим, мы блуждаем в потемках, ходим ощупью, куда и как случится. Наша умственная и нравственная жизнь, не имея еще пока корней у себя дома, не имеет по тому же самому и никакого центра тяжести и носится в

воздухе; при всем блеске наших природных способностей она холодна, бесплодна и мертва. Она согреется, оживет и сделается плодотворной только с той минуты, когда опустится из неопределенной шири на русскую почву, прильнет к ней и будет из нее питаться. Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может.

О родовых отношениях между князьями древней Руси. Ст. Соловьева (Московский литературный и ученый сборник на 1846 год)

Статья г. Соловьева «О родовых отношениях между князьями древней Руси», как и все, писанное им, отличается несомненными достоинствами: чисто историческим тоном, отсутствием всяких предубеждений, которые, начиная уже с Карамзина, мешали и мешают понять нашу древнюю, а потому и новую историю и представляют в ней многое в ложном, неестественном виде, наконец, добросовестным собранием фактов и ясным, отчетливым изложением.

Содержание статьи г. Соловьева может быть передано в немногих словах. Ее главная задача – определить отношения между удельными князьями. Эти отношения основаны на родовом начале, т. е. начале крови, родства, во сколько оно при своей естественной шаткости может установить отношения между людьми, пока не получит юридического определения. С одной стороны, власть старшего в роде над младшими родичами почти безусловна, не ограничена; с другой – она как несознанная, неюридическая не представляет ничего твердого, постоянного и потому ничем не обеспечена. Если старший родич, великий князь не заботится об интересах млад-

ших князей или им это так покажется, – власть его исчезает, и он должен отстаивать ее силой. Кто же из князей считался старшим? Этот вопрос разрешен г. Соловьевым превосходно. Сначала старшим считался, разумеется, тот, кто был старее по рождению и летам. Дядя был старше племянника, первый сын старше второго и т. д. Потом это понятие о старшинстве несколько изменилось. Когда отец умирал, старший его сын заступал место отца для младших своих братьев. Но он был вместе отцом для своих детей. Итак, племянники стали братьями своим дядям. Но какими? Старшими или младшими? Сперва младшими; старшинство принадлежало дядям. Но потом старший сын старшего брата, т. е. старший племянник получал первенство над дядями на следующем основании: старший сын старшего брата – отец своим братьям, а т. к. дяди считались тоже его братьями, то он стал отцом и для них. Старшинство дядей над племянниками господствовало в древнейшей России до монголов, первенство старшего племянника – в северо-восточной России.

Вот содержание прекрасной статьи г. Соловьева. Этот взгляд на отношения князей у нас еще новь. На него, правда, намекали иногда, но как будто нечаянно, бессознательно, и оттого русская история через эти намеки ничего не выиграла. Заслуга г. Соловьева в том, что у него родовые отношения удельных князей поставлены на первом плане, через что им возвращено их настоящее, глубокое, решительное значение в судьбе древней России – значение, которое эти отношения имели в жизни, но не имели в науке. Такая заслуга гораздо важнее, нежели может показаться с первого взгляда. Когда, наконец, обратится в обиходную истину, что весь древний быт России, не только частный, но и государственный (если только его можно так называть), вращался около одного родственного, кровного начала, которым первоначально более или менее живут все незавоевательные народы, – мы поймем многое в русской истории, чего до сих пор не понимаем. Первые времена ее потеряют тогда таинственное, но обманчивое обаяние, которое придал им Карамзин. Теперь исследователя русской старины

как-то невольно влечет в туманную даль прошедшего, и чем дальше, тем кажется она привлекательнее. Хочется узнать обстоятельно не только, что было во времена Рюрика, но даже до Рюрика. В эти отдаленные времена вглядываешься с уверенностью найти что-то необыкновенное, невиданное. Воображение рисует чу́дные картины, невозможное и небывалое существование, как некогда грекам чу́дными, райскими казались земли, о которых до них доходили одни темные слухи. Отсюда выходит и вышло со временем большое зло. Воззрение на историю потеряло историческую почву и стало совершенно отвлеченным, прикрывая себя фактами. Этот недостаток ощутителен в Карамзине. Характеры у него созданы, а не воспроизведены, события освещены неестественным светом. Оттого нет никакой возможности понять: как же все это делалось в старину и зачем делалось? Отчего после варяжского периода наступил удельный, а потом именно московский? Исторические деятели разных времен и эпох, как в панораме, проходят один после другого в одной хронологической, а вовсе не внутренней исторической преемственности. В этом царстве бесплотных теней все эпохи, лица, события так похожи друг на друга, что нет никакой причины не представить себе России задолго до Рюрика стройно организованной, с развитым общественным бытом и цивилизацией. Каков же был этот быт? Он неизвестен, следовательно, был, конечно, гораздо лучше, выше последующего. Это обыкновенный вывод, который делает человек, ища Эльдорадо – воплощения своих мечтаний и отвлеченных требований в действительном мире. Чем менее фактов, тем больше разгула и простора для фантазии. Наш действительный мир исполнен зла – стало быть, было или будет когда-нибудь хорошо. В ложности такого рассуждения трудно убедиться. Из него прямым путем вытекают и оптимизм, и пессимизм – оба равно ложные, потому что ищут полного воплощения идеалов в действительности: один – в будущем, другой – в прошедшем. Но пессимизм хуже оптимизма тем, что последний, по крайней мере, питает и поддерживает силы и деятельность, а первый заставляет человека сложить руки, высасывает из него все

живые соки и делает его мистиком. В самом деле, может ли что-нибудь быть бесплоднее убеждения, что в мире все идет к худшему, что, развиваясь и живя, человек падает? Вы скажете: да он и не совершенствуется, не улучшается. Я согласен. Да разве непременно нужно предположить то или другое? Разве нельзя уже никак обойтись без этих двух воззрений?

История беспрерывно рождает новые вопросы и находит на каждый из них свой ответ. И вопросы, и ответы идут один за другим, не повторяясь никогда и в такой постепенности, что последующее всегда предполагает предыдущее и может только тогда возникнуть, когда предыдущее разрешено. Последовательность, целость, единство всего существующего так естественны, так в порядке вещей, что человек все может снести, кроме тупой, бессмысленной случайности, и, приняв ее за основной закон жизни, лишается силы и энергии. Оттого-то, чтобы понять историю, не дóлжно ни на минуту сходить с почвы действительности. Верный взгляд на факты непременно даст ответ, почему за такой-то эпохой следовала такая-то, и перестановка их в самой науке сделается невозможной. Вы думаете, что древнее время было лучше, а следующее хуже: история докажет вам, что это ошибка, обман, может быть, очень добросовестный, но все же обман. Последующая эпоха в фактах представит вам самую строгую, вполне исчерпывающую критику предыдущего, даже в том, что, казалось бы, не подлежит никакому разложению и признавалось за первоначальную, непреложную, основную истину. Для этого нужно только смотреть на историю просто, без задних мыслей, что кажется очень легко, а на деле очень трудно. В статье г. Соловьева мы находим именно такой взгляд, хоть он и не высказан. Древняя Русь так мало имела в себе зачатков гражданственности, что до XIII в. и далее не только частный, но и общественный, государственный быт ее покоился на одних кровных, родственных отношениях и определялся ими. Нужно было много веков, чтобы выжиться ей из этого доисторического состояния. Одно это отнимает всякую возможность и охоту пускаться в исследование о дорюриковском периоде русской истории. Этого мало: ужасы

Иоаннова царствования, период самозванцев, такой страшный, общественность времен Кошихина, реформа Петра и все такие явления в русской истории покажутся естественными и понятными, законными; а теперь они – еще необъяснимая загадка, иероглифы, к которым страшно подступиться. Мы поймем, что в древней России даже само юридическое определение родственных отношений был важным шагом вперед. Прежде, нежели они исчезли как начало, определяющее весь наш древний быт, они должны были перейти в полное сознание, так сказать, осесться, уложиться в известные формы. Местничество с его техническим языком появилось оттого не при Ярославе, а уже гораздо позже, и в Москве обработано классически, сколько можно было в то время.

Вот все, что мы имели сказать о статье г. Соловьева. Она вполне округлена, окончена по мысли автора и потому с нашей стороны не подлежит дальнейшей критике. Некоторые недосмотры есть: например, на с. 204 говорится, что младшие обязаны были «идти всюду по первому зову старшего». Место, приведенное из Ипатьевской летописи [1] , показывает, что это выражение не совсем точно, может быть, даже не довольно обще. Далее, там же, в числе обязанностей младших в отношении к старшим упоминается особливо обязанность первого «смотреть» на последнего. Это выражение также принято слишком буквально и не объяснено. Право старшего судить ограничивалось только «разбором споров между младшими». На с. 215 сказано, что князья, выбравшие себе старшего, назывались в отношении к нему ратниками, а из цитаты этого не видно. Можно толковать, что под ратниками здесь разумелись князья, но толкование будет произвольно. Впрочем, эти недосмотры очень неважны и почти не заслуживают упоминания.

Одно позволим мы себе высказать не в виде требования, а только в виде желания: мы желали бы видеть в статье г. Соловьева не одно изложение фактов, а найти и их объяснение. Такое объяснение не только возвысило бы достоинство и без того прекрасной статьи, но даже, как мы думаем, способствовало бы во многом и самым исследованиям автора; некоторые

факты осветились бы с другой стороны, а вместе с тем, быть может, иначе были бы и изложены. Г-н Соловьев подробно излагает все факты, в которых выразилось отношение старших и младших князей между собою, но начала, из которого проистекли эти факты, не определяет. А когда речь идет об отношениях, начало едва ли не всегда первое, главное. Были ли эти отношения строго определенные, юридические или нет? Автор об этом не говорит. Именно потому, приступая к прошедшему с настоящими понятиями, мы идем от предположения, что эти отношения были юридические, хотя и основанные на началах кровных, родственных. Как же странно читать следующее место в статье: «Старший в роде до тех только пор сохранял неограниченную власть, пока сам свято исполнял свои отеческие обязанности, то есть пока не отделял своих интересов от интересов целого рода, пока не переставал смотреть на каждого младшего, как на собственного сына, не делая никакого различия между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Как же скоро старший в роде пренебрегал своими отеческими обязанностями, как скоро предпочитал собственные выгоды или выгоды детей своих интересам целого рода, то он терял свое значение старшего, отца; все его права, равно как обязанности младших к нему, рушились, его власть заменялась или общим родовым советом, или в случае разногласия князей каждый из них действовал, защищал свои права, как умел и как мог».

Итак, юридических понятий и отношений мы прежде не имели. Никто не судил и не разбирал старших и младших в роде, никто не произносил против великого князя приговора, лишавшего его значения отца. Следовательно, не было и никаких ручательств, что отношения были всегда таковы, как представляет их автор статьи, ибо от произвола зависело, признать их или не признать. Так и было. Отношения были в самом деле чрезвычайно произвольны, весьма часто случайны, но и предлогом к ним точно служили большей частью отношения кровные, родственные, потому что о других отношениях не было и понятия.

Если бы г. Соловьев обратил внимание на это важное обстоятельство в истории древней России, именно на это почти совершенное отсутствие юридического элемента, он не сказал бы (на с. 215), что отнятие и неволя лишали князей права на том основании, что битва, по нашим древним понятиям, считалась за суд Божий. Вопросы, которые решались войнами, были тогда, как и теперь, так важны, риск так велик, а способ решения так случаен, что человек необходимо должен был убедиться в направлении такого рода дел Божескою силою; но, утешая себя мыслью, что битва – суд Божий, человек никогда не мог подавить в себе мысли, что, хотя и побежденный, он прав, и всегда снова отдавал дело на перевершение того же суда Божия, т. е. войны, как скоро представлялся к тому удобный случай. Следовательно, нельзя сказать, что война могла лишить князя права; она только на время или навсегда отнимала у него возможность осуществить свои требования. Бесспорно, в тогдашних войнах еще несравненно менее было юридических элементов, чем даже теперь. Войны князей в период уделов могут служить лучшим доказательством справедливости наших слов.

Точно так же автор не объяснил основного начала родовых отношений и различных положений, из них проистекавших, равно как и тех изменений, которые со временем произошли в этих отношениях. Нам кажется, что через те и другие проходит одна мысль, которая связывает их в одно целое, объясняет переход удельной России в московскую и таким образом дает единство древней русской истории. Эта мысль или движущее начало есть постепенное вытеснение рода семьей. Как известно, род от семьи существенно тем отличается, что в нем, т. е. в роде, счет идет от родоначальника. Кто по рождению к нему ближе, тот и старше. Поэтому род может обнимать бесчисленное число членов, связанных между собою родством, и в нем дяди имеют всегда преимущество перед племянниками. Напротив, в семье, которая ведет свой счет от отца и обнимает одних нисходящих родственников, число последних необходимо менее сравнительно с родом; первенство принадлежит сыновьям, а не дядям, нисходящим, а не боковым. В этом заключается

и причина, почему семья есть то начало, которое становится всегда в противоположность с родом, отрицает и разлагает его по естественному закону распадения кровного союза и заменения его мало-помалу гражданским, юридическим: и у нас семья вытеснила, наконец, род, как семья, в свою очередь, была впоследствии вытеснена лицом. Враждебное отношение рода и семьи появляется у нас очень рано, и их борьба с бóльшим и бóльшим преимуществом семьи наполняет собою весь период уделов. Такой взгляд, сколько мы понимаем, не только не противоречит основным началам г. Соловьева, но, напротив, дополняет их. Понятным становится, почему вымышлено было старшинство старшего племянника над дядями; почему племянники не могли быть совладельцами с дядями (с. 212); почему старшие племянники не считались братьями своим дядям, если отец их умер еще при жизни своего отца, а их деда. Наконец, само избрание князя «в отца место» из чужого рода – факт позднейший – объясняется весьма просто совершенным упадком родового начала, много раз побежденного семьей. Род обратился как бы в союз гражданский, но еще проникнутый прежними родовыми понятиями.

В заключение пожелаем, чтобы в нашей исторической литературе появлялось побольше таких статей, какова разобранная нами. Если это желание скоро исполнится – время настоящего понимания русской истории.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ИСТОРИЯ РУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА

Основные начала русского судоустройства и гражданского судоустройства в период от Уложения до Учреждения о губерниях. Рассуждение, писанное для получения степени магистра гражданского законодательства кандидатом прав Константином Кавелиным

Печатать дозволяется по определению Университетского совета. Москва, октябрь 11 дня, 1843 года.

Секретарь Совета Григорьев

ВВЕДЕНИЕ

Немного лет протекло с того времени, когда реформа, произведенная в России Петром Великим, еще была предметом общего и безусловного удивления. Едва Преобразователь совершил свой трудный подвиг, как уже подданные его почувствовали великость предначертанного дела и провозгласили великого Государя, первоначальника новой России, творца нашего политического могущества и устроителя внутреннего быта. С тех пор имя Петра I благоговейно передавалось из уст

в уста от предков потомству. Так продолжалось почти до последнего двадцатипятилетия.

Около этого времени появилась реакция направлению, данному России преобразованием Петра. Силы, вызванные им к жизни, воспитанные и доведенные до сознания событиями последней эпохи, начали тяготиться чужеземным влиянием, под которым совершалось их развитие со времени Петра Великого, и породили требование самостоятельности. Отсюда ведет начало обращение к старине, сочувствие к быту России, предшествовавшему реформе, который если не был чужд влиянию европейских народов, то, по крайней мере, не был порабощен этим влиянием. Это новое направление должно было ослабить прежнее безусловное удивление к преобразованию Петра Великого; доведенное до крайности, оно стало в противоположность с прежним направлением, и почитатели старины так же безусловно начали порицать переворот, как другие прежде превозносили его. Таким образом, мнения о реформе разделились; в их вражде речь идет не о частном событии русской истории, но о судьбах России, о ее прошедшем, настоящем и будущем.

Образование противоположных мнений о реформе Петра есть, бесспорно, отрадное явление. Оно служит признаком возбуждающегося в России сознания ее самостоятельности, индивидуальности; это зачатки обновления нашей жизни, свидетельствующие о переходе ее из одной степени развития в другую, высшую. Но основываясь на непосредственном убеждении, на догадках и предположениях, на фактах отрывочных и потому допускающих различные и произвольные толкования, эти мнения не могут разрешить спора. В этом скрывается причина и необходимость возникающего у нас *исторического направления*. Теперь более, нежели когданибудь, обратились к изучению фактов нашей истории, стали собирать источники. Уже много сделано совокупными усилиями правительства и частных лиц; многие весьма важные памятники нашего древнего быта открыты, обнародованы и не перестают обнародоваться.

При таком преобладании исторических интересов, при общем стремлении решить великий вопрос о перевороте Петра в выборе темы для юридического рассуждения нельзя было колебаться. Мы остановились на реформах, произведенных Петром Великим в гражданском судопроизводстве, и по следующим причинам.

1. Несмотря на то, что переворот Петра Великого почти весь сосредоточился в сфере государственного права (в обширном смысле слова), влияние его на гражданское законодательство было также чрезвычайно сильно. Он отразился с большею или меньшею силою в правах имущественных (вещных) и правах по обязательствам (личных), в наследственном праве и гражданском судопроизводстве.

2. Степень и значение реформы в каждой отдельной ветви гражданского права были различны. В большей части из них она была только отражением переворота, произошедшего в государственном законодательстве, и потому была временная. Почти все изменения, сделанные в гражданских правах Петром Великим и которые подходят под эту категорию, уступили место преждебывшим законоположениям. Они имеют более интерес древностей.

3. Из всех перемен, происшедших со времен Петра Великого в гражданском законодательстве, только те, которые относились к судопроизводству, имели постоянный характер и служат главным основанием ныне действующих законов. Поэтому, кроме исторического интереса, они имеют еще интерес практический, тесно связующий их с настоящим законодательством, и заслуживают особого внимания.

Направление, данное законодательству Петром Великим, продолжало развиваться по нему и во все последующие царствования, до издания Свода законов. Время от реформы Петра Великого до Свода законов составляет поэтому особливый период в истории русского законодательства. Царствование Императрицы Екатерины II, при которой впервые установилась реформа, делит этот период на две части; при ней определилось отношение новых и старых начал права

и все нововведения приведены в стройную, обдуманную систему. В отношении к гражданскому судопроизводству царствование Екатерины II не представляет ни одного узаконения, которое составляло бы эпоху; но в судоустройстве Екатерина II заключила реформу изданием Учреждения для управления губерний, с которым судебное управление России, административная сторона судопроизводства получило правильную организацию. Мы ограничимся изложением перемен, произошедших в русском гражданском судопроизводстве со времени реформы до Учреждения о губерниях (1775 года, ноября 7-го).

Таким образом, настоящее рассуждение должно разделиться на две части. *Первая* будет заключать в себе учение о гражданском судопроизводстве, по Уложению и новоуказанным статьям, *вторая* – изменения, произведенные в гражданском судопроизводстве Петром Великим и узаконениями последующих царствований, до Учреждения о губерниях.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Учение о русском гражданском судопроизводстве по Уложению и новоуказанным статьям (1649–1696)

Период времени от Уложения до единодержавия Петра Великого по справедливости может быть назван цветом древнего юридического быта, венцом самостоятельного развития начал, которые лежали непосредственно в народном обычае. Каждое юридическое положение или непосредственно, или как результат основывалось на обычаях областей, вошедших в состав России; след<овательно>, законодательство было почти исключительно историческое.

Отсюда объясняется казуистический характер Уложения и всех постановлений, относящихся к этому времени. По мере того как юридические гражданские отношения становились

многосложнее, приложение основных начал обычного права к частным случаям делалось труднее и требовало законного определения; это определение касалось поэтому одних частных случаев: начала, руководившие при решении их, остались невысказанными, потому что жили в обычае, не было никакой нужды утверждать их законами. Отсюда видимая бедность юридических начал в Уложении и внутреннее богатство их, сокрытое под оболочкой частных решений.

Казуистический характер Уложения в особенности высказывается в том, что оно, будучи по своему назначению Уложением всей России, по форме относилось к одной Москве[1]. Нет сомнения, что главная причина этого заключается в самих источниках, из коих преимущественно составлено Уложение, ибо можно догадываться, что наибольшая часть статей его почерпнута из решений московских приказов; несмотря на это, удержание казуистической формы этих приговоров ясно свидетельствует о тогдашнем ходе развития законодательства и вообще всего юридического быта.

Несмотря на преобладание обычного права в Уложении и последующем законодательстве, мы замечаем во весь этот период постепенное усиливание начала собственно так называемого законодательного, регулирующего против обычных верований и которое так сильно воспреобладало во времена Петра Великого. Но эта законодательная деятельность вполне подчинялась формам и духу юридической жизни того време-

[1] Доказательств этому множество. Укажем здесь на некоторые: 1. Улож., гл. X, ст. 140: «Велети его (ответчика) приставу привести к ответу к Москве с собою»; гл. X, ст. 141: «Да как пристав того ослушника изымав к Москве приведет». См. также: гл. X, ст. 139 и множество других мест. 2. В Уложении везде упоминается о дьяках, а они, как известно, были только в Московских приказах и в некоторых городах с воеводами. 3. Улож., гл. X, ст. III повелевает «винить неявкою того, кто через неделю по собрании по нем поручной записи не явится к суду»; очевидно, эта статья относится только к городским жителям или к живущим в близком расстоянии от города. Она должна относиться, по всем вероятиям, к древнейшему времени. 4. Судящие везде называются в Уложении *судьями*, а это название принадлежит исключительно тем, которые заседали в Московских приказах (Улож., гл. X, ст. 251 и т. д.).

ни и отличалась тем же казуистическим характером, как и положения, непосредственно развившиеся из обычая. Изменения в законодательстве не проистекали из начал, чуждых нам; обычаю противодействовали средствами, из него же заимствованными; таким образом, весь юридический быт составлял одно органическое, стройное целое.

Вот что до́лжно было заметить о состоянии права и законодательства в этом периоде для лучшего уразумения нашего предмета. Вникая в юридические памятники, дошедшие до нас от времен Уложения, всматриваясь глубже в едва понятное нам тождество быта и форм, в которых он выражался, – в твердость начал юридических и необходимое ее следствие, способность наших предков правильно прилагать эти начала к данным случаям ежедневной жизни; всматриваясь во все это, нельзя не удивляться тому, как могло образоваться мнение, будто бы у нас не было до Петра I ни законов, ни даже понятия о праве, а то и другое дано России ее Преобразователем. В наше время этот предрассудок мало-помалу искореняется и уступает место другому, лучшему взгляду на допетровский быт, его достоинства и недостатки.

При всей неосновательности это мнение имеет, однако, и свою справедливую сторону. Под конец этого периода обычные верования заметно ослабели; зачатки ослабления их мы замечаем еще до Уложения; но около самого начала новой эпохи они были почти совершенно разрушены. Буква закона заменила дух его, который жил прежде в народном убеждении; это было причиною и следствием порчи, вкравшейся в жизнь общественную и частную. Доказательством могут служить бесчисленные злоупотребления, которым уже подавали теперь повод формы быта, некогда вылившиеся из самой жизни и, в свою очередь, служившие ей опорой и основанием. Само свойство злоупотреблений того времени свидетельствует об обветшалости, дряхлости этих форм. Вспомнить только дела о местничестве, которые тогда уже были анахронизмом; дела о бесчестии между боярами, которые дошли, наконец, до таких смешных и нелепых крайностей, что обратили на себя

внимание законодательства[1]; превратные «ябеднические» толкования законов; сухой, безжизненный формализм, укоренявшийся в судах, бывших прежде органом развития обычного права и приложения законов к жизни; вспомним значение, которое получил в это время *язык*; наконец, приведем себе на память злоупотребления стряпчих того времени, о которых столько говорится в законах этой эпохи, и есть даже свидетельства самого Петра Великого.

Так, место единого, нераздельного убеждения, которое высказывалось в законодательстве, заступило раздвоение закона и жизни – верный признак наступления переворота.

ГЛАВА I. ОРГАНЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Отделение 1. Судоустройство

Судоустройство России времен Уложения лишено догматического интереса – это потому, что оно основывалось на одних исторических началах, которые под конец этого периода уже несколько сгладились. Это делает судопроизводство той эпохи чрезвычайно сбивчивым и непонятным.

Исторические элементы, из коих развилось судоустройство Московского государства, в настоящий период суть *древнейшая форма управления в России и образование Российского государства через присоединение к Московскому княжеству уделов, царств и народных держав.*

Древнейшая форма управления в России со времен пришествия в Новгород варяго-руссов состояла в том, что князь назначал из своей дружины «мужей» правителями областей и городов. Рассматривая эту форму администрации и сооб-

[1] В полном Собрании законов помещено несколько указов, которыми запрещалось вчинять «пустые и недельные» иски о бесчестии. Так, в одном из них упоминается о челобитной, которую один приносил на другого за то, что последний *смотрел на него зверообразно* и тем будто бы нанес ему бесчестие.

ражая ее с историческими данными той эпохи, мы выводим следующие результаты.

1-е. Вся власть над городом или областью сосредоточивалась в одном лице; начала *коллегиального*, по главному назначению власти, военному и финансовому, не было и быть не могло.

2-е. По тому же военному и финансовому характеру власти «мужей», посылаемых князем, власть судебная в делах гражданских *de facto* отделялась от самого суда и носила на себе характер чисто административный. Наместники были блюстители тишины и порядка, поэтому ведали дела уголовные, которые первоначально рассматривались только с этой, так сказать, полицейской точки зрения, поэтому, далее, наместники взыскивали пеню с нарушителей порядка – вот происхождение судебных пошлин по делам гражданским, ибо эти дела в древний и средний период нашей истории обычно вчинялись вследствие насильственных правонарушений. Самый суд, произнесение приговора о том, что право и что не право, принадлежало общине или городу, сперва, вероятно, старейшинам, впоследствии лучшим людям, выборным, целовальникам.

3-е. Наконец, как князь поручал управление своим приближенным, так и наместники его отдавали города и области избранным из своей дружины. Таким образом, князь, его мужи и правители, ими назначенные, составляли целую лестницу чиноначалия; низшие ступени ее представляли в меньшем объеме то же, что и высшие. Та же самая система управления лежит в основе судоустройства и в настоящий период.

1. Начало единовластного управления осталось если не исключительным, то, по крайней мере, преобладающим во времена Уложения. Начиная от Думы Государевой до управления населенным поместьем или вотчиною все власти были основаны на единоначалии. В наше время возникла мысль, будто бы коллегиальное начало возникло уже до Петра Великого. Это мнение имеет свою справедливую и несправедливую сторону, судя по тому, с какой точки зрения мы будем рассматривать судоустройства настоящего периода. С исторической точки зрения эта мысль кажется нам неоснователь-

ной. Управление вверялось первоначально одному лицу – так было еще во времена Судебника[1]. В царствование Алексея Михайловича московскими приказами, областями и уездами уже заведовал не один, а многие («воевода со товарищи»)[2]; вот что подало повод думать, будто судоустройство в это время было коллегиальное; ту же мысль в особенности подтверждает и одно место в Уложении[3]. Несмотря, однако, на эти данные, мы можем сказать утвердительно, что коллегиального управления не было. Правда, в назначении нескольких лиц для заведования приказом или уездом уже скрывался зародыш будущего коллегиального устройства, но до Петра Великого он находился под влиянием прежних начал управления и поэтому не мог развиться. Доказательства:

a) назначение нескольких судей и нескольких воевод для управления одним приказом или областью делалось потому, что многосложность занятий, связанных с известным управлением, превышала силы одного человека. Так думает профессор Рейц [1]. Отсюда объясняется характер приказов того времени. Товарищи боярина, ведавшего приказ, или одного городового воеводы были его помощники, советники, а не самостоятельные члены, имеющие к нему определенное юридическое отношение. Этим объясняется далее, почему нет никаких постановлений об отношении воеводы к товарищам его: если бы эти отношения были юридические, то они необходимо определялись бы законом, ибо обычай здесь не мог иметь действия;

b) лучшим доказательством того, что коллегиального управления не было, а было управление личное, служит устройство Думы Государевой, по образу которой вследствие единства происхождения всех властей того времени были ор-

[1] См.: Судебник Татищева. 2-е изд. – М., 1786. – Ст. 68 и 69.

[2] См.: Описание России в царствование Алексея Михайловича *Григорья Кошихина*. – СПб., 1840. – Гл. VI и VII; Московские и другие старинные Приказы *Новикова* [2] // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Т. XX. – М., 1791. – С. 271–421. См. также грамоты, указы и боярские приговоры того времени, в особенности Именной указ, данный боярину Ивану Милославскому, 1680 года, апреля 30 // Полное собрание законов. № 820.

[3] Улож., гл. X, ст. 23: «вершити… (судное) дело… судьям вмем во<о>че».

ганизованы правительственные места Московского государства. Власть Государя, председательствовавшего в ней, была не ограничена, и если он в некоторых случаях отступал от своего мнения и принимал мнение одного из членов, то это совершенно зависело от его произвола; думные люди были его советниками и имели на него влияние *de facto*; юридического ограничения его власти не было;

c) наконец, коллегиальное устройство имело место только в тех случаях, когда часть, вверенная многим лицам, была обширна и многосложна; во всех прочих случаях удерживалось начало личного управления; вот почему мы находим у Кошихина, что в некоторых московских приказах было по несколько членов; напротив, в других только один. То же дóлжно заметить и о городском и областном управлении, которое находилось в руках и одного, и двух, и трех воевод.

Мы видели, что власть вручалась лицам. Поэтому все судоустройство времен Уложения сохранило *личный* характер. Вникая в значение *приказов* – правительственных мест, которые ведали различные отрасли государственного и гражданского управления[1], мы легко убедимся, что по происхождению своему они были не что иное, как канцелярии тех сановников, которым царь московский поручал известную отрасль управления (быть может, по этой-то причине многие приказы при Петре Великом переименованы в канцелярии: Дворцовый[2], Емской[3], даже Посольский[4] и др.). В названии Чети дьяка Вар-

[1] О Приказах мы имеем следующие статьи: Первая по своему достоинству и полноте есть статья *Новикова* в XX т. «Древней российской вивлиофики» [3]. Из нее сделано сокращение *Максимовичем* [4] в I т. Указателя законов. VI и VII главы *Кошихина* о России посвящены Московским приказам; как писанные современником они заслуживают особенного внимания. Затем есть еще статья о Приказах *Голикова* [5] в III т. прибавлений к Деяниям Петра Великого. В ней мы находим много новых известий, которых нет ни у Новикова, ни у Кошихина, но не указано, откуда они почерпнуты.

[2] 1708 года, августа 20, № 2204 – приговор Главной ратуши; 1728 года, Сенат. 12, № 5333 – наказ губернаторам и воеводам и их товарищам.

[3] 1728 года, 30 июня, № 5299, п. 6 – Сенатский.

[4] 1719 года, 3 марта, № 3318. П. 25 – Регламент (Устав) Государственной коммерц-коллегии.

фоломея Иванова сохранилось нам драгоценное историческое свидетельство о таком значении приказов в древние времена. Во весь период от Уложения до Петра Великого и далее указы, грамоты, отписки и проч. почти никогда не писались на имя приказа, но на имя тех, которые заведовали им. Личным же характером судоустройства объясняется непостоянство приказов: их беспрерывное уничтожение, восстановление и соединение с другими; это делалось большею частью с переменою тех, которые ими заведовали, или с вверением двух или нескольких приказов в управление одному лицу[1]. Отсюда недостаток порядка, системы при распределении ветвей управления между приказами; даже при Петре Великом Соляное управление отнесено к предметам Ведомства поместного приказа. В заключение упомянем, что некоторые приказы помещались в домах тех бояр, которые в них присутствовали[2].

В древнейшие времена наместникам вверялось управление областью или городом – таким образом, территорией определялась власть наместников, а не предметами ведомства; все отрасли светского управления соединялись в руках воевод, и поэтому не было особливых чиновников, облеченных властью давать суд в делах гражданских. Отсюда развилось правило: *кто управляет, тот имеет и право суда в делах гражданских над управляемыми*. Эти начала развиваются и во времена Уложения. Не говоря уже о провинциальном устройстве, которое вполне на них основано, мы укажем на *четвертные* московские приказы (Новгородский, Устюжский и др.), которые управляли целыми областями и судили жителей их в делах гражданских между собою и с посторонними, по общим правилам подсудности.

Как первоначально отдавалась в управление целая область или город, так впоследствии были отделены друг от друга различные отрасли управления и каждая из них сделалась предметом особливой администрации. Управление по отраслям более искусственно, нежели заведование целою провин-

[1] 1711 года; 20 ноября, № 2451 – Сенатский.

[2] 1670 года, 14 марта, № 466 – Именный.

цией, и потому, без сомнения, относится к позднейшему времени (Холопский суд, Большой приход, Поместный приказ и некоторые другие впервые упоминаются в конце XVI и начале XVII в.). Оно образовалось совершенно по аналогии с территориальным управлением, вот почему, напр<имер>, сословие гостей ведалось судом в Приказе большия казны; пушкари, воротники, затинщики – в Пушкарском приказе; рудокопы – в Приказе рудокопных дел; многие города и уезды с поместными, вотчинными и судными делами – в Стрелецком приказе, разряде и т. д. В этом смысле нет почти ни одного приказа, который бы не судил дел гражданских и поэтому не относился бы к учению о гражданском судопроизводстве.

2. Разделение власти давать суд (*jus*) и самого суда (*judicium*) между старостами, целовальниками, выборными, лучшими людьми, с одной стороны, и приказными людьми – с другой – составл<я>ло во времена Судебника общую, исключительную форму судебного управления России[1]. Но в период Уложения она почти уничтожилась; в самом Уложении о ней упоминается только один раз, и то мимоходом, в отношении к сельскому судоустройству[2], в котором эта форма удержалась неизменно до позднейших времен. Во времена Петра Великого мы находим известие, что в некоторых городах были при воеводах товарищи, выбранные жителями уездов, а в других их не было[3]. Но мы не знаем, было ли такое управление остатком древнейшей формы судоустройства или же следствием указа царя Федора Алексеевича, о котором упоминает Татищев[4].

---

[1] Судебник, ст. 62. «А боярам и детям боярским судити… а на суде у них и у их тиунов быти… старосте и лучшим людям целовальникам… а без старост и без целовальников наместником и их тиуном суда не судити». Также ст. 72, 69 (здесь они называются “судными мужами”), 68 – Ср.:*Ре<й>ц*. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / Пер. с нем. проф. Морошкин. – М., 1836.

[2] Улож., гл. X, ст. 161.

[3] 1705 года, 19 генваря, № 2018 – Именный, объявленный разряду боярином Стрешневым [6].

[4] Судебник, с. 137. Примеч. (а). В Полном собрании законов этот указ, если не ошибаемся, пропущен.

Вообще до́лжно заметить, что участие выборных в решении гражданских споров не подлежит никакому сомнению в отношении к сельскому управлению; но в судах областных такое участие сомнительно: по крайней мере, мы не имеем о нем прямых исторических свидетельств.

О суде целовальников и выборных существуют различные мнения. Многие думают, что он ограничивал власть воевод и вообще всех, имевших судебную власть. Но это мнение не имеет никакого основания. Оно необходимо предполагает присутствие двух противоположных, враждебных начал в составе народа (как мы видим, напр<имер>, в Англии и Франции), чего в России не было и быть не могло, по самому способу образования и развития Русского государства. Профессор Морошкин [7] первый понял настоящее значение этого суда и высказал в речи об Уложении. Целовальники, добрые люди, люди лучшие были, по его словам, вещатели народных обычаев[1], органы *(viva* vox)[2] обычного права. Мы заметили выше, что княжеские наместники заведовали первоначально частью военной, финансовой и полицейской; внутренняя жизнь, право и суд с их материальной стороны не обращали на себя внимания княжеских правителей и покоились на обычном праве. Впоследствии с преобладанием письменного законодательства и ослаблением обычного права суд должен был постепенно перейти в руки княжеских чиновников и ограничиться, а со временем – и совсем уничтожиться участие старост и целовальников в судопроизводстве как излишнее, не достигавшее своей цели. В судах крестьянских они удержались гораздо долее потому, что тяжбы крестьян продолжали решаться на основании обычного права.

3. Постепенность чиноподчинения и различные судебные инстанции, развившиеся отсюда, ведут свое начало от вручения власти князем своим приближенным; последними, в свою очередь, – избранным из своей дружины. До Уложе-

---

[1] Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета. – М., 1839. – С. 16.

[2] Устная традиция; букв. – живая речь (лат.) – *В. Т.*

ния назначение судей от княжеских наместников встречается часто («наместники и их тиуны»[1]). В период Уложения, по свидетельству Кошихина и современных актов и грамот, пригородные воеводы назначилась воеводами главных (первых) городов. На этом же основании назначались от монастырей слуги управителями монастырских крестьян, приказчики – управителями крестьян поместных и вотчинных. Но здесь было и другое основание: в период Уложения крестьяне вотчинные, поместные, монастырские, патриаршии получали характер крепостных в настоящем значении слова, хотя это начало не было еще высказано и развито юридически. Несмотря на это, правильная организация судов крестьянских во время Уложения заставляет нас предполагать, что первоначально сельские управители и приказчики были такие же чиновники, как и воеводы, только с меньшей степенью власти и с несравненно меньшим значением в лестнице гражданской иерархии.

Назначение воевод и вообще властей не непосредственно князем, а сановниками, им установленными, равно как и многие другие черты настоящего областного и центрального судоустройства России объясняются историей образования Московского государства.

1. В период Уложения областное устройство было чрезвычайно неправильно. Многие малые города ведались «воеводскими отпуски и судом» непосредственно в московских приказах; другие, напротив, – воеводами городов, к которым они были приписаны; в числе приписных городов (пригородов) находились иногда и большие, и средние города; многие города не имели вовсе приписных городов; число последних было также весьма неуравнительно; область города определялась, по-видимому, произвольно: близость и отдаленность не служила основанием при обозначении округа. Все эти факты объясняются исторически, княжества, уделы и независимые

[1] Тиун – в княжествах древней Руси XI–XV вв. и в Русском государстве Московского периода в XV–XVII вв. княжеский или боярский слуга, управлявший хозяйством.

державы, присоединяемые к Москве, были неодинаковой величины; объем их определялся не расстоянием от главного города, но историей их образования. Вошедшие в состав России, они большею частью не были изменены в своем составе и сохранились в том виде, в котором были присоединены к Московскому государству[1]. Место прежнего удельного князя заступил только наместник, впоследствии воевода, на которого первоначально были перенесены все права княжеские, след<овательно>, и назначение воевод в города, принадлежащие княжеству (некоторые воеводы имели право смертной казни; оно досталось им, вероятно, на том же основании, хотя могли быть и другие причины, в особенности отдаленность от местопребывания верховной власти).

2. Историей образования Московского государства объясняют существование даже во времена Михаила Федоровича [8] так называемых *сместных судов*. Когда между подданными двух княжеств вчинялся спор, то его судили вместе бояре обоих князей. В царствование Михаила Федоровича этот суд перенесен на дела, возникающие между городовыми и деревенскими жителями и между подданными духовенства и светскими. Но по мере того как вся Россия становилась *«единым его Великого Государя Государством»* и сознание внутреннего единства всех составных частей Московской державы укоренялось и развивалось более и более, суд сместный заменен подсудностью истца суду ответчика и таким образом впоследствии совершенно уничтожился.

3. Также историей образования России через присоединение к Московскому княжеству уделов, царств и народных держав объясняется подведомственность всех частей и областей приказов (Сибирского, Смоленского княжества и проч.) Государственному посольскому приказу. Она свидетельствовала о том, что области – некогда самостоятельные государ-

[1] *Кошихин*. Гл. VIII, ст. 1. «Великий Новгород, Царство Казанское, Астраханское, Сибирское, Государство Псковское, Княжество Смоленское, Полотское и тех государств в первые городы посылаются воеводы… и ведают те государства с пригороды и уезды».

ства – были чужеземные страны в отношении к Московскому. Под конец настоящего периода эта подведомственность хотя юридически и удержалась в прежнем виде, но постепенное уничтожение областных приказов и распределение дел, ими управляемых по другим приказам по различию предметов ведомства, лишила ее *de facto* прежнего содержания; формальное уничтожение ее относится к последующему периоду.

4. Одно из отличительных свойств системы администрации в эту эпоху состоит в недостатке резкого разграничения между управлением центральным – всей Россией и областным – округом или уездом. Поэтому о многих приказах трудно решить, были ли они провинциальные учреждения для Москвы и ее областей, или же круг действий их простирался на всю Россию? По большей части они соединяли в себе характер государственных и областных судов, след<овательно>, в строгом смысле не принадлежали ни к первым, ни к последним. Причина такого смешения двух различных назначений в одном правительственном месте скрывается в истории приказов. Древнейшие из них были первоначально областные суды московские; впоследствии, когда Московское княжество распространялось на всю Россию, эти приказы мало-помалу начали обращаться в центральные учреждения для всего Русского государства, удерживая между тем прежний характер областных московских судов[1]. Однако немногие из них сделались в полном смысле слова государственными, потому что предметы и ведомства по причинам, нами уже изложенным, не были строго отделены друг от друга и распределялись по разным приказам.

Таковы были исторические начала, на которых основывалось судоустройство в настоящем периоде. Дальнейшее развитие их состояло в том, что они мало-помалу начали утрачивать характер непосредственных исторических данных; в прежнюю форму уже влагается новое содержание, которое необходимо должно было, в свою очередь, более или менее изменить ее. Такое важное изменение в характе-

[1] Речь об Уложении проф. Морошкина. – С. 28.

ре законодательства никогда не производится отвлеченными началами права, ибо эти начала сами суть результат исторического развития. Первыми двигателями реформы являются *польза*, удобство, которые не заменяют старых начал новыми, но, сделавшись главною целью законодательной деятельности, побуждают к видоизменению существующих данных и тем приуготовляют требование высших, философских начал права. Вот с которого времени законодательства получают интерес *догматический*. В период Уложения он начинает появляться в следующих чертах судоустройства Московского государства.

1. Разделение на провинцию по прежним княжествам и царствам мало-помалу начинает изменяться; на место его появляется начало распределения областей по большим городам, к которым приписывались малые города, их окружавшие. Это новое устройство провинций, появившееся весьма естественно, должно было изгладить исторические следы образования Русского государства, потому что редко совпадало с прежним устройством. В основании нового разделения областей, очевидно, лежит новый распорядок городов на большие, средние и меньшие, о котором часто упоминает Кошихин. Таким образом, приготовлено было правильнейшее устройство провинции, которому начало положено в царствование Петра Великого.

2. По мере того как внутреннее единство России более и более сознавалось и исчезали следы прежней разрозненности частей ее, подчинение областных наместников центральным правительственным местам постепенно теряло прежний политический характер и получило, наконец, чисто юридическое значение. Так произошли *инстанции*, которые, разумеется, были еще чрезвычайно неправильны, потому что не основывались на едином твердом начале.

3. Необходимым следствием того, что централизация властей получила чисто юридический характер, было правильнейшее понятие о значении воевод и тех, которые ведали московские приказы: и те и другие постепенно делаются

в настоящем смысле слова *судьями*; значение их становится чисто юридическим. И прежде это понятие было связано с лицом княжеского военачальника или царедворца, но оно никогда не обращало на себя такого внимания, как теперь, когда политический характер воевод заметно исчезал вследствие внутреннего совокупления частей Московского государства, заменившего собою внешнее. Отсюда объясняется появление множества узаконений, имеющих целью оградить тяжущихся от пристрастия, несправедливости и лихоимства судей. Вот значение Судебника. В настоящий период таких узаконений вышло весьма много.

4. Личный, временный характер приказов, по крайней мере некоторых из них, начинает сглаживаться. Уже в названиях приказов (Поместный, Холопский, Судный и т. д.) проглядывает мысль о постоянных правительственных учреждениях [9]. Некоторые, напр<имер> Разрядный приказ, приказ Поместный (см. сочинение Иванова о поместных правах) и другие, получили уже в этом периоде весьма правильную организацию.

5. Заведование приказов и областей не одним, а многими лицами должно было *de facto* ослабить власть главного начальника – этим приготовлено появление нового, в настоящем смысле коллегиального судоустройства.

6. Наконец, появление новых философско-догматических начал в системе управления обнаруживается в постепенном сосредоточении известного рода дел всей России в одном приказе. Так, дела поместные и вотчинные, которые ведались сперва в Поместном приказе и четях [10], к концу периода сосредоточиваются в одном первом. Гораздо ранее дела «татинные, разбойные, убивственные и пожегные» и другие были подведомственны одному Разбойному приказу [11]. То же дóлжно сказать о Разряде, быть может, о Казачьем [12] и других приказах.

Изобразив в кратком очерке общие начала судоустройства во времена Уложения, приступим теперь к изложению самого судоустройства.

А. Суды крестьянские

Устройство судов крестьянских, как мы заметили выше, оставалось в настоящий период то же самое, которое во времена Судебника было общим для всех областных судов Московского государства.

a. *Суды монастырских крестьян*

Спорные гражданские дела между монастырскими крестьянами судил монастырский слуга, который посылался управителем от монастырей в вотчины, им принадлежащие. С ним вместе производили суд местный священник, староста, целовальник и лучшие крестьяне[1].

Спорные гражданские дела, превышавшие судебную власть монастырского слуги («ему… суд давати и судить в пяти рублех… а больше пяти рублев не судить») или челобитью тяжущихся на неправый приговор, поступали на суд и окончательное решение монастырских властей[2].

b. *Суды дворцовых крестьян*

О суде дворцовых крестьян мы находим драгоценное известие у Кошихина (гл. XI, ст. 1): «Царских дворцовых сел и волостей крестьян судят их и расправу чинят на Москве, во дворце и в селах и волостях прикащики, по грамотам, во всяких делах (кроме уголовных). А в иных царских черных волостях, где прикащиков не бывает, учинены судейки, человек с 10, выборные люди, тех волостей крестьяне: а судят меж себя по царским грамотам и без грамот (кроме уголовных дел)».

Дополнением и объяснением этого места служат еще следующие слова того же Кошихина (гл. XI, ст. 2): «Патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и монастыри ведают своих подданных крестьян, *против того ж, как ведать в Царском Дому его крестьян*, во всяких делах…».

[1] См. Наказы монастырским слугам: в актах Археографической комиссии (СПб., 1836. Т. IV): 1) 1653 года, декабря 25, № 67; 2) 1659, декабря «», № 112. Из этого наказа видно, что при судах монастырских сел и деревень судные списки писал земский или церковный дьячок. В Актах юридических, изданных Археографическою комиссиею (СПб., 1838. – № 334).

[2] См. упомянутые наказы.

Итак, устройство судов дворцовых крестьян было одинаково с монастырскими; след<овательно>, приказчики были в дворцовых волостях и селах то же, что монастырские слуги в монастырских вотчинах; при них также могли находится староста и целовальник, о которых забыл упомянуть Кошихин. Это тем вероятнее, что в селах, где приказчиков не было, судили выборные крестьяне («судейки»); в Уложении даже упоминается о старостах и целовальниках дворцовых сел[1]. Напротив, в других местах о них не говорится ни слова[2].

Высшею инстанцией для судов дворцовых крестьян был *Дворцовый судный приказ*.

с. *Суды патриарших крестьян*

Все, что сказано выше о судах дворцовых крестьян, вполне относится и к судам крестьян патриарших и вообще всего духовенства. Весьма вероятно, что в них принимали также участие выборные или целовальники, хотя мы этого и не можем утверждать несомненно; в источниках упоминаются только приказные люди, приказчики, которые ведали суд в патриарших деревнях и селах. Из этих судов дела гражданские между крестьянами переходили в *патриаршие приказы* (которых, как известно, было много) или на суд архиепископов, епископов и т. д.

d. *Суды помещичьих и вотчинных крестьян*

Сюда преимущественно относится место из сочинения Кошихина (гл. XII, ст. 16): «В домах боярских учинены приказы… для сыску и расправы меж дворовых людей и крестьян». Из другого места мы видим, что крестьянами помещичьими и вотчинными управляли (а след<овательно>, и судили их) приказчики; в Уложении и других законах упоминается о старостах и целовальниках в вотчинниковых и помещичьих деревнях и селах[3].

[1] Улож., гл. X, ст. 161.

[2] Улож., гл. XIII, ст. 3. – 1664 года, октября, № 364; Грамота Новгородскому воеводе и боярину князю Ивану Репнину [13].

[3] Улож., гл. X, ст. 161; 1664 года, октября, № 364 – Грамота Новгородскому воеводе Репнину.

Споры и тяжбы помещиков и вотчинных крестьян между собою, не решенные крестьянскими судами, решались окончательно помещиком или вотчинником (быть может, домовые приказы, о которых упоминает Кошихин, судили крестьян во второй, высшей инстанции)[1].

Как спорные гражданские дела, возникавшие между жителями слободы, волости, села или деревни, подлежали ведомству местного крестьянского суда, так тяжбы, которые происходили между жителями города, области или уезда, судились в городах.

В. Суды городовые

В городах суд в делах гражданских принадлежал воеводам. Юридическое значение городовых воевод было весьма различно и нередко определялось самым городом. По известиям Кошихина, города разделялись уже в настоящий период на большие (первые), середние и ме́ньшие[2]. В большие города посылались из Москвы (из Разряда) воеводами[3] бояре и окольничьи[4], а с ними товарищи, с боярами – окольничьи, стольники[5] и дьяки[6], а с окольничьими – стольники и дьяки[7]. В середние города равным образом посылались воеводы – стольники, дворяне, дьяки и подьячие[8] вместо дьяков[9]. Из меньших городов

[1] *Кошихин.* Гл. XI, ст. 3.

[2] *Кошихин.* Гл. VIII, ст. 3.

[3] Воеводы – в древней Руси начальник войска, правитель. В Русском государстве XVI–XVIII вв. – управляющий городом или округом. – *В. Т.*

[4] Окольничьи, окольничий – должность и придворный чин, предшествовавший чину боярина, позволял участвовать в работе Боярской Думы. – *В. Т.*

[5] Стольники – придворный чин ниже боярского в России в XIII–XVII вв. – *В. Т.*

[6] Дьяки – чиновники разных ведомств в России до XVIII в., начальники канцелярии. – *В. Т.*

[7] *Кошихин.* Гл. VIII, ст. 1.

[8] Подьячие – в России с XVI по XVIII в. – писец, делопроизводитель приказной канцелярии, мелкий чиновник. – *В. Т.*

[9] *Кошихин.* Гл. VIII, ст. 3.

некоторые были приписаны к большим и середним и поэтому нередко называются пригородами[1]. В них, как и в больших и середних городах, тоже были воеводы, но они назначались воеводами тех городов, к которым пригороды были приписаны. Напротив, были малые города, не приписанные к большим, в которые воеводы посылались из Москвы, но эти воеводы не были ни бояре, ни окольничьи, а обыкновенно назначались из дворян и детей боярских[2].

Место, в котором воевода с товарищами давали суд в делах гражданских, называлось вообще *городовым приказом*[3], *съезжею избою*[4], *приказною избою* и *приказною палатою*. Последнее название, как кажется, давалось приказам больших, а может быть, и средних городов. Это доказывается тем, что в Ярославле с присвоением ему названия *отчины* велено приказную избу именовать приказною палатою[5]; из всех сибирских городов только в Тобольске была приказная палата; в прочих были приказные избы[6].

Судебная власть воевод по делам гражданским простиралась на жителей города и его уезда[7]. Не подлежали ей, как мы видели, те, которые были подведомственны по гражданским тяжбам судам крестьянским. Отсюда можно заключить, что крестьяне различных селений судились в гражданских делах

---

[1] Там же, ст. 2.

[2] Там же.

[3] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 36.

[4] Акты юридические, № 307, II, IV.

[5] 1692 года, июля 27, № 1445 – Именный.

[6] 1695 года, декабря 30, № 1527 – Именный, объявленный Сибирскому приказу бояриноМ Репниным. Однако странно, что в Рязани и Володимире были приказные избы (1657 года, августа 23, № 213 – Именный; 1653 года, февраля 5, № 92 – Именный; 1661 года, июля 2, № 302 – Грамота стольнику Сабурову) [14]. Вообще трудно решить, с которого времени образовалось это различие в названиях и имело ли оно какое-либо историческое или юридическое значение.

[7] 1657 года, февраля 23, № 200 – Жалованная грамота царя Бориса Феодоровича Патриаршему престолу 1657 года, августа 23, № 213 – Именный; 1669 года, генваря 22, № 431, ст. 3 – Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах. – *Кошихин*. Гл. VIII, ст. 1.

воеводою; то же дóлжно сказать о спорах гражданских между свободными и свободных с крепостными[1]. Ограничения права суда, принадлежавшего воеводам, относились или к тяжущимся лицам, или к предметам и цене иска.

1. Многие лица освобождались от подсудности местному воеводе, напр<имер>:

a) именитый род Строгановых[2];

b) все гости, их дети, племянники и приказчики[3];

c) патриарших домовых монастырей архимандриты, игумены, священники, старцы; приказные патриаршие люди, дети боярские и их люди; патриаршие крестьяне; слуги и крестьяне его монастырей; вотчинные и благоприобретенные имения патриарших приказных людей[4];

d) некоторые монастыри (иногда только известные лица монастырского ведомства)[5];

e) освобожденные от судебной власти городового воеводы вследствие челобитной и подчиненные суду воеводы смежного города. Это делалось посредством судимых грамот[6].

Царь Алексей Михайлович хотел уничтожить изъятие из общей подсудности и для этого постановил в Уложении не да-

---

1 Улож., гл. XIII, ст. 3.

2 *Рейц фон Александр Магнус.* Опыт истории Российских государственных и гражданских законов. – М., 1836. – § 96. – С. 265; Жалованная грамота 1610 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М., 1813. Началось издание с 1813 г. Т. I и далее. Т. II. – С. 386.

3 Дополнение *Голикова* к Деяниям Петра Великого. Т. III. – С. 435.

4 1657 года, февраля 23, № 200 – Жалованная грамота Патриаршему престолу; 1653 февраля «», № 93 – Именный; 1672 года, генваря 28, № 505 – Именный, помеченный думным дьяком.

5 1654 года, мая 6, № 124 – Жалованная грамота Иверскому монастырю [15]; 1657 года, февраля 25, № 201 – Жалованная грамота Патриаршему престолу; 1657 года, мая 20, № 205 – Подтверждение жалованной грамоты Троицко-Сергиеву монастырю; 1677 года, марта 9, № 681 – Подтверждение жалованной грамоты Грушицкому Покровскому монастырю; 1677 года, августа 22, № 703 – Жалованная грамота Успенскому Зилантову монастырю; 1668, октября 26, № 438 – Тарханная грамота Иверскому монастырю.

6 1663 года, генваря 4, № 331 – Именный.

вать более никому несудимых грамот и те, которые были уже розданы, отобрать назад[1].

2. Судебная власть городовых воевод была ограничена в отношении к предметам и цене гражданских исков. Воеводы, при которых не было дьяков, не могли судить тяжб ценою свыше 20 рублей. Они не могли, далее, судить дела вотчинных, поместных и холопьих[2]. Такие дела, если они возникали в пригородах, были судимы в больших и середних городах, к которым малые города были приписаны, хотя и здесь не могли они быть решены окончательно без указа царского[3].

Право судить дела поместные, вотчинные и холопьи и иски ценою свыше 20 рублей принадлежало еще воеводам новгородским, псковским и казанским[4]; но, по свидетельству Кошихина [16], при них находились дьяки, след<овательно>, и в этих случаях то же юридическое начало определяло степень воеводской власти[5].

Гражданские дела, неподсудные городовым воеводам и судам крестьянским, судились в московских приказах.

---

1 Улож., гл. X, ст. 153. Кажется, однако, что это постановление относится к отдельным лицам, освобожденным от подсудности, а не к сословиям. Иначе нельзя объяснить, почему исключения из подсудности оставались на прежнем основании и после Уложения, и даже давались вновь.

2 Улож., гл. XIII, ст. 3. – *Кошихин*. Гл. VIII, ст. 3.

3 *Кошихин*. Там же. – Иски, подлежавшие суду воевод, при которых находились дьяки, могли простираться до 10 000 рублей.

4 Улож., гл. XI, ст. 20. Здесь постановлено, что вольные люди, хотевшие вступить к кому-либо в крестьянство, должны записываться в Москве, Новгороде, Пскове и Казани, а не в других городах. В гл. XIII, ст. 3 прямо повелевается в понизовых городах, подведомственных Казанскому дворцу, давать суд в делах поместных, вотчинных и холопьих и в исках выше 20 рублей.

5 *Кошихин*. Гл. VIII, ст. 1. На чем основывалось различие власти воевод, при которых находились дьяки, от власти тех, при которых дьяков не было, – это доселе неизвестно. Кажется, оно совпадало с различением кормлений на большое с Боярским судом и малое без Боярского суда; по крайней мере, из Судебника (ст. 63, 65 и 66) видно, что наместники без Боярского суда не могли давать полных и докладных грамот на крепостных – ограничение, напоминающее о неподсудности холопьих дел воеводе, с которым не было дьяка.

С. Суды центральные
(Московские приказы)

Начало московских приказов относится к отдаленному времени. Под названием *судов, изб, дворов* многие существовали уже в XVI в. По свидетельству Новикова, московские приказы упоминаются в записных книгах [17], боярских списках [18] и книгах с 1573 г. (Большой приход [19], Бронный [20], Постельный [21]); некоторые – с 1584 (Посольский), 1596 (Чет дьяка Варфоломея Иванова) и 1599 гг. (Казанский дворец [22]). Древнейший из всех московских приказов есть Холопский суд, который существовал уже до 1500 г.; все прочие упоминаются с XVII в.[1]

В период Уложения каждый приказ состоял из одного, двух, трех, четырех, даже иногда из пяти членов. Они были большей частью бояре, окольничие, думные люди[2], думные дьяки; в немногих – стольники, дворяне и дьяки. Почти во всех приказах сверх означенных членов были дьяки, один или два, иногда даже более, и непременно известное число подьячих[3].

Право суда и расправы в делах гражданских имели все приказы без исключения; но предметы и лица, на которые простиралась судебная власть каждого приказа в особенности, определить чрезвычайно трудно. Причины изложены нами выше; они заключаются в неправильном распределении предметов ведомства между приказами и зависели от исторического развития судоустройства в этом периоде. Чтобы составить себе понятие о круге действий московских приказов, дóлжно обратить внимание на юридические начала, определявшие занятия их. Таких начал было много. Исчислим главнейшие из них.

---

[1] См. ст. *Новикова* о московских приказах в XX т. «Древней российской вивлиофики».

[2] Думные люди (думные бояре) – в Русском государстве XV–XVII вв. – бояре, заседавшие в Думе. Думные люди – думные бояре, думные дворяне, думные дьяки, окольничие, или думные чины. – *В. Т.*

[3] См.: *Кошихин*. Гл. VI и VII.

a. Начало управления областями или странами

Приказ, коему было вверено управление областью Московского царства, имел в ней право суда и расправы во всех делах гражданских и между всеми лицами. Для некоторых приказов мы имеем об этом прямые исторические свидетельства; о прочих можем заключать по аналогии.

Этим началом определяется подсудность в приказах: *1) Казанского дворца; 2) Сибирском; 3) в Четвертных приказах: a) Володимирском; b) Галицком; c) Костромском; d) Нижегородском; e) Новгородском; f) Устюжском; 4) Великороссийском; 5) Литовском; 6) Лифляндских дел; 7) Малороссийском; 8) Смоленском.*

Эти приказы состояли под ведомством Государственного посольского приказа и управляли целыми областями и царствами, подвластными московскому государю (так, приказ Казанского дворца управлял Царствами Казанским и Астраханским; Сибирский – Царством Сибирским). Они учреждались, вероятно, по мере присоединения этих областей и царств к России (о которых мы имеем на это указания в источниках, напр<имер>, о Приказе Малые России[1] и Литовском[2]. Судебная власть их простиралась на все гражданские споры, возникавшие в подведомственной им области[3].

b. Начало отдельного управления гражданскими сословиями

Судебная власть приказов, под ведомством коих состояли целые гражданские сословия, ограничивалась, как кажется, одними, в тесном смысле слова, *судными делами*, которые возникли между лицами, принадлежащими к этим сословиям[4].

[1] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 29.

[2] Новиков в Росс<ийской> Вив<лиофике>. Т. XX. – С. 328.

[3] 1670 года, мая 18, № 471 – Именный: «Стольнику Ивану… Хитрово…ведать в Новгородском приказе городы… Смоленск (и проч.)… и тех… городов всех людей… судом и расправою и поместными и вотчинными делами» – 1682 года, июля 2, № 935 – Именный.

[4] В Именном указе 1693 года, июля 3 № 1469 мы находим: «Гусарского и копейного… строев генералов и полковников и проч. (исчисляются лица, подсудные Иноземному приказу)… во всяких *истцовых исках* судом их и управою ведать и *исков* своих им… *искать* в Иноземном приказе». – В Уложении (гл. XIII, ст. 1) сказано, что всем, состоящим под управлением Монастырского приказа, суд давать «во всяких *истцовых исках*» и т. д.

Приказы, заведовавшие в этом периоде целыми сословиями, были следующие: 1) *Аптекарский*, имевший судебную власть в исковых делах между иностранными докторами и лекарями, которые находились в России, и молодыми русскими, отданными им на обучение; 2) *Иноземский* – между иноземцами, служившими в русском войске; 3) *Казачий* – между атаманами и всем казачьим войском, кормовым и беломестным, конным и пешим, в Москве и городах; 4) *Монастырский* – между митрополитами, архиепископами, епископами, приказными людьми, детьми боярскими (состоявшими на службе у духовенства), их дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всем монашеским и священническим чином, монастырскими слугами и крестьянами и церковнослужителями; 5) *Патриарший разряд* [23] – между всеми, состоявшими на службе у патриарха: патриаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми и всеми, живущими в его домовых вотчинах; 6) *Пушкарский* – между пушкарями, засечными головами [24], затинщиками[1], вoрóтниками[2], городовыми, селитренными и колодезными мастерами; 7) *Рейтарский* – между рейтарами [25]; 8) *Разрядный* – между дворянами нижних чинов до стольников [26]; 9) *Стрелецкий* – между стрельцами московскими и городовыми; 10) *Ямский* – между ямщиками; 11) *Посольский* – между всеми иностранцами, какого бы звания они ни были (исключая тех, которые ведались в Иноземном приказе), жившими в России или подвластными ей; 12) *Большого дворца* – между дворцовыми крестьянами; 13) *Большой казны* – между гостями, гостиными и суконными сотнями и многих городов купцами (купцы некоторых городов ведались судом в таможнях гостем с товарищами и таможенными головами; в Новоторговом уставе 1667 года, апреля 22[3],

[1] Затинщики в России XVI– XVII вв. – служилые люди по прибору, обслуживавшие крепостную артиллерию. От слова «затин» – пространство за крепостной стеной. – *В. Т.*

[2] Воротники (устар.) – воротные сторожа, на обязанности которых лежало отпирать и запирать ворота городские и хранить от них ключи. Воротниками также называлась и прислуга в артиллерии, саперы. – *В. Т.*

[3] № 408.

в ст. 88 и 89 предполагалось все купеческое сословие во всем русском царстве подчинить одному приказу, но кажется, эта мера не была приведена в исполнение).

c. Начало администрации по различным отраслям управления

Отделение различных отраслей государственного и гражданского управления и особливое заведование каждой из них появилось весьма рано и в период Уложения получило уже некоторую правильность. Мы видели, что часть *военная* была отделена от других и вверена нескольким приказам; то же самое дóлжно сказать об управлении *финансовом*, *полицейском* и *уголовном*. *Судебное* управление (по делам гражданским) отделилось подобно другим отраслям, но не достигло систематической правильности и большей частью сливалось с прочими частями администрации. По различию предметов гражданского судопроизводства оно подразделялось на несколько ветвей, и каждая из них была заведоваема особливым приказом. Дела о поместьях и вотчинах судил *Приказ поместный*; Приказ холопский заведовал спорные дела о крепостных людях[1]; споры и тяжбы, возникавшие вследствие договоров и гражданских преступлений (*delicta privata*) [27] судились в *судных приказах*[2].

[1] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 31: «А ведают в том приказе боярских и ближних и всяких чинов людей дворовых их, кабальных и данных, и записных служилых людей…» – О крестьянах не упоминается; они ведались в Поместном приказе.

[2] Судных приказов (кроме Патриаршего и Дворцового) было сначала три: Новгородский, Московский и Володимирский. По уничтожении Новгородского Московский и Володимирский продолжали существовать отдельно, пока, наконец, Именным указом Императора Петра Первого 1699 года, ноября 3, № 171) Володимирский судный приказ <не был>уничтожен и дела его переданы в Московский судный приказ. Дальнейшая судьба судного приказа принадлежит к последующему периоду. Первоначально судные приказы, вероятно, учреждены для суда в областях, как то показывает и само название их. Было ли так и в период Уложения – мы не знаем. Взаимные отношения судных приказов нигде не определены, даже нет ни малейших указаний, по которым было бы возможно делать какие-нибудь заключения. Из одного указа, данного в царствование Анны Иоанновны, видно только, что в Московском судном приказе судимы были все московских чинов люди, в Володимирском – городовые дворяне, подьячие и другие нижних чинов люди (См. Высоч<айшую> Резолюцию на докл<аде> Сената, 1730 года, марта 20, № 5521).

Лица, подведомственные им, были, по словам Кошихина, бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие и дворяне и всякие помещики и вотчинники[1]. Наконец, Патриарший разряд судил дела о духовных и рядных записях[2].

Вот главные начала, которыми определялась судебная власть московских приказов в спорных гражданских делах. В каком отношении находились эти начала между собою, решить весьма трудно, потому что оно не основывалось ни на каких постоянных правилах. Заметим только, что начало управления областями мало-помалу вытесняется и уступает место управлению отдельными отраслями администрации. Вследствие этого тела однородные должны были сосредоточиться в одном приказе (как дела поместные и вотчинные в Поместном приказе и т. д.)[3]. Но, как мы заметили выше, зако-

[1] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 32.

[2] 1667 года, мая 28; Соборные статьи о мироварении. См.: Акты Археографической комиссии. Т. IV. № 155. Причина, почему суд о завещаниях принадлежал к духовному, а не светскому ведомству, заключается в историческом происхождении наших завещаний и в характере их. Профессор Морошкин первый сделал это замечание и подробно изложил в речи об Уложении (с. 52). По Именному указу 1692 года, ноября 7, № 1452 велено: «Зауморным животам и рядным записям и новым сговорным росписям и духовным и иным всяким делам (о которых в указе писано из Разряда), а те дела наперед сего ведомы были в Патриаршем разряде, быть попрежнему указу в Московском судном приказе, а в Патриарше духовном, так же и в иных… Патриарших домовых приказах того не ведать». Итак, мысль об исключении упомянутых дел из подведомственности духовному суду появилась еще до единодержавия Петра Великого. Этот указ подаст даже повод думать, что подсудность этих дел духовным судам была введена вновь, а прежде того они ведались в судах светских («быть попрежнему указу в Московском судном приказе». Может быть также, что этот указ был подтверждением первого). Из последующих узаконений видно, что этот указ остался неисполненным.

[3] В Именном указе 1651 года, августа 2, № 67 мы находим замечательное положение: *служилые люди ведомы в судных приказах, а посадские в четях*. След<овательно>, целостного управления областей четвертными приказами тогда уже не было. С другой стороны, судебная власть судных приказов расширилась за пределы прежнего Московского государства. Под конец этого периода Поместный приказ ведал почти все земли в России (См. упомянутое сочинение *Иванова* о поместных правах); многие областные приказы более не упоминаются, может быть, потому, что они были уже уничтожены и области, ими заведоваемые, введены в общую систему управле-

нодательство не достигло еще в этом периоде точного и правильного разграничения предметов ведомства.

В отношении к областным судам московские приказы составляли высшую инстанцию, ибо все гражданские дела, которые не могли решить городовые воеводы и которые превышали степень их судебной власти, судились теми приказами, *под которым приказом который город написан или в котором приказе кто судим*.

Тяжбы, возникавшие между лицами, подсудными двум различным приказам, судились в том приказе, в ведомстве коего состоял ответчик[1]. Из этого правила были сделаны некоторые исключения, а именно: 1) встречный иск судили в приказе, которому был подчинен истец[2]. Если кто-либо вчинял иск, и по решении дела ответчик, не сходя с суда, вчинял другой иск против своего истца, то последний иск назывался *встречным*. Это исключение допущено для избежания излишней проволочки времени при переносе дела в приказ ответчика; 2) в период времени от Уложения до Петра Великого многим дано было право искать и отвечать в одном и том же приказе. Поводом к такой привилегии служило нередко желание освободить известные лица или целые сословия от разорительной волокиты по разным приказам. Этой привилегией пользовались: купцы[3], патриарших домовых монастырей архимандриты, игумены, священники и старцы; приказные патриаршие люди и дети боярские, их люди и вотчинные кре-

ния. Сюда относится также замечательный факт, сообщаемый Голиковым (См. *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. I–XVIII. – М., 1790–1797. – С. 419), что в 1694 г. Сибирский приказ заведовал одними сибирскими иноверческими доходами. Если это справедливо, то вот лучшее доказательство, что круг деятельности областных приказов ограничивался, наконец, одной какой-либо отраслью управления (сначала Сибирскому приказу вверено было целостное управление Сибирью).

[1] Улож., гл. XII, ст. 1, 3; гл. XIII, ст. 1, 2; гл. XIV, ст. 3; гл. XXIII, ст. 2; 1692 года, ноября 7, № 1452 – Именный.

[2] Улож., гл. XII, ст. 3; гл. XIII, ст. 2; гл. XXIII, ст. 2; 1668 года, октября 26, № 438 – Тарханная грамота Иверскому монастырю; 1672 года, генваря 28, № 505 – Именный, помеченный думным дьяком.

[3] 1667 года, апреля 22, № 408 – Новоторговый устав, ст. 88 и 89.

стьяне; патриарших домовых монастырей слуги и крестьяне[1], жители понизовых городов, подсудные приказу Казанского дворца[2], иноземцы, подсудные Посольскому приказу[3], московских дворцовых сел тяглые люди, дворцовых городов и сел посадские люди и крестьяне[4], подьячие Разрядного приказа[5], гусарского, копейного, рейтерского и солдатского строев генералы, полковники и начальники, русские и иноземцы, всех полков[6], может быть, и другие лица.

Высшим, в настоящем смысле слова, центральным судом для всех гражданских дел в целой России была Государева Большая Дума, состоявшая из думных людей (бояр и окольничьих), думных дворян и думных дьяков. В ней заседал сам царь[7]. Отношение Думы к приказам по делам гражданским было то же, какое имели областные приказы к городовым воеводам, состоявшим под их ведомством. В нее переносимы были на суд царя и бояр те дела, *«которых зачем в приказах вершити было не мочно»*[8].

[1] 1672 года, генваря 28, № 505 – Именный, помеченный думным дьяком. Этот указ не совсем ясен. Патриарх Иоасаф [28] просил государя, чтобы дела, по которым исчисленные им в челобитной лица ищут и отвечают (во встречных исках) в судных и других приказах, были снесены в один приказ и впредь в нем одном и велись. Государь назначил для этого Поместный приказ. Следствием того было, что на патриарших людей вчиняли иск в одном приказе (Патриаршем), а патриаршие люди искали на посторонних и отвечали во встречных исках в другом (Поместном). Другого подобного исключения мы не встречаем в источниках.

[2] 1672 года, июля 12, № 526 – Именный с боярским приговором.

[3] 1678 года, № 792 – Именный (по частному делу); 1679 года, марта 12, № 805 – Именный, помеченный думным дьяком; 1691 года, марта 31, № 1398 – Именный с боярским приговором.

[4] 1685 года, декабря 5, № 1145 – Именный.

[5] 1688 года, октября 18, № 1354 – Именный.

[6] 1693 года, июня 3, № 1469 – Именный.

[7] *Новиков* в «Древней росс<ийской> вивл<иофике>». Т. XX. – С. 280. – *Татищев* в примеч. к Судебнику. – С. 35, прим. (а).

[8] Улож., гл. X, ст. 2. Из настоящего периода дошли до нас два замечательных указа: один 1669 года, ноября 9, № 460 – Именный; другой 1676 года, августа 4, № 656 – Именный. В них сделано расписание, в какие дни из каких приказов вносить дела «перед бояры к слушанию и вершению», и видно,

Кроме исчисленных нами общих, постоянных судов, были еще суды особливые, временные. Сюда относятся <перечисленные далее>.

а). Третейский суд (суд третьих). В Уложении ему посвящена отдельная статья, в которой довольно подробно изложены права и обязанности третьих и подсудных им и юридические положения о третейском приговоре[1].

Третейский суд носит вполне характер частного, гражданского договора. Лица, между коими возникает гражданский спор, добровольно соглашаются подвергнуть его решению не общих судебных мест, которым они подведомственны, а третьих лиц, ими самими по обоюдному и непринужденному согласию избранных. Посредством такого договора соединенные как бы сказать в одно юридическое лицо спорящие заключают условие с третьими лицами. Это условие состоит в том, что противные стороны по взаимному согласию подвергают свое спорное дело суду этих третьих лиц, ими избранных, и обязуются почитать их решение наравне с приговором судебного места.

Третейских судей было, как кажется, обыкновенно двое. Если они давали единогласное решение, то на него не мог ни один из тяжущихся приносить апелляционной жалобы, «потому что он тех третьих сам себе излюбил». Если тяжущиеся, вопреки условию, выраженному в записи, не слушали третейского приговора, то должны были платить третьим бесчестие. (Быть может, именно потому, что должность третейского судьи была *почетною*, в законе не упомянуто о плате за суд).

что заседания Думы были каждый день, кроме субботы и воскресенья, и в каждое заседание докладывались дела из нескольких приказов. Новиков исчисляет многие присутственные (Палаты), в которых рассматривались дела, переносимые из приказов (Золотая, Расправная палата, Золотая меньшая палата, Передняя, Ответная и Расправная палаты). Были ли они то же, что Большая Дума или отделения ее, или временные, каждый раз вновь наряжаемые суды бояр и называемые различно, по различным палатам, в которых имели заседания, – этого мы верно не знаем. Миллер [29] считает Золотую расправную палату [30] за одно учреждение с Большою Думою. См. *Голиков*. Прибавления к деяниям Петра Великого. Т. III. – С. 414.

[1] Улож., гл. XV, ст. 5. Она отделена от прочих и имеет особливое заглавие (о Третейском суде).

Разногласное решение третьих имело различные последствия. Если в записи была назначена Государева пеня с судьи, решившего неправильно, то недовольный мог посредством челобитной просить о перенесении судного дела в приказ. Там оно решалось по суду, и третейский судья, решивший его неправильно, кроме пени на государя, принужден был платить по гривне на день проестей и волокит тому, кто через его несправедливое решение подвергнется излишним издержкам и потерпел убытки. Если о пени не было сказано в договоре, то апелляция на разногласное решение третейских судей не допускалась, а поэтому нельзя было требовать и вознаграждения за проести и волокиты.

Итак, в первом случае третейский суд имел характер настоящего суда; в последнем он ничем не отличался от мнения частных лиц, не имеющего никакой обязательной силы.

b). Суды полковые. Они составлялись во время походов и судили дела об обидах между ратными людьми. Этими судами заведовали полковые воеводы или судьи, «которым полковые воеводы прикажут». Решению их не подлежали споры, начавшиеся до похода, и разбирались в судах, которым были подведомственны тяжущиеся, по общим правилам подсудности[1].

с). В указе 1693 года, генваря 10[2], упоминается о суде, наряженном для решения дела о бесчестии между боярами Алексеем Семеновичем Шеиным и Михаилом Григорьевичем Ромодановским (судьею назначен князь Борис Алексеевич Голицын). Быть может, для подобных дел между важными государственными сановниками всегда назначались временные суды, которые и уничтожались по решении спора.

Отделение II. Тяжущиеся лица

В период Уложения учение о тяжущихся лицах основывалось на одном обычном праве и не перешло в закон писанный. Юридические положения, к нему относящиеся, если и

[1] Улож., гл. X, ст. 149.

[2] № 1460 – Именный, объявленный из приказа Казанского дворца.

излагаются в постановлениях того времени, то мимоходом, или же с целью изменить обычай. Полного, систематического учения о тяжущихся мы не находим поэтому в законодательстве настоящей эпохи.

Тяжущиеся суть необходимые органы гражданского судопроизводства. Они или сами являются деятелями в процессе, или место их в суде заступают другие лица (судебные представители).

А. Тяжущиеся лица

Каждое спорное гражданское дело, ставшее предметом судопроизводства (иск гражданский), необходимо предполагает: во-первых, одно или многие лица, которые вчиняют иск; во-вторых, одно или несколько лиц, против которых этот иск направлен. Первые всегда называются в Уложении истцами, вторые – ответчиками[1]. Таким образом, истцами и ответчиками были все те, которые искали и отвечали в суде; исчислить, кто именно – невозможно. Поэтому в законах указаны только некоторые исключения из общего правила.

Не могли быть истцами:

а) крестьяне и люди в своих делах, без позволения господина[2]. Очевидно само собою, что это ограничение не простиралось на иски, вчиняемые упомянутыми лицами в крестьянских судах;

b) малолетние и несовершеннолетние[3];

---

[1] В Судебнике обе тяжущиеся стороны нередко называются *истцами*. Слово *«ответ» значило возражение, отсюда ответчик*.

[2] Улож., гл. X, ст. 142; гл. XIII, ст. 7; гл. XIV, ст. 7; гл. XX, ст. 4 и 54.

[3] Улож., гл. XVII, ст. 13: «…а как они будут в возрасте»; Ср. гл. XVII, ст. 54; гл. XVI, ст. 23. Имело ли место по нашему древнему законодательству *восстановление в первобытное состояние* (*in integrum restitutio*)? Напр<имер>, опекуном сделано упущение во вред малолетнего: мог ли на это приносить последний жалобу и требовать, напр<имер>, уничтожения законно совершенной сделки (купли, найма и т. д.) по достижении совершеннолетия? Этот вопрос решить трудно. В гл. XVII, ст. 13 это дозволяется, если акт совершен без ведома и согласия малолетнего («с меньшими братьями не поговоря»). То же сказано в ст. 54 (там же). Итак, настоящей *in integrum restitution* для малолетних, как ка-

c) дети против родителей[1];

d) обличенные три раза в поклепном иске[2];

e) давшие ложную присягу[3].

Рассматривая все эти исключения, мы замечаем, что они частью были основаны на самой сущности вещи (таковы запрещения малолетним и крепостным вчинять иск), частью же проистекали из посторонних причин и в последнем случае являются прямыми ограничениями права. Поэтому они и отнесены в законодательстве к истцам, ибо по понятиям того времени быть истцом считалось правом, а отвечать в суде считалось обязанностью – и обязанностью тяжелою. Из узаконений этой эпохи видно, что ответчики всеми мерами старались отклониться от судебного ответа; вот почему так подробно развито в Уложении учение о позыве к суду. Страх и отвращение ответчиков к процессам в особенности происходило от судебной ябеды («сутяжничества»), которая до того усилилась в этом периоде, что все косвенные меры, принятые законодательством к ее искоренению и появившиеся теперь во множестве, оказывались недействительными. Так до Петра Великого.

B. Судебные представители

Судебное представительство может быть различных родов. Здесь должно быть изложено учение о заступлении в суде тяжущихся, истца или ответчика.

Представление в процессе одной из спорящих сторон бывает необходимое и свободное.

1. Необходимое представительство. Некоторые лица не могли быть сами собою непосредственно ни истцами по сво-

---

жется, не было. Сроком для наступления совершеннолетия положено 15 лет. Но кажется, что он определялся более фактической способностью пользоваться правами, ибо позволено было допускать к очным ставкам и прежде 15 лет, если того пожелает сам несовершеннолетний (Улож., гл. XVII, ст. 54).

[1] Улож., гл. XXII, ст. 6. – Новоуказанные статьи о татинных, разбойных, убивственных делах, 1669 года, генваря 22, № 431, ст. 92.

[2] Улож., гл. X, ст. 188.

[3] Улож., гл. IX, ст. 27; гл. XX, ст. 49.

им искам, ни ответчиками по спорам, против них вчиняемым. Обязанность искать и отвечать за них лежала на других лицах, которые потому и могут быть названы необходимыми судебными представителями.

Под сей разряд подходят:

a) опекуны. Они искали и отвечали по всем тяжбам малолетних;

b) помещики, вотчинники и господа – за своих крестьян и крепостных людей. Но, вероятно, что господа нередко позволяли своим людям и крестьянам самим искать и отвечать по своим делам[1];

c) монастырские стряпчие[2];

d) дворцовый стряпчий – за дворцовых крестьян[3].

2. Свободное представительство. По началу свободного представительства заступление кем-либо места истца или ответчика в суде не было обязанностью, налагаемою законом, а зависело от доброй воли тяжущихся и, исключая немногие случаи, от согласия на то самих представителей. Они носят общее название *поверенных*, потому что истец или ответчик «им в том (т. е. в ведении процесса) верят».

Отношения между доверителем и поверенным не были в строгом смысле юридическими. Это видно из того, что о них не упоминается в узаконениях настоящей эпохи. Причина фактического характера этих отношений открывается нам в Уложении. Оно показывает, что поверенные были большей частью родственники[4]: дети, братья, племянники[5]; дворовые люди и крестьяне тяжущихся[6]; друзья[7]. Обычай избирать поверенных из родственников или подчиненных власти дове-

[1] Улож., гл. X, ст. 229; гл. XIII, ст. 7; гл. XIV, ст. 7; гл. XXI, ст. 66, 67 и 77.

[2] Так, например, в Тарханной грамоте Иверскому монастырю, 1668 года, октября 26, № 438 и мн. др.

[3] 1686 года, апреля 24, № 1185 – Именный с боярским приговором.

[4] «Родимцы». – Улож., гл. X, ст. 185 и 108.

[5] Улож., гл. X, ст. 109 и 149; гл. XVI, ст. 59.

[6] Улож., гл. X, ст. 149 и 185; гл. XVI, ст. 59.

[7] Улож., гл. X, ст. 149.

рителя был так силен, что тот, кто не имел ни тех, ни других и сам не мог явиться к суду (напр<имер>, по болезни и т. д.), даже освобождался от ответа[1]. Итак, свободное судебное представительство основывалось в настоящем периоде исключительно на начале нравственном, на взаимном, полном доверии между доверителем и поверенным, которое проистекало из связей родственных, патриархальных и приязни. Только этою, чисто нравственною связью объясняется мысль, что тот, кто ищет или отвечает по одному иску за кого-либо, обязан в случае нужды отвечать за него и по другому[2]. Под этою мыслью скрывается убеждение, что доверенность не ограничивается одним иском, но есть полная; оно, в свою очередь, проистекает из тесных родственных, семейственных и патриархальных отношений.

После всего сказанного трудно решить, как дóлжно смотреть на судебное представительство родственников и людей? Кажется, оно занимало середину между необходимым и добровольным заступлением тяжущихся и, будучи наиболее употребительным, делало излишнею формальную доверенность – вот почему она и не требовалась законами того времени.

Начало действительно свободного представительства лежит в найме поверенных. О нем упоминается еще в указе Иоанна Васильевича 1582 года, марта 12[3]. Здесь доверитель назван *наимщиком*, *наймитом*, а поверенный – *наемным доводчиком*. Взаимные отношения их основываются на связи юридической – на договоре найма – и определялись поручением, даваемым истцом стряпчему, ходатайствовать по

[1] Улож., гл. X, ст. 108: «А будет кто об нем учинет бить челом, что он конечно болен, *а к суду ему в свое место прислать некого, что он бессемейной и безлюдной человек*». В некоторых случаях и законодательство обязывало родственников и крепостных людей отвечать за своего родственника или господина (Улож., гл. X, ст. 149).

[2] Улож., гл. XVI, ст. 59: «А челобитчики учнут бити челом Государю, чтобы за тех людей, которые будут по службам и которые учнут сказыватися больны, на очную ставку *велети быти детям их, и братьям, и племянникам, и людям, которые за них в иных приказах ищут и отвечают…*».

[3] Судебник Татищева, ст. 162, с. 210: «Наймуются у ищеи или ответчика стояти в суде за него».

известному гражданскому процессу. (Поэтому нанятый поверенный не был обязан искать или отвечать по всем тяжбам нанимателя, если о том не постановлено в условии.) Договор найма поверенных и юридические положения, из него вытекающие, не определены в законах настоящего периода. Из вышеприведенного указа видно только, что доверитель мог вчинять иск против поверенного в случае явного с его стороны злоумышления и стачки с противною стороною[1].

Распространение ябеды, упадок взаимного доверия и ослабление связей родственных и патриархальных породили множество злоупотреблений во взаимных отношениях между доверителями и поверенными, отсюда тяжбы и волокиты, которые неблагоприятно действовали на гражданское правосудие и замедляли ход судопроизводства. Чтобы отклонить такое вредное влияние на процессы, указом 1690 года, генваря 27, постановлено не допускать поверенных к ведению тяжбы, если в исковой челобитной нет подписи доверителя, что он действительно поручает им искать или отвечать в суде[2]. Через это неопределенный характер свободного судебного представительства должен был измениться в определенный, юридический.

ГЛАВА II. ПРЕДМЕТЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ГРАЖДАНСКИЕ ИСКИ)

Органы гражданского судопроизводства – судьи и тяжущиеся – являются деятелями в процессе; предметом их деятельности есть *иск гражданский*.

Под именем *гражданского иска* вообще до́лжно разуметь *всякое требование одного гражданина от другого, на праве*

[1] Там же.

[2] № 1363 – Именный с боярским приговором: «А которые истцы и ответчики в суде вместо себя пошлют кого иного, и тем истцом и ответчиком на исковых челобитных в руках своих в подписке писать именно, что того человека в суд за себя послал он и в том иску тому человеку верит».

основанное и приводимое в исполнение через посредство установленных от правительства судей и судебных мест. Если это требование признается за справедливое тем, против кого оно направлено, то иск будет *бесспорным*; в противном случае он может быть назван *спорным*. Спорный иск (иск в тесном смысле) и есть предмет гражданского судопроизводства.

Все иски, как мы заметили, должны быть основаны на праве иска. Это право есть не что иное, как процессуальная сторона гражданских прав – возможность ограждать их от нарушений посторонними лицами. Но как не всякое гражданское право необходимо имеет право иска, то последнее может и должно быть отделено и рассмотрено особливо от прав гражданских, на которых оно основывается.

Право вчинять гражданский иск необходимо предполагает какое-нибудь гражданское право: ближайшее же основание его есть *законный способ приобретения гражданских прав*. То же самое до́лжно сказать и о *передаче* прав вчинять иск; она совпадает с приобретением другими лицом гражданских прав на основании законных способов. Не будучи приобретено другим, оно в то же самое время остается за тем, кому прежде принадлежало. Отсюда следует, что с прекращением права гражданского еще не прекращается право иска; оно уничтожается особливыми способами. Такими признаются в законодательстве настоящей эпохи:

1) давность. В период Уложения не было одной общей давности. Это видно из того, что срок погашения права на иск не всегда был одинаков. Начало, определяющее это различие сроков, уловить трудно. Главным образом, оно лежало в различии предметов иска[1];

[1] В Уложении упоминаются в различных местах следующие виды погашающей давности: a) право иска о родовой вотчине погашается *в сорок лет*. Улож., гл. XVII, ст. 13 и 30; b) о переделе поместья *в один год* послед поместной дачи. Улож., гл. XVI, ст. 55; c) по заемным кабалам *в пятнадцать лет*. Улож., гл. X, ст. 256; d) о приплоде животных *в один год*. Улож., гл. X, ст. 285; e) о беглых крестьянах и бобылях *«в указные лета»*. Улож., гл. XI, ст. 8. В указе царя Василия Иоанновича, 1607 года, марта 9-го, сроком погашения права иска о беглых крестьянах положено *пятнадцать лет*: «Впредь за пятнадцать лет о крестьянах суда не давать». См. Су-

2) смерть. Смертью прекращается право иска только в тех случаях, когда оно основано на чисто личном праве, не переходящем к наследникам и не передаваемом другим лицам. Таковы, напр<имер>, право иска о бесчестье, о бое и т. д.[1]

Право отыскивать свои гражданские права судом осуществляется *в иске*.

Каждый иск (т. е., по прежнему определению, каждое требование одного лица от другого, на праве основанное и приводимое в исполнение через посредство установленных от правительства судей и судебных мест) может быть рассматриваем, во-первых, сам по себе, отдельно; во-вторых, в отношении к другим искам.

I. Существо исков

Две стороны представляются нам в каждом иске: *формальная* – внешняя и *материальная* – внутренняя.

1. Формальная сторона исков определяется правом иска. Оно, как мы видели, основывается, во-первых, на гражданском праве и есть процессуальная сторона его; во-вторых, на законном способе приобретения этого гражданского права. Эти два основания права вчинять иски и служить данными, определяющими внешнюю сторону всякого гражданского иска:

а) по главному, основному разделению всех гражданских прав на *вещные* (имущественные) и на *права по обязательствам* иски бывают *вещные* (*actiones in rem*) и *личные*

дебник Татищева, § 172, с. 242 и 243, примеч. г); Право иска малолетних *в пять лет* по наступлении совершеннолетия, т. е. когда они достигнут 20-летнего возраста (по крайней мере, так в отношении к мене поместий). Улож., гл. XVII, ст. 54. Но если предмет иска малолетних допускал продолжение права иска и после 20-летного возраста, то погашающая давность, установленная для предмета, одерживала верх над давностью, узаконенною для малолетних. Улож., гл. XVII, ст. 13.

[1] Улож., гл. X, ст. 207. «А будет кто кому *учинять какое насильство, или бой и раны, или какие-нибудь убытки и обиды и будут на него в том челобитчики, и с суда про то его насильство сыщется до пряма, а он в том в иску не разделався умрет, а после его останутся вотчины или животы, а тех его вотчинах и животах будут жена его и дети: и истцом велети иск их доправить того умершаго на жене и детях*».

(*actiones in personam*). Основание этого различения заключается в том, что предмет вещного иска есть *вещь физическая* (*res corporalis*), личного – *действие лица*. Поэтому вещь может быть требуема от всякого, у кого бы она ни находилась; действия – только от того, кто обязался что-либо сделать. Отсюда, если предмет действия есть вещь физическая, ее можно требовать только от того, кто обязался к действию, а не от всякого, у кого та вещь находится. Итак, гражданскими правами, лежащими в основании иска, определяется *его направление*. Сообразно со всем сказанным, иск вещный может быть направлен против всякого постоянного, не состоящего с нами ни в каком обязательстве; иск личный – только против того лица, которое состоит с нами в обязательстве.

Разделение исков на вещные и личные так естественно, так сообразно с сущностью гражданских прав, что оно необходимо находится в каждом положительном законодательстве. Оно заметно и в Уложении, но в нем не развилось до общего правила и поэтому должно быть открываемо из частных случаев[1]. Вероятно, что в практике большею частью употребляется иск личный, ибо процессы преимущественно вчинялись вследствие гражданских преступлений[2];

b) приобретение какого-либо гражданского права только тогда дает право иска, когда это приобретение действительно по признанию законодательства. В некоторых случаях законодательство не иначе почитает приобретение права действительным, как если оно выражено в законно составленном

[1] Исчислять все случаи, в которых по Уложению употребляется иск вещный и личный, мы почитаем излишним. Заметим только, что беглые люди, крестьяне и бобыли отыскивались иском вещным. Улож., гл. XI, ст. 2, 7, 10; гл. XX, ст. 24, 50. Иски о поместьях и вотчинах вчинялись против того, кто ими владел. Улож., гл. XVII, ст. 35; гл. XVI, ст. 37; гл. XIX, ст. 13. Сюда же относятся и иски о поличном. Улож., гл. XXI, ст. 54, 91 и др. Иски личные проистекали из договоров (из займов, купли, поклажи и т. д.) и гражданских преступлений (бесчестья, боя, обиды, завладенья, покражи и т. д.). Улож., гл. VII, ст. 32; гл. XXII, ст. 17; гл. XVII, ст. 35, 36; гл. XVI, ст. 26, 37, 54; гл. XXI, ст. 56, 89, 90; гл. X, ст. 5, 28, 83, 195, 198, 199, 206, 214, 219, 222, 223, 233, 238, 284 и другие места.

[2] Речь об Уложении проф. Морошкина. – С. 57.

письменном акте (по Уложению, в памяти, записи, кабале или крепости. Сюда же дóлжно отнести и записку крепостей в приказах, без чего они в известных случаях почитаются недействительными, ибо такая записка, очевидно, есть то же, что крепость). Напротив, в других случаях такого письменного акта для удовлетворения в подлинности приобретения законодательство не требует. Итак, право гражданского иска может иметь *крепостное* и *некрепостное* основание. Отсюда другое разделение самих исков. По основанию своему гражданские иски бывают *крепостные* и *некрепостные*[1]. Различие их состоит в том, что иски, которые по закону должны быть основаны на крепостях, недействительны, если не имеют этого основания[2]; некрепостные иски, напротив, могут быть основаны на всякого рода доказательствах[3].

2. Материальная, внутренняя сторона исков определяется содержанием, *предметом* их. По качеству эти предметы делятся на вещи физические в собственном смысле (поместье, вотчина, домашний скот и т. д.) и на вещи тоже физические, но выражающие собою ценность всех прочих вещей – *деньги*[4]. По количеству предметы гражданских исков могут быть определенные и неопределенные.

В нашем древнем законодательстве не было и не могло быть строгого разграничения между исками денежными и не-

---

1 Улож., гл. XVIII, ст. 34 «Управа по кабалам»; ст. 36 «Бескабальные иски».

2 Улож., гл. X, ст. 105, 189, 192.

3 Гражданские иски, возникающие из преступлений, не могли быть основаны на крепостях; это лежит в существе преступлений. В Уложении крепостные иски тем существенно отличаются от некрепостных, что по последним можно было в известных случаях винить без суда, а по первым – никогда. Улож., гл. X, ст. 108 и 109. Трудно возвести это положение к какому-либо юридическому началу. Вероятно, бóльшая возможность судить крепостные иски без судоговорения, нежели некрепостные, служила ему основанием, ибо в Улож., гл. X, ст. 189 именно поставлено обозначать в приставных памятях и исковых челобитных крепости, на которых основан иск.

4 Мы опустили здесь третий разряд вещей – действия лиц, потому что всякое действие необходимо выражается в каком-либо физическом предмете и в этом виде составляет содержание гражданского иска, след<овательно>, подходит под категорию вещей физических.

денежными. Некоторые предметы по своей определенности, положительной известности могли быть предметом иска и без определения денежной цены их (напр<имер>, известное поместье, вотчина, холоп и т. д.). Зато другие, напротив, так неопределенны, так малоценны и потому, в отдельности взятые, так неудобоисчисляемы; наконец, некоторые из них, по существу своему, так подвержены скорому повреждению и даже совершенному уничтожению, что отыскивать судом эти самые предметы невозможно (таковы все убытки, наносимые разбоем, пожаром, потравою, потолокою, насилием и проч.); отсюда, когда они составляют предмет гражданского иска, последний легко может обратиться в иск денежный. С этой целью, как кажется, постановлено в Уложении писать в приставных памятях иски с ценою[1]. Законодательство, принуждая истца определить величину требования и этим ограничивая произвол его, вместе с тем допускало как бы единовременное вчинение двух исков вместо одного: неденежного и денежного; денежный иск служил заменою неденежного, если последний не мог иметь места. По причинам, нами изложенным, это правило не могло равно простираться на все иски; многие вчинялись без означения цены в челобитных и приставных памятях, как мы то видим из Уложения и современных ему юридических актов[2].

Кроме исков неденежных, которые по свойству предметов обращались в денежные, были другие иски, исключительно денежные. Сюда преимущественно относятся иски по заемным кабалам и иски о бесчестьи и увечьи[3].

Наконец, из Уложения видно, что были иски, в которых ни предметы, ни цена их не обозначались. Таковы были в некоторых случаях иски о сносе беглыми людьми[4], иски об убытках[5]. Точное количественное определение таких исков совершалось в самом процессе.

[1] Улож., гл. XI, ст. 24; гл. XXIV, ст. 3.

[2] Акты юридические, № 55 и 57.

[3] Улож., гл. XXII, ст. 10; гл. XXIV, ст. 1; гл. X, ст. 28–83, 94.

[4] Улож., гл. XI, ст. 24.

[5] Улож., гл. X, ст. 223, 224, 222 и мн. др.

II. Взаимные отношения гражданских исков

Недостаток юридической определенности и самостоятельного существования гражданских исков в нашем древнем законодательстве было причиной, что нередко различные иски смешивались между собой и вчинялись под формой одного иска, другие, напротив, произвольно отделялись. Эта неопределенность их взаимных отношений видна в Уложении. Общих правил, установляющих отношения гражданских исков, не было, да и не могло быть. Поэтому мы должны ограничиться рассмотрением некоторых частных положений об этом предмете.

1. По древнему русскому законодательству иски, относящиеся к одному предмету, нередко соединялись в один. В особенности это замечание прилагается к гражданским искам, возникающим из преступлений. Основание скрывается в полном, целостном чувстве обиды или оскорбления, которое высказывается в одной жалобе, соединяющей в себе таким образом многие иски, существенно отличающиеся друг от друга. Итак, это слияние многих исков не введено положительным законодательством и основывалось более на обычае[1]; но впослед-

[1] Уложение предоставляет нам несколько весьма замечательных примеров, как различные иски соединялись в один. Сюда относятся: гл. XVII, ст. 13: «А будет большой брать ту (отцовскую) вотчину кому продаст или заложит, с меньшими братьями не поговоря…; а как они (меньшие братья) будут в возрасте *и они о той отцовской вотчине на того своего большого брата и на купца, кто у него ту отца их вотчину купит или в заклад возьмет, учнут Государю бить челом* и с суда про то сыщется до пряма». Здесь в одном вчиняются два иска: *вещный* против покупщика или залогопринимателя вотчины; *личный* – против старшего брата; гл. XVII, ст. 35: «А будет после того (т. е. после продажи или отдачи под заклад вотчины не самим хозяином, а другим лицом) тот, чья та вотчина, учнет на него бить челом Государю, что он той своей вотчины никому сам не продавал и не закладывал и никому продавати и руки к купчей или закладной в свое место прикладывати не веливал, а сыщется про то до пряма: и та вотчина по крепостям отдати тому вотчичу, чья та вотчина… А что от него (продавца или закладчика) в той вотчинной продаже тому, чья та вотчина, учинится убытка, а и <те> убытки на нем доправя, отдать тому, чья вотчина». Иск о предмете и иск об убытках соединены в один. Ср. также: гл. XVI, ст. 37.

Пенные иски (*actiones pænales*) никогда не вчинялись отдельно: гл. VII, ст. 32: «…будет он (служилой человек) на стану… рукою… ударить… или

ствии оно в известных случаях уже предписывалось законом; поводом к тому служило, по-видимому, желание сократить волокиты, уменьшить число дел и поклепных исков[1].

2. Гражданские иски, возникавшие вместе с уголовными делами, не отделялись от них и решались вместе с ними. Вот почему все такие иски носили характер уголовных дел, с которыми были связаны. По Уложению и новоуказанным статьям иски гражданские (к коим причислялись дела татинные и разбойные, когда «истцы бьют (челом)… именно (т. е. называя ответчиков) без поличного и без язычной молки и не по лихованным обыскам»), из которых возникло уголовное дело («а будет… сыщется про то до пряма, что дела разбойные и дошли до пыток»), судились судом уголовным («и тех истцов и ответчиков из судного приказа отсылать в разбойной приказ»)[2]. Далее: когда судились гражданские иски, основанные на уголовном преступлении, употреблялась пытка, форма инквизиционного процесса, которая чрезвычайно редко является в гражданском судопроизводстве, да и то в замену крестоцелования; обязанность отвечать по таким искам определялась участием в том преступлении, которое служило им основанием[3]; наконец, величина таких гражданских исков определялась по показаниям ответчиков «с пыток» или в случаях незнания самого ответчика (вора, грабителя или разбойника), по показаниям истцов, уменьшенным вчетверо.

словом кого обесчестить, или у кого грабежом что возьмет… и… на нем велети… до правити бесчесье и грабеж вдвое» – гл. IX, ст. 4; гл. XXII, ст. 17; гл. XXV, ст. 4; гл. XVI, ст. 37 и т. д.

[1] Положительным законодательством соединялись два иска в один в следующих случаях:

1) После иска о холопе нельзя было вчинять иска о сносе, им учиненном; оба должны вчиняться вместе. Улож., гл. XX, ст. 57. Ср.: ст. 17 и 38, там же;

2) Иски о проестях и волокитах по делам поместным не отделялись от исков о самых поместьях. – Новоуказанные статьи о поместьях, 1677 года, авг. 10 № 700, ст. 9 и 10.

[2] Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах. Ст. 12 Улож., гл. XXI, ст. 49. Ср. также: Улож., гл. XXI, ст. 1, 5, 6, 7.

[3] Улож., гл. XXI, ст. 79, 82, 83, 84, 75, 22, 27, 37, 39, 44 и мн. др. – 1669 года, 22 генваря, № 431; новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивств<енных> делах, ст. 57, 61, 87 и др.

Таковы характеристические признаки гражданских исков, возникающих и решаемых вместе с уголовными делами. Они резко отличают их от обыкновенных гражданских исков, ибо в последних мы не находим ничего подобного[1]. Начала и объяснения их дóлжно искать в уголовном праве тогдашней эпохи.

Следовательно, гражданские иски, возникающие на основании уголовных дел, не могут быть в строгом смысле почитаемы за особливые иски. Они представляют только другую, так сказать, гражданскую сторону уголовного дела – не более.

Бывают, однако, случаи, в которых уголовное преступление является как бы несущественным, но от этого убыток, претерпенный от преступления другим лицом, не перестает быть убытком. В этих-то случаях гражданский иск отделяется от уголовного дела, получает самостоятельность, но уже утрачивает уголовный характер и является чисто гражданским, как все другие гражданские иски. В Уложении из таких случаев упоминаются только два:

a) кто предварительно не подал «явки» (явочного прошения) о вещах покраденных, пограбленных или взятых разбоем и найденных у кого-либо («поличное»), тот не мог отыскать их уголовным порядком. Взамен того законодательство дает ему право вчинять один гражданский иск, который и исследуется гражданским порядком, т. е. *судом*. Здесь гражданский иск, возникающий вследствие преступления, является самостоятельным[2];

b) кто поймает вора (татя), и вместо того чтобы привести его в приказ станет пытать его у себя дома, тот теряет права отыскивать вещей, им покраденных, уголовным порядком, но

[1] Улож., гл. XXI, ст. 23, 24, 25.

[2] Улож., гл. XXI, ст. 51: «…а будет кто у кого за что поимается, а скажет, что то поличное воры у него украли или разбоем взяли с иными его животы, а якоб на то поличное и на иные свои животы… не скажет, и по такому поличному тех людей, у кого поимаются, *не пытать*, потому что на то поличное явок нет, а давати в таком деле истцом на тех людей, у кого они за что поимаются, *суд*, и с суда учинити веру, крестное целование».

может вчинять против татя обыкновенный гражданский иск и требовать суда[1].

3. Отношения между вещными и личными исками совсем не определяются в Уложении и последующих законах. Так, все иски о тайном, насильственном или подложном похищении имущества[2] колеблются между этими двумя формами гражданских исков; так, возможность об одном и том же предмете вчинять два иска, вещный и личный, и, след<овательно>, возвращать себе этот предмет вдвое, не предотвращалась законоположениями, а только обычаем: слиянием обоих исков в один[3]. Отступление от этого правила и несправедливое вчинание двух исков вместо одного, вероятно, преследовалось и наказывалось как вчинание вообще всякого поклепного иска («бить челом не по делу»), хотя об этом случае нигде не упоминается в источниках[4].

Неопределенность отношений между вещными и личными исками в период до Петра Великого объясняется отчасти тем, что в практике, как мы заметили, они сливались в один иск; еще более тем, что вещный иск не развился еще во времена Уложения до чистой формы вещного иска и носил на себе резкие следы иска личного – древнейшей, первоначальной и исключительной формы всех вообще русских гражданских исков[5].

---

[1] Улож., гл. XXI, ст. 88.

[2] Сюда относятся: иски о пограбленных, покраденных и разбоем взятых вещах; иски о беглых людях; в известном отношении иски о утаенных поместьях, вылганных вотчинах, злоумышленной продаже, мене и залоге вотчины, поместья и т. д.

[3] См. выше: Взаимные отношения исков.

[4] В Уложении говорится о подобном случае, а именно, когда кто-либо вчинил один за другим два иска об одном и том же предмете. См. гл. X, ст. 154.

[5] В древнейший период нашей истории все гражданские иски были личные. Это явление объясняется тем, что они вчинялись первоначально только вследствие гражданских или уголовных преступлений. Примером личного характера наших гражданских исков могут служить иски о покраже; они, как очевидно, могут быть и *личные*, когда направлены против самого вора, и *вещные*, когда вчиняются против всякого владельца покраденной вещи, кто бы он ни был, след<овательно>, не обращая внима-

ния на то, вор ли он или нет. По нашему древнему законодательству иск о покраденной вещи и в последнем случае был личный. Во времена Правды хозяин, нашедший у кого-либо поличное, требовал, чтобы он показал ему, где он приобрел эту вещь («пойдем на свод, где еси взял»). Это положение чрезвычайно важно в учении об исках: оно знакомит нас с внутренним характером первоначального обычного права, которое стремилось обратить в личные иски, по существу своему, вещные. Ибо как иначе объяснить свод? Он установлен для того, чтобы узнать вора. Но воровство не имело еще в то время характера уголовного преступления (см.: *Рейц фон Александр Магнус.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. – С. 61); далее: доказывать, что вещь принадлежит ему, обязан хозяин, а не владелец вещи; ибо, когда число сводов было ограничено, хозяину отдавалась вещь после последнего свода, хотя бы вор и не был отыскан; наконец, свод установлен и не для того, чтобы, отыскав прямого вора, можно было требовать от него возвращения тех вещей или цены их, которые были покрадены вместе с поличным, ибо: 1) какая возможность доказать, что им покрадены и прочие вещи, кроме поличного, когда такие дела разбирались не уголовным судом, а гражданским? 2) свод не ограничивался только теми случаями, когда с поличным покрадены и другие вещи, но всегда употреблялся, когда хозяин находил поличное. Итак, хозяин хотел отыскать настоящего вора, чтобы взыскать с него трехгривенную виру, которая – заметим это – является в период Правды субститутом мести.

Первое ограничение свода (извода, извод) было появлением отдельного вещного иска в нашем законодательстве. По Русской Правде извод ограничивался областью (в другую область не переходили); в городе он продолжался до конца, в деревнях – только до третьего приобретателя поличного. Двинская грамота допускает изводы до десятого приобретателя (Опыт ист<ории> Рос<сийских> гос<ударственных> и гр<ажданских> зак<онов>. – § 51. – Прим. 1; § 70. – Прим. 4; Акты Археограф<ической> эксп<едиции>. Т. 1. № 13 и далее; ст. К. Калачева о Судебн<ике> ц<аря> Иоанна Вас<ильевича> в Юридических записках, издаваемых проф. Редкиным. Т. 1. – М. 1841. – С. 125). Каковы бы ни были исторические причины такого ограничения (кажется, их до́лжно искать в уничтожении сомкнутости, отдельности родов и общин и в появлении более тесных отношений между городами и деревнями), его значение в истории русских гражданских исков чрезвычайно важно. Иски о поличном должны были вследствие этого ограничения разделиться на два разряда. Одни по-прежнему продолжали быть личными; так во всех тех случаях, когда свод простирался до самого вора. Другие обратились в вещные, сохраняя на себе следы исторического своего происхождения из личных исков; под эту категорию подходят все иски, в которых свод ограничивался известным числом приобретателей и не доходил до прямого татя.

Впоследствии на воровство начали смотреть, как на уголовное преступление (См.: *Рейц фон Александр Магнус*. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. – § 51. – Прим. 2), но смысл от-

4. Когда между двумя тяжущимися лицами происходило какое-нибудь спорное гражданское дело и вслед за ним – между теми же тяжущимися сторонами возникало новое, то эти два дела, преемственно следующие одно за другим, имели в некоторых случаях тесную, необходимую связь между собою. Связь эта состояла в следующем: свидетели и общая правда, принятые обоими тяжущимися по первому делу, не могли быть отводимы и во втором, если на них ссылалась одна из спорящих сторон; в противном случае тот, кто отводил, был обвиняем в иске.

Это положение, по основанию своему, весьма справедливо. Нет никакой причины подозревать в пристрастии свидетеля или общую правду во втором деле, если они не были оподозрены в первом, особливо когда обратим внимание на то, что это правило принято только в отношении к искам, немедленно следующим друг за другом. В практике ябеда и сутяжничество нередко ложно перетолковывали это положение в свою пользу; вот почему в Уложении мы находим несколько статей с целью определить это правило, изменить его и даже ограничить в известных случаях[1].

вода (как называют прежний свод, извод в Уложении) мало изменился; он теперь освобождал того, у кого «поимаются за поличное» от пытки и наказания (Улож., гл. XXI, ст. 50, 51), как прежде от трехгривенной виры. В период Уложения личный характер гражданских исков очень резко высказывается в делах о беглых холопах. Кто держал у себя беглого холопа, против того мог господин его вчинять иск; от ответа не избавляло его и само бегство холопа, даже полное незнание того, куда беглый холоп делся. Ибо тот, у кого он жил, был обязан найти его и возвратить господину; в противном случае платил цену его, 50 рублей (Улож., гл. XX, ст. 50 и 51). Что этот иск не есть вещный, очевидно с первого взгляда. Он иск личный, потому что принятие к себе чужого беглого холопа есть как бы воровство. Из приведенных нами статей Уложения не видно, однако, был ли иск направлен против того, кто первый принял к себе на житье беглых холопей, или он мог безразлично вчиняться против всякого, о котором только знал хозяин, что он держал у себя его холопа. При первом предположении иск о беглых есть личный; при последнем – вещный, но неправильный, несознанный. (Однако есть в Уложении примеры чисто вещных исков, <например> гл. XI, в ст. 7 и др.)

[1] Источник этого юридического положения есть обычное право, поэтому оно нигде не высказано в форме правила и должно быть выводимо из

5. Выше мы видели, что слияние нескольких исков, вчиняемых одним лицом в один, случалось довольно часто, но не наоборот. Никогда многие истцы не были обязаны по одному общему делу соединяться как бы в одно юридическое лицо и вчинять один общий иск. Они могли это сделать, но от произвола каждого из них зависело «на ответчике искати одного своего жеребья» (т. е. своей части в общем иске). В Уложении

частных случаев. Под него подходит и *встречный иск*, несмотря на то, что в нем прежние истец и ответчик меняются ролями; причина та, что он тоже непосредственно следует за предыдущим иском («не сходя с суда»). Улож., гл. X, ст. 180.

NB. Итак, вот еще новое объяснение, почему встречный иск судился судом истца. Связь этого иска с предыдущим не была бы известна судьям, если бы он судился по общему правилу подсудности судом ответчика. Отсюда родилась бы возможность неправильно отводить свидетелей и общую правду, допрошенных по предыдущему иску; во всяком случае, предупреждение этих злоупотреблений повело бы к новым излишним сношениям между судебными местами по встречному иску, след<овательно>, к новым издержкам, проторям, новым волокитам, неправдам и ябедам. Ближайшие определения этого правила в Уложении состоят в следующем.

1. В маловажном иске один тяжущийся, по стачке, ссылался на свидетеля. Противник «не хотя в таком поклепном малом иску душевредства учинити», ссылался на того же свидетеля. Дело, разумеется, решалось в пользу первого тяжущегося; но оно было одним предлогом для того, чтобы начать против того же ответчика другой, большой иск, тоже поклепный, и тот же свидетель приводился в подтверждение нового иска. По общему правилу прежний ответчик должен был неизбежно сослаться на того же свидетеля и наверное проиграть процесс: явная несправедливость! Уложение дает в этом случае ответчику право отводить свидетеля или общую правду, не теряя иска, «потому что над ним истец его то учинил лукавством». (Это исключение и по духу, и по самому выражению, употребленному в законе, совершенно сходно с римским *actio* и *exception doli.*) См.: Улож., гл. X, ст. 179. Если мы станем возводить это исключение к его основной мысли и к общему юридическому положению, то получим следующее правило: *тяжущийся вправе отводить свидетелей и общую правду во втором иске, принятых им в первом, если докажет, что они действовали заодно с противником.*

2. Уложение определяет также промежуток времени между двумя преемственными исками, после которого правило о неотведении прежних свидетелей и общей правды теряет свою силу. Если второй иск вчинялся хотя бы на другой день после первого, то отводить прежних свидетелей и общую правду дозволялось, потому что прежние отношения их к тяжущимся могли уже измениться. Улож., гл. X, ст. 181.

это общее правило излагается в отношении к искам об обиде, нанесенной нескольким лицам «вопче»[1].

Кто обижен многими лицами собща (последнее видно из смысла закона, хотя и не выражено), тот мог вчинять против всех обидчиков один иск, и в таком случае они были обязаны отвечать вместе. Уложение смотрит на такой иск не как на одно органическое, нераздельное целое, но видит в нем простое соединение нескольких исков в один. Поэтому и ответчики не составляют одного юридического лица; след<овательно>, действие каждого из них не есть действие всех прочих ответчиков; если один ответчик сознается в вине и помирится с истцом до суда, то по этому одному не до́лжно без суда признавать виноватыми и всех прочих ответчиков[2].

Итак, в Уложении признается *личное* соединение исков; но общий иск не может соединять в одно юридическое лицо нескольких истцов или ответчиков, исключая, если они захотят того сами[3].

Вот несколько положений, определяющих взаимные отношения гражданских исков в настоящую эпоху русского законодательства. Нет никаких сомнений, что мы не исчерпали здесь всех юридических правил, которые сюда относятся и скрыты в Уложении под оболочкою частных случаев.

---

[1] Улож., гл. X, ст. 183. Кажется, эта статья направлена против обычного права, которое требовало, чтобы по общему делу был вчиняем и общий иск: положение, в котором высказывается начало родовое, мирское, общинное.

[2] Улож., гл. X, с. 184. «А будет кто живет в одном поместье или в вотчине с братьями и с ними помещики вопче и учинят они кому какую обиду, и тот обиженный в обиде своей приставит к ним ко всем вопче, и из них один, узнав вину, с истцом помирится до суда, а достальные без суда не помирятся и истцу на тех достальных дати суд… а без суда их по заделке товарица их не винити». Эта статья может быть истолкована двояким образом. В судебной практике винили без суда всех ответчиков, если один из них сознавал себя виноватым: 1) или на основании родового, общинного начала. См. выше, примеч. 26 и начало ст. 184; 2) или же потому, что признание одного из ответчиков считали доказательством виновности всех прочих и на этом основании считали уже суд излишним.

[3] Улож., гл. XVIII, ст. 37, 38.

Выше мы сказали, что право вчинять какой-либо иск осуществляется в этом иске. Это осуществление есть полное, совершенное, поглощающее в себе право иска. Словом, *в иске право вчинять этот иск уничтожается.* Отсюда положение: кто однажды искал по какому-нибудь гражданскому делу и оно окончилось, тот не может вчинять о нем нового иска[1].

Иск, а с ним вместе и право на этот иск уничтожаются по Уложению:

1) полюбовною сделкою. Полюбовною сделкою можно было прекращать спорное дело во всякое время, с подачи приставной памяти и до решения дела, до суда и после суда[2]. Взаимное согласие на полюбовное прекращение тяжбы выражалось в *мировых челобитных*, подаваемых тяжущимися в тот суд, где производилось их дело; условия мировых сделок и утверждались письменным актом, который назывался *мировою записью*, иногда просто *мировою*, и составлялся по образцу всех прочих договоров и обязательств того времени[3];

2) судебным приговором. Судебный приговор, постановленный о спорном деле на каком бы то ни было основании (будет ли то признание, или суд, или неявка, или сыск, или крестоцелование и т. д.), навсегда уничтожает иск[4]. Апелляция не опровергает этого положения; она имеет со-

[1] Улож., гл. X, ст. 154. «А будет который истец в иску своем с суда обвинен, а ответчик его в том иску оправлен, или который ответчик в своем в чьем иску крестным целованием отойдет, или кто в своем иску с кем помирится до суда, *а после того на тех же людей учнет он того же своего иску в другорядь искати: и ему в том иску суда не давати*».

[2] Улож., гл. XI, ст. 8; гл. XV, ст. 1 и 2; гл. X, ст. 121, 154.

[3] См. примеч. 30. Акты юридические, № 269–275. Заменялись ли мировыми челобитными мировые записи, или наоборот, или же и те и другие были необходимы для того, чтобы полюбовная сделка имела законную силу – этого нельзя решить по изданным источникам. В приведенных нами статьях Уложения и юридических актах записи и мировые челобитные упоминаются отдельно как средства полюбовного прекращения иска, а не вместе; поэтому есть вероятие, что мировые челобитные делали запись излишнею, и мировая запись достигала своей цели без предварительной подачи челобитен.

[4] Улож., гл. X, ст. 154, 120, 118 и многие другие. О собственном признании («будет кто ответчик на суде, против чьей исковой челобитной учнет винится») см. Уложение гл. X, ст. 136; гл. XX, ст. 39.

всем *Кавелин К. Д.* другое основание, резко отличающее ее от обыкновенного иска (см. ниже).

Смерть тяжущихся не может быть отнесена к способам прекращения исков. Она переносит только иск от одного лица к другому, не изменяя его прежнего вида[1].

ГЛАВА III. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Предмет, на котором сосредоточивается деятельность судей и тяжущихся, есть, как мы видели, гражданский иск. Единством предмета эта деятельность их необходимо поставляется во взаимные отношения, которые, очевидно, не могут быть оставлены на произвол самих судей и тяжущихся и потому известным образом определяются в каждом положительном праве – будет ли оно обычное право или законодательство

[1] Улож., гл. X, ст. 245. «А будет кто кому дав на себя в заемных деньгах кабалу или в вотчинном очищенье, или в ином каком деле какую-нибудь крепость, да умрет, а после его в животах его останутся жена и дети или иные кто его роду, а как он жив был и у него по тем кабалам в заемных деньгах и по записям в вотчинном очищенье с истцы суд был, а судные дела по смерти его не вершены, а по тем судным делам довелось его обвинити и истцом по тем делам велети иски их правити того умершего на жене и на детях или на иных роду его, кто после его в животах его останется и кому даны будут вотчины его».

Это, кажется, единственная статья в целом Уложении, в которой прямо сказано, что иск может переходить по наследству, но и то сказано в отношении к ответчику. Статьи 132, 133, 203, 207 и вторая половина 245-й (которая здесь опущена) говорят о переходе по наследству *права иска* и обязанности отвечать по иску или права требовать уплаты и обязанности уплачивать по решенному иску (след<овательно>, о наследственности обязательства, а не иска). Могло ли одно лицо передавать свой иск другому? Кажется, нет. Улож., гл. X, ст. 244: «А будет кто на ком учнет искати вотчины или двора, или лавки, или мельницы, или иного чего вотчинного или поместного строения, и ответчик, засудяся с истцом и не дождався по судному делу указу, то, чего на нем истец искал, кому продаст или заложит, а по суду и по сыску доведется его в том обвинити и того, кому он что продаст, взяти и отдати истцу. А тому, кто у него то купил, указати на нем по купчей и по закладной цене назад деньги». Впрочем, эта статья допускает различные толкования и невозможно на основании ее решить вопроса.

в настоящем смысле слова. Так образуется у каждого народа, в каждом государстве целая система положений и правил, юридически определяющих деятельность судьи в отношении к иску и тяжущимся, деятельность тяжущихся в отношении к судье, спорному делу и их самих друг к другу.

Далее: вся деятельность судьи и тяжущихся направлена к одной цели: спорный гражданский иск обратить в бесспорный. В этом смысле для судьи – решить дело, для тяжущихся – выиграть процесс суть выражения однозначные.

Но такое обращение иска из спорного в бесспорный так же не может совершаться иначе, как по известным, постоянным и определенным правилам. Они необходимы для того, чтобы иск обращался из спорного в бесспорный свободно, согласно с истиной и независимо от произвола лиц, являющихся деятелями. Совокупность правил, определяющих взаимные отношения судей, тяжущихся и спорного гражданского иска, и постепенный, правильный ход обращения гражданского иска из спорного в бесспорный и образует учение *о гражданском судопроизводстве*.

На этом основании мы разделим эту главу на две части. В первой будут изложены *формы* (виды) *гражданского судопроизводства* по Уложению и новоуказанным статьям; во второй – *постепенное движение судопроизводства* (ход процесса).

Отделение 1. Формы гражданского судопроизводства

О формах судопроизводства во времена Уложения существуют у нас два мнения. Оба проистекают из одного источника и разнятся между собою только в дальнейших своих приложениях.

Свод законов Российской Империи принимает в русском гражданском судопроизводстве две основные формы: *вотчинную* и *исковую*[1]; то же самое разделение существовало, по мнению редакторов, и во времена Уложения[2].

[1] Св. законов. Т. X, ст. 1591. – Изд. 1832 г.

[2] Св. законов. Т. X, ст. 1592. Примеч.

Рассматривая обе формы гражданского судопроизводства и вникая в различие их, мы находим, что оно заключается, собственно, в различении доказательств, употребляемых в исковом и вотчинном судопроизводстве: в делах, решаемых вотчинным судопроизводством, нельзя доказывать своего иска свидетелями и присягою[1]; в делах же, судимых исковой формой, допускаются всякого рода доказательства.

Различие доказательств, употребляемых по тем или другим спорным гражданским делам, условливается посторонними или случайными обстоятельствами и потому не может служить основанием разделения судопроизводства на виды. Уложение объявляет поклажу и заем недействительными, если они не утверждены крепостью, – вот почему иски о поклажах и займах могли быть только крепостными, т. е. основанными на крепостных доказательствах. Бой, брань, грабеж могли быть совершены при многих людях, или при одном свидетеле, или, наконец, без свидетелей, поэтому один и тот же иск о бое, брани или грабеже может быть в одном случае доказываем обыском, в другом – послушеством, в третьем – крестным целованием; доказательства различны, а форма судопроизводства – одна и та же.

Различие форм гражданского судопроизводства условливается не различием доказательств, а различными отношениями судей к тяжущимся и спорному делу и тяжущихся к судье и спорному делу. Если в судопроизводстве является деятелем судья, т. е. если он как бы отыскивает своего права, сам собою, без просьбы тяжущихся, подвергает кого суду, отыскивает тех или других доказательств, для того чтобы убедиться в правости или неправости подсудимых, – то в таком случае мы называем судопроизводство *инквазиционным, следственным*. Если же, напротив, деятелями в судопроизводстве являются сами тяжущиеся, т. е. если иск вчиняется по просьбе одного из них, а не по произволу судьи; если приведение доказательств и против спорного дела, между ними возникшего, есть их обязанность, а не дело судьи; если, нако-

[1] Св. законов. Т. X, ст. 2053.

нец, пропущенные ими доказательства не обязан приводить вместо них судья и он, как будто лицо постороннее, посредник, произносит свое мнение о правости и виновности тяжущихся сторон по одним доказательствам, ими приведенным, не обращая внимания на все прочие, ими забытые или умышленно оставленные, то эта форма судопроизводства есть обвинительная и обыкновенно называется *обвинительным, гражданским процессом* (*processus accusatorius*).

Конечно, такого резкого различия между этими двумя основными формами судопроизводства мы не встретим ни в одном положительном законодательстве. Ни одна из этих форм (особливо первая) не развивается во всей чистоте и последовательности, какой бы требовало основное начало каждой из них. В форму инвизиционного процесса более или менее всегда вливается начало процесса обвинительного, и наоборот: процесс обвинительный иногда видоизменяется несколько формой инквизиционного судопроизводства. Несмотря на то, основные начала, из которых развивается каждая из этих форм, так противоположны и так резко обозначены, что их невозможно смешивать.

Есть еще другое мнение о формах русского гражданского судопроизводства до Петра Великого, которое подкрепляется многими историческими доказательствами и потому имеет большое влияние на правильное разумение нашего судопроизводства до Петра и после Петра. Это мнение заключается в следующем.

Издавна, еще до Судебника, мы находим в Москве два приказа, в которых преимущественно перед всеми другими сосредоточивались спорные гражданские дела – это приказы *Поместный* и *Судный*. В Поместном приказе ведались спорные дела о правах на недвижимые, основанных на крепостях (письменных актах), особливо же дела о праве собственности. Напротив, в Судном приказе ведались спорные дела по обязательствам, возникшим вследствие договора или преступления. Такое разделение спорных гражданских дел между двумя приказами, *во-первых*, свидетельствует о каком-то тайном,

бессознательном, может быть, сочувствии нашего древнего законодательства с римским правом, ибо в основании этого разделения спорных дел скрывается мысль о различении всех гражданских исков на вещные (*in rem*) и личные (*in personam, ad rem*). Но т. к. эта мысль не была ясно сознаваема, то в распределении спорных дел между Поместным и Судным приказами сделаны от нее некоторые отступления. Таким образом, спорные дела, которые до́лжно бы, сообразно с основным началом, судить в Поместном приказе, судились в Судном, и которые должны были ведаться Судным приказом, судились в Поместном. Но это были отступления, которые нимало не опровергают главной мысли; *во-вторых*, в Поместном приказе сосредоточились спорные дела о недвижимых, основанные на одних крепостях или вообще на письменных документах и актах; дела крепостные. Но т. к. эти дела разбирались и решались по крепостям, то в Поместном приказе должна была развиться преимущественно форма судопроизводства *следственная, сыскная, розыскная*. Напротив, в Судном приказе, где судились дела, основанные на всякого рода доказательствах, а не на одних крепостях, должна была развиться другая форма судопроизводства, процесс обвинительный, по преимуществу гражданский, и древнейший из всех – суд в технически определенном значении этого слова. Без сомнения, розыск в спорных гражданских делах не ограничивался исключительно одними спорными делами Поместного приказа; мы знаем также, что судом решались иногда и дела вотчинные, но это были исключения из общего правила. Несмотря на эти исключения, суд все же был главной, основной формой судопроизводства для спорных дел, судимых в Судном приказе; *розыск* – для спорных дел, ведаемых в Поместном приказе.

Это мнение, очевидно, дает более глубокое значение разделению судопроизводства на исковое и вотчинное, нежели первое. Оно не останавливается на одном различии доказательств, но проникает в смысл этого различия и возводит его к истинному основанию деления судопроизводства на виды. Несмотря на это, мы дозволяем себе находить это мнение не

вполне согласным со всеми историческими данными нашего законодательства. По последовательности и глубине своей оно дает неправильное значение дальнейшему развитию русского гражданского судопроизводства и потому заслуживает внимательного рассмотрения.

I. Разделение спорных гражданских дел между Поместным и Судным приказами есть главное основание изложенного мнения. Мы видели, что вопрос, который здесь естественно возникает: почему одни дела гражданские ведались в Поместном приказе, а другие в Судном, – решается тем, что в законодательстве времен Уложения мы открываем смутную мысль о различии исков личных и вещных. Отсюда требование отделить их друг от друга, которое выразилось в различии форм судопроизводства, принятых в Поместном и Судном приказах. Это решение кажется нам неправильным:

a) во времена Уложения не было мысли о разделении гражданских исков на вещные и личные. Главный, основный, исключительный характер всех гражданских исков того времени есть характер личный, а не вещный. Только в некоторых, и то весьма немногих, случаях необходимость вчинания иска вещного была так очевидна, так ощутительна, скажем, даже так неизбежна, что обычное право и законодательство как бы непроизвольно уступали ей – не более. Это важное юридическое положение мы старались по возможности уяснить и поставить на вид в главе о гражданских исках;

b) поэтому не мысль о различении вещных и личных исков, но какое-нибудь другое основание должно было руководить древних законодателей при распределении спорных гражданских дел между приказом Поместным и Судным. Соображая исторические данные того времени с общим характером законодательства, мы думаем, что этого основания дóлжно искать в различии предметов гражданских прав – различии, которое притом определялось не гражданской, а административной точкой зрения.

Цель учреждения Поместного приказа, по главному своему назначению, была административная. Поместья дава-

лись всяких чинов служилым людям для Государевой службы, преимущественно военной. Когда число таких поместий размножилось и они беспрестанно переходили от одного лица к другому по мене, поступку, новому верстанью, разделу, наследству и т. д., определение, кому принадлежит известное поместье, должно было сделаться затруднительным и, след<овательно>, допускать подлоги и неправильные присвоения поместий, а это могло иметь весьма вредные последствия, ибо на системе испомещения основывался в то время набор войска. Отсюда необходимость определить, кто владеет поместьем и каким именно, которая и подала повод к учреждению Поместного приказа.

Записка поместий за известными лицами в Поместном приказе имела важные последствия для гражданского права. Справлять за кем-либо поместье можно было не иначе как если способ приобретения имел справедливое основание. Поэтому и приобретение поместья должно было подчиняться непосредственному надзору Поместного приказа.

На том же основании, как и поместья, ведались в Поместном приказе вотчины и вотчинные и поместные крестьяне. Когда присоединились к ведомству Поместного приказа вотчины – неизвестно. Вероятно, основанием служили сродство, издавна существовавшее между вотчиной и поместьем, частая покупка поместий в вотчины, пожалование поместий в вотчины, наконец, переписи, которые, по всем вероятиям, были причиной, что поместные и вотчинные крестьяне ведались в Поместном приказе, ибо крестьяне были крепки земле и по прежним началам должны были находиться в заведовании того же приказа, в котором ведались земли.

Итак, главное, первое назначение Поместного приказа заключалось в утверждении и укреплении поместий, вотчин, поместных и вотчинных крестьян за помещиками и вотчинниками. А потому, что он утверждал и укреплял права на поместья и вотчины, он и судил спорные поместные и вотчинные дела. Основание весьма просто: в исках о поместьях и вотчинах истец должен доказывать, что поместье или вотчина принадле-

жат ему на основании законного приобретения; а приобретение поместья или вотчины, как мы сказали, совершалось под непосредственным надзором Поместного приказа.

Напротив, главное назначение Судного приказа, как показывает и само название его, было судебное, а не административное, поэтому нельзя ставить его в параллель с Поместным и между ними не могло быть ничего общего.

Чтобы доказать еще яснее, что Поместный приказ по главному своему назначению был местом административным, а не судебным, укажем на Холопий приказ. Для дел холопьих он был то же, что Поместный приказ для дел поместных и вотчинных; в нем укреплялись и утверждались права господ на холопей и судились спорные холопьи дела. Напрасно будем мы искать причины установлений Холопьего приказа в какой-либо особливой форме судопроизводства, исключительно употреблявшейся в спорных делах о холопях; эти дела судились судом, как и все прочие гражданские дела до времен Петра Великого. Ведомство Холопьего, как и Поместного приказа определялось не юридическим началом, а предметом; поэтому естественно, что в нем сосредоточились все дела холопьи – бесспорные, административные и судные, по началу: кто управляет или заведует, тот и судит.

Итак, из разделения спорных гражданских дел между Поместным и Судным приказами нельзя еще заключать о существовании в период Уложения двух различных форм гражданского судопроизводства.

II. По изложенному нами мнению, спорные дела о правах на недвижимые, преимущественно о праве собственности, ведались в Поместном приказе. А в этом приказе никогда не давали суда. Поэтому эти дела судились не судом, а какой-нибудь другой формой судопроизводства.

И это положение кажется нам несправедливым. В Поместном приказе ведались дела: a) о поместьях; b) о вотчинах; c) о поместных и вотчинных крестьянах.

Спорные дела о вотчинах судились *судом*. Это доказывается всеми источниками русского права: Судебником, Юри-

дическими актами из периода Уложения, самым Уложением и, наконец, новоуказанными статьями.

В *Судебнике* ст. 84 имеет заглавие: *о землях суд*; из самой статьи видно, что спорные дела о землях (поместьях и вотчинах) судились судом[1]; статьи 85–90 – *о вотчинах суд*. Что о праве на вотчину производился суд – это ясно видно из ст. 85; прочие говорят о протраве, о нарушении меж и граней, о переходе крестьян, след<овательно>, ничего не доказывают в отношении к судопроизводству о праве вотчинном на недвижимые.

Между юридическими актами, изданными Археографической комиссией, помещено до 27 правых грамот по спорным гражданским делам[2]. Бóльшая часть из них относится и к делам о праве собственности на земли и угодья; из всех этих грамот видно, что дела вотчинные судились судом[3].

В Уложении мы находим много мест, из которых ясно видно, что дела о праве собственности на вотчины судились судом. Здесь мы ограничимся приведением двух из них.

Гл. X, ст. 244: «А будет кто на ком учнет *искати вотчины* или двора, или лавки, или мельницы… *а по суду и по сыску* доведется его в том обвинити…».

Гл. XVIII, ст. 58: «А кому даны будут правые грамоты всяким людям *о вотчинах* и о всяких делах… *а написано будет в грамоте все судное дело* подлинно…»[4].

[1] Судебник Татищева, ст. 84. Из примечаний к этой статье видно, что Татищев разумеет под выражением «*о землях суд*» суд о владении, а не о праве. Но это несправедливо. Самая статья не подает никакого повода к такому толкованию. См. гл. 2, примеч. 4.

[2] См.: Юридические акты. – № 1–26, 29.

[3] Они обыкновенно начинаются так: *се суд судил*. Позднейшие (1610 года, № 25 и 1612, № 26) имеют другую форму*: перед таким-то судьею искал такой-то на таком-то*.

[4] См. также: Улож., гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33. Здесь, естественно, возникает вопрос: если спорные дела о вотчинах ведались *судом*, то почему же о них так мало говорится в судной статье (X главе Уложения) – именно там, где дóлжно бы, по-видимому, ожидать подробного изложения этого предмета. Чтобы решить этот вопрос, заметим предварительно, что все иски о праве собственности имеют две стороны: а) юридическую, о праве и b) фактическую, о владении. Вопрос о праве на вотчину есть вопрос о законном способе приобретения. А в каких именно случаях вотчина, по

Наконец, в новоуказанных статьях дела поместные, вотчинные и земляные прямо называются *судными*[1].

Спорные дела о поместных и вотчинных крестьянах судились *судом*. Это несомненно доказывается всей XI главой Уложения, которая даже носит заглавие: *суд о крестьянах*[2].

Наконец, спорные дела о поместьях также судились обвинительной, а не инквизиционной формою процесса. Эта форма называлась *очными ставками* и в основании своем была то же, что суд, отличаясь от него только некоторыми частностями[3].

Итак, следственная форма судопроизводства не употреблялась в спорных поместных и вотчинных делах.

законодательству времен Уложения, почитается законным образом приобретенной – это подробно изложено в статье Поместной и Вотчинной (XVI и XVII гл. Уложения), след<овательно>, нечего было упоминать о том в статье Судной. Весьма замечательно, что эти статьи по главному, основному своему характеру – не суть процессуальные, а догматические; они представляют собрание догматических, а не судебных казусов. В них излагается порядок наследования преимущественно как основание приобретения, а не как наследственное право. Такой характер этих статей объясняется тем, что они большею частью, вероятно, заимствованы из положений, развившихся в Поместном приказе – месте, по главному своему назначению административном, а не судебном.

Иск о праве на недвижимое <имущество> никогда не вчинялся в период Уложения отдельно от иска о владении или, правильнее, о завладении. Это очевидно доказывают правые грамоты, помещенные в собрании Юридических актов и многие статьи Уложения (напр<имер>, гл. X, ст. 211, 212, 213, 233). Поэтому, весьма справедливо замечает проф. Морошкин, что по Уложению «бесспорное судопроизводство сливалось с тяжбенным, а владение смешивалось с собственностью» (Рассуждение о владении по началам российского законодательства. – М., 1837. – С. 100); в то время иск о владении был вместе и иском о собственности. Вот почему в Уложении и во всех современных ему источниках беспрестанно говорится, что иски о владении разбираются судом; а что право собственности на недвижимые решается тою же формою судопроизводства – об этом мы так редко находим прямые свидетельства.

[1] 1683 года, 22 июня, № 1029 – Именный с боярским приговором; 1686 года, 5 марта, № 1173 – Именный с боярским приговором.

[2] См. ниже, примеч.

[3] См. ниже.

III. Далее сказано: дела о праве собственности на недвижимые были исключительно крепостные. Это положение кажется нам также несправедливым, ибо мы знаем, что, как теперь, так и в период Уложения законодательство признавало односторонние способы приобретения права, в особенности давность. Итак, когда кто-либо вчинял иск о вотчине, которую владел по старине, без крепостей, этот иск очевидно не мог быть крепостным. Из Уложения видно, что иски о вотчинах и в других еще случаях могли быть некрепостными[1].

IV. Но если даже и допустить, что все спорные поместные и вотчинные дела были крепостные, то из этого еще нельзя заключать, что эти дела, потому именно, что они крепостные, судились розыском, а не судом; ибо в X главе Уложения мы находим множество мест, из которых ясно и несомненно видно, что дела крепостные могли быть делами судными[2]. Следовательно, если спорные поместные и вотчинные дела и в самом деле судились розыском, то причина не в том, что они крепостные[3].

* * *

В период Уложения русское гражданское судопроизводство имело две формы: *суд* и *очные ставки*. Очными ставками преимущественно судились спорные гражданские дела.

I. *Суд* (в том техническом, определенном смысле этого слова, в котором оно употребляется в памятниках нашего за-

[1] Улож., гл. XVI, ст. 41, 51; гл. XVII, ст. 18.

[2] Улож., гл. IV, ст. 4; гл. X, ст. 22, 108, 109, 189, 192, 245, 247, 253, 256, 259, 261; гл. XXIV, ст. 1.

[3] Выражение *«дело»* весьма часто подает повод к самым ошибочным толкованиям. Оно иногда означает иск, развивающийся в процессе; иногда вообще всякого рода делопроизводство. Поэтому при чтении источников не до́лжно придавать этому слову по произволу то или другое значение, а до́лжно выводить из общего смысла места, в котором оно употребляется. Мы увидим впоследствии, каким важным заблуждениям подало повод произвольное толкование выражения: *сыскное, розыскное дело*.

конодательства до Петра Великого) есть основная, общая и по своему происхождению древнейшая форма русского гражданского судопроизводства.

По внешней стороне *суд есть юридический спор двух тяжущихся в присутствии судей*[1]. Поэтому нет суда, когда нет юридического спора перед судьями[2]; суд начинается, когда начинается спор[3]; суд прекращается, когда прекращается этот спор[4].

Итак, в Уложении суд является юридическим, определенным моментом всего гражданского судопроизводства. Но эту определенность получил он уже в позднейшие времена. Всматриваясь в него глубже, мы открываем в нем самую естественную, простую, общую всем народам и древнейшую обычную форму судопроизводства. Поэтому-то нигде и нет логического ей определения; корень этой формы – исстаринный обычай, который жил в народном сознании, вот почему о суде упоминается в древнейших источниках русского права[5]; законодательство только определило и юридически установило его внешнюю, формальную сторону.

По внутренней, юридической стороне *суд есть форма чисто обвинительного, гражданского процесса*.

---

[1] Отсюда следующие выражения: *суд судити*. Оно с первого взгляда кажется плеоназмом, но в самом деле судьи судили суд, т. е. этот юридический спор тяжущихся. Далее: *судом судить, перед судьею искать или отвечать, обвинить или оправдать не по суду, вершити дело по суду* и проч. – Улож., гл. X, ст. 105: «А кого судьи велят поставити *к суду и истцу и ответчику, став перед судьями, искати и отвечати* вежливо и смирно и не шумко, *и перед судьями* никаких невежливых слов не говорити и меж себя не бранитися».

[2] Улож., гл. X, ст. 22. Теперь под именем *суда* мы разумеем обыкновенно присутственное место, где разбираются и решаются спорные дела. Но в древних источниках слово *суд* никогда и нигде не употребляется в этом смысле («а будет кто ни буди *пришед в который приказ к суду*». – Улож., гл. X, ст. 106). Ср.: Улож., гл. X, ст. 109.

[3] Улож., гл. X, ст. 116 и др.

[4] Улож., гл. X, ст. 123 и др.

[5] В Русской Правде, договорной грамоте Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою, 1228 года и т. д.

1-е. Суд никогда не открывался по произвольному назначению или предписанию судьи, но всегда по просьбе истца; без этой просьбы суд не мог иметь места. Отсюда выражение «*дати суд*».

2-е. Доказывать и опровергать иск было делом тяжущихся. Поэтому они изыскивали, избирали и приводили доказательства в свою пользу. Если какие-нибудь доказательства были ими пропущены умышленно или неумышленно, судья не напоминал им об этом и решал спорное дело на основании одних тех доказательств, которые были ими предоставлены.

3-е. Деятельность судьи в отношении к тяжущимся и спорному делу ограничивалась:

a) администрацией суда. Он назначал время, в которое должен был начаться суд. В продолжение самого суда назначал, кому дóлжно говорить. Из правых грамот мы видим, что, когда один тяжущийся оканчивал изложение иска или доводов, судья обращался к другому и говорил ему: *отвечай*. Итак, внешняя, формальная сторона суда, установление его и определение правильного его хода было делом судьи, а не тяжущихся;

b) определением силы и действительности доказательств, приводимых тяжущимися. Эта деятельность судьи была юридическая. Он извешивал доказательства и оценял их по их внутреннему и относительному достоинству. Таким образом, если тяжущиеся представляли крепости или какие-нибудь письменные документы, судья рассматривал их в суде. В период Уложения образовались многие правила, определяющие взаимные отношения доказательств (наприм<ер>, после ссылки на обыск нельзя было ссылаться на свидетелей, и т. д.). На основании этих правил доказательство, само по себе признаваемое законом и обычаем, не имело силы после другого какого-нибудь доказательства. И это относительное достоинство доказательств определял судья. Поэтому судья на основании действующего права иногда не принимал приводимого доказательства или, что все равно, объявлял его недействительным, но никогда не приводил вместо него другого – ни в пользу истца, ни в пользу ответчика.

Вот в чем заключалась внутренняя, юридическая сторона суда в период Уложения. Этот чисто обвинительный, чисто гражданский характер древнего суда объясняется:

1) историей происхождения судей, ведавших суд во времена Уложения. Гражданские судьи времен Уложения были по своему происхождению *судьи Княжеские*. Говоря о судоустройстве, мы сказали, что правители областей и городов издревле назначались князем и заведовали первоначально частью военной, финансовой и полицейской. Поэтому и судом заведовали они только в отношении финансов и административном: взыскивали пошлины и давали суд. Это первоначальное, древнейшее значение княжеских правителей было, без сомнения, одной из важнейших причин развития чисто обвинительной формы гражданского судопроизводства в нашем законодательстве[1];

2) самым существом гражданских прав, составляющих исключительную, полную, неотъемлемую принадлежность частных лиц и потому вносящих в гражданское судопроизводство по преимуществу элемент обвинительный, гражданский.

Мы сказали, что судом судились в период Уложения все дела гражданские. Но какие дела почитались гражданскими – это трудно решить. Трудность заключается в следующем:

1) мерило, по которому одни нарушения права до́лжно относить к уголовным преступлениям, а другие – к гражданским, имеет в большей части случаев историческое основание. Отсюда невозможность подвести его под известные, определенные юридические начала. В этом мериле отражается вся предыдущая жизнь народа со всеми ее направлениями, оттенками и случайностями;

2) это мнение вполне верно в отношении к русскому законодательству времен Уложения. В нем были смешаны начала, внесенные греческим правом, начало, развившееся вследствие утверждения и возрастания *Государства* и государственной власти, и начала древнейшие, обычные, из коих некоторые уже утратили прежний смысл и значение. Все они существовали

[1] Речь об Уложении проф. Морошкина. – С. 57.

одно возле другого, не согласованные между собой и не приведенные в одно органическое, живое целое;

3) итак, для решения вопроса, какие дела судились в период Уложения судом гражданским, остается только одно средство: ограничиться исчислением дел, не входя к юридическим началам, по которым они отнесены к делам гражданским. Но и на этом пути представляются важные препятствия:

a) в Уложении и законах этого периода изредка, и большею частью мимоходом, говорится о форме судопроизводства, которою судились известные спорные дела[1];

b) лучшим и почти единственным источником остаются, следовательно, решенные дела. Этот богатый источник правоведения еще до сих пор малодоступен для частных лиц.

По всем изложенным причинам ограничимся простым исчислением тех дел, которые, по свидетельству Уложения и последующих законов, судились судом и, следовательно, относились к числу дел гражданских. Но предварительно считаем нужным сделать некоторые замечания об отношении, существующем в настоящий период между известной формой судопроизводства и делами, которые судились по этой форме.

По Уложению, как мы видели, гражданские иски нередко сливались с уголовными в один иск и судились вместе. В неко-

[1] Именно потому, что в Уложении мало обращено внимания на то, какие дела дóлжно почитать уголовными и какие гражданскими, – выражения, которыми определяется форма судопроизводства в известном, данном случае, очень неопределенны и сбивчивы, напр<имер>, Улож., гл. XX, ст. 21. «А кто возьмет на полного или надокладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, без отпускныя, и того холопа *по сыску* отдати тому, чья крепость старее». Здесь сказано «*по сыску*». Под сыском дóлжно поэтому разуметь не форму судопроизводства, а удостоверение в факте на основании доказательства. Выражение неточно. Подобных примеров много в Уложении. См. гл. VII, ст. 32; гл. X, ст. 27, 235 и т. д.

Нередко употребляется совершенно неопределенное выражение: *а сыщется про то допряма*. Какой формой судопроизводства сыскивали в этих случаях, остается неизвестным, если нет других мест, поясняющих это выражение. См. Улож., гл. X, ст. 5; гл. III, ст. 1, 9; гл. VI, ст. 2; гл. VII, ст. 22; гл. X, ст. 148 и т. д.

торых случаях дела уголовные судились судом гражданским[1], а гражданские дела – уголовным[2].

1. Основание этой аномалии заключалось в том, что форма судопроизводства определялась главным, основным иском. Так, иск о татьбе и разбое был всегда главным, а иск о вещах, взятых татьбою или разбоем, – второстепенным. Если главный иск был уголовный, то дела судились уголовным процессом; если гражданский – то гражданским.

2. Основания, по которым из двух исков, соединенных в один, один иск почитался главным, а другой – второстепенным, были различны. Для дел гражданских, соединенных с уголовными исками и решаемых судом уголовным, таким основанием естественно служила большая важность уголовных дел в сравнении с гражданскими. Но когда уголовное дело в соединении с гражданским судилось гражданским процессом, то основанием могло быть:

a) намерение преступника.

Уложение, гл. XXII, ст. 17: «А будет кто… наскачет на лошади на чью жену и лошадью ее стопчет и повалит, и тем ее обесчестит, или ее тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертвого, а сама будет жива, *а суда сыщется про то допряма*... А будет от того его бою та жена и сама умрет…».

Бой и увечья судились по Уложению *судом*. А как убийство, по самому свойству, преступления не составляло главной цели преступника и было, так сказать, случайным последствием боя, то все это рассматривалось как дело гражданское и судилось гражданским судом[3];

b) невозможность вчинять уголовный процесс.

Уложение, гл. X, ст. 133. «А будет кто поместной и вотчинной имянной и прожиточной человек всякого чину учнет

---

[1] Напр<имер>, Улож., гл. VII, ст. 30: «А будет кто ратные люди… станут грабити и учиняти смертное убийство, или по женскому полу насильство*… и по суду* и *по сыску* про то их воровство сыщется допряма…»; также гл. X, ст. 133 и др.

[2] «Так, напр<имер>, все иски о покраденных или разбоем взятых вещах, по поличному» (См.: Улож., гл. XXI) и т. д.

[3] См. примеч. 1.

похвалятися на кого смертным убийством, и тот, на кого он похвалится, учтнет Государю бити челом, чтобы Государь велел ему на того, кто на него похвалится, дати опасную грамоту с большею заповедью… и тому дати такие опасные грамоты. Да будет за такою грамотою и за заповедью тот, на кого та грамота будет дана, того, кто на него бил челом, сам убьет или по его наученью кто иной его убьет, и того убитого жене и детям и роду и племени его на того убойца *дати суд, а с суда сыскати*»[1].

По Уложению убийство судилось розыском. Но розыск об убийстве мог иметь место только в таком случае, когда убийца или был известен (захвачен по время преступления), или по закону предполагался убийцей (*по поличному, язычной молке* или *лихованным обыскам*). Кроме этих случаев, нельзя было судить кого-либо в убийстве судом уголовным. Поэтому в приведенном случае наследникам убитого оставалось одно средство: уличить подозреваемого ими убийцу *судом* гражданским. Заметим, что такой иск по основанию своему имеет чисто гражданский характер; истцы ищут на ответчике заповеди по опасной грамоте, след<овательно>, по обязательству с неустойкой и выигрывают процесс, если докажут, что договор нарушен. Итак, в этом иске убийство является как обстоятельство, нарушающее договор, которое обязаны истцы доказать, чтобы требовать уплаты «заповеди»[2].

[1] Слова: «*да будет за такою грамотою и за заповедью тот, на кого та грамота будет дана, того, кто на него бил челом, сам убьет или по его наученью кто иной его убьет, того убитого жене и проч. на того убойцы дати суд*» – неточны, ибо если было известно, что он убил челобитчика, то не для чего было давать суд; далее: если убийца и был известен, то *de facto*, а не *de jure*. След<овательно>, юридически эта известность до суда не существует. Это доказывается последующими словами той же статьи: «*Да будет сыщется про то до пряма, что того, кому дана опасная грамота, убил тот сам, на кого дана опасная грамота, или по его наученью кто иной, то смертное убивство учинить…*».

[2] Замечательно, что по убийствам, о которых упоминается в Улож., гл.VII, ст. 30, гл. X, ст. 133 и гл. XXII, ст. 17, убийцы, кажется, не отсылались в Разбойный приказ для пыток. С первого взгляда это противоречит гл. XXI, ст. 49 Уложения, но на самом деле противоречия нет. Убийцы, о которых говорится в этих статьях, не подходят под категорию убийц, упоминаемых в XXI гл. Уложе-

3. Наконец, кроме татьбы и разбоя, которые сначала судились гражданским судом, «если истцы бьют челом имянно без поличного и без язычной молки и н по лихованным обыскам», и уже потом уголовным «будет в Судном приказе сыщется, что те дела разбойные дошли до пыток», – все спорные дела судились одним судом, а не двумя. Поэтому если два дела, уголовное и гражданское, сливались в одно, то оба судились или одним уголовным, или одним гражданским судом.

Судом разбирались и решались дела:

a) о правах вещных. О праве собственности на землю или вотчину[1], строение[2], на крестьян и бобылей[3], на холопей[4], домашних животных: лошадей, коров, птиц и все движимые, даже покраденные и разбоем взятые, когда закон по какой бы то ни было причине запрещал вчинять о них уголовный процесс[5]; о правах на чужую вещь; вещных гражданских повинностях (*servitutes reales*)[6]; закладе[7];

b) о правах по обязательствам. По обязательствам вследствие *договора*: о займе[8], ссуде[9], поклаже[10], найме[11] и вообще вся-

ния. Во-первых, умысел их обнаруживается уже судом; во вторых, они не принадлежали к числу татей или разбойников. Однако нет сомнения, что если бы эти убийцы были схвачены на самом преступлении и представлены в Губную избу, то судились бы судом уголовным (Улож., гл. XXI, ст. 69, 71, 73).

[1] Улож., гл. X, ст. 211, 212, 213, 236, 244; гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33; гл. XVIII, ст. 58.

[2] Улож., гл. X, ст. 244.

[3] Улож., гл. XI, ст. 2, 3, 5, 8, 10, 12, 17, 21, 25, 27, 28, 29, 34; гл. XIX, ст. 38; гл. XX, ст. 6.

[4] Улож., гл. XVIII, ст. 58; гл. XIX, ст. 38; гл. XX, ст. 4, 20, 25, 28, 29, 47, 54, 55, 57, 59, 60, 67, 75, 79, 81, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 101, 103, 109, 111, 119.

[5] Улож., гл. XI, ст. 14, 25, 29; гл. XX,ст. 17, 38, 55, 57, 67, 91, 93, 96; гл. X, ст. 285; гл. XXI, ст. 49, 51, 52, 59, 88, 91; гл. XXIV, ст. 3(1); см. и другие статьи, особливо в гл. X.

[6] Улож., гл. X, ст. 238, 279.

[7] Улож., гл. X, ст. 194, 197; гл. XVII, ст. 32, 33.

[8] Улож., гл. X, ст. 189, 245, 246, 247, 253, 256–261; гл. XIX, ст. 18.

[9] Улож., гл. X, ст. 189; гл. XI, ст. 23; гл. XVIII, ст. 39; гл. XIX, ст. 18.

[10] Улож., гл. X, ст. 189, 190, 192, 194; гл. XVIII, ст. 39.

[11] Улож., гл. X, ст. 274.

кого рода обязательствах вследствие *преступления*[1]; о брани[2], бесчестьи[3], бое, увечьи и ранах[4], грабеже[5], поджоге[6], насильстве[7], разореньи[8], вообще о всякого рода обидах[9] и убытках[10].

II. *Очные ставки*[11]. Очные ставки как форма гражданского судопроизводства имеют двойственный характер. По существу своему они суть не что иное, как обвинительная форма судопроизводства и в этом смысле не различаются от суда. Напротив, по некоторым внешним признакам они должны быть причислены к формам уголовного, инквизиционного процесса. Эти признаки суть следующие:

а) очными ставками называется форма уголовного процесса, которая вместе с расспросом и пыткою образует то, что в период Уложения носит техническое название *розыска*.

---

[1] Улож., гл. X, ст. 133, 135, 141, 193, 245, 276; гл. XI, ст. 23.

[2] Улож., гл. IX, ст. 3.

[3] Улож., гл. X, ст. 29, 30, 31, 85, 90, 94, 99, 133, 136, 142, 280, 281; гл. XXII, ст. 11, 17; гл. XXIII, ст. 3.

[4] Улож., гл. IX, ст. 3; гл. X, ст. 134, 136, 142, 186, 207, 281; гл. XXII, ст. 11, 17; гл. XXIII, ст. 11, 17.

[5] Улож., гл. VII, ст. 30; гл. IX, ст. 3; гл. X, ст. 136, 179, 186, 270; гл. XVIII, ст. 39; гл. XX, ст. 4, 65.

[6] Улож., гл. X, ст. 223; гл. XX, ст. 4.

[7] Улож., гл. VII, ст. 6, 30; гл. X, ст. 207, 208, 210–216, 218, 220, 221, 222, 231, 238, 242, 279. – Насильственное завладение чужой земли и угодьев, убытки, бой, грабеж и смертные убийства, совершаемые при этом завладении, по писцовому наказу 1684 года, «» апреля, № 1074, п. 67, велено судить розыском и очными ставками.

[8] Улож., гл. XX, ст. 4.

[9] Улож., гл. VII, ст. 6; гл. X, ст. 184, 207, 229.

[10] Улож., гл. VII, ст. 6, 7; гл. IX, ст. 12, 13; гл. X, ст. 118, 133, 140, 142, 155, 207, 208, 209, 210, 214, 217, 221, 223, 238, 240, 242, 281, 284, 291.

[11] Источники для учения об очных ставках в спорных гражданских делах чрезвычайно скудны. К сожалению, мы не могли пользоваться правыми грамотами и судными списками по спорным поместным и вотчинным делам из времен Уложения и потому должны были ограничиться немногими статьями Уложения, в которых упоминается об очных ставках, немногими известными в новоуказанных статьях и, наконец, одною рукописною судною грамотою 1676 года, мая 31-го, данною думному дворянину Абраму Никитичу Лопухину на поместье в Курмышском уезде.

В источниках суд никогда не называется очными ставками и очные ставки – судом; оба эти названия везде различаются[1];

b) по спорным гражданским делам, которые судились очными ставками, *присяга* не допускалась, а в делах, судимых судом, присяга была обыкновенным и весьма употребительным доказательством;

c) после очных ставок истцы и ответчики могли подавать в свое оправдание дополнительные челобитные, и они принимались в соображение при решении спорного дела. Но после суда таких дополнительных челобитен принимать не велено[2];

d) наконец, по делам, решаемым очными ставками, с виновного не взимались судные пошлины[3].

Все эти признаки, по которым суд отличался от очных ставок, и само название последних доказывают, что они не составляют отдельной формы судопроизводства от очных ставок, которые употреблялись в уголовном процессе, ибо в XXI главе Уложения не упоминается при очных ставках о присяге, пошлинах с подсудимых и ограничениях обвиняемого в подаче дополнительных челобитен. Поэтому весьма вероятно, что очные ставки – форма уголовного судопроизводства – перенесены на некоторые спорные гражданские дела соответственно с характером этих дел и сами мало-помалу обратились в форму гражданского судопроизводства.

Возможность такого изменения заключается в самом существе их. Вероятно, в них прежде соединялись оба элемента судопроизводства: обвинительный и следственный. Между тяжущимися происходил на очных ставках спор в присутствии судьи. К этому обвинительному началу присоединялось и следственное: судья расспрашивал тяжущихся.

[1] Улож., гл. XX, ст. 25; 1683 года; 13 июня, № 1022 – Именный с боярским приговором; 1683 года, 3 мая, № 1010 – Именный; 1683 года, 22 июня, № 1029 – Именный с боярским приговором.

[2] Улож., гл. X, ст. 21.

[3] 1683 года, 13 июня, № 1022 – Именный с боярским приговором; 1683 года, 3 мая, № 1010 – Именный.

Поэтому во многих местах Уложения, где говорится об очных ставках, упоминается о расспросе[1].

Двойственный характер очных ставок объясняет причину, почему эта форма судопроизводства стала употребляться в решении спорных гражданских дел (поместные и вотчинные), тогда как для них издревле существовал *суд*. Вероятно (хотя мы и не имеем на то положительных, исторических указаний), из спорных гражданских дел поместные начали сперва судиться очными ставками. Поместья были земли Государевы, поэтому споры о поместьях имели более государственный, нежели частный, гражданский характер. По Уложению дела о поместьях судились очными ставками, дела о вотчинах – судом[2]. Но потом, когда поместья начали мало-помалу принимать более частный, гражданский, вотчинный характер, очные ставки стали употребляться и в спорных делах о вотчинах. Вследствие этого отношение между судом и очными ставками сделалось неопределенным. Возник вопрос: в каких случаях судить спорные вотчинные и поместные дела судом и в каких – очными ставками? Из новоуказанных статей, в которых решен этот вопрос, видно, что очные ставки мало-помалу заменили суд в спорных делах о вотчинах[3]. В 1683 г., 3 мая, Именным указом запрещено в Поместном приказе судить дела очными ставками, а вместо них велено давать суд, «для того чтоб пошлинные деньги не пропали, а истцом не повадно б было затевать и неправдою исков своих лишку приписывать». Но в том же году, 13 июня, спорные поместные и вотчинные дела опять

---

[1] Техническое выражение: *ставити с очей на очи и роспрашивати*. См. Улож., гл. X, ст. 7; гл. XX, ст. 14; гл. XXV, ст. 15 и др.

[2] Улож., гл. XVI, ст. 54, 59. См. примеч. 7 и 26.

[3] В период времени от Уложения до единодержавия Петра Великого развилось следующее правило, определявшее отношение между судом и очными ставками в спорных поместных и вотчинных делах: право на поместье или вотчину должно разбираться и решаться очными ставками, а связанные с этим денежные требования и обязательства (напр<имер>, заряд) – судом. 1677 года, 10 августа № 700; новоуказанные статьи о вотчинных делах, п. 31, 1683 года, 13 июня, № 1022 – Именный с боярским приговором.

велено судить по-прежнему очными ставками. Это положение удержалось до 1697 г.

В заключение скажем несколько слов о розыске и его отношении к спорным гражданским делам.

Слово *розыск* имеет много различных значений и поэтому есть один из самых неопределенных терминов. Оно делается употребительным, кажется, в последние годы царствования Алексея Михайловича. В Уложении оно встречается только один раз, в гл. XVI, ст. 23, но вместо него везде употребляются в Уложении слова *сыск, сыскати, сыщется*.

Оно означает:

1) удостоверение в подлинности какого-либо факта на основании судебных доказательств. Отсюда выражения: *сыскать кем-либо или чем-либо* (Улож., гл. II, ст. 12; гл. XX, ст. 24); *сыщется до пряма* (гл. XX, ст. 23); *по сыску* (Улож., гл. XX, ст. 15, 21); *сыскивати всякими сыски накрепко* (гл. II, ст. 16) и т. д.;

2) уголовное судопроизводство. «Кому с кем по чьему челобитью в Поместном приказе доведется в чем давать очные ставки, и тем людем, вместо очных ставок меж себя во всяких делах, или с кем, *кроме татинных и разбойных и иных дел, подобных им, которые надлежат к розыску*, давать суд» (1683 года, 3 мая, № 1010 – Именный);

3) некоторые места в новоуказанных статьях подают повод думать, что розыск был формою судопроизводства, которою судились дела гражданские. «Для челобитья всяких чинов людей *про* (сдаточные) *записи розыскивать* в Поместном приказе *без суда*» (1677 года, 10 августа № 700); новоуказанные статьи о вотчинных делах, п. 31; «На которые купчия и закладные учинится спор и челобитье… и *про те купчия и закладныя розыскивать, и буде доведется давать и очные ставки*» (1684 года, 7 февраля № 1060 – Именный с боярским приговором. Ср. также: 1684 года, «» апреля, № 1074, п. 14; Писцовый наказ 1682 года, 11 августа № 951 – Именный с боярским приговором).

На основании этих мест, вероятно, и образовалось мнение, будто крепостные дела судились следственным порядком.

Очевидно, ошибка заключается в неправильном толковании слова «розыск», ибо из приведенных мест видно только, что в некоторых случаях гражданские дела судились и решались без *суда*; тяжущиеся не являлись налицо перед судьею, а подавали просьбы и представляли в доказательство иска крепости. В период Уложения крепости на недвижимые только тогда почитались действительными, когда они были внесены в приказ в записные книги, след<овательно>, утверждены присутственным местом (Улож., гл. XVI, ст. 12; гл. XVII, ст. 34, 36, 39; 1670 года, 21 июня, № 475 – Именный с боярским приговором). Таким образом, когда тяжущиеся о вотчине или дворе представляли судьям крепости, на которых основывали свой иск, судьи *разыскивали*, т. е. справлялись в записных книгах, внесены ли в них представленные крепости, и по этому принимали их за доказательства или объявляли недействительными. Итак, в приведенных местах под словом «розыск» не только нельзя разуметь следственного судопроизводства, но он не означает даже никакой формы судопроизводства.

Нельзя определить времени, когда дела гражданские начали впервые решаться без суда. Вероятно, что такой порядок введен первоначально в отношении к спорным делам о поместьях. Это доказывается тем, что по крепостям разыскивали без суда только в Поместном приказе дела поместные и вотчинные. Все прочие крепостные иски о займах, поклажах, холопах и др. по-прежнему судились судом.

Розыск без суда и очные ставки по спорным и вотчинным делам имели между собою известное, по-видимому, правильное отношение. Кажется, в большей части случаев розыск предшествовал очным ставкам. Это доказывает выражение: «*розыскивать, а буде доведется, давать и очные ставки*». След<овательно>, к ним прибегали, когда розыском нельзя было решить спора. Г-н Иванов говорит в своем сочинении (*Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших*. – М. 1836. – С. 72), что «при производстве спорных поместных дел, по коим, впрочем, не было представлено письменных документов,

обыкновенно давали доносителю или истцу с ответчиком очные ставки». Это положение отчасти несправедливо, потому что, как видно из судных грамот, очные ставки давались и тогда, когда тяжущиеся основывали свои права на письменных актах. Быть может, к очным ставкам прибегали, когда розыск не мог решить спора по недостатку данных (напр<имер>, когда записные книги утерялись, сгорали и т. д.) и судьям нé по чему было проверять подлинность представляемого письменного документа.

Отделение II. Движение гражданского судопроизводства (ход процесса)

Движение каждого гражданского процесса делится на три резко обозначенных отдела или периода. Первый отдел начинается объявлением (оглашением) иска и продолжается до суда. Он может быть назван *приуготовительным*, потому что все действия, предпринимаемые в продолжение этого периода тяжущимися и судьею для процесса, клонятся к тому только, чтобы приуготовить и сделать возможным начатие, открытие *суда*. Второй обнимает суд от начала его и до окончания. Суд есть главная, основная, существенная часть всего судопроизводства, ибо для него предпринимаются судьей и тяжущимися упомянутые нами предварительные действия. Наконец, третий отдел начинается с окончания суда и оканчивается исполнением приговора по спорному делу. Он есть не что иное, как развитие, осуществление суда. Итак, суд есть узел, связующий все части судопроизводства и дающий органическую, стройную целость всему гражданскому процессу.

На этом основании мы разделим учение о ходе гражданского судопроизводства на три части. В *первой* изложим развитие гражданского судопроизводства *до суда*, *во второй* – развитие *его в продолжение суда*, в *третьей* – развитие *после суда*.

А. Развитие гражданского судопроизводства до суда

I

Приставная память

Процесс по спорным гражданским делам начинается подачей приставной памяти.

Под именем приставной памяти до́лжно разуметь письменное объявление о вчинании иска. Оно подписывалось истцом[1] и подавалось им в тот суд, которому был подсуден ответчик. В этом объявлении означались: иск, который намерен был вчинять истец, и цена иска[2], имя истца, имя ответчика.

Приставная память была не что иное, как предварительное уведомление судьи о тяжбе, которую истец намеревался начинать с известным лицом. Такое уведомление было необходимо для того, чтобы судья мог сделать нужные распоряжения для открытия и начатия суда: вызвать ответчика и дать его на поруки.

Подача приставной памяти необходимо должна была предшествовать вчинению гражданского иска, кроме тех случаев, когда ответчик был налицо в суде и, след<овательно>, не было нужды вызывать его, а именно: 1) когда истец тотчас же по окончании суда в одном деле вчинял против того же ответчика другой иск[3]; 2) когда немедленно по окончании суда ответчик, «не сходя с суда», объявлял иск против истца.

Так по Уложению.

Возможность вчинять иск без подачи приставной памяти подавала повод к большим злоупотреблениям. Проигравший процесс нередко с досады вчинял против своего противника «недельные поклепные иски» для того, чтобы вовлечь его в хлопоты и издержки и тем отомстить за свою неудачу. Чтобы отвратить это, поставлено общим правилом, что вообще гражданский иск не может быть вчиняем, если он предварительно в

[1] Улож., гл. X, ст. 137.

[2] Улож., гл. X, ст. 100.

[3] Улож., гл. X, ст. 103.

приставной памяти. Кто намеревался вчинять против одного и того же лица несколько исков вместе, тот должен был все эти иски показать в приставной памяти; который иск был пропущен в приставной памяти, в том не велено давать суда. О встречных исках ответчик должен был подавать приставную память «в то время, как он станет по себе поручную запись в статье к суду сбирать». По встречным искам, не показанным в этой приставной памяти, также не велено давать суда. С этого времени приставная память сделалась необходимой принадлежностью гражданского иска, а не повесткой для вызова к суду ответчика. Она сделалась объявлением, *явкой* об иске, поэтому иски, не обозначенные в ней, называются в указе *неявленными*[1].

Название *приставной памяти* может быть различно объяснимо. Оно происходит или от слова *«приставить»*, что в нашей древней юридической терминологии значило «*вчинять иск*»[2], или от «*пристав*» – чиновника, состоявшего при судьях, которого главная должность состояла в вызове к суду тяжущихся. В первом случае слово *«приставная память»* могло значить *памятная записка о процессе*; во втором – *памятная записка для пристава*[3].

Приставная память подавалась дьякону. Дьякон подписывал ее, вносил в записную книгу в самый день подписания, а потом или отдавал приставу для вызова по ней к суду ответчика[4], или по ней давалась истцу на ответчика Государева зазывная грамота.

II

Вызов к суду

Вызов к суду изложен в Уложении очень сбивчиво, неопределенно, с противоречиями и несообразностями.

---

[1] 1682 года, 17 ноября, № 96 – Именный с боярским приговором, помеченный думным дьяком.

[2] Улож., гл. X, ст. 111, 103, 179.

[3] Приставные памяти, помещенные в Юридических актах, начинаются так: «*Память приставу*». – См. № 55 и 56.

[4] Улож., гл. X, ст. 100, 137.

Все эти недостатки объясняются тем, что Уложение по главному своему назначению есть Уложение Москвы. Поэтому в нем излагается вызов к суду в московские приказы и притом не один, а два различных вызова: 1) в самой Москве и 2) из городов «к Москве».

1. Для вызова ответчиков к суду были в период Уложения особливые чиновники; в Москве они были при каждом приказе[1]; в городах – при воеводах[2]; в волостях – при волостных судьях[3]. Эти чиновники вообще назывались *приставами*[4], но между ними было различие. В Москве одни приставы назывались *недельщиками*[5]. Это название получили они оттого, что отправляли свою должность понедельно[6]; другие назывались *заговорщиками*, потому что они служили в приставах по уговору с недельщиками[7] и были их товарищами. Заговорщики избирались самими недельщиками («кто кому верит»); каждый недельщик имел своих заговорщиков (по Судебнику семь человек, не более)[8], которых дьяк записывал в книгу, «чтобы недельщики своих заговорщиков не отпиралися»[9]. Если не-

[1] Улож., гл. X, ст. 147: *«А быть недельщиком во всех приказах за крепкими поруками»*.

[2] Акты юридические, № 289.

[3] Акты юридические, № 283.

[4] Улож., гл. X, ст. 113, 120, 123, 137, 138–142.

[5] Улож., гл. X, ст. 142. Из нее видно, что *пристав* и *недельщик* – одно и то же лицо. Ст. 147, 148 и многие другие.

[6] *Татищев*, в примечаниях к Судебнику § 8. Примеч. (б); *Рейц*. Versu über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats und Rechts-Verfassung. § 48. Примеч. 4. Отсюда следующие выражения: *пустить в недели*; *как недельщик из недели выдет*; *недели делать*. – Судебник, § 47; Улож., гл. X, ст. 148. Поэтому сказано в Судебнике: «А что заговорщик учинит кому какову продажу или обиду и уличат его в том, и те иски все взяты на всех заговорщиках *тоя недели*». § 47.

[7] Улож., гл. X, ст. 148. «А сколько у которого недельщика будет товарищев, кому с кем в заговоре делати».

[8] Судебник, § 47.

[9] Улож., гл. X, ст. 148. Звание недельщиков и заговорщиков было выгодное, пользовое. Они получали за труд известную, законом определенную плату, которая называлась *«хоженым»*, когда пристав вызывал к суду ответчика, живущего в городе («А *хоженаго* недельщику *в город* имати десять денег».

дельщик или один из его заговорщиков наносил кому-нибудь убытки, то за них отвечали все прочие заговорщики. Таким образом, недельщик и его заговорщики были связаны с ним и между собою взаимным доверием и ответственностью[1].

2. Пристав посылался с приставной памятью к ответчику. Когда область, подсудная московским приказам, была не слишком велика, такой вызов ответчика посредством пристава не представлял никакого затруднения. Но с расширением области он должен был сделаться затруднительным; издержки по вызовам и число приставов должны были увеличиться. Чтобы не посылать особого пристава по каждому отдельному иску, в Судебнике дозволено было писать в одну приставную память до двадцати исков[2]. Отсюда должна была происходить большая проволочка для истцов; вызов к суду некоторых ответчиков должен был от этого происходить несравненно медленнее, нежели если бы по каждому иску посылался особливый приговор. Несмотря на все эти неудобства, вызов тяжущихся в Москву посредством пристава продолжался весьма долго. В Судебнике есть роспись городов Московского государства (§ 46), в которые из Москвы посылались приставы; из нее видно, что уже в то время некоторые из таких городов отстояли от Москвы на 700 верст и более. С дальнейшим расширением границ Русского Царства эти расстояния еще увеличились, и вызов к суду посредством

Улож., гл. X, ст. 44), и *ездом* («за езд», когда он жил в уезде или в других городах (Улож., гл. X, ст. 145). Именно потому что должность пристава была выгодная, многие частные люди ездили по городам и уездам под видом приставов (Судебник, § 47). С другой стороны, и недельщики, вероятно, отказывались в некоторых случаях от своих заговорщиков, ибо были обязаны отвечать за них. Поэтому и постановлено еще в Судебнике, а потом и в Уложении записывать «сколько у которого недельщика будет товарищев, кому с кем в заговоре делати».

[1] Кроме названия *недельщика* и *заговорщика*, в Уложении нет других названий для пристава. Но в Судебнике и в источниках до Судебника таких названий много: *подвойские, позовники, доводчики, софьяны, биричи, рассыльщики, ходаки, ездоки*. См.: *Рейц*. Veruch u. s. w. § 48. Примеч. 4. Судебник, § 47 и 48.

[2] Судебник, § 44.

приставов должен был сделаться так неудобен, что, наконец, правительство нашло себя принужденным заменить его другим. Этот новый вызов к суду возлагался на самих истцов, след<овательно>, был частный, но он получал публичный характер выдачей истцу на этот вызов от правительства грамоты, которая называется в Уложении *зазывною*. Когда образовался этот новый способ вызова к суду – мы не знаем; вероятно, в период времени от Судебника, до Уложения, ибо в Судебнике о нем не упоминается, а в Уложении он является развитым и становившимся.

Вследствие образования нового вызова к суду прежний не уничтожился, но, кажется, ограничился, ибо ответчиков, живущих в отдаленных городах, прежде вызывали посредством приставов, а теперь стали вызывать посредством зазывных грамот[1]. Однако неизвестно, какими именно городами ограничился прежний вызов к суду; вероятно, теми, которые находились в ближайшем расстоянии от Москвы. За среднее расстояние таких городов от Москвы принято в Уложении 100 верст, но на самом деле оно могло быть и больше, и меньше[2].

Изложим каждый из этих вызовов в особенности.

а. Вызов к суду посредством пристава.

На приставе, посылаемом для вызова к суду ответчика, лежала двоякая обязанность: объявить ответчику приставную память и дать его на поруки к суду.

«… отдати (приставную) память приставу, а ему по той памяти *сыскав ответчика, дати на поруки* и к суду ответчика срочити безволокитно», «а которого ответчика в городе пристав не сыщет и приставу по того ответчика идти к его двору и по приставной памяти дати его на поруку к суду по тому же безволокитно»[3].

[1] Из Судебника мы видим, что в Белоозеро посылали приставов (§ 46), а в 1694 г. на ответчиков, живущих в этом городе, давали зазывные грамоты. См.: Юридические акты, № 57.

[2] Улож., гл. X, ст. 1486: «А езду недельщиком имати на сто верст по полтине, а где будет верст больши или меньши того, и те версты езду имати против того же, по розчету».

[3] Улож., гл. X, ст. 137.

«А будет который ответчик учинет у пристава скрыватися и во дворе у себя не учнет сказыватися, и приставу, взяв с собою товарищей, стеречь у двора его день, и два, и три. Да как тот ответчик сам или человек его, или дворник с двора сойдет, и того ответчика, или человека его, или дворника, приставу, взяв, привести в приказ и сказати про него судьям; а судьям его потому же велети дати на поруки к суду»[1].

«А будет пристав по приставной памяти ответчика или его людей поимает у ворот его, или где на улице, и станет по нем просити поруки к суду, или поведет его в город, и тот ответчик или человек его у пристава отобьются и приставу в том месте, где они у него отобьются, являти на них окольным людем, и имена окольным людям записав, подати в приказе судьям за своею рукою. А судьям велети теми окольными людьми сыскати. Да будет окольные люди в сыску скажут, что они то видели, как тот ответчик и люди его у пристава отбилися, и по того ответчика послати подьячего от места доброго, да с ним того же пристава, кто по него ходил, и велети им, не доходя его двора, взяти с собою понятых, тутошних сторонних людей, сколько человек пригоже, и с тем понятыми велети им идти к нему на двор, и на дворе ему приставную память вычесть, и выговорити ему, что он то учинил не гораздо, от пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себе не дал; а выговоря ему, велети его по приставной памяти приставу дати к суду на поруки, а без поруки не отпускати. Да будет он поруки по себе не даст и в город не пойдет, и в свое место не пошлет, учинится приставу силен, и обився от пристава с Москвы сбежит в очину или в поместье, и у него взяти с двора людей его или дворника, и велети их дати на поруку, что им того своего боярина поставити в приказе на срок, и в то им дати поверстной срок по указу. Да будет те люди по себе порука сбегут, и им велети быти до сроку за поруками. Да будет тот их боярин для их в приказе объявится, и на него истцу дати суд по челобитной»[2].

---

1 Улож., гл. X, ст. 138.

2 Улож., гл. X, ст. 139.

«А будет по тех людех, которые после его взяты будут в приказ с двора его, поруки не будет, и тех его людей держати в приказе до тех мест, как он сам объявится. А будет он не объявится долгое время, хотя тем истца своего изволочити, а истец учнет бить челом, чтобы по него в поместье его или в вотчину послати пристава, и велети его приставу привести к ответу в Москве с собою, вместе за поруками. А как пристав к Москве его привезет, и ему за ослушание учинити наказание, что Государь укажет. А истцу на него дати суд»[1].

«А будет тот ответчик у пристава и в деревне ухоронится, или учинится силен, и приставу в его место привести с собою человека, или крестьянина, за поруками же. А будет у кого людей и крестьян нет, и взяти ему с собою будет некого, и приставу о том в приказе подати доезд свой за своею рукою[2]. А судьям по той доездной памяти по того ослушника послати в другие инаго пристава, а к воеводе в тот город, где тот ослушник живет, послати Государева грамота, чтобы воевода на того ослушника приставу дал стрельцов и пушкарей и затинщиков, сколько человек пригоже, чтобы приставу было с кем такова ослушника изъимати. Да как пристав того ослушника изъимав к Москве приведет, и тому ослушнику за его ослушание учинити наказание… А в иску на него истцу дати суд».

«А будет такой непослушник учинит также и в третье, у пристава ухоронится, или учинится приставу силен, а после того он сыщется, и по нем истцов иск… доправити без суда»[3].

Такие правила вызова наблюдались, когда ответчик укрывался от пристава и не давал по себе поруки. Они относились к Москве и московским жителям, как видно из самого их изложения и из названий *«судьи»*, *«приказ»*, которые от-

---

[1] Улож., гл. X, ст. 140.

[2] Здесь *«доезд»* означает донесение о причинах, по которым поручение не могло быть выполнено; такой доезд подавал пристав в свое оправдание. В Юридических актах (№ 365) помещено шесть доездных памятей, но ни одна из них не относится к гражданскому судопроизводству.

[3] Улож., гл. X, ст. 141.

носились преимущественно к московским приказам и судьям. Те же самые правила вызова, вероятно, действовали и во всех провинциях и городах, быть может, только с некоторыми изменениями по местным обычаям.

Ответчика, который не скрывался и не отбивался от пристава, отдавал пристав на поруки.

Под именем *поруки к суду*[1], *поруки в статье к суду*[2] разумеется в наших древних памятниках обеспечение явки ответчика к суду, состоящее в личном поручительстве. Ручались обыкновенно не один, а многие; их представлял или сам ответчик (*давать по себе поручную*)[3], или вызывал пристав (*сбирать по ком поручную*)[4]; назывались они *порутчиками*[5]. Предмет поруки к суду был различен: иногда порутчики ручались только в явке к суду[6], иногда в том, что ответчик будет являться к суду, пока суд окончится («ставиться по вся дни, покамест дело вершится»)[7]. В случае невыполнения ответчиком того, в чем ручались за него порутчики, все они вместе, и каждый в особенности, обязывались платить штраф (пеню)[8], истцов иск и убытки[9].

Обо всех этих условиях поруки составлялась запись, которая по своему содержанию и называлась *поручною*[10]. Она писалась площадными подьячими и дьячками и подписывалась порутчиками и свидетелями (послухами)[11]; в ней необходимо должно было быть означено число, в которое она составлена,

[1] Улож., гл. X, ст. 155.

[2] Улож., гл. X, ст. 205.

[3] Улож., гл. X, ст. 111.

[4] Там же.

[5] Улож., гл. X, ст. 121.

[6] Юридические акты, № 307. III. V. VI.

[7] Там же. I. IV. VIII. – Улож., гл. X. ст. 140.

[8] Там же. III. V. VI. VII.

[9] Там же. II. IV. VII. – Улож., гл. X, ст. 115, 116, 117, 155: «А правити истцовы иски на порутчиках, которые порутчики будут в лицах».

[10] Улож., гл. X, ст. 111, 131.

[11] См. поручные записи, напечатанные в Юридических актах, № 307.

потому что с этого числа считался семидневный срок, в который ответчик был обязан явиться к суду[1].

По объявлении ответчику приставной памяти и по отобрании поручной записи пристав являлся в приказ, из которого был послан, и доносил об исполнении своего поручения. Это донесение называлось *сказкою* и записывалось в приказе[2]. Поручную запись должен был принести пристав к дьяку никак не позже другого дня после ее составления; на ней дьяк помечал год, месяц и число, в которое она представлена[3]. Вероятно, она отдавалась потом подьячему, у которого должно было храниться судное дело, ибо то же самое производство соблюдалось при собирании поручных с суда, о которых мы будем говорить впоследствии[4].

b. Вызов к суду посредством зазывных грамот.

Вызов к суду посредством зазывных грамот производился иначе, нежели вызов посредством пристава. В последнем случае ответчика вызывал чиновник, посылаемый из приказа; в первом – сам истец или кто другой по его приказанию.

Зазывные грамоты давались истцам по их просьбе, из приказов, на ответчиков, живущих не в Москве, а по городам[5]. Они писались на имя воеводы того города или уезда, где жил ответчик; в них обозначались имя истца, имя ответчика, иск, о котором подана истцом приставная память, и, наконец, заключалось повеление воеводе по получении грамоты сыскать ответчика, дать его на поруки и велеть ему явиться к суду в срок, означенный в грамоте[6]. Эти грамоты подписывались дьяком, справлялись и потом выдавались истцу[7]. Истец посылал с ними своего человека к означенному воеводе. По передаче

[1] Улож., гл. X, ст. 111.

[2] Улож., гл. X, ст. 110.

[3] 1690 года, 27 генваря, № 1363 – Именный с боярским приговором.

[4] Улож., гл. X, ст. 114.

[5] Улож., гл. X, ст. 156.

[6] Улож., гл. X, ст. 116.

[7] Юридические акты, № 57. Отсюда выражение: *дати по него истцу Государеву зазывную грамоту*. Улож., гл. X, ст. 114, 117.

грамоты на ней отмечалось, кто и когда подал воеводе грамоту и число, в которое она записана в книгу[1]. По объявлении ответчику вызова и по собрании по нему поручной записи воевода посылал в Москву, в тот приказ, который был означен в зазывной грамоте, донесение об исполнении по грамоте (отписка) и поручную по ответчике[2].

«А которые люди в городах учнут чинитися сильны, на поруки даватися не учнут, и воеводы учнут на них писати к Государю, и по тем воеводским отпискам посылати в городы Государевы грамоты к воеводам и велети по тех ослушников посылати стрельцов, и пушкарей, и затинщиков многих людей из езду и велети, их сыскивая, приводити в город. Да как таких ослушников сыскав в город приведут… и с тех городов высылати их за поруками к Москве. А как они на Москве в приказе объявятся, и им за ослушание чинити наказание… а суд на них давати по челобитным»[3].

Если ответчик «чинился силен» против стрельцов, пушкарей и затинщиков, то они подавали о том воеводам доездные памяти, подписанные ими самими и понятыми. Воеводы доносили о том в Москву, в приказ, из которого была послана зазывная грамота, и к донесению (отписке) прилагали доездные памяти. Тогда давалась истцу новая зазывная грамота, быть может, по новой просьбе истца, как мы можем заключать из характера зазывных грамот вообще, быть может, по распоряжению приказа, без просьбы истца, одинаково с трикратною посылкою пристава за непокорным ответчиком.

«А будет по которых ответчиков кому даны будут Государевы зазывные три грамоты, а они в городех учинятся силны, по Государевым по трем грамотам поруки по себе не дадут, и о том их непослушанье к Государю воеводы отпишут против всех трех грамот, и под отписками своими пришлют доездные памяти за руками тех людей, которые по них из городов посланы будут, и за руками же сторонних людей, которые сторонние люди будут в

[1] Юридические акты, № 57.

[2] Там же; Улож., гл. X, ст. 115, 117, 119, 120.

[3] Улож., гл. X, ст. 119.

понятых, и сыщется про то допряма, что те ответчики впрямь по трем Государевым грамотам учинилися непослушны, на поруки недалися, и по таких ответчиков с Москвы послати приставов, и велети их из городов привозити к Москве и на Москве тем их винити, истцовы иски… правити на них без суда»[1].

До сих пор мы говорили о вызове к суду ответчика, который не давал по себе поручной записи, но многие давали и не являлись. О них постановлены в Уложении особые правила, различные по различию места жительства ответчика.

1. В отношении к ответчикам, вызываемым к суду приставом, наше законодательство было первоначально чрезвычайно строго. Если ответчик, дав по себе поручную запись, не являлся к суду в срок, то обвинялся в иске. Так по Судебнику. О втором и третьем вызове не упоминается ни слова: «Будет который ответчик, в истцове иску дав по себе поручную запись, к суду не пойдет и челобитья своего к делу не принесет, с того числа, как по нем поручная запись будет собрана, *неделю*… а истцы на них учнут бити челом, что они на суд нейдут, хотя от них волокитою отбыти, и тех ответчиков в истцовых исках винити против истцовы статьи, по поручной записи, *неделею*»[2].

Из этого правила в Уложении сделано одно только исключение: «А будет кто ни буди в истцове иску по приставной памяти дан будет на поруки к суду, и поручная запись по нем будет в приказе, и по той поручной записи велено ему стати к суду на *отсрочной срок*, и он на отсрочной срок на Москве не станет, и в свое место к суду никого не пришлет, а истец его учнет на него бити челом Государю, что он на отсрочной срок не стал, и тем его не винити, а дати по него истцу Государеву зазывную грамоту»[3].

Под *отсрочным сроком* здесь до́лжно, кажется, разуметь срок, назначаемый «для Государевы службы», т. е. службы военной, дипломатической и по особым поручениям, возлагаемым Государем. На все время отправления этой службы те, которые

[1] Улож., гл. X, ст. 120. Ср.: ст. 118.

[2] Улож., гл. X, ст. 111.

[3] Улож., гл. X, ст. 114.

в ней находились, освобождались от обязанности искать и отвечать по вчиненным искам; на ответчиков запрещалось давать зазывные грамоты и посылать к ним приставов с приставными грамотами; те, которые были уже вызваны, не винились неявкою. Такое освобождение от иска и ответа по спорным гражданским делам на известное время называлось *отсрочкою*, а срок, в который прекращалась отсрочка и который всегда назначался в указе об отсрочке, – *отсрочным сроком*[1].

След<овательно>, это исключение относилось только к тем, которые служили службу военную, дипломатическую или по особым поручениям, возлагаемым Государем.

«А будет тот ответчик и по Государеве зазывной грамоте к ответу не станет же и в свое место никого не пришлет же, а поручная запись по нем будет прислана и его тем без суда не винити же, а дати по него Государева другая грамота… А будет он и по другой Государеве грамоте не станет же и в свое место ко ответу никого не пришлет же, а поручная запись по нем будет прислана же, и его во истцов иску обвинити без суда»[2].

2. В отношении к ответчикам, вызываемым к суду по зазывной грамоте, троекратный вызов принят в Уложении за общее правило.

«А будет кто по первой зазывной грамоте к ответу не станет и в свое место никого не пришлет, а поручная запись по нем будет прислана, и истцу дати по него другая зазывная грамота… А будет он и по другой зазывной грамоте ко ответу не станет же и в свое место никого не пришлет же, и по него дати третья грамота… А будет он и по третьей грамоте не станет же и в свое место ко ответу никого не пришлет, а поручная запись по нем будет прислана же, и его в истцове иску тем обвинити, потому что он по трем Государевым грамотам, дав по себе поруку, ко ответу не стал»[3].

Какие побудительные причины заставили законодательство смягчить обычную строгость к ответчикам, не явившимся

[1] Улож., гл. X, ст. 113, 118.

[2] Улож., гл. X, ст. 115.

[3] Улож., гл. X, ст. 117.

по поручной записи, и именно к ответчикам, вызываемым по зазывной грамоте, – этого мы не знаем. Весьма вероятно, что главным основанием служили справедливые причины неявки (болезнь, бедность, служба, неожиданные несчастные случаи и т. п.), которые до срока явки не могли быть заявлены ответчиком в свое оправдание и таким образом безвинно подвергали его бессудному обвинению[1].

Просить на ответчика зазывной грамоты мог истец не иначе как месяц спустя после срока явки к суду, ибо после первой неявки взыскивались в пользу истца проести и волокиты «*за месяц*», после второй – «*за другой месяц*»[2].

Таковы правила о вызове к суду по Уложению.

В *новоуказанных статьях* сделаны к ним некоторые дополнения и изменения.

Определено: людей, взятых в приказе вследствие непослушания ответчиков, держать в приказе неделю; после недели велено посылать за ними подьячих «добрых»[3]. В Уложении этот срок не положен, а сказано вообще: *долгое время*. Впоследствии вызов еще сокращен: велено, когда ответчик укрывается от пристава, брать людей его и приводить в приказ; если через месяц после привода людей ответчик не явится сам и не пришлет за себя поверенного, то обвинят в иске без суда[4].

Вместо недельного срока для явки к суду ответчиков по поручной записи постановлен месячный срок. Кто в месяц по составлении поручной записи не явится к суду, тот обвиняется в иске без суда[5].

Другие дополнения касаются вызова к суду ответчиков, живущих в городах. По Уложению, приставы посылались в города за ответчиками, которые не давали по себе поручной записи после трех зазывных грамот и трех воеводских отписок. В судных статьях постановлено посылать пристава после

[1] 1653 года, 4 ноября, № 109 – Именный.

[2] Улож., гл. X, ст. 115, 117.

[3] 1678 года, 17 ноября, № 740 – Именный с боярским приговором.

[4] 1685 года, 11 ноября, № 1140. Судные статьи. П. 4.

[5] Там же, п. 1.

первой отписки; если такие ответчики скроются и от московского пристава, то он должен взять с собою в Москву людей его, одного или двух (смотря по величине иска) и представить в приказ. Если через шесть недель по приведении людей ответчика в приказ сам ответчик или его поверенный не явится, то он обвиняется в иске без суда[1].

III

Явка к суду по отсрочной челобитной

До сих пор мы говорили о явке к суду, определяемой законом или судьями. Кроме этой явки в Уложении упоминается еще о явке по полюбовному соглашению самих тяжущихся.

«А которые истцы и ответчики, не ходя в суд, учнут приносити отсрочные челобитные за своими руками, а в челобитных у них будет написано, что им меж себя сыскиватися, а будет не сыщутся, и им обема стати в приказе к суду на срок, как они меж себя договорятся; а будет кто из них на тот срок не станет, и тому тем сроком быти виновату: да подав такую челобитную, кто из них один на срок в приказе станет… а другой на тот срок не станет, и того тем сроком по их полюбовному челобитью обвинити»[2].

IV

Явка к суду прежде срока

«А кто по зазывной грамоте придет к Москве и станет ко ответу… наперед сроку, который написан будет в зазывной грамоте, а истец его до того же сроку учнет на него бити челом о суде, и их и наперед сроку судити и расправа меж ими чинити, до чего доведется»[3].

То же самое правило, вероятно, соблюдалось и в отношении к тем ответчикам, которые вызывались к суду приставом, по приставной памяти.

[1] Там же. П. 6.

[2] Улож., гл. X, ст. 108.

[3] Улож., гл. X, ст. 116.

V

Ставочные челобитные

Когда истец или ответчик являлся в приказ к суду в срок или прежде срока, он записывал в приказе *ставочное челобитье*. Ставочные челобитные были не что иное, как объявления, подаваемые тяжущимися в приказ, в котором должен был происходить между ними суд, о явке их к суду. Название *«ставочные»* произошло оттого, что явиться к суду технически выражалось в нашем древнем законодательстве словами «*стать к суду*»[1], а явка к суду называлась *статьею*[2], *ставкою*[3]. Эти челобитные приносились, кажется, словесно, а не письменно[4], и записывались в приказ. Ими удостоверялась явка к суду тяжущихся. Такое удостоверение было чрезвычайно важно. Кто являлся к суду, но не мог доказать этого, тот как бы не являлся, а это могло иметь для него невыгодные последствия. Итак, ставочная челобитная служила доказательством явки к суду. Далее: по преобладающему частному, гражданскому, обвинительному характеру в судопроизводстве времен Уложения обвинение неявкою могло иметь место только в таком случае, когда один из тяжущихся являлся в срок к суду[5]; кажется даже, что неявкою не винили без просьбы противника[6].

VI

Личный арест

Если ответчик не мог обеспечить своей явки к суду порукою, то место поруки заступало личное задержание.

---

1 Улож., гл. X, ст. 101, 105, 108, 109.

2 Улож., гл. X, ст. 111.

3 Улож., гл. X, ст. 130.

4 В судных статьях 1685 года, 11 ноября, № 1140 они называются *записными* (См. вступл. и п. 8). В Уложении сказано: «Да кто из них один на срок в приказе станет, и челобитье свое запишет». См.: гл. X, ст. 108, 110, 111.

5 Улож., гл. X, ст. 108, 110, 111.

6 Улож., гл. X, ст. 110, 111.

«Будет по ответчике порутчиков не будет и его держат в приказе скована, доколе поруки будут, или судное дело окончится, или его отдадут в бережение приставом в руки»[1].

Итак, личный арест был всегда вторым средством обеспечения явки. К нему прибегали и после суда, когда никто не ручался за тяжущихся, что они явятся к выслушанию решения и не уедут из того места, где происходил суд по их спорному делу.

VII

Неявка к суду истца

Излагая учение о вызове к суду, мы исчислили все случаи, в которых ответчик, не являющийся к суду, подвергался бессудному обвинению в иске.

Такому обвинению подвергался и истец. Его обвинение необходимо условливалось явкой ответчика.

В отношении к истцу законодательство было строго: 1) если ответчик, вызываемый приставом, являлся к суду в срок, а истец в продолжение недели после подачи приставной памяти не подавал на него исковой челобитной, то последний обвинялся в иске без суда («иску своего лишен»)[2]; 2) если ответчик, вызываемый к суду зазывной грамотой, являлся в срок, а истец в этот срок или неделю спустя после срока не являлся, то он обвинялся в иске без суда[3].

От обвинения неявкой были освобождены в период Уложения особливыми указами: все, состоявшие в Дворцовом ведомстве[4]; мурзы, татары, мордва, чуваши и черемисы[5]. Все

---

[1] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 40.

[2] Улож., гл. X, ст. 110. Судными статьями 1685 года семидневный срок изменен в месячный; Именный с боярским приговором 1690 года, 26 мая, № 1377 месячный срок изменен в 30-дневный; а Именным с боярским приговором того же 1690 года, 30 ноября, № 1386 прежний 30-дневный срок для явки к суду истца, считавшийся с пометы приставной памяти, велено считать с пометы поручной записи. – Ср.: Улож., гл. X, ст. 108.

[3] Улож., гл. X, ст. 109. Ср.: ст. 108.

[4] 1686 года, 5 марта, № 1173 – Именный с боярским приговором.

[5] 1686 года, 19 марта, № 1180 – Именный с боярским приговором.

эти лица не обвинялись неявкой в земляных, крепостных делах и в делах о крестьянстве, по искам между собою и с посторонними. Значение этой привилегии не совсем ясно, ибо мы знаем, что еще по Уложению запрещено винить неявкой в делах крепостных[1] и холопьих[2]. Итак, до́лжно думать, что новоуказанными статьями это положение только распространено на дворцовое ведомство, татар и т. д., для которых оно, по неизвестной нам причине, до того времени не имело силы.

Вскоре после Уложения законодательство признало бессудное обвинение тяжущихся несправедливым и отменило его[3]. Поводом служила во многих случаях безвинная неявка тяжущихся. Но полная отмена обвинения за неявку, в свою очередь, породила множество злоупотреблений: бесконечные, злостные волокиты и разорение тяжущихся. Вследствие этого в 1685 г. изданы Судные статьи, которыми восстановлено прежнее обвинение неявкой с некоторыми незначительными изменениями против Уложения[4].

VIII

Законные причины неявки к суду

Явка к суду истца и ответчика не всегда была возможна. Ей могли препятствовать многие причины, которые поэтому и должны были освобождать тяжущихся от обвинения за неявку. Законодательство признало их и сообщило им характер *законных* причин. В Уложении из них упоминаются следующие.

1. Болезнь. Кто не мог явиться к суду по болезни, тот должен был послать вместо себя поверенного. Если не было

---

1 Улож., гл. X, ст. 108, 109.

2 Улож., гл. XX, ст. 111, 119.

3 1653 года, 4 ноября, № 109 – Именный. Этот указ написан весьма неточно; в нем видна мысль законодателя ограничить обвинение тяжущихся неявкой, ибо это обвинение во многих случаях было несправедливо; изложением указа бессудное обвинение вовсе уничтожено. Таким образом, мысль закона и ее выражение в этом указе противоречат друг другу.

4 1685 года, 11 ноября, № 1140. Судные статьи. П. 1.

у него, кого послать вместо себя к суду, то к нему посылали из приказа «подьячего доброго» для освидетельствования, в самом ли деле он так болен, что не может явиться и действительно ли нет у него кого послать к суду вместо себя. Если и то и другое оказывалось справедливым, то тяжущийся освобождался от явки к суду до выздоровления[1]. Но кто не мог по болезни явиться к очной ставке, того осматривали, а не обязывали посылать вместо себя поверенного. Если по освидетельствовании оказывалось, что неявившийся действительно не мог по болезни явиться к очной ставке, то ему давали полугодичный срок для выздоровления, после чего он был обязан послать вместо себя поверенного[2].

О неявке к суду по болезни, когда не было, кого посылать за себя к суду, посылалась в приказ челобитная или самим больным[3], или вместо него кем-либо другим[4].

2. Государева служба. Под Государевой службой разумелась обыкновенно служба военная («ратная, полковая»); в Уложении Государевою службою называлась еще, кроме военной, служба дипломатическая («которые в послех, посланникех или гонцех») и служба по чрезвычайным поручениям, которые возлагались Государем и не терпели отлагательства («кто послан будет куды ни буди для Государева скорого дела»)[5]. Когда назначался поход или сбор войска, тогда издаваем был указ, которым повелевалось всем, состоявшим в службе в этом войске, дать отсрочку в спорных делах. Это значило, что не могли вчинять новых исков ни состоящие на службе, ни другие против них, и прекращались суды по всем вчиненным искам, в которых служащие были истцами или ответчиками. В этих отсрочных указах обыкновенно назначалось время, с которого должна была начаться отсрочка,

1 Улож., гл. XVI, ст. 59; гл. X, ст. 108, 109.

2 Улож., гл. XVI, ст. 59.

3 Улож., гл. XXI, ст. 55.

4 Улож., гл. X, ст. 115, 117.

5 Улож., гл. X, ст. 149.

и срок, в который она прекращалась[1]. На кого возлагал Государь чрезвычайные поручения, тем давались каждый раз особливые отсрочки[2]. Но чтобы иметь такое действие, служба Государева должна быть *недобровольная* («по посылке, а не своею охотою»)[3], ибо в противном случае легко открылся бы новый способ отбывать ответа в суде. Она должна быть *действительная*, а *не предполагаемая*[4], это поставлено потому, что многие, считаясь в отлучке по Государевой службе, посылали на службу вместо себя сыновей, племянников или родственников, не верстанных в службу, а сами жили в поместье или вотчине, пользуясь отсрочкою для возможно долгой проволочки дела («хотя истца тем изволочити»).

3. Служба неполковая. Служба неполковая всегда отличалась в Уложении от ратной, военной и не называется, как последняя, Государевою. Причина заключается в том, что она и во время Уложения была более *кормлением*, нежели службою[5]. На том основании, что служба по городам у приказных дел не считалась, а наградою за службу воеводство и приказная служба не освобождали ответчика от обязанности отвечать в суде по спорным делам; а как воеводы и приказные люди сами отвечать не могли, то должны были присылать вместо себя поверенных, в противном случае обвинялись неявкою[6]. Из этого правила сделаны исключения: a) в пользу воевод и приказных людей, которые на воеводствах и по городам в Астрахани, Сибири и Терке[7]; b) в пользу всех, по-

[1] В Полном собрании законов таких указов очень много; здесь приведем некоторые из них: 1650 года, 4 февраля, № 24 – Именный; 1651 года, 10 генваря, № 57 – Именный; 1653 года, 10 ноября, № 110 – Именный; 1654 года, 21 февраля, № 118 – Именный и проч.

[2] Улож., гл. X, ст. 149. «И для тое скорыя посылки Государь пожалует его, велит ему отсрочити во всяких расправных делех».

[3] Улож., гл. X, ст. 118.

[4] Улож., гл. X, ст. 151, 152.

[5] Улож., гл. XVI, ст. 59; гл. X, ст. 149. – Речь проф. Морошкина, с. 34.

[6] Улож., гл. X, ст. 149.

[7] Там же.

сланных «к делам в городы», когда по которым поместным и вотчинным делам их вызывали к очным ставкам.

Как те, так и другие не были обязаны отвечать прежде окончания службы («как они с Государевы службы к Москве приедут»)[1].

4. Таможенные и кабацкие откупы. Таможенные и кабацкие откупщики и товарищи их освобождались от ответа по искам в тот год, в который вчинен против них иск, а должны были отвечать по этим искам на другой год; если откуп был ими взят на два или на три года, то по искам, вчиненным против них в первом году, они обязаны были отвечать во втором году; по вчиненным во втором – в третьем и т. д.[2]

5. Неведение. «А будет кто к кому-нибудь приставит в деревенской в какой-нибудь обиде, а учинили-де ту обиду люди или крестьяне того, к кому приставит (или) в беглых людях и крестьянах, и тот, к кому в таком деле кто приставит, учнет бити челом, что люди его и крестьяне такую обиду учинили ли, и беглые люди и крестьяне в поместье его или в вотчине есть ли, про то ему неведомо, и чтоб ему в том деле дати сроку до тех мест, покамест он про то дело проведает, и таким челобитчиком в таких делех, для проведывания, давати поверстной срок по указу»[3].

6. Неуменье отвечать в суде. «А будет кто в каком деле ни буди приставит к недорослю, или вдове, или к девке и отвечати им за себя не умети, а родимцов у них на Москве нет, а скажут они, что есть у них родимцы, кому за них отвечати, и тем их родимцом отсрочено, а людей у них и крестьян таких нет, кому за них отвечати; и учнут они бити челом Государю, чтоб за них отвечати родимцом их на отсрочной срок; и таким недорослям, и вдовам, и девкам в истцовых исках срок давати против их челобитья»[4].

---

[1] Улож., гл. XVI, ст. 59.

[2] Улож., гл. XVIII, ст. 22 и 23.

[3] Улож., гл. X, ст. 229. – Об указном поверстном сроке см. ниже.

[4] Улож., гл. X, ст. 185.

Вот все законные причины неявки к суду, о которых упоминается в Уложении. Бóльшая часть из них (кроме Государевой службы и откупов) носит на себе характер фактический и через судебную практику перешла в закон. Поэтому они излагаются мимоходом, казуистически и могли пополняться новыми причинами, заимствованными из случаев. Так, в новоуказанных статьях мы встречаем следующее исчисление законных причин неявки к суду: «посылки для Государевых дел, *пожарное свое разорение*, *или иное нестроение*, или болезнь, или *иные какие нужные невзгоды*»[1]. След<овательно>, законодательство времен Уложения заранее признавало законными все причины, действительно оправдывающие неявку к суду тяжущихся, предоставляя судьям подводить под эту общую категорию данные частные случаи.

IX

Отвод судей

«А будет которой судья истцу будет недруг, а ответчику друг или свой, и о том истец учнет бити челом Государю до суда, что ему перед тем судьею искати не мощно; также будет и ответчик до суда же учнет бити челом, что истцу его судья друг или свой, и отвечать ему перед тем судьею не мощно: и тех истца и ответчика тому судье, на кого будет такое челобитье, не судити, а судити их иному судье, кому Государь укажет»[2].

«А будет который истец или ответчик на судью свойством или недружбою учнет бити челом после суда, и тому челобитью не верити и дела из приказу в приказ не переносити»[3].

Итак, в Уложении признаются два основания, по которым можно было отводить судью: свойство его с противником и *недружба*. Но эти основания не отклоняли судью от

[1] 1653 года, 4 ноября, № 109 – Именный.

[2] Улож., гл. X, ст. 3.

[3] Улож., гл. X, ст. 4.

суждения спорного дела, если тяжущийся не выставлял их на вид в челобитной.

Так в отношении к судьям, сидевшим в приказах; но бояре, окольничие и думные люди, заседавшие в Боярской Думе, должны были сами собою оставлять Думу, когда доводилось решать их спорные дела или тяжбы их свойственников[1].

Просьбу об отводе судей до́лжно было подавать до суда; после суда отвод судей не допускался, ибо при недобросовестности тяжущихся он мог подавать повод к бесконечной проволочке процессов; притом недовольный решением судьи мог приносить апелляционную жалобу.

Вследствие челобитной об отводе указом царским назначался другой судья в другом приказе[2]. Если тяжущиеся отводили воеводу, то судьей назначался воевода другого города; но отводить воевод по одному и тому же спорному делу можно было не более двух раз: один раз мог отводить истец и один раз – ответчик[3]. Такое же ограничение числа отводов, вероятно, принято было и в отношении к приказным судьям.

В. Развитие судопроизводства в продолжение суда

Суд, как мы сказали, есть главная, существенная часть процесса. *Суд есть тот момент гражданского судопроизводства, в который тяжущиеся излагают доказательства в пользу и против спорного иска*. Это изложение доказательств так необходимо в каждом гражданском процессе, что нет ни одной формы обвинительного судопроизводства, в которой бы его не было. Но суд занимает в этом отношении первое место, ибо судом момент ведения доказательств так, видимо,

[1] 1681 года, 12 августа, № 885 – Именный. До Петра Великого, кажется, только в одном этом указе и высказана мысль, что судья не может судить своего дела.

[2] Это положение доказывает, что в приказе был один судья, а не многие; иначе оно необъяснимо.

[3] 1680 года, 22 сентября, № 837 – Именный, объявленный боярином Волынским.

был отделен от прочих, что между ними и прочими, предыдущим и последующим моментами можно провести ясно обозначенные границы. Такой видимой отдельности не имел этот момент в *очных ставках*, ибо после них можно было приводить новые доказательства[1]. Еще менее резко он был отделен при решении дела без суда, ибо в очных ставках, по крайней мере, начало этого момента отделялось от предыдущего; но где суда не было, там и начало, и конец сливались с предыдущими и последующими моментами.

Ведение доказательств было у нас издревле *словесное*, *изустное*[2]. Это объясняется характером *суда*, который был первоначально не что иное, как *спор* тяжущихся об иске в присутствии судей. Впоследствии к этому исключительно словесному изложению доказательств в суде начало малопомалу примешиваться письменное. Кажется, прежде всего стали излагать письменно исковые челобитные[3], потом уже ответы и возражения, ибо мы знаем, что ответчик мог просить отсрочки с суда. Эти отсрочки по некрепостным делам могли продолжаться неделю, а по крепостным – и долее, смотря по расстоянию города, где находилась крепость, нужная для ответчика, от места, где происходил суд. Итак, могло быть, что после отсрочки ответчик представлял суду письменное возражение, или оправдание, а не словесное[4]; ибо письменное изложение доводов и опровержений должно было постоянно вытеснять словесное, по мере того как обычное право переходило в закон писаный и исчезало в непосредственном, живом народном убеждении; по мере того как запутанность, сложность юридических отношений делали невозможным живое сознание сущности спорного дела и правости перед противником. Несмотря на то, суд остался словесным[5] до самого уничтожения его при Петре Великом,

---

1 См. гл. III, отд. 1, примеч. 49.

2 См. правые грамоты, помещенные в Собрании юридических актов.

3 Улож., гл. X, ст. 101.

4 Улож., гл. X, ст. 22.

5 Улож., гл. X, ст. 12, 21.

ибо исковая челобитная «вычитывалась ответчику»[1], а возражение ответчика – истцу.

Очные ставки должны были впервые подать повод ко введению собственно *письменного* судопроизводства, ибо доказательства, приведенные противниками на очных ставках, можно было пополнять челобитными, поданными и после очных ставок. Но в решении дел без суда нет уже никаких признаков словесного судопроизводства. В этом отношении оно имеет много общего с нашим теперешним гражданским судопроизводством.

Далее. В период Уложения суд отличался *строгой формальностью.* Если иск, означенный в исковой челобитной, был или больше, или меньше того, который показан в приставной памяти, то истца обвиняли без суда[2] «роспискою». Винили и «промолкою»[3], когда тяжущиеся не выражались в суде теми строго определенными, формальными словами, которые издавна были приняты в судопроизводстве судебной практикой и освещены обычаем. Татищев в примечаниях к Судебнику представляет весьма замечательный пример такой судебной обмолвки. В Судном приказе один бил челом на другого в бою и бесчестье и показал свидетелей, которые при том присутствовали, но не сказал: *и на тех шлюся*. Ответчик заперся в бою и бесчестье, но объявил, что свидетели, показанные истцом, тогда присутствовали, и когда его спросили: «*Ты на них шлешься ли?*» – он отвечал: «*Если сам истец на них не шлется и не называет их свидетелями, то судьи не могут к тому принудить*». От этой ошибки истец проиграл процесс и должен был примириться с противником[4].

Образование торжественного, строго формального, технического языка, которым тяжущиеся обязаны говорить на суде, объясняется обыкновенным ходом развития права и законодательства. В период обычного права, когда юридические

[1] *Кошихин.* Гл. VII, ст. 42.

[2] Улож., гл. X, ст. 104.

[3] 1651 года, 9 генваря, № 55 – Боярский приговор.

[4] Судебник Татищева, § 70, примеч. (в).

верования живут непосредственно в народе, этот язык слагается. По общности, единству, ясности и живости верований он, и без утверждения положительным законом, всегда одинаков, технически определен и правилен; тогда он не есть еще язык формальный, потому что не стесняет говорящего, не предписывается ему как правило, которому он необходимо должен следовать. Такой язык есть первоначально живая речь, сама собою, непринужденно выливающаяся из ясного, определенного, живого сознания права.

С упадком обычного права изменяется и характер судебного языка. Он становится формою, в которой тяжущиеся необходимо должны выражать свои доводы и опровержения, ибо язык, которым бы они захотели по-прежнему свободно говорить в суде, не имеет уже ни определенности, ни одинаковости судебного языка, образовавшегося в период обычного права. Итак, последний язык становится для них *обязательным*, *техническим* в настоящем смысле слова. Он не для всех доступен и поэтому делается предметом изучения. Это-то изменение в характере судебного языка и подает впоследствии повод ко многим злоупотреблениям: оно развивает пустой, мелочный формализм. От этого правый истец или ответчик проигрывает процесс против неправого противника потому только, что в судоговорении употребил не то слово, какое дóлжно.

I

Предмет иска

Состояние предмета иска в продолжение процесса есть одна из важнейших статей в учении о гражданском судопроизводстве. Несмотря на то, в Уложении она опущена без внимания. В одном месте сказано, что беглый холоп, сделавшийся предметом тяжбы, должен быть после суда отдан на поруки постороннему лицу («мимо иска и ответчика»); если ж никто не возьмет холопа на поруки, то до решения спорного дела его дóлжно отдавать «держати» приставу[1]. Далее

[1] Гл. XX, ст. 59.

постановлено: «Которые люди поимаются у кого за своих холопей и приведут тех холопей в приказ, а чьи те холопи и те люди в те поры будут на Государевой службе в дальных городех… и таких приводных холопей до тех мест, как истцы их приедут из дальных городов, отдати тем людем, у которых за них поимаются и велети тем людем, кому они будут отданы, к приводу руку приложити. А как тех холопей у вних в приказ спросят, и тех холопей велети поставити. А будет они тех людей держати у себя не похотят, и тех приводных людей до истцов их дати на поруки. А будет по них поруки не будет, и их отдати беречи приставом, а кормити их велети у приставов тем людем, кто за них изымается и у кого за них изымается. А будет тот, кто за них изымается и у кого изымается, кормити их не учнет, и их велети кормити приставом, а впредь за тех людей прокорм и пожелезное приставу велети доправити на виноватом»[1].

Итак, в Уложении говорится об одних спорных холопьях; о прочих спорных вещах не упоминается ни слова. Из этого заключаем, что спорная вещь в продолжение процесса оставалась за тем, у кого находилась перед началом иска.

Вопрос о состоянии спорной вещи в продолжение процесса особенно важен в отношении к спорным недвижимым. Из слов Судебника можно с некоторою вероятностью заключать, что прежде спорные земли отбирались у тяжущихся и на все время процесса отдавались приставу, но что во время издания Судебника это положение потеряло свою силу[2]. В Уложении и новоуказанных статьях об отписании спорных недвижимых тоже не говорится ни слова. Поэтому непонятно, откуда Татищев почерпнул известие, что в Уложении постановлено отписывать земли на Государя, когда возникает

[1] Улож., гл. XX, ст. 112.

[2] Слова Судебника весьма замечательны: «А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати» (Суд<ебник>, § 84). Об отбирании земель у тяжущихся на время процесса в Судебнике более не упоминается. Итак, в § 84, вероятно, говорится о землях, уже описанных до Судебника или до издания неизвестного нам указа, которым отписание земель запрещено.

спор о крепости[1]. Из многих статей Уложения скорее можно вывести противоположное заключение, а именно, что спорное недвижимое в продолжение спора оставалось за тем, кто им владел до начала иска. Сюда относятся:

гл. X, ст. 244: «Будет кто на ком учнет искати вотчины, или двора, или лавки, или мельницы, или иного чего вотчинного, или поместного строения и ответчик, засудя с истцом и не дождався по судному делу указу, то, чего на нем истец искал, кому продаст или заложит, а по суду и по сыску доведется в том обвинити и у того, кого он что продаст, взяти и отдати истцу». Итак, ответчик отдавал спорное, проданное им недвижимое покупщику. Если бы оно отписывалось на время процесса на Государя, то такая отдача не могла бы иметь места;

гл. XVI, ст. 54: «Будет сыщется (с очные ставки)… до пряма, что… челобитчики отцовских своих поместий никому не менивали, а те люди, на кого они о тех своих поместьях учнут бити челом, те их отцовские поместья взяли себе меною в те поры, как они были в робячестве, а не в совершенных летах, *и такие поместья у тех людей, кто их взял меною, взяв, отдати* тем челобитчиком, которым те меновые поместья будут даны».

II

Исковая челобитная

Под именем *исковой челобитной* разумелось прошение о спорном иске, которое истец подавал судьям.

Исковая челобитная первоначально излагалась словесно; это доказывают правые грамоты по спорным гражданским де-

---

[1] Судебник Татищева, § 84, примеч. (г). Г-н Иванов в сочинении о поместных правах и обязанностях в России держится того же мнения. С. 72: «… если истец или ответчик после данной подписки в течение месяца сам не явится и доказательств на право владения не представит, в таком случае описывали у него до решения дела столько дворов и четвертей, о скольких производилось споровое дело». Впрочем, из этих слов видно, что г. Иванов говорит об описи недвижимых в обеспечение правой тяжбы, а не об отбирании спорного недвижимого, ибо иначе опись имения у истца, который не владел спорным недвижимым, необъяснима. Г-н Иванов не показывает источников, из которых заимствовано им это положение; если не ошибаемся, его нет в новоуказанных статьях.

лам, помещенные в Собрании юридических актов[1]. Впоследствии словесные челобитные мало-помалу заменены письменными[2], которые вычитывались ответчику на суде[3].

Главные принадлежности исковой челобитной в период Уложения были следующие:

1) *означение цены иска*. Это была относительно необходимая принадлежность исковой челобитной, ибо от произвола ответчика зависело, отвечать или не отвечать на челобитную, в которой цена не была показана[4]. Поэтому мы находим в Уложении и в новоуказанных статьях законное определение цены (таксу) тем предметам, «чему в исковых челобитных цены будет не написано»[5]. След<овательно>, такие челобитные, писанные без цены, принимались судьями[6].

Если ответчик не хотел отвечать на челобитную, написанную без цены иска, то ее возвращали истцу для переписания и обозначения цены[7];

2) *иск, означенный в исковой челобитной, должен быть ни больше ни меньше того, который означает в приставной памяти*. Если это условие не было соблюдено, то истец обвинялся в иске, но и в этом случае не иначе как по челобитью

---

1 Изложение исковой челобитной обыкновенно начинается словами: «так рек, «так рекли, «а рекучи« (см. № 1–23).

2 Из правых грамот, напечатанных в Собрании юридических актов, первая, в которой говорится о писаной исковой челобитной, относится к 1571 г., № 23: «*Подал судьям жалобницу, а в жалобнице пишет*». Но из Судебника (§ 20) мы знаем, что уже в 1550 г. и, вероятно, ранее в суде подавались писаные челобитные. Из всех мест Уложения, в которых упоминается об исковых челобитных, несомненно следует, что в то время они были письменные, а не словесные. См.: Улож., гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 104, 108, 111; гл. XXIV, ст. 3 (1); *Кошихин*. Гл. VII, ст. 42.

3 *Кошихин*. Там же; 1690 года, 27 генваря, № 1363 – Именный с боярским приговором. По этому указу ответчик должен был подписываться под челобитною, что выслушал ее.

4 Улож., гл. X, ст. 102.

5 Улож., гл. XXIV, ст. 3(1) – 1669 года, 22 генваря, № 431; новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 75.

6 Улож., гл. XI, ст. 26.

7 Улож., гл. X, ст. 102.

ответчика. След<овательно>, и эта принадлежность исковой челобитной была условно необходимая[1];

3) *подпись*. В Уложении и новоуказанных статьях различаются *подписные*, *неподписные*[2] и *заручные* челобитные («за своими руками»)[3].

Последнее выражение очень ясно, оно означает челобитную, которая подписана челобитчиком. Такая подпись была необходимою принадлежностью каждой исковой челобитной[4].

Смысл двух первых совершенно другой, нежели какой представляется с первого взгляда. Объяснение находим мы в гл. XXIII, ст. 2 Уложения: «А будет которому стрельцу чего искати на стороннем человеке в ином приказе, и ему того своего иску на стороннем человеке искати в ином приказе *по подписным челобитным* из Стрелецкого приказу, а без *подписных челобитен* стрельцов ни в котором приказе ни на кого ни в чем суда не давати».

Итак, под именем *подписных челобитен* дóлжно, кажется, разуметь исковые челобитные, подаваемые против таких ответчиков, которые не состояли с истцами в одном ведомстве. На вчинание таких исков истцы необходимо должны были иметь дозволение своего начальства, и это дозволение свидетельствовалось подписью на исковой челобитной. Основание такого ограничения истцов, вероятно, заключалось в том, что ведение исков отвлекало истцов от их службы или должности (напр<имер>, стрельцов) и поэтому не всегда и не во всяком случае могло быть допущено.

III

Ответ

Ответчик должен отвечать на исковую челобитную истца. Если он не отвечал, не имея на то никакой причины, то обвинялся без суда[5].

---

1 Улож., гл. X, ст. 104.

2 Улож., гл. X, ст. 21.

3 Улож., гл. XVI, ст. 8.

4 1690 года, 27 генваря, № 1363 – Именный с боярским приговором.

5 Улож., гл. X, ст. 101.

IV

Ссылка

Оба тяжущихся, истец и ответчик, должны были основывать свои доводы и опровержения на доказательствах. Приведение доказательств технически называлось в период Уложения *ссылкою*[1]; *слаться на крепости*[2], *в обыске*[3] и т. д. значило приводить в доказательство крепость, обыск.

V

Доказательства

Все доказательства, на которые в период Уложения ссылались тяжущиеся по спорным гражданским делам, могут быть разделены на три разряда.

К первому до́лжно отнести доказательства, основанные на показаниях самих тяжущихся; это есть свидетельство тяжущихся о своем деле. Под этот разряд подходят: *собственное признание и крестное целование.*

Второй разряд составляют доказательства, основанные на свидетельстве же, но не тяжущихся, а посторонних лиц или вещей. К свидетельству *вещей* до́лжно преимущественно отнести *письменные документы и акты*; к свидетельству посторонних лиц – *общую правду, обыск и послушество.*

Наконец, третий разряд доказательств составляет *суд Божий*. В настоящий период из различных форм суда Божия удержался один только *жребий*.

1. Собственное признание.

В Судебнике и в Уложении мимоходом упоминается о собственном признании как о доказательстве по спорным гражданским делам. Из этих мест видно: а) что собственное признание принималось за доказательство только в таком случае, когда тяжущийся *винился*, т. е. свидетельствовал не в свою пользу;

[1] Улож., гл. X, ст. 22, 168–171, 178.

[2] Улож., гл. X, ст. 158–160, 167, 174.

[3] Улож., гл. X, ст. 161, 175, 179.

b) что собственное признание служило доказательством только в отношении к тому, в чем признавался тяжущийся. Так, если истец или ответчик признавался (винился) только в части иска, то его нельзя было почитать повинившимся в целом иске. Из этого правила сделано, впрочем, весьма замечательное исключение в отношении к тяжущимся, которые винились в части иска перед крестным целованием; по Уложению, их велено обвинять во всем иске[1]. Но в новоуказанных статьях это отменено, и общее правило о собственном признании по спорным гражданским искам распространено и на тяжущихся, которые винились перед крестным целованием[2]; c) наконец, что собственное признание тяжущихся могло служить доказательством, самый факт признания должен быть несомненно и достоверно известен судьям. В Уложении везде упоминается или о признании в *суде*, следовательно, в присутствии судей[3], или перед крестным целованием, след<овательно>, в присутствии духовного лица, приводящего к присяге, дьяка и других лиц.

2. Крестное целование[4].

Присяга была решительным и последним доказательством, к которому прибегали в гражданском судопроизводстве для решения спорного дела. После присяги, которою решались только те споры, для которых не было никаких других доказательств[5], тяжущиеся не могли уже более ни доказывать, ни опровергать спорного иска[6].

К присяге допускались все лица без различия – и женщины[7], и иноземцы[8]. Не допускались:

а) принесшие ложную присягу[9];

---

1 Улож., гл. XI, ст. 29.

2 1678 года, 19 декабря, № 741 – Именный.

3 Собрание юридических актов, № 21.

4 Улож., гл. XIV, ст. 8.

5 Улож., гл. X, ст. 154.

6 Улож., гл. X, ст. 173; гл. XX, ст. 45.

7 Улож., гл. XIV, ст. 3.

8 Улож., гл. XIV.

9 Улож., гл. XI, ст. 27.

b) духовные лица (черное и белое духовенство) по правилу: «кому крест целовать, тому не священствовать». Для них место присяги заступал жребий[1] или допрос духовных священнического чина по священству, а иноков по иноческому обещанию[2]. Это правило не распространялось, однако, на слуг и крестьян, принадлежащих духовенству[3]. Положение: кому крест целовать, тому не священствовать – показывает также, что вообще все лица, принадлежащие к духовному званию, кроме духовных лиц, как-то: жены, дети и родственники их должны были присягать наравне с прочими;

c) не достигшие 15- и 20-летнего возраста. Присягать могли только те, которые достигли 20-летнего возраста. Это правило во всей строгости соблюдалось в отношении к тем, которые целовали крест за других[4] и которые имели кого послать вместо себя к присяге. Но под это правило не подходили лица, не достигшие 20-летнего возраста, которые не имели кого поставить за себя к крестоцелованию; им дозволялось присягать самим, даже если им было не более 15 лет. Лица, не достигшие 15-летнего возраста, ни в коем случае не допускались к присяге[5];

d) присягавшие трижды. В отношении к этим лицам крестоцелование заменялось сыском и пыткою[6].

Особенность крестного целования во времена Уложения заключалась в том, что по спорному гражданскому делу целовать крест мог сам тяжущийся или вместо него другое лицо[7]. Основания этой особенности до́лжно искать в быту

[1] Улож., гл. XIII, ст. 4.

[2] Улож., гл. XIII, ст. 6.

[3] Улож., гл. XIII, ст. 5.

[4] Улож., гл. XIV, ст. 1.

[5] Улож., гл. XIV, ст. 5.

[6] Улож., гл. XIV, ст. 1 и 2.

[7] Целовать крест не самому было привилегией, которая давалась самим Государем и выражалась в жалованных грамотах. См. Царскую жалованную грамоту суконной сотни торговому человеку Петру Рязанцеву, 1682 года, 14 генваря, в Актах археографической экспедиции. Т. IV, № 252. – *Голикова*. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. III. – С. 435.

патриархальном и семейственном, который во времена Уложения был главным и почти единственным основанием политического и гражданского быта. Вместо тяжущихся присягали их люди[1], родственники[2] и судебные представители[3]; но не могли целовать креста наемные люди и посторонние, по просьбе или поручению тяжущихся[4].

Если истец или ответчик хотел заставить целовать крест вместо себя своего человека, то выбор последнего предоставлялся противнику; кого из людей выбирал он, тот и должен был присягать вместо своего господина. Этот выбор технически выражается в Уложении словами: *кому истец или ответчик поверит*[5]. Но если выбранный сбежит от своего господина или умрет, то право назначать другого принадлежит уже не противнику, а самому господину[6].

Целовать крест в спорных гражданских делах представлялось не истцу, а ответчику[7]; но от его произвола зависело, присягать самому («взять себе на душу») или отказаться и предоставить целовать крест истцу («дать истцу на душу»)[8]. В этом случае, вероятно, истец был обязан присягнуть в спорном деле, ибо нигде не говорится, чтобы истец мог отказаться от присяги и отдать ее на душу ответчику. Но для исков русских подданных с чужеземцами (а не иноверцами, как объясняет Татищев), т. е. подданными других государств, было сделано исключение. Первые, будут ли они истцы или ответчики, в исках с чужеземцами имели право, не приступая к присяге, требовать, чтобы жребий решил, кому целовать

---

1 Улож., гл. XIV, ст. 1.

2 Улож., гл. XX, ст. 45.

3 Улож., гл. XIV, ст. 5.

4 Так, кажется, дóлжно понимать слова Уложения: «А наемным людем и подставою креста не целовати и ко кресту не приводити ни которыми делы». Улож., гл. XIV, ст. 5.

5 Улож., гл. XIV, ст. 7, 8.

6 Улож., гл. XIX, ст. 96.

7 Улож., гл. XIV, ст. 3, 4, 8; гл. XI, ст. 25, 26, 29.

8 Улож., гл. XIV, ст. 8.

крест в спорном иске «и чей жребий вымется, и тому, поцеловав крест, *свое и взяти*, или *отцеловатися*»[1].

Не во всех спорных делах присяга принималась за доказательство. Из соображения тех статей Уложения, в которых упоминается о крестоцеловании по гражданским искам, ясно видно, что она допускалась только по делам, возникавшим из гражданских преступлений[2]. Поэтому о присяге по крепостным искам нигде не упоминается. В этих исках единственным доказательством, как говорит Кошихин, служили крепости[3]; кто не мог доказать своего права крепостями, тот обвинялся в иске. Дела о недвижимых никогда не решались присягою – на это мы имеем и прямые свидетельства[4]. Наконец, по искам ценою не более рубля место присяги заступал жребий[5].

Каждый присягал по своей вере[6]. По искам между православными и иноверцами присяга давалась в период Уложения в приказах, в которых судилось спорное дело[7]; по тяжбам между православными – в церкви[8].

---

[1] Улож., гл. XIV, ст. 4.

[2] По Уложению, присяга допускалась по следующим спорным делам: 1) О беглых крестьянах и их имениях (животах). – Гл. XI, ст. 26, 27, 29; 2) О убытках, причиненных ратными людьми. – Гл. VII, ст. 30; 3) О взимании мыта, перевозного и мостовщины с ратных людей. – Гл. IX, ст. 2 и 3; 4) О покраденных и похищенных вещах, на которые не было записано явки. – Гл. XXI, ст. 51; 5) О поклажах ратных людей у городских жителей. – Гл. X, ст. 190; 6) О вреде, причиненном напущением собаки. – Гл. X, ст. 281; 7) О поклаже, раскрытой и распечатанной тем, у кого она оставлена на сбережение. – Гл. X, ст. 195; 8) О бое, бесчестье, грабеже и обиде лиц духовного сана служилыми людьми. – Гл. XIII, ст. 4; 9) Об обидах, нанесенных слугам или крестьянам духовных лиц. – Гл. XIII, ст. 5; 10) О сносе, сделанном бежавшим работником, по котором были поручители. – Гл. XX, ст. 45; 11) О беглых людях. – Гл. XX, ст. 49 и 96; 12) О порче и истреблении межевых знаков и перепахивании земли. – Гл. XX, ст. 232.

[3] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 43.

[4] 1683 года, 13 июня, № 1022 – Именный с боярским приговором.

[5] Улож., гл. XIV, ст. 10.

[6] Улож., гл. XIV, ст. 3.

[7] Там же.

[8] 1678 года, 19 декабря, № 741 – Именный.

Обряд принесения присяги был совершенно одинаков с теперешним и подробно развит в Уложении и новоуказанных статьях[1].

Кому доводилось целовать крест в спорном деле, того отдавали на поруки[2]; но если он не являлся к присяге, не подав предварительно о том челобитной, или, явившись, не присягал, или не ставил к присяге своего человека, то обвинялся в спорном деле[3]; ибо предполагалось, что во всех означенных случаях обязанный дать присягу сознавался, что он неправ.

Особый вид присяги есть вера, образное хождение.

Крестное целование, как мы видели, не принималось за доказательство в делах о землях. Но могло случиться, что спор вчинялся не о праве или владении недвижимым, а только *о границах* его. В этом случае, когда не было никаких данных для решения спора, прибегали к совести тяжущихся. Таким образом, крестное целование внесено и в спорные межевые дела под названием *веры образного хождения*.

Об образном хождении говорится в Уложении в трех местах. Из них видно, что этот способ доказывания употреблялся только в крайних случаях, когда спора нельзя было решить ни письменными доказательствами, ни обыском[4].

Образное хождение заключалось в том, что один из тяжущихся, взяв образ, шел с ним по тому месту, где, по его убеждению, пролегала спорная межа. Это правило проводить межу, бесспорно, давалось одному из тяжущихся *по жребию* так же, как в спорах между русскими и иностранцами жребий решал, кому приносить присягу; но в последнем случае к жребию прибегали не иначе как по требованию тяжущихся; при образном хождении к нему приступали по закону[5].

---

1 Улож., гл. XIV, ст. 6, 10. 1685 года, 15 июня, № 1126 – Именный с боярским приговором.

2 Собрание юридических актов, № 299.

3 Улож., гл. XIV, ст. 6.

4 Улож., гл. XVII, ст. 52; гл. X, ст. 236 и 237.

5 Жребий бросали в суде. – Гл. X, ст. 36. Весьма замечательно, что об образном хождении также говорится: *«Отдать кому на душу»*. Это указывает на одинаковость его с крестным целованием.

Этот вид крестного целования уничтожен в 1683 г., «чтоб… душевредства и клятвы не было»[1].

3. Письменные доказательства

Доказывание или опровержение спорного иска письменными актами необходимо появляется вместе с системой укрепления такими актами гражданских прав. В период Уложения письменными актами укреплялись все права гражданские: и права на вещи, и обязательства, основанные на договоре, и наследственное право.

Письменные акты первоначально, вероятно, составлялись *для памяти* (отсюда *память*, *запись*). Впоследствии процессуальное назначение их развивалось все более и более; письменные акты начали составляться уже не для памяти, а *для спору*. Так в Уложении[2]. Отсюда *крепость* – название, усвоенное всем тем письменным актам, которыми доказывалось какое-либо гражданское право[3].

Итак, система укрепления гражданских прав письменными актами введена сначала обычаем, употреблением, а не положительным законом. Но когда однажды утвердился обычай составлять о каждом гражданском праве письменный акт, законодательство начало требовать, чтобы права доказывались крепостями. Так, многие гражданские иски сделались исключительно *крепостными*.

«А которые люди всяких чинов учнут *бити челом* на кого в *заемных деньгах, или в поклажах, или в какой-нибудь ссуде*, а… на то *кабал и заемных памятей* и *иных никаких крепостей*… в челобитье своем и в приставных памятях не напишут, и им на тех людей *суда не давати*»[4].

Кошихин: «А дается во всяких в денежных и в заемных товарных и иных делах суд по кабалам и по записям, а у кого кабал нет или утеряются, или подерутся и иная какая-нибудь

[1] 1683 года, 20 мая, № 1013; Писцовый наказ межевщикам, посланным в города.

[2] Улож., гл. XI, ст. 4, 19.

[3] Улож., гл. XVIII, ст. 17; гл. XX, ст. 21, 29, 32; гл. X, ст. 246, 247, 250.

[4] Улож., гл. X, ст. 189. Ср. гл. XXI, ст. 71.

шкода учинится, и в бескабальных делах суда не дается, и верить не велено ничему, хотя б на какое дело двадцать человек свидетелей было, все то ни во что без крепостей»[1].

Вследствие принятия и утверждения положительным законодательством системы укрепления гражданских прав письменными актами должны были образоваться известные правила составления этих письменных актов для того, чтобы они могли быть признаваемы за доказательство. Эти правила упоминаются в Уложении и вообще в судебной практике того времени были развиты довольно подробно[2].

Крепостями доказывались в период Уложения почти все гражданские иски. Под это правило не подходили:

a) иски, основанные на давности[3];

b) гражданские иски, возникавшие вследствие гражданских преступлений (боя, грабежа и т. д.);

c) гражданские иски, преследуемые уголовным порядком (напр<имер>, об убытках, нанесенных покражей, мошенничеством, разбоем, подлогом[4] и т. д.).

Опровергать иск, основанный на крепостных доказательствах, можно было различными способами:

a) крепостями[5];

b) опровержением подлинности крепостей. Такое опровержение технически выражалось словами: *оболживить*, *полживить крепость*[6]. Оно состояло в том, что тяжущийся отсутствием некоторых формальных, существенных принадлежностей известного письменного акта доказывал подложность его («что она не прямая, а лживая»).

Письменные акты доставались к суду самими тяжущимися: «Которые крепости на суде истец или ответчик в

---

[1] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 43.

[2] Улож., гл. XX, ст. 103; гл. XXI, ст. 99; гл. X, ст. 246, 250, 252, 253; гл. XI, ст. 4.

[3] Улож., гл. XVII, ст. 51.

[4] Улож., гл. XVII, ст. 59; гл. XVI, ст. 23, 54; гл. XX, ст. 24, 25.

[5] Улож., гл. XVII, ст. 34; гл. XX, ст. 21, 32; гл. X, ст. 254.

[6] Улож., гл. X, ст. 259; гл. XX, ст. 20.

письменных или в словесных своих ссылках объявит, а на суде их в то время не положат, и их про те крепости допрашивати в суде же, где у них те крепости. Да будет скажут, что у них те крепости на Москве, и им те крепости велеть положити вскоре. А будет они скажут, что у них те крепости в городех, и им в тех крепостях дати поверстный срок по Государеву указу»[1].

4. Общая правда

(Опчая правда, обчая правда, обчая ссылка)[2]

Под именем общей правды разумелось свидетельство одного или нескольких лиц, на которое ссылались оба тяжущиеся – и истец, и ответчик. Уложение дает ей преимущество перед всеми другими видами свидетельства: перед послушеством[3] и обыском[4]. Причина та, что показание свидетеля, на которого ссылаются оба противника, уже по этому одному должно быть достовернее всякого другого свидетельства. Из этого правила сделано одно только исключение: общей правде предпочитали повальный обыск, когда она не была ближняя, т. е. когда место, где до́лжно было произвести обыск, было ближе местопребывания общей правды[5]. Она вовсе не допрашивалась, когда находилась в городах, отдаленных от Москвы на большом расстоянии (в Астрахани, Сибири), и тяжущийся приносил жалобу на своего противника, что он, ссылаясь на такую правду, только хочет проволочить дело[6].

Уложение не решает весьма важного вопроса, который естественно представляется при тщательном рассмотрении общей правды: может ли быть принята в суде общая ссылка тяжущихся на такие лица, которые по закону не допускаются к свидетельству, напр<имер> общая ссылка на жену одно-

1 Улож., гл. X, ст. 22. Указный поверстный срок не определен в Уложении. В Судебнике на сто верст полагается семь дней. – Судебник Татищева, § 42, 69.

2 1685 года, 11 ноября, № 1140. Судные статьи, п. 2.

3 Улож., гл. X, ст. 167.

4 Улож., гл. X, ст. 168.

5 Улож., гл. X, ст. 167.

6 Улож., гл. XX, ст. 109.

го из тяжущихся, на господина и т. д. Кажется, этот вопрос до́лжно решать и положительно, и отрицательно, смотря по различным целям, с которым законодательство устранило известные лица от свидетельства. Если цель заключается только в обеспечении тяжущихся от ложных показаний, то общая ссылка на лица, которые по закону не могли быть свидетелями, должна быть допущена. Напротив, если цель состоит в наказании известных лиц (напр<имер>, клятвопреступника) или сохранении святости и чистоты известных отношений (напр<имер>, детей к родителям, жены к мужу), то допрос такой ссылки не мог, кажется, быть допущен ни в каком случае.

Общая правда могла состоять из одного[1] или нескольких общих свидетелей. В последнем случае при разноречии на двух одинаковых показаниях основывалось решение[2].

Вызов к суду общей правды, как позыв к суду ответчика, производился посредством пристава[3] или посредством Государевой сыскной грамоты, посылаемой к воеводе того города, где жил общий свидетель[4]. По прибытии к суду его допрашивали, кажется, не приводя к присяге; по крайней мере, об этом нигде не упоминается.

На ложное показание общей правды можно было приносить жалобу[5]. Оно, вероятно, судилось уголовным судом, одинаково с ложными показаниями обыскных людей.

5. Обыск

Обыск есть свидетельство многих людей, живущих на известном пространстве, на которых тяжущиеся ссылаются, не называя каждого поименно: «на многих людей безымянно»[6]. Из этого определения вытекают следующие основные положения:

[1] Улож., гл. X, ст. 167.

[2] Улож., гл. X, ст. 169.

[3] Улож., гл. X, ст. 144.

[4] Улож., гл. XVIII, ст. 31. 1678 года, 19 декабря, № 742 – Боярский приговор.

[5] Улож., гл. X, ст. 170.

[6] Улож., гл. X, ст. 161.

a) обыска отводить нельзя[1]. Когда кто-либо ссылается на многих людей вообще, не называя их именно, то невозможно предполагать стачки между им и теми, которые допрашиваются в обыске.

Из этого правила сделано было одно только исключение. Если один из тяжущихся ссылался на обыск в городах, отдаленных от Москвы, в Астрахани или Сибири, то другой мог обвинять своего противника, что он делает это для проволочки дела, и тогда судьи отказывали в обыске. Это исключение, в строгом смысле, не есть исключение, ибо не проистекает из сущности обыска[2];

b) нельзя отводить никого из обыскных людей. Есть мнение, что будто бы отвод не дозволяется потому, что если некоторые и покажут ложно, то зато другие дадут справедливое свидетельство и решение в большей части случаев будет правильно. Но это несправедливо. Приведенное положение вытекает из основного начала обыска. Повальный обыск есть ссылка немногих людей безымянно. Поэтому до́лжно спрашивать всех. Если будет допущен отвод обыскных людей, тогда в ссылку безымянную будет внесено начало послушества, ссылки на известные, определенные лица, что противоречит главному характеристическому свойству обыска и разрушает его в самом понятии. Обыск есть свидетельство людей, означенных вообще, а не поименно; след<овательно>, каждый из них необходимо должен иметь способность быть свидетелем. Поэтому новоуказанными статьями запрещено допрашивать в обыске тех, которые «сами не ведают и не ведали, а скажут», что слышали от людей глухих, немых, «бесных» и «некоторые в малых летах, а не в возрасте»[3].

Обыск имел различные названия. Он назывался *обыском*[4], *повальным обыском*[5], *большим повальным обыс-*

---

1 Там же.

2 Улож., гл. XX, ст. 109.

3 1669 года, 22 генваря, № 431; новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 28.

4 Напр<имер>., Улож., гл. X, ст. 156, 157 и др.

5 Улож., гл. X, ст. 161; гл. XXI, ст. 85; гл. XX, ст. 95; гл. X, ст. 175.

ком[1], *большим сыском*[2], *большим обыском*[3], наконец, *обыском около житья*[4]. Все эти названия, конечно, не означали различных видов обыска, юридически отличных друг от друга, и служили только для выражения некоторых фактических оттенков его в различных случаях[5]; со всем тем эти оттенки иногда имели значительное влияние на решение спорного дела и даже на юридический характер обыска. В доказательство мы приведем здесь один случай, который разрешен Уложением.

Отличительное свойство обыска, как мы видели, именно состояло в том, что на него ссылались тяжущиеся, не называя лиц, которые должны быть допрошены («на многих людей безымянно»). Когда таким образом допрашивалось множество лиц, характер обыска сохранялся во всей чистоте. Но могло быть, что, несмотря на безымянную ссылку, в обыске оказывалось не более 20 или 30 человек. До́лжно ли считать их показания повальным обыском или нет? Тяжущийся мог умышленно сослаться на такой обыск для того только, чтобы воспользоваться преимуществами, которые обыск имеет перед показаниями послухов. Уложение решает вопрос так: если обысчик и оба тяжущиеся скажут, что кроме 20 или 30 человек на известном, для обыска определенном пространстве нет более других людей, то такой обыск почитать *повальным обыском*[6].

По Уложению, обыск занимает середину между общею правдою и послушеством. Из трех упомянутых нами видов личного свидетельства ссылка на общую правду имела пре-

---

[1] Улож., гл. XXI, ст. 57. – Юридические акты, № 60.

[2] Улож., гл. XVI, ст. 35.

[3] Юридические акты, № 59.

[4] Улож., гл. XXI, ст. 28.

[5] Улож., гл. XX, ст. 95. «А которые люди учнут… слатися в повальной обыск около своего поместья… версты по две и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти». 166_ года, 22 генваря, № 431; Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 28: «А сыскивать повальным обыском около тех мест по версте и по две, и по три, и по пяти, и по десяти, и по пятидесяти, и по двадцати и больше».

[6] Улож., гл. XX, ст. 95.

имущество перед ссылкою на обыск[1], а обыск имел преимущество перед послушеством, потому что не мог быть отводим противником[2].

По гражданским процессам обыск производился не иначе как по требованию одного из тяжущихся[3]. Когда который-нибудь из них ссылался на обыск, судьи посылали Государеву грамоту к воеводе того города, где надлежало быть обыску, с приказанием произвести его немедленно[4]. По получении такой грамоты воевода посылал «отставного дворянина добра» или «из приказа подьячаго», или сына боярского, или пушкаря[5] произвести обыск на месте. По поручению, на них возложенному, они вообще назывались *обыщиками*, иногда *сыщиками*[6]. Этим сыщикам давалась *наказная память*, в которой излагались предмет обыска и обязанность сыщика[7]. Прибыв на место, где до́лжно было производить обыск, сыщик допрашивал обыскных людей, как обыкновенно допрашивают свидетелей: брал показание от каждого за его подписью, от светских людей под присягою, от лиц духовного чина по священству и иноческому обещанию и принимал все меры, чтобы обыскные люди «стакався не лгали»[8].

На обыске основывали решение спорного дела. Если показания разноречили, то приговор постановлялся по большинству одинаковых показаний[9].

---

1 Улож., гл. X, ст. 167.

2 Улож., гл. X, ст. 161.

3 Это доказывается тем, что в Уложении беспрестанно говорится: «слатися в обыск», иногда с прибавлением: «из виноватых». Одно только место в Уложении упоминает об обыске, назначенном без ссылки тяжущихся. См.: Улож., гл. XVIII, ст. 33.

4 Это грамоты назывались *сыскными*. – 1679 года, 19 декабря, № 742 – Боярский приговор; 1688 года, 31 марта, № 1294 – Именный.

5 Юридические акты, № 315. – Из наказной памяти обыщикам видно, что иногда посылали несколько производить обыск.

6 Улож., гл. X, ст. 161.

7 Юридические акты, № 345.

8 Улож., гл. X, ст. 191.

9 Там же.

В период времени от Уложения до Петра Великого обыск значительно изменился и почти совершенно основан на началах послушества. Прежнее положение, что обыскных людей отводить нельзя, сохранилось по одной только форме; новоуказанными статьями 1669 г. постановлено не допрашивать тех, которых тяжущийся имел право отводить от свидетельства[1]. Удержалось одно только существенное различие между повальным обыском и послушеством: первый составляли показания свидетелей, не поименованных тяжущимися, а последнее было свидетельство лиц, именно означенных тем, кто ссылался на их свидетельство.

Несмотря на формальность, определенность, которую имеет обыск в Уложении, и на стремление законодательства настоящей эпохи основать его на началах послушества, в нем нетрудно узнать свидетельство общины, *мира*, который некогда был главным основанием всего нашего юридического быта. Такой характер мирского, общинного показания обыск сохранил отчасти и впоследствии, в делах уголовных: оговоренного в татьбе, разбое или убийстве не пытали, не допрося в обыске, добрый ли он или лихой человек. Таким образом, положение, что нельзя отводить обыска, объясняется и исторически. Свидетельство целой общины, мира неподкупно, непреложно истинно. Эта мысль сохранилась в пословице: «Глас народа – глас Божий».

Общинный быт России рано пришел в упадок. Еще в 1556 г. изданы правила о произведении обыска[2]. Из этих правил видна недоверчивость к обыску и обыскным людям; упоминается о многих злоупотреблениях обыскных людей, о стачке, лжи. Законодательство должно было прибегнуть к различным средствам, чтобы противодействовать вредным

[1] 1669 года, генваря, № 431. Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 28. Так, не велено допрашивать детей в обысках о родителях; вольноотпущенных о прежних господах; работников о тех, у кого живут в работе. Весьма замечательно, что в числе отводимых от обыска самим законом не упомянуты, которых отводить именно запрещено в Уложении, а именно родственники и друзья (Улож., гл. X, ст. 161).

[2] Суд<ебник> Татищева, § 107, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 118.

последствиям, которые необходимо влекли за собою ложные показания в обыске, и допустило даже возможность контролировать его. Когда обыск потерял таким образом значение непреложного, неопровержимого свидетельства, законодательство стало мало-помалу вносить в него начала послушества. Закон не оставил и не мог оставить обыску его прежнего юридического значения, но воспользовался древнею, обветшалою формою и из нее создал особый вид послушества, который доставлял тяжущимся новые способы доказывания – многих, иногда им самим неизвестных свидетелей.

6. Послушество

Под именем послушества разумеется в Уложении свидетельство лиц, поименно означенных тяжущимися, на которое последние ссылаются как на доказательство.

Чтобы свидетельство было истинно, свидетель «послух» должен: 1) знать то, о чем свидетельствует; 2) иметь желание давать о том, о чем свидетельствует, истинное показание.

Знание предмета свидетельства предполагает в послухе: а) *способность познавания*. Поэтому не могут быть послухами: дети, безумные, сумасшедшие, глухие, немые, «бесные»[1]. В Уложении об этих исключениях вовсе не упоминается, может быть, потому, что они разумелись сами собою или жили еще в обычае, как многие другие юридические положения, не вошедшие в закон писаный. В новоуказанных статьях некоторые из этих исключений показаны и внесены в наше законодательство из гражданских законов; b) *непосредственное знание того, о чем свидетельствует*. Поэтому не могли свидетельствовать те, которые знали о предмете свидетельства по слухам[2].

Желание послуха дать справедливое показание (по Уложению – сказку) предполагается, если нет какой-либо причины ожидать противного. Такими причинами почитаются в Уложе-

[1] 1669 года, 22 генваря, № 431. Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 28.

[2] Улож., гл. XX, ст. 172. Из указа 1556 года видно, что в период Судебника ссылались и на тех, которые слышали, о чем свидетельствовали («вслух, видение и ведомо»). Судеб<ник> Татищева § 108.

нии: a. *Нарушение святости присяги*. Кто однажды дал присягу в неправом иске или, дав присягу, делал ложное показание, тот не мог уже никогда быть свидетелем[1]; b. *Предрасположение к истцу или ответчику*, проистекающее: *a) из родства*[2]. Не принималось свидетельство жены одного тяжущегося по ссылке другого[3]; но свидетельство отца или матери одного тяжущегося по ссылке на другого принималось за неопровержимое доказательство[4]; *b) из «недружбы»*[5]; *c) из стачки свидетеля с одним из тяжущихся*[6]; *d) из близких, хотя не родственных и не дружественных отношений свидетеля к одному из тяжущихся*. По Уложению, отпущенные крепостные люди не могли быть признаваемы к свидетельству тем, кто имел спорное дело с их прежним господином[7]. Когда крепостной человек отвечал в своем иске за своего господина, истец не мог призывать последнего в свидетели по этому иску[8].

Не все изложенные нами причины одинаково отклоняли известные лица от свидетельства по спорному делу. Иные сами собою делали свидетелей неспособными к свидетельству; другие – не иначе как по просьбе тяжущегося, против которого приводили свидетелей. К последним преимущественно относятся: родство и недружба[9]. Отклонение послуха от свидетельства самим тяжущимся технически называется в нашем законодательстве *отводом*. Итак, под именем отвода дóлжно разуметь отстранение от свидетельства одним из тяжущихся свидетеля, на которого ссылался другой: отстранение, основанное на законной причине и происходившее законным порядком.

[1] Улож., гл. XI, ст. 27: «И впредь ему ни в чем не верить».

[2] Улож., гл. X, ст. 161.

[3] Улож., гл. X, ст. 177. – Судебник Татищева, § 122; Указ 1557 года, 2 генваря: «потому что жена в его (мужа) воле, что ей велит, то она и пишет».

[4] Улож., гл. X, ст. 176.

[5] Улож., гл. X, ст. 161, 181; гл. XXI, ст. 76.

[6] Улож., гл. X, ст. 182, 179.

[7] Улож., гл. X, ст. 174.

[8] Улож., гл. X, ст. 178.

[9] Улож., гл. X, ст. 161, 181, 182, 179.

Тяжущийся подавал об отводе просьбу судьями[1], которые рассматривали ее и решали, имеет ли отвод справедливое основание. В руководство они принимали Уложение и обычай, когда первое не определяло правил, признаваемых в последнем.

Не могли быть отводимы:

a) родители[2];

b) ссылка на десять человек стольников, стряпчих, дворян московских и городовых, детей боярских, стрелецких голов, гостей, дьяков, жильцов, дворовых людей, стрелецких сотников и подьячих поименно в иске ценою в 50 рублей[3];

c) ссылка на десять человек посадских людей гостиной, суконной и черных сотен и слобод; стрельцов, казаков и вообще служилых людей; ямщиков, монастырских служек и крестьян, поименно, в иске ценою в 20 рублей[4].

В означенных трех случаях свидетельство почиталось полным, несомненным и неопровержимым доказательством. Если «те люди (на которых ссылался тяжущийся) по допросу скажут не против или против его ссылки, да не все во одну речь, хотя один не по нем скажет или они скажут, что про то дело ничего не ведают, и его тем обвинити, потому что он не тех людей сам слался из воли, а они сказали не против его ссылки»[5].

Свидетелей допрашивали в суде. Это доказывается правыми грамотами, помещенными в собрании юридических актов и многими местами в Судебнике, Уложении и других источниках, в которых упоминается о хоженом и езде недельщику, посылаемому за свидетелями («на правду»).

Свидетелей, живущих в городах и уездах, в которых посылались не приставы, а грамоты, вероятно, не вызывали к суду, а допрашивали на месте; на это мы не имеем прямых доказательств, но заключаем по аналогии с вызовом к суду ответчика и с допросом общей правды.

---

[1] Улож., гл. X, ст. 179.

[2] Улож., гл. X, ст. 176.

[3] Улож., гл. X, ст. 158.

[4] Улож., гл. X, ст. 159

[5] Улож., гл. X, ст. 160.

Допросу свидетелей необходимо предшествовало приведение их к присяге[1]. Когда это введено впервые, утвердительно сказать нельзя. В Судебнике и современных ему правых грамотах о присяге свидетелей не упоминается. В Уложении приведение их к присяге принято за общее правило. Под него не подходили, разумеется, лица духовного звания и, кажется, высшие сановники государства, бояре, окольничьи, думные дьяки и думные люди; по крайней мере, о приведении их к присяге перед свидетельством нигде не упоминается.

Показание свидетелей технически называлось *сказкою*[2], а отобрание показаний – *допросом*, в противоположность *расспросу*, который уже по самому названию заключал в себе начало инквизиционное, следственное[3].

7. Жребий

Жребий был одною из древнейших форм суда Божия (ордалий)[4]. В Уложении он принимается за судебное доказательство только в двух случаях: 1) когда цена иска не превышала рубля[5]; 2) в исках с лицами духовного чина[6]. Отсюда видно, что в период Уложения действие жребия было весьма ограничено. В строгом смысле он был тогда не что иное, как субститут крестоцелования, и то в немногих случаях, определенных законом. Такое ограниченное действие жребия как судебного доказательства объясняется самим его характером. Жребий был остатком древних языческих верований в суд Божий, который решал, что право и что неправо, независимо от усилий человека. С утверждением христианской

[1] Улож., гл. X, ст. 158, 173.

[2] Улож., гл. X, ст. 158, 159.

[3] 1707 года, 22 марта, № 2144 – Боярский приговор.

[4] На эту древность жребия указывают слова, очевидно, проистекающие от одного с ним корня: жрец, жертва, жеребя. Мы знаем, что в Арконском храме гадали посредством коня. – Карамзин. История. Т. I. – С. 99. Примеч. 228 (по 1-му изд. 4).

[5] Улож., гл. XIV, ст. 10.

[6] Улож., гл. XIII, ст. 4. Впрочем, вместо решения тяжбы жребием другой тяжущийся мог просить о допросе духовных священнического чина по священству, а иногда по иноческому обещанию. Улож., гл. XIII, ст. 6.

религии это верование должно было исчезнуть. Место суда Божия заступило целование креста, которое тоже имело характер ордалий, но привело к прежнему началу свободной, индивидуальной воли. Стали вопрошать совесть тяжущихся под страхом неминуемого наказания Божия за сокрытие истины. Ордалии должны были тогда занять второстепенное место в числе судебных доказательств и, наконец, впоследствии почти совершенно исчезли.

VI

Отсрочка с суда

Оба тяжущиеся, истец и ответчик, могли в продолжение суда просить об отсрочке его на некоторое время. Когда отсрочки просил один тяжущийся, то она давалась ему не иначе как по какой-либо законной причине. По Уложению, новоуказанным статьям и правым грамотам такими законными причинами признавались:

a) доставление на суд крепости, необходимой для решения спорного дела[1];

b) когда тяжущийся не изготовился к ответу[2].

Могли быть и другие законные причины отсрочки.

Но когда оба тяжущиеся просили об отсрочке суда, то она давалась им и без законной причины, по одному обоюдному их согласию. Они заключали между собою условие о сроке, в который должны были явиться к суду, и это условие означали в собственноручной подписи под судною запискою[3]. Кто не являлся после отсрочки в срок, назначенный или законом, или полюбовно самими тяжущимися, тот обвинялся без суда; истец терял свой иск, ответчик признавался виновным[4]. Дело называлось *недосуженным*, а записка об этом спорном деле – *недосуженною* запиской.

---

1 Улож., гл. X, ст. 22. – 1685 года, 11 ноября, № 1140; Судные статьи, п. 2.

2 Там же.

3 1686 года, 19 генваря, № 1156 – Именный с боярским приговором.

4 Там же. – 1685 года, 11 ноября, № 1140; Судные статьи, п. 2.

VII

Сыск

В Уложении весьма часто встречаем выражение: *а с суда сыскати*[1]. Это выражение подавало повод к различным толкованиям и было главным основанием неправильного взгляда на гражданское судопроизводство того времени.

Тяжущиеся указывали (ссылались) на доказательства; судьи удостоверялись в действительности и подлинности этих доказательств. Такое удостоверение технически называлось во времена Уложения *сыском*[2]. Итак, выражение «*с суда сыскати*» значило: удостовериться в подлинности доказательств, приводимых тяжущимися; если они ссылались на свидетельство – допросить свидетелей; если на обыск – обыскать; если на крепость или книги – рассмотреть, освидетельствовать крепости и книги. Так объясняются и другие выражения, встречающиеся в источниках: *по суду и по сыску*[3], *по суду или по сыску*[4], *по судному и сыскному делу*[5]. Слова *«сыск*», «*сыщется*» никогда не употреблялись в отношении к собственному признанию, присяге и жребию. Причина, вероятно, та, что они по существу своему не имели ничего общего с прочими доказательствами.

VIII

Судная записка

Доказательства и возражения тяжущихся, представляемые на суде словесно или письменно, и вообще все, что говорилось на суде истцом, ответчиком и судьей, записывалось подьячими того приказа, где происходил суд.

---

[1] Улож., гл. X, ст. 135.

[2] Улож., гл. VII, ст. 6; Улож., гл. X, ст. 194; гл. XX, ст. 17; гл. X, ст. 214, 223, 235, 238, 276; гл. XX, ст. 64, 103.

[3] Улож., гл. VII, ст. 7; гл. IX, ст. 3; гл. XI, ст. 2, 34; гл. XVII, ст. 27; гл. XX, ст. 4; гл. X, ст. 92, 218, 244 и др.

[4] Улож., гл. X, ст. 30, 31, 85.

[5] Юридические акты, № 25.

«А судные дела в приказах записывати подьячим, а черненья бы и меж строк приписки и скребленья в тех записках не было. А как суд отойдет, и истцу и ответчику к тем запискам прикладывати руки. А которые грамоте не умеют, и в тех место прикладывати руки, кому они верят»[1].

«А… для записки судных дел во всех приказах быти записным книгам, за дьячими руками. А судные дела в те книги записывати подьячим того же часу, как суд отойдет, чтобы про то было ведомо, в котором числе кто на ком чего искал»[2].

IX

Суд (дополнительный)

Из многих статей Уложения мы видим, что после суда по какому-либо спорному гражданскому иску, когда не было никаких решительных доказательств ни в пользу, ни против этого иска, тяжущимся снова давался суд, за которым в большей части случаев следовало крестное целование.

«А будет кто беспоместный и безвотчинный или иноземец кормовой или кто-нибудь похвалится на кого смертным убийством в очи или за очи, и тот, на кого он похвалится, учнет на него Государю бити челом, *и на него дати суд, а с суда сыскати. А будет* кто на кого в похвальбе смертного убойства учнет Государю бити челом, *а сыскати про то неким, и им в том дати суд, а с суда учинити указ, до чего доведется*»[3].

Следовательно, этот, если можно так выразиться, *дополнительный* суд был возможен только в таком случае, когда ни один из тяжущихся и не был обвинен после первого суда. Нередко доказательства, на которые ссылался тяжущийся, или ничего не доказывали, или не могли быть приняты за основание при решении спорного дела (напр<имер>, акты, которые уничтожились, послухи, умершие до ссылки на них в послу-

---

1 Улож., гл. X, ст. 11.

2 Улож., гл. X, ст. 128.

3 Улож., гл. X, ст. 135. Ср. также: гл. VII, ст. 30; гл. X, ст. 178, 190; гл. XI, ст. 25; гл. XX, ст. 109; гл. XXI, ст. 54.

шество и т. д.). Тогда давался тяжущимися новый суд по тому же делу. В этом новом, дополнительном суде они могли приводить новые доказательства. Но как это не всегда было возможно, то обыкновенно после дополнительного суда спорное дело решалось присягой.

Установление дополнительного суда очень важно. Оно давало тяжущимся возможности доказывать и опровергать спорный иск новыми, не приведенными прежде доказательствами и через это ослабляло строгое запрещение не дополнять спорного дела новыми доказательствами после суда. Таким образом, все, что могли сказать тяжущиеся в свою пользу и в опровержение противника, излагалось ими перед первым судьей; апелляция ограничивалась уже одной жалобой на неправое решение, а не состояла в изложении новых доказательств в пользу и против спорного иска, как начали делать впоследствии времени.

X

Засуженное дело

Когда суд был совершенно окончен и вместе с ним оканчивалось ведение доказательств, важнейший момент в судопроизводстве – иск – делался *засуженным*[1]. Это значило, что спорное дело, составляющее предмет процесса, перестало быть делом *судным*. Иск засуженный не мог быть снова опровергаем и доказываем («вчиняем и переговариваем»). Теперь в том виде, в каком он являлся после суда, он становился уже предметом не нового суда, а *решения*.

С. Развитие гражданского судопроизводства после суда

I

Ставочные поручные записи с суда: «А с суда по стцех и по ответчикех имати ставочные поручные записи в том,

[1] Улож., гл. X, ст. 113. О суде, перед которым происходил суд, говорится по окончании суда, что он «асудил суд». – Улож., гл. X, ст. 133; о тяжущихся – что они «засудились». – Улож., гл. X, ст. 116.

что тем истцом и ответчиком, до вершенья судного дела, без указу с Москвы не съезжати, а велети такие поручные записи приставом забирати и к делу те поручные записи отдавати после суда вскоре, а без поруки истца и ответчика после суда отпускати не велети и принести приставу та поручная запись, в приказ к дьячей помете, кончее в третий день. А дьяку, заметя ту поручную запись, отдати подьячему, у кого судное дело будет. А будет пристав после суда в третий день поручные записи в приказ не перенесет и подьячему, у кого судное дело будет, про то сказати дьяку, что пристав по судному делу поручные записи к делу в три дни не принес, и по той подьяческой сказке приставу за то учинити наказание… и велети ему по истце и по ответчике поручную запись собрав, принести к делу того же дни. А будет тот пристав ту поручную запись после наказания того дни к делу не принесет и ту поручную запись по истце и по ответчике велети собрати иному приставу… А будет который пристав поручные записи по истце или по ответчике к делу не принесет, а подьячий про то судьям не известит, а истец и ответчик, не дав по себе поруки, с Москвы съедут, и за таких истцов и за ответчиков по судным делам Государевы пошлины и пересуд и правой десяток правити на приставех и на подьячих, у которых дела будут… А будет после суда с Москвы съедет без порук один ответчик, а истец его на Москве будет, а по судному делу доведется того истца оправити, а ответчика обвинити, и того ответчика, который без порук съедет, велети сыскивати подьячему и приставу, которые его с Москвы без порук отпустят. А давати по таких ответчиков подьячим и приставом Государевы грамоты, и приставом и поверстный срок. А Государевы пошлины и пересуд и правой десяток за того ответчика велети на них правити бессрочно… А будет такова ответчика подьячий и пристав не сыщут, и в лицах того ответчика не будет, и за того ответчика и истцов иск велети доправити на том же подьячем и на приставе, которые того ответчика с Москвы без поруки отпустят, и отдавати истцом безволокитно»[1].

[1] Улож., гл. X, ст. 123.

II

Отлучка тяжущихся (съезд)

«А который истец или ответчик, с суда дав по себе поручную запись, что ему до вершенья судного дела с Москвы не съехати, да съедет, и в том на него будет челобитье от того, с кем у него будет дело, и про тот его съезд порутчики, или сын его, или человек, или дворник по допросу скажут, и руки к сказке своей приложат; а на завтрее, или на другой, или на третий день, тот истец или ответчик, на кого бьет челом съездом, на Москве объявится; и таких истцов или ответчиков съездом не винити. А которые после порутчиковы сказки на Москве в три дни не объявится, и тех винити съездом»[1]. «Истец будет съедет, и он иску своего лишен, а пошлины с судного дела и пересуд и правой десяток велети доправити на порутчиках его. А будет съедет ответчик, и истцов иск и Государевы пошлины и пересуд и правой десяток велети доправити на порутчиках же его, которые по нем ручалися с суда в статье»[2].

III

Отсрочка тяжущихся после суда

Мы видели, что в период Уложения тяжущиеся после суда и до самого решения их дела ни под каким видом не могли отлучаться из того места, где происходил суд[3]. Из этого правила сделано было одно только исключение: «Для Государевы службы» давали тяжущимся отсрочку, т. е. дозволяли им уехать из того места, где происходил суд, и обязывали явиться в известный срок, определенный общим указом об отсрочке. Те, которым было отсрочено «для Государевы службы», имели важное преимущество, им одним исключительно принадлежавшее: их ни в каком случае не винили неявкой. «А отсрочным сроком

[1] Улож., гл. X, ст. 112.

[2] Улож., гл. X, ст. 116.

[3] Улож., гл. X, ст. 156, 157.

мимо судных дел никого ни в чем не винити». Если они не явились в срок для выслушания решения, то решение объявляли их поручикам и с них взыскивали иск и пошлины[1].

IV

Судной список

Из записки «истцовых и ответчиковых речей» подьячий составлял короткую выписку (судный список), по которой судьи и постановляли решение о спорном деле. Судный список дьякон сверял с запискою судного дела и скреплял своею подписью, а записку отдавал подьячему для хранения на случай спора[2].

V

Вершенье

О судебном приговоре по спорным гражданским искам мы находим мало юридических положений в законах настоящей эпохи. В Уложении упоминается только, что судьи приказа должны все вместе решать дело. Решение, постановленное ими, называлось *приговором*. Под приговором подписывались судьи, которые решали дело, и если кто-либо из них не был при решении, то показывались причины его отсутствия[3].

Приговор объявлялся тяжущимся словесно («сказывать приговор»). Если те, которым *для Государевы службы* дана отсрочка, не являлись в срок для выслушания решения, то приговор объявлялся их порутчикам[4].

VI

Правая грамота

Под именем *правой грамоты* дóлжно разуметь письменный акт, в котором излагались суд и решение по какому-либо

[1] Улож., гл. X, ст. 113.

[2] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 42; Улож., гл. X, ст. 11, 22.

[3] Улож., гл. X, ст. 23. – Юридические акты, № 63, 66, 67, 70.

[4] Улож., гл. X, ст. 113. – Юридические акты, № 26 (с. 71).

спорному делу. Такой акт составлялся в том судебном месте, где происходил суд, и выдавался обыкновенно тому тяжущемуся, который был оправдан решением.

Правые грамоты были двоякого рода. Одни давались вследствие приговора, основанного на том, что оказывалось по суду. Другие – вследствие приговора, постановляемого без суда (напр<имер>, когда винили неявкой в срок к суду, промолкой, распиской и т. д.). Первые суть в строгом смысле *правые грамоты*[1]; вторые называются в Судебнике и современных ему источниках *бессудными*[2]. В Уложении название «*бессудная*» нигде не встречается; быть может, оно заменено одним общим названием правых грамот.

Правые грамоты давались не иначе как по просьбе самих тяжущихся[3]. Оправданной стороне было необходимо иметь доказательство, что известное спорное дело решено правительством в ее пользу и не могло уже снова сделаться предметом тяжбы. Таким доказательством служила правая грамота, которая как акт, составленный правительственным местом, имела силу несомненного, полного доказательства. Она заменяла собою крепость и тем, что положительно или отрицательно охраняла права того, кому выдавалась. В некоторых случаях она была обязательна только для лица, с которым оправданный и получивший правую грамоту имел тяжбу, в других – круг действия и значение ее были несравненно обширнее; она служила крепостным актом, ограждавшим право против всех, которые объявляли на него свои притязания.

Правые грамоты скреплялись подписью дьяка, справлялись подьячим и печатались печатью судьи, который судил и решил спорное дело, изложенное в правой грамоте[4].

1 Улож., гл. XVIII, ст. 58. – Юридические акты, № 1–8; 13–27, 29.

2 Судебник Татищева, § 20, 21, 41, 42, 49. 1657 года, 23 февраля, № 200. Здесь выписана жалованная грамота Патриарху Иову, 1599 года, 27 февраля, в которой упоминается о бессудных грамотах. – 1677 года, 9 марта, № 681; Жалованная грамота Грушницкому Покровскому монастырю, 1621 года, 8 мая и мн. др.

3 Улож., гл. XVIII, ст. 61. – Юридические акты, № 26 (с. 71).

4 См. правые грамоты в собрании юридических актов.

<VII>

Исполнение приговора

По различию судебных решений по частным спорным искам и исполнение приговоров было различно. Когда в иске обвинялся истец, то в этом обвинении заключалось и само исполнение приговора, ибо истец лишался своего иска. Напротив, из приговора, по которому был обвинен ответчик, возникла для этого ответчика обязанность уплатить истцу его иск, а истца – право требовать уплаты иска от ответчика.

Уплата исков была различна по различию *денежных* и *неденежных* исков.

Уплата исков неденежных состояла в возвращении истцу ответчиком той вещи, движимой или недвижимой, которая составляла предмет иска и процесса. Каким образом возвращалась спорная вещь истцу, если ответчик противился и не хотел сам, добровольно, возвратить ее, этого мы не знаем, потому что об этом не говорится в законах и актах того времени. Вероятно, способы были те же, какие поставлены в Уложении для выемки поличного и для ввода во владение недвижимым имуществом.

Уплата исков *денежных* состояла в выдаче истцу ответчиком суммы денег, присужденной судебным приговором.

Сумма, которую ответчик должен был уплатить истцу (величина иска), различно определялась по различию приговоров или обвинений. Если обвиняли ответчика без суда за неявку или промолку, то величина иска определялась по приставной памяти[1]. Напротив, когда одного из тяжущихся обвиняли на основании того, что оказывалось по суду, то величина уплачиваемого иска определялась уже не приставною памятью, не произволом истца, а процессом. Поэтому мы встречаем в Уложении: доправить иск *по суду*[2], *по сыску*[3].

[1] 1685 года, 11 ноября, № 1140; Судные статьи, п. 2.

[2] Улож., гл. X, ст. 238, 248.

[3] Улож., гл. X, ст. 223–225, 133, 208, 242.

Предметом иска могла быть также вещь физическая, которой, по каким бы то ни было причинам, ответчик не мог возвратить истцу. В этом случае с него взыскивали цену вещи. Эта цена определялась: 1) *по смете*[1], 2) или *по закону* («по указу», указная цена)[2], 3) или *по сказкам истцов*[3], 4) или по *оценкам сторонних людей*[4], 5) или, наконец, *по договору*[5].

Если ответчик не уплачивал истцу присужденной суммы, то ее взыскивали следующим образом:

а) ответчика ставили *на правеж*.

«Оных обвиненных к платежу выводили перед приказ разутых перед тем, как судьям надлежит в приказ приезжать, а спускали с правежа, как судья выедет. У каждого обвиненного стоял по сторону пристав с прутом, и бил по голой ноге так крепко, как ему от истца или ответчика за труд заплачено; следственно, одни, на правеже стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены»[6].

Итак, во времена Уложения правеж сделался таким же источником злоупотреблений, как суд и как почти все формы тогдашнего юридического быта. Но первоначальное его значение было совсем другое. Вероятно, правеж был наказанием, присуждаемым должнику за неуплату долга[7]. Этим объясняется, почему в Уложении о правеже долга и правеже иска говорится вместе, нераздельно[8]. Такое наказание весьма естественно при неумолимой строгости к должникам, которую мы замечаем

[1] Улож., гл. X, ст. 222.

[2] Улож., гл. X, ст. 209, 214, 217, 219, 220, 221, 233, 240. – 1683 года, 20 мая, № 1013; Писцовый наказ межевщикам, посланным в городы, ст. 35.

[3] Улож., гл. X, ст. 284, 221.

[4] Улож., гл. VII, ст. 24; гл. X, ст. 272; гл. XVII, ст. 27.

[5] Улож., гл. XVII, ст. 28.

[6] Судебник Татищева, § 131. Примеч. (а). В источниках о правеже говорится во многих местах, но как он производился, нигде не изложено.

[7] «И бити его на правеже без всякия пощады, не для того, что на нем те достальныя деньги взяти: для того, чтоб на то смотря иным не повадно было так воровати». – Улож., гл. X, ст. 133.

[8] Улож., гл. X, ст. 265. О правеже говорится в Уложении (гл. X) вслед за учением о займе и заемных кабалах.

в нашем и во всех древних законодательствах. Поэтому едва ли справедливо мнение Татищева, будто бы правеж заимствован нами от татар. Конечно, будущим исследователям русских древностей предстоит решить этот вопрос окончательно; но нельзя не заметить, что многие установления мы считаем пришедшими к нам из других законодательств, тогда как они принадлежат нам и суть чисто национальные.

Впоследствии, кажется, правеж сделался средством, чтобы заставить должника уплатить долг. На это значение указывает Татищев, объясняя причину, почему не велено держать на правеже больше месяца: «Более месяца на правеже не стоять для того, есть ли в месяц ничего *вымучить* не можно, то и в год бьючи уже не доправить»[1]. Через это правеж сделался излишним; ибо истцам были предоставлены законодательством другие средства взыскания долга. Это и злоупотребления, с ним связанные, приуготовили отмену его при Петре Великом.

К правежу «ставились» все обвиненные, не платившие иска, кроме высших духовных и светских сановников: митрополитов, архиепископов, епископов, бояр, окольничьих, думных людей и думных дьяков[2]. Такое исключение в пользу этих лиц, вероятно, сделано потому, что они вообще не подвергались телесному наказанию.

Обвиненные или сами ставились к правежу, или посылали вместо себя своих людей[3]. За 100 рублей правеж продолжался месяц, за большую или меньшую сумму – по расчислению[4].

Правежу предшествовало составление на основании судебного приговора *правежной выписи*, которая соответствовала выписи к крестному целованию. По этой выписи обвиняемых отдавали на поруки. Известные лица (порутчики) ручались в том, что обвиненный будет ставиться на правеж

[1] Судебник Татищева, § 131: примеч. (б).

[2] Из духовных лиц не ставили на правеж чином выше архимандритов. – Улож., гл. X, ст. 84, из светских – выше стольников. – Улож., гл. X, ст. 91.

[3] Улож., гл. X, ст. 151, 261.

[4] Улож., гл. X, ст. 261. Для правежа по искам о бесчестье не было постановлено определенного времени. – Улож., гл. X, ст. 84.

ежедневно, до самого его окончания; в случае несоблюдения им этого условия они обязывались платить за ответчика иск и пеню. Об этом поручительстве составлялась *поручная запись* за подписью свидетелей и вообще по всем правилам составления обыкновенных поручных записей[1].

Правеж прекращался: истечением срока правежа; сделкою между истцом и ответчиком[2]; уплатою истцова иска за ответчика кем-либо посторонним[3].

После правежа ответчик мог просить отсрочки в уплате иска. Такая отсрочка, даваемая на месяц и более, технически называлась *переводом*, потому что уплата откладывалась, переводилась на следующий месяц. Но если и по истечении «указанного» месяца ответчик не платил иска, то приступали уже к другим средствам взыскания[4];

b) иск взыскивали в поместьях и вотчинах с людей и крестьян обвиненного[5];

c) у кого не было людей и крестьян, в уплату иска обращали имущество: дворы и движимое имение («животы»)[6];

d) за недостатком движимого имущества обращались к недвижимому, к пустым вотчинам[7].

Взыскание долга или иска из имущества производилось следующим образом: имущество, сперва движимое, потом пустое недвижимое, оценялось и / или отдавалось истцу[8], или продавалось посторонним[9].

---

[1] Улож., гл. X, ст. 151. – Юридические акты, № 316, 1. III. – 1669 года, 22 генваря, № 431; новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делах, ст. 16.

[2] Улож., гл. X, ст. 84.

[3] Улож., гл. XX, ст. 46.

[4] Улож., гл. X, ст. 261. – Указ с боярским приговором 1558 года, 15 мая, Судебник Татищева, § 131.

[5] Улож., гл. X, ст. 262.

[6] Улож., гл. X, ст. 262, 269; гл. XXI, ст. 68.

[7] Улож., гл. X, ст. 263.

[8] Улож., гл. X, ст. 262, 263.

[9] Улож., гл. X, ст. 263, 269; гл. XXI, ст. 68.

В обоих случаях излишек, остающийся от цены имущества, возвращался ответчику. Но если в уплату иска недоставало имущества, тогда недостающее взыскивали с обвиняемого и людей его (последнее положение, противоречащее тому, что мы сказали выше, образовалось уже после Уложения)[1].

С постепенным сближением системы поместной с системой вотчинной образовалось правило обращать в плату иска не одни пустые вотчины, но и пустые поместья; только поместья нельзя было продавать, кроме родственников ответчика. После отдачи поместья в уплату иска долг ответчика уничтожался, хотя бы этот долг и превышал цену поместья. Через это число отдаваемых истцам головою *de facto* должно было значительно уменьшиться[2].

Впоследствии не только пустые, но и жилые (населенные) поместья и вотчины велено было «описывать и ценить… и продавать, и истцом отдавать в платеж исков их»[3];

е) когда у ответчика не было имущества на уплату иска, тогда приступали к последнему, крайнему средству удовлетворения истцов и кредиторов: самого ответчика, лично, отдавали истцу для заработки долга. Эта отдача ответчика технически называлась «*выдачею головою до искупу*»[4].

Выдача головою есть древнейший способ удовлетворения требований на известном лице; кто не вознаграждал за убыток, не платил долга, того самого отдавали истцу. Основание этого установления, не согласного с нашими теперешними понятиями, объясняется исторически. У всех народов в первый период их существования обязательства устанавливают не частную, ограниченную зависимость, но полное, целостное подчинение одного власти другого; обязательство обнимает целый юридический быт лица, его личность, семейство и имущество. Первоначально следствием выдачи

[1] Улож., гл. X, ст. 263, 264.

[2] 1656 года, 11 мая, № 197 – Именный.

[3] 1685 года, 2 октября, № 1135 – Именный с боярским приговором.

[4] Улож., гл. X, ст. 204, 206, 264, 265, 268, 271, 275; гл. XX, ст. 39, 40; гл. XXI, ст. 88.

головою, вероятно, было поступление выданного в полное распоряжение того, кому выдавали головою. Он мог делать с ним, что хотел: мстить за невыполнение обязательства или сделать своим рабом[1]. Но впоследствии характер выдачи головою изменился; она сделалась или одной пустой формой, которая лишена была всякого содержания[2], или в большей части случаев обратилась в способ вознаграждения, к которому прибегали в самых крайних случаях, когда все прочие средства удовлетворения истцов оказывались недостаточными. Этот новый характер выдачи головой ясно виден в Судебнике и Уложении.

Выдаче головой в заработку иска подлежали одни лица низших сословий[3]. Эти лица выдавались истцу не навсегда, а «до искупа», т. е. до того времени, пока кто-либо заплатит за ответчика долг или он заработает его своими трудами. Для этого определена была заработная плата. Годичная работа мужчины

[1] Это предисловие оправдывается некоторым образом тем, что за убийство выданного человека присуждалось наказание по усмотрению Государя: «что Государь укажет», а не обыкновенное, положенное за убийство. – Улож., гл. X, ст. 268. Итак, наказание за такое убийство является каким-то исключением из общего правила; неопределенность его свидетельствует о том, что оно начало вводиться незадолго до Уложения, а для объяснения факта срока необходимо предположить изменение прежних отношений между истцами и выданными им до искупа.

[2] Такова была выдача головою боярина, окольничьего, думного человека патриарху, митрополиту, архиепископу или епископу за бесчестье. Улож., гл. X, ст. 27, 28; *Татищев.* Судебник, § 55 примеч. (а). «Отдача головою была разная: знатных людей за бесчестья фамильные посылали к старшему в роде обесчещенном; но сие было токмо лицом. Как оного привезут, то приимающий должен его с честью приять и Государя за оборону благодарить. Хотя б приведенный хозяина как-нибудь ругал словами, он должен молчати и как гостя с честью отпустить».

[3] Татищев говорит: «Действительно за долги отдавали более посадских и крестьян дворцовых или государственных». Судебник, § 55, примеч. (а). Из Уложения видно, что головою не выдавали: дворян и детей боярских (гл. X, ст. 204), служилых всяких чинов людей, кроме детей боярских, «которые ходят в приставех» (гл. X, ст. 264), стрельцов (гл. X, ст. 265), и кроме казаков, пушкарей, затинщиков и иных меньших чинов служилых людей (гл. X, ст. 266). Новоуказанными статьями запрещено выдавать головою мещан. – 1673 года, 19 марта, № 546 – Именный.

оценялась в 5 рублей, женщины – в половину; детей, которые достигли 10-летнего возраста, – в 2 рубля, «а которые дети у них будут недоросли, меньши десяти лет, и тем недорослям в окуп истцова иску ничего не зачитати, потому что такие недоросли в таковы лета не работают»[1].

Кажется, что во времена Уложения по долгам мужа жену не отдавали головою истцу вместе с мужем; это доказывается тем, что долги, лежавшие на муже, платились им, а не женою, и наоборот, долги жены не падали на ответственность мужа[2]. Если это предположение справедливо, то, естественно, возникает вопрос: какие дети отдавались головою, до искупу, с одним супругом и какие оставались при другом? Судя по аналогии с древнейшими началами наследования, с матерью должны были отдаваться дочери, с отцом – сыновья (разумеется, неотделенные)[3]. Впрочем, это одно предположение.

Новоуказанными статьями выдача головою мужа без жены и жены без мужа отменена. Постановлено общим правилом не разрознивать семейства и выдавать в заработку обоих супругов вместе[4].

С тех, кому выдавались ответчики головою, бралась порука в том, что они их не убьют, не изувечат и вообще не нанесут им никакого вреда[5]. По заработке ответчиками долга

---

1 Улож., гл. X, ст. 266. – Наравне с работою женщин ценилась работа «срослых девок». Улож., гл. XX, ст. 40; гл. XXI, ст. 88.

2 1657 года, 25 июля, № 210 – Патриарший приговор, помеченный думным дьяком; 1660 года, № 290 – Именный воеводам в Нижний Новгород и Каргополь. То же самое доказывает Русская Правда XIII столетия: «Аже холоп крадет кого люба, то господину выкоупати и, любо *выдати* и, с кем будет крал а жене и детям не надобе; а оже боудоут с ним крали и хоронили, то всех выдати». Древнейшее русское право *Эверса*. – СПб., 1835. Также см.: Улож., гл. XXI, ст. 88. Наконец, 1669 года, 22 генваря, № 431. Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убивственных делех, ст. 16: «Выдавать головою до искупу, без жен».

3 Так у нас до сих пор в крестьянском быту: дочь наследует матери, сыновья – отцу.

4 1688 года, 14 марта, № 1285 – Именный с боярским приговором.

5 Улож., гл. X, ст. 266, 271. – 1688 года, 14 марта, № 1285 – Именный с боярским приговором.

истцы обязаны были поставить их в приказе, из которого эти ответчики им были выданы[1], после чего их отпускали на волю[2]. С тех, которые по закону не могли быть выдаваемы истцам, долг взыскивали иначе; их били на правеже до тех пор, пока они «разделаются» с истцами[3], или денежное их жалованье обращали в уплату иска[4].

VIII

Судебные пошлины и издержки

«Каждый шаг в присутствии суда был куплен ценою денег». Это замечание, впервые сделанное г. профессором Морошкиным[5], вполне справедливо в отношении к судопроизводству времен Уложения. Не было ни одного действия, предпринимаемого для развития спорного иска, которое бы не оплачивалось тяжущимися.

Исторические причины, лежащие в основании этого финансового характера судопроизводства, доселе остаются невыясненными. Во времена Судебника, Уложения и в период, предшествовавший реформе Петра Великого, пошлины с гражданского судопроизводства уже сделались источником государственных доходов и взимание их – как бы отраслью финансового управления; так, судебными пошлинами жаловали Государи и монастыри в награду за службу[6].

---

[1] Улож., гл. X, ст. 266.

[2] Улож., гл. XX, ст. 40. Обеспечение невредимости ответчиков порукою введено, вероятно, в предупреждение мести истцов над выданными им ответчиками. Такое же обеспечение давали господа, которым выдавались их беглые холопы. Улож., гл. XX, ст. 92.

[3] Улож., гл. X, ст. 204.

[4] Улож., гл. X, ст. 265.

[5] Речь об Уложении, с. 56, в конце.

[6] Улож., гл. X, ст. 125. – 1654 года, 8 мая, № 125; Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество с путем. – Акты Археографической комиссии. Т. IV. – СПб., 1836. – № 145. 1663 г., 1 декабря; Жалованная грамота игумена Покровского монастыря с братиею соборному старцу Пафнутию Кувшинову.

Главного основания происхождения судебных пошлин до́лжно, кажется, искать в древнейшем периоде нашей истории, в самом происхождении Русского государства. Кто бы ни были призванные союзными племенами на княжество и владение, – нет сомнения, что они внесли с собою в наше отечество начало, хотя и не враждебное, но, тем не менее, чуждое. По выражению Нестора, они были «находницы», а не «насельницы» и уже по этому одному не могли принимать живого участия в делах племен, им добровольно подчинившихся. Весьма естественно, что они ничего не делали для туземцев без вознаграждения, и это-то вознаграждение, получив известную правильность, развилось впоследствии в целую систему пошлин, которая в период Уложения была уже определена весьма подробно.

Если это предложение справедливо, то финансовый характер нашего древнего гражданского судопроизводства более всех других доказательств свидетельствует о преобладании в судопроизводстве этой эпохи начала обвинительного, гражданского, ибо исторические начала нашего законодательства с небольшими изменениями удержались до переворота Петра Великого.

В период Уложения характер пошлин, взимаемых с тяжущихся за судопроизводство, во многом изменился против прежнего. По Судебнику судебные пошлины всегда принадлежали судье. Поэтому те только пошлины принадлежали Государю, которые взимались с дел, решаемых им самим или детьми его[1]. По Уложению все печатные и судные пошлины уже взимались на Государя, в казну[2].

В этом замечательном изменении отразилось то же стремление к внутренней централизации всего Русского царства, о котором мы уже имели случай заметить в другом месте.

[1] Судебник Татищева, § 38, примеч. (а): «Бояре печатали свои печатями и пошлины брали себе, а у Государя определен был печатник». О тех и других пошлинах говорится в Судебнике особливо, о первых – в § 38, 39, 40, 42, 44.

[2] Это изменение сделано Борисом Федоровичем Годуновым. *Голиков.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. III. – М., 1790, – С. 424. – Судебник, § 38, примеч. (а).

Судебные пошлины и платы были различны в период Уложения. Одни взимались с тяжущихся в пользу казны («Государевы пошлины»), другие – в пользу судей и лиц, которые принимали участие в движении процесса (напр<имер>, недельщиков, подьячих).

К числу Государевых пошлин относились:

а. Подписные и печатные пошлины. Обе упоминаются вместе[1], потому что первоначально приложение печати заступило место подписи[2]. Они взимались за «печатание» и подписание наказных памятей[3], зазывных[4], сыскных[5] и правных грамот[6]. Из Уложения видно, что подписание и печатание исчисленных актов в начале процесса служило только как бы поводом ко взиманию исковых и челобитенных пошлин; ибо при подписании и печатании зазывных грамот взимались вместе пошлины и с искового челобитья, и с крепости, на которой был основан вчиняемый иск[7].

Не все лица были обязаны платить подписные и печатные пошлины. В виде привилегии от такой платы освобождались:

1) жители Сибири по искам, вчиняемым ими в Москве против жителей других, отдаленных городов[8];

2) головы и сотники московских стрельцов и московские стрельцы всех приказов[9];

3) стрелелецкие и казачьи головы, сотники, стрельцы и казаки городовые, по искам между собою[10];

---

1 Улож., гл. X, ст. 114, 115, 117, 118; Судебник, § 33, 34; Улож., гл. XVIII, ст. 28.

2 «Судьи для того выписки печатали, что многие писать не умели». Судебник Татищева, § 34, примеч. (а).

3 Улож., гл. XVIII, ст. 39.

4 Улож., гл. X, ст. 115, 117.

5 Улож., гл. XVIII, ст. 33, 32.

6 Улож., гл. XVIII, ст. 58.

7 Улож., гл. XVIII, ст. 34–42.

8 Улож., гл. XVIII, ст. 47.

9 Улож., гл. XVIII, ст. 49.

10 Улож., гл. XVIII, ст. 51.

4) английские и голландские гости в исках с русскими[1];

5) бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки[2];

6) Троицы Сергиев[3] и Новоспасский монастырь[4];

7) кормовые, а не поместные иноземцы, старого и нового выезду, «для их бедности и иноземства»[5];

быть может, и другие лица.

b. Государевы судные пошлины. Судные пошлины взимались *за суд* в тогдашнем, а не в теперешнем смысле слова. Величина их определялась величиною иска; с рубля исковой суммы положено было платить 10 копеек[6]. Для правильного взимания этой пошлины постановлено в Уложении означать «сколько с… дела доведется взяти Государевых пошлин» в особенных записных книгах, которые находились в каждом приказе, а подписывались дьяками[7].

Привилегию не платить судных пошлин имели: 1) стрельцы в исках не свыше 12 рублей; 2) все истцы в исках со стрельцами, когда эти иски не превышали 100 рублей[8]; 3) атаманы и казаки в 12-рублевых исках[9]; 4) монастыри и все лица духовного чину; 5) крестьяне некоторых монастырей[10]; 6) кажется, патриаршие крестьяне также не платили этой пошлины, потому что о них не упоминается в росписи.

---

1 Улож., гл. XVIII, ст. 55.

2 Улож., гл. XVIII, ст. 56.

3 Улож., гл. XVIII, ст. 59.

4 Улож., гл. XVIII, ст. 60.

5 Улож., гл. XVIII, ст. 63.

6 Улож., гл. X, ст. 124. – 1654 года, 8 мая, № 125; Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество с путем.

7 Улож., гл. X, ст. 128.

8 Улож., гл. X, ст. 124.

9 Улож., гл. XXIV, ст. 1.

10 1654 года, 6 мая, № 124 – Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчинные и прочие угодья; 1657 года, 20 мая, № 205 – подтверждение Жалованной грамоты Троицко-Сергиеву монастырю на вотчины, данной в 7133 (1625) году царем и великим князем Михаилом Федоровичем. Весьма вероятно, что все монастырские крестьяне были освобождены от платы судных пошлин, ибо в ст. 124, гл. X Уложения, где подробно исчислены все лица, обязанные платить судные пошлины, о них не упоминается.

Впоследствии эта привилегия могла быть дана и другим лицам[1].

Пошлины, которые взимались в пользу судей и недельщиков, были следующие:

а. Пересуд. В Уложении и последующих узаконениях много говорится о пересуде, но ни из одного места не видно, для чего была введена эта пошлина. В Судебнике место, в котором говорится о пересуде, весьма темно и сбивчиво: «*А пересудчиком пересуду* имати на виноватом по 20 копеек, а меньше рубля *пересуда* нет; а с поля всякого *пересуд.* А список кто оболживит, да шлется на правду, и в том *пересуд*»[2].

[1] 1657 года, 20 мая, № 205 – подтверждение жалованной грамоты Троицко-Сергиеву монастырю на вотчины, данной в 7133 (1625) году царем и великим князем Михаилом Федоровичем.

[2] Судебник Татищева, § 51. Трудности, представляющиеся при объяснении этого места, состоят в следующем: 1) что значат слова: «а меньше рубля пересуда нет»? Татищев в примечании к этому параграфу объясняет так: в деле меньше рубля пересуда нет. Это толкование оправдывается тем, что иски ценою в рубль решались жребием, а выше рубля – крестоцелованием. След<овательно>, рублевые иски действительно могли иметь прежде какое-нибудь различие со всеми другими исками, напр<имер>, могли окончательно решаться в первой инстанции. Но, с другой стороны, можно принимать эти слова Судебника и в буквальном их смысле: пошлина – пересуд (ибо о ней идет речь в целом <параграфе>) взимается, когда она не менее рубля. Это значит, пересуд не взимается, когда иск ценой менее 5 рублей. Подтверждением этого толкования может служить наказ монастырскому слуге, приведенный нами в главе о судоустройстве, из которого видно, что слуга мог судить монастырских крестьян в исках не свыше 5 рублей.

Если, однако, на основании обоих толкований (различающихся между собою только в величине иска, переносимого, по Судебнику, на суд второй инстанции) принять, что *пересуд* означает пошлину, взимаемую с исков, которые судились только во второй степени суда, то все же: 2) остается необъяснимым, почему пересуд взимался с каждого иска, решаемого судебным посредником («а с поля всякого пересуд»). Мы знаем положительно, что поле присуждалось тем же судом, который судил спорное дело с самого начала. (См. правые грамоты в Собрании юридических актов.) Отсюда, далее, непонятно: 3) какой смысл имеет по Судебнику слово *«пересудчик»*? Из сказанного видно, что *пересудчиками* не могли называться одни судьи, судившие спорное дело во второй инстанции. Итак, необходимо вместе с первым допустить и другое значение пересуда. Если мы обратим внимание на весьма важное обстоятельство, что иски ценою в рубль решались окончательно жребием, а выше рубля – крестоцелowани-

Итак, пересуд (не в смысле пошлины) не значит только суждение дела во второй инстанции, но имеет и другое значение, которое трудно определить по недостатку данных. Нам кажется, что *пересуд* во втором своем значении именно выражает то, что мы назвали выше *судом дополнительным*, который давался тяжущимся, когда в первом суде дело не могло быть решено по недостатку доказательств. Этим объясняется взимание *пересуда* с дел, решаемых окончательно в первой степени суда[1]: название могло затеряться, но самый предмет удержался и во времена Уложения.

Пересуд, как и судные пошлины, взимался с иска: с рубля исковой суммы взыскивали вдвое против судных пошлин, а именно 20 копеек («по шти алтын, по четыре деньги»)[2];

b. Правой десяток. В Судебнике сказано, что правой десяток взимался подвойским. По толкованию Татищева, подвойский был то же, что теперь сторож присутственного

ем; что, по всей видимости, присяга заменила в нашем законодательстве прежние судебные поединки и что поэтому между положением Судебника: «*а меньше рубля пересуда нет*» и другим положением, образовавшимся впоследствии: не приводить к присяге в рублевых исках – могла находится связь, нам теперь неизвестная, то можно с некоторой вероятностью предположить, что *пересуд* означал пошлину, которая взималась каждый раз, когда какое-либо дело решалось не тем судом, которым оно первоначально судилось, а другим, след<овательно>, или второю степенью суда (которую первоначально составлял суд Царев), или судом Божиим, каким был, кажется, во времена Судебника судебный поединок, замененный впоследствии присягой. Не делая дальнейших выводов о преждебывшем, древнейшем тож<д>естве верховных и жреческих судов у славянских народов, которому это толкование § 51 Судебника и многие факты могут подавать повод, мы заметим здесь только, что такое толкование, во-первых, вполне объясняет смысл приведенного места и, вовторых, разрешает важный вопрос, почему пересуд издревле взимался в пользу судей.

[1] 1653 года, 25 декабря; Наказ Покровского монастыря слуге Гавриле Воронину. См.: Акты Археографической экспедиции. Т. IV, № 67; 1659 года, «» декабря; Наказ слуге Иверского монастыря Антипу Григорьеву. Там же, № 112. 1678 года, 20 августа; Наказ Корнилия [31], митрополита Новгородского и Великолуцкого, Тихвинского монастыря архимандриту Варсонофию. Там же, № 225.

[2] Улож., гл. X, ст. 124.

места. Итак, правый десяток был пошлиною с иска, взимаемою в пользу сторожей. Того же толкования придерживается г. Иванов в сочинении о поместных правах в России[1].

Правого десятка взималось по копейке с рубля[2]. В период Уложения пересуд и правый десяток так слились с судными пошлинами, что вместе с ними составляли как бы одну нераздельную пошлину. Это видно из того, что все те, которые были освобождены от платы судных пошлин, освобождались от платы пересуда и правого десятка; кроме того, они записывались вместе с судными пошлинами в записные книги, хранившиеся в приказах[3].

С исков, вчиняемых на основании подложных крепостей («лживых кабал и записей») и об насильстве, судные пошлины, пересуд и правой десяток взыскивались вдвое[4];

с. Езд и хоженое. Под названием езда и хоженого разумелась пошлина, взимаемая приставом за вызов к суду ответчика или свидетеля. Различие хоженого и езда определялось местом жительства ответчиков и свидетелей. Если они жили в городе, то пристав получал *хоженое*, потому что ходил за ними; если вне города – то *езд*, за езду.

---

[1] Судебник Татищева, § 51, примеч. (б). – Иванова, Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших. – М., 1836. – С. 81.

[2] Улож., гл. X, ст. 124. Название *правый десяток* в период Уложения утратило прежнее свое буквальное значение, как и многие другие, удержавшиеся в настоящую эпоху от древнейших времен. Быть может, так называлась прежде 10-копеечная пошлина.

[3] Улож., гл. X, ст. 124, 128; 1654 года, 6 мая, № 124 – Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочие угодья; 1664 года, «» октября, № 364 – Грамота Новгородскому воеводе, боярину и князю Ивану Репнину.

[4] Улож., гл. X, ст. 124. – Слово *«насильство»* в древнем нашем законодательстве имело совсем другое значение, нежели какое оно получило впоследствии. Потрава (Улож., гл. X, ст. 208), загон к себе на двор чужой скотины без всякой справедливой причины (Улож., гл. X, ст. 210), завладение чужою землею (Улож., гл. X, ст. 211), отгон, покража, истребление чужих бобров (Улож., гл. X, ст. 214), порча бортных деревьев (Улож., гл. X, ст. 218) и другие тому подобные насильственные действия, назывались вообще *насильством*. Ср.: Улож., гл. X, ст. 215, 216, 220, 221, 222, 233, 242, 279 и др.

Хоженое было всегда одинаково. Пристав получал за вызов ответчика 5 копеек, за вызов общего свидетеля – десять. (Вот смысл выражения: «А хоженое недельщику в городе 10 денег, *а на правду вдвое*»)[1]. Езд определялся числом верст от того места, где происходил суд, до того, где жил ответчик или свидетель; за каждую версту езды пристав получал по деньге, полтину за 100 верст. В Судебнике сказано, что при вызове общего свидетеля пристав получал по копейке езда за версту; но в Уложении нет уже этого различия[2];

d. Пожелезное и прокорм. Пожелезное и прокорм были пошлины, взимаемые приставом за то, что он известные лица держал у себя и кормил. Приставом отдавались на руки:

1) ответчики, когда по них не было с суда поруки;
2) холопи, когда они составляли предмет тяжбы[3].

Как в том, так и в другом случае в пользу пристава взималось *пожелезное* – пошлина, получившая это название, вероятно, потому, что лица, отданные приставу, сковывались и содержались в цепях, и *прокорм* – деньги за пропитание содержимого. Первой полагалось по 1½ копеек, а второй – по 2 копейки на день[4].

Новоуказанными статьями 1658 г. запрещено приставам взимать пожелезное, а вместо того постановлено выдавать им жалованье из Судного приказа[5].

Вот все пошлины, которые взимались с тяжущихся в продолжение гражданского процесса. О других не упоминается в Уложении. Может быть, в московских приказах действительно не было положено других пошлин, кроме тех, которые нами исчислены; но столько же вероятно, что иные пропущены или не упомянуты случайно. Таковы: *ротное*, *верное* – за приведение к присяге; *смотренное* – за освидетельствование на месте (с дозору); *судное* – за суд; *жеребейное* – вероятно,

[1] Улож., гл. X, ст. 144. – Судебник, § 45.

[2] Судебник, § 45. – Улож., гл. X, ст. 148.

[3] Улож., гл. XX, ст. 94.

[4] Там же.

[5] 1658 года, 1 марта, № 221 – Именный.

за решение дела жребием, о которых упоминается в юридических актах, современных Уложению[1].

К издержкам по судопроизводству до́лжно отнести *проести* и *волокиты*, платимые за продолжение процесса долее положенного законом времени. Они уплачивались тем, от чьей вины произошла проволочка, тому, кто от нее терпел убытки. Несмотря на различное название, проесть и волокита составляли вместе одну нераздельную плату, которая поэтому в одно и то же время была и вознаграждением за издержки содержания, и штрафом за волокиту.

Происхождение платы за проесть и волокиту объясняется характером нашего древнего процесса. Нельзя было вести тяжбу, не явившись лично в приказ, к суду; поэтому истец и ответчик необходимо должны были во все продолжение процесса постоянно находиться там, где судилась их тяжба, а это вовлекало иногда в значительные издержки на содержание, особливо тех, которые не имели постоянного места жительства в том месте, где происходил суд. Вероятно, в вознаграждение этих-то издержек и в наказание за проволочку и введена плата проестей и волокиты.

Величина вознаграждения за проесть и волокиту определялась числом дней, в которые продолжался процесс сверх обыкновенного, законом определенного времени. За каждый день проволочки полагалось по 10 копеек проестей и волокиты, что составляло по 3 рубля на месяц[2]. Но кто вчинял «поклепные» или уже однажды решенные иски, с того взыскивались проесть и волокита в пользу правого тяжущегося за все то время, в которое продолжалась тяжба, от дня составления поручной записи и до дня решения дела, ибо каж-

[1] 1653 года, 25 декабря – Наказ Покровского монастыря слуге Гавриле Воронину. Акты Археографической экспедиции. Т. IV. № 67, 1659 года, «» декабря; Наказ слуге Иверского монастыря Антипу Григорьеву. Там же. № 112, 1679 года, 11 генваря; Наказ Соловецкого монастыря собора доводчику Корнилу Аникееву. Там же, № 232; Наказы монастырским прикашикам. См.: Юридические акты. № 334. I, III.

[2] Улож., гл. X, ст. 18, 130, 139, 140, 141; гл. XV, ст. 5; гл. XVIII, ст. 43; гл. V, ст. 113–115, 117–119, 229, 162.

дый день, в который такой процесс продолжался, был уже днем проволочки[1].

Платить проесть и волокиту должен был, как мы уже сказали, тот, от чьей вины произошла проволочка, след<овательно>: 1) дьяк и подьячий, которые тянули дело[2]; 2) городовый судья, который при пересылке дела из низшей инстанции в высшую не собрал поручной записи по тяжущихся и оттого один из них не являлся к суду[3]; 3) ответчик, который не давался на поруки[4] или, собравши по себе поруку, не являлся к суду в срок[5]; 4) третейский судья, давший неправильный приговор по делу[6]; 5) порутчики, которые не поставили ответчика к суду на срок[7]; 6) обыскные люди, которые дали ложное показание и тем продолжили процесс[8].

Из новоуказанных статей видно, что многие лица были освобождены от платы проестей и волокиты[9]. Может быть, и прежде и после давались подобные привилегии.

Мы сказали, что проесть и волокита платились за проволочку дела. По этому началу в различных случаях различно определялся день, с которого почитали проволочку начавшеюся: если в проволочке был виновен дьяк или подьячий, то он платил проесть и волокиту с первого дня су-

---

[1] Улож., гл. X, ст. 18, 154. За ложный иск об утаенном поместье полагалась двойная плата проестей и волокиты. Улож., гл. XVI, ст. 26.

[2] Улож., гл. X, ст. 18. – Они платили двойную проесть и волокиту (по 20 копеек на день).

[3] Улож., гл. X, ст. 130.

[4] Улож., гл. X, ст. 139; гл. XVIII, ст. 43.

[5] Улож., гл. X, ст. 113, 115, 119, 140, 141.

[6] Улож., гл. XV, ст. 5.

[7] Улож., гл. X, ст. 229.

[8] Улож., гл. X, ст. 162.

[9] Этой привилегией пользовались все, состоявшие в дворцовом ведомстве, в исках между собою и с посторонними. Она распространялась даже на тех, которые вели с ними тяжбы. 1686 года, 5 марта, № 1173 – Именный с боярским приговором. Потом такая же привилегия дана мурзам, татарам, мордве, чувашам и черемисам: 1686 года, 19 марта, № 1180 – Именный с боярским приговором.

да[1] и до челобитья о проволочке; если проволочка произошла оттого, что городовой судья вместе со спорным делом не прислал поручных по тяжущимся, то первым днем проволочки считался тот, в который один из тяжущихся записывал свою ставку к апелляционному суду[2] до присылки поручной записи; если в проволочке был виноват ответчик, не дававшийся на поруки, то неделю[3], а по новоуказанным статьям месяц спустя[4] после подачи истцом приставной памяти до явки его к суду; если, наконец, кто-либо вчинял поклепный иск, то обязан был платить проесть и волокиту за все время, с собрания по ответчике поручной записи до окончания дела[5].

В период новоуказанных статей образовалось несколько новых, замечательных положений о плате проестей и волокиты. По Уложению, только за поклепные и вновь вчиняемые иски взимались проести и волокиты с начала и до конца процесса; в прочих исках положена была плата проестей и волокит за одну проволочку. Но новоуказанными статьями это положение изменено и дополнено: всякий истец, обвиненный в иске, должен был платить ответчику проесть и волокиту по гривне на день, хотя бы даже сумма проестей и волокит превышала цену иска. Тому же подвергались и ответчики, обвиненные в иске, кроме тех, которые обвинены «каким бесхитростным делом», т. е. промолвкою, указною неделею и т. д.[6]

Итак, различие между поклепными и непоклепными исками в отношении к плате проестей и волокит уничтожилось;

---

[1] Улож., гл. X, ст. 6. – Так, кажется, дóлжно понимать выражение: *«Как дело зачалося»*. Впрочем, дьяк и подьячий могли быть виновны в проволочке дела как до суда, так во время и после суда, поэтому и первый день проволочки был различно определяем.

[2] Улож., гл. X, ст. 130.

[3] Улож., гл. X, ст. 139.

[4] 1685 года, 11 ноября, № 1140; Судные статьи, п. 1.

[5] Улож., гл. X, ст. 18, 154; гл. XVI, ст. 26; 1683 года, 22 июня, № 1029 – Именный с боярским приговором.

[6] 1651 года, 9 генваря, № 55 – Боярский приговор.

за всякий проигранный процесс взыскивался этот штраф с обвиняемого в пользу противника. Какие бы ни были поводы к такому изменению прежних постановлений о проестях и волокитах, можно сказать утвердительно, что в нем выражается новый взгляд на судопроизводство – взгляд, постепенно приготовленный предшествовавшим развитием идеи Государства, которое ясно обнаруживается на различных частях законодательства этой эпохи. Все частные гражданские действия, прежде безразличные, теперь все более и более подводятся под категории справедливых или несправедливых действий и с этой точки зрения определяются законодательством. Многие по прежним понятиям гражданские преступления получают теперь от этого характер преступлений государственных; действия безразличные возводятся на степень гражданских преступлений. На этом-то основании обвиненный платил прежде проесть и волокиту только за время проволочки; но в период новоуказанных статей он должен был уплачивать штраф за все время процесса.

Кажется, однако, что число дней, за которые взималась проесть и волокита, различно определялось в поклепных и непоклепных исках. В первых, как уже замечено, проесть и волокита взимались со дня подачи приставной памяти, в последних – с начала суда и до дня решения. Итак, в последнем случае время, употребленное на вызов к суду, исключалось из общего счета дней, за которые взималась проесть и волокита[1].

Другие изменения в учении о проестях и волокитах произошли вследствие отмены обвинения без суда и поэтому недолго сохраняли свою силу. Кто не искал и не отвечал в продолжение недели, с того постановлено взыскивать проесть и волокиту со дня явки к суду одного из тяжущихся до дня явки к суду противника[2]. Но с введением прежнего обвинения неявкой взыскание проестей и волокиты за дни,

[1] 1685 года, 11 ноября, № 1140; Судные статьи, п. 8.

[2] 1653 года, 4 ноября, № 109 – Именный. Это положение отменено Судными статьями 1685 г., 11 ноября, № 114, п. 8.

предшествовавшие суду, отменено и восстановлены прежние положения[1].

IX

Перенос судебных дел в высшие инстанции

Перенесение спорных судебных дел из низшей инстанции в высшую происходило двояким образом:

1) излагая судоустройство времен Уложения, мы сказали, что судебная власть городовых и пригородных воевод была ограничена и в отношении к цене, и в отношении к предметам гражданских исков. Когда таким образом иск, превышающий судебную власть воевод, поступал на их решение или когда они не знали, как решить его, они сами собой, без просьбы тяжущихся, присылали его на решение высшей инстанции[2]. Такой порядок переноса дел может быть назван порядком *следственным*;

2) но могли быть случаи, что один из тяжущихся находил решение, постановленное судьей, несправедливым. Тогда он должен был приносить на то жалобу в высшую инстанцию, и на основании этой жалобы высший суд вытребовал от низшего дело, рассматривал его и постановлял по нему новое решение. Такой порядок перенесения спорного гражданского дела из низшей инстанции в высшую вследствие жалобы одного из тяжущихся может быть назван гражданским, *апелляционным*.

Суд по каждому спорному гражданскому иску, кроме тех, которые особыми привилегиями были исключены из общей подсудности, необходимо происходил сперва в низшей инстанции[3]. Если дело должно было быть по следственному порядку перенесено в высшую инстанцию, то список этого судного дела посылался судьями в то присутственное место, под которым они состояли. Если по порядку апелляционному,

---

[1] 1685 года, 11 ноября, № 1140. Судные статьи, п. 8.

[2] Улож., гл. X, ст. 2, 130.

[3] Улож., гл. X, ст. 130, 20.

то пересылке дела и решению должна была предшествовать апелляционная жалоба, поданная недовольным тяжущимся в высшее присутственное место[1]. Но в Уложении ничего не говорится ни о том, каким образом судный список и решение вытребовались высшей инстанцией от низшей, ни о сроках для апелляции. Присланное в высшую инстанцию спорное гражданское дело уже не *судилось* в ней, потому что было *засужено*[2] в низшей инстанции, но или *решалось*, если поступало следственным порядком, или *перевершивалось*, если переносилось порядком апелляционным.

Так было, когда *суд* по какому-либо спорному гражданскому делу, перенесенному на решение высшей инстанции, не требовал никаких изменений. Но могло случиться:

1) что один из тяжущихся опровергал судный список («оболживить список»), т. е. доказывал, что суд по этому спорному делу не так происходил в низшей инстанции, как он был изложен в списке, присланном в высшее присутственное место; или

2) что судьи сами, по рассмотрении присланного к ним списка судного дела, находили, что суд был неполон, неясен или происходил несогласно с законами.

К каким средствам прибегали в первом случае, для того чтобы удостовериться в справедливости опровержений судного списка одним из тяжущихся, об этом ничего не сказано в Уложении; но в Судебнике производство по такого рода делам изложено весьма подробно[3]. Вероятно, то же самое производство, может быть с некоторыми изменениями, удержалось и в настоящую эпоху.

Во втором случае приговаривали «*дати суд с головы*»[4], т. е. назначали подвергнуть спорный иск новому суду. Но мы не знаем, происходил ли этот новый суд в высшей инстанции, перед теми же судьями, которые опровергли первый суд, или

[1] Улож., гл. X, ст. 7.

[2] Улож., гл. X, ст. 130.

[3] Судебник, ст. 69.

[4] Улож., гл. X, ст. 10.

спорный иск опять обращался в низшую инстанцию и там подвергался новому суду.

Решение и перевершение спорного иска в высшей инстанции не иначе как на основании суда, произведенного в низшем присутственном месте, давал гражданским процессам того времени весьма правильный ход и строгую последовательность в их развитии. Все доказательства и опровержения в пользу и против спорного гражданского иска однажды навсегда излагались в суде – им и ограничивался момент ведения доказательств; высшая степень суда только постановляла решение, которого не был в праве постановить низший судья, или давала решение по тому же самому делу, которое было уже однажды решено в низшей инстанции, и вместе с тем произносила свой приговор и о ее решении. Апелляционная жалоба заключала в себе только просьбу перевешивать спорный гражданский иск, потому что низший суд решил его неправильно. Доказательства, в ней излагаемые, имели целью убедить в этом высшее присутственное место – не более. Она не могла заключать в себе новых доводов в пользу или против спорного иска, ибо этот иск, пополненный новыми доказательствами, изменился бы и образовал новый спорный гражданский иск, новое спорное дело, что явно противоречило бы понятию о перевершивании. Тогда судья неправильно подвергся бы взысканию за неправильное решение и неправильно такой иск, пополненный новыми доказательствами, решался бы во второй инстанции. Итак, во времена Уложения апелляционное решение было не что иное, как решение тяжбы между судьей и недовольным тяжущимся; они являлись здесь лицами равными; оба равно платили друг другу бесчестье и убытки, если были неправы[1]. Только в одном случае мы находим отступление от изложенных нами правил – это при назначении суда с головы. Но и здесь спорный иск не изменялся, а все прежнее производство его уничтожалось и объявлялось как бы несуществующим юридически. Назначали новый суд,

[1] Улож., гл. X, ст. 5 и 6: «Судья платит тяжущемуся тройной иск»; Там же, ст. 9: «Тяжущийся судье бесчестье».

который производил совсем новое дело, не имеющее юридически ничего общего с предыдущим.

Скажем в заключение, что по Уложению частная жалоба, подаваемая в продолжение процесса, строго отличалось от апелляционной. Это ясно видно из того, что если тяжущийся жаловался на судью, что он волочил дело, то это дело не переносилось на суд и решение высшей инстанции, но судья подвергался наказанию, и ему предписывалось «судные дела вершити безволокитно»[1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Реформы, происшедшие в судоустройстве и судопроизводстве при Петре Великом и в последующие царствования, до Учреждения о губерниях (1696–1775)

Уже много было говорено и писано о значении Петра Великого в русской истории, но вопрос не решен и до сих пор. Это объясняется тем, что мы еще почти современники Петра Великого и едва только начинаем высвобождаться из-под непосредственного влияния реформы, им произведенной. Для нас эта реформа не есть еще вполне прошедшее, на которое бы мы могли смотреть прямо и беспристрастно. Оставляя поэтому в стороне вопрос о значении реформы, мы заметим здесь только вообще, для уяснения нашего предмета, что в период Уложения обычное право заметно изглаживалось в народном сознании: это доказывается самим Уложением и законами, после него изданными. Такому ослаблению обычного права много содействовали следующие причины.

1. В период Уложения юридические отношения становились мало-помалу многосложнее, разнообразнее и поэтому запутаннее, нежели были прежде. Каждое юридическое отно-

[1] Улож., гл. X, ст. 15.

шение, прежде простое, теперь начало дробиться на несколько различных отношений по различным оттенкам, в нем заключавшимся. Эти новые отношения нельзя уже было судить по обычному праву, по существу своему, простому, однообразному; явились потребность восходить к юридическим началам, лежащим в основании обычного права, а оно через это должно было прийти в упадок.

2. При постепенном развитии законодательства в нем появлялись новые юридические положения, которые хотя и были результатом предшествующего, однако во многих отношениях изменяли его. Таким образом, старое продолжало существовать подле нового, нередко противоположного ему по основному своему началу. От такого смешения различных начал и оттого, что обычай потерял прежнюю исключительную силу, обычные верования должны были утратить свою ясность и определенность.

Когда живое сознание права ослабело, буква закона, которая была его выражением, сделалась мало-помалу мерилом и единственным источником права. Отсюда развился *юридический формализм*, сутяжничество, ябеда, душевредство, которые в период новоуказанных статей чрезвычайно усилились и служат доказательством, что тогда существовали одни только формы древнего права, а дух его изгладился и исчез из народного сознания.

Таково было состояние правосудия в нашем отечестве в конце XVII в. Таким застал его Петр Великий. Самым простым, скорым и верным способом изменить такой порядок вещей весьма естественно, казалось, дать России лучшие законы. Лучшими, разумеется, должны были казаться те, под которыми жили народы просвещенные, имевшие организованное устройство и строгое правосудие. Тогда не было и не могло быть убеждения, до которого впоследствии довел долговременный опыт, что никакой, как бы он хорош ни был, сам по себе не водворяет права; что чуждое только перешедши в сознание может быть усвоено и принести ожидаемые плоды. Петр Великий вознамерился ис-

править тогдашний юридический быт России введением иностранных законов.

Реформой открывается новый период русского законодательства – период *нововведений* и *заимствований*, по своему характеру и направлению резко отличающийся от предыдущего и во многих отношениях противоположный ему. В развитии своем он подвергся многим существенным изменениям и, наконец, в наше время выразился в результатах своих, в своде законов Российской Империи, как обычное право в Уложении.

С Петра Великого предметом законодательства является уже не развитие начал, сокрытых в обычном праве, а самые начала, их критика и установление. До Петра Великого все развитие законодательства ограничивалось: a) дальнейшим определением, пояснением, истолкованием начал, лежавших в основании тогдашнего права; поводом служили обыкновенно новые юридические случаи, представляемые судебною практикою и не решенные существовавшими законами; b) некоторыми незначительными изменениями, редко выходившими из круга существующих обычных начал права. Со времен реформы самые начала права подверглись суждению, и критерием при этом служил *лучший юридический быт России,* как понимали его законодатели. Таким образом, до Петра Великого русское законодательство преимущественно развивалось *аналитически* – от казусов к началам; после Петра Великого – *синтетически* – от начал к их приложению.

Отсюда: русское законодательство этой эпохи представляет не развитие одних и тех же начал, а беспрестанное изменение их, уничтожение существующих и замещение другими. Каждый законодатель приносил свой собственный взгляд на юридический быт России и сообразно с ним делал те или другие изменения в законодательстве. Поэтому при изучении законов этого периода до́лжно преимущественно обращать внимание на личность законодателей, их понятия и убеждения, а не на внутреннюю последовательность развития юридических начал, ибо ее не было и не могло быть во многих случаях.

Далее, когда юридические начала, лежавшие в основании юридического быта, сами сделались предметом критики и обсуждений, обычай должен был и юридически потерять прежнюю свою силу. Отсюда объясняется строгое предписание, повторявшееся в продолжении этого периода несколько раз: во всех сомнительных случаях непременно испрашивать разрешения у верховной власти и твердо придерживаться буквального смысла закона. Не только обычное право ослабело в этот период, но и сам ход законодательства изменился. Новые, чуждые начала внесены в право. По этим двум основаниям законодатели весьма правильно опасались, чтобы свобода судьи в толковании закона не повлекла за собой произвольных решений или решений на основании прежних обычных начал, противных или, по крайней мере, несогласных с новыми, и отняли всю силу у обычая.

Вся сила реформы сосредоточилась преимущественно на государственном и гражданском управлении древней России, потому что ближайшей ее причиной были злоупотребления, вкравшиеся в администрацию.

Наконец, заметим, что в продолжение этого периода все начала, заимствованные из иностранных законодательств и пересаженные на русскую почву, изменили свой характер, утратили историческую, жизненную сторону, приняли в себя другое содержание и таким образом низведены до правильнейших, удобнейших, вообще лучших средств и форм управления.

Перейдем теперь к краткому обозрению тех изменений, которые произошли вследствие реформы в русском гражданском судопроизводстве, до издания Учреждения об управлении губерний.

СУДОУСТРОЙСТВО

В устройстве гражданских судов настоящей эпохи мы находим многие новые начала, которые, конечно, были при-

готовлены предыдущим развитием, но до Петра Великого не были ясно высказаны и введены в действующее законодательство. Эти начала суть: a) отдельное судебное управление купечества и мещанства от прочих классов; b) коллегиальное устройство судебных мест; c) отделение судебной власти от исполнительной, собственно административной; d) начало контрольное и инквизиционное.

1. Отдельное управление купечества и мещанства от прочих классов. Говоря о судоустройстве времен Уложения и новоуказанных статей, мы заметили, что необходимость отдельного управления купечества от прочих классов была чувствуема еще до Петра Великого и высказана в Новоторговом уставе 1667 года. Петр Великий первый привел эту мысль в исполнение, подчинив купечество, посадских людей и ремесленников бурмистрам, замененным впоследствии магистратами.

Все устройство купеческих, мещанских, вообще горожанских судов, все чины, ими заведующие, бургомистры, ратманы [32], ратсгеры и т. д., очевидно, заимствованы из иностранных законодательств. Петр Великий велел: «Магистратов градских… учинить на основании Рижского и Ревельского регламента [33] по всем городам»[1]. Таким образом, городское сословие создано у нас Петром Великим. Магистраты судили не только спорные дела, возникающие исключительно из купеческих оборотов и юридических отношений, но все дела гражданские между купцами, мещанами и ремесленниками.

2. Коллегиальное устройство судебных мест. Введение коллегиального устройства в настоящем смысле слова, бесспорно, принадлежит Петру Великому. До него управление областью или отраслью администрации находилось обыкновенно в руках *воеводы со товарищи* или *судьи со товарищи*. Но товарищи придавались воеводе и судье потому только, что одному управлять было трудно; ему нужны были советники, помощники, которые могли бы исправлять его должность во время его отсутствия, болезни, смерти и т. д.

---

[1] 1718 года, 11 июля, № 3208; Высочайшая резолюция на мемориал иноземца Фика [34], п. 8 и рез.

Отсюда неопределенность отношений их к главному воеводе или судье. Вся власть юридически сосредоточивалась в его руках, ограничиваясь только *de facto* мнением и советами его помощников. Петр Великий видел злоупотребления, проистекающие из такой безграничной власти правителей[1], и для того заменил ее властью нескольких лиц вместе, из коих каждое было совершенно независимо друг от друга и поэтому, участвуя наравне со всеми другими в управлении, могло вместе с тем контролировать их действия. Главный управитель сделался с того времени старшим членом своих товарищей; единовластие его исчезло.

Коллегиальное устройство, как и отдельное управление городских классов, заимствовано Петром Великим из шведского законодательства.

3. Отделение судебной власти от исполнительной. Отделения судебной власти от исполнительной не было в нашем древнем законодательстве, ибо сосредоточение всех властей в одном правительственном месте (приказе) или лице было, как мы заметили, одною из характеристических черт нашего древнего устройства. Конечно, подведомственность определялась нередко по частным признакам; но если лицо почему бы то ни было подчинялось известному месту или лицу, то оно подчинялось ему вполне по судебному, межевому, полицейскому, финансовому управлению. На этом основании и исполнительная власть не отделялась от судебной.

В эпоху, незадолго предшествующую реформе Петра Великого, отделение власти судебной от исполнительной начало мало-помалу обнаруживаться; особливо это заметно в определении отношений между духовной и светской властью. Но это отделение выражалось только в некоторых частных случаях и не было возведено до определенного юридического начала.

[1] 1718 года, 22 декабря, № 3261 – Именный, в начале: «Учинены коллегии, т. е. собрание многих персон (вместо приказов), в которых президенты или председатели не такую мочь имеют, как старые судьи: делали, что хотели. В коллегиях же президент не может без соизволения товарищев своих ничего учинить. Также и прочие обязательства великая суть, что отымают старые поползновения делать».

У нас оно, очевидно, имело и имеет целью облегчение правительственных мест и лиц, которые были бы слишком обременены, если бы заведовали и той и другой отраслью управления.

4. Начало контрольное и инквизиционное. Установление особливых чиновников для наблюдения за присутственными местами и лицами в отправлении их должности и для сохранения казенных интересов не было в строгом смысле нововведением при Петре Великом. Не говоря уже о том, что все «верные» таможенные и кабацкие головы и целовальники по окончании своей должности отдавали отчет в управлении общине, их избравшей, и потом считались приказом, в ведомстве которого они состояли[1], мы заметим, что, по свидетельству Кошихина, ко всем знатным посланникам были приставлены дьяки, которые наблюдали за ними в отправлении их должностей и обо всех отступлениях доносили Государю, в Приказ тайных дел, где и были ведомы[2].

Со времен Петра Великого контроль чиновников и присутственных мест в отправлении их должностей и инквизиционное начало в делах казны получили обширнейшее развитие и круг действия через установление фискалов и прокуроров.

Фискалы и прокуроры, как и все провинциальное устройство, заимствованы Петром Великим из Швеции. Трудно определить, в чем именно состояло различие между ними. Кажется, фискалы, по главному своему назначению, были истцы со стороны казны – казенные стряпчие, как были монастырские стряпчие – по делам монастырским, и патриаршие – по имениям патриарха. Напротив, прокуроры были преимущественно блюстители законов; они смотрели за тем, чтобы присутственные места, при которых они были установлены, не отступали от законного порядка и форм[3].

[1] 1676 года, 17 мая, № 642 – Именный.

[2] *Кошихин*. Гл. VII, ст. 1.

[3] В Финляндии, где удержались со значительными изменениями формы шведского государственного устройства и управления, введенного у нас Петром Великим, это различие между фискалами и прокурорами еще сохранилось. См. *Rein*. Statistische Darstellung des Grossfurstenthum’s Finland. Helsingfors. – 1839 in 8. – S. 81, 93.

Впрочем, строгого различия между фискалами и прокурорами не было, и должности их во многих отношениях были совершенно одинаковы.

Установление фискалов и прокуроров не было одним последствием нововведений; потребность их глубоко лежала в юридическом быте России во времена Петра Великого.

1. Когда развилось понятие о строгом различии между благом общим и частным, именем частных лиц и казны, первые при взаимном столкновении интересов частных с общими находили себе деятельных защитников, а последние – интересы казны и дела уголовные, если не были связаны с частными, оставались без истцов. Петр Великий видел эту беззащитность казны, тем более потому, что издержки, нужные для войны, заставляли его беспрестанно помышлять о средствах усиления государственных доходов. Вот что и побудило его установить фискалов.

2. Первоначально, когда управление находилось в руках выборных чиновников и только центральное, преимущественно политическое, военное и финансовое управление было вверено княжеским или царским наместникам, необходимость контроля или наблюдения над чиновниками в отправлении их должностей не могла быть чувствуема в такой мере, как впоследствии, потому что государство состояло из областей, соединенных между собой более политической, нежели внутренней связью. Впоследствии, когда выборные от общины или мира мало-помалу исчезали, и правители, образовав постоянные коллегиальные присутствия, утратили каждый в отдельности характер лиц, облеченных особенной доверенностью самого Государя; когда политическое единство заменилось внутренней централизацией государства и оно образовалось в одно органическое целое; наконец, когда прежнее делопроизводство, развившееся из обычая, заменено новым, заимствованным из иностранных законодательств, непосредственный надзор над присутственными местами и лицами сделался необходим. Этой потребности удовлетворил Петр Великий введением прокуроров.

Сначала учреждены фискалы в 1711 г.[1] с большими правами и властью; они могли всякого требовать к суду, «кто не правду чинит», и не подвергались никакой ответственности, если не доказывали доноса[2]; сами же они и имения их не были подведомственны общим присутственным местам, но через обер-фискала судились Сенатом[3]. Отсюда должны были проистекать большие злоупотребления; поэтому права фискалов впоследствии ограничены: сначала им запрещено вмешиваться в гражданские («челобитчиковы») дела[4] и предоставлено доносить по безгласным делам «иже не имеют челобитчика о себе»[5], а в царствование Императрицы Екатерины I они подчинены по частным, гражданским искам Ведомству общих присутственных мест[6].

---

[1] 1711 года, 2 марта, № 2330 – Именный, данный Сенату, п. 9.

[2] 1711 года, 5 марта, № 2331 – Именный, данный Сенату, п. 5.

[3] 1712 года, 16 генваря. Об этом указе упоминается в указе Сената 1721 года, 24 февраля, № 3745. Если не ошибаемся, его нет в Полном собрании законов.

[4] 1713 года, 24 апреля, № 2669 – Именный, объявленный из Сената.

[5] 1714 года, 17 марта, № 2786 – Именный, п. 3.

[6] 1725 года, 20 апреля, № 4698 – Именный, п. 11. Первоначально установлены: *обер-фискал* при Сенате и при нем четыре *фискала*, в том числе два из купечества; по *четыре фискала* в каждой губернии, в том числе *провинциал-фискал* и *фискалы* из купечества; по одному и по два фискала в городах; они назывались и *земскими*, или *ланд-фискалами* (1714 года, 17 марта, № 2786 – Именный). Ср.: 1711 года, 10 августа, № 2414 – Резолюция Сената на докладные пункты обер-фискала Былинского [35], п. 1 и 2; 1718 года, 26 ноября, № 3244 – Именный. Ср.: 1749, «», № 3479 – Инструкция, или наказ земским фискалам в губерниях и провинциях, п. 2. Впоследствии мы находим *генерал-фискала, обер-фискала государственного* (при Совете), *обер-фискала* воинских коллегий, *обер-фискалов* в Москве и в войске у дивизий, *фискалов* в коллегиях и в магистрате (1723 года, 22 февраля, № 4170 – Именный, данный Сенату). Сверх того, по епархиям учреждены духовные фискалы из духовных особ под названием *провинциал-инквизиторы*; при Синоде – *протоинквизиторы*, а в городах и заказах – *инквизиторы* (1721 года, «», № 3870 – Инструкция, данная от Святейшего Синода Московского Данилова монастыря [36] строителю иеромонаху Пафнутию, определенному протоинквизитором, или главным фискалом, по делам духовного ведомства во всей России.

В 1722 г. впервые установлены *прокуроры*: в Сенате – генерал- и обер-прокуроры, а в коллегиях – прокуроры[1]. Впоследствии они были уничтожены неизвестно кем и когда и восстановлены манифестом Императрицы Анны Иоанновны на прежнем основании[2].

Представим теперь краткий очерк реформы, произведенной Петром Великим в судоустройстве.

ОБЛАСТНОЕ, ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ СУДОУСТРОЙСТВО

В 1708 г. вся Россия разделена Петром Великим на восемь *губерний*: Московскую, Ингерманландскую [37], Киевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую[3]. Впоследствии, в 1719 г., каждая губерния подразделена еще на несколько *провинций*[4]. Все эти губернии с небольшими изменениями организованы по образцу Ингерманландской, ибо из многих указов мы видим, что почти то же устройство,

[1] 1722 года, 12 генваря, № 3877 – Именный, данный Сенату, п. 4.

[2] 1728 года, 2 октября, № 5625; Манифест. После учреждения *генерал-* и *обер-прокуроров* при Сенате и *прокуроров* в государственных коллегиях мы находим *прокуроров* в магистратах и надворных судах (1722 года, 18 генваря, № 3880 – Именный, п. 1; 1722 года, 27 апреля, № 3981 – Именный). Затем установлены: *обер-прокурор* в *Синоде*, равный генерал-прокурору (1722 года, 11 мая, № 4001 – Именный), и прокуроры при губернаторах (1733 года, 3 сентября, № 6475 – Именный), при канцеляриях и конторах (1741 года, 12 декабря, № 8480 – Именный).

[3] 1708 года, 18 декабря, № 2218 – Именный, объявленный из Ближней канцелярии [38]. В 1713 г. из Риги со Смоленском образована особливая Рижская губ. (1713 года, 28 июля, № 2703 – Именный); но в 1719 г. мы находим уже новое разделение России на 10 губерний: С.-Петербургскую, Московскую, Киевскую, Азовскую, Рижскую, Архангельскую, Сибирскую, Казанскую, Нижегородскую, Астраханскую. Новыми были Нижегородская и Астраханская (1719 года, 29 мая, № 3380 – Именный, состоявший в Сенате).

[4] С.-Петербургская губ. разделена на 12 провинций, Московская – на 9, Киевская, Азовская, Архангельская, Сибирская, Казанская, Астраханская – каждая на 4 провинции; Нижегородская – на 3, Рижская – на 2 (1719 года, 29 мая, № 3380 – Именный, состоявшийся в Сенате).

которое введено было во всех губерниях, существовало в Ингерманландской еще до Учреждения о губерниях в России[1].

В новом областном устройстве судебное управление было отделено от собственно административного, исполнительного и полицейского (в обширном смысле).

а. Областное устройство в административном отношении

Высшая административная власть в губерниях принадлежала *губернатору*. Под ним состояли: *вице-губернатор*, который заступал на его место во время его отсутствия[2]; в провинциях, если в них находились гарнизоны, *обер-коменданты* и *коменданты* (вероятно, по городам)[3], а где гарнизонов не было, там сначала *ландраты* [39] *с комиссарами*, а потом *воеводы провинциальные*[4], по городам – *городовые*[5], а под последними, в пригородах – *пригородные воеводы*[6].

До реформ, произведенных Петром Великим в областном устройстве, при каждом воеводе находились помощники, *товарищи*, которые избирались из помещиков жителями того города, где находился воевода, и ведали с ним все дела города и уезда[7]. Отношение их к воеводе было то же самое, какое суще-

[1] 1705 года, 3 марта, № 2039 – Именный; 1708 года, 21 марта, № 2194; Докладные пункты князя Меншикова [40] с высочайшими резолюциями, ст. 24, 1707 года, 17 генваря, № 2135 – Именный, объявленный князем Меншиковым; 1706 года, 12 марта, № 2097 – Именный, объявленный князем Меншиковым Копорскому коменданту Римскому-Корсакову [41].

[2] 1714 года, 17 марта, № 2786 – Именный, п. 8. Отношение вице-губернатора к губернатору весьма не ясно в законах Петра Великого; иногда вице-губернаторы состояли при губернаторах (1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный); иногда они имели в своем управлении города (1713 года, 24 апреля, № 2673 – Именный, п. 3) и провинции (1719 года, 29 мая, № 3378 – Именный, объявленный из Сената).

[3] 1714 года, 17 марта, № 2786 – Именный, п. 8; 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[4] 1719 года, 19 мая, № 3380 – Именный, состоявшийся в Сенате.

[5] 1728 года, 26 июня, № 5315 – Сенатский, п. 9; 1728 года, 12 сентября, № 5333; Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, п. 7.

[6] 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[7] 1705 года, 19 генваря, № 2018 – Именный, объявленный Разряду боярином Стрешневым.

ствовало между судьями, ведавшими приказы, и их товарищами; последние были помощники, советники первых.

Это управление воеводами «со товарищи» Петр Великий заменил чисто коллегиальным – *ландратскими правлениями*. Они заимствованы не из Швеции, как вообще все областное устройство, а из Остзейских провинций, ибо мы знаем, что когда Эстляндия находилась под властью Дании, местное управление ее вверено было наместнику и земскому совету, состоявшему из 12 ландратов.

Ландраты учреждены в России в 1713 г. Положение о них состояло в следующем: «учинить ландратов в больших губерниях по двадцати, в средних по десяти, в меньших по восьми; дела их то, что они все дела с губернатором делать и подписывать и губернатор у них не яко властитель, но яко президент, и имеет оному только два голоса, а прочим по одному, и никакого дела без оных не делать».

«Вице-губернаторам по три доли, а обер-комендантам в полы против своих губернаторов иметь ландратов, где будут оные в особых городах той губернии, а не при губернаторе»[1].

«В губерниях, в тех городах, в которых гарнизонов нет, обер-комендантам и комендантам не быть, а быть вместо их ландратам, по одному человеку над каждою долею (в которой 5536 дворов, или по скольку будет удобие, по рассуждению губернаторскому)».

«Из ландратов всегда быть при губернаторах по два человека, с переменною по месяцу или по два месяца».

«А при окончании года ландратам съезжаться к губернаторам… для исправления дел всем вместе (того ради губернаторам ни для каких сборов и дел от себя никуда в ландратское правление нарочных не посылать); а судить тех ландратов губернаторам самим, с вице-губернаторами и с ландратами»[2].

После 1719 г. в указах более не упоминается о ландратах; когда именно они уничтожены – неизвестно; весьма вероятно, что они отменены с изданием нового положения об

[1] 1713 года, 24 апреля, № 2673 – Именный, п. 3.

[2] 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

областном устройстве (в 1719 г., 29 мая), ибо в нем не упоминаются ландраты в числе прочих губернских и провинциальных чиновников[1].

В 1722 г., когда судебное управление было снова вверено губернаторам и воеводам, им приданы были в помощь *асессоры*, в главных городах – по два, а в провинциальных – по одному. Так было восстановлено еще при Петре Великом прежнее управление посредством воевод «со товарищи»[2].

Место прежних приказных изб, приказных палат заступили теперь *губернаторская и воеводская канцелярии*, которые вообще назывались *земскими канцеляриями*[3]; здесь заседали губернаторы и воеводы, принимали челобитные и отправляли дела[4]. При них находился *земский секретарь* или *дьяк*[5].

Отношения между губернаторами и провинциальными и городовыми воеводами определить весьма трудно, и в царствование Петра Великого они едва ли были доведены до той систематической правильности, которую видим впоследствии, особливо со времени издания Учреждения о губерниях. Выше уже замечено, что вице-губернаторы иногда состояли при губернаторах и находились с ними в одном городе; иногда же они управляли провинциями наравне с провинциальными воеводами. Мы знаем, что все городовые воеводы состояли под апелляцией губернатора, но воеводы некоторых городов по отдаленности были подчинены надзору ближайших провинциальных воевод[6]. Сверх того, губер-

1 Ландраты упоминаются в последний раз в Именном указе, объявленном из Сената, 1719 года, 17 апреля, № 3354.

2 1722 года, 12 марта, № 3917 – Сенатский Юстиц-коллегии; 1722 года, 4 апреля, № 3935 – Именный, состоявшийся в Сенате.

3 1720 года, 20 апреля, № 3571 – Наказ земским дьякам или секретарям, п. 2.

4 Там же, п. 3.

5 1718 года, 26 ноября, № 3244 – Именный; 1719 года, «…» генваря, № 3294 – Инструкция или наказ воеводам, п. 41.

6 1728 года, 12 сентября, № 5333 – Наказ губернаторам и воеводам и их помощникам, п. 6.

наторы, вице-губернаторы, обер-коменданты и провинциальные воеводы, будучи высшими управителями губерний или провинций, в то же время служили первой инстанцией для жителей того города и уезда, в котором они находились[1].

b. Областное устройство в судебном отношении

а) Общие суды

Высшая судебная власть в губерниях принадлежала сначала *ландрихтерам*. Из устройства Ингерманландской и первоначального устройства вообще всех наших губерний видно даже, что сперва в целой губернии был один только ландрихтер и что он судил спорные дела *о землях*[2]. Но кому принадлежал в это время суд во всех прочих спорных исках – неизвестно.

Трудно решить, откуда заимствованы ландрихтеры. Мы находим их в Швеции и Эстляндии; напротив, ландрихтеры, установленные у нас, судили, собственно, одни спорные дела о землях, и то по приказанию ландратской коллегии, под которой они состояли[3]; сверх того, они не составляли коллегий, но каждый из них имел свою канцелярию земских дел[4].

В 1718 г. в новой росписи губернских чинов мы находим уже обер-ландрихтера и *ландрихтера*[5]. Можно с некоторою вероятностью заключать, что обер-ландритеры вскоре опять отменены, ибо в 1719 г. в штате С.-Петербургской губернии снова упоминается только об одном ландрихтере на всю губернию[6].

[1] Это видно из устройства С.-Петербургской губ. (1719 года, 29 мая, № 3380 – Именный, состоявшийся в Сенате; 1722 года, 4 апреля, № 3935 – Именный, состоявшийся в Сенате).

[2] 1707 года, 17 генваря, № 2135 – Именный, объявленный князем Меншиковым, п. 2 и 3; 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный: «Ежели… спор какой в землях будет и о том для розыску и межеванья посылать ландрихтеров».

[3] 1713 года, 24 апреля, № 2673 – Именный, п. 3: «Ландрихтерам быть каждому под вышереченным (ландратским) консилиумом в своей провинции»; 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[4] 1708 года, 21 марта, № 2194; Докладные пункты князя Меншикова с высочайшими резолюциями, ст. 24.

[5] 1718 года, 26 ноября, № 3244 – Именный.

[6] 1719 года, 29 мая, № 3380 – Именный, состоявшийся в Сенате.

Впоследствии ландрихтеры были уничтожены[1]; мы не знаем побудительной причины их уничтожения, но можно думать, что установление по городам и провинциям судов и судей, коим вверено было решение спорных поземельных и исковых дел, сделало ландрихтеров ненужными[2].

Учреждение *городовых* и *губернских* судов было впервые предположено Петром Великим в 1718 г.[3] и впоследствии, кажется, приведено в исполнение. Первые называются в указах *уездными*[4], *земскими*[5], *нижними*, *нижними городовыми*, *провинциальными*[6] судами. Где таких судов не было, там должность их возлагалась на воевод[7], губернаторов, вице-губернаторов, обер-ландрихтеров, ландрихтеров и городовых судей[8].

Городовые, или нижние суды состояли под апелляциею *главных*[9], высших, надворных судов[10], заимствованных из

---

[1] Если не ошибаемся, обер-ландрихтеры и ландрихтеры в последний раз упоминаются в Указе Юстиц-коллегии, 1719 года, 16 ноября, № 3453.

[2] По установлении Юстиц-коллегии, вероятно, вследствие существования отдельного поместного приказа и ландрихтеров – отдельных губернских судей для спорных дел о землях, возник следующий вопрос: «Поместным ли одним или судным делам вместе как в Швеции, так и в той (Юстиц-коллегии) быть и в какой силе, только ли в одном С.-Петербурге или по провинциям и городам?» (1718 года, 9 мая, № 3202 – Высочайшая резолюция на доклад Юстиц-коллегии, п. 1. Вопрос выражен не совсем ясно. Кажется, Юстиц-коллегия испрашивала разрешения на то, быть ли поместным и судным делам вместе, и если быть, то в одном ли С.-Петербурге или и в провинциях и городах?) Петр Великий повелел: «Быть одному Уставу или Уложенью» (Там же, рез. на п. 1). Таким образом, в силу этой резолюции городовые и губернские суды должны были ведать поземельные и исковые спорные дела, а следовательно, ландрихтеры, отдельно заведовавшие одними поземельными спорными делами, должны были сделаться излишними.

[3] Там же; 1718 года, 22 декабря, № 3261 – Именный, п. 8.

[4] 1719 года, «…» генваря, № 3294 – Инструкция, или наказ, воеводам, п. 5.

[5] 1722 года, 27 апреля, № 3979 – Именный, п. 7.

[6] 1720 года, 4 мая, № 3577 – Именный, объявленный из Юстиц-коллегии.

[7] 1719 года, 16 ноября, № 3453 – Указ из Юстиц-коллегии.

[8] 1720 года, 4 мая, № 3577 – Именный, объявленный из Юстиц-коллегии.

[9] 1718 года, 9 мая, № 3202 – Высочайшая резолюция на доклад Юстиц-коллегии, п. 1.

[10] 1718 года, 22 декабря, № 3261 – Именный, п. 2.

шведского законодательства. Надворные суды, по первоначальному предположению, должны были находиться в каждой губернии, а впоследствии только в главных губернских городах (С.-Петербурге, Москве, Казани, Курске, Ярославле, Воронеже, Нижнем Новгороде, Смоленске и Тобольске)[1]. Они составляли вторую, высшую инстанцию по областном устройстве и соответствовали нынешним соединенным палатам, с той только разницей, что последние установлены для одной губернии, а первым были подсудны многие губернии, как гофгерихтам в Швеции. Кроме того, от неправильности тогдашней администрации и смешения управления местного с централизованным надворные суды были в одно и то же время высшими областными судами для губерний, причисленных к их судебному округу, и нижними, городовыми для уездов и городов, в которых были установлены[2].

О составе надворных судов ничего не говорится в указах Петра Великого. Мы знаем только, что Московский надворный суд состоял из трех полковников, одного подполковника и двух царедворцев и должен был управлять губернией вместе с вице-губернатором[3]. Место надворных судов, где их не было, заступали губернаторы[4].

В одно время с судами предположено было установить и городовых *судей*[5]. В следующем году мы находим, что такие судьи были действительно учреждены Юстиц-коллегией[6] во всех больших городах; но в 1722 г. они были отменены, и судебная власть их передана воеводам, а в городах, где воевод не было и которые находились в значительном расстоянии (в двухстах верстах) от главного города провинции, установ-

---

[1] 1719 года, 8 генваря, № 3269 – Именный.

[2] 1722 года, 4 апреля, № 3935 – Именный, состоявшийся в Сенате.

[3] 1719 года, 8 апреля, № 3344 – Именный, объявленный из Сената.

[4] 1719 года, 16 ноября, № 3453 – Указ из Юстиц-коллегии; 1720 года, 4 мая, № 3577 – Именный, объявленный из Юстиц-коллегии.

[5] 1718 года, 22 декабря, № 3261 – Именный, п. 2.

[6] 1722 года, 12 марта, № 3917 – Сенатский Юстиц-коллегии.

лены для многих смежных городов особливые *асессоры* с правом судить дела ценою в 50 рублей[1].

Цель установления городовых судей и отношение их к городовым и провинциальным судам нам неизвестны. По всем вероятиям, они должны были заступать место судов там, где их не было. Это предположение подтверждается тем, что со времени передачи судебной власти воеводам и губернаторам нигде более не упоминается о судах городовых и провинциальных.

Вот краткий очерк реформ, произведенных Петром Великим в общем областном устройстве России. Отношение между собственно судебною и административною властью во время разделения их определялось тем, что воеводы и губернаторы не имели права судить спорных гражданских дел[2], но наблюдали над судьями, чтобы они не волочили дел и не делали несправедливостей; они принимали жалобы[3], отправляли их в надлежащий суд[4] и исполняли решения, делая свои представления высшему судебному месту, если находили их неправильными[5].

Вследствие разделения власти судебной и административной должны были образоваться и два рода инстанций: одни – по административному, другие – по судебному управлению. Так и было: первоначально организованы административные инстанции: городовые и провинциальные воеводы и коменданты состояли под апелляцией губернаторов[6], с 1719 г. определены и судебные инстанции: городовые и провинциальные суды и судьи подчинены

[1] 1722 года, 4 апреля, № 3935 – Именный, состоявшийся в Сенате.

[2] 1707 года, 17 генваря, № 2135 – Именный, объявленный князем Меншиковым, п. 5; 1719 года, «…» генваря, № 3294 – Инструкция, или Наказ, воеводам, п. 5.

[3] 1714 года, 8 декабря, № 2865 – Именный, объявленный из Сената.

[4] 1720 года, 20 апреля, № 3571 – Наказ земским дьякам или секретарям, п. 7.

[5] 1719 года, «…» генваря, № 3294 – Инструкция, или наказ, воеводам, п. 6.

[6] 1714 года, 21 марта, № 2787 – Именный, объявленный из Сената.

надворному суду[1]. Уничтожение судей, установленных по городам Юстиц-коллегией, и вверение судебной власти губернаторам и воеводам, тогда как в других городах оставались по-прежнему городовые и провинциальные суды, и следовательно, судебная власть не сливалась в одном лице с исполнительной, административной, – должны были породить большую неправильность в областном устройстве того времени и вместе с тем сделать весьма неопределенным учение о подчиненности присутственных мест и лиц и порядок принесения апелляционных жалоб. Это и новость областного учреждения, введенного в России Петром Великим, были причиной чрезвычайного умножения жалоб, подаваемых лично самому Государю. Много было издано указов, запрещавших жаловаться мимо установленных инстанций; но они оставались без действия, несмотря на беспристрастные подтверждения.

b) Особенные суды

Сюда относится устройство *духовных*, *крестьянских* и купеческих, ремесленных, *мещанских* судов.

1) Духовные суды. В 1722 г. после установления Синода Петр Великий учредил по городам *духовных дел управителей*[2]. Они ведали в первой инстанции спорные гражданские иски, вчиняемые против духовных[3]. Вторую областную инстанцию составляли епархиальные архиереи[4]. Такое учреждение особливых духовных судов для гражданских исков против духовных лиц было не что иное, как видоизменение прежних начал управления сообразно с новым областным устройством России: отдельное управление духовенства и лиц, ему подвластных, в делах светских удержано; только введены в нем две инстанции, из коих первая соответствовала городовым воеводам и судам, а вторая – надворным судам.

[1] 1719 года, 15 июля, № 3403 – Указ из Юстиц-коллегии.

[2] 1722 года, 4 сентября, № 4081 – Синодский, п. 1.

[3] Там же, п. 10.

[4] Там же, п. 3.

2) Крестьянские суды. В устройстве их не произошло в царствование Петра Великого никаких существенных изменений. Когда установлены были коменданты и ландраты, заменившие сначала воевод, к ним перешло и право суда над крестьянами в делах гражданских[1]. В этот, как и в предыдущий период, судебное управление крестьян не сосредоточивалось в одном каком-либо присутственном месте, но было разделено между различными ведомствами. Крестьяне, приписанные к заводам, фабрикам, артиллерии, судом ведались в том управлении, которому были подчинены фабрики, заводы и т. д.; крестьяне помещичьи, вотчинные, монастырские, патриаршие, епископские, дворцовые и ямщики по-прежнему судились в своих исках перед помещиками и приказчиками. Частные изменения в управлении их ограничивались одним перечислением из одного ведомства в другое.

3) Суды городского сословия. Городское сословие, как мы выше заметили, создано в России Петром Великим. Еще в 1699 г. установлены по городам выборные[2] бурмистры с властью судебной и административной[3]. Так, введено отдельное управление купечества от прочих городских и уездных жителей в делах торговых[4]. Этому управлению впоследствии дана более правильная организация; к Новгороду, Пскову, Астрахани и «иным таким городам» велено было приписать малые города и уезды. Появилось в отношении к торговому сословию разделение России на *провинции*, которое задолго предшествовало общему преобразованию нашего областного устройства. Бурмистры больших городов должны были ве-

---

[1] 1706 года, 12 марта, № 2097 – Именный, объявленный князем Меньшиковым Копорскому коменданту Римскому-Корсакову; 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[2] 1699 года, 30 генваря, № 1674 – Именный; 1699 года, 30 генваря, № 1675 – Именный, объявленный из Разряда; 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[3] 1699 года, 30 мая, № 1686 – статьи, присланные из Воронежа в Разряд.

[4] 1699 года, 5 октября, № 1699 – Именный; 1700 года, 26 июля, № 1708 – Именный.

дать бурмистров малых городов и, в свою очередь, ведались *Бурмистерской палатой*, которая находилась в Москве[1], состояла из бурмистров и вскоре переименована в *Ратушу* [42], а члены ее – в бургомистров[2]. Некоторые посады были, однако, изъяты по именным указам из этого общего порядка управления и ведались обер-комендантами и воеводами[3]. Последнее изменение в управлении купеческим сословием состояло в том, что по введении нового областного устройства городовые бургомистры подчинены по апелляции губернаторам[4]. Через это Бурмистерская палата в Москве должна была потерять прежнее свое значение.

В 1718 г. предположено учредить *городовые магистраты* на основании Рижского и Ревельского регламентов[5]. Этим положено первое основание отдельному управлению городового сословия по всем делам, которые до него относились[6]. В 1721 г. оно было подробно и систематически развито в Регламенте Главного магистрата[7] и, таким образом, еще при Петре Великом установилось окончательно. В этом уставе все города, по числу дворов, разделены на пять классов[8], из коих первые два заключали в себе большие города, два вторые – средние, а последний – малые города. В малых городах были одни *бургомистры* с известным числом *ратманов*; в средних бургомистры составляли *магистрат*; в больших городах

[1] 1699 года, 27 октября, № 1706 – Именный.

[2] 1699 года, 17 ноября, № 1718 – Именный.

[3] 1709 года, 4 генваря, № 2220 – Именный, состоявшийся в Преображенском приказе [43], за подписанием царевича Алексея Петровича и последовавший на основании оного приговор Ратуши.

[4] 1715 года, 28 генваря, № 2879 – Именный.

[5] 1718 года, 11 июня, № 3208 – Высочайшая резолюция на мемориал иноземца Фика. Рез. на 8 п.

[6] 1721 года, 16 генваря, № 3708; Регламент, или устав, Главного магистрата, гл. IX, гл. XIV.

[7] Там же.

[8] Там же, гл. V. К первому отнесены города, в которых было 2000 дворов и более; ко второму – 1000–2000; к третьему – 500–1000; к четвертому – 250–500; к пятому – города, в которых было менее 250 дворов.

устройство магистратов отличалось только тем, что в них один из бургомистров назначался *президентом*[1].

Число бургомистров и ратманов было различно, смотря по величине города. Они выбирались из гостей, гостиной сотни, гостиных детей и первостатейных граждан «добрых, пожиточных и умных людей»[2].

Областные присутственные места и лица, управлявшие городским сословием, делились на три инстанции; на бургомистров малых городов подавались апелляционные жалобы магистратам, в коих не было президентов и которые, следовательно, равнялись провинциальным судам и воеводам. Недовольные решением этих магистратов жаловались в больших городах магистратским президентам. Итак, губернские магистраты, составляя третью инстанцию, соответствовали надворным судам[3].

После Петра Великого *общее* областное устройство России подверглось новым изменениям. Начала, внесенные им в русское законодательство, были нам чужды. Многосложное областное устройство, им данное, противоречило простому, однообразному устройству древней России. При установлении многих областных чиновников, присутственных мест, инстанций и отдельных управлений (из коих мы упомянули только о некоторых, собственно относившихся к судебному управлению), при неопределенности законов и частном их изменении весьма немногие знали, у кого искать защиты против нарушений права. Содержание чиновников, учрежденных Петром Великим, требовало больших издержек, тягостных для

---

[1] Там же, гл. VI.

[2] Там же.

[3] Там же, гл. VI. Из инструкций магистратам 1724 года, № 4624, п. 28 видно, что вместо трех областных инстанций, предложенных Регламентом Главного магистрата для городового сословия, учреждены только две: на городовых бургомистров и магистраты приносились апелляционные жалобы прямо в магистраты, уравненные с надворными судами. Такая неопределенность числа инстанций заметна и в общем областном устройстве. Вообще, из указов видно, что Петр Великий имел первоначально в виду учредить три областные инстанции, но впоследствии – потому ли, что были установлены коллегии, или по каким-либо другим причинам он во всех областных управлениях учредил по две инстанции.

народа. Все это побудило Екатерину I в 1727 г. «как надворные суды, так и всех лишних управителей, и канцелярии их, и конторы, камериров и земских комиссаров [44], и прочих тому подобных вовсе отставить, а положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод…, чтобы подданным тем показано быть могло облегчение, а вместо бы разных многих канцелярий и судей знали токмо одну канцелярию»[1]. Таким образом, прежнее областное устройство восстановлено и удержалось неизменно до Учреждения о губерниях. Дополнения и пояснения, к нему относящиеся, в главных чертах состояли в следующем.

1. Городовые комиссары, учрежденные Петром Великим, заменены по-прежнему воеводами и подчинены в порядке апелляционном воеводами провинциальных городов[2]. Последние имели при себе помощников, которые после Петра Великого перестали называться асессорами, а получили старое название *товарищей*, как видно из многих указов[3].

2. Власть административная и судебная, соединенные в одном лице воеводы «со товарищи», были строго отличены друг от друга в законах и служили основанием двоякой подчиненности воевод в порядке инстанций. В судебном отношении воеводы городовые, провинциальные и губернаторы непосредственно подчинены были Юстиц-коллегии[4]; в адми-

[1] 1727 года, 15 марта, № 5033 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете [45], п. 4.

[2] 1726 года, 15 июля, № 4929 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета Сенату; 1727 года, 24 февраля, № 5017 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета Сенату, п. 2; 1727 года, 15 марта, № 5033 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете, п. 2.

[3] 1726 года, 15 июля, № 4929 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета Сенату; 1727 года, 18 сентября, № 5157 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете; 1728 года, 12 сентября, № 5333 – Наказ губернаторам и воеводам и их *товарищам*.

[4] 1728 года, 18 сентября, № 5157 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете; 1728 года, 26 июня, № 5315 – Сенатский, п. 8; 1730 года, 22 июля, № 5597 – Именный вследствие Высочайше утвержденного доклада; 1730 года, 20 марта; 1739 года, 22 мая, № 7815 – Высочайшая резолюция на доклад Сената, п. 9.

нистративном – пригородные воеводы были подведомственны городовым[1]; городовые воеводы – провинциальным[2], а провинциальные воеводы – губернатору[3]. Вследствие этого по одному и тому же спорному делу частные жалобы подавались одним присутственным местам и лицам, а апелляционные – другим.

3. Воевод городовых положено переменять через каждые два года[4]. В этом, как и во всей реформе областного устройства, введенного Петром Великим, видно стремление восстановить наше прежнее управление. Закон сменять воевод через известное число лет существовал издавна[5]. С какою целью он был восстановлен теперь – неизвестно. Быть может, основанием служили остатки прежнего характера кормлений, который имели воеводы; по крайней мере, мы знаем достоверно, что по древнему законодательству смена воевод через известное число лет (три года) была введена для отвращения злоупотреблений, которым кормления подавали повод, а, может быть, и для того, чтобы давать воеводские места другим лицам, заслужившим награды.

По смерти Петра Великого произошла новая реформа и в особенных управлениях. Главной целью ее была централизация всех отдельных судебных управлений в руках местного воеводы. Таким образом, последовательность юридического начала восстановлена; единовластие утверждено и в особенном областном управлении.

1. Купеческие суды. Магистраты подчинены губернаторам и воеводам[6].

---

[1] 1728 года, 12 сентября, № 5333 – Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, п. 7.

[2] Там же, п. 6; 1728 года, 26 июня, № 5315 – Сенатский, п. 9.

[3] 1728 года, 26 июня, № 5315 – Сенатский, п. 8.

[4] 1730 года, 20 марта, № 5522.

[5] *Голиков*. Доп. к деян. Петра Великого. Т. III. – С. 423, 426.

[6] 1727 года, 24 февраля, № 5017 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета Сенату, п. 2; 1727 года, 15 марта, № 5033 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете, п. 2.5, ст. 1; 1732 года, 17 марта, № 5992 – Сенатский; 1737 года, 20 июля, № 7333 – Инструкция С.-Петербургской воеводской канцелярии, п. 8. В царствование Елисаветы Петровны магистраты,

В этот же период времени установлены *словесные суды*[1], существовавшие до Петра Великого под названием *таможенных*, и подчинены по апелляциям магистратам и ратушам[2]. Впоследствии мы увидим значение их и цель их учреждения.

2. Крестьянские суды. Крестьяне различных ведомств были подчинены суду воевод и губернаторов. В законах говорится о таком подчинении дворцовых крестьян[3], ямщиков[4] и крестьян синодского ведомства[5]. Все они стали подсудны вое-

замененные ратушами (1728 года, 5 июля, № 5302 – Сенатский), восстановлены, а с тем вместе восстановлено и все прежнее устройство областных судов среднего сословия; магистраты приписанных городов по-прежнему подчинены по апелляции провинциальным, провинциальные – губернским (1744 года, 20 августа, № 9018 – Сенатский). Но Екатерина II подчинила губернские магистраты губернаторам (1764 года, 21 апреля, № 12137 – Наставления губернаторам, п. IX) и таким образом восстановила устройство, введенное Екатериной I, с той только разницей, что прежде каждый воевода заведовал магистратом.

[1] 1754 года, 5 мая, № 10222 – Сенатский, п. 1.

[2] 1766 года, 10 августа, № 12721 – Указ из Главного магистрата с приложением инструкции словесным судам.

[3] 1728 года, 12 сентября, № 5333 – Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, п. 12. – 1732 года, 26 мая, № 6068 – Сенатский.

[4] 1728 года, 30 июня, № 5299 – Сенатский, п. 6.

[5] 1727 года, 15 марта, № 5033 – Именный в Верховном тайном совете, п. 4; 1728 года, 12 сентября, № 5333 – Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, п. 13. В царствование Императрицы Екатерины II управление крестьян синодального ведомства вследствие учреждения Коллегии экономии подверглось значительным изменениям. Часть этих крестьян осталась по-прежнему в управлении архиереев, архимандритов и игуменов, которые поэтому и были главными судьями по спорным гражданским искам, возникавшим между ними (1763 года, 6 июня, № 11844 – Инструкция высочайше учрежденной Коллегии экономии, п. 7); другая состояла под управителями и приказчиками, посылаемыми от Коллегии экономии и замененными потом выборными управителями от крестьян (1764 года, 13 августа, № 12226 – Высочайше утвержденный доклад президента Коллегии экономии, князя Куракина [46]) и под казначеями. Сверх того, над округами синодальных крестьян установлены по городам *попечители* (см. там же), а впоследствии – четыре *экономических правления*: в Ярославле, Казани, Ельце и Вологде (1770 года, 28 июля, № 13487 – Высочайше утвержденный доклад Сената). В какой мере простиралась судебная власть воевод и губернаторов на синодальных крестьян со времени этих реформ в их управлении, не видно из современных указов.

водам и губернаторам на основании прежних начал подсудности, действовавших еще до преобразований Петра Великого и изложенных в главе о судоустройстве в период Уложения.

С изданием Учреждения для управления губерний [47] заключался ряд реформ в областном устройстве. Начала, внесенные в это устройство Петром Великим и замененные прежними при его преемниках, были восстановлены Екатериной II и развиты с большей полнотой, последовательностью и определенностью. Период Петра Великого в этой отрасли законодательства заключился; с новым Учреждением управление губерний получило правильную, систематическую организацию, которая лежит в основании их настоящего устройства.

1. Власть *судебная* при Императрице Екатерине II снова отделена от власти *исполнительной*. Разделение этих двух властей, как мы уже заметили, впервые появилось со времен Петра Великого. При его преемниках оно сохранило только в отношении к высшим правительственным местам в подчинении губернаторов и воевод по судебному управлению – Юстиц-коллегии, а по власти исполнительной – Сенату. Но в отношении к губернаторам оно исчезло, ибо в руках губернаторов и воевод сосредоточены обе власти, и они сами исполняли приговоры, по которым постановляли решение.

По Учреждению о губерниях судебная и исполнительная власти снова отделены одна от другой и каждая из них вверена особливым присутственным местам и лицам. Вся Россия разделена на губернии или *наместничества*, из коих каждое должно было заключать в себе от 300 до 400 тыс. душ[1]; губернии, смотря по надобности, могли делиться на области или *провинции*[2]. Наконец, каждая губерния или область делилась на *уезды* или округи, в коих полагалось от 20 до 30 тыс. душ[3].

---

[1] 1775 года, ноября 7, № 14392 – Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи, п. 1.

[2] Там же, ст. 15.

[3] Там же, ст. 16 и 17, 193 и 194.

Исполнительная власть в губерниях вверена *наместникам*[1] и *губернским правлениям*[2], в уездах – *нижним земским судам*[3], а в городах – *городничим* или *комендантам*[4]. Все эти места и лица не имели судебной власти[5]; ею заведовали особливые суды, о которых мы скажем в своем месте.

Между судебными и исполнительными присутственными местами и лицами установлены известные отношения. Должность исполнительных присутственных мест и лиц состояла в приведении в исполнение приговоров и решений мест судебных. Отсюда, если возникало спорное гражданское дело в каком-либо несудебном присутственном месте, оно не судило его, но передавало тому месту, которому дело подсудно по закону. По тому же началу судебные места не исполняли сами своих приговоров по спорным делам, но передавали для исполнения административным присутственным местам[6].

2. Для отдельных отраслей управления установлены в губерниях высшие присутственные места и лица, в которых как в высшей областной инстанции сосредоточивались дела, возникавшие в губернии. Эта централизация областного управления не была, однако, общей для всех управлений в губернии, но существовала для каждой отрасли в отдельности. Центральным присутственным местом исполнительной власти для целой губернии было *губернское правление*; судебное управление по делам гражданским сосредоточивалось в *гражданской палате*; но не было в губерниях общих центральных мест для судебной и исполнительной власти.

Централизация областного управления по отдельным отраслям с сохранением самостоятельности, независимости каждой из них не была нововведением при Екатерине II. Это начало впервые внесено в наше областное устройство Петром

[1] Там же, ст. 83 и 85.

[2] Там же, ст. 96, 97, 98 и 99.

[3] Там же, ст. 224, § 3.

[4] Там же, ст. 253, 254, § 3.

[5] Там же, ст. 82, 85, 96, 97, 229, 254, 266, 268.

[6] См. приведенные статьи.

Великим с установлением ландрихтеров, а впоследствии – земских и надворных судов, не зависевших от воевод и губернаторов. Но уже при нем, а еще более при его преемниках это начало уступило место прежнему и все отрасли управления соединены в одной воеводской канцелярии.

3. Учреждением о губерниях восстановлено в областном устройстве *коллегиальное начало*, впервые введенное Петром Великим и замененное в последующие царствования личным управлением. Это начало, как и все другие, проведено Императрицей Екатериной II с большой последовательностью по всем инстанциям областного управления и – что всего замечательнее – положено в основание устройства одних судебных присутственных мест[1]; губернское правление – место, по преимуществу исполнительное, административное – удержало старинное, *совещательное устройство*[2], бывшее в древней России единственной, исключительной формой судоустройства. Основание этого различия в устройстве судебных и исполнительных присутственных мест заключается в том, что власть исполнительная, по существу своему, есть необходимо власть *деятельная*, выражающаяся в единстве, определенности и скорости действия. Поэтому-то она и вверена лицу *физическому*. По обширности, многосторонности этой власти ему приданы

[1] Там же, ст. 183: «Большинство голосов дело решит». В Учреждении о губерниях прямо говорится только о коллегиальном устройстве верхних земских судов (ст. 183, 184), губернских магистратов (ст. 325, 326), верхних расправ (ст. 369, 370) и верхних надворных судов (ст. 462, 463). *Палаты* названы *департаментами коллегий*: уголовная – Юстиц-коллегии (ст. 106), гражданская – Юстиц- и Вотчинной коллегий (ст. 115), Казенная – Камер- и Ревизион-коллегии (ст. 118). Этим уже некоторым образом определено и устройство их; но об уездных судах и нижних расправах, равно как и о форме устройства прочих областных присутственных мест, не говорится ни слова.

[2] Там же, ст. 103: «*Два советника* определяются в губернское правление, для *вспоможения* губернатору. Они рассуждением своим уважают дело и *потом исполняют положения губернаторские*. Буде же случится, что губернаторские приказания не соответствуют пользе общей и губернатора рассуждениями от того отвратить им не можно, тогда советники долженствуют внести в правление письменно свое мнение, *но приказаний губернаторских отменить не могут и по оным исполнять обязаны*».

советники, которые помогают ему уяснить пределы, цель и направление его деятельности в известном данном случае. Таково было назначение губернского правления. При городничем, который имел гораздо меньший круг деятельности в сравнении с губернатором, не было советников. Напротив, судебным присутственным местам, установленным исключительно для определения *права*, дано коллегиальное устройство, ибо определение права основывается на суждении, которое, естественно, должно быть полное и многостороннее, когда в нем принимают участие не одно, а многие лица.

4. При Петре Великом *выборные*, кажется, перестали участвовать в общем областном управлении; по крайней мере, в его царствование о них более не упоминается. Встречается в указах выражение: *выбирать из людей достойных*[1]; но не всегда можно определить: выбирали ли те, кому вверено было областное управление, или по-прежнему жители губерний и провинций.

Ход реформы, ее направление и отношение к древнему быту заставляют думать, что последние остатки избирательного начала в русском областном судоустройстве уничтожены при Петре I. Период законодательства, незадолго предшествующий перевороту, представляет ряд постепенных замен выборных коронными чиновниками. Чужеземное устройство, введенное Петром Великим, не могло благоприятствовать избирательному началу: мы не знали этого устройства и привыкали к нему неохотно; нужны были для службы люди ревностные и хорошо знакомые с новым устройством, а таких могло назначать одно правительство, бывшее главным двигателем реформы. Одно устройство судов городового сословия представляет в этом отношении замечательное исключение: они состояли из выборных[2].

---

[1] Из указа 1718 года, «…» декабря, № 3264 – Именный, п. 5, видно, что высшие чиновники баллотировались Сенатом, а из Сенатского указа 1725 года, 22 сентября, № 4780 – что судебные комиссары, воеводы, камериры [48] и асессоры [49] назначались герольдмейстером [50].

[2] См. статью об устройстве городских судов.

Полное восстановление древнего избирательного начала в нашем областном судоустройстве принадлежит Екатерине II. По Учреждению о губерниях бóльшая часть областных присутственных мест состояла из выборных от всех сословий, кроме духовенства; со времени Екатерины II оно не принимало никакого участия в светском управлении и не имело поэтому представителей в областном учреждении.

Отношение избирательного начала к началу коронного управления и юридические положения, служившие основанием первому, по Учреждению о губерниях, определялись следующим образом[1]: a) высшие губернские присутственные места (губернское правление и палаты) состояли исключительно из одних коронных чиновников. Ими замещались и городнические должности[2]; b) средние инстанции (верхний земский суд, верхняя расправа и губернский магистрат) были составлены из коронных представителей[3] и выборных членов[4]. Такой же состав имели нижние расправы[5] и земские суды в уездах, где не было или было немного дворянских имений[6]; c) наконец, первые инстанции (уездные суды, городовые магистраты и нижние земские суды) заведовали исключительно одними выборными[7]; d) устройство совестного суда представляет замечательную особенность: он состоял из выборных членов[8] под председательством совестного судьи, который назначался наместником из кандидатов, выбранных судебными местами губернии, а не сословиями[9]; e) выборные чиновники, состоявшие в этих присутственных местах, не

[1] Мы ограничиваемся здесь рассмотрением одних исполнительных и судебных присутственных мест.

[2] Ст. 59, 60, 61, 71.

[3] Ст. 60, 62, 74.

[4] Ст. 65, 73, 75.

[5] Ст. 74.

[6] Ст. 66.

[7] Ст. 66, 67, 72, 75.

[8] Ст. 65, 73 и 75.

[9] Ст. 63.

иначе могли вступить в отправление своих должностей как с утверждения губернатора или губернского правления[1]; f) по окончании срока своего служения они не давали отчета в отправлении своей должности сословию, их избравшему, но подлежали общей ответственности перед правительством наравне с коронными чиновниками[2]. Наравне с ними выборные считались в действительной службе, пользовались чинами и наградами[3]; g) наконец, поселянам дозволено избирать своих заседателей не только из поселян же, но из «дворян, ученых людей, чиновных людей и разночинцев»[4].

Из сказанного видно, что избирательное начало, восстановленное Императрицей Екатериной II, не было основано на *представительстве*, но скорее на *предстательстве* выборных перед правительством, о пользах и выгодах избиравшего их сословия. Поэтому-то они ничем и не отличались от чиновников, назначаемых самим правительством, утверждались им и могли даже избираться из других сословий. В этом отношении восстановление их было действительным восстановлением прежних «выборных, добрых людей».

5. До Петра Великого у нас не было строгого юридического различия между *сословиями*, а поэтому и управления их не были строго отделены друг от друга и нередко находились в руках одного лица или присутственного места. Так, служилые люди судились преимущественно воеводами; крестьяне каждой волости в исках между собою имели свой суд; но крестьяне различных сел ходили под суд воевод, как и посадские люди; купцы по делам купеческим имели свои особливые, так называемые таможенные суды, подчиняясь, однако, по общему управлению власти местного воеводы.

---

[1] Ст. 63, 65, 66, 67, 73, 75. – Об утверждении градского главы, бугомистров, ратманов, старост и судей словесного суда [51] не говорится ни слова. Ст. 72.

[2] 1784 года, 25 июня, № 16025 – Сенатский;1785 года, 8 апреля; № 16177.

[3] Учреждение о губерниях, ст. 50–53; 1797 года, 19 генваря, № 17748 – Именный, объявленный генерал-прокурором; 1801 года, 1 августа, № 19961 – Именный, данный Сенату, п. 3.

[4] Ст. 75.

В царствование Петра Великого городское сословие было отделено от прочих и получило особливое управление.

Екатерина II довершила начатое Петром Великим. Изданием Дворянской грамоты[1] [52] и Городового положения[2] [53] она отделила дворянство от других классов и образовала из городовых жителей особливое сословие. Таким образом, окончательное юридическое разделение сословий принадлежит ее царствованию.

Образование сословий должно было отразиться и в областном управлении. В Учреждении о губерниях различие их играет важную роль и имело большое влияние на состав и назначение многих областных присутственных мест:

a) суды первых двух инстанций делились на три разряда по трем светским сословиям. *Уездные* и *верхние земские суды* учреждены для дворян; *городовые магистраты* и *ратуши и губернские магистраты* – для городского сословия; *нижние и верхние расправы* – для сельского. В Учреждении о таком назначении исчисленных мест нигде не сказано; только о расправах говорится, что они установлены для однодворцев, всяких прежних служеб служилых людей, черносошных государственных крестьян, государственных крестьян, приписанных к каким ни есть местам или заводам, ямщиков, экономических и дворцовых крестьян и прочих, временно в коронном управлении состоящих[3]; но доказательством служит:

b) состав их. *Уездные суды* состояли исключительно из выборных от *дворянства*[4]; *верхний земский суд* – из *дворянских* заседателей[5]; *городовые магистраты и ратуши* – из одних выборных от *купечества и мещанства*[6]; *губернские*

[1] 1762 года, 18 февраля, № 11444 – Манифест; 1785 года, 19 апреля, № 16186.

[2] 1785 года, 21 апреля, № 16187.

[3] Ст. 335.

[4] Ст. 67.

[5] Ст. 166.

[6] Ст. 280.

магистраты – из заседателей от *купцов и мещан*[1]; *нижняя, верхняя расправы* – из заседателей от *поселян*, «кои составляют подсудное ведомство» их[2];

c) началом управления по классам объясняется состав нижнего земского суда. Исправник мог быть выборным или назначенным от правительства, смотря по числу дворянских имений в уезде[3], но заседатели были от дворян и поселян, потому что нижний земский суд установлен для тех и других. Городское сословие не имело в нем своих выборных и не было ему подведомственно[4]. Напротив, в совестном суде, учрежденном для всех светских сословий, были заседатели от дворянства, городского сословия и поселян[5]. Наконец, в верхнем и нижнем надворных судах, где судились спорные дела лиц, не принадлежавших к сословиям тех столичных губерний, где эти суды были установлены, все члены назначались от правительства, потому что выбор их, очевидно, не мог иметь места[6];

d) мы выше заметили, что все первые областные инстанции состояли исключительно из одних выборных. Только в нижней расправе председатель был назначаем правительством[7]; вторые имели уже коронных председателей[8]; но высшие областные присутственные места, наместническое прав-

[1] Ст. 308. Весьма замечательно, что заседатели от купечества и мещанства в губернском магистрате избирались из одних мещан и купцов того губернского города, в котором находился губернский магистрат, тогда как заседатели верхнего земского суда и верхней расправы избирались из дворян и поселян целой губернии (ст. 166 и 75). Причины этого отступления дóлжно искать в желании соблюсти выгоды купеческого сословия: отвлечение городовых купцов и мещан от их промыслов для служения в губернском городе было бы для них тягостно.

[2] Ст. 75.

[3] Ст. 66.

[4] Ст. 23, 35, 65–67, 75, 166 и 336.

[5] Ст. 396.

[6] Ст. 440, 441, 476.

[7] Ст. 74.

[8] Ст. 60, 62.

ление и палаты состояли исключительно из одних коронных чиновников[1]. Такой же постепенный переход от начала избирательного к началу назначения чиновников от правительства находим мы и в древнем областном управлении; могло даже быть, что последнее служило образцом первому. До Петра Великого первые областные инстанции состояли большею частью из одних выборных: таковы были крестьянские, волостные суды; воеводы, назначаемые царем, имели при себе выборных товарищей; наконец, приказы, бывшие некогда для Московского княжества высшими областными инстанциями, состояли исключительно из одних коронных судей;

е) назначение расправных судей (председателей нижней расправы) правительством было исключением в общем устройстве низших областных присутственных мест и, кажется, имело основанием меньшую степень образованности крестьянского сословия, отсутствие уездных крестьянских собраний и вотчинное право государства на крестьян, не состоящих в частном владении.

6. Учреждением о губерниях установлены три областные судебные инстанции. Первую составляли: нижняя расправа, городовый магистрат и уездный суд; вторую – верхняя расправа, губернский магистрат и верхний земский суд; третью, высшую – палаты (гражданская и уголовная). Но административные, *исполнительные* присутственные места и лица в губернии делились только на *две* инстанции: к первой принадлежали земские суды и городничие, ко второй – губернское правление[2].

7. По Учреждению о губерниях суд уголовный и гражданский отделены друг от друга. В этом отделении заметна постепенность: первые областные судебные инстанции соединяют в себе оба суда и в них они не различаются[3]; во вторых инстанциях оба суда, уголовный и гражданский, хотя и сосредоточиваются в одном присутственном месте, однако уже

[1] Ст. 60, 62.

[2] Ст. 225, 256, 258, 260, 263, 264, 270.

[3] Ст. 197, 283, 337.

различены и отделены друг от друга. Верхние земские суды, верхние расправы и губернские магистраты делятся на два департамента, и каждый имеет своего председателя и членов; первый судит дела уголовные, второй – гражданские[1]. Наконец, в высшей областной инстанции оба суда совершенно отделены друг от друга и каждый вверен особливой палате[2].

Отделения гражданской и уголовной судебной власти не было у нас со времени реформ Петра Великого до учреждения губерний при Екатерине II. Городовые, провинциальные и надворные суды судили все спорные дела, уголовные и гражданские. Впоследствии эта судебная власть без всяких изменений перешла к губернаторам и воеводам, которые и заведовали ею до 1775 г. Напротив, по древнему законодательству, судебная уголовная власть отделялась от гражданской и заведовалась в областях особенными присутственными местами, *губными избами*, а в Москве – Разбойным приказом. Со всем тем отделение уголовного и гражданского суда при Екатерине II было нововведением, а не возвращением к древнему юридическому началу, ибо до Петра Великого существование особливых судов для дел уголовных имело лишь историческое основание, а именно – прежнюю подсудность дел уголовных князю. Это видно из множества грамот. В делах гражданских самосудная власть общин сохранялась весьма долго и, по свидетельству Кошихина, существовала даже во времена Алексея Михайловича в некоторых волостях и дворцовых селах; духовенство сохранило ее над своими подданными до царствования Императрицы Екатерины, а дворянство удержало и до сих пор. Итак, в отдельном заведовании уголовного и гражданского суда выразилось различие *суда княжеского* и *самосуда*. Впоследствии, когда все части России слились в одно целое и внутреннее единство заменило внешнее, различие самосуда и суда княжеского мало-помалу исчезло, что доказывается изменениями в составе уголовных и гражданских судов до реформы Петра Ве-

1 Ст. 67–169,309–311, 353–355.

2 Ст. 106, 115.

ликого, и сохранилось только в отдельном управлении уголовной и гражданской судебной власти.

В царствование Екатерины II о различии суда княжеского и самосуда не могло быть и речи. След<овательно>, причины отделения дел гражданских от уголовных в высших губернских присутственных местах дóлжно искать в требованиях судебной администрации и различии между уголовными и гражданскими делами.

8. Учреждением о губерниях введены в наше областное устройство два новых присутственных места, имеющих мало общего с остальными и которых мы не находим в древнем русском законодательстве и новом до 1775 г: это *совестный и надворный суды*[1].

В каждой губернии учрежден один совестный суд[2]. Он не заведовал какой-либо отдельной отраслью управления и не был установлен для известного класса или сословия, но судил дела, которые не могут быть подводимы под формальный закон без нарушения естественной справедливости. Итак, круг деятельности совестного суда чрезвычайно обширен и не может быть исчерпан исчислением известных дел или какимлибо частным определением. Поэтому в законе сказано в общих выражениях, что суждению совестного суда подлежат все «дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда более по несчастливому, какому ни на есть приключению либо по стечению различных обстоятельств впали в прегре-

---

[1] Мысль об установлении надворного суда возникла впервые в царствование Императрицы Анны Иоанновны. В 1730 г. вследствие доклада Сената велено было учредить в Москве Судный приказ, «в котором всякого чина людям, *которые обретаться будут на Москве*, суд давать и решение чинить» (см. Высочайшую резолюцию на доклад Сената, 1730 года, 20 марта, № 5521). В докладе Сенат доказывал необходимость установления такого судного приказа между прочим прежним существованием отдельного Володимирского судного приказа, но не совсем правильно, ибо Володимирский судный приказ был после Боярской Думы высшей центральной инстанцией для известных областей (первоначально, вероятно, одной Володимирской) Московского государства, как Московский судный приказ для всего Московского княжества, и, следовательно, не имел ничего общего с надворным судом.

[2] Ст. 395.

шения, судьбу их отягощающие выше меры ими содеянного»[1]. Под эту категорию при известных условиях могли проходить всякого рода дела; но некоторые, по определению закона, относились к ней постоянно и исключительно. Сюда принадлежали: 1) дела по преступлениям, совершаемым безумными или малолетними; 2) дела о колдовстве, «поколику в оных заключается глупость, обман или невежество»[2]; 3) дела об освобождении из тюрьмы тех, которые содержатся в ней «не во оскорблении особы Императорского Величества, не по измене, не по смертоубийству, не по воровству или разбою»[3].

Итак, судя по цели, совестный суд должен был быть органом естественной справедливости в губернии и этим-то он отличался от всех прочих областных присутственных мест. Для всех губернских учреждений постановлено правилом «не решать инако, как в силу государственных узаконений»[4]; напротив, совестному суду вменено в особенную обязанность наблюдать в решении дел: «1) человеколюбие вообще; 2) почтение к особе ближнего, яко человеку; 3) отвращение от угнетения или притеснения человечества; и для того совестный суд никогда судьбы ничьей да не отяготит, но вверяется оному *совестный разбор* и осторожное и милосердное окончание дел, ему порученных»[5].

Установление присутственного места, судящего преимущественно на основании естественной справедливости, необходимо требовало точного определения отношений этого места к прочим областным присутственным местам, судящим по строгому положительному закону; в противном случае из органа естественной справедливости совестный суд легко мог сделаться самовольным ревизором решений всех областных присутственных мест и через это стать в противоположность с прочими судами, которым, по назначе-

1 Ст. 399.

2 Там же.

3 Ст. 401.

4 Ст. 124.

5 Ст. 397.

нию своему, он должен был служить дополнением. Поэтому Екатерина II постановила правилом, что «совестный суд ни в какое дело сам собою не вступает»[1]. Деятельность его начинается только в следующих двух случаях: 1) когда какое-либо областное учреждение найдет, что решение известного дела, по положительному закону, было бы в сущности несправедливо и потому передать его совестному суду для суждения на основании естественной справедливости; сюда, разумеется, относятся и все те дела, которые, по прямому выражению закона, могут быть судимы только в совестном суде; 2) по прошению частных лиц[2].

Последнее требует объяснений. Если бы совестному суду безусловно предоставлено было право судить по прошениям частных лиц, то отсюда необходимо явился бы произвол в суждении дел по закону или по естественной справедливости. Через это нарушилось бы установленное законом отношение между суждением по закону и по сущей правде. Мало этого: в подсудности дел появилась бы шаткость и неопределенность: один тяжущийся требовал бы решения дела в обыкновенных судебных местах, другой – в совестном суде.

Для избежания этого совестному суду предоставлено право судить дела по прошениям частных лиц только в следующих двух случаях:

1) когда кто-либо жалуется на содержание в тюрьме без допроса и по неизвестной ему причине;

2) «совестного суда должность есть в гражданских делах *примирять* тех тяжущихся, кои просьбою прибегают к разбирательству совестного суда; *для примирения же* совестный суд *требует* от истца или ответчика *или средств в силу узаконений к их примирению*, и буде согласятся, то совестный суд укрепит их согласие печатью, или буде же не согласятся, то совестный суд требует от истца и ответчика назначения с каждой стороны по одному или по два посредника, на месте живущих;… когда же посредники назначены и объявлены совестному суду, тог-

[1] Ст. 398.

[2] Там же.

да, на другой или на третий день, посредники, обще с совестным судом, рассматривают дело и потом изыскивают средство к примирению истца и ответчика, и на чем посредники согласятся, то и предложат совестному суду, который приложит печать к согласию посредников, и истец и ответчик теряют право возобновлять впредь о том просьбу во всяком судебном месте; а буде посредники не согласятся, тогда совестный суд предложит посредникам свое мнение, как примирить без разорения, без тяжбы, без спора, ссоры или ябеды истца и ответчика… буде же посредники и тогда не согласятся, то совестный суд призовет истца и ответчика и предложит примирительные способы, и буде оные примут, то совестный суд истцу и ответчику объявит, что совестному суду до той их распри уже дела нет, а пошли бы, куда по законам надлежит»[1].

Отсюда видно, что в решении спорных гражданских дел совестный суд принимал только, так сказать, посредническое участие. На этом основании для передачи гражданских дел на решение совестного суда совершенно необходимо было взаимное согласие тяжущихся. Далее, в решении спорных гражданских дел совестный суд, как и посредники, не имел принудительной власти, ибо он только мирил, а не судил дело; если примирительные способы не достигали своей цели, то деятельность совестного суда прекращалась; в самой возможности начать в обыкновенных судебных местах спорное гражданское дело, уже подвергнутое однажды решению совестного суда, ясно открывается отличительный характер этого учреждения быть примирителем, посредником, а не судьею тяжущихся.

Вникая глубже в участие, принимаемое совестным судом в решении гражданских тяжеб, нельзя не заметить, что только такое, и никакое другое, не могло быть предоставлено присутственному месту, которое по главному своему назначению было органом естественной справедливости. Для решения спорных гражданских дел установлен закон положительный, который определяет формальную справедливость по обна-

[1] Ст. 400.

руженным данным; никто не может принудить тяжущихся судиться иначе; если поэтому возможно решение спорного гражданского дела иначе как на основании строгого положительного закона, то это только при взаимном согласии истца и ответчика разобрать дело по доброй совести, не стесняясь законом, и восстановить нарушенное между ними согласие. Такими добросовестными судьями являются в нашем законодательстве посредники и совестный суд. Только они могут обратить внимание при решении тяжбы на такие обстоятельства, которые перед законом не имеют юридической силы, напр<имер>, на бедность или достаточное состояние тяжущихся, на предыдущие отношения их между собою, нисколько не касающиеся предмета тяжбы, на данные, не основанные на положительных доказательствах, и т. д. Очевидно, что главная задача при таком суждении есть не простое формальное восстановление нарушенного права, но прекращение тяжбы, примирение противников с некоторыми обоюдными уступками и пожертвованиями. Без добросовестного, искреннего желания самих противников прекратить тяжбу оно невозможно, поэтому-то деятельность совестного суда прекращается, когда тяжущиеся не примут ни одного из примирительных способов, предлагаемых им, и тем докажут на деле, что они хотят не примирения, а восстановления формального права[1].

Надворные суды были учреждены в столицах[2], по два в каждой. Один из них назывался *высшим*, другой – *низшим*. Последний состоял под апелляцией первого[3].

---

1 «Буде кто не доволен решением совестного суда, тот имеет жалобу приносить *в высший суд*». Какой именно суд разумеется под названием *Высший совестный суд*, не совсем ясно. Кажется, что сначала была мысль установить два совестных суда – высший и низший, как были два земских суда, две расправы, два магистрата и два надворных суда; после эта мысль могла быть оставлена, но выражение случайно удержалось в редакции (так, в X т. Св<ода> зак<онов> встречается название *Нижний земский суд*). В строгом смысле на совестный суд не может быть суда, кроме Верховной власти, ибо на добрую совесть нельзя жаловаться, тем менее присутственным местам, судящим по закону.

2 Ст. 433 и 472.

3 Ст. 482.

Надворные суды были установлены для тех исключительно лиц, которые не имеют постоянного местопребывания (оседлости) в столицах и находятся в них только «по службе военной, придворной и гражданской, тако ж по делам, промыслам и упражнениям своим»[1]. В губерниях все эти лица были подведомственны судебным присутственным местам, «до которого кто по званию и состоянию своему принадлежит»[2] (152); причиною тому была, вероятно, малочисленность их; но в столицах, где число их чрезвычайно велико, и даже превышает число оседлых жителей, необходимо было установить для них особливое присутственное место. Ближайшее основание этой необходимости заключалось в том, что губернские присутственные места в столицах уже имели свой определенный круг деятельности. Если бы к предметам их занятий прибавились еще все дела гражданские и уголовные, возникающие между неоседлыми жителями столиц, то они были бы слишком обременены множеством дел, а через это замедлилось бы отправление правосудия в подсудной им губернии.

Но есть другая, юридическая причина установления надворных судов, заключающаяся в самом устройстве губернских присутственных мест. Состав их, как мы видели, определялся сословием, для которого они были установлены. Дворяне судились уездным и верхним земским судом; городское сословие – магистратами, сельское – расправами; в каждом из этих судебных мест были выборные заседатели от того сословия, которое им было подведомственно. Итак, одним из основных положений Учреждения о губерниях было то, что в двух низших инстанциях всякий мог быть судим только присутственным местом, составленным из членов, принадлежащих к одному с ним сословию и к одной губернии. По этому началу те, которые не имели оседлости в столицах, не могли быть судимы присутственными местами столичных

[1] Ст. 477.

[2] Там же.

губерний и для них установлены надворные суды. В губерниях эта последовательность юридических начал была нарушена по малочисленности неоседлых жителей.

Временно пребывающие в столицах не были, однако, подсудны надворному суду по всем уголовным и гражданским делам.

1. «Запрещается нижнему надворному суду судить дела в действительной военной службе находящихся чинов, другие, как только те, кои войти могут по долгам и другим обязательствам гражданским; дела же, касающиеся до преступлений по службе и должности, да будут предоставлены суду воинскому на основании воинских узаконений»[1].

2. Спорные гражданские дела о недвижимых имениях, принадлежащих временно пребывающим в столицах, также не были подсудны надворному суду[2]. Причина та, что в отношении к ним, безусловно, было принято начало территориальной, земской подсудности: где недвижимое имение находилось, там и судился спор о нем, смотря по сословию, к которому принадлежал его хозяин[3].

<3.> Екатерине II принадлежит также правильная организация контрольной и инквизиционной власти в губерниях.

Петр Великий первый установил в России *фискалов*[4]. Власть их была преимущественно инквизиционная: «должен он над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд… и кто неправду учинит, то должен позвать его перед Сенат (это сказано об обер-фискале) и тамо его уличать»[5]. Такие фискалы были установлены в провин-

[1] Ст. 478.

[2] Ст. 479, 480.

[3] Апелляции на решение верхнего надворного суда приносились в палаты (ст. 453); этим вполне доказывается приведенная нами причина установления надворных судов; палаты состояли из одних коронных чиновников. Поэтому и не могло быть никакого различия между палатами в отношении к подсудимым и тяжущимся.

[4] 1711 года, 2 марта, № 2330 – Именный, данный Сенату, п. 9.

[5] 1711 года, 5 марта, № 2331 – Именный, данный Сенату, п. 3.

циях[1] и городах[2]. Мало-помалу власть их определилась более юридически: они сделались почти исключительно ходатаями, стряпчими по делам, которые касались казенных и общественных интересов[3].

Вместе с этим ограничением круга действия фискалов сделалось необходимым установление особливых чиновников для контроля действий присутственных мест и лиц, коим вверено было отправление правосудия. В этом, если мы не ошибаемся, заключалась главная причина и основание установления *прокуроров*. В губерниях они впервые установлены Петром Великим в 1722 г. при магистратах и надворных судах[4]. В царствование Анны Иоанновны прокуроры учреждены при губернаторах[5], но впоследствии, кажется, отменены, ибо указом Елизаветы Петровны велено было восстановить их на прежнем основании[6].

О фискалах более не упоминается в наших законах с 1730 г. Кажется, они были отменены, ибо в сенатском указе того же года, 15 мая, упоминается о фискальной канцелярии как уже не существовавшей в то время[7].

Итак, при издании Учреждений о губерниях находились в губерниях одни прокуроры. Екатерина II, предпринимая реформу нашего областного устройства, обратила внимание на власть контрольную и инквизиционную. Новая организация, данная ею этим двум властям, как и бóльшая часть учреждений, при ней изданных, основана на предыдущих данных нашего законодательства. Все постановления о фискалах и прокурорах, изданные со времен Петра Великого, приняты ею в

---

1 Там же; 1711 года, 10 августа, № 2414 – Резолюция Сената на докладные пункты фискала Былинского, п. 1 и 2.

2 1714 года, 17 марта, № 2786 – Именный.

3 См. там же, п. 2, 3, 4; 1719 года, «…», № 3479 – Инструкция, или наказ, земским фискалам в губерниях и провинциях, п. 2.

4 1722 года, 27 апреля, № 3981 – Именный.

5 1733 года, 6 сентября, № 6475 – Именный.

6 1741 года, 12 декабря, № 8480 – Именный.

7 № 5557.

соображение и вошли в состав нового положения о фискальной и прокурорской должности; им дано только единство и бо́льшая последовательность.

По Учреждению о губерниях в каждом наместничестве установлены *прокуроры и стряпчие*. Губернский прокурор и два губернских стряпчих – казенных и уголовных дел – определены при губернском правлении и палатах[1]; при каждом присутственном месте второй инстанции установлены один прокурор и два стряпчих[2]; наконец, в каждом уезде учреждено по одному стряпчему[3].

Губернский прокурор и стряпчий, при нем установленные, составляли как бы коллегию[4]; в случае разногласия «губернского прокурора голос перевес дает тому мнению стряпчего, к которому он пристанет»[5]. Но, образуя с прокурором коллегию только в случае сомнения, стряпчие вообще были подчинены ему[6] и вместо него и его именем предлагали заключения палатам[7].

---

[1] Ст. 42.

[2] Ст. 43, 44, 45.

[3] Ст. 46.

[4] Ст. 405, п. 8: «Губернскому прокурору *для совета* определяются губернский стряпчий уголовных дел и губернский стряпчий казенных дел, *и почитается, что они все трое едиными устами говорят*».

[5] Ст. 406, п. 2.

[6] Ст. 405, п. 11.

[7] Ст. 406, п. 1. Весьма замечательные следующие слова закона (там же, п. 6): *«В тяжебных делах губернский стряпчий может производить дело* и без согласия губернского прокурора, выслушивая, однако же, его заключение. В уголовных же делах *и в интересных* губернский прокурор письменно даст свои заключения, по коим губернские стряпчие поступать должны». Какое различие между тяжебными и интересными делами имело здесь в виду законодательство? Мы знаем, что губернские стряпчие не принимали никакого участия в тяжебных делах между частными лицами (там же, п. 4). Итак, слово *«интересные»* не употреблено здесь в противоположность частным, но означает только вид дел, подчиненных надзору стряпчего. Не до́лжно ли под названием *дел интересных* разуметь дела гражданские о казенном имуществе в тесном смысле слова, т. е. об имении, собственно и непосредственно принадлежащем государству, а под делами *тяжебными* – дела об общественном имуществе, которое имело своих истцов и защитни-

С первого взгляда кажется, что между должностями прокуроров и стряпчих не было никакого существенного различия; как те, так и другие, по словам закона, «смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка, законами определенного, и в производстве, и в отправлении самых дел. Они сохраняют целость власти, установлений и интереса Императорского Величества, наблюдают, чтоб запрещенных сборов с народа никто не собирал, и долг имеют повсюду истреблять зловредные взятки»[1]. На этом основании как прокуроры, так и стряпчие имели право давать свои заключения и предложения присутственным местам, подчиненным их надзору[2]. Но если мы вникнем в предметы занятий прокурора и стряпчих, то увидим, что они хотя и имели много общего и сходного между собою по основному началу, однако отличались друг от друга вследствие различного направления деятельности прокуроров и стряпчих на одни и те же предметы.

Главное назначение прокуроров заключалось в наблюдении за исполнением законов в губернии или наместничестве[3], поэтому-то им предоставлено было и толкование или объяснение законов[4].

Из этого главного назначения прокуроров вытекали следующие обязанности: a) наблюдать за сохранением установленного законами порядка и форм делопроизводства[5] и b) быть блюстителями общественных интересов, следовательно, казенных, общественных и уголовных исков[6].

ков и потому не требовало такого близкого надзора со стороны губернского прокурора. Впрочем, каково бы ни было упоминаемое в законе различие, для нас важно то, что по делам тяжебным, находящимся под надзором губернского стряпчего, он не состоял в полной зависимости от губернского прокурора. Это было исключением из общего правила.

[1] Ст. 404.

[2] Ст. 405, п. 6, 7 и 9; ст. 406, п. 3, 5 и 8.

[3] Ст. 405, п. 2. – ст. 407: «Коих долг есть быть взыскателями исполнения узаконений».

[4] Ст. 405, п. 1 и 6.

[5] Ст. 405, п. 4, § 1, 3, 4, 5; п. 5.

[6] Ст. 405, п. 4, § 2, 6, 8, 10; п. 7, 13.

Итак, прокуроры были, по Учреждению о губерниях, живые органы, представители закона и должны были напоминать о его существовании во всех тех случаях, когда он нарушался в губернии и оставался безгласным или приходил в забвение[1].

Напротив, губернские стряпчие, по главному своему характеру, были *истцы*, *ходатаи* по общественным искам. Стряпчий казенных дел был истцом «по казенным делам и по делам, нарушающим общий порядок или противным власти и присяжной должности», а стряпчий уголовных дел – «по уголовным винам и преступлениям, нарушающим законы, всякий раз там, где истца нет, но доказательства имеет»[2].

Должность губернских стряпчих, как видно с первого взгляда, находилась в самой тесной, необходимой связи с обязанностью прокурора; обе служили как бы выражением одной общей, главной цели – обеспечить ненарушимость законов и общего блага. В самом деле, в понятие о наблюдении за общими интересами необходимо входило понятие о возбуждении и наблюдении за правильным ходом таких исков, которые не касались частных интересов каждого гражданина в отдельности, но имели предметом общее государственное имущество или общее благо, не всегда имевшие за себя истцов и челобитчиков. Итак, ведение казенных и уголовных исков и надзор за правильным их развитием входило в строгом смысле в состав обязанностей губернского прокурора. Но по многосложности его занятий и невозможности быть в одно и то же время истцом и блюстителем законов в целой губернии обязанность стряпчего отделена от прочих предметов деятельности прокуроров и вверена особливым чиновникам.

Из этого юридического единства прокурорской и стряпческой должности вытекают следующие положения в Учреждении о губерниях:

а) предметы занятий прокурора и стряпчих не строго разграничены друг от друга в законе, и круги действий тех и других часто сливаются. Так, прокурор давал свои заключе-

[1] Ст. 405, п. 3.

[2] Ст. 406, п. 3, § 2.

ния по делам «такого существа, что они вместе – и частные, и общественные, или частные, но касаются и до казенного интереса»[1]; с другой стороны, стряпчие, будучи по главному своему назначению истцами по общественным искам, давали «заключения, сходные с сохранением общего, законами установленного порядка»[2];

b) стряпчие при ведении общественных исков пользовались бóльшими правами, нежели обыкновенные истцы[3];

c) стряпчие были *советники* прокурора[4], его подчиненные[5]. «И почитается, что они все трое едиными устами говорят»[6]. В случае сомнений, «до которого места дело надлежит, или в сомнении о узаконениях» губернский прокурор и стряпчие составляли коллегию под председательством прокурора, которая и решала возникший вопрос[7];

d) из того же юридического единства прокурорской и стряпческой должности объясняется установление в каждом уезде только по одному уездному стряпчему вместо прокурора и двух стряпчих. Ограниченный круг деятельности не требовал разделения между многими лицами занятий, по существу своему одинаковых и вытекающих из одного юридического начала.

---

1 Ст. 405, п. 7; ст. 406, п. 6.

2 Ст. 406, п. 3, § 1, п. 5: «Губернские стряпчие право имеют… смотреть и бдение иметь о сохранении порядка, каждому месту предписанного, и чтоб истцы и ответчики надлежащее к суду и судьям почтение сохраняли, чтоб присутственные места собирались в свое время и заседания имели в повелеиное время; в случае же подозрения по делу на которого заседателя, буде сам не удержится от присутствия, они ему о том прилично напоминать могут».

3 Ст. 406, п. 4: «Губернские стряпчие право имеют требовать в том месте, где они определены, сообщения всякого дела, касающегося до их должности». Влияние их на присутственные места и лица в качестве блюстителей законности, соединенном с званием истцов по общественным искам, давало им важные преимущества перед частными истцами. Ср. ст. 405, п. 10.

4 Ст. 405, п. 8.

5 Ст. 405, п. 11; ст. 406, п. 1 и 6.

6 Ст. 405, п. 8.

7 Ст. 406, п. 2.

УСТРОЙСТВО ЦЕНТРАЛЬНЫХ СУДОВ

В первой части настоящего рассуждения было замечено, что центральные учреждения России времен Уложения разделялись, собственно, на два разряда и составляли две инстанции; к низшей принадлежали *приказы*, высшую составляла *Большая Боярская Дума*.

Такое же разделение сохранилось и после реформ Петра Великого. *Коллегии* заменили приказы, *Сенат* – Боярскую Думу.

Со вступлением на престол Петра Великого прежние частные изменения в числе приказов и предметах их ведомства продолжались беспрерывно. Многие приказы были уничтожены[1]; установлялись канцелярии (Инженерная, Дворцовая, Вотчинная, Ингерманландская, Ямская и т. д.[2]). Все эти реформы происходили, однако, на основании прежних юридических начал. Устройство приказов, в сущности, не изменялось. Новое распределение предметов ведомства происходило не на основании систематического отделения друг от друга различных отраслей администрации, но вследствие временных, частных потребностей, особенных целей, иногда по-прежнему, вследствие большего или меньшего доверия к лицу, заведовавшему приказом.

Но в 1717 г. установлены коллегии и вместе с тем произошла существенная коренная реформа в устройстве нижних центральных инстанций.

Различие между приказами и коллегиями преимущественно заключается в том, что приказы хотя и состояли нередко из нескольких лиц, однако были по преимуществу установления бюрократические, носившие на себе личный характер. Коллегии по самому основанию своему суть *присутствен-*

[1] 1699 года, 3 ноября, № 1713 – Именный; 1700 года, 18 февраля, № 1766 – Именный; 1700 года, 16 декабря, № 1818 – Именный; 1701 года, 2 ноября, № 1874 – Именный; 1711 года, 25 апреля, № 2353 – Сенатский; 1711 года, 8 июня, № 2370 – Сенатский; 1712 года, 12 августа, № 2570 – Сенатский.

[2] 1705 года, 3 марта, № 2039 – Именный; 1706 года, 15 сентября, № 2120 – Именный, объявленный из Разряда; 1723 года, 30 сентября, № 4314 – Сенатский.

ные места, в настоящем значении слова – лица нравственные (*personae morales*), постоянные и неизменные, несмотря на перемену членов, из коих они составлены.

С учреждением коллегий появилось в нашей администрации систематическое разделение и отдельное заведование различных отраслей управления. Случайное или, по крайней мере, временными обстоятельствами условливающееся распределение предметов ведомства между различными правительственными учреждениями должно было уступить место другому, более постоянному, имеющему общее основание. Конечно, при Петре Великом и то и другое было еще весьма несовершенно, но оно положило начало правильнейшей организации, и все последующие реформы центральных учреждений происходили уже вследствие общего взгляда на целый состав и организм государственного управления.

а. Общие центральные суды

Петр Великий учредил девять коллегий[1], а именно: Коллегию иностранных дел [54], заменившую собою прежний Посольский приказ; Камер-коллегию [55], Юстиц-коллегию [56], Штатс-контор-коллегию [57], Берг- [58] и Мануфактур-коллегию [59][2]. Установление каждой из них повлекло за собою

[1] 1717 года, 11 декабря, № 3129 – Именный; 1718 года, 12 декабря, № 3255 – Именный, объявленный из Сената. Коллегии предположено открыть в 1718 г. Устав их заимствован из шведского законодательства («Всем коллегиям надлежит ныне, на основании *Шведского устава*, сочинить во всех делах и порядках по пунктам, а которые пункты в Шведском регламенте неудобны или с ситуациею сего государства не сходны, и оные оставить, по своему рассуждению…». – 1718 года, 28 апреля, № 3197 – Именный). Поэтому в числе членов коллегии, по закону Петра Великого, необходимо должны были находиться и иностранцы. Это видно из следующего любопытного «реэстра людям в коллегиях», помещенного в Именном указе 1717 года, 11 декабря, № 3129: «*Русские*: президент, вице-президент (русский или иноземец), четыре коллегии советники, четыре коллегии асессоры, один секретарь, один нотарий, один актуарий [60], один регистратор, один переводчик, подьячие трех статей. *Иноземцы*: один советник или асессор, один секретарь, шкрейвер». Генеральный регламент коллегий был издан уже в 1720 г. (28 февраля, № 3534) и служит главным основанием настоящего устройства коллегиальных присутственных мест в России. Поэтому мы и ограничились в настоящем рассуждении одним объяснением основного юридического начала коллегиального устройства.

[2] 1717 года, 15 декабря, № 3133 – Именный.

важные изменения в прежней системе государственного управления. Мы ограничимся одним кратким очерком реформ, происшедших вследствие учреждения Юстиц-коллегии, потому что ей вверено почти исключительно судебное управление, составляющее предмет настоящего рассуждения[1].

До реформы Петра Великого гражданское судебное управление находилось преимущественно в заведовании двух приказов: Поместного и Судного[2].

Петр Великий хотел уничтожить это разделение судебного управления и по учреждении коллегий велел все спорные гражданские дела – вотчинные и исковые – судить в одной Юстиц-коллегии[3].

[1] Несмотря на новую систему управления, введенную Петром Великим, вследствие которой судебное управление совершенно отделено от полицейского, финансового, военного и т. д., прежнее начало, по которому многие отрасли были вверены одному лицу или присутственному месту («кто управляет, тот и судит»), удержалось даже и после учреждения коллегий. Так, Коммерц-коллегия [61] судила «споры и тяжбы по морским учреждениям» (1719 года, 3 марта, № 3318); Регламент (устав) Государственной коммерц-коллегии, п. 8 – «споры между городами о торгах, торговых и ярм<ар>очных правах» (там же, п. 12), вексельные дела (там же, п. 21), дела иностранных купцов (там же, п. 25; 1727 года, 18 августа, № 5142 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете). Так, Берг- и Мануфактур-коллегия ведали судом и расправою берг- и мануфактур-заводчиков (1731 года, 12 ноября, № 5875 – Сенатский); соляные промышленники судились Соляною конторою [62] (1732 года, 2 октября, № 6202 – Именный, данный Сенату) и т. д.

[2] Из законов Петра Великого видно, что до учреждения коллегии жалобы и апелляции по делам, производившимся в областных инстанциях, подавались в Расправную палату (1713 года, 4 сентября, № 2710 – Сенатский; 1719 года, 20 генваря, № 3285 – Указ из Юстиц-коллегии в Расправную палату). Таким образом, в ней сосредоточивалось судебное управление России. Она заменила собою Юстиц-коллегию и уничтожена, вероятно, вскоре после открытия сей последней, как видно из указа 1719 года, 20 генваря. Об отношении Расправной палаты к прочим нижним центральным учреждениям мы ничего не знаем по неопределенности законов да и самых юридических начал того времени. Учреждение или, правильнее, <пре>образование Расправной палаты в центральную судебную инстанцию относится, кажется, к реформам Петра Великого, ибо, по прежнему законодательству, Расправная палата имела совсем другое назначение и общее судебное управление находилось в заведовании Поместного и Судного приказов.

[3] 1718 года, 9 мая, № 3202 – Высочайшая резолюция на доклад Юстиц-коллегии, <п.> 1 и рез.

Такая важная реформа не могла, однако, произойти вдруг. Отдельное заведование поместных, вотчинных и исковых дел удержалось долго и действительно уничтожено только в 1775 г. с изданием учреждения для управления губерний. По множеству и важности дел и правильности организации Поместный приказ [63] более походил на постоянное присутственное место, нежели на прочие приказы. Распределение предметов его ведомства между другими присутственными местами, особливо при обычности судей к прежнему порядку управления, должно было представлять большие затруднения. Вероятно, по всем этим причинам велено было «Поместному приказу быть особливо (для умножения дел), однако же под управлением Юстиц-коллегии, а спорные дела для решения приносить в Юстиц-коллегию»[1].

Из этого места видно, что Петр Великий хотел оставить Поместный приказ только на время. Но уже в 1721 г. этот приказ, переименованный в 1720 г. в Канцелярию вотчинных дел [64][2], снова отделен от Юстиц-коллегии и преобразован в Вотчинную коллегию[3], которая судила спорные дела о недвижимых имениях, и уничтожена в 1786 г.[4] после введения Учреждения о губерниях, по которому тяжебные дела о недвижимых должны были судиться областными присутственными местами[5].

b. Особенные центральные суды

[1] 3202 – резол. на 1 п. (3282).

[2] Указ 1720 года, 4 июля. См.: *Иванов*. Обозрение поместных прав в России. – С. 50.

[3] 1722 года, 18 генваря, № 3881 – Именный, данный Сенату.

[4] См.: *Иванов*. Обозрение поместных прав. – С. 87.

[5] Учреждение о губерниях, ст. 115: «Палата гражданского суда не что иное есть, как соединенный Департамент Юстиц- и Вотчинной коллегии, которому поручается апелляция для ревизии гражданских дел».

В 1762 г. Вотчинная и Юстиц-коллегии разделены на три департамента, из коих каждый состоял под апелляцией целой коллегии (1762 года, 29 генваря, № 11422 – Именный, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым), а в следующем году – на четыре, которые состояли под непосредственной апелляцией сенатских департаментов (1763 года, 15 декабря, № 11989 – Манифест, п. 9).

Для городского сословия. Говоря о присутственных местах и лицах, коим вверено при Петре Великом судебное управление купеческого сословия, мы заметили, что еще в 1699 г. все городовые бурмистры были подчинены по апелляции Бурмистерской палате [65], которая находилась в Москве[1] и переименована потом в Ратушу[2]. Эта Ратуша и была центральным присутственным местом, в котором сосредоточивалось судебное управление купечества в целой России.

С реформой первоначального областного управления купечества и с установлением коллегий центральное судебное управление городского сословия подверглось новому изменению. В 1721 г. учрежден Главный магистрат [66], равный с коллегиями, которому приносились жалобы на губернские магистраты[3]. В царствование Петра II он был уничтожен[4], но при Елизавете Петровне восстановлен на прежних основаниях[5].

Для духовенства. Устройство центральных судов для духовенства и подвластных ему людей и крестьян в делах гражданских подверглось в главном своем основании тем же реформам, каким и общее судоустройство. Мало-помалу приказы и личные управления заменились коллегиями. Но к этому главному направлению реформы присоединилось в отношении к гражданским судам для духовенства другое, не менее важное стремление, сильно обнаружившееся при Петре Великом и развившееся окончательно при его преемниках, – стремление разрушить отдельную от государства светскую общину, образовавшуюся из Церкви, и ввести составные ее части в общий организм государства. Оба эти направления реформы Петра Великого выразились в преобразованиях судов, учрежденных для духовенства, и должны поэтому служить нам главным руководством при объяснении этих преобразований.

---

[1] 1699 года, 27 октября, № 1706 – Именный.

[2] 1699 года, 17 ноября, № 1708 – Именный.

[3] 1721 года, 16 генваря, № 3708 – Регламент Главного магистрата, гл. II и IX.

[4] 1727 года, 18 августа, № 5142 – Именный, состоявшийся в Верховном тайном совете.

[5] 1743 года, 21 мая, № 8734 – Высочайше утвержденный доклад Сената.

Новому порядку вещей в юридическом быте духовенства предшествовали, как и всем реформам Петра Великого, важные изменения в древнем устройстве светско-церковной общины, не касавшиеся, однако, юридических начал, лежащих в основании этого устройства. Такие изменения появились еще задолго до Петра Великого; при нем они только яснее начали выражать собою новые направления законодательства, резко высказавшиеся впоследствии, в реформе.

Еще в первые годы царствования Петр Великий уничтожил Патриарший разряд и все спорные гражданские дела «по духовным (завещаниям), и по рядным, и по иным каким крепостям» о поместьях и вотчинах велел передать в Поместный[1], а прочие спорные гражданские дела, касавшиеся движимого имущества, – в Московский судный приказ [67][2]. Таким образом, уже здесь высказалась мысль о секуляризации: множество дел из духовного ведомства перешло в гражданское.

В одно время с этой реформой произошла другая. Для всех людей и крестьян, подвластных духовенству, которые до того времени ведались в различных приказах, установлено было одно центральное судебное место под названием *Монастырского приказа*[3]. В 1718 г. в резолюциях на докладные пункты рязан-

[1] 1700 года, 16 декабря, № 1818 – Именный.

[2] 1701 года, 7 ноября, № 1876 – Именный: «Зауморным животам, и рядным записям, и иным всяким делам… быть по-прежнему в Московском Судном приказе». (По Духовному регламенту, дела о сомнительных духовных завещаниях знатных особ рассматривались и решались Духовною и Юстиц-коллегиею 1721 года, 25 генваря, № 1718 – Регламент или устав Духовной коллегии, часть III, ст. 11). Впоследствии с установлением Юстиц-коллегии все дела о разделе «по заветам и без заветов оставшегося от умерших имения наследникам и о причитании в наследство достойных, и о лишаемых от наследства, также и о свидетельстве заветов или духовниц» велено также передать в светское ведомство (1722 года, 12 апреля, № 3963 – Высочайшей резолюции на докладные пункты Синода, п. 2 и рез<олюция>). Это последнее постановлено было, очевидно, лишь пояснением и дополнением предыдущих.

[3] 1701 года, 24 генваря, № 1829 – Именный, объявленный Разряду; 1706 года, 20 мая, № 2108 – Именный, объявленный из Разряда. Монастырский приказ не был в строгом смысле учрежден, но восстановлен Петром Великим, ибо существовал еще до него, но был впоследствии уничтожен.

ского митрополита Стефана Яворского [68] Петр Великий впервые высказал мысль, что «для лучшего впредь управления… мнится быть удобно Духовной коллегии»[1] [69]. Это подало повод к новым реформам в судебном управлении духовенства и его подчиненных. Патриарших крестьян предположено вверить в управление патриаршему дворецкому, монастырских – местным губернским правительствам, а духовенство – Духовной коллегии[2]. Таким образом, мысль о секуляризации сделала новые успехи: значительное число имений, принадлежащих духовенству, должно было перейти в светское ведомство.

Кажется, однако, что этот указ остался без действия. Хотя мы и не имеем на то прямых указаний, однако можем заключать из того, что вскоре после издания Духовного регламента (1721 г.) все патриаршие, архиерейские и монастырские крестьяне подчинены по суду в делах гражданских Духовному Синоду[3].

---

[1] 1718 года, 20 ноября, № 3239 – Высочайшая резолюция на доношение рязанского митрополита Стефана. Рез. на п. 5.

[2] 1718 года, 10 декабря, № 3252 – Высочайшие резолюции на докладные пункты. Рез. на п. 10.

[3] 1721 года, 14 февраля, № 3734 – Высочайшая резолюция на доклад Синода, п. 5. – 1721 года, 3 марта, № 3749 – Сенатский. Заметим здесь, что прежняя отдельность патриаршего ведомства от общего духовного сохранялась даже и после учреждения Синода. Это видно из судебного управления духовенства. В 1722 г. суд и апелляция в делах гражданских с лицами, подчиненными синодальному ведомству, сосредоточивались в высшей инстанции, в Синоде и приказах, при нем состоявших. Разделение спорных гражданских дел между приказами и Синодом весьма замечательно.

1) *Синод*. Сюда приносились жалобы на синодальных чиновников, архиереев, протоинквизитора и синодских служителей и подавались апелляции на областных духовных судей по спорным исковым делам (1722 года, 4 сентября, № 4081 – Синодский, п. 4 и 5).

2) *Приказы*: Духовный. Ему были подсудны по спорным гражданским делам все московские жители духовного ведомства и все обыватели бывшей патриаршей области (там же, п. 7, ст. 1). Дворцовый судил дела между крестьянами и бобылями синодальных домовых вотчин (там же, ст. 2). Наконец, Монастырский давал суд и принимал апелляции по спорным гражданским делам, которые возникали между всеми прочими людьми и крестьянами, подведомственными Синоду, и по искам, на них вчиняемым (там же, ст. 2 и 3). Впоследствии этот приказ переименован в *Камер-контору синодального правительства* и поставлен под апелляцией Синода. 1725 года, 14 генваря, № 4632 – Сенатский.

Такое возвращение к прежнему порядку вещей было, впрочем, только временное. Мысль о передаче в светское ведомство всех тех отраслей управления, которые не относились к духовному управлению в настоящем смысле слова, но ведались духовным правительством, не была забыта и еще при Петре Великом выразилась в повелении учредить особливую коллегию «для розыскных дел», касающихся духовенства[1]. Последующие царствования развили ее вполне. Екатерина I разделила Синод на два «апартамента» и из них второму поручила судебное управление духовенства и его подвластных. Это отдельное от Синода присутственное место, названное *Коллегией экономии синодального управления*[2] [70] и переименованное потом в *Канцелярию синодального экономического правления*[3], было составлено из шести светских особ и находилось под апелляцией Сената, а не Синода, как Монастырский приказ[4]. Императрица Анна Иоанновна сделала еще более: она совершенно отчислила Коллегию экономии из синодского ведомства и подчинила ее во всех отношениях Сенату[5], поручив ей в управление предметы ведомства патриарших приказов, следовательно, все отрасли светской администрации, бывшие прежде в заведовании патриарха[6].

Всеми этими узаконениями судебная власть в спорных гражданских делах навсегда исключена из духовного ведомства.

Сенат. В древней России верховная судебная власть сосредоточивалась в Большой Боярской Думе. Здесь постановлялись окончательные судебные приговоры по делам, которые по каким-либо причинам не были окончательно решены в

---

[1] 1723 года, 8 февраля, № 4160 – Именный.

[2] 1726 года, 26 сентября, № 4959 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета, п. 4. После установления Коллегии экономии повелено было титуловать Синод *святейшим*, а не *правительствующим* (1726 года, 14 июля, № 4925 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета).

[3] 1745 года, 4 июня, № 9166 – Именный, объявленный из Синода.

[4] 1726 года, 12 июля, № 4919 – Именный.

[5] 1738 года, 15 апреля, № 7558 – Именный, данный Сенату.

[6] 1738 года, 30 октября, № 7679 – Именный, данный Сенату.

низших инстанциях, и решались общие юридические вопросы, возникавшие из частных случаев, в руководство судьям на будущее время. Последнее доказывается многими боярскими приговорами, изданными до единодержавия Петра Великого, в первые годы его царствования.

В 1711 г. Петр Великий учредил Сенат для управления государством во время его отсутствия[1]. Сенат состоял первоначально из девяти членов, назначенных самим Государем[2]. В 1718 г. постановлено, что он должен состоять из президентов коллегий[3]; но в 1722 г. это положение отменено и велено было избрать других президентов, а прежним быть в Сенате вместе с министрами, состоящими при иностранных дворах[4]; из президентов коллегий членам Сената оставлены только президенты Воинской, Иностранной и Берг-коллегии, но и они должны были присутствовать в Сенате лишь в известных, законом определенных случаях[5]. Такое изменение в составе Сената сделано с той целью, «дабы сенатские члены партикулярных дел не имели, но непрестанно трудились о распорядке государства и правом суде и смотрели бы над коллегиями, яко свободные от них, а сами, будучи в оных, как могут сами себя судить?»[6]. Но впоследствии президентам коллегий снова повелено присутствовать в Сенате, как сказано в законе, «для малолюдства»[7].

[1] 1711 года, 22 февраля, № 2321 – Именный: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления».

[2] Там же.

[3] 1718 года, «…» декабря, № 3264 – Именный, п. 1.

[4] 1722 года, 12 генваря, № 3877 – Именный, данный Сенату, п. 1.

[5] Там же, п. 2.

[6] Там же, п. 6.

[7] 1722 года, 16 мая, № 4011 – Именный, данный Сенату. Последующие узаконения о составе Сената не представляют собой ничего особенно замечательного. Еще при Петре Великом постановлено правилом, что Сенат должен состоять из тайных и действительных тайных советников, по назначению Государя (1722 года, 27 апреля, № 3978 – Именный, п. 1). Последнее подтверждено Екатериной I (1726 года, 7 марта, № 4847 – Именный, п. 1). Итак, в составе Сената и Боярской Думы не было никакого существенного различия. Как в том, так и в другом правительственном месте находились высшие сановники государства, назначаемые непосредственно верховной властью.

Вскоре после учреждения Сенату присвоена высшая судебная власть в государстве[1]. В нем решались окончательно дела, переносились следственным порядком и по апелляционным жалобам из коллегий[2]. Эта власть оставалась постоянно за Сенатом, несмотря на возвышение и упадок его политической власти[3].

Сенат составлял первоначально одно общее присутствие. Но в царствование Анны Иоанновны он был разделен на департаменты (числом пять; из них четвертый был Департамент юстиции и «челобитческих дел»), которые не составляли собою отделений Сената, а приготовляли дела к решению в общем собрании; исключение сделано только для маловажных дел: они решались департаментами[4]. Но в 1726 г. «для рассмотрения и решения юстицких, вотчинных и всяких одних апелляционных дел» был учрежден в Сенате особливый департамент, состоявший из трех или четырех сенаторов, под апелляцией общего собрания[5]. Этим положено первое основание настоящему устройству Сената.

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Реформа, произведенная Петром Великим в судоустройстве, пересоздала прежние юридические начала, на которых

[1] 1711 года, 2 марта, № 2330 – Именный, данный Сенату, п. 1.

[2] 1718 года, «…» декабря, № 3264 – Именный, п. 2 и 3; 1722 года, 27 апреля, № 3978 – Именный, п. 2 и 4.

[3] Значение Сената в политических переворотах России, его усиление и упадок в различные царствования относятся к истории государственного права. Заметим только, что по учреждении Верховного тайного совета при Императрице Екатерине I Сенат велено называть *высоким, а не правительствующим* (1726 года, 14 марта, № 4853 – Именный, объявленный из Верховного тайного совета Сенату), но при Анне Иоанновне ему снова дан титул *правительствующего* (1730 года, 4 марта, № 5510 – Манифест); а Елисаветою Петровною возвращены прежние «сила и власть в правлении внутренних всякого звания государственных дел» (1741 года, 12 декабря, № 8480 – Именный).

[4] 1730 года, 1 июня, № 5570 – Именный, данный Сенату.

[5] 1762 года, 29 генваря, № 11422 – Именный, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым.

оно было основано и образовалось исторически. Новое, введенное им в Россию, не имело с прежним ничего общего, и хотя было отменено по смерти Петра Великого в областном управлении, однако при Екатерине II сделалось снова общим и почти исключительным в нашем законодательстве.

Другой характер имеют преобразования, начавшиеся с Петра Великого в *гражданском судопроизводстве*. В них главным предметом законодательной деятельности были не столько основные юридические начала, сколько подробное определение форм и уже существовавших отношений между судьями и тяжущимися и сих последних между собою. Целый ряд узаконений со времен Петра, относящихся к судопроизводству, имеет главной целью обеспечить тяжущихся от корыстолюбия и несправедливости судей, судей – от ябед тяжущихся, отвратить волокиты и вчинание пустых, вымышленных исков. Таким образом, несмотря на реформы, гражданское судопроизводство и после Петра Великого представляло смешение старого с новым.

Этим смешением и неопределенностью начал объясняется другая важная характеристическая черта реформы в судопроизводстве. На нее имела большое и решительное влияние судебная практика и толкование законов присутственными местами. Этот факт заслуживает особенного внимания, потому что служит ключом к разрешению многих, с первого взгляда необъяснимых положений в гражданском судопроизводстве.

Собственно, два узаконения и их применение в судебной практике произвели переворот в гражданском судопроизводстве и лежат в основании ныне действующих законов. Указом 1697 года, 21 февраля, отменены суд и очные ставки и введен розыск; а указом 1723 года, 5 ноября, установлена форма суда; все прочие законы, относящиеся к судопроизводству, служат пояснением или дополнением этих двух указов. Судебная практика определила взаимное отношение различных форм судопроизводства, установленных Петром Великим, и в этом заключается ее важное влияние на последующее развитие гражданского судопроизводства.

Начало реформ в гражданском процессе относится к 1697 г. Петр Великий, видя бесчисленные злоупотребления, проистекавшие из *суда и очных ставок*, отменил их и ввел *розыск*.

Последующие реформы изгладили следы этого важного переворота в древнем гражданском судопроизводстве; в нынешнем законодательстве сохранились от него только некоторые положения, относящиеся к свидетельству. Но в эпоху Петра этот переворот был так многозначителен по своему характеру, последствиям и влиянию на последующие реформы, что мы считаем необходимым изложить его подробнее и в связи с древним судопроизводством.

В период Уложения главной, основной формой гражданского судопроизводства был *суд*. Тяжущиеся являлись перед судьями и в их присутствии словесно излагали свои доказательства и опровержения. По особенным причинам в гражданском судопроизводстве введены впоследствии для дел поместных и вотчинных *очные ставки* и суждение спорных дел без суда.

Словесное судопроизводство достигает своей цели лишь в первые эпохи народной жизни и в период возмужалости, период полного юридического сознания. В первом случае живое сознание обычного права и простота отношений уже определяют правильность словесного изложения и опровержений; в последнем – логическая последовательность и определенность начал права и бóльшая или меньшая степень юридического образования.

В эпоху, незадолго предшествующую реформе Петра Великого, непосредственные юридические верования исчезли, а время сознания начал права еще не наступало. В эту переходную эпоху обветшавшие формы юридического быта стали служить поводом и предлогом к бесчисленным злоупотреблениям и неправдам, прикрытым видом законности.

Таковы были и *суд*, и *очные ставки* во время Петра Великого. Современные указы служат тому ясным доказательством: «В судех и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство, и ищут многие истцы

исков своих, затевая напрасно, так же и ответчики в прямых исках отвечают неправдою ж, составными вымыслы своими и лукавством, хотя теми составными затейливыми ответы прямых исков напрасно отбыт, забыв страх Божий; а иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нанимают за себя в суды и в очные ставки свою братью и боярских людей ябедников и составщиков же, воров и душевредцев, и за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавством, в вершеньи тех дел, правым и маломочным людем в оправдании чинится многая волокита и напрасные харчи и убытки и разоренье, а виновным, что довелось… учинить указ, от того отбывательство и продолжение, а ябедникам и ворам поживки»[1].

Итак, пустые, злонамеренные иски и оправдания, бесконечное продолжение процессов, неправильное раскрытие тяжебного дела – вот чему подавали повод суд и очные ставки. Петр Великий хотел пресечь зло в самом его основании и для этого уничтожил обе эти формы судопроизводства и установил вместо них *розыск*.

Мы уже заметили, что под *розыском* разумелась до Петра Великого форма уголовного судопроизводства. Обвиняемый <в> каком-либо преступлении допрашивался судьей «против доноса или извета», т. е. по тем обвинительным пунктам, которые заключались в доносе. Если он не сознавался, то его ставили с очей на очи с обвинителем, делали о нем повальный обыск и, наконец, пытали. Итак, главное различие между судом и розыском заключалось в том, что в *суде* тяжущиеся являлись сами перед судьями и вступали в словесный спор об иске. Здесь приводились ими доказательства и опровержения, и судье оставалось только наблюдать за правильностью развития спора и удостоверяться в подлинности и достоверности доказательств, приводимых тяжущимися. Напротив, сущность *розыска* заключалась в допросе; в нем поэтому не могло быть речи о словесном споре между истцом

[1] 1697 года, 21 февраля, № 1572 – Именный.

и ответчиком. Поэтому в розыске судьи должны были иметь гораздо большее влияние на ход и развитие процесса, нежели в суде, ибо в розыске все должение процесса совершалось через посредство судьи. Во весь момент ведения доказательств он не был простым свидетелем того, что говорили тяжущиеся, и, так сказать, блюстителем правильного хода спора, но живым средоточием тяжбы, в котором суждение о спорном деле, весьма естественно, шло рядом с выслушиванием доводов и не могло оставаться без влияния на допрос.

Отсюда делается ясным, с какой целью Петр Великий уничтожил суд и очные ставки в делах гражданских и заменил их розыском. Он вовсе не хотел, как думают некоторые, заменить гражданское судопроизводство уголовным, обвинительное – следственным[1]. Видя жалкое состояние правосудия вследствие ябед, волокит и бесчисленных неправд тяжущихся, он понимал, что словесное судопроизводство – суд и очные ставки – воспитывали зло, отдавая весь ход процесса во власть тяжущихся и тем открывая поле их деятельности. Ему казалось лучшим средством против произвола тяжущихся подчинить их и само развитие процессов контролю судей, которые уже по званию своему должны быть блюстителями правосудия. С этой мыслью и введен им розыск как такая форма судопроизводства, по которой судьи принимают деятельное участие в ходе и развитии спорного дела и тем стесняется произвол истца и ответчика[2].

[1] Доказательством может служить указ 1697 года, 16 марта, № 1576, изданный в дополнение и пояснение Указа 1697 года, 21 февраля. В этом указе излагаются правила о допросе ответчиков, о взимании проестей и волокит «в нынешних розыскных делах», а в конце сказано: «А которые статьи в Уложении надлежат к *розыску* и по тем статьям *разыскиваются по-прежнему*». Очевидно, Петр Великий отличал розыскные дела гражданские от розыскных уголовных и что розыск, установленный им для первых, имел существенное различие от розыска, которым судились последние.

[2] В речи об Уложении г. проф. Морошкин говорит, что одни дела *некрепостные* судились *розыском*, следственной формой судопроизводства, и приводит в доказательство следующее место, вероятно, взятое из Указа 1697 года, 21 февраля: «Крепостные дела по крепостям, некрепостные по розыску». Это мнение кажется нам не совсем справедливым. Розыск, как

Введение розыска в делах гражданских вместо судов и очных ставок имело весьма важные последствия для судебной практики. Современники Петра не поняли цели, с которой он заменил суды розыском, да и трудно им было понять ее, ибо в указе было просто сказано, что вводится розыск, а слово «розыск», как мы видели, имело в то время несколько различных значений и чаще всего употреблялось в смысле уголовного судопроизводства. Отсюда большая шаткость, неопределенность гражданского судопроизводства того времени. Бывали случаи, что в делах чисто гражданских прибегали к пытке; с другой стороны, судьи и приказные люди, воспитанные на старых началах права, очень хорошо понимали, что между уголовным и гражданским судопроизводством должно быть существенное различие, и, толкуя слово «розыск» в смысле уголовного процесса, старались удержать суд для дел гражданских. Как бы то ни было, достоверно то, что в практике прежнее разделение на суд и розыск удержалось[1]. Это и в особенности, как до́лжно думать, суждение дел гражданских уголовным порядком побудили Петра Великого в 1723 г. издать известное в нашем законодательстве положение о форме суда[2].

Об этой форме судопроизводства существуют у нас два противоположных мнения. Одни думают, что она была таким же нововведением, как и бо́льшая часть учреждений, данных России Петром Великим; другие, напротив, видят в ней восстановление нашего древнего *суда*, формы гражданского су-

видно из предыдущего, в отношении к делам гражданским не означал формы судопроизводства, а суждение и решение дела без суда. Что же касается места, на котором г. Морошкин основывает свое мнение, будто бы розыском судились одни дела некрепостные, то вот подлинные слова указа: «А *быть* по вышеписанному, вместо судов и очных *розыску ж, в крепостных делах по крепостям, а в некрепостных делах по розыску*» (п. 12). Смысл этого места, очевидно, тот: все дела, крепостные и некрепостные, судить розыском; но первые – по крепостям, а последние – по некрепостным доказательствам, каковы свидетельство, общая правда, повальный обыск и т. д. В этом смысле розыск употребляется во многих местах Уложения и указах того времени и здесь, очевидно, не означает форм судопроизводства.

[1] 1723 года, 5 ноября, № 5344 – Именный.

[2] Там же, в начале.

допроизводства, разумеется, видоизмененной сообразно с потребностями времени. Последнее мнение впервые высказано г. профессором Морошкиным сначала на лекциях, потом печатно в речи об Уложении[1].

Ближайшее рассмотрение формы суда не оставляет, как нам кажется, никакого сомнения в справедливости последнего предположения.

1. Формою суда введено *словесное*, *обвинительное* судопроизводство. Тяжущиеся должны были являться на суд сами или посылать за себя поверенных[2]; по явке их ответчику читались обвинительные пункты истца, и он должен был отвечать на них *словесно*: принимать от него письменные ответы было строго запрещено законом[3].

Эта форма судопроизводства имеет такое разительное сходство с нашим древним *судом*, что невозможно отвергать их близкого сродства между собой, не имея положительных доказательств противного.

2. Если мы вникнем в отдельные положения о судопроизводстве, постановленные указом о форме суда, то увидим, что все они клонятся исключительно к исправлению и пояснению тех частей нашего древнего гражданского судопроизводства, которые наиболее подавали повод к злоупотреблениям. Это отношение между законоположениями о древнем суде и форме суда при одинаковости основных начал сих последних служит еще сильнейшим доказательством их внутреннего и исторического сродства между собою:

а) главный недостаток нашего старинного суда заключался в том, что он не обеспечивал тяжущихся от бесконечного продолжения тяжеб. Неправые истцы и ответчики, разумеется, пользовались этим и вводили своих противников в большие издержки и даже разоряли вконец; то и другое происходило оттого, что суд требовал необходимо личного при-

---

[1] Речь об Уложении.

[2] 1723 года, 5 ноября, № 4344 – Именный, п. 7.

[3] Там же, п. 3. «*Отвечать словесно*, а письменного ответа отнюдь не принимать».

сутствия тяжущихся или их поверенных. Нередко тяжущие-ся, не имея, кому поверить своей тяжбы, должны были сами приезжать издалека в то место, где происходил суд, и проживали там до окончания процесса последнее имущество. Средств к продолжению суда было много. Один из тяжущихся мог, безусловно, требовать отсрочки суда для доставления нужной крепости или для того, чтобы изготовиться к ответу. Он мог также бесконечно волочить процесс неявкой по первым вызовам, поздней явкой, просрочкой и т. д. Именно на эти-то возможные случаи промедления процесса, которым подавала повод неопределенность прежних законов, Петр Великий обратил особенное внимание при введении формы суда. По подаче истцом прошения ответчик призывался в суд (о позыве в суд не постановлено никаких правил) и ему сообщалась там копия с прошения «для ведения к оправданию» и, очевидно, с той целью, чтобы отнять возможность требовать отсрочки суда для соображения ответа. Через семь дней после получения копии ответчик непременно должен был явиться на суд, в чем и давал реверс [71] при получении копии с прошения. Впрочем, ответчика отпускали из суда только в таком случае, если его движимое и недвижимое имение могли обеспечить иск; в противном случае по нему собирали поруки, но не далее недели, а если порук не было, его держали под арестом[1].

Итак, во всяком случае, между объявлением ответчику об иске и сообщением ему копии с прошения и началом суда не должно было, по форме суда, проходить более одной недели. Тот же самый срок и в продолжение того же самого времени давался и истцу; это отнимало у него всякую возможность и право требовать отсрочки для собрания нужных документов, кроме разве в случае непредвидимого возражения со стороны ответчика. Но и эта отсрочка давалась только один раз в продолжение всего процесса. Также строго определен и сам ход суда. В положениях, сюда относящихся, видно стремление законодательства противодействовать волокитам

[1] 1723 года, 5 ноября, № 4344 – Именный, п. 5.

и ябедническим отговоркам. Тяжущиеся должны были явиться на суд не позднее 8 часов; кто являлся позднее, тому предписывали явиться на другой день. Если то же повторялось во второй раз, то его удерживали в присутственном месте, где должен был происходить суд, до следующего утра. Неявившийся тяжущийся (исключая тех, которые представляли законные причины неявки) отыскивался с барабанным боем, и публиковался указ, чтобы он явился в продолжение недели; если он не являлся или, явившись, не представлял законной причины неявки, то обвинялся в иске[1];

b) по древнему судопроизводству ход обвинений истца и возражений ответчика был чрезвычайно произволен. Сперва вычитывали ответчику челобитную истца. Нередко она была длинна, утомительна и заключала в себе несколько различных исков, смешанных в изложении, так что ответчик затруднялся, как и на что отвечать ему, и просил отсрочки. С другой стороны, и ответчик, вместо того чтобы возражать на обвинение истца, сам обвинял его в чем-либо, или возводил донос, или объяснял иск враждою, старыми обидами и т. д., словом, отклонялся от дела и запутывал процесс, вводя в него посторонние предметы, новые иски и нарушая правильное развитие доказательств и опровержений – одно из самых существенных условий судопроизводства.

Для того чтобы дать правильный, логический ход процессу, Петр Великий изменил прежнюю форму челобитен и велел писать их *по пунктам*: каждый пункт должен был заключать в себе особливое обвинение, отдельную статью жалобы со всеми к ней относящимися доказательствами, так, чтобы об этой же статье более не упоминалось в других пунктах[2].

В этом раздробленном виде иск делался предметом судоговорения. Сперва ответчику читался один пункт. Ответ должен был прямо и непосредственно относиться только к этому пункту, и строго было запрещено говорить в ответе о

[1] Там же, п. 6.

[2] Там же, п. 1: «Как челобитные, так и доношения, писать пунктами, *так чисто, дабы что писано в одном пункте, в другом бы того не было*».

постороннем или о других пунктах[1]. Если ответ заключал в себе ссылку на «дальнюю справку», то «дабы время не тратить», приступали к чтению другого пункта; если же ответ сам в себе был полон, то предоставлялось возражать истцу, потом опять ответчику. Для ускорения хода суда строго было запрещено давать тяжущимся отсрочки. Только ответчику давался поверстный срок для доставления документов, нужных к делу[2]. Такое разделение челобитной на пункты при большей степени юридического образования, нежели какое мы имели во времена Петра Великого, действительно могло иметь результатом более последовательное, строгое и логически необходимое движение тяжбы в суде. Каждый пункт, по намерению Петра Великого, должен был заключать в себе отдельную часть иска. Ме́ньший объем и ме́ньшая сложность, запутанность этой части в сравнении с целым иском, нередко заключавшим в себе несколько разнородных исков, очевидно, должны были упростить само судоговорение и дать бо́льшую возможность судье предупреждать всякие отклонения тяжущихся от предмета тяжбы и наблюдать за строгой правильностью и последовательностью судоговорения. Поэтому составление челобитен по пунктам вначале не было вовсе пустой формальностью, а должно было иметь весьма важное значение в движении процесса;

c) кроме медленности и проволочки в судах наших укоренились от неопределенности законов и многие другие

---

[1] 1723 года, 5 ноября, № 4344 – Именный, п. 3. «Когда станут честь первый пункт, тогда отвечать… на оной только, а не на все, и не только постороннего, но ниже о других пунктах говорить, ниже обличать ответчику того, кто бьет челом или доносит, в каких его противных делах, кроме того пункта…».

[2] Там же, п. 4. В положении о форме суда не определено именно, сколько раз могли тяжущиеся попеременно доказывать и опровергать спорный пункт иска; но кажется, что при издании указа Петр Великий имел в виду только два спора по каждому пункту: один – главный, другой – дополнительный – и потому оставил этот предмет без ближайшего определения. Это видно из следующих слов: «А когда (ответчик) первый пункт совсем очистит… тогда спросить истца: имеет ли он еще что доказательства, и потом ответчика, что он имеет ли более к оправданию, и буде не имеет, велеть руки приложить…».

злоупотребления. Мы знаем, например, что в делах некрепостных винили и без суда «неявкою». Ябедники, разумеется, воспользовались этим. Когда срок явки к суду приближался, один из тяжущихся вчинял против своего противника другой иск и в другом приказе. По новому иску последнего требовали к суду, между тем как по прежнему в другом приказе он просрочивал и обвинялся в иске, очевидно, без всякой вины. Против этого в форме суда постановлено правилом, чтобы никакое присутственное место не задерживало тех, которые имеют где-либо тяжбу, или, задержав, немедленно извещало о том, кого следует, чтобы не подвергнуть тяжущегося неправильному обвинению неявкою[1]. Другой случай. В древних постановлениях о судопроизводстве отношения между доверителями и поверенными по спорным делам были чрезвычайно неопределенными, да и сама подпись верителя под челобитной, которую должен был подать поверенный, установлена незадолго до Петра Великого. Тяжущиеся воспользовались и этим. Процесс, проигранный поверенным, доверитель вчинял снова под тем предлогом, что он не доверял никому вести тяжбы. Случалось также, что отъявленный ябедник, стакнувшись с одним из тяжущихся, называл себя родственником, другом или близким другого, принимал на себя ведение его тяжбы и проигрывал процесс умышленно. Петр Великий дозволил допускать к суду поверенных «только с письмами верющими, чтó оный (поверенный) учинит, он (доверитель) прекословить не будет»[2].

3. Наконец, доказательством того, что под названием формы суда Петр Великий восстановил наше древнее гражданское судопроизводство, служат следующие слова указа 1723 года, 5 ноября: «Понеже о форме суда *многия указы прежде были сочинены, из которых ныне собрано*, и как судить надлежит, тому форма яснее изображена, по которой во всяких делах, какого б оныя звания ни были, исполнять дóлжно, *а не по старым указам; ибо в судах много дают лишняго го-*

[1] Там же, п. 6.

[2] Там же, п. 7.

ворить, и много ненадобнаго пишут, что весьма запрещается; и не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо один суд…».

Здесь упоминаются старые указы о судопроизводстве, служившие основанием при составлении формы суда; последняя должна, по словам указа, яснее изображать то, что заключалось в первых. Спрашивается: о каких именно указах упоминается здесь? Очевидно, не об Уставе воинского процесса, изданном в 1716 г., ибо он не был отменен изданием формы суда и продолжал действовать после 1723 г.; не к розыску, потому что розыск по главным своим началам не имел ничего общего с формой суда и, следовательно, не мог служить ей основанием; остается предположить, что под *старыми указами* Петр Великий разумел Уложение и новоуказанные статьи, в которых действительно суд изложен довольно подробно.

Итак, в 1723 г. Петр Великий восстановил наш древний *суд*, отмененный розыском. Причины этого возвращения к прежней форме судопроизводства, задолго до того времени найденной неудобной, с точностью неизвестны. Главной из них были, по всем вероятиям, требования судебной практики. Суждение гражданских процессов уголовным порядком вследствие ложного толкования слова «розыск» заставило почувствовать необходимость гражданского, обвинительного судопроизводства. В практике последнее продолжало существовать под формой суда. Вероятно, поэтому Петр Великий снова обратился к суду и восстановил его с теми изменениями и дополнениями, коих требовала недостаточность и неопределенность прежних законов о суде, обнаруженные практикою и злоупотреблениями.

Восстановление суда было последней важной реформой общего гражданского судопроизводства в избранный нами период времени. Последствия ее были неисчислимы. В последующем периоде они породили потребность новых реформ, которые продолжались до позднейшего времени и теперь продолжаются. Реформа 1723 г. была тем несравненно важнее предыдущих, что ею уголовное и гражданское судопроизвод-

ство, дотоле строго отделенные друг от друга, слиты в одно; розыск в делах уголовных уничтожен[1]. Даже Устав воинского процесса, действовавший до того времени независимо и не подвергавшийся никаким существенным реформам, уступил место суду[2]. Раскрытие последствий этого переворота в уголовном и военном судопроизводстве не входит в пределы настоящего рассуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. В общем обзоре реформ гражданского процесса мы коснулись одних главных, основных положений и опустили изменения, сделанные в частях судопроизводства. Таких изменений было много. Бóльшая часть из них принадлежит Петру Великому. Важнейшие суть следующие.

1. В учении *о тяжущихся лицах*. Некоторым лицам, как-то: архимандритам, игуменам, монахам и монахиням – запрещено быть самим ходатаями по делам (1727 года, 31 июля, № 5135 – Синодский; 1738 года, 23 генваря, № 7493 – Синодский).

2. *О судебном представительстве*. Со времен Петра Великого свободное судебное представительство получило чисто гражданский характер; без верящего письма поверенный не допускался к суду (1700 года, 14 февраля, № 1755 – Именный; 1713 года, 24 апреля, № 2671 – Именный, объявленный из Сената, п. 6; 1719 года, 15 генваря, № 3282 – Именный, объявленный из Сената; 1720 года, 28 декабря, № 3696 – Се-

[1] 1723 года, 5 ноября, № 4344 – Именный: «Вначале не надлежит различать (как прежде бывало) *один суд, другой розыск*, но токмо один суд»; п. 5: «Надлежит прежде суда (кроме сих дел: измены, злодейства или слов противных на Императорское Величество и Его Величества фамилию и бунт) дать список ответчику с пунктов…». Указом Сената, 1725 года, 3 мая, № 4713 объяснено, что под злодейством дóлжно разуметь богохульство, церковный мятеж, раскол, смертоубийство, разбой, татьбу с поличным. В конце: «Все суды и розыски имеют по сей форме оправляться, *не толкуя, что сия форма суда к тому служит, а к другому не служит…*».

[2] 1724 года, 30 ноября, № 4607 – Указ из Военной коллегии.

натский; 1721 года, 16 февраля, № 3736 – Именный, состоявшийся в Сенате). Мы видели, что в постановлении о форме суда содержание верящего письма определено точнее: «Что оный учинит, он прекословить не будет» (1723 года, 5 ноября, № 4344, п. 7); впоследствии запрещено допускать поверенных к апелляции, если об этом праве не упомянуто в верящих письмах (1775 года, 21 октября, № 14382 – Указ из Военной коллегии).

3. *Об отводах судей.* Отвод судей служил во времена Петра Великого предлогом к продолжению тяжеб. Иногда тяжущиеся объявляли подозрения против судей без всякой основательной причины для того только, чтобы выиграть время. Вследствие этого были изданы многие узаконения об отводе судей (1697 года, 7 октября, № 1597 – Именный; 1720 года, 5 генваря, № 3480 – Именный, данный Сенату; 1720 года, 4 мая, № 3577 – Именный, объявленный из Юстиц-коллегии; 1723 года, 25 октября, № 4338; 1723 года, 20 мая, № 4506 – Именный, объявленный из Сената, в пополнение указа 1723 года, 25 октября; 1724 года, 13 ноября, № 4593 – Именный; 1743 года, 28 октября, № 8812 – Сенатский). На основании этих указов тяжущийся должен был подавать об отводе челобитную до подписания срочных сказок о явке к суду; если он отводил президента, то прошение его представлялось высшему суду, который переносил дело в другой суд; если же отводили одного из членов, то дело оставалось в том же суде, но отводимый не принимал участия в решении. Главными законными причинами отвода были свойство или недружба. Кроме того, допущены и другие; некоторые из них исчислены в указе 1724 года, 13 ноября, и вошли в Свод гражданских законов.

4. *Об обеспечении иска.* Постановлено собирать поруки по истцах (1698 года, 6 мая, № 1631 – Боярский приговор). Со введением формы суда личная порука заменена вещною: иск обеспечивался имуществом – движимым и недвижимым; только при недостатке имущества прибегали к поруке.

5. *О доказательствах.* Запрещено допускать к свидетельству раскольников и три года не бывших у исповеди

(1724 года, 4 июня, № 4526 – Именный, объявленный из Сената; 1745 года, 17 декабря, № 9237 – Сенатский). Запрещено допускать к крестоцелованию одно лицо вместо другого: «А у веры быть истцу и ответчику самим, а не детям, не свойственникам и не людям их и крестьяном» (1697 года, 21 февраля, № 1572 – Именный, п. 7).

6. *О мерах взыскания.* Уничтожен *правеж* и заменен отсылкою на галеры, отдачею в работу и в прядильный дом; за каждый месяц работы выдавался рубль в уплату долга (1718 года, 15 генваря, № 3140 – Именный, объявленный из Сената; 1720 года, 12 декабря, № 3685 – Именный; 1722 года, 6 апреля, № 3950 – Именный; 1722 года, 18 сентября, № 4093 – Сенатский). Уничтожена *выдача головою* и заменена ссылкою (1701 года, 4 июля, № 1863 – Именный).

7. *О частных и апелляционных жалобах* изданы весьма важные постановления, служащие основанием теперешних законоположений об этом предмете. Императрицей Екатериной II установлен апелляционный обряд: подписка удовольствия или неудовольствия, годичный апелляционный срок и отсылка дел из низшего присутственного места в высшее в случае апелляции (1762 года, 30 июля, № 11629 – Именный). Петр Великий установил полугодичный срок для решения дел присутственными местами и дозволил тяжущимся по истечении срока приносить жалобу на медленность и проволочку дела (1714 года, 8 декабря, № 2865 – Именный, объявленный из Сената; 1720 года, 4 мая, № 3577 – Именный, объявленный из Юстиц-коллегии; 1724 года, «…», № 4624 – Инструкция магистратам, п. 4). При всех этих изменениях первые инстанции остались по-прежнему *в строгом смысле судебными*, а прочие – *ревизионными*; это видно из того, что Петр Великий велел представить Сенату «для наказания» тех просителей, которые будут подавать рекетмейстеру [72] дополнительные челобитные после суда и допросов: (1722 года, 5 февраля, № 3900 – Наказ рекетмейстеру, п. 4), и что в высших инстанциях делались только выписки из дел, а не производили нового суда (там же, п. 2; 1721 года,

29 апреля, № 3776 – Сенатский и мн. др.). По Учреждению для управления губерний из областных инстанций нижние были судебные, вторые – и судебные, и ревизионные, а высшие (уголовная и гражданская палаты) – чисто ревизионные (ст. 108, 116, 181, 323, 367).

II. Кроме реформ в общем гражданском судопроизводстве произошли в этот период важные перемены и нововведения и в особенных его формах. При Петре Великом издан устав Военного[1], а при Петре Втором – устав Таможенного суда. Форма Военного суда была издана первоначально исключительно для военных (гл. I, п. 3.2 и 5) и резко отличалась ото всех прочих форм судопроизводства, принятых в нашем законодательстве, тем, что допускала письменное производство вместо словесного (гл. IV, п. 2). Поэтому хотя указом Петра Великого и постановлено, что Воинский устав «касается до всех правителей земских» (1716 года, 10 апреля, № 3010 – Именный, данный Сенату), однако форма Военного суда не могла сделаться основной формой гражданского судопроизводства, особливо после указа 1723 года, 5 ноября, которым строго запрещено было принимать на суде письменные ответы. Итак, все влияние воинского процесса на гражданское судопроизводство должно было в то время ограничиться одним применением устава о Военном суде к тем частям гражданского судопроизводства, которые в первом были развиты полнее и лучше, например к учению об отводах, свидетельстве, присяге и т. д. Так действительно и было. Мы не знаем наверное, в какой степени сильно было это влияние, но можем сказать утвердительно, что форма суда, изданная Петром Великим, оставалась главной основной формой гражданского судопроизводства долгое время после него, и даже в царствование Екатерины II (1752 года, 30 июня, № 10002 – Указ из Юстиц-коллегии; 1761 года, 4 генваря, № 11181 – Сенатский; 1763 года, 10 сентября, № 11913 – Сенатский вследствие высочайше утвержденного доклада августа 25). Напротив, в

[1] 1716 года, 30 марта, № 3006 – Воинский устав, III часть. Краткое изображение процессов или судебных тяжеб.

настоящее время письменное судопроизводство, введенное впервые с изданием положения о воинском процессе, составляет основную форму общего гражданского процесса, а суд по форме – словесное судопроизводство – сделалось второстепенной, дополнительной формой, к которой прибегают тяжущиеся и присутственные места только в крайних случаях, когда обыкновенным, письменным производством невозможно решить, кто прав – истец или ответчик. Когда произошла эта реформа – неизвестно, потому что не было указа, которым бы словесное производство спорных гражданских дел велено было заменить письменным. Первый повод ко введению письменного производства в гражданский процесс должно было, по всем вероятиям, подать Учреждение для управления губерний, ибо в нем или вовсе не говорится о форме, по которой должны быть судимы спорные гражданские дела (так в статьях об уездном суде, городовом магистрате и нижней расправе), или упоминается одно письменное производство. Особенно замечательно то, что о последнем упоминается только в статьях о судебных местах второй инстанции, которые, по главному своему назначению, были суды ревизионные и именно в отношении к спорным делам, судимым впервые (ст. 181, 323, 367). Может быть, на основании этого мимоходного указания и введено письменное судопроизводство в гражданских судах. Этому, вероятно, содействовало и то, что словесное судопроизводство становилось более и более затруднительным и тягостным (что доказывается редким употреблением этой формы в наше время) и не представляло важных удобств, связанных с письменным производством. Словесное судопроизводство необходимо требовало личного присутствия тяжущихся или их поверенных там, где происходил суд, а письменное судопроизводство этого вовсе не требовало. Притом последнее давало более средств тяжущимся обдумать и правильно изложить свои доказательства и опровержения, нежели словесное; случайные обстоятельства (замешательство, робость, неожиданность, возражения и т. п.) не имели почти никакого

влияния на ход тяжбы в письменном судопроизводстве, а в словесном могли решать окончательно судьбу процесса. Эти, а может быть, и другие причины заставили судей и тяжущихся предпочесть письменное судопроизводство словесному и ввести первое во всеобщее употребление. Но т. к. форма суда не была отменена указом, то и было предоставлено тяжущимся избирать ту или другую форму судопроизводства. Это положение, развившееся из обычая и судебной практики, перешло и в Свод Законов.

Гораздо труднее определить: на каком основании форма суда получила в нашем законодательстве значение дополнительного судопроизводства? Причины, которые приводятся обыкновенно, предостаточны и не выдерживают критики. Многие думают, что форма суда дает тяжущимся такие средства защиты, которых не представляет письменное судопроизводство. Какие же именно? Не до́лжно забывать, что как обыкновенное гражданское судопроизводство, так и форма суда требуют, чтобы в делах гражданских доводы и опровержения были основаны на положительных, формальных доказательствах, ибо в гражданском судопроизводстве улика не имеет юридической силы. Итак, если улика – единственное средство защиты, которого не дает письменное судопроизводство, не имеет никакого значения в суде по форме, то какие же преимущества может она иметь для тяжущихся перед письменным судопроизводством? Скорее и с бо́льшим основанием можно думать, что письменное судопроизводство представляет тяжущимся несравненно более средств глубоко вникнуть в существо спорного дела и воспользоваться всем, что может только служить к опровержению противника и защищению своего права. Нам кажется, что образование из формы суда дополнительной формы судопроизводства имеет одно историческое основание и может быть объяснено не иначе как положениями и духом древнего судопроизводства, который во времена Екатерины II не совсем еще исчез в нашей судебной практике. Мы видели, что в некоторых случаях суд по одному и тому же делу давался два раза. Если

по первому нельзя было решить дела по недостатку доказательств, то тяжущимся снова давали суд и уже потом решали дело или на основании приведенных доказательств, или на основании присяги. Когда спорные гражданские дела стали производиться письменно и в гражданском процессе образовались две различные формы, коих взаимное отношение не было строго определено ни законом, ни практикой, к этим формам легко могло быть приложено прежнее правило, по которому суд в одном и том же деле при недостаточности доказательств давался два раза. А как письменное судопроизводство сделалось главной, основной формой, то суд по форме занял в практике место прежнего дополнительного суда и сохранил это назначение и до нашего времени. Это объяснение, не будучи основано ни на каких положительных, исторических данных, есть не более как одно предположение. Только разработка архивов и старых судебных дел, относящихся к этой эпохе, может пролить свет на доселе загадочную историю развития наших процессуальных форм, ибо определение их взаимных отношений, их бóльшая или меньшая употребительность находились в большой зависимости от судебной практики и почти исключительно на ней одной и основывались.

III. *Таможенные словесные суды*. По древнему русскому законодательству таможенный суд был установлен для споров между купцами по делам, исключительно относившимся к купеческим оборотам, и отличался от обыкновенного гражданского суда только тем, что, во-первых, производился скорее, с меньшей формальностью; во-вторых, допускал по спорным делам о займах, поклажах и ссудах некрепостные доказательства, которые в обыкновенном суде считались в таких делах недействительными, и, в-третьих, производился беспошлинно. Все эти отступления от обыкновенного судопроизводства, очевидно, образовались вследствие приспособления древнего суда к делам купеческим, которые по существу своему требовали скорого производства, не могли быть строго формальны по быстроте, неожиданности торго-

вых операций и началу взаимного доверия, доброй совести, необходимо преобладающему в купеческих сделках. Указами 1701, 1703 и 1720 годов Петр Великий постановил: «Никому… никаких крепостей и заемных памятей и расписок, и домашних писем… мимо учиненных крепостных и писчих изб, так же и бурмистрам в таможенных книгах никаких долговых денег вместо крепостей писать, а у кого такие явятся, оным не верить»[1]. Таким образом, все некрепостные денежные сделки и условия объявлены недействительными перед судом и вследствие этого таможенный суд должен был сам собою уничтожиться.

Отсюда произошло большое стеснение купеческих и торговых оборотов. Часто успех важной торговой операции зависел от одной минуты, после которой сделка не могла уже принести никакой пользы; совершить же ее в одну минуту крепостным порядком было невозможно. С признанием юридической недействительности некрепостных денежных обязательств должны были уничтожиться и договоры, основанные на честном слове, составленные при свидетелях или за одним изустным поручительством, а через это подорвано взаимное доверие – главный двигатель быстрого и успешного хода торговли.

Такие последствия юридической недействительности некрепостных обязательств по торговле побудили сначала Императрицу Екатерину I по представлению Главного магистрата отменить в отношении к купечеству общее постановление Петра Великого о заключении денежных договоров и условий и восстановить древний Таможенный суд.

Впоследствии в царствование Петра II (1727 года, 17 июня, № 5102) и Императрицы Екатерины II (1766 года, 10 августа, № 12721 – Указ из Главного магистрата с приложением инструкции словесным судом) об этом суде изданы важные постановления, давшие ему бóльшую всеобщность и юридическую определенность и служащие главным основанием теперешних законоположений о словесных судах.

[1] 1726 года, 1 февраля, № 4828 – Сенатский.

ПОЛОЖЕНИЯ

I. Устройство приказов основано на начале личного управления.

II. История русского судоустройства до реформы Петра Великого представляет постепенное заменение суда мирского судом княжеским.

III. Целовальники древней России суть происхождения родового, патриархального.

IV. Устройство инстанций имело до Петра Великого политическое основание.

V. Свободное судебное представительство по древнему русскому праву почти исключительно основывалось на патриархальном, родовом и семейственном быте.

VI. Иски вещные и личные не были строго различены в Уложении.

VII. Установление строго крепостных исков не принадлежит Петру Великому, а относится к древнему русскому законодательству.

VIII. *Суд* был основой, древнейшей формой обвинительного, гражданского судопроизводства.

IX. *Очные ставки* были формой древнего уголовного процесса, но в применении к делам гражданским имели характер обвинительного судопроизводства.

X. Судом судились дела вотчинные и исковые. Различия между вотчинным и исковым судопроизводством, по древнему праву, не есть существенные.

XI. В Уложении смешаны два различных вида вызова к суду: *публичный* – по приставной памяти и *частный* – по зазывной грамоте.

XII. Древний суд производился словесно.

XIII. Повальный обыск был первоначально свидетельством общины, мира и только с упадком общинного быта основан на началах послушества.

XIV. В Уложении *сыск* не всегда означает следствие и следственное судопроизводство.

XV. По Уложению, суд в известных случаях без приговора высшего судебного места давался два раза по одному и тому же делу.

XVI. До Учреждения о губерниях иск, решенный в низших судебных инстанциях, не судился вновь в высших, а только пересматривалось решение, о нем постановленное. Апелляция была не что иное, как тяжба между судьей и тяжущимся, недовольными его решением.

XVII. Коллегиальное устройство судов введено у нас впервые Петром Великим.

XVIII. Отделение судебной власти от исполнительной, административной, появилось у нас с царствования Петра Великого.

XIX. В русском законодательстве со времен Петра Великого заметно постоянное стремление соединить в одних судебных присутственных местах спорные дела вотчинные и исковые.

XX. Отдельное судебное управление городского сословия впервые введено Петром Великим.

XXI. При Екатерине II в губернское устройство введены оба начала управления: древнее – начало личного управления и новое – коллегиальное.

XXII. Выборные члены областных (губернских и уездных) судов, установленные Екатериною II, и древние целовальники юридически не различаются друг от друга.

XXIII. По Учреждению о губерниях различие сословий играет весьма важную роль в областном судоустройстве.

XXIV. Отделение суда уголовного от гражданского имеет различные основания в древнем и новом русском законодательстве.

XXV. Совестный суд по Учреждению о губерниях есть орган естественной справедливости.

XXVI. Участие сословий в областном судоустройстве есть главное юридическое основание учреждения в столицах надворных судов.

XXVII. Должности прокурора и стряпчих хотя и отличаются друг от друга, однако имеют одно юридическое основание.

XXVIII. В основании реформ судебного управления духовенства со времен Петра Великого лежит стремление секуляризировать светско-церковную общину, развившуюся в древней Руси.

XXIX. Один из важнейших источников учения о русском гражданском судопроизводстве со времен Петра Великого есть судебная практика.

XXX. Под названием «розыск» Петр Великий хотел ввести не следственное, а обвинительное судопроизводство, отличавшееся от суда одной только формой.

XXXI. Изданием *формы суда* Петр Великий восстановил наше древнее, гражданское судопроизводство.

XXXII. Настоящее значение формы суда и отношение ее к обыкновенному гражданскому судопроизводству наиболее определились судебной практикой – органом древних юридических обычаев.

XXXIII. Письменное судопроизводство сделалось общим более вследствие потребностей времени, нежели на основании положительного закона.

Что есть гражданское право и где его пределы? Один из современных юридических вопросов

В науке и общежитии есть много слов и выражений, которые всеми употребляются как общеизвестные, под которыми как будто разумеется что-то очень определенное, точное, бесспорное, а между тем, если разобраться хорошенько, они оказываются крайне сбивчивыми, неопределенными, неточными; оказывается, что каждый понимает их по-своему и

придает им особый смысл. Выходит, что одно и то же слово выражает совсем разные понятия, чего разговаривающие и пишущие нередко и не подозревают. Отсюда тысяча нескончаемых споров и недоразумений.

К числу таких терминов принадлежит и название «гражданское право». Что такое гражданское право? Какие юридические отношения, права и обязанности разумеются и до́лжно разуметь под этим общим выражением? Вот один из труднейших и запутаннейших вопросов в современной науке права.

I

Всеми принято, что гражданское право обнимает частные, приватные юридические отношения в отличие от публичных – общественных, государственных и международных, которые относятся к другим частям правоведения. Но что значит «частный», «партикулярный», «приватный»? Это слово, в свою очередь, употребляется в различных смыслах, и потому надобно определить точным образом, что мы именно хотим сказать, называя юридические отношения частными, приватными?

Частное, партикулярное, приватное в противоположность публичному может, во-первых, выражать значение, роль, влияние юридического отношения. В этом смысле частным юридическим отношением будет то, которого роль и влияние ограничиваются лишь лицами, принимающими в нем непосредственное участие, и не простирается далее; публичными, напротив, должны быть названы те юридические отношения, которые по своему значению, влиянию и роли в обществе выходят более или менее за пределы частного интереса двух или несколько лиц, непосредственно в нем заинтересованных, и касаются или могут касаться прямо или косвенно всех и каждого, по крайней мере, значительного числа людей, принадлежащих к обществу, и даже посторонних, хотя те и другие не принимают в таком юридическом отношении непосредственного участия.

Гражданское право имеет предметом частные, приватные, юридические отношения, конечно, не в этом смысле. Что в указанном выше значении считать публичным и что частным – этого никоим образом нельзя определить никакой общей формулой, потому что твердых, постоянных признаков для отличения приватного от публичного в этом смысле нет, да и быть не может. В каждом обществе, смотря по обстоятельствам и условиям, граница между публичным и частным, как мы их определили, проводится иначе, колеблется, изменяется. Одно и то же юридическое отношение может иметь сегодня – частный, завтра – публичный характер; все чаще публичное и частное так перемешаны и слиты, что разграничить их нельзя. Это вытекает из самого существа дела. Нельзя себе представить ни одного юридического отношения, как бы оно незначительно ни казалось, как бы оно, по-видимому, ни ограничивалось исключительно одним или несколькими частными лицами, которое хотя бы косвенно, в самой малой степени, не касалось общественного быта, не имело на него никакого влияния. Частный быт, частные отношения заключаются в общественном, вне его не существуют, немыслимы, а потому и не могут иметь на него никакого действия; точно так же частные отношения, существуя в обществе, сами неизбежно находятся под влиянием общественного быта, подпадают под его условия и ими определяются. Отсюда беспрерывное взаимодействие частных и публичных элементов, хотя оно редко выступает наружу и бросается в глаза, а обыкновенно совершается в тиши, незаметно для наблюдателя и обнаруживается только в своих действиях и результатах. Видимо, осязательно оно выражается в том, что нет ни одного частного юридического отношения, которое бы не подпало под определение закона или по форме, или по содержанию, а определение законом – что же это, как не выражение общественной потребности в виде общего, обязательного права? Я могу продавать и покупать, но не все, что мне вздумается: есть вещи, которые продавать и покупать запрещено; я могу договариваться, но тоже не обо всем: есть действия, о

которых договариваться не дозволено; я могу давать в ссуду и занимать, но опять-таки не совсем свободно: закон о росте или процентах ставит моему произволу и в этом отношении известные пределы. Множество юридических отношений, совсем частных, совсем приватных, непременно должны являться в известной форме, например совершаться крепостным порядком или с явкой у крепостных дел или быть записаны у маклера и т. п., и без того недействительны. Во всем этом выражается, что частное совсем не так далеко от публичного, не так отделено от него китайской стеной, как многие готовы думать; будь это так, закон – орган публичных нужд и потребностей – и не подумал бы определять и ограничивать частные юридические отношения.

Для многих из наших читателей эти общие соображения, быть может, покажутся не довольно убедительными. Обратимся же к частным примерам. На множестве юридических отношений, всеми причисляемых к гражданскому праву, соединение публичного и частного характера и невозможность разграничить их ясной чертой высказываются со всевозможной очевидностью.

Начнем с вещных или имущественных прав, которые, как известно, образуют одну из существенных и значительнейших составных частей гражданского права. Характеристический их признак заключается в том, что они рядом с личными имеют и всеобщий характер, обязательны не для одного или нескольких лиц, а для всех и каждого. Право мое на вещь установляет для всех обязанность не нарушать этого моего права, хотя между мною и этими всеми не заключено об этом никаких условий; только в силу того, что я имею право на вещь, обязаны все и каждый чтить это мое право, не касаться его. Эта характеристическая черта проходит через все имущественные права, начиная от пользования лошадью или быком, которых я нанял у соседа, чтобы пахать на них землю, и оканчивая правом проходить или проезжать по дороге или площади. Этим отличаются имущественные права от весьма им близких и во многом сродственных прав по обязатель-

ствам, которые установляют только личные юридические отношения, рождают взаимные права и обязанности только между известными лицами и никого больше, кроме них, не касаются, ни для кого, кроме них, не обязательны.

Всеобщая обязательность вещных имущественных прав придает им, несомненно, публичный характер. Особенно он выделяется в правах на недвижимые имущества. Их переход от одного лица к другому имеет везде публичный характер; пользование дорогами, реками, каналами, бечевниками, улицами, площадями, пристанями есть публичное, общественное дело. Недвижимые имущества, в том числе и здания, необходимые для общественного, хотя и определенного, известного пользования, нередко суть общественные, публичные; нередко закон объявляет, что они непременно должны быть публичные. Здесь публичное и частное так близко, так непосредственно соприкасаются, что разграничить их нет никакой возможности. Право ходить по улице есть частное право; я имею, следовательно, на нее известного рода вещное, имущественное право, но кто такой я? Я – это всякий, все, это общество, масса людей, в которой я исчезаю. С другой стороны, публичное, общественное имущество – что значит это выражение? Следует ли под ним разуметь казенное, городское, церковное, сельское имущество или принадлежащее какому-нибудь ведомству? И да и нет. Казна, город, село, ведомство имеют свои имущества, которыми пользуются на частном праве, которые отдают внаем, в аренду и от которых получают доход подобно частным лицам. Так называемые публичные, общественные имущества, очевидно, не подходят под этот разряд; они составляют особую категорию, имеющую мало общего с предметами частного права. Но куда же отнести эту категорию?

Не входя здесь в рассмотрение этих и многих других сложных, запутанных вопросов, возникающих из двойственного, частного и в то же время публичного характера вещных прав, которые касаются и отдельных лиц, и целого общества, заметим, что не один характер всеобщности придает имуще-

ственным правам публичное значение. Главный их предмет – земля – по своей важности и ценности есть везде и всегда предметы публичного, государственного интереса. У всех народов во все времена история поземельных прав есть одна из важнейших страниц государственной, политической истории; около поземельных прав группируются выдающиеся вперед государственные и политические события и реформы; словом, поземельные отношения глубочайшим образом вплетены в государственную жизнь всякого народа и отражают на себе его политические судьбы со всеми важнейшими их изменениями и оттенками. Аграрные римские законы [1] и ленное право [2], колонат [3] и секуляризация монастырских имений, как у нас вотчинное [4] и поместное [5] право и устройство поземельных отношений бывших крепостных, удельных, заводских крестьян, представляют собой целые исторические эпохи, да и сами по себе, по всей справедливости, должны быть названы эпохами в истории народов. Как только вопрос коснется поземельных прав, он почти всегда тотчас же получает государственный, публичный характер. Арендование земель, например, кого же, по-видимому, может интересовать, кроме владельца, который находит для себя выгодным отдать свой участок в аренду, и арендатора, который находит тоже для себя выгодным взять участок в содержание? Однако мы знаем и видели, что даже такие поземельные отношения могут при известных обстоятельствах получить весьма важное государственное значение. Скажем более: частное поземельное владение, которое в границах участка едва ли когонибудь может касаться, кроме самого владельца, возводится в известных случаях, как показывает история, на степень государственного, общественного дела. Чрезмерная дробность поземельных владений, разбросанность маленьких клочков земли, принадлежащих одному хозяину, вызывают, и не у нас одних, общую меру – размежевание к одним местам, хотя бы некоторые из мелкопоместных владельцев этого вовсе не желали и были вполне довольны своими разбросанными и дробными кусочками земли. Есть, далее, поземельные отношения,

до того проникнутые публичным, государственным характером, что из-за него частная, гражданская их сторона едва заметна, хотя и несомненно, что она в них есть. Разительный и очень оригинальный пример такого рода представляет наше законодательство. У нас существует правило, в силу которого государственные, а с прекращением крепостного права – и всякие другие крестьяне, в случае малоземелья или когда вовсе не имеют земли, получают ее от государства, от казны. Весь характер этого правила – вполне государственный; его мотив – публичный, общественный, его прямые последствия, именно способ отдачи земли крестьянам, размер поземельного оброка, бессрочность владения, не исключающая в известных случаях права государства или казны отобрать отведенную землю, – все это придает тоже этому виду владения характер публичный, общественный. Государство отводит земли крестьянам не из выгоды и интереса; иначе оно отдало бы землю с торгов желающим и предлагающим наибольшую арендную плату, как оно и поступает в других случаях со своими оброчными статьями; тут же оно действует не по началам частного, гражданского интереса, а на основании общих государственных соображений, почему и самое правило, и вытекающие из него юридические отношения, видимо, имеют публичный, общественный характер. И несмотря, однако, на это, пользование со стороны крестьян землями, отведенными им в силу упомянутого правила, есть лишь особый вид прав на чужую вещь, именно бессрочное оброчное владение, которое, бесспорно, относится к числу гражданских прав, гражданских юридических отношений.

Сказанного, мы думаем, достаточно, чтобы доказать двойственность имущественных юридических отношений и проистекающую из нее невозможность разграничить в них публичное от частного в доказанном выше смысле.

Возьмем другой пример. Семейные отношения со всеми принадлежащими к ним личными имущественными и из обязательств проистекающими правами и обязанностями тоже причисляются к гражданскому праву и составляют в нем

особый, очень важный отдел. Следует ли включать семейные отношения в гражданское право, и если следует, то в какой мере – это другой вопрос, которым мы займемся потом. Здесь спросим только: какой они имеют характер – частный, приватный, или публичный? Тут мы опять встречаемся с теми же трудностями, как и при рассмотрении имущественных прав. Семейные отношения, с одной стороны, суть приватные, частные – это несомненно; но также несомненно, что они в то же время имеют, по своей особенной важности и последствиям, общественный, публичный характер, относятся к числу важнейших публичных интересов. Чтобы вполне в этом убедиться, стоит только припомнить, с какой заботливостью законодательство определяет условия заключения и расторжения брака, взаимные личные и имущественные отношения супругов, последствия брачного союза, личные и имущественные отношения родителей и детей, даже членов родственного союза между собой, установление и прекращение опеки и попечительства и возникающие из них юридические отношения – словом, весь круг семейных или сходных с семейными прав и обязанностей. Звание опекуна даже у римлян считалось публичной должностью. Этого мало: везде и всегда законные определения семейных прав и отношений проникнуты публичным элементом, внушаются публичным, общественным интересом. Едва ли можно указать на другую часть гражданского права, в которой сравнительно было бы представлено менее простора произволу и личному усмотрению частных лиц, чем в семейном праве и в семейных отношениях. Стало быть, публичный характер последних не может подлежать никакому спору; в них тоже, как и в имущественных правах, невозможно разграничить частное от публичного, потому что оба элемента в них смешаны, слиты.

Возьмем, далее, наследственное право. Наследование по завещанию, бесспорно, имеет частный характер. Но уже сами римляне начали ограничивать безусловный произвол завещателей, даже допустили в известной мере и при известных условиях наследование помимо и вопреки явно и несомненно

выраженной воле умершего. В этом отрицательно высказывается публичный, общественный характер наследования. Но еще гораздо резче, ярче выступает он в наследовании по закону, в особенности же в определении взаимных отношений между наследованием по закону и наследованием по завещанию. Кто наследует по закону? В каких именно случаях предпочитается один порядок наследования другому? Вот важные вопросы, которые везде и всегда разрешаются под очевидным и самым сильным влиянием публичных, государственных соображений. Политический быт народа и его стремления отражаются в том или другом устройстве наследования, которое, таким образом, делается одним из могущественных средств для преобразования общественного быта в том или другом смысле. Итак, наследственное право, в свою очередь, тоже проникнуто публичным характером, имеет рядом с частным публичное, общественное значение.

Частные обязательства, именно контракты и договоры – что может, по-видимому, более иметь частное, приватное значение? Юридически они касаются только договаривающихся лиц и более никого. Однако на поверку выходит, что и частные обязательства имеют свою публичную сторону. Для заключения и отмены известного рода контрактов и договоров предписаны известные торжественные, публичные формы; известного рода контракты и договоры вовсе запрещены по соображениям публичным, общественным, государственным. По значению и влиянию на общественный быт многие контракты и договоры имеют, несомненно, публичный характер. Между займом полтораста рублей на полгода, чтобы заплатить долг портному, и займом десятков миллионов рублей на многие годы с гарантией правительства на постройку железных дорог только и есть та разница, что первый – частное дело, а второй – общественное, публичное. В минуты торгового кризиса предохранение значительных коммерческих домов от банкротства есть в важных торговых пунктах дело общественного, публичного интереса, тогда как коммерческие обороты, сделки и условия этих домов суть собственно

частное дело, касаются только их, их кредиторов и должников. Вообще операции всех важнейших акционерных компаний, торговых фирм, обществ железных дорог, нашей Североамериканской компании, нашего Общества черноморского пароходства и торговли, французских *messageries imperials*[1] и т. п., состоящие в бесчисленных договорах и условиях, т. е. в обязательствах, имеющих собственно частный характер, без сомнения, не суть только дело частного, приватного интереса, но, очевидно, имеют публичное, общественное значение. Что в них перевешивает – публичное или частное и где в них граница того и другого? Те, которые думают, что она есть и может быть найдена, пусть ее укажут. Мы видим, что она беспрестанно колеблется: частное беспрестанно переходит в общественное, как общественное беспрерывно перегибает в частное, партикулярное.

Возьмем, наконец, лица, которые могут состоять в гражданских юридических отношениях (субъекты прав), и вещи, могущие быть предметом гражданских юридических отношений (объекты прав). Между теми и другими одни имеют частный, другие – и частный, но в то же время и публичный, общественный характер. Конечно, в отдельных лицах преобладает частный, приватный элемент; но что сказать о так называемых моральных, юридических лицах, в числе которых рядом с обществами в публичном смысле самыми незначительными должны быть названы села, города, монастыри, церкви, разные, весьма важные благотворительные заведения, университеты, академии, целые сословия, ведомства, области (например, казацких войск) и даже государство? В этом простом исчислении нельзя не видеть восходящих ступеней лестницы, <основание> которой лежит очень близко к частному, партикулярному быту, а вершина теряется в высших сферах общественности и имеет по преимуществу общественное, публичное значение. То же самое представляют и вещи, объекты прав. Многие из них имеют только приватный характер; зато другие очень близко, очень существенно ка-

[1] Перевозки, сообщения империалов (фр.). – *В. Т.*

саются интересов общества и государства и потому выходят из ряда обыкновенных, становятся предметом законодательных определений и таким образом получают общественный, публичный характер. О таком значении земель и вообще недвижимых имуществ мы уже говорили выше, но есть и множество движимых вещей, которые принадлежат к этой же категории. Съестные припасы вообще, в том числе и крепкие напитки, лекарства и яды, порох и другие легковоспламеняющиеся вещества, деньги, весы и меры, рекрутские квитанции, книги и вообще всякого рода публикации, серебряные и золотые изделия и другие предметы, обращающиеся с различными ограничениями и предосторожностями, под надзором полиции, или которых обращение вовсе запрещено, или пользование которыми обусловлено известными правилами и предписаниями, изъяты, в большей или меньшей мере, из частного произвола и подпадают под законные определения по соображениям общественной пользы, безопасности, здоровья, нравственности и т. п. Такие вещи, конечно, не могут быть названы вполне частными и имеют в той или другой мере общественный, публичный характер.

Итак, внимательно пересмотрев все части гражданского права, нельзя найти ни одной, в которой бы шла речь исключительно об одном частном, приватном; в каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значению, влиянию, роли имеет публичный, общественный интерес, касается более или менее общества, государства. Показать, где в них оканчивается частное, приватное и начинается общественное, публичное, на основании лишь их значения, роли и влияния нет никакой возможности. Именно потому, что частное, приватное сливается в этом смысле с общественным, публичным, нельзя на их различии основать различие гражданского и публичного права.

Прочность этого вывода очевидна сама собою. Чтобы прийти к нему, вовсе не было бы надобности в таких длинных и подробных соображениях, если бы во всех рассуждениях о гражданском праве не предполагалось, что оно имеет пред-

метом исключительно только частные, приватные интересы и юридические отношения, до которых обществу и государству нет никакого дела. Несмотря на то, что история законодательств и само римское право представляют бесчисленные доказательства противного, этот взгляд держится крепко. Обязательная продажа недвижимой части собственности, нужной для удовлетворения общественной потребности, многим до сих пор кажется нарушением гражданских прав. Говоря «частное, гражданское право», мы невольно, почти бессознательно, хотели бы представить себе нечто отмежеванное не переступаемой границей от публичного права, целую, существующую вблизи и вокруг нас область интересов, недоступную для докучливых посягательств общественных, публичных потребностей. Внимательное исследование не оправдывает, однако, такого взгляда, который оказывается лишь игрой отвлеченной мысли. В действительности область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а, напротив, сделало бы частную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными. Но, будучи теоретически ошибочным, этот взгляд имеет свое, очень важное практическое значение, которым никак не до́лжно пренебрегать. Он вызван как крайность другой, противоположной крайностью, а именно – чрезмерной и ненужной регламентацией частных интересов, деятельности и прав, тогда как основное правило внутренней законодательной политики и администрации – не стеснять законом и административными распоряжениями частную деятельность и частные отношения без самой крайней необходимости, без особенно важных и настоятельных побуждений, и притом когда они вытекают из неотразимых общественных, государственных потребностей, удовлетворить которым иначе нет никакой возможности. Итак, мы признаем вполне всю практическую полезность взгляда, который опровергаем в теории, и убеждены, что действие его было бы гораздо

сильнее и благотворнее, если бы, не опираясь на ошибочное теоретическое основание, он оставался в свойственной ему сфере практических вопросов.

II

Частное, приватное, партикулярное в противоположность общественному, публичному имеет, кроме рассмотренного, еще и другое значение. Мы различаем общество как единое целое от составных единиц, из которых оно слагается: все, что выражает собою единство общества, все, что существует, учреждается, делается во имя общества как единого целого, называется общественным, публичным; составные же единицы общества, их деятельность и интересы считаются частными, приватными. Различение в этом смысле общественного, публичного от частного, приватного имеет то важное преимущество, что основано на ясных, точных, видимых признаках, и потому возможно и даже легко. Всякое человеческое общество, какое ни взять, если это только не масса, не толпа людей, имеет хоть какую-нибудь общественную организацию, в которой выражается, что оно есть единое целое; какие-нибудь учреждения или лица представляют эту организацию и это единство; в каких-нибудь действиях или всего общества, или его представителей обнаруживается, что оно есть единое целое; но рядом с тем каждый из членов общества живет и своею особой жизнью, имеет свои дела, интересы, отношения. Таким образом, в каждом организованном человеческом обществе, и самом ничтожном и самом важном, в каком-нибудь шахматном клубе, как и в государстве, есть свои публичные и свои частные элементы. Правда, понятие о публичном и частном в этом смысле есть относительное. Если взять, например, волость, город или хоть акционерную компанию, то деятельность волостного схода, городской Думы или правления компании в сравнении с деятельностью членов сельского или городского общества и акционеров есть, конечно, общественная, публичная; однако волость, город, ак-

ционерная компания содержатся в государстве как составные единицы и по отношению к нему имеют частный, приватный характер, вследствие чего их деятельность относительно друг друга и целого государства будет частной, приватной, точно так же, как действия правительства внутри государства имеют в нем публичный, а в отношении к другим государствам и к международному союзу – частный, приватный характер. Но нас теперь занимает не взаимное отношение разных обществ и общественных союзов и публичное или приватное значение их деятельности по сравнению их между собой, а лишь различие публичного и частного внутри каждого общества. Разграничение того и другого в приведенном выше смысле, как мы уже сказали, очень легко и просто, потому что основывается не на неопределенном, туманном различии влияния, значения и т. п., а на очень положительном и точном различии учреждений, лиц и их деятельности. В практической действительности всякое организованное общество как единое целое представляется официальными учреждениями и официальными должностными лицами, которые в этом качестве, видимо, отличаются от лиц, из которых, как из составных единиц, слагается общество. Сами лица, из которых образуются официальные учреждения и которыми отправляются официальные должности, различаются в их официальном значении от тех же самых лиц как частных, приватных людей. По таким наглядным, видимым признакам и разграничивается юридически очень точно публичное от приватного в каждом обществе; общественный, публичный характер присваивается всему тому, что представляет общество как единое целое и всей деятельности этих представителей в этом их качестве; частный, приватный характер – напротив, всему прочему, т. е. всем составным единицам общества и их деятельности в этом их качестве.

Вывод этот стоит очень твердо в науке, однако и против него можно, пожалуй, спорить. Как, скажут нам, неужели деятельность редактора какого-нибудь весьма распространенного и влиятельного частного журнала менее публичная, чем

деятельность квартального надзирателя или станового пристава? Неужели секретарь малоизвестного уездного суда есть общественный деятель, а Аристотель [6], Дант [7], Шекспир и тысячи других, подобных им, не суть публичные деятели потому только, что творили не в качестве чиновников? На основании такого разделения, скажут другие, публичная деятельность должна обратиться в монополию администрации и бюрократии и все, что имеет хоть тень публичного действия, но исходит не от правительства и чиновников, должно быть запрещено. Нелепость таких выводов не доказывает ли вполне несостоятельности самой теории?

Все эти и подобные возражения не суть возражения, потому что вытекают из другого порядка идей, именно из различения публичного от приватного по значению, влиянию, роли; но мы именно и старались доказать невозможность такого различения, несостоятельность теории, которая бы захотела основать на нем свои дальнейшие выводы; след<овательно>, опровержения, подобные приведенным, не опровергают нас, скорее, напротив, подтверждают наши выводы. Принимая различие между обществом в смысле целого и составными его единицами за исходную точку деления публичного от частного, мы оставляем совершенно в стороне другой масштаб, именно: относительную важность влияния, роль и держимся лишь тех признаков, по которым возможно точное юридическое различение. Итак, мы очень хорошо знаем, что приватная деятельность по своему значению и влиянию, может быть, и часто бывает публичной, общественной; мы вполне убеждены, что большое благополучие для государства, когда частной деятельности предоставлен возможно широкий простор, что то законодательство есть наилучшее, в котором стеснения частной деятельности ограничиваются лишь случаями крайней необходимости, и та только администрация образцовая, которая в своих действиях строго соблюдает закон и уважает частные права и частные интересы. Но мы говорим здесь о различении публичного от частного, приватного, по юридическому различию общества как еди-

ного целого от его членов как составных единиц; а эта точка зрения не имеет ничего общего с различением публичного от частного по значению, влиянию и роли. Как бы деятельность станового пристава ни была сама по себе скромна, она, с точки зрения, с которой мы теперь смотрим, все-таки есть публичная, потому что он – орган публичной власти; а деятельность важнейшего купеческого дома, ворочающего миллионами и десятками миллионов, какое бы ни имела огромное влияние на промышленность и торговлю всей страны, все-таки есть частная, потому что торговый дом есть частное, приватное дело.

Установив таким образом, что́ в юридическом смысле есть публичное, а что́ частное и чем они различаются и отделяются друг от друга, постараемся разрешить другой вопрос: как они относятся друг к другу? Чтобы удержаться при исследовании этого вопроса на почве положительной, практической действительности и не растеряться в отвлеченностях, возьмем живой пример: государство – высшее и самое полное выражение общественности в юридическом смысле – и посмотрим, как выражается в нем публичное и частное и как определяются их взаимные отношения.

Государство как единое целое есть юридическое начало, принцип, идея. Она выражается видимым, осязательным образом, во-первых, в том, что государство имеет свои особые имущества, которым и присвоено в отличие от всех других название государственных; во-вторых, юридическое начало или идею государства видимым образом представляет правительство и его органы, действующие его именем, по его указаниям и под его надзором. Представляя юридическое начало государства, правительство сознает его нужды и потребности как единого целого организма и по возможности удовлетворяет им. Поэтому видимым выражением государства служит, в-третьих, деятельность правительства и его органов в качестве представителей юридического начала государства. Вот в чем обнаруживается наглядным образом, что государство в юридическом смысле есть единый

живой организм. Помимо этих признаков, государство, с той же юридической точки зрения, представляется собранием отдельных единиц – людей и моральных, юридических лиц, из которых каждое действует про себя, имеет разнообразные нужды и потребности и старается им удовлетворить по возможности. Сообразно с тем, что мы сказали выше, государственные имущества, правительство, его органы и их деятельность имеют публичный, государственный характер, а отдельные люди, моральные или юридические лица и их деятельность – частный, приватный характер.

Пойдем теперь далее и на основании этого различия, проводя его строго последовательно, попытаемся точным образом определить: что относится к публичному, государственному и что – к частному, гражданскому праву.

Начнем с государственных имуществ. О них здесь много распространяться нечего. Мы уже сказали, что они принадлежат государству; правительство как его представитель имеет их в своих руках. След<овательно>, и они, и все распоряжения ими, очевидно, будут поэтому относиться к государственному праву.

Правительство и его органы как целый механизм, наглядно представляющий юридическую идею государства, само, в свою очередь, есть юридическое начало, принцип, представляемый правительственными учреждениями и должностями, которые тоже представляются живым образом людьми, имеющими в одно и то же время и государственный, и гражданский характер: государственный – в качестве представителей и органов публичной власти, гражданский – в качестве приватных лиц. Этот последний их характер мы оставим пока в стороне, ибо до него здесь нет дела, и займемся исключительно их публичным, государственным значением. Как представители или органы власти должностные лица все ра́вно представляют или одним своим лицом самостоятельно особую должность (наприм<ер>, мировой посредник), или принадлежат к составу правительственного учреждения, имеющего характер юридического лица (наприм<ер>, члены

губернского присутствия по крестьянским делам, палаты, губернского правления и т. п.) – имеют каждое свой особый круг деятельности, свои права, обязанности и ответственность, известные отношения к своему начальству и подчиненным. Далее, от лиц, допускаемых к занятию должностей, требуются известные условия, знания, опытности и т. п.; за труды они обыкновенно получают известное вознаграждение. Все это – и организация государственной власти, и устройство правительственного механизма, и государственная служба – несомненно, принадлежит к государственному праву.

Наконец, деятельность правительства для удовлетворения государственных нужд и потребностей по самому их свойству есть четвероякая: законодательная, судебная, административная и финансовая. Закон определяет общие основания и начала публичной и частной жизни и установляет обязательные общие правила для публичной и частной деятельности, насколько она выражается во внешних действиях. Суд охраняет закон в его применении к частным случаям, восстановляя его, когда он нарушен, разъясняя и выражая его настоящий смысл, когда возникает об этом спор. Администрация в условиях и пределах закона удовлетворяет всякого рода ежедневным, текущим потребностям и нуждам общественной, публичной жизни. Для этой отрасли деятельности издаются правительством особые правила, которые в отличие от законов называются административными. Наконец, для содержания правительства и его органов, для покрытия издержек, необходимых, чтобы оно могло действовать, нужны материальные средства. Эти средства доставляют отчасти доходы, получаемые от государственных имуществ, отчасти денежные налоги, прямые и косвенные, и натуральные повинности, личные и вещественные. Управление государственными имуществами и установление, взимание и употребление денежных налогов и повинностей есть тоже дело правительства. Все эти роды деятельности, исходя от правительства как видимого представителя юридического начала государства, имеют публичный характер и, следовательно, должны быть отнесены к государственному праву.

Вот предметы государственного права. Они созданы и обусловливаются тем, что государство есть живой организм, а не сумма его составных единиц, как некоторые, по странному недоразумению, думают. Между этим живым организмом и составными его единицами происходит беспрестанно взаимодействие. Последнее видимым образом выражается в том, что все, представляющее государственное единство, существует бок о бок с частными, приватными элементами, беспрерывно с ними соприкасается и, действуя на них, само в свою очередь испытывает на себе их действие. Мы уже видели, что частные юридические, моральные лица, частная деятельность и возникающие из нее частные, приватные отношения нередко возвышаются до значения общественных, публичных; точно так же и наоборот: публичные государственные элементы, соприкасаясь с приватными, действуя на них, преобразуются, в свою очередь, и получают приватный характер. Это объясняется тем, что публичные элементы, по природе своей, суть общие, вследствие чего существуют и являются в форме общего, в виде общих начал, общих правил; частные же, приватные элементы, их деятельность, их отношения, напротив, по природе своей суть единичные. Итак, публичные элементы могут соприкасаться с частными и действовать на них не иначе как изменив свой общий вид и раздробившись на единичные действия, которые в этой форме не имеют уже общего характера и значения, а обращаются в условия, определяющие юридический быт отдельных приватных лиц, их деятельность, их отношения; условия эти, без сомнения, обязательны, но в этом виде они все-таки запечатлены частным, приватным характером.

Таков общий закон действия публичных элементов на частные. Им определяется и отношение государственного права к гражданскому. Чтобы показать это и придать высказанным здесь мыслям возможную ясность и наглядность, которой они в отвлеченной форме не имеют и иметь не могут, рассмотрим поодиночке отношение каждого из исчисленных выше предметов государственного права к частным, частной деятельности и частным отношениям.

Прежде всего, мы встречаемся с государственными имуществами. Сами по себе, как сказано, они – публичные имущества и относятся к публичному праву. Распоряжение ими принадлежит правительству и не касается частных лиц. Но эти имущества находятся и обращаются посреди имуществ, принадлежащих частным лицам; по этим имуществам государство в качестве их владельца и в лице правительства, своего представителя, становится в беспрестанные отношения с частными лицами. Владение, например, недвижимыми имуществами заставляет государство предпринимать множество разнороднейших хозяйственных операций, которые приводят его в частные соприкосновения с приватными людьми. В качестве владельца государство продает и покупает, заключает обязательства и сделки. Какой характер будут иметь все отношения такого рода? Без сомнения, частный, приватный, потому что в качестве владельца государство ничем не отличается от других частных владельцев, есть само не что иное, как частный владелец. Оттого имущества государства – публичные по своему значению – считаются в то же время частными и подчиняются вполне всем условиям, обязательным для частных имуществ. Итак, государство как начало, идея, выражающая единство государственного организма, различается от государства в качестве владельца, частного лица. Первое господствует над вторым, как и над всеми частными лицами; второе подчиняется первому наравне с ними.

Далее. И государство, и правительство в полном своем составе, и представляющие его учреждения и самостоятельные должности суть, как мы видели, юридические начала, идеи. Видимыми выражениями их служат должностные лица, которые в совокупности или отдельно, самостоятельно представляют официальным своим характером и публичными действиями моральные, юридические лица – правительственные учреждения и должности. Возьмем, например, губернское правление и начальника уездной полиции: наличные члены губернского правления и вся наличная организация и обстановка его, точно так же и наличный началь-

ник уездной полиции только представляют юридические лица, которые не исчерпываются видимыми, подлежащими чувствам, лицами и предметами. Но в лице наглядных своих представителей эти юридические лица имеют разные материальные потребности; им, например, нужно помещение, которое надо содержать и ремонтировать; им нужны канцелярские материалы; чиновникам бывает нужно по делам службы отправляться в командировку и т. д. Все эти и подобные им потребности тоже ставят юридические лица, представляющие правительство, в разнообразные отношения к частным лицам – отношения, которые, однако, никак не до́лжно смешивать с отношениями, возникающими из правительственной деятельности этих юридических лиц; здесь речь идет только о том, что действительное, видимое существование юридических лиц, имеющих публичный характер, предполагает и вызывает множество потребностей – материальных, вещественных, для удовлетворения которых эти юридические лица вступают в отношения с частными людьми. Какой характер будут иметь все отношения такого рода? Очевидно, тоже частный, приватный. Таким образом, покупка дров для отопления присутственного места, постройка и починка здания, в котором оно помещается, заготовление им канцелярских надобностей, переплетение книг, продажа им старых и ненужных бумаг точно так же, как наем чиновником, отправляющимся по делам службы, извозчика или лошадей, если только по всем такого рода надобностям возникают отношения с приватными лицами, имеют частный характер. В той мере как публичное юридическое лицо для удовлетворения своих материальных потребностей становится в непосредственные отношения с частными лицами, оно само есть частное лицо и, след<овательно>, должно подчиняться всем правилам, обязательным для частных, приватных отношений.

Перейдем теперь к государственной службе. Мы видели, что должностные лица в качестве представителей или органов правительства имеют известные права, обязанности, подлежат определенной ответственности и получают

обыкновенно за свои труды известное вознаграждение. Но служат частные, приватные лица, которые, соединяя в себе требуемые законом условия для занятия той или другой должности, облечены доверием правительства в официальный, публичный характер и имеют официальное значение в тех только случаях, когда являются в качестве представителей или органов правительства. Что деятельность их в этом качестве есть публичная – это очевидно. Но чтобы правительство допустило частного человека к публичной должности, а он, этот частный человек, принял на себя исполнение известных служебных обязанностей, для этого должно существовать между правительством и этим частным человеком известное отношение. Куда его отнести – к государственному или гражданскому праву? Мнения об этом разделены вследствие смешения понятий, которое опутывает вопрос и без того сложный и дает повод к бесконечным недоразумениям. Одни хотели бы причислить отношения между правительством и чиновниками по поводу службы к частным, приватным, другие – к публичным, государственным; но ни те, ни другие не различают этих отношений от служебных обязанностей чиновника. Вследствие этой коренной ошибки те и другие приходят к невозможным результатам: первые приравнивают государственную служебную деятельность к частной службе, что, очевидно, не имеет ни малейшего основания, вторые переносят обязательные отношения между правительством и приватными лицами по поводу службы в сферу государственного права, несмотря на то, что эти отношения видимым образом имеют частный, гражданский характер. Подобные же несообразности проистекали когда-то из смешения супружества с договорными условиями о вступлении в брак и с брачным контрактом, предшествующими заключению супружеского союза, пока, наконец, не заметили существенного различия предбрачных условий и договоров с самим супружеством, между которыми действительно нет ничего общего. Служебная деятельность сама по себе имеет публичный характер; отношения, возникающие

собственно по службе, во имя и в силу служебной деятельности, имеют точно такой же характер; общие законы о государственной службе, как все законы, в особенности же правила, относящиеся к публичной деятельности, равным образом имеют публичный характер. Но отношения между правительством и чиновником, в силу которых последний находится в службе, как мы думаем, не суть публичные, государственные, а частные, приватные. Мы считаем их частными потому, что чиновник есть приватное лицо, добровольно принимающее на себя перед правительством известные обязанности на известных условиях, из побуждений, которые, какие бы они ни были, все-таки как побуждения частного человека суть частные, приватные. Оставляя добровольно службу, чиновник действует по таким же побуждениям. Правительство со своей стороны не безразлично принимает в службу всякого, кто имеет требуемые законом условия, но выбирает в нее людей, заслуживающих его доверие по своим личным качествам, от публичной деятельности которых оно ожидает пользы для общества и государства. Принимая на службу чиновников на известных условиях, изложенных в общих постановлениях, оно старается сохранить для служебной деятельности тех, которых признает особенно полезными, и для этого, соображаясь с их личными, приватными потребностями, нуждами, желаниями, насколько они согласимы с пользами службы, предоставляет им особые выгоды и преимущества, дает награды и отличия. С другой стороны, преступления чиновников по службе рассматриваются судебным, проступки – административным порядком; участие обыкновенного или дисциплинарного суда в обсуждении и решении такого рода дел внушено потребностью, вытекающей из самого существа отношений между правительством и чиновником, – потребностью придать общим постановлением о службе, обязательным и для правительства, и для чиновников, незыблемость, прочность, твердость, исключающие их нарушение или произвольное толкование. Наконец, тех чиновников, деятельность которых правительство не на-

ходит полезной для службы, оно увольняет, точно так же, как чиновник оставляет ее, не находя для себя, по своим личным, частным соображениям, полезным или возможным продолжать долее службу. Таким образом, мы думаем, что тщательное различение служебного характера и деятельности чиновника от отношений его к правительству по поводу службы и отнесение первых – к государственному, а вторых – к гражданскому праву есть единственное основание для правильного разрешения этого трудного вопроса. Возражения, которые можно делать против такого решения с той или другой точки зрения, устраняются легко. Так, указывают на награды, отличия и повышения как на такие принадлежности службы, которые отнимают у нее частный характер. Но служебная деятельность чиновника, как мы уже сказали, не есть частная, а публичная, государственная; принадлежности же ее, смотря по тому, каковы они, имеют отчасти приватный, отчасти государственный, отчасти смешанный характер; вообще же награды, повышения, отличия, точно так же, как дисциплинарные и судебные взыскания, смещение с высшей должности на низшую, увольнение и удаление от службы определяют и выражают степень достоинства чиновника по отправлению им служебных обязанностей, степень самой годности его к службе. В защиту мнения, что все вообще отношения, возникающие из служебного положения чиновника, принадлежат к государственному праву, приводят еще, что преступления и проступки по службе имеют государственный, а не частный характер; что условия для принятия в службу и увольнения или удаления от службы, правила, определяющие права, обязанности, ответственность и вознаграждение чиновников, имеют характер общего закона, а не условий, заключаемых с известным лицом; что чиновники принимаются на службу обыкновенно не на известный срок, а бессрочно, что они увольняются от службы не по добровольному с ними соглашению, а по распоряжению правительства; из всего этого будто бы следует, что и отношения между правительством и чиновниками по

поводу службы имеют не приватный, а государственный характер. Чтобы вполне понять и оценить смысл этих возражений, надобно заметить, что в основании их лежит следующая мысль: если считать государственную службу с какой бы то ни было стороны приватным отношением, то она непременно должна иметь весь характер контракта или договора между частными лицами, а т. к. многих принадлежностей контракта в ней нет, то, следовательно, она и не есть приватное, гражданское отношение. Но такая аргументация вдвойне ошибочна. Во-первых, она, как мы уже видели, смешивает государственную службу с отношениями, возникающими между правительством и чиновником по ее поводу; во-вторых, она признает контракт и его формы за какой-то прототип, под который должны подходить все обязательные отношения гражданские, не проистекающие из нанесения ущерба или убытков; но этого тоже никак нельзя допустить, как мы постараемся доказать ниже в своем месте. Преступления и проступки против службы, без сомнения, имеют государственный характер, потому что сама служба имеет такой характер, но это нимало не доказывает, чтобы отношения между правительством и чиновниками по поводу службы не были частными, приватными. Условия государственной службы действительно определяются общим законом, а не договором, заключенным с одним лицом; но разве это исключает частный характер отношений между правительством и чиновником по поводу службы? Общий закон в применении к отдельным лицам получает в этом случае значение условия, заключенного с каждым из чиновников особливо, совершенное сходство между собой таких условий никак не доказывает их государственного характера. Точно так же и бессрочность государственной службы не есть аргумент против частного характера отношений, возникающих между правительством и чиновниками по поводу службы, потому что есть множество бессрочных юридических отношений и прав, которые всеми признаются за частные, гражданские: такова бóльшая часть имущественных прав, таковы семей-

ные отношения; есть даже много и бессрочных обязательств, а именно – почти все те, которые основаны не на договоре или нанесении ущерба и убытков, а вытекают помимо воли лица из закона или факта. Наконец, право правительства уволить чиновника от службы, когда пожелает, по своему характеру, вовсе не чуждо гражданскому праву; учение об обязательствах допускает же условия, в силу которых одна из сторон, состоящих между собою в договоре, имеет право во всякое время, когда захочет, от него отступиться; это условие так часто встречается в приватных отношениях, что мы не понимаем, почему бы оно могло служить доказательством не частного, не приватного характера отношений между правительством и чиновниками по поводу службы.

Теперь посмотрим на публичную деятельность правительства и правительственных органов как представителей начала, идеи государства. Она, мы видели, бывает четырех родов: законодательная, судебная, административная и финансовая. Разберем каждую из них в ее началах и практических применениях к частным лицам.

Закон в юридическом смысле определяет, как мы сказали, общие основания и начала общественной и частной жизни и установляет общие обязательные правила для публичной и частной деятельности, насколько она выражается во внешних действиях. Как обязательное общее правило закон должен быть приведен в действие, исполнен. Что значит исполнить закон? Это значит применить его к тем явлениям и отношениям, для которых он обязателен, которые, другими словами, должны существовать не иначе как сообразно с условиями, предписанными законом. Итак, при исполнении закон из общего правила обращается в бесчисленное множество частных, единичных условий, входящих как необходимая составная часть в известные, отдельные, единичные и потому непременно частные, приватные явления и отношения. Это можно видеть на любом примере. По соображениям величайшей государственной важности правительство издает органические Положения 19 февраля 1861 г. об упразднении крепостного

права. Вопрос в общем его виде – очевидно публичный, государственный; Положения издаются правительством и суть плод законодательной, след<овательно>, государственной, публичной деятельности. Но в применении, при исполнении они теряют общую форму и становятся обязательными условиями частных, приватных отношений. Я и мои крепостные крестьяне должны в течение известного срока изменить прежние свои личные и имущественные отношения и устроить их на других основаниях. Побуждение, мотив этой перемены публичный; общие правила, согласно с которыми преобразование наших взаимных отношений должно совершаться, – тоже публичные, но в применении ко мне и моим крестьянам они, оставаясь обязательными, становятся частными, партикулярными, приватными, потому что мои крестьяне и я – частные люди, и отношения наши тоже частные, приватные; общие правила, предписанные Положениями 19 февраля, входят в них только как условие их действительности.

Другой пример: в видах образования и поддержания в обществе класса больших землевладельцев этот закон запрещает дробление поземельных владений при продажах, в завещаниях и при переходах наследства без завещания; или, наоборот, для распространения мелкого землевладения, чтобы сделать невозможным наследственное сосредоточение больших поземельных участков в одних руках в одних и тех же фамилиях, закон вовсе запрещает учреждать майораты [8]. И та, и другая мера вытекают из общих государственных соображений, стало быть, их мотив – публичный; выраженные в форме общего закона, эти меры имеют публичный характер, но в применении или исполнении они обязательны для меня, другого, третьего, входят как непременное обязательное условие в совершаемые нами завещания и другие юридические акты и в составе наших частных юридических действий и проистекающих из них юридических отношений получают частный, приватный характер.

Вот в каком виде общий закон, касаясь частных лиц, переходит в сферу гражданского права.

Второй род деятельности правительства и правительственных органов как представителей юридического начала, идеи государства есть деятельность судебная. Ее публичный характер очевиден. Суд, как мы уже сказали, есть орган, хранитель, оберегатель закона в его практических применениях к действительной жизни и в этом смысле есть посредник между законом как общей формулой и тем же законом в его осуществлении в частных случаях; судебная деятельность возбуждается тотчас, как только закон нарушен или делается спорным, и состоит в том, что во всех таких случаях за законом удерживается и обеспечивается значение общей определяющей нормы не в одном сознании, но и на деле, в практической действительности. Именно эта роль суда и придает ему, однако, наряду с публичным значением и частный, приватный характер. С этой точки зрения судебная деятельность может и должна быть поставлена в параллель с добровольным исполнением закона. Последнее тоже есть применение общей формулы закона к частному случаю, в котором он получает частный, приватный характер, обращается в обязательное условие частного, приватного юридического явления или отношения. Но такое же изменение происходит с законом, когда он применяется судом к данному частному случаю и применение выражается в судебном решении; между добровольным и судебным применением закона только та разница, что в первом случае закон получает частный, приватный характер посредством частных лиц, а в последнем – посредством суда, который их к тому принуждает. В судебном решении, как и при добровольном исполнении, закон из общей формулы преобразуется в обязательное условие данного частного, приватного, партикулярного, юридического факта. Вот почему судебное решение, будучи результатом судебной деятельности, установляет в то же время гражданское обязательство между сторонами, принимавшими участие в процессе. Как применение общего закона к частным случаям, судебное решение в этом смысле необходимо есть в одно и то же время и акт публичной действительности – и частное, приватное обязательство.

Взглянем теперь на административную деятельность правительства и его органов в том значении, которое мы придали ей выше, в ее соприкосновениях с частными лицами.

Круг ежедневных текущих потребностей и нужд общества и государства чрезвычайно обширен, обнимая и внешнюю безопасность, и внутреннее благоустройство страны, по всем частям. Насколько удовлетворение этих разнообразных нужд не предоставлено самому обществу и частным лицам, оно относится к административной деятельности правительства и его органов. Эта деятельность обнаруживается в двух видах: или в виде обязательных административных правил, предписываемых для исполнения, или же в виде единичных действий, выражающихся в материальных, вещественных фактах. К административным правилам, предписываемым для исполнения, применяется все, что мы сказали выше о законе и его исполнении, добровольном и принудительном. Поэтому, не останавливаясь на них, обратимся к единичным административным действиям, насколько они ставят правительство и его органы в соприкосновение с частными лицами. К административным действиям применяется в этих случаях следующее постоянное правило: они установляют между правительством или его органами и частными лицами общественные отношения; если же вследствие административного действия создается какой-нибудь новый юридический предмет (вещь в юридическом смысле), то по этому предмету возникают у правительства с частными лицами имущественные, вещные отношения. Как упомянутые обязательства, так и эти имущественные отношения суть частные, приватные; по ним государство, представляемое правительством, имеет частный, приватный характер, является частным, приватным лицом. Доказывать справедливость этого правила, о котором мы уже упоминали выше, говоря о государственных имуществах и публичных юридических лицах, учреждениях и должностях, считаем излишним, потому что оно признается наукой и всеми европейскими положительными законодательствами, не исключая нашего Свода. Приведем только для его уяснения несколько примеров.

Для охранения внешней безопасности государства правительство строит и содержит крепости, организует и вооружает войско и специальные военные части; все это требует множества разнороднейших хозяйственных операций, как-то: заготовления строительных материалов, орудий и оружия, пороха, снарядов, обмундирования, провианта, фуража, аптекарских материалов, хирургических инструментов и т. п. По всем этим операциям правительство производит покупки и торги, заключает контракты о поставке и перевозке нужных ему предметов, о производстве разных работ – словом, делает все то, что делают частные люди для своего домашнего хозяйства, общества, компании, товарищества и торговые фирмы, занимающиеся торговыми или промышленными предприятиями, для удовлетворения разных своих надобностей. Что частная, приватная деятельность обыкновенно имеет целью, удовлетворяя нуждам общества, доставить в то же время барыши предпринимателям, а правительство не имеет этой цели и заботится, должно заботиться, только об удовлетворении государственных и общественных нужд, не ставит в этом случае никакой разницы между административной и частной деятельностью. Ведь могут же быть, и есть, частные предприятия, рассчитанные на удовлетворение общественных потребностей без всякой корыстной цели? Итак, правительство по всем означенным надобностям вступает в разные юридические отношения с частными лицами и в сделках такого рода действует само как частное лицо. Поэтому-то контракты и договоры между казной и частными лицами считаются частными, гражданскими обязательствами. Продолжая рассматривать далее те же административные операции, мы найдем, что результатом их, между прочим, будет возникновение новых вещей, принадлежащих государству: построятся крепости и разные другие здания военного ведомства; образуются арсеналы, артиллерийские парки, военные госпитали, аптеки и т. д., снабженные разного рода запасами и принадлежностями. Все это будет государственным имуществом, и распоряжаться им будет правительство в качестве представи-

теля государства, точно так же, как частные лица распоряжаются своими вещами и имениями. Во всех тех случаях, когда по этим предметам, принадлежащим государству, возникает у него как их владельца отношения с частными лицами или с принадлежащими им частными имуществами, оно будет являться таким же частным лицом, как все другие, разбираться и сноситься с ними не по государственному, а по частному гражданскому праву. Имущество его в этих случаях будет иметь не государственный, а приватный характер.

То, что мы сказали здесь в виде примера о содержании крепостей и войска, относится вполне и к тысяче других хозяйственных и коммерческих распоряжений правительства, предпринимаемых для удовлетворения других потребностей и нужд общества и государства, как-то: к постройке и содержанию сухопутных и водных путей, к содержанию почт, телеграфов и всяких других способов сообщения, к постройке казенных зданий, тюрем, к содержанию как их, так и преступников, к казенному заготовлению и продаже вина и соли, к устройству и содержанию воспитательных домов и других благотворительных, воспитательных и общеполезных заведений, банков, сберегательных касс и т. п. Все эти и другие предметы такого рода ставят правительство в бесчисленное множество частных, гражданских юридических отношений и вводят его с этой стороны в круг частных, приватных лиц, а находящиеся в его распоряжении государственные имущества – в круг частных, приватных имуществ. Скажем более: все такого рода операции правительства в исполнении своем состоят из одних лишь частных, приватных действий и отношений, по существу своему ничем не отличающихся от действий и отношений прочих частных лиц.

Нам остается сказать о финансовой деятельности правительства в соприкосновении ее с частными лицами. Мы видели, что материальные средства, необходимые для содержания правительства и для издержек по управлению вообще, получаются частью от доходов с государственных имуществ, частью в виде налогов и повинностей. Финансовые и хозяй-

ственные операции, предпринимаемые правительством с государственными имуществами, как только они ставят его в отношения с частными лицами, тотчас же получают частный, приватный характер. Об этом мы уже говорили. Гораздо труднее определить свойства отношений, возникающих между правительством и частными лицами по налогам и повинностям. Эти отношения имеют двойственное значение: одной стороной они обращены к государству, другой – к частным лицам. Спрашивается: где же черта, отделяющая в них государственные элементы от частных? Что в них относится к государственному и что – к гражданскому праву? Вопрос этот решается следующим образом: обложение налогами и повинностями уже по своему назначению имеет публичный характер. Такой же характер имеет оно и по форме, в которой совершается, потому что исходит от правительства как общая мера, обязательная для всех, к кому относится; сам уплаченный налог и выполненная повинность как вещь, как предмет входит в состав имуществ, принадлежащих государству. Вот публичная сторона налогов и повинностей. Но те и другие отбываются отдельными частными лицами или частными же юридическими лицами; общая мера, которой устанавливается налог и повинность в применении к тому другому или третьему частному лицу, к плательщикам, взятым отдельно, раздробляется на единичные отношения, обращается в обязательства, в силу которых каждое из этих лиц должно в назначенное время уплатить известную сумму денег или отбыть в течение известного времени известную личную или вещественную повинность. Итак, налоги и повинности при отправлении их – добровольном или принудительном – в применении к частным лицам поодиночке обращаются в частные, приватные обязательства; следовательно, этой стороной они принадлежат к гражданскому праву, ибо обязанность частного лица уплатить, сработать что-нибудь или сделать в пользу частного же лица или в пользу государства по существу своему есть гражданская. Это решение вопроса очень просто и совершенно согласно с тем, что мы

сказали выше о законе, суде и администрации, в соприкосновении их с частными лицами; оно вытекает совершенно последовательно и из общей формулы отношений государства к частному быту, которую мы предпослали подробному их рассмотрению. Такое решение и не возбуждало бы никаких возражений, если бы не существовало предубеждения, о котором мы говорили выше, будто бы всякое гражданское обязательство непременно основано или на договоре, или на нанесении кем-либо ущерба или убытка, будто бы обязательства, не подходящие под эти две категории, суть лишь редкие исключения из общего правила. Идя от такого взгляда, говорят: если обязанность, положим, и отдельного лица отбывать налог или повинность есть частное, гражданское обязательство, то ее следовало бы рассматривать по началам контракта; но это, очевидно, было нелепостью, потому что между налогом и контрактом решительно нет ничего общего; а если нельзя приравнять налогов и повинностей к контрактам, то их нельзя и относить к гражданскому праву. Этот ряд выводов, вполне верный вначале, совершенно ошибочен в конце. Налоги и повинности, разумеется, не имеют ничего общего с контрактами, но из этого никак еще не следует, что они не могли принадлежать, с одной стороны, к гражданскому праву. Мы увидим ниже, что множество обязательных приватных отношений возникают и существуют без всякого предварительного договора и не вследствие нанесения ущерба или убытков, а непосредственно в силу закона или факта; таким образом, то, что считается лишь изъятым из общего правила, и изъятием незначительным, на деле оказывается правилом, особой, третьей категорией обязательных отношений, имеющих свое самостоятельное основание – закон или факт. Под третью-то категорию и подходят налоги и повинности, источник которых – не контракт, а общий закон. Этим устанавливаются также разные другие сомнения насчет гражданского характера налогов и повинностей, выводимых из того, что они установляются не отдельно для каждого, обязанного их отбывать, что они бессрочны и т. п., о

чем мы уже говорили подробно при рассмотрении характера служебных отношений.

Таковы роды и виды правильных юридических отношений государства в лице его представителей и органов к частному быту и частным лицам. Этим, однако, не исчерпываются все случаи соприкосновения государственного и гражданского права. Для полноты необходимо исследовать еще свойства и характер многочисленных взаимных отношений между государством и отдельными лицами вследствие преступлений и проступков.

Прежде всего, определим точным образом, о чем здесь идет речь. В статье, посвященной рассмотрению вопросов гражданского права, можно говорить о правонарушениях и их последствиях только в гражданском, а не уголовном смысле. Наука дает для такого различия мерило, вполне соответствующее существу дела. Преступления и проступки, будучи нарушением закона или административного правила, в то же время могут нарушать материальные интересы, основанные на законе, наносить материальный, вещественный ущерб и убытки вопреки закону. Как нарушение закона или административного правила преступление и проступок имеют публичный характер и влекут за собою, смотря по их свойству, уголовное или полицейское наказание; но как противозаконное нарушение материальных интересов, как нанесение ущерба вопреки закону преступления и проступки имеют частный, приватный характер и рождают частное, гражданское обязательство вознаградить того, чьи материальные интересы нарушены.

Остановимся на этой последней, гражданской стороне преступлений и проступков, т. к. уголовная нас здесь не касается. Нарушения вещественных интересов, влекущие за собой обязанность дать вознаграждение, возможны и нередко случаются при взаимных соприкосновениях государства и частных лиц. Частный человек может нанести государству ущерб и убытки противозаконным образом; точно так же и наоборот: государство в лице правительства и его органов

может нарушить законные, вещественные интересы частного лица. Спрашивается: какой характер имеют такие обоюдные нарушения и возникающие из них обстоятельства? Очевидно, частный, приватный, потому что государством во всех сношениях своих с частными лицами по имуществу, по вещам принимает значение и роль частного лица. Итак, сам по себе вопрос очень прост, но он усложняется и затемняется разными побочными обстоятельствами и соображениями. Что нарушение законных вещественных интересов государства со стороны частных лиц и юридические последствия таких нарушений имеют гражданский характер – это бесспорно; сомнения возникают лишь при вопросе, куда отнести такие же нарушения частных материальных интересов со стороны правительства и его органов? Чтобы очертить как можно точнее пределы сомнения и спора, напомним, что речь идет только о нарушении законных, на праве основанных материальных интересов. Итак, когда судебный пристав, исполняя судебное решение, окончательно вошедшее в законную силу, отберет у меня вещь и передаст моему противнику, которому она присуждена, этим пристав окончательно нарушит мои материальные интересы, но не законные, не основанные на праве, потому что после судебного решения, окончательно вошедшего в силу, я уже не имею права на отбираемую у меня вещь: она принадлежит моему противнику. Точно так же, когда полицейский чиновник захватит фальшивую монету, отберет у торговца и истребит испорченные съестные припасы, поддельное вино и т. п., он тоже нарушит интересы владельцев этих предметов, но из такого нарушения никак не возникает для правительства обязанность дать вознаграждение, потому что закон никого не уполномочивает пускать в обращение или поддерживать обращение в публике поддельных денег и гнилых припасов. Напомним далее, что должностные лица, будучи вместе и приватными людьми, могут нарушить законные материальные интересы частных лиц или в качестве чиновников при отправлении и по поводу отправления своих служебных обязанностей, или же в качестве

частных лиц, совершенно независимо от службы. Нарушения последнего рода также относятся к гражданскому праву – об этом никогда никто не спорит. Нам остается, следовательно, определить только юридический характер ущерба и убытков, наносимых правительством и чиновниками в качестве должностных лиц. С какой целью, с каким намерением такие нарушения делаются – до этого нам нет никакого дела, да и было бы весьма ошибочно непременно предполагать в каждом из таких нарушений злостное намерение или корыстолюбивые побуждения. Часто, к сожалению, слишком часто они внушаются ложным понятием об общественной пользе, почтенной и похвальной, но неразумной ревностью к службе, всего же чаще они – плод незнания или неправильного, хотя, может быть, и добросовестного толкования законов, прав и обязанностей. Как бы то ни было, но иногда частное лицо понесло ущерб или убыток вследствие распоряжений правительства или действий его органов, оно, это частное лицо, во всяком случае должно быть вознаграждено. Этим гражданская точка зрения на преступления и проступки существенно и отличается от уголовной, потому что в уголовном праве вопрос о мотивах, побуждающих к совершению преступления или проступка, стоит на первом месте и имеет решающее влияние на наказуемость и ее степень.

Правительство и его органы могут нанести частному лицу материальный вред или убытки или общими административными распоряжениями, не согласными с законом, на котором основаны частные интересы, или же отдельными административными действиями. Первые нарушают приватные интересы не сами по себе, а при исполнении и падают в последнем своем виде на целые категории частных лиц. Отдельные административные действия, напротив, прямо относятся к одному или нескольким известным определенным лицам и могут быть или самостоятельными актами правительственных органов, или простым, точным исполнением приказаний начальства. Какое административное действие считать самостоятельным и какое лишь исполнительным –

это определяет закон. Одно и то же административное действие при различных обстоятельствах и обстановке может быть и самостоятельным, и исполнительным; так, по нашему Своду, губернские учреждения обязаны в случае несогласованного с законом министерского распоряжения, не исполняя его, донести министерству, почему они затрудняются исполнением; если же министерство будет настаивать на своем, то губернские учреждения обязаны, опять не исполняя этого распоряжения, войти с представлением в Правительствующий сенат и ожидать от него приказания; последнее должно уже быть непременно исполнено в точности; следовательно, по Своду, простое, точное исполнение министерского предписания было бы в этом случае самостоятельным действием губернского учреждения, а такое же исполнение сенатского указа – лишь простым точным исполнением. Все эти различия очень важны, определяя, на кого должна падать ответственность за нарушение частных материальных интересов; но в отношении к частным лицам они не существенны и сводятся все к одному и тому же результату: приватные люди, потерпев незаконным образом ущерб или убытки вследствие исполнения административной меры, или вследствие самостоятельного действия чиновника, или, наконец, вследствие простого и точного исполнения им приказаний начальства, в том, другом и третьем случае должны быть вознаграждены правительством, а оно уже возмещает свои убытки на виноватом. Как<ими> же считать такие отношения между правительством и частным лицом по вознаграждению убытков: публичными или частными? Согласно с общим началом, которое мы приняли за основание при решении таких вопросов, и применяясь к тому, как прежде отвечали на подобные же вопросы, мы не сомневаемся причислить и эти отношения к частным, приватным, следовательно, к гражданскому, а не к государственному праву. Если всякое обязательство, заключаемое частным лицом с правительством, имеет приватный характер; если все отношения правительства с частными лицами по заведыванию и управлению государствен-

ными имуществами, ставя его в этом отношении в разряд частных лиц, и эти отношения получают частный характер, а государственные имущества – характер частных, приватных имуществ, то мы не видим причины, почему имущественные правонарушения, насколько они касаются частных лиц, имели бы публичный, а не частный, приватный характер? Нам скажут, что лицо, нарушающее частные материальные интересы, облечено в этом случае в официальный характер и действует именем правительства. Правда, но это также мало может служить основанием для отнесения самого нарушения и его юридических последствий к публичному праву, как официальный характер чиновника или присутственного места, заключающего с частным лицом именем правительства контракт о подряде или поставке, не уполномочивает нас относить такой контракт вместо частного, гражданского к публичному, государственному праву.

В тесной связи с этим вопросом находится другой. Чиновник, нанесший государству материальный ущерб и убытки при отправлении своих служебных обязанностей, должен вознаградить их, и наоборот: отправление служебных обязанностей может ввести чиновника в издержки и убытки, которые по закону падают на государство, т. е. которые закон относит на счет государства. Какой характер имеют возникающие по этим случаям взаимные отношения государства и чиновника? Публичный или приватный? Принадлежат ли они к государственному или к гражданскому праву? Мы думаем, что к последнему, потому что и государство в качестве владельца имуществ рассматривается как частное лицо, и чиновник в качестве должника или кредитора казны не есть официальное, а частное, приватное лицо, хотя бы он сделался должником или кредитором вследствие и по поводу отправления служебных обязанностей; последние существуют с публичным, государственным характером независимо от денежных материальных расчетов и начетов и могут не иметь с ними ничего общего. Взыскивая денежный долг, происшедший вследствие нанесения ущерба и убытков, и государство,

и чиновник действуют как частные лица и потому на основании гражданского, а не публичного права. Что отправление служебных обязанностей, по существу своему принадлежащих к государственному праву, есть в этом случае источник и основание взаимных претензий государства и чиновника, не служит достаточной причиной, чтобы включить и их в круг публичных отношений. Мы видели выше, что государство для удовлетворения публичных потребностей входит в различные юридические отношения с частными лицами и что, несмотря на это, эти отношения считаются, однако, частными, гражданскими; точно то же самое представляют и отношения государства с чиновниками; последние суть тоже частные лица, только принявшие на себя публичные обязанности, и потому, как только между государством и чиновником возникают по поводу отправления службы взаимные материальные расчеты, и государство, и чиновник переносятся в сферу гражданских отношений, становятся на почву гражданского, а не публичного права. Сам по себе этот вопрос едва ли бы мог подавать повод к сомнениям и спорам, если бы понятие о преступлениях и проступках против должности, против служебных обязанностей было определено юридически, точным образом, что не всегда делается. За мерило принимается в этом случае не свойство преступления или проступка, а личность обвиняемого; его официальный, публичный характер служит единственным, исключительным критерием для определения характера всех его действий и поступков, совершаемых им в качестве официального лица. Вследствие этого преступления и проступки самые разнородные, как-то: нарушения частных прав, действия, запрещаемые общим законом, без различения служащих от неслужащих, наконец, преступления и проступки специфически служебные, против административных законов и правил, – слиты и смешаны в одну общую категорию преступлений и проступков по должности. Это-то обстоятельство и мешает взвесить и оценить надлежащим образом свойство различных правонарушений чиновника и отнести их, как следовало бы, к разным категориям.

Вот все случаи юридических соприкосновений государства с частными лицами. Иссле<до>ванием этих случаев завершается все, что мы имели сказать о юридическом значении выражений «публичное» и «частное». Нам остается только вывести общее заключение из всего предыдущего, к чему мы теперь и приступим.

Доискиваясь точного, юридического различия между публичным и приватным, наука определяет их так: публичное есть все то, в чем выражается государство как единое целое, все то, что имеет прямое отношение к этому единству, находится в связи с ним, непосредственно касается его; частное же – это то, из чего государство образуется, его составные единицы, все, что к ним относится, их касается.

С первого взгляда кажется, что эти определения, различающие публичное от приватного, государственного от гражданского, действительно очень точны. В этом утверждает еще более возможность по внешним, видимым признакам провести ясную разграничительную черту между публичным и частным: все, что принадлежит государству как единому целому, все, что представляет видимым образом это единство, деятельность этого представителя – все это есть публичное; остальное – частное, приватное.

Итак, вопрос, по-видимому, решен. Но вглядимся глубже: к какому результату приводит нас такое решение? Оказывается, что оно совсем не отвечает на вопрос, который мы себе задали. Нам хотелось узнать: чем отличается публичное право от гражданского, а мы только нашли, что государство как единое органическое целое есть самостоятельное юридическое лицо, существующее наряду с другими юридическими лицами. Рассмотрев все его отношения к последним, мы не находим ни одного, которое бы не имело частного, приватного характера, не относилось бы в том или другом виде к гражданскому праву. Итак, в этом смысле, с этой точки зрения, государство – такое же частное, приватное лицо, как и все прочие, отличается от них точно так же, как и они друг от друга. Таким образом, идя этим путем к разреше-

нию вопроса, что есть частное и что публичное, чем отличается гражданское право от государственного и где разделяющая их граница, мы попадаем в какой-то очарованный круг, из которого нет выхода; куда мы ни взглянем, к чему ни обратимся, всюду перед нами частное, приватное, все при ближайшем рассмотрении получает частный, приватный характер. Напрасно стараемся мы на этом пути достигнуть границы частного, приватного; она не дается и ускользает из рук; мы только беспрерывно переходим от одного частного, приватного, гражданского к другому, и таким переходам нет ни начала, ни конца.

Этот неожиданный результат, которого мы сначала никак не могли предвидеть, показывает, что для различения публичного и приватного должно существовать какое-нибудь другое мерило, что сущность публичных, государственных элементов заключается не в том, в чем мы ее искали, а в чем-нибудь другом. В самом деле, сравнивая их с частными, приватными элементами, противополагая их последним, мы сопоставляли те и другие, след<овательно>, рассматривали публичное, государственное только с той стороны, которой оно обращено к частному, гражданскому быту и, действуя на него, по необходимости принимает на себя его формы. Этим вполне объясняется, почему мы не нашли того, чего искали, и не могли выйти из круга частных, гражданских элементов.

Невозможность найти различие публичного и гражданского права через их сопоставление, бесплодность результатов такого искания, которое беспрестанно приводит нас опять-таки к явлениям и фактам гражданского права, вынуждает оставить эту точку зрения и выбрать другую. Государство как органическое целое есть юридическое начало, юридический принцип, идея. Оно вносит в видимые, личные и имущественные отношения между людьми новые условия, которые их только видоизменяют, только группируют их известным образом согласно с требованиями единства государственного организма. Нового, собственно, ничего через это не создается в частном, гражданском быту; начала и законы,

лежащие в основании его, остаются те же самые, неизменные, но вследствие условий, вносимых в частный быт государственным единством, частные элементы и отношения комбинируются известным образом, являются в известных формах и сочетаниях, которые указывают на участие в гражданской жизни, кроме отдельных лиц, еще особого деятеля – невидимого, потому что он является лишь в формах частного быта, но всюду и во всем обнаруживающего свое влияние – даже в таких юридических отношениях, которые кажутся исключительно частными, приватными, гражданскими. Государство как единство общественного организма, проникающее все гражданское общество и все гражданские отношения, есть в человеческом общежитии в юридическом смысле то же, что душа в человеке: ее нигде не видно, но она чувствуется во всем, ее можно уследить в бесчисленных физических и психологических движениях человека, по тем особым условиям, которые она вносит в каждое из них, хотя эти условия и не изменяют их законов. Продолжая говорить сравнениями, можно сказать, что юридическое начало государства действует в человеческом обществе точно так же, как человек в окружающей его внешней природе: покоряя ее, заставляя ее служить своим целям, он не переменяет и не может переменить ее законов, но дает условиям ее деятельности такое сочетание, что природа, продолжая действовать согласно со своими неизменными законами, производит то, что нужно и желательно человеку. Сама собою природа не является в тех формах, которые придает ей человек, заставляя служить себе; в этом и видно, что в природе произошел какой-то особый, новый деятель; однако этого нового деятеля в новых формах нигде не видно; видна только его деятельность в условиях, создавших новые формы, но эти формы не представляют, собственно, ничего нового, потому что созданы по тем же самым законам, которыми управляется природа, из того же самого материала, который она представляет. Таким образом, природа, не покоренная человеком, и природа, приспособленная к его потребностям и нуждам, есть та же самая и вместе другая; к ней

ничего не прибавилось, в ней ничего не убавилось, однако, оставаясь тою же, она изменилась, и изменилась вследствие того только, что мысль и труд человека внесли в нее новые условия, которых прежде в ней не было.

Государственное право имеет предметом именно условия, вносимые юридическим началом государства в гражданский быт, и потому не может быть в этом смысле противополагаемо гражданскому праву. Эти две юридические области неоднородны, принадлежат к разным категориям, поэтому их, конечно, можно различать, но нельзя ставить в один разряд, на одну доску. Что бы мы сказали, если бы кто-нибудь вздумал исследовать и определить, какое отношение, сходство и различие существует между Лондоном и квадратурой круга, между понятиями древних греков о Зевсе и Ниагарским водопадом? Для сопоставления государственного права с гражданским также мало поводов и оснований: первое имеет дело с началами и условиями, в которых выражается и которыми поддерживается государственный организм как единое целое; итак, его предмет – общие юридические начала, принципы, которые в этой своей идеальной форме не осуществляются в действительности; гражданское же право занимается действительными, видимыми отношениями людей, внешними явлениями, на которые начала государственного права действуют, и очень заметно, но, повторяем, не в виде начал, идей, принципов, а в форме условий, видоизменяющих, определяющих, производящих новые сочетания гражданских отношений.

Этот взгляд на государственное и гражданское право и их взаимные отношения, без сомнения, встретит сильные возражения и притом с самых противоположных точек зрения. Одни, с французским и прусским кодексами и нашим Сводом Законов в руках, будут доказывать, что многие юридические отношения, которые мы причисляли к приватным, гражданским, отнесены в них к публичным, государственным; практические люди будут находить наш взгляд неудобным в применении; тем, которые в теории вовсе не признают госу-

дарства, наш взгляд покажется слишком идеалистическим и мечтательным. Мы думаем, однако, что и те, и другие, и третьи будут неправы. Первым мы заметим, что французские, прусские и наши законы, конечно, говорят отчасти против нас, но зато английские обращаются со всеми частными юридическими отношениями, которые на европейском континенте принято считать публичными, как с частными, приватными. Что лучше, правильнее – этого ссылками на положительные законодательства решить нельзя, тут и большинство голосов ничего не поможет. Теоретический вопрос требует и теоретического ответа, который, разумеется, должен иметь фактическое основание, потому что теория из фактов возникает и к ним же применяется; но теория не связана той их формой, в какой они группировались у данного народа, в данное время, при данных обстоятельствах, а берет их в их общем значении, насколько они выражают самую сущность предмета без исторических, национальных и местных примесей. Возражать против теории, относящейся к области права, ссылками на действующие теперь положительные законодательства было бы не убедительно уже потому, что последние развиваются, совершенствуются и вместе с тем изменяются. Так, теория давно осудила и крепостное право, и винные откупа, однако они существовали до последних годов, и, конечно, никто не скажет, чтобы выводы науки прежде от того теряли, а теперь выиграли. Чтобы юридические факты действительно могли опровергать юридическую теорию, их надобно призывать на помощь не урывками и клочками, а в совокупности, в том виде, какими они оказываются из соображения всех положительных законодательств, и не в настоящем только времени, а в их историческом развитии. Но история законодательств говорит в нашу пользу. История государственного права представляет постепенное высвобождение государственных элементов, выделение их из числа прочих; по мере того как это делается, все бо́льшую и бо́льшую важность получает вопрос, какие должны быть взаимные отношения государственных начал к прочим. Если мы станем следить

за различными разрешениями этого вопроса в исторической последовательности, то из них окажется, что, с одной стороны, понятие о государстве становится все идеальнее, более и более возводится к началам, принципам, которые и составляют его сущность, его характерическое содержание; с другой – круг гражданских юридических отношений все расширяется, включая в себя постепенно все роды и виды внешних, личных и имущественных отношений между отдельными людьми и юридическими лицами, какие бы последние по своему значению ни были – публичные или частные. Можно сказать, что успехи гражданской образованности народов измеряются этим постепенным одухотворением государственных элементов и расширением круга гражданского права. Наше законодательство, сравнительно самое недавнее, представляет в подтверждение этой мысли множество самых убедительных доказательств. Какое другое значение имеет проводимое у нас по всем отраслям государственного управления начало, что государство не должно заниматься само торговлей фабричным, заводским и другими промыслами, что это дело частной предприимчивости и частных лиц? Чему другому приписать отмену бесчисленного множества видов приписных людей и крестьян, обязательно и потомственно работавших по разным ведомствам на государство? Где иначе искать причины постепенной замены натуральных повинностей денежными, тогда как первые составляли в XVII в. общее правило, а денежные налоги – изъятие из него, и притом довольно редкое? Наконец, какой другой смысл имеет предполагаемое подчинение обыкновенной судебной юрисдикции различных спорных дел между казной и частными лицами, подлежавших доселе административному разбирательству, и отмена привилегий, которыми до сих пор пользовалась казна перед частными лицами при рассмотрении спорных гражданских дел судебным порядком? Постепенное возвышение государственных элементов из грубых, материальных фактов, в виде которых они первоначально всюду являются в смешении с другими элементами, на степень начал, принципов, идей всегда будет

составлять интереснейшие и поучительнейшие страницы не только в истории положительных законодательств наших и других, но и в истории цивилизации.

Что касается возражений с точки зрения практических удобств или неудобств, приложимости или неприложимости нашего взгляда, то они могут быть нам сделаны разве только по недоразумению. С практическими людьми у нас нет и не может быть спора. Дело науки – тщательно рассмотреть и честно, по крайнему разумению, сказать, что правда и что неправда; претендовать на то, чтобы ее выводы тотчас же были осуществлены в действительности, она не может и не должна ни в каком случае. Практическая применимость никогда не зависит от одной теоретической сущности дела, которой исключительно занимается наука, а от тысячи временных, изменяющихся обстоятельств, нередко – от лиц. Истинное в научном смысле, неприменимое сегодня, может быть, окажется применимым завтра, послезавтра, а может быть, и никогда. Например, теперешнюю французскую систему народного обучения, особливо среднего, а еще более высшего, мы считаем теоретически совершенно ошибочной и ложной; но возможно ли теперь и даже когда-нибудь переменить ее во Франции на иную, лучшую – это другой вопрос, который требует совсем других соображений. Очень может быть, что Франции придется вековать с этой ошибочной системой, что ей никак, никогда нельзя будет заменить ее хорошей. Разве это послужит доказательством, что последняя хуже или что она никуда не годится? Итак, повторяем: с практиками у нас нет и не может быть спора. Наука может в практическом отношении разве только осветить путь, показать направление, по которому надобно идти, а идти или не идти, или, если идти, то как именно – это вовсе не ее дело, не ее забота.

Упрек, который мы тоже, вероятно, встретим, что наше воззрение на государство слишком идеально, совсем иного рода. Он относится к теоретической стороне предмета и, следовательно, в научном исследовании никак не может быть обойден. Но прежде чем станем отвечать, условимся, о чем

идет речь, в каком именно отношении наш взгляд может быть назван идеальным. В философии, исследующей высшие, конечные, безусловные начала всего существующего, идеальное направление признает самостоятельное духовное начало как источник всех материальных и нематериальных явлений в мире; другое направление, не отвергая самых явлений, признавая их за факт, видит в них, однако, не деятельность самостоятельного духовного начала, а результат взаимодействия частных, единичных факторов, который мы лишь по недоразумению, ошибке, незнанию или предрассудкам принимаем за нечто самостоятельное, действующее по определениям своей собственной сущности. Поднятый на эту высоту вопрос об идеальном и неидеальном начале очень важен для философии, но вовсе не важен в таком положительном исследовании, как наше. Положим, было бы доказано с очевидной ясностью, что государственный организм как единое целое не есть выражение самостоятельного духовного начала, а результат взаимодействия отдельных единиц, из которых государство слагается, и что это взаимодействие их, перерабатываясь и переделываясь, после десятой или пятидесятой переделки или переработки принимает, наконец, вид особого начала. К чему, спрашивается, повел бы нас такой результат при исследовании государственного и гражданского права? Подвинул ли бы он нас хоть на йоту при определении взаимных отношений этих двух ветвей юридических наук? Нисколько и нимало! Какой источник государственного единства, самостоятельное ли духовное начало или взаимодействие составных частиц государства, – это для нас вопрос сторонний, вовсе не идущий к делу. Наш вопрос ставится совсем иначе. Исследуя юридические явления в государстве, мы находим, что одни суть прямой результат деятельности составных единиц, из которых оно слагается, другие же не могут быть объяснены деятельностью этих составных элементов, имеют какой-то другой источник. Какой же именно? Что производит их? Какой деятель? Вглядываясь, мы находим, что этот деятель есть начало государственного единства, есть государство как еди-

ное органическое целое. Так как это начало само непосредственно не обнаруживается, а представляется и действует на внешние юридические отношения, называемые частными, приватными, лишь в виде условий, которые их проникают, видоизменяют и определяют, то вследствие этого мы и говорим, что государство как организм есть начало не отвлеченное, не игра нашего ума, а действительно существующее, действительно участвующее в общественной жизни, хоть оно и невидимо для нас непосредственно. Вот в чем состоит наш юридический идеализм, и вот в каком смысле мы охотно признаем наш взгляд на государство идеальным. На этой почве мы готовы принять спор с нашими противниками. Если они докажут, что все юридические явления объясняются одними отношениями частных лиц, то мы признаем себя побежденными и откажемся от юридического идеализма, потому что в таком случае было бы, конечно, совершенно не нужно предполагать существование и деятельность особого начала, которое мы теперь видим в государственном единстве. Но доказать, что все юридические отношения объясняются деятельностью частных лиц, никак нельзя. Начало государственного единства проникает все юридические явления, все отношения частных лиц между собой гораздо больше, полнее, глубже, чем мы обыкновенно думаем. Мы встречаемся со следами его деятельности на каждом шагу, сами того не замечая, потому что не даем себе ясного отчета в том, что видим перед собой.

Но, спрашивается далее, вопрос о том, существует ли такое особое начало или нет, не есть ли, в свою очередь, ненужная отвлеченность – дело любознательности, более или менее бесплодной и безрезультатной? Какие в самом деле могут быть практические последствия оттого, что мы признáем существование особого государственного начала или отвергнем его? Так или иначе, но явление есть; а чем оно объясняется, откуда оно идет, – что до этого за дело?

Действительно, такое или другое происхождение и объяснение явлений было бы само по себе довольно безразлично,

если бы люди относились к явлениям так же непосредственно, как животные, пользуясь теми, которые пригодны для удовлетворения их потребностей, проходя без внимания мимо остальных и относясь совершенно бездеятельно к самому их существованию, принимая его всегда как непосредственный факт. Но человек поставлен совершенно иначе и к внешней природе, и к общежитию, и даже к самому себе. Он старается приспособить и природу, и общежитие, и себя к известным своим целям так, чтобы последние могли быть достигнуты как можно легче и лучше. Встречая явления или факты, которые мешают или затрудняют достижение предположенной цели, человек не успокаивается на этом, а пытается их устранить. Для этого часто достаточно одного простого, непосредственного действия, на что способны и животные: мы пьем, чтобы утолить жажду, едим, чтобы утолить голод; но множество явлений и фактов нельзя устранить таким непосредственным действием, а надо для этого сперва досконально узнать их свойство, причины, связь с другими фактами и явлениями, условиями, при которых они возникают, существуют, исчезают и сами становятся причиной тех или других действий и влияний, и уже потом, узнав все это, уяснить себе, какого рода встреченное препятствие, принадлежит ли оно к числу тех, которых никоим образом устранить нельзя; или можно, но с существенным, временным или постоянным вредом в других отношениях, по связи этого препятствия с множеством других явлений и фактов; или препятствие есть само лишь явление, которое исчезнет, когда будут устранены производящие его причины, или оно не может быть устранено вовсе, но действия его могут быть до известной степени смягчены, ослаблены или иначе направлены и т. д. Словом, только ознакомившись во всей подробности со свойствами, причинами и действиями явлений и фактов, делается возможным определить их отношение к известным нашим целям, желаниям и стремлениям и сообразно с тем приискать средства для устранения или, по крайней мере, ослабления встреченных препятствий, насколько природа их это дозволяет. Вот в

каком смысле человек способен овладеть внешней природой, самим собой, обстоятельствами и условиями своей общественной жизни, покорить их себе, и вот в чем заключается тесная связь теоретического знания с практической деятельностью. Как человек в отдельности и целая природа, так и общественная жизнь есть своего рода организм, который надобно изучить очень подробно, чтобы решить, что в нем можно переделать, изменить, устроить так или иначе, приспособляя к нашим потребностям и нуждам. Этот организм имеет свои начала и законы, свои отправления, свои болезни; его точно так же можно исказить и расстроить, как можно укрепить и развить. Люди могут на него действовать, овладеть им, но не иначе как действуя на него в условиях тех начал и законов, которыми определяется его жизнь и деятельность. Глубокое изучение и знание в этом случае так же необходимо, как врачу у постели пациента. С этой точки зрения, правильное решение теоретического вопроса о причинах и источниках явлений общественной жизни представляется неизмеримо важным и в практическом отношении. Относясь к этим явлениям так же критически, как и ко всему остальному, человек пытается, когда они не удовлетворяют его мысли, мешают ему в достижении его желаний и целей, приспособить и их, подобно внешней природе, к своим требованиям; но, не зная глубоко начал и законов общественного организма, он станет делать над ним разные эксперименты, которые случайно могут быть и удачны, но в большинстве случаев принесут несравненно больше существенного вреда, чем относительной пользы. Человечество занималось такими экспериментами сотни лет, пока опытом не убедилось, что общественность точно так же, как и природу, нельзя переделывать и перекраивать по прихоти. Идя от ошибочной посылки, что все юридические явления в государстве приводятся к взаимодействию частных сил, можно прийти к столь же ошибочному заключению, что явления, указывающие на другое начало, другой источник, также легко могут быть устранены, как тысячи случайных наростов и временных сочетаний, от которых народы осво-

бождаются, поняв их ненужность или вред. Какие страшные последствия и для людей, и для народов могут иметь такие недоразумения – этому представляет тысячи примеров история; она – мученический, терновый путь к убеждению, что человеческое общество, как всякий живой организм, имеет свою анатомию, физиологию и патологию, которые нужно знать, и знать твердо, чтобы быть искусным медиком или хирургом, потому что исправление и улучшение общественного быта, приноровление его к нашим нуждам и желаниям так же имеет, как и все на свете, свои пределы в условиях, законах и началах общественного организма.

Говоря это, мы очень далеки от желания вычеркнуть отрицательное направление из науки. Отрицание юридического идеализма и в теоретическом знании, и в жизни, бесспорно, имеет свое, очень важное значение; результаты, добываемые под его влиянием, всегда плодотворны. Оно освежает и очищает взгляд, не дает успокоиться на одностороннем и узком догматизме, вызывает более глубокую критику начал и явлений. Вот его несомненные заслуги. В истории она является всегда в тяжкие эпохи перерождения мысли и общества, когда существующие научные взгляды и условия общественной жизни оказываются неудовлетворительными, а новые еще не обозначились ясно ни в сознании, ни в действительности. Отрицанием идеальных начал именно и выражается минута разложения и брожения, но зато с появлением новых синтетических учений или нового общественного быта оно исчезает, как всякое отрицание, способное не творить, а только возбуждать и направлять творческую, зиждительную деятельность. Придавать ему значение самостоятельного учения, видеть в нем догму и синтез – значит не понимать его настоящего призвания и роли в науке и в истории. Только против этого недоразумения мы и спорим.

Возвратимся к нашей задаче. Государственное право не стоит на одной доске с гражданским, и потому они, конечно, различаются, но нельзя противополагать их друг другу. Итак, частное, приватное, не будучи противоположно публичному,

общественному, ни в каком смысле не может считаться характеристическим признаком гражданского права, не определяет ни его содержания, ни его пределов.

III

Многие не довольствуются определением, что гражданское право имеет предметом частные, приватные юридические отношения. Им кажется, что оно еще не вполне характеризует гражданское право, и мы видели, что они совершенно правы, более, чем кажется, даже более, чем они сами подозревают. Желая дополнить характеристику юридических отношений, принадлежащих к гражданскому праву, они находят, что эти отношения создаются индивидуально, единичной волей, и потому считают гражданское право областью личной свободы и произволения, в противоположность государственному, которое будто бы есть область законных определений и создано началом необходимости. Так ли это? Вот что нам следует теперь рассмотреть.

Если гражданское право, гражданские отношения – произведения индивидуальной воли, то все они должны устанавливаться, продолжаться и оканчиваться по личному усмотрению каждого, по крайней мере, тех, между которыми такие отношения существуют – этого требует логика, строгое, последовательное проведение высказанного общего начала. Однако на деле это совсем не так. Личное усмотрение и в гражданских юридических отношениях ограничено со всех сторон многочисленными определениями закона и признается действительным, имеет юридическую силу и обязательность только под условием соблюдения этих определений. Так, я бы хотел продать свою фабрику, дом или другую недвижимость по простой сделке с покупщиком, но закон требует, чтобы эта сделка непременно была совершена крепостным порядком; я бы хотел занять деньги у знакомого за 8% в год, потому что это было бы, по моим делам, очень выгодно, но закон не позволяет брать более 6% в год с капиталов, отда-

ваемых в рост; я еврей и хотел бы жениться на православной, и она на это согласна, да закон запрещает такие браки. Итак, называя гражданские юридические отношения созданием индивидуальной воли, надобно во всяком случае принимать эту характеристику с важными ограничениями и помнить, что в человеческом обществе нет и не может быть ни одного юридического отношения, которое бы не подпадало под общие законные определения.

Но даже и с такой оговоркой, даже и в таком, более тесном смысле эта характеристика не верна. Гражданское право не состоит исключительно из одних юридических отношений, создаваемых волей частных лиц, хотя бы под определениями закона; рядом с ними мы встречаем в том же гражданском праве множество других, совсем с иным характером и свойствами. Чтобы доказать это, пересмотрим все части гражданского права в теперешнем его составе.

Начнем с имущественных или вещных прав. Между ними действительно есть много создаваемых, продолжающихся и оканчивающихся по нашему личному, индивидуальному усмотрению: такова в большей части случаев собственность, таковы многие отношения, причисляемые к сервитутам [9]; таковы арендные права, таков отчасти залог и заклад. Но, за исключением разве арендных отношений, во всех исчисленных разрядах и категориях найдется много и таких вещных прав, которые появляются, продолжаются и исчезают помимо личной воли в силу других причин и оснований.

Право собственности, не говоря уже о принудительном выкупе ее на общеполезные надобности, по началу, продолжению и концу может зависеть, например, от специального размежевания. С каким бы уважением к неприкосновенности владельческих прав оно ни производилось, но по поводу его могут всегда встречаться и обыкновенно встречаются случаи крайней, неизбежной необходимости, когда владельца принуждают против его воли расстаться со своим участком или со своими участками и взять вместо них другие. Положим, что все совладельцы общей дачи хотят размежеваться к од-

ним местам, только один из них не хочет. Что с ним делать! Его в этом случае принуждают; если же он устранится от размежевания, то ему придется довольствоваться тем, что ему достанется. Во всех таких случаях существующая собственность прекращается, новая установляется административным или судебным порядком, помимо воли владельца. Нам могут заметить, что эта новая собственность есть как бы продолжение первой. По ценности это может быть действительно так, но юридически ни в каком случае; прежнее поземельное владение и новое, образовавшееся после размежевания, – это две разные собственности, потому что предметы их – разные поземельные участки; когда двое меняются своими землями без придачи, ровно на ровно, у каждого остается по ценности то же, что и было, но для обоих старая собственность кончилась и началась новая; то же происходит и при специальном размежевании общей дачи. Вот, следовательно, один из случаев, когда право собственности может прекращаться и установляться без участия нашей воли.

Сервитуты в буквальном смысле служебности называются так потому, что состоят в ограничении права собственности, которая через это становится в положение зависимости и как бы служебности. Такие ограничения делаются или в пользу лица, или в пользу недвижимости, вследствие чего не только лицо, но даже вещь, именно недвижимое имущество, как будто приобретают господство над вещью, которая, однако, не составляет их собственности. Само собой разумеется, что господство вещи над вещью, служебная зависимость последней от первой не должны быть принимаемы буквально; это только метафора, только иносказание, которыми выражается, что чужая вещь и в этом случае, конечно, служит тоже постороннему лицу, но только когда оно – хозяин или владелец известной недвижимости, в той только мере, насколько он, этот постоянный, есть владелец или собственник известного недвижимого имения; последнему потому и приписывается метафорически господство над служебной, зависимой вещью; так, например, когда владельцу известной дачи при-

надлежит право пользоваться лесом в другом, чужом участке, то это право установляет как бы зависимость, служебность лесного участка от дачи, потому что право принадлежит, конечно, не даче, а лицу, но лицу только в той мере, как оно владеет дачей, с которой соединено право въезда в чужой лес на другом участке. Сервитуты личные (в пользу лица) и вещные (в пользу недвижимости в объясненном смысле) очень часто установляются частными сделками – словом, волей частных лиц, но столько же часто, если не чаще, общим законом, помимо индивидуальной воли. Сюда в особенности принадлежит наибольшая часть бесчисленных родов и видов публичного пользования чужими недвижимостями. Без сомнения, может случиться, что частное лицо, владелец, откроет для публики свою библиотеку, картинную галерею, музеум, сад; но обыкновенно места назначаются для публичного пользования в силу общих правительственных мер и распоряжений; таким образом, правительство объявляет реки судоходными или сплавными, отводит к ним бечевники, прокладывает дороги, проводит каналы и т. п. К этому надо еще прибавить, что множество административных мер, принимаемых правительством в видах общей пользы, для сохранения здоровья жителей, личной и имущественной безопасности, для поддержания добрых нравов и т. п., часто ограничивают права собственности в пользу соседа или в пользу публики и этим нередко создают личные или вещные сервитуты без участия индивидуальной воли заинтересованных лиц; так, общим законом запрещено поднимать запруду мельницы выше известной меры, чтобы не повредить имениям, лежащим выше по течению той же реки; запрещено в известное время года запирать луга, чтобы не лишить прогоняемых гуртов подножного корма; запрещено проделывать окна на соседний двор и т. п. Вот целый, многочисленный разряд сервитутов, обязанных своим происхождением не частной воле, а общим законодательным и административным мерам.

Залог и заклад как обеспечение платежей и выполнения разных других обязательств и сделок установляется обыкно-

венно или особым договором между залогодателем, или залогопринимателем, или, по крайней мере, особым условием, включенным в договор, исполнение которого обеспечивается закладным правом; но кроме таких залогов и закладов существует много других, установляемых судебными приговорами в обеспечение иска; есть залоги и заклады, существующие не только без всякого участия воли приватных лиц, но даже и без всякого распоряжения со стороны правительства, силой самого закона; последние простираются не только на известные, законом заранее определенные предметы, но даже на все имущество должника, движимое и недвижимое. Так, по римскому праву, состоящий под опекой имеет по закону закладное право на то, что будет приобретено другим на его деньги; казна – на все имущество своего должника, в обеспечение уплаты податей или выполнение заключенных с нею договоров. Не будем здесь рассматривать, в какой степени существование такого подразумеваемого, в силу закона существующего, общего закладного права хорошо или дурно или в какой мере правильно давать ему предпочтение перед другими закладными правами на те же вещи, основанными на договорах и сделках; для нашей цели довольно указать, что есть закладные права, установляемые не волей частных лиц, а существующие помимо ее, в силу судебного определения или закона.

Возьмем, далее, семейное право, обнимающее, по общепринятой системе, супружеский союз, родительскую власть, естественную и гражданскую, возникающую через усыновление, союз родственный, опеку с попечительством над малолетними и несовершеннолетними и все личные и имущественные права и обязанности, на них основанные. Вглядываясь внимательно во все эти отделы семейного права, можно положительно сказать, что в каждом из них законные определения преобладают над личной волей и что вследствие того юридические отношения семейного права возникают, продолжаются или прекращаются гораздо больше и чаще на основании закона, чем вследствие воли частных лиц, между которыми эти отношения существуют. Семейное право от на-

чала до конца так проникнуто началом необходимости, что для личного произвола остается очень мало простора – это бросается само собою в глаза. Брак поначалу есть, конечно, дело индивидуальной воли жениха и невесты, но продолжение и прекращение супружества, смотря по законодательствам и началам, принятым в них за основание, или вовсе не зависит от личного усмотрения, или же зависит в очень ограниченной степени, так что нежелание, хотя бы и обоюдное, обоих супругов оставаться в браке может вести к прекращению брачного союза только при известных условиях, именно означенных в законе. Родительская власть естественная, возникающая через рождение, а не усыновление, начинается, продолжается и прекращается совершенно независимо от нашей воли; точно так же и союз родственный со всеми его последствиями. Наконец, опека тоже со всеми ее юридическими последствиями устанавливается или частной волей, или правительством; звание опекуна есть публичная должность, от которой можно отказаться только на основании законных причин.

Как все эти основания семейного права, так и большая часть юридических гражданских отношений, личных и имущественных, которые находятся с ними в связи, по началу, продолжению и концу определяются тоже не личным произволом, а законом. Муж обязан содержать жену, родители – содержать и воспитывать детей, дети – содержать бедных, престарелых или больных и немощных родителей, опекун – отвечать перед малолетним за целость, сохранность и хорошее управление его имуществом; все эти обязательства существуют не в силу особого договора или условия, а в силу закона, как только существуют известные отношения семейного права, к которым они относятся.

Итак, семейное право на основе одного закона без всякого участия лиц рождает множество гражданских обязательств. Заметим мимоходом, что наше законодательство, положительно запрещая имущественное общение супругов и рассматривая мужа и жену в имущественном отношении как вполне самостоятельные, независимые друг от друга лица,

не знает многих особых форм вещных прав и обязательств, существующих тоже в силу закона, без участия личного произвола, между супругами по некоторым другим европейским законодательствам.

То же самое, хотя, конечно, в меньшей степени, найдем и в наследственном праве. Завещание устанавливает права на наследование по воле умершего; но право наследования без завещания существует в силу закона помимо воли умершего, даже вопреки его воле, именно когда последняя не согласна с законом.

Перейдем теперь к самому важному отделу гражданского права, – в отношении к тому вопросу, который нас занимает, – к обязательствам. Мы нарочно приберегли их к концу, потому что о них нужно сказать многое. Обязательство именно и есть та часть гражданского права, которая должна служить самым главным и будто бы неопровержимым подтверждением истины, что гражданские отношения исключительно создаются индивидуальною волей, личным произволением; обязательства, собственно, и подают главный повод к такому взгляду на гражданское право, потому что с понятием об обязательствах всегда связывается представление о такого рода юридических отношениях, которые возникают не иначе как вследствие выражения нашей воли; где же его нет, там, говорят, нет и гражданского обязательства. Если бы это и действительно было так, то все же не было бы еще достаточного основания считать все гражданские юридические отношения вообще основанными на частной воле, на личном произволе. Кроме обязательств, есть еще много разных других гражданских юридических отношений, и только что сейчас было показано, сколько их устанавливается законом помимо нашей воли. Но мы пойдем гораздо дальше и скажем, что воля – не есть единственное основание и самих гражданских обязательств; что она не составляет единственного их основания даже по римскому праву, на которое в этом случае охотно ссылаются.

По римскому праву, обязательства можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести договоры и

условия всех возможных родов и видов. Здесь участие воли состоящих в обязательстве на установление взаимных юридических отношений очевидно и не подлежит сомнению. Вторая группа будет обнимать обязательства, возникающие из нанесения ущерба или убытков. За ущерб и убытки нанесший их должен дать тому, кто их потерпел, справедливое вознаграждение – это-то и рождает своего рода гражданские обязательства. Смотря по свойству и характеру виновного действия, они бывают очень различны, но все, очевидно, возникают при участии воли того, кто обязан дать вознаграждение. Кроме обязательств, принадлежащих к этим двум группам, есть еще множество других юридических отношений, которые имеют все свойства и юридические последствия обязательств, но не возникают ни из договора, ни из нанесения ущерба или убытков, а существуют по разным другим основаниям. Эти обязательства для нас здесь особенно интересны, и потому мы рассмотрим их подробнее.

Прежде всего, заметим, что уже сами римские юристы уподобляли контрактам многие обязательства, имеющие весь характер и все юридические последствия договоров, однако не основанные на договоре, и называли их *quasi contractus*[1], как бы договоры. Сюда принадлежали: 1) *negotia gesta* – исполнение какого-нибудь дела, имеющего материальный, вещественный характер, за другого, без поручения с его стороны, но, разумеется, не вопреки его положительному запрещению. Если такое исполнение было в полной мере старательное и исполняющий знал, что действует за другого, и имел целью установить своим действием обязательство, то такое исполнение дела за другого имело такие же юридические последствия, как будто бы исполняющий действовал по поручению. Поэтому, если кто, например, хоронил умершего на свой счет, то имел право требовать возвращения себе издержек на погребение, как будто бы он устроил похороны по поручению умершего. Тут обязательство установляет действительно оказанная услуга, – самому лицу или его родным, наследникам

[1] Соглашение, подобное контракту (лат.). – *В. Т.*

и т. п. без всякого предварительного договора или условия; 2) *arbitrum s. judicium tutelae*[1]. Об этого рода отношениях мы уже говорили выше. По окончании опеки между опекуном и состоявшим под его опекою возникает обязательство, как будто бы основанное на договоре, хотя никакого договора между ними не было. В силу этого как бы договорного обязательства состоявший под опекой имеет право требовать от бывшего своего опекуна отчета по управлению имением и возвращения последнего в исправности, а опекун может искать вознаграждения за издержки по управлению имением бывшего малолетнего, сделанные им из своего кармана. В этом случае сам факт существования опеки есть основание обязательства; 3) общая собственность и 4) общее владение сонаследников доставшимся им имуществом. При выделении каждому из собственников или наследников следующей ему части из общей собственности или из наследства возникают между ними взаимные требования и обязательства. Какое их основание? Никакого предварительного договора или условия между ними не было; они только были сообща собственниками или совладельцами, но общая собственность, владение сообща наследством есть источник их обязательных отношений между собой, как будто бы они состояли в договоре. Итак, общая собственность, общее владение наследством играют здесь роль договора; 5) нередко случается, что умирающий, предоставляя после себя имущество наследникам по закону или по завещанию, возлагает на них обязанность сделать выдачу или издержку из наследства в пользу постороннего, третьего лица, в пользу Церкви, благотворительного заведения и т. п. Такие отказы (*legatum*)[2] не делают тех, в пользу кого они назначены, наследниками, но дают им право требовать от наследников выдачи им того, что отказано в их пользу умершим, разумеется, если эти отказы правильны, не противоречат закону и обязательны для наследников. Основанием для

[1] Ошибочное написание – правильно: *arbitruim sive judicium tutelae* – арбитражное решение или судебный приговор о подопечном имуществе (лат.). – *В. Т.*

[2] Предназначенное по завещанию (лат.). – *В. Т.*

права тех, в чью пользу отказ сделан, обращаться с такими требованиями к наследникам служит распоряжение умершего; оно установляет между наследником и тем, кому сделан отказ, обязательство, похожее на договор, хотя никакого предварительного договора между ними не было; 6) *indebiti или ex causa indebiti saluti condictio*[1]. Когда вследствие ошибки, без всякого юридического основания произведена уплата или отдана какая-нибудь вещь, то уплативший или отдавший имеет право требовать ее себе обратно. Основанием такого права требовать и обязанности возвратить служит не контракт, а сам факт ошибочной уплаты или выдачи, не имеющей юридического основания; один обогатился на счет другого несправедливым образом, и это обстоятельство играет роль контракта; правильнее, может быть, было бы сказать, что оно играет роль нанесения ущерба и убытков, но добровольная уплата, добровольная отдача заставили, вероятно, юристов уподобить этот факт договору, а не проступку.

Вот по римскому праву разные виды как будто контрактов. Современные юристы, желая подвести их под одно общее начало, находят, что они основаны на дозволенном одностороннем изъявлении воли, которая имеет обязательное отношение не целью, а лишь последствием; но с этим мнением трудно согласиться, потому что если его и принять, то оно объяснит только некоторые виды *cuasi contractus*, но не все. Действительное оказание услуги, возвращение неправильно отданного или уплаченного, расчеты между наследником и тем, в чью пользу сделан отказ, даже расчеты по разделу наследства, когда последнее досталось по завещанию, – все это с первого взгляда как будто вправду объясняется действием оказавшего услугу, заплатившего или отдавшего неправильно, и завещателя; можно, пожалуй, сказать, что эти лица актом своей воли создали исчисленные юридические отношения без намерения их создать, но расчеты между опекуном и бывшим под его опекой, расчеты совладельцев общей соб-

[1] Недолжного или неосновательного платежа (букв.: «блага») возвращение (лат.). – *В. Т.*

ственности при ее разделе, расчеты сонаследников при разделе общего наследства, когда оно досталось по закону, а не по завещанию, – как объяснить происхождение этих обязательств актом индивидуальной воли? Никакое выражение воли им не предшествовало, разве предположим, что расчеты между опекуном и бывшим под его опекой бывают только в тех случаях, когда опекун назначен по завещанию, а расчеты между совладельцами при разделе общей собственности – только когда последняя куплена или иначе приобретена самими совладельцами сообща. Очевидно, нужны невероятные усилия, нужно прибегать к невозможным и неле<п>ым предположениям, чтобы подвести все римские *quasi contractus* под начала дозволенного одностороннего изъявления воли, создающие обязательства как будто нечаянно, во всяком случае непреднамеренно. Даже те из них, которые, по-видимому, под него подходят, им объясняются, на самом деле вытекают совсем из других оснований. Уже из приведенных примеров видно, что многие *quasi contractus* одинаково могут существовать и при участии индивидуальной воли, и без ее участия. Будет ли общая собственность приобретена сообща самими ее владельцами, которые делятся между собой, или нет, учредится ли опека завещанием, по закону или по распоряжению правительства, достанется ли наследство сообща нескольким наследникам по завещанию или без завещания – это все равно; во всяком случае сущность обязательств, в силу которых происходят расчеты по опеке и при дележе общей собственности и общего наследства, будет одна и та же, разницы в них не окажется решительно никакой, и потому мы вправе заключить, что участие воли в создании этих обязательств, если оно и есть, вовсе не существенно, не играет главной роли и именно поэтому может быть, может и не быть. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что точно такую же роль играет индивидуальная воля и в обязательствах, возникающих из действительно оказанной услуги и из ошибочной уплаты или ошибочной отдачи вещи. Всякая действительная материальная вещественная услуга, хотя бы и совер-

шенно неумышленная, непреднамеренная, сделанная по ошибке, без сомнения, установляет такое же обязательство, как и оказанная с сознанием и целью услужить; так, если посторонний по ошибке или недоразумению и вовсе обо мне не думая, заплатит за меня долг, то для меня столько же будет обязательно возвратить ему сделанную им в мою пользу издержку, как если бы мой знакомый или приятель, чтобы остановить продажу с публичного торга моего имения, заложенного в сохранной казне [10], поспешил внести из своих денег следующие с меня недоимочные платежи. Что касается до права требовать возвращения отданного или уплаченного без юридического основания, то и оно не вытекает именно из акта отдачи или уплаты, а из более общего начала, в силу которого несправедлива всякая выгода, полученная одним в ущерб другого, и несправедлив всякий ущерб, понесенный одним от корысти другого. В римском праве это начало прямо выражено словами: *bono et aequo non conveniat, aut lucrari cum damno alterius aut damnum sentire alterius lucrum*[1] – и служит основанием обязательств даже в тех случаях, когда один несправедливо получает выгоду на счет другого вследствие естественного физического факта, без всякого участия воли; так, когда две вещи, принадлежащие разным хозяевам, соединяются сами собою таким образом, что отделить их одну от другой невозможно, а между тем, по началам гражданского права, владелец одной вещи делается вследствие этого хозяином обеих, то другой владелец, потерявший право собственности на свою вещь, может требовать от первого вознаграждения. Положим, например, что река, составляющая живое урочище между двумя частными владениями, переменила русло, так что через это одно владение увеличилось, а другое уменьшилось; по римскому праву, тот, чье владение увеличилось, становится собственником участка, который прибавился к его владению, но хозяин другого владения, уменьшившегося в объеме, имел право требовать от первого вознаграждения за

[1] Пусть не соответствует (принципам) блага и равенства ни получать выгоду с убытком (для) другого, ни ощущать (как) убыток выгоду другого (лат). – *В. Т.*

эту прибыль. Пока у нас существовало крепостное право, такой же случай встречался, когда крепостные, принадлежавшие разным господам, во время бегов вступали между собою в брак; при возвращении их господам жена становилась крепостною того владельца, кому принадлежал муж, а бывший ее владелец получал вознаграждение. В обоих этих примерах воля совсем не участвует в установлении обязательств (воля крепостных, как известно, юридически не признавалась), а они, по существу своему, ничем не разнятся от обязательства возвратить неправильно полученное или уплаченное. Все это доказывает, что дозволенное действие, имеющее обязательство не целью, а лишь последствием, ни в каком случае не может быть основанием этого обязательства; оно тогда только может считаться источником права или юридического отношения, когда к тому направлено, чтобы произвести их; когда же выражение воли или вовсе не к ним относится, то она может быть только поводом, косвенным, побочным обстоятельством; называя известное выражение воли основанием известного права или юридического отношения, мы всегда при этом подразумеваем, что между актом воли и правом или юридическим отношением существует необходимая внутренняя связь; а если такой связи нет, то мы видим в действии не основание, не источник, не причину его, а случайный факт, который вызывает деятельность настоящей, истинной причины, или же видим в действии только признак, указывающий на существование причины, которую мы иногда не знаем. Поэтому, замечая известное правильное соотношение между такими-то нашими действиями и появлением таких-то прав или юридических отношений, но не видя между теми и другими внутренней, необходимой связи, мы должны, по правилам здравой логики, заключить, что между действием и возникшим после него правом или отношением есть посредствующее, соединительное звено или, может быть, несколько звеньев, в которых скрывается действительная причина, основание, источник возникшего права или юридического отношения. Выстрел из ружья всегда сопровождается дымом;

между дымом и выстрелом есть, стало быть, известное правильное соотношение; но это само по себе еще не уполномочивает нас заключить, что дым есть причина выстрела. Один, многие или даже все владельцы общей дачи выразили желание размежеваться. Положим, что это желание не вызвано общей мерой правительства, а есть свободное, непринужденное изъявление воли совладельцев; вправе ли мы сказать, что расчеты, расплаты и тому подобные отношения, возникающие между ними вследствие специального размежевания их дачи, суть результат выраженной им воли? Очевидно, нет! Последняя сама по себе ни в каком случае не произвела бы между ними юридических отношений, если бы они не были участниками в общей даче; итак, общее владение, а не выражение воли есть в этом случае источник, основание юридических отношений, возникающих между совладельцами вследствие размежевания, а выраженное ими желание служит только поводом, который обнаруживает, что они по общей даче уже находятся между собою в обязательных отношениях, основанных не на договоре, а на факте совладения. Последнее и есть как бы посредствующее, соединительное звено между актом их воли и возникающими между ними обязательными отношениями. То же до́лжно сказать о расчете между опекуном и бывшим у него в опеке по ее окончании, о расчете между совладельцами наследства при его разделе; во всех этих случаях не выражено воли, а существование опеки, существование общего наследства, каким бы образом они ни возникли, служит основанием обязательств.

Другой пример: мое стадо вытравило луг у соседа, и я обязан заплатить ему убытки; не я вытравил луг; я даже не пускал стада нарочно на участок соседа, чтобы причинить ему убыток; это сделалось помимо меня, не только без всякого злого умысла с моей стороны, но даже без моего ведома; моя вина в том, что мне следовало принять действительные меры, чтобы мое стадо не заходило в чужие владения и не могло нанести ущерб другим; я был неосторожен и потому в ответе перед соседями.

Итак, обязанность дать вознаграждение может иметь различные основания: или я прямо, с умыслом, с намерением, корыстным или злостным, произвел вред или убытки посредством домашнего животного – в этом случае обязанность дать вознаграждение есть прямое последствие моего недозволенного действия; или мое домашнее животное нанесло ущерб только по моей неосторожности или оплошности, я, например, не имел пастуха при стаде, пустил последнее бродить без надзора и т. п. – тут моя вина определяется ближайшим образом моей обязанностью принимать действительные меры, чтобы принадлежащие мне вещи не наносили никому вреда и убытков; без этой обязанности я бы не мог отвечать за потраву, если не произвел ее с умыслом; а действуй я с умыслом, было бы все равно, чьим бы я стадом ни вытравил луг, своим или чужим; итак, в первом случае при моей оплошности к обвинению меня привходит еще моя обязанность наблюдать за моими домашними животными; нарушение ее и есть причина, источник моей ответственности; выпустив эту обязанность, никак нельзя связать вред, нанесенный моим стадом без моего ведома, с обязанностью платить за потраву.

Вот это-то посредствующее, связующее звено и опускается часто из вида при исследовании причин или оснований обязательств. Когда дозволенное действие не имеет целью, а только последствием обязательное отношение, когда недозволенное действие совершено не тем, кто за него отвечает, каким образом могут они быть причиной, основанием обязательства сами по себе, без того посредствующего, связующего звена? А в последнем очень часто скрывается не индивидуальная доля, а другое какое-нибудь обстоятельство, которого мы не замечаем, и потому, пропуская его, приходим к ошибочному заключению, что частная доля всегда, во всяком случае есть основание, источник обязательства.

К чести римских юристов надо сказать, что они и не думали подводить юридические отношения, уподобленные ими контрактам, под какое бы то ни было общее начало, как делаем мы теперь. Стоит только внимательно взглянуть на

quasi contractus, чтобы в этом убедиться. *Quasi contractus*, вместе взятые, не представляют ничего систематического, целого; есть много других обязательств, которые бы подошли к ним как нельзя лучше, но не включены в их число только вследствие исторических особенностей римского права; таковы, например, отношения, возникающие между соседними владельцами по восстановлению спорных меж или границ; таково право требовать от совершенно постороннего, не состоящего с ними ни в каком обязательстве, чтобы он показал или представил известную вещь, которая у него или в самом деле находится, или только предполагается, тому, кто имеет на нее право или основывает на ней какое-нибудь право, в противном же случае заплатить убытки, которые повлечет за собой отказ исполнить требование; таково право требовать от хозяина вещи, чтобы он показал ее по случаю какого-нибудь юридического отношения не с ним, а с третьим лицом; таковы обязательства, о которых мы уже упоминали, именно возникающие между двумя или несколькими лицами, когда принадлежащие им в собственность вещи без их предварительного согласия соединятся и образуют вместе новое, нераздельное целое; таковы отношения, возникающие по разложению убытков, понесенных вследствие выбрасывания части груза в море для облегчения судна во время бури и кораблекрушения; таково право требовать прохода и проезда через владения частного лица, когда дорога, лежащая по соседству, стала по какому-нибудь случаю непроходна и непроездна, и т. п. Все эти и подобные им права и отношения тоже не основаны на предварительном договоре, а либо на распоряжении суда (только в силу судебного постановления можно требовать от хозяина или владельца вещи, чтобы он предъявил ее), либо на внешнем, случайном факте. Но, оставляя в стороне эти обязательства и ограничиваясь лишь теми, которые по римскому праву считались как бы договорами, мы найдем и в них такое разнообразие, такую разнородность оснований, что без очевидной натяжки невозможно предположить, будто бы римские юристы составили эту группу обязательных

отношений систематически, по обдуманному плану, имея в виду какое-нибудь одно общее начало. Против такого предположения говорит уже то, что все обязательства, уподобленные в римском праве контрактам и проступкам или винам, влекущим за собой обязанность вознаградить, означились в нем общим названием *variae causarum figurae*, т. е. различные виды юридических оснований для иска. Невольно приходит на мысль, что на эту группу обязательств римские юристы смотрели как на какой-то складочный магазин, куда они отлагали постепенно все юридические отношения, которых не могли не признать за гражданские обязательства, но которые, однако, не подходили ни под понятие о договоре, ни под исторически сложившиеся виды гражданских проступков и вин. Ход рассуждений римских юристов об обязательствах этой группы, по-видимому, был следующим: все обязательства непременно возникают, должны возникать из договоров, или проступков – это общее правило. Однако есть и такие, которые проистекают не из контрактов и не из проступков, а разными другими способами. Что с ними делать? Придумать для них особое начало? Это противоречило бы установившемуся понятию об обязательствах, да и подвести их под одно начало невозможно, потому что они, как мы видим, имеют, почти каждое, свое особое основание. Итак, оказалось необходимым прибегнуть к чему-нибудь другому; всего ближе представлялось приурочить эти исключения к господствующей теории и к общему правилу, смотреть на них, как будто они происходили из договоров и проступков; это было тем легче и удобнее, что юридические последствия их по справедливости должны быть те же самые, как если бы они действительно были основаны на договорах или проступках. Так, вероятно, родилось юридическое предположение, что они как бы договоры, как бы проступки – предположение, которое совершенно удовлетворяло и тогдашней теории, и в особенности практическим требованиям, потому что не искажало на деле характера этих обязательств, а между тем юридически открывало возможность признать за ними силу и действие

настоящих контрактов и гражданских проступков. Римские юристы со своей точки зрения, преимущественно практической, были совершенно правы, но нельзя сказать того же о современных юристах. Практический прием римлян они возвели, как мы думаем, весьма неудачно в теоретический принцип и тем затемнили настоящий смысл гражданских обязательств, сделали невозможным построение правильной их теории; а при важной роли, какую играет теоретический взгляд в новых европейских обществах, и в особенности при новейшей обстановке и условиях гражданского быта европейских народов, неправильное толкование римских учений имело и имеет очень вредные практические последствия. Что хотели, что могли хотеть римские юристы, называя известные обязательства как бы контрактами? Придать им юридический характер – не более, и этой цели они вполне достигли. Мы же теперь, забывая эту главную их заботу, подкладываем им свои требования, воображаем, будто они задавали себе общий вопрос о теоретических основаниях этих обязательств, и доискиваемся, что в них, с этой точки зрения, есть общего с контрактами. Внимательное рассмотрение *quasi contractus* и других, очень с ними сходных обязательств, показывает, как ошибочны эти искания. Основаниями обязательств могут быть, как мы видели, не только контракты, не только проступки и вины, не только дозволенные, односторонние изъявления воли, но и судебные постановления, и административные распоряжения (например, назначение опекуна), и, наконец, случайные и неслучайные материальные факты.

Самым наглядным, осязательным доказательством, что далеко не все обязательства, даже по римскому праву, проистекают из индивидуальной воли, служит целый особый отдел обязательств, возникающих вследствие судебного рассмотрения и решения спорных дел. В Юстиниановых Пандектах (кн. 44, тит. 7) [11] говорится об обязательствах и исках вместе, потому что их юридический характер и последствия одни и те же, несмотря на то, что основания весьма различны. Чтобы понять это различие, необходимо припомнить, что

у римлян иск (*actio*) проходил две процедуры. Тому, что мы называем процессом, предшествовало его предварительное юридическое установление и определение; при участии тяжущихся сторон приводилось в известность, кто с кем имеет процесс и о чем именно, на чем иск основан, т. е. есть ли для процесса законное или справедливое основание, и какое должно быть решение в случае, если жалующийся или тот, на кого он жалуется, окажется правым или виноватым. Это необходимое приготовление процесса ставило для него заранее рамки, в которых он должен был двигаться, создавало для него формулу, которую применить к делу, осуществить должен был судья, смотря по тому, что по судебному производству окажется. С этой, собственно, минуты претензии истца обращались в иск в настоящем, техническом смысле слова. Установленный, оформленный процесс или, что то же, иск делается предметом судебного рассмотрения; тяжущиеся приводили свои доказательства и опровержения, судья удостоверялся в их основательности, в степени их убедительности, взвешивал их и постановлял решение. Итак, при обыкновенном порядке судопроизводства первая процедура установляла претензию истца, определяла ее, давала ей точную форму, вторая состояла в рассмотрении обстоятельств дела и решений на основании их, кто прав, кто виноват. Обе процедуры были сначала совершенно различны и даже производились перед различными лицами; право установлять процесс и определять его формулу принадлежало претору [12] или лицу, облеченному публичной властью указывать право, назначать судью; рассматривал же и решал дело судья. Первая процедура оканчивалась установлением формулы для дальнейшего производства дела в определенных ею границах, перед судьей; вторая – решением, произносимым судьей. Каждая из этих процедур заключением или окончанием своим установляла особое обязательство между тяжущимися сторонами. При окончании производства перед претором тяжущиеся обязывались признать спорное между ними дело таким, каким оно окажется по решению судьи; через это пре-

тензии тяжущихся в том виде, в каком они были заявлены перед претором, теряли свою юридическую силу; место их заступали взаимные их претензии в том виде, как они были установлены, определены, формулированы претором. То же самое происходило и после постановления судьей решения: взаимные претензии тяжущихся в том виде, как они формулированы претором, погашались, и место их заступало решение судьи, которое определяло их уже так, как они должны были быть приведены в исполнение, осуществлены на деле. С первого взгляда может показаться, что предположение таких обязательств между тяжущимися, из которых последующее отменяет и заменяет предыдущее, не более как пустые юридические тонкости; но в действительности оно совсем было не так. Представление претензий перед претором предполагает уже, что между тяжущимися, недовольными друг другом, существует какое-то, действительное или мнимое, юридическое отношение. Претор, разобрав эти взаимные притязания, произносил приговор, основательны они или нет, и определял, в чем именно они состоят. Этот приговор придавал явленным перед ним претензиям обязательный юридический характер; после такого приговора тяжущиеся не могли ссылаться на то, что они друг друга взводили перед претором, а должны были вести между собой процесс перед судьей в том виде, в тех условиях, какие указаны претором; след<овательно>, нельзя считать юридическим хитросплетением, когда говорят, что претензии спорящих сторон в том виде, как они выражены ими до приговора претора, погашены, отменены, не имеют никой юридической силы; если бы они могли быть возобновлены перед судьей, то все значение процедуры перед претором потеряло бы свой смысл, как будто бы ее вовсе не было. Точно так же нельзя считать юридическим крючкотворством, что судебным решением отменялось обязательство, установленное между тяжущимися претором, и заменялось другим, выраженным в судебном решении, ибо после судебного решения, когда оно раз вошло окончательно в законную силу, нельзя больше ссылаться на приговор претора, ни на то, что

происходило перед судьей; судебное решение, окончательно вошедшее в силу, юридически взаимные отношения тяжущихся, отношения, отныне обязательные для них, независимо от всего того, что происходило между ними прежде, начиная с заявления их претензий перед претором.

Спрашивается теперь: что же, собственно, такое эти обязательства, установляемые ходом процесса? Можно ли видеть в них результат индивидуальной воли тяжущихся? Без сомнения, нет. Юридическое отношение, которое подало повод к процессу, может быть делом нашей воли, нашего произвола, хотя оно и не есть непременно такое; свойство, характер этого отношения определяют, какого оно рода. Далее: начать или не начать гражданский процесс зависит совершенно от усмотрения истца, и, следовательно, всегда есть дело его свободной воли или произвола. Но уже для ответчика это не так; он должен явиться к суду по вызову, иначе потеряет свое мнимое или действительное право без суда; следовательно, если он не хочет этого, то вынужден подвергаться процессу. И вот оба тяжущиеся перед претором и потом перед судьей. В том и другом случае они, разумеется, участвуют в производстве, предъявляют свои права, свои доказательства, основания, возражения; не от них, не от их воли зависит произнести, в чем же именно должны состоять их взаимные обязательные отношения – это дело претора и потом судьи. Следовательно, обязательства такого рода ни в каком случае не могут считаться произведением воли, произвола тяжущих, а создаются публично судебной властью. Напрасно нам будут возражать, что судебная власть в этом случае только придает обязательную силу спорному праву; это справедливо, но не опровергает того, что мы говорим. Тяжущиеся представляют себе свои права вполне или отчасти не такими, какими они оказываются по судебному приговору, иначе между ними не было бы процесса. Представляя их себе иначе, они, чтобы осуществить их, должны подчиниться приговору суда, который определяет, каковы эти права на самом деле, и определяет непременно несогласно, если не совсем, то хоть с некоторыми

из претензий одного из тяжущихся, а нередко и обоих. В этом виде их взаимные юридические отношения становятся для них обязательными, а эти отношения не те, какими должны бы быть, судя по предъявленным ими требованиям, и определены в этом обязательном для них виде не их волей, не их усмотрением, а судом, судебной властью.

Таким образом, перед нами открывается целый, весьма обширный и разнообразный отдел, целая особая категория обязательных юридических отношений, которые, по римскому праву, считались тоже как бы договорами, как бы контрактами, т. е. имели все юридические последствия договоров, не будучи, однако, на самом деле контрактами, но выражениями публичной деятельности суда.

Припомним в заключение, что приведенные нами выше из римского права примеры обязательств, возникающих независимо от нашей воли из материальных фактов, не случайные, отрывочные, исключительные явления, а повторяются в ежедневной действительности тысячи раз в самых разнообразных видах и могут быть возведены к общим началам, которые применяются в известных случаях постоянно и правильно. Обязательства ведь существуют между людьми и по поводу предметов, имеющих материальную ценность, как-то: по поводу вещей в собственном смысле, услуг, действий и т. п.; лица, однако, могут изменяться или перестают вовсе существовать независимо от их воли; с тем вместе изменяются или делаются невозможными и те услуги, те действия их, которые имеют по преимуществу личный характер, т. е. которых свойство, достоинство, качество неразрывно связаны именно с такою-то личностью (например, услуги известного художника, ученого и т. п.). Далее: внешние предметы возникают, разделяются, соединяются, изменяются и уничтожаются очень часто совершенно независимо от нашей воли либо случайно, либо вследствие внутренних законов их физического быта и развития. Все эти перемены могут иметь и при известных условиях имеют влияние на обязательства, изменяют или вовсе прекращают существующие, установляют новые – силою

самого факта, нисколько не зависящего от чьего-либо произвола или усмотрения. Вот еще целый огромный ряд явлений в сфере обязательств, противоречащий мнению, будто бы они – создание исключительно индивидуальной воли.

После всего сказанного мы считаем себя вправе заключить, не боясь опровержений, что вообще юридические отношения, причисляемые к гражданскому праву, возникают, продолжаются, прекращаются не только вследствие изъявления или выражения воли, но также вследствие закона, правительственных распоряжений и мер, публичных действий судебной власти, вследствие уже существующих других юридических как их необходимое последствие, наконец, вследствие случаев или фактов, в которых воля людей вовсе не участвует. Так по всем законодательствам, так и по римскому праву. Утверждать, что одна воля есть источник гражданского права, можно только перетолковывая основания гражданских отношений, делая натяжки, пускаясь в юридические тонкости, ошибочность которых не выдерживает даже легкой критики. Конечно, исключив все, что производит, изменяет и прекращает гражданские права помимо индивидуальной воли, можно смело доказывать, что она и служит источником и основанием гражданских прав; но по этой методе можно, пожалуй, доказать, что человеческое тело состоит только из одной ноги, потому что если исключить голову, руки, туловище и вдобавок еще одну ногу, то затем уж, конечно, ничего больше, кроме другой ноги, и не остается.

Итак, гражданское право не есть исключительная область индивидуальной воли и свободы. Оно столько же создание необходимостей разного рода – общественной, государственной и природной, физической – сколько нашего личного усмотрения и произвола. Мысль разграничить гражданское право от государственного на основании различия и свободы, точно так же, как сопоставление и противоположения публичного и частного, внушена тщетными и напрасными исканиями среды, где бы наша воля и произвол могли осуществиться безгранично, без всяких стеснений, тщательными, напрасными попыт-

ками отделиться от общественной и государственной сферы и застраховаться от нее. Эти стремления, о которых мы уже говорили выше, ничем не оправдываются, потому что вытекают из совершенно ошибочного взгляда на общественные и государственные элементы, их роли, их призвание, их отношения к действительной, ежедневной жизни, к частным, приватным интересам. Мы не можем довольно настаивать на том, что мысль выгородить частный быт из публичного и общественного коренится в одностороннем взгляде на общественные, государственные элементы с точки зрения частных, приватных интересов и отношений; но с этой точки зрения публичные элементы сами принимают приватный характер, и мы таким образом попадаем в заколдованный круг, который никак не можем переступить; ища государственные элементы, мы, с этой точки зрения, нигде их не находим и не найдем, тогда как они всюду присутствуют, везде и во всем действуют. Только грубая, материальная форма, в которой государственность всюду сначала является, объясняет, не оправдывая, это странное недоразумение. Мы понимаем, как оно могло появиться в Римской империи и обратиться в теорию, которая по тому времени была, пожалуй, и очень естественна; мы тоже понимаем, как такое недоразумение могло продержаться у новых народов европейского материка, пока у них государственность еще боролась со светской властью Церкви и с феодальными учреждениями; наконец, мы понимаем, что и после, когда нужно было еще очищать общественную почву от нагроможденных развалин прошлого, римские учения о публичном и приватном, римское противоположение государственного частному были не только возможны, но относительно даже полезны. Но теперь в континентальной Европе они уже обратились в древность, перешли в область археологии; их держат по привычке, по преданию; а между тем эти предания уже стесняют здоровое, нормальное развитие современной европейской жизни, затемняют понятия и вносят в учение гражданского права большую путаницу, которая грозит наводнить правоведение противоречиями и нелепостями. Что подумать, например,

встречая в сочинении одного из знаменитейших современных знатоков гражданского права попытку взглянуть на личность с точки зрения имущественных прав, объяснить ее – страшно выговорить – правом собственности человека на самого себя! Поневоле скажешь, что кроме поэтических вольностей есть и юридические! Не Геркулесовы ли это столбы, показывающие, что римские понятия совершили в сфере права полный свой круг у континентальных европейских народов и скоро должны обратиться в своей непосредственной форме в воспоминание? Англия, шедшая другим путем юридического развития, никогда не переставала смотреть на римское право как на иностранное, счастливо миновала римское разграничение публичного права от частного, сделавшееся на европейском материке источником бесчисленных юридических ошибок и заблуждений. Вспомнить только объяснение общежития и государства с точки зрения договора, определение личных отношений супругов и их взаимных прав и обязанностей по юридическим началам контракта, громадное развитие административной юрисдикции вследствие того, что множество приватных гражданских отношений отнесены к публичному праву и как публичные изъяты из подсудности обыкновенных судов, – и мы поймем, сколько зла и бед внесло в европейский быт запоздалое и цепкое хранение отживших юридических понятий, относящихся к другому миру, к другим обстоятельствам, выведенных из совершенно иных воззрений. Разграничение индивидуальной свободы и общественной государственной необходимости на две разомкнутые области есть мечта, и притом мечта вредная и для государственного, и для частного быта. Личная свобода обеспечивается, насколько она возможна и необходима в общежитии, вовсе не отмежеванием частных отношений от государственных элементов, а правильным сочетанием тех и других.

IV

Недостаток точного определения гражданского права, неизвестность, какие еще оно имеет отличительные, характе-

ристические признаки, – все это отражается и в его названии, и на его содержании.

Почему называется это часть законодательства и правоведения гражданским правом? Что значит это название? Чтобы понять это, надобно наперед знать, что слово «гражданский» есть буквальный перевод римского *civilis*, что *civilis* происходит от слова *civis*, гражданин; итак, гражданское право, судя по названию, должно бы обнимать все права, все юридические отношения граждан, какие бы они ни были. Так действительно и понимали римляне; но теперь значение гражданского права совсем не то; права и отношения, которые называются гражданскими, составляют только часть, отдел всех прав и юридических отношений граждан; а какую именно и почему ту, а не другую, – это, как мы видели, остается неопределенным.

Явная несообразность переводного названия, которое совсем не то значит, что подлинное, и собственно ничего не выражает, заставила подумать о другом, более точном. Гражданское право стали называть «частным», «приватным» в отличие от государственного или публичного. Но мы видели выше, как сбивчивы и шатки представления о различии публичного и приватного, в каком смысле ни взять эти выражения, поэтому название гражданского права «частное», «приватное» нельзя признать ни более точным и определительным, ни вообще более удачным.

Если от названия мы перейдем к содержанию и станем в них искать ответа на вопрос, что же такое гражданское право, то и эти поиски не приведут нас ни к чему. Теперешнее содержание гражданского права очень разнокалиберно и потому никак не сводится в одно целое. Чтобы в этом убедиться, стоит только внимательно разобрать состав нынешних учебников гражданского права, который во всех один и тот же и различается только расположением частей да подробностями изложения. Состав этот следующий.

I. Общая часть. Это введение в систему гражданского права, в котором излагаются общие основания, правильные

условия гражданских прав и юридических отношений, то, что предполагается в каждом из них и потому должно быть известно заранее. Эти условия или предположения суть: лица, имеющие и состоящие в гражданских и юридических отношениях; предметы этих прав и отношений; общие свойства гражданских прав и гражданских юридических отношений; общие их черты, повторяющиеся во всех, несмотря на чрезвычайное их разнообразие. Такие общие свойства и общие черты заметны в том, как эти права и отношения установляются или возникают, существуют, прекращаются и охраняются или защищаются. Сообразно с этим общая часть говорит, во-первых, о так называемой гражданской правоспособности, т. е. о том, кто и в какой мере может иметь гражданские права, в чем состоят ограничения правоспособности и отчего они зависят, в какой мере может лицо, имеющее гражданские права, само, лично пользоваться ими или же должно быть представляемо другим лицом (напр<имер>, малолетние, сумасшедшие и т. п.); во-вторых, о предметах гражданских прав и юридических отношений, свойствах этих предметов и о том, в какой мере и степени они могут подлежать гражданским правам; в-третьих, общие положения о самих гражданских правах и отношениях, их начале, продолжении (пользовании ими), прекращении, охранении, защищении и восстановлении.

II. Особенная часть, или сама система гражданского права. Здесь рассматриваются разные роды гражданских прав и юридических отношений. Главные подразделения их суть: права вещные или имущественные, права по обязательствам, права семейные и права по наследованию. Различие между учебниками в обработке этой части состоит существенно в разной группировке прав; так, в одних залог и заклад излагаются в виде самостоятельных вещных прав вместе с этими правами; в других они как способы обеспечения обязательств входят в учение об обязательствах; наследственное право иными не признается за самостоятельный разряд гражданских прав и рассматривается только как один из способов приобретения имущественных прав, почему и включается в

учение о последних; некоторые образуют из обязательств, возникающих из судебного производства спорных дел, особую группу или категорию обязательств. Смотря по взгляду, каждый составитель учебника разнообразит обыкновенное содержание гражданского права, располагает его так или иначе. Знаменитый боннский профессор Бёкинг [13] придумал свою особую систему, в пользу которой говорит многое. Общая часть содержит у него то же, что у других, но называется очень правильно «предположения (*Voraussetzungen*) гражданского права»; в этом проглядывает мысль, что первая, или общая, часть не принадлежит, собственно, к составу гражданского права и содержит в себе лишь то, что необходимо знать, чтобы изучить его, без чего оно непонятно и немыслимо. Также основательны и удачны отступления, сделанные Бёкингом от общепринятого расположения предметов в особенной части; все гражданские права и юридические отношения он разделяет на простые и сложные и относит к первым вещные права, права по обязательствам и права семейные, а ко вторым – имущественные права, возникающие из семейных отношений, наследственное право и виды исковых прав, т. е. виды обязательств, возникающих из судебного рассмотрения и решения спорных дел. Мысль отделить простые гражданские права от сложных, которые обусловливаются, кроме общих свойств гражданских прав и отношений, еще особенными свойствами тех, из которых они ближайшим образом возникают, с которыми тесно связаны, которые потому их определяют и дают им особенную печать, кажется нам очень счастливой. Все эти частные различия, относительно довольно важные и во всяком случае интересные, не мешают, однако, чрезвычайному сходству, даже совершенной одинаковости учебников в главном и существенном, а именно в решении вопроса, что должно входить в состав гражданского права, из чего образуется его содержание. В этом отношении учебники совершенно согласны между собой.

На чем основано это полное согласие? Нет сомнения, что внешние причины играют в этом первую и главную роль.

Некоторые части бывшего римского права получили мало-помалу в Западной Европе обязательную силу; эти части и удержали название гражданского права, которое у римлян относилось ко всем вообще правам римских граждан и в этом смысле было гораздо точнее и понятнее. Части или отрывки римского гражданского права, получившие значение действующего закона, стали объяснять, потом излагать систематически; после старались разными соображениями оправдать и теоретически такое, на самом деле случайное, соединение разнородных и разнохарактерных юридических учений в одно целое. Мы называем их соединение случайным именно потому, что бывшее римское право стало в Западной Европе обязательным не в полном своем составе, а частями, которые правильно или неправильно казались применимыми к новому европейскому быту. Эти части, выхваченные из общего состава римского права и соединенные вместе, уже не могли представлять органического целого, как римское право в полном его составе, тем более что практические соображения, а не общие теоретические основания руководили выбором римских юридических учений, которые получили у новых народов силу закона и образовали теперешнее гражданское право.

Вот как последнее сложилось и вот почему учебники не спорят о том, что входит в его состав. Содержание его определено заранее, дано источниками, именно римским правом, точнее сказать, частями, урывками, клочками римского гражданского права, которые доныне имеют в Европе практическое значение и которые объясняются, разрабатываются в учебниках. Зная это, можно уже *a priori* заключить, что содержание теперешнего, случайно так называемого гражданского права не может представлять систематического, стройного целого, проникнутого общим началом или хоть несколькими общими началами. И оно действительно так и есть. Как ни ломаешь себе голову, чтобы открыть теоретическое единство этой амальгамы, этого пестрого набора разнородных учений, – ничего не придумаешь.

Первая, общая часть, говорят, содержит общие учения гражданского права, которые Бёкинг совершенно справедливо называет предположениями, предпосланиями. Каждая наука по своей связи с другими имеет такие предпослания – начала и учения, которые, собственно, относятся к другим наукам, но в общих своих результатах служат основанием, исходной точкой для других наук; так, астрономия предполагает математику, патология – анатомию и физиологию, агрономия – химию, наука о финансах – науку о народном хозяйстве и т. п. В этом смысле мы бы находили совершенно естественным изложить в начале учебников гражданского права в виде необходимых предварительных сведений известные учения и начала публичного права в главных результатах, насколько необходимо, чтобы понять последующие учения собственно гражданского права; мы бы видели в этом очень хороший педагогический прием, чтобы приготовить читателя, сколько необходимо, к науке гражданского права, т. к. без того вовсе не знакомому с этою отраслью права трудно было бы в ней найтись. Но общая часть имеет в учебниках гражданского права совсем не одно это исключительно педагогическое назначение; она играет еще и роль как бы необходимой составной части самого гражданского права; предметы исследуются в ней со всей подробностью, по источникам наравне с предметами особенной части. Что общая часть считается составной частью гражданского права, – это всего лучше доказывается тем, что она нигде больше, кроме учебников гражданского права, и не излагается в такой подробности; стало быть, служит в них не введением, не для сообщения необходимых предварительных сведений, а, напротив, сама предполагается во всех других отраслях правоведения, как уже известная из гражданского права. Это обстоятельство совершенно изменяет вопрос, представляет дело совсем в ином свете. Когда нам говорят, что общую часть нужно сперва узнать, чтобы понять гражданское право, мы с этим совершенно согласны; но когда с предварительными сведениями обращаются как со специфическим предметом гражданского права, то мы не

можем себе представить, на каком теоретическом основании это делается, а видим в этом источник бесчисленных недоразумений, ошибок и заблуждений в области права.

Способность иметь гражданские права находится в тех или других гражданских юридических отношениях самому, или обязательно посредством других, или при обязательном же участии других, ограничения этих видов гражданской способности – все это предположения, условия, при которых гражданские права и отношения возможны, без которых они немыслимы; когда нет лиц, способных иметь права, быть в юридических отношениях, то нет ни прав, ни отношений. Но гражданская правоспособность есть только один вид разных правоспособностей лиц в обществе и государстве, потому что есть еще и правоспособность в качестве члена общины, сословия, государства, Церкви; есть и правоспособность индустриальная – по занятию разными отраслями производства и промышленности; есть даже правоспособность в отношении к преступлениям и проступкам, в том смысле, что вменяемость недозволенных действий и подсудимость их, смотря по лицам, бывает разная, и т. п. Все эти разные виды правоспособности, вместе взятые, составляют особое учение, к которому гражданская правоспособность относится лишь как часть к целому; целое же учение о правоспособностях разного рода относится вовсе не к гражданскому, а к публичному праву как одно из общих, основных условий гражданского и государственного общежития. В этом учении разные виды друг друга поясняют и дополняют, потому что разные правоспособности находятся между собою в связи и очень часто зависят одна от другой; у нас, например, гражданская правоспособность во многих случаях зависит от индустриальной, индустриальная – от сословной и т. д. Выделить, что нужно, из общего учения о правоспособности и поместить с педагогической целью во введении к гражданскому праву можно и до́лжно, но нельзя включать в его состав, иначе гражданская правоспособность легко может представиться, да уже и не раз представлялась в виде какого-то особого гражданского права, личность – в

виде права собственности лица на само себя, а гражданская свобода – в виде вещи, только неизвестно, какой именно, потому что ни к движимым, ни к недвижимым, ни даже к правам, каковы, например, гражданские обязательства и иски, нельзя же ее причислить. С такими нелепостями наука долго нянчилась, не зная, с какой стороны к ним подойти! Если бы правоспособность не как право, а как общее, основное условие, предположение прав, как почва, на которой они вырастают и существуют, то подобные нелепости были бы немыслимы. А как условие, предположение, почва прав и юридических отношений правоспособность есть предмет не гражданского, а публичного права. То же самое до́лжно сказать и о вещах – предметах гражданского права, гражданских юридических отношений. Одной своей стороной они касаются гражданского права, но только одной; всеми прочими они входят в другие, бесчисленные выражения общественной и государственной жизни и, с точки зрения каждого из них, определяются юридически особенным образом, потому что вещи – тоже одно из общих, основных условий общежития и государственности; вещи можно рассматривать в отношении к их производству, потреблению, обращению, в отношении к религии, нравственности, личной и имущественной безопасности, с точки зрения медицинской, финансовой, хозяйственной, политической и т. п.; со всех этих разных сторон они различным образом определяются законом и административными мерами; следовательно, и учение о вещах, подобно учению о лицах и их правоспособности, составляет тоже особое учение, принадлежащее к публичному праву, и только один его отдел, именно вещи как предмет гражданских прав и юридических отношений, следует изложить во введении к гражданскому праву; присваивать же последнему исключительно все учение о вещах по примеру теперешних учебников или воображать, что это учение только и ограничивается тем отрывком из него, который теперь помещается в учебниках гражданского права, – такая же большая ошибка, как считать учение о лицах и правоспособности составной частью этого права.

Последний отдел общей части излагает, как мы сказали, учения о правах и юридических отношениях вообще. Если учения о лицах и вещах не принадлежат к составу гражданского права, то общие учения о правах и юридических отношениях – и подавно. О чем говорится в них? Во-первых, о праве в его внешнем (объективном) определении, т. е. о праве в смысле обязательного правила, именно: о силе и действии, происхождении, изменениях, отмене и применениях; во-вторых, о праве в смысле принадлежности лиц (в субъективном смысле), именно понятие о нем в этом значении и виде, установление его и прекращение; в-третьих, о пользовании правами и защите их: о способах сохранения и обеспечения прав, о пользовании ими, о соединении различных прав на один и тот же предмет в одном лице и о столкновении одного и того же права на один предмет, когда оно принадлежит разным лицам; о способах защиты: самоуправстве, судебном рассмотрении и решении и о чрезвычайных способах защиты: удержании вещи и вводе во владение по распоряжению суда и о приведении дела или права в первобытный вид. Все эти предметы излагаются в учебниках, конечно, только в применении к гражданскому праву, но ведь каждый из них столько же относится сам по себе и ко всем другим отраслям права; разве каждое право и юридическое отношение, какое бы оно ни было, точно так же не определяется обязательными правилами и не есть в то же время чья-нибудь принадлежность? Разве оно в последнем значении не имеет во всяком случае своего начала и своего конца, своих известных способов осуществления, сохранения, обеспечения и защиты? Стало быть, учение о праве или о юридических отношениях вообще как учение о лицах и вещах должно быть общее и в этом виде принадлежит к публичному праву; только главу, излагающую их в применении к гражданскому праву, полезно поместить во введении к гражданскому праву вместе с другими предварительными и приготовительными сведениями.

Таким образом, вся первая, общая, часть учебников гражданского права, собственно не принадлежит к нему. Предме-

ты, которые в ней излагаются, на самом деле шире, значительнее, чем являются в учебниках; они специализированы только вследствие того, что считается, по недоразумению и ошибке, исключительным предметом гражданского права; если же вместе с Бёкингом видеть в предметах общей части только введение к системе гражданского права, необходимое к ней предпослание, то в этом смысле общая часть неполна, недостаточна; гражданское право предполагает многое, о чем в ней не говорится ни слова, а между тем было бы совершенно необходимо сказать, ибо без этого многое остается непонятным и необъяснимым. На чем, например, основано право прохожего и проезжего требовать от частного владельца, чтобы он пропустил его через свой участок, когда большая дорога, лежащая подле, обрушилась или вообще стала непроходима? Этого общая часть не объясняет, даже не дает никаких средств, никаких намеков на объяснение. На чем основано право требовать от постоянного, кто бы он ни был, с которым не имеем никаких отношений, чтобы он показал свою или вообще имеющуюся у него вещь? Нам скажут: на судебном определении? Но это не решает вопроса. Суд, постановляя об этом определение, поступает же на каком-нибудь справедливом основании, а его-то из общей части совсем не видно. Спросим далее, почему вещные права обязательны для всех и каждого, вследствие чего я не имею права требовать свою вещь обратно даже от того, кто самым добросовестным и законным образом приобрел ее от постороннего лица, а не от меня, и со мной вообще не имел никаких отношений? Дает ли общая часть ключ к решению этого вопроса? Тоже нет. Причина недостаточности, неполноты общей части в учебниках гражданского права именно в том и заключается, что главное и существенное ее назначение – представить общее предположение, основания или начала, которыми гражданское право обусловливается, – не понято. Все гражданские права и отношения без изъятия вырастают на почве общественности; вне общества и государства они невозможны и даже немыслимы; но организованные общежития установляют между

людьми известные общие взаимные права и обязанности, которые предполагаются во всех частных, особенных правах и юридических отношениях и в этом смысле им предшествуют; без них многие из последних совершенно непонятны, как доказывают приведенные примеры. Эти общие права и обязанности, существующие в силу устроенного общежития и принадлежания тоже к публичному праву, не были бы опущены из вида в учебниках гражданского права, если бы последнее не считалось, как мы видели, исключительной областью индивидуальной деятельности, если бы не предполагалось, будто эта область составляет сама по себе какое-то замкнутое и самодовольное целое. Никак не хотят видеть, что частные, гражданские отношения не более как узоры на общем фоне общественности, то же, что краски в картине, что волны в море. Отсюда и общая часть, неправильно перенесенная из публичного права в гражданское, совсем имеет не тот вид, какой бы должна была иметь; она теперь только неполный и искаженный отрывок из учений публичного права, которое без этой необходимой составной своей части, в свою очередь, выходит тоже неполным и недостаточным.

Перейдем теперь ко второй, особой части, содержащей, как сказано, разные роды и виды гражданских прав и отношений. Здесь тотчас же невольно останавливают на себе внимание семейные права: брак, родительская власть, союз родственный, опека и попечительство. Что общего имеют все эти права и отношения с правами имущественными, с правами по обязательствам, с юридическими отношениями, возникающими при переходе прав по началам наследования? Решительно ничего, ни по характеру, ни по свойствам. Семейные права и отношения, без сомнения, имеют влияние на правоспособность, могут быть источником, основанием особого рода имущественных прав и обязательств; но разве это уполномочивает включать их самих в гражданское право, называть их самих гражданскими правами, гражданскими юридическими отношениями? Имущественные права имеют предметом физические вещи и ценности, обязательства имеют предметом

услуги всякого рода тоже, когда они представляют материальные, вещественные ценности. Какие же вещи и вещественные ценности составляют предмет брака и родительской власти? Мало того: что же собственно юридического в сущности брачного союза и союза родителей и детей? Решительно ничего. Они не поддаются ни под какие юридические определения и потому лежат вне области права; они только снаружи обставляются юридически; их начало и прекращение подводится законом под юридические нормы; затем в тех случаях, когда внутренняя, нравственная связь, которая составляет их сущность, пренебрежена, когда являются семейные несогласия и раздоры, идущие так далеко, что члены семьи посягают на честь, личную и имущественную неприкосновенность друг друга, – тогда, но только тогда законодательство вмешивается в семейные отношения, на деле уже переставшие быть семейными, и, сообразуясь с сущностью семейных связей, насколько ее можно уловить во внешних формах и признаках, определяет юридически взаимные права и обязанности членов семейства. Эти определения – лишь очень далекий, слабый отголосок семейных отношений, едва-едва их напоминающий, потому что все юридическое, по существу своему, более разделяет, чем соединяет, или же соединяет внешним образом то, что само по себе отдельно и разрозненно; как же может оно дать и приблизительное понятие о связях, основанных прежде и больше всего на взаимной любви и преданности, следовательно, именно на единении? Оттого-то юридические определения семейных отношений вступают в силу лишь в тех случаях, где последних на деле уже нет; а где они действительно существуют, там юридические их определения не имеют приложения, потому что семейные союзы и юридические отношения взаимно исключают друг друга.

Итак, ни по предмету, ни по характеру семья и семейные союзы не имеют ничего общего с прочими юридическими отношениями, и если отчасти понятны исторические причины, почему у римлян они входили в состав гражданского права в тогдашнем смысле этого названия, то нельзя поистине не

удивляться, каким образом они до сих пор причисляются к гражданским правам и отношениям, хотя бы даже в том несвойственном семье, недостаточном, ненормальном, искаженном виде, в каком она является в юридических определениях?

Не распространяясь о союзе родственном, который тоже входит лишь одной своей стороной в гражданское право, именно как источник, основание, условие гражданских прав и отношений, перейдем к опеке и попечительству. Их характер – опять совсем особый и имеет мало общего с семейными правами, с одной стороны, с правами и отношениями имущественными и по обязательствам – с другой. И опека, и попечительство дополняют только в различной мере и степени неспособность людей лично и самостоятельно пользоваться своими правами, распоряжаться своими делами и имуществом по своему усмотрению. Опека отчасти заменяет родительскую власть только для круглых сирот; по нашему законодательству она, впрочем, и для круглых сирот назначается только, когда у них есть какое-нибудь имущество; во всех других случаях она не имеет с нею ничего общего, поэтому-то родители могут быть вместе и опекунами своих детей. При таком значении опеки и попечительства никак нельзя понять, почему они до сих пор продолжают включаться в гражданское право и именно в разряд семейных прав. Не странно ли видеть, что опека над умалишенными и слабоумными, даже опека над мотами и расточителями стоят в учебниках в одной рубрике с опекой и попечительством над малолетними и несовершеннолетними и в одном разряде с браком и родительской властью? Как не назвать такой состав гражданского права разнокалиберным! Что же общего между отношениями по имуществам и по обстоятельствам с отношениями по дополнению неспособности лица самостоятельно управлять собой и своими делами? Опека и попечительство, как и семья, могут установлять юридические отношения; но здесь речь идет не об этом их последствии, а о них самих и их существе, независимо от необходимого и возможного их действия и влияния.

Вот соображения, по которым весь разряд семейных прав в полном его составе не должен бы относиться к гражданскому праву и принадлежать к другим отделам законодательства и правоведения. Опека и попечительство по цели, для которой учреждаются, входят в учение о правоспособности, которая, как известно, бывает юридическая и так называемая физическая. Первая состоит в юридической способности иметь права, находиться в юридических отношениях; так, достигший восемнадцатилетнего возраста имеет право вступать в брак; кому исполнилось семьдесят лет, тот теряет это право, и т. п.; фактическая правоспособность предполагает, что имеющий право (юридически правоспособный) настолько зрелый умом и волей, что может сам по своему личному усмотрению пользоваться своими правами, не нуждаясь в чужой помощи; этой способности не имеют дети, умалишенные, слабоумные; имеют, но не в полной мере лишенные некоторых важнейших чувств, например глухонемые, глухослепые, легко подвергающиеся обманам. Над всеми этими лицами учреждается опека или попечительство; это установление совсем не частное, не приватное, а публичное, и как состоящее в теснейшей связи с правоспособностью относится к ней и должно излагаться вместе с ней.

Другое представляет брак и союз родителей. В той недостаточной и несвойственной им, по их сущности, форме, в какой они являются в законодательстве, именно в виде внешних юридических отношений, они ставят человека в известное общественное положение, имеющее, с юридической точки зрения, много общего с положением, которое рождается вследствие принадлежности общине, званию, сословию, государству, к известному исповеданию; общественное положение и есть именно то, что римляне называли *status* и к видам которого очень справедливо причисляли тоже и фамильное, и семейное положение (*status familiae*); оно, как и все другие общественные положения, которые мы исчислили, может быть источником и основанием различных гражданских прав и юридических отношений, установлять их,

видоизменять, прекращать, не будучи само ни гражданским правом, ни гражданским юридическим отношением, а лишь известным общественным состоянием. Около него группируются сообразно с его особенностями и основные гражданские права и отношения, им изданные, носящие на себе его печать и которых бы не было в этой форме, если бы оно не существовало; поэтому Бёкинг совершенно прав, отделяя в особые группы сложные гражданские права, т. е. такие, в которых общие свойства прав и отношений получают особый оттенок от основания, под влиянием которого они сложились. Такие группы сложных гражданских прав и отношений образуются около всех важнейших начал общественного и государственного быта, в том числе и около семьи, которая занимает между ними одно из первых мест. Как известное общественное положение или состояние, союз брачный, союз родителей и детей и союз родственный должны быть перенесены в том виде, как они определяются юридически в учении о состояниях, разумея под «состояниями» не одни общественные разряды, классы или сословия, как понимает их Свод Законов, а всякое общественное положение в государстве, какое бы ни было, если оно только юридически определено и имеет, тоже юридически, влияние на правоспособность, с которой состояния в этом более общем смысле имеют самую близкую, тесную и необходимую связь.

Итак, вот сколько разнородных предметов входят теперь, по ошибке или по недоразумениям, в состав гражданского права и считаются его существенным содержанием, тогда как на самом деле они принадлежат к публичному праву. Мудрено ли, что различие между последним и гражданским правом так неопределенно и сбивчиво? Мудрено ли, что по теперешнему составу гражданского права никак нельзя вывести точного его определения, ни означить его предметы, объем и пределы? Практические потребности решили, случайным образом, что до́лжно к нему принадлежать; предание скрепило, а ученая рутина силится оправдать этот состав разными соображениями.

V

Запутанность, происходящая от включения многих предметов гражданского права в публичное, и наоборот, многих учений публичного права в состав гражданского объясняется тем, что упорно и слепо до сих пор держимся римской теории, не обращая внимания на то, что между бытом времен Римской империи и сложившимися под его влияниями понятиями и воззрениями и между условиями, при которых мы живем, – огромная, неизмеримая разница. Один опыт и наука сами по себе дают уже более точные и ясные понятия и представления о вещах, и потому было бы вовсе не удивительно, если бы мы, даже продолжая жить точно так же, как римляне, через с лишком полторы тысячи лет додумались, наконец, до чего-нибудь получше римского различения публичного от частного; но тут к естественным успехам опыта и знания присоединилось еще глубокое, коренное различие в самых основаниях римского и нашего быта. Когда римская юриспруденция процветала, римский общественный дух давно угас, древнее общество представляло собрание единиц, индивидуальностей, разрозненных, распавшихся до того, что никакие учреждения не могли более воскресить между ними общественной жизни; эти атомы, погруженные в себя, не имевшие между собой никакой живой связи, находившиеся только по необходимости в наружных соприкосновениях между собой, связывались между собой, связывались внешним, механическим образом в одно целое государственной властью. Такой быт, в котором индивидуальность была единственным началом, единственной точкой отправления, произвел римских стоиков и римских эпикурейцев, он же произвел и римское право; эти явления имеют внутреннее сродство, потому что выросли на одной и той же нравственной и общественной почве. В римском праве все права, юридические отношения и начала освещены с точки зрения личности, индивидуальности; публичными признаются только внешняя общественная и государственная связь, ее принадлежности, ее способы дей-

ствия; все же остальное есть частное, приватное; и так одно от другого отличено по одним лишь внешним признакам.

Быт и воззрения новых народов совершенно противоположны этим. В теперешней Европе жизнь слагается из бесчисленного множества общественных союзов, местных, по званиям и сословиям, по исповеданиям, по занятиям, производству и промыслам, по ученым и общественным целям. Эти союзы, или существуя друг подле друга, или постепенно возвышаясь один над другими целыми рядами кругов, и концентрических, и пересекающихся во всех возможных направлениях, и поднимаясь таким образом до высшей государственной политической среды, связывают частную, индивидуальную жизнь с государственной, не дают личности замкнуться исключительно в себе, зачерстветь в своей обособленности, поддерживают в ней общественный дух и служат посредниками между индивидуальным бытом и высшими интересами публичной и государственной жизни. Общественный дух, которым проникнуты новые европейские общества, не создан политическими учреждениями, а в них лишь выразился; он дан этими бесчисленными кружками и союзами, которые овладевают человеком чуть-чуть не со дня рождения и уж непременно со школьной скамьи, воспитывают его и поддерживают в общественной жизни и деятельности до самой гробовой доски. Ясно, что при таких условиях должны были сложиться совсем другие понятия о публичном и частном. То и другое у новых народов так близко друг к другу, так взаимно проникает друг в друга, что о различении и разграничении их по внешним признакам, как делали римляне времен империи, не может быть и речи. Оттого мы грешим в совершенно противоположном смысле с римлянами; мы, может быть, слишком все обобщаем, через меру придаем частному общественный и публичный характер, невоздержанно возводим каждое индивидуальное, единичное, частное явление тотчас же в общий принцип, в общее начало. По свойствам нашего быта и наших воззрений мы склонны до того улетучивать все частное, особенное

в публичное и общее, что, может быть, переступаем черту должного, перепадаем излишество и крайность, отказываем индивидуальному, частному, единичному даже в той доле самостоятельности, самобытности, которая принадлежит ему по праву и которую римляне времен империи, наоборот, преувеличивали и раздували до крайности, до излишества. Не в этой ли наклонности новых народов чрезмерно обобщать индивидуальное и частное скрывается причина, почему у них уголовное и публичное право развилось так блистательно, а гражданское осталось при римских образцах? Не этим ли объясняется странное явление, что новые европейские народы, сознавая неудовлетворительность римского права для современного быта, частного и общественного, до сих пор, однако, не могут с ним расстаться? Не потому ли столько времени и так упорно держится предрассудок, ничем не оправдываемый, будто бы гражданское право есть область индивидуальной воли и свободы? Римский взгляд на все юридические явления, даже и на очевидно публичные, общественные, с точки зрения личности, индивидуальности, действительно представляет, в сравнении с точкой зрения новых европейских народов на те же явления, хотя и в преувеличенных размерах, начало, которым современные народы, может быть, более пренебрегают, чем следовало бы.

Не развивая далее этих мыслей, заметим, что существование двух, так резко друг другу противоречащих воззрений на юридические явления доказывает необходимость снова критически исследовать вопрос о различии публичного и приватного. Римляне на все смотрели с частной, партикулярной, а новые народы европейского материка – с публичной точки зрения. Удивительно, однако, что как римские юристы по одним наружным признакам отнесли некоторые юридические явления к числу публичных, так же точно и современные правоведы по одним наружным признакам, именно по преданиям римского права, считают известное юридические явления частными, приватными. В этой непоследовательности того и другого взгляда, в недостатке критического про-

ведения или другой теории до конца и скрывается, как мы думаем, причина путаницы. Сопоставление и противоположение публичного и частного потому только считалось, и до сих пор считается, возможным, что ни то ни другое не было возведено, как следует, до их общих теоретических оснований; и римские юристы смешивают теоретическую точку зрения с положительной и практической и именно поэтому останавливаются в своих исследованиях на полдороге перед внешними данными. Вследствие этого в их взглядах, их теориях нет одного существенного достоинства – именно строгой последовательности; и вот причина, почему они запутались и сбились в окончательных своих результатах.

Мы думаем и твердо уверены, что сопоставление и противоположение публичного и приватного, государственного и частного не может и не должно служить основанием для разграничения прав и юридических отношений публичных и гражданских, потому что нет такого юридического явления, которое бы не имело в одно и то же время и публичного, и приватного характера; тот и другой зависят лишь от точки зрения на один и тот же предмет, а при классификации по точкам зрения, когда они одинаково применяются ко всем предметам, непременно должно произойти то же, что случилось по поводу известной статуи, о которую двое ломали копья: один – чтобы доказать, что она золотая, а другой – что она серебряная, но каждый из противников видел ее только с одной стороны. Распределить предметы по классам на основании признаков, всем им общих, очевидно, никак нельзя; если все юридические явления в одно и то же время, с одной точки зрения, имеют публичный и государственный характер, а с другой – приватный и частный, то было бы противно здравому смыслу разделить все эти явления на две категории и сказать, что одни – эти вот – принадлежат к государственному публичному праву, а другие – вот эти – к частному, приватному; и те и другие, т. е. все будут принадлежать к обеим категориям, а на самом деле – ни к одной из них, потому что таких категорий существовать не может.

Таким образом, с мыслью найти в гражданском праве одни частные, приватные юридические отношения и права мы должны совсем расстаться.

Но нельзя ли найти какой-нибудь другой признак, которым бы гражданские права и юридические отношения отличались от публичных? Не следует ли, например, искать его в способах их установления? Мы подробно рассмотрели попытку такого рода и нашли, что она тоже не приводит к желаемому результату. Стало быть, и с мыслью разграничить публичное право от гражданского по способам установления прав и юридических отношений надо тоже расстаться.

Говоря о гражданском праве, мы, однако, представляем себе то, которое под этим названием теперь разумеется, и предполагаем, что оно образует нечто однородное, целое, полное, округленное в себе. Но так ли это? Всматриваясь внимательно в его содержание, мы находим, что и это ошибка: в нем много лишнего и многого недостает.

После <в>сего этого очевидно, что теперешнее гражданское право с его непонятным названием есть ветхое здание, построенное из разнопестрого материала, по ошибочному плану, при начертании которого недоразумения и случайности играли немаловажную роль. Эту старую храмину следует разобрать сверху донизу, хорошенько перебрать материал и воздвигнуть вновь на правильных теоретических основаниях. Коренная ее перестройка есть единственный способ освободить юридическую теорию и практику от бесчисленных путаниц, напрасных и ненужных хитросплетений и бесконечных споров, завещанных от старины неестественной, уродливой системой, которая удержалась в главных чертах до сих пор, только с частными наружными подновлениями и прикрасами, рассчитанными на то, чтобы придать ей современный вид и скрыть ее глубокие трещины.

Чтобы построить гражданское право на новых основаниях, необходимо прежде всего определить, какие права и юридические отношения должны составить его содержание в новом виде. Для разрешения этого вопроса мы имеем в пред-

шествующих исследованиях два указания, которыми и можем теперь воспользоваться. Во-первых, мы видели, что весь разряд семейных отношений должен быть выключен из гражданского права, потому что не имеет ничего общего ни с вещными правами, ни с правами по обязательствам, ни с юридическими отношениями, возникающими при наследовании. Семейное право следует перенести в публичное право. Во-вторых, мы старались в своем месте показать, что государственные, публичные элементы, по своему существу, по своей природе, суть начала, принципы, идеи, которые в действительности внешним образом представляются публичными учреждениями и долж<ност>ными лицами. Существование и публичная деятельность тех и других ставят их в беспрерывные соприкосновения с частными лицами и имуществами. При всех таких соприкосновениях учреждения и должности, представляющие государство, и результаты их деятельности получают приватный характер. Это совсем не значит, что государственные учреждения, государственные публичные должности, государственная публичная деятельность могут когда-нибудь сами по себе сделаться частными, приватными, но этим выражается, что соприкосновение их – не вообще с публикой, с народом, со всеми, – а с отдельными частными лицами устанавливают, изменяют или упраздняют права и юридические отношения, по своему характеру частные, приватные, несмотря на то, что основания, побуждения и цели при установлении, изменении и отмене их не приватные, а публичные.

В положительных законодательствах новых европейских народов (кроме Англии) заметна в этом отношении некоторая непоследовательность. Одни права и юридические отношения, возникающие вследствие соприкосновения государства с частными лицами, причисляются к гражданскому праву, другие – к публичному или государственному – по разным произвольным и случайным соображениям, а главным образом, на основании римского права. Мы думаем, что такого различия делать не следует, потому что все права и юридические отношения этого рода имеют частный характер

и, следовательно, должны принадлежать гражданскому праву. Таким образом, к нему до́лжно присоединить, сверх отношений государства с частными лицами по имущественным правам, сверх заключенных между государством и частными лицами контрактов и договоров, сверх обязательств, взаимно между ними возникающих из нанесения ущерба и убытков, еще и юридические отношения, возникающие по высказыванию (но отнюдь не по установлению в виде общей меры) податей и денежных повинностей, по отправлению (тоже никак не по установлению в виде общей меры) вещественных и личных натуральных повинностей; взаимные имущественные и денежные претензии правительства или частных лиц, с одной стороны, чиновников – с другой, возникающие по поводу отправления последними служебных обязанностей; всякого рода денежные и имущественные сделки и расчеты между правительственными учреждениями и должностными лицами, с одной стороны, частными лицами – с другой, по делам и надобностям службы; взыскание (а не установление в виде общей меры) пошлин, акцизов, штрафов, пеней и вообще всякого рода сборов, какие бы они ни были.

Из сказанного следует, что даже с общепринятой теперь точки зрения на гражданское право нынешний состав его не выдерживает критики и оказывается, с одной стороны, слишком обширным, а с другой – неполным. Изменив его по этим указаниям, мы получим целый, очень обширный ряд или класс прав и юридических отношений, однородных, имеющих общие всем им характеристические признаки и потому подходящих под одно общее определение. Итак, одно изменение содержания или состава уже дает твердое основание, точку опоры и руководную нить для коренной перестройки теперешней системы гражданского права; нам остается только строго их держаться, чтобы, не отклоняясь от прямого пути, достигнуть правильного результата.

Рассмотрим сперва внимательно права и юридические отношения, которые вошли в новый состав гражданского права. Какая у них общая черта, общий характеристический

признак? Он состоит в следующем: все без изъятия права и юридические отношения, принадлежащие к этому новому составу, имеют предметом материальные, вещественные ценности, в каком бы то виде ни было – в виде ли физических вещей или в виде прав или услуг.

Это первый вывод. Им определяется точным образом содержание гражданского права в новом его виде. Затем: будут ли принадлежащие к нему права и юридические отношения иметь более публичный или более частный характер, будут ли они результатом частной или правительственной деятельности, установлены ли они частною волею, по взаимному соглашению, или законом, административной мерой, судебным решением, или внешним материальным фактом – это совершенно все равно; право или юридическое отношение принадлежит или не принадлежит гражданскому праву в новом его виде, смотря по тому, имеет ли оно предметом физическую вещь, услугу, вообще что бы то ни было, представляющее материальную ценность, или не имеет; из этого общего правила нет исключений. Этим устраняются все нескончаемые и чрезвычайно запутанные споры о том, какие права и юридические отношения следует причислять к публичному и какие – к частному праву по характеру, значению, по способам установления, изменения, прекращения. Вещественная ценность служит самым верным, безошибочным и наглядным показателем гражданских прав и юридических отношений, причем одни из них могут иметь более или менее публичный, другие – более или менее частный характер, одни могут возникать так, другие – иначе.

Второй вывод касается свойства гражданских прав, гражданских юридических отношений в их новом значении, которое мы сейчас определили. Когда мы говорим, что предмет права есть вещь, услуга, материальная ценность, то уже этим самым выражается, что такие права – не общие начала, не общие юридические идеи, а индивидуальные, единичные, особенные, частные юридические явления, во-первых, потому, что таковы по своей природе вещи, услуги, ценности, а во-вторых,

потому, что только известные, определенные, действительные или так называемые юридические лица поодиночке или в совокупности могут иметь права на ценности. То же самое и по тем же причинам дóлжно сказать и о юридических отношениях, предмет которых – материальные ценности; эти отношения по необходимости – тоже индивидуальные, частные, единичные юридические явления, потому что вещественная ценность непременно предполагает отношения между известными лицами, а не вообще между лицами.

Итак, характеристическое свойство гражданских прав, гражданских юридических отношений заключается в том, что они – такие-то, определенные, известные, а потому единичные, особенные юридические явления, а не общие юридические начала, принципы, идеи. Это свойство, как мы сказали, существенно и исключительно обусловливается тем, что предмет их – материальные, следовательно, известные, определенные, тоже единичные и особенные ценности.

Чтобы пояснить нашу мысль, поверим ее на любом примере из гражданского права. Возьмем хоть такой случай: кто-нибудь присваивает себе неправильно чужую собственность; суд защищает хозяина и принуждает нарушителя отдать ее назад. Рассмотрим этот случай и постараемся определить элементы, из которых он слагается. Во-первых, мы видим из него, что существует известное лицо, владеющее известной вещью на правах собственности; это право – тоже известное, а не вообще право собственности, потому что принадлежит этому известному лицу на эту известную вещь. Во-вторых, мы видим, что есть другое, тоже известное лицо, которое неправильно нарушает эту известную собственность. В-третьих, мы видим, что суд заставляет этого нарушителя возвратить эту, такую-то собственность такому-то, известному ее хозяину. Вот перед нами целый ряд частных явлений: такая-то собственность на такую-то вещь такого-то хозяина; такое-то ее нарушение таким-то лицом; принуждение судом этого лица возвратить эту вещь такому-то хозяину. Все эти явления, взятые отдельно и в совокупности, непонятны; спрашивается:

почему владение вещью есть собственность и право, почему присвоение чужой вещи есть нарушение права собственности, почему нарушитель должен возвратить вещь ее хозяину, почему за нарушением следует вмешательство суда и почему суд имеет власть принудить нарушителя возвратить вещь хозяину? На все эти вопросы в самом приведенном случае нет ответа; мы находим ответ лишь в том общем начале публичного права, что в организованном общежитии обладание каждого лица какою-либо вещью, когда такое обладание не нарушает обладания тою же вещью другого лица или других лиц, составляет право, которое должно быть признаваемо и уважаемо всеми и каждым, другими словами, не должно быть никем нарушаемо; это общее начало обязательно для всех без исключений, под страхом принуждения к его исполнению судом; оно и есть источник, причина, основание, которые предполагаются в приведенном случае и объясняют все отдельные явления, на которые мы его разложили, и их взаимную связь. Таких же точно случаев может быть множество, и все они будут объясняться тем же общим началом, которое и для всех них будет служить источником, причиной, основанием, будет во всех них предполагаться, как и в этом. Однако, действуя во всех таких случаях, оно само по себе не есть ни гражданское право, ни гражданское юридическое отношение; гражданским правом будет именно каждый отдельный случай обладания известного лица известной вещью; гражданским юридическим отношением будет каждый отдельный случай соприкосновения такого-то хозяина известной вещи с таким-то другим лицом по этой вещи или по поводу ее; отдельных случаев такого обладания и таких соприкосновений может быть очень много, и все они будут гражданскими правами и гражданскими юридическими отношениями, когда то общее начало, о котором мы говорили, является в них как основание, причина, когда оно в них предполагается. Отдельные случаи соприкосновения хозяина с другими лицами о своей вещи или по поводу ее могут состоять в добровольных соглашениях и сделках с ними, и это будет выражать, что эти

лица признают его право на эту вещь; или случаи соприкосновения могут состоять в присвоении посторонним лицом или посторонними лицами этой вещи, несмотря на то, что хозяин имеет на нее право собственности – это будет нарушение его права с их стороны, против которых суд каждый раз будет его защищать; и случаи признания права собственности хозяина, и случаи нарушения его, как ни различны между собою, однако равно предполагают общее начало публичного права, приведенное выше, потому что без него обладание хозяина вещью не было бы правом, присвоение его вещи другим лицом не было бы нарушением. Что же мы видим? Общее начало права собственности в общей своей форме существует только в законе да в нашем сознании; в действительности же в этом виде никогда ни в чем не осуществляется, а выражается только в отдельных случаях права собственности таких-то лиц на такие-то вещи в отдельных случаях юридических отношений таких-то их хозяев об их известных вещах или по поводу этих вещей с такими-то посторонними лицами. Мало того: в общей своей форме указанное общее начало определяет и права, и отношения по этому праву между лицами, потому что каждое право есть непременно и отношение; а в действительности право собственности может существовать без юридических отношений, потому что иной хозяин по своей вещи очень легко может не иметь никаких соприкосновений с другими лицами; живут же в обществе люди, не зная сь совсем, даже не подозревая существование друг друга, а между тем, общее начало публичного права, служащее основанием права собственности, для всех них обязательно и по закону, и по сознанию. Итак, то, что в публичном праве есть общее правило, начало, принцип, то в гражданском праве есть особое, единичное явление, частный случай, действительное применение общего правила. В этом-то и заключается коренное, существенное свойство гражданских прав и юридических отношений, что они – частные случаи, явления, а не начала, которые по своей природе общие и именно поэтому имеют публичный характер и принадлежат к публичному

праву. В этом смысле гражданское право и гражданское юридическое отношение не взять, оно никогда не имеет своего общего основания или предположения в себе самом, а непременно в каком-нибудь общем начале публичного права. Юристы-теоретики, к сожалению, не всегда это помнят и потому нередко впадают в важные ошибки. Примером может служить то же право собственности; вместо того, чтобы искать объяснения его в общих основаниях общежития и организованной общественности, юристы остановились на связи между человеком и вещью и увидели в обладании последнею зародыш прав и юридических отношений, которые будто бы поэтому и обязательны для всех людей. Но отношения человека к внешней природе сами по себе, очевидно, не заключают в себе и не могут заключать ничего юридического; юридический характер придают им только взаимные отношения людей в устроенном общежитии, вне которого нет и не может быть ничего юридического.

Таким образом, повторяем, надобно строго отличать общие начала, основания, предположения гражданских прав и гражданских юридических отношений от самых этих прав и отношений в действительности; в последней они всегда являются в виде известных случаев, следовательно, непременно единично, индивидуально, обособленно, между известными лицами, а не всеми и каждым, в известной, практически определенной и данной форме. Надо полагать, что смутное предчувствие этой характеристической черты и заставило юристов считать гражданские права и юридические отношения частными, приватными, подало мысль, что те и другие по существу своему касаются индивидуальностей, личностей. Если бы речь шла только о терминах и выражениях, то, конечно, не стоило бы о них много спорить, но в том-то и дело, что в этом случае ошибочное выражение было последствием неясного представления о самой сущности предмета, отчего наука и наводнилась бесчисленными ошибками и ложными выводами. Из того, что частное, приватное различно от публичного, индивидуальное, личное – от общего, заключили,

что между самыми гражданскими правами и гражданскими юридическими отношениями можно различать публичные от частных, личные – от общих. Отсюда целый ряд запутанностей и недоразумений всякого рода, для устранения которых и необходимо глубже вникнуть, почему же гражданские права и отношения имеют частный и личный характер и в каком именно смысле их можно назвать приватными, – признать, что личность играет в них главную роль. Не доследя этого свойства до его коренного основания, мы осуждены вечно путаться, вечно смешивать публичное право с гражданским, вдаваться в неестественные построения и принимать исторические предания за теоретические принципы науки.

Все сказанное выше о гражданском праве, каким оно должно быть в новом своем виде, может быть выражено в следующих немногих словах: к гражданскому праву принадлежат все права и юридические отношения, которые имеют предметом физические вещи, услуги и вообще всякие материальные, вещественные ценности. Имеют ли эти права и отношения преимущественно публичное или преимущественно частное значение, установляются ли они волею частных лиц или законом, административными мерами, судебными решениями или материальными фактами, не составляет существенной разницы; но по свойству предметов, с которыми гражданские права и юридические отношения имеют дело, эти права и отношения имеют личный, индивидуальный, единичный характер и этим отличаются от публичных прав и отношений, которые, по существу своему суть общие, ибо имеют дело с общими юридическими началами, основаниями, идеями.

Следует ли удержать за гражданским правом в новом его виде теперешнее, ничего не значащее, ничего не выражающее название или надо придумать новое и какую систему принять для классификации бесчисленных и чрезвычайно разнообразных гражданских прав и отношений – это вопросы здесь для нас второстепенные и не особенно важные. Можно назвать гражданское право «правом на вещественные ценности», или «правами на вещи, услуги и материальные ценности», но едва

ли когда-нибудь эти названия получат право гражданства в правоведении и особливо в положительных законодательствах, потому что слишком искусственны или длинны; итак, может быть, всего проще будет остаться при теперешнем общем названии – «гражданское право», к которому уже привыкли, разумеется, соединяя с ним не теперешнее, а другое значение; еще лучше было бы, кажется, совсем отбросить общее название и удержать только принятые теперь названия двух главнейших подразделений гражданских прав и отношений на имущественные или вещные и по обязательствам; мы бы предпочли эти частные названия общему потому уже, что и в новом своем виде гражданское право должно, во всяком случае, сохранить это подразделение, основанное на самом существе дела и потому правильное. Дальнейшие подразделения прав вещных и по обязательствам на простые и сложные и последних – на группы будет уже зависеть от особенностей положительных законодательств и не может быть предусмотрено общими теоретическими соображениями.

Вот в каком виде представляется нам гражданское право по своей сущности, очищенное от исторических наростов, высвобожденное из-под толстого слоя произвольных теоретических толкований, ошибочных взглядов и всяческих недоразумений, старинных и новых. Только в этом простом, естественном своем виде оно образует систему прав и юридических отношений особого рода, видимо отличающихся от всех других своими особыми характеристическими признаками. Только рассматривая гражданское право в этом настоящем его виде и свете, мы можем правильно и вполне оценить его значение, характер и роль, пределы его действия и влияния, его сильные и слабые стороны.

Гражданское право имеет дело прямо, непосредственно с внешними материальными фактами. Его назначение – подвести их под юридические определения, применить к ним общие начала, идеи, права. В этом смысле оно – азбука правоведения, самая разнообразная, самая богатая формами, но зато самая бедная содержанием отрасль права. Внешние, материальные

предметы имеют в ней огромное значение и придают ей свой характер, свою печать. Занимаясь исключительно вещами и материальными ценностями, гражданское право так же беспощадно, так же математически точно, мы готовы почти сказать так же бездушно, как внешняя природа; из всех юридических наук оно ближе всех подходит к математике, которая тоже занимается лишь внешней стороной внешних предметов. Как последние слабо, недостаточно выражают наши мысли, цели, стремления, часто передают их в искаженном виде и всегда неполно, несовершенно, как они служат лишь средством для наших целей, точно так же и гражданское право, его начала и основания лежат вне его, роль его подчиненная, второстепенная и служебная; формы гражданских прав и юридических отношений лишь тускло, иносказательно отражают на себе изгибы наших мыслей, чувств, движений нашей воли, наши намерения – словом, нашу умственную и нравственную жизнь. Занимаю ли я деньги, чтобы играть в карты, выручить друга из долговой тюрьмы, основать школу, дом убогих или удивить знакомых и незнакомых мимолетной роскошью, на займе не выразится ни один из этих оттенков. Делаю ли я подарок, чтобы помочь ближнему, обрадовать приятеля, похвастать щедростью и богатством, добиться благорасположения лица, которое может мне быть полезно, или чтобы заставить хранить тайну, юридический характер дара будет во всяком случае один и тот же; мой дом, какое бы я ему ни дал назначение, как бы ни устроил его внутри и снаружи, какие бы цели, побуждения, мысли, желания ни старался выразить в его отделке, с точки зрения гражданского права, будет лишь моя недвижимая собственность и ничего больше. Этим объясняется сухость, мертвенность, формализм, бездушие и бесстрастие судебного и нотариального языка, которые нас неприятно поражают, на которые мы несправедливо жалуемся; язык гражданского права, как и язык математики, не может быть другой. Но именно непосредственная связь гражданского права с внешними предметами и материальный характер, который оно от них заимствует, будучи источником его недостаточно-

сти, односторонности и ограниченности, есть в то же время источник его существенных качеств, причина его чрезвычайно важного значения и роли в общежитии. Гражданское право по своей точности, определенности не только сухо и черство, но и трезво; в нем никак нельзя фантазировать, делать произвольные построения; в его строгости, положительности, бесстрастии, если в них вглядеться пристально, есть своего рода поэзия и прелесть; они напоминают суровое величие внешней природы, чуждой нашему горю и нашим радостям, равнодушно и неуклонно живущей своей обычной жизнью, по своим неизменным законам. Как внешняя природа, гражданское право спокойно уживается со всеми образами правления, со всеми политическими партиями, борьбами, потрясениями, не потому что податливо, гибко, уклончиво или раболепно, а потому что ему нет до них никакого дела; гражданские права и юридические отношения лежат на самом дне житейского моря, на такой глубине, куда не опускаются никакие общественные и политические бури. Оттого-то из всех отраслей права гражданское есть по преимуществу царство здравого смысла – самая верная, безошибочная поверка и пробный камень достоинства всевозможных политических и общественных преобразований, которых последнее слово отдается в нем, как и в политико-экономическом, хозяйственном положении народа. Наконец, определяя материальные отношения людей с точки зрения права, гражданское право непосредственно интересует массы и потому оказывает на них большое влияние; в этом его неизмеримо важное воспитательное и образовательное значение. Все другие ветви права, не исключая и уголовного, касаются народных масс не прямо или изредка; только гражданское право имеет с ними дело ежедневно, близко, в будничных подробностях их быта. Из этого можно видеть, какое глубокое влияние должно иметь и хорошее, и дурное гражданское законодательство на привычки, понятия и нравственность народа.

Но, повторяем, чтобы оценить как следует все достоинства гражданского права, а с другой стороны, чтобы не

требовать от него того, чего оно, по своей односторонности и недостаточности, дать не может, нужно брать его не в теперешнем его составе и виде, а в новом, преобразованном. Благодаря историческим случайностям и теоретическим недоразумениям, оно теперь наполнено учениями публичного права, которое в обмен приняло в свой состав несколько глав из гражданских учений. Что мудреного, что при такой перетасовке предметов и происходящего отсюда смешения понятий и начал на гражданское право тоже стали смотреть с политической точки зрения, сумели увидеть и в нем какой-то палладиум гражданской свободы. Наше время ни на что не глядит просто; оно ухитряется во всем видеть общие принципы и даже самым неполитическим предметам придает политический характер. Это наша болезнь и наше несчастие! Но именно такая привычка нашего ума и заставляет особенно желать, чтобы гражданское право было совершенно очищено от примесей публичного права, ему вовсе не свойственных, и дополнилось тем, что по недоразумению отделено от него в публичное право, ибо страсть придавать всему политический цвет не ограничивается одними разговорами и рассуждениями, а, к сожалению, имеет практические последствия. Она только и могла родить странную мысль, будто бы и гражданское право может быть и либеральным, и консервативным, и прогрессивным, и реакционным! Эта мысль не осталась без влияния на законодательство, которое, само собой разумеется, взглянуло на гражданское право с консервативной точки зрения. Результатом было, что многие права и юридические отношения, по существу своему гражданские, т. е. имеющие предметом вещи, услуги и вообще материальные ценности, как бы изъяты из гражданского права, рассматриваются не по его началам и не подчинены обыкновенной судебной юрисдикции, которой предоставлены все гражданские дела, а разбираются чрезвычайным, административным порядком. Но административная юрисдикция в делах гражданских – большое бремя, тяжелый крест для народа! Предназначенная, как бы казалось, для охранения казенного интереса и для поддер-

жания достоинства и авторитета правительства и его органов, она обращается на самом деле в орудие или административных злоупотреблений, или административного произвола и обрушается всею своею тяжестью на материальные интересы, по природе своей самые спокойные, самые консервативные, чуждые всяким политическим стремлениям; таким образом, создаются массы недовольных без надобности, потому что главной своей цели – ограждать интересы казны, поддержать уважение к правительству – административная юрисдикция все-таки не достигает. Нет сомнения, что перестройка гражданского права на правильных теоретических основаниях, сняв с гражданских прав и отношений политическую окраску, которая им вовсе не к лицу, значительно будет способствовать исключению их из круга предметов, рассматриваемых с политической точки зрения, а вместе с тем и отмене или хоть постепенному ограничению и стеснению административного разбирательства в делах гражданских. Таким образом, пересоздание гражданского права на других основаниях, настоятельно вызываемое теоретическими, научными соображениями, может оказаться небесполезным и в практическом отношении.

К. Кавелин.

Бонн.

16 (28) декабря 1863 г.

III. РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Взгляд на русскую сельскую общину

Русская сельская община, как все предметы, которых не касалась наука, подает повод к бесконечным недоразумениям. Попробуйте о ней поспорить с кем бы то ни было, и вы увидите, что каждый соединяет с ней свое особливое понятие. Оно и не может быть иначе. Община – явление живое, действительное и оттого весьма сложное; она органически связана со всеми сторонами нашей народной жизни, находится под их влиянием и сама на них влияет. Естественно, что каждый смотрит на общину со своей точки зрения, подводит ее под общие свои понятия о народной жизни вообще и нашей в особенности. А кто может похвалиться, что понял ее вполне, проник все тайники ее в прошедшем и настоящем и с уверенностью может указать хотя бы главные ее направления в будущем? Оттого каждый видит в русской сельской общине одну какую-нибудь сторону и потому, порицая или защищая ее, относительно прав; не прав же потому, что или вовсе не замечает, или не довольно взвешивает другие стороны того же явления.

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины – это смешение общины административной с поземельной. Находят, что община поглощает индивидуальность, не дает почти никакого простора

личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно, к общине административной. Подать лежит не на земле, а на душе; рекрутскую повинность отправляет не всякий за себя, а несколько лиц из числа тысячи ревизских душ. Все повинности натуральные – подати, сборы, самый поземельный оброк [1] – расчисляются по числу душ. При таком личном характере податей и повинностей ответственность за исправное отправление их со стороны общины неизбежна. Государству невозможно иметь дело непосредственно с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор над каждым из своих членов и ответственность за них. Для этого общины снабжены большой принудительной властью относительно каждого из своих членов. Кто приписан по уплате податей и повинностей к общине, тот не может выйти из нее без ее согласия, не может отлучиться из нее без ее позволения; не платит он податей – община его наказывает, потому что за него отвечает перед правительством; а если он так замотался, что и платить не может, община или ставит его в рекруты вместо исправных хозяев, или совсем от него отказывается и отдает в распоряжение правительства. Такая круговая ответственность всех за одного тяжела для первых, тяжела и для последних, потому что на практике стеснительна для правых и виноватых. Три четверти возражений против общины направлены с этой стороны, но относятся не ко всем сторонам ее, а только к одной, административной. Честь этого различения бесспорно принадлежит, если не ошибаемся, «Сельскому благоустройству» [2], в особенности почетному редактору его, г. Кошелеву [3]. Везде и при всяком случае он указывает на различие и, отстаивая общину поземельную, постоянно напоминает, что не к ней относятся возражения, вызываемые против общины ее теперешним административным устройством. Действительно, последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее мо-

жет измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально. Так как самый способ этого владения не всем одинаково известен и тем затемняются рассуждения об этом предмете, то я считаю необходимым представить его, насколько сам знаю. Те, которым он больше и лучше известен, потрудятся исправить мои ошибки и оговорить невольные и неизбежные недомолвки. По крайней мере, всякий, прочитав следующие строки, будет точным образом знать, что я разумею под общинным владением и на каких фактах основаны все дальнейшие выводы, а это первое условие всяких рассуждений и споров.

Русская сельская община, поселена ли она на своей земле, или казенной, или хоть на помещичьей, – если только последняя предоставлена в полное ее пользование, как, например, в оброчных имениях, – дает каждому из своих членов равное участие в мирских землях и угодьях. Временная отлучка, хотя и продолжительная, не лишает члена общины права на такое участие, особливо когда в селе остается семья отлучившегося. На таком положении остаются членами общин тысячи торгующих по свидетельствам крестьян, живущих в городах, имеющих там торги и промыслы: их семьи остаются очень часто в деревнях и живут там своими хозяйствами на полном крестьянском участке. Но если крестьянин совсем покинет свое общество, перечислится в другое или переедет на постоянное житье в город и после него никто не останется в том обществе, то он лишается участия в мирских землях и угодьях без всякого вознаграждения: участок его оставляется им безвозмездно в распоряжение мира, исключая движимость, которая остается его собственностью, и принадлежавшие ему жилые и другие строения, которые он может вывезти с собою, продать, уступить односельчанину, но не может ни в каком случае ни продать или уступить постороннему, ни оставить за собой на прежнем своем участке. В отношении к государственным кре-

стьянам этот народный обычай закреплен законом с необходимой оговоркой, что избой и другими строениями оставляющий общину крестьянин не может распорядиться как полной собственностью, если они построены из казенного леса.

Итак, в мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т. е. пока имеет в нем оседлость; получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед; он имеет право на часть, равную со всеми прочими членами того же общества, хотя и может, если сам захочет, взять меньшую часть, чем другие. Конечно, взятие участка, равного со всеми, бывает обязательно там, где земледелие не составляет главного промысла жителей, а раскладка податей и повинностей производится по земле; но такой случай составляет изъятие из общего правила, и притом изъятие, вытекающее не из самого общинного владения, а из финансового характера, сообщенного нашим общинам законодательством. Наконец, оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не вправе даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому что они на мирской земле, в которой у него нет более части; последняя поступает в распоряжение мира; выбывающий член общины не может по своей воле сдать ее другому крестьянину, посадить его вместо себя, войти с ним об этом в сделку, потому что земляной пай не принадлежит ему более с тех пор, как он перестал быть членом общества. Не знаю, встречаются ли случаи, чтобы крестьянин, надолго отлучаясь из общества, но продолжая в нем числиться, отдал свой пай другому крестьянину внаем на время отлучки. Быть может, что такие сделки и бывают, но они противны основным правилам мирского владения, по которому всякий может пользоваться своей частью, но не может уступать ее другому от себя, по частному условию.

Как же пользуются члены общины мирскими землями и угодьями? Способ пользования весьма различен, смотря по землям и угодьям. В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба; лес состоит в общем пользовании всех

членов общины, по мере надобности; также и выгон [4], если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам; луга и сенокосы тоже, смотря по местным обычаям, или разделяются на участки ежегодно перед косьбой, по числу земляных частей, и тогда каждый косит и убирает свой участок особливо на себя; или же сено косится и ставится в копны всем миром, и затем уже делится на равные части, тоже по числу земляных частей. Мне не встречалось видеть, чтобы сенокосные и луговые места делились на постоянные участки, но очень может быть, что есть в иных местностях и этот обычай. Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины, который пасется вместе; каждое из остальных двух полей – озимое и яровое – разделяется или по числу душ, или по числу тягол [5] на равные части. Эти части редко отводятся к одним местам. Качество и плодородие почвы, местоположение пашни: на ровном месте, на низком или высоком, на косогоре, вблизи или вдали от села или деревни и т. д. – все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков. Оттого каждое поле разбивается сначала на клинья, и каждый клин для безошибочной уравнительности участков делится на столько жеребьев, сколько всего следует быть поземельных участков. Затем крестьяне мечут жребий всем миром, и кому в каком поле и клину какой жребий достанется, тот им и владеет. По жеребью же распределяются ежегодно и луговые участки, где в обычае отводить их участками. При разделе лугов и сенокосов обращается такое же внимание на свойство местности, качество и количество травы и т. п. Впрочем, членам общины не запрещается меняться жеребьями, доставшимися им в поле или сенокосе, и уступать их друг другу по добровольным сделкам. Такие сделки действительны на все время их отвода.

Итак, только такими угодьями, каковы лес, выгон, пастбище, крестьяне владеют сообща, усадьбами же и полевой землей каждый из членов общины владеет или пользуется

про себя, отдельно от прочих членов мира. Такое отдельное пользование применяется местами даже к сенокосам и выгонам, о чем уже было сказано выше.

Сроки пользования одними и теми же земляными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделять землю не иначе как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделяются и остаются неизменными. Подобное устройство землевладения я видел в помещичьих имениях, и, сколько знаю, оно установлялось по настоянию владельцев, а не крестьянского общества, но потом вошло в обычай, за который крестьяне крепко держатся по причинам, которые представлю ниже. Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов и т. п.

Вот главнейшие из известных мне фактов общинного землевладения.

Возражения против него идут преимущественно от сельских хозяев и экономистов. Разверстка поземельных жеребьев, говорят они, подает повод к чрезмерной их дробности, так что по иной полосе и соха с трудом пройдет. Переделы земли, особливо когда они часто возобновляются, отнимают у крестьянина всякую охоту унавоживать и улучшать землю, потому что она может достаться другому. Правда, есть у нас земли, которые теперь пока не удобряются и по качеству и положению своему совершенно однообразны. В таких местностях при отводе жеребьев нет чересполосицы, и вопрос о том, где пахать в нынешнем году, где в будущем, не представляет никакой важности. Но это – хозяйство первобытное, младенческое, и рано или поздно оно должно уступить место улучшенным способам земледелия. Положим, что время это не скоро наступит, но все же когда-

нибудь оно наступит. Там, где потребность более тщательной обработки земли уже чувствуется, хорошие хозяева-крестьяне уже тяготятся теперешней системой разверстки и надела, и она остается лишь по настоянию большинства, которое, частью по привычке и по нелюбви к нововведениям, а частью и из ошибочного расчета, упорно держится старины. Большинству, конечно, выгодно вводить в общий передел зе́мли, унавоженные хорошими хозяевами, и получать частичку в них даром, что при жеребьевом наделе легко может случиться и часто случается. Таким образом, ленивый или, по крайней мере, посредственный хозяин получает при переделе без всякого вознаграждения часть в земле удобренной, а последний взамен ее – пустую землю, теряя свою хорошую. Но какой же конечный результат такого порядка? Хороший хозяин, не имея понуждения трудиться и унавоживать свою полосу, не прилагает к ней рук и хозяйничает подобно большинству, отчего крестьянское мирское хозяйство не может выбиться из заведенной колеи и подняться над уровнем жалкой посредственности.

Что это коренное неудобство теперешнего порядка общинного землевладения необходимо устранить, в том все согласны. Но как устранить? Здесь-то и расходятся мнения. Одни отвергают самое начало общинного землевладения и требуют совершенной его отмены, с разными вариациями насчет того, когда и как этому совершиться. Они считают общинное землевладение неисправимым и требуют замены его личной наследственной поземельной собственностью, которая одна, по их мнению, вполне может соответствовать предстоящей гражданской самостоятельности и правам крестьянского сословия. Другие смотрят на дело совсем иначе. По мнению их, переделы и чересполосицы не суть неизбежные, существенные принадлежности общинного землевладения, и потому последнее, несмотря на их отмену, легко может быть сохранено. Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить, но общинное землевладение удержать необходимо. Мнение это высказано в этой форме г. Самари-

ным [6] и потом неоднократно высказывалось г. Кошелевым в «Сельском благоустройстве». Неотъемлемая и великая заслуга этих писателей состоит, бесспорно, в том, что они ознакомили публику с сущностью и формами общинного землевладения, уяснили фактическую его сторону и выставили на вид странные и даже забавные недоразумения относительно этой, столь повсеместной и общепринятой между нашими крестьянами формы пользования общественной землей.

Различение способа пользования общинной землей от общинного землевладения не удовлетворило многих. Какой может оно иметь смысл? Если изменить теперешний способ пользования общинной землей, чем же станет само общинное землевладение? Должно же оно в той или другой форме перейти в личную собственность!

С этим мнением я никак не могу согласиться. Сделав это различие, уступив передел общинных земель и в то же время крепко отстаивая общинное землевладение, г<-да> Самарин и Кошелев, как мне кажется, доказали глубокое знание дела и верное прозрение в великую роль, которую, по-видимому, суждено играть общинному землевладению в устройстве и судьбах нашего землевладельческого сословия. Я позволю себе изложить здесь те мысли, которые сложились в моей голове после долгих размышлений о наших общинах.

От переделов мирской земли рано или поздно придется отказаться совсем – это бесспорно. Вместе с тем или последовательно придется отказаться и от начала, из которого переделы проистекают, именно от наделения каждого из членов общины равным земляным паем, ибо при постоянных, непеределяемых участках и с увеличением народонаселения это станет решительно невозможно.

Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями.

1. Член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользова-

ния. Потому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий, лежащих на владеющем им члене общины, какие бы они ни были.

2. Владение и пользование общинной землей неразрывно связано с постоянной оседлостью в общине. Владеть и пользоваться общинной землей может лишь сам член общины непосредственно или его семейство; поэтому нельзя владеть общинными земельными паями в одно и то же время в нескольких общинах, а можно только в одной; нельзя владеть в одной и той же общине двумя или более паями, если есть члены общины, не наделенные землей и желающие получить паи на свою долю, но нет свободных паев; нельзя сдавать, уступать, дарить и вообще отчуждать каким бы то ни было образом, при жизни или на случай смерти, владение и пользование общинным участком посредством частной сделки не только члену другой общины, но даже члену той самой, к которой принадлежит владелец.

3. Владение и пользование общинной землей соединено с отправлением известных податей и повинностей и есть пожизненное; но если после умершего владельца остались малолетные сироты или взрослый сын, не имеющий своего земляного пая, то они имеют предпочтительно перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отводятся безденежно, т. е. без требования залога, поручительства или задатка в обеспечение исправного отправления податей и повинностей. По смыслу общинных учреждений каждый волен во всякое время отказаться от своего участка, отбыв соединенные с его владением подати и повинности. Он вправе распорядиться своей движимостью и строениями, как хочет, но не имеет никакого права на вознаграждение за сделанные им в своем паю хозяйственные улучшения. Оставляя совсем общину, он обязан свезти или продать свои строения, но от усмотрения общины зависит – позволить ему жить в ней, не владея земляным паем, и в таком случае жилое строе-

ние и усадьба остаются за ним. Наконец, поземельный участок отнимается у владельца, если он неисправно платит подати и повинности, и все другие меры взыскания окажутся безуспешными или невозможными.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подметить сходство их то с той, то с другой формой землевладения, выработанными римским правом и законодательствами новых христианских народов; но, взятые в совокупности, они представляют особливый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее – на личную собственность. Как же после этого не сказать, что общинное землевладение может сохраниться, несмотря на прекращение переделов, устранение чересполосицы и отмену права каждого из членов общины на равный надел землею!

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс, не представляет, за устранением названных выше несущественных его принадлежностей, *ни одного* положения, которое бы не подходило под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Многие найдут это мнение или ложным, или, по крайней мере, преувеличенным, а между тем, это истина неоспоримая.

Говорят: безвозмездный отвод земляного пая есть благодеяние, которое не подходит ни под какие юридические правила и возможно лишь до тех пор, пока есть довольно земли для такого рода благотворений. Увеличится народонаселение, вздорожает земля, и тогда оно по необходимости прекратится. Придется и с этим распроститься, как с переделом участков и равным наделом землею всех членов общины.

Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием или благотворением отвод земли с обязанностью платить за то подати и отправлять повинности. Правда, исправное отправление их ничем не обеспечивается. Но разве это благотворение? Это кредит, к развитию

которого стремятся все законодательства в мире, видя в нем один из могущественнейших двигателей промышленности и благосостояния. И надобно сказать, что кредит, оказываемый владельцу общинной земли, далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Какая же тут справедливость! Крестьянин владел участком, может быть, несколько поколений сряду, улучшил, удобрил его, положил в него труд и капитал – и все это он должен оставить даром, безвозмездно! Это, очевидно, отнимает у него всякое поощрение улучшать свое хозяйство и заставляет хозяйничать кое-как, спустя рукава, жить со дня на день.

Кажется, будто это действительно так, а взгляните поближе: на деле оказывается совсем другое.

Все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки: хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтобы он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина и вместе с ним поступает в его собственность безвозмездно и поставленное на нем строение. Что мы тут видим? Наниматель участка положил на него труд и капитал и оставляет их по истечении срока хозяину без всякого вознаграждения. Мне возразят: зато наниматель и не платит в таком случае хозяину наемных или арендных денег. Действительно, иногда не платит, но иногда платит, смотря по обстоятельствам и условию. Примеров подобных сделок множество. Таковы: отдача земли по берегу реки из выстройки мельницы, даже завода; отдача в содержание фабрики, требующей капитальных исправлений. В огромных размерах те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые по истечении известного срока обращаются в собственность государства безвозмездно. Но оставим эти примеры, возьмем отдачу внаем и арендование земель – формы договоров, имеющих некоторые общие черты

с раздачей участков из общинных земель. Ни в римском, ни в германском, ни во французском праве нет правила, чтобы арендатор или наниматель земли имел право на какое-нибудь вознаграждение за произведенное им улучшение почвы и усиление ее производительности. (Не говорю о строениях: они и на основании общинного владения считаются личной собственностью крестьянина.) Кодекс Наполеона выражается об этом категорически (С. 599): «*l'usufruitier ne peut, à la cessation de l'usufruit, réclamer aucune indemnité pour les améliorations qu'il prétendrait avoir faites, encore que la valeur de la chose en fût augmentée*» [7]. Правда, Ф. Вальтер в сочинении своем "*System des gemeinen deutschen Privatrechts*" [8], 1855, с. 580, называет в числе прочих особенную форму поземельных отношений между владельцами и крестьянами в Германии, именно временный колонат (*Colonat-recht auf Zeit*), в силу которого собственность на землю принадлежит господину, а временное пользование и право собственности на сделанные в ней улучшения (*Besserungen*) – крестьянину. Однако из описания этой формы землевладения видно, что господин обязан вознаградить крестьянина, когда отказывает ему или его наследнику в пользовании землей. Но чтобы он был к тому обязан, когда крестьянин добровольно отказывается от участка, этого не сказано и ни из чего заключить нельзя. Мне, пожалуй, укажут на целое учение о *Meliorationen*[1], об *accessiones*[2], об *impensae*[3] и *expensae*[4], т. е. об улучшениях, сделанных в вещи, издержках, употребленных на нее или по поводу ее, за которые обязан дать содержателю или владельцу вознаграждение. Но когда существует эта обязанность? Тогда лишь, когда хозяин возвращает вещь из чужого владения или пользования, законного или незаконного, добросовестного или недобросовестного, особливо же когда он разрывает договор о пользовании землей, что в некоторых случаях допускается; но никогда не применяется

[1] Мелиорация (нем.). – *В. Т.*

[2] Присоединение (фр.). – *В. Т.*

[3] Издержка, расход (лат.). – *В. Т.*

[4] Затраты, расход (лат.). – *В. Т.*

это правило к случаям добровольного отказа арендатора или нанимателя от взятого им в содержание участка.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землей в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным в течение первых лет арендного содержания не только не получать никакого дохода от заарендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение, потому что я улучшил землю, увеличил ее капитальную ценность, сделал ее способной дать больший доход в чистый себе убыток. А если я владею землей не в качестве арендатора, а в качестве собственника, тем более следует, потому что я мог рассчитывать свои хозяйственные обороты на весьма длинный, даже на неопределенный срок. Но если я, срочный или бессрочный арендатор, владел своим участком спокойно, без помехи и сам, по своим расчетам, оставляю землю, дело представляется уже совсем в другом виде. При верном расчете я успел воротить все мои издержки на улучшение земли и получил сверх того прибыль; неверен был мой расчет – никто, как я сам, и не виноват в том. Итак, хозяин, получая свою землю улучшенною, конечно, в выигрыше, но и я, если вел умно свои дела, не в проигрыше. За что же вознаграждать меня? А за ошибки, промахи, неудачи никого не вознаграждают. Это также общее правило. Наконец, заставить хозяина вознаграждать арендатора за сделанные им улучшения было бы во многих случаях явною несправедливостью. Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит заплатить за них. Что ж тогда делать?

После всего сказанного едва ли сто́ит опровергать мысль, будто бы безвозмездное возвращение хозяину улучшенной арендатором земли отнимет у последнего побуждение и охоту

заняться хозяйством на снятом участке как следует. Если он займется им, то уж, конечно, не ввиду вознаграждения со стороны хозяина, а ввиду тех выгод, которые сам надеется извлечь из аренды при помощи сделанных улучшений. В самом деле, крайне слабоумен должен быть арендатор, который согласится лучше довольствоваться ничтожным доходом от аренды, чтобы только хозяину не достались даром сделанные им улучшения. Большинство рассуждают так: лишь бы мне побольше извлечь выгод, а получил я их – какое мне дело, что другому стало от этого хуже или лучше?

Итак, правило общинного владения, наиболее кажущееся несправедливым, оправдывается всеми положительными законодательствами и выходит на поверку весьма разумным.

Далее. Некоторые найдут, может быть, странным запрещение члену общины сдавать свой земляной пай кому-нибудь другому по частной сделке или частному распоряжению. Но запрещение субаренды[1] не то ли же самое? А оно очень известно в положительных законодательствах и нисколько не считается необыкновенным или чрезвычайным. То же до́лжно сказать и о том, что пользование общинными паями не наследуется: ведь и пожизненная аренда тоже не переходит по наследству.

Особенность общинного землевладения действительно составляют: запрещение владеть паями в разных общинах; право владеть постоянно одним лишь паем; нераздельность права владеть паем с прочной оседлостью там, где пай отведен; наконец, привилегия сирот и безземельного сына преимущественно перед другими владеть отцовским паем. На первые три условия указывают как на ограничения в экономическом и гражданском отношениях. Но это несправедливо. Они были бы ограничениями, и ограничениями весьма стеснительными, если бы никакой другой земли, кроме общинной, не было, и если бы взятие общинного участка было обязательно. Но когда рядом с общинной землей существует поземельная личная собственность, когда всякий может покупать или иначе приоб-

[1] Передача арендатором всего (или части) арендованного имущества в аренду третьему лицу.

ретать землю и располагать ею по произволу, когда, наконец, каждый волен брать или не брать поземельный пай в общинной земле, какое же это ограничение или стеснение? Это ни более ни менее как простое условие, обязательное лишь для того, кто добровольно захочет владеть общинным поземельным участком; тот же, для кого это условие покажется стеснительным, постарается устроить иначе. Очень стеснительно домовладение в городе, потому что оно обставлено разными ограничительными условиями, необходимыми там, где здания теснятся между собою; еще более стеснительны для лица условия домашней или частной службы, начиная от домашних секретарей и гувернеров и оканчивая самыми низшими служительскими должностями и чернорабочими, однако никто не называет их несправедливыми и стеснительными именно потому, что от доброй воли каждого зависит иметь дом в городе или не иметь, вступать в частную службу или не вступать.

Рассмотрение юридических оснований общинного землевладения дает нам возможность глубже вникнуть в сущность этого любопытного учреждения и беспристрастно оценить неизмеримо важную роль, которую оно, по всем видимостям, призвано играть в будущих судьбах России. С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов, с постепенным прекращением пределов общинной земли и прав каждого члена общины на получение из нее участка наравне со всеми прочими, владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое при известных условиях может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особливое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые по самому свойству личной собственности неудержимо обращаются рано или поздно в промышленные спекуляции. Маленькая ферма, владение которой обусловлено разными исчисленными выше ограничениями, не сподручна ни богатому капиталисту, ни предприимчивому человеку, ни зажиточному собственнику, ни тому, кто, не имея ни способностей, ни охоты

к сельским промыслам и занятиям, обеспечивает свою жизнь и кормит свое семейство занятиями и промыслами городскими или какими-нибудь другими. Такую ферму возьмет небогатый крестьянин, который, не мечтая о больших прибытках, думает о завтрашнем лишь дне, рад, когда к концу года свел концы с концами; ее возьмет и не крестьянин – человек, которому некуда деваться, но у которого есть семья, и он бы рад трудиться, да не везет ему в городе; ее возьмет иной предприимчивый и оборотливый человек из простонародья, который и свой капитал имел, да разорился на неудачной спекуляции; у этого и надежда будет впереди: авось опять справлюсь, сколочу капиталец и опять пущу его в оборот; ее возьмут и бедный сирота, и вдова с детьми, и все люди, которых природа не наделила ни особенным талантом, ни широким полетом, ни жаждой деятельности, богатств, приобретений, славы, отличий – словом, люди, по выражению народа, смирные, которые составляют большинство в человеческих обществах, работают, трудятся и хотят иметь свой угол и свой кусок хлеба. Для таких людей подобная ферма, несмотря на ограничительные условия, соединенные с владением ею, – сущий клад. Чтобы получить ее, не надо никаких издержек; первое обзаведение потребует небольших средств, которые легче добыть, чем, например, на покупку земли; ферма даст чем заплатить арендную плату и прокормиться с семьей, небогато, но хоть как-нибудь; никто не отнимет земли, не прогонит с нее, пока человек исправен: владей хоть до смерти! Жену с детьми никто не потревожит и после его смерти; если же судьба улыбнулась, завелись деньги, вышел какой-нибудь благоприятный случай, можно во всякое время и бросить ферму, купить свою землю, пойти в торг, взяться за какой-нибудь промысел и распорядиться с арендой. В устройстве общественной экономии и быта я не могу представить себе ничего рациональнее системы таких небольших ферм. Существуя <бок> о бок с личной поземельной собственностью, она служит верным, единственно возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Система мелкой, личной, поземельной соб-

ственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом отношении ни в какое сравнение с системой мелких аренд. Это вытекает само собой из самого свойства личной собственности.

Все знают, какое огромное развитие промышленности и духу предприимчивости дает начало личной собственности. Оно создало те чудеса индустрии, которыми так справедливо гордится Европа и Северо-Американские Штаты. Оно – живая сила, поддерживающая современные образованные общества в вечном движении, толкающая их беспрестанно вперед на пути всяких преуспеяний. Но давно уже рядом с этими благодетельными и блистательными действиями личной собственности история отметила и теневую ее сторону. Где только личная собственность господствует исключительно, там рано или поздно непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги, против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собой. Оба явления не случайно совпадают с исключительным господством личной собственности и между собой, но состоят в теснейшей связи. Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к беспрерывному расширению и увеличению; стяжание есть ее лозунг и знамя. Таким образом, в личной собственности лежит причина и источник столкновения и борьбы материальных интересов, которая ниспровергает все административные стеснения и препоны и, наконец, вырвавшись на свободу, не знает границ. Если бы все люди были равных способностей, талантов, знаний, в особенности, если бы они выходили на такую борьбу равно хорошо вооруженные и не имели никаких неотложных насущных потребностей, конкуренция материальных интересов только оживляла бы промышленное развитие и деятельность, не производя общего зла и бедствий; но в том-то и беда, что бойцы не равны, средства нападения и обороны у них неодинаковы, а между тем есть материальные потребности, общие для всех и без удовлетворения которых

обойтись невозможно. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и дает им безграничную материальную власть над не имеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно переходят в работников. Массы народа должны, по необходимости, безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон – личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не оправдывается никакой разумной необходимостью и требованием общественного блага. Такой порядок действует гибельно на народные массы и в материальном, и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими. Кто может примириться с мыслью, что общежитие существует не на благо человека, а на его беду и несчастье? И массы с этим не примиряются, а привыкают ненавидеть общественные учреждения, под которыми живут. Все то, что составляет физиологическое, неизбежное условие всякой общественной жизни: власть, имущественное неравенство, личная самостоятельность и развитие – представляются им орудиями угнетения, своекорыстными выдумками притеснителей – собственников. Открывается широкое поле для всякого рода идеалов социального блаженства, которые тем краше и недействительнее, чем ужаснее ежедневная жизнь. Народные массы, глубоко оскорбленные, жадно питаются ими и в справедливом негодовании начинают требовать невозможного и неосуществимого. Возникает борьба другого рода – борьба масс народных с обществом, страшная и разрушительная. Общество с ужасом начинает замечать внутри себя эти элементы, ежеминутно грозящие гибелью, и, не вникая сначала в органические причины зла, старается пособить ему косвенными мерами. Частная благотворительность, разумеется, оказывается недостаточною; на чрезвычайное зло нужны и чрезвычайные меры. И вот благотворительность организуется в тысячах учреждений. Для извлечения масс из той

бездны зол и несчастий, в которую ввергла их необузданная борьба интересов, расточается столько же ума, изобретательности, гениальности, творятся такие же сверхъестественные усилия, какие потребовались для приведения низших классов, конечно, бессознательно, в такое положение. Сколько самоотвержения, великодушия, человеколюбия и высокой христианской любви выказали и выказывают при этом общества! Это торжественная culpa mea[1] современного просвещенного человечества, но бессильная перед роковыми законами, лежащими в основании теперешней общественности, бессильная потому, что самое начало социальной анархии продолжает в ней действовать и служить неиссякаемым источником глубоких общественных язв. Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же время сохранять исключительное господство начала личной собственности [9], доказывают только, что корень зла не понят; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Эта мера хорошая, бесспорно, но по самому свойству своему она не может быть учреждением всеобщим; успех ее зависит от тысячи случайностей, в том числе от собственности, капитала. В этом смысле и ассоциация – мера паллиативная, как благотворительные общества и учреждения, как такса в пользу бедных, как огромные публичные работы, и не врачует болезни в самом корне.

Доискиваясь до источников разнообразных явлений общественной жизни, люди в наше время более и более приходят к убеждению, что все эти явления друг другом обусловливаются, тесно связаны между собою и представляют вместе одно органическое целое, покоящееся на таком же равновесии всех отправлений, как вообще всякий организм, какой бы он ни был. Лишь только одна из функций берет верх над другими, начинает развиваться на счет других, равновесие нарушается, и общественное тело приходит в болезненное состояние. Эти

[1] Моя вина (лат.). – *В. Т.*

общественные болезни весьма разнообразны и сложны. Усиливаясь сначала незаметно, они, наконец, если будут запущены, обращаются в хронические, ничем не излечимые, поражают весь организм и ускоряют его смерть. Мало того: каждый общественный организм, подобно физическому, имеет свои привычки, свои предрасположения к той или другой болезни; он может привыкнуть к известному ненормальному состоянию до того, что оно кажется нормальным и здоровым; при помощи разных паллиативов он может некоторое время обольщать себя насчет своего здоровья, пока, наконец, сильнейшие припадки скрытой болезни вдруг не раскроют ему глаза и не обнаружат, иногда слишком поздно, опасного состояния.

Социальная анархия, т. е. ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом эта борьба поддерживает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд, на паллиативные средства, о которых говорено выше. Но это заблуждение! Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям общественной жизни. Суд существует на вора, разбойника, обидчика, убийцу; полиция в обширнейшем значении этого слова тоже относится к поверхности общественных явлений, когда они уже заявили себя или грозят заявить в том или другом факте. Борьба капиталов, собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать и остановить ни в каком ощутительном явлении без нарушения законов и самой справедливости. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Земля, к несчастию, не безгранична; количество ее определено. Предоставьте ее всю в частную собственность, сколько бы ее ни было, и она тотчас же сделается предметом своего рода ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты и промышленные компании; цена ее будет подыматься, и с увеличением народонаселения масса землевладельцев, за самыми малыми исключениями, обратится в батраков и бездомников, на полной милости землехозяев, которые будут иметь все средства заставить их служить себе и работать на самых для себя выгодных, а для них тяжелых и обидных условиях. Таков закон социальной анархии и личной собственности в применении к земле; он дробит последнюю на мельчайшие участки и неудержимо направляет их в руки немногих богатейших собственников, которые и ставят потом массам арендную и заработную плату, какую хотят. Возражения на этот непреложный закон развития социальной анархии, подтверждаемый всеми наблюдениями, невольно вызывают улыбку.

Сто́ит ли говорить об этом в России? – скажут вам. – У нас земли не оберешься! Слава Богу, есть где расселяться еще в продолжении тысячи лет! А в Америке, в Азии незаселенных и способных к заселению земель еще бездна! Колонизация, конкуренция городских промыслов, требующих множества рук, конкуренция земледельческих произведений других стран будет всегда парализовать монополию землевладельцев на арендные цены и определение заработной платы.

Такими-то рассуждениями успокаиваются люди насчет беды, которая ходит кругом их. Присмотритесь пристальнее: разрешают ли эти соображения вопрос хоть сколько-нибудь? Положим, земли у нас теперь еще довольно, но ведь когда-нибудь ее будет мало? Дожил же Китай до того, что народонаселение переполняет его огромные пространства. Сегодня, завтра, послезавтра, да разве этим можно решить вопрос об органических законах общественной жизни? Допустим, что и колонизация, и конкуренция других стран действительно мо-

гут смягчить действие зла, но ведь это только временно. Если конкуренция производителей всех стран установляет постоянные отношения между последними и делает их как бы членами одного и того же промышленного мира, то ведь и поземельные собственники всех стран не замедлят заметить соединяющие их общие личные выгоды, на какой бы точке земного шара они ни находились, как одинаково понимают эти выгоды банкиры и большие капиталисты. Говорить о всемогуществе конкуренции к извлечению социальных зол, происходящих от монополии, значит не видеть последнего члена посылки и остановиться на одном из средних. Нетрудно представить себе, что наступит время, когда в индустриальном и промышленном отношении весь мир будет составлять одно целое, управляемое одними экономическими законами. Что же? Лучше будет положение масс от всемирной монополии землевладения и поможет против нее всемирная конкуренция?

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить ему конец; и не количественная, а качественная оценка раскрывает его глубокий внутренний смысл. Личная собственность, как и личное начало, есть начало движения, прогресса, развития, но оно становится началом гибели и разрушения, разъедает общественный организм, когда в крайних своих последствиях не будет умеряемо и уравновешено другим организующим началом землевладения. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, в его юридических началах и приспособленном к более развитой и граждански самостоятельной личности. Существуя для народных масс, будучи устроено по их нуждам, не представляя никакой возможности для спекуляций и потому нисколько не будучи привлекательно для людей зажиточных, богатых, предприимчивых, не довольствующихся малым и скромным существованием, общинное владение будет служить надежным убежищем для людей неимущих от случайности спекуляций, от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на земледельческий труд. В этом затишье будут вырастать посреди прочного семейного быта, живительного

труда, под соломенною, но все же своею крышей, питаемые хоть черным и черствым, но все же каким-нибудь и притом своим куском хлеба, здоровые, свободные земледельческие и сельско-промышленные поколения; отсюда будут выделяться элементы, способные не потеряться в водовороте и случайностях промышленной игры, уступая место тем, которые без такого пристанища были бы осуждены на безысходное горе, отчаяние и преступления. Общинное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил, из которого они будут беспрерывно бить живою струей и в котором будут беспрерывно обновляться для новой плодотворной деятельности. При существовании такой среды, нейтрализующей горькие и разрушительные последствия азартной промышленной борьбы, общественный организм останется в нормальном состоянии, и то, что без нее ведет каждое общество рано или поздно к социальному перевороту и разрушению, то при существовании ее сделается признаком жизни и здоровья – тем же, что обращение крови и соков во всяком теле.

Мне скажут: ведь это утопия! Но отчего же утопия? – спросил бы я, – когда то, что я говорю, уже существует у нас в действительности, хотя, конечно, в зародыше, в неразвитом виде. Эта утопия – факт осязаемый, не подлежащий ни малейшему сомнению. Не с бóльшим ли правом можно считать утопией надежду восстановить равновесие общественных сил, нарушенное исключительным господством личной собственности, посредством ассоциаций, конкуренции, целой системы общественной благотворительности, силящейся обнять все неимущие и голодные массы? Ведь эти способы врачевания, сколько мне известно, пока еще нигде и никогда не привели к желаемому результату, не умирили вражды, не восстановили гармонии общественных сил.

Многие думают и так: материальное обеспечение масс отнимает у них всякое побуждение к деятельности, к улучшению своего быта и тем осуждает их надолго, если не навсегда, на беспробудный сон. Мы и теперь наклонны к умственной дремоте; что же с нами будет, когда нужда не будет

нас толкать к деятельности? Некоторые простирают заслуживающую, конечно, всякого уважения ревность к возбуждению промышленной деятельности в нашем народе до того, что серьезно предлагают при предстоящем преобразовании быта помещичьих крестьян не наделять их вовсе землею ни в пользование, ни в собственность и предоставлять им входить с землевладельцами в полюбовные сделки. Это средство должно заставить нашего крестьянина стряхнуть с себя вековечную лень, встрепенуться и приняться живо и бойко за работу. Оно, может быть, и так: промышленная деятельность закипит, но при этом кипятке только часть сельского населения успеет кое-как устроиться, остальная же погибнет в злой доле, станет бродяжничать, пойдет на разбой, переполнит города на укомплектование жалкого городского пролетариата, станет круглым бездомником, как везде было, где крестьянина освобождали без земли и оседлости.

Когда же, наконец, Боже мой, кончатся вечные недоразумения, мешающие людям понимать друг друга? Все мы, от первого до последнего, желаем развития промышленной деятельности и неразлучного с ним материального благосостояния и довольства. Но чтобы возбудить в человеке деятельность, не сбивайте его с ног и, главное, с толку и из боязни промышленного застоя не вгоняйте его в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы. Высокое промышленное развитие, когда оно совершается правильно, идет об руку с развитием умственным и нравственным, рождающим потребности и нужды, неизвестные народу в колыбели. В сытом и физически обеспеченном человеке они скорее и прочнее развиваются, чем в том, которого гнетут нужда и голод. Устраняйте только препятствия, искусственно замедляющие естественный рост народа, а остальное предоставьте лежащим в нем живым силам. Искусственные приемы хороши как временные средства против местных патологических явлений и невозможны или убийственны, когда направлены против всей экономии общественного организма.

Гораздо серьезнее возражение такого рода: если участники в общинном землевладении будут оставаться без передела, то с увеличением народонаселения должно же наступить время, когда множество людей останутся без арендных участков? Итак, общинное владение только временно устранит зло безземельности и бездомности масс, а потом оно разовьется своим порядком, как и везде.

Это, конечно, справедливо. Но ни я, ни кто другой, говоря об общественной экономии, конечно, и не думал приискать такие условия, которые бы водворили рай на земле, без следа искоренили бы бедность и нищету. Какое бы ни завелось между людьми идеальное правосудие и административный порядок, преступления и проступки никогда не переведутся, процессы никогда не прекратятся, полиция и администрация никогда не останутся без дела. Весь вопрос только в том, в каких отношениях, в какой пропорции будут находиться между собою нарушение прав и правосудие, беспорядки и устройство. Не в том сила, чтобы каждый без изъятия имел свой верный кусок хлеба, свой кров, свой достаток, а в том, чтобы бездомовье и нищета не стали общим правилом для массы народа. В каждом здоровом организме есть во всякое время возможность болезней; но если нет повода, нет благоприятствующих обстоятельств, эта возможность и остается до времени возможностью; а представится случай, причина – возможность переходит в действительность, появляется болезнь, развивающаяся последовательно и правильно, по свойственным ей законам. Бездомность, необеспеченность быта, пока она не охватила огромной массы людей, есть такое же печальное явление общественной жизни, как и многие другие, но не есть еще признак органического расстройства. Против них разные паллиативные меры имеют настоящее свое употребление и оказывают действие. Но когда в это положение придут большие массы или, что еще хуже, большинство народонаселения, тогда-то опасность становится велика, и тут паллиативы ничего не помогут: очевидно, общественный организм страждет, и нужны сильные, радикальные лекарства, успех которых всегда сомнителен.

Я думаю, что при существовании общинного землевладения, разумеется, в надлежащей пропорции с личною поземельною собственностью, опасного для общественной экономии перевеса людей бездомных никогда быть не может, как бы народонаселение ни увеличивалось. Участок, которого теперь едва достаточно для прокормления четырех человек, с умножением народонаселения и необходимым вследствие этого улучшением сельского хозяйства, будет кормить восемь, десять, двадцать человек. К средствам, извлекаемым непосредственно из земли, придут на помогу другие промыслы, всегдашние спутники густого сельского населения и более развитого общественного быта, а это, в свою очередь, еще значительно увеличит число людей, оседлых на одном участке.

Замечу еще одно весьма важное обстоятельство: если вокруг густых масс оседлого и домовитого сельского народонаселения обрастут многочисленные слои бездомных людей, в этом еще нет большой беды. Беда, когда в быту, в привычках, в убеждениях массы сельского населения исчезнет понятие о домовитости, о ничем не тревожимой оседлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни в землю, создается крепкий быт и крепкие нравы, которые сообщаются и остальному народонаселению, каково бы оно ни было. А в нравах вся сила народа: в них тот гений его, который на деле исправляет недостатки законов и учреждений и спасает общество в годины великих бедствий. Везде, где сельские массы домовиты и прочно оседлы, они являются самым охранительным общественным элементом, о который сокрушаются все невзгоды, внешние и внутренние. Отвоевывая мало-помалу из-под сельского класса почву, к которой оно прирастает по своему положению, исключительная личная собственность поражает нравы и крепость народную, устойчивость масс в самом их источнике.

Но, спросят меня, в какой же именно пропорции должны быть распределены в каждом общественном организме общинное владение и личная собственность? На это я не могу

отвечать. Задача эта может быть решена лишь опытом, мудростью правительств и наукой, которая, сказать мимоходом, пока еще мало о ней заботилась. Эту задачу едва ли и можно решить одною формулою. Смотря по местности, по главным промыслам и занятиям жителей, по национальным особенностям, она, вероятно, получит несколько различных решений; легко может быть, что решение будет зависеть даже от степени развития народа, от его исторического возраста и степени возмужалости. А пока ничего не сделано для решения этого вопроса, пока он даже и не поставлен, трудно согласиться с теми, которые так горячо настаивают на продаже государственных земель в частные руки, ожидая от этого чрезвычайной пользы для общественного и экономического развития. Мне кажется, что с этим делом вовсе не следует слишком спешить. Государственные земли могут еще понадобиться под общинные земли или для промена на общинные же земли, состоящие в частной собственности. Во всяком случае, лучше сперва осмотреться хорошенько… Велико счастие того государства, у которого много таких земель, но, рассчитывая на это богатство, не думать о будущем не следует.

Наконец, под умеряющим влияние общинного землевладения и личная поземельная собственность будет заселяться на условиях гораздо выгоднейших для массы, чем при исключительном господстве личной собственности; а раз заселенная густо она, по естественному ходу дел, получит значение общественное, как город, фабрика, завод и т. п. Таким образом то, чего нельзя достигнуть никакими законодательными мерами, то под влиянием общинного землевладения устроится и введется само собою, без нарушения чьих-либо прав и без всякой регламентации, стесняющей свободные сделки и бойкий размах промышленных предприятий.

Многие рассуждают так: если общинное землевладение должно служить к обеспечению быта масс, то средство это, при постепенном вздорожании земель, обойдется несравненно дороже, чем все возможные таксы для бедных и общественные благотворительные учреждения, вместе взятые. Стало быть,

это просто нерасчет – мера в финансовом и экономическом отношении неправильная и убыточная.

Мне кажется, что сравнивать обеспечение для массы землевладельцев оседлости и пользования землей с общественною благотворительностью в каких бы то ни было видах – значит не понимать вопроса. Сохранение за сельским населением возможности трудиться для себя есть мера общественной организации, которая уравновешивает экономические силы: все же прочие формы попечения о народе клонятся лишь к ближайшему, непосредственному смягчению и отвращению зла, уже произведенного социальной анархией. Отношение их – такое же в общественной экономии, какое в медицине между гигиеной и терапией. И система мелких аренд, и такса для бедных равно имеют предметом пользу народных масс, преимущественно беднейшие классы; но только это одно и есть у них общее: во всем прочем они совершенно различны. Если оценивать сравнительную их выгоду по тому только, которая из них дешевле, то, идя логически, надобно признать, что выгоднее жить в сырой и зловонной комнате и есть несвежую пищу, потому что лечение происходящих от того болезней (если только оно возможно!) обойдется дешевле, чем прожить всю жизнь в сухой квартире с хорошим воздухом и питаться здоровою пищей. Подобные выводы и расчеты свидетельствуют только о глубоком, коренном извращении всех понятий. Общественная благотворительность отучает людей стоять на своих ногах и, напротив, приучает высматривать хлеб из чужих рук; этим она унижает и развращает их, развивает в них праздность и тунеядство, а вместе требовательность и претензии, ничем не оправданные. Новые поколения, рожденные и воспитанные в такой среде, всасывают в себя с молоком матери эту нравственную порчу. Хороши выйдут из них граждане! Иные действия имеет отвод земель в пользование. Земляной участок – это одно лишь условие, возможность, которая приносит что-нибудь тогда только, когда оплодотворяется трудом. Стало быть, чтобы им воспользоваться, надобно непременно и во что бы то ни стало

трудиться. От степени труда зависит и мера вознаграждения, которое может расти и умножаться, – это не то, что благотворение, которое по необходимости скудно измерено и определено и только утоляет на время голод. Владелец участка может, трудясь усердно, поправить свои дела, жить в довольстве, даже разбогатеть и стать собственником-капиталистом, потому что участок дает ему точку опоры, с чего подняться. И он трудится. Все нравственные его силы употребляются в дело. В этой здоровой атмосфере труда, оседлости, семейственности рождается и воспитывается доброе, трудолюбивое племя. Наконец, отвод земельных участков уже потому не имеет ничего общего с благотворительностью, что последняя оказывается безвозмездно и есть чистый расход, убыток, тогда как за арендные участки земледельцы вносят арендную плату, которая при процветании сельского хозяйства и благосостояния масс, с возрастанием цен на произведения и земли может быть периодически, постепенно возвышаема, не обращаясь в спекуляцию и аферу, рассчитанную на зависимое положение земледельческих классов, потому что правительство – не торгаш и не спекулянт. Повторяю: обеспечение землевладения за сельскими массами есть мера социальной экономии и общественного благоустройства, а отнюдь не мера благотворительности. Филантропические идиллии не имеют с нею ничего общего. Ограждение низших слоев общества от монополии частной собственности посредством общинного владения есть государственный институт, подобно администрации, правосудию, а не чрезвычайная мера, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами.

Наконец, мне возразят: пользование общинными участками очень стеснительно; в них нельзя учреждать субаренд, нельзя владеть постоянно двумя арендными участками и т. д. Возможно ли, чтобы эти ограничения на деле соблюдались? Их, наверное, будут обходить, владеть несколькими участками под чужими именами, сдавать эти участки другим под разными благовидными предлогами, так что в действительности эта система не осуществится или осуществится лишь отчасти.

Едва ли. С увеличением народонаселения строгое исполнение этой системы будет охраняться бдительным надзором самих заинтересованных, т. е. тех, которые желают получить такие участки для себя. Они тотчас же разузнают, кто и как владеет арендой и имеет ли на то право, и в своих собственных интересах будут разоблачать нарушение закона. Стало быть, слишком часто они повторяться не могут, но что все-таки они встречаться будут, в этом нет сомнения. Их нельзя будет вполне искоренить; нельзя ведь совершенно искоренить и тайной продажи контрабандных и неоплаченных акцизом[1] товаров, нельзя совершенно искоренить злоупотреблений, убийств и других преступлений, однако таможенная, акцизная система и юстиция существуют же и оказывают свое действие?

Таковы основания, которые побуждают меня смотреть на общинное землевладение как на один из важнейших элементов в теперешнем и будущем устройстве землевладельческого класса в России.

Самые снисходительные из читателей найдут, может быть, что если и принять изложенные выше начала, то все же непонятно, что они могут иметь общего с общинным и мирским устройством? Да и к чему оно? Если мир не может переделять участников и раздавать их по своему благоусмотрению, то не проще и не вернее ли учредить особливое казенное управление, которому и дать в руководство, к непременному исполнению, правила о раздаче мелких ферм.

И с этим никак нельзя согласиться. Никакое казенное управление в мире, как бы оно совершенно ни было, не в состоянии так беспристрастно и справедливо применить систему арендных участков к данным частным случаям, приспособить топографическое очертание этих участков к данной местности, к ближайшим потребностям и целой мирской общины, и каждого из ее членов, как именно та община, которая поселена на этих участках. Она всего более заинтересована в точном исполнении правил арендной системы, потому что

1 Вид косвенного налога на предметы массового спроса. Акциз составляет часть отпускной цены.

большинство претендентов на свободные арендные участки будет преимущественно нарождаться из нее же самой и принадлежать к ней. Сверх того, особое казенное управление стоило бы государству больших издержек, тогда как главные его обязанности – распределение участков и сбор с фермеров арендных платежей – могут производиться, как и теперь производятся, мирскими обществами без всяких издержек со стороны правительства. Поэтому нельзя не отдать преимущества управлению арендными участками посредством общин над управлением их посредством коронных чиновников. А если случатся претензии, недоразумения и злоупотребления, то их разберет суд обыкновенным порядком.

В Европе, где земледельческие классы освобождены от землевладельцев со столькими пожертвованиями, с пролитием крови, исключительное господство личной собственности водворяет мало-помалу их зависимость снова. Вот многознаменательные об этом слова того же Ф. Вальтера. Я нарочно выписываю их буквально: *“Nachdem durch die neuere und neueste Gesetzgebung in Preussen der gutsherrliche bäureliche Verband aufgelöst, die Mittelzustände erblicher Nutzungsverhältnisse in das volle Eigenthum des Bauern umgewandelt, die bisherigen Leistungen zwar als Reallasten beibehalten, deren Ablösung aber angebahnt und durch die Rentenbanken erleichtert ist: so wird es, wenn dieses vollständig ausgeführt sein wird, nur noch eine doppelte Klasse von Bauerngütern geben: Güter, die im unbelasteten Eigenthum des Bauern stehen, und gewöhnliche Pachtgüter. Es fällt dadurch das Bauernrecht unter das gemeine Recht. Dasselbe ist der Gang und die Richtung der Gesetzgebung auch in andern Ländern. Ob die dadurch für den Bauern bezweckten Vortheile, bei fortgesetzten Theilungen des Bodens, bei der daraus entstehenden Verarmung, und bei der Leichtigkeit hypothekarischer Anleihen sich auf die Länge warden halten können, ist sehr zweifelhaft. Wahrscheinlich wird, bei der zunehmenden Macht des Geldes, das Grundeigenthum immer mehr an die Reichen fallen, und, wie das Beispiel von Oberitalien in der Nähe der Städte zeigt, die Nachkommen sich glücklich schätzen, als Pächter auf der Scholle zu*

sitzen, welche ihre Vorfahren als Eigenthümer gebaut haben. Es warden sich zwischen dem Herrn und dem Pächter, der die Aufkündigung fürchtet, thatsächlich neue Bande der Abhägigkeit bilden; allein ohne den Geist des Wohlwollens und der gegenseitigen Zuneigung, der ehemals diese Institutionen belebte und dem Herrn nicht blos Rechte gab, sondern auch Pflichten auferlegte. Es wird viellecht dem Boden durch die stärker angespannte Kraft des Pächters ein grösserer Ertrag abgewonnen warden; allein dieser Gewinn wird nicht, wie sonst beiden unveranderlich festgesetsten Leistungen, seinem Fleisse zu Gute kommen, da der Herr den Pachtzins des gebesserten Gutes nach Ablauf der Pachtzeit steigern kann. Es wird vielleicht die Gesetzgebung diesem wucherlichen Geiste eine Schranke entgegenzustellen suchen. Allein mit der dadurch nöthing werdenden Beschrankung der Freiheit des Herrn muss billigtr Weise die Beschränkung der Freiheit des Pächters Hand in Hand gehen, und so können doch wieder in irgend einer Form organisirte persönliche Abhängigkeitsverhältnisse, wie das Colonat des sinkenden romischen Reiches, geschaffen warden müssen. Falsch ist, dass man dem Princip der unbedingten Theilbarkeit des Bodens das Erbpachtverhältniss und ähhnliche Mittelzustände zum Opfer gebracht hat. Diese Formen waren wohlthätig, weil sie die Erhaltung des Hofes schützen, und dem Bauern billige Bedingungen, Sicherheit der Existenz für sich und seine Kinder, und dadurch den Antrieb zum Fleisse und zur Besserung der Cultur gewährten. Die Folgen der verkenhrten Richtung wurden auch bereits in dem reissenden Verfall des Bauernstandes, in der Kläglichkeit seiner Existenz und in dem Anwachs des ländichen Proletariates sichtbar. Hin und wieder denkt man auch schon mit der Theilbarkeit einzulenken. Will man erbliche Nutzungsverhältnisse festhalten oder herstellen, so wird es zur Vereinfachung am gerathensten sein, alle Formtn der Art durch die Gesetzgebung in der Erbpacht oder Emphyteuse nach ihrem ächten Sinne zu verschmelzen und die Theorie vom getheilten Eigenthum über Bord zu werfen” [10] *(с. 587 и 588).*

В выноске к этому месту Вальтер приводит слова Нибурга [11] *в том же смысле: “Mit ganz untadelhaften Absich-*

ten und wirklich in der Meinung, dem Bauer wohl zu thun, richtet man den ganzen Bauernstand zu Grunde durch die ihm gegebene Berechtigung zu verkaufen, zu zerstückeln und zu verpfänden: und so geht es in allen Dingen. Die allerplattesten Meinungen sind allgemein herrschend geworden; und mögen Ministerien oder Stände darüber zu entscheiden haben, so bekommt man dieselben Resultate. Die Leute thun es nicht aus Bösem: aber alle deutsche Staaten, die nicht ganz stationär sind, geben, nach den Ausdruck eines ausgezeichneten Mannes, mit ihrer Gesetzgebung dahin, unsere Nation dahin zu bringen, wo die Italiener sind: in den Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitpachtendes oder tagelöhnendes Lumpengesindel" [12].

Все эти бедствия отстраняются просто, естественно, сохранением общинного нашего землевладения, с теми лишь необходимыми коррективами, на которые указывает местами сам опыт, сама жизнь. Можно ли после этого сочувствовать тем, даже умеренным, противникам общинного землевладения, которые, не рекомендуя насильственных мер для его отмены, не без удовольствия ожидают того времени, когда оно постепенно и естественно перейдет в частную собственность. Нет, тысячу раз нет! История, народные инстинкты и разные благоприятные обстоятельства сохранили, к счастью, это учреждение до той минуты, когда Россия из быта переходит в быт гражданский, промышленный и коммерческий. Дорожите, как зеницею ока, этим неразвитым еще, но драгоценнейшим залогом правильной социальной организации. Беритесь за него с крайней осторожностью и не спешите преобразовать, пока не изучите все его стороны, не вникните глубоко в его сокровенный смысл. Если где местами смысл народный ослабел и не дорожит более этой своей святыней и верным оплотом против будущих бед, поддержите его, закрепите законом на вечные времена. Мало-помалу оно перейдет в личную пожизненную поземельную аренду, но храни нас Боже, чтобы оно перешло в личную собственность.

С.-Петербург.
3 ноября 1858 г.

Общинное владение

Из различных народных обычаев, удержавшихся до нашего времени, посреди новой обстановки немногие имели у нас такую странную судьбу, как общинное землевладение. Все старое или вымирает, или коренным образом перерождается, и это, вообще говоря, происходит как-то незаметно. Лишь изредка, да и то обыкновенно мимоходом, выкажется почему-либо и обратит на себя внимание последний, запоздалый остаток седой старины, в минуту своего исчезновения, как вспыхивает искра, потухая. Только историки и археологи спешат фотографически увековечить его, как драгоценный факт для восстановления впоследствии в науке и искусстве старины, неудержимо и безвозвратно уходящей в вечность. Обычай общинного землевладения как будто составляет исключение из этого правила. Простой народ великорусских губерний почти везде крепко за него держится и поныне, расстается с ним редко и неохотно. Но что гораздо замечательнее – мыслящие и образованные люди далеко еще не успели согласиться у нас в том, полезен или вреден этот обычай, следует ли его поддержать или, напротив, надо помочь ему скорее разложиться. Одни видят в общинном землевладении остаток грубого, допотопного времени, мешающий нашему гражданскому и экономическому развитию, другие – и число их тоже немало – крепко стоят за общинное землевладение, признают в нем прочное основание нашей государственной самобытности, верное материальное обеспечение народных масс и зародыш новых экономических отношений, которому суждено при дальнейшем его развитии дать формулу, удовлетворительно разрешающую вопросы о взаимных отношениях капитала и труда и о пролетариате. К общинному землевладению, о котором лет сорок тому назад в литературе едва кто упоминал и на которое никто не обращал внимания, теперь обратились и литература, и наука не только у нас, но и в Европе. Оно изучается и обсуждается с различных точек

зрения, становится предметом законодательных забот и мероприятий – словом, получает значение важного общественного явления, которое серьезно занимает умы, вызывает горячие споры. Чем объяснить все это? Откуда такой интерес к черте из народных привычек, которая наряду со всеми другими была заброшена и забыта, казалось, навсегда?

I

Вопрос об общинном землевладении впервые возбудила у нас Императрица Екатерина II. В 1765 г. она предложила на разрешение только что основанного Вольного экономического общества, между прочим, следующий вопрос: «Многие разумные авторы поставляют и самые опыты доказывают, что не может быть там ни искусного рукоделия, ни твердо основанной торговли, где земледелие к уничтожению или нерачительно производится, что земледельство не может процветать тут, где земледелец не имеет ничего собственного. Все сие основано на правиле весьма простом: всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, чего опасаться может, что другой у него отымет. Поставляя сии правила за неоспоримые, осталось мне просить вас решить: в чем состоит или состоять должно для твердого распространения земледельчества имение и наследие хлебопашца? Иные полагают, чтобы то состояло в участке земли, принадлежащем отцу, сыну и потомкам его, с приобретенным движимым и недвижимым, какого бы то звания ни было; другие, напротив того, полагают на один участок земли четыре и до восьми человек родов разных и поставляют старшего в том обществе главным, или так называемым хозяином; из сего последует, что сын после отца не наследник, следовательно, и собственного не имеет, называя собственным только то, что тому обществу принадлежит, а не каждой особе. И так нахожусь я в великом недоумении, не зная, на точный ли или на спекулятивный разум слова “собственное” полагаться. Я по сие время почитаю собственным то, чего ни у меня, ни у де-

тей моих без законной причины никто отнять не может и, по моему мнению, то одно может сделать меня рачительным; однако в сем моем мнении не утверждаюсь, а ожидаю для наставления мне и потомкам моим вашего на сие решения».

Из самой постановки вопроса уже видно, что Императрица склонялась к отрицательному ответу, но ее светлый ум видел, что дело во всяком случае требует внимательного исследования. Однако о вопросе забыли и не думали более полувека.

Снова поднят вопрос об общинном землевладении в сороковых годах нынешнего столетия московскими славянофилами, но совсем с другой точки зрения. В это время оцепеневшая русская мысль стала снова оживать. Отрезанная от практической области, которая была для нее заперта наглухо, мысль могла пробовать свои силы только на теоретических построениях из материалов, какие давало тогдашнее знание, и в эту-то сторону она и направилась. Московские славянофилы видели в великорусской крестьянской общине живое подтверждение своих основных воззрений и потому относились к установленным в ней издавна обычным порядкам и нравам с особенным сочувствием. Общество, владеющее землей сообща, устраивающее пользование ею по взаимному соглашению всех глав семейств или домов до единого, недопущение счета голосов, большинства и меньшинства, при решениях общих дел, круговая ответственность всех за одного и одного за всех – все это казалось воплощением высокого христианского идеала взаимных отношений между людьми, удержавшимся только у нас и притом только в крестьянстве. Тогдашние противники славянофилов, так называемые западники, резко возражали против этой теории и противопоставляли ей свою. В их глазах русский мир и общинное владение были лишь запоздалыми остатками патриархального быта, подавлявшими личное, индивидуальное развитие, энергию и инициативу лица, без которой никакая правильная общественность немыслима. Единогласие, круговая порука представлялись западникам не выражением любви, а путами, под давлением которых лицо принижалось и умалялось до нуля.

Поэтому они желали не сохранения, а скорейшего разложения и русской крестьянской общины, и русского крестьянского общинного землевладения.

Из сказанного видно, что речь шла не о русском мире и не об общинном владении, а по их поводу о вопросах, весьма отвлеченных и общих. Два различных воззрения, на которых распалась русская мысль, искали подтверждения своих философских тезисов в фактах, еще ожидавших расследования и тщательной критической разработки.

В 1856 г. Б. Н. Чичерин сперва в диссертации на степень магистра под заглавием «Областные учреждения России в XVI в.», впоследствии в других своих статьях пытался объяснить историческое происхождение общинного землевладения в России условиями великорусского быта в московский период. По его мнению, у нас уже существовала личная крестьянская поземельная собственность, когда, с одной стороны, крепостное право, а с другой – круговая ответственность в исправном отбывании податей и налогов обесправили и обезличили крестьянские массы. Под влиянием взаимной ответственности крестьян друг за друга по отправлению непомерно тяжкого тягла они, по мнению профессора Чичерина, мало-помалу утратили сознание о личной поземельной собственности.

Это объяснение, примыкавшее по своему характеру к возражению западников, вызвало в свое время большие споры. Теперь, когда мы знаем, что общинное землевладение когда-то существовало у всех народов, объяснение г. Чичерина утратило значение; но, несмотря на то, оно остается и до сих пор весьма ценным вкладом в историю нашего общинного владения, указывая на обстоятельства, которые способствовали сохранению этого вида землевладения до нашего времени, тогда как оно при иных обстоятельствах отчасти заменилось личной собственностью в Малороссии и в землях бывшего Литовского великого княжества.

Едва замолкли последние отголоски отвлеченных теоретических и исторических ученых споров о русской общине, как уже снова начались оживленные толки об общинном

землевладении. На этот раз вопрос ставился практически, как его поставила Императрица Екатерина. Приближалась отмена крепостного права. Она должна была глубоко затронуть весь наш быт и коренным образом повлиять на дальнейшие судьбы нашего крестьянства. Между различными вопросами первой важности, которые при этом предстояло решить, на первом плане стоял вопрос об общинном владении. Следовало ли его отменить как устарелый и вредный остаток прошедшего, или, напротив, удержать и сохранить? На этом воззрения славянофилов и западников опять встретились лицом к лицу, только уже на другой почве и при совершенно иных обстоятельствах. Обе стороны, когда-то враждебные между собою, тотчас же поняли, что теперь речь уже идет не о теоретическом разномыслии, которое, каково бы оно ни было, во всяком случае, подвигает вперед мысль, знание, а о практической постановке дела, при которой малейшая ошибка неминуемо поведет за собой в будущем неисчислимые, хорошие или дурные последствия для народа и государства. Естественно, что обе стороны отнеслись друг к другу гораздо серьезнее. Поборниками общинного владения снова выступили московские славянофилы, вооруженные большим практическим знанием великорусского народного быта, а противниками их, защитниками личной собственности и участкового владения – западники, опиравшиеся на законы политической экономии и блистательные результаты применения их в Западной Европе. Сделать практический вывод из этих споров выпало на долю редакционных комиссий, образованных для проектирования Положений 19 февраля 1861 г. Члены комиссий принадлежали по вопросу об общинном владении к одному из двух воззрений, между которыми разделялись, отчасти и теперь разделяются мыслящие русские люди. Великая, незабвенная заслуга комиссий состояла в том, что, действуя посреди общества, в котором в то время различие воззрений доходило до крайностей и вражды, они вполне поняли всю важность задачи, которую призваны были решать, великую нравственную ответственность, которая на них лежала, и, не поддавшись искушению защищать

во что бы то ни стало то или другое воззрение, добросовестно искали и нашли средние термины, сблизившие до соглашения резко противоположные друг другу взгляды. Не присваивая себе права разрушать народного обычая, которого польза или вред не были окончательно выяснены наукой, не навязывая крестьянству начал, остававшихся спорными, редакционные комиссии приняли за основание существующий факт: там, где общинное владение было на деле, там оно оставлено; где оно уже заменилось участковым, оно тоже признано. Такое вполне беспристрастное, разумное и практическое решение должно было удовлетворить всех. Оставалось определить порядок перехода крестьян от одной формы землевладения к другой. В конце 50-х и начале 60-х гг. в огромном большинстве образованного русского общества, да, кажется, и между членами редакционных комиссий господствовало убеждение, что общинное владение не имеет будущности, что оно рано или поздно неизбежно должно перейти в участковое. Никому не приходило тогда в голову, что крестьяне могут когда-нибудь, как случалось впоследствии, домогаться обращения участкового владения в общинное; все, напротив, были убеждены, что крестьяне непременно пожелают перейти от общинного владения к участковому и личной поземельной собственности. При таком взгляде в Положениях 19 февраля 1861 г. не было постановлено никаких правил о порядке обращения участкового владения в общинное. Внимание редакционных комиссий было обращено лишь на случаи перехода от общинного владения к участковому. В этом отношении решению подлежали следующие вопросы: во-первых, можно ли допустить в принципе переход от общинного владения к участковому целого сельского общества; во-вторых, если можно, то как поступать, когда не все члены общества на то согласны; в-третьих, можно ли допустить выделение одного домохозяина из общинного владения целого общества, и если можно, то какой порядок установить для такого рода случаев? Ввиду противоположных воззрений на общину и участковое владение решить эти вопросы было нелегко. С точки зрения славянофилов, на все эти

вопросы нельзя было ответить иначе как отрицательно; с точки же зрения европейской науки и практики, они решались, безусловно, в положительном смысле. Но и эти затруднения редакционные комиссии сумели победить. Взаимные уступки привели членов комиссии к следующему общему выводу: во-первых, общинное владение может быть заменено участковым, если за такую перемену выскажется не менее двух третей членов общества, имеющих право голоса на сходе; во-вторых, отдельные домохозяева могут выделяться из общины, если выкупят свой поземельный надел, но этот надел отводится им в таком случае особо, по усмотрению общества. Мысль, руководившая при том и другом решении, была, очевидно, такая: дозволить упразднение общинного землевладения, но только в тех случаях, когда будет доказано, что этого действительно желает несомненно значительнейшее большинство общества; дозволить и отдельному домохозяину выделиться из общины, но так, однако, чтобы остальные члены того общества не были стеснены этим выделением и выгоды общественного землевладения через то для них не умалились.

Мы вполне понимаем, что на такое решение вопроса можно взглянуть с различных точек зрения, сочувствовать ему и не сочувствовать. Смотря по взгляду, можно находить его слишком податливым или в пользу личного землевладения, или, наоборот, в пользу общинного. За отсутствием всякой объективной мерки для определения середины между двумя взаимно друг друга отрицающими взглядами, к заключениям редакционных комиссий по этому предмету следует отнестись как к результату взаимных уступок, и с этой точки зрения нельзя не признать, что вопрос решен с замечательным беспристрастием и с достойной всякого уважения терпимостью к противоположному взгляду правило, принятое в Положениях 19 февраля 1861 г., как мы сказали, только указало практический исход из затруднения, но оно не решило, да и не могло решить самого вопроса. Спор между защитниками и противниками общинного владения продолжался и после того, и с особенной силой поднялся теперь. Поводом послужило пред-

принятое правительством в 1872 г. исследование нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Богатые и драгоценные материалы, собранные по этому случаю Министерством государственных имуществ со всех краев Европейской России, мнения и взгляды на общинное владение, высказанные при этом множеством лиц, принадлежащих к самым различным общественным положениям, не могли не обратить снова внимания мыслящих людей и печати на предмет, к которому по самому его свойству сходятся самые разнообразные интересы государства, общества и частных лиц. Достаточно было напомнить об этом предмете, чтобы противоречивые суждения всплыли снова и с такой же живостью, почти враждебностью, как прежде. С тех пор как московские славянофилы подняли вопрос об общине и общинном землевладении, обстановка и условия русской жизни существенно изменились; отвлеченная точка зрения сменилась практической и реальной, и однако, несмотря на то, теперь, как тогда, общинное землевладение остается спорным предметом. До последних лет можно еще было думать, что разногласие на самом деле не так важно и ограничивается тесным кружком столиц и столичных газет и журналов, но теперь думать так стало невозможно; материалы и отзывы, собранные министром государственных имуществ, несомненно, доказывают, что такое же разногласие относительно общинного владения существует во всей России; тогда как одни видят в нем главную помеху сельскохозяйственному развитию и успехам, ему приписывают недостаток инициативы, энергии, самодеятельности и бережливости в крестьянском населении, другие видят в общинном владении неизбежный результат наших географических условий и верное обеспечение против бездомности и пролетариата. Все это показывает, что общинное владение недостаточно изучено, что оно требует тщательного и всестороннего исследования. За недостатком его многие, по нашему похвальному обычаю, заменяют положительное, фактическое знание или чисто личными соображениями, причем общая польза и завтрашний день совершенно забываются, или

же готовыми шаблонами, которые дают опыт и наука в Европе. При общинном владении не может образоваться многочисленного класса сельских безземельных батраков, вынужденных, чтобы снискивать себе пропитание, наниматься в постоянные работники на господские усадьбы; стало быть, рассуждают крепостники, общинное землевладение вредно, и его надо отменить. Но немало у нас и таких противников и защитников общинного землевладения, которые смотрят на него сквозь европейские очки и применяют к нему европейские шаблоны. Консерваторам этого пошиба мерещатся в общинном землевладении зародыши европейского социализма и коммунизма, которые со временем, когда разовьются, должны разрушить священное право личной собственности. Естественно, что всякий защитник общинного крестьянского землевладения должен им казаться крайним из крайних, красным, чуть-чуть не коммунаром и петрольщиком. К сожалению, есть у нас и такие защитники общинного владения, которые наивно принимают вызов подобных противников и, стоя с ними на одной почве, применяя, подобно им, европейскую мерку к нашим общественным явлениям, объясняют общинное владение в смысле самых крайних радикальных европейских воззрений. Такая невольная мистификация – плод совершенного незнания и очевидного непонимания дела спутывает все понятия и окончательно затемняет вопрос, и без того очень трудный для решения. Что ж мудреного, что мы относительно его ходим в потемках, и нет двух человек, смотрящих на него одинаково.

Теперь вопрос об общинном землевладении как будто начинает выходить на новый путь, на котором только и можно ожидать его решения. Крестьянское землевладение начинают изучать фактически, и притом не только у нас, но и за границей. В прошлом году появилась весьма замечательная диссертация по этому предмету А. Постникова [1], составляющая начало критических этюдов, посвященных разъяснению общинного владения и защите его. Судя по началу, критический труд г. Постникова должен существенно подвинуть вперед научное исследование этой формы землевладения. К числу важных и

серьезных приготовительных трудов по тому же предмету следует отнести и работу Е. Якушкина [2]. Она содержит в себе очень тщательно составленный библиографический указатель всего, что у нас до сих пор издано по обычному праву, в том числе и по общинному землевладению. Этому почтенному труду, за который каждый занимающийся нашим обычным правом искренно поблагодарит г. Якушкина, предпослан мастерски составленный систематический обзор народных обычаев по всем отраслям права, и в нем здесь и там приводятся факты, кажется, нигде еще не напечатанные, между прочим и по общинному землевладению. Мы слышали, что вслед за сим выйдут полный свод всего до сих пор напечатанного об общинном владении, составленный тоже г. Якушкиным, продолжение исследований г. Постникова и материалы по тому же предмету, собранные г-жою Ефименко [3]. Недавно г. Кейслер [4] напечатал в «Балтийском Ежемесячнике» интересную работу по истории общинного землевладения в России. В этом почтенном труде сведено и критически проверено все, что до сих пор было написано по этому предмету. Из периодических изданий, сочувственно относящихся к общинному владению, укажем на «Еженедельник» [5], заменившийся с нынешнего года «Молвою» [6]. В нем от времени до времени печатаются материалы по общинному владению, заслуживающие серьезного внимания и расширяющие поле исследования.

В то время как мы начинаем ближе всматриваться в загадочный народный обычай, которым определяется быт около 30 млн. нашего сельского населения, европейские экономисты тоже подходят к нему, хотя и с другой стороны. Неизвестный нам вовсе антагонизм сословий или слоев общества существует в западной Европе, и в последнее время, к сожалению, в худшей и самой опасной его форме – в виде вражды труда и капитала, бедных и богатых. Симптомы этой социальной болезни не ослабевают, а, напротив, от времени до времени усиливаются. Естественно, что лучшие умы в Европе прилежно изучают этот вопрос и приискивают средства отвратить надвигающуюся грозу, которая в Древнем мире привела государства и

цивилизацию к упадку. Но европейцы работают не по-нашему; они изучают каждый вопрос глубоко, со всех сторон, со всевозможных точек зрения. Опасность, которой подвергается у них собственность со стороны социалистических и коммунистических теорий, повела к глубокому историческому исследованию права поземельной собственности, и это-то исследование и натолкнуло ученых на общинное владение, которое, как теперь оказывается, существовало когда-то во всей Европе и существует до сих пор у многих народов вне Европы. В последней слабые следы его, не говоря о славянских племенах, удержались еще кое-где в Швейцарии и великом герцогстве Баденском. Недавно бельгийский экономист Лавелэ [7] свел все отдельные исследования по этому предмету в одно целое и пришел к выводу, что личная поземельная собственность, сменившая собою в Европе общинное владение, привела роковым образом к социальной розни, чего общинное владение не допускало. Поэтому он с особенным сочувствием относится к этой форме землевладения, хотя и не указывает, как можно ею воспользоваться там, где она уже исчезла. Мы еще возвратимся к книге Лавелэ, а здесь укажем только на ту странность, что в то самое время, как мы весьма легко, поверхностно и с пренебрежением относимся к народному обычаю, который у нас сохранился и у каждого из нас под глазами, европейцы, давно его утратившие, начинают серьезно его изучать и приходят в раздумье, не было ли бы лучше, если бы он удержался и был им в свое время так же тщательно обработан юридически, возведен в общественный институт, огражден и обеспечен законом, как это было сделано с личной поземельной собственностью. Для довершения странности не достает только, чтобы мы по рекомендации европейцев и с их голоса воспользовались своим же добром, как следует, чего до сих пор не можем и не умеем, потому что, как водится, о нем не думали и им не занимались.

В самом деле, мы и до сих пор не знаем, что такое крестьянское общинное землевладение. Спросите десять человек – каждый определит его по-своему, иначе, опираясь на те факты, которые обратили на себя его внимание, или на кото-

рые он натолкнулся случайно. Связного цельного понятия об общинном владении, обнимающего все его существенные, характерные особенности, никто не имеет. Чтобы убедиться в этом, стоит пересмотреть сообщения и отзывы, собранные министром государственных имуществ. Что за разноголосица, что за отсутствие ясных представлений о том, что у каждого почти ежеминутно <перед> глазами!

II

Недавно в одном приятельском кругу был поднят вопрос об общинном землевладении. Здесь, как и во всей России, его определение и установление существенных, отличительных его признаков вызвало жаркие нескончаемые споры. Наконец, после зрелого обсуждения, в продолжение нескольких вечеров, все сошлись на следующих общих положениях:

«Под *общинным владением* разумеется владение недвижимым имуществом, принадлежащее обществу домохозяев, которые распоряжаются и пользуются им по взаимному между собою соглашению».

«Основные характеристические черты общинного владения суть следующие:

1) в общинном владении может находиться недвижимое имущество, принадлежащее или не принадлежащее обществу на правах собственности;

2) каждый домохозяин как член общества имеет право участвовать и в распоряжении, и в пользовании имуществом, состоящим в общинном владении того общества;

3) по отношению к общинному владению общество домохозяев есть юридическое лицо особого рода, представляемое не большинством их, а совокупностью всех. Вследствие того каждое распоряжение имуществом, состоящим в общинном владении, предполагает согласие всех домохозяев;

4) если недвижимое имущество, находящееся в общинном владении, принадлежит обществу на правах полной собственности, то домохозяева по взаимному между собою со-

глашению могут распоряжаться им точно так же, как всякий личный собственник, – продавать, закладывать, отдавать внаем или аренду и т. п. в полном составе или по частям;

5) домохозяева, имеющие недвижимое имущество в общинном владении, хотя бы и без права собственности, могут по взаимному соглашению распределять между собою это имущество в полном его составе или только некоторые его части в отдельное временное или постоянное пользование или оставлять его в общем пользовании;

6) порядок распределения и виды пользования поземельным имуществом при общинном владении могут быть весьма разнообразны, смотря по обстоятельствам. Но, завися исключительно и вполне только от взаимного соглашения всех домохозяев, как способы распоряжения, так и виды пользования сами по себе не составляют отличительного характеристического признака общинного владения и могут, по усмотрению домохозяев, не только разнообразиться до бесконечности, но и заменяться совершенно новыми, никогда прежде не бывавшими, не изменяя самого существа общинного владения;

7) когда поземельное имущество, состоящее в общинном владении, распределяется в отдельное пользование между домохозяевами, то такое распределение производится уравнительно, на основаниях, установленных с общего согласия всех домохозяев. Отступления от этих оснований допускаются тоже не иначе как по соглашению всех же домохозяев; и

8) ограничения и стеснения, которым подвергаются домохозяева в распоряжении и пользовании недвижимым имуществом при общинном владении, не проистекают исключительно из самого существа общинного владения, но зависят также частью от принятых теперь почти во всех наших крестьянских обществах способов распределения и видов пользования общинным владением, частью же от разных других обстоятельств и условий, в которые поставлено наше крестьянство».

Читателям, не имевшим случая познакомиться с практикой общинного землевладения в наших великорусских деревнях, смысл многих из приведенных положений останется не

совсем ясным. Поэтому мы считаем необходимым войти здесь по поводу этих положений в некоторые подробности.

Первое, что бросается в глаза и вызывает недоумение, это то, каким образом могут все без изъятия домохозяева единогласно распоряжаться общинным владением? В случае разногласия, которое не может не встречаться, непременно должно произойти одно из двух: или никакого решения, за отсутствием единогласия, не состоится, или же голос меньшинства будет подавлен большинством. Так рассудит каждый юрист и будет совершенно прав. Чтобы объяснить эту кажущуюся странность, не до́лжно терять из виду, что общинное владение есть народный обычай, до которого юридические определения еще не касались. Что со временем и для распорядка общинного владения потребуются юридические определения, это не подлежит сомнению. Очень возможно, и даже вероятно, что уже и теперь, здесь и там, на факте, голос большинства подавляет меньшинство, не принимая в соображение даже его законных требований. Но по убеждению большинства крестьян единогласное решение домохозяев есть непременное условие всякого распоряжения их общинным владением. Что они действительно так понимают дело – известно всякому, кто приглядывался к быту великорусских и белорусских деревень. Скажем более: это старинный взгляд всех славянских племен. Из него проистекли несчастное польское *liberum veto*[1] и кровавые свалки при новгородских смутах. Не только в распоряжениях общинной землею, но и во всяких решениях сельского общества непременно предполагается, что все до единого согласны, и пока единогласие не достигнуто, общество ни на что не решается. Требование единогласного вердикта от английских присяжных, без сомнения, вытекает из того же стародавнего воззрения. Нам из личного опыта известно, что один какой-нибудь крестьянин, даже из таких, которые не пользуются уважением, нередко тормозит полезное дело.

---

[1] Свободное вето (лат). Означало право, дававшееся в польском сейме с XVI до конца XVIII в., по которому один возражающий член сейма мог сделать недействительным решение сейма.

Каким же образом, спросит читатель, могут при таких условиях делаться крестьянскими обществами какие бы то ни было распоряжения? А очень просто: меньшинство или убеждается доводами большинства, или, не убедившись, добровольно уступает, чтобы быть заодно со всеми. Случаи насилия, случаи уговора всех против одного до того редки, что нам, например, не случалось слыхать ничего подобного, хотя, без сомнения, такие случаи возможны и кое-где, вероятно, встречаются. Напротив, беспрестанно случается видеть, что целое крестьянское общество на многих сходках выбивается из сил, чтобы уломать одного из своих сочленов согласиться со всеми, и, не получив его согласия, отлагает дело. Такой обычай, до сих пор глубоко вкорененный в нашем великорусском крестьянстве, вполне объясняет, почему славянофилы видят в нашей общине живую единицу, связанную полным единодушием всех ее членов, и признают за выражение ее мнения не большинство голосов, а полное согласие всех; понятным становится также, почему, по той же теории, лицо не поглощается общиной, не подчиняется его силе, а добровольно и непринужденно присоединяется к его решению, сливается с ним в любви. Эта теория оправдывается исторически тем, что она высказывает существующий факт, а теоретически – тем, что навсегда останется идеалом, хотя может быть при сильном развитии индивидуализма и недостижимым для общины. Во всяком случае вопрос о представительстве меньшинства, занимающий лучшие умы Англии, показывает, что решение по большинству голосов не разрешает задачи в смысле приблизительно верного выражения общественного мнения.

Не вдаваясь здесь в дальнейшее развитие этих мыслей, ограничимся замечанием, что, признав за характерную черту единогласное решение всех домохозяев по вопросам общинного владения, мы только указываем на факт, всеобщий в великорусском крестьянстве и хорошо известный всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с его бытом. Откуда он ведет свое начало – трудно сказать. Может быть, в нем, по преданию и привычке, живет до сих пор воспоминание о происхожде-

нии общины из разросшейся семьи; может быть также, что это остаток совершившегося в незапамятные времена соединения между собою разрозненных семей в общий союз или в совокупное общежитие, на что как будто указывает слово *мир.* Как бы то ни было, но требование полного единогласия в распоряжениях общинной землей – факт весьма замечательный и характерный, хотя, по-видимому, и не исключительно славянский. Вот почему его нельзя обойти, говоря об общинном землевладении.

Далее. Правильному пониманию этой формы вещных прав существенно мешает смешение общинного землевладения с усвоенными теперь у большинства нашего крестьянства способами хозяйства и распорядка земель. Между великорусскими крестьянами почти везде принято распоряжаться общинной землей так: 1) часть ее отводится под усадьбы, с огородами и коноплянниками, и каждый домохозяин получает в ней участок в постоянное пользование. Здесь он полный хозяин, может заводить и строить, что ему угодно. Но этот участок не есть его собственность, и если он выбудет из общества, то усадьба его поступает в распоряжение общества; только то, что на ней построено и насажено, принадлежит ему или его наследникам, если они не захотят или в силу обычая не могут удержать за собой усадебной земли. Согласно с тем домохозяин не может ни продать, ни заложить своей усадьбы в общинной земле; 2) лес, луговой покос, выгон, рыбные ловли, пар не отводятся домохозяевам в отдельное или участковое пользование. Лес или заказывается, или оставляется в пользовании всех домохозяев; точно так же и рыбные ловли, не отданные в аренду или наем; в некоторых местностях сам лов рыбы производится всеми домохозяевами сообща; луг или покос обыкновенно делят на участки перед самым покосом; наконец, пар и выгон служат для пастьбы скота и лошадей всех домохозяев без разделения между ними в отдельное пользование; 3) затем в постоянное, отдельное, более или менее продолжительное пользование домохозяев отводится лишь пашня под засев озимого и ярового хлеба. Вся общин-

ная земля, предназначенная для хлебопашества, делится в тех местностях, где сеют озимый и яровой хлеб, на три поля, из которых одно остается в пару, а остальные два опять делятся, смотря по качеству, положению и удобству пашни, на несколько клинов, из которых каждый, в свою очередь, подразделяется на равные мелкие участки, распределяемые между крестьянами по жребию. Эти участки называются паями, жеребьями, полосами, загонами и т. д., и число их зависит от того, какое основание принято в обществе для отвода частей пашни в отдельное пользование: в иных участки делятся по числу ревизских мужских душ, в других – по числу взрослых работников. Такое разделение на паи или жеребьи редко где остается постоянным и неизменным навсегда; почти во всех обществах оно или ежегодно, или в более или менее продолжительные промежутки времени изменяется. С увеличением или уменьшением числа членов общества жеребьи, естественно, или уменьшаются, или увеличиваются в размере.

Таков в самых общих и главных чертах теперешний порядок общинного землевладения у великорусских крестьян. От него здесь и там встречаются весьма замечательные отступления. Так, в некоторых местах поле разбивается не прямо на клины, а сперва на «выти», которые предоставляются в общинное пользование части общества, состоящей из нескольких семейств. О других отступлениях мы будем иметь случай сказать ниже. Понятно, что такие порядки зависят от взгляда крестьян на способы возделывания земли, от свойств почвы, от разных местных условий и т. п. Переменись взгляды крестьян на принятые у них способы эксплуатации земли, переселись они в другую местность, где условия хлебопашества другие, они могут, сохранив общинное землевладение, распорядиться им совсем иначе, чем теперь, потому что существенное в общинном владении – не тот или другой способ распределения земли между домохозяевами, а то, что они распоряжаются ею сообща, по единогласному решению. Но это у нас очень немногие понимают. Большинство считают принятые теперь у наших крестьян сельскохозяйственные порядки за самую суть

общинного землевладения, в недостатках первых видят аргумент против последнего и убеждены, что, осуждая переделы пашни, дробность и чересполосность крестьянских владений, трехпольную систему хозяйства, они тем самым произносят смертный приговор общинному владению. Для каждого, кто хоть сколько-нибудь вникал в дело, конечно, ясно, что между сельскохозяйственными понятиями крестьянства и общинным владением нет ничего общего, что их связь совершенно случайная. От крестьян вполне зависит разбить пашню не на три, а на пять, семь, девять и т. д. полей, вовсе отменить периодические переделы, завести хуторное хозяйство, выделив на долю каждого к одному месту все причитающееся ему пространство общинной земли. Этим и подобным распоряжениям общинное владение нимало не препятствует; препятствуют тому другие причины, между которыми первые – низкая степень их сельскохозяйственных сведений, недостаточность надела, чрезмерность налогов, бедность, отсутствие долгосрочного кредита, само свойство почвы, местоположение надела и т. п. Стало быть, нужно устранить эти помехи сельскохозяйственного развития нашего крестьянства, а не общинное владение, которое в земледельческом застое крестьян ничем не повинно. Мы же перемешиваем все и от недостатка внимания и знакомства с делом запутываем и усложняем вопрос.

Наконец, большинство рассуждающих у нас об общинном владении приписывают ему одному все стеснения, которым подвергается наш крестьянин в своих сельскохозяйственных занятиях и распоряжениях, не делая между этими стеснениями никакого различия. Крестьянин стеснен весьма сильно – это несомненно; что некоторые из стеснений, которые он терпит, проистекают непосредственно из общинного владения – тоже бесспорно. Но мы не даем себе труда подробно выяснить, из какой именно причины каждое из них проистекает. Рассуждаем мы очень легкомысленно так: многие из ограничений крестьян в свободном распоряжении землею зависят прямо от принятых у них сельскохозяйственных порядков; а т. к. в этих порядках и заключается вся суть общинного владения, то, заключаем

мы, во всех стеснениях виновато оно и оно одно. Поспешность и опрометчивость такого вывода после сказанного выше очевидны. Допустим, однако, что большинство стеснений, действующих вредно на земледелие у крестьян, действительно происходит только от общинного владения. Есть ли это одно достаточное основание для произнесения ему смертного приговора? По здравой логике надо бы обсудить, не представляет ли оно каких-нибудь хороших и полезных сторон, которыми вредные уравновешиваются или смягчаются, – сторон, из-за которых крестьяне им дорожат, а многие мыслящие люди его отстаивают. Эти стороны могут оказаться до того важными, ограждать такие существенные интересы страны и народа, что волей-неволей придется помириться и с дурными, терпеть их из опасения большего зла. Мало ли что дурное терпится за то хорошее, что в нем есть! Всякий хозяин знает это по опыту, не только управляя имением, но даже своим домашним хозяйством. Наконец, тот же здравый смысл велит прежде отмены векового и любимого народом обычая подумать сперва, нельзя ли устранить или хоть ослабить его дознанные неудобства и сделать их по возможности безвредными. Но обо всем этом, сколько известно, мы до сих пор и не думали. Общинное владение, говорим мы, стеснительно, стало быть, его надо уничтожить. Но ведь и всякое учреждение и всякий обычай стеснительны для индивидуальности; стало быть, следует все их уничтожить? Люди, рассуждающие так сплеча, должны бы вспомнить, что само общежитие в принципе стеснительно для каждого лица, что даже природа нас постоянно стесняет и ограничивает своими неизменными и неотвратимыми законами. А столько нами желанная для крестьян личная поземельная собственность разве уж так безусловно неограниченна и свободна? Говоря об общинном владении, надо всмотреться в него глубже, со всех сторон, а этого мы упорно не делаем. Рутинное размышление по готовым шаблонам, разумеется, гораздо удобнее. У нас сельское хозяйство идет дурно, а в Европе хорошо; у нас распространено общинное землевладение, а в Европе оно давно упразднено, и мы поспешаем к выво-

ду: стало быть, общинное владение этому виной, и если его упразднить, то сельское хозяйство пойдет у крестьян хорошо. Этот ход мыслей напоминает нам аргументацию одного господина, который доказывал, что музыкальные способности славянского племени потому не говорят в его пользу, что англичане – первый народ в мире, а к музыке вовсе не способны. С такими и подобными аналогиями можно договориться Бог знает до чего. Единственный верный и правильный путь – это изучить дело со всех сторон, в мельчайших подробностях, принимая к сведению чужой опыт, но не давая сбивать себя с толку чужими выводами из чужих фактов. Попробуем с этой строго научной точки зрения рассмотреть общинное владение, пользуясь очень немногочисленными, но весьма ценными опытами критической разработки этого предмета и все еще очень скудным и, главное, крайне разбросанным материалом. Мы нисколько не скрываем от себя, что при недостатке положительных фактов и при немногих пока попытках научной их разработки исследование не может иметь ни большой цены, ни большого научного значения. Мы только хотим, со своей стороны, помочь читателю уяснить себе вопрос, возбудить интерес к предмету и, насколько можем, облегчить на первых порах труд серьезных исследований.

III

Все, что можно сделать при настоящем положении вопроса, – это взвесить и оценить аргументы «за» и «против» общинного землевладения. Этим мы и займемся. Как уже замечено, наибольшее число возражений против общинного владения направлены в действительности против принятого теперь в большей части сельских обществ распорядка пашен, причем предполагается, что он зависит вполне от общинного владения.

Так, говорят, что при существующих теперь переделах общинной земли крестьянин не имеет ни уверенности, ни даже надежды воспользоваться трудом и деньгами, которые он положит на отведенную ему долю общинной земли с тем,

чтобы поднять на ней хозяйство. Он и истощает свою пашню, не делая ничего для улучшения.

Говорят также, что общинное землевладение искусственно поддерживает между крестьянами крайнюю раздробленность пашни, при которой немыслимы никакие улучшения в обработке полей. Частички земли, до того узкие и малые, что по ним даже соха с трудом ходит вдоль и вовсе не может ходить поперек, вдобавок еще разбросанные в разных местах, иные вдалеке от жилья, отнимают всякую возможность и охоту вести полевое хозяйство как следует, заставляют терять золотое время на проезды, изводят много пашни под межники; вынуждают даром тратить много семян по тем же межникам, ставят в необходимость топтать при проездах полосы других крестьян того же общества.

Многие замечают, что поле, озимое или яровое, общее для всех домохозяев одного общества, несмотря на то, что оно разделено между ними полосами в отдельное пользование, чрезвычайно стесняет каждого домохозяина в отдельности. Каждому из них волей-неволей приходится начинать и оканчивать все полевые работы непременно в одно время с другими. Начать сеять и убирать хлеб, вывозить навоз, косить раньше других он не может: ему придется то топтать чужой хлеб или траву, то подымать пар, когда по нему гоняют скот, чего ему никто не позволит; если же он опоздает перед другими в уборке или покосе – опять беда: его хлеб или трава будут побиты скотом и лошадьми. И потому крестьянину остается одно принятое всеми крестьянами того же общества шаблонное, рутинное полеводство, хотя бы он ясно понимал, что оно никуда не годится, и желал завести у себя улучшенное!

Все эти замечания сами по себе вполне верны. Их, к сожалению, отвергать нельзя, как нельзя отрицать, что сельское хозяйство у огромного большинства наших крестьян находится в печальном состоянии. Защитники общинного владения оказывают ему плохую услугу и большую своим противникам, усиливаясь стушевать очевидные и несомненные факты. Но вопрос в том, говорят ли эти факты против общинного владения,

другими словами, проистекают ли они из общинного владения или из каких-нибудь других причин?

Во-первых, если бы у большинства или хоть у значительного меньшинства личных поземельных собственников, крестьян и не крестьян, сельское хозяйство велось видимо лучше, чем у владеющих на общинном праве, то это был бы бесспорно сильный аргумент в пользу мнения, что общинное землевладение виновато в дурном состоянии у нас сельского хозяйства. Но оно ведется у нас одинаково плохо везде, на всяких землях, общинных и необщинных. Хорошие хозяйства, крестьянские и некрестьянские – редкие исключения, и встречаются они и на общинных, и на не общинных землях. Значит, общинное землевладение не играет в нашей сельскохозяйственной отсталости ровно никакой роли.

Во-вторых, чересполосица и связанная с нею крайняя дробность полос со всеми их вредными для хозяйства последствиями вовсе не составляют исключительной принадлежности общинного землевладения. Они встречаются очень часто и в общих дачах, и во владениях мелких собственников, завися нередко не от случайных причин, каковы дробление наследств, разделы, покупки, неумение или нежелание разверстаться к одним местам и прочее, но и от причин весьма существенных, мешающих устранению чересполосицы, как, например, от свойства угодий, их особенной выгодности или невыгодности, от разных топографических условий и т. п. Стало быть, дробность и чересполосность владений, встречаясь и на общинных землях, и на принадлежащих в личную собственность, во всяком случае не могут, по здравой логике, считаться злом, проистекающим исключительно из общинного землевладения. Принятый у крестьян способ распределения пашни действительно много содействует дробности участков и чересполосности. Но мы видели выше, что это не имеет никакого отношения к общинному землевладению. Последнее не требует непременно известного распределения полей, известного севооборота. В подтверждение приводим следующие факты. В «Материалах для статистики России, собираемых по ведомству Ми-

нистерства государственных имуществ»[1], читаем, что в двух подмосковных селениях, Карачарове и Андроновке, нет пару: хозяева разделяют свои полосы, смотря по силе удобрения, на 4 или 5 смен с удобрением через 4 или 5 лет; Гремячевское общество в 30 верстах от Москвы засевает в пару ромашку. В Ярославской губернии[2] есть селения с однопольным хозяйством (яровым) и беспольным (переложным); в Калужской губернии[3] есть селения с однопольным и двухпольным хозяйством. Однопольные и переложные хозяйства существуют во множестве и в Самарских степных уездах – Новоузенском и Николаевском. Мы знаем из собственных наблюдений в Белевском уезде Тульской губернии и по отзывам о некоторых селениях Рязанской губернии, что крестьяне, убедившись в больших неудобствах дробных полос, уже начинают кое-где заменять их более обширными, сводя по возможности к одним местам разбросанные мелкие клочки пашни. И в этом отношении необходимость удобрять пашню должна постепенно научить крестьян более правильным порядкам, чем теперешние. По мере введения удобрения первоначальное, иногда случайное различение достоинства пахотной земли должно мало-помалу потерять во многих случаях свое прежнее значение, а с тем вместе исчезнет и необходимость подразделять каждое поле на несколько, иногда на много клинов; с уничтожением же, или хотя бы только с уменьшением числа клинов, участки естественно увеличатся. Таким образом, и в этом случае сельскохозяйственные порядки, а не общинное владение оказываются причиной указанных теперешних неудобств и недостатков в распорядке полей.

В-третьих, переделы полей как источник всякого зла для сельского хозяйства и повод к большим злоупотреблениям со стороны мироедов, несправедливости в отношении к заботливым хозяевам – любимая тема противников общинного владения. При этом, по нашей всегдашней привычке, не делается никакого различия между условиями, при которых переделы

[1] Вып. 1. – 1858. – С. 12.

[2] Вып. 2. – 1859. – С. 23 и 24.

[3] Вып. 5. – С. 18.

положительно вредны, и другими, при которых они безвредны, или могут быть сделаны безвредными. Вместо того чтобы утруждать себя выяснением таких различий, мы рубим сплеча, и результат, разумеется, выходит ошибочный.

Переделы ввелись и держались, пока земли давали при плохой первобытной культуре и без удобрения очень хорошие урожаи. При таких условиях переделы совершенно безвредны. Естественные различия почвы уравновешиваются разбивкой пашни на клинья, а в пределах каждого клина зéмли совершенно одинаковы, пахать и засевать ту ли или другую полосу совершенно все равно. Вот что давало полную возможность ежегодно уравнивать доли всех участников общинного владения, не нарушая строгой справедливости. Ежегодный передел с распределением полос между участниками по жребию окончательно уравновешивал незначительные и случайные неравенства, которые могли еще оставаться после разбивки пашни на клины и полосы. Но с истощением земель, с появлением необходимости удобрять землю и тщательнее ее обрабатывать условия передела начали существенно изменяться. В первоначальном своем виде он стал несправедливым, тасуя между домохозяевами зéмли неодинакового качества, отнимая полосу, унавоженную и хорошо обработанную, у хозяина, который об этом старался, и отдавая ее, совершенно случайно, в руки лентяя, который ничего или мало сделал для улучшения своей земли, а захудалую и тощую полосу – хорошему и самостоятельному хозяину. Такая явная несправедливость старого передела посреди новых условий хозяйства привела мало-помалу к некоторым изменениям прежнего порядка, а именно стали постепенно отменять ежегодные переделы и производить их через более продолжительные промежутки времени – через 3 года, 5, 6, 9, 12, 15 и 20 лет, или при наступлении новой ревизии. Этим нарушалась строгая уравнительность наделов с наличным числом работников или мужских душ, но вместе с тем устранялись явные несправедливости в отношении к старательным хозяевам. В некоторых местах крестьяне уже подумывают о совершенной отмене переделов.

Любопытные сведения собраны по этому предмету в 55 волостях Саратовской губернии.[1] Наконец, здесь и там крестьяне уже начинают при переделах оставлять неудобренные полосы за прежними их хозяевами и тем отнимают у нерадивых возможность пользоваться на счет старательных. Из приведенных фактов видно, что частые и редкие переделы и полное их прекращение одинаково уживаются с общинным владением, и что, следовательно, не оно, а другие причины поддерживают их в крестьянских хозяйствах, несмотря на существенные перемены в прежних условиях хлебопашества.

Г-н Постников в своей замечательной диссертации тоже доказывает, что общинное владение нисколько не мешает развитию сельского хозяйства и усовершенствованной культуре. Основная его тема та, что краткосрочная аренда земли не предоставляет арендатору больше прав на арендуемый им участок, чем общинное владение домохозяину на пашню, предоставленную в его отдельное пользование. У первого даже скорее меньше прав, чем у последнего, т. к. домохозяин, лишившись при переделе своей пашни, имеет по крайней мере право получить другую, тогда как арендатор по истечении срока аренды может остаться вовсе без земли, если землевладелец не захочет возобновить с ним контракта. И, несмотря на то, в Англии, где владельцы сами не занимаются сельским хозяйством, а раздают свои земли фермерам, сельское хозяйство процветает, как нигде. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что английские фермеры не домогаются установления долгосрочных арендных контрактов, а только требуют закона, который бы обязывал землевладельцев при передаче ими фермы другому лицу вознаграждать их за все сделанные ими на ней улучшения, которые остаются в пользу владельца или нового содержателя. Из своего исследования, основанного на массе данных и свидетельствующего о большой начитанности и серьезном отношении к вопросу, г. Постников выводит, что общинное землевладение утратило бы замечаемые в нем теперь неудобства, если бы было, во-

[1] См.: Еженедельник. – 1875. – № 43. – С. 360.

первых, принято за правило, что переделы, как бы они часто ни производились, допускаются во всяком случае не иначе, как через однажды навсегда определенные промежутки времени; другими словами, он требует, чтобы за каждым домохозяином было обеспечено пользование своим участком в продолжение однажды навсегда установленного периода времени, так что если бы определены были переделы через каждые три года и передел, предстоявший, положим, в 1876 г., не был произведен в свое время, то следующий затем мог иметь место не иначе как в 187<9> г. При таком порядке всякий домохозяин-общинник был бы, подобно фермеру или арендатору, обеспечен, что раньше известного срока его не потревожат в пользовании отведенной ему пашней, и он вследствие того мог бы составить себе план своего хозяйства. Затем, во-вторых, необходимо, по мнению г. Постникова, обеспечить каждому домохозяину вознаграждение за все сделанные им в своем наделе улучшения, когда его пашня при переделе переходит к другому хозяину. При этих двух поправках общинное землевладение не будет представлять бо́льших неудобств для домохозяев, чем фермерство. Как ни справедливы сами по себе эти соображения почтенного автора, но мы опасаемся, что они едва ли покажутся вполне убедительными. Фермерское хозяйство в Англии и наше крестьянское на общинной земле покажутся большинству несоизмеримыми; сближение того и другого легко может показаться искусственным, натянутым. В Англии содержание ферм есть одна из отраслей промышленности и равносильно затрате капитала в промышленное предприятие; крестьянский же тягловой или душевой полевой надел при самых благоприятных условиях дает крестьянину только средство жить безбедно, уплачивать налоги и лишь в лучшем случае возможность отложить копейку про черный день. На фермерском участке сосредоточено целое хозяйство; тягловой и душевой полевой надел состоит из полос, отведенных в разных, иногда во многих местах и окруженных чужими полосами, а сенокос и пастбище находятся в общем пользовании с другими и потому не могут быть улучшаемы

иначе как с общего согласия всех членов общества. Такое же различие в большинстве случаев представляет и размер отданной в аренду фермы в сравнении с крестьянским наделом. Мы далеки от мысли, чтобы между фермой и крестьянским полевым наделом не было никаких точек сравнения; они, бесспорно, есть, но слишком далеки, чтобы аргументация автора, на самом деле весьма сильная, показалась всем достаточно убедительной. Нам все-таки кажется, что вопрос об общинном владении и вопрос о системе полеводства и сельского хозяйства совершенно различны, и смешивать их никак не следует. Общинное владение, как мы старались показать, уживается со всякими порядками распределения полей и потому не может мешать созданию самых благоприятных условий для сельского хозяйства. Это – первое и главное. Затем уже возникает другой вопрос: что благоприятнее для успехов сельского хозяйства – временное ли пользование землей, или право личной собственности? Из диссертации г. Постникова, несомненно, следует, что при известных обстоятельствах двигателем сельского хозяйства является фермерство, краткосрочная аренда, а не личная поземельная собственность. Если этим и не доказывается, что последняя везде и всегда менее полезна для успехов сельскохозяйственной культуры, то, во всяком случае, оказывается несомненным, что при общинном владении, имеющем некоторые условия, одинаковые с краткосрочными арендами, сельское хозяйство может процветать точно так же, как и на личной поземельной собственности.

К сказанному выше прибавим еще следующее. Многие думают, будто бы общинное владение отбивает у крестьян охоту затрачивать труды и деньги на удобрение, расчистку, осушение или орошение полей и лугов вследствие неуверенности, что они сами воспользуются результатами этих усилий и пожертвований. Упрек сформулирован очень неправильно и сбивчиво. О ком идет здесь речь? Очевидно, не о целом обществе домохозяев, а о каждом домохозяине в отдельности, т. к. только он, а не общество может даром потерять свои труды и издержки на улучшение пашни. Целому обществу они во вся-

ком случае воротятся. Если же речь идет о наделе того или другого крестьянина, то возражение далеко не так серьезно, как может казаться с первого взгляда. Что касается улучшения почвы, то мы видели – и это подтверждается всеми, знакомыми с бытом крестьян, – что там, где удобрение становится необходимым, переделы допускаются все реже и реже, а кое-где и вовсе начинают прекращаться; при редких же переделах, а тем более с прекращением их, приведенный упрек совершенно теряет свою силу. Другие же способы улучшения земли, как-то: расчистка, орошение или осушение пашни – не под силу одному домохозяину; но при общинном владении и не может случиться, чтобы одному или нескольким домохозяевам понадобилось этим заняться на своих наделах, а другим не понадобилось. При разверстке между собою пахотной земли крестьяне прежде всего заботятся об уравнительности участков и, как мы выше заметили, только этим объясняется чрезмерная чересполосность и дробность жеребьев на крестьянских полях; но при такой исключительной заботе о строгой уравнительности никак не может случиться, чтобы один или несколько домохозяев получили в надел землю, требующую расчистки, осушения или орошения, а другие – нет; одно из двух: или все получат на свою долю такие места, или ни один. Места неудобные, занимающие малое пространство и которые потому не могут идти в общий раздел, выключаются из разверстки между домохозяевами, не полагаются в пашню, а остаются в общем пользовании. Что касается лугов, то к ним приведенное возражение вовсе не может относиться, т. к. они состоят не в отдельном пользовании домохозяев, а в общем владении общины и отводятся особо каждому только на время покоса. Значит, речь может идти о расчистке, орошении и осушении крестьянских полей и лугов только в применении ко всем домохозяевам, т. е. к целому крестьянскому обществу, а никак не в применении к одному или нескольким домохозяевам. Но целые общества очень часто расчищают свои пашни, осушают принадлежащие им болота и обращают их в покосы и пашни – на это есть много примеров. Пишущему лично известен в Бе-

левском уезде один случай осушения луга при помощи канавы, прорытой целым обществом. Любопытный пример осушения болота целым обществом приведен г. Якушкиным[1]. В Угодичской волости Ростовского уезда Ярославской губернии находилось во владении государственных крестьян села Якимовского с деревнями обширное покосное болото. Для осушения его крестьяне прорыли канавы длиною около 5 верст. За одну очистку этой канавы они впоследствии заплатили 720 рублей. В селе Коприне Рыбинского уезда несколько лет тому назад употреблено 200 рублей на осушение 30 десятин болота под пашню и под посев клевера, а в этом селе, по 10 ревизии, числилось всего 137 душ. В Олонецкой губернии и уезде крестьяне Тускинской волости в числе 800 человек, окруженные болотами, положили осушить их миром; два года они рыли общими силами канавы, два года выжигали торф, три года получали великолепные урожаи хлеба с осушенных болот и затем стали получать с них отличное сено до 500 000 пудов[2]. Такие примеры нередки, хотя они лишь случайно попадают в печать, потому что за изучение экономической жизни крестьян принялись у нас сравнительно очень недавно. Будь на месте крестьян мелкие личные собственники, – никогда бы им не соединиться самим между собою для осушения болот, подобно копринцам и тускинцам. Мы не умеем не только полюбовно соединяться для общего экономического предприятия, но даже и разделиться или размежеваться не можем. Несколько лет тому назад насилу-насилу привели к соглашению каких-нибудь 30 личных землевладельцев Куяльницкого и Хаджибейского лиманов близ Одессы, когда того требовала их очевидная выгода и в случае несогласия им грозила потеря собственности. Сколько на примирение различных интересов потрачено времени, бесплодных переговоров, сколько принесено казною материальных пожертвований! Надобно еще заметить, что в приведенном случае правительство, желавшее устроить соляной промысел близ Одессы, настаивало на со-

[1] Обычное право. – С. XVII.

[2] *Постников Г.* Общинное владение. Вып. 1. – С. 134.

глашении и имело в руках сильные средства принудить к тому владельцев. В этом отношении крестьянские общества, уже привыкшие действовать с общего согласия всех членов, уже сложившиеся по привычке в организованные единицы, представляют гораздо более удобств для выполнения общих предприятий на более или менее обширном пространстве, чем соответственное количество личных землевладельцев на таком же пространстве, но ничем между собою не связанных. Эту мысль развивает г. Постников в своей диссертации. Примером Англии и Пруссии он доказывает, что осушение больших пространств производилось и в этих странах не иначе как при вмешательстве правительства, при его деятельном содействии по установлению плана работ, надзору за их выполнением и по доставлению необходимых для того значительных средств. Весьма замечательно, что даже в Англии, где начало личной независимости и свободы развито так сильно, как нигде на европейском континенте, законодательство допускает принудительные меры против землевладельцев в тех случаях, когда оказываются нужными улучшения почвы для земледелия на больших пространствах. Так, если две трети землевладельцев признают такое улучшение необходимым, то остальная треть волей-неволей должна подчиниться этому решению, принять план работ, покориться приведению его в исполнение и даже нести издержки, падающие на них по этому предмету, по общей раскладке. О Пруссии и говорить нечего: там в этом отношении правительство распоряжалось, не стесняясь желанием или нежеланием владельцев. Г-н Постников, кроме того, указывает еще и на другой, не менее любопытный факт: и в Англии, и в Пруссии деятельность по улучшению почвы для земледелия и сельского хозяйства заметно ослабела с тех пор, как правительства этих стран, вероятно, под влиянием взгляда, что почин в делах общественной пользы должен принадлежать не государству, а самому обществу, ослабили свою инициативу и издали законы, предоставившие больший простор самодеятельности землевладельцев. Факты эти до очевидности разъясняют, что упреки общинному владению, будто бы оно представляет по-

мехи для расчистки, осушения и орошения полей и лугов, лишены всякого основания и построены на одних фантазиях, ничем не подкрепленных. Примеры, напротив, доказывают, что у нас сельские общества и даже целые волости при общинном владении выполняют иногда значительные работы для осушения пашни и лугов. Если таких примеров известно мало, то это потому, что многие остаются неизвестными, и притом мы ничего не знаем о том, часто ли они встречаются на землях личных владельцев, и не можем сравнивать, где таких работ выполнено больше. Наконец, опыт других стран, далеко нас опередивших в земледелии, показывает, что личное владение не представляет в сравнении с общинным никакого преимущества относительно улучшения почвы на больших пространствах, принадлежащих многим лицам.

Пойдем теперь далее. Большинство думают, что общинное землевладение не только оправдывает, но делает возможной и необходимой круговую поруку, благодаря которой трудолюбивый и бережливый крестьянин отвечает за ленивого и расточительного и вследствие того теряет всякую охоту трудиться, заниматься усердно своим хозяйством, т. к., в конце концов, при круговой поруке ему же приходится платиться плодами своей заботливости за нерадивого и беспечного.

Принудительная, недобровольная круговая порука давно уже вызывает большие и справедливые жалобы. С первого взгляда может показаться, будто связь ее с общинным землевладением есть только случайная, вызванная побочными обстоятельствами. В пользу такого взгляда можно привести, что обязательная круговая ответственность по уплате податей, налогов и повинностей как мера фискальная, служащая для обеспечения интересов казны и установлений, пользующихся ее привилегией, существует и там, где есть общинное владение, и там, где его нет. Так, подати отбываются крестьянами с круговой ответственностью друг за друга без различия, находится ли у них земля в общинном или в участковом пользовании. Даже в городах, посадах и местечках подушная подать взималась до 1863 г. с круговой ответственностью лиц подат-

ного звания, приписанных к городу, посаду или местечку (уст. под., ст. 243, 249, 257). Из этого бы следовало, что обязательную круговую поруку никак не до́лжно ставить в зависимость от общинного владения и производить из него. Несмотря на то, мы думаем, что общинное землевладение в самом принципе несет обязательную круговую ответственность как свое необходимое последствие. Примеры, приводимые против этого из нашего законодательства, в этом случае ничего не доказывают и легко могут быть обращены в пользу нашего заключения. В самом деле, в то время, когда круговая порука по фискальному управлению господствовала в городах, посадах, селах и деревнях Московского государства, податные классы не имели личной поземельной собственности; они сидели на царской, государевой земле, которая не могла быть ни в каком случае обращена на пополнение казенной недоимки. Готовая, выработанная форма обязательной круговой поруки была позднее введена и там, где виды землевладения были другие, чем в Московском государстве, и удержалась в городах до 1863 г., несмотря на коренные преобразования их внутреннего быта. Таким образом, оказывается, что применение круговой поруки к участковому владению объясняется историческими обстоятельствами, а не самым существом дела. Строго говоря, вопрос об обеспечении взысканий недвижимым имуществом взамен обязательной круговой поруки мог возникнуть в применении к общинному землевладению лишь позднее, с того только времени, когда земля стала собственностью крестьянских обществ на общинном праве. Отрицательное решение его не может юридически подлежать никакому сомнению. Надел, отведенный домохозяину лишь в пользование, не может быть продан на удовлетворение падающих на него недоимок и взысканий, когда право собственности на этот надел принадлежит не ему, а всем домохозяевам общества в совокупности. Если все домохозяева вместе – собственники земли, то они все вместе и отвечают за недоимки и взыскания с каждого из них по началу обязательной круговой поруки. Следовательно, необходимо признать, что обязательная круговая порука и общинное

землевладение тесно между собою связаны; последнее непременно предполагает второе. Но, признавая это, мы считаем необходимым для совершенного разъяснения вопроса обратить внимание на другую сторону дела, которая при всех рассуждениях об общинном владении остается почему-то в тени и благоразумно забывается его противниками. Круговая порука, говорят, есть великое зло, великая несправедливость и бремя для рачительных хозяев, которое они несут в пользу нерадивых и лентяев. Но почему, спрашивается, это бремя так тяжко, так разорительно и невыносимо? Положим, открылось наследство, на котором есть долги. Каждый из наследников рассчитывает, выгодно ли ему принять его, или нет; если долги не превышают стоимости наследства, наследникам может быть выгодно оставить его за собой; если же долгов больше, то они от него в большинстве случаев откажутся. Применим это к крестьянскому общинному наделу. Если извлекаемый из него доход может покрыть, хотя бы с небольшим избытком, лежащие на нем подати и сборы, то каждый домохозяин будет дорожить таким наделом, и окажись временный его обладатель несостоятельным, явится много охотников взять его на себя. При таких условиях обязательная круговая порука будет лишь юридическим принципом, который редко, почти никогда, не будет применяться на деле, разве в случае каких-нибудь особенных общественных бедствий, когда, впрочем, обыкновенный ход фискального управления и без того на время прерывается. Напротив, если подати, налоги, взыскания, ежегодно падающие на крестьянский надел, не только не покрываются ежегодным с него доходом, но даже, как у нас бывает, превышают самую капитальную стоимость надела, то он является уже не имуществом, а лишь поводом к налогу, падающему прямо на лицо, на его личный труд и заработки. На оставление такого надела за собою взамен неисправного владельца, разумеется, не найдется охотников, точно так же, как и продажа его с публичного торга не обеспечит казенных взысканий и недоимок. И вот они падают всей своей тяжестью на общество домохозяев и составляют для них действительно невыносимое бремя. Но кто же,

спрашивается, в этом случае виноват: начало ли круговой обязательной поруки или несоразмерность налогов с доходностью надела – общинное ли землевладение, или податная система?

Кроме того, есть много и других причин, почему замена обязательной круговой поруки поземельной ответственностью, если бы она и была юридически возможна, оказалась бы на деле крайне затруднительной и для казны мало полезной. Примерно треть бывших крепостных крестьян еще не на выкупе, и с тех пор, что крестьяне стали свободны, владельческие земли нельзя обращать в продажу на покрытие крестьянских недоимок. Затем, две трети бывших крепостных крестьян состоят на выкупе с пособием от правительства, и их земли состоят у казны как бы в залоге. Продавать эти земли в возмещение недоимок, при высоких податях и налогах, какие у нас лежат на крестьянах, было бы операцией для казны крайне невыгодной. Казне приходилось бы часто в одно и то же время и продавать наделы за цену меньшую, чем сумма взыскания, и в то же время выплачивать из доходов казны проценты по ссудам на выкуп этих наделов, уже без всякой надежды возмещать эти проценты из крестьянских платежей. Заменить круговую поруку обеспечением надела можно было бы только в крестьянских обществах, владеющих на общинном праве собственной землей, окончательно выкупленной или не подлежащей выкупу. Они составляют более половины всего сельского населения Империи. Но где подати и налоги не поглощают всего чистого дохода с надела, там подобная замена не имела бы никакой практической важности; где же они равны чистому доходу или превышают его, а тем более где надел не имеет никакой стоимости и весь оклад падает на личный труд и промысел, там обращение взыскания на надел несостоятельного было бы, бесспорно, полезно для прочих домохозяев того же общества, но казна мало бы через это выиграла. Притом подобная мера имела бы еще и другое, гораздо большее неудобство. Продать крестьянский надел за недоимки, конечно, очень легко, но едва ли в интересах государства размножать бездомников, скитающихся по лицу России с семьями и деть-

ми, не имея ни пристанища, ни куска хлеба. В числе причин, которые приводились в свое время в пользу крепостного права, говорилось, что оно, между прочим, остановило бродячую жизнь крестьян и завело у нас прочную оседлость. Продажей наделов за недоимки мы бы стали разделывать то, чего добились после вековых усилий и ценой самых тяжких пожертвований. Этим достаточно объясняется, почему правительство, впредь до более благоприятных условий народного труда и поднятия уровня благосостояния крестьянства, не решается на меру, с виду простую и легкую, но которая, устраняя одно зло, повлекла бы за собою другое, несравненно более вредное и опасное. Нельзя смотреть на вещи так в упор, как мы делаем, не вникая в их причины, которые всегда скрыты глубоко за поверхностью, не исследуя явлений в их совокупности и взаимной связи. Изолированных фактов нет в мире; все между собой вяжется и потому все производится множеством причин. Вынужденная ответственность одного за другого по податям и повинностям есть, без сомнения, зло. Но отчего происходит, что так часто приходится одному крестьянину платиться за другого? – Вот что надо исследовать. Будь такие случаи редки, на обязательную круговую поруку никто бы не жаловался и пособить злу было бы легко разными паллиативными мерами. Беда в том, что последствия невольной круговой поруки обратились у нас в хроническую болезнь, падающую разорением на зажиточных, трудолюбивых и старательных хозяев. Развились же они так и приняли такие размеры оттого, что поборы в огромном большинстве случаев несоразмерны с доходностью крестьянских наделов.

Из сказанного видно, что круговая порука действительно находится в тесной, неразрывной юридической связи с общинным землевладением; но, во-первых, не она сама по себе так обременительна и несправедлива; виною тому – тяжесть налогов и платежей, падающих на крестьянство; а во-вторых, отмена круговой поруки, а с нею и общинного владения, не устраняя зла при удержании теперешнего размера налогов, породила бы для казны, общества и государства еще большее

зло и еще большие опасности в настоящем и будущем, чем несправедливость и обременительность круговой поруки при ее теперешних условиях.

Масса великорусского крестьянства, очень далекая от наших споров «за» и «против» общинного владения, относится к делу совершенно практически: где может, она отделывается от круговой поруки, потому что в теперешнем своем виде и в данных условиях она ее разоряет, а за общинное владение держится крепко. Вот несколько замечательных примеров. «В Ярославской губернии, – говорит г. Якушкин, – народ глубоко убежден в превосходстве общинного пользования землей перед всякою другою формою землевладения. По ст. 165 Положения о выкупе общество обязано выделить отдельный участок домохозяину, уплатившему в казну выкупную ссуду, причитающуюся на его часть. В Ярославской губернии с 1861 г. по ноябрь месяц 1874 г. взнесена в казну 679 лицами выкупная ссуда за 1900 наделов, и только 11 домохозяев потребовали выдела из общинного владения 39 принадлежавших им наделов и выдачи на них данных. Из 12 850 душ крестьян, выкупившихся до 1861 г. на волю от помещиков по особым с ними договорам, только один домохозяин заявил желание выделить свой участок к одному месту, между тем как на основании договоров и самого закона (808 ст. IX Т. Св. Зак.) крестьяне обязаны были в течение определенного срока, давно уже истекшего, разделить всю землю на отдельные участки по числу домохозяев и перейти от общинного землевладения к владению землей на правах личной собственности. В некоторых селениях государственных крестьян, водворенных на казенной земле, были составлены несколько лет тому назад приговоры о разделе общинной земли на подворные участки. Целью этих приговоров было уничтожение круговой поруки, т. к. при подворном владении ее нет [8]. Круговая порука была у них уничтожена, но земля не разделена на участки до настоящего времени и общинное владение осталось у них по-прежнему»[1]. Из этих примеров, и притом по одной из самых промышленных

[1] Обычное право. – С. XVIII и XIX.

губерний, видно, что крестьяне, тяготясь круговой порукой, крепко держатся за общинное землевладение. Каким образом неисправный плательщик при существовании общинного владения отвечает за падающие на него взыскания – этого г. Якушкин не объясняет. Мы думаем, что объяснения до́лжно искать в приведенных им случаях в сравнительной легкости платежей, падающих на долю каждого домохозяина. Как мало крестьяне иногда боятся круговой поруки, видно из следующих примеров: в Самарской губернии некоторые крестьяне, поселенные на казенных землях, испросили себе в 50-х гг. разрешение поделить участковые свои земли по душам. В Спасском уезде Рязанской губернии крестьяне села Ижевского, поступившие в звание свободных хлебопашцев и разделившие сначала свои земли на участки, потом выпросили себе право снова перейти к общинному владению.

В Бессарабии существуют так называемые резешские вотчины, которые сначала принадлежали нескольким владельцам, переходили потом к потомкам их мужского и женского пола по равной части, а с дальнейшим размножением уже не делились, а оставались в общинном владении. Только для облегчения пользования от времени до времени производятся разделы этих земель по взаимному соглашению всех собственников. Переделы между родами производятся каждые 10–15 лет, а между членами одного рода – каждые два или три года.

Трудно, не имея точных данных, решить: чем мотивируется такое предрасположение нашего простого народа к общинному владению, даже когда земля принадлежит отдельным семьям на вотчинном праве? Даже немцы, поселенные на Волге, заменили у себя, как известно, участковое владение общинным. Вопрос, во всяком случае, заслуживал бы подробного исследования, без всяких предвзятых мыслей. Быть может, оно раскрыло бы нам такие стороны общинного владения, которые мы теперь совершенно опускаем из виду.

Мы рассмотрели важнейшие и наиболее общие возражения против общинного землевладения. Но кроме них есть и

другие, неосновательность которых сразу бросается в глаза. Рассмотрим для полноты и их.

Говорят: общинное землевладение мешает укорениться в крестьянах понятию о праве собственности и объеме этого права. Возражение это взято не с факта и делается лицами, по-видимому, никогда не говорившими с крестьянами. Кто с ними хоть раз толковал о праве личной поземельной собственности и общинном землевладении, тот знает, что они их различают очень отчетливо и сознательно. Нам сдается, что это возражение прямо выхвачено из каких-нибудь иностранных книг. Иностранцы, за исключением весьма немногих, до сих пор убеждены, что наши мужики – коммунисты, а мужицкая община – дикий фаланстер, и этому вздору мы верим или, по разным соображениям, хотим верить, будто общинное владение – взаправду зародыш будущего обновления мира по идеалу коммунистов и радикалов.

Крепостники, явные и тайные, поддерживают и раздувают подобные толки с умыслом, обращая их в орудие для своих целей. Мы напомним только, что если общинное владение и ослабляло в крестьянах сознание права личной собственности, то крепостное право, которое они выносили на своих плечах в течение столетий, не могло не внедрить в них совершенно отчетливого понятия о том, что такое личная собственность и чем она отличается от общинного владения.

Говорят еще, будто общинное землевладение скучивает крестьян в большие поселения и тем удаляет их от их полей и угодий. Мы видели, что распределение полей зависит от системы земледелия, а не от общинного владения, что последнее так же хорошо может уживаться и с хуторным хозяйством, как теперь уживается с переделами. Скучение наших крестьян в больших деревнях, по справедливому замечанию знающих людей, имеет совсем другие причины, а именно: недостаток воды, необходимость, чтобы добыть ее на безводном пространстве, рыть глубокие колодцы, что под силу не одному домохозяину, а целой деревне; далее – при первобытной культуре водворению хуторного хозяйства мешает большое разнообразие каче-

ства земли: расселившись хуторами, крестьянам пришлось бы: одним – жить в болоте, другому – на пригорке, третьему – в лесу и т. д.; кроме того, скученными держат крестьян и проезжие пути, которые дают доходы от постояльцев и разные очевидные выгоды сожительства, как-то: возможность иметь общий выгон, общее пастбище, общего пастуха и табунщика; живя вразброс, крестьянам пришлось бы каждому пасти свой скот и лошадей особо, или содержать их круглый год на стойле, но ни то ни другое при теперешнем хозяйстве и степени культуры немыслимо. Прибавим к этому наши зимние вьюги, метели и сугробы снега, заносящие целые селения, наши ростепели и половодья, прекращающие сообщения даже между близкими жильями весною и осенью. Что стали бы делать при таких условиях люди, расселенные хуторами на более или менее значительном пространстве? И теперь мы затрудняемся заставлять крестьянских детей аккуратно ходить в школы, а что было бы тогда? Жители разбросанных дворов, залитые водой или засыпанные снегом, перегибли бы в одиночку от голода и холода, а школы пришлось бы закрыть вовсе.

Но забудем на минуту все топографические и климатические условия, делающие хуторный быт в северной и средней России, по крайней мере, при теперешней степени культуры, положительно невозможным; спросим: желательно ли вообще, чтобы наши села и деревни расселились отдельными хуторами? В экономическом, сельскохозяйственном отношении, может быть, и да, но в социальном – едва ли! И мы, и иностранцы в один голос твердим об общительности великорусского крестьянина, живости его ума, его сметливости, находчивости, уменье жить с людьми, о его расположении к артельной жизни и работе, о значительности русского народа в массе и, напротив, слабости, стертости – в одиночку. Великорусский простой народ по преимуществу перед всеми другими племенами, вошедшими в состав России, есть народ общежительный, со всеми достоинствами и недостатками, вытекающими из этой основной, преобладающей черты национального характера. Откуда эти общежительные способности и ин-

стинкты? Мы думаем, что они зарождаются, воспитываются и укрепляются в сожительстве деревень и сел, в ведении сообща сельских и деревенских дел, обусловленных общинным землевладением и вытекающей из него круговой порукой. Как ни бедна и однообразна крестьянская общественная жизнь, но она закрепляет инстинкты и привычки общежительности, которые великорусский крестьянин несет потом повсюду, куда ни забросит его судьба – в Ригу, Вильну, Одессу, Варшаву и Питер, в солдаты, бурлаки или рабочую артель каменщиков, плотников, землекопов, в извозчики, торгаши или половые. По этой характерной черте – общительности, умению жить с людьми, самыми разнородными, – великорусского крестьянина узнаем везде, всюду. Далеко не таков малороссиянин: он сосредоточен в себе, малообщителен. Не происходит ли это, между прочим, оттого, что малороссияне живут хуторами? На немца одиночная выработка тоже наложила свою неизгладимую печать резко запечатленной индивидуальности. Мишле жалуется, что французские крестьяне местами дичают в своих отдельных хозяйствах. Мы не настаиваем на этих заметках, не приписываем им значения дознанного факта, но думаем, что предмет сам по себе заслуживал бы подробного исследования, и, пока оно положительно не опровергнет догадки о тесной связи характера нашего крестьянства с условиями его общественной жизни, до тех пор, кажется нам, было бы слишком рискованно решительно произносить слова в пользу хуторного быта, в ущерб нашего теперешнего, деревенского.

Есть также мнение, будто общинное землевладение оправдывает и укрепляет самовластие сельских сходов, нарушающее и стесняющее личные права и действия крестьян. Возражение это не выдерживает критики. Сельские сходы существуют не при одном общинном землевладении, но также и при участковом. Следовало бы доказать, что самовластие сельских сходов в обществах, владеющих на общинном праве, сильнее и стеснительнее; а пока это не доказано, такие обвинения общинного владения как голословные не имеют никакой цены. Общинное владение, по принципу, предполагает

единогласное решение всех домохозяев. Если этот принцип нарушается, то причина, очевидно, не в общинном владении, а в разных побочных обстоятельствах, которых мы здесь разбирать не станем. Заметим только, что самовластие проявляется у нас не только в сельских сходах крестьян, владеющих землею на общинном праве, но также и в действиях, например, хоть правлений акционерных обществ относительно акционеров. Стало быть, самовластие у нас – явление гораздо более общее, заметное и там, где об общинном владении нет и помину. Почему же именно оно, и только оно одно, должно играть у нас роль козла очищения?

Упрекают, кроме того, общинное землевладение в том, что оно будто бы убивает в крестьянах свободный почин и укрепляет между ними старозаветные сельскохозяйственные порядки.

Выше мы подробно объясняли, что не общинное землевладение, а допотопные сельскохозяйственные понятия и приемы вместе со многими другими причинами мешают успехам земледелия между крестьянами. Что же касается недостатка почина в нашем крестьянстве, а особенно вследствие общинного владения, то такого рода упрек похож на иронию. Мы признаемся, напротив, удивляемся предприимчивости, оборотливости, находчивости крестьян, – как это они умеют при их крайнем невежестве и при самых неблагоприятных обстоятельствах извоpотиться, приискать себе промысел на стороне, за тридевять земель, не унывать при горькой беде и совершенной беспомощности! Мысль, что в мнимом отсутствии почина нашего крестьянина виновато общинное землевладение, просто забавна и доказывает наивное незнание самых простых вещей. Всем и каждому известно, что из всего крестьянства Русской Империи самые предприимчивые – великорусские крестьяне. Они во всей Империи и ее окраинах являются мелкими торгашами, ремесленниками, содержателями постоялых дворов и трактиров и мелкими банкирами, половыми, огородниками, возчиками, конкурируя с жидами даже в местах их постоянного жительства. А именно у вели-

корусских крестьян и существует почти исключительно общинное землевладение. Все прочие крестьяне, уступающие им в промышленной предприимчивости, не выдерживающие с ними в этом отношении никакого сравнения, владеют землею на участковом праве. Наши крестьяне – рутинисты, и притом благодаря общинному землевладению! Да подумали ли те, кто это говорит, что не только у нас, но и в целом мире крестьянство – среда самая косная, самая привязанная к преданиям и заведенному порядку? Везде у крестьян память о прошедшем, старые обычаи живут века и сохраняются, несмотря на громадные перевороты, смывающие их дочиста в других общественных слоях. В Малороссии до сих пор ругаются «злым католиком», в Тульской губернии – «Литвою»; в Эстляндии до сих пор крестьяне помнят дебри, куда они спасались от нашествия саксов. И в этом нет ничего удивительного. Море тоже остается спокойным в глубине, когда на поверхности его бушует сильнейшая буря. Как же приписывать общинному владению то, что есть общее явление и объясняется общим законом!

В вину общинному владению ставят также, будто оно прикрепляет крестьян к их месту жительства и мешает их свободному передвижению. Все знают, что фискальные и полицейские условия, которыми обставлена наша деревенская община, что разные положения гражданского и уголовного права, гражданского и уголовного судопроизводства затрудняют свободное передвижение населения; но чтобы общинное землевладение ему препятствовало – об этом никто, конечно, никогда не слыхал. Нам укажут на круговую поруку, но мы уже выше показали, отчего она так тяжка для крестьян. А кроме круговой ответственности нельзя придумать ничего, что могло бы навлечь на общинное владение такую напраслину. Что оно, как мы видели, например, в Ярославской губернии, нравится крестьянам и добровольно привязывает их к их месту жительства в селе или деревне, где они участвуют в общинной земле, – это очень может быть, даже очень вероятно, но в этом мы готовы видеть не слабую, а скорее сильную сторону

общинного землевладения, не вред, а, напротив, пользу. Разве было бы лучше, если бы масса нашего сельского населения, обращенная самыми энергическими мерами в течение столетий из бродячего в оседлое, снова начала перекочевывать с места на место? Этого, конечно, никто не пожелает. Никто, конечно, не ставит общинному землевладению в вину, что оно привязывает сельское население к месту жительства даже в тех частях Империи, которые по климату, свойствам почвы и всей обстановке жизни крайне невыгодны и непривлекательны. Желать, чтобы наше сельское население передвинулось с севера на юг, могут разве владельцы и арендаторы наших хлебородных степей, но в виды правительства такая дикая мысль никак входить не может; оно, без сомнения, вполне ценит те условия, которые побуждают сельские массы добровольно оставаться на своих местах; избыток же сельского населения и крестьяне, поставленные в слишком неблагоприятные хозяйственные условия, уже и теперь тянутся на восток и юго-восток, в Сибирь, Оренбургский край, в новозавоеванные среднеазиатские владения, несмотря на общинное землевладение. Такое расселение крестьян по лицу Империи происходило бы гораздо правильнее, успешнее и целесообразнее, если бы были устранены разные полицейские и финансовые препятствия, бесполезно тормозящие дело, а главное, если бы в основание распоряжений по этому предмету был положен какой-нибудь общий план, общее начало, с которым были бы соображены и согласованы частные постановления и меры.

Общинное землевладение обвиняют также в том, будто оно дает миру право распределять между домохозяевами по своему усмотрению повинности за всю общественную землю; вследствие этого домохозяева воздерживаются будто бы от хорошей обработки земли, опасаясь, чтобы мир не возвысил повинностей за лучше обработанные участки. Нам лично такие случаи нигде не встречались, и мы о них никогда не слыхали. Но допустим, что здесь и там такие распоряжения делаются миром: что ж бы это доказывало? Только то, что налоги слишком велики, что их приходится взимать не с одной земли, а

с достатка и промыслов. К общинному землевладению это не имеет ровно никакого отношения. Мир, распоряжающийся общинной землей, – не кто другой, как сами владельцы этой земли, и когда она не дает довольно на покрытие налогов, приходится пооброчить того, кто богаче. Это та же круговая ответственность, только примененная не к взысканиям, а к раскладке. Где подати покрываются легко, там этой дополнительной раскладки никогда не бывает.

Замечают еще, что там, где существуют переделы полей, крестьяне не могут без согласия мира возводить построек на общинных землях и, скучивая по необходимости все строения на тесном пространстве усадьбы, подают повод к опустошительным пожарам, уничтожающим у нас вдруг целые деревни и селения.

Замечание это очень справедливо, но относится к переделам и способам поселения, а не к общинному землевладению, которое, как мы видели, уживается и с переделами наделов, и с хуторным хозяйством.

Находят также, что при общинном владении недоступен для крестьян долгосрочный поземельный кредит, а возможен только краткосрочный под залог ожидаемого урожая, а этот вид кредита слишком дорог и обременителен.

Здесь речь идет, конечно, только об отдельных домохозяевах. Крестьянские общества пользуются и теперь долгосрочным поземельным кредитом: это доказывается выкупными сделками крестьян с помещиками при содействии правительства; через посредство же общества такой кредит доступен и отдельным домохозяевам, которых ежегодные платежи соразмеряются с их общинными наделами. Точно так же и до освобождения крестьян банковые долги нередко переводились на крестьянские общества, поступавшие в звание свободных хлебопашцев, и мы, признаемся, не можем понять, почему бы точно так же не могли пользоваться долгосрочным кредитом всякие общества крестьян, собственников своей земли, владеющих ею на общинном праве. Следовательно, речь может идти только о недоступности долгосрочного

кредита для домохозяина, владеющего общинным наделом, помимо общества. Это совершенно справедливо: ни продать, ни заложить, ни подарить, ни завещать своего надела он не может, потому что надел не принадлежит ему на праве собственности. Но ведь и арендатор подлежит таким же ограничениям относительно арендуемой им земли, и наемщик дома, и взявший вещь на сохранение; почему же именно общинному землевладению это ставится в укор, а не другим видам вещных отношений? Мы также не слыхали, чтобы дело шло у нас о предоставлении благодеяний долгосрочного кредита крестьянам, владеющим землею на участковом праве; они, сколько известно, тоже не пользуются кредитом, помимо ссуд на выкуп наделов, хотя и не владеют землей на общинном праве. Когда возбудится у нас общий вопрос о долгосрочном кредите для крестьян на занимаемые ими земли, – а это очень желательно и рано или поздно должно будет стать на очередь, – будут, наверное, придуманы и комбинации о применении долгосрочного кредита к общинным наделам.

Иные рассуждают так: в непромышленных губерниях, где деятельность крестьян по необходимости почти исключительно замкнута внутри общины, они бедны. Это заметно не только в неплодородных губерниях, например Псковской или Смоленской, но и в плодородных, наприм<ер> в Пензенской. Напротив, в губерниях промышленных, лесных и степных, где крестьянин может действовать вне общины, крестьяне зажиточны, несмотря на качества почвы. Из этого выводится, что труд крестьянина под давлением общины малопроизводителен, хотя бы природные условия ему благоприятствовали, и щедро награждается вне общины. Вся эта аргументация основана на ошибочных данных и представляет ряд недоразумений.

Пензенская губерния – не вся черноземная; притом она не может служить доказательством, так как в ней, сколько известно, Положения 19 февраля были применены очень неправильно.

Степные губернии ни в каком случае не могут служить примером деятельности крестьян вне общины. Напротив, в

этих губерниях крестьяне исключительно занимаются земледелием и скотоводством внутри общин, а между тем, между ними действительно есть много зажиточных и даже богатых, потому что земли у них много, и она родит хорошо.

Зажиточность крестьян в промышленных губерниях объясняется совсем не деятельностью вне общин, а тем, что неплодородие почвы вынудило их искать других заработков, чтобы кормиться и платить подати. И потом нельзя никак сказать, чтобы деятельность крестьян промышленных губерний исключительно происходила вне общин. Всем известно, что в этих губерниях рядом с так называемыми отхожими промыслами существуют местные, так называемые кустарные, которые занимают массы крестьян на местах внутри общин. Как же говорить после того, что крестьяне зажиточны только тогда, когда деятельность их происходит вне общин? Замечательно, что именно в промышленных губерниях крестьяне крепко держатся общинного владения, как мы видели на примере Ярославской губернии. Зажиточность крестьян этих губерний, занимающихся промыслами, объясняется тем, что у нас есть большой запрос на промысловый труд, на земледельческий же он – сравнительно меньше. Это показывает только, что промышленность у нас слишком мало развита.

Что промышленные занятия не имеют никакого отношения к общинному землевладению – совершенно справедливо. Но каким образом промысловые занятия могут происходить вне давления общин, когда крестьяне наши в наиболее промышленных губерниях – Ярославской, Владимирской, Костромской, отчасти Нижегородской – живут в таких же крестьянских общинах и имеют такое же общинное владение, как и крестьяне всех других великорусских губерний, – этого решительно нельзя понять.

Кроме того, пусть объяснят нам, с этой точки зрения, почему в западных и малороссийских губерниях, где существует участковое владение и, следовательно, по теории, община не подавляет крестьян, ни земледелие, ни промышленность не процветают?

Наконец, общинное владение упрекают в том, что оно будто бы обязывает каждого домохозяина взять на свою долю земельный надел не больше и не меньше того, сколько причитается на долю других. Вследствие того те, которые бы хотели заняться другим промыслом, должны волей-неволей брать больше земли, чем им нужно. Отсюда, говорят, дурная обработка полей, помеха промыслам и разделению труда в сельском населении.

Упрек этот, как и многие другие, взят не с факта, а выдуман. Общинное владение вовсе не *требует* полной уравнительности наделов; оно *дает* только домохозяевам *право* требовать уравнительности с другими в отводе им наделов. Между тем и другим огромная, существенная разница. Уравнительность бывает обязательной только в тех случаях, когда налоги превышают доход от надела или даже его капитальную стоимость, но в этих случаях владение не есть выгода, польза, а тягость; земля не служит обеспечением крестьянина, а мерою для обложения личного труда. Никто, понятно, не желает взвалить на себя большую обузу в сравнении с другими, а нести меньшую другие не позволят по той же причине. Очевидно, что общинное землевладение тут ни при чем. Там же, где земля с избытком покрывает налоги, каждый с радостью берет землю, и никто от нее и не думает отказываться. В таких местностях можно говорить о *maximum* надела, но *minimum* всегда будет определяться доброй волей домохозяина; оттого здесь мы зачастую видим, что иной владеет лишь усадьбой или даже одним домишкой. Итак, уравнительность или неуравнительность наделов зависят вовсе не от общинного землевладения, а от других причин, и ставить ему в вину внеизбежную уравнительность, навязываемую волей-неволей, значит не иметь понятия ни о быте наших крестьян, ни об общинном землевладении.

Кажется, мы не пропустили ни одного возражения против общинного землевладения и внимательно рассмотрели каждое. Что же оказывается? Ни одно из них не выдерживает критики. Самые, по-видимому, серьезные основаны на недо-

разумении и приписывают общинному владению то, что вытекает совсем из других причин; незнание же и непонимание предмета и нашего крестьянского быта, неумение серьезно вдумываться, привычка к рутинным заключениям и рассуждениям по готовым шаблонам довершают путаницу понятий. В таком положении находятся почти все наши коренные русские вопросы, и пройдет еще много времени, потребуется много труда и усилий, пока, наконец, мрак начнет рассеиваться и уступит место свету и правде.

IV

Представим теперь аргументы в пользу общинного владения. Их тоже немало, и они, смотря по точке зрения, очень различны.

Во-первых, есть много людей практических, которые, не задаваясь ни либеральными, ни консервативными задними мыслями, берут факт общинного владения как он есть, взвешивают его хорошие и дурные стороны, пользу и вред, приносимые им теперь крестьянам. От этой группы нельзя требовать анализа начал общинного владения; она рассматривает его целиком, со всеми его случайными приростами, произносит суждение о том непосредственном, научно не рассмотренном и не разработанном факте, который у каждого под глазами. Доводы этой группы состоят в следующем.

1. Общинное владение имеет перед хуторным хозяйством то важное преимущество, что представляет возможность пользоваться в виде пастбища паром и полями, с которых снят хлеб. Без этого крестьяне не могли бы держать большого количества скота и овец.

Против этого, конечно, можно заметить, что крестьяне при общинном владении выгадывают только издержки на пастуха, ибо каждый домохозяин, имея весь свой участок около своего жилья, мог бы точно так же пасти свою скотину на своем пару и на своем убранном поле. Трудно понять, почему бы при таком порядке количество скота должно было уменьшить-

ся. Прибавим к этому, что выпас скота на пару не может быть назван нормальным; с лучшей обработкой земли, при раннем вывозе удобрения и раннем поднятии пара выпас на нем скота должен если не вовсе отмениться, то, во всяком случае, сократиться очень значительно. Поэтому нельзя считать преимуществом общинного владения то, что является лишь последствием низкого уровня сельского хозяйства.

2. В степных местностях хуторное хозяйство невозможно по недостатку воды.

Это замечание тоже совершенно справедливо, но только при теперешних условиях земледелия, которое, надо надеяться, подымется когда-нибудь и у нас. Если крымские татары, жители Кавказа и Закавказья, новые наши подданные в Средней Азии, наши русские садоводы в Поволжье умели и умеют устраивать орошение безводных степей и обращать их в плодородные места, то нет причины, почему бы это было невозможно и в других степных местностях европейской России. Итак, этот довод, подобно предыдущему, говоря в пользу поселения деревнями в степных пространствах в настоящее время, не доказывает еще необходимости общинного владения в принципе.

3. В пользу общинного владения и в виде важного его преимущества перед участковым приводится и то, что при круговой ответственности по уплате подушных податей и повинностей душевой передел земель выравнивает лежащую на крестьянах тяжесть между всеми; если же поделить земли между крестьянами однажды навсегда, то семьям, в которых число членов уменьшится, будет слишком тяжело, и они станут несостоятельны; притом качество земель не одинаково, а платеж с души одинаков, вследствие чего он падет на некоторых плательщиков большею тяжестью, чем на других. Наконец, как быть с участками, владельцы которых вымрут или выбудут? Следующие с них подати и повинности по-прежнему будут взыскиваться, но кому их платить? Всех этих неудобств нет при общинном землевладении и переделах полей. Наделы всех уравниваются, подати раскладываются по рабочим силам

равномерно, земель, подлежащих налогам, не остается впусте, за выбытием или смертью их владельцев.

Предпосылка всей этой аргументации та, что податная система остается теперешняя и размеры платежей – те же самые. При таких условиях полезно ли, спрашивается, для крестьян отменить общинное владение и поделить землю между домохозяевами на участки, отведя их к одним местам? Ответ, разумеется, дается отрицательный. Но он ничего не говорит в пользу общинного владения, ибо если переменить предпосылку и предположить, что теперешняя наша податная система, как и до́лжно надеяться, будет когда-нибудь заменена более правильной и уравнительной, то окажется, что и общинного владения не нужно.

Очень замечательно, что в то время как противники общинного владения нападают на него во имя неудобств, порождаемых при теперешней податной системе, защитники его, смотрящие на дело чисто практически, отстаивают его ввиду той же самой податной системы. Не доказывает ли это, что податной вопрос существенно мешает выяснению свойств общинного владения в глазах многих и что действующие наши законы о податях и повинностях производят целый ряд ненормальных явлений, затрудняющих изучение русской экономической жизни?

4. Сознавая, что чересполосица – одно из главных неудобств общинного владения, защитники его говорят, что семейные разделы и отдача земель в аренду завели бы ее и при участковом владении; другие отстаивают даже и чересполосицу ввиду уравнительности наделов, которая ею достигается при указанной выше невозможности расселения хуторами во многих местностях России.

И об этих доводах в пользу общинного владения следует сказать то же самое, что мы заметили о предыдущих. Они бесспорны, но не касаются общинного владения в принципе, а отстаивают только известные его применения ввиду известных условий и обстоятельств; но раз последних нет или изменились, вся аргументация теряет свою силу. Значит, и

общинного владения не нужно в таком случае? Таков общий недостаток доводов этой группы в защиту общинного владения. Они совершенно справедливы, но не решают вопроса, потому что ограничиваются обороной общинного владения только ввиду побочных условий, в которые оно теперь поставлено и которые могут измениться. Поставленное в иные условия, оно даст новые комбинации.

Вторая группа поборников общинного владения стоит в противоположность первой на чисто теоретической почве, противопоставляет его личной поземельной собственности и видит в нем начало, которое должно заменить последнюю и тем обновить теперешние ненормальные экономические и социальные отношения. Этот взгляд вырос и развивается не у нас, а в Европе под влиянием социальных неустройств и анархии, порожденных возрастающим с году на год пролетариатом, нуждою и бедствиями огромной массы бездомного и голодного люда, брошенного с семьями на произвол судьбы, – люда, существование которого исключительно зависит от хода промышленности и доброй воли капиталистов и собственников-производителей. Из множества ученых трудов и исследований, вызванных социальным брожением Европы, к общинному владению ближайшим образом относится книга Лавелэ «О собственности и ее первоначальных формах», обратившая на себя внимание и в наших мыслящих кружках. Лавелэ идет от того начала, что гражданская свобода немыслима без землевладения, как жизнь невозможна без света и воздуха. Между тем, личная поземельная собственность была всюду, как только появлялась, причиною обезземеления народных масс и вследствие того – источником гражданского неравенства, вражды сословий, междоусобной войны и анархии, приводящей государства к ослаблению и упадку. До появления личной поземельной собственности всюду существовало общинное владение, и оно делало людей довольными, счастливыми и спокойными. Воспоминания об этом блаженном времени сохранились в преданиях о золотом веке, в которых на первом плане красуется отсутствие личной собственности. Везде, где

общинное владение удержалось до сих пор, оно и теперь обеспечивает существование и довольство людей и вполне совместимо с рациональной культурой и успехами земледелия.

Окончательных выводов из этого ряда мыслей Лавелэ не делает, но они просвечивают довольно ясно; по крайней мере, из того, что он говорит, мы вправе заключить, что все его сочувствия на стороне общинного землевладения и против личной поземельной собственности. Такого взгляда нельзя не признать односторонним и узким. В нем к результатам строгого научного и исторического исследования примешивается отголосок борьбы партий, не дающей мысли держаться на высоте полного беспристрастия и объективного понимания событий. Книга Лавелэ – труд во всех отношениях весьма почтенный и достойный – вызвана социальной безурядицей, и автор под влиянием вполне понятных сочувствий к обиженным и страдающим массам настолько увлекся в одну сторону. Суждениям его не чужд полемический тон; Лавелэ старается выяснить не столько ход исторического развития поземельных прав и отношений, сколько подыскать доводы в пользу общинного владения. Основной мотив его заслуживает полного уважения и сочувствия, но разъяснение вопроса при такой постановке мало выигрывает. Только совершенно беспристрастное, всестороннее рассмотрение фактов, только полная, внимательная их оценка, чуждая всяких предубеждений, может привести к заключениям, разъясняющим настоящее экономическое положение, и указать правильный из него выход. Одна наука в ее истинном и высоком значении в состоянии успокоить возбужденную и встревоженную мысль и направить людей к нормальной деятельности. Все, что делается или пишется не в этом смысле и направлении, только замедляет на пути к решению вопросов, в лучшем случае прибавляя лишь несколько новых материалов и соображений для будущего их решения.

С тех пор что мир стоит, во всех человеческих обществах рано или поздно непременно выделяется из общинного владения личная поземельная собственность. Один этот факт не доказывает ли лучше всяких рассуждений, что она име-

ет такие же законные и разумные причины существования, как и общинное владение? Это меньшее, что можно сказать о личной поземельной собственности, но зато это можно утверждать без ошибки и колебаний.

Лавелэ розовыми красками описывает идиллическое счастье добрых и простых людей при общинном владении. Как почти все писатели и ученые романской расы, он грешит излишеством воображения, любит густые, яркие краски, и под его пером пропорции действительно изменяются. Если общинный быт так прекрасен, если люди в нем так счастливы, то почему же он распадается даже там, где никто под него не подкапывается? Отчего в Сербии задру́ги, по свидетельству самого Лавелэ, приходят в упадок? Отчего у нас крестьянские семьи, некогда многочисленные и богатые, распадаются, и дележи становятся все чаще и чаще? Над такими фактами нельзя не задуматься, им нельзя противопоставлять добрые пожелания и мечты. История и факты, их суровая, неумолимая логика стоят за себя крепко, требуют признания и оценки, и мы не можем построить теории, создать формулы, сколько-нибудь полезной и пригодной, не расставшись с тем, чего бы нам желалось, не отдавшись вполне тому, что дает, на что указывает сама жизнь, сама действительность. Ход истории – та же логика, та же математика, только имеющая дело не с понятиями, не с отвлеченными величинами, а с общественными явлениями.

Начнем с того, что развитием обществ, как и материальных организмов, одинаково и одновременно управляют два закона: во-первых, закон выделения составных частей или единиц из совокупности, в которой они заключались, и жизнью, которой жили, для особого, самостоятельного существования; и во-вторых, закон сведения составных частей к единому, к общему, совокупному, целостному существованию. Это так называемые законы дифференциации и организации. Семья, соединенная сначала природными узами в одно, потом распадается, и связь, которая поддерживается между ее членами, потом существенно изменяет прежний свой характер. То же самое замечаем мы и в первобытных обществах. Их составные части

и члены, находившиеся сначала в тесном, непосредственном единении, мало-помалу выделяются, начинают жить каждый особой, самостоятельной жизнью, и тогда создается между ними уже другая связь, общественная и государственная, непохожая на прежнюю, непосредственную, природную.

Но вместе с выделением составных элементов и членов первобытных обществ и образованием между ними новой связи, на иных началах, выказывается и развивается неравенство людей, которое дотоле оставалось в тени, незамеченным, потому только, что ему не на чем было обнаружиться и разыграться. Лишь при обособлении людей и самостоятельном развитии каждого из них оно обнаруживается вполне. Физическое, умственное, нравственное неравенства людей создаются природными различиями, которым существенно содействуют особенные, иногда случайные условия самостоятельного развития и существования каждого члена общества в отдельности. Таким образом, неравенство есть такой же основной факт человеческой природы и человеческих обществ, как и физической природы. Требование равенства возникло только как отрицание гражданской и политической неурядицы, при которой одни члены общества нарушили самостоятельное, спокойное существование и развитие других. Равенство в смысле полного материального умственного и нравственного уравнения всех есть бессмыслица, которой нельзя и формулировать.

Вместе с выделением составных стихий первобытных человеческих обществ для отдельного, самостоятельного развития и существования родилась и личная поземельная собственность. В ней получили люди или группы людей опору для своей самобытности, материал для выработки своей индивидуальности, для воплощения своей мысли и своих особенностей, поприще для деятельности. Вот почему личная поземельная собственность – такое же необходимое явление в человеческом обществе и государстве со времени выделения индивидуальности, как и неравенство, и так же неотменима, как оно. Личная поземельная собственность должна и будет существовать во всех сколько-нибудь развитых человеческих обществах с

той минуты, как они начинают развиваться, и мысль, что можно упразднить ее, – такая же фантазия, как мысль водворить полное равенство. Речь может идти только о том, чтобы личная поземельная собственность, составляющая одно из условий развитой общественности, не нарушала равновесия общественного организма, не мешала правильной, равномерной жизни всех его сторон и всем его нормальным отправлениям. Наблюдая развитие древних и новых человеческих обществ, мы открываем в этом отношении следующий знаменательный факт: как только личная поземельная собственность становится единственной, исключительной формой поземельных отношений, другими словами – как только вся земля переходит в личную собственность, последняя становится орудием угнетения одних слоев общества другими, рождает между ними вражду, внутреннюю ожесточенную борьбу общественных элементов, которая мало-помалу разъедает общественность, ведет к междоусобиям и анархии. Из этого следует, что разрушительно действует не личная поземельная собственность, а ее исключительное владычество. Значит, надо не уничтожить ее, а сделать безвредной, ввести в должные границы. Жизнь природы, человека и человеческих обществ обусловлена гармоническим сочетанием элементов, а не уничтожением того из них, который в данную минуту кажется вредным или опасным. Все элементы полезны и благотворны, но только тогда, когда таких сочетаний нет. Нельзя указать ни одного общественного элемента, который, развиваясь исключительно на счет всех других, не был бы вреден и опасен для общества и государства; отыскать между различными элементами такое сочетание, которое бы помешало одному из них развиваться на счет других и нарушить общую гармонию сил и деятельностей, – вот в чем состоит вся задача и вся политическая мудрость.

Применим это к предмету, который нас занимает. Личная собственность как цель и в то же время мотив предприимчивости, деятельности, изобретательности, трудолюбия, выдержки есть сильнейший рычаг всякого успеха, всякого развития в обществе. Это закваска, которая непрерывно тол-

кает вперед, не дает погрузиться в лень и дремоту. Она двигает промышленность во всех ее видах; она поднимает экономический быт и экономический строй народа. В сельском хозяйстве крупная и средняя личная поземельная собственность подстрекает ко всяким нововведениям и улучшениям, к опытам и пробам, к новым приемам, увеличивающим доходность; у малой собственности нет для этого ни условий, ни почвы, ни нужного простора. Но когда вся земля обращается в личную собственность, то из этого происходит вот какое существенное зло: личная собственность, по своей природе, завоевательна; она стремится расширяться, захватить как можно больше; от этого она рано или поздно производит между поземельными собственниками экономическую борьбу, которая, не будучи сдерживаема ничем и предоставленная самой себе, оканчивается победой сильнейших над слабейшими, поглощением мелкой собственности крупною. Вследствие того поземельная собственность мало-помалу неудержимо сосредоточивается в немногих руках; бедная, слабая, малоспособная, непредприимчивая или, по случайным обстоятельствам, захудалая часть населения остается без земли, выбрасывается с детьми на улицу на произвол судьбы без средств, без крова и отдается на милость тех, кто согласится ее кормить за работу. Условия заработка не могут не быть крайне тяжкими при неравном положении дающего работу и предлагающих свой труд. Условия эти становятся еще тяжелее при конкуренции между собой собственников, из которых каждый стремится выиграть и нажить больше другого и ставить беззащитному перед ним труду все более и более невыгодные условия.

Какое же средство умерить эти последствия права личной поземельной собственности, парализовать ее разъедающие свойства, не уничтожая этого, не только неизбежного, но и полезного, деятельного, образованного, прогрессивного элемента общественной жизни?

На этот вопрос отвечает третья группа поборников общинного владения. Она видит в этой форме землевладения охрану сельского населения от несправедливых и вредных по-

следствий исключительного господства личной поземельной собственности и потому особенно дорожит общинным крестьянским землевладением. Эта группа чрезвычайно многочисленна во всех слоях русского общества, хотя программа ее может быть и не формулирована еще с достаточной точностью и определенностью. Наблюдая практически над последствиями различных условий экономической жизни крестьян, живущих в общине, люди, принадлежащие к этой группе, находят, что общинное землевладение наилучшим образом ограждает крестьян от безземелья, батрачества и пролетариата и потому стоят за нее и ему сочувствуют.

«Стремление к разделению земли, – говорится в одном из отзывов, – может дойти до передачи мелких участков в руки немногих и создать безземельных крестьян, которые и у нас в России будут те же пролетарии и из них известно, что можно сделать – пример Западная Европа. Да и у нас довольно примеров среди голодающей отрасли духовенства, отставных чиновников и другого безземельного люда. Лучше оставить общинное владение сельских обществ так, как оно есть, и ежегодные переделы полей. В нашей местности (Саратовской) это не уменьшает благосостояния сельских жителей и не производит безземельных. Но если бы число оставляющих земледелие увеличивалось, то только переходом крестьянина-земледельца к более прибыльным занятиям, и тогда оставление земли было бы естественным переходом участков в одни руки. Идя таким путем, у нас увеличилось бы городское население и прибавилось бы крупных участковых землевладельцев, а с тем вместе развились бы и промысла».

«Вопрос о преимуществе общинного или участкового пользования, – сказано в другом отзыве, – имеет значение только в социальном, а не в сельскохозяйственном отношении, именно: общинное пользование препятствует развитию безземельности и удерживает неравенство имуществ в известных пределах. Что же касается до сельскохозяйственной стороны этого вопроса, то опыт показывает, что земли, принадлежащие отдельным крестьянам на праве собственности, а также земли

частных владельцев возделываются точно так же, как и земли, находящиеся в общинном пользовании, а потому и делаемые против сего последнего возражения, будто оно препятствует улучшенному возделыванию земли, лишены всякого основания. С другой стороны, улучшенное земледелие возможно и при общинном пользовании: для этого стоит только продолжить переделы земли, или отдавать каждому хозяину участок, по возможности, в прежнем месте. Если улучшенное земледелие возможно на арендуемой земле, то нет основания предполагать его невозможным на общественной».

«Хотя общинное пользование землей, – замечается одним из сообщавших сведения, – не представляет больших удобств для хозяйства в том отношении, что ее не удобряют, как следует, не зная, попадет ли она на будущий год, при переделе, тому, кто ее удобрил, и хотя здесь (в Липецком уезде Тамбовской губернии) имеющие на общих сходках силу мужики, называемые крестьянами “мироедами”, при переделе земли имеют большие выгоды в выборе ее, – все-таки всякий обеспечен в куске хлеба и в уплате податей, тогда как при введении участкового хозяйства число бесхлебных и несостоятельных много увеличится, и мироеды постараются забрать у неимущих весь участок за несколько лет, за то, что подпоят бедняка или заплатят за него за один год, а потом он поступит на общество и мироед будет платить за него самую ничтожную часть, владея его участком».

«Предполагать можно, – говорит четвертый, – что участковое хозяйство возможно только для крестьян зажиточных или для сильных семейств, имеющих много работников; для малых же семейств или для бедных крестьян оно немыслимо и поведет неминуемо за собою пролетариат».

Пятый, не расположенный к общинному владению, признает, однако, что оно «не допускает развития пролетариата».

Один житель Бессарабской губернии находит, что «в предупреждение развития пролетариата было бы желательно, чтобы полевые наделы царан [9] оставались навсегда в глазах закона общинным владением и чтобы те порядки, которые те-

перь существуют в поле между членами общины по ее приговору, не могли послужить к закреплению участков… Лучшим доводом к подтверждению этого мнения может послужить пример мелких собственников, которых по крайней мере половина обнищала, хотя пользуются они правом собственности, или, вернее сказать, потому именно, что пользуются они искони этим правом». На такое же обнищание собственников семейных участков указывают в Саратовской губернии, именно на бывших питомцев Московского воспитательного дома, наделенных землею лет 20 тому назад, а в Ардатовском уезде Нижегородской губернии указывают два случая перехода от общинного владения к участковому, но от которого не последовало улучшения хозяйства.

Один землевладелец Валуйского уезда Воронежской губернии беспристрастно сравнивает между собой общинное и участковое пользование землей и находит, что каждое имеет «свои выгоды и неудобства. Выгоды общинного владения землею заключаются: 1) в исправном отбывании повинностей, пока подать не разложена крестьянами на землю; 2) в удобстве пастьбы общественного скота на толоке, особливо в маловодных землях и больших притом селениях, и 3) в том, что вновь подрастающие поколения не так страдают от нерадения родителей. Выгоды участкового владения: 1) старание хорошо обработать и удобрить свою землю в уверенности, что земля эта не отойдет к другому. Случается, что общества, которые обыкновенно поздно делят свои земли, отнимают уже взоранную землю и отдают другому; 2) участковый владелец может во всякое время начинать пахать свою землю, что для удобства пастьбы ему запрещают при общинном пользовании. Для этого нужно стараться, чтобы большие слободы выселялись на отдельные свои участки, лишь бы не было недостатка в водопое. При участковом владении, – говорит в заключение тот же землевладелец, – общий вывод урожайности земель должен бы подняться в значительной степени; но зато нерадивые крестьяне, а некоторые и по несчастию, обнищали бы и попали бы в вечные работники».

Указание на то, что при общинном владении подрастающие поколения менее страдают от родителей, подтверждается любопытным сведением из Новоархангельского уезда Орловской губернии. Здесь право бывших государственных крестьян продавать свою землю признается *пагубным*. «Случается, – сказано в доставленном сведении, – что глава семейства грозит продать (землю) и сделать нищими жену, мать семейства и взрослых сыновей». Против этого предлагаются разные меры.

«В Бобровском уезде Воронежской губернии, – говорит один местный житель, – исключительно существует общинное пользование землей, и оно одно спасает всех, ибо если бы было участковое землевладение, то большинство крестьян скоро бы окончательно разорилось».

На мироедов все жалуются. Рассказывается много о том, как они притесняют бедных крестьян при общинном владении. Однако высказывается также мнение, что при участковом владении мироеды были бы еще вреднее [10].

Дополним эти ссылки и указания некоторыми другими, столько же характеристическими.

Разные лица, владельцы Ветлужского и Варнавинского уездов Костромской губернии, Тульской, Орловской губернии и Суджанского уезда Курской губернии, свидетельствуют, что крестьяне более зажиточные, покупая земли в личную собственность вне своей общинной земли, удерживают за собой и свой общинный надел. И это одинаково замечается как в местностях, где между крестьянами видно стремление перейти к участковому владению, так и там, где этого стремления нет. Как нам известно из личных наблюдений, большинство крестьян, имеющих личную поземельную собственность или занимающихся на стороне выгодным промыслом или службой, дорожат своим общинным наделом на случай болезни, старости или крупной неудачи, которая может лишить их и денег, и приобретенной земли. На свой общинный надел как на место прибежища в крайнем случае они нередко употребляют свои сбережения для покупки ско-

та, для постройки новых изб ввиду будущего, которое может быть хорошо, но может быть и дурно.

Все эти отзывы и данные вполне выясняют значение общинного владения в быту нашего сельского населения. Эта форма землевладения имеет свои неудобства, из которых самые главные и существенные: круговая порука, недоступность для отдельного домохозяина поземельного кредита помимо общества, невозможность для домохозяина устроить помимо общества свой полевой надел таким образом, чтобы можно было его обрабатывать независимо от прочих домохозяев по желанию и делать на нем любые опыты и улучшения; наконец, домохозяин, отдельно взятый, не будучи личным собственником своего надела, не имеет ни права свободного им распоряжения, ни права его отчуждать каким бы то ни было образом. Все это, бесспорно, стеснения и ограничения, и притом весьма серьезные. Но, во-первых, тяжесть круговой поруки, как мы старались объяснить выше, происходит от обременительности податей. По свидетельству одного лица из Рязанской губернии, «в черноземных местностях крестьяне не избегают круговой поруки, потому что в случае несостоятельности они пользуются землею неисправного», и только «в других местах эта порука для крестьян представляет большое затруднение». Но наша теперешняя обременительная и неравномерная податная система, надо надеяться, будет изменена, подати будут приведены в справедливую уравнительность с доходами от земли, и тогда круговая порука перестанет быть, как теперь, несносным бременем для крестьян, владеющих землей на общинном праве. Во-вторых, существенные неудобства теперешнего распорядка общинных земель для развития сельского хозяйства, насколько такой распорядок не обусловлен географическими и топографическими условиями, устраняется, как объяснено выше, сами собой, с поднятием уровня образования в наших сельских массах и с распространением между ними сведений о правильном ведении сельского хозяйства. Зачатки этого мы уже и теперь видим, здесь и там, в прекращении ежегодной паш-

ни, в отмене вовсе переделов и во введении удобрения полей там, где его прежде не было.

Всякие улучшения сельского хозяйства у крестьян, владеющих на общинном праве, повторяем, возможны потому, что общинное владение нимало этому не мешает и допускает всякий распорядок полей, заведение всякого рода хозяйства, не исключая хуторного. Наконец, в-третьих, юридические стеснения каждого отдельного домохозяина при общинном владении и недоступность для него непосредственного, помимо общества, долгосрочного поземельного кредита заключаются в самом существе общинного владения и не могут быть вполне устранены в будущем; но таким же ограничениям и стеснениям подвергается и арендатор относительно арендуемой им земли; подвергается и всякий участник общей неразделенной собственности в отношении к своей в ней части. Весь вопрос сводится, следовательно, к тому, выкупаются ли стеснения и ограничения, проистекающие из общинного владения, какими-нибудь особенными выгодами и пользами, которые делают желательным и необходимым его сохранение, несмотря на эти ограничения и стеснения?

Выгоды эти перечислены в свидетельствах и сведениях, приведенных выше, и заключаются в следующем.

1. При общинной собственности домохозяин не может отчуждать свою часть в общинной земле, следовательно, иметь гораздо менее поводов и соблазна оставаться безземельным и бесприютным батраком и пролетарием. Общинное землевладение в этом смысле есть для массы сельского населения страховое учреждение от безземелья и бездомности, особенный вид применения к ней законов против мотовства, беспутства и расточительности, приспособленный к условиям быта низшего сельского населения.

2. Общинная собственность представляет твердый оплот против разнузданной, не знающей границ экономической борьбы частных интересов, спекуляции и наживы в применении к сельской народной массе. Без ограничения, какое представляет в этом отношении общинное владение, экономическая борьба

в силу своей природы, своих основных свойств, своего разъедающего и завоевательного характера сломила бы мелкую поземельную собственность, обезземелила бы ее владельцев и сосредоточила бы ее в руках более крупных капиталистов и собственников в ущерб интересам низшего сельского населения.

3. Общинное владение обеспечивает за низшим сельским населением прочную оседлость, приют и кусок хлеба в старости и дряхлости, дает возможность вырасти и окрепнуть подрастающим сельским поколениям, не подвергаясь всем невыгодам, случайностям и опасностям бродячей жизни между чужими людьми, по распутьям и городам.

4. Общинное владение создает для промышленной и предприимчивой части низшего сельского населения твердую точку опоры, возможность выступить на промышленное поприще, а вместе представляет и центр тяжести, к которому огромное большинство беспрестанно тяготеет и возвращается. Обеспечивая семьям промышленных людей неотчуждаемый очаг, общинное владение развязывает им самим руки, дает им размах и полет, невозможный и немыслимый для людей, семьи которых не имеют обеспеченного и независимого крова и пропитания.

Вот благодеяния, вносимые общинным землевладением в жизнь крестьянских сельских масс. Они так существенны и важны, последствия, вытекающие из общинного владения, для целого строя народной жизни, так многозначительны и плодотворны, что нельзя рассматривать этот вид поземельных отношений как предмет только частного права и частного интереса; наравне с железными дорогами, кредитными учреждениями, отправлением правосудия, способами корреспонденции, укреплением имуществ общинное землевладение есть предмет публичного или общественного права, и, касаясь одной своей стороной частных польз и выгод, оно другою тесно связано с вопросами общего интереса и общего благосостояния. Если мы не хотим рано или поздно видеть у себя зарождение рабочего вопроса со всеми его экономическими и нравственными последствиями, с его учениями, страстями и борьбами, мы не должны расшатывать народ-

ного обычая, который носит в себе все зачатки правильной экономической и поземельной организации, но без тех фантазий и миражей, в которых заблудилась европейская мысль, ища выхода из ненормального экономического положения, созданного исключительным и безусловным господством начала личной поземельной собственности. Особенно теперь, больше чем когда-нибудь, мы должны дорожить общинным землевладением. Наше великорусское крестьянство вступило в настоящее время в тот период своего развития, через который неизбежно проходят все народы, – в период разложения непосредственных, природных семейных и родовых союзов на их составные единицы. Прежние большие крестьянские семьи дробятся бесконечно, во всех концах России; отовсюду слышно, что разделы семейств из года в год усиливаются. По глубоко верному замечанию одного лица, познания которого мы привели, участковое хозяйство по плечу лишь сильной крестьянской семье, состоящей из многих членов; малой семье оно не под силу, и при участковом владении такие семьи скоро пришли бы в совершенное разорение. Вот почему посягать на общинное владение теперь было бы особенно несвоевременно и опасно. Многие утешают себя надеждой, что мелкие личные собственники и крестьяне-общинники перейдут в земледельческие ассоциации, которые с успехом поведут у нас вперед сельское хозяйство, избавят народные массы от безземелья и поднимут благосостояние мелких владельцев. Очень может быть, даже очень вероятно, что это когда-нибудь так и будет, но никак нельзя ожидать, чтобы это сделалось скоро: для этого нужна совсем другая степень культуры народных масс, чем какая у нас, и совсем иные сельскохозяйственные знания, понятия и привычки, чем наши, а никакой перемены ни в том, ни в другом отношении нельзя ожидать скоро. Впрочем, даже когда она произойдет, сельскохозяйственные ассоциации найдут настоящее свое применение и окажут благотворное действие преимущественно в отношении к мелкой личной собственности; общинное владение со временем, вероятно, тоже будет более или менее захвачено

сельскохозяйственной ассоциацией, но едва ли когда-нибудь оно сольется с ними вполне. Задача общинного владения, его призвание и назначение – совсем другие, и только оно одно и может их выполнить; вот это-то обстоятельство и придает ему характер важного общественного учреждения.

Но обратимся от возможного и вероятного будущего к действительному и несомненному настоящему. Теперь мы видим у нас разложение непосредственной крестьянской семьи на ее составные единицы. Начало индивидуальности представляет свои права весьма заметно. В такую минуту особенно важно, чтобы это начало не разнесло и не разрушило того, что составляет прочное основание благосостояния, оседлости, обеспеченности и спокойствия многочисленного сельского населения. Период развития, который оно теперь переживает, очень многозначителен, и если мы пойдем по пути исключительной и безусловной индивидуализации поземельной собственности, то попадем безвозвратно на тот опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и с которого сойти не будет уже потом никакой возможности без глубоких социальных потрясений. Поэтому-то мы и должны не упразднять, а, напротив, бережно сохранять общинное владение и пронести его неприкосновенным до того времени, когда бóльшая степень культуры, лучшее понимание частных и общественных интересов сделают ограждение его ненужным. Возведенное в общественное учреждение, укрепленное законом, выработанное и определенное юридически, освобожденное от посторонних наплывов и примесей, оно даст нам возможность спокойно и благополучно пережить трудный в жизни каждого народа период индивидуализации; но и после, когда пройдет этот период, общинное землевладение будет приносить нашей общественности, правильному ходу наших внутренних дел существенную пользу, оказывать нашему развитию бесчисленные, неоценимые услуги. Общинное землевладение, как можно видеть уже и теперь, не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать вперед промышленность: оно может только обеспечивать существо-

вание народных сельских масс с их подростками. Оно не есть поприще для кипучей и широкой промышленной деятельности, но есть почва, на которой может спокойно вырасти и приготовиться к промышленной деятельности многочисленная народная масса, и в то же время место прибежища для тех, которые изнемогают и падают в непрерывной борьбе экономических и промышленных интересов. Для сильных, предприимчивых, способных, даровитых людей общинное владение слишком тесно и узко, и они будут из него выходить; но для слабых, посредственных, непредприимчивых, довольствующихся немногим и для неудачников – а таких огромное большинство – общинное владение есть якорь спасения, тот челнок или та спасательная доска, на которых они могут держаться около берега, посреди экономических треволнений и бурь, поодаль от ожесточенной борьбы за наживу.

Таким образом, ближайшая будущность общинного владения, если только мы сумеем его сохранить, обозначится, как мы полагаем на основании предыдущего, приблизительно в следующем виде.

Везде, где общинное владение существует, оно будет утверждено законом, и дальнейшее раздробление его на отдельные личные собственности прекратится. Запрещены будут в пределах общинной собственности продажа участков и выделение их на вотчинном праве. Вместе с тем, крестьянским обществам будет дана возможность выкупить из частной собственности лежащие посреди общинного владения участки и предоставлено будет этим обществам наследовать такие участки, когда они станут выморочными.

Всем сельским обществам, владеющим своими землями на участковом праве, будет предоставлено свободно, без помехи переходить в случае желания от участкового владения к общинному.

Для устранения злоупотреблений и несправедливостей по распределению общинных наделов предоставлена будет обиженным и заинтересованным возможность жаловаться на постановления и распоряжения мира по владению и поль-

зованию общинной землей. Рассмотрение таких жалоб возложено будет на учреждения, близко и подробно знакомые с существующими по этому предмету в каждой местности обычаями и порядками.

Юристы, отбросив предрассудок, что все явления русской жизни непременно должны подходить под Свод законов гражданских, расставшись с ложным убеждением, будто нет и не может быть других начал гражданского права, кроме римских или европейских, начнут вполне беспристрастно, объективно и подробно изучать сложную и подчас весьма тонкую казуистику распределения общинной земли между членами общества и извлекут из нее живущие между крестьянами бессознательно или полусознательно общие юридические начала, которые, будучи в главных и общих чертах почти везде одни и те же, представляют чрезвычайное разнообразие в применении к различным местностям, местным условиям и особенностям. Таким изучением и разработкой живых фактов, доступных и близких каждому, исподволь подготовится юридически выработанный материал для закона о порядке распределения между членами сельского общества поземельного владения в общинной земле. Такой закон будет служить вместе и руководством при разбирательстве жалоб на действия мирских сходов по этому предмету.

С более правильным распределением налогов, лежащих теперь на крестьянском населении, с приведением их в правильную соразмерность с доходами от земли сделаются ненужными как фискальные, так и полицейские стеснения, затрудняющие теперь выход из общины и вступление в число ее членов. И то и другое будет вполне свободно и предоставится ближайшему усмотрению самих сельских обществ и их членов, под апелляцией недовольных в учреждения, которые будут устроены для разбирательства дел по распределению общинной земли.

Все такие нововведения будут логическим и необходимым последствием признания общинного владения как одного из видов вещных прав наравне с правом личной поземельной

собственности, а также преобразования правил податных, паспортных и полицейских.

В экономическом отношении все это создаст у нас следующий порядок дел: предприимчивая, богатая, промышленная часть населения будет свободно выходить из сельских общин в города или в места своих постоянных промыслов и заработков, или же на свои покупные, вотчинные земли, а место их будут заступать в обществах с общинным владением отчасти подрастающие в тех же обществах поколения, отчасти со стороны разный безземельный и бесприютный люд, бьющийся не из-за большого достатка, а из куска хлеба и крова для себя и своей семьи. Для этих людей без пристанища, способных и готовых работать, общество с общинным владением будет общественным учреждением, какого лучше придумать нельзя. Оно сократит число бродяг на всю цифру неиспорченных, трудолюбивых и спокойных людей, которые не бегут от честного заработка, но не имеют, где пристроиться, часто потому, что обременены семьями; оно освободит общество и государство от обязанности заботиться об этом люде и заменит с несравненно большей пользой для общества и частных лиц налог на содержание бедных, который распложает лентяев, кормит их по необходимости впроголодь и непременно производит недовольство и взаимное раздражение между бедными, получающими помощь, и теми, кто платит налог на их содержание. Каждый член сельского общества, имеющий общинный надел, – сам свой хозяин, работает, этим кормится, и жаловаться ему не на кого; у него притом есть и перспектива, трудясь и работая, выбраться в лучшее положение, зашибить копейку, стать на ноги. Деревни и села при удержании общинного владения будут постоянно подбирать народ, требующий призрения, и тем существенно облегчать издержки общества и государства, а также суды, полицию, тюрьмы и каторги.

Что и при таких условиях для части сельского народонаселения со временем будет тесно на местах его постоянного жительства и понадобятся переселения – это не подлежит сомнению. Но при указанных экономических и социальных

условиях народного быта выселения будут происходить правильнее, постепеннее, обдуманнее, чем теперь.

Опасение, что при обеспеченном существовании сельского населения затруднится для землевладельцев-собственников возможность находить нужное количество работников и личной прислуги, кажется нам совершенно ошибочным. Нельзя не сознаться, что мы и теперь в большинстве случаев бываем сами виноваты в том, что терпим недостаток в рабочих. Многие еще и до сих пор не совсем расстались с привычками и преданиями крепостного права и вотчинной власти. По большей части мы не знаем и не стараемся узнать быт, нравы, привычки, характер, требования крестьян и рабочих, с которыми имеем дело, относимся к ним обыкновенно с предубеждением, почти всегда безучастно, ставим им требования, которые превышают степень их понимания и культуры, а нередко дурно их содержим, дурно с ними расплачиваемся. Хозяева заботливые, добросовестные и хорошо знакомые с бытом крестьян, сколько нам известно, всегда имеют нужное число рабочих рук и на работников и крестьян не жалуются. В каждой местности хозяйства и усадьбы, как и люди, пользуются худой или хорошей славой в народе. Где, по сложившемуся мнению, хорошо жить, радостно работать, туда хороший рабочий идет охотно; где дурно и тяжело, туда отправляется лишь дрянной народ или не идет никто даже за большие деньги. Вот где главный источник всех жалоб. Но, кроме того, говоря о рабочих и прислуге, надо, как нам кажется, различать нанимаемых на время, для одной из работ, обычных в данной местности, и которые легко исполнит любой крестьянин или крестьянка (пахота сохой или плугом, смотря по местности, косьба травы, жнитво, рубка леса и т. п.), и нанимаемых постоянно, для отправления работ или служб, требующих особого навыка, уменья, сноровки, знания. Для первых из этих работ всегда найдется достаточное число между местными крестьянами и крестьянками, которые всегда не прочь получить лишнюю копейку; при общинном владении, как бы ни было отлично устроено, они всегда будут нуждаться в постороннем заработке, тем более

что при небольших наделах, которые не увеличатся же от прироста населения, у них всегда будет довольно свободного времени от своих занятий. Что же касается постоянных рабочих с известными специальными знаниями, то для них, бесспорно, нужны в большинстве люди, не имеющие своего хозяйства; но в ежегодно возрастающем у нас пролетариате из лиц так называемых неподатных сословий материал для этого разряда рабочих и прислуги всегда имеется обильный; к сожалению, до сих пор почти ничего не делается для подготовления многочисленного и несчастного класса бездомников неподатных сословий к полезной деятельности, для представления ему способов честного заработка. С другой стороны, никто, конечно, не думает, чтобы общинное владение, как бы оно ни было хорошо поставлено, могло вобрать в себя все бедное сельское население без остатка; и при наилучших условиях всегда найдутся люди, предпочитающие, по самым разнообразным побуждениям, оставаться вне сельских общин и не иметь поземельной собственности, – люди, которым служба по найму на всем готовом более по сердцу, чем заботы о собственном хозяйстве. Вообще, при нашем теперешнем неустоявшемся быте, при далеко не определившихся гражданских и экономических отношениях и, главное, при крайне низком уровне культуры во всех классах общества трудно еще судить об условиях наемного труда в России в ближайшем будущем. Теперь, повторяем, они далеко не так дурны для хозяев, как думают многие. Последние 15–20 лет выказали с совершенной очевидностью, как не соответствуют наши культурные средства нашим аппетитам и требованиям; в этом скрывается главная, важнейшая причина наших жалоб и недовольства.

Поставленное в условия, которые мы старались обрисовать только в общих, крупных чертах, общинное землевладение не только не ослабит понятие о личной поземельной собственности, но, напротив, отнимет всякий повод относиться к ней завистливо и враждебно; оно не только не подавит индивидуального развития и промышленной предприимчивости в сельском населении, но укрепит их, направит и поддержит.

Такие же взгляды высказывали мы 17 лет тому назад в статье, напечатанной в «Атенее», издававшемся в 1859 г. в Москве. Несмотря на изменившиеся с тех пор обстоятельства и строй мыслей, они теперь кажутся нам верными. К сожалению, материал для фактического изучения общинного крестьянского землевладения мало обогатился с того времени новыми данными, и мы и на этот раз, как тогда, вынуждены ограничиться одними лишь общими соображениями, одной проверкой мнений и взглядов вместо разработки самих фактов. Будем надеяться, что русская наука, начинающая с более зрелым пониманием обращаться к изучению русских вопросов, скоро пополнит этот важный пробел и, опираясь на многочисленные, критически обследованные факты, окончательно рассеет туман, доселе скрывающий от нас многозначительный обычай общинного владения, и довершит с неотразимой убедительностью то, что мы старались только наметить в настоящем беглом очерке.

Поземельная община в новой и древней России

В минувшем году вышла в свет первая часть сочинения, которое и по своему предмету, и по своим внутренним достоинствам не может и не должно пройти незамеченным в России, а в Европе, без сомнения, обратит на себя большое, вполне заслуженное внимание. Мы говорим о критико-историческом исследовании общинного землевладения в России фон Кейсслера.

Вышедшая пока часть этого ученого труда содержит под скромным заглавием очень обстоятельную историю наших крестьянских общин и общинного землевладения, подробное и добросовестное изложение взглядов на этот вид поземельных прав и отношений и тщательное рассмотрение дальнейшего его развития в русском законодательстве, литературе и адми-

нистрации до нашего времени. Из предисловия видно, что во второй части, уже приготовленной к печати, будут изложены и критически рассмотрены сведения об общинном землевладении, собранные комиссией для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, Высочайше учрежденной в 1872 г., под председательством статс-секретаря Валуева [1], а в заключение как вывод из всего предыдущего автор представит свои предположения относительно решения крайне запутанного и спорного вопроса об общинном землевладении вообще. Из того же предисловия видно, что г. Кейсслер изучал предмет не только по книгам, в кабинете, но и по сведениям, доставленным ему людьми, практически знакомыми с делом, – сельскими хозяевами, чиновниками и другими лицами из различных краев России, и, наконец, по собственным наблюдениям во время поездки по средней и восточной России в 1868 г. Что этим ненапечатанным материалом автор воспользовался с полным знанием дела, в этом служит нам порукой его отличное знание и понимание исторических данных и литературы предмета, которому он посвятил свой ученый труд. Такие труды появляются у нас, к сожалению, нечасто. Но что придает ему особенную цену – это полное беспристрастие автора, столь редкое вообще, когда речь идет об общинном землевладении, особенно же редкое в лагере экономистов, относящихся к этому предмету большей частью или шаблонно и рутинно, или же с социалистическими предрассудками, запутывающими, а не разъясняющими дело. Взгляд г. Кейсслера, как сказано, будет подробно развит во второй части его сочинения; что этот взгляд во всяком случае заслуживает полного внимания, об этом можно уже судить по предисловию, где высказана в общих чертах программа автора. На с. II и III он говорит, что нашел разрешение задачи «в создании такой формы землевладения, которая, с одной стороны, постоянно бы сохраняла распределение землевладения, какое желательно в интересах всего общества и непосредственно заинтересованных лиц, а с другой – не мешала бы сельскохозяйственной производительности», следовательно, «в законо-

дательной организации общинного землевладения, с ограничением теперешнего права каждого члена общины на равный с другими участок земли. При такой организации, – продолжает автор, – поземельная община, сохраняя свой частный характер, должна быть возведена в общественное учреждение, состоящее под контролем государства, который, смотря по местным обстоятельствам, должен удержать или же восстановить наиболее целесообразное распределение поземельного владения (помешать чрезмерному его раздроблению и совокуплению в одних руках)... Основные начала, о которых идет речь, – так оканчивает автор, – имеют, по моему мнению, значение, конечно, с известными, необходимыми видоизменениями, и для западной Европы, где право свободного распоряжения землею – в одном месте более, в другом менее – не отвечало тому, чего от него ожидали». Эти слова не оставляют никакого сомнения в том, что г. Кейсслер смотрит на общинное владение просвещенными глазами, стоит на высоте современных задач науки, и потому мы вправе ожидать, что вторая часть будет по меньшей мере так же интересна и поучительна, как первая.

Ознакомить читателей со всем разнообразным и крайне любопытным содержанием вышедшей первой части сочинения г. Кейсслера нет, конечно, никакой возможности. Чтобы дать возможно полное понятие о высоком достоинстве этой ученой работы, мы попытаемся представить взгляд автора на развитие русской поземельной общины и общинного землевладения до отмены крепостного права в 1861 г. Исследования г. Кейсслера по этому предмету составляют капитальнейшую часть вышедшего теперь тома и не могут не интересовать большинства образованной русской публики, которая не без основания ставит вопросы о крестьянском землевладении сельской общины в число важнейших русских вопросов. Автор начинает свое исследование с занятия и заселения Русской земли. При основании русского государства восточные славяне, разделенные на племена, жили от Ильменьского озера и Волхова до Черного моря и Карпатов. При редком населении обширная страна была свободно занимаема каждым. Леса расчищались,

новь распахивалась большим или меньшим числом людей сообща или отдельными семьями, и земля возделывалась до тех пор, пока давала достаточные урожаи; когда же она выпахивалась, ее бросали и занимали новую. Если не было поблизости девственной почвы, то жители покидали свои поселения и основывали новые там, где находили довольно земли. При незатейливости первоначальных жилищ это делалось легко. С увеличением народонаселения выселки основывались из городов и деревень целыми общинами и отдельными семьями. Таким образом, рядом со старыми общинами возникали новые. Связь между теми и другими со временем ослабла, и земля, составлявшая собственность целого племени, разделилась на особую собственность общин и отдельных лиц.

В общинах сосредоточивалась сперва вся общественная власть. Это были первые государственные и гражданские союзы. Земля, занимаемая общиной, находилась в ее общем владении; она распределяла ее между своими членами и устанавливала способ пользования ею. С увеличением народонаселения и с образованием новых поселков увеличивалось и число принадлежащих к ней дворов. В южной России такие поземельные общины назывались верьвями, в Новгородской области – погостами, в Псковской – губами и были то же, что немецкие марки. С призванием варяжских князей и развитием княжеской власти влияние и значение древних общин должны были ослабеть – частью вследствие того, что некоторые их права перешли к государственной власти, частью же оттого, что известная доля их земель выделена в пользу князя, Церкви, членов княжеской дружины (для последних едва ли ранее XI в.), и выделенные земли были этим изъяты из-под власти общин. Вместе с тем община распалась на составные ее части – города и деревни, к которым и перешло распоряжение землей, находящейся во владении их членов.

Рядом с населением, сидевшим на общинной и на своей собственной земле, образовался в древнейшей России класс лично свободных землевладельцев, поселившихся на чужой земле и несших разные повинности в пользу землевладельцев.

Свободных, никому не принадлежащих земель было, конечно, довольно, но ими мог овладеть только имеющий на то нужные средства, тот, кто мог приготовить их к возделыванию, построить жилье, вспахать, засеять и месяцами ждать плодов своего труда и затрат: беднейшие, не располагавшие такими средствами, селились на землях, уже занятых более достаточными. Таковы были упоминаемые в Русской Правде «ролейные закупы». Число их, вероятно, было немало, если оказалось необходимым защитить их законом от притеснений хозяев и юридически определить их положение.

Об отношении земледельческого населения к земле и к общинам мы имеем из более древней эпохи лишь немногие указания. Обильнее становятся источники в XIV и XV вв. Из них мы узнаем, что положение крестьянства было в это время следующее.

Чтобы быть полноправным членом сельской или городской общины, надо было иметь надел в общинной земле и нести соответствующую часть податей и повинностей, лежавших на общине. Боярин и Церковь, приобретая общинную землю, становились тоже ее членами, и наоборот: оставляя общинную землю, и крестьянин, и купец переставали быть членами общины и нести подати и повинности.

Отношения земледельца к земле были различны, смотря по тому, на чьей земле он сидел. Если та земля была общинная (черная), то он пользовался своим участком в качестве члена общины неопределенное время, так что мог оставаться на одном и том же участке всю свою жизнь, и оставлял его своим наследникам, но под непременным условием, чтобы они оставались членами общины и несли подати и повинности. Земледелец мог заложить и отчуждать свой участок с тем, однако, чтобы новый приобретатель платил подати и нес повинности; иначе он лишался приобретенного участка. Впрочем, отчуждаема могла быть не сама земля, т. к., принадлежа на правах собственности к общине, она не могла быть продаваема и покупаема даже самим князем: отчуждалось только принадлежащее земледельцу право пользования своим

участком. Крестьянину принадлежали все права пользования и распоряжения своим наделом, в том числе право отдавать его внаем. Он мог пользоваться им совершенно свободно и беспрепятственно, мог по своему усмотрению одну его часть пахать, другую запустить в залежь, обратить в огород, окружив изгородью, возводить на нем постройки и т. д. Во все это община не вмешивалась. (Из такого общего правила вполне свободного пользования участком были, однако, и исключения.) Общины могли соединить с общинной землей и частные земли, приобретаемые ими покупкой или меной. Что касается частных собственников (своеземцев), то они распоряжались и пользовались своей землей на правах полной собственности. Наконец, отношения земледельца, сидевшего на чужой земле, к ее владельцу (князю, боярину, монастырю, купцу, крестьянину и т. д.) и принадлежащей ему земле определялись взаимным соглашением. Лично земледелец был свободен, хотя и обрабатывал чужую землю; но по причинам, лежащим в требованиях земледелия, он мог оставлять землю или быть высылаем с нее владельцем только в определенное время в году (14 ноября – Филиппово заговение, Юрьев день). В XIV и XV вв. население стало уже более оседлым; часто упоминаются старожилы на общинной и частной земле, сидевшие на том же месте 20, 30, 40 и более лет; говорится, что на той же земле жили их отцы и деды. Рядом с повинностями в пользу землевладельца такой крестьянин как член общины платил и государственную подать с земли. Хотя земля ему и не принадлежала, но он был не нанятым работником, а хозяином, нанимающим землю. Особенный характер придавал свободный земледелец земле, на которой сидел: государство взимало подати с обрабатываемой им земли только на том основании, что на ней жил земледелец; земля, оставшаяся впусте, земля, которая обрабатывалась рабами, не считалась тяглою.

Отношения крестьян, поселенных на чужой земле, к ее владельцу были очень разнообразны. Если первые селились на пустой, невозделанной частной земле, которую должны были сами приготовить к обработке своими средствами и

сами возвести нужные им постройки, то положение их было совершенно самостоятельное, особливо если владелец давал им позволение или поручал привести с собой других людей для поселения на той же земле и уступал все свои права, кроме права собственности и продажи. Такие отношения могли установиться там, где уже чувствовался недостаток в свободных, никем не занятых, выгодных для возделывания землях: когда хорошая, плодородная общинная земля уже была занята, крестьянин, не успевший получить в ней долю, нередко мог находить более для себя выгодным поселиться на частной земле и платить за пользование ею, чем бесплатно сидеть на плохой общинной земле. К заселению владельческих земель поощряли также льготные годы и защита, которой поселенцы пользовались со стороны богатых и сильных (монастырей, бояр). Даже жители целых деревень становились под такую защиту. Менее самостоятельно было положение земледельца, который селился на земле, уже возделанной, и которому землевладелец давал нужные строения, хотя бы такой земледелец и приводил с собой свой рабочий скот, имел свои земледельческие орудия и т. п.; наконец, крестьяне, получавшие от землевладельцев рабочий скот, орудия, да вдобавок семена, содержание до жатвы, ссуды деньгами и т. д., едва походили на свободных арендаторов. Их повинности были, разумеется, выше, чем прочих; уйти от землехозяина они могли только, уплатив ему сверх повинности за пользование землей все полученное ими в ссуду с процентами.

Между собой крестьяне составляли общины. Каждая община была административной единицей. Кто селился на общинной земле, тот становился ее членом; поселившийся же на владельческой земле причислялся к общине только в административном отношении. И те и другие крестьянские общины – как поземельные, так и административные – были различной величины, и число их жителей было неодинаково; у крестьян, живших на частной или общинной земле, высшей единицей была волость, состоявшая всего чаще из нескольких поселков и дворов. У крестьян, живших на владельческой

земле, административная община определялась обыкновенно владением – поместьем или вотчиной: все деревни и отдельные дворы, принадлежавшие к поместью или вотчине и находившиеся в одном округе, образовывали и одну общину; у малых же владельцев, владевших небольшим числом крестьянских дворов, крестьяне в административном отношении или причислялись к соседней волости, или, принадлежа по податям и повинностям к одному разряду, составляли из нескольких соседних владений одну особую общину. Такое образование общин не по владениям было возможно потому, что крестьяне были свободные люди, связанные с землевладельцем только частным договором. Итак, общины разделялись на три разряда: сидевшие на общинной земле, сидевшие на частной и смешанные, поселенные частью на общинной земле, частью на принадлежащей в личную собственность, частью на владельческой. Первые сами заведовали делами своих членов, распоряжались землей. Основанием их общинного союза служила земля. Вторые, поселенные в имениях владельцев, были лишь административные, личные общины и не касались земли, состоявшей в пользовании их членов. Первые сами защищали землю от захвата посторонними, распоряжались ею, отвечали перед государством за порядок и спокойствие в волости, за исправную уплату податей и отправление повинностей и распределяли те и другие сами между своими членами; вторые же не имели этих прав.

Общественные дела всех общин находились в непосредственном заведовании органов государственной власти. В XIV и XV вв. князья все еще в виде исключения, хотя и нередко, передавали некоторым землевладельцам лично высшую власть над общинами. Вследствие того непосредственные отношения таких общин к государству прекращались, и землевладелец по всем делам становился посредником между ними и общиною. Но затем постепенно исключения обратились в правило, и непосредственное заведование общинами со стороны государства перестало быть общим правилом. Общины, изнемогая под страшным гнетом княжеских на-

местников и больших владельцев, подпали под полную от них зависимость; поселяне, жившие на владельческих или даже на своих землях, добровольно отдавались под защиту могущественных владельцев. В силу соглашения последние принимали на себя уплату крестьянских податей и отправление повинностей. При известных обстоятельствах крестьяне могли находить более для себя выгодным иметь дело с одним господином, который представлял их перед правительством, чем со сборщиками податей от различных ведомств, каких в древней России было немало.

Для распределения податей и повинностей земля, находившаяся в пользовании крестьян, делилась на «сохи». Соха составляла наивысшую податную единицу. В различных местностях обнимаемое ею пространство определялось различно и, смотря по различным соображениям и обстоятельствам, могло быть и больше, и меньше. Соха измерялась четвертями, т. е. количеством посева; покосы – копнами сена, которые на них становились. Низшей податной единицей земли была «выть» (в Новгородских областях «обжа») – первоначально нормальный размер крестьянского хозяйства или двора. Впоследствии пространство двора уменьшалось, так что несколько дворов составляли одну выть, или обжу. Кроме того, и размер выти, подобно пространству сохи, изменялся также под влиянием различных обстоятельств и соображений. Личность крестьян, владеющих землей, их положение, их бóльшая или меньшая зажиточность имели, в свою очередь, влияние на размер податей, падавших на землю, и на раскладку их между плательщиками. Полное развитие получили права крестьянских общин в XVI в. Судебники 1497 и 1550 гг. определили точнее и развили то, что уже было выработано обычаями и местными узаконениями прежде касательно отношений поселян к землевладельцам и к земле. Самостоятельность сельских и городских общин в отношении к великокняжеским наместникам и вельможам подтверждена и ограждена; это особенно заметно по части судебной. Издан ряд постановлений для ограждения общин от произвола великокняжеских чиновников.

С XVI же века появляется новый разряд сельского населения – бобыли, которые владели только частью крестьянского тягла, т. е. крестьянского земельного участка, и вследствие того несли только соразмерную с их владением часть податей и повинностей. Это новое явление в жизни крестьян развилось вследствие необходимости разделить тягло, т. к. часть крестьян не была в состоянии платить непомерно возвысившихся податей с целого тягла. Кроме того, в общинах находились теперь так называемые «казаки», из которых одни, имевшие свой двор и свой участок, подобно бобылям, составляли, вероятно, лишь малую часть, а другие жили у крестьян в работниках или занимались промыслами. Последние не были полноправными членами общины именно потому, что у них не было земли. В этом же положении «затяглых людей» (т. е. находящихся вне тягла) находились в общине и те, кто или по рождению, или вследствие договора жили в виде рабочих у самостоятельных хозяев, не владея общинной землей. Подати раскладывались выборным людьми из владевших землей по дворам соразмерно с платежной силой каждого хозяина.

В общину вступали как подрастающие поколения уже оседлых семейств, так и новоприходящие поселенцы. Первые, именно родившиеся в общине, занимали сначала обыкновенно не целую выть, а, смотря по силам – половину, четверть выти и т. д.; посторонние вступали в общину по взаимному с нею соглашению, получая целую выть или тоже половину ее, и т. д.

Поземельные отношения сравнительно с прежним временем стали с XVI в. прочнее и самостоятельнее. Правда, как община, так и владелец могли и теперь, как прежде, отобрать у неплательщика его участок, но они не имели права вопреки письменному условию («порядной записи») увеличивать или уменьшать данное ему количество земли; участок, составлявший тягловый надел крестьянина, оставался за ним бесповоротно, пока он своевременно уплачивал подати и нес повинности. Права его на свой земельный надел были так велики, что он мог променять его или передать другому, если последний принимал на себя уплату податей. Тем же правом

пользовались и крестьяне, поселенные в имениях владельцев, но о перемене или передаче участков надо было заявлять землевладельцу. Несмотря на такую большую самостоятельность и большие юридические обеспечения крестьянских общин, крестьянство в XVI в. постепенно беднело и отчасти все более и более подпадало под зависимость от больших владельцев. Причиной тому были страшно увеличившиеся подати. К концу столетия крестьяне-собственники почти совсем исчезли. Недостаток защиты и тяжкий гнет податей и повинностей вынудили свободных землевладельцев из крестьян перейти на общинные земли или на земли сильных владельцев, где они находили охрану и защиту и где свобода перехода обеспечивала их от чрезмерных притеснений. Кроме того, земли, составлявшие частную собственность, продавались крестьянами, когда приходилось делить наследство между сыновьями, и часть, доставшаяся на долю каждого наследника, не давала ему средств существования, почему сыновья предпочитали продать наследство и заняться хозяйством на нанятых участках, соответствующих их рабочим силам.

Иван III и Иван IV, столько сделавшие для поднятия крестьян в юридическом отношении, значительно содействовали переходу от них земли в руки служилых людей, дворянства и в княжескую собственность. С образованием Московского великого княжества появилось новое государственное начало. В этом княжестве земля была собственностью князя, потому что она состояла почти исключительно из завоеванных земель. Развившееся отсюда могущество московских князей, сравнительно с прочими древнерусскими князьями, существенно содействовало преобладанию Москвы. Со включением княжеств в Московское государство и благодаря обширным завоеваниям (Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и т. д.) царская власть возросла до того, что на всю Россию распространено начало, в силу которого вся земля принадлежит государству и оно может ею распоряжаться. Практические последствия этого начала выразились, между прочим, в том, что, смотря по надобности, «черная земля», находившаяся во владении общин,

раздавалась служилым людям в поместья, когда для частных войн требовалась личная служба; а когда нужны были деньги, она объявлялась княжеской землей, к которой сверх податей взыскивался оброк в княжескую казну. Этот переворот совершался при Иване III (отдельные случаи встречались и раньше), но особенно и в больших размерах со времени Ивана IV.

Общины изнемогали под бременем податей и чрезмерной власти бóльших владельцев. По мере того как росли подати (при Иване IV и преемнике его Федоре), они все больше старались о том, чтобы при составлении новых окладных книг жилые дворы показывались пустыми. Несмотря на строгие запрещения, злоупотребления такого рода усилились чрезвычайно, особливо при Федоре. Чтобы избежать суровых взысканий, грозивших за подобный обман, крестьяне толпами покидали деревни. Кроме того, к бегам поощряли и льготные годы, даруемые поселенцам в новоприобретенных русских областях. Чтобы положить конец таким неустройствам и вообще шатанью крестьян из места в место, мешавшему правильному поступлению податей и платежей в пользу служилых людей, последовало в 1592 г. прикрепление крестьян к земле. В виде вознаграждения за потерю личной свободы и права свободного выхода законодательство XVII в. дало крестьянам право на обрабатываемую ими землю.

В каком виде сложилось древнерусское общинное владение при подобном ходе развития крестьянского общинного землевладения вообще? По этому любопытному предмету г. Кейсслер приходит к следующим выводам.

При заселении земли выработались, как сказано, две формы землевладения: вотчинное и общинное, смотря по тому, одна ли семья, или совокупность семей занимали землю, расчищали и обрабатывали ее. Но, кроме того, общинное владение могло также возникать и из вотчинного, когда семья разрасталась, занимала новые свободные земли и принимала в товарищи новых поселенцев.

Когда первые работы и труды по водворению выполнялись обществом, каждый из его членов имел равное право на

занятую землю, и она вследствие того делилась между ними поровну. Каждый получал столько земли, сколько мог обработать и сколько было ему нужно, чтобы прокормиться с семейством. Земля, отведенная каждому, называлась «участком», «уделом». Название «жеребий» указывает на способ распределения участков. При изобилии земли число таких участков увеличивалось с умножением народонаселения. По замечанию автора, в русском народе более чем в других индоевропейских народах было стремление к индивидуализации, выразившееся в том, что каждый старался как можно раньше создать себе самостоятельное хозяйство, отдельное от отцовского. Развитию этой черты, быть может, способствовали, как он думает, легкость и удобство при большом избытке земель основать самостоятельное жилье. В окладных книгах находим указание, что во дворе жил один человек, одна рабочая сила; только в виде изъятия при отце жил сын; еще реже жили в одном дворе вместе братья; гораздо чаще сыновья и братья жили особыми дворами. Это было общим правилом. Раннее выселение взрослых сыновей из отцовского дома должно было чрезвычайно способствовать заселению обширной равнины. Впрочем, население и число участников увеличивались не только естественным приростом, а также благодаря новым поселенцам: как общины были заинтересованы привлекать их к себе, так и отдельные семьи находили свои выгоды становиться под защиту общины.

Таким образом, поземельная община состояла из непостоянного числа равных единиц; как ни была различна величина общин, участники везде были одинаковы. С тех пор что двор стал финансовой единицей, жилье и дом, дым и двор сделались в народных понятиях и на народном языке тождественными выражениями. В южной России до XVI в. участок назывался дымом, на севере – двором, в московском государстве – вытью или тяглом. Впоследствии, когда выть перестала обозначать действительную хозяйственную единицу семьи, эта единица, обратившаяся в фиктивную, все-таки была удержана для измерения общинной земли. Что же касается перво-

начального равенства участков, находившихся в пользовании семейств, то оно было нарушено тем, что крестьянин, разбогатевший благодаря деятельности, трудолюбию и бережливости, брал у общины два или более участков и нес следующие с них подати и повинности, тогда как менее зажиточный брал только половину участка или того менее, а вовсе бедный совсем не мог держать земли и, чтобы кормиться, поступал в работу и службу к богатым, которые не могли вести своего большого хозяйства рабочими силами одной своей семьи. Впоследствии, приобретя средства для ведения хозяйства, и он тоже требовал и получал землю от общины, всегда готовой исполнять такие требования, – сначала, может быть, только половину участка, с обязательством нести следующие с нее подати и повинности. Вследствие такого порядка наделения землей один хозяин владел многими дворами, другой – половиной или четвертью двора. Кроме того, размер поземельных участков должен был определяться различно, смотря и по свойству почвы, пример на <неразб.> ее естественному плодородию и т. п., и по трудолюбию населения, которое обрабатывало большее или меньшее пространство земли. Слово «двор» означало все крестьянское хозяйство со всеми принадлежавшими к нему правами пользования тою частью общинной земли, которая не была поделена между членами общины. Составные части двора были следующие: усадьба – строения, огороды и вся земля, прилегающая к строениям и не находящаяся под пашней; пахотная земля – важнейшая составная часть крестьянского двора; покосы, обыкновенно поделенные в натуре между дворами; затем выгон, лес, пруды, реки (для рыбной ловли) и другие угодья находились в нераздельном общем пользовании всех членов общины.

Со временем первоначальная нормальная величина крестьянского двора (выть, обжа) исчезла именно вследствие дележей. Большое влияние имели на это везде чрезвычайно усилившиеся в XVI в. разделы полных дворов, хотя здесь и там процесс их распадения совершился уже ранее. Спрашивается: могло ли крестьянское семейство кормиться и нести подати и повинности с того незначительного пространства земли, какое

оказывалось при тогдашнем дроблении дворов? При экстенсивном хозяйстве рабочей силы человека на такое малое пространство во всяком случае было слишком много. Профессор Лешков [2] думает, что малые участки земли ($^1/_6$, $^1/_8$, $^1/_{12}$ и т. д. выти, обжи) не представляли особого, самостоятельного хозяйства, что крестьянин имел в разных местах по несколько таких частиц земли. Г-н Кейсслер, допуская, что такие случаи бывали, отрицает, чтобы везде было так. Он находит очень невероятным, чтобы при экстенсивном хозяйстве и большом изобилии земли могло повсеместно существовать такое раздробление хозяйств. К тому же при общинном землевладении и при переделах земли не могло развиться хозяйство на раздробленных участках; наконец, известно, что все владение одного крестьянина во многих случаях действительно ограничивалось одной небольшой частью выти или обжи. Автору кажется гораздо вероятнее, что владельцы таких небольших частиц земли занимались не одним земледелием, а вместе с тем каким-нибудь промыслом: рыболовством, охотой, сидкой дегтя и другой обработкой лесного материала в обширных лесах, а также разного рода ремеслами и т. д.

Сравнивая древнее русское общинное землевладение с германскими общинными марками и с теперешним русским, автор открывает в первой своеобразные черты, определившиеся местными и, может быть, национально-историческими особенностями. Условия, вследствие которых иначе сложились общинные и поземельные отношения в Германии и России, сводятся, по его мнению, к трем следующим: большому обилию земель в России при редком населении, расселению народа в России малыми деревнями, в несколько дворов и отдельными дворами; наконец, большому однообразию у нас поверхности страны и естественного плодородия почвы.

Немецкая община была больше замкнута в себе, меньше доступна для новых членов. Число членов общины, пользовавшихся маркой, было ограничено; число крестьянских дворов в большей части старых поселений определено искони. Только там, где, по счастью, деревенская община имела

огромную владеемую сообща марку, далеко превышавшую потребности местного населения, новые поселения поощрялись, но и здесь число крестьянских дворов скоро было ограничено для ограждения полноправных сочленов от наплыва новых поселенцев. Последние могли вступить в селе в полные права гражданства не иначе как приобретя крестьянский двор, оставшийся пустым после прежнего хозяина. Причина этих ограничений заключалась в недостатке свободной земли. Так продолжалось, пока скотоводство составляло значительнейшую часть хозяйства. Впоследствии в течение столетий земледелие получило большое развитие, произведения земли стали составлять значительнейшую часть пропитания, а скотоводство понемногу уменьшилось. С тем вместе исчезла надобность в обширных пространствах, владеемых поселением сообща. Когда это наступило, опять не только было дозволено, но даже поощрялось ставить новые, полноправные дворы и делить существующие на части. Но и это время, благоприятное для развития народного благосостояния, скоро кончилось вследствие быстрого возрастания населения. В XIV и XV вв. видно уже стремление всячески затруднить и даже совсем остановить новые поселения в деревенских общинах, хотя бы даже без всяких прав на общинную землю.

Другое видим мы в древней России. Здесь до самого прикрепления к земле происходило беспрестанное передвижение населения. Ставятся новые дворы, которые по обстоятельствам и доброй воле опять бросаются; существующие дворы вследствие смерти бездетных хозяев или ухода их остаются пустыми и потом снова попадают во владение других. Охотно принимала община новых поселенцев и только требовала от них, чтобы они несли соответственную часть податей и повинностей; она даже давала при известных обстоятельствах льготные годы, чтобы только приманить новых поселенцев. Обилие земли было так велико, население так редко, что принятие новых членов в общину с наделением землей даже там, где земля уже была возделана, не стесняло прежних членов общины в их владении и правах пользования; напротив, оно

приносило пользу, именно облегчало подати и представляло неразрывную с более густым населением защиту от нападения людей и диких животных.

Замеченная выше замкнутость немецких общин простиралась и на подрастающие поколения. Сыновья обыкновенно должны были довольствоваться отцовским наследием, которое или делилось между ними, или переходило нераздельно к одному из них, а другим предоставлялось найти себе пристанище. Подрастающие поколения получали часть в общинной земле; для них основывались выселки только в тех случаях, когда общинная земля, находившаяся в общем пользовании, давала возможность заводить новые поселения, и они могли возникать, не стесняя старых членов общины в удовлетворении их нужд. Такая замкнутость немецких сельских общин придала им со временем аристократический характер, тогда как древнерусская община сохраняла более демократический склад. В немецких деревнях только владельцы крестьянских дворов были полноправными членами общины. Мало-помалу вследствие наплыва новых пришельцев, их водворения и естественного приращения коренных жителей возникло население, не пользовавшееся полными правами гражданства. Рядом с поденщиками, батраками и другим людьми, не имевшими ни земли, ни прав членов общины, образовался новый класс землевладельцев. К ним принадлежали те, кто не имел средств владеть целым опустелым двором или хоть частью такого двора. Они селились на местах, предоставленных им для обработки в общинной земле или в земле, принадлежащей крестьянскому двору. Сначала они не имели никаких прав на земли и угодья (пастбища, лес и т. д.), владеемые деревней сообща. Впоследствии и им, и вовсе безземельным предоставлялась в ней обыкновенно самая малая доля, но это было лишь снисхождением со стороны общины или землевладельца и вовсе не вытекало из прав на общинную землю, которых они, как сказано, не имели. Поэтому эти люди обыкновенно платили общине вознаграждение за пользование землей, не разделенной между членами общины, и не участвовали в ее поземельных

и других делах, следовательно, находились в полной зависимости от полноправной общины. Этот класс неполноправных землевладельцев составился не из одних пришельцев, но и из туземцев, т. к. дети полноправных членов общины становились полноправными, только приобретя крестьянское хозяйство, а полноправный терял свои права гражданства, продав свой двор и права общинного пользования, хотя бы после того он и оставался жить в общине. Так как все права принадлежали настоящим участникам деревенской поземельной общины, то на них лежали и все общинные обязанности: службы и повинности всякого рода, общинные службы и подати, потому что и те и другие лежали на общинном владении; а прочие владельцы, не принятые в поземельную общину, не имевшие части в пользовании общими угодьями, по крайней мере, не имевшие полных на то прав, не были обязаны участвовать в общинных и государственных службах и податях и только платили общине вознаграждение, о котором было упомянуто выше.

Из сказанного видно, что основанием немецкого сельского устройства было исключительно право собственности общины на землю. Поземельное владение находилось здесь исключительно в руках господствующего класса. Впоследствии из уступок, сделанных общинами в пользу неполноправных владельцев, развилось право их на пользование угодьями, владеемыми сообща. Рядом со старинными вещными правами полноправных членов общины образовались личные права пользования неполноправных. Это подорвало старинное поземельное устройство немецких общин. Его преобразованию существенно содействовало и то, что неполноправные владельцы получили право участвовать в сельском управлении, которое сперва находилось исключительно в руках одних полноправных; они привлечены также к отправлению общинной и государственной службы.

Древнеримские поземельные отношения выработались совсем на других началах. Здесь не земля служила основанием общинного союза, а роды (*gentes*). Замкнутость народа (*populus*) покоилась на родовом устройстве. Вся земля принад-

лежала государству, была публичной (*ager publicus*) и отдавалась старинному гражданину только в пользование и владение (*possessio*). Старинный гражданин, или патриций, и только он один имел вместе с наследственною собственностью (*heredium*) право на общинную землю, которая находилась не только в общем пользовании, в виде пастбища и т. д., но отчасти и в личном владении (*possessio*) и пользовании (*usus*). Впрочем, и они могли быть отняты государством. Право пользования общинной землей патриции присваивали исключительно себе как сословную привилегию. В этом и заключается различие между римским и немецким поземельным устройством. Когда вследствие обширных завоеваний публичные земли (*ager publicus*) очень значительно расширились, а войны и публичные тягости сильно обременяли плебеев, старые римские граждане (сенат) были вынуждены делать уступки. Плебеям дан надел (*assignatio*) земель; участок, отведенный отдельному лицу, стал его наследственной собственностью. Но плебеи не имели прав на землю, находившуюся в общем пользовании; кажется, они имели только издавна право пользоваться общим пастбищем, хотя и за известную плату. Но патриции в первое столетие республики ничего не платили за пользование общими угодьями, и когда введена была плата с пашни, с виноградников и с лесонасаждений (*vectigal*), патриции сумели от нее отделаться. Только законы Лициния отменили эту привилегию. Вот каким образом и плебеи мало-помалу стали полноправными в пользовании землей, владеемой сообща, но это не было, как и установившиеся впоследствии права неполноправных в немецких общинах, дальнейшим развитием древнего права, а новым правом, неизвестным прежде в Риме, как и в древней Германии.

Демократичнее сложились поземельные отношения в древнерусских общинах. При редком населении земля вообще ценилась очень низко, исключая большие центры, где скучилось более густое население. Поэтому общины не только давали новым поселенцам землю под жилье и пашню, но предоставляли им полное право пользоваться землями, владеемыми

сообща, и полное участие в управлении общинными и поземельными делами. Новые поселенцы становились полноправными членами общины, хотя бы владели очень малой долей общинной земли. Только те жители общин не имели общинных прав, которые в них вовсе не владели землей, именно потому, что они жили «за чужим тяглом». Эта часть населения состояла из детей членов общины, не получивших еще свои участки, и из тех, которые по недостатку средств или другим причинам не взяли себе земли и в качестве свободных работников служили у богатых хозяев либо занимались ремеслом.

Пользование угодьями, владеемыми сообща (лесом, пастбищем и т. д.), по-видимому, не подвергалось никаким ограничениям – в них не было недостатка. В Германии, напротив, рано выработались точные правила о размере прав пользования ими.

Низкая, вообще говоря, цена земли и возможность легко добыть ее в другом месте уже сами по себе не могли вести к образованию тесного поземельного союза. Но, кроме того, сомкнутости членов общины, какую находим в древнегерманских селениях, мешало и то, что русский народ не жил большими деревнями; напротив, русская поземельная община обыкновенно состояла из одного небольшого главного села, из многих, еще меньших деревень, починков, поселков и из отдельных дворов. Первым общинным поселением было, кажется, село, из которого с увеличением народонаселения вследствие нарождения и вступления в общину новых пришельцев основывались деревни (расчисткой леса и т. д.). Вопреки мнению профессора Лешкова г. Кейсслер думает, что деревня не составляла самостоятельной поземельной, а была лишь ее составной частью, и источники, им приводимые, говорят, кажется, в его пользу, несмотря на то, что деревни, по-видимому, имели большей частью свои округленные территории с постоянными границами или межами. Даже части деревень имели такие границы. Очень может быть также, что местами деревни действительно составляли самостоятельные поземельные общины, но это было исключением, а не правилом. Впоследствии все это, ко-

нечно, изменилось. Бывали также случаи, что две-три деревни находились между собой в более тесной экономической связи. Вообще трудно, быть может, невозможно восстановить теперь полную картину древнерусского общинного быта. Исторические памятники, из которых мы черпаем известия, относятся к тому времени, когда процесс разложения древних союзов уже сильно подвинулся вперед: целые общины, села с деревнями были уже отписаны в великокняжескую казну, розданы монастырям и служилым людям, и отдельные деревни, поступившие в их владение, выделились из поземельного общинного союза. Таким образом, старинная поземельная община распадалась более и более. Этому содействовала слабая внутренняя связь общин. Земля не имела большой цены; деревни и дворы были расселены далеко друг от друга; общины имели мало поводов вмешиваться в поземельные отношения отдельных лиц между собой и с целым союзом, вследствие чего части могли легко отпадать от целого. Волость все более и более теряла значение поземельной общины и все более обращалась в административный союз. Это могло совершиться тем легче, что, кажется, уже исстари в состав волостей входила личная поземельная собственность (сначала владение своеземцев, впоследствии поместья и т. д.).

Из сравнения внешнего устройства деревень и сожительства поземельных общинников в Германии и древней России оказывается, что устройство более значительных сел здесь и там имело много общего: отдельные дворы стояли близко друг от друга. Все различие, вероятно, состояло только в том, что число дворов в древних русских общинах было меньше; деревни же, отдаленные друг от друга и от села и состоявшие из одного, двух, трех или четырех дворов, по внешнему своему характеру ближе подходили к немецким деревням без общинного поземельного владения или к дворам, владевшим сообща только пастбищем и лесом и стоявшим отдельно от других, посреди принадлежавших им полей и лугов.

Наконец, большее разнообразие Германии в топографическом отношении и по естественному плодородию было

тоже причиной различия между немецкими и древнерусскими общинами.

Из всего сказанного автор выводит относительно устройства последних такие заключения. При таких условиях, в каких находились древние русские общины (при избытке земли, однообразии почвы, малом объеме деревень), не было поводов ограничивать отдельные лица в интересах всех, а потому не могло развиться поземельной общины в строгом смысле слова и обязательной для всех системы ведения хозяйства. Каждый общинник имел одинаковый интерес удерживать в своем постоянном пользовании ближайшую к его двору землю, и этому не противоречил равносильный интерес других членов общины. Удобство местоположения могло в большинстве случаев иметь в глазах крестьян преимущество даже перед бóльшим плодородием участка, находившегося в далеком расстоянии. При таких условиях, вообще говоря, редко могла представляться необходимость периодически возобновлять между членами общин обмен обрабатываемой земли; при господствовавшем в России до конца XV в. залежневом хозяйстве с расчисткой лесов и кустарника заменялась только обрабатываемая крестьянами пашня другою. Кейсслер думает, что такое экстенсивное хозяйство, предполагающее обширное пространство земель, послужило существенным основанием для поселения малыми деревнями и отдельным дворами. Желание иметь в своем распоряжении как можно больше земли и как можно ближе к жилью взяло верх над стремлением жить теснее вместе, которое обыкновенно так сильно чувствуется при низкой степени культуры, при недостатке юридических обеспечений и т. п. Таким образом, владельцы отдельных дворов пользовались окружающей землей, вероятно, по собственному усмотрению, без вмешательства общин. Если деревня состояла из нескольких дворов, расположенных близко один от другого, то соседи необходимо должны были войти между собою в соглашения. И в этих случаях вся поземельная община, село, другая деревня и отдельные дворы обыкновенно не имели повода деятельно вмешиваться в такие соседские отношения, т. к. другие по-

селения были отделены и сами имели около себя достаточно земли. Расстоянием деревень между собою и от главного села определяется бóльшая или меньшая надобность в деятельном влиянии общины, прежде всего для определения границ, до каких мест отдельный двор, дворы целой деревни или села могли делать расчистки лесов и т. п. Вероятно, что общины ограничивали расчистки также и для ограждения поселений от пожаров и т. п. Но чем население было гуще, чем больше число в селе, тем необходимее становилось вмешательство общины для ограждения владельцев дворов одних от других, тем настоятельнее становилась потребность точного распределения земли; а когда обрабатываемая земля становилась менее плодородной или вновь подымалась деревней сообща, то приходилось производить новую разверстку. Следует также принять в соображение, что при очень частом передвижении в древней России сельского населения с места на место, при частой передаче выморочных, оставленных владельцами и запустелых дворов новым владельцем и при отводах земель для основания новых дворов и расширения существующих могло живо сохраниться в народном сознании представление об общинности на землю и о праве общины распоряжаться общинной землей, несмотря на почти неограниченные права отдельных хозяев на своем участке.

С конца XV в. залежневое хозяйство стало переходить в трехполье. На эту перемену имели, по-видимому, большое влияние усилившиеся с того времени ограничения вольных переходов с места на место. Существенное ограничение состояло в том, что крестьянин не мог покинуть своей общины, пока его не принимала к себе другая община или землевладелец. Это ограничение становилось более и более чувствительным по мере того, как население увеличивалось, количество еще не занятой, способной к обработке земли уменьшалось. Важное значение имело также в этом отношении различие крестьян тягловых от затяглых; первые владели и пользовались общинной землей, вторые – нет и потому не имели никаких обязательств относительно общины. Тягловым крестьянам выход из общи-

ны был запрещен по фискальным соображениям, а именно: тягловые были записаны в окладные книги, и государство требовало до нового оклада податей со всех, записанных в оклад. Так как община отвечала круговой порукой за уплату податей, то в ограждении ее было необходимо ограничить выход таких крестьян из общины. Община имела право отпустить крестьянина, но в таком случае должна была сама нести лежавшую на нем долю податей. Точно так же и крестьянин мог покинуть общину, если представлял другого на свое место, или другим образом обеспечивал общине исправный взнос лежавшей на нем подати. Эти и другие ограничения свободного перехода, действовавшие уже задолго до прикрепления крестьян к земле (в конце XVI в.), сделали сельское население оседлым и со временем повели к преобразованию всего полевого хозяйства. С увеличением населения и все большим истощением почвы залежное хозяйство не могло уже удовлетворять потребностям жителей в хлебе, и крестьянин вынужден был перейти к более тщательной обработке земли.

Эти новые условия повлияли со временем на общинное владение, которое должно было получить более строгую и для отдельного лица более стеснительную форму. Более тесное сожительство и основание новых дворов увеличивали надобность в земле. Прежде, когда ее было много, крестьянин мог расширить свое полевое хозяйство сколько хотел, не вредя другим членам общины; последним это даже было полезно, потому что крестьянин, увеличивавший свое поле, участвовал в платимых общиной податях; теперь, напротив, соседи противились такому распространению хозяйства и общине приходилось решать, определять и ограничивать права владения отдельных хозяев. Переход к трехпольной системе и вообще более тщательная обработка земли еще более расширили власть общин. Естественное плодородие участков получает теперь большое значение; выгодность местоположения (расстояние от двора) участков ценится тем более, чем чаще крестьянину приходится бывать на своей пашне. Каждый желает получить самые плодородные и ближайшие земли; спорящие стороны

обращаются к общине, и ее приговор ограждает интересы одних против интересов других. Таким образом, густота населения, способов сожительства и пространства общинных земель имели решительное влияние на форму общинного владения, на способ и меру ограничения члена общины в интересах всех. Чем больше число дворов в деревне, тем большее значение получает разверстка земли. Она, смотря по плодородию, делится на клины, а клины, в свою очередь, на узкие полосы по числу имеющих право на надел, чтобы каждый получил поровну близкой и дальней, хорошей и дурной земли.

В подтверждение правильности такого взгляда на прежнее наше общинное владение и его постепенное преобразование в теперешнее автор ссылается на нынешние порядки владения землей в тех частях Империи, где до сих пор удержались условия, одинаковые с теми, какие существовали в древней России до XVI в. В этой части его труда (с. 72–82) сгруппированы характерные черты хозяйственного быта в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, у государственных крестьян Воронежской, Екатеринославской и в Новоузенском уезде Самарской губернии, в области донских казаков и в Западной Сибири. Картина эта очень интересна, показывая, как при одинаковых условиях мог удержаться почти до нашего времени быт, давно исчезнувший в остальной России и для полного восстановления которого источники не предоставляют достаточно данных.

Чем же отличается древнерусское общинное владение от теперешнего? Вопрос этот, которого не касались наши исследователи, автор решает следующим образом. Бо́льшая власть поземельной общины, большее вмешательство совокупности ее членов в сельскохозяйственное распоряжение каждого из них в отдельности могли и должны были развиться только с того времени, когда сельское население скучилось в большие деревни и распространилось трехпольное хозяйство. С этих пор стали необходимы строгое подчинение каждого хозяина известной системе полеводства и переделы пашни. Итак, преобразование сожительства и введение трехпольного хозяйства

с дальнейшим увеличением населения постепенно придали общинному владению новый характер.

Другая, важнейшая отличительная черта теперешнего общинного владения от древнерусского заключается в прирожденном каждому члену общины праве получить равную с другими членами часть в общинной земле с обязательством нести падающую на нее часть податей и повинностей. Это право считается в существующем общинном владении основным. Община, представляя совокупность всех, пользующихся общинной землей, обязана наделить каждого из своих членов равным земельным участком, хотя бы для этого пришлось уменьшить доли, которыми уже пользуются прочие члены, например, когда запасной земли более нет, или число имеющих право на надел не уменьшилось вследствие смерти или выхода из общины. Это начало придало теперешнему общинному владению своеобразный характер. За удержание и сохранение этого начала ратуют поборники общинного владения, опираясь на национально-исторические и социально-экономические соображения. Г-н Кейсслер доказывает, что в древней России это начало не было известно, и в подтверждение ссылается на следующее. При усилении в XVI в. тяжести податей общины могли в известных случаях находить для себя выгодным давать землю новым пришельцам или подросткам, даже когда вся земля, годная для возделывания, была уже занята, и приходилось отбирать часть земли у тех, которые ею пользовались. Если бы в источниках и были указания на такие случаи, то ими одними никак нельзя было бы доказать, что каждому члену общины принадлежало право на равную с другими часть в общинной земле. Скорее из этого можно было бы заключить, что члены общины нашли более выгодным уменьшить размер податей, падающих на каждого из них, чем оставлять за собой свои поземельные участки в прежнем размере, и потому добровольно согласились на уступку части своих земельных наделов. Пока мы не имеем прямых доказательств или ясных указаний, что уменьшение наделов производилось общиной вопреки воле и согласию владельцев, до тех пор нельзя гово-

рить о праве каждого на равный поземельный надел в древних русских общинах. Но, кроме того, существованию подобного права противоречит все, что мы знаем о древнерусском общинном владении. Крестьяне имели право распоряжаться отведенными им участками совершенно свободно и самостоятельно, пока платили падающие на те участки подати, могли даже отдавать их внаем. В XVI в. община, по признанию самого профессора Беляева, не имела права вопреки порядной или нарядной записи (договор крестьянина с общиной об отводе земли) набавлять крестьянину земли или отнимать у него часть отведенной, пока он исправно платил подати. Тот же исследователь говорит, что по занятии всей способной к обработке земли в общине крестьянин, не успевший ее получить, мог найти более для себя выгодным поселиться на земле частного владельца с платой за пользование, чем брать у общины плохую землю. Все это решительно говорит против прирожденного права каждого члена общины на равный с прочими надел землей. Против такого права говорит и то, что земля, принадлежащая крестьянскому двору, составляла в древней России, как показано выше, определенную величину, которой не изменили и последовавшие переделы. Против такого права говорит, по-видимому, и способ введения крепостного права. Из относящихся сюда постановлений, изданных до половины XVII в., видно, что не все свободное сельское население было прикреплено к земле, а только та часть крестьян, которые несли тягло, владели крестьянским двором или брали за себя такой двор. Вместе с тем крестьяне получили право на находившуюся в их владении крестьянскую землю. Размер крестьянского двора был даже, по-видимому, определен законом. Все остальное сельское население сохранило право свободного перехода. Определенный законом размер двора, по всему вероятию, говорит против права каждого из подростков на участок земли. Точно так же трудно согласить право свободного перехода нетяглых крестьян с обязанностью общин дать поземельный надел каждому члену общины, родившемуся в ней. Итак, пока не будет положительно доказано, что

по древнему праву каждый, рожденный в общине, имел право на равный с другими участок земли, мы имеем полное основание заключать, что его не существовало и что оно установилось лишь в новейшее время. Наконец, нельзя не обратить особенного внимания и на то обстоятельство, что во время отмены крепостного права крестьянское общинное землевладение было распространено гораздо более, чем в древней России. Выше было замечено, что в личном владении крестьян находилась земля, которую они нанимали у вотчинников и помещиков, в имениях князей, церквей и монастырей. Но ко времени упразднения крепостного права общинное владение существовало повсеместно во всей Великороссии, во всех господских и удельных имениях и у крестьян государственных имуществ, значительную часть которых составляют имения церквей и монастырей, отобранные у них в XVIII в. Из этого видно, что общинное землевладение с течением времени появилось и там, где его прежде не существовало.

Многие думают, что наше общинное землевладение – явление исключительно славянское, и сближают его с общинным владением у других славянских племен, преимущественно южных. Г-н Кейсслер подробно исследует этот вопрос и приходит к заключению, что совокупное управление имуществом, нераздельно принадлежащим семейству, не составляет особенности славянского племени; что такое же совокупное управление существовало везде и в древнем, и в новом мире, пока народ находился на известной ступени развития, и что, наконец, теперешнее наше общинное землевладение развилось не из семейных союзов. У южных славян действительно существовала крепкая связь семей (даже после смерти отца); в нашем же сельском населении, напротив того, издавна заметна их сильная раздробленность. На памяти истории взрослые сыновья очень рано, еще при жизни отца, отделялись от семьи, вели особое хозяйство, ставили новый двор. Этим и объясняется малолюдность дворов в древней России. Только младший сын оставался при отце, на корню, и наследовал отцовский двор. Такому раннему выселению много способство-

вало между прочим большое обилие земли, а раннее отделение от семьи, в свою очередь, чрезвычайно облегчило заселение обширной русской территории. Ошибочное представление об исконной крепкой семейной связи в древней России образовалось у нас вследствие того, что перед отменой крепостного права сельское население жило большими семьями. Это показалось нам особенностью славян, следствием древнеславянского семейного права; между тем такое явление было новым в России и до того слабо вкоренилось в народном сознании, что прошло каких-нибудь десять лет со времени освобождения – и весь склад крестьянской жизни в этом отношении совершенно изменился. С отменой крепостного права, с дарованием самостоятельности общинам, с утверждением за ними права свободно распоряжаться общинной землей и своими внутренними делами – везде начались разделы семей. Это доказывает, что не глубокое сознание семейного единства, а внешние обстоятельства поддерживали в нашем сельском населении жизнь большими семьями. Владельцы и правительство из своих выгод и для пользы самих крестьян мешали слишком большому раздроблению крестьянских хозяйств. Но как только внешние препятствия прекратились, большие семьи распались. Есть, конечно, и теперь в России общины, ведущие хозяйство более или менее сообща; но основанием к тому служит не живое сознание семейного единства, а совсем другие мотивы – или религиозно-экономические, как, например, у раскольников, или чисто экономические, как, например, при уборке сообща лугов, с разделением накошенного сена и т. д. В этих и других подобных случаях совокупное выполнение сельскохозяйственных работ зависит не от семейных связей, а вытекает из свободного соединения в артели. Такие артели очень распространены и развиты в северной России и не ограничиваются одними торговыми и промышленными предприятиями, а обнимают и сельскохозяйственные работы. Такими же артелями были первоначально казацкие товарищества на Дону.

Прикрепление к земле и введение подушной подати придали древнерусскому общинному владению его теперешний

вид и имели последствием введение общинного владения в тех даже общинах, где прежде земля находилась в личном владении и пользовании крестьян. Как произошла эта перемена, имевшая такое важное влияние на права крестьянского землевладения, как и при каких условиях скучилось в больших селениях крестьянство, жившее до тех пор малыми деревнями и отдельными дворами, – эти вопросы у нас еще не исследованы; но по самому свойству дела нельзя не предположить, что такая перемена произошла очень различно в различных местностях. Упомянутые выше общинные государственные меры ускоряли или замедляли процесс, смотря по тому, мало или много земли находилось в распоряжении сельского населения, быстро или медленно оно умножалось через нарождение и призыв землевладельцами новых поселян, или, наоборот, вследствие выселения туземных крестьян на другие земли; вырабатывались ли побочные промыслы в общинах и, наконец, применялась ли усилившаяся власть землевладельцев. При достаточном запасе земли и тяжких податях общины могли вообще охотно наделять участками подростков из крестьян, прикрепленных к земле, по мере требования. Но как только вся способная к обработке земля была занята, общинам надо было решить: следует ли для облегчения податной тягости дать возможность заводить новые дворы с соответствующим уменьшением надела у всех крестьян. Сначала общины могли поступать так: отбирать у крестьян, владевших бо́льшим количеством земли, чем другие, излишний против них надел, или же не давать земли желающим увеличить свои дворы. Таким путем могло снова выработаться равенство поземельных участков, какое было сначала при населении страны. Но такое равенство основывалось не на равенстве потребностей и возможностей обрабатывать, а произошло вследствие недостатка в земле. Более трудолюбивый и более зажиточный не мог расширить своего хозяйства. Кажется, однако, что в XVII в. вообще еще не чувствовалось недостатка в земле и до равного ее раздела между всеми еще не доходило. Очень часто упоминаются еще бобыли в отличие от полных крестьян. Правда, встречаются и такие указания, что

крестьяне переселялись в другие деревни, т. к. в их прежнем месте жительства не было достаточно земли.

Существенное влияние оказала в этом отношении замена древней поземельной подати подушной. Введение последней преобразовало древнерусское общинное устройство. Так как каждый, принадлежащий к общине, должен был платить подушную подать, то он тем самым делался полноправным членом общины, тогда как прежде такими были только владеющие дворами. Из поземельной общины образовалась с течением времени личная, которая, впрочем, тем существенно отличалась от подобных общин в России (наприм<ер>, городских) и в остальной Европе, что каждый из ее сочленов имел право на равную с другими часть общественной земли, составляющей основание такой личной общины. Подать возложена на все прикрепленное к земле мужское население, принадлежавшее к общине; из этого естественно вытекало, что каждому взрослому мужчине отводилась земля, чтобы дать ему возможность платить подать; а т. к. последняя была для всех одинакова, то отсюда и развилось равенство поземельных участков. С умножением народонаселения и при возможности выхода неизбежно должно было произойти неравенство земляных наделов, и для восстановления нормального отношения оказались необходимыми периодические наделы по мере увеличения населения и перемен в личном составе семейств. Через это сложилось в юридическом сознании народа убеждение, что каждый член общины имеет право на равный со всеми прочими участок земли. Развитию такого взгляда содействовала, с одной стороны, малая стоимость земли, которая обыкновенно ценилась едва ли больше труда на ее обработку, а с другой – то обстоятельство, что крестьяне частью не имели прав собственности на землю, частью утратили это право.

Наконец, введению общинного владения на землях, исстари принадлежавших владельцам на правах собственности, могло способствовать также и то обстоятельство, что они предоставили общине самой распоряжаться землей, находившейся в пользовании ее членов (замещать пустые дворы и т. п.), что-

бы не иметь дела особо с каждым крестьянином. Установление подушной подати должно было усилить власть господ, т. к. они (инструкция 5 февраля 1722 г.) отвечали за своевременное ее поступление как с крепостных, так и с дворовых людей. Так как подобная ответственность давала владельцам новый повод вмешиваться во внутренние дела общины, то обложение дворовых людей подушной податью могло вынудить бедных владельцев уменьшить их число и не находивших себе другой работы посадить на пашню, т. е. приписать к общине, которая должна была наделить их землей.

Из права каждого члена общины на равный с прочими участок земли возник с умножением населения целый ряд новых отношений, имевших огромное значение для всего социального и экономического строя народной жизни. Общинное владение не дает возможности поддерживать желанное соответствие между землей и народонаселением. Пространство, предоставленное в пользование общины, определено, и большею частью неизменно, вследствие чего с умножением населения и при удержании старого экстенсивного хозяйства должна была появиться несоразмерность между количеством земли и населением, которое с нее кормилось. Недостатком земли, мало приносившей при трехпольном хозяйстве и слабом удобрении, автор объясняет большое развитие огородничества во многих частях Империи при первобытных вообще способах земледелия; благодаря огородничеству добывается на малом пространстве больше средств для прокормления, чем при полевом хозяйстве. Государство и большие владельцы были в состоянии помочь недостатку земли нарезкой новой или выселением части крестьян на другие земли; но где этого не делалось, там оказывался избыток местного населения: общинная земля не могла прокормить людей, наличных рабочих сил было для нее слишком много, а вообще в России население было редкое, всюду чувствовался недостаток в руках по всем отраслям промышленной жизни – и вот избыток сельского населения шел в работу. Таким образом, произошло широко распространенное у нас движение сельского населения с места на место,

придающее всей социальной и экономической жизни России замечательную своеобразность. Если сельский домашний промысел не доставлял крестьянину довольно занятий, если у него не было работы на общинной земле или по господскому хозяйству, то он, чтобы прокормиться, уходил на короткое время или надолго в города, рабочим на фабрику, занимался ремеслом или торгом и т. п., или шел в работники в малонаселенные края, южные и юго-восточные плодородные губернии, где для обработки земли недоставало рук. Нет в целой Европе страны, где бы была видна такая подвижность сельского населения, притом оседлого, имеющего двор и жилье. Этим Россия существенно отличается от остальной Европы. Явление это имеет решительное значение не только для сельского хозяйства, но и для всех вопросов промышленности и торговли: оно должно отзываться в управлении и законодательстве и не может не иметь влияния на весь строй народного хозяйства и самого государства. Необходимость идти в работу преобразовала общинную и семейную жизнь. В древней России население жило малыми семьями: крестьянский двор предоставлял обыкновенно только одну полную рабочую силу. Такой крестьянин не мог на долгое время оставить своего двора, не допуская до совершенного упадка всего своего хозяйства. Когда же с увеличением населения отношение его к общинной земле стало неблагоприятным и число рабочих рук беспрестанно увеличивалось, оказалось необходимым жить вместе большими семьями. Только при более значительной хозяйственной единице, заключающей в себе несколько рабочих сил, можно было обойтись без одной из них. Стало быть, и с этой стороны интерес землевладельцев заставлял их ограничивать семейные крестьянские разделы.

Итак, с увеличением населения и с наделением каждого члена общины землей стало необходимо ограничить каждого из них. Права общины значительно расширились, а переделы получили существенно другое и гораздо большее значение; мало того: изменившийся характер сожительства произвел и бóльшую сомкнутость общины. Из малых деревень и отдель-

ных дворов крестьянство насильственно скучено в большие селения. Малые деревни удержались только в северных губерниях – Архангельской, Олонецкой, Вятской, Вологодской, Пермской, Ярославской и частью в некоторых других губерниях. Как совершилась такая перемена и при каких условиях – об этом можно пока только догадываться по некоторым указаниям. Скучение крестьян было в интересах землевладельцев. При более тесном сожительстве крестьян легче было иметь над ними надзор и держать их в порядке. При малоценности первобытных хижин выселение крестьян из отдельных дворов и деревень в главное село могло совершиться без больших затруднений. Многие деревни могли достигнуть теперешних своих размеров и без помощи переселения – одним естественным приращением жителей и таким способом обратиться в особые поземельные общины.

Что касается городов, то они в древней России возникли вследствие расширения сельских поселков. Бо́льшая часть древних городов были, по-видимому, первые поселки, откуда, как из центра, вышли новые колонии в обширной стране. Последние оставались в союзе с первыми, как было в Германии. Такие союзы послужили основанием древнему делению России на области. За немногими исключениями (Новгород, Псков и др.), городская жизнь была мало развита. До XVI в. города и сельские общины подлежали одинаковым административным условиям, и лишь в судебниках положено начало отделению города от села. Отделение это совершается в Уложении царя Алексея Михайловича (1648 г.); сельские общины обращаются в собственность землевладельцев – государства, Церкви или дворянства, тогда как в городах сохраняется или дается вновь известная свобода с самоуправлением. Полное развитие этого начала заканчивается при Петре Великом. По отношению к земле древнерусские города тоже составляли поземельные общины. Торговлей и промышленностью занимались не все и не исключительно одни городские жители. «Посадские люди» занимались и земледелием, подобно крестьянам в сельских общинах. Мы видели, что чем гуще становилось население, тем

большее значение получали переделы и вырабатывались более строгие правила пользования; в городах все это должно было иметь еще большее значение, чем в сельских общинах. С умножением населения, развитием городских промыслов и т. п. более и более падало значение общинной земли, которой жители пользовались для сельскохозяйственных целей, и число занимающихся земледелием должно было уменьшаться сравнительно с собственно городским населением. Существует ли и теперь общинное владение в городах, и если оно исчезло, то как и при каких условиях? Перешли ли с течением времени земельные наделы в личную собственность, или общинная земля обратилась в имущество городской корпорации в римском смысле и служит для пользы городской казны? Все эти вопросы остаются у нас до сих пор неразработанными.

Таковы выводы автора. Мы старались передать, как можно ближе, почти в буквальном переводе, главные результаты его исследований, но далеко не исчерпали всего их содержания. Особенная важность и значение ученого труда г. Кейсслера заключаются, как мы думаем, в том, что он первый представил связную, от начала до конца продуманную историю русских общин и общинного землевладения, в связи с общими экономическими условиями и историческими обстоятельствами определившими ход развития и наших общин, и нашего общинного владения. Читатель, сколько-нибудь знакомый с предметом и его трудностями, оценит заслугу автора и найдет в его книге много нового. Так, сколько мы знаем, нигде еще не было разъяснено различие между нашим старинным и новейшим общинным землевладением; нигде не было исследовано так обстоятельно сравнительно недавнее происхождение права каждого члена общины на равный с прочими надел землей – права, не имеющего ничего общего ни с предполагаемым древнейшим патриархальным бытом, ни с особенностями славянского и русского племени, ни с философскими и социальными взглядами новейшей эпохи. Живой потребности нашего времени – рассеять мистический туман, которым до сих пор подернуто наше общинное землевладение к существенному

вреду дела, поставить вопрос на историческую и практическую почву и тем положить конец нескончаемым недоразумениям и пустым спорам – труд г. Кейсслера удовлетворяет в значительной степени, несмотря на то, что, к стыду нашему, материалы по общинному землевладению не только не разработаны, как следует, но большей частью еще не собраны, и относящиеся к нему исторические документы большей частью лежат еще не изданными в архивах. При таких неблагоприятных условиях работы автору часто приходилось по необходимости прибегать к догадкам и предположениям и ими наполнять пробелы в своих исследованиях. К чести его надо сказать, что, зная очень основательно предмет и глубоко изучив источники, он пополняет такие пробелы почти всегда весьма удачно, предложения его большей частью очень правдоподобны, хотя иногда он, может быть, ошибается. Так, например, различая, весьма справедливо, прикрепление крестьян к земле от введения крепостного права, г. Кейсслер на с. 38 говорит, что в нашем законодательстве с XVII в. крестьянам было предоставлено в вознаграждение за потерю личной свободы *право на обрабатываемую ими землю*. Из каких именно источников почерпнуто это известие, автор не указывает. Сколько нам известно, такого права не было предоставлено крепостным крестьянам ни в XVII в., ни после, вплоть до 1861 г. Государство, правда, заботилось о том, чтобы не было крестьян без прочного водворения и оседлости, и с этой целью обязывало помещиков давать крестьянам землю в известном количестве. Подобные стремления были, и их легко проследить через все время, пока существовало крепостное право. Но между обязанностью помещика наделить крестьян землей и правом последних на такой надел – большая, существенная разница. На такое право крепостных крестьян как будто указывает убеждение, бывшее между ними в большом ходу до 1861 г., будто отведенная им земля принадлежит им, а сами они – владельцам. Но такой взгляд точно так же, как и ожидание, что при освобождении вся господская земля отойдет к ним, не были отголоском изданных в XVII в. законов, а смутными воспоминаниями отдельной старины, задолго

предшествовавшей XVII в., когда все общины были свободны и бóльшая их часть сидела на своей земле. Утверждение за крепостными крестьянами прав на обрабатываемую ими землю в XVII в. вообще очень неправдоподобно, т. к. оно противоречило бы целому ходу нашего исторического развития. Период русской истории, начавшийся с Ивана III и законченный Петром Великим, был эпохой постепенного закрепощения, как последующее время начиная с Петра до наших дней представляет эпоху такого же постепенного раскрепощения. Значение этих двух направлений нашего внутреннего развития, наложивших свою печать на все явления русской жизни в продолжение столетий, совсем не исследовано и даже не оценено во всей полноте. Насколько в выработке и установлении крепостного начала участвовала естественная неумелость полудикого народа создать государственный и общественный быт иначе, как в форме частной полусемейной, полурабской зависимости, насколько татарское владычество, наплыв и влияние литовско-польского вельможества, может быть, даже формы власти и подчиненности в церковной иерархии, перенесенной к нам из Византии – об этом пока нельзя сказать ничего основательного по неразработанности предмета; но не подлежит сомнению, что крепостное начало, окончательно и вполне развившееся у нас в XVII в., обнимало и определяло не одни отношения крестьян к землевладельцам, но всю тогдашнюю государственную, общественную и частную жизнь, со всех сторон, во всех их малейших проявлениях. Каким же образом могло при таком направлении и складе всей русской жизни в то время появиться право крепостных на землю, которая им не принадлежала в собственность? Такое явление было бы в XVII в. вопиющей аномалией и противоречием всему, что тогда делалось.

Укажем также на одно соображение, к которому автор часто возвращается в продолжение своих исторических исследований и которое возбуждает в нас недоумение. Почти каждый раз, когда речь идет о раздроблении подворных наделов между несколькими хозяевами или о призыве поселенцев со стороны на земли, остававшиеся пустыми, г. Кейсслер объясняет такие

факты старанием общин облегчить усиливавшееся бремя податей и повинностей разложением его на большее число лиц. Но ведь подати и повинности взимались в древней России, до прикрепления крестьян к земле, с заселенных, а не с пустых земель. Каким же образом призыв поселенцев и раздробление дворов могли облегчить отбывание податей и повинностей? Относительно дворов, которые ставились на пустой земле, облегчения, очевидно, не могло быть никакого, но его не могло быть и при раздроблении двора, потому что, платя вдвое, втрое, вчетверо и т. д. менее, хозяин зато и владел пространством земли вдвое, втрое, вчетверо и т. д. меньшим. Отсюда мы заключаем, что тяжесть податей могла влиять неблагоприятно на оседлость крестьян, приучать их к бродячей жизни; но едва ли ей можно приписывать призыв общиной новых поселенцев и раздробление подворных участков.

Не будем останавливаться на ошибках, например, на объяснении названия «изорник» от зерна, слова «кочетник» от «чети» (с. 24), когда, очевидно, первое происходит от слова «орать» (пахать), второе – от слова «кочет» (петух). Все это мелочи, исчезающие перед существенными, несомненными достоинствами труда г. Кейсслера. Но мы позволим себе в заключение коснуться личного вопроса. В тщательном, мастерски составленном обзоре различных взглядов на крестьянское общинное владение, высказанных в нашей литературе, автор между прочим излагает и наши мнения, выраженные печатно в 1859 г. в «Атенее» и в 1876 г. в «Неделе». Сравнивая между собой те и другие, он находит между ними противоречия по вопросу об установлении подворных участков определенной величины с сохранением известных прав общины на общинную землю. Г-н Кейсслер, как мы видели, считает право всех членов общины на равный с другими земельный надел новейшим явлением, результатом крепостного права и введения подушной подати, крайне вредным для успехов хозяйства крестьян. Против переделов общинной земли с целью отвода каждому равного с другими участка высказывались и мы в 1859 г. Автор находит, что в статье, напечатанной в 1876 г.,

мы отступили от этого прежнего взгляда и стоим теперь за право каждого члена общины на надел землею; что прежде мы указывали на необходимость ограничить права пользования землей подрастающих поколений ввиду того, что общинной земли не будет хватать при возросшей на нее потребности, а теперь мы указываем на тот же выход из затруднения, какой предлагают и другие приверженцы общинного землевладения именно на выселение, и желаем, чтобы колонизация крестьян даже при улучшенных условиях экономического и социального их быта и при организации общинного землевладения, предпринималась и выполнялась правильнее и обдуманнее, чем теперь (с. 167–169). Все это мы действительно высказывали, но не знаем, почему автор видит противоречие между необходимостью отменить право каждого члена общины на равный с другими надел землею и другою необходимостью – дать исход избытку земледельческого населения в правильно организованной колонизации пустых пространств, которых еще столько в Империи? Тут очевидное недоразумение. Как бы тщательно ни была обрабатываема пашня, как бы ни было превосходно организовано распределение общинной земли между членами общины, неизбежно должна рано или поздно наступить минута, когда земля не будет больше в состоянии кормить сильно увеличившееся население. Часть жителей станет тогда кормиться промыслами, ремеслами, торговлей и личной службой на местах жительства, или разойдется с той же целью в другие места и на время или навсегда покинет родину. Но когда этим путем потребность в разного рода и вида услугах, труде и работе, помимо собственно земледельческих, будет тоже удовлетворена, для возрастающего населения остается последний исход – это выселение в другие места. У нас оно, кроме того, имеет еще и государственное значение: новоприобретенные огромные пустые пространства сделаются через заселение крепкими государству навсегда, войдут не только географически и политически, но и этнографически и экономически в состав Империи. Вот с каких точек зрения мы смотрим на правильное устройство у нас колонизации как на

насущную потребность и не понимаем, почему бы она предполагала непременно удержание права каждого на клочок общинной земли. В новой статье, как и в прежней, мы, напротив, прямо говорим о том, что и при правильном устройстве общинного землевладения люди, не имеющие своего надела и хозяйства, будут, как были и прежде[1].

Мыслей автора относительно порядка и условий предоставления наделов в общинной земле после смерти их владельцев другим лицам и относительно прав, сопряженных с владением такими наделами (с. 166 и 167), мы не разделяем вполне. Но т. к. взгляды г. Кейсслера по этим предметам высказаны здесь мимоходом, с оговоркой, что подробно они будут развиты во второй части, то мы отлагаем наши замечания до выхода ее в свет. Вопросы, возбуждаемые его указаниями, слишком важны, чтобы можно было разрешить их в двух-трех словах.

Землевладение в Западной Европе

I

В течение минувшей зимы (1876 г.) вышло из печати в высокой степени замечательное сочинение князя А. И. Васильчикова [1] под заглавием «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах». Появись эта книга года два раньше или позднее – она произвела бы общее глубокое впечатление, но теперь внимание русского общества поглощено исключительно ходом восточных дел, и капитальный труд честного писателя, которого Россия знает и любит, остался как бы в тени, мало оцененным. Мы, впрочем, убеждены, что это только на время. Минуют теперешние овладения всеми умами события, и к книге князя Васильчикова обратятся у нас все: и государственные и общественные деятели, и экономисты, и мыслящие люди всех направлений и оттенков. По глубине

1 Недоразумение это уже выяснено частной перепиской с г. Кейсслером, который обещал сделать оговорку во второй части своего труда.

проводимых автором идей, по новости взгляда, по серьезности и солидности труда, по существенной важности и высокому интересу поднятых вопросов сочинение князя Васильчикова принадлежит не одной русской, но европейской литературе.

Основная задача автора – разъяснить положение и условия существования сельского населения в Западной Европе и у нас. Нужно было много знания и понимания дела, много труда и проницательности, чтобы добраться до настоящей сути дела сквозь толстый слой общепринятых так называемых либеральных и охранительных воззрений. Автор сумел остаться чуждым всяким сословным предрассудкам и интересам, не дал ввести себя в обман ни блестящей внешней оболочке мировых событий, ни воплям тех, которые умеют кричать всех громче. Невозмутимо, бесстрастно разлагает он при помощи исторических данных, статистических цифр и критики их состав современных европейских обществ и показывает настоящие причины общественных зол и страданий в Европе. Именно потому, что автор не принадлежит ни к какому политическому и социальному толку, выводы его, доступные проверке каждого, глубоко западают в душу, открывая в ходе европейской и нашей истории совершенно новые стороны, остававшиеся до сих пор в тени, незамеченные, или понятые ошибочно, под влиянием предвзятых воззрений.

Ознакомить читателей в небольшом этюде с разнообразным и богатым содержанием нового сочинения князя Васильчикова нет никакой возможности, поэтому мы ограничимся сообщением в извлечении первых пяти глав первого тома, посвященных исследованию землевладения во Франции, Англии и Германии; эти пять глав представляют округленное целое и довольно полно выражают основной взгляд почетного автора. Извлечение, которое мы здесь предлагаем, сделано как можно ближе к подлиннику и потому, без сомнения, прочтете с удовольствием.

Князь Васильчиков видит глубокое расстройство хозяйственного быта в некоторых государствах Европы. Как на признак и доказательство этого явления он указывает на эми-

грацию или выселение из них в другие страны. Общий итог улучшений и общая сумма народного богатства, бесспорно, возрастают в Европе, а между тем жители стремятся к переходу из своего отечества в чужие края. После того как гонения за веру миновали, крестьяне вышли на полную волю, фабричные и городские рабочие освободились от притеснения цехов, ремесленных управ и, следовательно, самое тяжелое время для Европы миновало, – эмиграция из нее началась и продолжается, все усиливаясь. Говорят, переселенцы составляют незначительный процент населения и притом ту часть рабочих, которые по дурному поведению или беспокойному нраву не уживаются в образованных обществах; но на деле оказывается, что бóльшая часть эмигрантов – люди трудолюбивые и бережливые; что выселения большими массами происходят не из тех преимущественно областей, где население особенно густо, а из тех, где высшие сословия завладели большей частью государственной территории. Главная масса эмигрантов набирается не из последнего, низшего класса неимущих, впавших в безвыходную нищету, а составляет верхний слой этого низшего и беднейшего класса, сохранивший еще некоторую энергию для улучшения своего положения и некоторые, хотя и скудные, средства для необходимейших расходов на переселение. Это убедительно доказывает, что несравненно бóльшая сравнительно с эмигрантскими часть населения находится в еще гораздо худшем хозяйственном положении.

Все эти выводы подкрепляются множеством статистических данных и наблюдений. Эмиграция совершается в наибольших размерах из Англии и Германии; из земель франкских и романских она несравненно слабее; а из Италии и Франции – даже совершенно ничтожна, несмотря на то, что многие департаменты Франции и некоторые области Италии населены вдвое и втрое гуще, чем северо-восточная Германия или горная Шотландия. Обыкновенно объясняют это тем, что во Франции при мелком землевладении низшие классы вполне удовлетворены и так обеспечены своим земельным бытом, что не ищут лучшего. Против этого автор замечает, что

в Испании и Италии преобладает крупное землевладение, и, однако, из этих стран эмиграция еще слабее, чем из Франции; и наоборот: в прирейнских областях Германии со времен Наполеона I введены поземельные положения и порядки наследования Франции, а между тем переселения усиливаются оттуда с каждым годом. Дело в том, что франко-латинское племя менее способно к водворению на новых местах, чем англосаксонское; к тому же под небом Франции и Италии бедность не сопряжена с такими лишениями и страданиями, как в суровых северных странах. Но по отношению к пролетариату эмиграция действует как спасительный клапан, выпускающий из котла лишние пары. В Англии и Германии, где она сделалась нормальным явлением, социальные смуты не доходят до революционных движений и междоусобий; зато во Франции, откуда эмиграция незначительна, общество бродит и вскипает периодически. С 1815 по 1870 г. из Англии выселилось около 7 млн. жителей, из Германии – не менее 3 млн., скорее гораздо более; итак, только из этих двух стран всего 10 млн., или 16,5% общего числа населения.

В Англии переселения начались в больших размерах гораздо раньше, уже в XVI и XVII столетиях; но там были или спекулятивные предприятия частных лиц, получивших в странах Нового света земли в дар от казны, или движения людей, бежавших от политических и религиозных преследований. Но в XVIII в. начали обнаруживаться другие побуждения к эмиграции – не политические, а хозяйственные и социальные. В Англии – неурожайные годы, суровые зимы, законы о бедных и общественном призрении, возлагавшие тягость расходов на пособие неимущим на местных владельцев, которые и старались их выселить в другие страны; в северной Шотландии и горных графствах – хозяйственный расчет владельцев, которым было выгоднее заставить арендаторов их земель выселиться, чтобы обратить занимаемые ими хутора и фермы в скотные дворы и овчарни. Причины эмиграции из Ирландии всем известны. Здесь «вся поземельная собственность принадлежит английским лордам, которые, имея свое жительство в

других частях Англии и не занимаясь хозяйством, сдают свои земли в аренду; но т. к. сдача по мелким участкам оказывается, с одной стороны, более выгодной, а с другой – для отсутствующего землевладельца затруднительной, то ирландские помещики устроили в своих поместьях систему двойной аренды, т. е. сами от себя сдают ценные фермы одному арендатору или приказчику, предоставляя передавать земли по мелким частям в оброчное содержание крестьянам. Пользуясь этим правом в отсутствие самих вотчинников, сделавшихся почти безотчетными и неограниченными, приказчики-арендаторы дробили господские запашки на самые мелкие полосы и возвышали непомерно наемную плату на земли; общее расстройство крестьянского сословия следовало быстрыми шагами за такой грубой эксплуатацией, оброчные статьи дорожали, съемщики разорялись, и как к последнему убежищу от гнета землевладельцев несчастные ирландцы прибегли к переселению» (с. 11)[1]. Нечего удивляться, что больше половины всех выходцев из Великобритании принадлежит Ирландии, и с 1835 по 1855 г. на 100 жителей Ирландии приходилось 37 эмигрантов; что население Ирландии, которое до 1844 г. прибывало по 14% в год и достигло 8 300 000 душ, уменьшилось на 2 554 400, из которых около 2 210 000 выселились, а остальные, около 345 000, надо полагать, умерли от болезней и голода.

В Германии с начала нынешнего столетия эмиграция тоже получила характер правильного выселения и притом под влиянием того же хозяйственного расстройства и притеснений поместного сословия, как и в Великобритании. Но в последние годы выселение достигло, кажется, своего нормального предела, соответствуя приблизительно ежегодному приросту жителей; в срединной же Европе этого соответствия нет. С 1818 по 1865 г. народонаселение увеличилось в Германии на 14 704 500 человек, а выселилось только 2 млн. Поэтому вероятно, что эмиграция из Германии будет постоянно возрас-

[1] *Васильчиков А. В.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. В 2 т. – СПб., 1876 . Далее – ссылки на данную работу, если не оговорено иное. – *В. Т.*

тать, пока не станет высылать из себя от 800 тыс. до 400 тыс. эмигрантов в год. Эмиграция происходит, главным образом, из Баварии, Бадена, Виртемберга, Гессен-Касселя, Гессен-Дармштадта. В последних двух странах вследствие эмиграции народонаселение даже уменьшилось. Но самую печальную картину немецкого сельского быта представляет, как известно, Мекленбург. Принадлежа к самым слабо населенным частям средней Европы, Мекленбург, отечество самого закоренелого юнкерства, развил выселение сельского люда до ужасающих размеров. Из этой несчастной для сельских рабочих классов страны выселяется ежегодно 1 на 100 жителей, и в то время как общее число выселяющихся батраков и работников составляет 66% общего числа эмигрантов, 59%, т. е. 56 жителей, выселяются из помещичьих имений. Такая огромная цифра эмигрантов не представляет ничего подобного в целой Европе, исключая только Ирландию. Естественно, что движение народонаселения здесь приостановилось, что число жителей в общей сложности на некоторое время даже уменьшилось, помещичьи имения опустели, и разведение в них молочного скота уступило разведению жителей.

Сводя все сказанное к окончательным выводам, кн. Васильчиков находит, что социальные смуты происходят не исключительно от ложного понимания самими рабочими своих интересов или от подстрекательства неблагонамеренных людей, волнующих народные толпы, и вообще не от искусственных и насильственных причин, а от глубокого расстройства народного быта, которое не служит вымышленным или преувеличенным предлогом, а есть действительная причина действительного неудовольствия. Чтобы определить язву пауперизма, надо бы к списку эмигрантов прибавить список призреваемых, нищих, не попадающих в число выселенцев и призреваемых, уволенных по бедности от податей и сборов, и многие другие категории лишенных всего, ускользающие от всяких исчислений. Но причины неимущества всего удобнее исследовать по данным эмиграции. Она, во-первых, доказывает, что «гнет безземельного состояния сделался для про-

стого народа так невыносим, что он предпочитает страшный риск переселения и тяжкий труд водворения на новых местах всем удобствам жизни в благоустроенных государствах Старого Света. Во-вторых, она же, эмиграция, указывает, от чего люди бегут из своих отечеств и чего они ищут: они уходят от тех порядков, которые лишили их оседлости, отобрали у них земли и предали их произволу землевладельцев и капиталистов, и ищут за морями, за океанами ничего более, как участка земли или такой работы, которая дала бы возможность приобрести на заработанные деньги уголок полевых угодий за дешевую цену с избой, двором и огородом» (с. 34). Таким образом, «социальные смуты, волнующие современную Европу, имеют основание и определенную цель: основание их то, что бóльшая часть народа в этой части света находится в состоянии вечной рабочей кабалы, не имея оседлости и собственности и работая весь свой век из рода в род на других, на хозяев, – цель их, отчасти бессознательно проявляющаяся в эмиграции, есть стремление к приобретению недвижимого имущества в полную собственность, стремление, которое в Европе удовлетворено быть не может по относительной дешевизне труда и дороговизне недвижимых имуществ вообще и поземельной собственности в особенности» (с. 35).

Подтверждением этих выводов служат последующие главы книги, в которых автор исследует распределение поземельной собственности и влияния во Франции, Англии и Германии.

Обыкновенно думают, что главное различие в сельскохозяйственном быте и социальных отношениях Франции, Англии и Германии заключается в том, что во Франции преобладает вольная и мелкая собственность, в Англии – крупное землевладение, в Германии – смешанное владение поместное и крестьянское. Кн. Васильчиков находит, что различие это не так существенно, как кажется, и что «расходясь в некоторых своих основаниях, аграрное положение во всей Европе развивалось под влиянием очень сходных начал и привело современные общества к одному положению – безземельному состоянию большей части народов» (с. 48).

Во *Франции* малоземелье и безземелье низших классов народа обнаруживается слабее, чем в других государствах: она даже слывет типом демократического землевладения и мелкой культуры на том основании, что ее территория, состоящая по кадастру из 53 млн. гектаров[1], разделяется слишком на 126 млн. делянок и 12 млн. окладных участков, а общее число собственников, по выводам некоторых статистиков, простирается до 7–8 млн. Но число делянок доказывает только чрезвычайную дробность и чересполосность; число окладных участков ничего не говорит о числе поземельных собственников; что же касается исчисления последних, то в него вкрались грубейшие ошибки. По очень сбивчивым показаниям, число поземельных собственников на самом деле колеблется между 3 100 000 и 5 500 000, но из этого числа следует исключить тех, которых владения не дают никакого чистого дохода. Таких беднейших собственников, изъятых из оклада по бедности, считается до 3 млн., да освобожденных от платежа, потому что оклад их – менее 5 сантимов, насчитывается от 600 тыс. до 900 тыс. «Если принимать землевладение в серьезном его значении как социальное положение, дающее некоторые, хотя и неполные средства пропитания, то люди, официально приписанные к разряду неимущих, не могут быть названы в настоящем, общепринятом смысле этого слова собственниками» (с. 50). Стало быть, из общего числа землевладельцев надо исключить, по крайней мере, 3 600 000 беднейших домохозяев. У этой массы владельцев, по расчетам *Leoncede Lavergne* [2], имеется не более 20 000 гектаров земли. По другим расчетам, 3 600 000 собственников имеют от своих земель по 64 франка дохода, да существуют 3 900 000 хозяев, средняя величина которых 3,64 гектара (3,31 десятин). Из этого видно, что французское крестьянство большей частью имеет усадебную оседлость, и в этом состоит его преимущество перед немецким и английским, но назвать его поземельным собственником в серьезном смысле никак нельзя.

[1] 1 гектар = 0,91 десятин.

Обыкновенно думают, что чрезвычайная дробность и мелкопоместность поземельных владений во Франции произошли вследствие революции 1789 г. и введенной ею полной свободы землевладения и наследования. Оказывается, что «пропорциональное отношение между крупным и мелким землевладением очень мало изменилось в новейшей Франции, что уже в XVII и XVIII столетиях аграрное положение большей части французских крестьян было такое же, как и ныне, т. е. крайне малоземельное. Правда, состояние это значительно улучшилось от отмены различных вотчинных и корпоративных прав, упраздненных революцией, от освобождения лиц и имуществ от гнета феодальных повинностей, от вольного порядка наследования и свободы семейных разделов, но улучшения эти относятся вообще к землевладению и народному хозяйству всей страны, всех сословий, и крестьянство выиграло при этом менее, чем другие классы; общий итог крестьянских земель не увеличился, средний размер владений остался тот же или даже уменьшился, и вообще переворот совершился скорее в пользу средних сословий, чем низших» (с. 52). Это видно из того, что пространство крестьянских земель относительно прочих разрядов крупного и среднего землевладения после революции не расширилось: та же $^1/_4$ или, по другим исчислениям, $^1/_6$ часть всей территории, сколько прежде было во владении крестьян, когда народонаселение Франции не превышало 20 млн., осталось и поныне в потомственной собственности при вдвое большем населении. Напротив, число средних землевладельцев увеличилось. Имеющие от 12 до 62 гектаров земли или дохода от 500 до 2000 франков владели до революции не более $^1/_4$ всех земель, а в 1815–1830 гг. они уже завладели почти половиной всех территорий. «К ним, к французской буржуазии, перешла бóльшая часть земель, конфискованных у эмигрантов и духовенства или распроданных крупными помещиками» (с. 54). «Таким образом, насилие, причиненное высшим классам, не пошло в пользу низшего, землевладельческого сословия: оно создало только новый класс землевладельцев, известных под именем приобретате-

лей национальных имуществ, класс средних помещиков недворянского происхождения, образовавшийся из торговцев, купцов, промышленников, владельцев рент и богатейших крестьян и составляющий главный корень современной французской буржуазии; она, буржуазия, а не народ, выиграла в великой лотерее французской революции и обогатилась на счет дворянства, духовенства и сельских общин» (с. 56). Напротив, крестьянство, оставаясь при прежнем пространстве владений, и в то же время размножаясь и разделяя свои земли, в скором времени дошло до крайней мелкопоместности и чересполосности. В 1849 г., по отчету министра Пасси [3], около половины всех окладных участков, именно 5 440 580, платят менее 5 франков податей и имеют не более $1^2/_3$ гектара ($1^1/_2$ десятин). Такое измельчание собственности лишает эти владения всякой самостоятельности и характера земледельческого хозяйства. Но дойдя до крайнего своего предела, дробление поземельной собственности в последнее время, по-видимому, приостановилось и пошло обратным путем. Правда, число делянок и поземельных окладов сильно увеличилось, но это явление относится к городским имуществам и сельским строениям, число же полевых участков, напротив, уменьшается. Таким образом, полная свобода имущественных прав имела несравненно более выгодные действия для средних и высших классов, чем для низших. Свобода разделов привела французское крестьянство к наименьшему размеру подворных участков – такому, что из землевладельцев-хозяев они постепенно обращаются в бобылей и землевладельцев-поденщиков или безземельных рабочих. «Уменьшение числа мелких полос означает именно этот мелкий переход земель от крестьян к среднему классу землевладельцев, а самих крестьян – в городских и сельских чернорабочих. Когда при повторяющихся разделах подворный семейный участок доходит до размера 3–4 десятин (а таковых во Франции более 3 млн.), то землевладение дается уже побочным промыслом, доходным только при виноделии или в подгородных селениях; когда они подразделяются до 30-40 кв. сажен (таковых около 600 тыс.), то, разу-

меется, всякая эксплуатация прекращается, даже помещение становится тесно для большой семьи, отец выживает детей из своего дома, отпуская их на городские заработки, и по смерти хозяина по невозможности разделить такое имущество оно продается наследниками смежным владельцам; но т. к. такие полосы могут оказаться пригодными только для ближайших соседей, то продавец находится от них в полной зависимости и волей-неволей уступает свой участок за предложенную, какую бы то ни было, цену зажиточному ближайшему своему соседу или помещику» (с. 60).

В числе мер, наиболее повлиявших на крестьянский быт во Франции, была конфискация и распродажа общинных земель, т. е. тех, которые составляли собственность общин, а не в отдельности того или другого из их членов, хотя и могли находиться во временном пользовании последних. Общинные имущества в XVIII столетии были, по-видимому, очень велики. На них смотрели как на запасные земли для пользования натурой беднейшим обывателям, и потому их оберегали от отчуждения и захватов, запрещали их продавать и даже сдавать в аренду посторонним. Сначала ими заведовали местные и сельские власти; после Кольбера [4] они поступили под заведование администраторов (*intendants*). Впоследствии (1669 г.) доходы с общинных земель причислены в казенные имущества и казенное управление. Но с половины XVIII в. под влиянием новых экономических учений общинное владение начинает считаться невыгодным и издаются приказания разверстать общие угодья. Во время революции, в короткий промежуток 1791–1795 гг., разрешается продажа общинных имуществ, предписывается разверстать их между обывателями, они причисляются к казенным имуществам и вместе с национальными имуществами поступают в продажу; но через несколько месяцев продажа их отменяется и разверстание приостанавливается. В 1800 г. с воцарением Наполеона I все распоряжения революционного правительства относительно общинных земель были отменены, и общинные хозяйства восстановлены в прежней независимости, но в 1813 г. все общинные имущества обращены в комиссию

погашения государственных долгов для обеспечения новых займов и часть продана для их погашения. После падения Наполеона и восстановления Бурбонов [5] общинные имущества (1816 г.), сколько их еще оставалось, возвращены общинам, а в 1837 г. общинным (муниципальным) советам предоставлено полное заведование всем хозяйством общин; но в 1857 г. это право опять подверглось имущественному ограничению: правительству предоставлено, когда оно усмотрит, что общинные угодья запускаются или возделываются небрежно сельскими обществами, отбирать их в свое распоряжение, устраивать на них казенные фермы, запашки и сдавать в продолжительную аренду (до 27 лет), даже продавать за счет казны для покрытия издержек эксплуатации. Несмотря на все эти превратности, общинные земли все еще довольно значительны и составляют с лишком 4 718 000 гектаров, оцененных в 1618 млн. франков и приносящих с лишком 45 млн. франков дохода. Обычное право установило, что общинные земли составляют неотчуждаемую собственность общин, но пользование ими должно быть частное, предоставленное по раскладке или жребию исключительно домохозяевам, обывателям, приписанным к общине, имеющим в ней оседлость и хозяйство; но с 1850 и 1853 гг. оседлость для пользования общинными землями более не требуется: достаточно одного жительства в общине. Само распоряжение общинными землями, предоставленное общинам, подробно регламентировано и поставлено в зависимость от утверждения коронными чиновниками – префектами и мэрами.

Общий вывод о положении поземельной собственности и экономическом положении сельского населения во Франции выходит следующий. Сельских сословий во Франции считается всего 19–20 млн. душ обоего пола; из них земледельцев (в 1851 г.) было около 14 млн., а крестьян-собственников, домохозяев – с лишком 2 млн. Сельских жителей, не владеющих собственными землями, насчитывается до 7 и даже до 10 и 12 млн. душ обоего пола, так что безземельный, неимущий класс составляет, по различным исчислениям, более $^{1}/_{3}$ или даже более $^{1}/_{2}$ всего числа сельских жителей. Всего сельских

хозяйств во Франции не более 3 или $3^{1}/_{2}$ млн. Из них принадлежащих к высшим и средним разрядам, обрабатываемых не самими хозяевами, а наемными рабочими или арендаторами, – 550 000; самими крестьянами эксплуатируются около 2 млн., остальные собственники – полмиллиона или миллион – владеют недвижимыми имуществами в таких размерах, что не могут заниматься землевладением. Все прочие сельские жители суть рабочие, наймиты, к которым должно быть причислено и большое число мелких собственников, живущих почти круглый год на наемной работе. В положение чрезмерной мелкопоместности крестьянское сословие во Франции приведено еще до революции. Так как бóльшая часть податей и повинностей лежала на крестьянских землях, то уже издавна мелкие владельцы находили выгодным отчуждать и продавать свои полевые угодья, оставляя себе для жительства только усадебную оседлость, а для пропитания беднейшие занимались наемными поденными заработками, а более зажиточные – арендованием чужих имений исполу или за деньги. Арендование чужих земель, преимущественно испольное, составляет и поныне главный промысел французских крестьян. Оно состоит в том, что съемщик (*métayer*) отдает землевладельцу вместо денежной платы половину урожая, на дурных почвах – несколько менее $^{1}/_{3}$, на лучших – более $^{2}/_{3}$. Условия заключаются обыкновенно на 3 года, но в некоторых местностях вошло в обычай сдавать земли бессрочно или даже в наследственное пользование с правом поселиться на отданной в аренду земле. Обычай этот проник из Италии, где половина сельского населения суть половники.

Испольная система хозяйства не есть признак достатка, зажиточности земледельцев; страны, где она распространена, нельзя причислить к таким, где сельские обыватели пользуются наибольшей самостоятельностью. Уплата аренды известной долей валового урожая стеснительна сама по себе, и такая плата всегда бывает гораздо выше денежной ренты, взимаемой при арендовании земель. Кроме того, само существование испольного хозяйства указывает на недостаток денежных капиталов

в местном населении и на малоземелье сельских жителей. Как предпочтение барщины оброчным окладам или натуральных повинностей денежным налогам, так и развитие испольного хозяйства вместо фермерства есть верный признак отсталости народного хозяйства, слабости промышленных и торговых оборотов, вообще застоя сельскохозяйственного быта.

Что касается крупных и средних землевладельцев, т. е. собственно поместного сословия, то до революции оно состояло во Франции из дворян и духовенства, которым принадлежала половина всех удобных земель: духовенству – $^{2}/_{10}$, а дворянству – $^{3}/_{10}$. Революция лишила поземельной собственности духовенство и только часть дворянства, которое, получив 1 млрд. вознаграждения за часть имуществ, проданных на 987 млн., собственно, ничего не потеряло. Но все церковные имения и $^{1}/_{3}$ дворянских перешли к собственникам недворянского происхождения. Итак, крупное поместное сословие вследствие революции не только не уничтожилось, но расширило свои владения, и хотя изменилось в своем личном составе, но не утратило своего имущественного значения. Число крупных собственников почти не изменилось, если вспомнить, что со времени революции народонаселение Франции почти удвоилось; только вместо прежних 12 млн. гектаров оно владеет теперь 15–19 млн. гектаров и вместо прежнего среднего дохода в 3000 франков получает средний доход в 7340 франков; этому классу принадлежит теперь около $^{2}/_{5}$ всего поземельного дохода всей Франции, исчисленного приблизительно в 1500 млн. франков. Революция создала только сельскую буржуазию, сельское среднее сословие, столь же влиятельное, как и городское. К нему принадлежат до 550 000 землевладельцев со средним размером владений в 30–62 гектара (27–56 десятин), которых нельзя обработать рабочими силами одного семейства, а нужна помощь наемных рабочих. Этот разряд владельцев составляет главнейшую силу новой Франции. До революции он владел $^{1}/_{4}$ частью всех земель, теперь же владеет почти половиною – 18-19 млн. гектаров. Этому классу Франция обязана преимущественно, если не исключительно, «гро-

мадным развитием своего народного богатства, изумительным могуществом своей производительности, улучшением культуры сельскохозяйственных промыслов и хлебопашества» (с. 81). Но не надо забывать, что в то же время от 3 до 4 млн. семейств французских крестьян или от 11 до 15 млн. душ суть бобыли, не имеющие полевых угодий, не занимающиеся земледелием, не платящие прямых налогов, пропитывающиеся круглый год наемной работой. Из этих семейств и дворов выделяются ежегодно сотни тысяч молодых людей и переселяются в города, на фабрики и заводы, вследствие чего с 1846 по 1866 г., т. е. в течение 20 лет, число сельских жителей уменьшилось на 6%. С 1856 по 1866 г. общее число жителей во Франции увеличилось без малого на 2 млн., а число сельских жителей уменьшилось почти на 300 000 душ. Переезд сельчан в города замечается и в других европейских государствах, но нигде он не происходит в таких размерах и нигде не имеет таких социальных последствий, потому что во Франции нет спасительного клапана эмиграции, как в Англии и Германии. В окончательном итоге оказывается, что из числа удобных земель Франции (ок. 45–49 млн. гектаров) 19 млн. или 42% принадлежат крупным землевладельцам, имеющим средним числом по 300 гектаров и по 13 тыс. франков дохода; 18 300 000 или 41% – средним числом по 30 гектаров и по 1450 франков дохода и 7 400 000 или 17% – мелким, имеющим средним числом 3 гектара и 106 франков дохода. Такой аграрный строй никак нельзя считать демократическим, за какой его обыкновенно принимают.

II

Англия в социальном и аграрном отношении представляется обыкновенно как прямая противоположность Франции. Хотя на самом деле условия обеих стран совсем не так различны, как кажется с первого взгляда, однако в Англии образ землевладения действительно совершенно отличается от континентального; сословие крестьян-домохозяев в ней совершенно исчезло, и вся территория Англии – около 37 млрд. акров

(14 млрд. десятин) – принадлежит 30 тыс. землевладельцев. Процесс обезземеления народных масс проведен в этой классической стране личной свободы и гражданской равноправности вполне, и притом без крутых мер. Здесь поместное сословие не стояло за привилегии, щедро делилось со всеми классами народа гражданскими вольностями и правами, добровольно отреклось от крепостного права, приняло на себя службу и повинности, но дорожило только одним, основным и самым существенным правом – правом землевладения. Оттого нас поражают в одно и то же время и изумительные успехи английского землевладения, и страшное развитие английского пролетариата, которое служит поучительным примером, как личная свобода может совпадать с хозяйственным угнетением и гражданская полноправность – с неимуществом.

Первоначальный строй британского населения во время вторжения норманнов был такой же, как и в других странах Европы. Коренные жители разделялись на два класса – вольных людей, владевших землей, и невольников, работавших на хозяев. Над ними, как и в других странах, которые подверглись вторжению варваров, царили завоеватели, рыцари, дружинники. После вторжения норманнов завоеванная земля поделена между дружинниками. Эти захваты и разделы произведены здесь, кажется, с бо́льшим порядком, чем в других странах, и притом под строгим надзором королевской власти. Как видно из древнейшего акта землевладения (*Domesday-book*, 1086) [6], положение разных классов жителей непосредственно после занятия страны норманнами стало следующее: королем было роздано всего 60 215 вотчин, феодов; из них 28 115 – церквам и духовенству и 32 100 – рыцарям, которые обязаны были за право владения исполнять службу и нести воинскую повинность. Некоторым из туземцев – англосаксам и бриттам – тоже оставлены земли или часть земель, но они были подчинены не непосредственно королевской власти, а вотчинникам, к округам которых их владения были приписаны. Между ними вольных людей было 23 000 и обязанных поселян – 102 702. Третье сословие, тоже свободное, водворенное на землях, но не на своих,

а на помещичьих, были тяглые и полутяглые крестьяне, бобыли и рабы, наделенные полевыми угодьями для их обработки в пользу помещиков. Их было около 107 000. Таким образом, вся территория Англии была собственность казны, государства и его главы – короля. Всякое частное владение было условное и отдавалось с тем, чтобы за него были отправлены повинности и служба. Мелкие владельцы, в свою очередь, подчинялись крупным и тоже владели землей под условием работы, службы или оброка. Такой общественный строй находим везде, где существовало поместное или вотчинное право; но в одной лишь Англии эти первоначальные отношения верховной власти к поместному сословию удержались до наших дней и как государственная служба, так и податные тяглости действительно приняты на счет высших сословий; во всех других странах поместное сословие изъято от налогов и впоследствии освобождено от обязательной службы с сохранением, однако, права на владение, которое первоначально было обусловлено уплатой податей и отправлением личной службы.

Исполняя свои обязанности как служители короны, английские вотчинники неограниченно воспользовались своим правом землевладения. Платя подати и неся службу за весь народ, они в силу того считали себя вправе владеть всей землей. Сверх того, сознавая, что их поместное право условно, видя, что прочие классы держат земли, полученные от них, на таких же обязательных условиях, на каких они сами получили эти земли от короля, английские лорды никогда не претендовали на вотчинный суд и расправу, подобно поземельным владельцам других стран, и остались со всеми прочими обывателями в отношениях равноправных, были подсудны общим властям, без всяких льгот и податных или судебных изъятий.

Поместья, розданные королевским вассалам, состояли большей частью из господских усадеб, окруженных обширными пространствами пустошей, и не имели сословного или привилегированного характера, как на континенте. Простой крестьянин мог их свободно приобретать и, покупая имение известного размера, тем самым приписывался к потомствен-

ному сословию. Имения сами по себе не пользовались никакими исключительными правами. «Все земли, помещичьи и крестьянские, считались феодом короля, все владельцы были подсудны общим узаконениям и судам; все сельские обыватели признавались содержателями земель и держали эти земли непосредственно от короля, от главы государства или посредственно от вассалов, получивших их от той же верховной власти» (с. 100). Политическое и социальное преобладание английской аристократии исключительно основано на материальной ее силе, на обширности ее владений и богатств сравнительно с прочими сословиями.

Крепостное состояние исчезло в Англии незаметно, очень давно, и притом не вследствие правительственных мер, а по добровольным сделкам помещиков с крепостными. Первый пример подан был духовенством, и уже в XI и XII вв. было много вольноотпущенных по церковным вотчинам. Этому примеру последовали светские власти. Крестьянские восстания в половине XIV в. повлияли на скорейшую отмену крепостного права, которая всюду имела характер социальной революции, а в Англии прошла незаметно. Последние крепостные были, правда, отпущены в XVI в. при Елизавете [7], но число их было уже крайне незначительно.

Таким образом, история социального быта Англии состоит не в высвобождении народных масс из-под гнета аристократических привилегий, которых вовсе не было, а в закреплении прав поземельной собственности за высшими правительственными классами, в регулировании и упрочении их имущественных прав и сельскохозяйственного быта. Такое упрочение и регулирование произведены, впрочем, исподволь и достигнуты гораздо позднее. В XV в. статутом 1448 г. вотчинникам было запрещено срывать крепостные дворы и уничтожать усадьбы, имеющие более 20 акров (7,4 десятин), а также в известных случаях отмежевывать и загораживать господские фермы из общинных крестьянских угодий. Рядом с крупными владельцами и прежние землевладельцы англосаксонского племени, сохранившие свои земли, потребовали и получили утвержде-

ние их за собой и были поставлены по своим правам наравне с завоевателями – норманнами. В XI в. их было не более 23 тыс. Этот разряд собственников составил впоследствии под именем *gentry* (мелкопоместного дворянства) второй слой английского землевладения, вторую ступень поместного сословия. Органом его была палата общин [8] как орган высшего разряда, лордов – верхняя палата [9]. Все прочие – разночинцы и крестьяне – вольные и невольные – не были лишены своих земель, но были приписаны к вотчинникам дворянства и духовенства и стали подведомственны новым землевладельцам. Эти обыватели постепенно обращены из бессрочных и обязанных поселян в вольных посрочных арендаторов: их бесправное состояние обратилось в законное, но условное пользование землей; из оброчников и барщинников они обратились в фермеров, съемщиков помещичьих имений. Сделалось это таким образом.

Прежде всего точно обозначены их частные повинности. По всем оброчным статьям составлены инвентари и содержателям их выдали с инвентарей копии. Через это все поселяне различных наименований – полные хозяева, бобыли, крепостные – слиты в одно сословие инвентарных обывателей, содержащих господские земли по контрактам, копии с которых они получили. Этим создано и для них законное положение еще в Средние века, когда в континентальной Европе царствовало кулачное право. Точно так же и безземельные сельские рабочие еще в XIV в. произведены в полноправных граждан; но как не обладающие имуществом они уволены от прямых налогов и лишены голоса в народных собраниях, утверждающих государственную роспись и взимание податей. С XV в. до конца XVIII или даже до 1815 г. медленно, тихо, незаметно обезземелены все землевладельческие классы в пользу высшего; они обращены в состояние арендаторов, съемщиков помещичьих земель, или в рабочих, батраков и поденщиков. «Процесс обезземеления совершился законно, под охраной суда, но, правда, по законам, установленным крупными собственниками, и по суду, составленному из лиц имущественных классов» (с. 108). В XI в. было около 200 или 230 тыс. семейств, которые держа-

ли земли на разных условиях и пользовались ими на законных правах. В 1660 г. таких мелких владельцев было еще не менее 160 тыс. семейств; в 1816 г. всего только 16 тыс., а в 1831 г. – 7200. Крупных же светских владельцев было в XIX в. почти столько же, сколько в XI в.

Прежде всего, урегулированы отношения крупных землевладельцев к поселянам, водворенным на их землях, или обязанным поселянам. Закон и обычай запрещали возвышать повинности, установленные для них инвентарями; но английские землевладельцы старались изменить это положение и превратили бо́льшую часть прежних форменных контрактов в частные условия, так что право законного владения заменено правом пользования по воле лорда. Изменение это проведено очень искусно и ловко. Закон нарушен не был; он только незаметно, исподволь, был истолкован в другом смысле, в пользу лордов и во вред народной массе. Прежние договоры оставлены сначала неприкосновенными; только вновь заключаемые сделки составлялись в новом смысле. В них оговаривалось, что они заключаются на известное число лет, или на срок, зависящий от произвола владельца, и на земли, приписанные к вотчине. Но это новое положение содержателей владельческой земли постепенно распространялось на все сословие поселян, водворенных на тех землях. Память о том, что они владеют землей по закону, мало-помалу заменялась понятием, что они держат земли по воле владельца и что если он и не может возвышать повинностей и податей, то может во всякое время отказать поселянину в дальнейшем содержании отданных ему земель. Таким образом, развилось сословие фермеров – новый, очень влиятельный класс, безусловно подчиненный вотчинникам и служивший главным орудием их политического преобладания. Прежние пустоши превращены в вотчинные земли, заселенные фермерами. При Карле II [10] в 1676 г. эти земли формально закреплены за дворянством и обращены в заповедные имения.

Итак, к концу XVIII в. право собственности над всей английской территорией было закреплено за двумя классами –

30 <тыс.> крупных собственников и 20 <тыс.> мелкопоместных владельцев, случайно сохранивших свои права на прежние вольные земли. Но крестьянское сословие уже исчезло бесследно: сел с домохозяевами, возделывающими собственные земли, более не оставалось. Домохозяева перешли в фермеров, в чернорабочих и поденщиков, не имели ни клочка земли, ни двора, ни усадьбы и в хозяйственном отношении находились в положении совершенно бесправном.

Революция 1789 г., отозвавшаяся и в Англии народными смутами, побудила землевладельцев принять окончательные меры к регулированию своих земельных отношений. После общего обезземеления крестьян оставалась еще одна спорная, неопределенная статья – общественные земли. В конце XVIII столетия общинных полей было 7 800 000 акров[1]. Они тоже были большей частью приписаны к поместьям лордов, но на двусмысленных и шатких основаниях, а именно: статутом Карла II (1676 г.) они признаны собственностью лордов, но прочим сельским жителям предоставлены некоторые права пользования ими – выгон скота и въезд в лесные дачи. Вследствие этого земледельческая культура на них была самая жалкая; вотчинники держали их впусте для выгона скота и овец, отчего они и назывались пустошами. Эти-то общинные земли лорды задумали разверстать. Первые опыты, произведенные в XVII в., шли туго, потому что на это нужно было согласие обеих сторон, а его достигнуть было нелегко, так что с 1665 по 1797 г. разверстана лишь треть этих земель, и расходы на разверстание достигали иногда до 68 рублей с десятины. С начала XIX в. дело шло быстрее, но кончалось большей частью тем, что лорды скупали общие земли за недорогую цену и обращали их в пастбища и искусственные луга. Лишь в 1845 г. беднейшие обыватели несколько ограждены от этой распродажи, лишавшей их последних средств пропитания. Биллем 1845 г. установлено, что для разверстания общественных земель нужно, с одной стороны, постановление обывателей, пользовавшихся угодьями, по большинству $^2/_3$ голосов, а

[1] 1 английский акр = 0,37 десятины, ирландский = $^2/_3$ десятины.

с другой – формальное согласие вотчинника. Всем домохозяевам предоставлено право требовать выдела участка в натуре, а беднейших из них постановлено наделять во всяком случае не менее $^1/_4$ акра (200 кв. саженей). Вся операция разверстания должна была производиться под надзором и руководством правительства. Этот билль был первым вмешательством английского правительства в аграрное управление страной, первым актом признания необходимости поземельного надела для рабочих классов; но как полумера он возбудил опасения поместного сословия и не удовлетворил сельских рабочих. При дорогой и долгой процедуре отвода в постоянное пользование каких-нибудь $^1/_4$ или $^1/_2$ акра дело подвигается медленно и обращается почти исключительно в пользу тех сельских обывателей, которые в состоянии покрывать межевые расходы. С 1845 по 1853 г. всего размежевано или приступлено к размежеванию 379 166 акров (ок. 140 000 десятин).

Результатом такого аграрного развития Англии было то, что теперь землевладение этой страны представляется в следующих двух главных видах: отдельных поместий, принадлежавших 30 776 владельцам на правах собственности, было в 1861 г. 223 271. Они разбиты на фермы, хутора, господские запашки, которых считается 283 736. Фермерство, арендная система устроена в Англии на таких твердых основаниях, обставлена такими прочными гарантиями, что в хозяйственном отношении арендатор является как бы полным хозяином, а собственник отодвигается на второй план. Но эта прочность арендных отношений основана не на букве закона, не на формальных правах, но на общем духе законодательства и на разумном понимании обоюдных выгод и удобств. Хозяйственная эксплуатация Англии – почти вся в руках фермеров. Землевладельцы оставляют за собой обыкновенно только ближайшие поля, прилегающие к их усадьбам и паркам, и заводят на них образцовые фермы не столько для промышленной культуры, сколько для примера, испытания орудий и применения новых усовершенствованных агрономических приемов. Прочие земли подразделяются на фермы. В восточных

графствах, где преобладает хлебопашество, большие фермы имеют до 430 акров (159 десятин), в средних и западных, где более занимаются травосеянием, – 221 акр (81 десятину). Большая часть ферм сдается или по контрактам, формально заключенным на известные сроки, или без назначения срока, так что от воли и усмотрения владельца зависит во всякое время отказать фермеру в содержании аренды. Условия срочные обыкновенно заключаются на время от 7 до 14 лет в Англии и от 19 до 21 года в Шотландии. На долгие сроки, до 99 лет, сдаются только имущества, не требующие культуры, – дома, подгородные строения, дачи. Лишь в немногих местностях сохранился прежний обычай заключать контракты пожизненно на фермера и его детей не долее, однако, как на 54 года. Но в настоящее время долгосрочные аренды все более и более выходят из обыкновения. Что касается условий без определения срока, то они представляют новейшую, современную форму арендования. Эта форма, лишающая фермера всякого обеспечения, оставляющая собственнику полный произвол, сделалась постепенно почти исключительным общепринятым порядком оброчного содержания земель, так что все мелкие оброчные статьи сдаются, таким образом, без всякого формального утверждения, а контракты заключаются только по крупным поместьям, имеющим все нужное хозяйственное обзаведение. Так образовался двоякий разряд фермеров: одни – господа, другие – простолюдины и крестьяне; первые – арендаторы, вторые – оброчники. Первые, имея оборотный капитал и хозяйственный инвентарь, держат земли не иначе как по форменным и срочным контрактам; вторые, полагаясь на милость и благорасположение помещиков, снимают их угодья из оброчной платы, которая устанавливается произвольно, бессрочно, по усмотрению владельца. Ферм первого разряда с запашками от 200 до 600 акров в 1851 г. было 39893; мелких оброчных статей до 200 акров (есть и меньше 5 акров) – ок. 243 500. Они не требуют ни значительных капиталов, ни больших затрат и составляют предмет крестьянской эксплуатации.

По нашим континентальным понятиям, казалось бы, что положение мелких фермеров, юридически не обозначенное, подвергает их всем невыгодам и случайностям произвола владельцев. Но на деле оно совсем не так. Нравы и предания, свобода слова и печати, судебная практика – все это ограждает мелких фермеров лучше всяких контрактовых обеспечений. Фермерское хозяйство считается личным имуществом, которое переходит по наследству, и внезапное возвышение арендной платы возбуждает такое всеобщее негодование, что землевладельцы боятся прибегать к таким мерам из опасения лишиться фермеров. В действительности условия, поставленные в зависимость от воли владельца, стали почти бессрочными; мелкие фермеры, пока исправны, суть потомственные владельцы фермы. Теперь мелкие оброчники, платящие не менее 50 ф. ст. аренды, получили право быть избирателями в члены парламента. По свидетельству писателей, основательно изучивших социальный быт Англии, положение мелких оброчников даже выгоднее, чем срочных крупных фермеров, потому что они платят владельцам почти вполовину менее, пользуются их благорасположением и у знатнейших лордов остаются пожизненно во владении своих участков. Несмотря на это, неопределенность этих отношений вредно влияет на культуру и социальное положение сельских обывателей. Мелкие фермы преобладают вместе с крупными поместьями в юго-восточной части Англии. Многие из этих ферм так малы, что не оставляют места для запашки и служат только жилищами. Состояние оброчников – самое униженное, зависимое от владельцев, и землевладение сравнительно с фермерским в северной Англии – довольно грубое и непроизводительное. Чистый доход фермера, контрактующего землю на срок, составляет от 20 до 28% валового дохода, а оброчников – не более 4-5%. Таким образом, все прибыли и барыши землевладельческой производительности, доведенной в Англии до совершенства, делятся почти поровну между 30 тыс. собственников и 30 или 40 тыс. крупных фермеров, т. е. все стекаются в одни руки больших собственников и богатых промышленников.

В таком виде представляется дело собственно в Англии и Валийском княжестве. В Шотландии число землевладельцев еще меньше. Здесь на 19 млн. акров считается всего 7273 землевладельца и 26 богатейшим владельцам принадлежит $^1/_3$ всех земель. Между северными и южными графствами они распределены очень неравномерно. В северной части Шотландии развилось крупное землевладение с залежневой системой полеводства и выгонным хозяйством, тогда как в центральных и южных графствах образовалось, наоборот, землевладение среднего размера с мелкими фермами и долгосрочными контрактами.

Шотландское поместное сословие – самое крупное и богатое во всей Европе. Половина его состоит на заповедном, майоратном праве, которое введено в Шотландии лишь с конца XVII столетия. По мере развития майоратного владения в северной Шотландии стеснялось крестьянское. «Чтобы закрепить преемственно в знатных родах обширные поместья, чтобы дать им полное значение запрещенных дач, заказных владений, приступлено было к особой системе хозяйственного управления, известной в Англии под именем *clearingofestates*. Эта система играла весьма важную роль в аграрном устроении всех европейских стран, по крайней мере, всех тех, куда проникал германско-саксонский элемент». Это выражение буквально значит – «прочистка поместий»; она состоит в том, что подворные участки, в прежние времена наделенные земледельцам, впоследствии переведенные на оброчное, срочное содержание, под разными более или менее законными предлогами отбираются у крестьян, присоединяются к господским дачам и запашкам и поступают, таким образом, в полное распоряжение землевладельца; при этом очищение делается полное, радикальное: жилые и надворные строения срываются до основания, ограды, заборы разбираются, межи распахиваются и сами жители выселяются, оставляя за собой пустые поля, обыкновенно обращаемые в искусственные луга и пастбища. Операция эта, как мы выше сказали, производилась и в Англии, но там была отчасти приостановлена распоряжениями

правительства, запретившего по статуту 1448 г. сносить все крестьянские усадьбы, которые имеют пространства более 20 акров (7,4 десятин), так что выселению подвергались только беднейшие, малоземельные поселяне, которые все окончательно и исчезли. Но в Шотландии, где аристократия была сильнее, она провела свое право без всяких ограничений и в течение прошлого столетия производила эту операцию сноса и своза крестьянских дворов в таких широких размерах и с таким успехом, что постепенно захватила в свое непосредственное распоряжение все крестьянские земли» (с. 125). Так делалось в горной Шотландии. В остальной же полосе ее владельцы, воспользовавшись наравне с другими правом разверстания угодий, не употребили во зло своего права, не выселяли прежних своих оброчников, а, напротив, делали им значительные уступки против цен, предложенных крупными срочными фермерами, и через это удержали на местах очень густое население. Его рабочая сила способствовала процветанию помещичьих хозяйств. Вследствие того приращение народного богатства идет несравненно быстрее в этой части Шотландии. В графстве Сутерданд – стране крупной культуры – доходность всех имуществ (33 378 ф. ст.) увеличилась в период времени 1815–1816 гг. на 19 544 ф. ст., а в графстве Кайтнесс – стране мелкой культуры, где доходность составляла в 1815 г. 35 000 ф. ст., она в течение того же периода времени возросла на 72 561 ф. ст., несмотря на то, что поденная плата здесь выше.

Самое последнее, низкое место между всеми странами Европы занимает в аграрном отношении Ирландия. «Положение ирландцев даже обыкновенно представляется как совершенно исключительное, вовсе не похожее на общественный строй прочих современных народов, обусловленное другими причинами и влияниями. Злая участь этого населения приписывается преимущественно природным свойствам и врожденным порокам этого племени, его беспечному, разгульному нраву и закоснелому невежеству» (с. 129). Против последнего обвинения достаточно говорит скорее перерождение будто бы природных свойств ирландцев на североамериканской почве. Что

же касается совершенно исключительного аграрного положения Ирландии, то и это далеко не так, как обыкновенно думают. Социальный строй Ирландии не очень резко отличается от положения Англии, северной Шотландии, многих местностей Германии, средней Италии и Испании. Как там, так и здесь происходил в течение многих веков тот же процесс обезземеления низших сословий по тем же системам, юридическим понятиям и правилам рационального сельского хозяйства. Результат был очень сходный; множество земель захвачено крупными собственниками у мелких. «Вся разница состоит в том, что в Ирландии поместное сословие проводило свою аграрную политику, позаимствованную из Англии, грубо и насильственно, пользуясь своими правами неограниченно, но права их, принципы, ими защищаемые, и все основания землевладения были чисто английского происхождения, или, вернее сказать, они были перенесены аристократическими классами саксонского племени во все те страны, куда проникало это племя, начиная с берегов Финского залива до Зеленого острова на океане, и мрачная летопись аграрного разорения Ирландии есть живая картина истории поместного права во многих других странах Европы… Действия, осуждаемые в этой стране (Ирландии), происходили во многих других с таковой же энергией и последовательностью и скрылись от суда цивилизованной Европы только потому, что разорение крестьян было уже совершено, когда запоздалый либерализм XVIII в. возбудил вопрос о демократизации современных обществ; в Ирландии же, напротив, это разорение началось позднее, продолжалось с возрастающей грубостью до наших времен, до половины XIX в., и потому навлекло на себя общее внимание и негодование английской и европейской публики» (с. 129, 130).

С самого пожалования Ирландии в 1156 г. папой Адрианом IV [11] английскому королю Генриху II [12] и до настоящего столетия Ирландия в хозяйственном и социальном отношении очень мало различалась от Англии. «Сельские рабочие сословия находились в совершенно одинаковом экономическом состоянии, крайне стесненном и униженном; заработки

их были самые скудные, земли у них были везде отобраны, и сельский пролетариат развивался повсеместно во всех трех королевствах» (с. 132). Но в Англии и южной Шотландии для сельских обывателей были, по крайней мере, открыты городские и фабричные промыслы, в Ирландии же не было и этого, и все население оставалось на землях, которые постепенно обратились из крестьянских в помещичьи. К этому присоединилось, что довольно редкое население Ирландии вдруг начало расти. В 1766 г. было всего около 1 900 000 жителей на страну в 1529 кв. миль; а в 1841 г. их стало ок. 8 200 000, так что вместо 1200 жителей на квадратную милю их уже было 5200. Вследствие этого число съемщиков быстро возрастало, оброчные цены на земли дорожали, отдаваемые участки стали дробиться так, что, наконец, мелкие полосы уже не могли служить для земледельческой эксплуатации. Так как сдача таких дробных участков и надзор за ними были стеснительны для помещиков, то последние стали сдавать целые поместья одному оптовому съемщику, который уже от себя отдавал их крестьянам-земледельцам. И этот обычай тоже перенесен в Ирландию из других местностей Великобритании; но в Ирландии эта система получила особый, хищнический характер вследствие неопределенности арендных условий, потому что бóльшая часть оброчных земель сдавалась из года в год без всякого срочного или письменного контракта и съемщики непомерно возвышали цены при каждом возобновлении аренды.

В 1-й и 2-й четв. XIX в. хозяйственное и социальное положение Ирландии было следующее.

Во всей стране было с лишком 20 320 000 акров земли, в том числе ок. 15 600 000 удобной. Она находилась во владении 8412 помещиков английского происхождения и протестантского исповедания. Из них около 3000 были владельцами дач и подгородных вилл, а собственно землевладельцами – не более 5400. Поместья последних разделялись на с лишком 682 000 ферм, хуторов и оброчных участков. Из них с лишком 20 тыс. более крупных (100–200 акров) возделывались самими помещиками, около 136 тыс. отдавались в срочную аренду по

контрактам, а остальные с лишком 526 тыс. отдавались оброчникам на срок, определяемый волей и усмотрением владельца или оптового съемщика. Между тем, сельских обывателей-хозяев было около 1 420 000 или около 6 млн. обоего пола. Так как они промышляли исключительно земледелием, то желающих получить сдаточный участок было много – почти по трое на каждый. Надо заметить, что земли, обрабатываемые самими владельцами, занимают $^1/_4$ или $^1/_3$ всех удобных земель Ирландии, а на долю крестьян приходится с небольшим 3 млн. акров, или около $^1/_6$ десятин (400 кв. саженей) на душу, остальные же 12 млн. акров предназначены на прокормление скота (с лишком 10 млн. акров под одними естественными лугами и выгонами) и находятся в распоряжении владельцев, зажиточных фермеров и других промышленников и торговцев.

Таким образом, крестьянские хозяйства все более и более стеснялись развитием скотоводства, и в 40-х гг. (1845 г.) на общее число ферм 905 015 приходилось заключающих в себе более 100 акров (37 десятин) всего только 25 047, а остальные 880 тыс. были не больше 1–100 акров и даже менее одного акра.

Крайнему раздроблению оброчных статей сильно содействовал древний порядок наследования, по которому подворные семейные участки делились поровну между сыновьями и братьями. А к тому еще, по новому обычаю, на уступку аренды новому содержателю, кроме согласия владельца, нужна была еще особая сделка с прежним оброчником; ему надо было приплатить в виде отступного средним числом ок. 50 ф. ст. за акр, т. е. до 200 рублей за десятину; но бывали примеры, что за аренду, дающую чистого дохода 7 ф. ст., приплачивали отступного 100 ф. ст. Этот обычай, господствовавший в северной части Ирландии, в графстве Ольстерн, и по этой местности и получивший название ольстерского, был полезен для сельского хозяйства в том отношении, что поощрял делать затраты на сельскохозяйственные улучшения; но эти улучшения доставались владельцам даром, потому что последние всегда могли, по произволу, прогнать оброчника и заменить его другим; а для новых съемщиков ольстерский обычай был

крайне стеснителен, особливо при огромной арендной плате, дошедшей в южной Ирландии до 7–15 ф. ст. за акр, или до 50–105 рублей за нашу десятину.

Ко всем этим обстоятельствам, расстроившим сельскохозяйственный быт народа, присоединился в 1848–1851 гг. неурожай картофеля, который довершил разорение несчастной Ирландии. Бедственнейшее положение этой страны продолжалось ок. 14-15 лет. В это время ок. 2 210 000 жителей выселились в Америку и Австралию, общее число жителей (1841–1861 гг.) уменьшилось почти на 2 400 000 душ, число домохозяев – на 24%, число жилых домов – на 26%. На общественном призрении находилось (1849 г.) 16% всех жителей, и расходы на этот предмет во многих приходах составляли от 50 до 75% всей доходности имуществ, обложенных земскими сборами. В 20 лет (1841–1861) число людей, исчезнувших неизвестно как, было, по приблизительному исчислению, не менее 1 млн. «В это время с помощью голодной смерти, тифозной горячки, понудительного выселения и добровольной эмиграции произошло некоторое улучшение – совершилось само собой, если можно так выразиться, очищение поместий от черных людей, разверстание между живыми и мертвыми, переселенцами и жителями, оставшихся на местах… Таким образом, волей Божией, мором и голодом достигнута была та цель, то благополучное преобразование, которого домогались ирландские помещики, следуя в этом примеру своих родоначальников – английских и шотландских ландлордов: поместья их освободились от нищего населения, и мера, уже проведенная в других частях Великобритании, так называемая прочистка земель, совершилась и в Ирландии» (с. 140, 141).

С тех пор, примерно с 1861 г., по уверению европейских экономистов и английского правительства, положение Ирландии стало изменяться к лучшему. Говорили, что средний размер участков, сдаваемых крестьянам, увеличился; что увеличилось значительно и число крупных ферм, из чего заключали, что число самостоятельных землевладельцев увеличилось, а чересполосность, мелкопоместность сокра-

щались; замечали также, что площадь удобных земель расширилась почти на 1 400 000 акров, что ценность скота более чем удвоилась, что число призреваемых с 620 000 с лишком упало до 45 000 душ. Но эта картина экономического прогресса оказалась на поверку обманчивой. Прироста удобных земель в действительности не было никакого, а только расширились на показанную выше цифру выгоны и пастбища, тогда как пространство пахотных земель уменьшилось. Прибывали также льняные посевы, самые изнурительные для почвы. Впусте лежало 3 775 000 акров земли удобной и способной к хлебопашеству. На семью или крестьянский двор приходилось в среднем выводе пахотной земли около $^1/_2$ акров (менее 1 десятины), в том числе неопределенное пространство, занятое продуктами, идущими на откорм скота, и которые поступали в пользу владельцев. «С снятием запрещения на продажу поместий (майоратов) явились в Ирландии вместо прежних патриархальных и беспечных владык земли люди предприимчивые, со свежими силами и капиталами и поспешили дать закоснелому сельскому хозяйству этой страны новое, живое направление; они беспощадно отказывали неисправным плательщикам, возвышали арендную плату, выселяли сельских обывателей, срывали их надворные и жилые строения, залужали их пашни и разводили тучные пастбища и клеверные луга на местах, выпаханных и истощенных хлебными и льняными посевами. Страна, ирландская земля, действительно улучшилась, но только в отношении скотоводства… В отношении же хлебопашества и хлебных продуктов, напротив, замечается общее уменьшение производительности» (с. 142, 143). Капитальная ценность скота в 24 года удвоилась, число голов крупного и мелкого скота прибывает ежегодно в громадной прогрессии (с 1864 по 1866 г. оно увеличилось с лишком на 1 930 000 штук), а хлебов с 1856 по 1862 г. уменьшилось в год на сумму 12 млн. ф. ст.; в 1866 г. сравнительно с 1864 г. при одинаковом урожае произведено хлебов на 2 млн. квартеров, или 2 740 000 четвертей менее. С уменьшением пашен плата за земли, отдаваемые крестьянам в

оброк, дошла до 8, 10, 12 ф. ст. за акр, или около 200 рублей за десятину. Между тем для прокормления одного крестьянского семейства, состоящего средним числом из 5, 3 душ, нужно не менее 10 акров (6,4 десятин); а из числа ферм, отдаваемых в оброк, – почти все с лишком 500 тыс. – ниже этого размера.

Политический оптимизм англичан и миражи экономистов относительно Ирландии продолжались недолго. Ирландский вопрос опять поднялся, как грозный призрак, в сопровождении народного восстания так называемых фениев, и английское министерство было вынуждено приступить к разрешению основного вопроса – вопроса аграрного. В 1872 г. издан достопамятный билль, цель которого заключалась в регулировании, упрочении поземельных отношений между фермерами и землевладельцами и вместе с тем в облегчении покупки помещичьих земель водворенными на них поселянами-оброчниками. Первая из этих целей выговорена ясно и проведена вполне. В отношении арендной системы за исходную точку и образец принят описанный выше ольстерский обычай. Билль дает законную юридическую силу всем существующим и впредь заключаемым сделкам этого рода, учреждает особые присутствия для разбирательства поземельных исков и арендных тяжб и вооружает мировых судей полной властью для понуждения и принуждения землевладельцев к исполнению этих условий. Билль идет далее – он применяет отчасти те же ольстерские правила и ко всем прочим фермам, находившимся на бесконтрактном оброке, и постановляет общим законом, что фермер, получивший отказ в содержании аренды, имеет право требовать вознаграждения за все произведенные им улучшения. Мало того, существенно дополняя ольстерский обычай, билль 1872 г. возлагает уплату вознаграждения не на нового фермера, а на самого землевладельца. Нормальный размер вознаграждения тоже определен, и чем арендная плата ниже, тем оно выше. Если арендная сумма ниже 10 ф. ст., то фермер может требовать вознаграждения в 10 раз больше; если она простирается на сумму от 10 до 31 ф. ст. – то в 5 раз больше; для самых круп-

ных фермеров, платящих более 100 ф. ст. аренды, нормальное вознаграждение определено не свыше годовой арендной платы. Очевидная цель всех этих мер та, чтобы закрепить по возможности за оброчниками пользование их оброчными статьями и удалить от них конкуренцию богатейших фермеров, перенимающих их фермы за ничтожную приплату.

Еще более решительное нововведение билля 1872 г. состоит в том, что всякие новые сооружения и устройства, произведенные фермерами на свой счет, дают им право требовать полной уплаты за них от владельцев. В случае спора дело рассматривается начальством. Фермер не может отказаться от права требовать уплаты, и всякое условие об этом считается недействительным, как вынужденное. Из этого правила изъяты только те случаи, когда арендный контракт заключен на 31 год или долее.

В случае неисправного платежа аренды дело рассматривается поземельным присутствием, которое обсуждает, не произошла ли неисправность от слишком высокой арендной платы. Если бы это подтвердилось, владельцу может быть отказано в праве уволить фермера, и последний может быть оставлен в пользовании фермой; если же владелец будет протестовать против такого решения, то он обязан уплатить фермеру все убытки, какие он, по усмотрению трибунала, потерпит от увольнения.

Вторая цель была – облегчение фермерам покупки владельческих земель. Эта цель, впрочем, только намечена. Арендаторам право это выговорено, но лишь при согласии владельца. Ни размер выкупаемых земель, ни нормальная их ценность не определены, и все условия предоставлены взаимному соглашению сторон. Чтобы такие продажи стали возможными, нужно было сперва снять с поместной собственности запрещение, наложенное на нее майоратными распоряжениями, – это и было уже отчасти сделано в 1849 г. При состоявшейся добровольной покупке оброчной земли казна на основании билля 1872 г. открывает фермеру кредит в размере $^{2}/_{3}$ продажной цены с погашением в течение 35 лет из 5%. Такая же ссуда

дается чернорабочим, безземельным батракам и поденщикам, если они пожелают приобрести в собственность усадьбу.

Таким образом, многознаменательный билль 1872 г. открывает новую эру социально-аграрного устроения не только в Ирландии и Англии, но и во всем староевропейском мире. «Главный смысл ирландского земельного быта есть тот, что арендование, фермерство и всякое оброчное содержание земельных угодий имеют вместе со значительными выгодами и удобствами очень вредное действие на земледелие и земледельцев, если заключение подобных сделок, заоброчивание и переоброчивание, предоставляются полному, неограниченному произволу собственников; что при этом обнаруживается, что добровольное соглашение другой стороны, нанимающей, арендующей помещичьи земли, хотя по закону и предполагается вполне вольным, но в действительности в большей части случаев оказывается вынужденным, особенно в странах крупного землевладения, где число запрашивающих, ищущих земли, как в Ирландии и Англии, в 500 или 100 раз больше числа предлагающих – землевладельцев, и что поэтому, в конце концов, если не желать окончательной экспроприации всех сельских обывателей, надо законодательным порядком установить нормальные кондиции арендованных сделок, подвести их под общий закон и общую подсудность и подчинить этого рода соглашения некоторым правилам, при несоблюдении коих договор теряет свою законную силу» (с. 149). Все это действительно и было очень долгое время высшим притязанием ирландских оброчников, но в настоящее время требования их расширились. Не говоря уже о домогательстве сельских сословий, заявляющих права свои на отвод земельного надела, главные авторитеты науки и предводители партий начинают склоняться к тому же принципу выкупа помещичьих ферм. Эти мнения уже успели так распространиться в народе, что в 1872 г. фермеры маркиза Уатфорда в графстве Лондондерри заявили формально о желании своем выкупить все арендные земли этого владельца, рента которых составляет громадную сумму – 90 тыс. рублей в год.

III

Аграрный строй *Германии* представляет особый интерес в том отношении, что «служит типом земельной организации во всей средней Европе – образцом, которому следовали или старались следовать поместные сословия прочих стран, начиная от Дании до Польши и наших Остзейских провинций» (с. 177). Для нас, русских, этот строй особенно потому интересен, что «по этнографическому расположению немецкого и славянского племен отношения между ними были более близкие, влияние германской культуры более сильное, и хотя это влияние и оставалось на рубеже, отделяющем великороссийское племя от прочих славянских, но до известной степени проникло и в окраины русских земель и способствовало к разобщению их и к отторжению западных областей от коренной России» (с. 177, 178).

Основания аграрного и социального быта Германии были заложены нашествием варваров. Переселение народов повлияло еще более на внутренние, житейские и хозяйственные отношения, чем на политические. Пришельцы-варвары поделили между собой забранные края, разверстали вновь земли и основали новые общественные отношения, не обращая внимания на прежние права и прежние обычаи или законы. Это объясняется, что вторгались целые племена и полчища. Остготов [13] при вторжении в Италию считалось до 200 тыс. вооруженных людей. Ариовист [14] привел сначала на Рейн до 15 тыс. воинов, но забранный край полюбился его спутникам, и они вызвали еще до 120 ратников. Сначала они потребовали от туземцев уступки третьей части земель, потом – двух третей. Бургунды и вестготы присвоили себе треть всей завоеванной земли, іруны и вестготы – две трети. В Остзейском крае и по всему Балтийскому поморью рыцари Тевтонского ордена брали на имя ордена тоже треть, другую отводили церквам, а последнюю оставляли за туземцами. Но лангобарды [15] захватили всю землю, бóльшую часть римских побили, а остальных обратили в арендаторов, взимая с них в виде оброка третью часть

продуктов. Вандалы [16] в Африке тоже присвоили себе всю землю. Вообще же прежние собственники, уступив часть земли завоевателям и сохранив пользование остальной, превратились из полных в обязанных и подвластных поселян.

Рассматривая различные общественные формации, образовавшиеся вследствие завоеваний и водворения германских племен, кн. Васильчиков различает два типа.

«Когда нашедшее племя было немноголюдно, как, например, франкское, то оно действовало мягче, щадило местных жителей, чтобы не лишиться рабочей силы, и оставляло бóльшую часть из них при своих владениях… Но в северной Германии, между Рейном и Эльбой, произошла, можно сказать, всенародная и поголовная экспроприация, которая объясняется очень естественными причинами. Племена, зашедшие в этот край, были многолюднее и притом состояли из равноправных однополчан, из коих каждый требовал и равного надела» (с. 182). «Когда передовые орды, франки, готы, достигли крайних пределов Западной Европы, то последующие принуждены были остановиться на верховьях Рейна и Дуная, среди дремучих лесов; наконец, последние опустились на берега Эльбы, Одера, Вислы, на Балтийское поморье, и этим остальным племенам, арьергарду переселения, досталась худшая доля – песчаные берега Балтийского и Немецкого морей и суровые почвы Померании, Мекленбурга и Восточной Пруссии» (с. 183). От этих различных порядков первобытного поселения произошли два различных вида поземельной организации, два закона владения – франкский и саксонский. Первый преобладает в юго-западных областях Германии, второй – в северо-восточных. Во франкском крае нашедшие племена отделились от прочих обывателей дружелюбно, предоставили им некоторую свободу владения, допуская наследование, семейные разделы по местным обычаям, продажу и отчуждение недвижимых имуществ. Франкское право собственности было с самого начала более либерально, гнет помещичьей власти – менее чувствителен, хозяйственный быт крестьян – более самостоятелен, хотя во внешних отношениях они под-

чинялись власти государевой и помещичьей. Напротив, саксонское право признавало только поместную собственность полным владением, только ему присваивало право распоряжения, хозяйственного управления. Помещик противополагался по этому праву обывателю, земледельцу, имел над ним как бы природную власть надзора и опеки для охранения собственных его интересов, для сохранения собственного его имущества, для надзора за его хозяйством, культурой, семейными делами, домашним бытом и всеми житейскими, земельными и общественными его действиями, предприятиями, оборотами. «Из этого понятия вытекали сами собой такие обширные права, что сельское хозяйство и поземельное владение все сосредоточилось в руках поместного сословия; крестьянское владение было связано, спутано такими сложными правилами, что хозяин в своем хозяйстве ничем не располагал: порядок наследования, выдел детей, полеводство, земельный надел – все было установлено не по закону, но по уставам рыцарей-дворян, и ввиду общей пользы сельского хозяйства поселяне лишены были всякой самостоятельности» (с. 184).

Этот второй тип, в котором землевладельческий элемент проявился во всем своем могуществе и притом в духе чисто германской народности, без примеси инородных воззрений, представляет особенный интерес, и ему кн. Васильчиков преимущественно посвящает свои исследования.

В империи Карла Великого право владения было двоякое: поместное и подвластное. Первое, господское, представлялось в виде за́мка, помещичьей усадьбы или дворца; второе, крестьянское, тоже сосредоточивалось во дворе, окруженном полевыми угодьями. Тот и другой двор не были простым означением места жительства помещика или мужика, а выражали юридические понятия, определяющие свойства самого владения, права и обязанности владельцев и взаимные отношения помещика и крестьян – отношения, приписанные не людям, а земле, грунту, на котором те и другие жили. Господский двор, *Thron Hof*[1], – это усадьба, к кото-

[1] Двор, где стояло кресло главы рода (нем.). – *В. Т.*

рой приписаны другие усадьбы или дворцы, исправляющие в пользу главного, господского, разные повинности. Окольные селения приписывались к господскому двору не по праву собственности, а по праву господства, т. е. на всем том пространстве, на какое простиралась власть господина. Из этого округа помещик выбирал себе часть земель, обыкновенно все пустые и дикие земли, которые предназначались для заведения господской запашки; остальные угодья оставались во владении или срочном содержании обывателей на различных условиях, но, во всяком случае, на положении обязанного, подвластного пользования. Между этими обывателями были и рабы, употреблявшиеся для домашних служительских работ, наделенные усадьбой или двором без полевых угодий. Некоторые имели и земельный надел без права собственности и занимались обработкой господских полей. Но несравненно бо́льшая часть сельских обывателей состояла из людей лично вольных, туземцев и своеземцев, которым прежде земли принадлежали на правах полной собственности. Эти сохранили часть своей земли, принимая на себя труд возделывания прочих земель, забранных у них завоевателями. Вступив в обязанные отношения по землевладению, они постепенно начали терять права вольного распоряжения своими имуществами и сделались покорными, послушными владельцу дворов, к которым были приписаны. Уже со времен Карла Великого только благодарные и знатные рыцари-вассалы признавались полными собственниками; все же прочие владельцы хотя и продолжали пользоваться своими угодьями, но уже подлежали суду и расправе первых, а новые поселяне получали землю не иначе как в виде оброчных арендных статей. Вольные деревни оставались только в королевских имениях и в некоторых отдаленных и недоступных округах, куда не проникали победители.

В течение Средних веков отсюда развилось полное понятие о поместном и вотчинном владении. Вся германская территория была подразделена на округи, во главе которых стояли знатные, родовитые люди. В качестве частных владельцев они

имели свою усадьбу, принадлежавшую им на правах собственности, но сверх того к каждой усадьбе, двору была приписана известная территория для управления и хозяйственного заведования. Земли, входившие в состав этой территории или округа, делились на два разряда: одни состояли в непосредственном распоряжении помещика и составляли господскую запашку; другие были населены крепостными и вольными – оброчными, обязанными поселянами и вольными, полными собственниками. Все эти обыватели были более или менее подчинены суду и расправе владельца господской усадьбы. Так образуется первое понятие о патримониальной власти.

Из права господства в описанном смысле вытекло право передоверять господские права другим лицам по усмотрению владельца. Таково происхождение приказчиков, поверенных частных владельцев, викариев духовных особ, княжеских и королевских наместников и графов. Эти должности и звания мало-помалу переходили в наследственные. Так, понятие о собственности, право владения и власть суда и полиции все более и более смешивались и сливались. Вольное крестьянство уже в начале Средних веков было совершенно поглощено крепостным или обязанным сословием и приурочено к нему. Прежнее общественное самоуправление, территориальное разделение на общества и волости и волостные выборные начальники потеряли свое значение, подчинились дворянским учреждениям и слились в дворовые округа.

Одновременно с дворянскими поместьями и на тех же началах устраивались в Германии и церковные владения. И в них правительственная и духовная власть смешалась с частным владением. Сначала ей принадлежало только управление по церковным делам, но мало-помалу духовенство завладело и хозяйственным управлением, и судебно-административным, и приходские участки обратились в церковные вотчины. «Это именно обстоятельство, что Церковь и высшее духовенство выступили с древнейших времен как главные представители крупного землевладения, сильно повлияло на аграрную организацию европейских земель; церковные владения освя-

тили право собственности светских владельцев; льготы и привилегии, коими они пользовались, служили примерами для обеления привилегирования других вотчин. Высшее духовенство и высшее дворянство, связанные солидарностью имущественных своих прав, вступили в неразрывный союз, прикрывая благословением Церкви и властью помещика все благоприобретенные свои территории, а в конце Средних веков дворянство приняло даже характер полусветской и полудуховной корпорации, рыцарской и религиозной – монашеских орденов» (с. 193).

Другой вид владения, противоположный поместному, был крестьянский двор, входивший в общий состав господских земель. «Крестьянский двор был в малом виде такая же полная хозяйственная единица, как и господское поместье, также состоял из усадьбы, окруженной полями, и также заключал в себе, кроме хозяина и его домочадцев, батраков и служителей, приписанных ко двору… Эти люди считались в рабочем инвентаре крестьянских дворов, были закреплены за ними и переходили вместе с участком от одного хозяина к другому» (с. 194).

В начале Средних веков крестьяне жили большей частью в группах, называемых селениями, но отдельными дворами были наделены подворно, посемейно усадьбами, полевыми и луговыми угодьями, и владели сообща выгонами, лесными дачами и пустошами. Эти три черты составляют славные свойства германского сельского быта и отличают его от славянского мирского владения. Германское село строилось не по сплошной линии с улицей или площадью посередине, но отдельными домами или группами домов по разным фасадам. Это наружное различие не осталось без большого влияния на социальное развитие крестьян. «Сожительство их не было связано материальными выгодами и пользами, как жительство горожан, обитавших на одной улице, и не подвергалось также и тем неудобствам и опасностям от пожара, наводнения, которые связывали городских обывателей общими интересами и страхами» (с. 195).

Далее, к усадьбе, двору приписывалось раз навсегда известное пространство пашни и лугов, которые составляли неотъемлемую принадлежность. Порядок надела, наследования и разделов был различный, но существовало коренное правило, что всякая усадьба должна служить центром одного полного хозяйства и что к ней приписывалось известное количество угодий, нужных для пропитания одной семьи и соответствующих ее рабочей силе. Подворный участок отводился только таким хлебопашцам, которые имели или натуральные, или денежные средства, для содержания хозяйства; «прочие сельские обыватели оставались за штатом и наделялись землей как попало и сколько оставалось от первых, иногда полу-гуфой[1], иногда четвертью, осьмушкой, или одним огородом, или ничем» (с. 196).

Наконец, в общинном владении состояли выгон, кустарники, лесные у<г>одья, запольные полосы, вообще пустые и дикие земли, не входившие в севооборот, или лесные дачи, которыми пользовались сообща помещики и крестьяне на праве их имуществ для сбора валежника, сухоподстоя, рубки дров и пастьбы свиней. Эти пустоши составляли единственную связь германских общин, тогда как двор и полевой надел был с древнейших времен частным, личным владением отдельных домохозяев.

Выше было сказано, что в начале Средних веков были три главные категории поселян: вольные собственники, полувольные, или обязанные, и невольные, или крепостные. В продолжение Средних веков эти три разряда постепенно сливаются в один – обязанных поселян. Переворот этот завершился в XVII столетии после Вестфальского мира. Проведение такой реформы было делом сложным, потому что упомянутые три разряда подразделялись еще на многие виды. «Между людьми невольными были и полные рабы, кабальные холопы, и такие же невольники, поселенные в усадьбах на господском грунте; между обязанными поселянами были и чужестранные колонисты, лично вольные, и срочные оброчники, съемщики земель.

[1] *Hufe* (нем.) – дворовый земельный участок.

Одни из них водворились на помещичьих землях и вступили в непосредственное сношение с землевладельцем, получая от него усадьбу с огородом; другие селились на крестьянских участках, состоявших в потомственном владении домохозяев; третьи – на общинных угодьях и пустошах. Наконец, разночинцы – одни вольные, другие крепостные – принимались в господские дворы на полные харчи и содержание хозяев без отвода им земли и составляли низшую категорию сельских обывателей. По имуществу, как и по состоянию, сельский люд различался строго; полновольные обыкновенно владели целыми тяглыми гуфами… Обязанные поселяне и все крестьяне славянского племени получали половинный надел[1]; крепостным людям и новым переселенцам полевого надела обыкновенно не отводилось; они пользовались только усадебною оседлостью на господских, крестьянских или общинных землях, за что и отрабатывали барщину на помещиков, крестьян или сельские общества» (с. 198). Все эти разнородные виды сельских жителей слиты в одно сословие обязанных поселян. Торжеству поместных классов над землевладельческими много способствовал первобытный состав крестьянского сословия и его организация, лишавшая сельчан всякой силы для противодействия. При описываемом порядке землевладения, в сельском населении не было никакой связи общественности, солидарности интересов. Полные дворовые участки (от 10 до 15 десятин) отводились не всем крестьянам, а только зажиточным из них, и не по разверстке между домохозяевами, а по нарезке, обыкновенно производимой вотчинником отдельным крестьянским семьям. Полутяглых хозяев, кутников, бобылей было вообще гораздо больше, чем полных хозяев. Такое положение лишало германскую сельскую общину всякого общественного значения. Между своеземцами, полными хозяевами и бобылями не могло быть согласия и единомыслия. Яблоком раздора, предметом постоянных споров и ссор были «общин-

[1] По замечанию князя Васильчикова (с. 196), поводом или предлогом к тому могло послужить, что немецкие крестьяне, по-видимому, исстари употребляли пароконный или пароволовый плуг, а славянские – одноконную соху.

ные выгоны и пустоши, на которых во время óно при первом излишестве пустых земель поселялись, и большею частью без спроса и ведома общества, беднейшие обыватели, загораживая своими постройками пастбища, мешая прогону скота и запахивая все далее места, считавшиеся в общем пользовании. Антагонизм между ними возникал сам собой, раздор исходил из самого порядка первоначального поселения и, разумеется, усиливался по мере приращения народонаселения» (с. 199). Поместное сословие с помощью самих крестьян разобщило их, разбило на отдельные разряды, враждебные между собою, и покорило всех своей власти.

Первым, древнейшим способом к распространению вотчинной власти было обеление – *Immunitäten*[1]. Этим означалось, как и в древней России, исключение сельских округов из ведомства коронных чиновников, передача помещикам и вотчинникам права взимания податей и налогов, запрещение судьям и сборщикам въезд в такие привилегированные села и волости. Но в Германии обеление в большей части случаев означало, кроме того, выдел хозяев из сельского общества. Чтобы не оставаться в сожительстве с бедными односельцами, крайне отяготительном для полных тяглых крестьян, они, по предложению вотчинников, выходили из сельской общины, отдавались под защиту помещиков и принимали за то на себя некоторые повинности в пользу покровителя. Правда, некоторые преступления и тяжбы продолжали судиться королевским судом, некоторые подати взимались по-прежнему в государственную казну, но суд и расправа по делам, искам, тяжбам и проступкам сельскохозяйственного управления, все внутренние сельские распорядки, все поземельные отношения как между крестьянами внутри обществ, так и с казной, с духовными и светскими начальниками и с самими дворянами-землевладельцами перешли в руки патронов. Получив право разбирать и решать все такие дела, поместное сословие не нуждалось ни в личном рабстве, ни в крепостном

[1] Ошибочное написание. *Immunitaten* (нем.) – освобождение от повинностей, налогов. – *В. Т.*

праве для охранения своих имений от посягательства смежных селений, для округления господских дач, исправления спорных меж и границ, вообще для расширения и упрочения помещичьей власти. Право суда и расправы давало помещикам возможность делать всякие беззакония, присваивать себе всякое имущество, стеснять всякое постороннее хозяйство, мешающее господскому, запрещать всякое действие, нарушавшее их пользы и нужды. Этот порядок дел к XV столетию водворился в Германии повсеместно, так что в XV в., кроме рыцарских имений, не оставалось более полных собственников в немецких землях, и само понятие о поземельной собственности было неразлучно связано с дворянским происхождением и рыцарским званием.

Таким образом, «Средние века подготовили почву для эксплуатации низших классов народа высшими, вселив в имущественные и правительственные классы убеждение, что все земли кроме государя должны еще иметь господина, что этим господам принадлежит кроме права собственности и право местного начальства, и что всякий обыватель, чтобы пользоваться правами гражданства, должен быть приписан к господскому округу для суда и расправы» (с. 104). Человек, не приписанный ни к какому округу, не пользовался гражданскими правами, оставался вне закона и общества и как лицо, неподсудное никакому ведомству, считался диким. Местные власти имели над ним право ловли для водворения его на место жительства. Гулящего человека можно было обратить в рабство, умертвить, если он позволил себе дерзости против обывателей, или при ссоре двух сторон помогал одной из них; наследство после него признавалось выморочным и поступало в казну. Таким же строгостям подвергались те, которые выделились из семейств. Бесправное и беспомощное состояние заставило их искать опеки вотчинников, и в конце Средних веков все они были уже приписаны к помещичьим имениям.

Так вольные состояния на самом деле уничтожились, и во всей Германии не оставалось более сельских обывателей, не подвластных барину.

После того в кон. XV и нач. XVI в. начался период настоящего порабощения германского крестьянства. Служебно оно было уже подвластно духовенству и дворянству; оставалось присвоить себе его земли и утвердить такие новые порядки по праву. Эти две стадии захвата крестьянских земель совершились до XIX столетия и занимают всю новейшую историю Германии. Насильственному захвату крестьянских земель способствовали в особенности смуты и междоусобия XVI в., известные под названием Крестьянской войны, и 30-летняя война – эпоха беспощадного расхищения частных имуществ. Крестьянские восстания начались еще в конце XV столетия во Фландрии, повторились в Палатинате, Вюртемберге, Венгрии, Каринтии и в 1525 г. разыгрались по всем немецким землям общим бунтом всего крестьянства. «Это был последний протест обезземеленных хлебопашцев против патримониальной расправы, и так как буйные шайки мятежников были везде разбиты войсками, то войсковое начальство воспользовалось победой для окончательного упрочения своей вотчинной власти. Последний удар крестьянству нанесен был Тридцатилетней войной; оставшееся еще имущество у сельских обывателей было все разграблено рядовыми ратниками, земли их поделены между военачальниками, и всякое понятие крестьянской собственности изгладилось перед хищническими набегами солдатских шаек и алчных их предводителей» (с. 206).

После Вестфальского мира (1648 г.) переворот был уже совершен: обезземеление низших классов стало фактом; рыцари отобрали себе все земли, какие им были нужны и сподручны. Тогда открылся новый период в истории землевладения Германии. «Потребовалось узаконить, оправдать грубые факты, совершившиеся в смутные времена, придумать теории и юридические правила для упрочения насильственных захватов, подвести грабительство прежних веков, закрепление чужих имуществ, лишение свободы вольных людей под какие-либо благовидные и рациональные начала, одним словом, найти твердую почву, юридическую основу не только

для подтверждения права потомственного владения, но и для дальнейшего их развития» (с. 206, 207).

Немецкие рыцари вывели полную теорию помещичьей власти и вотчинного права. «Теория эта гласит, что поместное право не есть право только частного владения, но что оно само собой дает еще собственнику и некоторое право господства, что низшие классы поселян с древнейших, незапамятных времен водворены были не на собственных землях, а на господских и приняли добровольно на себя повинности, ими отправляемые в пользу помещиков, охранявших их от всяких зол и неправд; что поэтому все таковые повинности, а равно и права владельцев на крестьянские земли должны быть *a priori*, покуда не доказано противное, признаны благоприобретенными; и, наконец, если службы и платежи крестьян не определены положительными условиями, формальными договорами, то они должны считаться произвольными (*ungemessen*), потому что размер повинностей при первоначальном водворении зависит от воли землевладельца» (с. 208, 209).

В половине XVII в. к этим юридическим соображениям присоединились агрономические. Они тоже оказались благоприятными исключительно одному крупному землевладению и поместной собственности. В Европе с примера Англии и ее образцового фермерского хозяйства утвердилось мнение, что мелкопоместное владение, и в особенности общинное, не совмещается с рациональной культурой, с плодопеременным севооборотом, травосеянием, выгонным хозяйством. Отсюда вывели, что всякое владение, препятствующее правильному ведению сельского хозяйства, подлежит упразднению, выкупу ввиду государственной пользы и народного благосостояния. Под влиянием этих взглядов в половине XVIII в. произведен пересмотр аграрных законов, «мотивированный гуманными и либеральными видами, улучшением земледелия, охранением плодородия почв, введением усовершенствованных орудий и культур, но, тем не менее, окончательно расстроивший хозяйственный быт большей части крестьян» (с. 210).

«Переворот этот происходил одновременно с освобождением крестьян по мере того, как им дарились или возвращались личные права гражданства, отбирались или скупались их имущества и земли, и окончательный исход крестьянских реформ был таков, что несколько миллионов крестьян-собственников выпущены были на волю без кола и двора, на голодную смерть и произвол судьбы» (с. 210).

Сначала землевладельцы для округления своих вотчин и поместий отбирали у крестьян в известных случаях, определенных в самых общих выражениях, в случае надобности и общей пользы их дворы и присоединяли эти упраздненные хозяйства и целые селения к своим владениям. При этом домохозяева лишались земли навсегда – не переселялись, а выселялись.

Предлоги для таких отбираний были обыкновенно законные, благовидные. «В тех местностях, где владение крестьян-оброчников считалось пожизненным или срочным, землевладельцы при первых слухах об освобождении крестьян поспешили срыть все дворы, коим вышел срок оброчного содержания; в других местностях им предоставлялось право забирать крестьянские участки в счет недоимок, или упразднять те хозяйства, которые велись неисправно, беспорядочно, и так как судьей над этими хозяевами был тот же владелец, то ему нетрудно было найти упущения, оправдывающие по закону захват чужих земель» (с. 212). Правительство и королевские власти старались противодействовать такому систематическому обезземелению крестьян, но бóльшая часть охранительных мер была парализована дружным противодействием могущественного рыцарства и дворянских орденов, поддержанных специалистами и учеными публицистами. Обезземеление крестьян, особенно в славянских землях, происходило в огромных размерах. В Богемии после Гуситской войны [17] во владение немецких дворян перешло около $^{2}/_{3}$ крестьянских дворов, и, несмотря на запрещение, выселение продолжалось массами во все царствование Леопольда I [18]. В Померании и Северной Пруссии в течение

XVII и XVIII столетий поместья приобрели несколько сот тысяч крестьянских наделов. В Дании, Шлезвиге, Гольштейне округление дворянских вотчин шло так успешно, что в 1700 г. пространство их оказалось в 15 раз более, чем оно было в XIII столетии, $^{9}/_{10}$ всей территории принадлежали дворянству, и крестьян-собственников оставалось в Дании всего 5000 хозяев. В Мекленбурге из 12 тыс. домохозяев, числившихся по ревизии 1628 г., оставалось в 1724 г. всего только 1953, а право выселения крестьян и до сих пор не отнято у рыцарства.

Вторая главнейшая мера состояла в том, что дробные чересполосные участки постепенно сводились в сплошные дачи, в окружные межи и закреплялись преемственно не только в дворянских родах, но и в крестьянских семействах.

Прежде всего общинные земли подверглись разверстанию. Эти земли были в Германии не то, что у нас. Они составляли не коренное владение, а придаточное к подворным участкам. В общинном владении состояли только пустые и дикие земли; члены сельских обществ не были равноправны по землевладению, но подразделялись на несколько разрядов – четыре или пять, из которых высшие – тяглые и полутяглые крестьяне – владели пашней и лугами подворно и пользовались общинными выгонами и лесами пропорционально числу скота, или печей и дымов. Наконец, общинные земли служили приютом и единственным средством пропитания для низших разрядов крестьян, которым не полагалось участкового надела и которые на этих запольных пустошах прокармливали себя и свою скотину. По этим особенностям германского общинного землевладения разверстание общинных земель имело характер тяжбы между полными и более или менее зажиточными крестьянами и беднейшими деревенскими обывателями. Первые через разверстание избавлялись от неудобного сожительства и сообщества со своими бедными односельцами, вторые же лишались последних средств пропитания. Община через это расторгалась: зажиточные крестьяне находили прямую свою выгоду в разверстании общинных угодий, проводимом помещиками, и поддерживали их в этом всеми силами. Такое раз-

верстание началось во многих странах Германии с половины XVIII в. Первые опыты были нерешительные; это были только правила, облегчавшие выход из обществ и имевшие в виду население пустых земель. Разделу подлежали только сельские выгоны и пустыри, если они лежали впусте и не возделывались правильным образом. Кроме того, разверстание или выдел зависели, по-видимому, от добровольного соглашения, но в общинном владении участвовал и владелец-помещик, который был и судьей в делах общины, и начальником сельского округа. Понятно, что дело решалось в видах его собственных польз и выгод. Администрации представлялась в делах этого рода не принудительная, но побудительная власть. Рассматривая предложения и проекты разверстания общинных земель и признавая его необходимым, она могла требовать его обязательно. Эти косвенные меры имели такое же действие, как и принудительное разверстание: дело всегда решалось в пользу влиятельных и крупных собственников.

С начала XIX в. стали появляться некоторые сомнения в пользе принудительного раздела. В разных законоположениях проводится правило, что разверстание решается не иначе как большинством голосов и отдельный выдел, по личному заявлению одиноких домохозяев, запрещен. Но вместе с тем возбуждены вопросы: следует ли при разверстании иметь в виду полное распоряжение общины или только наделение бедных обывателей подворными участками для улучшения их быта? Следует ли производить раздел между одними пашенными крестьянами, наделенными землей, или между всеми членами сельского общества? Эти два вопроса разрешены большей частью в смысле, благоприятном для высшего разряда крестьян. Им предоставлено полное влияние на разверстание с отстранением низших категорий обывателей. Тогда возник новый вопрос: как производить раздел и рассчитывать доли между домохозяевами: поровну ли на каждый двор, или по числу лошадей и скота во дворе, или по размерам землевладения? После долгих колебаний в большей части немецких государств было принято правилом считать голоса при решении вопроса

о разверстании по простому большинству, или по большинству $^{2}/_{3}$, или $^{3}/_{4}$, но, во всяком случае, не иначе как если за этим большинством состоит и большее количество земель.

IV

Результатом уничтожения общинного владения и разверстания общинных земель в Германии было, с одной стороны, улучшение быта крестьян-домохозяев и сельского хозяйства, а с другой – быстрое уменьшение числа мелких крестьянских хозяйств. В восточных областях Пруссии ценность и доходность общинных угодий от раздела их на подворные участки поднялась на 25%, в Нассауском герцогстве – на 33%, в Познанской провинции – даже на 50 и 100%, и подворные участки стали крупнее, так что, например, в Пруссии они во многих местах достигли размера 170–200 моргенов (43–60 десятин). Но в то же время число мелких крестьянских хозяйств сократилось в Познанской провинции на 25%; в двух датских округах, где считалось около 2000 крестьянских дворов, выселено при разделе общественных земель 350 хозяев и около 300 бобылей; в некоторых селениях число домохозяев уменьшилось в 7 раз; есть примеры, что вследствие разверстания из 227 дворов убыло 162 хозяйства и осталось только 65.

Такие экономические последствия обратили, наконец, на себя внимание правительства и ученых. В Англии (1848 г.) и Пруссии (1847 г.) разверстание общинных земель приостановлено. Ученые-экономисты, Кнаус, Летте, Штейн заявляли, что «общинные земли доставляют беднейшим крестьянам некоторые насущные средства пропитания, что они также могут служить для покрытия разных общественных расходов, которые удовлетворяются легче натурой, чем деньгами», и что во всяком случае «раздел и распродажа этих угодий расплодили в грозной пропорции число бездомных скитальцев, бродяг и поденщиков» (с. 220). Но уже было поздно. Аграрный переворот совершился, хозяйственные связи немецких общин были порваны, и несколько миллионов беднейших сельских обыва-

телей выведены и выселены. В Дании еще в 1806 г. половина общинных земель была разделена на подворные участки; в Нассауском герцогстве в первой четверти нынешнего столетия были разверстаны около $^2/_3$ всех сельских обществ; в Ганновере в 1852 г. разверстание окончено почти по всему королевству; в Пруссии в 1860 г. окончены разделы и регулирование по 56 млн. моргенов; неподеленных общественных земель оставалось 2 316 530 моргенов. Последней мерой для регулирования поземельной собственности было размежевание чересполосных владений. В Германии эта мера обнимала не одни владельческие земли, как наше специальное размежевание, а господские и вместе крестьянские. Вопрос о размежевании поднят в 30-х гг. и имел то же, хотя косвенно, влияние на аграрные условия сельского населения, особливо там, где принята была не нассауская, а прусская система. Разница их состояла существенно в том, что по прусской системе мелкие делянки сбиваются, сводятся в сплошные участки, в окружные дачи, по возможности прилегающие ко дворам и составляющие вместе с усадьбами целое округленное владение; полосы, лежавшие врознь, замыкаются в единственные урочища, скопляются в целые поля. Чересполосное владение, по этому положению, вовсе прекращается, между тем как по другому, нассаускому, оно остается и только изменяется в некоторых наиболее стеснительных отношениях. Различие этих двух систем основано на различии самого порядка владения в двух краях Германии, восточном – саксонском и западном – франкском; в первом полевые угодья и полосы были издревле приписаны к дворам, и хотя и лежали рассеянно в некоторых местностях, но составляли принадлежность усадьбы и переходили вместе с ней к тому хозяину, который владел двором или заоброчивал его от помещика; тип, первообраз крестьянского населения в саксонских землях был крестьянский двор, окруженный сплошным полевым участком, и прусское положение имело в виду восстановить этот порядок в тех селениях, где он был случайно нарушен. Во франкских землях, по ту сторону Эльбы, полевые угодья, «делянки и полосы, огороды, нивы и пашни со-

ставляли владение тоже наследственное, но независимое от двора; они не были прикреплены к нему, продавались врознь и потому свободно переходили к таким владельцам, которые не были приписаны к селению и не имели в них усадебной оседлости, – к городским обывателям, фабричным работникам и разночинцам» (с. 224, 225).

Регулирование землевладения шло в Германии одновременно и параллельно с освобождением крестьян от крепостной зависимости. Оно находилось в теснейшей связи с описанными выше аграрными мероприятиями и вообще двигалось крайне медленно, вяло, нерешительно и тормозилось всячески, от начала до конца, поместными классами. Освобождение крестьян началось здесь – впрочем, только номинально – в 1702 г. с эдикта прусского короля Фридриха I [19], который объявил вольными всех крестьян королевских имуществ; но повинности крестьян остались те же, вотчинный суд и расправа еще усилены. Так продолжалось до конца XVIII в. В 1791 г. крепостные переименованы в наследственных под<д>анных, запрещены жестокие телесные наказания, но право наказания оставлено за помещиками, и им рекомендовано стараться «по возможности» вводить определенные инвентарные повинности вместо произвольной барщины. Прекращена крепостная зависимость в Пруссии лишь в 1807, 1808 и 1811 гг., когда признано за крестьянами право собственности на землю с выкупом оброчных и барщинных повинностей. Но за то время, пока тянули этот вопрос, помещики успели воспользоваться своими еще не отмененными правами вотчинного суда и полиции и завладели по возможности крестьянскими угодьями, округлили или расширили свои дачи. Выкуп наделов был существенно затруднен тем, что он объявлен непременно и во всех случаях добровольным, необязательным и должен был производиться самими крестьянами без пособия от казны. Выкуп через это оттягивался, а между тем обезземеление беднейших крестьян шло своим чередом.

Мирный ход помещичьего самоуправления прерван в Германии французской революцией 1848 г., которая заставила

волей-неволей приступить к действительному освобождению крестьян с правом собственности на земли и с выкупом при помощи правительства. Но и тут выкупное дело шло не без некоторых перерывов и отсрочек.

Современное положение землевладельцев и социальные отношения землевладельцев в Германии представить довольно трудно. Все высшие и новейшие авторитеты науки в Германии свидетельствуют, что настоящее значение произведенных реформ еще теперь очень темно. Отменены ли без изъятия и во всех краях Германии патримониальный суд и вотчинная полиция? Восстановлено ли для всех поземельных имуществ или для некоторых, и каких именно, право свободной продажи и раздела? Выкуплены ли все повинности и все крестьянские участки, или часть их еще остается в обязательных отношениях? Эти вопросы остаются без ответа (с. 250). После каждой прогрессивной меры следуют королевские эдикты, дополнительные законы, инструкции и циркуляры министров, которыми мероприятия приостанавливаются и старые порядки восстановляются впредь до дальнейших приказаний. Таким образом, поземельный быт в этой стране еще и теперь находится в переходном состоянии. Поместное сословие в некоторых областях Германии еще продолжает тихомолком пользоваться некоторыми остатками прежних вотчинных прав, насколько требуется для окончательного округления помещичьих дач и вообще лучшего устройства господских хозяйств.

Вообще теперешняя организация сельского населения в Германии отличается от аграрного строя других стран тем, что рядом с поместным сословием благородной крови сохранилось и крестьянское, что последнее устроилось на таких же твердых и прочных основах, как и первое, не исчезло бесследно, как в Англии, не обратилось в бобыльское состояние, как во Франции, но посредством многолетнего сортирования и исключения беднейших и слабейших достигло в наше время очень цветущего состояния.

Особенность германской сельской организации состоит, как уже выше замечено, в том, что вольное состояние перене-

сено от лица на имущество. Вся территория с давних времен разделилась, как и сельские жители, на два класса, и сословная организация была закреплена землевладением. В то же время, и также исстари, укоренилось, что для упрочения владения необходимо заказать его за родами в преемственном порядке наследования. Правила такого заповедного, вотчинного владения распространены и на крестьянские дворы. Дворянским майоратным имениям соответствовали крестьянские заказные дворы, которые также считались наследственной собственностью крестьянских семейств и по общему правилу не подлежали разделу, а переходили или к старшему в роде, или к младшему, но всегда в целом составе. Это и составило первую связь между дворянским поместным владением и крестьянским подворным. У них были общие и одинаковые интересы. Правда, в прежние времена согласие их нарушалось насильственными действиями самовластных вотчинников, но в XVIII в., когда нравы смягчились и государственная власть начала принимать меры к ограждению крестьян, высший их разряд стал все ближе и ближе сходиться с поместным сословием, отделяясь резко от низших разрядов односельцев.

В то время как в коренной Пруссии и в других северо-восточных областях Германии совершались, таким образом, консолидация и централизация землевладения, в другой части Германии, на Рейне, французское владычество, разбив окончательно привилегии дворянства, вводило, или, вернее сказать, утверждало на законных основаниях другую, противоположную форму владения – полную свободу отчуждения, делимости и семейных разделов. Оттого в начале нынешнего столетия по освобождении Германии от наполеоновского ига в ней оказались два аграрных положения, совершенно различных: заповедное и майоратное с крупными вотчинами и крестьянскими дворами и вольное, с мелкими поместьями и подворными участками.

Которое из этих двух положений лучше? Вопрос этот поднят и обсуждается, разделяя защитников той и другой системы на два противоположных лагеря не только в ученом,

но и в политическом мире. В Пруссии представлены оба эти аграрных строя. В шести ее восточных провинциях существует майоратное владение крупными крестьянскими дворами, в Вестфалии же и Прирейнских провинциях – вольное, с мелкими подворными участками. Летте сравнивает Померанию и Рейнскую провинцию по отношению к землевладению и наглядно представляет поразительную разницу между последствиями того и другого аграрного строя. Площадь культурных земель той и другой провинций почти равна: в Померании она составляет 12 345 400, в Рейнской провинции 10 486 800 моргенов. Между тем, всех владений, дворянских и крестьянских, числится в первой 74 566, а во второй – 686 275, так что в первой на одного владельца приходится 166 моргенов ($41^1/_3$ десятины), а во второй 15 моргенов ($3^3/_4$ десятины). Соответственно этому крупных землевладельцев гораздо больше в Померании, а мелких – в Рейнской провинции. Так, имений более 600 моргенов в Померании 2275, а в Рейнской провинции – 454 835. Последних в сравнении с первыми в Померании больше только в 10 с лишком раз, а в Рейнской провинции – в 514 с лишком раз.

Вообще же в Пруссии из числа около 100 млн. моргенов культурных земель – 28 633 227 находятся под дворянскими имениями, которых числится 12 592, и 53 214 218 моргенов – под сельскими обществами, которых всего 27 852. Этот результат, по-видимому, очень благоприятный для крестьянской собственности, представится в другом свете, если принять в соображение размер владений и отношение их к числу владельцев. Общее число последних простирается до 2 141 730, и общее число владеемой ими земли составляет 93 740 144 моргенов. Из этого числа на долю владеющих 12 и 2 моргенами, т. е. 3 десятинами и $^1/_2$ десятины, приходятся только 10 656 563, и число таких простирается до 1 716 653, остальные же 83 083 581 моргенов находятся во владении 425 077 владельцев. А между тем, по исчислениям немецких писателей, *minimum* земельного надела, необходимого для содержания семейного домохозяина, – 30 моргенов, или $7^1/_2$ десятины на один двор. К этому надо прибавить, что в то время как число владений вообще увели-

чивается, приращение идет быстрее в самых крупных и в самых мелких владениях, а число средних владений, напротив, уменьшается. Такие же неблагоприятные для народной массы отношения владения замечаются более или менее в целой Германии, кроме бывшего королевства Ганноверского, где дворянство владеет только 5% полевых угодий и 7% лесов. Здесь из 8 млн. моргенов 6 млн. принадлежат крестьянам и городским обывателям, $1^1/_2$ млн. – казне и только $^1/_2$ млн. – дворянам. Но самое неблагоприятное для крестьянства положение землевладения находится в герцогстве Мекленбургском, где при полумиллионном населении вся поземельная собственность принадлежит герцогу и тысяче землевладельцев, обязанных поселян и оброчных крестьян – 15 369 семейств, а все прочее сельское население состоит из 29 тыс. семейств безземельных батраков и около 21 тыс. поденщиков и чернорабочих. Мекленбургские порядки представляют пример, какие результаты достигаются поместными сословиями, когда им предоставлена хозяйственная опека над низшими классами.

Что касается числовых отношений землевладельцев к земледельцам, то из сопоставления и сравнения различных статистических сведений кн. Васильчиков выводит, что в Пруссии до 1866 г. было всего сельских жителей 8 399 700; из них собственниками в полном смысле можно считать: дворян-помещиков – ок. 12 тыс. и полных хозяев-крестьян – ок. 360 тыс., а с семействами, полагая по 4 души на семейство, всего 1 488 000 душ, затем прочих сельских обывателей, малоимущих и вовсе безземельных оказывается 6 911 700. Из этого следует, что из 4 человек только один может быть назван землевладельцем, а трое или не имеют вовсе поземельной собственности, или имеют так мало, что должны прибегать к другим занятиям.

Результатом аграрного развития Германии, приведшего и здесь, как во всей Западной Европе, к обезземелению сельских масс, было то, что оно совершилось не только в пользу поместного сословия, но и к выгоде тяглых хозяев-крестьян, которые по размерам владения и по способу ведения хозяйства ничем

не отличаются от мелкопоместных дворян, подобно последним держат батраков, нанимают рабочих и сдают земли в аренду.

«Улучшение их быта несомненно, и влияние этого многолюдного класса зажиточных домохозяев из простонародья имеет и будет иметь в будущности громадное значение: сливаясь постепенно с низшими разрядами дворян-землевладельцев, участвуя наравне с ними в выгодах сельского хозяйства, заинтересованные не менее рыцарства в поддержании высоких цен на имущества и низкой платы за труд, они образуют передовой отряд охранительной партии, едва ли не сильнейший, чем главный корпус…

Влияние их на сельскохозяйственную культуру, бесспорно, благотворное. В то время как в Англии все земледельцы поголовно были вытеснены из землевладения и обращены в пролетариев, а во Франции хлебопашцы постепенно, от семейных разделов и вольной продажи, превращались в огородников и бобылей, в Германии были избегнуты обе эти крайности. Часть крестьян – небольшая, но лучшая, была отделена и спасена от разорения; подворные участки этих крестьян были приняты, как и дворянские поместья, под особое покровительство закона, признаны нераздельными, заповедными имуществами и таким образом приурочены к рыцарским и фидеикомиссам по порядку владения и единонаследия…

Порядки эти, очевидно, должны были способствовать улучшению культуры, и, таким образом, рядом и наравне с процветающими господскими запашками и благородным рыцарством образовались столь же благоустроенные крестьянские хозяйства и такое же твердое крестьянское сословие…

От этих двух классов, которые вместе составляют аристократический элемент современных обществ, отделяются далеко и глубоко сельские пролетарии различных наименований…

Они образуют посреди новейшей культуры беспорядочные слои сора и брака, оставшиеся неубранными при прочистке господских поместий – прочистке, произведенной по всем правилам рациональной агрономии и политической экономии; они действительно мешали прогрессу и улучшению культуры;

в их грязных хижинах зарождались болезни, их огороды загораживали выгоны и дороги, их тощие коровы и свиньи паслись без присмотра, объедая молодую поросль лесов и травя смежные поля; сами они занимались разными недозволительными промыслами: лесными порубками, полевыми потравами, конокрадством и т. п. нарушениями права собственности…

Поэтому можно признать, что в агрономическом и экономическом отношении обезземеление этих беднейших и слабейших сельских обывателей принесло несомненную пользу. В социальном отношении оно породило большие опасности, предвестниками коих служат волнения и смуты новейших времен…

Рознь сословий, антагонизм между собственниками и рабочими нигде не поставлены в такие непримиримые условия, как в немецких землях; нигде они не пустили таких глубоких и широких корней…

В Англии сословие землевладельцев так малочисленно, что они рано или поздно принуждены будут уступить и, вероятно, уступят дружелюбно требованию радикальной аграрной реформы; во Франции крестьянское сословие хотя и многолюдно (более 3 млн. домохозяев), но малоземельно и владеет всего 17% всех удобных земель…

В Пруссии число крестьян-собственников меньше, около 1 млн., но они несравненно богаче и самостоятельнее, владея почти половиной государственной территории. Поэтому аграрные и социальные вопросы имеют в Германии другой характер, чем в прочих государствах. Это не борьба между аристократическим и демократическим элементами, как в Англии, или между средним сословием (буржуазия) и пролетариатом, как во Франции, но семейная и домашняя распря внутри сельских обществ, между крестьянами, из коих старшие братья наделены полными подворными участками, а младшие нанимаются у них в батраки и чернорабочие. Силы обеих партий тоже ровнее, чем в других странах; в материальном и денежном отношении тяглые домохозяева, вполне обеспеченные и заинтересованные не менее поместного сословия в поддер-

жании нынешних порядков землевладения, составляют вместе с дворянами-рыцарями твердую, непоколебимую опору охранительной политики. С другой стороны, сельские пролетарии по численности своей вдвое сильнее и благодаря новейшим кредитным учреждениям начинают тоже запасать громадные суммы из трудовых своих сбережений, стараясь, по сие время безуспешно, но не безнадежно, выйти из наемной кабалы и приобрести себе где-либо какое-нибудь недвижимое имущество. Но ценность имуществ растет еще быстрее, чем рабочая плата и накопляющиеся от нее сбережения, и исхода из этого смутного положения не видно; видно только то, что в немецких землях народы разделяются на две равные и равносильные половины, готовящиеся к борьбе во всеоружии материальных и умственных сил» (с. 283–285).

* * *

Мы не передали и сотой доли тех интересных данных и глубоких соображений, которыми изобилуют первые пять глав сочинения кн. Васильчикова; тем не менее, из приведенного читатель составит себе довольно ясное понятие о взгляде автора и главных результатах его исследований. Они наводят на целый ряд мыслей. Читая книгу, невольно находишься под нравственным обаянием глубокого убеждения, которым проникнут автор. Иначе и быть не может: чем меньше у писателя личных побуждений смотреть на дело с той или другой точки зрения, тем он внушает больше доверия. Освобожденный от досадной заботы относить долю выводов к сословным и другим предрассудкам, к личным пристрастиям и антипатиям автора, читатель безраздельно отдается впечатлению, производимому на него книгой. Это высокое наслаждение мы испытали вполне, читая сочинение кн. Васильчикова.

Но еще выше и глубже нравственное впечатление самих результатов исследования, тех выводов, к которым пришел автор. Он ощупал, если можно так выразиться, становую жилу теперешнего социального строя западноевропейских наро-

дов, указал на его коренной органический порок, из которого, как из главного источника, вытекают все недостатки и опасности, грозящие современным европейским государствам, подъедающие их под корень. В продолжение новой истории, когда просвещение, политические свободы, либеральные и гуманные идеи получили полное развитие и царили, казалось, прочно, беднейшие народные массы были выгнаны из своих жилищ, лишены клочка земли и крова в пользу небольшого числа землевладельцев и во имя успехов сельского хозяйства. Сельское хозяйство действительно развилось вместе с народным богатством до недосягаемой высоты, но такое принесение в жертву бедного существования низших слоев сельских обывателей успехам земледелия и зажиточному меньшинству нарушило равновесие общественного организма. Выброшенные на улицу сельские массы, обратившись в бездомных батраков и чернорабочих, образовали тот острый осадок западноевропейских обществ, который мешает стройному ходу европейской жизни, вечно против него протестует, вечно грозит ему разрушением, висит дамокловым мечом над несомненными благами европейской цивилизации и ее блистательными многовековыми завоеваниями. Потомки когда-то обезземеленных сельчан, прозябавших мирно и спокойно в своих жалких лачугах, наполнили города, фабрики и великолепные поместья и стали врагами существующих европейских порядков. Это тень Банко, которая возмущает живых своим неожиданным появлением. Общественная неправда, совершенная предками, тяжко отзывается теперь на потомках. Таков ход и результаты социального развития европейских государств. Это лучшая иллюстрация евангельской заповеди о любви к ближнему, о сострадании к бедному, слабому, низко поставленному на общественной лестнице. Когда-то его немилосердно и несправедливо потревожили в его низменном существовании, – и вот из этого родилось великое зло и великая опасность для сильных и богатых.

Изгладятся ли когда-нибудь следы этой старинной неправды в Европе, возвратится ли ей когда-нибудь внутренний

мир? Трудно решить этот вопрос, по крайней мере, теперь. Зла, ненависти накопилось слишком много с обеих сторон, а вражда и ненависть не могут создать стройного общественного порядка, гармонии общественных элементов. Вот почему мы не ожидали бы ничего доброго от торжества разобиженных, озлобленных европейских народных масс над капиталом и землевладением, если бы таким торжеством, как многие предвидят и предсказывают, должна была окончиться великая драма европейской истории. Только успехи знания, ясное понимание положения и взаимных выгод враждующих элементов и великие умы, великие государственные таланты могут указать в Европе средства ослабить вражду, прекратить опасную борьбу интересов, успокоить тень Банко. Над этим теперь европейцы много думают и работают. Во всяком случае, это есть главный, основной общественный вопрос, к которому теперь все сводится, которым ярко освещается настоящее и прошедшее европейских государств. При таком освещении лихорадочный пульс европейской жизни, ее перевороты и революции, ее стремления и задачи, колоссальное развитие ее богатств и промышленности, ее политические и социальные партии, их замена и программы, само развитие права, политических и социальных учений – все это получает иное значение, иной смысл, которого прежде никто не замечал. Под влиянием нового воззрения на ход и развитие европейских обществ юридическим и политическим наукам предстоит такой же коренной переворот, как и социальному строю Европы.

Книга кн. Васильчикова исследует развитие землевладения и земледелия с этой новой точки зрения, и в этом смысле автор бесспорно примыкает к передовым мыслителям и ученым Европы: как писатель, принадлежащий стране, которая осталась непричастной неправде обезземеления беднейших народных масс и всем ее последствиям, кн. Васильчиков мог свободно, беспристрастно взглянуть на положение и произнести ему строгий приговор, не стесняясь привычками и воспоминаниями, невольно и бессознательно связывающими мысль лучших из европейцев. Что кн. Васильчиков вполне воспол-

зовался таким выгодным положением, в этом заключается его великая заслуга не только перед русским, но и перед европейским обществом. Под его пером печальная правда разоблачается, либеральные, политические и ученые софизмы, за которыми она скрывалась, отпадают, и всякому становится ясно, как день, откуда произошли те потрясения, которые не дают Европе покоя и грозят обратиться в хронические.

Глубоко сочувствуя почтенному автору, вполне разделяя основные его взгляды и его сочувствия, мы в одном только позволим себе с ним не согласиться. Он, как мы думаем, несправедливо приписывает европейским владеющим классам какую-то дальнозоркую, на целые века вперед рассчитанную предумышленность в обезземелении народных масс. Мы думаем, напротив, что, выгоняя беднейших сельчан из их усадеб, европейские владеющие классы следовали отчасти внушениям непосредственной неразумной корысти, отчасти же ошибочным, близоруким понятиям о государственной и общественной пользе. Если бы высшие классы были так дальновидны, как предполагает кн. Васильчиков, они, без сомнения, предусмотрели бы весь вред и всю опасность их способа действий для них же самих. Помнится, еще знаменитый Нибур горько жаловался, что в Виртемберге люди с наилучшими намерениями разоряли крестьян. Деятелей первой французской революции едва ли можно упрекнуть в преднамеренном желании зла народным массам, а между тем, что же выиграло крестьянское землевладение от переворота 1789 г.? Что еще недавно успехи земледелия и промышленности ставились выше благосостояния и самого существования сельских обывателей, это очень прискорбно, но в то же время и вполне естественно. Так думали не одни алчные бессердечные приобретатели, но и люди вполне просвещенные, весьма гуманные. В Средние века во времена возрождения наук, даже ближе к нам, в эпоху первой французской революции, самые проницательные и светлые умы были очень далеки от мысли, что человеческое общежитие есть нечто связное и стройное, нечто подобное организму, в котором все части находятся в

теснейшей зависимости одна от другой, что расстройство одной из этих частей роковым образом влечет за собой расстройство остальных. Такой взгляд, все более и более выясняющийся в наше время, есть результат долгого практического опыта, наблюдений и исследований. Чем меньше было у людей и народов опытности и знания, тем больше и легче поддавались они действию непосредственных, ближайших мотивов и соображений. Самоуправство, насилие, хищничество были вначале самыми обыкновенными явлениями; только впоследствии они уступают место правильным юридическим отношениям. И во всем так. Только вследствие опыта и знания люди и народы отучаются следовать непосредственным побуждениям, подчиняются мало-помалу внушениям более далеких мотивов, выведенных из длинных и сложных соображений. Мы, русские, можем считать себя счастливыми, что у нас крестьянское землевладение поставлено совершенно иначе, чем в Европе; но этим мы в значительной степени обязаны тому обстоятельству, что, приступая к крестьянской реформе, мы имели уже перед глазами результаты чужой опытности. Благоприятные исторические и другие условия только помогли нам воспользоваться, как следует, опытами Европы, но было бы крайне ошибочно думать, что мы испокон века сознательно готовились к тому разрешению вопроса крестьянского землевладения, какое последовало 19 февраля 1861 г., а европейцы так же сознательно и предумышленно подготовили его исстари в смысле обезземеления сельских народных масс. Ни люди, добившиеся в Англии Великой хартии свобод, ни немецкие бароны и рыцари XVI в. совсем не рассчитывали так далеко вперед, да и не могли рассчитывать. Задача, поставленная бессмертными положениями 19 февраля, и взгляды кн. Васильчикова – явления совершенно новые в истории рода человеческого, плод горьких опытов и тяжких разочарований. Новые взгляды и новые мероприятия – знамения и предвестники нового периода развития, когда правда из идеального постулата обратится в насущную практическую необходимость, деятельная любовь к ближнему – в одно из

основных условий индивидуального и общественного благополучия. Не будем же в прошедшем взваливать вину на целые сословия. В каждом из них было много людей негодных, но еще больше непонимающих, или ошибочно смотрящих на дело. То, что было бы в наше время невежеством или недобросовестностью, то казалось во время óно разумным и справедливым, и люди могли тогда со спокойной совестью и полным убеждением в правоте делать то, о чем мы теперь говорим с ужасом и отвращением. История, опыт – великие учители! Логика событий непреложно и неумолимо выводит все последствия всякой правды и неправды, от первого и до последнего, не останавливаясь ни перед чем, не щадя никого. Она волей-неволей рано или поздно, но неудержимо приводит людей и народы к сознанию и водворению в жизни высших начал деятельной любви и живой правды. В этом и заключается великое утешение и глубокий поучительный смысл истории.

IV. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Дворянство
и освобождение крестьян

Крепостной вопрос разрешен, и разрешением его почти все остались недовольны. Крестьянин тужит, что ему еще два года придется работать на барина или платить прежний, может быть, тяжелый оброк; ему жаль земли, которая отрежется из его поля на барина; его берет раздумье над тяжелой повинностью, которая останется на нем по уставной грамоте [1]. Многого, что ожидает его впереди, он еще не разобрал хорошенько, но то, что он понял, вовсе не отвечает его ожиданиям и надеждам. Дворяне тоже недовольны и, может быть, еще более чем крепостные. Повинности их бывших подданных урезаны, часть земли будто перестала им принадлежать, издельная работа тоже значительно умалена против действительности. Чем заменить ее? Наемные работники страшно дороги, да и хорошо еще, когда их можно нанять хотя бы за высокую плату, а то местами и их никак нельзя добыть. Чтобы поставить хозяйство на новую ногу, нужны деньги, нужно много денег, а их нет и занять не у кого. Притом как-то неловко, тяжело и почти унизительно чувствовать себя на каждом шагу связанным законом и юридическими условиями в том самом имении, где до сих пор жилось так свободно, почти без всяких ограничений, полным хозяином. Мы убеждены в том, что все эти и подобные им неприятные впечатления только что начавшейся реформы

мало-помалу рассеются, что недоумения и частные неудобства, которые по ее поводу возникли и будут еще возникать, постепенно разъяснятся и уладятся. Помещики и крестьяне понемногу привыкнут к новому порядку дел, присмотрятся к тому, что им кажется теперь диким, и увидят полезные и выгодные стороны реформы, заслоняемые пока новостью дела, чрезмерными ожиданиями и чрезмерными опасениями. Временные потери помещиков, где оные и будут, уравновесятся впоследствии прибылями и тоже забудутся. Частные случаи безвозвратных потерь и совершенного разорения, конечно, представятся и между помещиками, и между крестьянами; но они неизбежны при всяком коренном общественном перевороте, встречаются даже в самое спокойное время, при обыкновенном ходе дел и, следовательно, не идут в счет. В конце концов, освобождение крестьян окажется через несколько лет не таким страшным, как казалось с первого взгляда, на другой день после обнародования манифеста.

Многие, пожалуй, и готовы с этим согласиться. Лучшая, образованнейшая часть дворянства досадует, собственно, не за освобождение крестьян, с необходимостью которого уже свыклась, не за надел их землею, которую и до сих пор крестьяне пользовались на самом деле, не за материальные пожертвования, которые дворянство всегда приносило и теперь приносит на общую пользу. Настоящая причина горечи и негодования гораздо глубже. Дворянство не может примириться с мыслью, что правительство освободило крестьян, как ему хотелось, а не как хотели дворяне, что дворянство даже не было порядочно выслушано; что правительство не сочло нужным объясниться перед ним, почему освобождает крестьян так, а не иначе, почему отвергло его предложения. Роль первого сословия Империи в деле такой важности вышла жалкая и унизительная. Правительство его успокаивало, спрашивало мнения, заставляло работать и потом решило помимо него, соображаясь с его желаниями, когда хотело и насколько хотело. Дворянство видит в этом обман, оскорбление, нестерпимый произвол и насилие, и вот что его глубоко возмущает. Оттого с каким-то злорад-

ством смотрит оно на все ошибки и промахи правительства по крепостному вопросу, придавая им размеры и значение, которых они, если смотреть на дело спокойно и хладнокровно, на самом деле, может быть, и не имеют.

К чувству глубокого оскорбления присоединяется еще и тяжелое раздумье: что же станется теперь с дворянством? До сих пор оно было первым сословием в Империи; совершись освобождение согласно с его предложениями и без земли – оно сохранило бы свое положение и поселенные на помещичьих землях крестьяне остались бы к владельцам в вассальном подчинении и зависимости. Но теперь, когда освобождение совершено правительством помимо дворянства, когда каждый бывший крепостной крестьянин будет иметь свой клочок земли, вырванный у помещиков из рук насильственно, что ожидает дворянство впереди? Власть бюрократии и чиновников страшно усилится, все местное управление окончательно перейдет в их руки, а дворянство, потеряв всякое значение и власть, сравняется с другими классами народа и исчезнет в их огромной массе. Такое последствие общежития в том виде, как оно совершилось, неизбежно и наступит очень скоро. При всеобщем обеднении дворянства ему не выдержать нового порядка дел, новых условий хозяйственного быта, не имея кредита, который бы дал возможность изворотиться на первых порах, а у нас вследствие плохого законодательства частный кредит не существует; правительство же, истощив банки на свои надобности, подорвало и этот обильный источник ссуд. Что ж делать? Большинство дворянства должно будет поневоле продать свои имения, и, расплатившись с долгами, остаться не при чем.

Такие мысли и чувства волнуют теперь дворян, отсюда негодование и злоба, с которыми большинство их встретило Манифест 19 февраля.

Отбросив преувеличения и крайности, естественные при раздражении, нельзя не согласиться, что в раздумье и опасениях дворянства есть своя доля правды. Положение этого сословия в самом деле теперь критическое. В нем совершается крутой переворот, какого оно никогда еще не испытыва-

ло. Речь идет не о минутном расстройстве, но о дальнейшем существовании и судьбе сословия, шедшего до сих пор постоянно во главе образования и всякого успеха в России. В такую важную и критическую для него минуту правильная и беспристрастная оценка настоящего положения, причин, которые его приготовили, и уяснение вероятной и возможной будущности есть дело первостепенной государственной важности, ибо, только зная настоящее и прозревая в будущее, можно решить, по какому пути следует идти дворянству, какими лучшими средствами выйти ему из теперешних затруднений, не теряя своего значения, только приспособляясь к новым обстоятельствам и условиям. Оставаться при одном негодовании было бы для него унизительно, бесполезно и бесплодно; надеяться на счастливые случайности тоже нельзя и нечего: они сто раз его манили и обманывали. Только опираясь на самого себя, доверяя себе и своим силам, действуя сознательно и разумно, дворянство будет в состоянии перенести кризис, снова окрепнуть и удержать за собой то почетное место, которое оно занимало так долго. Если дворянство не поймет этого и не будет сообразно с тем действовать, то другие элементы заменят его и выполнят его дело, потому что История ни перед кем и ни перед чем не останавливается; она пользуется тем, что ей годно, осуждая на ничтожество и забвение все, что силится ей поперечить.

Мы глубоко убеждены, что русскому дворянству может предстоять счастливая будущность и блестящая роль. Оно самое образованное и сравнительно самое богатое из всех сословий; оно содержит в себе живые зародыши возрождения. Теперешнее критическое его положение есть результат неблагоприятных обстоятельств, которые уже изменились, и политических ошибок, которые могут еще быть исправлены.

Мы обращаемся к лучшей, просвещеннейшей части русского дворянства без лести и страха, с одним искренним желанием добра, с надеждой, что голос наш будет услышан. Если ставя правду, особенно в таком важном деле, выше всего, мы должны были высказывать горькие истины, она оценит чи-

стоту наших побуждений и, приняв все или хоть некоторые из наших мыслей, переложит их в дело своим авторитетом, влиянием и примером.

I

Прежде всего, предстоит решить вопрос: что есть дворянство? Необходимо ли высшее сословие везде и всегда или оно существует только при известных обстоятельствах и условиях и с изменением их должно рано или поздно исчезнуть? При теперешней чрезвычайной разноголосице мнений, при крайних и резких суждениях в самом противоположном смысле обойти эти вопросы нельзя. Если высшие сословия – явление временное, историческое и рано или поздно должно перестать существовать, говорить о будущности дворянства в России есть явная несообразность и нелепость. Каждому дворянину следовало бы в таком случае посоветовать воспользоваться теперешним преобразованием, как он умеет и знает, не заботясь об остальном. Если же высшее сословие существует всегда и везде, изменяясь только в своих формах, то вопрос о будущности дворянства есть один из самых жизненных вопросов России и переход этого сословия из одной формы в другую сообразно обстоятельствам времени – предмет, достойный глубокого размышления и близкий каждому дворянину.

С мыслью о дворянстве мы привыкли непременно соединять представление о какой-нибудь исключительной наследственной привилегии. Это производит чрезвычайное смешение понятий и сбивает с толку. Для одних дворянство есть привилегированный класс крепостников, стало быть, с прекращением крепостного права дворянство должно исчезнуть. Смотря по точке зрения, одни об этом горюют, другие радуются, но и те и другие согласны в том, что без крепостного права нет дворянства. Есть также мнение, сложившееся у нас исторически, что наше дворянство есть, прежде всего, сословие, наследственно посвятившее себя государственной, военной и гражданской службе; дворянин, никогда не служив-

ший или торгующий, кажется каким-то странным, уродливым изъятием из общего правила, почти не дворянином; такой же не дворянин в настоящем смысле и тот, кто дослужился до дворянства из других сословий. То же самое думают многие и о других так называемых дворянских привилегиях; распространение их на другие сословия кажется им унижением для дворянства, каким-то посягательством на его высокое общественное положение, а уравнение в гражданских правах считается равнозначным уничтожению этого сословия.

Смотря с этой точки зрения, нет места для сомнения и спора. Служебные и все прочие привилегии дворянства рушатся одни за другими; немного еще пройдет времени – и почти все удержавшиеся еще доселе мало-помалу тоже отменятся. Отсюда следовало бы заключить, что наше дворянство падает и осуждено вскоре совсем исчезнуть. Но так ли это на самом деле? С дворянством мы соединяем понятие о высшем первенствующем сословии в Империи. Неужели без исключительных наследственных привилегий оно существовать не может? Мы противного мнения, и история представляет блистательные доказательства в нашу пользу. В какой стране высшее сословие богаче, могущественнее, влиятельнее, чем в Англии? А оно не пользуется никакими привилегиями. Семейство первейшего лорда и последний нищий равны в правах. Участие аристократии в верхнем парламенте основано, главным образом, на владении майоратами [2], которые переходят из рода в род к одному лицу не по закону, а в силу завещательных распоряжений, введенных обычаем; участие в нижнем парламенте и в местном управлении основано также на поземельном владении, доступном по праву для всякого. Итак, наследственная привилегия и высшее сословие – две вещи, совершенно разные, которые нельзя смешивать, не впадая в грубые ошибки. Нам потому только представляется привилегия в такой неразрывной связи с понятием о высшем сословии, что дворянство до сих пор было у нас и во многих других государствах привилегированным сословием. Точно так же нам думалось, что фабричная и мануфактурная про-

мышленность только и может существовать при запретительном или, по крайней мере, покровительственном тарифе; но впоследствии оказалось, что такой тариф не только ее не охраняет, но существенно мешает ей развиваться, устраняя соперничество и тем погружая ее в усыпление и дремоту. Из упадка дворянских привилегий следует только, что это сословие не может долее оставаться в теперешнем своем виде, что оно перерождается, что настало для него время изменить свои формы. Это достоверно и несомненно; но вывод, что в России с упадком дворянских привилегий не будет вовсе высшего, первенствующего сословия, совершенно произволен, не основан ни на чем и объясняется лишь превратным понятием о том, что такое высшее сословие, какое его назначение в общей экономии народной жизни, какие истинные причины его существования.

Различие сословий, различное участие их в государственной и общественной жизни есть явление, общее всему человеческому роду от начала мира до нашего времени. Какое общество мы ни возьмем, на какой бы ступени развития оно ни стояло, в каждом непременно некоторая его часть выделяется из массы народонаселения и в том или другом виде первенствует над нею. В этом отношении общества, в которых массы населения не имеют никаких прав, и те, где основным законом признано полное безусловное гражданское и политическое равенство всех сословий и не существует никаких привилегий, подчинены одному, очевидно, общему, всемирному закону. Ясно, что неравенство сословий дано не обстоятельствами, а самой природой человека и человеческого общества, и причину его открыть нетрудно. Люди по физической природе, по умственным и другим своим способностям не равны между собою со дня рождения. Из этого прирожденного неравенства вытекает и неравенство внешней их деятельности: одни предприимчивы, изобретательны, неутомимы, другие нет; одни делают много, скоро, хорошо, другие мало, медленно и плохо. То, что человек творит во внешнем мире, становится его собственностью, которую он оставляет после себя детям или за-

вещает близким, – отсюда новый источник неравенства. Одни, создавая много, имеют большую собственность, другие, творя мало, имеют мало принадлежащих им вещей или вовсе не имеют собственности; одни получают наследство и потому не имеют нужды приобретать ее; другие не получают наследства и должны сами приобретать собственность.

Прирожденное физическое и нравственное неравенство нельзя изменить; никто его и не оспаривает, так оно несомненно и очевидно; но неравенство имущественное многим кажется чем-то произвольным, искусственным, случайным. Его, по-видимому, прекратить очень легко: стоит только отменить собственность и наследство. Такие предложения делались социалистами, но они оказались совершенно неосуществимыми, потому что противоречат закону свободы – столько же непреложному, как закон общежития. Право собственности, право оставлять ее после себя своим детям и близким есть для огромного большинства людей лучший плод и награда трудов и усилий. Отмените эти два сильнейших побуждения для деятельности – и одни только избранные будут продолжать трудиться и работать, а большинство не станут ничего делать, впадут в бездействие, в умственную и нравственную апатию. Как бы общественная жизнь ни была идеально устроена, с какой бы строгой справедливостью и беспристрастностью ни распределялись вещественные, материальные блага между людьми, с какой бы нежной заботливостью ни пеклось общество после умершего об оставшихся в живых, дорогих ему лицах – все это никогда не заменит права собственности, права оставлять наследство частным лицам, потому что в этих двух правах выражается свобода человека, которая ему так дорога, без которой он становится животным, а общество человеческое – стадом баранов.

В прирожденном и имущественном неравенстве людей коренится, как сказано, причина общественного неравенства, возвышения и первенства одного слоя общества над массой народонаселения. С одной стороны, природный ум, таланты, добродетели, знание, опытность дают в каждом обществе

естественное преимущество одним людям перед прочими; с другой – приобретенное собственными трудами или полученное по наследству имущество, ставя человека в независимое материальное положение, освобождая его от ежедневного тяжкого труда из-за куска хлеба и тем доставляя необходимый досуг, открывает ему возможность посвящать себя науке, искусствам, заниматься общественными делами и интересами – возможность, которой лишен бедный труженик, борющийся ежедневно с голодом и нуждой. К этому дóлжно прибавить, что материальная независимость дает средства к более тщательному воспитанию с малолетства, а оно пробуждает и изощряет ум, развивает таланты, укрепляет хорошие природные наклонности и подавляет в зародыше дурные – словом, вызывает к деятельности все душевные и нравственные силы, которые при отсутствии воспитания и при тяжких заботах в самой юности о существовании остаются неразвитыми, глохнут, грубеют и, наконец, замирают в массах людей, не имеющих собственности и живущих трудом.

Итак, природные свойства и собственность суть неискоренимый, вечный источник неравенства людей и различия высших и низших сословий во всех человеческих обществах, во все времена, на всех ступенях развития. Отчего же у всех почти народов с успехом образования и с развитием материального достатка среднее и низшее сословия смотрят на высшие классы враждебно и восстают против них? Отчего борьба сословий составляет такое же необходимое явление в жизни каждого народа, как и само их различие? Отчего почти у всех народов рано или поздно создаются самые необузданные теории равенства, наполняющие историю слезами и кровью и, безусловно, отрицающие всякое неравенство, которое, однако, как мы видели, есть основной закон человеческих обществ? Причины дóлжно искать не в существовании высших классов, а в том, что они большею частью, не зная и не понимая своего назначения и роли, замыкаются в наследственные касты, обставленные привилегиями, никого не пускают в свою среду из других сословий, управляют делами страны в одних исклю-

чительно своих интересах, не думая о благе и пользе прочих сословий и общественных элементов.

Исключительность, привилегия, узкий, близорукий эгоизм – вот подводные камни, о которые разбились и разрушились высшие сословия в большей части государств. Дворянство должно быть первым между равными, а оно, сложившись, почти всюду становилось господином и, как всякий господин, постепенно обленивалось, тупело и ограждало свое видное и выгодное положение не заслугами, а привилегиями и насилием, в ущерб другим классам. Последние с успехами образования, с большим развитием материального довольства не могли этого не заметить, теории равенства, злая критика прирожденных привилегий выражали этот взгляд, это отрицательное отношение народа к дворянству, и чем дворянство было безумнее, тем эти теории, эта критика была страстней, беспощадней, радикальней. Самый страшный пример такого рода представляет нам Франция, где в первую революцию погибла от народного гнева значительная часть дворянства [3]; напротив того, Англия и до сих пор представляет образец высшего сословия, которое с редким благоразумием рано отказалось от привилегий и духа исключительности, сделало все сословия причастными прав, которыми само пользуется, и вследствие того удержало и по наше время свое значительное положение в глазах народа и политическую роль в государстве [4]. Причина весьма понятна. Высшее сословие, которое отмежевалось от других породою, привилегиями и властью, есть предмет справедливой зависти для других классов народа, особенно для тех, которые по образованию и богатству стоят не ниже его; для них привилегия породы кажется вопиющею несправедливостью, власть одного сословия над другим – нестерпимым притеснением. Отсюда до ненависти к высшему сословию, до полного отрицания высшего сословия и его необходимости вообще – один шаг. Напротив, когда доступ в ряды аристократии открыт для всех и каждого, когда она вследствие того беспрестанно обновляется новыми притоками из других классов и из себя выделяет в массу народа чуждые ей элементы; когда,

не пользуясь никакими привилегиями, она наравне со всеми прочими сословиями подчиняется законам страны и обязанностям, налагаемым государством, – тогда зависти и ненависти нет и не может быть места; теории, враждебные высшему сословию по принципу, не находят многочисленных последователей; принадлежать к высшему сословию становится целью стремлений, и оно вследствие того сохраняет свое высокое политическое и общественное значение.

Редко где аристократия вела себя так легкомысленно и безумно, как во Франции, и так политически расчетливо и дальновидно, как в Англии. В большей части европейских государств монархическая власть достигла законодательными и административными мерами того, что во Франции сделалось посредством революции, в Англии – вследствие глубокого политического смысла английского народа и высшего дворянства. Исключительные привилегии дворянства, власть его над народом, дух касты – все это пало мало-помалу под действием центральной правительственной власти. Это тоже была своего рода революция против дворянства, но более медленная, тихая и произведенная не снизу, а сверху.

Мы не пишем истории дворянства; нам дороги только общие ее черты и общий результат. Что же мы видим? Всюду есть, были и будут высшие сословия, и всюду, где только они отдалились от народа, замкнулись внутри себя и исключительно присвоили себе и своему потомству всю власть, не заботясь об общем благе и о прочих классах, там аристократии либо были истреблены народом, либо подавлены правительствами, которые заступили их место. Везде чрезмерно сильная власть правительства была необходимым последствием неправильного отношения аристократии к невежественным и бедным массам. Напротив, там, где дворянство не чуждалось народа, обновлялось свежими и лучшими его соками, не пользовалось исключительными привилегиями и, ища своих польз, заботилось в то же время об интересах других классов, там оно удержало власть, сохранило почет в глазах народа, изменялось сообразно с потребностями времени и обстоя-

тельств и, не допуская ни одного общественного элемента до исключительного господства над прочими, осталось в стране по-прежнему высшим, уважаемым сословием. Вот чему нас учит история. Важный, многозначительный урок, которым необходимо воспользоваться всякому дворянину, мечтающему о власти и политической роли.

II

Судьбы русского дворянства представляют многие общие черты с дворянством прочих континентальных государств, но имеют и свои отличительные, характерные особенности. Не касаясь дворянства остзейского, малороссийского и польского в западных губерниях, которое образовалось под влиянием особенных местных обстоятельств, мы остановимся на дворянстве великорусском, самом многочисленном и принадлежащем к первенствующему племени, из которого и около которого сложилось русское государство.

Русское дворянство тем существенно отличается от прочих европейских, что с самого начала, уже в колыбели, имело значение служебного класса. Из-за жалованья и добычи удальцы всякого племени и происхождения поступали в службу к князьям; были между ними и такие, которые служили потомственно; никаких определенных прав в отношении к князьям они не имели, на самом деле последние должны были делиться с ними добычей и совещаться обо всех делах и предприятиях, как со своими военными товарищами, иначе дружина могла не послушаться князя, что нередко и бывало, или, будучи им недовольна, оставить его и поступить на службу к другим князьям.

Так продолжалось до тех пор, пока князья перестали переходить из княжества в княжество, из удела в удел и уселись на местах. Вместе с их оседлостью начинается некоторая оседлость и их военных спутников, получивших в управление или в кормление города и волости. Здесь первый зародыш поземельных прав нашего дворянства, которое тогда окончательно

получило значение служилого класса, подчиненного князю, и сохранило лишь право переходить от него на службу к другим князьям. Со всем тем князь по-прежнему советовался со служилыми людьми, судил вместе с ними тяжбы и по совещанию с ними издавал законы и отправлял другие дела княжества.

Окончательное образование нашего дворянства относится к тому времени, когда уделы мало-помалу исчезли в Русской земле и соединились в одно Московское государство. Тогда бывшие удельные князья поступили в ряды слуг Московского государя и стали около московского престола как высшее, знатное дворянство; бывшие же их слуги образовали низшее, городовое, местное дворянство. Те и другие получили от московского государя в пользование земли для службы, а поселенные на них крестьяне впоследствии прикреплены к земле. В XVII в. эти населенные поместья с прикрепленным к ним сельским населением мало-помалу обратились в полную наследственную собственность высшего и низшего дворянства и образовали теперешние дворянские имения. Огромное большинство их имеет такое происхождение, потому что московские государи лишили почти всех бывших удельных князей родовых вотчин и обратили их в поместья, а взамен их пожаловали князьям или их потомкам другие земли, на поместном праве.

Как только дворянство сложилось, тотчас же обнаружилось в высших слоях его стремление организоваться в политическое сословие наследственное, привилегированное, отделенное от народа. Ряды высшего дворянства сомкнулись, и право участвовать в царских советах обратилось в исключительную привилегию только известных знатных родов. Вход и выход в городовое и местное дворянство в XVII в. мало-помалу тоже прекратился.

Московские государи рано почуяли опасность, которая грозила с этой стороны их власти, и всячески старались пред упредить ее и ослабить. Они стали давать сельским и городским обществам самоуправление посредством выборных, стали выводить и возвышать лица, им преданные, из низшего дворянства и других классов и даже из иностранцев, на верность

которых рассчитывали; поручали им местное самоуправление и разные отрасли центрального управления и под разными благовидными предлогами призывали их к участию в Царской Думе. Разные законодательные меры, издаваемые в том же духе и с той же целью, шли об руку с административными распоряжениями. Таким образом, очень рано началась борьба между царской властью и вельможеством. Смотря по личному характеру государей, она то утихала, то принимала большие размеры, как при Иоанне Грозном, но не прекращалась она никогда и рядом с постепенными расширениями пределов государства и внешними сношениями наполняет всю нашу историю от Иоанна до царствования Петра Великого включительно, составляя одну из интереснейших и поучительнейших ее страниц. Два с половиною века длилась эта борьба переменным счастьем. Были минуты, когда высшее дворянство оставалось на время победителем, именно, когда, свергнув с престола династию Годуновых [5], оно выбрало своего царя – князя Василия Ивановича Шуйского [6]; в другой раз оно восторжествовало, поставив царем Михаила Федоровича Романова [7] и обязав его обеспечить присягою гражданские права и политическую роль высшего дворянства на будущее время. Но эти минуты были непродолжительны. Борьба кончилась полным, совершенным торжеством самодержавия. При Петре ряды высшего дворянства разомкнуты окончательно и стали доступны для всех и каждого, по годности к службе [8]. Сенат, составленный из лиц, назначаемых государем из высших сановников, дослужившихся до известного чина из какого бы то ни было звания, заменил Боярскую Думу, составленную из родичей известных, только знатных родов. Последующие безуспешные попытки высшего дворянства воспользоваться слабостью самодержавной власти и возвратить себе прежнее политическое значение были лишь слабым отголоском борьбы, которая окончательно завершилась в пользу самодержавия при Петре Великом.

Чем объяснить такой печальный для высшего дворянства исход борьбы? Какой тайной силой обладало самодержавие, чтобы побороть своего могучего противника? Скажут: сила,

хитрость, но ведь этими же средствами располагало и высшее дворянство. Таланты государей? Действительно, между ними многие были одарены необычайным государственным и политическим смыслом, однако не все были таковы; притом же мы знаем, что и в высшем дворянстве были люди высоких талантов; сверх того, были минуты, когда обстоятельства особенно благоприятствовали вельможеству, и таких минут было немало: малолетство Иоанна IV, царствование сына его Федора, время междуцарствования, первые годы царствования Михаила Федоровича, царствование Федора Алексеевича, Смутное время перед воцарением Петра. Если, несмотря на свое политическое положение, на свежие еще исторические воспоминания, на богатство и на благоприятные обстоятельства, высшее дворянство не воспользовалось этими минутами и пало в борьбе, то причины до́лжно искать глубже, в его общественном положении, в его отношениях к массам народа. Наше высшее дворянство не имело корней в народе, было ему чуждо, стояло к нему почти враждебно. Областные правители со своими слугами и людьми, приезжая на кормление, немилосердно грабили и обирали местных жителей, так что целые области разбегались от их притеснений. Чванясь своей породой и знатностью, оно высокомерно и презрительно обращалось с прочими классами и тем отталкивало их от себя; оно попустило, а может быть, и желало прикрепления крестьян к земле и обратило их мало-помалу в рабов; оно резкой чертой отделилось от остального народонаселения и никого не пускало ни в свои ряды, ни к высшим государственным почестям и власти. Наконец, выделившись из народа, оно, как всякое замкнутое сословие, пользующееся всеми благами в виде прирожденной привилегии, впало в апатию, ничему не училось и ничего не делало. Уже в конце XVI и в первой половине XVII в. невежество его поражало современников. Самодержавие отлично воспользовалось этими слабыми сторонами знати. Борьба с нею не могла не возбуждать в народе глубокого сочувствия к царской власти и придавало ей в глазах массы значение воплощенной божественной справедливости, карающей сильного и

спесивого обидчика. Незнатные и бедные, но грамотные, деловые и практически опытные люди, призываемые государями к управлению и власти, осыпаемые их милостями, были тоже им преданы. Московские цари, пользуясь этим расположением народа и тогдашних грамотеев и опираясь на них, успели сделать кое-что для общего блага страны, во всяком случае, гораздо больше, чем высшее дворянство, и тем окончательно привязали к себе народные массы. Стоит беспристрастно прочесть кровавую летопись царствования Грозного, стоит прислушаться к народным преданиям из того времени, чтобы убедиться, с чьей стороны, даже в эту ужасную эпоху, были симпатии народного большинства.

С реформ Петра Великого падение вельможества очистило остальному дворянству путь к высшим государственным степеням и власти. Отсюда начинается блестящая его история и продолжается до кончины Императора Александра I [9]. Во всех важных событиях внешней и внутренней жизни государства оно принимало самое деятельное и благотворное участие. Целая фаланга замечательных государственных деятелей, дипломатов, писателей, полководцев вышла из среды этого сословия. Не пользуясь юридически исключительной привилегией сидеть в царских советах и стоять у кормила правления, оно на самом деле пользовалось большим значением, большой властью и правило государством. Служба и чин стали теперь давать диплом на дворянство; вследствие этого лучшие элементы из прочих классов вступили в ряды этого сословия и придавали ему особенный блеск, предохраняя от застоя и неподвижности, столь опасных для всякого сословия. В половине XVIII в. дворянство успело выхлопотать себе разные гражданские права, соответствующие его положению и духу времени: неотъемлемость дворянства и неприкосновенность лица и имущества иначе как за преступление и по суду себе равных и с высочайшего утверждения, свободу от телесных наказаний, от личных податей и рекрутства; право служить или не служить, право ездить за границу и поступать на службу в иностранных государствах [10]. Дворянство

образовалось в местные дворянские общества, с выборными губернскими и уездными предводителями во главе, с правом ходатайствовать о своих общественных нуждах и пользах, делать представления и приносить жалобы, исключать из своих собраний недостойных членов, иметь свои сборы и свою казну; кроме того, местные полицейские, многие судебные и некоторые другие должности стали замещаться лицами, выбранными дворянством из своей среды. При открытом доступе в это сословие его права не были исключительной привилегией; скорее они служили приманкой для других сословий, которые и стремились попасть в дворянство. Последнее стало, таким образом, представителем всего лучшего, богатого и талантливого в народе.

Для начала трудно было находиться в условиях более благоприятных, чем наше дворянство в промежуток времени от Петра до 1825 г. К несчастью, крепостное право поставило это сословие в фальшивое, щекотливое положение к целой половине сельского народонаселения Империи. Это чудовищное право подсекло дворянство под корень, вытянуло из него лучшие соки, иссушило его, прежде чем оно успело расцвести в полной красе. Уже во время Александра I мысль об освобождении крестьян запала в лучшие умы и стала бродить в обществе. Сам государь был склонен к ней, и указ о свободных хлебопашцах [11], прекращение пожалования населенных имений и некоторые другие меры свидетельствуют о готовности его произвести в исполнение. Более хитрое и расчетливое остзейское дворянство, предугадывая верным политическим чутьем последствия этой мысли, поняв, что если оно само не позаботится о разрешении этого вопроса, то он будет разрешен помимо его правительством, поспешило освободить своих крестьян, как само хотело, и выговорило себе при этом львиную долю. Русское дворянство не было так предусмотрительно и дальновидно. Оно всеми силами схватилось за это несчастное право, держалось за него донельзя и целым рядом ошибок, бывших неизбежным, роковым последствием этой основной коренной ошибки, дошло до теперешнего бессилия и ничтожества.

Печальную картину представляет история русского дворянства за последние полвека. Озабоченное одной мыслью – удержать за собой крепостное право, оно в царских советах упорно сопротивлялось всяким полезным реформам, прямо или косвенно затрагивавшим крепостной вопрос; под влиянием той же задушевной мысли оно мало-помалу стало во враждебное отношение к литературе, науке, университетам и просвещению, во всем стало тормозить развитие народной жизни, где и как и сколько могло. В местном управлении оно начало избирать в представители своего сословия, в полицию и суде только тех, которые защищали помещиков и их драгоценное крепостное право, не заботясь и не думая ни о чем остальном. Стремясь неудержимо все далее и далее по этому роковому пути, дворянство присвоило исключительно одному себе печальную привилегию рабовладения, как будто нарочно хотело на одном себе сосредоточить всю силу народного негодования, оно затруднило другим классам вступление в службу и переход в дворянство и через это стало все более и более смыкаться в исключительно привилегированное сословие. Не имея материальной необходимости работать и трудиться, оно отвыкло от труда и после нескольких лет службы предавалось покою и совершенному бездействию в своих имениях. Даже воспитанием стало оно пренебрегать вследствие того, что крепостное право и другие привилегии освобождали его от необходимости вести трудовую жизнь. Дети невольно заражались примером родителей. Словом, наше дворянство снова повторило историю нашего старинного вельможества, только уже не в политической, а в гражданской сфере. При таких условиях образование, мало-помалу проникавшее к нам из Европы, разумеется, не могло принести пользы дворянству, напротив, оно послужило ему во вред. Праздность и бездействие развили в дворянстве суетность, роскошь, мотовство. Не умея брать из Европы то хорошее, что она выработала, оно заимствовало только внешний лоск образованности, привычки довольства, комфорта и разврата, стоившие России очень дорого. Такие наклонности расстроили дворянство и ввели его в долги, пришлось, чтобы не

отставать от других, заложить имения; но как ссуды служили не к поправлению расстроенного состояния, а к продолжению того же образа жизни, то кредитные учреждения, всюду предназначенные для устройства дел и обогащения заемщиков и всюду оказывавшие это благодетельное действие, у нас повели только к окончательному разорению большинства помещиков. После того дворянству оставалось одно из двух: или приняться снова за службу и на счет казны и просителей поправить свои дела, избегая в то же время кредиторов и тюрьмы, или налечь на крестьян и пополнять дефициты огромными оброками и усиленными работами подданных. Одни прибегли к первому из этих способов и тем уронили всякий кредит к служащим дворянам; другие обратились ко второму, все более и более раздражая против дворянства сельское население; третьи не пренебрегали обоими способами, находя, вероятно, соединение их особенно для себя выгодным.

В то время как дворянство, запутанное крепостным правом, клонилось к упадку, события шли своим чередом, принося свои нужды и потребности. Внутренний быт требовал коренных реформ; менее важные из них постепенно совершались, хотя очень медленно, потому что дворянство мешало им на каждом шагу; что касается более важных преобразований, то они не двигались с места, тоже по вине дворянства. В самом деле, что можно было сделать хорошего, когда половина народонаселения принадлежала частным лицам и не имела никаких гражданских прав? А на этом пункте дворянство было непреклонно, и все попытки самодержавия остались бессильными; постановлены были, правда, после разных сопротивлений высшего сословия некоторые частные ограничения произвола помещиков, но они большей частью остались на бумаге, не перейдя в действительную жизнь. Между тем потребность радикальных реформ становилась все ощутительней, народ все более и более тяготился крепостным правом, чаще и чаще заявлял свое нетерпение…

В таком положении захватила нас неожиданно Крымская война [12]. Разом открыла она всем глаза на страшное поло-

жение, в каком мы находились. Оказалось, что настоятельная потребность реформ, о которой многие давно и напрасно твердили, не была праздной болтовней опасных мечтателей и злоумышленников, но действительною потребностью, которую теперь увидал и понял всякий. С тем вместе для всех стало до последней очевидности ясно, что крепостное право не может долее держаться, что ему приспел последний час.

По окончании войны Государь поднял этот вопрос, самый коренной, самый существенный, без разрешения которого невозможен никакой успех, никакие преобразования [13]. И вот дворянству снова представился удобный, счастливый случай поправить прежние ошибки и, став во главе великой реформы, выиграть себе отличное положение и перед народом, и перед правительством; но оно так глубоко пало и вследствие того было так ослеплено и обессилено, что на такой великий политический и гражданский подвиг ему недостало ни понимания, ни мужества. Не будучи подготовлено к реформе размышлением и знанием дела и потому не подозревая, что освобождение крестьян хотя и потребует сначала некоторых жертв, но в последнем результате будет для него и материально, и политически гораздо выгоднее, чем удержание крепостного права, дворянство погрузилось в конечные расчеты, забаррикадировалось за своими отжившими привилегиями и на первые заявления правительства о прекращении крепостного права отозвалось пассивным отрицанием; потом, когда увидело, что дело не останавливается на одних заявлениях, пустилось спекулировать на освобождении и стало выводить баснословные суммы, за которые соглашалось расстаться с этой печальной привилегией [14]; когда же и это не удалось, оно пробовало запугать правительство угрозами народных бунтов и дворянской конституции! Но правительство, раз решив покончить с крепостным вопросом, конечно, не могло испугаться этих угроз. Целый народ не восстает, когда с него снимают ярмо рабства; дворянство же, изолированное от других классов народа, бессильно вынудить у правительства конституцию. Кончилось тем, что правительство освободило народ, велико-

душно и благоразумно приписав этот подвиг не одному себе, но и дворянству. Но слова Манифеста никого не ввели в заблуждение. Английская газета “Times” говорит, что дворянство с самоубийственной близорукостью оттолкнуло от себя в руки Императора всю честь и всю заслугу этого великого дела. Нельзя, к сожалению, не согласиться, что это так: дворянство отнеслось к вопросу об освобождении крестьян нехотя, отрицательно, пассивно и было обойдено. Ему оставалось на долю одно напрасное сетование и бессильная злоба.

III

С изданием Манифеста и Положений 19 февраля для дворянства начинается новая эпоха. Как ни тягостна ему отмена крепостного права при настоящих его обстоятельствах и в теперешнем его положении, но она снова дает ему возможность поправить старые ошибки, связать свои интересы с пользами и выгодами прочих классов, занять в стране твердое и почетное общественное положение и возвратить прежнее, теперь ослабленное влияние на быт государства. Но для этого дворянство должно совсем иначе взглянуть на свои права, обязанности, отношения и выгоды, чем смотрело до сих пор: вместе с изменившимися обстоятельствами и обстановкой и оно должно переродиться. Сама судьба как будто ведет его на этот путь, несмотря на его горькие сетования.

Положения 19 февраля обрисовывают довольно ясно те новые условия, в которые отныне рано или поздно будет поставлено дворянство в России. Крепостное право уже не может быть, как было до сих пор, отличительной характеристикой дворянских преимуществ. Земли, занимаемые теперь крепостными крестьянами, обратятся так или иначе в собственность последних, и всякие обязательные отношения их с бывшими помещиками совершенно прекратятся. Дворянство обратится, таким образом, в класс землевладельцев и постепенно уравняется во всех гражданских правах с прочими сословиями, ибо свободы от имущественных податей

и рекрутства оно со временем лишится, а свобода от личных податей, от телесных наказаний и некоторые другие дворянские преимущества распространятся на все сословия. Чтобы предвидеть это, не надобно быть пророком; это очевидно для всякого, кто хоть немного знает историю и понимает теперешний ход дел в России.

Влияние этих существенных перемен на быт и положение дворянства предсказать тоже нетрудно. В значении его, с тем вместе и в личном его составе, произойдет коренная перемена. Теперь дворянство есть привилегированное, наследственное и отчасти замкнутое в себе сословие, независимо от того, владеет оно имениями или нет; следовательно, рождение и пожалование определяют теперь принадлежность к дворянству; тогда же главным, существенным признаком высшего сословия станет более или менее крупное землевладение. Уже и теперь многие права дворян в составе дворянских обществ приурочены к владению имением известного размера; уже и в наше время с понятием дворянина невольно соединяется понятие о владельце имения, преимущественно наследного. Тогда владение значительной поземельной собственностью выступит еще более на первый план и станет главным характеристическим отличием дворянства. Конечно, лица, принадлежащие по рождению к известным дворянским фамилиям, особливо когда они хорошо воспитаны, имеют достаток, хотя бы и не состоящий в земле, или достигли своими талантами и заслугами почетного положения в обществе и государстве, будут по-прежнему принадлежать к дворянству, но зерном, главным интересом, около которого сгруппируется это сословие, будет, как сказано, крупное землевладение. Большинство мелких землевладельцев, хотя и дворянского происхождения, силою обстоятельств и имущественными интересами более чем теперь приблизятся к небольшим землевладельцам других сословий и мало-помалу сольются с ними в одно сословие точно так же, как большие поземельные собственники из других сословий силою тех же имущественных интересов станут сближаться с дворянством и, наконец, вступят в его ряды.

Эта новая группа сословий по имуществу и землевладению, конечно, произойдет не вдруг, а исподволь, незаметно. Воспитание, образованность, быт, привычки и фамильные воспоминания долго будут задерживать эти переходы из одного общественного разряда в другой, но сама жизнь приведет к тому мало-помалу. Имущественные интересы, материальная обстановка, род занятий, среда, в которой вращаются люди, имеют на них огромное влияние и перерождают их уже во втором поколении; не до́лжно также забывать, что с успехами народного образования умственный и нравственный уровень прочих сословий возвысится вместе с улучшением их материального быта, а это значительно облегчит переходы из одного сословия в другое. Наконец, что мы считаем особенно важным как для дворянства, так и для прочих сословий – эти переходные ступени между ними свяжут их в одно целое и теперешняя, во всех отношениях гибельная разобщенность классов прекратится. Дворянство, перестав быть замкнутым сословием, будет принимать в себя новые элементы из других классов и выделять из себя в низшие слои народа те, которые стали ему чужды. Вследствие этого весь народ составит одно органическое тело, в котором каждый будет занимать высшую или низшую ступень одной и той же лестницы; высшее сословие будет продолжением и завершением низшего, а низшее служит питомником, основанием и исходной точкой для высшего. То, чему весь мир удивляется в Англии, что составляет источник ее силы и величия, то, чем она так справедливо гордится перед прочими народами – именно правильное, нормальное отношение между низшими и высшими классами, органическое единство всех народных элементов, открывающее возможность бесконечного мирного развития посредством постепенных реформ, делающее невозможным революцию низших классов против высших, – все это будет и у нас, если только дворянство поймет свое теперешнее положение и благоразумно им воспользуется. Сила обстоятельств неудержимо толкает нас на этот путь вопреки нашим беспрестанным ошибкам и поразительной близорукости.

Что может создать русскому дворянству отличное положение в народе, что пророчит ему возможность долгой и счастливой будущности – это именно то, против чего оно так восстает, за что в особенности так негодует на правительство – это освобождение крестьян с землею. Новое устройство сельского народонаселения в России слагает у нас быт, беспримерный в истории. Огромное большинство народа, за самыми незначительными изъятиями, – весь народ будет у нас причастен благу поземельной собственности. Этим мы заранее навсегда избавляемся от голодного пролетариата и неразрывно с ним связанных мечтательных теорий имущественного равенства, от непримиримой зависти и ненависти к высшим классам и от последнего их результата – социальной революции, самой страшной и неотвратимой из всех, потрясающей народный организм в самых его основаниях и во всяком случае гибельной для высших сословий. Где массы народа имеют свой кров, свой трудовой кусок хлеба, как бы он скуден ни был, где они имеют точку опоры против случайных напастей в клочке земли, там нет места всем этим печальным и страшным явлениям, насильственно вынуждаемым голодом и отчаяньем. В этом отношении будущность русского дворянства даже светлее, обеспеченнее, чем высших классов в Англии, где круг землевладельцев мало-помалу все стесняется и огромные массы народа, живущие теперь в довольстве от промышленности и торговли, могут когда-нибудь вследствие ограничения по тем или другим причинам всемирного промышленного и торгового владычества Англии остаться без куска хлеба. Россия – государство по преимуществу земледельческое. Как бы ни развивалось у нас фабричная промышленность и торговля, они никогда не создадут у нас такого могучего среднего слоя купцов и фабрикантов и столько же многочисленного безземельного и бездомовного класса фабричных рабочих и пролетариев в противоположность землевладельческим классам и поземельной собственности, как в Европе. Главным центром промышленности на очень долгое время, если не навсегда, останется у нас земледелие, и около

него будут группироваться все прочие отрасли производительности и промышленной жизни; с тем вместе и класс землевладельцев навсегда останется главным, первенствующим сословием; по землевладельческим интересам будут, главным образом, располагаться общественные разряды и группы.

Повторяем, сама история, помимо нас, вопреки нашей воле, толкает нас вперед по этому пути, готовя дворянству общественное положение и будущность, каких ни одно высшее сословие не имело ни у одного народа. Наделение всех крестьян землей дало ему гранитный, несокрушимый фундамент; общение с другими классами сделает его законным представителем страны; а преобладание землевладельческих и земледельческих интересов свяжет его неразрывными узами с большинством народонаселения, имеющего те же самые интересы, и навсегда сохранит за ним значение высшего сословия. Из теперешнего своего положения оно возьмет с собой и упрочит высшую степень образованности, славные воспоминания из прошедших событий, в которых играло такую деятельную и почетную роль, высокое положение на ступенях общественной иерархии, которые наполняет теперь собой преимущественно перед всеми другими классами.

Сумеет ли дворянство воспользоваться этим своим завидным положением и, не сопротивляясь более истории, пойдет ли сознательно и разумно по открытому перед ними широкому пути – в этом теперь вся сила, весь жизненный вопрос настоящей минуты. Упорствуя по-прежнему, оно сгубит себя и свое потомство, но хода дел все-таки не переменить. Если оно будет, как доселе, чуждаться других классов народа, оно по-прежнему останется изолированным и бессильным; стараясь вопреки закону урезать у бывших своих крепостных часть земли или всю землю, притесняя их и обирая, как встарь, оно окончательно раздражит массы, вызовет их на открытую вражду, и ненависть их рано или поздно выразится не в пользу, а в ущерб дворянству, его значению и силе. Преследуя минутные денежные выгоды и оставаясь по-прежнему в нравственной апатии и невежестве, стараясь во что бы то ни стало удержать

привычки роскоши не по средствам, дворянство расстроит себя вконец и должно будет расстаться со своими имениями. Лица других классов сменят его и, сделавшись большими землевладельцами, вместо теперешних дворян будут играть их роль. На некоторое время общий уровень образования, конечно, от этого понизится. Новое дворянство, заступив место теперешнего, принесет с собой грубые привычки разбогатевшего мужика и мещанина; но пройдет пятьдесят лет, сменятся одно, два поколения, и этот минутный перерыв сгладится и забудется, оставив только грустное раздумье для будущего потомка некогда богатого дворянина и поучительный пример неразумия и ослепления целого сословия для будущего историка.

IV

Но, скажут нам, положим, что будущее сияет розовыми лучами, а настоящее? Какие средства имеет дворянство ступить на новый путь? Что ему предстоит делать? Какое будет оно иметь вознаграждение за те стеснения прав и материальные лишения, которые создало для него освобождение крестьян? Нельзя же жить для одного будущего, как бы оно ни было вероятно и даже несомненно, нужно что-нибудь и для настоящего.

Если большинство дворянства серьезно убедится в невозможности оставаться в теперешнем своем положении, чего мы ему желаем от всего сердца; если оно, беспристрастно взвесив справедливость и вероятность сказанного выше, твердо решится на новый путь, то и средства выйти из теперешнего затруднительного положения найдутся, они под руками.

Положения 19 февраля действительно потребуют пожертвований со стороны дворянства, в некоторых случаях, быть может, и весьма чувствительных; но они во всяком случае никого не выбрасывают на улицу, никого не лишают крова и пищи, не отнимают всех средств существования. Революции поступают иначе, и в этом лежит огромное преимущество всякой мирной реформы, как бы она крута ни была. Положения 19 февраля открыли дворянству возможность исподволь перей-

ти к новому порядку и предупредили грозившую катастрофу снизу – в этом великая их заслуга, несмотря на частные недостатки. Как ни ощутительны лишения и стеснения, налагаемые на дворянство вследствие освобождения крестьян, однако одни слишком пристрастные и раздражительные люди решатся утверждать, что дворянство лишилось всего. Еще львиная часть осталась ему на долю и ею очень можно воспользоваться для того, чтобы выйти из временного затруднения. Кто хоть сколько-нибудь читал или даже перелистывал положения, тот, конечно, с этим согласится.

А средства? Средства совершить переход отданы Положениями 19 февраля в руки дворянства. С этой стороны нельзя не удивляться умеренности и благоразумию, с которым правительство воспользовалось выгодным своим положением при освобождении крестьян. Мысль об этой реформе и инициатива принадлежат ему; оно провело ее вопреки дворянству; вопреки ему оно сократило крестьянские повинности, оставило за крестьянами часть земли, дало им личные права и независимое от дворянства общественное устройство. Будучи довольно сильно, чтобы настоять на этих важных реформах, чтобы произвести их без глубоких потрясений и без междоусобной войны, наперекор видимому недовольству, тайному и явному сопротивлению дворянства, правительство отдало приведение их в исполнение в его руки. Не коронные чиновники будут вводить Положения, а мировые посредники [15], которые в большей части случаев в противность Положениям избираются самим дворянством; в губернских присутствиях на три коронных чиновника заседают пятеро дворян; да и сами чиновники – кто они большей частью, как не дворяне? Какой превосходный случай разойтись с крепостными полюбовно, без обиды, внушить к себе благорасположение в будущих соседях и удержать на них самое сильное и продолжительное из всех влияний – влияние, возникающее из доверия к образованности, справедливости, нравственным качествам бывших господ! Этого рода влияние переживает силу и право и устанавливает отношения, которых не создает никакой за-

кон. «Дворяне отпустили от себя без обиды», – это слово будет звучать в отдаленнейшем потомстве бывших крепостных и будет при случае очень полезно для потомков теперешнего дворянства, не только для нас, современников. Передав исполнение Положений 19 февраля в руки дворянства, правительство как бы заслонило себя, выставило в этом важном деле на первый план дворянство и тем открыло ему широкую дверь для спокойного и достойного выхода из настоящего в лучшее будущее. Исход будет уже зависеть и лежать на его ответственности перед судом потомства и истории.

Если дворянство хочет пережить теперешнюю трудную минуту с пользой для себя, то ему следует, оставив ни к чему не ведущие сетования и бессильную досаду, серьезно позаботиться о сохранении за собой своих мнений, о возможном сближении со всеми классами народа, о приобретении возможно большего влияния на местные дела и управление.

Те, которых освобождение крестьян расстраивает в материальном отношении, у кого дела имения запутаны, пусть бросают службу и едут жить в свои деревни. На это решиться, конечно, нелегко, но нечего же делать. Деревенская жизнь избавит от многих требований и привычек роскоши и этикета, на которых дворянство разоряется в столицах и за границей; кроме того, жизнь в деревне даст возможность пристально заняться хозяйством, не даст себя обкрадывать на каждом шагу и, что всего дороже, <она> даст много досуга для чтения и размышления; наконец, этим способом дворянство всего скорее ознакомится с положением своих собственных дел, с Россией, с народом. Лучше же это сделать теперь, чем впоследствии, когда уже будет поздно, ибо освобождение крестьян скоро положит конец тому «спустя рукава», в каком мы жили до сих пор, получая доходы от имений через старост и управляющих, не заботясь ни о чем, а истощение средств заставит же нас когда-нибудь бросить привычки роскоши, которыми мы теперь так дорожим.

Переселение дворянства из городов и столиц в свои имения есть, по нашему глубокому убеждению, одно из са-

мых капитальных условий его возрождения. Одно это уже повлекло бы за собой много самых благих последствий. Постоянное пребывание большинства дворян в имениях открыло бы дворянству возможность сохранить их за собой, дало бы ему дельное направление и полезную деятельность; вместе с тем от такого переселения провинции оживились бы во всех отношениях: они наполнялись бы порядочными, просвещенными людьми, в них распространились бы привычки и требование образованности, развилась бы местная общественная жизнь и местные интересы, отсутствием которых Россия так страдает. Теперь все жалуются на нестерпимую скуку в губерниях, на отсутствие в них людей и самых простых, незатейливых потребностей и удобств образованной жизни; с переселением дворянства в деревни все это скоро изменилось бы к лучшему.

Кроме занятий хозяйством и поправления своих дел, дворянству следует особенно озаботиться и о том, чтобы сблизиться с прочими классами народа и привлечь их к себе. Для этого не нужно ни трат, ни чрезмерных усилий: отсутствие всякого чванства и спеси, ласковость, твердое знание дела, верность в слове и честность в расчетах – вот качества, которые требуются для того, чтобы снискать общее к себе доверие и благорасположение в массах народа. Чем реже встречаются у нас эти качества, тем они выше ценятся. Но прежде и больше всего дворянству дóлжно стараться свято исполнять все свои обязанности относительно крепостных. На этом пункте нельзя довольно настаивать, потому что от него будет зависеть все остальное. Пусть дворянство самым добросовестным образом рекомендует мировых посредников, пусть воспользуется своим влиянием, чтобы разойтись и рассчитаться с крепостными без всякой для них обиды и притеснений. Ничто так не послужит ему в пользу и в настоящем, и в будущем. Справедливый надел землей, возможно скорое отпущение на оброк, добросовестное и честное составление уставных грамот, возможно скорый переход к выкупу крестьян с землей по соглашению или при содей-

ствии казны – вот чего мы ожидаем, чего требуем от дворянства для его же пользы. Чем скорее оно совсем расстанется с крепостным правом, чем скорее из владельцев дворяне обратятся в соседей бывших своих крепостных, тем лучше во всех отношениях, потому что тем скорее у дворянства будут развязаны руки. С прошедшим надобно покончить во что бы то ни стало, хотя бы с пожертвованиями. В крепостном праве весь узел развязки, в его правильном прекращении – ключ к возрождению дворянства и России.

В общественной деятельности дворянству следует стремиться к той же цели. Общественная деятельность должна служить ему средством для сближения с прочими классами народа, для приобретения на них влияния, для занятия во мнении общества того же высокого положения и значения, какое принадлежало ему теперь материально и юридически и которым оно, к сожалению, так дурно пользуется. Множество мест замещается теперь в провинции выборными от дворянства: пусть же оно выбирает лучших людей, самых образованных, знающих, беспристрастных, деятельных, честных. Это внушит общее доверие к дворянскому сословию. Оно по закону может иметь влияние на народное образование и воспитание; пусть же воспользуется этим, чтобы распространять грамотность и просвещение во всех классах народа, пусть заводит школы, улучшает по возможности училища, поощряет частные учебные заведения; чем народ образованнее, тем высшему сословию лучше, тем возможнее сближение классов, тем вернее влияние образованнейшего класса на прочие. Дворянству вместе с другими сословиями представлено по закону участие в составлении смет, раскладке и учете земских сборов на местные потребности; пусть же оно пользуется этим своим правом настойчиво и серьезно; пусть сделается сберегателем общественных денежных интересов – это придаст ему огромное значение в глазах всех платящих, т. е. в глазах всего местного населения, не говоря уже о том, что через сокращение издержек оно само много выиграет в материальном отношении. По своему положению и связям с центральным управлением

дворянство имеет большое личное, закулисное влияние на местное управление и дела; пусть же пользуется этим влиянием не во вред себе, как теперь, не для извлечения минутных выгод и личных протекций, а на общую пользу, для упрочения за собой видного и почетного нравственного положения в глазах целой губернии. Оно имеет право ходатайствовать о своих пользах и нуждах, делать правительству представления, приносить жалобы – пусть же пользуется этим великим правом для блага всех. Что дворянство должно продолжать настойчиво ходатайствовать, представлять, жаловаться; если право на его стороне и оно не выйдет из пределов закона, придется напоследок уважить, особливо когда дворянство всех или большинства губерний будет действовать в одном духе; интриги и происки могут заглушать справедливые желания лишь на некоторое время, а не навсегда; выдержка, твердость, сознание своего права и строгое пребывание в границах закона должны, наконец, восторжествовать над предубеждениями, недобросовестностью и рутиной.

Нужно ли прибавлять, что дворянство должно соединить свои силы, отказаться от теперешней разрозненности, от раздробления на партии, ничего не выражающие, кроме мелких претензий, отсталого местничества и личного тщеславия?

Дельные, серьезные занятия у себя дома хозяйством, общественная деятельность, направляемая общею мыслью, беспрестанные сношения по делам общего интереса – все это свяжет дворян той же местности в одно живое целое и заставит умолкнуть партии, обязанные своим происхождением отсутствию серьезного труда и интереса, праздности и скуке.

Вот чего мы ожидаем и требуем от дворянства во имя собственных выгод, настоящих и будущих. Если не все разделяют наши мысли, то, конечно, найдутся и такие, которые нам сочувствуют. Пусть же те, которые, не увлекаясь ближайшим, смотрят вперед и видят ясно теперешнее критическое положение, употребят все усилия, чтобы раскрыть глаза остальным дворянам, и, действуя на них своим влиянием и примером, положат начало новому быту этого сословия. Медлить не-

чего. Каждая потерянная минута все более и более отдаляет возможность возрождения. Пройдет еще несколько лет, и оно, может статься, окажется невозможным.

V

Многим из наших читателей деятельность дворянства, заключенная в означенных тесных пределах, покажется слишком мелкой и ничтожной. Дворянство, скажут они, готово и на нее, но под условием расширения его прав, установления конституционных гарантий, участия в политической жизни государства. Конституция – вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; о ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия.

Прежде всего уясним себе: что такое конституция? Под это понятие подходят предметы очень разнородные. В обширном смысле под конституцией разумеется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумных, непреложных основаниях и законах, – устройство, при котором нет места для произвола, личность, имущество и права всех и каждого обеспечены и неприкосновенны. Такой порядок дел возможен при всяком образе правления в неограниченной монархии, как и в республике. Блистательным примером благоустроенной и неограниченной монархии может служить Пруссия в последние 30-40 лет до 1848 г. [16] В тесном смысле под конституцией разумеется такое политическое устройство государства, где верховная власть ограничена политическим представительством, палатами или камерами, разделяющими с нею в большей или меньшей степени законодательную и высшую административную власть. Смешение понятия о конституции в этих различных значениях рождает тысячи недоразумений между правительствами и народами, в особенности же между людьми, одинаково желающими добра своей родине.

В каком именно смысле необходима, желательна, своевременна и возможна у нас конституция: в смысле ли внутреннего благоустройства или в смысле представительного правления?

Не только для дворянства, но и для целого народа совершенно необходимы личная и имущественная неприкосновенность, огражденная от произвола и насилия независимым, гласным судом уголовным и гражданским; необходим правильный государственный бюджет, публикуемый во всеобщее известие, и вообще правильное финансовое устройство; необходимо хорошее управление и полиция, действующие по законам, а не по произволу и ответственные перед правильным, объективным судом; необходимы умные, толковые и приспособленные к потребностям страны уголовные и гражданские законы, расширение гласности, развитие народного просвещения в обширных размерах и т. п. Между тем, нельзя не сознаться, что наше управление, и местное и центральное, требуют коренных преобразований; наши законы спутаны и обветшали; наше финансовое положение беспорядочно, расстроено и опасно; судопроизводство никуда не годится; полиция ниже критики; народное образование встречает на каждом шагу препятствия; гласность предана произволу, не ограждена ни судом, ни законом. Во всех этих отраслях нашей жизни заметны тот же хаос, та же безурядица, то же смешение понятий и произвол, как и в наших мыслях, о чем бы мы ни стали рассуждать, – отсюда всеобщее недовольство, брожение умов, стремление к другому порядку дел, высказывающееся все резче и резче, по мере того как время идет, а насущная потребность коренных преобразований в законодательстве и управлении остается неудовлетворенной. Значит ли это, что выход из теперешнего положения невозможен без представительного правления и палат? История всех других континентальных европейских государств, кроме Франции, доказывает противное; всюду преобразования, требуемые временем, совершились до введения политических обеспечений, и потому нет основания считать у нас первые невозможными без последних. Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный поря-

док в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела, должны предшествовать политическим гарантиям, ибо подготовляют и воспитывают народ к политическому представительству. Там, где, как у нас, царствует глубокое невежество, гражданское и политическое растление, где честность и справедливость – слова без смысла, где не существует первых зачатков правильной общественной жизни, даже нет элементарных понятий о правильных гражданских отношениях, там прежде представительного правления и установления палат нужны законодательные реформы; там общество должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие.

Но, скажут нам, как же получить необходимые преобразования, когда они не делаются? Положим, что путь законодательной реформы вернее, прочнее, правильнее, однако когда этим путем ничего не выходит или выходит, но вяло, медленно, неполно, одно и есть средство произвести реформу – это представительное правление, оно разом двинет дело преобразования; иначе мы, очевидно, попадем в заколдованный круг: политические гарантии, говорят нам, невозможны без предшествующей им законодательной реформы, однако и последняя, в свою очередь, оказывается у нас неосуществимой без представительного правления. Как же, спрашивается, выйти из этого противоречия? Значит, на самом деле нам суждено не двигаться с места?

Этот довод, по-видимому, очень убедителен, но при сколько-нибудь внимательном обсуждении дела он разлетается в прах. Необходимые законодательные реформы и у нас, и всюду не столько были плодом прекрасных чувств и благородных мыслей, сколько результатом неотложных, практических потребностей. Когда целый порядок дел или какое-нибудь особливое учреждение, созданные предшествующим законодательством и историей, до того обветшают, что становятся на каждом шагу помехой и для народов, и для правительств, тогда наступает время реформы, которой

уже никто и ничто отвратить не в состоянии. Светлые умы заранее предчувствуют и предсказывают эту минуту; тупые и близорукие держатся существующего порядка, даже когда все видят, что с ним нельзя более уживаться; но отмена его наступает независимо от опередивших и запоздавших в силу неотразимых практических нужд, которые имеют свое развитие и свою судьбу. Многие давно уже предвидели и призывали горячими желаниями освобождение крестьян, многие и теперь еще возражают против него; а оно наступило независимо от желаний одних и сопротивления других в ту минуту, когда массы народа и правительство не могли долее существовать с крепостным правом и теми явлениями, которые оно производит во всех сферах быта и управления. В этом смысле наступление неизбежных преобразований, которых так жаждут все просвещенные и благомыслящие люди в России, которые составляют такую неотложную потребность нашего времени, обеспечено и несомненно, и ничто в мире не отвратит их. Сила обстоятельств и вещей уже требует их с каждым днем настоятельнее. Теперешние предубеждения против реформы, пустые страхи, интриги тех, кому она неприятна и нежелательна или по неспособности и невежеству недоступна, должны скоро рассеяться перед светом истины, очевидной пока для меньшинства, но которая в короткое время станет убеждением всех. Одно освобождение крестьян, не говоря о других условиях теперешнего нашего быта, вынудит реформу как необходимое свое последствие.

Многим этот вывод покажется, быть может, малоутешительным. Они, может быть, найдут, что реформа, потребность которой так настоятельна, откладывается, таким образом, на неопределенное время в долгий ящик; политические гарантии, по их мнению, вернее и скорее подвинули бы это дело.

Может быть, и об этом можно мечтать, но мечта и действительность – вещи совершенно разные. Мы со своей стороны очень мало интересуемся фантазиями; то только и имеет цену в наших глазах, что возможно и достижимо, но возможны ли и достижимы ли у нас политические гаран-

тии в настоящее время? Вот в чем весь вопрос. Мы глубоко убеждены, что нет, а следовательно, и мечтать о них теперь нечего. Чтобы иметь представительное правление, надобно сперва получить его и, получив, уметь поддерживать, а это предполагает выработанные элементы представительства в народе, на которых бы могло твердо и незыблемо основаться и стоять здание представительного правления. Где же у нас такие элементы? Повсеместное, с каждым годом возрастающее брожение умов, на которое иные могут, пожалуй, сослаться, свидетельствует только о пробуждении народа к новой жизни, о насущной потребности коренных реформ в законодательстве и управлении – потребности, остающейся неудовлетворенною, но оно ни в каком случае не есть конституционный элемент. Если, не останавливаясь на поверхности вещей, на словах и возгласах, на отдельных мнениях, которые мы так склонны принимать за мнение всех, мы дадим себе труд вглядеться вглубь и понять настоящее положение вещей в России, что мы увидим? Составных стихий народа у нас две: крестьяне и помещики; о среднем сословии нечего говорить: оно малочисленно и пока так еще незначительно, что не идет в счет. Что касается масс народа, то, конечно, никто, зная их хоть сколько-нибудь, не сочтет их за готовый, выработанный элемент представительного правления. Дай Бог, чтобы эти безграмотные, большею частью бедные, неразвитые массы, лишь со вчерашнего дня вышедшие из рабства, сумели как следует пользоваться своими гражданскими правами и той скудною долею самоуправления, которая им предоставлена законом. Остается дворянство. В наше время трудно себе представить исключительно дворянскую конституцию. Слава Богу, мы живем не в Средние века, не в варварские времена, когда она была возможна. Политические права одного сословия и отсутствие политических прав для всех других – это теперь что-то немыслимое, такое, что встретило бы единодушное противодействие не только со стороны правительства, но и со стороны масс народа и всего просвещенного, либерального в России.

Но допустим даже на минуту, что дворянское представительное правление возможно. Где, спрашивается, в дворянстве элементы для его поддержания? Что уполномочивает нас видеть в этом сословии то твердое основание, тот гранитный пьедестал, на котором могла бы незыблемо покоиться политическая конституция? Все предыдущее изложение доказывает противное. Дворянство материально расстроено, политически стоит изолированно или враждебно с прочими классами, не представляет ничьих интересов, кроме своих собственных, не составляет стройного, органического сословия, не пользуется даже своими сословными правами и участием в местном управлении, как бы следовало ожидать от сословия, призываемого к политической роли в государстве. При таких условиях представительное правление у нас невозможно; мысль о нем не более как праздная мечта, отголосок раздражения и страсти, не взвешивающей настоящего, глубокого смысла слов. Толки о представительном правлении в устах сословия, бессильного привести свою мысль в исполнение, смешны и были бы совершенно безвредны, если бы не роняли этого сословия еще более в глазах правительства и всех понимающих настоящее положение вещей в России. Мы уверены, что если бы каким-нибудь чудом политическая конституция и досталась теперь в руки дворянства, то это была бы, конечно, самая горькая ирония над нынешним жалким его состоянием; она обнаружила бы вполне всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, как много конституций в Европе, не имевших твердых оснований в народе. Стоит только вспомнить конституционную историю Франции [17] и теперешнее ее положение.

Нет, не в бесплодных мечтах о представительном правлении должно искать дворянство выхода из теперешнего своего трудного положения. Ему, прежде всего, надобно самому переродиться, самому расстаться с привычками неумеренной роскоши, дарового добывания денег от крестьян или от службы и правительства, забыть жизнь спустя рукава; ему надо перестать думать только о своих минутных

пользах и выгодах и серьезно подумать о будущем, о пользе других сословий страны, государства; ему надо много трудиться, образовать себя, как следует, привыкнуть действовать по началам строгой справедливости и беспристрастия в ежедневном частном быту, в убеждении, что только труд, знание и безусловная добросовестность ставят сословие высоко в мнении народа и доставляют ему влияние и власть. Переродившись нравственно и поправив свои материальные средства, дворянство найдет на первый раз обширное и достойное поприще для гражданской деятельности в сфере провинциальной, губернской, где теперь столько дела и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется деятельно высшее, образованнейшее сословие. Сделать провинциальную жизнь не только возможной и сносной, но даже удобной и приятной – вот ближайшее призвание дворянства, и, повторяем, это оно может сделать, на это оно имеет все средства. Россия еще во всех отношениях – печальная пустыня; ее надо сперва возделать, начиная дело снизу, а не сверху. Когда жизнь мало-помалу отвлечется от столиц и больших центров в провинцию, тогда произойдет и желаемая всеми административная децентрализация. Во всяком случае самоуправление – эта любимая мечта всего просвещенного и либерального в России – может начать осуществляться пока только в провинции, при деятельном содействии дворянства. В этой плодотворной школе оно и приготовится, как следует, к дальнейшей более обширной политической деятельности, которая без того навсегда останется неосуществимой фантазией. Опыт показывает, что даже в небольших государствах невозможна гражданская и политическая свобода без сильного развития местных интересов и местной жизни; как же будет она возможна без этого условия в такой огромной Империи, как Россия? Будем же благоразумны и, не растрачивая напрасно сил на идеалы, займемся тем, чем можно и что у каждого из нас под руками. Время принесет свое, когда мы будем готовы. От нас зависит, ускорить или замедлить его ход.

Главы из книги «Крестьянский вопрос: Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян

Давно и много жалуются у нас на недостаток свободы печати, который существенно мешает правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства. Но ни в чем этот недостаток не принес столько зла, как по крестьянскому вопросу. Благодаря невольным умолчаниям или совершенному молчанию, у нас до сих пор нет правильного, спокойного, беспристрастного взгляда на этот предмет. Полезные, вполне безвредные и безобидные мысли не могли высказаться, а явно ошибочные и пристрастные, опровергаемые всем ходом русской истории, наукой и опытом, чужим и нашим, напротив, пользовались в печати совершенной свободой и высказывались подчас так откровенно и торжествующе, что невольно думалось, будто они пользуются со стороны цензурного ведомства особенным благоволением и покровительством. Такое предположение, конечно, было неосновательно; ему противоречило все наше законодательство, перестроившее с 1861 г. наш гражданский быт, но разлад между законодательною деятельностью и цензурными распоряжениями поддерживал недоумения относительно истинного смысла и значения крестьянского вопроса в России. В самом деле: как было не спутаться, не сбиться с толку, когда Положения 19 февраля 1861 г. и целый ряд последующих преобразований признали крестьян граждански свободными, а говорить в печати с сочувствием о крестьянах считалось неблаговидным, приводить доводы в пользу общинного владения, которого великорусские крестьяне до сих пор цепко держатся, было чуть-чуть не равнозначительно с провозглашением коммунистических теорий; доказывать, что крестьянские земельные наделы недостаточны, что лежащие на крестьянах подати и повинности обременительны, что необходимо допустить организовать переселение крестьян

из малоземельных губерний – значило заявлять себя политически неблагонадежным! Как было не помутиться взглядам, когда законодательные акты водворяли убеждение, что свободное состояние крестьян есть благо для русского государства, условие его правильного развития и процветания, а между тем, нельзя было ничего сказать в подтверждение этого взгляда, и, напротив, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся в печати взгляд, что крестьяне – непробудные пьяницы, лентяи, плуты и воры, с которыми нельзя иметь никакого дела; что помещичьи хозяева пришли в упадок от крайней недобросовестности наших рабочих, с которыми совершенно немыслимо сколько-нибудь правильное хозяйство!

Последствия этих двух различных течений в законодательстве и административных распоряжениях по делам печати были самые горестные. У огромного большинства владельцев, не сочувствовавших отмене крепостного права в том виде, как оно совершилось, и у весьма значительного числа административного персонала, все более и более пополнявшегося недовольными этой реформой, возродилась благодаря этому обстоятельству надежда, что если новые законоположения и не будут совершенно отменены, то, по крайней мере, на деле будут допущены существенные отступления от их духа и буквы. Горячие желания и надежды такого рода, казалось, были не совсем напрасны. Где только можно было, Положения 19 февраля и последующие крестьянские законоположения применялись не в пользу крестьян, а в пользу владельцев; укрепление за крестьянами земель, купленных в прежнее время на их деньги, часто отклонялось под самыми ничтожными предлогами; наделы отводились вопреки смыслу Положений к невыгоде крестьян и к выгоде владельцев, выкупные платежи и оброки взыскивались с беспощадной и разорительной строгостью, причем не обращалось никакого внимания на обстоятельства, делавшие рассрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой в видах сохранения платежных сил крестьян на будущее время. Всякие приемы с целью обмануть крестьян при отводе им надела, по возможности стеснить их, устано-

вить экономическую их зависимость от владельцев не только считались позволенными, но владельцы и управляющие ими гордились и хвастали. Незаметное, почтенное меньшинство помещиков и должностных лиц, не сочувствующих такому обороту крестьянского дела, мало-помалу устранились или были устранены от всякого в нем участия.

Всего этого, разумеется, никак нельзя было ни ожидать, ни предвидеть, судя по началу разрешения крестьянского вопроса. В начале сангвиники и добродушные, непрактические идеалисты – сознаемся, и мы когда-то принадлежали к их числу, – мечтали о том, что владельцы воспользуются отменой крепостного права для установления иных отношений к сельскому населению, чем прежние; что они горячо примутся за поднятие умственного и нравственного уровня новых граждан, помогут стать твердой ногой посреди новых условий быта и теснейшим образом свяжут свои интересы с ихними. Такой способ действий указывался самым ходом вещей, логикой событий, но, к сожалению, не таков он был на самом деле. В действительности случилось то, чему, по состоянию нашей культуры, конечно, и следовало быть. Огромное большинство владельцев, не обременяя себя заботой о будущем, не думая поступиться ни одной из прежних своих привычек ввиду новых обстоятельств, жило со дня на день по возможности по-старому, вело упорную и бесплодную экономическую борьбу с бывшими своими крепостными – словом, делало все то, что делают люди, не приготовленные солидным образованием, серьезной мыслью и деятельностью к эре новой гражданской жизни, которая наступила и которую все давно предсказывало.

Но из этого вышло коренное зло и для владельцев, и для крестьян. Те и другие обеднели, множество их разорились вконец. Владельцы и крестьяне могут при новом порядке дел хорошо устроиться только при взаимной тесной связи и поддержке. Они беспрестанно нуждаются во взаимной помощи, а это уже предполагает теснейшую между ними связь и благорасположение. Всякому хозяйству нужны рабочие; крестьянину, по его

безграмотству, невежеству и бедности, нужны совет, помощь, поддержка, а часто и защита людей образованных и влиятельных, каковы в большинстве владельцы имений. Мало-мальски устроенное хозяйство доставляет своими оборотами заработки окрестному сельскому населению и представляет наглядный пример правильных хозяйственных примеров и порядков, которым большинству сельского населения негде больше и научиться. Таким образом, тесная нравственная и экономическая связь владельцев с крестьянами есть одно из первых условий нашего развития и благосостояния, без которого они немыслимы или, по крайней мере, должны замедлиться на многие и многие десятки лет. Но об экономической и нравственной связи с крестьянами большинство владельческого сословия и не думало. Слепо и близоруко бросилось оно всячески наверстывать то, чего лишилось вследствие освобождения, и тем поставило себя с соседним, бывшим крепостным, населением в натянутые и холодные, подчас прямо враждебные отношения. Результатом был упадок владельческих хозяйств. Множество владельцев побросали свои имения и разбрелись по столицам или чужим краям. «Абсентизм» владельческого сословия имел для провинции, по изложенным выше причинам, самые печальные последствия, но винить в нем одних крестьян и рабочих нельзя. Значительнейшая доля вины падает на само владельческое сословие, его неподготовленность к новому порядку дел и к серьезному, просвещенному и настойчивому труду.

Кроме этих причин, приведших крестьянскую реформу совсем не к тем последствиям, на какие все рассчитывали, была и другая – именно: совершенное незнание в высших административных и интеллигентных слоях русского общества нашего сельского люда и вследствие того – совершенно ошибочные о нем представления. Практически у нас знают крестьян только те, кто по необходимости и роду занятий находится с ними в более или менее частных деловых сношениях: именно местные помещики, низшее духовенство, военные, имеющие непосредственное дело с солдатами, купцы, промышленники, уездные чиновники и т. п. Но в этих слоях редко кто старается

осмыслить, свести к общим выводам свои наблюдения. Что же касается высшего административного персонала и интеллигенции, пополняемых преимущественно людьми, живущими почти безвыездно в столицах или за границей и имеющими с крестьянами лишь редкие и случайные сношения, то этот слой общества почти их не знает и судит о них лишь по отрывочным впечатлениям или по словесным и печатным рассказам, которые, кстати заметить, сравнительно недавно серьезно занялись деревней и ее обитателями. Такой крайне скудный и недостаточный материал сведений дополняется и поясняется отчасти цветами воображения, отчасти представлениями о европейских народных массах. Но европейская литература и наука отчетливо различают народ городской и сельский. Там, где последний не успел еще распуститься в первом, тот и другой отличаются друг от друга резкими чертами и представляют в психическом и социальном отношениях особые, своеобразные типы, очень непохожие друг на друга. Европейцу и в голову не придет смешать мужика-земледельца или кустаря с городским рабочим и пролетарием; мы же в большинстве случаев мало обращаем внимания на это различие. Говоря о народе в Европе, мы обыкновенно имеем в виду городское население – главного деятеля современной западноевропейской истории, который придал свой характер и свою печать всему теперешнему быту Западной Европы. Но положение тамошних дел, смотря по взгляду, возбуждает у нас, как известно, или самые глубокие, искренние сочувствия и светлые надежды в будущем, или, напротив, внушает ужас, отвращение и наводит на мрачные мысли и предчувствия. Прибавим к этому поверхностное знакомство с русской историей, которую, правду сказать, и до сих пор нельзя ни узнать, ни в особенности понять из книг, несмотря на то, что ею теперь много и усердно занимаются. Каковы же могут быть при таких условиях наши взгляды на крестьянство и наши понятия о русском простом народе? Они поражают своей фантастичностью и нелепостью. Что для владельцев, которые не сумели поладить с мужиками и вследствие того разорились, сельский люд представляется каким-то извергом, отребьем

рода человеческого, лишенным всяких понятий о законе, нравственности, справедливости и долге, – это, положим, понятно. В них говорит страсть, злоба. Но послушайте друзей и врагов крестьянства по принципу – и у вас невольно руки опустятся. Они, как есть, ничего не понимают в мужике!

Для одних наши крестьяне чуть-чуть не аркадские пастушки. Эти друзья крестьян добродушно переносят в село и деревню сцены из «Жизни за Царя» [1] и театральные дивертисменты. Приторную фальшь и маниловщину этих представлений обильно питают иллюстрации и детская литература. Добрые люди, составившие себе идиллические представления о деревенских Вахромеях и Маланьях, горько разочаровываются, приходя в соприкосновение с действительным сельским людом и зачастую быстро превращаются в ярых его ненавистников и презирателей. А кто в этом виноват? Уж, конечно, не крестьяне.

Другие из самых почтенных побуждений переносят на крестьян все самые светлые и высокие идеалы человеческого совершенства. Правда, сознаются они, во внешних своих формах, в бытовых условиях и отношениях крестьяне не всегда выказывают сокровища, сокрытые в их нравственной природе, но формы, условия и отношения – одна внешняя формальность, дело наживное и потому не особенно важное. Важно сердце, ум, душа, а они у крестьян самые идеальные, неподражаемые, превосходные. Многие из поборников таких воззрений в пламенном энтузиазме восклицают: не у нас, образованных людей, учиться крестьянам, а нам у них! Но даже при самом невыгодном понятии о нравственности образованных слоев нашего общества нельзя согласиться с таким взглядом, сколько бы мы ни приводили в своем уме и совести смягчающих обстоятельств в пользу сельского люда. Некрасива нравственность нашего так называемого культурного слоя и интеллигенции; да некрасива же она, надо сказать, и у наших крестьян. Обе хуже! Самое дурное то, что за такими туманными сентенциями, неизвестно к чему именно относящимися, обыкновенно, всего чаще бессознательно, скрывает-

ся желание возвести в идеал формы быта, воззрений и отношений, которые роковым ходом развития и истории осуждены переродиться и уступить место другим. Возьмем для примера хоть воспетый поэтами и прославленный моралистами патриархальный быт многочисленных семей под властью одного престарелого и почтенного домохозяина. Слов нет, эта форма быта при известных обстоятельствах и условиях может быть идеально прекрасной. Но ведь мы знаем из тысячи наблюдений, что она имеет свое начало и свой конец. Неизбежная везде индивидуализация рано или поздно разрушает ее и создает на ее месте быт, построенный на индивидуальной самостоятельности людей. Как все на свете, последний имеет свои несомненные достоинства и свои столько же несомненные органические недостатки. В своем роде быт, построенный на индивидуализме, может быть так же хорош, как патриархальный, когда люди стоят высоко в умственном и нравственном отношении. Смотря на вещи просто, надо, когда одна форма быта падает, а другая нарождается, напрягать все силы, чтобы переход совершился по возможности правильнее, постепеннее, без скачков и перерывов, тягостных и вредных для роста общества. Но раз известные формы быта и воззрений признаются нами идеальными, мы невольно относимся равнодушно или отрицательно и даже враждебно ко всем другим, и вместо того чтобы приготовиться, как следует, к новым условиям существования, остаемся при идеальном созерцании того, что ушло или уходит и никогда более не возвратится.

Но самый обыкновенный и распространенный у нас взгляд на наш сельский люд есть тот, который сознательно или бессознательно переносит на крестьянина европейское понятие о простом народе, а под ним обыкновенно подразумеваются жители городов и городские рабочие. В Европе такое понятие совершенно естественно. Там весь быт определился по городскому типу и под его влиянием: тип сельчанина удален на второй план и не играет роли. У нас такое понятие в применении к народным массам не имеет смысла, а между тем оно-то и лежит в основании взглядов, рассуждений и выводов огром-

ного большинства образованных и мыслящих людей и служит исходной точкой законодательных и административных мероприятий. По этому взгляду предполагается, что большинство наших крестьян не только грамотны, но и имеют некоторый недостаток, что они не только знают свои права, но и вполне способны цепко за них держаться и их защищать в случае нарушения; что им, следовательно, не только не нужна опека, но подобно всем прочим классам и сословиям, не нужны ни поддержка, ни покровительство. Но отсюда вот что произошло:

– до освобождения крестьян от крепостного права и правительственной опеки у них были свои защитники в лице помещиков, коронных стряпчих и других чиновников. Теперь они совсем предоставлены собственным силам, и им не к кому обратиться за помощью и защитой;

– прежде обедневшие от малоземелья крестьяне переселялись помещиками и Министерством государственных имуществ [2] в многоземельные губернии с разными пособиями и льготами и с устройством их на новых местах. Теперь забота об этом снята и с помещиков, и с ведомств. Крестьяне могут устраиваться при недостатке земли, как знают;

– прежде на суде гражданском и уголовном их руководили и защищали помещики и чиновники, под опекой которых они находились; теперь их никто не руководит и не защищает. Они предоставлены исключительно одним своим силам и средствам. Особенно на суде гражданском при господствующей теперь строго состязательной форме судопроизводства они по бедности и невежеству проигрывают процессы, в которых вся правда на их стороне, – и никому нет до этого никакого дела;

– прежде помещики и разные ведомства, от которых зависели крестьяне, старались в собственном интересе, чтобы бремя податей и повинностей не было для них слишком обременительно. Теперь и до этого нет никому никакого дела, вследствие чего сборы с крестьян с 1861 г. увеличились в пять, в шесть и более раз против прежнего;

– прежде в случае чрезвычайных бедствий и нужд, как-то: наводнений, потери скота и лошадей от падежа или коно-

крадства, в случае разных несчастий, постигавших не целый край, а одну деревню или одного домохозяина, – крестьянам было к кому обратиться за помощью. Теперь они получают помощь только в случае общих пожарных бедствий и голодух; когда же их постигают частные невзгоды, разоряющие часто дотла, им не к кому прибегнуть за помощью, и опять-таки никому нет никакого до них дела.

Вот что принес нашим крестьянам взгляд на них как на граждан в европейском смысле. Они получили все гражданские права и юридические свободы, а экономически они лишены всякой поддержки и помощи и пришли в худшее положение, чем были до отрезки наделов, отнятия лесов и значительного возвышения сборов и повинностей.

Знаем, что защита и помощь крестьянам со стороны помещиков и чиновников были не Бог весть какие; знаем, что под предлогом покровительства над крестьянами совершались негодные дела и творились большие злоупотребления; знаем также, что помощью и защитой далеко не окупались стеснения и лишения, которым крестьяне подвергались вследствие крепостной зависимости и административной опеки. Но все же помещики и ведомства были более или менее заинтересованы в том, чтобы крестьяне не были разорены вконец: первый – хозяйственным расчетом, последние – страхом суда и ответственности. Главное же то, что в законе возводилось в принцип, что экономический быт крестьян требует поддержки и помощи, что они должны быть оберегаемы и защищаемы. Но из нового законодательства этот принцип вычеркнут, и о нем нет больше помину. «Думай и заботься сам о себе, как хочешь; а если пропадешь – тем хуже для тебя», – вот девиз нового законодательства о крестьянах, выведенный последовательно и логически правильно из представлений о них как о самостоятельных и полноправных гражданах в европейском смысле. Кроме щеголеватой формы, оно, это представление, оказывалось и с практической стороны очень удобным. Во-первых, оно совершенно освобождало администрацию от массы скучных забот о сельском населении; а во-вторых, оно давало быв-

шим помещикам желанную возможность без особенного труда и хлопот заменить упраздненную юридическую зависимость крестьян зависимостью экономической, более благовидной и, на первый взгляд, более выгодной, чем обветшалое, уродливое и до наивности простодушное крепостное право.

Взгляд на наш сельский люд как на простой народ – чернь в европейском смысле – имеет у нас тоже своих энтузиастов. Мы слышали, что в Европе чернь представляет беспокойную массу людей, недовольных своим положением, готовых при малейшей искре обратиться в огнедышащий вулкан, опасный для государства и существующих в нем порядков; что массы народные – элемент вечного движения, которому, чтобы удерживать его в границах, необходимо пр<отиво>поставить оплот консервативных сил, каковыми являются крупное землевладение, капитал и высшая интеллигенция. Нашлись люди, которые целиком перенесли и это воззрение на наш деревенский люд. На этом воззрении построены, например, удивительные политические комбинации генерала Фадеева [3] в книге «Чем нам быть». По его мнению, наше крестьянство – клокочущий кратер, готовый каждую минуту произвести взрыв и разрушить наш политический и гражданский строй. До таких поразительных нелепостей, сколько нам известно, никто еще у нас не договаривался, за исключением только сотрудников и покровителей газеты «Весть» [4]. Генералу Фадееву принадлежит, бесспорно, честь, что он из ошибочной предпосылки логически вывел ее крайние последствия. Зато из той же предпосылки были с той же строгой логикой выведены совсем другие крайние последствия, за что мы поплатились нашими лучшими талантливейшими молодыми силами, целым поколением, погибшим жертвой иллюзий, одинаковых по исходной точке с иллюзиями генерала Фадеева. Невольно вспоминается при этом замечание И. С. Аксакова [5], обращенное много лет тому назад к нашим консерваторам фадеевского пошиба: «Вы оделись в белый цвет; не удивляйтесь же и не сетуйте, что другие наряжаются в красный». В самом деле, в основе тех и других воззрений лежит одна и та же роковая ошибка. Бла-

годаря ей, и ей одной, наш крестьянский люд со времени его раскрепощения был забыт, для него ничего не сделалось, всевозможной его эксплуатации со всех сторон открыт полный простор. Все, имевшие случай близко видеть положение крестьян и смотревшие на вещи просто, с горестью видели, как наши крестьяне быстро беднели, как число скота и лошадей у них уменьшалось и пашня приходила в запустение, как многие из исправных хозяев обращались в бездомных бродяг. Об этом крестьянском горе твердилось ежедневно чуть ли не во всех газетах и во многих журналах в виде известий, рассказов и повестей. Но те, которые об этом говорили и напоминали, считались пессимистами, раздувавшими частные случаи в общенародное бедствие, – кто знает, может быть, с преступными целями возбудить общую тревогу и вражду сословий! Так отыгрывались мы от беды, которая все росла и росла, разъедая быт крестьян, подтачивая под корень живые соки и силы государства. Наконец, зло, возрастая, начало мало-помалу выступать в таких явлениях, значение которых уж никак нельзя было истолковать злонамеренностью провинциальных репортеров и столичных литераторов. Неурожаи, повальные болезни людей, падежи скота, распространение вредных насекомых, слабость, хилость молодых людей, призываемых к отправлению воинской повинности, стали быстро переходить из случайных фактов в постоянные и периодические. Нынешний тяжелый год переполошил всех. Но открыл ли он всем глаза? В этом позволительно сомневаться! Мы все еще смотрим на указанные невзгоды как на случайные явления, приписываем их разным неблагоприятным атмосферическим и другим подобным условиям и все надеемся: авось, Бог даст, они не повторятся в будущем году – и все пойдет у нас отлично! Но напрасны такие надежды! Не будучи пророком, можно предсказать заранее, без ошибки, что пока наш взгляд на крестьян, а с ним и наши отношения к крестьянскому вопросу не изменятся коренным образом, до тех пор ничто у нас не переменится к лучшему, напротив, все будет из года в год идти хуже и хуже. Случайно выпадет порядочный урожай, но на один такой урожай число

следующих на зимы неурожаев будет все увеличиваться. И чем дальше мы будем откладывать решительные меры против органического недуга, который нас гложет, тем труднее будет с ним бороться. Со случайным недородом хлебов и бедствиями, которые его сопровождают, можно легко справиться в стране богатой и экономически устроенной; но где он падает на обеднелый народ и истощенную почву, там действие его сокрушительно: это все равно что болезнь, постигающая надломленный и расслабленный организм.

Теперь, когда условия печати улучшились и говорить о сельском населении с участием перестало в глазах подлежащей администрации считаться признаком превратного и опасного образа мыслей, крестьянский вопрос, как и следовало, сразу занял в печати одно из самых видных мест. Земства и экономические общества занялись им тоже весьма серьезно в последнее время. Наконец, судя по некоторым признакам, само правительство снова обратило на него особенное внимание. При таких обстоятельствах, может быть, небесполезно будет сгруппировать и подвергнуть критической проверке как ходячие у нас воззрения на крестьянство, так и меры, предлагаемые для поднятия и устройства у нас крестьянского быта. Осветить настоящее значение у нас крестьянского вопроса и установить правильную точку зрения для его беспристрастной оценки – это, по нашему глубокому убеждению, несравненно важнее, чем даже выработать ряд мер для его правильного разрешения. Пренебрежение, в котором этот вопрос находится у нас, к несчастию, слишком долго, и которым искусно воспользовались своекорыстие и хищничество, к очевидному вреду государства и всего населения, было прежде и больше всего результатом совершенно ошибочного и превратного взгляда на сельский люд вообще и в особенности у нас. Мало того: мы не впадаем в преувеличение, утверждая, что добрая половина путаницы вообще в наших понятиях, хаоса в наших головах относительно наших общественных и политических вопросов и задач, имеют свой источник, главным образом, в неясном или ошибочном понимании крестьянского вопроса, как он поставлен историей

в России. Поэтому теперь самое время каждому, кто думал об этом предмете, высказать свой взгляд и отдать его на общее суждение. Пока у нас не выработается определенных, ясных понятий о крестьянстве и крестьянском вопросе, до тех пор мы будем, как доселе, шататься из стороны в сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, незаслуженному испытанию, а весь наш быт – весьма серьезной опасности.

Какая желательна форма крестьянского землевладения

С дополнением, где нужно, наделов земледельцев и правильным устройством их землевладения должно идти рука об руку более точное и обдуманное определение прав земледельцев на отведенные им наделы. В основных законоположениях, создавших в минувшее царствование класс свободных земледельцев в России, допущены были по этому предмету крупные ошибки, а последующее развитие крестьянского дела вместо того, чтобы их исправить, только усугубило их под влиянием односторонних воззрений, свидетельствующих о непонимании задачи и незнании быта нашего земледельческого населения.

Огромное большинство великорусских и белорусских крестьян крепко держится до сих пор за общинное землевладение. Несмотря на то, что об этой форме пользования землей написано уже много, и она еще недавно была предметом горячей полемики, продолжающейся отчасти и теперь, мы все еще не довольно ее знаем и понимаем. Причина заключается в тех же глубоких недоразумениях, которыми окружены все важнейшие русские вопросы. Недоразумения эти, до того переплетенные с разного рода задними мыслями и заподозриваниями, обратившимися у нас в хроническую болезнь, что отчаиваешься в самой возможности когда-нибудь из них выпутаться.

Глубокие знатоки быта великорусских и малороссийских крестьян пришли к такому заключению: малороссияне больше дорожили личной свободой, великорусы – землей; оттого у первых развилась личная поземельная собственность, у вторых

она не существует и заменяется общинным землевладением. Последствием было то, что в Малороссии есть безземельные крестьяне и число их растет; а у великорусов безземелье при общинном владении является редким исключением.

Так действительно и было до отмены крепостного права.

С освобождением земледельческого населения от крепостной зависимости и административной опеки, естественно, возник вопрос: какая же форма землевладения желательнее для упрочения и улучшения быта землевладельцев?

Огромное большинство наших образованных и мыслящих людей ставило и решало этот вопрос так, как он был поставлен и решен в Европе. По этому взгляду, общинное землевладение есть непреодолимая преграда для развития гражданской и экономической свободы, для успехов земледельческой производительности и правильного сельского хозяйства, наконец, для установления правомерных отношений между людьми. Общинное землевладение, говорят поборники этого взгляда, везде существовало во времена варварства и везде с успехами гражданственности заменено личной поземельной собственностью. Стало быть, тем же путем должны идти и мы.

Под влиянием таких воззрений составлены Положения 19 февраля. Уступки сделаны в пользу существующих у великорусских и белорусских крестьян понятий и привычек, которых закон не хотел изменять насильственно. Но в Положениях 19 февраля всюду просвечивает убеждение, что с успехами гражданственности сами крестьяне захотят отказаться от общинного землевладения, и закон указывает им разные способы к выходу из этого порядка пользования землей.

Однако никто еще не опровергал и не мог опровергнуть наблюдения, что начало личной поземельной собственности действует на мелкое землевладение разрушительным образом. Право личной собственности обращает землю в предмет купли и продажи, в товар, который под влиянием неравной конкуренции между богатыми и бедными мало-помалу переходит в руки первых, сосредоточивается в них и рано или поздно отдает в их власть обезземеленные и обездоленные массы, ко-

торые вследствие того обращаются в батраков и пролетариев. Что это не одно предположение, а действительный факт – подтверждается бесчисленными наблюдениями не только в Малороссии, но и в Западной Европе. В странах с высшей культурой значительная часть населения притягивается фабричной и торговой деятельностью, этим отчасти парализуются, отчасти скрадываются от глаз вредные последствия обезземеления; но там, где промышленность и торговля мало развиты и требуют немного рук, где большинство населения кормятся от земли, там расстройство мелкого поземельного владения гибельно отзывается на благосостоянии и быте народных масс.

Эти различные наблюдения и выводы из своих и чужих опытов послужили основанием для различных воззрений на устройство нашего крестьянского землевладения.

Те, которые видят в землевладении залог прочного обеспечения и будущего благосостояния крестьян, стоят горой за общинное землевладение и хотели бы заменить им между крестьянами личную поземельную собственность даже там, где последняя успела уже прочно укорениться. Люди культурных стремлений вообще, без определенной программы, желали бы отмены общинного землевладения как существенной помехи индивидуальному развитию и успехам сельской промышленности. Наконец, те, которые видят залог благоустройства государства в сильной поземельной аристократии или богатой буржуазии, представительнице промышленности, торговли и капитала, и подавно желали бы скорее отделаться от общинного землевладения, которое, правда, доставляет жалкое прозябание народным массам, но зато не дает сложиться и устроиться тем высшим слоям общества, без которых, по их мнению, немыслимо развитие и процветание государства.

Каждое из этих воззрений отстаивает свою более или менее ясно сознаваемую программу всеми способами, не останавливаясь ни перед какими. Послушать одних, защитники общинного владения – ярые демократы, социалисты и коммунисты или поборники варварства и азиатского строя жизни, враги культуры и прогресса; в устах других противники об-

щинного землевладения – крепостники, олигархи, люди, приносящие народные массы в жертву себялюбивой аристократии и бездушному золотому мешку, или же пустоголовые болтуны, отказавшиеся от своей народности, поющие с чужого голоса, раболепные прислужники западноевропейской цивилизации.

Кто прав и на чем остановиться посреди этих разнообразных мнений, недоразумений и инкриминаций? Вот вопрос, который прежде всего предстоит разрешить.

Если, как доказывают факты, общинное владение есть наилучшее, наидействительнейшее средство против обезземеления народных масс и сосредоточения землевладения в руках немногих капиталистов, во вред и ущерб большинству населения, то общинное владение необходимо не только сохранить, но поддержать и утвердить законом. Особенно это необходимо у нас, при малом развитии перерабатывающей промышленности и торговли и при громадном преобладании земледельческого населения, которое, как мы старались показать в первой главе, составляет характеристическую особенность русского государства.

Но если общинное землевладение представляет твердый оплот против обезземеления народных масс, то оно в теперешнем своем виде, несомненно, имеет и весьма существенные неудобства. Участник общинного землевладения связан по рукам и ногам; он не может возделывать своего участка, как бы ему хотелось, а должен волей-неволей подчиниться порядку полеводства, которого держатся все прочие члены одного с ним общества. При таких условиях личный почин в улучшении хозяйства невозможен: надо, чтобы все сельское общество признало необходимость такого улучшения, а это делается нескоро, тем более что при невозможности отдельных личных попыток улучшить хозяйство и поставить его на другую ногу у большинства не может быть перед глазами образцов, которые побудили бы его последовать хорошему примеру. Оттого это большинство, как мы и видим, упорно и насильно остается при старых полевых порядках гораздо дольше, чем бы того требовали его собственные очевидные выгоды. Мало того, при

повсеместных теперь – в обществах с общинным пользованием землей – более или менее частных переверстках земельных участков между хозяевами и переделах всей земли по числу душ или работников никто из хозяев не может быть уверен, что его тщательно унавоженные и обработанные пашни не достанутся нынче-завтра другому в обмен на истощенные, запущенные и дурно обработанные. В обществах, где ожидается передел земли, хозяева задолго перестают вывозить в поле навоз из опасения, что его трудами и затратами может воспользоваться нерадивый и беспечный хозяин. Такие примеры мы имеем у себя перед глазами – говорим на основании фактов. Очевидно, что подобные условия крайне неблагоприятны для сельского хозяйства и положительно мешают его развитию.

Поборники общинного владения возражают против этого, что оно, однако, уживается даже с высшими видами сельскохозяйственной культуры, и в доказательство указывают на местности, где крестьяне разводят исстари в полевом наделе аптекарские растения, огородные овощи, даже плодовые деревья и кусты, оставаясь, однако, при общинном землевладении. Но это возражение ничего не доказывает. Приводимые примеры относятся к тем местностям, где целые селения занимаются названными отраслями сельского хозяйства, составляющими, таким образом, постоянный общий промысел всех жителей селений. А когда все хозяева занимаются одной и той же полевой культурой при помощи одних и тех же приемов, переверстка и передел земли, разумеется, не могут иметь дурного влияния на промысел, точно так же, как земля, дающая обильные урожаи без удобрения и при самой первобытной обработке, может переделяться и разверстываться между хозяевами без всякого неудобства. Обе крайние степени культуры, высшая и первобытная, в данном случае сходятся, но обе, очевидно, предполагают, что все без исключения участники общинного владения одинаково занимаются одной и той же культурой, или что, напротив, земля не требует больших за собой хлопот. Но когда она требует тщательного удобрения и обработки и хозяева захотят вести полеводство каждый по-своему или заниматься на

своих участках разными отраслями сельского хозяйства, тогда теперешнее общинное пользование, очевидно, делается помехой и задержкой для успехов земледелия и для частного индивидуального почина, направленного к усовершенствованию существующих способов культуры и введению улучшенных.

Итак, или обеспечение земледельческих масс от обезземеления, но с пожертвованием индивидуальной самостоятельностью и усовершенствованием земледелия и сельского хозяйства, или развитие индивидуального почина между крестьянами, извлечение из земли возможно большего дохода при помощи улучшенной культуры, но с введением между крестьянами личной поземельной собственности и отменой общинного землевладения, а следовательно, прочной и надежной гарантии против обезземеления. Вот в каком виде ставится теперь вопрос. Никакой середины, по общему убеждению, нет и быть не может.

Действительно ли это так? В самом ли деле общинное землевладение и улучшенная культура исключают друг друга?

Мы думаем, что в действительности никакого противоречия между успехами земледелия и обеспечением землею народных масс нет, что оно существует только в нашем воображении, возникло из совершенно ошибочной постановки вопроса, вследствие того только, что мы ложно понимаем общинное землевладение. Все почему-то уверены, что оно определяет права крестьян на землю, а между тем всем известно, что оно возможно на землях, занимаемых сельскими обществами на совершенно различных правах – на собственной и на чужой земле, арендуемой или отведенной в надел крестьянам во владение и в пользование из земель частных и государственных. Стало быть, общинное землевладение установляет не права на землю, а только известный способ владения и пользования ею, и притом не вообще, а только между теми, кто ею владеет сообща. Что только способ владения и пользования землею, обычный между великорусскими и белорусскими крестьянами, который мы называем общинным, составляет существенное препятствие для успехов земледелия – в этом очень легко

убедиться из следующего. Представим себе, что земля, состоящая в общинном владении крестьян, обратилась в их личную собственность, и за каждым из хозяев закреплен тот надел, которым он теперь владеет и пользуется на общинном праве: станут ли оттого для крестьян сельскохозяйственные условия лучше? Нимало; земельный надел, раздробленный на мелкие полоски во всех трех полях и клинах, на которые раздроблены поля, одинаково неудобен для сельскохозяйственных улучшений, на каком бы праве крестьянин им ни владел. Чтобы сельскохозяйственные улучшения были возможны, нужно уничтожить чересполосицу, по крайней мере раздробленность пашни на чрезмерно малые участки, отменить или хотя бы сделать крайне редкими переверстки наделов и переделы пашни по душам. Следовательно, условиям улучшенного земледелия противоречит общеупотребительный теперь между крестьянами способ распределения земли, в особенности пашенной; поэтому способ может измениться и при общинном землевладении, чему мы и видим нередкие примеры. Так, в различных местностях сами сельские общества мирскими приговорами постановляют производить переделы пашни в промежутки времени не ближе 15 лет. Знаем также, что между крестьянами некоторых селений уже придуманы разные меры для устранения при переделах пашен несправедливого обмена тощей и дурно обработанной земли на хорошо удобренную и возделанную. В некоторых местностях уже возникает мысль о крайнем неудобстве разделения пашни на мелкие полоски и о необходимости разбить ее на более крупные загоны. Отсюда видно, что общинное владение допускает различные способы пользования землей и не связано, как многие думают, с теми, которые теперь господствуют между великорусскими и белорусскими крестьянами. Поэтому не общинное землевладение, а крайне низкий уровень сельскохозяйственных сведений и понятий препятствует у крестьян успехам земледелия. Настаивающие на отмене общинного землевладения как главной помехи усовершенствованиям сельского хозяйства в народных массах и указывающие на водворение права личной по-

земельной крестьянской собственности как на существеннейшее условие для поднятия у нас земледельческой культуры обнаруживают этим незнание и непонимание дела, о котором судят так решительно. Все зависит, повторяем, не от права на землю, а от способов пользования ею. Можно и при общинном землевладении создать самые благоприятные условия для успехов сельского хозяйства; точно так же и при полном господстве личной поземельной собственности может существовать такой распорядок владения и пользования землею, при котором немыслима правильная и успешная эксплуатация земли. Если, как мы видели, общинное землевладение не определяет вовсе прав на землю, а только способ ее распределения между соучастниками, то по какой, спрашивается, логике право личной поземельной собственности может устранить неудобства общинного владения? Логики во всем этом нечего и искать. Весь спор между поборниками и противниками теперешних сельскохозяйственных и земельных порядков у наших крестьян есть непрерывный ряд поразительнейших недоразумений, которые так перепутались и смешались, что нет почти никакой возможности из них выбраться.

Попытаемся пролить некоторый свет в эту темную область, созданную нашим незнанием, непониманием, неуменьем рассуждать логически и научно правильно и современными европейскими реакционными и прогрессивными стремлениями, как они отразились в наших русских головах. Чтобы сколько-нибудь выразуметь эту путаницу, в высшей степени характеристическую для нашего времени, придется начать издалека, с древнейшей эпохи русской истории.

На основании фактов, добытых исследованиями, развитие общинного землевладения представляется у нас в следующем виде. Первоначально свободные люди, соединенные в общества или товарищества и артели, занимали свободные земли, поселялись на них и с общего согласия установляли способ владения и пользования ими. Более чем вероятно, что тогда, как и теперь, усадьба и пашни отводились в особое владение и пользование домохозяев, а выгоны, покосы, леса и

рыбные ловли находились в общем пользовании всех членов общества. Выход из последнего был свободный; посторонние могли вступать в него добровольно, но, конечно, лишь с согласия всех прочих членов.

При таком порядке дел каждый не иначе как добровольно подчинялся условиям общего землевладения и без согласия *каждого* из членов общества, товарищества или артели, т. е. без *единогласного* решения, нельзя было постановлять никакой меры о распорядке земель, обязательной для всех. Поэтому и круговая ответственность всех за каждого и каждого за всех была тоже добровольная. Недовольный обществом выходил из него. Понятно, что при таких условиях общинного землевладения вопрос о праве на землю не возникал и не мог возникнуть. Существовало только отношение члена к обществу. Все они совокупно, на равных правах, пользовались землей, на которой поселились и которой владели. Со вступлением в общество начиналось и отношение к земле; с выходом из первого прекращалось и последнее. Право на землю было одной из принадлежностей прав члена общества, с ним оно возникало, с ним и оканчивалось. Земли же было много. Когда становилось тесно, часть общества отделялась и основывала новые поселения. Оттого о переделах земли вовсе не упоминается. В них не было надобности, и их не было.

Когда земли перешли постепенно в собственность частных лиц, учреждений, ведомств и государства, когда свободные землевладельцы сначала были прикреплены к земле, а потом и сами подпали под крепостное право, первоначальный быт свободных поселенных обществ, а с ними и условия их землевладения должны были измениться коренным образом. Свободный выход из закрепощенных поземельных обществ и свободное в них вступление прекратилось. С тем вместе и добровольная круговая порука членов общества исчезла и сменилась недобровольной, обязательной. Из подневольных поселенных обществ, прикрепленных к земле, не было свободного выхода и потому с естественным приростом населения нельзя было расселяться; приходилось на том же пространстве

жить большему числу людей, следовательно, потесниться, а т. к. члены поселенных обществ продолжали, по старым понятиям, считаться равноправными и все должны были, по тем же понятиям, наравне нести налоги, повинности и службы – средства же для их исправного отбывания давала земля, – то пришлось ее разверстывать и переделять между всеми поровну. При первоначальном, природном плодородии земли и соответственных тому первобытных способах земледелия такие разверстки и переделы должны были казаться естественными и не представляли никакого неудобства.

В таком-то измененном, правильнее – искаженном виде дожило общинное землевладение до нашего времени. Мы его считаем народной святыней, воплощением русского народного гения, а оно именно в тех его особенностях, которыми некоторые больше всего дорожат, – в переделе и переверстке земель, в праве каждого на равную ее долю и в обязательной круговой поруке – есть продукт прикрепления к земле, крепостного права, взимания налога и повинностей с душ. Положения 19 февраля и последующие органические законоположения о крестьянах, отменившие крепостное право и административную опеку над крестьянами и наделившие их землей, не изменили ни в чем всех прочих условий, созданных прикреплением к земле и крепостной зависимостью. Они только заменили единогласные постановления о хозяйственных распорядках внутри селений постановлением приговоров по большинству голосов. С этим последнее, запоздалое воспоминание о когда-то существовавших у нас свободных поселенных товариществах или артелях окончательно исчезло. Впрочем, под влиянием прикрепления к земле и крепостного права оно уже давно потеряло всякий живой, действительный смысл.

Из сказанного видно, что общинное землевладение в том виде, как мы его теперь знаем, есть уродливая помесь порядков, существовавших в старинных свободных поземельных крестьянских товариществах, с теми, какие возникли с прикреплением их к земле и закрепощением двойной крепостью – помещичьего права и подушных налогов и повинностей; способ

же пользования землей, господствующий ныне при общинном владении, создан при условиях первобытного земледелия и поддерживается теперь низким уровнем сельскохозяйственных знаний, невежеством, бедностью и беспомощностью нашего сельского люда. Теперь из этого археологического памятника нельзя больше сделать никакого полезного употребления. Он потерял всякий живой смысл и ветшает с каждым годом, служа только тормозом для правильного развития земледельческого населения России. В самом народе, между крестьянами, его неумолимо подтачивает под корень усиливающаяся изо дня в день потребность индивидуальной, личной независимости и свободы, которые плохо уживаются с порядками, созданными крепостным правом, и с исчезнувшими обязательными условиями первобытной сельскохозяйственной культуры.

Вопрос о замене теперешнего общинного землевладения другими, более правильными сельскохозяйственными порядками возник уже давно, но он осложнился такими течениями русской жизни, которые его совершенно исказили, перенесли совсем на другую почву и надолго отдалили правильное его решение.

Прежде всего, отстраним идиллии на славянофильские темы братства и любви, будто бы лежащих в основании общинного землевладения и составляющих характерное отличие русского народа. Общинное землевладение в теперешнем своем виде есть тяжкое ярмо на шее крестьянина, цепь, которая вместе с подушной податью и круговой порукой приковывает его к земле и лишает свободы. Устраним также и фантазии социального свойства, будто общинное владение заключает в себе зародыш права всех и каждого на равный надел землей. Такого химерического права вообще нет и быть не может, и всего менее оно доказывается теперешним общинным землевладением, в котором равенство земельного надела вытекает из равенства налогов, тягостей и служб и подавляет всякую личную свободу и почин отдельного лица. Устраним, наконец, и вздорные толки, будто наше общинное землевладение есть коммунистический институт – пошлость, которую

пустили в ход иностранцы, не имеющие ни малейшего понятия о быте русского народа, и которая так охотно повторялась еще недавно в известных великосветских кружках с задней мыслью отменить порядок землевладения, сохраняющий землю за крестьянами, и обратить их в безземельных батраков на манер великобританских, причем подразумевалось, что роль английских лордов и джентри, конечно, выпадет на долю русских помещиков. Все такие и им подобные измышления – плод детского незнания и досужей мечты, только спутывают понятия и мешают прямо взглянуть на действительные факты, трезво взвесить и оценить их значение. Фантастические представления, о которых мы говорим, не пережили крестьянской реформы, совершившейся в 60-х гг. Они испарились и исчезли, уступив место борьбе двух партий, которые преследовали уже не отвлеченные, теоретические, а вполне практические, реальные цели. Одна из них настаивала на наделении земледельческих масс необходимым для безбедного существования количеством земли, а также на обеспечении и упрочении этой земли за ними на всегдашние времена. Другая, напротив, старалась провести мысль, что земля должна остаться за ее владельцами. Этой партии желалось, обратив крестьян в арендаторов и фермеров земель этих владельцев, через то поставить в бóльшую или меньшую зависимость от последних и на вытекающих отсюда социальных условиях построить все здание русского государства.

Первой удалось провести свою мысль в органических законах, создавших в России класс свободных землевладельцев; но ей не посчастливилось осуществить ее в действительности. Дело приведения крестьянской реформы в исполнение перешло в руки противной партии, которая употребила все усилия и прибегла ко всем мерам, чтобы ослабить на практике строгое, точное и последовательное осуществление мысли о крестьянском землевладении. Ей, однако, тоже не удалось провести своей мысли вполне. Зато из таких колебаний в деле величайшей государственной важности произошло то неопределенное и невыясненное положение, которое имело

и до сих пор имеет самые горестные последствия для всего внутреннего быта Империи.

Борьба, происходившая в законодательстве и администрации, перешла и в литературу, научную и публицистическую. Здесь ни одна сторона не могла открыто выступить под своим знаменем с открытым забралом: желавшие обезземеления крестьян не могли высказать своего последнего слова, потому что официальная правительственная программа прямо ставила принципом противное; для поборников же этой программы созданы были самые тяжкие цензурные условия. Таким образом, обе стороны вынуждены были таить свою мысль, высказываться осторожно, больше намеками и полусловами. Такие условия не могли не затемнить, не извратить вопроса. За невозможностью его обсуждать, сосредоточить на нем всю полемику, по необходимости пришлось перенести спор на другую почву и вести его иносказательно. Возникла горячая борьба об общинном землевладении, причем с обеих сторон подразумевалось совсем не то, о чем открыто шла речь. По странной иронии судьбы, к исторической руине, отжившей свой век, приурочен живой и практический современный вопрос, от такого или другого решения которого зависит вся наша будущность, все наше дальнейшее социальное развитие. От старины, поросшей плесенью, мы требуем ответа на вопросы, порожденные обстоятельствами и условиями, которых старинные люди не знали и не подозревали; от ископаемого мира ожидаем доводов и опровержений наших теперешних взглядов, теорий и требований. Легко вообразить, какая из этого должна была произойти путаница в головах.

Одни, опираясь на сельскохозяйственные, экономические, юридические и политические доводы, желали бы водворить у нас такое же исключительное господство начала личной поземельной собственности, как в Европе, и на этом основании требуют отмены общинного землевладения. Ратующие за такую отмену без задних мыслей ссылаются на пример Европы, где упразднение общинного владения шло рука об руку с водворением правильной эксплуатации земли, но

они не обращают внимания на то, что в Европе упразднение общинного владения совершено в пользу среднего и крупного землевладения, что оно там шло рука об руку с обезземелением мелких владельцев и создало сельский пролетариат в огромных размерах. Этого они, конечно, не желают, а именно этого-то и желают все требующие с задней мыслью отмены общинного владения. Таким образом, невозможность вести полемику начистоту приводила в один лагерь, под одно знамя, стремления, не имеющие между собой ничего общего. Отбросьте заднюю мысль обезземеления крестьян, и требование отмены общинного землевладения сведется к требованию иного распорядка крестьянского землевладения, более благоприятного для сельского хозяйства, чем тот, какой теперь существует при общинном владении. Против такого требования едва ли кто станет спорить.

Такое же смешение языков мы находим и между поборниками неприкосновенности крестьянского землевладения. Огромное их большинство отстаивает общинное владение не потому, чтобы дорожило теперешними распорядками земли между общинниками, а потому, что видит в отмене общинного владения первый шаг к обезземелению крестьянства и ко всем нескончаемым бедствиям, которые отсюда проистекают. Очевидно, и в этом случае невозможность прямо и открыто стоять за крестьянскую поземельную собственность, необходимость говорить иносказательно вынудила прикрыться общинным владением, чтобы отстоять права крестьян на землю. Но между этим их правом и общинным владением нет ничего общего. Поборники последнего допускают возможность отмены существующих теперь у общинников распорядков землевладения и замены их другими, лучше отвечающими потребностям правильного земледелия. Но общинное землевладение, как мы видели, и есть только известный распорядок земли между членами общины. Прав на землю он не определяет. И потому отбросьте опасение, что с отменой общинного землевладения уничтожится крестьянская поземельная собственность, и число его поборников тотчас же значительно сократится.

Таким образом, полемика, которая теперь ведется, как почти все наши русские споры, осложнена с обеих сторон задними мыслями; чтобы выбраться, наконец, из путаницы форм старинного, исчезнувшего быта с новыми задачами, надо строго различать те и другие и исследовать их особо, не смешивая их между собой. Всякий знает и понимает, что от старого нельзя разом перешагнуть к новому, что особливо сельские массы чрезвычайно медленно и туго изменяют формы своего быта, свои привычки, понятия, взгляды. Но считаться с ними, обращаться бережно и осторожно, не производить крутой ломки в быте народном – не значит еще возводить то, что уже пережито, в руководящий принцип, в политический и законодательный догмат. Надо знать, что было, чтобы ясно видеть, куда идти, куда направлять жизнь, которая создает новые потребности и соответствующие им формы. Прошедшее завещало нам много такого, чем мы можем воспользоваться для удовлетворения новых нужд, и немало такого, что этому мешало. Надо употребить в дело первое и устранить последнее. Вот наша задача в настоящем и ближайшем будущем. Цель – упрочить за земледельческим населением отведенные им земли, обеспечить его навсегда от обезземеления и устроить распорядок земель между крестьянами удобным и благоприятным для развития земледелия образом.

Многое в этом направлении уже сделано, но еще больше остается сделать. Прошедшее завещало в привычках и воззрениях великорусского и белорусского племени владение землей целым сельским обществом без раздробления в частную собственность между отдельными домохозяевами. Как было показано выше, это образовалось первоначально вследствие занятия земель целыми товариществами или артелями. Положения 19 февраля 1861 г. возвели это обычное начало в закон и, отменив прежние *единогласные* постановления всех домохозяев об обязательных для всех распорядках земли, ввели вместо них постановления о том же предмете *по большинству голосов*.

Селения возведены, таким образом, в отвлеченные реальные, юридические лица, а действительные лица, бывшие

когда-то при существовании товариществ обладателями земли, обращены в представителей и носителей юридического лица, т. е. селения, которое стало настоящим собственником, несмотря на смену людей и поколений.

К сожалению, рядом с этим основным началом введены разные противоречащие ему правила под влиянием предубеждения, будто рано или поздно переход общественной земли в личную собственность должен неизбежно совершиться. Так, допущен выкуп усадеб в личную собственность, без пашен и других угодий; допущен выкуп целого надела с вымежеванием его из общинной земли, допущен раздел общинной земли между всеми домохозяевами; вся выкупная операция с пособием от правительства рассчитана на последующее обращение общинной земли в подворную личную собственность; в землях, отведенных в надел государственным крестьянам, каждому хозяину предоставлено право продать свой надел односельцу или постороннему лицу на правах собственности. Таким образом, последним результатом органических мер по созданию класса свободных землевладельцев будет обращение общинной земли в личную собственность домохозяев, а впоследствии из этого неминуемо произойдет то, что было везде, – постепенное обезземеление крестьян и скопление их наделов в руках немногих промышленников и капиталистов. Если бы подобное превращение общинной земли в личную и частную собственность обязательно сопровождалось округлением наделов и выделением их в особые хозяйственные единицы, такую меру можно было бы если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить желанием создать условия, благоприятные для земледелия и культуры, которых мы при теперешних распорядках общинной земли не находим. Но ничего подобного не было сделано. Общинные земли, обратясь в личную собственность крестьян, по-прежнему останутся разбитыми на мелкие полоски с удержанием чересполосицы. Отменятся, правда, переделы и переверстки пашен; но изменить теперешнее, крайне неудобное и стеснительное для правильного хозяйства распределение пашен станет, с обращением их в частную собственность кре-

стьян, еще несравненно труднее и не будет уже, как теперь, зависеть от мирского приговора. Таким образом, теперешняя разорительная трехпольная система увековечится, и к улучшению крестьянского хозяйства будут закрыты все пути. Теперь, пока выкупная операция еще не совершилась, все это еще поправимо; но когда она раз завершится и начало личной поземельной собственности окончательно водворится, мы должны будем испытать на себе все горькие последствия социальной дезорганизации, которая составляет ахиллесову пяту и темное пятно в быте европейских государств.

Соединить для крестьян все выгоды прочного водворения и наследственного владения землею с условиями, благоприятными для развития и усовершенствования земледелия, можно, по нашему крайнему убеждению, лишь признав земли, отведенные в надел крестьянам, *за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельских обществ и предоставляя членам обществ лишь право наследственного владения и пользования этою землей без права ее закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности*. Мы непоколебимо убеждены в том, что только таким устройством землевладения будет обеспечен и упрочен быт земледельческого населения не у нас одних, но и всюду и разрешится вопрос о сельском пролетариате, озабочивающий теперь правительства, владеющие классы и мыслящих людей в целом мире.

Признанием сельских обществ вечными собственниками земель, отведенных в надел крестьянам, без права их отчуждать и закладывать создается крестьянская земля, изъятая из обращения, не подлежащая купле и продаже, чем устранятся все опасности обезземеления крестьян через скупку их наделов немногими лицами.

Признанием за каждым домохозяином права наследственного владения и пользования отведенным ему наделом устранится крайне вредный для успехов земледелия периодический передел земель, необеспеченность прав лица перед сельским обществом по владению землею. Но вместе сохранится весьма драгоценное право общества, по взаимному соглашению домо-

хозяев, уничтожить чересполосицу, изменить теперешнее распределение полей, ввести улучшенную эксплуатацию земли, завести участковое ею владение в одном месте, или в нескольких местах, но не в общих полях с другими и т. п. Этим устранятся все невыгодные последствия теперешнего общинного землевладения, но сохранятся и все незаменимые полезные его стороны, которые с введением личной собственности домохозяев на отведенные им наделы должны, к несомненному вреду земледельческого населения, совсем исчезнуть.

С отменой периодических переделов земли прекратится и уравнение земель между всеми членами сельского общества и право каждого из них на равный с другими земельный надел.

Против этого можно ожидать различных возражений.

Одни увидят в этом посягательство на принцип равного права всех на землю – принцип, который будто бы живет в теперешнем общинном владении. Но поборники этого принципа забывают, что такое равенство есть остаток не эпохи гражданской свободы крестьян, а, напротив, как мы объяснили выше, выработалось из условий прикрепления к земле, закрепощения и подушного обложения податями, повинностями и службами, следовательно, и не имеет того значения, какое им приписывается, и должно исчезнуть вместе с условиями, которые его создали. Кроме того, право каждого на землю и равноправность в наделе землею есть самообольщение, едва ли стоящее опровержения. Земля нужна только земледельцам; занимающиеся другими промыслами нуждаются только в очаге и оседлости и посмотрели бы на земельный надел, как на тягость и обузу, или, что еще хуже, как на предмет спекуляции и наживы. Мало того: невозможно задаваться даже мыслью дать земельный надел каждому, желающему его получить, – на это не хватило бы земли. Вопрос о сельском пролетариате мог бы считаться вполне разрешенным, если бы самая значительная часть местного земледельческого населения была обеспечена землей и могла со своими семьями жить, не нуждаясь в необходимом, ибо где большинство устроено и обеспечено, там около него проживает безбедно много народа работой и промыслами вся-

кого рода. Опасность для общества не в том, когда есть бедные, а в том, когда большинство бедно и не обеспечено.

Другие, не идя так далеко и останавливаясь на практической почве, укажут на невозможность провести предлагаемое нам поземельное устройство при теперешних наших административных, финансовых и полицейских порядках. Но мы и не считаем возможным при существовании таких порядков провести какую бы то ни было полезную перемену в теперешнем положении наших земледельцев.

Пока подать и повинность лежат на душах, необходима паспортная система; пока подати и повинности так несоразмерно превышают доходы, доставляемые крестьянам землей, до тех пор не может быть и речи об упрочении их быта на теперешних местах их оседлости, т. к. во многих местностях земельный надел не есть право, преимущество или выгода, а, напротив, бремя, тягость, которая навязывается насильно и от которой крестьянин рад радостно отделаться; пока существует круговая порука, ответственность всех домохозяев селения за своих односельцев, неисправно платящих подати и отбывающих повинности, до тех пор нечего и говорить об освобождении крестьян от теперешней почти крепостной их зависимости от мира и мирских заправил. В общественном, как и во всяком организме, все находится в тесной взаимной связи и взаимно одно другое обусловливает – так и в настоящем случае. Нечего и помышлять о правильном разрешении крестьянского вопроса, не изменив тех условий, которые были и суть причиною неправильной, ненормальной постановки у нас крестьянского дела. Прикрепление к земле, крепостное право, тяжкие личные налоги и повинности и вытекающая из них принудительная круговая порука и паспортная система – логически привели к рабской зависимости крестьян от помещика, от чиновника, от мира. Как крестьянин освобожден от одного из этих трех видов рабства, так же точно он должен быть освобожден и от остальных двух. Прямой налог должен быть приведен к подати с земли, не превышающей некоторой и притом небольшой части чистого дохода, которую

она теперь приносит. Мирской, земский и другие сборы точно так же должны быть ограничены небольшою же долею чистого дохода от земли. Раз то и другое будет сделано, нечего будет опасаться бесцельного скитанья крестьян, избывания ими податей и повинностей. Огромное большинство прирастет к земле, от которой его теперь насильно отрывают нужда, подати и гнет общества и местных властей. А те крестьяне, которые занимаются городскими промыслами и не имеют интереса удерживать за собой землю, мало-помалу совсем перейдут в города и уступят свое место земледельцам к обоюдной выгоде и сел, и городов.

Замена крепостной, вынужденной оседлости земледельцев добровольной, связанной с собственным интересом, – вот к чему следует идти. Только с разрешением этой задачи, давно уже стоящей на очереди, земледельческий быт у нас устроится и окрепнет. Теперь подати, сборы и повинности, гласные и негласные, прямые и косвенные, не дают большинству крестьян возможности подняться и стать на ноги. Надо существенно облегчить их бремя, и они, оправившись и войдя в силу, легко будут платить от избытков больше прежнего.

Свободное вступление в сельское общество, свободный выход из него станут возможны лишь с той минуты, когда с изменением податной системы, отменой круговой поруки и определением прав и обязанностей, соединенных с владением и пользованием землей, принадлежащей сельским обществам на правах собственности, отменится теперешняя крепостная зависимость крестьян от мира и сельского общества.

При таком новом порядке дел поземельные права сельских обществ и поселенных на их землях крестьян, а также и взаимные их отношения по землевладению определятся в следующем виде.

Сельское общество в смысле юридического лица станет собственником земли, отведенной в надел крестьянам, но без права закладывать или каким бы то ни было образом отчуждать ее. Единственное назначение этой земли – служить для раздачи земледельцам в бессрочное наследственное владение

и пользование. Обращать крестьянские наделы в выгодные оброчные или доходные статьи, отдаваемые в содержание, должно быть, безусловно, запрещено законом. Распоряжение землей в пределах прав, предоставленных на нее обществам, и с теми ограничениями, которые установятся в силу прав земледельцев, получивших ее во владение и пользование, должно, как и теперь, принадлежать членам по установленному законом большинству голосов. Властям, наблюдающим за исполнением закона о крепостной земле, и самим заинтересованным лицам должно быть предоставлено право жаловаться на незаконные распоряжения сельских обществ крестьянскими землями судам, составленным из крестьян-земледельцев и хотя бы одного юриста.

Земледельцы, принадлежащие к обществу, держат отведенную им общественную землю на правах бессрочного и наследственного владения и пользования. Пока она остается за ними, никто, даже целое общество, не вправе отобрать у них эту землю, разве только в случае неисправности по отбыванию податей и повинностей. При новом распорядке земель по большинству голосов домохозяев каждый из них сохраняет право получить взамен отходящей от него земли другую в том же количестве и такого же качества. Отчуждать и закладывать землю, полученную от общества, владелец ее не вправе. Выморочные и брошенные владельцами участки возвращаются в распоряжение общества; в случае же смерти владельца на участок его имеет ближайшее право его жена, дети и вообще нисходящее потомство. Никто не имеет *права* держать бессрочно и наследственно более одного надела не только в одном обществе, но хотя бы и в разных обществах. Два и более надела *могут быть* отданы одному владельцу лишь на время, впредь до предъявления на них прав другими, не имеющими своего надела. Отступление от этого правила может быть допущено в пользу многочисленных семейств и тому подобных случаях. Как принадлежащая на правах собственности обществу, а не поселенным на ней крестьянам, общественная земля не может быть обращена в продажу на пополнение казенных и частных

взысканий: они падают на строения и движимое имущество должников и вообще на их личную собственность. При выходе из общества владелец может сдать свой надел постороннему лицу не иначе, как с согласия общества. Во всяком случае владельцу надела, выходящему из общества, принадлежит право собственности, кроме движимого имущества, на строения, возведенные им или его предшественниками на его наделе; эти строения он может продать (но без права на землю) или свезти; наконец, он имеет право получить вознаграждение за все сделанные им самим улучшения в наделе, возвысившие его доходность. Самый же надел переходит от него к обществу или другому владельцу безвозмездно.

Уменьшение или увеличение *того или другого* надела, изменение его очертаний, переверстка и обмен его частей допускаются не иначе как с согласия самого владельца и общества. Без согласия владельцев допускается, по решению установленного законом большинства членов общества, в виде общих мер, обязательных для всех владельцев в обществе: передел всех земель, новое распределение участков, увеличение или уменьшение их размера, введение новой системы хозяйства и т. п. Все такие *общие* меры, подобно частным, касающимся одного надела, могут быть обжалованы в суде, о котором сказано выше.

Таковы главные черты того поземельного устройства, которое мы считаем необходимым для обеспечения и упрочения быта земледельческого населения. Оно устранило бы недостатки теперешнего, на которые было указано выше, и в то же время восстановило бы основные черты наших старинных крестьянских общин с теми дополнениями и разъяснениями, которых требует более зрелая гражданственность и определившийся быт государства. Такое устройство окончательно сняло бы с сельского населения тройное ярмо крепостной зависимости, под которым оно так долго стонало, и открыло бы путь всяким усовершенствованиям крестьянского полеводства по мере распространения в земледельческих массах более правильных понятий о земледелии и сельском хозяйстве. В числе

важных преимуществ такого устройства следует в особенности указать на то, что оно близко к теперешним понятиям и привычкам крестьян и, не ломая, не насилуя их быта, поставило бы всякие успехи и улучшения в зависимость от их постепенного умственного, нравственного и экономического развития; для тех же земледельцев, которые вырастут из тесных рамок общего уровня и быта земледельцев, будет открыто, как и теперь, обширное поле деятельности вне сельской общины. Ее единственное назначение – успокоить, обеспечить и устроить земледельческие массы. Эта цель предлагаемым устройством будет достигнута исподволь вполне.

Но теперешнее наше законодательство и в особенности практическое его применение администрацией и судом в пределах бывшего Московского государства, где почти исключительно господствовало общинное землевладение, несколько уклонилось от этой цели. Что же касается многих местностей Империи, имевших до присоединения к ней свою историю, то в них успели уже глубоко укорениться начала личной поземельной крестьянской собственности. Спрашивается, каким образом совершить, здесь и там, переход к предполагаемому поземельному устройству, не прибегая к насильственным и крутым мерам, которые вместо пользы принесли бы только существенный и неизгладимый вред?

Из числа наиболее сподручных способов для совершения такого перехода исподволь мы укажем на следующее.

В Положениях 19 февраля указаны, как мы сказали выше, многие пути для раздробления общинной земли между домохозяевами в частную личную собственность и ни одного – для обращения мелкой крестьянской поземельной собственности в общинную, хотя в некоторых местностях, даже в селениях невеликорусских, сама необходимость часто наталкивает на такого рода превращение земли из частной собственности, раздробленной на мелкие куски, в общинную. Можно, не нарушая ничьих прав и никаких народных привычек, прекратить на будущее время раздробление общинной земли в личную собственность крестьян и выкуп наделов

отдельными домохозяевами с выделением их из общинной земли и отменить право бывших государственных крестьян продавать свои наделы, безвозмездно полученные из казенных земель. Вместо того дóлжно поставить правилом, что неотчужденная еще общинная земля, приписанная к селениям, составляет неотчуждаемую и незакладываемую вечную собственность селений, и предоставить последним право приобретать вновь землю на имя сельского общества и выкупать в пользу же общества наделы, приобретенные домохозяевами и купленные у них посторонними лицами в частную личную собственность. Выкуп таких наделов из частной собственности в пользу обществ можно подчинить правилам приобретения недвижимой собственности на общеполезное употребление и поощрить к таким выкупам выдачей из кредитных установлений долгосрочных ссуд с погашением их на банковых правилах. Такими мерами будет, по крайней мере, остановлено дальнейшее распадение крестьянских земель и положен конец начавшемуся уже переходу их в руки скупщиков.

Обращение земель, владеемых на праве частной собственности, в общественные должно быть допущено беспрепятственно. Теперь нередко случается, что общинные земли только для виду разделяются между крестьянами, чтобы избежать круговой поруки по уплате податей и повинностей. С изменением податной системы и с отменой круговой поруки такие раздробления общественных земель больше не понадобятся, и надо всячески облегчить крестьянам возможность отменить такие фиктивные разделы земель.

Труднее обратить в общественные земли наделы, находящиеся уже на выкупе, тем более в тех селениях, где выкуп уже совершился. Исправить эту коренную ошибку положения о выкупной операции можно лишь постепенно и в продолжение долгого времени. С этою целью могли бы быть приняты следующие меры:

во-первых, постановить правилом, что на будущее времена выкупной платеж, вносимый каждым домохозяином, имеет значение взноса денег по общественной раскладке, де-

лаемой с целью приобретения выкупаемой земли не в личную, а в общественную собственность;

во-вторых, суммы, уплаченные в *погашение капитального долга* до издания такого правила, должны быть возвращены уплатившим посредством банковой операции, если они сами добровольно не согласятся считать их за взносы, сделанные по общественной раскладке на приобретение земли в общественную собственность. Мы полагаем, что в огромном большинстве случаев крестьяне, у которых и теперь земля находится в общинном владении, охотно согласятся на такое изменение юридического характера сделанных ими взносов капитального долга, ибо вследствие переделов, переверсток, неисправного взноса платежей некоторыми домохозяевами, вследствие вступления новых членов в сельские общества и выхода из них прежних, передачи наделов и тому подобных передвижений поземельных владений личные расчеты крестьян между собою очень запутаны; сверх того, далеко не все крестьяне имеют ясное понятие о юридическом характере выкупных взносов. Твердо они знают только то, что взносом выкупных платежей они приобретают землю в собственность, но какую именно, частную и личную или общественную, – об этом они в большинстве случаев имеют лишь сбивчивое и неясное представление. Взаимные их расчеты вертятся только на том, кто не доплатил и кто переплатил лишнего. Где общинное владение продолжается и по сие время, там крестьяне в большинстве случаев едва ли затруднятся признать землю за общественную, а платежи – за общественные раскладки на ее выкуп, если только они будут уверены, что земля останется в бессрочном неприкосновенном и наследственном владении и пользовании. Что касается *процентов, уплачиваемых по выкупным ссудам*, то они во всяком случае не подлежали бы возврату, т. к. представляют в действительности лишь арендную плату за владение и пользование невыкупленной еще землей, впредь до ее окончательного выкупа. При таких условиях размер сумм, подлежащих в случае требования возврату, не может быть слишком значителен, а это обстоятельство существенно облегчало бы дело.

Гораздо труднее провести новое поземельное устройство в тех селениях и целых областях России, где начало личной поземельной собственности уже успело вполне вытеснить общинное владение и изгладить все его следы в нравах и привычках сельского населения. Здесь это можно не иначе как постепенной, в течение долгого времени, скупкой земель, принадлежащих членам сельских обществ на правах собственности, и обращением их в общественные по добровольным с ними сделкам. Такие сделки при бедности крестьян могут сделаться весьма для них желательными, если они увидят и убедятся на деле, что проданные ими обществу земли в действительности остаются в их бессрочном и наследственном владении и пользовании. При таком условии вся сделка представится им лишь отказом от права продавать и закладывать свои земли за щедрое вознаграждение, равняющееся стоимости всей земли. Такие сделки и на самом деле будут для большинства крестьян лишь изменением юридического титула, на котором они владеют: продать землю за полную цену с оставлением за собой и детьми навсегда слишком выгодно, чтобы многие не захотели воспользоваться подобной сделкой. Наконец, в состав неотчуждаемых общественных земель должны быть также включены все выморочные земли членов сельских обществ, которые теперь по закону поступают в собственность обществ. Таким образом, мало-помалу большинство земель, принадлежащих членам обществ на правах собственности, перешли бы в собственность обществ, после чего к немногим, остающимся еще в частном праве, могли бы уже быть применены правила обязательного выкупа. Так как в проведении такой реформы заинтересовано и государство, и земство, и сами крестьянские общества, то фонд для таких сделок мог бы образоваться постепенными малыми взносами от казны, земств и сельских обществ. Во всяком случае, операция скупки должна быть ведена самим правительством как дело государственное. Отдавать его в руки спекуляции не следует, ибо в ее руках она обошлась бы чрезмерно дорого и тем принесла бы не пользу, а вред.

Таковы в самых главных общих чертах преобразования в поземельном устройстве крестьян, которые мы считаем не только необходимыми вообще, но настоятельными и неотложными. О важности и пользе их было говорено выше. Теперь сведем для наглядности все сказанное в общие заключительные итоги.

Предполагаемые преобразования имеют задачей отметить последние остатки закрепощения земледельцев и перенести на сельские общества права собственности на землю, занимаемую их членами, с присвоением последним права бессрочных и наследственных арендаторов. Это доставит массе народа все блага и выгоды поземельной собственности и общинного владения без вытекающих из них последствий, вредных или для быта народных масс, или для успехов земледелия.

Везде, где до сих пор существует общинное землевладение, т. е. во всей Великороссии, Белоруссии, предполагаемая реформа закрепила и определила бы юридически существующие уже на факте поземельные отношения, не затронув ни в чем привычек и воззрений землевладельцев, что во всяком преобразовании, касающемся народного быта, так неизмеримо важно. Вместе с тем принадлежность земли на правах собственности обществу, а не отдельным домохозяевам даст возможность, когда понадобится, устроить поземельное владение внутри сельских, согласно с требованиями правильного и улучшенного земледелия, что при раздроблении общинной земли между членами общества на правах личной собственности будет совершенно невозможно без глубоких и коренных потрясений прав владельцев. Если хозяин земли есть общество, то оно может, не нарушая ничьих прав, устроить у себя поземельные порядки, какие оно признает наиболее полезными; когда же каждый хозяин будет собственником своего надела, общество будет лишено возможности изменять существующий распорядок полей и угодий.

Если общинные земли обратятся в личную собственность крестьян, то внутри обществ неизбежно начнется то обезземеление беднейших и скопление участков в руках наи-

более влиятельного, зажиточного и предприимчивого меньшинства, как это замечалось всюду с введением личной поземельной собственности и начинается, к несчастью, уже и у нас. Существенный смысл освобождения крестьян с землей, единственно в видах обеспечения оседлости народных масс, был бы в таком случае потерян, и наделы из помещичьих владений послужили бы только к переведению земель из одних рук в другие без всякой пользы для земледельческого населения. Напротив, если право собственности перейдет к сельским обществам и общинные земли будут закреплены за ними навсегда без права отчуждения, а крестьяне станут бессрочными и наследственными арендаторами этих земель, то отсюда произойдут два последствия, благотворные для быта земледельцев: во-первых, при ограничении законом захвата многих наделов в одни руки огромное большинство крестьян сохранит оседлость и свое хозяйство; во-вторых, арендная плата за земли не будет возвышаться по произволу, как это делается при отдаче земли внаем собственниками; плата эта установится в умеренных размерах самими сельскими жителями, заинтересованными в том, чтобы она не возвышалась вопреки справедливости. Притом арендная плата в пользу юридического лица – сельского общества – может быть регулируема судом и законом, что немыслимо относительно личной поземельной собственности.

Далее: положение отдельных крестьян относительно общественной земли не будет ничем существенно разниться от положения личного собственника. Оставаясь бессрочным и наследственным владельцем своего участка, крестьянин, его семья и потомство столько же обеспечены, как и личный собственник. Оставляя общество, крестьянин получит вознаграждение за капитал и труд, который им затрачен на улучшение и поднятие доходности арендного надела, бывшего в его владении и пользовании. Единственное различие его прав с правами личного собственника заключалось бы только в том, что он не может воспользоваться под залог своей земли благом поземельного кредита, не может также

продажей владеемой земли реализовать капитал. Но мелкая недвижимая собственность не пользуется у нас и теперь выгодами поземельного кредита; кредит же под залог движимости и строений и при предполагаемом поземельном устройстве не только возможен и желателен для крестьян, но, как мы постараемся показать впоследствии, составляет одну из насущных потребностей сельского населения. Здесь заметим, что аргументация в пользу обращения всех крестьян в мелких личных поземельных собственников на том основании, что они вследствие того получат право закладывать и продавать свои земли, грешит против логики. Нам говорят: мелкий личный собственник может продать и заложить свою землю, а владеющий ею на арендном праве – не может. Это совершенно справедливо, но также справедливо и то, что не имеющий вовсе собственной земли не может ни продать, ни заложить ее. В общих рассуждениях о личной выгоде или невыгоде того или другого права на землю мы не видим правильного перехода к разрешению вопроса о прочном устройстве быта и оседлости масс, который вырос в наше время в вопрос первостепенной государственной важности. Что лучше разрешает этот вопрос: личная или общественная поземельная собственность – вот в чем дело. Если справедливо, что последняя благоприятнее для оседлости народных масс, то она и должна быть предпочтена, хотя бы личная поземельная собственность и представляла, с личной точки зрения, несомненные преимущества. Такая постановка вопроса представляется тем более правильной, что мы предполагаем существование рядом с общественной поземельной собственностью и личной – мелкой, средней и крупной собственности. Кто ее имеет или может приобрести, пусть владеет, пользуется и распоряжается ею, как хочет, умеет и знает. Крестьянин, которому не нравится жизнь на общественной земле и у которого есть средства, может, если захочет, купить себе землю, поселиться на ней и стать личным поземельным собственником; он может им стать, и оставаясь участником в общественной земле. Предлагаемое нами позе-

мельное устройство имеет в виду не тех, у кого есть капитал, кто предприимчив, а огромное большинство крестьян малоимущих, кормящихся из дня в день от земли. Общественная поземельная собственность обеспечит и оградит от случайностей конкуренции гораздо более, чем личная поземельная собственность. А мы только это и имеем в виду. Капитал и труд, вложенный крестьянином в общественную землю, во всяком случае останется его личной собственностью, которую он, оставляя общество, удержит за собой или же за которую получит вознаграждение от своего преемника.

Нам заметят, что с увеличением населения и предлагаемое нами поземельное устройство не в состоянии будет обеспечить землей всех земледельцев. Но мы вовсе и не задаемся такой неразрешимой задачей. Мы имеем в виду только устройство быта большинства земледельческого населения, обеспечение ему покойного и безбедного существования и возможности постепенно улучшать хозяйство и свой быт. Это необходимо не только для земледельцев, но вместе и для блага государства, высших слоев общества и интеллигенции. Где массам, именно большинству их, плохо живется, там общее положение тоже становится ненормальным. У нас же вдобавок массы простого народа кормятся преимущественно от земли, поэтому у нас вопрос об обеспечении за ними землевладения, естественно, получает государственную важность; а такое обеспечение дает не личная, а общественная поземельная собственность, которую регулировать и приспособить к потребностям земледельческого населения гораздо легче и удобнее, чем личную поземельную собственность.

Сказанным исчерпывается все, что мы имели сказать о поземельном устройстве крестьян. Не можем довольно настаивать на том, что дело это не терпит отлагательства, что за него надо приняться как можно скорее, ибо каждый пропущенный год только ухудшает положение и создает трудности в возрастающей прогрессии. Пройдет еще несколько лет, и дезорганизации земледельческого населения нельзя уже будет пособить. Не дай нам Бог дожить до этого.

О возможности сельскохозяйственных успехов при общественной поземельной собственности

Читатели, интересующиеся крестьянским делом, но недостаточно с ним знакомые, быть может, упрекнут нас за то, что, предлагая для крестьян новое поземельное устройство, мы не обратили должного внимания на сельскохозяйственную сторону вопроса, тогда как она – одна из важнейших, если не самая важная. По вашей мысли, скажут нам, от большинства домохозяев должно, как и теперь, зависеть распределение земель между членами общества, устройство наделов, система полеводства, обязательная для меньшинства, на стороне которого легко могут, однако, оказаться люди, более знающие и опытные по части сельского хозяйства. В чем же будет заключаться экономическое преимущество нового поземельного крестьянского устройства перед теперешним? В каком отношении оно будет благоприятнее для успехов крестьянского земледелия, чем общинное землевладение, которого вредное влияние на полевую культуру выяснено со всевозможной очевидностью и признается в наше время всеми?

Мы думаем, что наиболее неблагоприятные для крестьянского хозяйства последствия общинного землевладения будут устранены, если за каждым домохозяином будет обеспечено постоянное, наследственное владение и пользование землей, на которую он имеет право по числу душ или работников. Этим отменится частный переход земель от одних хозяев к другим в ущерб заботливым и достаточным крестьянам и к несправедливой выгоде нерадивых или бедных, но в то же время крестьяне будут обеспечены против раздробления общинных земель, которое мы считаем вредным и даже опасным не только для благосостояния крестьян, но и для целого государства.

Впрочем, под улучшением крестьянского землевладения разумеется обыкновенно не улучшение поземельных условий, а введение между крестьянами более правильных сельскохозяйственных приемов, чем теперешние. Именно с

этой точки зрения смотрят на дело те, кто, отвергая необходимость увеличить размеры крестьянских наделов, настаивают вместо того на распространении между крестьянами улучшенного полеводства.

Возможно ли в настоящее время такое улучшение и стоит ли теперь этот вопрос на первой очереди, как многие думают? Вот что надо рассмотреть прежде всего.

Вопрос об улучшении у крестьян земледелия возник у нас не так давно, но уже имеет за себя многих горячих сторонников. Это неудивительно. Кто видел и знает, как плохо и небрежно наш крестьянин обращается с навозом, пашней, покосом, лошадью, коровой; как нерасчетливо, на авось, он сеет, убирает хлеб, молотит и веет, сколько нелепейших предрассудков и невежественных понятий вносит в свои занятия по хозяйству, тот, естественно, приходит к мысли, что улучшение крестьянского земледелия должно стоять на ближайшей очереди. Вдобавок знающие люди утверждают, что распложение вредных насекомых, опустошающих всходы, покосы и хлеба в России, находится в причинной связи с дурной обработкой полей, заменой культуры озимых хлебов посевом яровых и поднятием пашни не с осени, а весной. Если эти выводы подтвердятся точными исследованиями, то усиливающийся из года в год захват наших полей вредными жучками, мухами и гусеницами послужит неопровержимым доказательством, что земледелие у нас не только не улучшается, а, к несчастию, падает, и представит наглядное, графическое изображение распространения его упадка.

Что земледелие у нас вступило в период острого кризиса, это, к сожалению, правда. Но отчего произошел и как ему помочь, об этом мнения очень различны. Перед этим фактом, как и перед другими, одинаково губительными, мы по обыкновению ходим в тумане, хватаемся за первое, что попадается под руку, как за якорь спасения, и строим на отрывочных данных целые взгляды, забывая о других данных, которые идут с ними рядом и могли бы навести на другие соображения. К этому еще присоединяется наша несчастная страсть

обращать все на свете в орудие запугиваний, заподозриваний и инсинуаций. Это спутывает все наши мысли и не дает никакому вопросу выясниться в его настоящем свете.

Говорят, земледелие находится у крестьян в самом жалком положении. Это справедливо. Но разве у одних крестьян? За редкими исключениями, оно тащится в заржавелой рутинной колее также в помещичьих и купеческих хозяйствах, у арендаторов и съемщиков. Наша хищническая эксплуатация земли, безрасчетное высасывание из нее производительных сил, не возвращая их иным способом, вошли в пословицу. Почему же на крестьян преимущественно указывается как на небрежных, нерадивых хозяев? Они ведут свои хозяйства, правда, не лучше, но зато и не хуже огромного большинства крупных и средних владельцев.

Причинами жалкого положения нашего сельского хозяйства называют почти поголовное незнакомство с технической стороной дела, недостаток, дороговизну и негодность рабочих рук и служащего персонала, недостаток капиталов и дороговизну поземельного кредита, неустроенность и неправильность торговли сельскими произведениями, путей сообщения и способов перевозки, недостаток близких и верных пунктов сбыта, трудность получения и дороговизну необходимейших предметов и орудий правильного хозяйства, личную и имущественную необеспеченность, крайне стеснительное законодательство, которое вяжет по рукам и ногам и подавляет всякую промышленную предприимчивость и энергию и т. п. Все эти помехи успешному развитию земледелия и сельского хозяйства действительно существуют и имеют на него очень вредное влияние. Но можно ли назвать их главными? Ведь они действуют испокон века. Справедливость требует сказать, что многие из них в наше время скорее ослабели, чем усилились. Отчего же, несмотря на то, земледелие у нас падает? Положим, что у помещиков оно упало вследствие сильного уменьшения или потери дарового труда, а у крестьян отчего хозяйства тоже пошатнулись? Ведь они вследствие освобождения, несомненно, выиграли. Положим, сведения их в агрономии не Бог

весть какие; но ведь нет такого мужика, который бы не знал, что суглинок и супесок нужно хорошо удобрять, а чернозем пахать поглубже, что для удобрения надо держать побольше скота и т. п. На такой нехитрой агрономической мудрости и было прежде построено помещичье и крестьянское хозяйство, и шли они себе помаленьку, доставляя средства жить или хоть перебиваться из года в год. Отчего же и теперь и от этой азбуки сельского хозяйства крестьяне как будто отстали, скота и лошадей против прежнего у них убавилось на добрую половину, а местами и гораздо более того, даже там, где на недостаток земли и угодий нельзя пожаловаться? Этого нельзя объяснить обыкновенно приводимыми причинами, даже с присоединением к ним пьянства, лени и разврата мужика, которые многими особенно подчеркиваются. Главная, коренная причина всему – тягость налогов, наша финансовая политика. В каких-нибудь 30 лет государственный бюджет утроился, денежные земские повинности учетверились. Крупная промышленность до последнего времени пользовалась у нас всевозможным покровительством и поддержкой государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произвол судьбы. Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьян, вынудило их сбывать за что попало не только свои произведения, но и необходимые орудия производства – скот и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строение оставить без починки и ремонта. Выжидать хороших цен на произведения стало не под силу, и мелкий капиталист-кулак забрал мужика в неволю, ставит цену, какую хочет, и тогда, когда крестьянин ему продает, и тогда, когда у него покупает. Все мелкие и средние хозяйства и производства должны были вследствие того пасть; удержались одни крупные. Пока ярмо податей не будет облегчено и финансовая политика не изменится, до тех пор нечего и думать об улучшении крестьянского земледелия и хозяйства. Напирая на второстепенные условия, не благоприятствующие его развитию, мы только себя обманываем и отводим глаза от главной причины, которая мешает всему. Сперва надо устранить ее и потом уже подумать о введении сельскохозяйственных улучшений и усо-

вершенствований. До тех же пор возбуждение у нас общего вопроса об улучшении крестьянского земледелия и хозяйства будет походить на горькую иронию или свидетельствовать о наивном незнании самых простых вещей. Чтобы начать улучшения сельского хозяйства, надо наперед озаботиться о том, чтобы оно могло существовать, а теперешние условия ведут к систематическому его уничтожению у крестьян. Чтобы наши слова не показались голословным пессимизмом, напомним об условиях крестьянского полеводства, и пусть сам читатель рассудит, преувеличиваем ли мы наше теперешнее печальное положение или говорим правду.

С чего начинает всякий хозяин, собирающийся хоть сколько-нибудь осмысленно вести свое хозяйство? Он, прежде всего, старается округлить и устроить свою землю так, чтобы при данных обстоятельствах правильное хозяйство на ней вообще было возможно. Так делали и в Европе. Регулирование и округление владений заняли целый период в сельскохозяйственном развитии Западной Европы и послужили в Англии и Германии, как известно, поводом и предлогом к обезземелению сельских жителей в огромных размерах. У нас такое округление и устройство земли недоступно не только домохозяевам, но и целым селениям. Положения 19 февраля, неизвестно по какой причине, лишили крестьян права требовать уничтожения чересполосицы с владельцами. А при чересполосице не только правильное, но часто и никакое вообще хозяйство немыслимо.

Из множества такого рода стеснений, вяжущих крестьян по рукам и ногам в их полевом хозяйстве, выхватывают одно, с которым крестьянам справиться всего легче, потому что оно от них самих зависит, – именно чересполосность и передел *общинных* земель, и расписывают яркими красками безобразие, которое отсюда проистекает. Почему же так нападают именно на общинное владение и благоразумно умалчивают о невозможности или крайних стеснениях полевого хозяйства крестьян от чересполосицы с *владельцами*? Не потому ли, что последняя очень выгодна для бывших помещиков и что об-

щинное владение, каково оно ни есть, мешает обезземелению крестьян? Сельскохозяйственные непорядки, проистекающие из чересполосицы и переделов общинных земель, с успехами земледелия и с поднятием образования между крестьянами непременно и легко будут заменены более правильным и более благоприятным для сельского хозяйства земельным устройством. Но пока стеснительный для крестьян закон, запрещающий им требовать разверстки земель с посторонними владельцами, не будет отменен, до тех пор о сколько-нибудь правильном крестьянском хозяйстве нечего и говорить, потому что сами помещики вряд ли согласятся добровольно отказаться от привилегии, доставляющей им столько выгод в виде денежных платежей, аренд и рабочей силы.

Далее: для того чтобы подумать об улучшении хозяйства, крестьянину нужно иметь в своем распоряжении хоть какие-нибудь средства на необходимые затраты. Нужно и скота прибавить, и семян купить, и плужок, а у него не только никаких средств в запасе нет, но он и необходимое продает, чтобы подати уплатить и прокормиться с семьей. Злая нужда гонит его из деревни и дома на сторону, чтобы заработать деньги на насущные надобности. О каких же улучшениях земледелия может быть речь при таких обстоятельствах? Вдобавок для крестьянина не существует кредита не только дешевого, но на условиях сколько-нибудь сносных. Как же он начнет поправлять свое хозяйство?

Представим себе, однако, такого крестьянина-счастливца, у которого и земля отрубная есть, и кое-какие деньги, и добрая воля улучшить свое хозяйство. Где и как он научится, что ему делать и как приняться за дело? Для больших и средних хозяйств кое-что уже сделано с этой целью; для мелких, крестьянских – ровно ничего. Давно ли помещики, и то немногие, принялись за осмысленное хозяйство применительно к нашим местным обстоятельствам? У нас еще не успели выработаться и определиться типы на опыте изведанных, осмысленных, больших и средних хозяйств для различных местностей, так что каждому начинающему хозяину приходится чуть не Аме-

рику открывать в своем имении и идти ощупью, делая на каждом шагу кучу ошибок и ненужных расходов. Крестьянину же негде ни поучиться, ни посмотреть, ни послушать, ни почитать такого, что бы ему в его быту могло быть полезно.

Вот при какой обстановке ставится у нас вопрос об улучшении крестьянского земледелия. Не насмешка ли это? Не праздная ли это мечта, которой мы потому предаемся, что продолжаем сквозь очки смотреть на действительную жизнь. Мы смеемся над мыслями и планами Петра Великого в ребяческой уверенности, что он хотел поделать из нас голландцев и шведов. Чем же, однако, лучше, практичнее мысль завести между нашими мужиками усовершенствованную культуру полей? И какими мерами завели бы мы ее у них? При наилучших условиях, при живом примере пред глазами, при уверенности получить помощь и поддержку на переходные годы они колеблются и не решаются расстаться с заведенными порядками, имея на то свои весьма веские причины. Не думают ли сторонники улучшений прибегнуть к принудительным мерам, как они их затевали в видах уничтожения общинного землевладения? Это было бы совсем по-петровски, с той только существенной разницей, что Петр ясно и твердо знал, что хотел, а современные реформаторы народного быта и хозяйства этого не знают, потому что типы русского национального хозяйства, как сказано, еще не выработались и пока еще только в зародыше. К чему же мы будем принуждать крестьян?

Нельзя здесь, кстати, не указать на поразительное противоречие, которое красной ниткой проходит через все, что у нас теперь делается, по крайней мере делалось до сих пор. Минувшее царствование дало крестьянам гражданские права и призвало их к гражданской жизни. Вследствие этого громадное большинство населения Империи, долгое время затертое и заслоненное тонким слоем господствующих классов, выросло из-под земли к человеческому и гражданскому существованию. Воспитавшись в течение веков под крайне своеобразными определениями нашего деревенского быта, это большинство представляет совершенно особый тип куль-

туры, не имеющий с культурой образованных слоев почти ничего общего. Следовало бы ожидать, что на выработку новых граждан, на приобщение их к установившимся уже общественным формациям и условиям правильной гражданственности будут направлены все усилия, обращены все наличные средства. Так поступили шведы с финнами. У нас же видим совсем другое. До сего дня предметом забот остаются по-старому выдающиеся слои общества, города и промышленные классы. Какую сторону жизни ни взять – общественную, экономическую, умственную или нравственную, – по всем без изъятия то и другое, сравнительно даже многое, делается для высших слоев и ничего или почти ничего для огромного большинства. В этом отношении направление правительственной и частной деятельности не разнится почти ничем, и беспрестанные напоминания большинства печатных органов остаются гласом вопиющего в пустыне [6]. Идеалы, выношенные и воспитанные в городской или великосветской среде, вскормленные на европейских книгах и понятиях, аристократических, монархических, буржуазных, клерикальных или радикальных, не прилажены к нуждам, потребностям и воззрениям крестьянских масс; форма этих идеалов остается нашему сельскому населению непонятной и чуждой. В этом заключается главная причина, почему сельское население равнодушно к культурным слоям, а они – в большинстве – к сельскому населению. Оба составные элемента русской общественности живут каждый своей особенной жизнью, как было до дарования крестьянам гражданских прав.

Это замечание вполне относится и к предмету, который нас теперь занимает, именно к крестьянскому земледелию и хозяйству. Улучшение его постановлено задачей, но для ее разрешения в будущем ровно ничего не делается. А дела – бездна.

У нас есть сельскохозяйственные школы, даже академии, есть училища для приготовления управляющих и приказчиков, но нет самых простых, незатейливых школ, приноровленных к понятиям и потребностям крестьян, где бы парень лет 15 и старше, хотя бы безграмотный, мог практически, с наглядки, ознако-

миться с простейшими улучшенными сельскохозяйственными приемами, орудиями, семенами, скотом и лошадьми. Чем проще, незатейливей такие школы, чем они ближе к уровню теперешних невежественных сельских масс, представляя только некоторое, необходимейшее улучшение против того, что у них есть теперь, – тем успех и влияние таких школ были бы вернее и более обеспечены. Такие школы должны бы быть разбросаны сотнями по деревням в тех краях, где живут крестьяне-земледельцы. А у нас едва ли найдется и одна такая школа.

У нас есть сельскохозяйственные фермы, общие и специальные, устроенные по всем правилам усовершенствованной агрономии. Они представляют образцы культуры и улучшенных орудий. В научном отношении они, без сомнения, и полезны, и необходимы. Очень может быть, что они достигают и практических целей в применении к крупным и средним хозяйствам. Но для крестьянских хозяйств ничего подобного нет. Для крестьян нужны не фермы с лучшими образцами, а такие, которые бы на деле, практически им доказывали, что улучшенные приемы и орудия земледелия выгоднее тех, какие они употребляют. На такие фермы они охотно стали бы ходить смотреть и учиться. Фермы этого рода должны быть самые простые, нехитрые, представлять только местное крестьянское улучшенное хозяйство и показывать крестьянам, как наивыгоднейшим образом, с малыми затратами, вести крестьянское хозяйство при данных местных условиях. Такие фермы должны быть устроены при сельскохозяйственных школах, ибо самые эти школы, как мы их себе представляем, должны быть не что иное как фермы с учениками в виде работников. Роль ферм могли бы также играть и маленькие аренды, размерами не больше обыкновенных крестьянских хозяйств, сдаваемые на самых льготных условиях хорошим хозяевам из крестьян с обязательством вести на них хозяйство улучшенным способом и улучшенными орудиями. Такие крестьянские фермы должны быть рассеяны сотнями посреди земледельческого населения; затем, чтобы хозяйство на них велось, как следует, должен быть установлен бдительный

и серьезный надзор, конечно, не бумажный, формальный и стеснительный, а действительный и разумный, помогающий делу. При некотором внимании такие фермы сослужили бы в какие-нибудь 10–15 лет две великие службы стране: живым, наглядным и близким примером они приохотили бы крестьян к правильному хозяйству и в то же время выработали бы на практике различные типы маленьких крестьянских хозяйств, самых подходящих к данным местным условиям и обстоятельствам. Давным-давно пора подумать о таких фермах. А у нас, сколько известно, до сих пор нет ни одной.

Скотоводство у крестьян-земледельцев находится в печальнейшем положении и идет, как и все их хозяйство, не вперед, а назад. Крестьянские клячи – маленькие, тощие, слабосильные – вошли в пословицу. В газетах пишут, что созданная Петром Великим холмогорская порода коров и известная порода битюгов, превосходнейший тип русской рабочей лошади, начинают на местах портиться и изводиться. Помочь улучшению рас лошадей и рогатого скота у крестьян могли бы только всем доступные, недорогие случные конюшни, разбросанные повсюду. У нас об этом прежде много думали и кое-что в этом смысле даже сделано. Но со времени освобождения крестьян, когда полное невнимание к их нуждам было возведено в административный принцип и поставлено во главу угла внутренней политики, о случных конюшнях даже улучшенных пород лошадей не стало слышно. А их нужны сотни и тысячи, чтобы они были у крестьян везде поблизости, под руками, иначе они не принесут пользы, не вести же крестьянину своей коровы или лошади за 30–40 верст на случку; у него на это и средств не станет, если бы и была охота. Для крупного и среднего землевладения делается у нас в этом отношении много хорошего; для крестьянских же хозяйств – ничего.

Чтобы улучшить крестьянские хозяйства, нужны хорошие семена и более совершенные орудия, чем те, какие теперь в употреблении у крестьян. Нужда в плугах, в молотилках, в веялках, простых и дешевых, так велика, что здесь и там сами крестьяне начинают их изготовлять и они распространяются

на большие районы, заходят даже в отдельные места. Таким образом, сама нужда стучится в дверь и показывает, что нужно. Для крупных и средних хозяйств сельские общества и сельскохозяйственная администрация уже сделали и продолжают делать многое, чтобы удовлетворить такой нужде, но для мелких крестьянских хозяйств тоже не сделано ничего по этой части. Небольших складов улучшенных семян и наипростейших, дешевых, необходимейших орудий, рассчитанных на крестьянские надобности, нет нигде. Нужных крестьянину семян и орудий ему не только негде купить, да и посмотреть-то на них негде. Как же он о них узнает, с ними познакомится? Откуда может у него запасть в ум спасительное сомнение в непогрешимости сельскохозяйственных приемов, заведенных отцами и дедами? Будь у него под боком то, что ему полезно знать, он бы посмотрел и подумал, а теперь ему и в голову не приходит, что можно сделать как-нибудь лучше. А то, что он видит по этой части хорошего в больших и средних хозяйствах, ему не по карману, да и не идет к его маленькому хозяйству.

Наконец, могучим распространителем правильных сельскохозяйственных сведений между крестьянами могли бы служить просто написанные, незамысловатые дешевые книжки с чертежами и рисунками, которые объяснили бы наглядным и живым образом главнейшие недостатки теперешнего крестьянского хозяйства и домашнего обихода и необходимейшие в нем улучшения, польза и доступность которых бросались бы ему в глаза. Грамотность делает у нас в простом народе большие успехи, вкус к чтению понемногу развивается не только между грамотными, но и между безграмотными, из которых иные охотно слушают, когда им читают. Но и в этом отношении у нас для крестьян ничего не делается. Мы больше любим выспренние сельскохозяйственные соображения, охотно восходим на вершины сельскохозяйственных знаний, рассчитанных на большие и средние экономии, а о том, что у нас целые миллионы хозяев не знают и азбуки сельского хозяйства, что им, как манна небесная, нужны самые элементарные сельскохозяйственные сведения, которых им почерпнуть решительно

неоткуда, – об этом у нас почти никто не думает. Немногие из нас даже знают, что напечатать и пустить в продажу книжку – вовсе еще не значит довести ее до сведения простолюдинов. Книжки, которые для них пишутся, до них почти не доходят, а у нас вдобавок и писать-то для крестьян очень редко кто умеет: еще не выучились за недосугом. Наша администрация имела бы все средства пропустить полезные сельскохозяйственные публикации во все самые глухие захолустья Империи в любом количестве экземпляров. Сумела же она пропустить в них Положения 19 февраля. Умно и толково написанные книжки о том, что крестьянину крайне необходимо знать в его домашнем обиходе, были бы теперь полезны не менее Положений 19 февраля. Но таких книжек нет, их никто не имеет и о составлении их мало кто заботится. А послушаешь – сколько толков о любви к народу вообще и к крестьянину в особенности!

Итак, вот сколько условий нужно для того, чтобы улучшение крестьянского хозяйства стало возможно. Так как ни одного из этих условий, начиная с правильного устройства крестьянского землевладения, нет, то и нельзя поднимать этого вопроса. Всему свое время и своя очередь. Есть здесь и там отдельные местности, отдельные селения, где вследствие особенно благоприятных местных обстоятельств усовершенствование крестьянского хозяйства невозможно. Но такие исключительные случаи могут быть предметом не общих мероприятий, а частных исследований и заботливости, и мы должны быть им всецело предоставлены. Мы же говорим здесь об общих мерах для устройства крестьянского быта. При теперешних условиях и обстоятельствах улучшения крестьянского хозяйства общими мерами невозможны и немыслимы. Чтобы вести дело с успехом, надо начинать его с начала, а не с конца или середины. Устроим сперва поземельные владения крестьян, как следует, снимем с них чрезмерные подати и повинности, которые не дают им вздохнуть свободно. И то уже будет огромным успехом, если благодаря таким мерам крестьяне будут в состоянии применять хоть те понятия и знания о сельском хозяйстве и полеводстве, каким научились у сво-

их отцов и дедов. Затем облегчим им всячески способы ознакомиться с условиями и приемами правильного хозяйства и применить свои знания к делу на своей земле; тогда крестьяне сами, скорее, чем мы думаем, перейдут и к многополью, и травосеянию, и к улучшенным орудиям, и к умножению и улучшению скота и лошадей. Ко всему этому побудит их собственный интерес, выгода гораздо действительнее и вернее всяких принудительных мер. У нас же рассуждают как раз наоборот и, прежде всего, по преданию и привычке хватаются за принуждение, не давая себе труда подумать, к какому результату оно может привести. Принуждение, возведенное во всеобщий принцип, как у нас, порождает под конец полнейшее равнодушие ко всему, даже к собственному интересу, и отучает ум и волю от самодеятельности. Кроме того, как мы старались показать, принудительные меры по части улучшения земледелия и хозяйства не привели бы у нас ни к чему, потому что для такого улучшения нет необходимой почвы и подготовки; ввелись бы только к новому стеснению крестьян административная регламентация, надзор и контроль со всеми их докуками и придирками в такую область частной деятельности, откуда они до сих пор, к счастью, еще не заглядывали. Раз они сюда проникнут, можно быть уверенным заранее, что против всяких нововведений по земледелию и сельскому хозяйству у крестьян вкоренятся такие предубеждения, которых потом нельзя будет искоренить и десятками лет. Вот причина, почему мы, со своей стороны, были бы даже против запрещения частных переделов общинной земли – меры самой рациональной, относительно полезной и наиболее удобоисполняемой из всех обязательных мер, какие предлагались по крестьянскому хозяйству. Когда отменится подушная подать, мало-помалу ослабеет и исчезнет и разверстка земли по душам; на место ее по необходимости выработается понятие о хозяйственной поземельной единице, различной в разных местностях; может быть, образуется представление о нескольких различных единицах такого рода, соответствующих сильным, средним и малым или слабым крестьянским хозяйствам. Тогда – но только

тогда – наступит время помочь крестьянам законодательными мерами установить новые условия быта, ограничить частые переделы и переверстки земель внутри селений, содействовать прекращению в них чересполосицы и т. п. – словом, постепенно урегулировать постоянными правилами поземельные порядки в селениях, уже подготовленные изменившимися понятиями и убеждениями самих крестьян. Теперь надо приступать к этому делу с крайней осторожностью, предоставляя самой жизни и практике определить дальнейшее направление и развитие поземельных отношений внутри сельских обществ. В таком сложном и щекотливом деле законодательство должно, не забегая вперед, следить за естественным развитием – и только помогать ему, расчищая дорогу.

Об устройстве мелкого крестьянского кредита

У крестьян есть пословица: «Мужик – что корова – кто пройдет, тот и подоит». Нужно знать деревню и видеть вблизи крестьянское житье-бытье, чтобы вполне понять печальный смысл этой горькой иронии мужика над самим собой. Только ленивый его не обирает. Явные, законом установленные поборы, налоги, повинности, службы и работы сами по себе составляют уже весьма солидное бремя для его скудных средств, особливо если сообразить, что, кроме налогов прямых, он платит массу косвенных, которые обыкновенно не считаются, но которые он должен волей-неволей нести. Мы умеем чрезвычайно красноречиво распространяться о том, что крестьянин пропивает несметное количество денег, но при этом забываем, что у нас, как и везде, он строго держится заведенных обычаев, «которые не нами начались и не нами кончатся», а эти обычаи в очень многих случаях жизни непременно требуют покупки вина, хотя бы на него и не было денег, и крестьянин был бы рад не покупать вовсе. Обряд, обычай неотступно требует угощения вином родных и знакомых на крестинах, помолвках, свадьбах, похоронах, в великие и храмовые праздники. Попойки на покосах, столь обычные у

крестьян, обусловлены частью усталостью, необходимостью подкрепить силы, частью же тоже обычаем, указывающим на прежде бывшее в пору покоса какое-то языческое празднество. Заболел крестьянин, лег в больницу – плати; отправляется он в заработки, часто по лихой нужде – бери паспорт и опять плати; попал не только за неправду, а за свою правду в суд – опять плати и плати. Ни родиться, ни жениться, ни умереть крестьянин не может безданно-беспошлинно: за все положена плата, иногда не только тяжелая, просто разорительная. Создалось земство – ему плати особо, и тоже немало. О том, что придется промазать и такого, о чем ни в каком законе не написано, нечего и говорить; невежда и неуч-мужик, не имея знакомства и связей, заплатит негласных поборов больше, чем гласных и явных, – часто за то, от чего ему же придется потом отплачиваться сызнова и втридорога. Таким образом, крестьянин со всех сторон обременен поборами, отплачивается направо и налево за все и про все, уплачивает большую премию за свое невежество. На покрытие всех этих расходов у него два источника: продажа своих произведений и личный труд. Но по нужде и злой судьбе мужика доходы его от этих источников доводятся почти до нуля, или же приносят ему лишнее бремя и разорение. Читатель подумает, что мы преувеличиваем, бьем на эффекты. К «новине», т. е. к новому хлебу, когда все запасы пришли к концу и перехватить их не у кого, цены на все жизненные продукты сильно возвышаются на рынке: торговец спешит воспользоваться своим выгодным положением и продает дорого. Убран хлеб с поля, мужик от нужды спешит везти на рынок продать, что можно – тогда цены вдруг сильно падают, торговец пользуется случаем купить как можно дешевле; а мужику продать необходимо, – и продает он за то, что ему дают. Следующей зимой или весной ему приходится, чтобы прокормиться, снова покупать то, что он продал с осени за бесценок, и опять он покупает по дорогой цене. Таким образом, продавая дешево и покупая дорого, крестьянин всегда в накладе, а причиной одна его нужда и беспомощность.

А труд? Казалось бы, труд, по крайней мере, должен выручить крестьянина. В земледельческом краю труд по возделыванию земли должен быть в цене? Но та же лихая нужда и беспомощность обратили и продажу труда в самый обременительный вид займа. Труд дорог ко времени, когда он нужен; когда же он не нужен, он идет ни за что; а крестьянин продает свой труд в то время, когда он никому не нужен! В исходе зимы, когда у крестьянина хлеб весь вышел, средства поистощились, а надо и подати платить, и прокормиться с семьей, и кое-что по дому к весенним и летним работам справить, он берет у землевладельцев хлеб под работу будущим летом. Землевладельцу работа летом нужна, но желающих получить хлеба под работу много. Пользуясь своим выгодным положением, он входит с мужиком в такую сделку: выданный хлеб должен быть возвращен сполна, натурою или деньгами по заранее назначенной цене, которая нередко определяется выше рыночной; а за «пожданье», т. е. в виде процента, получающий ссуду обязуется убрать с поля известное количество хлеба, ярового или озимого (вдвое меньше против ярового), т. е. сжать или скосить, связать в снопы, отвезти в хлебный сарай и сложить порядком. Если перевести эти условия на деньги, то выходит такой расчет: четверть ржи лет пять-шесть тому назад стоила у нас 6 рублей. Хлеб, занятый в марте или апреле, надо по условию возвратить в сентябре или октябре, т. е. через 6 мес.; под уборку десятины ржи или двух десятин ярового, что по местным ценам стоило на деньги 3 рубля, выдавалась четверть ржи. Итак, за заем в 6 рублей крестьянин платит 3 рубля в 6 мес., т. е. 50%. С тех пор как рожь сильно вздорожала, о таких сделках стало мало слышно. Прекратились они или изменили свою форму – нам неизвестно. Несколько лет тому назад они были очень обыкновенны и чуть ли не повсеместны во внутренних земледельческих густонаселенных губерниях.

Если крайняя нужда крестьян обратила продажу ими труда в одну из самых тяжких и разорительных форм займа, то легко представить, на каких условиях мужики бывают вынуждены занимать не под работу; размер процентов в таких случа-

ях превышает всякое вероятие. Мы слыхали о займе рубля из 10 коп. процентов в неделю, что составляет в год 520%.

С мыслью помочь крестьянам в их кровной нужде и вместе с тем поощрить их к бережливости устроены ссудно-сберегательные товарищества с пособием от правительства. Основной принцип этих учреждений есть тот, что крестьяне, имеющие избытки, образуют своими взносами складочный капитал, из которого выдаются нуждающимся краткосрочные ссуды с уплатой умеренных процентов. Из этих процентов выдается дивиденд вкладчикам. Таким образом, достигаются две полезные цели: те крестьяне, которые имеют деньги, находят у себя поблизости выгодное для них помещение, и это побуждает их к бережливости; другие же, нуждающиеся в ссуде, получают возможность у себя дома, не отлучаясь далеко, делать займы на сравнительно весьма умеренных и выгодных условиях. Размеры и условия вкладов и ссуд рассчитаны по крестьянским нуждам.

Польза этих учреждений неоспорима. Она местами отчасти парализуется тем обстоятельством, что выданные ссуды, по крайней бедности заемщиков, обращаются из краткосрочных в долгосрочные и переписываются из года в год за одними и теми же заемщиками. Этому значительно способствует, что займы, как говорят, часто делаются не для оборотов или вообще не с производительной целью, а на уплату податей и податных недоимок и, след<овательно>, не достигают главного своего назначения доставить крестьянам средства для поправления их состояния и хозяйства, а только покрывают текущие неотложные нужды, налагая на заемщиков новые тягости в будущем. При таких условиях ссудо-сберегательные товарищества не могут приносить крестьянам и малой доли той пользы, какую они могли бы приносить при других, более благоприятных обстоятельствах. Кроме того, заметим, что эти учреждения рассчитаны на нужды крестьян торговых и промышленных, а не земледельцев. Вклады предполагают сбережения, хотя бы самые малые, а краткосрочные займы предполагают относительно быстрые денежные обороты, ко-

торые возможны только в торговых и промышленных делах, а никак не в земледелии. Сельский трактирщик, торговец, кабатчик, крестьянин, имеющий кроме надельной свою особенную землю, мелкий подрядчик всякого рода работ, сельский ремесленник-хозяин – вот для кого ссудо-сберегательные товарищества полезны и как кассы сбережений, и как источник позаимствований на короткие сроки и за умеренные проценты. А кто едва сводится концы с концами, кто считается зажиточным, когда переходит из одного года в другой без долгов со своим хлебом, кто занимает зимой, чтобы отдать осенью по продаже нового хлеба или других произведений земли, – все эти люди, т. е. огромное большинство крестьян-земледельцев, не имеют денежных сбережений и не могут обязываться срочными коммерческими займами. Им нужна помощь извне, обыкновенно небольшая, но рассчитанная по времени, по крайней мере, на годовой хозяйственный оборот, с отсрочкой в случае неурожая, пожара или другого несчастия, нарушившего однообразный ход их обычного существования. Без таких отсрочек ссуда послужит крестьянину-земледельцу не спасительной поддержкой и подспорьем, а разорением, вынуждая его для уплаты долга ослабить свое хозяйство.

Распространение в России одних крестьянских ссудно-сберегательных товариществ и совершенное отсутствие крестьянских кредитных учреждений другой формы подтверждает мысль, что мы еще не делаем, как бы следовало, строгого различия между потребностями населения земледельческого и промышленного или торгового. Это замечается во всем. Давно ли, например, мы поняли, что денежные продовольственные капиталы не в состоянии отвратить нужды в хлебе для прокормления и на посев, если рядом с ними не будет существовать правильно организованных и содержимых в порядке сельских запасных хлебных магазинов? Судя по городской жизни и городскому обиходу, который у нас под глазами, руководствуясь примером Европы, где почти исключительно господствуют условия городского быта, мы совершенно упускаем из виду особенные условия земледельческого населения,

преобладающего у нас, и рассчитываем помочь массе нашего крестьянства мерами, которые полезны для населения промышленных и торговых центров. По той же причине для достижения несомненно благих целей мы нередко прибегаем к мерам, предполагающим большое промышленное и торговое развитие, чего у нас нет и что при громадных массах земледельческого населения едва ли когда-нибудь будет, по крайней мере в тех формах, в каких оно развилось в Европе и в немногих наших городах. Так, у нас долгое время господствовало убеждение, что полезные для народных масс экономические меры могут быть приводимы при помощи частных предпринимателей и спекулянтов в лучшем смысле этого слова. Где промышленность и торговля достигли уже высокой степени развития и процветания, там частные сбережения, естественно, обращаются в большие капиталы, которые ищут и находят помещение за умеренные проценты в разных общеполезных предприятиях и учреждениях. Частная выгода и стремление к наживе, умеряемые сильной конкуренцией, совпадают в этом случае с пользами общества и являются могущественным и главным способом их удовлетворения. Совсем не то в странах по преимуществу земледельческих и бедных, какова наша. При огромном сельском населении, живущем изо дня в день, при слабом развитии промышленности и торговли, при бедности капиталов и скудости сбережений, при той же страсти к наживе, как и везде, но не умеряемой соперничеством, частная предприимчивость и спекуляция вырождаются у нас необходимо в монополию, в исключительное право, в кулачество и приносят пользу только частным лицам, а не обществу и массе народа. Следовательно, у нас почин и само приведение в исполнение общеполезных мер должны принадлежать не частным предпринимателям, а обществу или государству, особенно когда они составляют неотложную общественную потребность и имеют государственную важность. Мы не обратили внимания на это различие и с детской поспешностью передавали одни за другими разные общеполезные меры в руки частных предпринимателей и спекулянтов, убаюкивая

себя сладкой мечтой, что акционерные общества и компании возьмутся потом и за осуществление всех остальных необходимых и общеполезных предприятий. Эти грезы, не согласованные с условиями действительности, имели весьма печальный исход: частная спекуляция оказалась несостоятельной, в конце концов, государство должно было принять на себя бремя издержек, вызываемых всенародными нуждами, но сделало это в форме самой убыточной для государственной казны и прибыльной для частных лиц и спекулянтов – в форме субсидий, выданных частным предпринимателям.

Для поднятия расстроенного крестьянского быта необходимо рядом с поземельным устройством крестьян принять целый ряд мер, клонящихся к ограждению их хозяйств от тех бесчисленных случайностей, которые внезапно разоряют их вконец и из достаточных людей обращают в нищих. Пожар, градобитие, неурожаи, внезапные невзгоды, ураганы и бури, падежи скота и лошадей, конокрадство, повальные и другие болезни, особливо когда они продолжительны и лишают человека возможности работать, сразу уничтожают материальное довольство крестьянина и при полной беспомощности против таких напастей лишают его бодрости, что действует на него еще хуже разорения, которому он подвергся. Кому не случалось видеть, как исправный крестьянин после одного или двух таких несчастий совсем падал духом, спивался с кругу или налагал на себя руки. Сравнительно достаточный хозяин беднеет и опускается после двух-трех истрат или уводов рабочих лошадей в короткие промежутки времени, или когда эта беда над ним стряслась в самую рабочую пору. Мы знали случай, что состоятельный и хороший крестьянин обеднел оттого, что проболел долго; чтобы не сделаться несостоятельным, он, человек очень честный, решился даже на кражу. Против всех таких разорительных случайностей есть спасительное и верное средство – это широкое развитие страхования. Различные виды его следовало бы слить вместе и установить одну общую обязательную страховку. Премия была бы очень незначительна, если бы страховая операция обнимала всю Империю. Само

собой разумеется, что страхование крестьянского имущества и жизни как мера государственная не должно быть отдано в руки спекуляции; ему следует оставаться в заведовании самого общества и государства и их органов. Необходимо также при выработке страхования крестьянского имущества и жизни тщательно устранить ненужные проволочки и формальности при получении страховых денег, все те гвозди и шпильки, которыми у нас с каким-то сладострастием и виртуозностью уснащаются регламенты и инструкции. При хорошей постановке крестьянского страхования все главнейшие хозяйственные невзгоды и разорение, падающие внезапно на голову крестьян, будут существенно ослаблены. С этим вместе меры народного продовольствия и обсеменения полей в случае неурожаев не потребуют от общества и государства таких огромных затрат, какие понадобились в 1881 г. и все-таки не могли побороть всех последствий народного бедствия.

С твердой и прочной постановкой крестьянского страхования крестьянские ссудные кассы, в которых многие видят якорь спасения против всех бед крестьянина, будут служить весьма полезным и благодетельным подспорьем для поддержания его в случае внезапной и неожиданной нужды в небольшой сумме денег, часто в нескольких рублях. Но необходимо, чтобы такие кассы были применены к привычкам и быту земледельческого населения. Строгое требование уплаты в назначенный срок, обеспечение каждой ссуды залогом, немедленная продажа залога в случае неисправности – словом, характер городских ссудных касс должен быть в сельских учреждениях такого рода значительно смягчен и облегчены отсрочки. Крестьянин – вообще хороший плательщик. Долг за ним редко пропадает, но применение к нему строгих коммерческих правил платежа и взысканий легко может разорить его, и ссудная касса, действующая по таким правилам, не облегчит его, а скорей запутает. Очень были бы также желательны какие-нибудь действительные меры в ограждение крестьян против неправильной, кулаческой торговли произведениями земли. Но придумать их чрезвычайно трудно. Мелкие

крестьянские ссудные кассы против нее так же бессильны, как и полицейские законы. Единственным действительным и радикальным средством были бы общества и товарищества землевладельцев для установления правильной торговли своими произведениями. Никто лучше их не мог бы справиться с мелкими скупщиками и кулаками по хлебной торговле. Но о таких товариществах теперь и думать нечего. Чтобы они могли состояться и действовать правильно, надо, чтобы сперва крупные и средние землевладельцы серьезно занялись своими имениями и хозяйствами и поняли солидарность своих интересов с крестьянскими, а до этого нам теперь еще – как до звезды небесной – далеко. Не таковы еще наши понятия и наши нравы, и совсем непохоже на то, чтобы они скоро изменились к лучшему. Наши земские и общественные кассы пусты; иначе в виде паллиативной меры против хищничества кулаков могли бы быть устроены, например, при сельских запасных хлебных магазинах хлебные склады с приемом от крестьян хлеба, когда он дешев, и с выдачей под залог его денежных ссуд для продажи в то время, когда на рынке установятся на него правильные цены. Хозяин платил бы умеренное полежалое за хранение и процент с выданной ссуды. Наконец, на помощь крестьянам могли бы прийти небольшие капиталисты, ищущие своим деньгам верное помещение за умеренные проценты. Такие лица могли бы от себя устраивать склады крестьянского хлеба, когда на него цены низки, с выдачей на него авансом рыночной цены и с продажей засыпанного хлеба в пользу крестьянина, когда продавать его выгодно. Такие хлебные складчики получали бы процент за комиссию и за выгодные авансом деньги, а крестьяне благодаря авансам могли бы повременить с продажей хлеба и выждать хорошие цены. Обе стороны были бы в выгоде на счет кулаков-скупщиков. Чтобы такие обороты приносили обоюдную выгоду, нужны, конечно, кроме капитала, добросовестность, распорядительность и доверие со стороны крестьян, а такие условия редко бывают соединены в одном лице. Притом у нас редко кто желает посвятить себя служению общеполезному делу: боль-

шинство предпочитают нажить поскорее рубль на рубль, не задумываясь о выгоде других, особливо крестьян.

Две речи о крестьянской реформе

I

19 февраля 1881 г.[1]

Сегодня мы собрались вспомнить двадцатую годовщину отмены в России крепостного права. Хотелось бы сказать «праздновать», но это слово как-то нейдет с губ и едва ли бы отвечало чувствам, с которыми мы сюда пришли:

И сколько нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых, –

Молодых силами, розовыми надеждами, верою в грядущее, –

И крепок их могильный сон!

Мало уже осталось из числа тех, которые 20 лет тому назад вынесли на своих плечах дело упразднения крепостного права.

А то, что мы пережили в эти 20 лет, тоже мало располагает к радостным чувствам и праздничному настроению. Кто из нас не верил горячо, что отмена крепостного ига даст нашему крестьянству материальное довольство, вызовет экономическое процветание, подъем народных сил, сознание личности и прав, разовьет просвещение и нравственность – словом, принесет с собою все блага гражданской свободы? Сближение и тесное единение двух слоев русского народа, разрозненных рабством, разве не должно было быть необходимым, строго логическим последствием его прекращения?

[1] На обычном ежегодном обеде участников крестьянской реформы в ресторане Донона.

А что вышло на самом деле? Едва успели Положения 19 февраля 1861 г. стать законом, как дух их отлетел – и осталась одна буква; но и сама буква их, где только было возможно, объяснялась в ущерб, а не в пользу миллионов новых русских граждан; административная практика не стеснялась и буквой, чтобы помешать им воспользоваться их законнейшими правами. Учреждения, созданные в 1861 г., под давлением самых неблагоприятных условий зачахли и замерли; существенный их смысл искажен. Постановления и мероприятия, которые хоть сколько-нибудь ограждали и обеспечивали материальный быт крестьян, исчезли и не были заменены ничем соответствующим. К прежнему невежеству и грубости народных масс прибавилось ее разорение, доводящее их до отчаяния и ожесточения. Юридическая их зависимость и административная над ними опека заменились столько же бессердечным, но еще гораздо худшим экономическим гнетом. О сближении интересов владельцев и крестьян, за очень редкими исключениями, нет и помину; они разъединились больше, чем когда-либо, и взаимные их отношения заметно обостряются.

Поколения, которые придут к нам на смену, не помянут нас за все это добром. Мы должны были взять на себя часть труда и заботы, а мы вместо того взваливаем на их плечи удвоенную ношу, оставляем им наследство запутанное и расстроенное не стечением непредвиденных и несчастных обстоятельств, а нашим невежеством, недобросовестностью или легкомыслием.

Минувший год обнаружил и доказал со всей печальной очевидностью, куда ведет отступление от идей и духа, создавших Положение 19 февраля. Будем надеяться, что этот несчастный год будет для нас геркулесовыми столбами на том пути, по которому мы шли в крестьянском деле так беззаботно и так самоуверенно, думая, что следуем примеру Европы. В Европе общественный строй слагается из многих элементов, из которых каждый живет своею жизнью и вносит в него свои интересы и свою долю участия. Там сверх крестьянства есть многочисленный класс горожан и рабочих, составляю-

щий половину, а иногда и более всего населения; интересы этого класса по ходу истории заслоняют интересы сельчан и пока все еще преобладают во всем. У нас же, напротив, крестьянское население составляет более 80% общего числа жителей, а городской элемент еще в зародыше. Оттого у нас крестьянский вопрос есть важнейший, выдается между всеми другими; от его правильной постановки и решения прямо или косвенно зависит благосостояние всего государства и все крупные частные интересы – сельскохозяйственные, промышленные, торговые. Что может у нас процветать и развиваться, когда $^{4}/_{5}$ населения находятся в нищете и невежестве? Если печальный результат протекших 20 лет успел нас в этом убедить, то они, конечно, не прошли у нас совсем даром, но все-таки мы поплатились за урок слишком дорого: хорошо, без задних мыслей понятый и усвоенный опыт Европы привел бы нас к тому же и скорее, и без тяжких жертв.

Теперь до нас отовсюду доходят слухи о крайне печальном положении крестьян на всем пространстве обширного русского государства, кроме разве Сибири и западного края. Что же начать и как приняться, чтобы улучшить и поднять сильно расстроенное крестьянское хозяйство? Судя по отрывочным сведениям, которые сообщаются в печати о деятельности дворянских и земских собраний, мы с этой стороны мало ждем существенно полезного. Остается всего ждать, как и прежде всегда у нас бывало, от просвещенного, проникнутого любовью к родине меньшинства, поддержанного авторитетом государственной власти. Мы все знаем и помним, что основные начала закона, даровавшего свободу крепостным, были впервые намечены теми лицами, чьи мнения остались в меньшинстве в губернских комитетах. Эти же лица были потом призваны верховной властью для участия в работах редакционных комиссий, и участие их было в высшей степени полезное.

Просвещенное и патриотическое меньшинство высказывало тогда свои мысли и соображения и в печати, несмотря на крайне неблагоприятные в то время цензурные условия. Теперь эти условия, правда, пока только в практике, улучшились,

и вся русская пресса, за очень немногими изъятиями, с замечательным единодушием указывает на причины, мешающие крестьянскому делу развиваться, и на меры, которые могли бы устранить эти помехи. И что же мы видим? Теперь, как и тогда, громче и громче раздаются голоса, взводящие на нашу печать разные небылицы. Она, видите ли, разжигает вражду сословий, «она поддерживает в крестьянах химерические надежды на дополнительные наделы». Нигде ничего подобного наша печать не выражала и не выражает: меньшинство, прибегающее к печатному слову, также мало думает об этом теперь, как и в то время, когда речь шла об отмене крепостного права. Но люди, принимающие к сердцу крестьянский вопрос, не могут не желать, чтобы был положен конец вымогательствам и притеснениям, которым здесь и там подвергаются крестьяне со стороны владельцев по недостаточности наделов; не могут они не желать, чтобы с помощью переселений, или долгосрочного мелкого кредита, или отводом государственных земель крестьянам была дана возможность иметь довольно земли, чтобы держать скот и улучшить полеводство. Этого действительно желает просвещенное меньшинство, и когда такие скромные и справедливые желания выдаются за возбуждение вражды между сословиями и за поощрение несбыточных фантазий, то ясным становится, откуда идут такие обвинения: их распространяют те же, кто тайно и явно противодействовал освобождению крепостных, наделению их землей, кто выдумал злосчастные сиротские наделы и всевозможные отступления от Положений 19 февраля при их применении. С какою целью распространяются обвинения на печать – тоже нетрудно понять: она своими указаниями и разоблачениями расстраивает план кампании, которого последнее слово – иметь в разоренных крестьянах дешевых работников; итак, надо опять осудить на молчание всех сочувствующих правильному ведению крестьянского дела, выдавая их за опасных социалистов, врагов порядка и власти, и затем, возбудив к ним недоверие и устранив их голос, идти под шумок прямо к желанной цели, как это и делалось до сих пор. Позволительно надеяться, что,

по крайней мере теперь, когда горестные результаты ведения дел по мысли и плану недоброжелателей крестьянской реформы достаточно выказались, обвинения русской печати будут оценены по достоинству и не повлекут за собою таких же последствий, как в былое время.

<Милостивые государи!> Сегодня окончилось первое 20-летие крестьянского дела в России и начинается второе. Пожелаем, чтобы в это второе 20-летие установилось, упрочилось и развилось экономическое благосостояние крестьян во всей Империи, чтобы их юридический и общественный быт был правильно определен и обеспечен.

II

19 февраля 1885 г.[1]

Крестьянский вопрос в России с самого начала его разрешения освобождением 10 млн. крепостных и снятием затем правительственной опеки, походившей на крепостную зависимость, с остальных 10 млн. сельского населения развивался туго и неправильно. Много этому способствовали враждебность или, по крайней мере, несочувствие к этому вопросу, невежество и своекорыстие, наконец, разнообразные направления мысли и течения политической жизни, мешавшие единству действий. Эти неблагоприятные условия мало-помалу устранены или устраняются. Многие сделанные ошибки уже исправлены, другие исправляются. Горизонт теперь расчищается над крестьянским делом, и ему, по-видимому, не грозит никакой опасности. Несмотря на это, устройство крестьянского быта идет и теперь чрезвычайно медленно. Очевидно, тому должна быть какая-нибудь другая, более глубокая причина, чем те временные и преходящие затруднения, на которые указано выше. Причина эта скрывается в новости самой задачи. Еще в 40-х гг. покойный А. С. Хомяков охарактеризовал западную латино-германскую Европу

[1] На обеде у Донона, под председательством К. К. Грота.

как «мир городов», а славянские народы – как «мир сел и деревень». Может быть, эпиграф к «Евгению Онегину» *«О Русь, о rus!»* был гениальным предчувствием той же мысли. Как бы то ни было, но с каждым новым исследованием, с каждым новым успехом исторических знаний и политических наук вытесняется все более и более, что и древний греко-римский, и новый латино-германский мир развивали и выработали до совершенства тип городского жителя. Этот тип лег в основание всего их политического и гражданского устройства, быта и нравов. Как только стала выступать на первый план жизнь народных масс, она тотчас же сложилась в Европе по типу горожанина, и этот тип заслонил или пересоздал на свой тип мелкого сельского хозяина, крестьянина.

В настоящее время городской тип, по-видимому, исчерпал себя, дав все, что он мог дать на пользу и благо людей. В самой латино-германской Европе замечается теперь как будто остановка, раздумье перед дальнейшим развитием в том же направлении, которое, как все на свете, имело и свою мрачную, гибельную для людей и обществ сторону. В Европе замечается более и более обращение к забытому, затертому, ослабленному и искаженному сельскому, деревенскому типу как более прочной, устойчивой, консервативной форме народного быта. Стремление отыскать его, по возможности восстановить, сохранить и оживить его уцелевшие обломки усиливается с каждым годом и составляет поразительное знамение времени. В науке, литературе, искусстве, в административной и законодательной деятельности одинаково просвечивает это новое направление европейской мысли. Под ее влиянием преобразуются политические партии, появляется новая их группировка – небывалая и еще недавно немыслимая и невозможная; под знаменем этого нового направления идут два величайших политических деятеля современной Европы – князь *Бисмарк* [1] *и Гладстон* [2].

Различие двух типов – городского и сельского – может многим показаться натянутым, измышленным, теоретическим и далеко не настолько важным, чтобы служить характеристикой эпох и народов. Но стоит только припомнить, какое

громадное влияние имеет в ежедневном быту на образ жизни, нравы, привычки и миросозерцание людей различие профессий – чиновника, военного, врача, землевладельца, духовного, ученого, купца и т. д., чтобы убедиться, как много значат в жизни людей условия и обстановка, посреди которых она совершается. Если сравнительно малые оттенки различают между собою людей, принадлежащих к одной и той же культурной среде, то тем сильнее должно быть различие, устанавливаемое через многие поколения совершенно непохожими друг на друга бытом городским и деревенским.

Около 200 лет тому назад Россия вступила в круг европейских государств и стала жить с ними одною жизнью. От латино-германских народов мы позаимствовали все, начиная от покроя одежды и оканчивая высшими выводами науки и знания. Но когда и у нас настала пора гражданской жизни народных масс, оказалось, что составные элементы нашего быта сложились совершенно иначе, можно сказать, противоположно тому, как в латино-германской Европе. Те из элементов, которые так сильно и так блистательно развились в ней, у нас являются как бы атрофированными; а сельский, деревенский элемент, который в Европе был заслонен, подавлен, децимирован или выработался в городской тип, сохранился у нас почти неприкосновенным и количественно чрезвычайно преобладает над всеми другими. Стоит только припомнить, что сельские жители, мелкие землевладельцы и хозяева составляют в Англии 17%, в Германии в среднем выводе – 40%, во Франции – 54% всего народонаселения, тогда как в России, в наименее деревенских ее частях, именно в Прибалтийском крае и Царстве Польском, он доходит до 73%, а во всей Империи превышает 80%, не считая войска и низших городских сословий, в значительнейшей доле принадлежащих к тому же крестьянству.

Когда у народа вырабатывается какой-нибудь преобладающий тип, все стороны его жизни и быта постепенно преобразуются и определяются по этому типу. Это всеобщий закон, который нетрудно подметить в жизни всех народов. Латино-германский мир перестраивался последовательно по разным

типам, кроме типа крестьянина, и развил их до совершенства. Оттого мы, русские, могли широко и с великой для себя пользой заимствовать у Европы все, что она довела у себя до высокой степени развития, и плоды ее вековых трудов и усилий усваивались нами сравнительно легко и успешно, до тех пор пока у нас не дошла, наконец, очередь до устройства быта деревенских народных масс. Для нас это жизненный вопрос, но мы вынуждены разработать и разрешить его сами, т. к. у латино-германских народов он не был поставлен и никаких готовых образцов нам неоткуда заимствовать. Чтобы решить его, мы должны сами придумать, как приладить к потребностям сельского быта все то, что так превосходно выработано в Европе в применении к городам и горожанам. Но выработать вновь и взять готовое – огромная разница. Первое несравненно труднее. Мы и встречаемся с этими трудностями на каждом шагу; они-то и тормозят развитие у нас крестьянского дела. Кредит, податная система, управление, суд, школа – все это должно быть у нас приспособлено к быту и нравам сельчан, с которым мы сравнительно недавно стали ближе знакомиться. Этой задачей, новой в истории, определяется и наше в ней призвание и роль. В пояснение своей мысли укажу на формы землевладения, которые теперь всюду, в Европе и у нас, стали предметом усиленного, пристального изучения и исследования. Основных форм владения и пользования землей у наших крестьян две: *участковая* в смысле личной собственности и *общинная*. Первая из них, как показал опыт всех народов и то, что мы видим уже у себя пред глазами, ведет рано или поздно роковым образом к обезземелению сельских масс и пролетариату; вторая, общинная, с переделами и круговой порукой, не имеет этого недостатка, но зато страдает другим: она при стремлении крестьянских семей выделиться и получить независимое существование, заметно усиливающемся между крестьянами-общинниками, несовместима с успехами земледелия и улучшенного сельского хозяйства. Очевидно, необходимо придумать новую форму крестьянского землевладения, которая, соединяя в себе хорошие стороны обеих, устранила

бы другие. Это один из живых и насущных современных вопросов, которым многие заняты, но окончательно и вполне удовлетворительного его решения пока еще не придумано.

19 февраля

1861–1881

Двадцать лет тому назад совершилось одно из величайших событий русской и всемирной истории: 20 млн. людей, бывших до тех пор почти полными рабами, стали полноправными гражданами; в то же время началось, а теперь почти совершилось обращение всей массы наших крестьян, представляющих более 80% населения Империи, в мелких поземельных собственников. Ничего подобного еще никогда не совершалось в таких громадных размерах.

Первая половина великого дела, которого мы были свидетелями, а многие из нас и посильными участниками, именно отмена крепостного права, несмотря на всю ее важность, имеет, собственно, местный характер и значение. Западная Европа давно уже не знает крепостного права. У нас упразднение его представляет ту замечательную особенность, что им закончился у нас ряд раскрепощений, продолжавшихся целое столетие. Когда Московское государство окончательно сложилось в XVII в., оно было сверху донизу построено по началам крепостного права. Тип крепостной зависимости был в нем проведен с поразительной последовательностью, как в общих условиях, так и в мелких подробностях государственного, общественного и частного быта. Вступив при Петре Великом в семью европейских держав, московское государство выросло в Российскую Империю и стало постепенно совлекать с себя полуазиатские патриархальные формы, заменяя их исподволь правовыми, юридическими. Из крепостной зависимости вышли прежде всего, еще в XVIII в., служилые классы, получив безвозмездно в личную собственность поместья, принадлежавшие государству. Затем раскрепощение коснулось купцов и горожан. Позднее, уже в XIX в., признано было правомерное

существование крестьян, не состоявших под крепостным правом частных владельцев. Положения 19 февраля отменили и этот последний вид крепостной зависимости. В настоящее время крепостное право упразднено у нас окончательно и повсеместно. Запоздалые его остатки, уцелевшие случайно, отменены вскоре после 1861 г. От патриархального строя удержались еще кое-какие привычки, но и они мало-помалу замирают, не находя уже для себя благоприятной почвы в новых правовых учреждениях русского государства.

Вторая сторона великого дела 19 февраля 1861 г. есть, как сказано, создание в России в колоссальных размерах мелкой крестьянской поземельной собственности. Оно имеет не только местное, русское значение, но и всемирное значение. В этом событии осуществились мирно, законодательным путем заветные идеалы передовых людей и реформаторов Древнего и нового мира, заложены основания новой гражданственности, о которых дерзали мечтать только самые смелые умы. Непоколебимая устойчивость и прочность этих основ рассчитана на громадные размеры государств новой формации, с которыми старые не идут в сравнение. Невольно с изумлением останавливаешься перед этим совсем новым, необычайным фактом, который является как бы заключительным практическим выводом из просветительских стремлений двух последних веков и каким-то прологом к новому периоду всемирной истории, еще скрытому от пытливого глаза современных людей. Мы можем отныне, не впадая в квасной патриотизм и китайское самомнение, с гордостью сказать, что мы впервые отперли дверь в грядущее и уже занесли туда ногу. В этом грядущем наши исторические судьбы уже определились бесповоротно и окончательно тем, что явление такого всемирного значения совершилось у нас, и именно в тот момент, когда Россия только что вышла из патриархальных пелен, чтобы вступить в условия гражданского существования. Теперь она уже стала на рубеже нового мира с задатками на роль и значение, каких ей не сулил в самых пламенных патриотических мечтах величайший из русских людей – сам Петр, умевший провидеть вперед за целые века.

При этих мыслях сильнее бьется русское сердце, растут силы, родится вера, удваивается готовность бодро служить Родине всем своим существом, как служил ей тот же Петр, родоначальник теперешней России.

Светлая картина, которую мы перед собой видим, не выдумана; она списана с несомненного, живого, действительного факта. Но для нас, современников, она омрачается не одним пятном, и из-за этих пятен мы с трудом ее разглядываем. Наше национальное сознание далеко еще не стало в уровень с тем, что совершается перед нашими глазами. От патриархального прошлого мы наследовали большую долю распущенности, которая мешает нам сосредоточить мысль на главном, не раскидываясь по сторонам, не теряясь в мелочах и подробностях. Отсюда у нас неустойчивость в целях, неумение их преследовать; частые прискорбные колебания и отклонения от исторического пути, на который часто против воли ведет нас весь строй и ход нашей жизни, все наши естественные влечения. Отсюда же у нас неизлечимое легкомыслие и ветреность, способность увлекаться ближайшим и вполне отдаваться его влияниям с совершенным забвением того, к чему мы хотели и должны идти. Отсюда же и наша апатичность, бессмыслие, способность преследовать без оглядки ближайшие, своекорыстные или мелочные цели, не думая об общих задачах, которые волей-неволей, а надо разрешать. Заложенное и начатое сегодня в величавых размерах мы завтра бросаем, и оно порастает быльем, а невежество и своекорыстие этим пользуются во вред государства и народа. В прошедшие 20 лет недостатки Положений 19 февраля могли бы уже быть исправлены, намеченные ими задачи – разрешены, новые стороны дел, указанные практикой и опытом, развиты и прочно поставлены. Вместо этого не раз приходилось с горестью видеть, как суживался и искажался в частях и в целом глубоко, зрело обдуманный план обновления нашего быта, как он перетолковывался вопреки его ясному, несомненному смыслу ради себялюбивых частных и сословных интересов, как его развитие задерживалось на деле и принимало в действительности вовсе не соответствующее ему направление.

Как ни прискорбны эти пятна, но они не должны смущать нас или повергать в уныние или отчаяние. Обратимся назад. Разве нерешительность есть у нас что-нибудь новое, никогда невиданное? Разве теперь впервые мы делаем шаг вперед и десять – вправо и влево, вкривь и вкось? Благодаря нашему историческому возрасту, которого мы не видим из-за подмалевки под культуру зрелых народов, мы до сих пор еще не умеем подняться над фактами, подчинять их нашей мысли и воле, дорожить временем, экономничать силами. Эти наши недостатки надо брать в расчет, обсуждая то, что у нас делается. Чтобы верно ценить исторические явления, особенно имеющие всемирное значение, надо смотреть на них в известной перспективе, не поднимаясь на высоту орлиного полета, но и не подходя на такое близкое расстояние, с которого нельзя уловить стиля и пропорции целого. Многое могло быть сделано лучше при установлении плана нового здания нашего быта; много сил и времени могло быть сбережено при его использовании. Дело нашего гражданского перерождения совершалось далеко не так успешно и последовательно, как желалось, думалось и мечталось. Все это, к сожалению, правда. Но не забудем, что перерождение все же началось и совершается, что оно несомненно и неизбежно; что, как бы ни были люди близоруки, колебания вредны и прискорбны, на нем, на нашем перерождении, уже успели отпечатлеться новые пути истории и гений русского народа.

Простимся же без зла с минувшим двадцатилетием и встретим бодро и мужественно наступающее, последнее – XIX столетие.

Письма из деревни

I

Вы просили меня написать вам что-нибудь из «захолустья, куда я добровольно обрек себя на семинедельное заточение». Так выражаетесь вы, столичные жители, свысока о нас,

временно и вечно цеховых провинциалах, и о провинции, забывая, что если бы вы сами нам подражали, то провинция стала бы столицей, а столица – провинцией. Не знаю, как в других местах, а у нас эта мысль невольно приходит в голову. Наш край запустелый; никто из так называемых порядочных людей здесь не живет, словечка не с кем перемолвить, и невольный пост на язык скоро прискучает донельзя.

Поверьте, никого я так не виню в скуке, как самого себя. Мы создали себе добровольно какую-то особенную атмосферу, вне которой ни жить, ни дышать не можем, а кругом бьется жизнь полным, здоровым пульсом. Разве она виновата, что мы не хотим или не умеем в нее вглядеться, войти в нее, полюбить ее и привыкнуть к ней? Если бы мы были поживее, смотрели на вещи попроще, мы нашли бы много очень любопытного, достойного изучения в самом глухом захолустье и были бы полезнее ему, чем теперь.

Посмотрите хоть здесь вокруг себя; мы скучаем, а мужику скучать некогда; именно теперь, когда я вам пишу, время самой напряженной, лихорадочной деятельности. Жнитво почти окончилось, и начинается молотьба. Теперь сводятся итоги годовых трудов, которые подготовляли минуту жатвы. Дремать и скучать тут некогда человеку, который живет землей. Старайтесь вжиться в эти интересы – и вы тоже скучать не будете.

Чтобы приготовить вас к тому, о чем хочу вести речь, я должен сперва заметить, что наш Новоузенский и Николаевский край – настоящая степь, которая высылает по Волге огромное количество пшеницы-белотурки и русской пшеницы, так называемого русака. Белотурка по огромным ценам, которые за нее платятся в настоящее время (лучшая – до 10 целковых за мешок, т. е. за 8 пудов), есть особенный предмет зависти и желаний. Хлеб этот до невероятности капризный. Одним дождем больше или меньше – и жатва плоха или совсем пропадает; перестоит на корню – колос ломается; сжатый попадет под дождь – опять беда: желтый цвет зерна бледнеет и убытку много – цена целковым на мешок дешевле. Земля под белотуркою должна быть отличная; сильных ветров и жаров во время

налива она тоже не терпит. Такой это своеобычный хлеб, что редко на него угодишь! Оттого благоразумные люди мало его сеют; соседи наши, немецкие колонисты, совсем от него отказались и сеют одну русскую пшеницу, потому что она редко выдает, но русские не могут расстаться с надеждой больших барышей, которая в 10 лет разве раз не обманет, а 9 лет принесет убытки или ничтожный доход.

Из этого вы видите, что посев белотурки – азартная игра, и еще какая! На ней наживаются огромные состояния, на ней же зажиточные мужики разоряются вконец. Разорение происходит вот от чего: хозяйство наше – экстенсивное; земля возделывается кое-как и не навозится (навоз идет на топливо); весь секрет в том, чтобы под хороший год иметь как можно больше земли под посевом. А как его угадаешь – хороший год! Каждый крестьянин принимает землю под один посев, а это сто́ит, и сто́ит дорого; или вы дадите за десятину мешок (8 пудов), иногда и 10 пудов в год, или заплатите деньгами 6 рублей сере<бром>, а если залог (т. е. новь), поднятый бычьими плугами, то и 10, и 11 целковых. Прежде обыкновенно земля нанималась из мешка; теперь чаще и чаще отдается за деньги. Последнее ввели немцы-колонисты, покупавшие участки, большею частью жалованные, за бесценок, потому что владельцы не умели ими распорядиться и не понимали, каким владеют сокровищем. Наем за деньги для мужиков гораздо невыгоднее. Во-первых, наемная плата вносится вперед, а пшеница собирается у нанимателей после урожая; не родится ничего – наниматель бросает землю, и хозяин может делать с нею, что хочет, – разумеется, не получая ни фунта пшеницы от нанимателя; если урожай плох, наниматель входит с хозяином в сделку, платит ему вместо мешка 4, 5, 6 или 7 пудов, смотря по пшенице. Иные хозяева на это не поддаются, другие «добродетельны». Итак, вот первая и большая издержка. Другая – это жнитво. Наняв много земли (а нанимают в моей деревне решительно все: иные по 50 и по 100 десятин, самый бедный крестьянин – не менее 12 сороковых десятин), с одной своей семьей крестьянин не управится, тем более, что придет пора

жнитву – нельзя терять ни минуты; русская пшеница осыпается, у белотурки отламывается колос. Нужны и рабочие, и жнецы, и на это опять приходится раскошеливаться. Население в нашем краю, по пространству земли, чрезвычайно редкое – оттого в рабочую пору рабочие руки чрезвычайно дороги. В это время не хозяева строят цены, а рабочие, и если вы хотите видеть край, где хозяин связан по рукам и ногам, а рабочий диктует ему свои условия, которые тот со смирением принимает, – приезжайте сюда во время жатвы.

Наем рабочих, особливо жнецов, – любопытнейшая вещь в нашем краю. Приспела жатва – и всюду начинается усиленная деятельность и необыкновенное столпление народа. Хозяева спешат на базары – пункты, где нанимаются жнецы; для нас таким базаром служит преимущественно Вольск, уездный город Саратовской губ., в 70 верстах отсюда. В то же время рабочие тысячами идут в глубь степи искать работы. В последние годы наемные цены на жнецов страшно возвысились: с 3 рублей сер<ебром> за сороковую десятину, как бывало прежде, они поднялись до 6, 6 $^{1}/_{2}$ и 7 рублей. В третьем году жали по 8, а в отдаленных местах – по 10, 12 и даже по 15 целковых за десятину. Во все время работы вы должны кормить жнецов, и кормить хорошо – пирогами (как называются здесь пшеничные хлебы) с приварком из пшена или гороха (иные не станут есть гороха) с салом, иногда и с бараниной, в постные дни – с маслом. Если же вы наняли их не у себя, а на базаре, то издержки еще больше: вы должны доставить их к себе на своих лошадях и угостить водкой, по-здешнему – дать магарыч, не говоря уже о пирогах во время ряды и в продолжение пути. А найма на базаре редко избежишь: рабочие могут и не прийти, когда нужно. Что тогда делать?

Вы видите, что издержки огромны, и при плате за землю деньгами они должны быть затрачены вперед. Хорошо, если жатва обильна или порядочна; а если плоха, расход легко может выйти равен приходу и превзойти его. Иногда пшеница стоит лес лесом, а зерна – ничего; или много намолотишь, да зерно легковесно: жара его сморщила; молотишь, молотишь,

пока набьешь мешок, а из двух мешков с десятины и хлопотать нечего, особливо если русак: мешок отдашь хозяину, мешок – на семена, а жнецам платить не из чего.

Я еще не все сказал о жнецах и работниках. То, что они всем нужны в самую горячую пору, делает их требовательными, нахальными и своевольными в высшей степени; о римском праве они не имеют ни малейшего понятия, вероятно, потому, что не были в университете. Святость контракта, верность данному слову не существует даже по имени. Когда поспевает пшеница – все думают только о том, как бы зашибить копейку жнитвом. Вы нанимаете во время жатвы няньку; она вам преспокойно говорит: заплатите мне, сколько платят жнецам, а не то я пойду жать. Вы наняли работника еще с осени на год и на условиях, для него выгодных, но имели неосторожность не заплатить ему денег вперед – так, чтобы во время жатвы у него оставались незаработанные деньги: берегитесь, он у вас не останется, и вы в самое нужное время лишитесь его: он пойдет жать. Да если и вперед дадите, то и это вас не спасет: он все-таки уйдет жать. Пойдите, судитесь с ним, когда каждая минута рубля стоит. Одно только средство и есть закрепить за собою годового работника – позволить ему посеять на себя пшенички. Все здесь нанимают землю и сеют: и дворовый, и вдова, и пастух, и кучер, и кухарка – хоть десятину, да сеет. Кормите вы плохо – жнецы, не говоря ни слова, бегут с вашего поля – и делу конец; низок ваш хлеб и жать его трудно – тоже; идите опять искать жнецов за тридесять земель, тратьтесь, угощайте снова магарычом, покупайте снова пироги. И это еще не все: наняли вы жнецов очень дешево, а вдруг цены поднялись на них – и они вас бросят. Тут ни предусмотрительность, ни ловкость, ни ласка, ни угрозы – ничего не поможет. Зато хитростям с обеих сторон нет конца. У вас нет жнецов, а вам они очень нужны; вам не хочется ехать за 70, 100 верст и тратиться; вот вы и подсылаете кого-нибудь к соседу переманить его жнецов и предлагаете им цену немного повыше; если они мало нажали, тысячу вероятий против одного, что его бросят и перейдут к вам. Но бывает и так, что сосед заметит эту штуку

и, пожалуй, наколотит вам шею в то самое время, как вы собираетесь сманить его рабочих; может случиться с вами и хуже этого: вас в самое хлопотное время остановят и продержат под приватным арестом до тех пор, пока обольщения ваши будут безвредны, потому что жнецы между тем много нажали хлеба и переходить им невыгодно.

Редко-редко, когда нанимаются жнецы на все время жатвы по одной цене. Сначала обыкновенно ряда бывает до воскресенья, а потом на следующую неделю – новая; или рядятся на низшую, среднюю или высокую цену, какая объявится в Вольске, или в Миусе (казенном селении), или в Перекопном (Новотроицком, удельном селении) и т. п. Еще чаще рядятся на первую, вторую и третью цену, потому что рядятся на базарах утром, в обед и вечером. Тут умение торговаться играет важную роль, нужна большая сметка, догадливость, ловкость, сообразительность, чтобы не передать лишнего и удержать за собою рабочих. Мужики на это удивительные мастера. Вы рассчитываете на низкую цену и скупитесь, а он дает бóльшую и оказывается прав; он получил жнецов, а вы сидите без них и должны дать потом больше, чем он. Умный мужик не дает жнецу одуматься поутру в день новой ряды: будит его спозаранку, пока ему не с кем еще слова молвить и посмотреть, как рядятся другие, обходит его словами, если нужно – поднесет стакан вина и сладит такую дешевую ряду, что вы не надивитесь, а жнец уже заработал у него деньги, но не получил еще их, и податься ему некуда: должен работать.

Но не всегда коту масленица, придет и Великий пост. Так и со жнецами. На первых порах жатвы их сторона берет, и они – господа; потом настает черед и хозяев. Когда поля пообжались и рабочих прибывает, хозяева приосанятся и сами диктуют условия рабочим. Простой народ не любит лицемерных выражений и называет это попросту: «попритеснить жнецов». Оно так и есть на самом деле. С ними говорят уже не так ласково, как сначала, а сухо; объявляют, что рабочих-де будет довольно и кланяться им нет нужды; уйдут они – придут другие, и рабочие сдаются: нечего делать, потому что оно в

самом деле так. Всего забавнее, что эти маневры, этот переход из ласкового тона в сухой повторяются регулярно каждый год почти в одну и ту же пору. Грамоту эту от начала до конца наизусть знают и хозяева, и жнецы. Кого же кто надувает? А между тем завтра и послезавтра тем же порядком. Я помирал со смеху, когда мне рассказывал один из моих крестьян о своих отношениях к работнику в критическую пору жатвы. Никакими словами не передать этого рассказа, в котором мимика и интонация голоса играли важнейшую роль. Дело в том, что работник нанялся у него до жатвы, а в жатву не найдешь работника. Как быть? Надо как-нибудь умаслить его, чтобы он остался, и на прежних условиях; для этого надобно его разлакомить, чтобы он взял вперед деньги, – тогда и дело в шляпе. И вот хозяин увивается за работником, говорит с ним ласково: «Не нужно ли тебе, Андрей, денег, – говорит он ему вкрадчиво, – послать жене. Ты куришь, Андрей? Я тебе панушку табаку куплю на свои деньги». А работник на него смотрит, ленится, встает поутру поздно; чуть не по нем – ругается непечатной бранью. Хозяин все это видит и сносит. На предложение денег работник ничего не отвечает: значит, думает, взять или не взять. Так проходит несколько времени. Наконец, приходит он к хозяину и просит денег; тот, разумеется, тотчас же их дает, и с этой минуты роли переменяются: хозяин входит в свои права, и Андрей должен работать, рано вставать, слушаться и не сметь браниться непечатными словами.

Расчет со жнецами – дело очень сложное и запутанное. У всех порядочных хозяев пахотная земля разбита на осьмаки, т. е. равносторонние четырехугольники, заключающие в себе каждый по 8 сороковых десятин. Казалось бы, ничего не стоит вымерить, сколько осьмаков и десятин нажато, заплатить по расчету – и все тут. На деле оно не так. Во-первых, как сказано, ряда не одна на целое жнитво, их может быть несколько. Вы, например, наняли жнецов в четверг до воскресенья, потом рядитесь с ними же опять по новой цене на следующую неделю. Такие срочные ряды бывают оттого, что и вы, и жнецы равно рассчитываете: он – на по-

вышение, а вы – на понижение цены. По каждой ряде расчет особый, по количеству нажатого пространства. Потом, не всегда удается нанять жнецов сразу сколько нужно; они принанимаются в разные сроки и по разным ценам. У меня работали по 16 рублей асс<игнациями> и в то же время по 5 и по 6 ½ рубля сер<ебром> за десятину. Потом цены были 6 и 6 $^{1}/_{2}$ рубля; наконец, они опять упали на 5 целковых и 16 рублей ассигнациями. Вдобавок партия жнецов состоит из множества артелей; каждая из них работает особо и требует особого расчета. Иная артель состоит из 2 человек, иная – из 5 и 10. Итак, вам приходится сделать расчет не валовой десятиной, а по количеству ряд и потом поартельно. При этом, естественно, возникает тысяча вопросов, сомнений, которые вы обязаны разрешить миролюбиво и непременно к удовольствию жнецов, иначе про вас пробежит слава, что вы прижимаете рабочих при расчете, и никто к вам не пойдет жать. Особенно несносны, привязчивы и бестолковы при расчетах женщины. Впрочем, они несносны и при ряде. Я заметил также, что при вычислении сжатой площади рабочие ведут расчет не квадратными саженями, а саженями вдоль десятины. Сажень на их языке значит не одна квадратная сажень, а 80; в десятине они считают поэтому 40 сажен; 40 кв. сажен на их языке составляют полсажени; слишком мелкие дроби отбрасываются. Вычислять нажатую площадь рабочие великие мастера. Это природные землемеры. На вас они никогда не полагаются, и если на объявляемый вами расчет рабочий говорит: «Так будет», знайте, что он это сказал не по доверию, а потому, что у него давно расчет сделан и ваш расчет сходится с его, выведенным Бог ведает по каким правилам. Каждая артель, рассчитавшись с вами, отходит, и тут же рабочие рассчитываются между собою. Иногда происходит по этому случаю крик и шум, и вы же делаетесь посредником, потому что к вам обращаются с просьбой разрешить недоумение. Вообще при 70 или 80 жнецах расчет – дело нелегкое и, главное, очень <хл>опотное. Вымерив на месте, полезно тотчас же дома определить каждую нажатую площадь поар-

тельно и посрочно, чтобы облегчить себе работу и особенно сократить время при расплате.

Из сказанного вы видите, что здешние экономические отношения – самые простые и самые первобытные. Каждый старается по возможности «попритеснить» ближнего и быть беспрестанно начеку, чтобы он его не «попритеснил» как-нибудь, в свою очередь. Подумаешь, здешние мужички жаркие поклонники Гоббесова *bellum omnium contra omnes*[1]. Только шабра (соседа) стараются «ублаготворить» по возможности; у шабра смежное поле; забежит к нему скотина, он потребует большого выкупа, а как за животиной присмотреть в степи? Вот и «ублаготворяешь» шабра всячески, чтобы и он при случае тоже оказал удовольствие. А с посторонним не для чего церемониться: «Кто кого смога, тот того и в рога».

Этот порядок дел непонятен и ненавистен приезжим, особенно иностранцам и управителям из немецких провинций, приносящим с собой готовые понятия о святости и ненарушимости контрактов. Им он кажется чем-то чудовищным; а нечего делать, надо ему покориться, потому что нет управы на рабочего, который вдруг от вас уйдет, несмотря ни на какой договор, ни на какие задатки, уйдет именно тогда, когда он вам нужен, или предложит такие новые условия, от которых у вас волосы станут дыбом. *Selfgovernement*[2] особенного свойства, совершеннейший! Американское *help yourself*[3] – в нравах, в привычках, в понятиях. Никто никогда и не думает жаловаться, если его обойдут: запомнит, на чем надули, и будет вперед избегать обмана, а того, что потерял, и не помыслит искать. Да и у кого и как искать? Только себе убыток и смех людям, тонко знающим расчет и здешние порядки. Вы меня, пожалуй, назовете варваром и диким, а я вам все-таки признаюсь, что предпочитаю этот склад и строй жизни всякому другому. Прежде чем осудить – выслушайте. Вас поражает в мужике грубость и чисто материальный взгляд на вещи;

[1] Всех против всех (лат.). – *В. Т.*

[2] Правильное написание: Self-government (англ.) – самоуправление. – *В. Т.*

[3] Здесь : Ваши проблемы (англ.). – *В. Т.*

я тоже не нахожу этого преимуществом, но не в них сила. Это грубая оболочка, которая рано или поздно сама собой отпадет. Вглядитесь глубже – и вы увидите, что под этой кажущейся безалаберщиной и неурядицей скрываются семена совершенно правильных социальных отношений. Несмотря на то, что договоры ничем не ограждены, вы редко услышите рассказы о наглом их нарушении. Попробуйте обмануть рабочих в расчете, и на будущий год вы останетесь без жнецов; слава о вас обежит целый край, и никто не захочет иметь с вами дела; попробуйте не заплатить в срок долга – и вы ни копейки ни у кого не достанете; прижмете вы шабра – и он вас прижмет, на что всегда выищется случай. Верность сделок обеспечивается, следовательно, правильным расчетом на будущее, а это основание потверже всякой расправы и судебного разбирательства. Заведите здесь близкий, быстрый и даже справедливый суд, но с книжными понятиями о ненарушимости обязательств, и вместо теперешней бойкой размашистой жизни водворится вялость сделок и вялость людей; непременно кто-нибудь будет притеснять другого, но не попеременно, как теперь, а постоянно под благовидным предлогом святости договора. Коррективом теперешнего порядка является сметливость, опытность, которая так сильно развивает ум, бодрость и живость в людях; а тогда юридическая схема сдавит свободу отношений, и за нею можно будет спать спокойно, не думая ни о чем. Теперь вы поймали рабочего на невыгодных для него условиях; смотрите, он от вас уйдет, и вы ничего не выиграли, а, напротив, проиграли, стало быть, вам надобно сочинить с ним такую ряду, чтобы и вам было сносно, и ему не накладно; тогда же, если вы его раз поймали на удочку, – конечно, дело, ему придется служить вам волей-неволей; вы очевидно в барыше, но из таких отдельных фактов слагается вражда сословий.

Свойства теперешних отношений, которые переделать нет никакой человеческой возможности, потому что они с разными вариациями общи всему великорусскому племени, указывают на другого рода коррективы, которые, мне кажется,

более под стать нашему народу. Русский человек – великий материалист по природе: что ему выгодно, того он и слушается, за тем и идет; из расчета он может сделаться и тверд в слове, и честен до утонченности, и снисходителен к соседу, и услужлив, и даже щедр. Воспользуйтесь этим взглядом его на вещи и старайтесь расширить пределы его расчета; таким путем можно далеко увести его ко всему доброму. Теперь он предоставлен своему природному уму и опытности: докажите ему опытом же, отчасти рассуждениями о предметах ему близких, что расчет его близорук; что надобно смотреть и дальше, и зорче, – это он всегда поймет и рано или поздно последует вашему совету и указанию. Может быть, я и ошибаюсь, но мне даже кажется, что способ здешних сделок в основании своем справедливее, чем строго юридические отношения, как они нам известны из римского права. Вы наняли у меня землю из мешка; что это значит? Значит, что мы сложились с вами: вы дали труд и издержки производства, я – капитал. Нет урожая – ваш труд и издержки пропали, и мой капитал ничего мне не принес. Или вы наняли рабочего, а он от вас ушел, не выполнив условия. И это не так преступно с его стороны, как кажется; и его труд пропал, потому что вы ему ничего не заплатили, и для вас потеря: вы лишились рабочего, когда он вам нужен; получив задаток, рабочий не должен уйти: это противно обычаям. Но если он уходит, отработав задаток, потому что ему невыгодно работать, – почему бы, спрашиваю, это было несправедливо? Это значит только, что он не в кабале у вас, больше ничего. Дайте сносные условия – и он останется; в этом его выгода не потерять работы даром, не искать другого дела и другого хозяина. Как, скажете вы с негодованием: кто смеет говорить, что ни суда, ни расправы не нужно, что от них будет не лучше, а хуже? Позвольте. О пользе суда и расправы смешно было бы спорить. Условимтесь только в одном – в границах судебности. Есть дела, которые требуют суда, и на них он должен быть; есть другие дела, в которых суду не следует входить, – иначе он сделается орудием притеснений, и жизнь пойдет помимо его. Таковы всякого рода сделки, наймы

и т. п.: они держатся, если обоюдно выгодны, и нарушаются, если равновесие между договаривающимися нарушено. Присваивать святость писаной бумаге потому только, что она написана, хотя обстоятельства совершенно изменились, – вот это было бы верхом несправедливости и притеснения. Это значит ловить людей на удочку и разрушать действительную справедливость отношений. Одно при нарушении договора не может быть терпимо: это когда нарушение сделано тем, кто выгодами контракта воспользовался; напр<имер>, как я уже сказал, не может уйти безнаказанно рабочий, взявший задаток, не возвратив его или не отработав. Обычаи строго осуждают это; но если он ничего не получил – ваше дело заботиться о том, чтобы для него не было выгодно нарушать ряду. Следовательно, по здешним понятиям суд и расправа полезны и необходимы против насилий всякого рода и против присвоения чужой собственности; в договоры же и условия суд не должен вмешиваться; они сохраняются или нарушаются, и никому до этого нет дела, если только одна из сторон не воспользовалась при этом чужой собственностью. Поэтому, повторяю, это очень правильно и разумно: юридическая формула должна только обозначать общественные явления и отношения, а не давить и стеснять их. В этом, разумеется, крестьянин не дает себе ясного отчета, но он чувствует так инстинктом, непосредственным чутьем, и, мне кажется, оно очень верно. И вот в каком отношении влияние образованных классов на народ могло бы быть в высшей степени благотворно: образованные люди легче необразованных сумеют формулировать общественные и юридические явления, понять их и возвести в принцип или юридическое начало; они могут понять расчет шире, не так близко и непосредственно, как крестьянин. Если бы они сумели, вырвавшись из искусственной атмосферы, в которой проводят свое существование, вглядеться в жизнь народных масс беспристрастно и, отбросив всякие готовые теории, заставив замолчать в себе своекорыстные расчеты, с одним искренним желанием истины, добра и общей пользы принялись за умственное и нравственное воспитание народа, служа ему

живым примером всего хорошего и объясняя ему все доброе с точки зрения выгоды или пользы, которую одну простой народ твердо понимает, то нет сомнения, что в короткое время мы бы не узнали мужика: грубая и отчасти дикая кора, в которую он так плотно завернут, свалилась бы, и пребывание в так называемой глуши и захолустье стало бы для нас источником всякого рода нравственных наслаждений.

К несчастью, я должен признаться, что все это мне самому кажется утопиями, особенно когда оглянусь вокруг себя: мы все почти подражаем мужикам, укоряя их в то же время в грубости и невежестве; мы так же близоруки, так же своекорыстны, как они, только гораздо хуже их знаем свое дело; даже в тех узких рамках, в которых ищем своих выгод, мы ведем расчет гораздо хуже крестьянина. Единственная цель наша – получить как можно больше дохода и барышей, а не общая польза, удовлетворение разным искусственным потребностям, а не нравственное благо: что ж мудреного, что мы смертельно скучаем в деревне? Мы не довольно сочувствуем интересам масс; привычки и понятия наши совершенно различны, что вовсе не значит, чтобы наши были нравственно лучше. Не умея подняться до той простой истины, что все доброе и честное в последнем результате есть и самое выгодное, потому что честное и доброе не в воздухе витает, а живет посреди же нас и с нами, мы не лучше массы, на которую смотрим свысока; мы так же мелочны, так же нравственно неразвиты, так же не выходим никогда из круга ежедневных ближайших и своекорыстных забот. Мы скучаем, потому что одиноки и нас мало, а никто еще безнаказанно не уединялся в себя и не разобщался с великим Божиим миром во имя себялюбивых интересов. Мы так погрязли в предрассудках и в готовых понятиях, заученных наизусть и никогда ничем не проверенных, что, без сомнения, эти строки будут встречены очень многими с презрительным смехом и самодовольным скептицизмом. Пусть! *Rira bien, qui rira le dernier*![1] Время покажет, кто прав и кто неправ; суд его беспристрастнее нашего…

[1] Хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться последним (фр.). – *В. Т.*

Для нас, владельцев населенных имений в здешнем краю, не имеющих возможности жить круглый год в деревне, представляется теперь жизненным вопрос: что делать с имениями, когда преобразование крепостного права совершится. Обязательный труд будет здесь, в большей части имений, сопряжен с неудобствами; он станет меньшим подспорьем к нанятым работникам и жницам, чем теперь; вся сила будет лежать в последних. При таком положении дел, при дороговизне рук, при неверности урожаев белотурки, при относительной дешевизне русской пшеницы хозяйственное возделывание пшеницы в общем итоге принесет не доход, а убытки. Это показывает самый простой расчет. Вспахать десятину стоит 2 рубля 50 копеек и 3 рубля сер<ебром>, обжать ее – 5 и 6 целковых; вымолоть и выveять – 35 и 40 копеек с мешка; отвезти на продажу – от 30 до 50 копеек с мешка же. А обыкновенный урожай белотурки надобно полагать от 3 до 4 мешков с десятины. Цена 6 или 7 рублей. Стало быть, десятина дает от 18 до 28 рублей, а издержки обойдутся от 8 до 10 рублей. Но мы не положили в счет запасные семена на год (5 и 6 пудов), посев, отвоз пшеницы с гумна в амбар, издержки на содержание и ремонт рабочих лошадей и быков, наем и содержание рабочих, содержание жнецов, молотильщиков и веяльщиков, подсеивание пшеницы, ремонт разных вещей по хозяйству и в особенности жалованье и содержание управляющего, которому надобно платить дорого, которого надобно содержать порядочно, если не хотите иметь плута и вора, способного наделать вам больше беды, чем самая высокая плата порядочному человеку. Сочтите все это, и вы увидите, что даже при ежегодном обыкновенном урожае, который очень часто не удается, и при благоприятных условиях, которые редко соединяются, расход почти равняется доходу. Какое же количество десятин нужно сеять, чтобы иметь порядочный доход? А оно тоже определяется количеством земли, удобной для пашни. У нас земля пашется три года сряду и потом должна отдыхать не менее 6 лет; еще лучше снимать одну жатву и оставлять землю впусте 2 года; так или иначе, но, во всяком случае, больше тре-

ти всей удобной для пашни земли ежегодно засевать нельзя; иначе при хороших урожаях вы, конечно, получите 3–4 года отличный доход, но потом останетесь не при чем на несколько лет. Но и засевать много – страшный риск; вы положите в землю огромные деньги (предполагаю, что их имеете) и, может быть, ничего не получите назад, просеете, как выражается народ; две-три такие аферы – и вы разорены вконец.

Что же мы начинаем? Самое благоразумное и верное, кажется, ежегодно отдавать треть пахотной земли внаем. При выгодной наемной плате это верный доход, но надобно иметь и верного человека, который бы не отдавал больше третьей части земли и не отваживал нанимателей взятками в свою пользу сверх положенной цены, что тоже случается. Колонисты, владеющие участками, ведут, таким образом, свои дела отлично, и земля их давным-давно окупилась. Конечно, малую часть все-таки придется возделывать от себя, на домашний обиход; в случае обильного урожая часть пшеницы можно и выгодно продать. Кроме того, на залежи можно пускать гурты овец и скота за хорошую плату. Такое хозяйство потребует немного народа и немного ртов. К нему я намерен перейти, как только изменятся теперешние отношения к крестьянам. Кто живет сам в деревне, тот, конечно, может устроить такой порядок гораздо выгоднее для себя, потому что ему не нужно управляющего.

Многое хотелось бы рассказать вам еще любопытного из того, что я здесь видел и слышал, но всего сразу не перескажешь.

Село Константиновское на Мюсе.
7 августа 1860 г.

II

Хочу поговорить теперь с вами о договоре или обязательстве другого рода, которое тоже представляет свои замечательные особенности. Каждый, кто бывал летом в деревне, видел стадо в поле, в степи он увидит, кроме того, табун лошадей, именно когда не нужны они в дело. Весной на них пашут, пра-

вильнее сказать, запахивают и заборанивают посеянное зерно; после жатвы у нас молотят лошадьми. За исключением этих двух работ, требующих большого количества лошадей, они летом не нужны и пасутся в степи днем и ночью.

Стадо крупного и мелкого скота пасется пастухом с подпаском, табун лошадей – табунщиком. Привольные пастбища дают возможность держать много овец и скотины, а характер земледелия, единственного здешнего промысла, требует много лошадей. Здесь пашут «мягкую» землю (т. е. если она не старая залежь и не залог) конными плугами, в которые впрягаются по три лошади, да одна лошадь идет за плугом с бороною, итого: каждое тягло должно иметь, по меньшей мере, четыре лошади. Понятно, что количеством плугов измеряется достаток хозяина. «Тот не мужик, у кого на два тягла нет девяти лошадей», – говорят здешние крестьяне. У зажиточных на одно тягло два, три и даже четыре плуга. Легко представить себе поэтому, каковы здешние табуны.

Пастух и табунщик нанимаются на все то время, пока скот и лошади могут пастись в степи. Ряда происходит к новому году, с пастухом и табунщиком особливо, потому что скот и лошади пасутся особо. Нанимаются они крестьянским обществом, которое платит им деньги и обязано кормить. Раскладка платежа между крестьянами производится: пастуху – по чередам, табунщику – по головам. Это вот что значит: платой облагается каждая скотина и каждая лошадь, исключая только тех, которые «ходят под матерью», т. е. сосут мать, только между лошадьми нет разницы; «коняшонок», т. е. сосун, лишь только становится стригуном, зачисляется по платежу вровень со взрослыми и старыми лошадьми; а для рогатого скота и овец расчет делается иначе: корова и бык принимаются за единицу, которая и называется «чередом»; шесть овец полагаются против коровы, т. е. составляют вместе черед; телушка или бычок двухгодовалые идут каждый за две овцы, следовательно, за треть череда; трехгодовалые бычки и телушки, каждый против трех овец, т. е. за полчеред; годовалая телушка не идет в счет. Таким образом, годовая плата табунщику раскладывается по

количеству лошадей, за исключением сосунов, а пастуху – по количеству чередов, в расчет которых тоже не входят скот и овцы, кормящиеся молоком матери. (О количестве скотины в нашем краю можно судить по тому, что в моем маленьком имении, состоящем только из 35 тягол, считается 130 чередов рогатого скота и овец.) Затем каждый домохозяин платит с того количества чередов и голов, какое имеется в его дворе.

Пастух и табунщик кормятся, как сказано выше, крестьянским обществом. Это значит, что они обедают или ужинают с крестьянами и получают от них пироги (пшеничные хлебы) на остальное время дня, про запас. Табунщик приезжает обедать в деревню, потому что днем и ночью лошади остаются в поле, пастух же пригоняет скотину к закату солнца домой, на ночь, и ужинает с крестьянами. Заметить до́лжно, что каждый крестьянин обыкновенно ест четыре раза в день: завтракает, полуднюет, обедает и ужинает. На то время, когда пастух и табунщик не едят с крестьянами, они и должны поэтому получать про запас «пироги», которые и едят в поле. Как же кормят крестьяне пастуха и табунщика?

Каждое крестьянское семейство, правильнее, каждый двор, готовит кушанье про себя. Прокормление пастуха и табунщика раскладывается между крестьянскими дворами по количеству скота и лошадей, которым каждый двор владеет. Сколько в каждом дворе чередов скота, столько дней и обязан он прокормить пастуха. Табунщика кормят с каждых шести голов один раз. В этом отношении заведена между дворами очередь, которая не изменяется и идет все так же, не прерываясь из года в год. Настала поздняя осень, скот и лошади перестают пастись в степи, и прокормление пастуха и табунщика прерывается; но с наступлением весны, когда скот и лошади опять выгоняются в поле, опять начинается довольствование пищей пастуха и табунщика, и первый двор, на котором лежит эта обязанность, есть тот самый, на котором остановилась заведенная очередь, за ним следующий и т. д. Если двор имеет не полное число чередов, а с дробями, или такое число лошадей, которое не делится на шесть без остатка, то дроби сосчитыва-

ются вместе, и когда составляют полный черед или шесть лошадей, тогда за них полагается день прокормления пастуха и табунщика. Напр<имер>, положим, что во дворе пять чередов скота с половиною: ему придется прокормить пастуха в первую очередь, или круг, пять дней, а во вторую – шесть дней; если у него четыре череда с третью, то он будет кормить в первый круг четыре дня, во второй – четыре же дня, а в третий круг – пять дней и т. д.

Если с нового года, когда производится наем пастуха и табунщика, произойдет какая-нибудь перемена в числе скота или лошадей к тому времени, когда они выгоняются в степь на паству, то раскладка сообразно с тем изменяется: у кого уменьшилось скота или лошадей, тому излишне полученные с него деньги возвращаются, у кого увеличилось, с того по расчету довзимается.

Сбор наемной платы табунщику и пастуху поручается крестьянским обществом одному из стариков, который и ходит по дворам, когда следует, и ведет с крестьянами, пастухом и табунщиком расчеты.

Под табунщиком всегда ходит лошадь. Не может он ездить все на одной лошади; это было бы и тяжело для нее, и неуравнительно для крестьян. И вот верховая езда табунщика тоже раскладывается между дворами по числу владеемых ими лошадей как прокормление табунщика. Прежде было здесь так: четыре лошади давали одну лошадь под табунщика на день; теперь дают одну на шесть лошадей; крестьяне говорят, что это сделано для облегчения лошадей; оно так, но возможность облегчить произошла от того, что число крестьянских лошадей в последнее время значительно увеличилось. Излишки или недостачи к шести сосчитываются особо и отслуживают свои конные дни табунщику точно так же, как чередовые дроби скота сосчитываются при раскладе кормежных дней. Вот что я успел узнать о порядке найма крестьянами пастуха и табунщика. Эти сведения, сознаюсь, очень неполны; бывалые хозяева могут рассказать об этом и больше, и лучше меня. Я пишу, что узнал случайно, урывками, потому что система-

тического изложения от крестьян трудно добиться. Никогда между ними не возникает по поводу таких договоров никаких недоразумений ни между собою, ни с пастухами; стало быть, есть какие-нибудь точные правила, по которым разбираются казусные случаи, но эти правила нигде не записаны, не возведены в юридические начала; представится сомнительный случай – станут толковать о нем крестьяне, и тут вы услышите положения или начала, действующие относительно таких договоров, которых вы и не подозревали, – начала, объясняющие вам дело совсем с другой стороны, вам вовсе не известной. Такова вся наша народная жизнь; хороша она или дурна – мы не знаем, и пока не станем в нее вглядываться, никогда не узнаем. Разговорившись с разными крестьянами о найме пастухов и табунщиков, я узнал, что везде принят тот же порядок, только с частными видоизменениями. Так, например, в Тульской губернии Белевского уезда в черед полагается не шесть – десять овец. Крестьяне Саратовской губернии сказывали мне, что пастух не отвечает, если волк, по здешнему «бирюк», зарежет скотину, но отвечает за потерю ее и за потраву.

Село Константиновское.
17 августа 1860 г.

III

Трудно представить себе что-нибудь недоверчивее нашего крестьянина ко всякому помещику вообще и к своему в особенности, и на это есть много причин. Мы сами в этом очень виноваты… Есть, впрочем, и разные другие обстоятельства, которые этому способствуют, даже без нашей прямой вины. Мы совершенно не знаем быта крестьян и, не дав себе ни разу труда вникнуть в него беспрестанно, хотя бы только для того, чтобы иметь о нем понятие, мы заранее пренебрегаем им и смотрим на него свысока. Не стану разбирать здесь очень сложный вопрос: хорош ли этот быт или дурен, но в этом согласится со мной, конечно, всякий, что надобно, по крайней мере, знать то, что презираешь, а мы и не знаем даже, а пренебрегаем.

Как народные нравы нам чужды и неизвестны, так точно и наши нравы и обычаи – крестьянину. Кто же из нас даст себе труд объяснить мужику, что вот это-де мы делаем потому так, а это потому? И всегда ли это можно объяснить? У нас столько пустого и условного!..

Выходит, что, вступая с мужиками в действительные практические отношения с наилучшими намерениями и при полном расположении к нам крестьян, мы с первых же шагов решительно не понимаем друг друга. Мы хотим им добра, но принимаемся за дело не так, и выходит зло, по крайней мере, недоразумение. Крестьяне остаются холодны к этому добру. Мы, не понимая причины, сердимся на них, негодуем, называем их неблагодарными, бесчувственными, закоснелыми невеждами, и желание добра им в нас охладевает, махнем рукой и возвращаемся к заведенному порядку, каясь, что его нарушили и предавались несбыточной мечте. Крестьянин, обманутый тем, что барин хороший, и он ждал от него хороших порядков, а вышла сумятица и все опять пошло по-старому, тоже махнет рукой и крепче утвердится в своей недоверчивости.

Барин прав. От не по-пустому кается, что нарушил заведенный порядок, что предавался несбыточным мечтам. Он порасстроился оттого, что погнался за осуществлением утопии. Но в каком же это смешном и нелестном для него смысле! Без ума и добро не в добро. Кто же виноват, как не он сам, что из его благих намерений ничего не вышло! А что крестьянин еще глубже уйдет в свою недоверчивость, так он тысячу раз прав, и в самом нешуточном смысле. Его берет раздумье, что бы это могло значить: и хотят мне добра, а добра не выходит никакого. Напротив, выходит только тревога и бестолочь, а в конце концов зло, а барин добрый. Вот почему в нашем положении нельзя быть довольно осторожным и осмотрительным при обращении с простым народом. Попасть в раз чрезвычайно трудно. Мы вдобавок и говорить не умеем с крестьянином; нашего балагурства и шуток он не любит и не понимает, иногда видит в них такие намеки, о которых мы и не помышляли.

Со мной был один очень забавный случай, который приведу как доказательство, к каким недоразумениям подает повод различие наших и крестьянских обычаев.

Раз как-то в воскресенье утром, выпив чашку кофе, я отправился прогуляться по деревне. У нас крестьяне считают за грех работать что-либо по воскресеньям и праздникам и потому от нечего делать собираются по нескольку калякать около своих ворот, сидя на завалинках. Потолковав с ними о том и о сем, я пошел далее, но один из крестьян остановил меня и просил зайти к нему после обеда «побаить», т. е. побеседовать. Мы с ним были всегда в наилучших отношениях, оказывали взаимно друг другу разные услуги, никогда не ссорились, и потому я принял это приглашение с большим удовольствием. В назначенное время прихожу. Хозяин встречает меня приветливо, а хозяйка едва поклонилась и не смотрит. Мужик что-то ласково подтрунил над ней, она отвечала ему грубо, отрывисто, видимо, с сердцем. Я решительно не понимал, что все это значит, не имел никакого повода думать, что она мне не рада, знал ее с наилучшей стороны и то, что они живут с мужем очень ладно. «Что это твоя хозяйка так сердита?» – сказал я ему, когда она вышла. «Не знаю, – отвечал хозяин. – Что-то серчает». Потом через минуту вышел, вероятно, поговорить с нею и, возвратившись, объяснил мне загадку. Хозяйка сердилась на него, зачем он не предупредил ее, что пригласил меня к себе, и я застал ее неприготовленной: у нее нечего было поставить на стол. Это не предвещало ничего доброго для моего желудка. После обеда я не был в состоянии есть, и даже для городничего не было больше места, а разные крестьянские кушанья и угощения нашлись вскоре в доме зажиточного моего хозяина. После тысячи упрашиваний и тысячи отказов я успел, наконец, объяснить ему, что если я не ем, то решительно потому, что боюсь заболеть, и желудок не принимает, что по нашим обычаям можно быть в гостях без всякого угощения, но старуху-хозяйку убедить в этом не было никакой возможности. Ей все казалось, что я не ем у них неспроста, а с умысла, и пришлось отыскать ме-

сто в желудке хоть для небольшого городничего и положить в карман про запас кое-какие съедобности. Знай я не из книг, что невозможно прийти в гости к крестьянину, не поев у него чего-нибудь, я бы, конечно, не зашел к нему после обеда и избег бы неприятной необходимости: или есть, когда был сыт по горло, или разобидеть хозяйку. Но это еще не важно, и я вспомнил об этом случае мимоходом.

Такие недоразумения можно, по крайней мере, скоро поправить. Неделю спустя эта же самая хозяйка совершенно свыклась с мыслью, что я прихожу посидеть к ним и ничего не ем. Бывают недоразумения гораздо поважнее, которые останавливают на долгое время действие самых полезных мер. Вот когда искушение велико – счесть крестьян за дураков или негодяев, махнуть рукой на полезные улучшения в их быту как на праздные мечты, простительные в ребячестве, а не в зрелом возрасте; и вот когда именно необходимо отбросить всякое ложное самолюбие, забыть тайное самодовольство по поводу придуманной хорошей меры и употребить все свои усилия на то, чтобы отыскать причину, почему же эта хорошая мера не принимается или принимается вяло. Если мы добросовестно и искренно примемся за дело, мы рано или поздно отыщем какую-нибудь основательную причину, и обыкновенно такую, вина которой падает на нас же. И выйдет, что глупость или недобросовестность мужиков – одно лишь печальное недоразумение с нашей стороны. Кто же, в самом деле, не хочет хорошего?

Со мной самим случилось одно из таких недоразумений, и я расскажу его, хотя, признаться, роль моя в этом, как и в предыдущем случае, не представляет ничего особенно лестного для моего самолюбия. Положение человека, не понимающего сразу самых обыденных вещей, очень смешно. Но нечего делать, расскажу все, как было, чтобы люди, еще менее меня опытные, могли воспользоваться моими ошибками и избегнуть их в своей деятельности на пользу крестьян.

В 1853 г., как только досталось мне имение, о котором пишу, я начал придумывать разные меры для улучшения быта крестьян и для постепенного подготовления новых отношений

между ними и мною, которые и тогда казались мне рано или поздно неизбежными. В числе таких мер на первом плане стояло, между прочим, оставление мирского или крестьянского капитала. Написал я об этом тогдашнему моему управляющему и поручил поговорить с крестьянами, но он принял дело вяло, они – как всегда, подозрительно, и все, чего я мог добиться, состояло в том, что какой-то сосед потравил степь, с него был взыскан штраф, и этот штраф положен в мирской капитал.

Намерения мои были самые лучшие. Редкое письмо к управляющему проходило без того, чтобы я не напоминал ему об этом деле. Часто писал о том же и к самим крестьянам, подробно объяснял им пользу этого дела для них же, велел хранить бедные зачатки его особливо, вести им особый счет, на мирских сходках представлять капитал и счет ему для поверки крестьянам. Дело все-таки шло вяло. Опасения мужиков, что я могу в один прекрасный день объявить этот капитал своим, представлялись мне очень живо, и их-то я и старался всячески устранить. С этой целью решился я сам сделаться ежегодно вкладчиком крестьянского капитала на довольно значительную по доходам и имению сумму; все штрафы за потраву моих полей, по всей справедливости следовавшие мне, стал отдавать в тот же капитал. Такими средствами он стал понемногу расти, но доверие к нему не росло.

В 1854 г. поступил в имение новый управляющий, пробывший у меня, к сожалению, только два года и оставивший по себе отличную память между крестьянами. Он понял мои мысли и заботился особенно о приращении мирского капитала. Я думал было завести общественную запашку для приращения, но крестьяне нашли для себя такую запашку стеснительной и просили обложить их лучше сбором хлеба. Я согласился на это, но сбор не поступал. Равнодушие их к такому полезному для них, а не для меня делу приводило меня просто в отчаяние. В 1856 г. приехал я сам в первый раз к себе в деревню. Собираю крестьян, толкую с ними и, между прочим, особенно налегаю на необходимость мирского капитала; высчитываю им по пальцам все его выгоды для них, уверяю их, что делаю

это для них, а не для себя. Молчат крестьяне. Спрашиваю их, знают ли они о том, что капитал заведен? Знают. Дает ли им управляющий отчет в нем? Дает. Все в порядке. Равнодушие мужиков начинало выводить меня из терпения. Чего я хотел? Только их пользы: из этого я бился, хлопотал, делал пожертвования – и ничего из этого не выходило. Положим, прежде они меня не знали, но, наконец, они меня видели и слышали. Почти всеми моими распоряжениями они остались очень довольны, о чем я, впрочем, слышал не от них, а из посторонних, однако, верных источников. Некоторые крестьяне полюбили меня и доказывали мне это по-своему. Почему же они так холодны к распоряжению, которое я для них же сделал?

Случайно оказалось у меня в деревне много взрослых девушек, для которых не было женихов в имении. Я позволил им идти замуж за посторонних, вольных крестьян, без всякой другой платы, кроме 5 целковых в мирской капитал. Эта мера была принята с необыкновенной радостью и, видимо, расположила ко мне крестьян. А к капиталу они по-прежнему оставались холодны.

После того у меня переменилось два управляющих. Капитал понемногу все рос. Крестьяне стали из него брать ссуды и платили большие проценты. Первый управляющий приставил к капиталу двух стариков и отдал им ключи. По-прежнему продолжали давать крестьянам отчет о состоянии капитала, и по-прежнему они не хотели дать на усиление его ни копейки. Ссуды делались с одобрения и поручительства двух хозяев. Один из управляющих, как я узнал, впрочем, только теперь, почему-то разгневался на стариков, приставленных к кассе, и отнял у них ключи. Впрочем, капитал по-прежнему служил для нужд крестьян, но наполнялся только тем, что в него вносилось по моему положительному приказанию.

Теперь, через четыре года, я снова приехал в деревню, снова собрал мужиков и снова, в сотый раз, объяснял им пользу мирского капитала и сетовал, что они для него ничего не делают. О некоторых моих предположениях, касавшихся крестьянских дел, они говорили, и видно было, что принимают

их к сердцу и серьезно о них думают: так, они почувствовали необходимость школы для обучения грамоте; но о мирском капитале опять промолчали.

Что за странность? Теперь они из капитала и ссуды берут, а как будто не понимают его пользы. Это было для меня решительно непостижимо. Какую можно было прочесть по этому поводу филиппику против мужика, его глупости, неблагодарности, даже подлости! Зло меня брало. Решительно не мог я придумать, чем бы, наконец, придать им вкус к мирскому капиталу. А его, между тем, накопилась довольно значительная по имению сумма – 233 рубля на 35 тягол.

Стал я разговаривать с крестьянами поодиночке об этом деле и допытываться от них, как они о нем думают и что за причина, что оно подвергается так тихо. Наконец, некоторые, должно быть, сжалившись надо мной, решились высказать задушевную мысль всего общества. «Капитал – дело хорошее, – сказали они, – да не в наших оно руках. Идти просить ссуды у управляющего – иной и опасается; подумает-подумает и бросит. Хотели мы, было, взять деньги из капитала в уплату податей, пришлось просить, а управляющий не дал; должно быть, они затрачены были на господские или свои его нужды, и налицо его не было; а после опять пополнился и опять стал управляющий давать из него ссуды. Будь ключи от капитала в наших руках – все бы вернее». Зная крайнюю добросовестность управляющего, я никак не мог понять, как он это не дал мужикам денег из их же капитала на уплату податей. Такой отличный был случай доказать крестьянам самым осязательным образом пользу меры, над исполнением которой я трудился столько лет. На поверку вышло вот что: когда крестьяне пришли просить денег из мирской кассы на подати, управляющий хотел вместе с тем отдать им и сумму, следующую в уплату земских повинностей, которую я плачу из своих средств; но, не имея на это наличных денег, он просил обождать дня четыре, в которые надеялся получить сколько нужно было. А заметьте, что уездный от нас в 120 верстах, и мы не имеем с ним никаких сношений, кроме

по делам казенным и официальным, следовательно, в весьма редких случаях. Очень естественно, что управляющий не хотел пропустить удобного случая внести земские повинности, не посылая для того нарочного.

Так мне все стало ясным! Несмотря ни на какие уверения, несмотря на мои распоряжения, которыми крестьяне вообще были довольны, несмотря на личное знакомство со мною, несмотря, наконец, на то, что в течение семи лет ни один из управляющих не брал с них взяток, не притеснял их, покровительствовал одним на счет других; несмотря на все это, они все-таки не доверяли ни мне, ни управляющим, и самые ничтожные обстоятельства возбуждали их подозрительность.

Чтобы покончить дело разом, я собрал крестьян и объявил им, что держал мирской капитал у себя только потому, что боялся его растраты; но если это полезное дело не двигается потому, что они опасаются, что капитал может идти на мои или управляющего нужды, то принимать на себя пустых нареканий ни я, ни управляющий не хотим; лучше пусть они без греха возьмут его себе и поручат, кому хотят. Я завел это дело для их же пользы, а не для своей, и буду рад, если капитал станет так скорее расти и умножаться. После того я прочел крестьянам, кому из них и сколько роздано денег в ссуду и с которого времени, сколько всего капитала и сколько затем налицо. Наличные деньги велел я при себе пересчитать и отдать при всех одному из стариков.

Тогда картина переменилась. Все заговорили, что капитал – дело доброе и полезное; неисправным плательщикам назначены сроки, когда они непременно должны возвратить и капитал, и проценты; свадьбы обложены небольшим сбором; скот и лошади – тоже. Кроме того, небольшой сбор положен с тягла. Хранение наличных денег вверено зажиточному и крепкому мужику. Словом, крестьяне принялись за это дело серьезно и стали весело рассказывать, какие выгоды получены ими от выданных ссуд. Мирской капитал обратился в общественное дело, которым все заинтересовались наряду с другими важными крестьянскими делами.

Кто же виноват, что до тех пор это не шло? Признаюсь, никто, как я сам. Я думал, что крестьяне не доросли до понятия о пользе такого учреждения, и боялся, что они прогуляют собранные деньги. А на деле вышло, что я сам мешал делу, успеха которому так ревностно желал. Зная чистоту своих намерений, я воображал, что и другие не могут не считать их чистыми. Очевидно, многого я не принял при этом в соображение… Что было бы, если бы во мне было побольше самоуверенности? По всем вероятиям, я тоже, по примеру многих, осуждал бы мужика и убедился бы, что я – очень хорош, а он – очень дурен.

Село Константиновское.
18 августа 1860 г.

Из деревенской записной книжки

> Jurez que vous direz la vérité et rien que la vérité.
> – Je jure[1]

I

Я опять в деревне и на этот раз на целое лето. Цель моя – подышать свежим воздухом, полечиться и заняться хозяйством, которое, как ни верти, дает даже при хорошем урожае не доходы, а убытки. Надо же как-нибудь разгадать мудреную загадку, отчего это мы, бывшие помещики, идем постепенно, но неудержимо, к совершенному разорению, и решить вопрос: надо ли продолжать хозяйничать или лучше закрыть лавочку, ликвидировать свои дела и поместить капитал куда-нибудь в банк на проценты?

Вот сколько дела. Знакомых между соседями, слава Богу, почти нет. Можно оставаться почти безвыездно в своем уголку

[1] Поклянитесь, что вы говорите правду и ничего, кроме правды. – Я клянусь (фр.)

и отдаться вполне, без помехи, лечению и занятиям. Так я и сделал. Деревенские и уездные, а тем более губернские сплетни мало меня занимали, да и почти не доходили до меня. Взаимные обвинения, скандалы и жалобы на обстановку, на то и се мне опротивели до тошноты. Около меня жужжат, будто мировой посредник NN обратил свой участок в поместье, будто он даром гоняет сотни крестьянских подвод своего участка через волостных старшин на вывозку из рощи строевого в свое имение и на мост, который взялся строить на деньги земства; будто бы тот же мировой посредник под предлогом авансов крестьянам своего участка денег на уплату податей и повинностей покупает у них через волостных же старшин пеньку и на этой афере лупит с них по 85% на рубль; будто он же в качестве члена земской управы взял на себя постройку становой квартиры и сделал земской управе фальшивое донесение, показывая то, чего вовсе не сделано, и требуя еще дополнительного кредита от земства; будто он же… но я затыкаю себе уши, чтобы не слушать этих сплетен. Бог с ним, с мировым посредником и всеми ему подобными! Если эти слухи и справедливы – разве девять десятых из нас, может быть, не поступили бы точно так же на его месте? Да и какое мне до всего этого дело?

II

Положение мое и соседей-помещиков поистине печальное. В нашем околотке урожай порядочный: рожь дала в среднем выводе копеек 11, с выходом в 4 $^{1}/_{4}$ и до 5 $^{1}/_{2}$ мер с копны сыромолотом; овес тоже дал копен 10 с десятины, и копна дает сыромолотом четверть. Ячмени – преизрядные. По нашему, это хорошо и даже очень хорошо, а в итоге, как подсчитаешь, расход равен приходу. Что тут делать? Невольно призадумаешься. И это, не забудьте, в порядочный год, каких бывает мало: все больше средние и плохие, когда расход перевешивает доход на более или менее круглую сумму.

У меня хозяйничает крестьянин усердный, толковый и, кажется, честный. Считали мы с ним, считали, разделив доход

и расход по статьям, на чем можно прибавить доход и на чем можно уменьшить расход. Цифры выходили такие микроскопические, что тщета подобного их стала для нас совершенно ясной. Для меня сделалось очевидным, что во всей постановке деревенского хозяйства должна быть какая-нибудь коренная фальшь, которую надо устранить, чтобы дело пошло, как следует. Мой покойный отец с этого самого небольшого имения жил очень прилично с целым семейством, нас воспитал и на ноги поставил. Да и как представить себе, что в Русской земле деревенское хозяйство ничего не приносит, когда мы только и торгуем, что хлебом? Должна же быть какая-нибудь причина, почему дела наши идут так плохо. Какая же это причина? Чтобы открыть ее, я стал пристально приглядываться ко всему, что меня окружает, и к нашему образу действий в этой среде. Результаты своих наблюдений я намерен передать, как сумею. Другие их поправят и дополнят, и тяжелый, настоятельный вопрос выяснится, а там найдутся и средства, как его разрешить.

Прежде чем я стану рассказывать то, что видел и до чего додумался, я считаю необходимым сделать некоторые оговорки, чтобы между мной и читателем не произошло и не могло произойти никаких недоразумений.

О деревне у нас много говорят и пишут, а знают и понимают деревню очень, очень немногие. В последнее время особенно у нас развелось множество людей, толкующих о сельском населении, о сельском хозяйстве, об их нуждах и потребностях. Но я заметил, что при самых лучших намерениях понимают дело очень немногие. Говорится и пишется и умное, и хорошее, но бóльшая часть советов непригодны к делу в данное время при данных условиях. Всего хуже, что многое говорится ввиду борьбы партий с консервативными или прогрессивными, реакционными или либеральными задними мыслями. Тут уже теряется всякая тень понимания действительного положения дел в деревне, и те, которые хотели бы что-нибудь узнать, да и сами говорящие и пишущие, совершенно сбиваются с толку. Наш деревенский быт, наша

сельская школа – арена для борьбы взглядов и партий? Да это просто бессмыслица! Наша деревня и до сих пор эмбрион, почти безразличная стихийная почва. Относиться к ней с предвзятыми общественными или политическими взглядами так же нелепо, как учить грудного ребенка политической экономии. В применении к нашему селу и сельской жизни нет пока места ни для каких политических соображений.

Потом: всякий знает, что ни универсальных причин зла или добра, ни универсальных лекарств нет и быть не может. Это вообще справедливо, а в применении к сельскому быту и подавно. Нигде и ни в чем нет такой тесной, прямой, близкой зависимости всех условий и их действий, как в деревенском быту, где они связаны друг с другом непосредственно. Оттого смешно и жалко видеть, когда способ обсуждения разных вопросов более сложной общественной и государственной жизни целиком переносится в обсуждение мер к усовершенствованию и поднятию сельского быта. Там все расчленилось, обособилось, и потому можно сказать: выдайте такой-то закон, примите такую-то меру; введите то-то, отмените то-то – и дело пойдет хорошо. Село, деревню, условия сельского быта и хозяйства никакой такой мерой, распоряжением и даже многими хорошими мерами и законами поднять и преобразовать нельзя. Универсальных, быстродействующих лекарств и ядов для деревни нет; рецепты тут никуда не годятся и не они нужны. Тут необходимо дружное, к одной цели направленное, выдержанное действие множества лиц, условий и мер. Результат не вдруг скажется, даже при самых благоприятных обстоятельствах, зато не вдруг его и уничтожишь противоположными усилиями и мерами. Нет ничего в мире упорнее, неподвижнее русской сельской жизни – как в хорошем, так и в дурном. Это страшная пассивная сила, которую нет средств направить так или иначе быстрыми мерами; скорей сам изнеможешь, чем ее сдвинешь с места на куриный шаг. Предупреждаю читателя, что в вопросах о сельском быте и его условиях я в политическом смысле совершенно индифферентен. Силу и действительность административных рецептов и тонких комбинаций разных

политических взглядов в применении к сельскому быту и его условиям я решительно отрицаю. Совсем не в этих рецептах и комбинациях дело. Наконец, то, что я имею сказать, относится не к сельскохозяйственной или какой-нибудь другой специальности, а понемногу ко всем возможным сторонам существования русского люда в деревне, насколько мне удалось их подметить и понять их действие и значение.

III

Маленькое имение, где я теперь живу, находится в одной из внутренних губерний, в нечерноземной полосе. Приехав сюда впервые несколько лет тому назад, я нашел его в совершенном запустении. Скотного двора не существовало. Вместо него торчали какие-то гнилушки, негодные и на дрова. На скотную избу стыдно было и смотреть: она больше походила на дрянной свиной хлев, чем на жилище людей, летом и зимой. Людская грозила разрушением и была так холодна, что осенью и зимой люди уходили греться в ригу. В таком же положении находились конюшня и все другие надворные строения, даже срубы в колодцах. Надо было начать с постройки всех служб заново.

Кто строился когда-нибудь в своем имении, тот знает, чего это стоит. Теперешние деревянные постройки, по общему замечанию знающих, не выслуживают и половины того срока, какой служили прежде, а лес дорожает из года в год. Надо строить кирпичные службы. Они гораздо дороже, но зато и выдерживают долго.

Сколько досады, горя, хлопот, проторей, потери времени и убытков наживает себе всякий, кто строится в деревне, – об этом я скажу после. Теперь остановлюсь вот на чем: так или иначе, но чуть ли не каждый, кто хочет заняться своим хозяйством в деревне, должен иметь в своем распоряжении более или менее (скорей более, чем менее) значительный капитал. Из 100 помещиков, наверное, две трети находились в моем положении, приступая к делу. Но денежными средствами все мы

небогаты. Как же быть? Откуда достать денег? Для нас, помещиков, существуют только два источника – оба довольно печальные: пустить крестьян на выкуп, лишившись оброка, и разменять с большей или меньшей потерей выкупные свидетельства и взять ссуду из поземельных кредитных обществ под залог имения. Я должен был прибегнуть к тому и другому способу. Устроил выкуп, при промене выкупных свидетельств потерял 7 копеек на рубль, да взял ссуду из общества взаимного поземельного кредита. Обмен выкупных свидетельств на кредитные билеты совершился с быстротой молнии в банкирской конторе. Но, Боже праведный, чего только я не натерпелся, чтобы получить ссуду из общества взаимного поземельного кредита! Блаженной памяти гражданские палаты, обязанные без всякой просьбы снимать запрещения с имений по представленным к уничтожению свидетельствам и получившие заранее следующие по закону деньги за публикацию о снятии запрещения, разумеется, и не подумали этого сделать в свое время. Оказались запрещения прежних лет по долгам, давно уплаченным, по свидетельствам, давно возвращенным в палаты. Надо поднимать архивные дела, писать прошения в опекунские советы, в окружные суды, старшим нотариусам. На беду окружные суды поднимают дело каждый по-своему. Пишешь, например, старшему нотариусу – отказывает: проси, говорит, окружной суд. Просишь окружной суд – тот тоже отказывает: проси, говорит, старшего нотариуса. За справку в нотариальном архиве один суд взыскивает полтину, другой – шесть гривен, третий – 75 коп. Публика об этом ничего не знает, а окружным судам и старшим нотариусам до удобств публики какое дело? И вот пиши, переписывайся, проси за тысячу верст месяцы и годы, пока-то, наконец, разными правдами и неправдами добьешься снятия запрещения, которое десятки лет тому назад потеряло всякую силу. Такие же мучения и мытарства ожидают злосчастного заемщика и в обществе взаимного поземельного кредита. Месяцы проходят, пока оно выдаст ссуду, пропустив вас наперед через тысячу формальностей, нотариальных удостоверений и проч. Вам скажут, что вы

платите обществу всего 7%. Это справедливо. Только вы должны знать, что в этот счет не идут разные накладные сборы, рассчитанные на широкую ногу, как-то: издержки на переписку, на оценку имения. Прибавьте к этому разницу курса между золотом и кредитными билетами; наконец, общество удерживает у вас $^{1}/_{10}$ долю ссуды в качестве членского взноса и на эту сумму выдает вам дивиденд через два года, а вы, не получив этих денег, платите на них те же 7%, как и на сумму, которую вам выдали на руки, и платите до выкупа или до погашения ссуды. Если взять в расчет все эти вычеты и платежи, особенно для вас чувствительные в то время, когда вы делаете заем и когда вам дорога каждая лишняя копейка, то условия займа в обществе взаимного поземельного кредита назвать выгодными. Но, слава Богу, и то, что хоть какой-нибудь долгосрочный кредит да есть! Кроме того, надо сказать обществу взаимного поземельного кредита искреннее спасибо за то, что оно ценит имения очень низко и выдает ссуды скупо – всего только $^{2}/_{5}$ оценочной суммы. Этим оно удерживает помещиков волей-неволей от совершенного разорения. Все мы живем, даже до сих пор, смешными иллюзиями и воздушными замками. Впереди нам рисуются большие доходы от имений на основании самых фантастических расчетов. Принимая фантасмагории за действительность, и уверенные, что вот-вот она наступит через каких-нибудь год или два, мы занимаем широко и не стесняемся размером процентов. Общество взаимного поземельного кредита не дает разыгрываться фантазии. Оно, должно быть, отлично понимает, что 7% не выдержит теперь никакое имение. Не знаю, что делают новые поземельные банки. Если справедливо, как говорят, что они ценят высоко и дают много, то большинство их заемщиков непременно пойдут ко дну.

Как бы то ни было, но вот, наконец-то, деньги в ваших руках, и вы спешите усадить их в имение в надежде будущих благ. Вы думаете: теперь-то дела пойдут на лад! Погодите радоваться. То были цветочки, ягодки впереди.

Вы должны приняться за дело. Как же вы поступите? Все мы мало приготовлены к управлению имениями, и редкий из

нас что-нибудь понимает в строительном искусстве. К тому же все мы чиновники, или так себе люди, проживающие в столицах или за границей. В имениях, где нет никаких ресурсов для образованного человека, нам скучно. Приходится поручить имение и постройки кому-нибудь. Но кому? Вот вопрос, почти такой же неразрешимый, как квадратура круга. Юноше, получившему специальное образование и только что сошедшему с учебной скамейки, ввериться опасно: он по своим летам и неопытности фантазер и разорит вас самым добросовестным образом. Затем у вас остается выбор между следующими группами людей: рутинистами-приказчиками, большей частью бывшими вольноотпущенниками и дворовыми людьми, потом разного рода артистами сельского хозяйства – отставными чиновниками, офицерами, гувернерами и людьми вольных профессий – парикмахерами, цирюльниками, отставными унтерофицерами, солдатами, экс-музыкантами, кондитерами и т. п., практически изучившими агрономию в качестве приказчиков, и, наконец, мужиками. В последнее время с успехами просвещения в любезном отечестве к этим разрядам прибавилась еще особая группа людей, бывших когда-то воспитанниками сельскохозяйственных училищ, с разными громкими аттестатами, но уже искусившихся в деле управления имениями. Судя по экземплярам, с которыми я имел дело, этот разряд чуть ли не худший из всех. Других видишь, по крайней мере, сразу, что это за люди. Эти же обольщают вас технической сельскохозяйственной фразеологией, вычитанной из заглавий книг, а на деле они такие же невежды, как и прочие, но самоуверенные, нахальные, высокомерные с народом, убежденные, что звезды хватают с неба. Побившись с таким господином и потерпев большие убытки, я прямо взялся за мужика, который служил у меня старшим рабочим, и с тех пор дело пошло лучше. Сколько-нибудь умный и толковый мужик все-таки из худшего лучшее: претензии его невелики; быт народа он знает отлично; рутина местного хозяйства ему знакома на пяти пальцах; цену денег он хорошо знает и не швыряет их налево и направо, как управляющий с городской закваской и городскими замашками.

IV

И вот у вас деньги и даже приказчик, довольно благонадежный. Кажется, чего же лучше? Нет, не предавайтесь мечтам, не ожидайте дохода – обманетесь. Все расчеты, даже самые скромные, и потому, по-видимому, верные, рассыпаются в прах посреди печальнейшей действительности, которой обставлен сельский хозяин в нашей местности.

Чтобы строиться, нужен, конечно, строительный материал – кирпич, лес, нужны подрядчики каменной и плотничной работы. Вы рассчитываете, что будет выгоднее купить лес на корню, завести у себя выделку кирпича. Но попробуйте привести в исполнение каждый из этих планов и расчетов – и вы измучитесь, придете по каждому к горькому разочарованию, чуть-чуть не отчаяние: каждый ваш шаг вместо выгоды принесет вам убытки, не говоря о хлопотах на каждом шагу. С кирпичниками, пильщиками нельзя у нас иметь дела. Они заберут у вас деньги вперед (без этого вы ни одного не наймете) и в один прекрасный день уйдут с деньгами, не кончив работы. Подите разыскивайте их по белу свету, тягайтесь с ними у наших мировых судей за тридевять земель. Переменив двух-трех кирпичников, вы убеждаетесь, что этот народ невозможный; они то же самое говорят о своих рабочих.

Рабочие и подрядчики – это больное место нашей сельской и городской жизни. Я лично не имел ни малейшей причины жаловаться на рядчиков по каменной и плотничной работам. Случай, или милость судьбы, но мне попались добросовестные, знающие мужики, которые исполнили свое дело превосходно. Но с рабочими по разделке лесного материала, с рядчиками по выделке кирпича я просто выбился из сил. Бессовестность, неспособность, незнание дела или безобразнейшее пьянство – на то, другое, третье или четвертое вы натолкнетесь непременно, неизбежно. Ни высота платы, ни честный расчет – ничего не поможет. Хороших рядчиков и мастеровых сколько-нибудь совестливых, сколько-нибудь трезвых у нас нет, нет и нет; они толпами уходят в столицы, в большие горо-

да, на юг, к немецким колонистам. Дома им нечего делать – нет работы. Бедность и застой нашей провинциальной жизни обрушается бедой на тех немногих, которые пытаются строиться приличным образом в уездной глуши.

Наконец, и это препятствие вы после неимоверных хлопот, усилий, потери денег и времени кое-как преодолели. С грехом пополам вы обстроились и начали хозяйничать. Но и тут, как и с постройками, вам тоже нужно во всем начинать сызнова. Пашня изведена до невозможности. Привилегированные десятины, которые на глазах у владельца, еще кое-как удобрялись; а те, которые за глазами, не видали навоза Бог знает, с какого времени, так что и старики не запомнят. Эти заброшенные десятины, однако, пашутся и приносят 4 и 5, много – 6 копеек, примерно около 2 и $^{1}/_{2}$ зерен. Посчитаешь – их и обрабатывать не стоит; они себе в убыток. Почему же мы их пашем? А так, по старой памяти, потому что мы не считаем, потому что отцы и деды пахали. Но отцы и деды имели крепостных, которым ничего за это не платилось, и всякое даяние почвы, даже 2 зерна, было благо, ибо ничего не стоило. Теперь же мы оплачиваем каждый шаг рабочего и оплачиваем по нашим доходам дорого. Что ж мудреного, что наши издержки превышают наши доходы?

В таком же разорении, как наша пашня, находится и скот. Начиная с корма и оканчивая уходом и молочным хозяйством – все в нашем краю, за самыми редкими исключениями, допотопное и неосмысленное. Сколько держать скота и для чего держать – для удобрения, для убоя или для молочного хозяйства – об этом мы не задаем себе вопроса. Случай решает судьбу этой, у нас в особенности, по совершенному истощению почвы, существенной отрасли деревенского хозяйства. Рассказывают, что во время óно к известному агроному Францу Майеру [1] приехал какой-то помещик посоветоваться о своем хозяйстве. «Сколько у вас пашни?» – спросил его Ф. Майер. «Сто десятин в клину». – «А сколько скота?» – «Десять коров, семь рабочих лошадей и двенадцать выездных с верховыми». – «Пока у вас не будет по четыре коровы на каж-

дую из ста паровых десятин, – сказал Ф. Майер, – мне с вами и разговаривать нечего». Франц Майер давно умер, а дело почти не подвинулось вперед. Я нашел в своем имении 34 коровы, из которых 16 были 12 лет и более. Некоторые коровы весили по 4 пуда. Молочные продукты ограничивались 4 или 5 пудами в год мерзейшего масла, которое продавалось по очень низкой цене, потому что никуда не годилось. Ни молока, ни сливок, ни масла, ни творога нельзя было в рот взять – так они отвратительно пахли. Телята гибли по десятку от небрежного ухода. О помещении скота я уже сказал выше. Каким чудом он не вымерз при всей привычке нашего русского скота проводить круглый год под открытым небом – это я постичь не могу. Что он был худ и тощ, кости да кожа – об этом едва ли нужно прибавлять. Средства прокормления не были ни в каком осмысленном соответствии с количеством скота. Сколько собиралось корма, столько его и было. Недостающее дополнялось соломой на счет подстилки и удобрения. Почему этих несчастных, голодных и холодных тварей держалось 34, а не больше или меньше – об этом не было и вопроса.

В нашем краю серьезным подспорьем, серьезным источником дохода могут служить сады. Их здесь довольно много. Я нашел у себя в имении два сада, занимающих пространство в 7 десятин. При некоторой заботливости такой сад через 6, 7 лет может приносить до тысячи рублей дохода. Но и сад, как и все хозяйство, находилось в совершеннейшем запущении. В действии было едва 500 деревьев, большей частью плохих сортов. Остальное было или сушь, или лесовки, или пустые места. А в саду могло быть легко разведено до полуторы тысячи фруктовых деревьев. Ухода и за действующими деревьями не было никакого. Школы или питомника не было и помину.

При сколько-нибудь благоприятных условиях все это разоренное хозяйство могло бы в течение 5, 6 лет довольно оправиться, даже без значительных денежных затрат, разумеется, не считая постройки. Ведь речь у нас, большинства небольших и небогатых помещиков, может идти, конечно, не об идеальном хозяйстве на манер заграничных, а о приведении в некоторый

порядок и устройстве того, что уже есть у каждого из нас, даже у любого заботливого крестьянина. При уходе фруктовый сад в 6 лет может быть совершенно обновлен, из старого стать молодым; стадо в 6 лет успеет обновиться два раза естественным приплодом. Значит, раз хозяйственные постройки окончены, думаешь себе: ну, главное теперь сделано; нужны только заботливость, труд, терпение и время, чтобы поставить упавшее хозяйство на ноги. Но и этот расчет при поверке оказывается ошибочным. Наше деревенское хозяйство – Данаидина бочка [2] без дна, в которую деньги текут рекой и пропадают без следа. Целыми годами оно не подвигается с места, или подвигается так медленно, что 5, 6 лет растягивается на десятки годов. «Отчего же это?» – спросит читатель. Главная и чуть ли не единственная причина заключается в условиях труда и рабочей силы. Это камень преткновения для самых скромных наших начинаний по сельскому хозяйству.

V

Из всех неблагоприятных условий деревенского хозяйства, которых немало, самое печальное и, к сожалению, самое безнадежное к скорому поправлению – это рабочая сила, которой мы располагаем. Рабочие у нас, как, вероятно, и везде в России, очень дороги и из рук вон плохи как в нравственном, так и в техническом отношении.

Рабочих по той или другой специальности деревенского хозяйства, как-то: садовников, огородников, кузнецов, слесарей, столяров, скотников, скотниц, птичниц, ключниц – почти достать нельзя; те, которые есть, – дрянь, не умеют ничего порядочного сделать; а талантливые и действительные мастера своего дела – горькие пьяницы, которых невозможно держать. Вот на чем обрушаются все наши сельскохозяйственные начинания.

О лени, недобросовестности, пьянстве и негодности наших деревенских рабочих было говорено так много и так верно, что трудно прибавить к этому что-нибудь новое, кроме

пикантных подробностей, наглядно показывающих, сколько мы от них терпим. Сельские работы и работы по хозяйству выполняются крайне небрежно, кое-как; зазеваешься – работник ничего не делает; плохо положили – стащит; послали куда-нибудь – напьется, лошадь испортит, загоняет, или у него ее украдут. Все это известно и переизвестно. Самое безотрадное то, что он точно такой же и на своей работе, так же обходится со своим добром. Мы по старой памяти все еще воображаем себе, будто негодным своим лицом работник обращен только к барину, что он совсем другой у себя дома и в сношениях с другими крестьянами. Но это совершенное заблуждение! Рабочий, каким мы его знаем, везде и всюду таков. В самую горячую рабочую пору он пропивается и гноит свое сено. В то время, когда не достанешь рабочих рук ни за какие деньги, попросите работников на вино, крестьяне бросят свое нужное дело и будут у вас работать, лишь бы вы их напоили допьяна. Вдумайтесь во все безобразие этой дикой непосредственности, и вам невольно сделается и больно, и гадко. За 60 копеек в день он идет к вам не косить, а идет, имея перспективой напиться. Если бы он получил эти 60 копеек, он мог бы вдоволь напиться на 30 копеек, а 30 копеек у него остались бы в кармане; так нет – он не рассуждает. Его прельщает вино, поднесенное непосредственно во время или тотчас после работы, а до остального ему нет дела. Пашет, косит, жнет, молотит он отвратительно. Заметьте ему это – он вам простодушно скажет: да, мы, мол, всячески старались, работали не плоше, как у себя. И это не ложь, не ирония, а истинная правда. Так же отвратительно работает он и на своем поле, покосе, гумне.

Мелкое воровство – дело самое обыкновенное и совершается на каждом шагу, так что его и преследовать нельзя: сил не хватит. Воровство съестного есть что-то физиологическое, такое же неотразимое и невольное, как страсть к вину. Горох или репа в поле, яблоки и ягоды в саду, орехи в лесу – всегдашний и постоянный предмет воровства, что бы вы ни делали, какие бы вы ни принимали меры. Хлеб в поле, сено на

лугу останутся целы, сколько бы ни простояли: покража их строго преследуется самими крестьянами; но репу или горох в поле нет средств оградить от расхищения, вероятно, потому, что их можно тотчас же положить в рот и съесть. Одна девушка, бывшая у меня в услужении, откровенно мне признавалась, что запах яблок, которые лежали у меня на столе, до того ее соблазнял, что она насилу удержалась от искушения их поесть. Избавилась она от соблазна только тем, что побежала на рынок и купила себе несколько яблок. Это было в городе. В деревне один честный и хороший парень, служивший у меня сторожем, не мог противостоять при виде красивых и больших яблок и, думая, что его никто не видит, преусердно начал напихивать их в свои карманы. С яблоками, впрочем, еще церемонятся, а горох и репу расхищают в поле среди белого дня, открыто, нисколько не боясь преследований, – до такой степени это в обычае.

А помимо воровства сколько пропадает хозяйского добра от одной неосторожности русского человека вообще и рабочего в особенности! Рабочий инструмент, материал, всякая вещь, которая попадает в руки работника, бросается им по окончании работы где попало и пропадает или сгнивает под дождем. Надломленный или слегка испорченный инструмент – он и не вздумает починить или отдать в починку; оттого ничтожные поломки, которые легко могли бы быть исправлены в начале, оставались без починки, скоро делают инструмент вовсе не годным. То, что при некоторой внимательности стоило бы нескольких копеек, оплачивается потом рублями и десятками рублей. Приучить рабочего положить по окончании работы вещь или инструмент в сохранное место нет человеческой возможности. Он со своими инструментами и вещами обращается точно так же. Поразительная небрежность наших деревенских рабочих не есть умышленная или злонамеренная; она – продукт народного быта и нравов. Любопытно было бы высчитать процент убытков, наносимых в хозяйстве одною этою постоянною и неизменною чертой нашего сельского люда. Я убежден, что он оказался бы громадным.

Понятно, что при таких условиях невозможно обзаводиться машинами, заменяющими ручную работу, особливо когда они требуют при обращении с ними некоторой внимательности. Этот важный источник сбережений и уменьшений расходов закрыт для нас. Купишь машину, заплатишь за нее дорого и, не успев ею воспользоваться, сваливаешь в сарай. Деньги выброшены за окно, без всякого толку.

Если таковы обыкновенные, рядовые работники, неумелые мужики и парни, то что сказать о специалистах, без которых в деревне жить нельзя? С ними и смех, и горе! Эти специалисты и специалистки – наследие крепостного права, бывшие дворовые крепостные люди, обученные бывшими их господами той или другой отрасли деревенского хозяйства. Новых людей нет и нет, хоть шаром покати! Дворовые садовники, кузнецы, ключницы, скотники и скотницы приносят с собой все плутовство и всю испорченность старинной дворни. Переменишь их по несколько в год – и руки опустятся! Все то же и то же! Садовников у меня перебывало довольно, и все-таки в три года я не мог завести школы фруктовых деревьев. А сколько тысяч сеянцев я мог бы уже иметь, если бы можно было нанять порядочного садовника! На одного я приналег: посей хоть одну грядку яблочных семян. Что ж бы, вы думали, он сделал? Зарыл в землю вместо семян целые яблоки! Другой засеял в огороде на обиход моего семейства, состоящего из трех человек, 15 длинных гряд савойской капусты, которой можно было бы продовольствовать целую зиму полк солдат. Скотница не доила коров; стадо в 30 коров давало в день по одному кувшину. Масло и парное молоко она тайно продавала. Телят поила кислым молоком, отчего они передохли. Люди не могли есть молока, которое она им отпускала. Кузнец заковал дорогую лошадь так, что она болела больше года. Вы хотите переменить, но кого вы возьмете? Никого нет! Колодезь у вас завалился – не к кому обратиться. На весь околоток всего один колодезник, да и того не добьетесь: он или в работе, или пьянствует без просыпа.

Эту печальную летопись плутовства, невежества рабочих и горестного положения сельских хозяев можно было бы

продолжать до бесконечности. Она столько же безотрадна, сколько поучительна, живописуя яркими красками наши народные нравы и объясняя одну из причин, почему деревенское хозяйство идет у нас черепашьим шагом. С большими, крупными препятствиями, как и с большими, крупными несчастиями еще можно было бы бороться: они вызывают и развивают силы; но с микроскопическими, ежеминутными помехами бороться невозможно; они вас, наконец, измучают до того, что вы рукой махнете на все.

Читая эти строки, множество помещиков, из разных, чуть ли не из всех концов России, возрадуются и подтвердят их тысячью примеров, еще более красноречивых, чем те, которые я привел. Любители и защитники нашего простого народа и крестьянства, напротив, примут мои слова с недоверием и неудовольствием, заподозрят меня в преувеличениях и предубеждении. Но правда – голая, сущая правда, без всякой прикрасы, всего дороже. Только она может привести к полному сознанию того зла, от которого мы страдаем. Чтобы могло настать лучшее время, надо, прежде всего, не отворачиваться от дурного, а посмотреть ему прямо в глаза. Оно не выдерживает света, боится света.

VI

Но представляя во имя правды одну печальную сторону наших печальных сельскохозяйственных порядков, я не могу во имя той же правды не коснуться другой. Я описал, не скрывая ничего, условия, в которые поставлен в нашей местности сельский хозяин. Постараюсь, также ничего не скрывая, описать, как относятся владельцы к среде и условиям, в которых живут и действуют. К сожалению, то, что я видел, в большинстве случаев не могло смягчить во мне тяжелого впечатления всего того, о чем я говорил выше.

Почти все владельцы нашего околотка остались, как и крестьяне, при прежних сельскохозяйственных порядках, которые были еще пригодны, пока пашни давали хорошие уро-

жаи без удобрения и существовал крепостной труд, но которые с истощением почвы и при вольнонаемном труде ведут к неизбежному разорению. Место прежнего расчета и, если хотите, своего рода теории заступила рутина, в которой никто не отдает себе отчета, которой следует только по привычке. Результаты такого отношения к делу дают себя чувствовать с каждым годом сильнее и сильнее. Недочеты давно уже заступили место прежних доходов и растут с каждым годом. Беднея более и более, владельцы не ищут выхода в коренном переустройстве самых оснований своего хозяйства, а жалуются на дурные времена, плохие урожаи, избыток дождей и засуху, особенно же громко и горько жалуются на рабочих и рабочие цены, которые все возвышаются и возвышаются, не вознаграждая прибавки ни качеством, ни количеством исполняемой работы. Так как с дурными временами, неурожаями и погодой не заспоришь, то все неудовольствие и вся экономия обращаются в сторону рабочих. С ними и с крестьянами идет непрестанная ожесточенная война, отчасти яркая, выражающаяся крупной бранью, ругательствами, порой даже кулаками и драньем бород, – большей же частью война ведется на экономической почве, выражаясь всевозможным урезыванием платы и содержания. Такими экономиями каждый надеется наверстать недочеты в доходах и ввести сильно поколебленное равновесие в хозяйственном бюджете. Впрочем, сказать по правде, трудно распознать, что в этой мелкой войне приходится на долю экономического расчета и что внушается желанием отплатить рабочим за их негодность и причиняемые ими убытки.

До каких прискорбных крайностей доходят люди на этом ошибочном пути – трудно себе представить. Поверит ли читатель, что один хозяин простер свою изобретательность окорачивать рабочую плату до следующего остроумного приема: он нанимал вместе и работников, и красивых молодых женщин и девок и выжидал, когда между теми и другими установятся нежные отношения. Улучив эту минуту, он отсылал работников и потом вступал с ними в новую сделку, при которой они охотно соглашались работать у него за полцены.

Этого, конечно, никто бы не знал, если бы сам хозяин не хвастался такой выдумкой.

Такие случаи точно так же, как и щипанье бород, конечно, исключение. Но и то, что не есть исключение, а общее правило, достаточно характеризует отношения.

Во всем нашем околотке общеизвестен и общеупотребителен такой способ запасаться рабочими на лето. В исходе зимы или ранней весной большинство крестьян нуждаются в хлебе и ищут занять его под летние работы. Хозяева пользуются этим случаем: дают ржи, четверть или две, по продажной цене, иногда приписывая к ней по рублю и по два за четверть. Эту сумму заемщик обязуется возвратить сполна к 1 октября или 1 ноября, иногда возвратить хлеб тотчас же после уборки, перед посевом, в натуре, семенами, – да в виде процента за каждую четверть убрать десятину ржи, т. е. сжать ее с десятины и нажатый хлеб привезти в хлебник; или убрать две десятины ярового, т. е. таким же порядком скосить, связать и привезти с поля. Замечу, кстати, что местные цены ржи от $5\ ^{1}/_{2}$ до 6 рублей, овса от $1\ ^{1}/_{2}$ до 2 рублей. Уборка десятины ржи обходится, по умеренному расчету, в 3 рубля, ярового – в $1\ ^{1}/_{2}$ рубля, а во время полевых работ не наймешь и за 4 рубля без привозки с поля. Из этих цифр оказывается, что крестьянин, занимающий у нас хлеб, платит в течение 7 или 8 мес. за $5\ ^{1}/_{2}$ или 6 рублей по меньшей мере 3 рубля, что составит примерно 75% в год. Цифра очень красноречивая!

Приведу другой пример нашей расчетливости. У вас заболел работник или работница: вы прежде всего старались сплавить их поскорее к их родным, которые и отвозят их к себе на своих лошадях; если же такого больного оставляете у себя, то тотчас же прекращаете ему жалованье или плату, да вычитаете еще по 20 коп. харчевых в день. Так поступают не только с дурными рабочими – что было бы еще до некоторой степени понятно, но даже с хорошими, которыми каждый хозяин дорожит по крайней их редкости. Это уж и расчет плохой. Сбереженное на жалованье и на харчах больного с лихвой теряется на дрянном рабочем, которого всегда рискуешь нанять на место хорошего.

Содержание и помещение нанятых рабочих у очень многих хозяев весьма плохое, так что не удовлетворяет даже неприхотливым требованиям русского деревенского простолюдина.

Желание сколько-нибудь поправить свои дела экономиями по найму и содержанию рабочих вместо коренного переустройства хозяйства вносит в экономические, и без того далеко не образцовые отношения между крестьянами и владельцами, известную долю горечи и раздражения, которые всей тяжестью падают на ход деревенского хозяйства и существенно способствуют его упадку. И без того наш сельский рабочий из рук вон плох. Что же может выйти путного, когда он вдобавок еще питает неудовольствие и систематически действует во вред владельцу или работает только для вида, совсем не старательно и равнодушно? Самое худшее то, что о хозяйстве и хозяине слагается в околотке молва, вследствие которой для порядочных рабочих зарастает дорога в имение, а остается проторенной только для швали, для совершенной дряни, никуда не годной.

Говоря об отношениях к рабочим, нельзя не сказать об отношениях к крестьянам, ближайшим соседям, живущим с нами бок о бок, в большинстве случаев бывшим нашим крепостным. Казалось бы, поставить себя с ними, как следует, должно быть важнейшей задачей каждого сельского хозяина – задачей даже гораздо более важной, чем установление правильных отношений со служащими в имении и рабочими. Последние – большей частью перелетные птицы. Очень жаль, что это так, но это так! Сегодня он здесь, завтра – в другом месте. Недовольны вы им или он вами – вы можете разойтись тотчас же. Совсем не то – временно обязанный крестьянин или крестьянин-собственник. Он ваш ближайший сосед, он вечно перед вами, хотите вы этого или нет, нравится он вам или не нравится, и отделаться от него вы никак не можете. Отношение у вас с ним, личные и по имуществу, – чуть не ежеминутные. Поля ваши сходятся с его полями, иногда лежат вперемешку; луга тоже. Его свинья, телушка, курица, овца, лошадь забегают в ваши владения, ваши – в его. В ра-

бочую пору он вам нужный, подчас необходимый человек; когда же ему нужен ваш хлеб, корм для скота, топливо, лес или орешник для постройки – он нуждается в вас. Словом, владелец и крестьянин друг без друга жить не могут, т. к. их интересы переплетены и связаны. К сожалению, отношения их, вообще говоря, далеко нельзя назвать хорошими. Между соседями в большинстве случаев ведется тайная или явная экономическая война, существует взаимное раздражение или совершенная холодность и взаимное безучастие, одинаково вредные для обеих сторон. Во взаимных столкновениях, неизбежных при близком соседстве и при беспрестанных вольных или невольных соприкосновениях, проявляется какая-то горечь, рождающая неуступчивость, иногда вражду, которая приводит к самым горестным последствиям. Поводом почти всегда служат мелочи, вздор, о котором и толковать бы не стоило. Какой-нибудь прогон, водопой, потрава, даже неснятие шапки скопляются при большей доле неблагоразумия со стороны хозяев в какое-то озлобление, которое нередко ведет к совершенному разорению, вынуждает владельцев продавать имения за бесценок, только чтобы развязаться с невозможным соседством. «Красный петух» нам, к сожалению, известен. То сгорит амбар с хлебом, то гумно со скирдами, то дом и целая усадьба. Виновных подозревают, но они не отыскиваются.

Надо, впрочем, и то сказать, что большинство хозяев находится в совершенно безвыходном положении. Даже те, которые понимают, что узел вопроса – в коренном преобразовании хозяйства, ничего не могут сделать, не имея денег, без которых никакое преобразование немыслимо. Деньги нужны не только на то, чтобы поставить хозяйство на новую ногу, но чтобы выждать, пока переход совершится, на это тоже нужно несколько лет. Краткосрочные ссуды за 7% может выдержать хозяйство уже устроенное, а не наши, которые должны быть обновлены коренным образом. Да и долгосрочный кредит из 7% слишком высок для наших запущенных, выпаханных, истощенных имений. Что же остается делать владельцу, у которого нет средств даже и на то, чтобы надеть себе петлю на

шею – сделать заем из 7%? Единственным для него средством остается – экономничать и экономничать, урезывать елико возможно себя и рабочих до тех пор, пока, катясь все вниз по опасному и скользкому склону, он не очутится лицом к лицу с продажей своего имения с публичного торга или сам не продаст его за ничто. Без запасов, без оборотного капитала никакое хозяйство немыслимо, а тем менее сельское, которое так медленно возвращает сделанные на него затраты. У большинства же владельцев нашей местности концы не сходятся с концами. При таком критическом положении они, в свою очередь, становятся летом такой же жертвой прижимки со стороны рабочих, какой бывают крестьяне весною, когда у них недостаток хлеба для пропитания. Кто не запасся рабочими зимой или ранней весной, тот платит им в рабочее время втридорога. У нас, например, в нынешнем году нанимались убирать десятину ржи за 6 $^{1}/_{2}$ рубля без перевозки; а владельцы, находящиеся в очень натянутых отношениях с соседними крестьянами, не могли достать рабочих ни за какую цену: часть их хлеба так и осталась в поле неубранной.

Можно ли удивляться, что при таких условиях владельческие усадьбы пустеют, бросаются, помещики продают свои имения и кладут свои деньги в банки, приносящие им 4,5% верного дохода без хлопот и неурожаев? Напротив, удивительно, что еще не все владельцы следуют их примеру.

VII

Читатель, пожалуй, заключит из всего сказанного мною прежде, что в нашей местности дело сельского хозяйства совсем безнадежно. Но это не так. По условиям почвы и климата оно может идти, и идти со временем порядочно; только для этого надобно, чтобы вся его обстановка, и в особенности мы сами, существенно изменились к лучшему. Пока этого не будет, деревенское хозяйство в нашем крае действительно осуждено роковым образом падать все ниже и ниже, до совершенного разорения и владельцев, и крестьян.

В нашей нечерноземной полосе момент перехода хозяйства из экстенсивного в интенсивное уже наступил. Это не подлежит никакому сомнению. Мы непременно должны во что бы то ни стало расстаться с привычкой захватывать под пашню и посев как можно больше земли: от совершенного истощения она уже отказывается родить. Волей-неволей мы вынуждены значительно ограничить свои запашки, не оплачивающие работы, и взамен того хорошенько обрабатывать уменьшенное поле, отдавая ему назад в виде обильного удобрения то, что получаем от него зерновым хлебом и другими продуктами. Для черноземной полосы рациональное хозяйство со всеми его последствиями – усилением скотоводства, введением искусственных удобрений, машин и т. д. – есть пока теория, над которой можно посмеиваться ввиду обильных урожаев, несмотря на хищническое пользование землей; в нашем же краю это уже не теория, а насущная потребность, без которой мы пропали.

Но легко сказать – переменить коренным образом систему хозяйства! Спрашивается: как же это сделать? Без более или менее значительных денежных средств невозможно усилить скотоводство, перестроить наши жалкие скотные дворы, ввести травосеяние, исправить луга, приобрести необходимые машины и вдобавок совершенно отказаться от доходов в течение нескольких лет, пока хозяйство ставится на новую ногу, пока в нем вводятся новые порядки. Последнее, конечно, есть жертва, более кажущаяся, чем действительная: мы и теперь ничего не получаем от имений.

Долгосрочный кредит, и притом дешевый, не семи и десяти, а трех или четырехпроцентный – вот что составляет теперь для нас насущную потребность, воздух, без которого мы дышать не можем. А откуда его взять? Мы привыкли во всех наших нуждах обращать взоры к государственному казначейству, но в этом случае оно никак не может нам помочь, да если бы и могло, вряд ли бы согласилось ввиду бывших примеров. В Пруссии, в Остзейских провинциях, в Царстве Польском поземельный кредит помог владельцам устроить свои хозяйства и поправить дело; мы же ухитрились при помощи поземельного

кредита расстроиться и разориться. Будь мы сами другие, занимайся мы серьезно своим делом, каждый в своем имении, не проживайся мы в Москве, Петербурге или заграницей самым бестолковым образом, быть может, мы и нашли бы способы устроить маленькие дешевые ссудные учреждения для небольшой округи, специально назначенные для сельскохозяйственного кредита. Мне думается, что уездные земства могли бы принять инициативу в этом деле и взять его в свои руки. Им, по их положению и занятиям, экономическая сторона дела должна быть хорошо известна, и все данные у них под руками. Ипотечная система, введение которой ожидается с таким нетерпением, существенно пособила бы разрешению трудного вопроса о дешевом местном сельскохозяйственном кредите в самых скромных размерах. Что касается больших поземельных банков, особенно акционерных, то они, я в том убежден, не в состоянии пособить нашему горю. В лучшем случае они выведут из затруднения больших землевладельцев, и то, если значительно уменьшат оценки и сократят размеры ссуд. Но большому кораблю большое плавание! Для небольших владельцев совершенно необходим дешевый, долгосрочный кредит, специальные местные кредитные учреждения, основанные не со спекулятивной целью.

Другая насущная потребность деревенских небольших и средних хозяйств – это рабочие со специальными, хотя бы только рутинными познаниями по разным отраслям сельской экономии – приказчики, конторщики, садовники, огородники, конюхи, скотники и скотницы, птичницы, экономки; из ремесленников к ним можно причислить кузнецов, слесарей, столяров. В этого рода прислуге мы чувствуем крайний недостаток и несказанно бедствуем. Бывшие дворовые люди, которыми мы пока еще пробавляемся, как они ни плохи, мало-помалу вымирают, а на место их решительно никого нет. Что тут делать? Технические и ремесленные училища растут у нас, как грибы, но их благотворного действия мы не ощущаем, до нас оно не доходит, да и не может дойти. Запрос на техников и ремесленников в России теперь громадный; число воспитанников, вы-

пускаемых техническими училищами и ремесленными школами, далеко не удовлетворяет требованиям. Эти воспитанники разбираются нарасхват и по дорогой цене фабрикантами, заводами и большими хозяйствами. К нам они не заглядывают, да у нас им и делать нечего – не такие люди нам нужны. Мы нуждаемся не в ученых садовниках, не в знатоках двойной бухгалтерии, не в заводских мастерах, не в уходе за голландским, английским или шведским скотом и т. д.; мы ищем рабочих попроще, недорогих, которые умели бы разводить и держать в порядке наши незатейливые фруктовые сады и огороды, вести наши несложные счеты, ходить за нашим местным, русским скотом и лошадьми, подковать лошадь, выковать, как следует, нехитрую железную штуку, в лучшем случае сделать железный топор или починить железные части сельскохозяйственных машин. Дальше таких скромных требований мы не идем и не можем идти, да и не для чего. Но когда и им удовлетворить нельзя, когда и таких простых рабочих и ремесленников нет, положение действительно становится критическим.

Мне кажется, что и в этом случае уездные земства могли бы оказать нам существенную помощь. В каждой почти местности, а в ближайшем соседстве – наверное, всегда найдутся по городам и уездам устроенные большие и малые хозяйства, скотные дворы, конюшни, фруктовые сады, огороды, заводы, кузнечные, слесарные, столярные и другие порядочные мастерские. Если бы уездные земства захотели войти в наше горестное положение и стать посредниками, с одной стороны, между нами и нуждающимся местным населением, городским и сельским, а с другой – между этими, по-нашему и для наших нужд, образцовыми хозяйствами, садами, заводами, мастерскими и т. п., то нет сомнения, что при самых незначительных затратах результаты были бы для целого околотка самые благотворные. Как сильно мы заинтересованы в этом деле – и говорить нечего. С другой стороны, бедный деревенский и городской люд и хотел бы обучать детей какому-нибудь мастерству или ремеслу, которое дало бы им верный кусок хлеба, но не знает, как за это взяться, к кому обратиться, и не имеет

нужных средств на путевые издержки, на первое обзаведение. С другой стороны, для хозяйств, заводов, мастерских было бы находкой получить на определенное время даровых работников, работниц и служащих, не говоря уже о том, что отдача им на выучку придала бы им в околотке некоторый почет и известность, небезвыгодные и для их денежных оборотов. Нужно бы только обдумать и организовать это дело – оно пойдет, и пойдет хорошо. Что часть обучившихся разбредется в разные стороны, особенно на первых порах – это не беда. В течение нескольких лет известный процент их все-таки останется в своем околотке и будет приносить большую пользу. Рассчитывать по этому предмету на помощь правительства невозможно. У него есть заботы другого рода, более общие и менее настоятельные. Дело правительства – устроить и вести вперед высшее техническое образование; приготовление же специалистов низшего разбора, необходимых в хозяйствах рабочих, знакомых с делом рутинно, – наше, земское дело, и в этом никто, кроме нас самих, не может нам пособить. Такими полезными рутинистами – рабочими невысокого полета – мы будем обходиться очень долго, пока значительные успехи сельского хозяйства не потребуют более серьезного знания, более серьезной подготовки нас самих и наших помощников и сотрудников. Но до этого еще очень далеко! Мы пока нуждаемся в черством хлебе и будем и им очень довольны.

Другое обстоятельство, которое нас губит и мешает нашим сельскохозяйственным успехам, – это наша странная изолированность и абсентеизм. Самый ничтожный процент владельцев живет в деревнях. Число приезжающих в свое имение хоть на лето несколько больше, но все-таки очень невелико. Между немногими, занимающимися хозяйством, разрозненность совершенная. Каждый живет у себя, владеет, дурно или хорошо, свое имение, без всякого обмена мыслей, знаний и планов по сельскохозяйственным вопросам. Видаются и встречаются, пожалуй, и часто, но как добрые знакомые, без всякого общения по тому предмету, который всех их касается так близко. Странные мы люди! Нам или подай все, или ничего не надо.

К ученым сельскохозяйственным конгрессам, конечно, очень немногие из нас подготовлены. Но не они нам нужны. Нам необходимы самые простые, нехитрые, но постоянные съезды по предметам местного деревенского хозяйства – съезды, на который всякий, ученый и неученый, имел бы свой голос, где не нужно ни председателя, ни колокольчика, ни речей, ни спичей, ни порядка заседаний, ни обсуждения общих научных вопросов по агрономии, а проходил бы живой обмен мыслей, сведений, наблюдений, попыток, удач и неудач – обмен, вследствие которого понемногу все бы стали сведущее и толковее в способе действия в своем хозяйстве, в данной местности и при данных условиях. Такой обмен, естественно, повел бы небольших владельцев к соединению своих скудных денежных средств на сельскохозяйственные предприятия, которые ни одному из них в отдельности не под силу, а необходимы для всех. Один владелец из чужих краев не мог надивиться, почему мы, небольшие владельцы, не покупаем складчиной сельскохозяйственных машин, книг, не делаем складчиной опытов. Его это поразило, потому что у них каждый вносит в общеполезное дело свой грош; из этих грошей складываются рубли и сотни рублей. На эти деньги покупается машина, которой совершенно достаточно на много маленьких хозяйств, и все ею пользуются по установленной очереди. Таким образом, каждому за небольшую сумму делаются доступны усовершенствованные орудия хозяйства, которых он один купить не в состоянии. Если бы машина сломалась, починить ее общими силами – тоже недорого; если бы даже она оказалась вовсе негодной, то и в таком случае потеря, разложенная на многих, тоже не была бы слишком чувствительна. Кроме того, жатвенные, косильные машины, усовершенствованные сеялки и т. д., которые нам крайне нужны, нельзя держать, не имея под руками порядочного кузнеца или слесаря. Нанимать особого для каждого хозяйства мы не в состоянии, а складчиной он бы обошелся каждому из нас недорого. То же и с садовником: за границей на многие большие сады существует один садовник. Почему бы не могло быть того же самого и у нас? Во множестве таких и

подобных случаев соединение средств и сил, общение интересов имело бы самые благоприятные последствия для каждого из нас, и каждому небольшому хозяйству стало бы сподручно то, чем теперь могут пользоваться одни большие хозяйства и очень достаточные владельцы.

В заключение не могу не коснуться нравственной стороны вопроса, которая, по моему глубокому убеждению, есть главная, имеет решительное влияние на наши сельскохозяйственные удачи и неудачи. Что бы мы ни делали, за что бы мы ни принимались, везде нравственная сторона является невидимым, но сильнейшим двигателем, без которого шагу нельзя ступить, даже в самом малом начинании. Недавно кто-то доказывал, и совершенно справедливо, что без «нравственной брезгливости», распространенной в публике, нельзя никакими административными мерами, никакими законами искоренить злоупотреблений по постройке и эксплуатации железных дорог. Другой развивал мысль, что до какого бы совершенства ни была доведена техника военного дела, невозможно создать хорошего войска без нравственного воспитания солдата. Третий заметил недавно, что где нет нравственной подкладки, там самые обдуманные превосходные общественные учреждения останутся прекрасной теорией и не перейдут в жизнь. Все эти мысли, конечно, не новы, но они интересны как указания на то, чем мы всего более страдаем, где наше больное место. Без внесения нравственных элементов в сельскохозяйственные отношения нечего и думать о поднятии деревенского быта и хозяйства даже при соединении самых благоприятных условий. Мечтать о строго юридическом, механически правильном и пунктуальном ходе хозяйства, в котором бы лицо стушевалось, индивидуальность ничего не значила, и каждый деятель был бы лишь колесом, легко и просто заменяем другим, можно было бы лет 20 тому назад, и то только в Европе. У нас это немыслимо, даже в больших центрах, где знающих и хороших рабочих значительно больше; о деревнях же и захолустьях и говорить нечего. Здесь все зависит почти исключительно от личных свойств владельца, рабочих и при-

слуги. Хозяйство, бывшее в отличном положении вчера, приходит в упадок завтра только потому, что переменились лица. У нас, говоря о свойствах или качествах, необходимых для успешного хозяйничанья в деревне, выставляют на первый план знание, опытность, неутомимость, энергию, выдержку, умение пользоваться обстоятельствами, сельскохозяйственное чутье, такт, талант и т. п. Разумеется, все эти качества необходимы, и без них ничего не поделаешь; но я утверждаю, что и с ними далеко не уедешь, если, стоя во главе хозяйства, не несешь с собой культурных и нравственных элементов. В больших центрах можно отгородиться от соседа каменной стеной и не знать его; здесь деловые отношения с людьми при чрезвычайно быстрой их смене большей частью частичны, односторонни, непродолжительны и потому легко укладываются в известные механические и юридические формулы; при таких условиях нравственная и культурная сторона людей отходит на второй план и легко забывается; действие ее не есть ежеминутное и не бросается так же в глаза. Совсем другое в деревне. Тут действуют и находятся между собой в отношениях почти одни и те же люди. Отношения между ними беспрестанные и самые разнообразные, охватывающие весь быт, привычки, наклонности. Одни и те же люди цепляются здесь друг за друга не одной, а всеми своими сторонами, и притом постоянно в течение долгого времени. Изолироваться от ближайших соседей нет никакой человеческой возможности. Рабочие тоже живут у нас во дворе и волей-неволей становятся своими домашними. Никакой в мире кодекс не в состоянии предусмотреть, точным образом определить и решить все возникающие отсюда отношения с их неуловимыми оттенками, как этого не может сделать никакое законодательство для взаимных отношений между собой членов одной семьи. Но допустим даже, что и нашлось бы такое умное законодательство. Спрашивается: как им воспользоваться в нашей деревне? Как настоять, чтобы его золотые правила не нарушались на каждом шагу безнаказанно? Из тысячи случаев несоблюдения заключенных договоров, нарушения прав, нанесения убытков

хорошо, если один дойдет до суда и властей и разрешится, как следует: остальные вы вынуждены предупреждать, улаживать, как знаете, собственными средствами. Вот тут-то и обнаруживается, до какой степени культурные и нравственные элементы составляют даже в практическом смысле насущную потребность и неизбежное условие правильной постановки сельскохозяйственного дела. Чем, кроме выдержанной, непоколебимой, безусловной честности и справедливости, участия к ближнему, его нуждам и горю, готовности прийти к нему на помощь можете вы расположить к себе ближайших соседей, притянуть на службу сколько-нибудь надежных и порядочных людей, приводить их к делу, заставить их заботиться о вашей пользе, служить вам совестливо и усердно? Какими принудительными мерами или чарами побудите вы крестьян выручить вас, когда в самую трудную рабочую пору у вас по непредвиденным обстоятельствам вдруг недостанет рабочих рук, которые вам нужны до зарезу? В темной, полудикой деревенской среде, без юридических понятий и даже привычек, в среде расплывчатой, неустоявшейся, грубо непосредственной, вдобавок прошедшей через весьма дурную житейскую школу, нравственные и культурные элементы играют огромную роль и окончательно решают тот или другой исход благих сельскохозяйственных начинаний. Если в околотке, где вы работаете, сложилось в простом народе убеждение, что вы человек добрый и честный, никого не обманете и не обидите, что вы обходительны с рабочими и служащими, хорошо их содержите, честно с ними рассчитываетесь, не придираетесь к мелочам, – у вас дела рано или поздно пойдут гладко, и рабочие подберутся понемногу; у вас заведутся два-три постоянных человека, на которых вы можете положиться и без которых немыслимо никакое благоустроенное хозяйство. Умеете вы жить в ладу с соседними крестьянами, справедливы с ними, не тесните их, оказываете им помощь в тех мелких нуждах, которые и вам могут завтра встретиться, – ваша жизнь потечет относительно мирно и спокойно, и в рабочих во всякое время на сносных условиях у вас недостатка не будет. К со-

жалению, я должен сказать, что нравственная сторона дела у нас в деревне слишком отодвинута на второй план, находится в слишком большом пренебрежении. Этим я вовсе не хочу сказать, чтобы мы, вообще говоря, были дурные или злые люди. Совсем нет. Но мне кажется, что мы не отдаем еще себе ясного отчета в том, до какой степени нравственная сторона важна в сельскохозяйственном деле, до какой степени отсутствие ее или пренебрежение ею играет решительную роль в наших сельскохозяйственных неудачах. Все наши соображения постоянно вертятся на севооборотах, машинах, рабочей силе, капитале и т. д. Но именно потому, что мы не вводим в наши расчеты нравственной стороны дела, надеемся заменить ее известной ловкостью, уменьем, эти расчеты оказываются совершенно ошибочными. Прискорбно то, что такие ошибки нас не вразумляют, не открывают нам глаза на истинную, коренную причину наших неудач. Всю вину мы обыкновенно сваливаем на обстоятельства, на погоду, на то и се и остаемся в прежнем неведении и слепоте. С нами повторяется в лицах известная басня о льве и комаре, тогда как от нас всегда зависит применить к себе басню о льве и мыши [3]. В этом отношении величайшее, иногда неисправимое зло делают нам наши управляющие и приказчики. Ездя по железным дорогам, я не раз вступал в разговоры с этими господами и не могу передать отвращения, какое мне внушал их взгляд на дело. Вся тайна сельскохозяйственной мудрости сводилась ими на уменье ловко поднадуть мужиков, отвести им надел так, чтобы они были вынуждены за выгон, за покос, за водопой работать за бесценок на барина. И с каким самодовольством, с каким иногда бесстыжим хвастовством выдавались эти темные дела за подвиги! Глагол «объегорить» спрягается у нас в деревнях на все лады, по всем наклонениям и временам.

Владельцы «объегоривают» крестьян и рабочих, крестьяне и рабочие – владельцев; мы «объегориваем» друг друга, крестьяне точно так же «объегоривают» друг друга. Круг «объегориваний» обходит всех, проникает во все отношения и делает жизнь невыносимо тяжелой, ведя всех, владельцев и

крестьян, к обеднению, тормозя всякое благое начинание по сельскому хозяйству, делая его невозможным и лишая всех охоты положить в него труд и деньги. Система «объегоривания» никого не обогатила, а, напротив, всех ведет к разорению. Что бы попробовать, хотя бы только из расчета, не лучше ли будет поискать выхода из этого печального заколдованного круга? Сделанные на этом пути опыты оказались весьма удачными. Вместо того чтобы вести мелкую, бесплодную войну с рабочими и крестьянами, не гораздо ли лучше будет строго проверить наши от них требования и совершенно переменить тактику? Это, конечно, нелегко. Нам придется сильно поработать над собой, отбросить многие вздорные, капризные и взбалмошные требования, соразмерить то, что мы спрашиваем от рабочих, с возможностью выполнения, со степенью их культуры и умения; нам придется приучить себя сдерживать внезапные порывы гнева, отвыкнуть от презрительного, высокомерного обращения, от привычки зря бросать в лицо обидные, часто незаслуженные подозрения и обвинения – словом, надо будет выучиться жить с людьми по-человечески. Но пора, очень пора приняться за такое самовоспитание!

По виду наши сельские рабочие и крестьяне – те же, что были прежде, так же низко кланяются, так же стоят перед нами без шапок, так же молча принимают наши выходки. На самом же деле они теперь стали совсем другие. Они знают, что имеют перед нами какие-то права, хотя и не всегда ясно их сознают. Крестьяне и рабочие взвешивают каждое наше слово, зорко присматриваются к нашим поступкам. Вывод – благоприятный или неблагоприятный – слагается в репутацию, от которой зависит очень много в успехе или неуспехе наших сельских дел. Сколько я мог приметить, тип барина мало-помалу вытесняется в народном уважении типом хозяина, который еще не успел вполне выясниться и сложиться, отчасти, может быть, потому, что мы упорно и бессознательно живем и поступаем по-старому. Насколько народ становится равнодушен к типу барина, настолько тип хозяина, напротив, пользуется сочувствием. Барин – это, по понятиям простого

народа, человек, ничего не делающий, мало понимающий в деревенском хозяйстве и вовсе не интересующийся. У барина денег много, и он не знает им счета, бросает их зря, на пустяки. Барин может быть милостив и щедр по капризу, зато и оборвет, и обидит ни за что ни про что. Понятия, привычки, образ жизни у него совсем особенные, совсем не похожие на то, как у других людей, точно он человек с Луны. С барином надо и говорить, и обращаться умеючи, не так, как с другими, потому что он человек совсем особенный. Не то хозяин. Хозяин – деловой человек, знает все порядки. Каждая копейка у него на счету. Свое добро он бережет, как глаз, заботлив, взыскателен, строг, иной раз и суров, только не по пустякам, не из-за вздора, потому что он разумен и толков, и хозяйственное дело понимает, как следует; а в прочем – он такой же человек, как и все люди, только с достатком. Каждого купца крестьянин считает хозяином, идет к нему охотнее на службу и в работу, даже за меньшую цену, живет у него годами и десятками лет, а у барина редко он уживается долго. Прослыть барину хозяином в глазах народа чрезвычайно трудно, а пожелать этого всякому можно. Кто раз в мнении народа попал в разряд хозяев, тому жить и управляться с людьми сполагоря, и главная трудность в ведении сельского хозяйства устранена. С хозяином рабочий не лебезит, не забегает перед ним лишний раз, чтобы снять шапку, не показывает вида, что работает, не делая ничего и будучи лентяем: хозяина этими штуками не проведешь и никакими поклонами и льстивыми словами не умаслишь, как барина: он знает и видит рабочего насквозь. Зато уж он его задаром не рассчитает, а за дело; пока хорош, будет его держать и приваживать ко двору. Тип хозяина родился в нашей промышленной, купеческой среде и только начинает исподволь переноситься в сельскохозяйственную, деревенскую. Владельцы имений, желающие с успехом заниматься у себя сельским хозяйством, вынуждены будут рано или поздно войти в него, усвоить его себе для пользы дела из чисто коммерческих расчетов. Тип этот далеко не есть нравственный. В нем чувствуется совершенный недостаток куль-

турных элементов, без которых, повторяю, в деревне ничего не поделаешь. Несомненно правильная и хорошая его сторона та, что он исключает всякие фантазии, всякие капризы и прихоти в ведении практического дела и в сношениях с людьми. Тип хозяина сложился по понятию о практической пользе, пропитан им насквозь и в этом смысле ставит дело и владельца на действительную, реальную почву. Но тип хозяина, как он сложился в народе, слишком односторонен, тесен и узок. Его надо развить, расширить, поднять и одухотворить внесением в него культурных и нравственных элементов. Это наше дело, обязанность и забота в видах нашей же пользы. Деревенское хозяйство не подвинется, что бы мы ни делали, пока народ будет стоять на той степени культуры, на какой стоит теперь. Это начинают понимать все, и общие почтенные усилия создавать народные школы, приготовлять сельских учителей доказывают, насколько сознание истинных, коренных нужд сельского хозяйства и быта у нас уже подвинулось и созрело. Но и сельские школы грамотности, как они ни важны сами по себе, еще не разрешат вопроса, если среди простого народа, в уездной глуши и захолустьях, рядом с ними не появятся и не размножатся другого типа школы – хорошо устроенные, на правильных экономических и нравственных началах основанные сельские хозяйства, которые послужат живым, наглядным, практическим рассадником других сельскохозяйственных приемов и лучших нравственных и юридических понятий и привычек, чем какие теперь в ходу у простого народа. При всех превосходных задатках народ наш все еще не вышел из ребяческого возраста. Словам он давно не верит, а сам ни до чего лучшего не может додуматься по крайнему своему невежеству. Только осязательные факты и польза могут при складе его ума вывести его из теперешней печальной рутины на другой, лучший путь. Собственные выгоды владельцев заставят их рано или поздно под страхом окончательного разорения создать такие сельскохозяйственные центры в своих имениях. Тогда, но только тогда, и нам будет жить в деревнях легче, чем теперь живется.

Письма из медвежьего угла

I

… Ты меня спрашиваешь, как мне живется в глуши? Да так себе, живется не то, чтобы очень хорошо, да и грех сказать, чтобы чересчур худо. Нынешним летом у нас, слава тебе Господи, никаких особенных несчастий, как в других краях, не было. Ни жук, ни муха, ни кобылка, ни саранча не опустошали наших полей; майский жук, несколько лет сряду обглядывавший дочиста наши осины и дубы, на этот год пропал. Появилась какая-то гусеница, которой полюбилась ракита, и ее она очистила догола; но ракита – дрянь дерево, и по ней мы не тужили. Бури и грады много бед около нас понаделали, а нас каким-то чудом обошли, и мы остались от них целы и невредимы. С весны холода, а потом жара овсы попортили и рост трав по вехам остановили; какая-то ядовитая роса гречиху обожгла, особливо позднюю. Зимой ветры пашню местами оголили, отчего у меня озимая пшеница от мороза погибла, а что осталось, то воробьи повыклевали. Ну, да все это еще ничего в сравнении с бедами, которые разразились в других местах, и мы не очень горюем.

Обычный ход дел и забот в нашем медвежьем углу иногда нарушается разными, более или менее неприятными неожиданностями: то вдруг кузнец сопьется с кругу, начнет тайком ребятишек из двора в соседний кабак за вином посылать; то кухарка людская так станет без совести крупу красть, что рабочие придут жаловаться; то каналья мальчишка яблоки покрадет в саду, и арендатор сада приведет его с поличным; то еще бóльшая каналья, работник, в самый развал сенокоса так расшумится и других работников подбивать начнет не работать, что не знаешь, что и начать: все, кажется, делаешь, чтобы все были довольны, а ему вот никак не угодишь!

Впрочем, и с этими докуками еще кое-как справляешься: кузнеца, кухарку и рабочего прогонишь, мальчишке пригрозишь и лишишь его наградного рубля, и он это запомнит. По-

куда беду поправить в нашей власти – еще не беда; а вот беда, когда не в нашей власти ее исправить! А такие тоже бывают. Тут уж и ума не приложишь, что делать! Падают они на голову, как Божий гнев, недуманно, негаданно, и, как слепой рок, попадают и в правого, и в виноватого, не разбирая ни сословий, ни званий, ни пола, ни возраста. Что делать? Переносишь и их, как умеешь и можешь, следуя разумной пословице, что «плетью обуха не перешибешь».

Приезжает ко мне становой, честный и хороший старик, с которым мы живем в добром согласии.

– А мосток-то ваш, – говорит он мне, – плох-с. На нем можно шею сломать-с. Надо бы починить-с.

– И не подумаю чинить, – отвечаю я ему. – Ведь вы знаете, что через мое имение ходит теперь почта из Б-ва в Л-н.

– Знаю-с.

– Так с какой же благодати буду я мост чинить! Пусть его возьмет в свое заведование земская управа вместе с гатью, которая у меня же в имении около Ивника: это ее дело… Я об этом сделал заявление земскому собранию еще с осени.

– Мы в уездную управу напишем-с, а вы покамест все-таки мост поддержите-с, чтобы какой беды не вышло. Ведь знаете-с, тогда и нам, и вам-с большие будут неприятности.

Поддержать я обещал.

Прошла неделя, другая, становой опять ко мне заезжает, на этот раз с бумажкой.

– Вот прочтите-с. Что вы на это скажете?

Бумажка, действительно, была курьезная. Полицейское управление исполнило свое обещание, написало земской управе, что мост в моем имении следует чинить земству, а не мне. Что бы, вы думали, на это ответила управа? Что ей о существовании почтового тракта через мое имение «ничего не известно».

Меня это взорвало.

– Да ведь это известно всему уезду, и вам, и почтовой конторе, которая отправляет два раза в неделю почту из Б-ва на Б-скую станцию и получает корреспонденцию.

Становой только пожал плечами.

– Мне, – говорит, – сделано полицейским управлением подтверждение, чтобы мост был в порядке. Напишите-с объяснение.

Я объяснил все и помянул о своем осеннем заявлении земскому собранию. Досада меня взяла, как это управе может быть «неизвестно» то, что известно всему уезду и всем уездным властям и ведомствам. Что бы, кажется, стоило этой самой земской управе спросить полицию, спросить почтмейстера, спросить первого встречного; все хором удостоверили бы ее, что в Б-к действительно есть почтовый пункт и почтовый ящик для писем.

Но дело оказалось совсем не так просто, как я думал.

Случилось у меня дело до земской управы, и я воспользовался этим случаем, чтобы объясниться о мосте.

– Бога вы не боитесь! – говорю я секретарю земской управы, человеку большого природного ума, практику и дельцу, пользующемуся репутацией весьма честного человека. – Что это вы понаписали в ответе полицейскому управлению о мосте в моем имении?

– Хорошо вам говорить! – отвечал секретарь. – Вы, разумеется, совершенно правы, отказавшись чинить мост, по которому происходит почтовая гоньба; но войдите же и в положение земства: нельзя же ему содержать к одному и тому же пункту две почтовые дороги.

– Как две?

– Да так, две. Для земства обязательно содержать почтовый тракт по ту сторону Оки из Б-ва в Л-н; оно его и содержит. Постройка моста на этом тракте еще недавно обошлась земству в 400 рублей. Теперь вы говорите, что почту гоняют через ваше имение, стало быть, и эту дорогу тоже земство содержит? Их, выходит, две.

– Да вы бросьте ту дорогу, за Окой, по которой почта не проходит, и начните чинить эту, через мое имение. Ведь вы же знаете, что она перенесена.

– Знать-то мы, конечно, знаем, да как же это сделать? Нам нужно заявление от губернского начальства, что один тракт закрыт, а другой открыт.

– Зачем же дело стало? Напишите и получите. Ведь не своей же волей уездный почтмейстер отправляет почту на Б-ки, а, уповательно, тоже по распоряжению начальства.

– И писали, да ответа не имеем.

Я понял, что все мои сетования на земскую управу были совершенно неосновательны. Вероятно, и губернское начальство точно так же в этом деле не причем. Вероятнее всего, что в Министерстве внутренних дел разные департаменты делают распоряжения, не сносясь между собою, отчего и происходит вся путаница, которая всей своей тяжестью обрушивается на нас, провинциалов. Для министерства все это не больше как бумага за нумером, для нас – денежный расход или прошибленная голова, переломленная рука или нога. Что делать полиции? Она, скрепя сердце, должна составить акт о моем неповиновении ее распоряжениям, зная, что я совершенно прав, не повинуясь: ей придется отвечать в случае какого-нибудь несчастия на мосту. За актом должны последовать меры более действительные, чтобы принудить меня сделать то, чего я по справедливости делать не обязан. Между тем, бумаги за нумером летят из уезда в губернский город, из губернского города в Петербург и обратно, по инстанциям; разрастается огромное дело; перья чиновников скрипят, почта отвозит и привозит продукты чиновничьей деятельности. Пока разъяснится всеобщее недоумение, единственный источник которого – не посланная вовремя бумага за нумером, проезжающие успеют поломать себе руки, ноги и головы. Тогда возникнет новое и еще более сложное дело об ответственности виновных. Виновными окажутся не чиновник в министерстве, забывший написать бумагу, а полиция за неисполнение служебных обязанностей. Некоторых из наиболее невинных уволят по третьему пункту от должности, мост велят отныне чинить земству, т. к. тогда вполне разъяснится, что тракт через мое имение есть действительно почтовый, а поломанные головы и руки так и останутся поломанными.

Да и министерский чиновник – чем он, в самом деле, виноват? Он имеет дело с отвлеченностями, бумагами за нумерами; а известно, что в действиях над отвлеченностями чрезвычайно легко ошибиться, – во всяком случае несравненно легче, чем в операциях над непосредственными живыми фактами.

– Да это еще что! – говорит мне содержательница разных почтовых станций в К-ской губернии, в том числе и Б-ской. – Вы подопрете ваш мосток сваечкой, да положите бревнушко, да землицей или кострикой протрусите, так он, Бог милостив, и продышит, пока так разрешение по бумагам выйдет. А моя беда – вот так истинная беда и горе! На речке, где Б-ская станция стоит, никакого моста нет. С одной стороны мельница запружена, с другой подпирает вода от мельницы, которая ниже по течению построена. Вот и извольте переправлять почту! Еще когда большой водой нижнюю мельницу снесет, можно хоть вброд переезжать; а когда вода поднята – истинное божеское наказание! Того и гляди почту потопишь! В каком я тогда буду ответе? А чем я виновата? Сколько я просила: или чтобы мост тут построили, или чтобы станцию на другое место свели – нет ответа, да и только! Наш почтовый управляющий, честная, правдивая душа, губернатору об этом писал – ни ответа, ни привета! Намедни губернаторский чиновник особых поручений этим самым трактом проезжал и все своими глазами видел: лошадей его поодиночке гуськом кое-как через мельничную плотину перетащили. Чего, кажется, лучше? Но он же ничего! Так сердце и трепещется: а ну как какая беда приключится!

«В самом деле, – подумал я, – а ну, как почтовая корреспонденция потонет? Замучают несчастную женщину судами да следствиями, все из-за проклятой бумаги за номером, которая не была послана вовремя».

«Как он мне надоел со своими мостами и почтовыми станциями, – думаешь ты, читая мое письмо. – У нас здесь идут важные вопросы и обсуждаются коренные административные реформы, а он тут со своими мостами и уездными почтовыми трактами. Вот уж, что говорится, обжился в своем медвежьем углу и только свету и видит, что в своем крохотном оконце».

Что делать! Большому кораблю – большое плавание! До нас, маленьких людей, высшие государственные соображения доходят в виде бумаг за номерами, которые решают бесповоротно наше мизерное существование день за днем. Ты бы лучше не спрашивал, как мне живется в провинции; а спросил – так имей терпение выслушать. Я рассчитываю на то, что мои рассказы будут и тебе, и в особенности нам, обитателям захолустьев, очень полезны. Они немножко окоротят полет твоих высших государственных дум черствой правдой действительной жизни; ты хоть вспомнишь, что бумаги, которые ты рассылаешь, у нас переводятся в живые факты, управляющие нашей судьбой; а вы, великие и сильные мира сего, слишком часто забываете это. Для вас наши города, села и деревни, наши речки, гати и болотца, наши чиновники, помещики, мужики, попы, купцы и мещане – только отвлеченные, безличные цифры, как две капли похожие одна на другую. Ты, например, понимаешь ли разницу между почтовым трактом за Окой и по сю сторону Оки? Признайся, что то ли, другое ли, для тебя, как говорит один мой знакомый из простолюдинов, все единственно! А для нас это часто вопрос чуть-чуть не жизни и смерти. Что значат эти, по-твоему, пустяки и мелочи, вот тебе пример, и опять мост. Езжу я из одного своего имения в другое через деревню Ю-ку, за которой протекает речка; через эту речку испокон века бывал мост, содержимый вместе владельцами обоих берегов, в том числе владельцем церковной земли – в-ким священником. Собираюсь я в этом году ехать тем же путем, говорят: нельзя. Отчего нельзя? Моста нет. Что за оказия! Всегда бывал мост, а теперь вдруг нет. Батюшка священник, объясняют мне, заартачился: не хочу, говорит, строить моста: не из чего. А у в-ской церкви с лишком 100 десятин земли и тут же за речкой много сосновых деревьев. Как не быть, из чего моста содержать? Я к моему приятелю, становому: помогите, говорю, приневольте попа мост поставить. «Не могу-с, – говорит: не в нашем уезде». – «Да вы бы хоть сношение с соседним становым сделали, чтобы тот попри-

неволил попа». – «Писал-с, – говорит. – Мне и самому из-за этого проклятого моста приходится делать каждый раз крюку версты на две, на три. А что будут делать мужики-с, когда им придется с возами сена и хлеба из-за этого самого моста вброд у Б-ской мельницы переправляться: они лошадей и возы потопят-с, да, пожалуй, и сами потонут-с».

– Ну, что ж становой?

– Да ничего-с. Произвел дознание. Оказалось, что у попа есть чем строить мост; волостной старшина указал материал-с.

– Чего ж лучше. Значит, мост будет?

– Так-с становой и уехал, не урезонив попа. Характерный-с, скажу вам, поп. Его и в полицейское управление приглашали – не поехал-с. Что мне, говорит, там делать?

– Там мы, значит, и не получим?

– Должно быть-с.

И действительно. Прошло лето, так мы моста и не видали. «Экой окаянный поп!» – жаловались крестьяне, переправляя вброд тяжелые возы на своих клячонках. Я проклинал полицию. Как бы, кажется, не приневолить попа? Составил акт, назначил срок; а не выстроил в срок моста – построил его на счет попа, да и делу конец. Что тут долго церемониться с закоснелым упрямцем?

Так мне думалось сначала, но потом взяло раздумье. Должно быть, есть какие-нибудь соображения, по которым полиция уклонилась от решительных мер с попом. Оставить целое население в самую нужную пору без моста – дело слишком вопиющее и рискованное. Ну, случится какое несчастие! Отчего же полиция действовала в этом случае так уклончиво и нерешительно? Вероятно, потому же, почему и в других подобных случаях. Священник-батюшка – лицо духовное; пожалуй, осерчает на полицию, напишет кляузную жалобу архиерею, что духовенству и причетникам от притеснения полиции житья нет. Архиерей за своих вступится и пожалуется губернатору. Губернатор назначит чиновника разобрать дело, – ну, неприятности, подозрения: не умеешь, дескать, жить с людьми. И останется у губернатора на при-

мете: должно быть, сварлив, резок, беспокойного характера. А не то, возьмет да и переведет в другой уезд или в другой стан! Опять убытки, хлопоты, тащиться с женой и детьми в другое место, да там снова обзаводиться. Полиция и деликатится с попом. Мне объехать две-три версты не важность, и истории из-за этого подымать не стану: просто лень жаловаться. А мужики? Да если они все в реке потонут, об этом и узнают-то только поп да сама полиция; сетования их семейств и мужицкой толпы никогда не дойдут до высшего губернского начальства. Стало быть, нечего об этом и думать. Логика эта тебе, может быть, не понравится, но она выработалась и глубоко вкоренились под влиянием порядка вещей, который определяет всю нашу жизнь – от колыбели до могилы. Если бы я был на месте Л-ского исправника и станового, я рассуждал точно так же. Жена, дети, перевод в другой уезд по усмотрению начальства или, чего доброго, увольнение от должности по третьему пункту – вот нехитрые условия, производящие или чрезмерную энергию, или полное бездействие нашего низшего чиновничества. Вам они по старой памяти представляются все Держимордами и Кувшинными рылами; но они уже перевелись в провинции, как перевелись и сытые председатели и советники казенных палат, <которых> можно было встретить немало еще каких-нибудь 25 лет тому назад. Теперь не редкость встретить между уездными чиновниками людей вполне порядочных; но судьба их горемычная: дела много, жалованье грошовое и совершенная зависимость от каприза начальства. Не понравился – вон, без суда и расправы, иногда за то, что по закону поступил. И иди с семьей голодать и холодать, куда знаешь! Всюду крепостное право изгнано, а над мелкими чиновниками оно удержалось, да еще как! Недаром гражданские чиновники завидуют военным; у последних при всей строгости военной дисциплины есть кое-какие гарантии и обеспечение против произвола начальства; у гражданских чиновников, особенно маленьких, – ровно никаких. Они и вынуждены лавировать, угождать, гнуться в три погибели.

II

Ты называешь меня пессимистом за мое письмо. Тебе кажется, что я слишком мелочно и односторонне смотрю на вещи и озлобляюсь в сущности такими пустяками, о которых и говорить не стоит. Утешаешь ты меня тем, что у нас дики нравы, невежество, с которым разом не справишься. Возьми терпение, пишешь ты: понемногу все перемелется, мука будет. Хорошо тебе говорить – пустяки, а из этих пустяков слагается вся наша провинциальная жизнь! Для тебя пустяки, что у меня на железнодорожной станции проросло и попрело 50 четвертей овса, что мой сыр приехал в Петербург пропитанный запахом дегтя, а для меня из ряда таких пустяков слагается полное разочарование. Да и ты сам, не во гнев тебе будет сказано, только ветреничаешь, бросая мне такие утешения. Признайся: тебе о нас некогда подумать, да нет и охоты подумать! Да и в самом деле: что тебе Б-в или Л-н? За меня, своего доброго приятеля, ты, пожалуй, готов замолвить словечко тому, другому, даже, пожалуй, письмо или бумажку за номером написать; но Б-в, Л-н, или З-к, или Ч-ма для тебя сами по себе вовсе не интересны; я даже подозреваю, что ты путем и не знаешь, где они. Там где-то! Досконально, во всей подробности, ты знаешь Невский проспект, Морскую, Литейную, оперу, Бореля, концерты, Павловск и т. п. Кроме того, ты, разумеется, изучил в подробности все ходы и выходы к созданию себе в службе приличного положения, к возможно быстрому повышению в должности и соответствующих окладах, к получению наград, столь усладительных для жизни чиновника. Это твои цели, а все прочее – средства и притом более или менее скучные и надоедливые. Все наши нужды, надежды и скромные пожелания представляют для тебя нечто только ввиду твоего личного благополучия, а вне этого – какое тебе до них дело? Поручили тебе, например, составить расписание часов приема телеграмм на телеграфных станциях такого-то округа и велели приготовить к докладу завтра; а у тебя, как нарочно, сегодня приглашение на обед, а оттуда

надо плыть да быть в Александринке; всего на дело можно уделить час-другой – не больше. Понятно, с какой досадой ты пробегаешь глазами список 50 или 60 телеграфных пунктов, над которыми ты должен поработать. Тебе и названия-то большей части этих пунктов встречаются в первый раз. Где они, что они, чем отличаются друг от друга, кому и зачем могут понадобиться – а черт их знает! А составить расписание поскорей надо. Попадается тебе на глаза К-ск, К-ой губ. К-ск! Гм! Когда же там может понадобиться отправить телеграмму? Дрянь, должно быть, и городишко-то весь! Ты соображаешь, и первое, что представляется твоему уму при отсутствии всяких других данных, – это то, что телеграфный чиновник должен же когда-нибудь отдохнуть и пообедать: это тебе известно по собственному опыту. Эти хамы, провинциальные чиновники, рассуждаешь ты, обедают, когда мы завтракаем, а по воскресеньям и праздникам визиты друг другу делают – таков у них дурацкий обычай. Вот и пишешь ты: К-ск: прием телеграмм в обыкновенные дни от 9 утра до 9 вечера, исключая обеденного времени от 12 до 2 <дня>. По воскресеньям и праздникам прием телеграмм только от 9 до 11 ч. утра. По таким же глубокомысленным основаниям составляешь ты расписание и для других градов и весей округа. Работа кипит, к сроку она готова, одобрена начальством и предписана провинциальным хамам к исполнению. Ты свое дело сделал, попал вовремя и к обеду, и в Александринку, а для меня, провинциала, вышел из этого вот какой казус: приезжаю я в К-ск в торговый день, как раз после полудня, с весьма нужной депешей. Нет приема. У меня, провинциала, логика совсем не та, что у тебя. Я рассуждаю так: телеграф устроен и существует для наших надобностей. Совершенно справедливо, что телеграфный чиновник есть человек и как таковой имеет нужду и во сне, и в обеде. Поэтому ему надо предоставить в распоряжение всю ночь, хотя от 9 вечера до 9 утра. Кажется, довольно. Кроме того, ему нужно и пообедать среди дня. Но среди дня и мне может случиться крайняя надобность отправить депешу. Как же согласить одно с другим? А очень

просто! В К-ске два телеграфных чиновника: пусть среди дня один дежурит за другого, пока этот обедает. Что ты обо мне не подумал, когда составлял расписание, мне это и в голову не могло прийти. И вот, получив отказ, я бешусь, ругаю в душе чиновника на чем свет стоит, в сосредоточенной злобе выражаю ему мою досаду, что на телеграфе нет никого посреди бела дня, когда торговля на базаре в полном разгаре, и чувствую себя совершенно одураченным, когда чиновник на все мои злобные выходки отвечает… указанием на расписание! Он совершенно прав. Но согласись, что и я не совсем неправ, скромно желая, чтобы телеграфная служба была хоть сколько-нибудь соображена с нашими провинциальными потребностями и нуждами. А благодаря тебе на деле выходит, что телеграф у нас сам по себе, а мы тоже сами по себе.

III

Напрасно ты на меня гневаешься за мое последнее письмо, думая, что им я хотел специально уколоть тебя. То, что я говорю о несообразностях по телеграфной службе, на которые случайно натолкнулся, совсем не исключение. Куда ни обратись – везде одно и то же: полное незнание нужд и потребностей массы народа и нас, провинциалов, полное и совершенное к ним невнимание. Суд и судебное ведомство – уж кому бы, как не им, следовало бы быть чуткими к народным нуждам и потребностям, а посмотри, как судебное ведомство к нам относится: ничуть не лучше телеграфного, пожалуй, даже хуже! Не знаю, как в других местах, – у нас судьи и судебные чиновники – люди порядочные и честные; а попадешь им в руки – от чего Боже сохрани – разорят не хуже старинных крючков и взяточников.

Приходит ко мне баба и кланяется в ноги.

– Помоги, батюшка, разорили совсем! Купила я четыре десятины земли – три пашенных, одну луговую – с публичных торгов, а меня вот уже три года не допускает прежний хозяин ни пахать, ни косить.

– Купчая есть?

– Как же, батюшка, и купчая, и вводный лист – все, как надо.

Смотрю: действительно, купчая, утвержденная старшим нотариусом, и формальный вводный лист.

И вот с такими-то, пушкой не прошибаемыми правами баба не может добиться, чтобы ей дали без помехи пахать свою землю и косить свою траву. Баба безграмотная и куда ей обратиться с жалобой – не знает. Просить уездное присутствие по крестьянским делам – то, разумеется, говорит: не мое дело. Просить волостного старшину – тот отговаривается тем, что-де у бывшего хозяина душевой надел не отмежеван от земли, лично ему принадлежащей на правах собственности, и потому разобрать нельзя, какая именно земля продана. Между тем, срок принесения жалобы мировому судье пропущен. Надо жаловаться окружному суду, т. е. ехать за 120 верст, в Т-у, нанять адвоката, подавать просьбы, платить пошлины – словом, делать затраты, чего сама земля не стоит.

Приходит ко мне мужик посоветоваться, что ему делать в такой беде: барыня продала ему мельницу с землей и деньги 900 рублей сполна получила, на образ молилась, что совершит такую купчую, а расписку в получении не дала: ты, Сергей, меня хорошо знаешь, и я между вами столько лет живу; как же мне тебя обмануть? Вот тебе Христос и Его святые угодники в свидетели, что совершу купчую, и мы напишем, что деньги сполна получила; или заходи на днях, если не веришь – расписку дам. Проходят дни за днями, а барыня ни расписки не дает, ни купчую не совершает. Мужик начинает подозревать, что что-то неладно. А барыня уже ведет такие речи: что это ты, Сергей, с моей земли не по праву избу продал на своз? Я тебе землю в аренду сдала, а из аренды, известно, ничего нельзя продавать. Как, говорит мужик, сударыня, в аренду взял! Я землю и мельницу в вечную купил. Барыня не посовестилась подать мировому судье прошение, что-де мужик землю и мельницу держит за свою, а она у него в аренде, и он принадлежащую ей избу продал, так чтобы заставили

мужика землю и мельницу возвратить и ей за убытки заплатить. На счастье, при покупке и уплате денег священник был. Спрошенный по ссылке мужика, на суде он рассказал, как было дело. Ничего делать, пошла барыня на мировую и обязалась купчую совершить. Написали купчую. Глядь, а старший нотариус ее не утверждает, потому что земля и мельница барыне по завещанию отказаны в пожизненное владение, а не в собственность. Взвыл мужик. Что тут делать? По справедливости рассуждая, надо бы барыню за обманные действия к уголовному суду притянуть и тюрьмой наказать: не обманывай, не плутуй. Но кому же какое дело, что барыня мужика разорила? Мужику ее преследовать – мошны не хватит; а убытки на ней искать – опять трата по пустому: у нее ничего за душой нет. Подвернулись стракулисты и говорят мужику: «Ты вот что сделай: дай на себя жене долговое обязательство. Она пусть представит ко взысканию, а ты укажи на землю и мельницу. Их продадут с публичного торга, и ты свое воротишь». А что публичные торги недействительны, когда чужое имение продано, об этом стракулисты или не знали, или умолчали. Им бы только с кого деньги сорвать, а что из этого выйдет – до этого им нет дела.

Что эти уездные «аблакаты» и «брехунцы» с безграмотным мужиком делают, как они их обманывают и обирают, – об этом ты в Петербурге и понятия не имеешь! Не хуже кулаков они ловят сермяжный люд чуть не на улице, и он охотно идет к ним в сети, потому что не имеют мужики никого, кто бы их защитил и помог им добрым советом, а «аблакаты» им обещают всякое дело обделать, лишь бы получить деньги; мужики и обжигаются на них, как мотыльки на свечке.

Приходит Федор к Тимофею Климычу, содержателю постоялого двора, выпив малую толику, сосчитаться в том, что у него забирал и что ему продавал чуть ли не за год. По счету Климыча выходит, что Федор ему должен 10 рублей с копейками, а по счету Федора – Климыч ему должен около того. Повздорили, поругались. Климыч и вытолкал Федора из лавки. «Аблакат» тут как тут: ты, говорит, Федор, подай жалобу на

Климыча, что он тебя из лавки недобрым порядком прогнал: его можно и в тюрьму за это засадить. Приходит Федор ко мне посоветоваться: я, говорит, Климычу в октябре восемь мер конопли продал, а она у него, такого-сякого, не записана. Поехал я к Климычу, тот показал мне в книге расчетный лист с Федором. Оказывается, что конопля записана. Насилу мне удалось вырвать Федора из челюсти «брехунцов».

А то вот мужики соседней деревни купили у помещицы землю, оставшуюся у нее за наделом, а деньги заняли у трактирщика. Захотелось им от этого долга отделаться: условия были, что ли, тягостны – уж не знаю. Тотчас подвернулся «аблакат»: я, говорит, вам это дельце обделаю. Мужики его за это обязались целую зиму снабжать сверх денег хлебом, съестными припасами, дровами, соломой. Жил «брехунец» на мужицкий карман целую зиму припеваючи, а дельца, разумеется, не обделал, только трактирщика озлобил против мужиков.

Вы там, в Петербурге, толкуете много о святости права собственности. А посмотрели бы вы, как эти священные права у нас ни во что не ставятся. Мировые судьи, кажется, и сами не разберут, какие дела они могут принимать к своему рассмотрению, а какие нет. Может быть, законы на этот случай и очень хороши, только не про нас они писаны, мы и путаемся. А уж в нотариальных порядках, которые вы нам создали, ум помутится, ничего не поймешь! Есть укрепление прав через волостное правление, есть просто нотариат, есть старший нотариус сам по себе, есть укрепление прав через крестьянские учреждения. Поди тут разбери, к кому, как и в каком случае обращаться! Совершили мужики между собой раздел в волостном правлении должным порядком, и не может одна сторона добиться, чтобы заставить другую исполнить условия раздела. Приходит мужик к мировому судье – тот его взашей гонит. «Да к кому же мне обратиться?» – спрашивает мужик. «А к кому хочешь, только не ко мне». Просит мужик старшего нотариуса утвердить купчую крепость на землю, совершенную на основании раздельного акта, засвидетельствованного в волостном правлении. Отказывается: я, говорит, принял за правило то-то и

то-то, совершенно криво толкуя закон. Уж сказал бы просто: «Мы, Божьею милостию, старший нотариус такой-то признали за благо постановить» то и то. Ты скажешь: да ведь есть же на старшего нотариуса какая-нибудь управа? Есть, как же ей не быть. Только мужикам она не по карману. Речь идет о десятине-другой, подчас о полдесятине и меньше. А сколько нужно денег съездить в губернский город за 120 верст, ждать там, пока старшему нотариусу благоугодно будет вразумиться и исполнить нотариальный менуэт по всем правилам искусства. И все это из-за какой-нибудь десятины! И махнет рукой мужик, скрепя сердце. За этими отказами и проволочками, глядишь, и от сделки, на которую обе стороны согласились, одна уж отказывается. Не утвердили ее – значит, она и незаконная. Со мной такой случай был. Крестьяне двух наших бывших деревень владеют пашнями порознь, а покосами сообща. Из-за этих покосов у них происходили беспрестанные ссоры, кончившиеся враждой. Задумали мужики, чтобы не дойти до греха, разверстаться покосами, но не знали, как за это взяться, и обратились с просьбами ко мне. После долгих споров и бесконечного галдения мне удалось настоять на том, чтобы они на чем-нибудь сошлись и помирились. И дело-то все грошовое было: одни уступали десятины две заливного лугу и получали в обмен около того же в пахотной земле. Ударили по рукам, помолились Богу, подписали полюбовную сказку и представили ее в уездное присутствие по крестьянским делам. Мы все были уверены, что дело покончено; ан не тут-то было! Из уездного присутствия сделка крестьян поступила на утверждение в губернское, а оно взяло да отказало; почему – это только Бог ведает! Недовольные сделкой – а недовольных везде и всегда по всяким делам довольно бывает – обрадовались этому: значит, сделка незаконная, когда правительство ее не утвердило. Что делать? Надо было подавать прошение министру внутренних дел, а недовольные отказываются <его> подписать: насилу, насилу уломали. Министерство велело сделку утвердить. Но сколько хлопот, писания бумаг, сколько времени потрачено, пока все это было проделано! Вот тебе и священные права!

Нотариальные учреждения точно для того созданы, чтобы не укреплять, а разорять права. Они, подобно телеграфным порядкам, сделаны не для нас, а для проделывания каких-то бумажных обрядов, которые с действительными правами далеко расходятся. Если так долго продолжится, появятся свои домашние порядки укрепления прав помимо старших нотариусов, а они будут сами по себе выполнять свои бумажные укрепления. Да что и говорить! Благодаря нотариату ты не можешь совершить сделку, как ты хочешь, а совершай ее так, как соблагоизволит старший нотариус, а он соблагоизволит иногда так, что ты и не узнаешь тех условий, какие заключил; а не согласишься, как он хочет, ну и оставайся так, без сделки! Свод гражданских законов говорит, что если ты провладел 10 лет добросовестно, непрерывно и бесспорно землей на правах собственности, так она твоя. Старший нотариус – провладей ты так 100 лет – не утвердит купчей на такую землю; он знает одно: бумагу. Нет бумаги, даже и крепость есть, да нет вводного листа, – и нельзя продать и купить земли. Вот и вспомнишь старые уездные суды и гражданские палаты! Бывало, надо купить или продать землю, которая обратилась в собственность по давности, и прикажет суд допросить местных жителей, соседей той земли: кто ею владеет и сколько времени. Скажут на обыске, что подлинно такой-то владеет больше 10 лет, и выдаст суд хозяину по давности данную, а затем совершит купчую. Каковы ни были старые суды, а от здравого смысла в этом случае не отступали и не отнимали прав, которые дает закон. Вы же насажали нам юсов-тиранов и написали нотариальные правила, которые наших прав знать не хотят, сделали утверждение мелкой поземельной собственности невозможной и похерили обращение недвижимого владения через давность в собственность. Мы бились-бились, жаловались в журналах – ничего не вышло; сенат с десяток разъяснений написал – их никто знать не хочет. Думали, думали – и придумали вот какую хитрую штуку. Хочешь ты мне продать землю ли другую недвижимость, на которую у тебя нет документов, ты мне выдаешь долговое обязательство в такую сумму, которая много выше того, что это

имущество стоит. Затем начинается такая комедия: я предъявляю это долговое обязательство ко взысканию; ты, хоть и богатый человек, говоришь, что заплатить нечем; тогда я указываю на саму эту недвижимость, которую хочу у тебя купить. Ее продают с публичного торга, и она остается за мной, потому что конкурентов нет: никто за нее больше меня дать не может. Затем я получаю на ту недвижимость данную – и делу конец. Этот длинный, хлопотный и дорогостоящий обход выдуман потому, что поперек прямого пути старшими нотариусами и нотариальным положением камень завален, проход и проезд воспрещены. Я сам был раз поставлен в такое положение. Купил я у приятеля заливного лугу десятин пять с лишком и не решили идти в обход. Посуди сам: и стыдно как-то воровским манером покупать, что по закону мог бы купить просто; и совестно комедию ломать с приятелем, заставлять его несостоятельным себя объявлять, когда он, слава Богу, хороший достаток имеет. Да и то меня мучило: возьму я с него долговое обязательство в полтора раза против того, за что луг куплен; а ну на другой день умру? Мои наследники, не зная, что долг – дутый, начнут с моего приятеля, который хотел мне же одолжение сделать, взыскание и взыщут, чего он должен никогда не был. Так я и махнул рукой и теперь спокойно владею лугом, выплачивая за него приятелю подати и повинности; покупную же сумму я ему давно уплатил и жду, пока 10 лет минет; авось либо к тому времени старшие нотариусы перестанут быть самовластными распорядителями наших прав и нотариальные правила, лишающие нас того, что нам дает закон, заменятся такими, которые не разрушают, а действительно утверждают права собственности. Только казна в накладе остается: я ей заплачу пошлины 10 лет позднее.

IV

Причина всех наших бед, пишешь ты, – наше невежество; выучились бы мужики грамоте и знали бы мы лучше законы, то ни «аблакаты» и «брехунцы» нас бы не обирали и

старшие нотариусы не ездили бы так спокойно на нас верхом. Мужик, говоришь ты, неуч, а мы сидим у себя по углам и не следим за тем, что на белом свете делается. Нами и помыкают, как дурнями. И поделом!

Видно, вы, петербургские умники, чиновники и интеллигенция, и взаправду ничего не понимаете в наших делах! Очень вы уж свысока на нас смотрите; не худо бы вам иногда вспомнить, что вы живете на наш счет и потому должны бы что-нибудь для нас делать; а вы вместо того живете только в свое удовольствие и облегчаете себя от исполнения своих обязанностей тем, что нас же презираете и над нами же издеваетесь.

Учиться, знать законы! Легко сказать; а где учиться? Узнать законы можно всякому грамотному, когда их можно в боковом кармане носить; а наших законов на возе не увезешь, да многое их множество в циркулярах содержится, которые только вам одним известны, а к нам они только применяются.

Знаешь ли ты, петербургский умник, наши школы? Подумал ли ты о них когда-нибудь серьезно? Если бы ты их знал, да о них подумал, ты бы перестал смеяться и презирать. Наши деревенские школы – грошовые. Мужику их строить и содержать не из чего, и существуют они подаянием. У нас их ок. 60 в уезде, а земство отпускает на школы всего-навсего 2 тыс. рублей. Учитель или учительница должны на 60 рублей в год себя содержать, а квартира, и то, пока идет учение, обыкновенно помещается рядом с волостной избой, куда народ ходит, где запах тютюна[1] не переводится, где либо такая стужа, что надо в шубе сидеть, либо угар такой, что голова разлететься вдребезги хочет. Вот тебе наша школа! А прошло время учения – ступай, учитель или учительница, куда хочешь, живи хоть Христовым именем. Где учитель сыт, живет в сухом и теплом жилье, да получает рублей сто, полтораста – так это рай, предмет зависти. У нас с учительницы, которая 60 рублей получала, еще деньги за учебники для школы вычли. Вот что! Да и этих жалких 60 рублей не допросишься месяцев по восьми. Ходит учитель за 15 или 20 верст, кланяется, молит, с голоду

[1] Тютюн (устар.) – табак низкого сорта. – *В. Т.*

умирает: приходи, говорят, недельки через три; а там опять через две. И так целые месяцы проходят. А вы хотите, чтобы у нас учителя по деревням были, да еще требуете, чтобы он удовлетворял известным условиям образования! Как же не сказать, что вы ничего в наших делах не смыслите! В других местах бывает и иначе, только вряд ли лучше. Сделают раскладку на школы на весь уезд и устроят школ 10–12. Платят все, а учиться могут только те, кто близко живет к школе; а кто дальше, верст за 10 или 15, и не из чего содержать ребенка там, где устроена школа, тот так и не учит своих детей, хоть и платит. А ты говоришь: пусть мужик грамоте учится! И рад бы учиться, да негде, не у кого. Ведь по нашей осенней слякоти, зимним вьюгам и сугробам не пошлешь ребенка проперeть каждый день верст 10–15, и так месяцев шесть; и лошади это не под силу будет! Вы же, ничего этого не зная, толкуете еще об обязательном обучении! Приезжайте пожить с нами год-другой, тогда сами над собой расхохочетесь, или с нами заплачете; и лучше будет, если заплачете. Но о деревенской школе что и говорить! Сердце надрывается, на нее глядя, и досада берет, когда вы о ней толкуете. Посмотрите вот хоть, что в городах делается. Назначили у нас в прогимназию после злющего инспектора, разогнавшего всех учеников и учителей, доброго старика, который сразу прогимназию поставил на ноги. Вместо 18 учеников набралось 45. Все вздохнули, обрадовались и успокоились, что нажили, наконец, своим детям хорошего человека в наставники. Вдруг ни с того ни с сего начальство взяло да и сменило старика. Назначила на его место другого; говорят, и этот тоже добрый и хороший человек; но первого-то зачем сменили? Всем пришелся по сердцу добрый старик – и ученикам, и родителям, и сам он был доволен своим положением. Ему бы доживать свой век в нашем медвежьем углу! Заботился он о своей прогимназии очень; так нет же – вымели его вон, не спросив никого, даже не подумав осведомиться, что он и как на своем месте! Такая уж у вас привычка ни в грош нас не ставить! А подати вы с нас куда как усердно собираете! Грошу в кармане не дадите залежаться.

Вашим примером и духовное ведомство заразилось; и оно зорко наблюдает за поступлением свечного сбора, а с нами, прихожанами, поступает, по своему благосоизволению, очень бесцеремонно, не думая справляться, нравится это нам или нет. Не так давно вот какой случай в одном из наших приходов был. Попал церковный староста под следствие и суд с предварительным арестом. Как быть без церковного старосты? Прихожане и выбрали другого. А консистория и пишет: утвердить вам нового церковного старосту на время можно, а навсегда – ни-ни. Если прежний оправится перед судом, то нового прочь, а прежнего опять возьмите. Прихожане – народ русский, смирный – и те вышли из себя. Как же это так, рассуждали они: церковный староста под суд попал, стал нам не люб и доверие наше потерял; мы должны его опять взять, если его суд оправдает, а нового, которому мы верим и который нам люб, отставить? На что же это похоже! Разве нам суд – указ? В суде зачастую по бумагам судят, а не по делам; а церковный староста – лицо доверенное. Как же это консистория может нам предписать: верь тому, а не этому?! Кончится это дело, наверное, как все дела кончаются: пошумят, погалдят прихожане, да и махнут рукой. Что ж с консисторией поделаешь! Не первое такое дело и не последнее. Пожалуешься – и опять же консистория права будет. Она ведь ведомство, а ведомство перед нами, обитателями медвежьих углов, всегда будет чисто и право. Не при нас так началось, не при нас и кончится.

V

Слышим мы, что у вас в Петербурге опять идет какая-то перемена. Судя по людям, надо ждать хорошего. Дай Бог! Уж очень тошно стало жить в эти последние годы – так тошно, что и сказать нельзя! Один-два, несколько шальных натворят беды, а мы, ни в чем не повинные, за них отдувайся! И ума не приложим, за что на нас такая напасть стряслась! Дай Бог, чтобы полегче и поспокойнее стало. Оставьте нас мирно, без тревоги,

прозябать по нашим углам. И своих досад и тягостей столько, что не оберешься, а тут еще новые, невесть откуда и за что.

Порадовался я сгоряча очень добрым вестям, а потом и призадумался. Что у таких людей, как ты, доброе и хорошее на уме – этому я от души верю. Только сумеете ли вы дело сделать – вот над чем мы крепко задумываемся. Мало вы нас знаете – вот ваша и наша беда. Судите вы обо всем вообще и вдобавок с предубеждением, что мы – дурачье, невежды, лентяи, ничего как есть не понимаем. Недавно всех нас зауряд, чуть-чуть не поголовно, злоумышленниками считали и так подтягивали крепко, что нельзя было и дохнуть. Из этого ничего, разумеется, путного не могло выйти и не вышло. Теперь слышно, вы говорите: надо земствам побольше простору дать, и все пойдет хорошо. Сильно я боюсь, что из этого опять мало толку будет. Знаете ли вы наши земства? Я сильно подозреваю, что вы их не знаете. Подвернулся вам в разговоре хороший и знающий человек из земцев и говорит дело, подлестился к вам проходимец из земцев же, ожидающий от вас великих и богатых милостей, и напевает вам с три короба в вашу дудку – вы порядком не разберете, кто говорит правду и кто бессовестно врет. Если бы вы наши дела поближе знали, вы бы разобрали и на теперешнее земство больших надежд не возлагали бы. Есть всякие земства – и очень хорошие, и так себе, и вовсе никуда не годные. Дайте всем без разбору вожжи, и вы во многих местах столько беды наделаете, что потом годами ее не исправите. Вам вспоминается, какие были земства, пока их не *окоротили*; а вы возьмите их, каковы они *теперь*! Крестьяне из них почти исключены; их тщательно и долго оттирали и, наконец, оттерли. Люди хорошие, знающие и опытные к земскому делу после всего того, что с ним делалось, расхолодели и от него отшатнулись; а засели в них густой массой почти исключительно дворяне, в большинстве или совершенно ничтожные, или бывшие крепостники, которые продолжают и по сей день вздыхать о блаженном старом времени, когда им жилось легко и привольно, и стараются не мытьем, так катаньем по возможности подобрать и сохранить крохи, уцелевшие от роскошного стола,

унесенного у них из-под носу 19 февраля 1861 г. Вы в Петербурге воображаете, что крепостное право умерло, похоронено и память о нем исчезла? Очень ошибаетесь! Оно живет еще во взглядах, понятиях, привычках и помещиков, и крестьян, и если будет, как было до сих пор, поддерживаться администрацией губернской и петербургской, то проживет еще долго. Исчезло только мелкое дворянство; среднее, уцелевшее от погрома эмансипации, и крупное пропитались понятиями промышленников и коммерсантов, для которых нажива во что бы то ни стало есть высший и единственный идеал. Кто посмышленее, бывал за границей, читал кое-что, тот умеет прикрывать хищнические аппетиты громкими фразами, позаимствованными из политической экономии и жаргона европейских буржуа, но подкладка все та же, крепостническая. Этот слой господствует теперь в большинстве земств и давит не только крестьянство, но и порядочное меньшинство из дворян всей тяжестью своего влияния и своего имущественного превосходства. Если этим земствам вы будете вдохновляться, то вы нашего положения не улучшите, напротив, еще ухудшите его.

Разговорились мы как-то между собой о наших местных делах.

– Что за странность! – говорит один. – В нашем уезде назначаются съезды мелких землевладельцев для выбора гласных, как нарочно, в такое время, когда духовенству никак нельзя быть, или в большие праздники, когда священники по горло заняты отчетностью.

– В нашем уезде, – замечает другой, – совершенно то же самое.

– А у нас, – вставляет свое слово третий, – выборы пригоняются в самую горячую рабочую пору, когда крестьянам невозможно оторваться от поля.

– Чему же вы удивляетесь? – говорит один из собеседников, опытный в делах земского самоуправления. – Это и делается нарочно, с той целью, чтобы ни попы, ни мужики в гласные не попадали. Для вас это в диковинку, а нам эта практика очень хорошо известна.

Так сводят крепостники свои старые счеты с сельским духовенством и устраивают свои дела посреди новых обстоятельств. Попы – народ грамотный, исстари державший сторону мужиков против господ и за то им ненавистный. Попы стоят за крестьянскую школу, которую крепостники переварить не могут; попы в большинстве народ крайне бедный и считать умеют, и потому голос их в делах земского обложения и расходов может быть крайне неприятен. А о мужиках и говорить нечего: забери они силу в земских делах, земское обложение будет совсем другое, и жалованье земцам другое, и расходы пойдут совсем другие: членам земских управ нельзя уж будет, как теперь, земские деньги на починку мостов и другие постройки между собой разбирать и класть себе в карман, как это иногда практикуется. Посмотрим, что делается в губерниях, где дворян мало или почти совсем нет: там совсем другие земские порядки, много лучше наших.

В том-то наша и беда, что правительственная администрация у нас далеко не образцовая, да и земская, городская, общественная не лучше, а, пожалуй, еще хуже. Не умеем мы сообща никаких дел делать! Посмотри, что у вас под носом, в Петербурге, в вашем городском управлении делается! Ты читаешь газеты и сам знаешь историю концессии железно-конных дорог: знаешь и то, почему теперь за проезд в вагонах второго общества не 5, а 6 копеек платится, вместо того чтобы ликвидировать это общество, несостоятельное в выполнении принятых на себя обязательств, как это по закону должно быть со всяким неисправным контрагентом. Петербургское городское управление отказало врачам в расходе на химический анализ петербургской воды. Об этом в газетах печаталось. А сколько таких дел, о которых нигде не печатается! Горько жалуются крестьяне, приезжающие извозничать в Петербург, что им по семи дней не выдают установленных блях на извозный промысел, теребят по разным местам, берут негласные поборы, превышающие их средства; что благодаря этому они проживаются в Петербурге до нитки без заработков; что полиция и городское управление наперерыв их разоряют, и нет им ни от

кого защиты. Кому бы этим заняться, как не общественному управлению столицы? А ему, как и казенной администрации, нет до этого никакого дела!

Да что говорить об общественном управлении! Там, где дело касается нашего кармана, – и там мы не подумаем контролировать наших выборных. Посмотрим, как идут железнодорожные дела: гадко и тошно подумать! Недавно приходит ко мне мужик из нашей деревни попрощаться. «Куда это Бог несет?» – «А яблоки из вашего сада в Москву везу». – «Как – в Москву? Почему же съемщик сада по железной дороге не отправляет?» Мужик махнул рукой: «По железной дороге бунты с яблоками крючьями подымают и в вагоны грузят, так много яблоков портится, а кроме того, их по дороге половину разворуют. Съемщики и нанимают нас». Понимаешь ты это: гужевая отправка заводится рядом с железнодорожной отправкой. Вот наши порядки! Несколько лет тому назад четверть овса была у нас полтора рубля и рубль с четвертью, а в Петербурге около 5 рублей. Прямой расчет везти в Петербург. Говорю я об этом с одним человеком, близко знакомым с отправками по железным дорогам. «Не советую вам, – говорит, – просчитаетесь и убыток понесете». – «Как так?» – «Да так же: крючники при погрузке таких вам дыр в кулях понаделают, что половина овса в вагонах останется». – «Ну а если я погружу в вагоны, которые прямо идут в Петербург без перегрузки в Москве?» – «И это вам ничего не поможет, – говорит мне собеседник. – Ведь дыры, которые проделывают в кулях крючники, только предлог: половина потрусится человеческими руками». Вот до чего мы дошли! Финляндская железная дорога молоко возит, и оно невредимо приезжает; а на наших, русских, и овса везти нельзя. Как же тут гужевой перевозке не возобновиться! Того и гляди, товары только гужом и станут возить, а железные дороги останутся для пассажиров и мелочи. Кто от этого в накладе? Мы же, акционеры! Но нам и нашего кармана не жалко, – так уже мы привыкли на все махать рукой и апатично принимать всякие невзгоды от совершенной уверенности, что правды не добьешься, а если и

добьешься, то с такими усилиями, мытарствами и жертвами, что другой раз и не подумаешь ее добиваться.

VI

Письма мои, я вижу, тебе очень надоели. Ты меня называешь несносной старой брюзгой, закопавшейся по уши в провинциальные дрязги и не умеющей за мелочами разглядеть большого и хорошего, что в наше время делается.

Все вы, петербуржцы, на одну мерку скроены. Начнешь вам говорить, что и как есть в самом деле, – вы скучаете. Оно и понятно: столько всяких жалоб вы от нас слышите, что голова у вас притупилась и уши вянут! Если бы вы на нашем месте были, вы бы запели другую песню. Мелочи! Да ведь на мелочах-то жизнь вертится, особенно наша; из них она слагается; общие взгляды и принципы, с высоты которых вы на нас смотрите, из них же выводятся и хороши только тогда, когда обнимают и выражают мелочи, а без этого они пустые слова. Да и что толку в общих взглядах и в принципах, когда они не переводятся в жизнь, в дело! Рассуждая в пустоте, тяготясь мелочами, вы ищете, на что опереться, и хватаетесь за призраки. То у вас истинное основание всякого нашего благополучия – дворянство, то крупное землевладение, то черноземная сила – крестьянство, то промышленный и торговый класс, то земство. Теперь вы все надежды на земство возлагаете. Как флюгер вертится направо и налево, так у вас направления сменяются. Сегодня для вас идеал – сильная полицейская власть, завтра – классицизм, послезавтра – реализм, а там – суд, а там опять что-нибудь другое. Сколько разных идеалов у вас заезжено в последние годы – и не перечтешь! И жизнь становится все бесцветней, тоскливей и безотрадней. Торжественные процессы с разными знаменами, на которых крупными буквами были прописаны разные принципы и общие взгляды, быстро чередовались перед нашими глазами, но они только запутывали ежедневную жизнь, увеличивали в ней хаос. У нас нельзя опереться ни на одно сословие, ни на один класс, ни на одну

общественную организацию, ни на какой идеал; на них нельзя что-нибудь построить, потому что они созданы из головы, а не выросли из самой жизни, не сложились из ее нужд. Сколько людей самых различных направлений при разнообразнейших условиях и общественных положениях пробовали стать твердой ногой на нашей зыбкой, колеблющейся под ногами почве – и проваливались! Во всех классах, сословиях, родах службы, общественных положениях рассеяны единицами превосходные личности, замечательные умы и таланты, которые сделали бы честь любой стране, но они томятся в бездействии и не приносят отечеству никакой пользы, потому что искусственная среда и организация, сословная или служебная, в которую они вставлены, их парализует. Побьются они сначала и, не видя ни с какой стороны поддержки, махнут на все рукой; лучшее, что в них есть, они затаивают про себя, а на свою деятельность смотрят как на неизбежное зло и валят через пень-колоду, предоставляя действительную жизнь ее собственному течению. Много ли ты видел у нас людей, которые всей душой, всеми силами принадлежат той общественной среде, в которую жизнь или судьба их поставили? Они считаются даже не десятками, а единицами. Каждый у нас, пока силен и бодр, клянет свою обстановку, хотел бы из нее выбраться; а потом, когда жизнь его помнет и убьет в нем всякую энергию, всякую веру во что бы то ни было, он начинает плыть по течению, забыв о каких бы то ни было идеалах, и думает только о самом себе. Оттого как редко кому удается у нас дело сделать и как недолговечны наши дела! Переменится случайно обстановка, переменится случайно человек – глядишь, созданное великими усилиями развалилось, и все про него забыли, кроме тех, кому оно непосредственно приносило пользу: те, конечно, о полезном деятеле помнят и о том, что его нет, крепко горюют; а потом, когда перемрут и они, дела как не бывало!

Пессимист, усталый, огорченный и отсталый я человек, скажешь ты. Нет, я просто русский человек, кое-что видевший на своем веку и никогда не умевший довольствоваться словами, шаблонами и провозглашением принципов, а жаж-

давший всю жизнь видеть их проведенными в действительности, в том, что ты свысока называешь мелочами. Я на свою долю помирился бы на самой малости, лишь бы эта малость была сущая, действительная правда, а не слова. Приелись они мне до тошноты! Все мы только говорим, провозглашаем широкие принципы, а самого малого дела, которое само напрашивается, не делаем. Жалобам, негодованию нет конца, а постараться, чтобы хоть в нашей непосредственной обстановке стало получше, посветлей, – об этом мы и думать не хотим! Хоть бы в этом плутам подражали! Те очень деятельны и отлично достигают своих целей.

Где же, спросишь ты, выход из такого заколдованного круга? Да он совсем не такой заколдованный, как кажется. Глазам страшно – рукам не страшно. Хотите знать, что надо делать, – прислушивайтесь, на что жалуются, чем особенно тяготятся, и не в одном каком-нибудь слое или классе, а во всех. Хотите знать, чьими руками и как дело сделать – обращайтесь не к сословиям, классам и организациям, занесенным в свод законов, а к кружкам, куда ушла и где приютилась живая русская мысль, где сгруппировались люди самых различных общественных положений, по наклонностям, симпатиям, нравственным и умственным качествам, где их отлично понимают, знают и ими дорожат. Людей, годных на дело, у нас много – гораздо больше, чем вы думаете; только вы их искать не умеете! Они попрятались по кружкам, а вы их ищете по официальным трафаретам и, разумеется, не находите. У нас люди испокон века разбивались по кружкам и были тем, что они в самом деле, только в кружках. Из кружков у нас и все великие дела выходили. «Компания» Петра Великого разве не был такой же кружок единомысленных людей? Разве не в кружках созрела отмена крепостного права, и кто, как не кружки, поставили людей, которые провели ее в жизнь по губерниям и уездам? Мы мало знаем интимную русскую историю, а мне сдается, что из кружков вышла мысль о соединении раздробленных частей России в Московское государство, об освобождении от ига татар, о воссоздании Московского государства после раз-

грома Смутного времени. Под давлением тяжелых условий кружки у нас притаились и помертвели. Дайте нам хоть немного вздохнуть, люди опять разберутся по кружкам, и последние опять станут родниками живой русской мысли, рассадниками талантливых и полезных деятелей по всем направлениям.

С.-Петербург.
15 сентября 1880 г.

Путевые письма

I

Наконец, любезный друг, я опять в деревне! Вырвался сюда из душного Петербурга, как только доктор благословил в путь. Хочу писать тебе много, и есть о чем, но перо плохо слушается. За несколько месяцев болезни совсем отвык от писательства, как отвыкает рука владеть кистью, пальцы – бегать по клавишам рояля. К тому же ум мой и сердце находятся под давлением особенных личных обстоятельств, созданных болезнью. Ты знаешь и помнишь, с каким глубоким участием не одни друзья и близкие, но и печать следили за ходом моего недуга и выздоровления. Сколько эти выражения сочувствия доставили мне блаженных минут посреди тяжких страданий – ты это видел и понимаешь; из-за этих минут и болезнь казалась легкой. Но теперь, когда она миновала, я поставлен в самое затруднительное и деликатное положение. Друзьям можно выразить чувства словами, взглядом, пожатием руки, а как их выразить незнакомым в прессе? Благодарить печатно? Ты поймешь всю невозможность и неловкость такого поступка! Ведь это значило бы создать самому себе вовсе не заслуженный пьедестал, да и вскарабкаться на него на посмешище всего читающего мира, изображая собою комического непризнанного божка, самодовольно вдыхающего фимиам общественного внимания. Молчать тоже нельзя: кто же в силах молчать, когда ему выражено столько теплых чувств и оказано столько почета? По

крайней мере, я не могу, не смею, не в силах от них отмолчаться. А притом, подумай, сколько справедливых нареканий я скопил бы на свою голову, если бы стал отмалчиваться! Не значило ли бы это принять общественное участие в критическую минуту жизни как нечто должное, заслуженное, подобающее по праву? Это было бы чуть ли не хуже, чем благодарить! И вот, я поставлен между Сциллой и Харибдой: и так нехорошо, и этак дурно. Не знаю и не придумаю, как поступить. Помоги мне умным советом снять тяжелое бремя с души. Тогда легко станет на сердце, я вздохну свободно и бодро передам тебе, как умею, мои путевые и деревенские впечатления.

II

Вся минувшая зима, весна и лето были какие-то необыкновенные, под пару нашему настоящему необыкновенному положению. Зима была бесснежная; пыль заслепляла глаза проезжим в ноябре. Зимою было тепло, и Ока выступила из берегов. Весна и весенние работы начались, как не бывало никогда, в начале апреля. Весеннего половодья почти не было. Бездорожье и жара предвещали полный неурожай. Зато с конца весны и летом были сильные паводки, ливни, грозы и грады, причинившие много пагубы, затопившие луга, унесшие много сена, разорявшие сельских хозяев и крестьян. В Оке вода поднималась семь раз за лето. Два раза в короткий промежуток времени все до единой мельницы были снесены, так что негде было хлеб молоть. Между страхом и надеждой прошло все лето. Письма управляющего приводили в недоумение. То он предавался отчаянию и пророчил прескверный урожай, то, напротив, предсказывал обилие плодов земных. Плохой урожай трав и клевера заставлял крестьян и хозяев повесить носы и головы; а кто был подогадливее и не убирал сена в обычное время, тот в августе накосил его больше, чем в хорошие годы, – так исправились и заросли луга к исходу лета. Никогда не бывало прежде в нашем краю, чтобы озимое, яровое и сено убирались в одно время, а нынче это случилось. Вторая трава

и клевер на скошенных лугах и полях в августе стояли превосходные. Корма для скота и лошадей было в полях, лесах и на лугах великое изобилие; а между тем, в мае коровы давали гораздо больше молока, чем в июне и июле; кто надаивал со своего стада в мае 26 пудов, получал в июне и июле по 18; у кого в мае было 20 ведер молока – тому коровы в июне и июле приносили по 11 ведер. Этого прежде тоже никогда не бывало. За август я не имею сведений; а более чем вероятно, что количество молока за этот месяц опять поднялось.

Все эти чуда чудные, дива дивные отразились и на урожае хлебов. Рожь, уцелевшая от градов, вышла посредственная, скорее даже плохая, ужи́ном – и отличная зерном и умолотом. Пшеница – тоже. Овес уродился плохо и оказался легковесным. Гречиха поздняя растет великолепно и, если ее не убьет мороз, даст много зерна. Раннюю и среднюю схватило жарой, побило ливнями и градом и зарастило обильной травой.

Будь я Тит Ливий или летописец Нестор – писавшие, впрочем, *après coup*, – я бы увидел в этих отступлениях от обыкновенного хода вещей предзнаменование чрезвычайных событий в ближайшем будущем. Но я не Тит Ливий и не Нестор, да и в предзнаменования современные люди изверились.

III

Мое деревенское хозяйство идет, слава Богу, недурно. Рожь дала 12 копен на круг, пшеница… Но я отсюда вижу, как ты начинаешь зевать, читая, сколько я убрал и вымолотил хлеба, сколько надоил ведер молока, наварил сыру и, надеюсь, собрал кормовой кукурузы. Тебя все это мало интересует, да и смыслишь ты в этом немного. Ну, пожалею я тебя и поговорю о другом, более тебе понятном и доступном.

Каждый раз, что я оставляю Петербург и переношусь в наши медвежьи углы, меня поражает непереступаемая пропасть между взглядами, стремлениями и оценкою вещей и событий здесь и там. В Петербурге, как и быть следует, местные подробности стушевываются, размеры их уменьшаются,

значение умаляется. В провинции – я разумею огромную массу провинциалов – только и света, что в их окошке. Они погружены в свой муравейник и интересуются общими делами, только когда они касаются их личности или кармана. Все это в порядке вещей и из различных точек зрения Петербурга и провинции, обусловленных нахождением в центре или периферии, не происходило бы никакого замешательства, недоразумения и антагонизма, если бы не примешивались побочные обстоятельства, поселяющие раздор и даже вражду. Кто стоит в центре, тот, естественно, более склонен к обобщениям и отвлеченным взглядам; местный обыватель также естественно преувеличивает размеры того, что ему ближе и непосредственно его касается. Но при нашей политической и общественной неразвитости мы не умеем и не можем оценить, как до́лжно, вес и значение местного и центрального элементов, их тесную связь, взаимодействие и отношение. Еще в древнем республиканском мире старик Агриппа ясно понимал, что все части и слои государства составляют одно органическое целое и должны работать друг другу в руку, а мы в 1882 г. по Рождестве Христове этого еще не понимаем! Покойный Н. Ф. Павлов говаривал в шутку еще в 40-х гг., что Петербурге есть огромная компания на акциях для разработки России. С тех пор мы, правда, подвинулись вперед, но очень мало. Общий интерес, существующий для блага всех, продолжает у нас рассматриваться как особенный личный и частный интерес тех, кому вверено ведение общих дел. Кто в центре, т. е. в Петербурге, тот смотрит на провинцию свысока, не думает о ее нужности и пользах и во имя общего блага устраивает, как нельзя лучше, свои личные дела. Это, разумеется, раздражает провинцию, которая с явной досадой и тайной завистью смотрит на благодатную жизнь блюстителей общих интересов; последние оказываются не тяжким бременем для их носителей, а каким-то чудом превращаются для них в источник манны небесной. Провинциалам тоже до смерти хотелось бы вкусить от земных благ, которыми так щедро вознаграждается участие в общих делах, и сами, когда могут, не упускают случая попол-

зоваться благостыней, соединенной с заведованием общими интересами провинции, конечно, не такой обильной, как в столице. Прибавь к этому незнание положения, беспечность, лень, наши русские «авось» и «ничего», и ты легко поймешь, отчего у нас все не клеится, все идет вразброд, врассыпную, общие интересы представлены так плохо, формы, которыми они обставлены, так притеснительны и не соответствуют ни обстоятельствам, ни нравам и привычкам людей.

Собираюсь я в деревню. Надо мне ехать на Москву и оттуда на Мценск. Памятуя, что Кукуевская насыпь не существует, стараюсь еще в Петербурге узнать, как теперь ходят поезда по Московско-Курской железной дороге, – и не могу. Еду справиться на петербургскую станцию Николаевской железной дороги – там тоже ничего не знают. Прежнее расписание, говорят, от нас отобрали, а нового не прислали. По слухам, поезд № 3 (ночной) совсем не ходит. Только это я и успел узнать в Петербурге. Приезжаю в Москву: там мне показывают новое расписание. Оказывается, что отправление всех поездов из Москвы и Курска изменено. Чего бы стоило правлению Курской железной дороги разослать новое расписание на другие железные дороги и припечатать по несколько раз во всех газетах? Так нет же! Теряешь время понапрасну, приезжаешь не тогда, когда надо, пропускаешь поезд – словом, не только часы, а целые дни пропадают даром. А почему? Потому только, что железнодорожному управлению нет никакого дела до нужд и польз пассажиров. Узнают они случайно о перемене поездов – хорошо; а не узнают – тем хуже для них.

Это невнимание к нуждам людей, о которых надо бы позаботиться и по обязанности, и в интересе собственного дела, приводит подчас в отчаяние. Газеты наполнены известиями, что мировой судья, мировой съезд вызвали тяжущихся или подсудимых к суду, а сами не явились. Непременные члены уездных присутствий – следователи – вызывают таким же образом целые деревни в рабочую пору и томят людей многие дни понапрасну, заставляя их ждать себя. Что это, как не признак совершенного невнимания к своим обязанностям и к

нуждам ближнего? Изволь-ка с такими людьми поговорить об общих интересах! Они знают твердо только те дни, когда им выдается жалованье.

На той же Московско-Курской железной дороге меня поразила и другая странность. Обыкновенно везде, у нас и за границей, при каждой остановке поезда у станции или полустанка кондуктор проходит вдоль всех вагонов и громко провозглашает название станции и на сколько времени поезд остановился. На Московско-Курской дороге этого объявления, необходимого для пассажиров, особливо безграмотных или едущих в первый раз этим путем, не делается. Халатное отношение к публике простирается по этой дороге на все. Да, кажется, и к своим собственным интересам дирекция дороги относится так же халатно. Можно проехать по этой дороге много станций без того, чтобы кто-нибудь озаботился узнать, есть ли у пассажира билет. Значит, можно ехать и проехать по этой дороге на довольно значительное расстояние без билета, чем, вероятно, иные и пользуются. Если дирекция Московско-Курской дороги так невнимательна к своим собственным интересам, то уж об удобствах, нуждах и пользах пассажиров и говорить нечего. Пренебрегать ими и Бог велит.

IV

Приехал я к себе в имение – и точка зрения вдруг переменилась. В Петербурге я смотрел на все сверху вниз; в медвежьих углах, естественно, смотришь снизу вверх. Но от этой перемены на душе не стало легче.

– Слышали вы, – говорит мне знакомый сосед, – скоро у нас будет война.

– Бог с вами, – говорю я ему. – С кем, за что и, главное, – зачем нам воевать? Я прямо из Петербурга. Там о войне и слухом не слыхать.

– Как же, наверное, война у нас на носу и очень скоро. Назначена перепись лошадей. По уезду она должна быть окончена в каких-нибудь десять дней – к Успеньеву дню 15 авгу-

ста. Становые и волостные старшины горячку порют. Должно быть, скоро будет мобилизация войск, если перепись лошадей назначена в самую горячую рабочую пору, когда уборка озимого, ярового, сена, пахота под озимое, молотьба на семена и сев подошли разом и каждый час дорог.

«Ну, – подумал я про себя, – этот господин совсем сущий младенец! Видно, он не знает или забыл, как перед восточной войной "по ошибке" вызвали под ружье отставных; как в рабочую пору брали в ополчение единственных работников в семье; как останавливали целые товарные поезда на дорогах, по которым даже не предполагалась мобилизация войск, и выбрасывались, где захватило распоряжение, стада тонкорунных овец и партии сахара, которые погибали от ненастья. Кто же у нас думает и заботится о таких пустяках! Пахота, молотьба, сев, уборка будут какой-нибудь неделей позже – экая важность!»

В прошлом году, помнится, приезжает ко мне в имение становой. «Что вам нужно?» – спрашиваю я. «А вот-с, надо переписать всех, кто у вас живет в усадьбе. Велите-ка мне принести паспорты ваших служащих и работников». – «Зачем же вам нужно их переписать?» – продолжаю я спрашивать. «Приказано-с. Об этом приказании я узнал еще в Москве». – «А зачем же в обязательном постановлении, в котором это вам приказано, изъяты из переписи возчики при обозах? Не для того ли, чтобы поощрить коммерцию и промышленность?» – «Не знаю-с. Наше дело не рассуждать, а исполнять». И поехал от меня становой кататься по 130 селам и деревням своего стана, чтобы исполнить обязательное предписание в короткий срок.

Что значило такое распоряжение? Была ли это мера против политических злоумышленников? Но что же в таком случае могла значить оговорка о возчиках? Ведь злоумышленникам было легко и просто поступить в их число и тем избегнуть досмотра их документов и личности. А к тому же злоумышленный человек мог быть вслед за отъездом станового принят в усадьбу и проживать в ней преспокойно впредь

до нового посещения этого чиновника. Да от станового можно и скрыть злоумышленника в своей усадьбе и вовсе не показывать ни его самого, ни его документов. Уж если лихих людей разыскивают, то следовало обязать к тому местную полицию под ее ответственность, предоставив ей принять необходимые для того меры. Мало-мальски путный исправник и становой очень хорошо знают, где у них в уезде или стане могут притулиться подозрительные личности. За такими местами полиция присмотрела бы, а если нужно, то сделала бы внезапный досмотр. Цель была бы достигнута без всякого беспокойства для мирных жителей и без непроизводительной затраты полицией труда и времени. Ведь пока становой катался по своему стану в исполнение бесполезной бумаги к назначенному короткому сроку, множество весьма важных полицейских дел, дознаний и т. п., требующих безотлагательных распоряжений и мер, оставались без движения, попросту говоря – откладывались ко вреду жителей и правосудия. Так нет! Объезди становой все 130 сел и деревень – даже и те, в которых, как ему известно наверное, нет и тени злоумышленников; занеси в особый список паспорта и виды сотен лиц, которых благонамеренность и безвредность ему хорошо знакомы, – словом, выполни предписание, представь кипу исписанной бумаги, которой никто не станет читать, потому что некогда и не стоит. Один из наших экс-государственных людей, любивших блеснуть своими познаниями, называл это «профилактическим» направлением нашего законодательства и администрации. Мы постоянно и несносно стесняем разными бесполезными мерами и бумагами огромное большинство людей, чтобы уловить единицы и предупредить частные случаи. Но и это нам не удается. А между тем, по массе бесполезных формальностей, которыми опутан каждый наш шаг, эти формальности волей-неволей вырождаются в бумажную отписку и, исполняясь спешно, кое-как, не имеют ни малейшей цены ни в глазах исполнителей, ни во мнении тех, кого они опутывают и обременяют. Есть ли хоть одна такая формальность, которую бы не обходили легко и

просто умные люди, кому это нужно? Одни невинные и добродушные изнемогают под их бременем.

V

Странное дело – эта наша слепая, безотчетная вера в формальности и притом, большей частью, весьма плохо скомпонованные, представляющие возможность для тысячи уверток, с одной стороны, прижимательств и стеснений – с другой. Откуда этот фетишизм своего рода – невежественный, безобразный и вредный? Формальность только способна удостоверить какой-нибудь факт, как закон служит нормой для действий и поступков; без того и другого немыслимо никакое правильно устроенное человеческое общество. Но при этом и формальность, и закон предполагают, что люди, для которых они установлены, желают и намерены поступать добросовестно – без этой предпосылки ни закон, ни формальность ничего не обеспечивают, ибо всегда и везде существуют лазейки, чтобы обойти закон и обратить формальность в пустое слово или пустую бумагу. Но у нас на форму и закон смотрят иначе. Мы видим в них, а не в доброй совести людей якорь спасения, панацею против общественного зла и правонарушений. Мы думаем, что, предписав какую-нибудь формальность, постановив какой-нибудь закон, мы одним этим предупредили преступление, водворили справедливость, правду и безопасность. Точно люди и общества – машины, в которых все зависит от устройства больших и малых составных частей. Но ведь и при устройстве машин принимаются в расчет свойства материала, трение и т. п., а у нас индивидуальность, личные свойства и нравственность людей ставятся ровно ни во что. Казалось бы, нелепо думать, будто общественная жизнь и порядки создаются предписаниями и формальностями, а мы в это слепо веруем. Да и как нам не верить, когда, послушать нас, все наши мужики – воры и пьяницы, все наши чиновники – плуты и казнокрады, все купцы – хищники и кровопийцы, все попы – грабители простого народа и т. д., и т. д. По нашей логике, если

один-два офицера нарушили правила дисциплины, то, значит, вся наша армия распущенная, не знающая строгих военных порядков; если несколько курсисток, технологов, университетских студентов оказались политически неблагонадежными, то вся молодежь, учащаяся в высших учебных заведениях, поголовно подозрительна в политическом отношении; некоторая часть молодежи, бесспорно, шалберничает, бьет баклуши, самонадеянно судит вкривь и вкось о том, чего не знает и не понимает, но мы говорим о молодежи так, как будто вся она такая. С такой логикой только и спасение, что в крутых порядках, которые повязали бы всех по рукам и ногам и заставляли каждого силой двигаться только в предустановленной колее. Но кто же, однако, должен исполнять такие порядки и наблюдать за приведением их в действие? Те же самые люди, которых мы поголовно считаем никуда не годными, требующими за собой непрестанного надзора, без которого они признаются вредными для общества. Не значит ли это вертеться в ложном круге, из которого нет выхода? В него мы и попадаем вследствие того только, что не умеем правильно обобщать явления и факты. Общество держится не строгими законами и формальностями, а людьми, их привычками, их нравственным чувством, степенью развития их воли, их взглядами и понятиями о благе, добре и правде. Если мы действительно поголовно так растленны и негодны, как многие думают, то формальностями и законами такому несчастному состоянию помочь нельзя. Нужно перевоспитать людей, водворить в их сердцах нравственное чувство, воспитать их волю в привычке хотеть добра и правды и сообразно с тем поступать.

VI

Вот и выходит по моему, говоришь ты. Высшая интеллигенция, обширные познания, законодательные и административные реформы, поднятие материального благосостояния и экономического довольства – к чему все это?! Общество при развитом нравственном чувстве и развитой нравственной воле

людей может процветать и быть счастливым и без высшей интеллигенции, широкого знания, реформ и материального благосостояния; а где люди развращены и негодны в нравственном смысле, там и при высшей интеллигенции, при отличных законодательных и административных порядках и богатстве живется плохо. Стало быть, продолжаешь ты рассуждать, вся сила в нравственной стороне, а совсем не в умственной, экономической, политической или художественной.

Рассуждаешь так не один ты, а с тобой многое множество людей, но от этого твой взгляд не становится здравее и правее. Если бы ты сказал, что обе стороны человеческого существования, из которых одну называют внутренней, а другую, в противоположность ей, – внешней, должны идти и развиваться параллельно и рука об руку, я бы и не подумал с тобой спорить. Но ведь ты не это говоришь: тебе бы хотелось интеллигенцию, реформу общественную, экономические вопросы выкинуть за борт и остаться при одних нравственных чувствах и нравственной воле. Тебе думается, что нравственность можно водворить строгой дисциплиной, суровыми карами, расширением курса богословия. Подобно тем, против кого ты споришь, ты надеешься внедрить добро и правду в душу людей разными внешними мерами и выработкой ума и знаний в желаемом тобой направлении. Выходит, что ты хочешь, собственно, того же, что и твои противники, и только воображаешь, что идешь другими с ними путями, потому только, что направление их тебе не нравится. Так лучше, чтобы быть последовательным, выбери одно из двух: или стань на одну почву со своими противниками и докажи, что твои меры лучше, ближе, вернее ведут к исправлению и нравственному воспитанию людей, но этого ты боишься, потому что тебе пришлось бы в таком случае считаться с наукой, знанием, опытом, которые будут говорить против тебя, и с ними тебе не сладить. Или же откажись от всяких попыток понять нравственность внешними приемами и манипуляциями и старайся придумать какие-нибудь другие способы морализировать людей. Но ты непоследователен, и оттого предмет твоих

исканий ускользает из твоих рук, и ты силишься, совершенно напрасно, возвратить людей вспять, в колею и обстановку, из которых они выросли и к которой никогда уже больше не возвратятся. Ты желал бы видеть в людях больше нравственного чувства и нравственно выработанной воли? И я очень желал бы этого! Ты говоришь, что сильно развитой ум, обширные познания, благоприятная обстановка, социальная и экономическая, еще не служат ручательством нравственного совершенства. И в этом ты вполне прав; нравственная сторона требует такого же своего развития и совершенствования, как умственная, художественная, техническая, социальная. Все твердо знают и уверены, что упражнения развивают ум, вырабатывают до виртуозности художественные, технические и всякие вообще способности и расположения. Кто не понимает, что знать что-нибудь и уметь осуществлять свои знания – совсем не одно и то же; что можно отлично знать ту или другую отрасль искусства и не быть художником, превосходно изучить анатомию, терапию и не уметь сделать самой простой операции, распознать и лечить самую простую болезнь, произвести самый простой анализ. Мало знать грамматику, надо уметь писать; мало знать технологию, надо быть техником. По какому-то странному недомыслию эти бесспорные и всем известные истины не применяются к нравственной стороне – чувствам и воле. Вымуштруют ребенка в школе, обучат его разным наукам и искусствам, прочтут ему весьма пространный курс богословия и воображают, что дело сделано, что человек от этого будет нравственно развитым и крепким. Спроси хирурга, артиста, техника: они тебе скажут, что только беспрестанным упражнением они сохраняют свои способности и таланты; перерви они на более или менее продолжительное время свои занятия – и наступает отвычка: голос, руки, ноги, пальцы повинуются хуже, теряют виртуозность, которую имели. А нравственная сторона почему-то считается изъятой из этого общего правила. Мы считаем возможным быть нравственными, не упражняя беспрестанно своих чувств и воли в добре и правде. Выучил мальчик или

юноша курс богословия со всеми текстами, ходил прилежно и аккуратно на уроки, был тих и послушен – и довольно. Нравственное его воспитание считается оконченным, и об этой скучной материи нет больше и помину во всю жизнь, впредь до того времени, пока в один прекрасный или, правильнее, злосчастный день не окажется нужным осадить проявления его безнравственных чувств и воли судом и карами. Но у нас признается за лучшее в предупреждение того и другого опутать человека предписаниями закона и запрещениями так, чтобы он шагу не мог ступить без разрешения начальства.

Как же быть и что ж делать? – спросишь ты. Прежде всего, надо понять и убедиться, что путь, которым ты до сих пор так самоуверенно шел для водворения нравственности, есть путь ошибочный и ложный; что нравственность заключается не в книжке и текстах, а в практике добрых чувств и нравственной воли, а для этого нужна ребенку с колыбели и до выхода из школы нравственная обстановка, которой бы он мог пропитаться к тому времени, когда станет на свои ноги и будет в силах сам упражнять свои чувства и волю. Надо также совсем отказаться от презрения к интеллигенции, от глумления над высшим знанием, от ненависти к правовому порядку. Интеллигенция может быть плоха, знания, признаваемые высшими, быть не высшими и превратными; желаемые формы правового порядка могут не соответствовать положению дел, потребностям минуты, политическому возрасту и т. д. Все это может быть, и обо всем этом можно спорить. Но как же можно, не отступая от здравого смысла, объявлять войну интеллигенции вообще, высшему знанию вообще, правовому порядку вообще? Ведь это совершеннейшая нелепость! Нравственное чувство, нравственная воля не в воздухе же витают, а упражняются и вырабатываются в применении к единичным фактам и частным явлениям, опираясь на общие начала или принципы. Только в согласии с требованиями знания и ума и возможно развитие и укрепление нравственности. Как же ты достигнешь такого развития без интеллигенции, без высшего знания? Как же ты разовьешь и укрепишь нрав-

ственную волю без правового порядка, который только и может вкоренить в людей убеждение, что нравственность – не пустая фраза, не слово без смысла, а составляет один из краеугольных камней всякой благоустроенной общественности? Когда вокруг тебя безнаказанно совершаются гнусные дела, когда неправда торжествует и приносит довольство и почет вместо тюрьмы и каторги, – самое развитое нравственное чувство ослабевает, самая непреклонная нравственная воля теряет энергию и уверенность в своей правоте. А держать в узде наглую неправду может только правовой порядок – тот или другой, смотря по времени и обстоятельствам, но он должен быть, и без него ни правильное общежитие, ни нравственность немыслимы. Ведь ты, конечно, не мечтаешь, что когда-нибудь все люди без изъятия будут нравственны: этого никогда не бывало и никогда не будет. Нравственных людей по глубокому убеждению, несмотря ни на что, вообще бывает немного на свете, как мало людей, безусловно, по убеждению, безнравственных. Огромное большинство колеблется, более или менее легко поддается соблазну, не выдерживает до конца напора влечений и страстей. Вот откуда и вытекает необходимость прочного, твердого, незыблемого правового порядка. Одних он держит силой в должных границах, других направляет и поддерживает в добрых путях, дополняя их слабость и распущенность строгостью и категоричностью своих требований, заостренных угрозой неминуемых наказаний. Эту-то поддержку и дает правовой порядок. А ты над ними забавляешься и зубоскалишь! Пора, любезный друг, кончить эту опасную игру и серьезнее отнестись к делу. Время наступает – да уж и наступило – такое, что бросать слова на ветер и пробавляться остроумничаньем вовсе не приходится. Посмотри вокруг себя. Разноголосица, смешение языков, упадок высших стремлений и нравственных требований поразительные. Все, что казалось твердым и прочным, выветривается и разлагается на наших глазах с быстротой, которой никто не мог и предвидеть. И не в одних только высших и интеллигентных слоях идет этот процесс; он, как крот, роется глубо-

ко, проникая во все слои народа, во все закоулки и тайники, куда долго не заглядывал свет Божий. Что из этого разложения выйдет перерождение к лучшему, это можно предсказать наверное, не будучи пророком. Но нельзя не скорбеть глубоко о том, что мы так мало понимаем ту работу, которая в нас совершается, и оттого не пособляем ей, а только тормозим, воображая, что можем ее остановить. Тщетные усилия! От помех она не остановится, а только обострится и пойдет неправильным путем, болезненными скачками и напорами.

VII

Разговорился я с деревенским знакомым о крестьянском банке. «Скажите, пожалуйста, – спрашивает он, – что это за банк? Намерение будто бы и доброе – помочь крестьянам; а как поразмыслишь, так выходит, что этот банк только для кабатчиков, ростовщиков и кулаков из крестьян устроен. Чтобы помочь всем крестьянам, которые пожелают землю купить, надо не 5, а 155 млн. ежегодно ассигновать – и того мало. Да, по правде сказать, и резона нет переводить землю к крестьянам из других рук. Какая нужда государству или правительству, чтобы землю скупали мужики, а не купцы, не дворяне, не чиновники и разночинцы? Читал я в газетах, что предполагалось отпускать ежегодно крестьянам безземельным и малоземельным в кредит на покупку или прикупку земли до 3 млн. Вот это я понимаю и было бы отлично, если бы это сделали! В каких-нибудь 10–15 лет все такие крестьяне были бы с землей и куском хлеба. Отчего же, – продолжал мой назойливый собеседник, – не сделали так, а переиначили, и мера, сама по себе хорошая, должна послужить в пользу богатых, а не нуждающихся крестьян – худшей части сельского населения, а не той, которая всего больше имеет права на поддержку и помощь?»

Собеседник был прав, и я затруднялся, что ему отвечать. Положим, от министра финансов будет зависеть приказать выдавать ссуды только крестьянам, нуждающимся в земле, но ведь он может это сделать не в силу закона, а произвольно его

применяя. И притом один министр, положим, найдет нужным помогать бедным крестьянам, а другой увидит государственную пользу в оказании помощи богатым мужикам. Произвол, фаворитизм, колебание основного принципа крестьянского кредита непременно выйдут из теперешней редакции закона. Зачем же было изменять предложенную министерством – ясную, простую и целесообразную? Ведь имелось в виду не помогать вообще крестьянам скупать землю, что не имело бы смысла, а облегчить малоземельным и безземельным обзавестись землей и хозяйством. Зачем же так и не сказано в законе?

Зачем? Мало ли таких «зачем» просится на ум.

Зачем, например, не объявляются крестьянские земли неотъемлемой принадлежностью сельских обществ, на что указывается давно со всех сторон как на единственное средство против обезземеления, которое всюду производится теперь в больших размерах? Богатые мужики скупают земли у бедняков; создается пролетариат, гибнут целые семьи от нищеты, не имея ни кола, ни двора. Плоды новой постановки крестьянского вопроса с 1861 г. пропадают даром. Наша беззаботность или незнание дела открывают широко двери для создания пролетариата пока только там, где земли приобретены крестьянами без пособия правительства, как, например, у государственных крестьян, или где до сих пор существовало участковое пользование землей; но пройдет еще 25 лет, окончится выкупная операция – и то же зло станет разъедать быт бывших крепостных, владевших на началах общинного землевладения. Неужели же наделение крестьян землей совершилось в пользу кулаков, мелких ростовщиков и кабатчиков? А к тому все идет, и никому нет до этого дела.

Зачем закрываются высшие женские врачебные курсы и права женщин, окончивших полный медицинский курс, не уравнены, как предполагалось, с правами патентованных врачей? Провинция гибнет от недостатка медицинской помощи, а молодые медики неохотно едут туда и толпятся в больших центрах, терпят нужду в надежде впоследствии составить себе видное и выгодное положение; женский же труд ценится у нас

гораздо дешевле мужского и был бы по плечу нашим бедным медвежьим углам. Не потому ли женщинам затрудняется медицинская карьера, что они вступили бы в профессию, не свойственную прекрасному полу, и оторвались бы от своих семей? Но ведь женщины по своей природе гораздо мягче, человечнее, внимательнее относятся к больным, чем мужчины; а что они, получив высшее образование, а с ним и возможность зарабатывать себе порядочный кусок хлеба, оторвутся от семей, то это в огромном большинстве случаев чистая напраслина. Сколько их имеют на своих руках бедных и старых родителей, больных и малолетних, которых кормят своими трудами, благо могут иметь сносный заработок! И эти добрые плоды высшего женского образования приносятся в жертву – чему же? Предрассудку, будто высшее образование несвойственно так называемому прекрасному полу!

Зачем та же опасность, которой уже подверглись медицинские женские курсы, грозит и высшим женским курсам? Сколько девушек, окончив их, едут в наши медвежьи углы учительницами и пополняют пробел в воспитании и учении, оставляемый в провинции крайним недостатком средних учебных заведений, которые не в состоянии принять всех желающих учиться. Мы знаем примеры, что жены бедных чиновников и офицеров, служащих на скудном жалованье по разным трущобам, где и грамотного-то отыщешь с трудом, поступали в Петербург на высшие курсы, терпя голод и холод, только с той целью, чтобы, возвратившись, иметь возможность дать мало-мальски порядочное воспитание своим детям. Неужели этим добрым зачаткам тоже суждено сгинуть под давлением предрассудков и нашей обычной повадки неумело обобщать ненормальные и уродливые явления, которые, бесспорно, встречаются посреди массы учащихся женщин, и усматривать в таких явлениях доказательство ненужности и вредности высшего женского образования? В средних мужских и женских учебных заведениях встречаются тоже немало негодных мальчиков и девочек, которые остаются такими и достигнув зрелого возраста, – что ж, следуя той же логике, надо и средние

учебные заведения закрыть? Рассуждая последовательно, можно таким образом добраться и до школ грамотности.

Тяжело и горестно видеть, что черные тучи скопляются над нашим высшим образованием, без которого не может существовать ни одна страна, особливо бок о бок со странами, где оно крепко поставлено и сильно развито. Слабые зачатки знания, науки, насажденные с таким трудом, усилиями и пожертвованиями, меркнут. Уровень образования видимо понижается под давлением самых неблагоприятных условий. Такие эпохи бывали в истории. Выращенное и взлелеянное в высших и средних слоях распускалось и утопало в волнах всенародного невежества и крайне ограниченного запроса огромной массы на образование и высшее знание. Наступал совершенный мрак, из которого потом медленно, столетиями, вырастала и складывалась новая культура, новая наука. Может быть, и мы, подобно другим народам, вступаем в такой период. Может быть, и у нас перегорает в болезненном процессе насажденная «великими и несносными трудами сынов российских» цивилизация, чтобы когда-нибудь, со временем, возникнуть в другой форме, в других сочетаниях, стать нашим присным, кровным, народным достоянием. Может быть, необходимо нашему высшему образованию и высшим знаниям очиститься от наносных элементов и того налета, который им придан у нас их носителями, привилегированными классами. Все это может быть и даже вероятно. Вероятно и то, что наши более или менее отдаленные потомки увидят в умственном и нравственном разложении, посреди которого мы живем, шаг вперед, преддверие национального, умственного и нравственного обновления. Хочется верить, что все это будет так непременно! Но нам, современникам, особливо тем, которые, как я, доживают свой век, несказанно тяжело видеть разрушение и падение того, с чем и на чем мы прожили лучшие годы жизни. Переменить весь свой духовный строй, расстаться с задушевными думами и упованиями мы уже не в силах и должны, склоня голову, быть зрителями того, чего изменить не можем и что глубоко противоречит всем нашим воззрениям и верованиям.

VIII

– Правда ли это, – спрашиваю я в деревне одного из моих соседей, занимающего видный пост в уездной администрации, – правда ли, что вы оставляете свое место? Ведь это было бы крайне прискорбно.

С этим соседом мы расходимся, и весьма существенно, во многих взглядах. Но он безукоризненно честный человек, вполне серьезно относящийся к своим обязанностям, свято исполняющий свой долг и по душе добрый и сострадательный человек. За эти редкие у нас качества я ценю его весьма высоко и питаю к нему самое искреннее уважение и самые сердечные чувства.

– Да, это правда. Мне уже под 60 <лет>; я устал, да вдобавок нет помощников, а один, вы знаете, в поле не воин. Выбрали мы вашего соседа в мировые судьи. Вы его близко знаете, вполне добропорядочный, добросовестный и работящий человек. Помните, каким он был мировым посредником? Его не утвердили! А выбирать больше некого: нет и нет людей!

– Слышал я об этом и очень жалел. Таких, как этот, у нас в уезде точно немного. Со свечой поискать – не найдешь. Но скажите, почему его не утвердили?

– Не имеет, видите ли, образовательного ценза. Три года был прекрасным мировым посредником – так этого мало!

Бумага, форма заели у нас все. Люди из провинции разбежались, толпятся в больших центрах, слоняются за границей, благо есть деньги. Абсентизм – избитая тема жалоб и в газетах, и в правительственных соображениях. Бывший культурный класс – дворянство – неудержимо стушевывается, исчезает в провинции и заменяется владельцами из крестьян, купцов и кулаков. Кого же выбирать в должности? До этого, как и до всего остального, нет никому дела. Есть закон или распоряжение, требующее для выборов в мировые судьи известного образовательного ценза, – и довольно! Закон или распоряжение применены, буква удовлетворена – чего же больше? А что насущная потребность не удовлетворена, что не будет мирового

судьи, или выберут по необходимости плохого и негодного – это там пусть себе делают, как знают.

IX

В то время как идеалы, интеллигенция, цвет высшей культуры, высшая образованность меркнут и замирают, в массах замечаются, пока, правда, еще едва заметные, признаки пробуждающейся умственной и нравственной жизни. Здесь и там между самими крестьянами появляется противодействие безобразному пьянству и пьяному разгулу. Женщины, наиболее страдающие от пьянства мужчины, всего сильнее восстают против кабаков. Мне рассказывали, что в Рязанской губернии одно обширное село, получавшее ежегодно 7 тыс. рублей за дозволение держать у себя кабак, отказалось от этой значительной суммы, только чтобы от него отделаться. Крестьяне поняли, что теряют на вине гораздо больше 7 тыс. рублей и платятся за них разорением. Кабатчик нашел, однако, себе приют на самой границе села, у помещика, и теперь пока неизвестно: он ли перетянет крестьян в свое новое питейное заведение, пользуясь их слабостью и падкостью к вину, или они своею стойкостью и выдержкой заставят его закрыть кабак. Секты, толки и ереси растут, как грибы, свидетельствуя о неудовлетворенной религиозной потребности. Разрешение ставить священниками людей, не получивших среднего или высшего образования, подольет еще масла в огонь. Необразованный священник будет ближе стоять к народу по своим понятиям, чем образованный; но именно поэтому борьба с сектами станет еще труднее, а это рано или поздно поведет к церковной реформе, которую многие предвидят и предсказывают. Теперешние стремления возвратились к прежним порядкам в церковном управлении, какие были до минувшего царствования, ускорят и приблизят эту неминуемую развязку. Восстановлением преданий и прошедшего не воскресить духа старинных учреждений, который изменился не под влиянием реформ, как многие ошибочно думают, а вследствие суще-

ственного изменения всех условий старинного, дореформенного быта. Теперь мы идеализируем и поэтизируем этот быт и хотели бы к нему возвратиться, но не знаем или забываем, что его несостоятельность и неприглядность, доказанные практикой, вынудили реформы насильственно, почти против воли реформаторов. Теперь прошедшее кажется прекрасным, отмененным Бог знает зачем и почему, но простая справка в архивах или у старых людей – очевидцев того, что было, показали бы тотчас, каково это прошедшее было на самом деле. Мы повторяем, сами того не замечая, ошибки Тиков, Шлегелей и романтических мыслителей, превозносивших Средние века, к которым, однако, не было и не могло быть возврата.

Рядом с этими признаками умственного и нравственного пробуждения народных масс идет заметно возрастающее стремление учиться. Где сельская школа идет мало-мальски порядочно, там она переполняется учениками и даже местами – ученицами. Как всегда и во всем, крестьяне и на школу смотрят с чисто практической точки зрения, ценят прежде и больше всего практическую пользу, которую она приносит. «Из вашей школы многие вышли, которые теперь хороший хлеб едят», – говорил мне один волостной старшина из молодых, приехавший от имени сельских обществ той волости посоветоваться, как устроить вновь задуманную ими сельскую школу. «Нас много душ, – говорил он, – и денег мы можем собрать много, была бы только школа хороша и сподручна нашим детям». Разные соображения чисто практического свойства заставили крестьян раскошелиться на учреждение сельского училища и разжать руку, крепко и скупо берегущую копейку. Крестьяне рассуждают так: поступит грамотный в солдаты – его произведут скоро в ефрейторы, потом в унтер-офицеры, а безграмотный оставайся рядовым; не поступит грамотный в солдаты – ему цена в работниках другая. Есть в деревне грамотные – есть и кому приказ из волостного правления или начальственное требование и распоряжение прочитать, или письмо, условие, или расписку; есть, кому и письмо написать. Девочка, учившаяся в школе, молитвы знает, не то что баба,

которая и лба-то порядочно перекрестить не умеет. Невесте грамотной тоже цена совсем другая, чем неграмотной. Надо видеть, как крестьяне дорожат школой, когда она, не мудрствуя лукаво, добросовестно делает свое дело, с участием и любовью относится к детям, приучает их к добрым порядкам. Кто воображает, что школа в деревне удовлетворит своему назначению и запросу крестьян, если ограничится обучением детей грамоте, молитвам и счету, тот очень ошибается. Простой народ соединяет со школой понятие о воспитании, о внушении привычки к добрым порядкам, к добрым нравам. Где этого нет, где ребят только учат, а не воспитывают, там крестьяне пользуются тем, что дает школа, но остаются к ней равнодушны. Такая школа детьми не переполнится.

X

Школы в наших медвежьих углах понемногу растут. Здесь и там помещики, особенно помещицы и их дочери, с любовью и успехом занимаются обучением детей и содержат сельские школы на свой счет. Заводят их и некоторые приходские священники; иные ведут дело с большой любовью и большим успехом.

Мне случилось в Черни натолкнуться на целую группу людей, дружно ведущих школьное дело в целом уезде. По какому-то редкому и исключительному счастью весь училищный совет с предводителем дворянства во главе с любовью и смыслом занимается школьным делом и всячески старается поставить его как можно лучше. Под шерсть и масть училищному совету случился и инспектор училищ[1]. Я имел под руками сведения о состоянии школьного дела и деятельности училищного совета в Чернском уезде за 3 года (1880–1882). В течение этих 3 лет число школ с 23 возросло до 28 и продолжало расти в течение последнего года. Число учеников

[1] Думаю, что не сделаю нескромности, назвав все эти почетные лица по именам. Предводитель дворянства И. А. Долинино-Иванский, председатель земской управы Н. Н. Волков, протоиерей М. Я. Пятницкий, М. М. Бодиско, граф И. Доможиров, Н. И. Левицкий, инспектор училищ М. М. Щеглов.

и учениц с 1105 поднялось до 1245, в том числе 115 девочек. Окончили учение: мальчиков – 106, девочек – 17. Училищ, содержимых частными лицами на свои средства, было в том году 5; частными лицами, но с пособием от земства и местных обществ – 7; церковно-приходских, устроенных духовенством и содержимых с пособием от земства, местных обществ и родителей – 4; остальные – 12, т. е. менее половины, были сельские училища, содержимые крестьянскими обществами с пособием от земства и частных лиц. На школы давали денежные средства: сельские общества – 837 рублей, частные лица – 1285 рублей, земство – 2845 рублей, не считая сумм, отпускаемых им на вознаграждение законоучителям и на награды учащим за школьников, выдержавших экзамен на льготное свидетельство. Всего тратилось на школы 4968 рублей. К чести Чернского земства надо сказать, что оно поддерживало труды и усилия своего училищного совета и давало ему нужные средства для развития его деятельности. До 1880 г. земством выдавалось на школьное дело 2500 рублей; в 1880 г. отпущено 4000 рублей, а в 1881 г. к этому прибавлено еще 1000 рублей, да на книги и учебные пособия 500 рублей, всего в год 5500 рублей. По предложению училищного совета земством приняты по школьной части разные, весьма разумные поощрительные меры. За каждого ученика, выдержавшего экзамен на льготное свидетельство, преподавателям выдается награда: учителю – 5 рублей, законоучителю – 3 рубля. Постановлено также, что земство приходит на помощь обществам, желающим учредить у себя школы, суммой, вдвое большей той, какая назначена от себя самими обществами в состоявшихся о том приговорах. Таким образом, если общество дает 50 рублей в год на школу, то земство отпускает 100 рублей; если оно обязуется давать 100 рублей, то земство отпускает 200 рублей. Но если обе эти суммы, взятые вместе, недостаточны на содержание школы, то она не открывается.

Как ни малы эти цифры, как ни миниатюрен круг, в котором вращается деятельность Черского училищного совета, но в моих глазах приведенные данные чрезвычайно поучитель-

ны и красноречивы. Сошлось случайно в одном из наших бесчисленных медвежьих углов несколько порядочных людей, понимающих важность школы для народа, особливо у нас, при нашей дичи и нашем безобразии, и поставили себе скромную задачу сделать, что можно, на гроши, которые случились в их распоряжении. Земство и правительственный чиновник их поддерживали – и дело пошло расти. Мне скажут: да ведь море состоит из капель: без капель и моря нет. Взгляните на Париж или Лондон, на бесчисленное множество громадных зданий, которые громоздятся в этих столицах мира. Что бы вы подумали, если кто-нибудь, видя, как один из тех сотен миллионов каменщиков, которые трудились над сооружением Лондона или Парижа, прилаживает кирпич к кирпичу, камень к камню, сказал: работа его – капля в море, – и с пренебрежением отвернулся от труженика? Разве бы вы не назвали такого господина вертопрахом, хлыщом или пустомелей? Не то же самое, спрошу я, сооружение векового здания общественных порядков? Оно все, от начала до конца, слагается из детальной работы, из едва заметных микроскопических подробностей, которые, будучи сложены и соединены вместе, образуют одно громадное, величавое целое. Благо и мир тем, которые посвятили себя этому невидному, неказистому труду! Имена их позабудутся потом, но дело их останется и принесет свой плод вернее и несомненнее, чем всякие разглагольствования о мелочности и ничтожности таких трудов и усилий. Мне случайно достались сведения о деятельности на пользу народной школы в Черни и Чернском уезде. А сколько таких полезных безвестных тружеников по разным отраслям общественной деятельности рассеяно по обширному русскому государству? Им нет числа! Нет такого уголка, где бы их не было. Только мы их мало знаем или вовсе не знаем в суете и толкотне больших центров. Эти-то муравьи и закладывают незримо основания будущей общественности, более светлой и человечной, чем теперешняя. Когда она преобразится, история запишет годы, месяцы и дни совершившихся событий. Но пусть она прибавит, что они подготовлены, выношены, взлелеяны трудами и

усилиями бесчисленного множества единичных людей, не попавших в ее синодики. В Черни нашелся инспектор, который работает в руку усилиям земцев поставить на порядочную ногу дело народного образования. Что, думалось мне, если бы вся наша губернская и центральная администрация по всем отраслям точно так же работала в руку местным усилиям и поддерживала их? Мы бы и не заметили перехода к лучшему – так бы он совершился быстро.

XI

В конце августа я возвратился в Петербург. Выхожу из вагона с дорожным мешком в одной руке, зонтиком и пледом – в другой и направляюсь к выходу с платформы в залу. Прохожу лабиринт перегородок. Стой! «Пожалуйте билет». Прежде билеты отбирались в вагоне перед прибытием в Петербург. Нынче этого не было, и билет оставался у меня в кармане. Пришлось остановиться, положить свои дорожные доспехи на пол, обшарить свои карманы. Все это потребовало времени к крайнему неудовольствию пассажиров, которые спешили, подобно мне, и которым я запрудил дорогу.

– Скажите на милость, – спросил я одного из железнодорожных чинов, – к чему это новое стеснение пассажиров? Довольно, кажется, и того, что вы не пускаете пассажиров Бог весть почему на платформу до звонка, чего не делается на других дорогах. А теперь – новые строгости! Уж не думаете ли вы этим способом изловить злоумышленников, приезжающих в Петербург? Или вы не доверяете своим кондукторам и контролерам? Так вы бы завели надежных, а нас, публику, оставили в покое.

– Это распоряжение не наше, а полиции, – отвечал мне железнодорожный чин, – мы и понять не можем, почему это ей так вздумалось. Вы, положим, здоровы и один, а то недавно приехала женщина с грудным ребенком, совсем больная. Муж хотел ее встретить – его к ней не пускают, а она не может одна справиться, так слаба, вдобавок еще ребенок на

руках. Хорошо еще, что я тут случился; они мне знакомые: ну и пропустил мужа к жене и ей помог.

Только что выехал из деревенской трущобы и пришел в соприкосновение с административным миром, и в мгновение ока передо мной выросла стена ненужных формальностей, надоедливых, мелочных стеснений, тянущих душу до раздражения и нервных припадков. Страстью к таким путам пропитана вся наша житейская атмосфера! Не только казенная, но и частная администрация дышит той же страстью как-нибудь да стеснить без малейшей надобности. В Москве, например, железным путем соединены все линии железных дорог между собой для перевозки товаров и пассажиров из одного дебаркадера на другой. Казалось бы, чего удобнее: не хотите вы оставаться в Москве, спешите с дороги на дорогу – к вашим услугам объездной путь, без всякой возни с носильщиками и извозчиками. Так нет же! Объездной поезд, изволите ли видеть, прилажен к какому-то одному поезду в день, а не ко всем. Приехали вы с ним – ваше счастье; а нет – так тому и быть. Надо же вам помнить, что не дорога существует для вас, а вы для удовольствия и пользы дороги. Чтобы вы это памятовали и не забылись как-нибудь ошибкой, и устроены объездные поезда с таким расчетом, чтобы публика могла ими пользоваться в виде снисхождения и приятного сюрприза. Девиз: «Все для народа и ничего посредством народа» – я еще понимаю. Но девиз нашей казенной и неказенной администрации: «Ничего для удобства публики, и все для ее возможного стеснения» – я решительно отказываюсь понять.

V. «ЗЛОБЫ ДНЯ» ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Политические призраки

> Силу революционных движений составляют не крайние идеи их вожаков, а небольшая доля умеренных и законных требований, не осуществленных в свое время.
>
> *Бисмарк*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра была написана более года тому назад, но мы не решались тогда же ее напечатать. Приближалась Восточная война [1]; в эту сторону было устремлено все внимание, направлены все силы русского общества. Говорить в такую минуту о наших внутренних язвах было бы и бессердечно, и бестактно, и бесполезно: брошюра прошла бы <сторонкой>.

С тех пор многое изменилось и заставляет издать эту книжку теперь, до восстановления мира.

Война и наши неудачи раскрыли всем глаза и с поразительной очевидностью обнаружили коренные недостатки нашей правительственной системы. Несостоятельность ее, которую понимали пока все еще немногие, теперь резко представилась даже недавним ее поборникам. В самый разгар воен-

ных действий вдруг всплыл в общественном сознании и начал горячо обсуждаться вопрос о необходимости преобразований нашего государственного строя, и большинство мыслящих людей, ища, как всегда, разрешение русских вопросов в европейских образцах, видит в политических гарантиях европейских государств единственный выход из нашего теперешнего, крайне ненормального внутреннего положения.

При таких обстоятельствах мы не только можем, но обязаны высказать с полной откровенностью свои мысли и взгляды на важнейший из современных русских вопросов, не дожидаясь окончания войны. Каждая мысль, каждое соображение будут теперь кстати и принесут свою долю пользы. Наша цель – разъяснить причины зла, которое нас гложет, доискаться до их источника и указать против него средства, возможные по нашим особенным условиям. К несчастью, правдивое слово о таких предметах может быть сказано нашим соотечественникам только из-за границы и мы прибегаем к этому единственному для нас пути, чтобы предостеречь их от фантазий и призраков.

Брошюра эта посвящается государственным деятелям предстоящего царствования. Дай Бог, чтобы хоть они остались свободны от консервативной и либеральной рутины на европейский лад, от которой мы бедствуем, и не судили обо всем по готовым формам, употребляя их как предлог для достижения целей, не имеющих ничего общего со справедливостью и пользами Русского государства.

Ноябрь 1877 г.

С иными чувствами встречала Россия 20 с лишком лет тому назад новое царствование, чем смотрит на него теперь, когда оно, совершив много великих дел, окончательно определилось и обозначилось. Тогда все надеялись, а многие глубоко верили, что с ним для России наступит новая эра, что наши вековые язвы будут залечены, что нестерпимый гнет и произвол, под которыми мы задыхались, заменяется прочным законным порядком, и подданным Империи будет уделен хотя бы скром-

ный уголок, где они могут дышать свободно. Теперь этому никто больше не верит и никто не питает никаких надежд. Все: одни – с горестью, другие – с негодованием – видят, что вера и надежда их обманули. Что у Государя не было недостатка в доброй воле существенно улучшить наше положение, свидетельствуют дела, совершенные им в первые 10 лет царствования – отмена крепостного права во всех его видах, введение местного самоуправления, установление правильного и гласного суда, расширение права печатного заявления мнений, отмена диких, варварских уголовных наказаний, смягчение, хотя бы только на практике, суровых законов, дышащих вероисповедной нетерпимостью. Эти важные меры, не говоря о многих других, должны бы, казалось, сделать настоящее царствование одним из самых счастливых, а мы видим и чувствуем, что произвол, беззаконие, необеспеченность прав, гнет гражданский, умственный и нравственный давят нас по-прежнему нестерпимо. По делам царствования надо бы возродиться полному доверию к правительству, надо бы встрепенуться и быстро развиться умственной и промышленной деятельности, подняться уровню общественной нравственности, распространиться общему довольству; а на деле – недоверие, даже, к сожалению, неуважение к правительству теперь сильнее, чем когда-нибудь; ропот – всеобщий во всех слоях и классах; промышленность и производительность – в застое; процветают только биржевая игра и мошеннические спекуляции железнодорожные, банковые, акционерные, перед которыми бледнеют прежние злоупотребления по винным откупам; все классы народа беднеют; богатеют только отдельные единицы обманом и взятками; растление и безнравственность во всех возможных видах разъедают с возрастающей силой общество сверху донизу; несмотря на кажущуюся обеспеченность гражданских прав, свободу совести, мнений и слова, ложь, лицемерие и обман обратились почти в нормальные условия нашего существования. У нас как будто есть общественное мнение, выражающееся довольно свободно; на самом же деле каждый чувствует себя связанным по рукам и ногам в выражении мыслей, говорит и пишет совсем

не то, что думает, или молчит, за совершенной невозможностью высказать то, что у него на душе. Вся наша общественная жизнь есть вопиющая ложь; богатая и казистая ее обстановка с роскошными и блестящими европейскими формами только прикрывает действительную умственную, нравственную и материальную несостоятельность и нищету. Вместо гражданской обеспеченности и разумной, законной свободы – везде и всюду придавленность и приниженность всякого рода.

Какие же причины такого поразительного противоречия между делами царствования и их результатами, между намерениями и их осуществлением? Добро не могло родить зло, хорошее – произвести дурное, правда – неправду. Все преобразования первой половины нынешнего царствования искренно задуманы, зрело обсуждены и выработаны; они не могли принести других плодов, кроме благотворных, но они частью искажены при исполнении, частью перетолкованы в смысле, им вовсе не свойственном, частью взяты назад последующими мерами и распоряжениями правительства. К этому роковым образом привели организация, личный состав, дух и привилегии нашей администрации. В теперешнем своем положении и виде она не может ужиться с правильным, законным порядком; вместо того чтобы охранять и поддерживать его она всегда будет разлагать его и попирать ногами. Наша администрация вносит в нашу жизнь ложь, обман, беззаконие, анархию и хаос, и пока она не будет поставлена иначе, все лучшие намерения государей не приведут ни к чему.

I

С Ивана III до Екатерины II в течение трех веков верховная власть постепенно высвобождалась у нас из-под зависимости от вельможества и Церкви и при Екатерине II сложилась окончательно в самостоятельную силу, а светское и духовное вельможество бесповоротно поступило в ряды подданных.

В продолжение этого длинного периода времени исподволь развилась и сложилась наша администрация с ее теперешним

гражданским и политическим значением. Безграмотных служилых людей должны были сменить в делах управления грамотные поповские и церковнослужительские дети – дьяки и подьячие – клерки Западной Европы. Как люди грамотные и опытные в делах, они скоро понадобились и для высшего государственного управления и стали играть в нем видную роль. Московские великие князья и цари воспользовались этими людьми, не принадлежавшими к родовитым, для образования в государстве администрации, независимой от вельможества и сосредоточенной в руках верховной власти. Во всем, что у нас делалось в эти 400 лет, видно стремление подавить политические притязания светской и духовной знати и выработать независимую от нее администрацию, местную и центральную, в которой должности раздавались не по знатности рода, а по годности к службе и по царской милости. В таком коренном перевороте дьяческий элемент, тогдашнее чиновничество, играл важную роль и недаром был предметом ненависти родовитых людей.

После Екатерины II внутреннее политическое положение существенно изменяется. Самодержавие царской власти становится бесспорным. Политические притязания Церкви, высшего дворянства исчезают совсем. Высшее управление, придворная среда и бывшее вельможество, светское и духовное, сливаются и вместе образуют высший правительственный слой Империи, непосредственно окружающий государя. Естественная разнохарактерность этой среды, сложившейся из различных стихий, поддерживается и мало-помалу увеличивается притоком в нее новых элементов из вновь приобретенных областей – северных, западных, южных и восточных, из заграницы и снизу – через выслугу. Такая пестрая среда не имела никакого внутреннего единства, никакой организации. Ее сплачивает внешним образом лишь царская власть, около которой осел высший правительственный слой. Одна близость к царской власти дает ему все его значение, влияние и силу в государстве.

Вскоре, именно уже при Александре I, правительственные учреждения, носившие на себе печать прежних, теперь существенно изменившихся обстоятельств и условий, обветшавшие

и потерявшие значение, требовали коренной пересадки по новому плану. Такой план создан Сперанским [2] по образцу учреждений Первой французской империи [3]. Как известно, из задуманных им учреждений выведены только Государственный Совет, Правительствующий Сенат (1-й Департамент) и министерства. К ним присоединился возникший в одно с ними время Комитет министров, а в нынешнее царствование – Судебный (Кассационный) Сенат [4]. В организации Государственного Совета – высшего правительственного учреждения Империи – довольно ясно проглядывает мысль сосредоточить в одном месте законодательную деятельность и придать ей возможную правильность; дела судебные отделены в высшей инстанции, в Судебном Сенате; высшая административная власть под контролем в текущих делах Сената сосредоточена в министерствах, а общие министерские управления – в Комитете министров.

Несмотря на то, что все эти учреждения очень далеки от так называемых конституционных, в их общем плане чувствуется отголосок конституционных идей и воззрений. Разграничение и распределение между различными государственными учреждениями власти законодательной, судебной и административной, из которых последняя непосредственно заведуется самим государем, прямо выхвачены и перенесены в Россию из западноевропейских конституций. Министерства и равные высшие административные учреждения Империи по самой своей организации суть непосредственные орудия верховной власти, от нее получают указания и инструкции и действуют под ее непосредственным контролем. Комитет министров, строго говоря, не есть особое учреждение, а только соединение министров в одно присутствие для рассмотрения дел, общих нескольким или всем министерствам; что же касается Правительствующего Сената, то он, по мысли нашего законодательства, только регулирует обыкновенный ход текущих административных дел, чтобы он сообразовался с законами и не выходил за их рамки.

Такая постановка администрации, объясняемая только историческими условиями европейского развития, не имеет у

нас корней и теоретически ничем не оправдывается, а между тем, она-то именно и есть источник всех наших зол и бедствий.

II

Движущий нерв конституционной жизни, основная идея, на которой построено здание конституционных гарантий, еще недавно считавшихся прочным залогом политических свобод и общественного благополучия, заключается в ограждении народа от произвола государей. Конституционные порядки предполагают, что государь и народ имеют разные интересы, а не один, и вследствие того могут быть друг другу противоположны и враждебны. Чтобы оградить подданных от произвола и насилий государя, у последнего отнимается судебная власть, которая ставится по возможности в независимое положение от влияния и государя, и народа; отнимается, кроме того, власть законодательная и право установлять подати и налоги и передается в руки народа. Затем у государя остается одно лишь управление страной, да и то под контролем народных представителей.

Такова основная тема, основной мотив конституционных порядков. Их фактическая подкладка состоит в том, что народ и правитель, соединяющий в своих руках все власти, не ладят между собой, составляют два противоположных и враждебных между собой полюса. А т. к. без верховной власти в той или другой форме все-таки обойтись никак нельзя, иначе народная жизнь не будет иметь необходимой цельности и единства, то придумывается комбинация, при которой верховная власть, прежде нераздельно принадлежавшая государю, распределяется между им и народом, а единство и цельность государственного организма должны вытекать из уравновешения между собой различных атрибутов верховной власти, распределенных между различными правительственными органами.

Не будем останавливаться на том, что противоположность интересов государя и народа есть во всяком случае великое несчастие и представляет явление крайне ненормальное; что связать вместе и запрячь в одну колесницу то, что вражду-

ет между собою, нельзя; что мысль создать единство и гармонию из комбинации элементов, исключающих друг друга, – такая же мечта, как политическое равновесие Европы и прелести вооруженного мира. Оставляя в стороне эти и подобные им общие соображения, постараемся вникнуть в факты, из которых возникли конституционные порядки, возведенные гораздо позднее в теорию. Развитие конституционных учреждений показывает, что они везде созданы и поддерживались далеко не народами в полном составе всех их элементов, а только богатыми и просвещенными высшими классами, отвоевавшими себе у государей верховную власть именем народа, и что, в конце концов, конституционные порядки послужили на пользу не всем классам и слоям народа, а только высшим его сословиям. Далее мы видим, что всюду, где существуют и процветают конституционные учреждения, верховная власть только по имени разделена между государем и народом, на самом же деле она сосредоточена в руках или правительствующих политических сословий, или государей. Наконец, мы везде замечаем, что с разложением и упадком высших сословий, держащих власть в своих руках, конституционные порядки сменяются или худшим видом монархии – цезаризмом, или республикой. Таким образом, конституционная теория, выставляющая на первый план равновесие властей, распределенных между государем и народом, в действительности только возводит в принцип момент борьбы, или начало перехода власти от государя к высшим сословиям. Прочность конституционных учреждений покоится на самом деле на единстве власти, сосредоточенной или в руках правительствующего слоя общества, или в руках действительно правительствующего государя.

Политическая история Европы подтверждает эти выводы. В Англии до последнего времени верховная власть принадлежала поземельной аристократии и только в 30-е гг. нынешнего столетия начала передвигаться в руки буржуазии; во Франции, в цветущее время конституционного правления, именно при Людовике-Филиппе [5], царила буржуазия, с ее падением пали и конституционные порядки; в Германии, не-

смотря на конституционные формы, верховная власть все еще находится в руках монарха. Во всей Западной Европе – классической стране конституционных порядков – разделение властей между государем и народом всегда делалось в пользу родовой, поземельной или денежной аристократии. Конституционные учреждения возникли там с той поры, когда аристократия, усилившись, начала забирать верховную власть в свои руки; что это делалось не в пользу всего народа, доказывается в Англии ранним обезземелением сельского населения, а на европейском материке – порабощением труда капиталу, породившим социалистические и коммунистические движения. В наше время денежные и поземельные аристократии под напором обделенных ими народных масс начинают склоняться к упадку, а с тем вместе меркнут и конституционные учреждения, уступая место или цезаризму, или республике. Цезарем был в наше время Людвиг Наполеон [6], административные приемы которого непонятно почему находят усердных подражателей в наших высших административных сферах.

Из всего сказанного выходит, что сосредоточение в руках государей администрации как главного атрибута монархической власти не имеет теоретического основания, а объясняется только историей образования конституционных учреждений в Европе. Когда аристократические элементы начали прибирать к себе верховную власть, они мало-помалу отняли у государей суд, законодательную власть и право налагать подати и из всех атрибутов верховной власти оставили за ними только управление государством, да и то под надзором и контролем конституционных учреждений, представлявших по названию народ, а в действительности – господствующий его слой. Привилегия править государством была на самом деле только обрывком, клочком прав короны, оставленных за нею, потому что нельзя же было сразу отобрать у государей все. Надо было для благовидности в глазах народных масс оставить за ней что-нибудь; оставить именно управление казалось торжествующим аристократиям наиболее безопасным и безвредным для их власти.

III

Для тех, кто не знаком с русской историей, кто не вникал глубоко в смысл политических учреждений Европы, остается неразрешимой загадкой, каким образом, несмотря на внутренние смуты и неурядицы, на неспособность многих из правителей, на смену династий и продолжительные периоды полнейшей анархии, верховная власть могла удержаться во всей полноте в руках государей вплоть до нашего времени. Не умея объяснить этого факта, европейцы считают нас неспособными к культуре, причисляют к восточным народам, у которых политические учреждения, несмотря на сильнейшие внутренние перевороты, упорно коснели в одних и тех же формах.

Дело, как мы думаем, объясняется очень просто. Везде и всегда верховная власть, даже при конституционных порядках, остается в действительности единой и неразделеной. То же самое видим мы и у нас. Но в Европе существовали сильные аристократические элементы, присвоившие эту власть себе, а у нас были только зачатки аристократии, которые вследствие разных причин не успели развиться и окрепнуть. Потому-то некому было и оспаривать верховной власти у русских государей, и все слабые попытки в этом роде должны были кончиться ничем. По той же самой причине у нас не могло быть и цезаризма в римском или французском смысле. Цезаризм зарождается только там, где народные массы, разделенные аристократией, восстают против нее и одерживают над ней верх. Римский цезарь, как и французский император, – плод и выражение глубокого разлада между составными элементами народа; где нет сильной аристократии, давящей народные массы, там и цезаризм невозможен.

Мы, русские, – народ действительно полудикий с крайне слабыми зачатками культуры. Но видеть нашу неспособность к культуре в том, что у нас сохранилась неприкосновенная, исторически сложившаяся форма верховной власти, – значит, ничего не понимать в русской истории. В Европе было иначе только потому, что сначала аристократия, а потом закабаленные и вы-

веденные из терпения народные массы переносили верховную власть из рук в руки. Европейцы, как и все народы в мире, цепко, упорно держатся за стародавние предания, даже когда они потеряли уже всякий смысл; поэтому если формы власти у них изменились, то это показывает только, как могучи, непреодолимы были причины, их к тому вынудившие: папство, римское право, сословные различия, аристократические внешние отличия давно не имеют смысла в Европе, а сохраняются же до сих пор. Без крайней нужды, без неизбежной необходимости ни один народ не расстается со своими учреждениями, обычаями и привычками. Так как без верховной власти в той или другой форме нет ни одного человеческого общества в мире, то там, где, подобно России, нет элементов, оспаривающих исторически данную верховную власть, она и остается неприкосновенной. У нас, как показывает история, возможны бунты, смены династий, безгосударное время, брожения, длящиеся целое столетие, но политические гарантии в европейском смысле у нас невозможны по недостатку данных, из которых они слагаются. Об этом, смотря по точке зрения, можно жалеть, этому можно, пожалуй, и радоваться, но так оно есть, и с этим волей-неволей надо помириться. С одной стороны, у нас не может выделиться из народа в особую, сплоченную, сильную группу, один какой-нибудь привилегированный класс; все подобные общественные формации уже во втором, много – в третьем поколении расплываются в России в народной массе и заменяются другими элементами, выступающими на поверхность из всенародства. С другой стороны, по той же причине русский царь есть всесословный и всенародный государь; его значение и сила покоятся на целом народе, в полном его составе, а не балансируют между разными враждебными и борющимися общественными элементами, опираясь то на тот, то на другой и заимствуя свою силу из внутренней разладицы.

Общественная и политическая формация, подобно нашей, имеет, как и все на свете, свои выгоды и невыгоды. Односложность делает развитие нашей государственной и общественной жизни медленным, вялым и бесцветным; индивидуальной

выработки, строгой очередности форм, точных юридических определений и ответственности нет ни в чем, но взамен того у нас нет и резких общественных контрастов, нет непримиримой вражды сословий и каст, нет почвы для противопоставления народа государю и государя народу; сознание народного единства у нас гораздо живее и непосредственнее, потому что мысль не дробится между резко различенными общественными элементами и, следовательно, легче, сильнее может сосредоточиться на общности народной и государственной жизни. По мере того как Россия развивается, хотя бы и очень медленно, ее политические и общественные отправления естественно становятся разнообразней и сложней, а с тем вместе необходимо рождают и потребность в более правильных, точных и тонких юридических и административных различениях, формах и определениях, но они, возникая не из политической борьбы, а из потребностей усложняющейся жизни, не могут иметь политического характера, значения публичного соглашения борющихся между собой сил и элементов, а должны являться плодом мирного обсуждения общественных потребностей и представлять собой лучшие в данное время и при данных обстоятельствах способы удовлетворения общественным и государственным нуждам. У нас, как и везде, существует необходимость правильного разделения атрибутов власти, правильной организации властей, правильного отправления суда, администрации и законодательной функции; мы, как и все, чувствуем необходимость уравновесить и соединить их в одно стройное целое, направленное к одной цели; и у нас крайне необходимы гарантии личной и имущественной неприкосновенности, свободы верований, мнений и публичного заявления, непреложности закона, непоколебимости общественных уставов, ограничивающих произвол административных, судебных и законодательных органов. Все это необходимо, и мы с каждым днем яснее и яснее сознаем, что всего этого нам недостает. Но, сообразно с нашим прошедшим и с характером нашего общественного строя, все это не может быть взято с боя, а будет вынуждено роковым ходом вещей, логикой событий, которая неотразимым рядом фактов

заставит сделать то, чего люди не хотят делать по предрассудку и ослеплению. В таком отсутствии у нас элементов внутренней борьбы заключается, как мы убеждены, наше великое преимущество. Благодаря этому в развитие наших учреждений не могут врываться сословные и социальные ненависти и страсти. Оно, правда, совершается оттого медленнее, но зато оно прочнее, безопаснее и не осложняется едкими примесями, которые незаметно передаются из рода в род и отравляют народный и государственный организм на целые века. С тех пор что слабые зачатки аристократий у нас исчезли, а с ними мало-помалу и сословные привилегии, различие сословий обратилось у нас, как и следует, в различие образа жизни и занятий. Народ и правительство в России – только две стороны одного и того же народного организма, борьба между которыми есть и несчастие, и бессмыслица. Ведь если, как многие думают, народ у нас беззащитен против ничем не ограниченной власти государей, то и государь, в свою очередь, ничем не огражден у нас от народа, в котором нет враждующих между собой слоев и сословий. Итак, становясь на точку зрения политических гарантий, мы, говоря о России, попадаем в ложный круг, из которого нет выхода. Не противопоставление власти народу, сословия – сословию, а их совокупное действие, направленное к одной цели, – вот на что указывает все наше прошедшее, наш общественный и государственный строй, как они сложились веками. Кооперация сил, а не борьба их, различение функций народного организма, а не противоположение их друг другу – вот задача, поставленная всем народам в будущем; и если мы по обстоятельствам, которые выяснить предстоит русским историкам, без особенных усилий и заслуг владеем нужными для того задатками и условиями, то тем лучше для нас: надо поспешить ими воспользоваться, не мудрствуя лукаво.

IV

История, обстоятельства в самом деле создали для русских государей беспримерное положение. Династические

интересы их с начала нынешнего столетия обеспечены и непоколебимы. Вся совокупность верховных прав над Россией принадлежит им нераздельно. Слабые зачатки сословных различий и политических сословных привилегий не существуют более, и народное единство бережно охраняется здравым чутьем масс и вызревшим сознанием образованного слоя русского общества. Русский царь есть верховный руководитель важнейших государственных и народных дел, кормчий великого русского корабля в океане всемирной истории. Такая власть, сложившаяся веками, выработанная всей совокупностью условий русской жизни, бережно и настойчиво пронесенная через все волнения, бури и смуты до наших дней, должна бы, казалось, иметь и соответствующие ей формы выражения: как она непохожа ни на какую другую верховную власть в мире, так ей не пристала ни одна из форм власти, выработанных историей. А между тем, русские государи с начала XIX в. облеклись в формы французского цезаризма. Ясный, определенный образ царской власти под этой чуждой ей формой затемнился. Ложь, обман и насилие, присущие наполеоновскому императорству, перенесены к нам и породили в правительстве и образованных слоях множество иллюзий, перепутавших все наши понятия. Внешний вид законного порядка при действительном отсутствии всяких прав и обеспечений, подозрительный взгляд на каждое проявление народной жизни или мысли в предположении, что народ есть тайный враг правительства, каждую минуту готовый сбросить с себя ненавистное иго; вечная, неустанная, придирчивая опека, простирающаяся на всех и все огромное развитие административной власти на счет всех других сторон и отправлений государственной и народной жизни; небывалый административный произвол, не знающий границ, – вот что мы получили вместе с учреждениями императорской Франции. Под влиянием этих учреждений русские государи обратились в высшую административную власть, непосредственно управляющую государством через свои органы, которые от нее получают свои полномочия и действуют ее именем. Лестница этих органов, составляющих, по своей мно-

гочисленности, целую армию, опускается низшими своими ступенями во все отдаленнейшие закоулки Русской Империи и везде является живым представителем державного русского государя. На каждом чиновнике – от первого до последнего – отражается сияние верховной власти. Только перед высшим чиновником подчиненный – ничто; в действиях же своих на народ он облечен огромными полномочиями.

Идея, что вся администрация на всех ее ступенях представляет собою верховную власть, проведена у нас с железной последовательностью. Административная власть в России громадна. Масса дел, касающихся личности и имущества частных лиц, предоставлены административному решению чиновников без всякого участия суда и даже без соблюдения форм, ограждающих частное лицо при судебном производстве. Полновластие чиновника при отправлении им служебных обязанностей безгранично, и привлечь его к ответственности даже за самое наглое нарушение им обязанностей в ущерб достоинству и интересам частых лиц и польз самой короны почти невозможно, т. к. это существенно зависит от самой администрации, заинтересованной отстаивать своих во что бы то ни стало. Рязанский губернатор Болдырев даже не при отправлении служебных обязанностей, а на охоте избил старого мужика и загноил его до смерти в душной тюрьме и за это не был даже отдан под суд; бывший орловский губернатор Лонгинов высек какого-то писаря и получил только келейное замечание, нигде не опубликованное; бывший самарский губернатор Климов [7] уморил множество крестьян с голоду и за это не только не подвергся суду и взысканию, но даже повышен в директоры Департамента Министерства государственных имуществ; петербургский губернатор Лутковский [8] дал начальникам уездной полиции приказание сечь мужиков по одному требованию уездных представителей дворянства под страхом немедленного удаления от службы в случае неисполнения этого приказания.

Тщательно огражденный со всех сторон от законной ответственности за свои действия и вооруженный против частных лиц и народа почти царской властью, каждый чиновник,

в свою очередь, совершенно отдан на произвол высшего чиновника, который его определил. Кто определяет чиновника на должность, тот может его и уволить даже без объяснения причины увольнения: ни суда, ни разбирательства требовать нельзя. На деле такой же безграничной властью пользуется и каждый начальник над своими подчиненными, хотя бы по закону он не мог его уволить: стоит только доложить высшему начальнику, от которого зависит увольнение, – и делу конец. Начальник может, подобно губернатору Лутковскому, дать противозаконное приказание и лишить места чиновника, не исполнившего такое приказание, и чиновник остается беззащитным, будь он тысячу раз прав, а начальник – кругом виноват. Несчастные бухгалтеры и казначеи, лишенные прав и сосланные в Сибирь за расхищение инвалидного капитала [9] Политковским и синодального – Гаевским, находились в таком положении; им предстояло одно из двух: или не исполнить приказания своих начальников, донести об их злоупотреблениях и быть немедленно выгнанными из службы, умирать с голоду с семействами, или же молча исполнять противозаконные приказания и подвергнуться уголовной ответственности. Другого выхода нет по нашим законам.

Безусловная зависимость от начальства, с одной стороны, и почти безграничный произвол в действиях – с другой – такова в немногих словах характеристика нашей администрации снизу доверху. Правда, в законе мы читаем многое об обязанностях и ответственности должностных лиц, о долге службы, о соблюдении законов даже вопреки приказаниям, об обязанности подчиненных доносить о злоупотреблениях начальников, но все это пустые слова, которым никто не верит, потому что действительное их исполнение ничем не обеспечено. Закон только на бумаге дает частным лицам право защищаться от произвола чиновников, а чиновникам – право ограждать себя от произвола начальства.

Административная лестница, устремленная на таких началах, идет, поднимаясь, до престола, и чем ее ступени выше, тем администрация полновластнее, а страна беззащитнее от ее

произвола. На самых высших ступенях администрация вооружена не приказаниями начальства, а Высочайшими повелениями, которые непосредственно испрашиваются чиновниками у государя и перед которыми безмолвны и закон, и суд, как перед изречениями верховной власти. По теории, все нити управления сходятся в высшей инстанции – в руках государя, верховного правителя страны. Все попытки обуздать произвол высших чиновников формами выражения верховной власти, разумеется, оказались безуспешными. Русский Царь есть воплощенная верховная власть, и ее нельзя вставить ни в какие юридические рамки. Единственно возможная гарантия правильных ее действий – это искренняя любовь государя к России, знание и правильное понимание им дела и интересы династии, с цельностью и сохранностью которой неразрывно связаны правильное развитие государственной и народной жизни.

V

По теории, перенесенной к нам из Европы Сперанским, управление государством сосредоточивается в руках государя. Но в европейских странах, где конституционные порядки существуют не по одному названию, а на самом деле, управление подчинено контролю суда и народного представительства; в императорской же Франции, откуда мы заимствовали свои административные уставы, конституционные формы были лишь ложью и обманом. Суд и представительство были безгласны, а вся сила заключалась в администрации, которая, будучи сосредоточена в руках французских цезарей, обратилась во всемогущее орудие угнетения и произвола. Там такое значение администрации было совершенно понятно, и ложь отчасти вынуждена обстоятельствами. Когда создавались наполеоновские учреждения, Франция была глубоко потрясена революцией; политические страсти еще не улеглись и при каждом удобном случае готовы были вспыхнуть снова; недавно торжественно провозглашенные свободы были еще свежи в памяти каждого. При таких условиях Наполеону было

необходимо создать сильную диктатуру, придав ей снаружи в виде успокоения и утешения легковерной массы, довольствующейся фразами и болтовней, конституционные формы, как некогда при сходных обстоятельствах Август [10] создал в Риме императорскую власть с республиканскими внешними атрибутами. Правдой в этих политических построениях была полновластная диктатура, а конституционные и республиканские украшения – ложью и обманом.

Это чудовищное переплетение произвола, насилия, лжи, обмана и неправды, созданное обстоятельствами у измученного страшным переворотом народа, мы, по печальному недоразумению, перенесли к себе. Напрасно знаменитые современники, в том числе Карамзин и, если не ошибаемся, Трощинский [11], возражали против такого нововведения: голос их не был услышан. К истинному нашему несчастию, страшное орудие угнетения, выкованное военной диктатурой посреди хаоса революции, водворено в стране, где в течение веков народ работал над созданием ничем не ограниченной верховной власти и где, по самому составу общественных элементов, политические и социальные перевороты невозможны. В России нет политической жизни, и в европейском смысле ее не может у нас быть. У нас вследствие совершенной бесспорности политических условий существования может развиваться только жизнь общественная, социальная. Французская административная машина, перенесенная к нам в начале XIX в., не могла изменить этих коренных условий нашей общественности и, утратив на русской почве политический характер, выказала всю свою непригодность в России тем неизмеримым злом, какое она произвела и производит в нашем общественном, социальном быту.

И в небольшой стране при малом числе жителей управление составляет тяжкое бремя для правителя. Но в многомиллионной Империи, занимающей почти пятую часть земного шара, сосредоточение всей администрации в руках государя при множестве других важнейших дел и забот правления есть дело немыслимое, превышающее силы одного человека. Ад-

министрация, поставленная таким образом, необходимо будет лишена единства в целом и правильного хода в подробностях. Какая память в состоянии удержать бесчисленное множество словесных и письменных докладов, какой ум способен, не теряясь в массе мелочей, проследить и провести по всем многосложным частям обширнейшего управления одну мысль, одно направление? На такой труд у одного человека при всей доброй воле недостает времени, если бы даже можно было растянуть дни в недели. Что же выходит на деле? Государь вынужден освящать авторитетом верховной власти решения и меры, придуманные министрами и другими высшими чиновниками, на веру, не справляясь, представлены ли все обстоятельства, выведены ли на справку все дела и законы, не противоречит ли предлагаемое решение и мера другим решениям, мерам и законам. Оттого нередко Высочайшей властью освящаются и получают силу закона ошибки, фантазии и злоупотребления высших и низших административных чиновников; государь принимает на себя то, за что по закону и справедливости должны бы отвечать они. Действительная ответственность чиновников при таком порядке дел немыслима, несмотря на то, что она написана в законе, а такая ответственность есть гарантия не только частных лиц и общества, но и самой верховной власти, не повинной в ошибках и злоупотреблениях чиновников. Нельзя не видеть серьезной опасности в том, что у нас верховная власть благодаря организации управления покрывает собой все злоупотребления и нарушения закона, которые делаются ее именем; возражение против таких злоупотреблений невозможно, потому что оно было бы сопротивлением верховной власти, оспаривало бы ее решения.

VI

Русский Бог избавил нас от конституционной лжи ограничения царской власти народным представительством, зато все последствия конституционного миража, будто администрация находится в руках царской власти, мы испытали вполне, до

единого, во всей их печальной правде. Во Франции от горькой истины этого принципа неопытные глаза отводились сценическими представлениями будто бы самостоятельного суда и палаты народных представителей, как прежде от гильотины – деревьями свободы и празднествами согласия. У нас никакие фиоритуры [12] политического характера не окрашивают безобразной наготы этого вовсе нам чуждого принципа. На русской почве вследствие обстоятельств и условий принцип этот получил своеобразный вид, принял, не встречая ниоткуда помехи, чудовищные, ужасающие размеры. Администрация во имя Царской власти заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки.

Рассмотрим, почему и как это сделалось. Это весьма поучительная страница русской истории XIX в.

При самом введении у нас новой административной системы были придуманы разные бумажные ограничения административного произвола, но они скоро оказались совершенно недействительными – паутиной, которую легко прорывали и малые мухи. Подчинение министров Сенату почти походит на иронию. Нельзя ограничивать министра, непосредственно докладывающего государю, непосредственно испрашивающего от него Высочайшие повеления, учреждением, которое само находится в полной власти у министра юстиции, и без него шагу ступить не смеем. Что касается Комитета министров, то он, будучи собранием министров, скорее расширяет, чем ограничивает их власть. Голос коллегии всегда внушительнее голоса одного должностного лица, и во всех вопросах, касающихся министерской власти и ее атрибутов, между министрами не может не быть трогательного единодушия.

В первую половину нынешнего царствования сделаны более действенные и серьезные попытки ограничить произвол министров. Создан был институт мировых посредников, не сместимых по усмотрению министра; созданы земские учреждения, к которым отошли в более или менее самостоятельное заведование многие дела местного управления с правом ходатайства об общественных пользах и нуждах; созда-

ны самостоятельные судебные учреждения с Кассационным Сенатом во главе, и в силу новых судебных уставов множество судебных дел изъяты из административного произвола; устроен на новых началах Государственный контроль [13], которому предоставлена не только проверка счетов, но и самих операций министерского управления, со стороны их правильности и выгодности для казны; наконец, расширены пределы печатного обсуждения мер и действий правительства и должностных лиц.

Все эти полезные начинания, задуманные с благой целью, подавлены в самом зародыше и кончились ничем. Не успевали новые учреждения, меры и законы начать действовать, как на них уже обращалось недоброжелательство министерств, произвол которых они должны были сдерживать. В благовидных предлогах не было недостатка; да и когда же недоставало предлога для отмены самых полезных установлений? В царствование Императора Николая закрыта была даже больница вследствие обнаруженных злоупотреблений больничного начальства. Со стороны административных властей на мировых посредников, земские учреждения, суды, контроль, печать жалобы и клеветы сыпались градом, ошибки, недоразумения и частные случаи действительных злоупотреблений и неправильностей раздувались в важные преступления, в опасные замыслы против самой верховной власти. К довершению всего новые учреждения были отданы в заведование и управление самих министров, произвол которых они должны были ограничивать; новые меры приводились в исполнение теми самыми министрами, которые были им наиболее враждебны. Под дружным напором сильных врагов, на стороне которых были и власть, и непосредственный доклад государю, и возможность искажать новые мероприятия при самом их исполнении, благие начинания зачахли в зародыше, обратились в ничто и остались в наших собраниях законов только как памятники добрых намерений Верховной власти.

Многие приписывают неудачу всех мер нынешнего царствования, направленных к обузданию административного

произвола, несостоятельности самого общества, отсутствию в нем выдержки, такта, сознания прав. В этих упреках есть своя доля правды, который мы не думаем отрицать. Но те, кто делают эти упреки, не замечают, что они ими выражают самое превратное понятие о назначении и роли администрации и подписывают ей у нас обвинительный приговор. Нельзя же серьезно думать, что администрация представляет в народе какую-то чудную и враждебную ему силу, которая обрушается на него бедами, если у него нет достаточно средств и умения противостоять ей. В стране, разорванной междоусобиями, потрясенной политическими и социальными переворотами, такая роль может выпасть, да и то временно, на долю партии тишины, спокойствия и порядка; но где нет ни политических партий, ни революций, где никто не оспаривает прав верховной власти, там нельзя противопоставлять администрацию народу или обществу, там, напротив, она есть одно из необходимых отправлений общественной и государственной жизни, служащая вместе с другими к общему благу и постепенному общественному и гражданскому воспитанию народа. Если мы смотрим на администрацию, как на врага, от которого нельзя и ждать ничего другого, кроме посягательства на права и законную свободу, то это только доказывает, что мы сделали важную ошибку, перенеся к себе учреждения императорской Франции, и что они совсем непригодны к нашим обстоятельствам и условиям.

Низкая степень культуры, отсутствие добрых нравов и привычек правильной гражданской жизни, без сомнения, немало способствовали неудаче великодушных попыток верховной власти и законодательства оградить Россию от насилий и произвола администрации, устроенной по образцу императорской Франции. Но главную, существенную причину такой неудачи до́лжно искать в том, что попытки улучшения начаты были не с верхних, а с низших ступеней административной иерархии. Пока министры и высшие чиновники будут находиться у нас в том же исключительном положении, как теперь, пока они будут вооружены Высочайшими повелениями, которые

сами же испрашивают по личному докладу; пока они, и только они одни, будут непосредственными органами верховной власти, до тех пор наша администрация будет представлять страшное орудие, непобедимую силу, которым ничто не в состоянии противостоять; эта сила раздавит все, что ей попадется на пути, – законы, учреждения, даже ясно и определительно выраженную волю верховной власти. И спастись от такой силы некуда: она наполняется и обнимает собою всех и все.

VII

Многие у нас делают большую ошибку, приписывая все зло, которое мы терпим, одному или нескольким лицам. Всякое общественное зло есть почти всегда результат дурных учреждений и порядков, и за них, а не за людей надо браться, чтобы изменить и улучшить положение.

То же следует заметить и о наших административных безобразиях. Странно и несправедливо было бы приписывать уродливое развитие административной власти в России злонамеренности или особенной порочности людей, из которых составлен наш правительственный персонал. Рядом с людьми, несомненно злонамеренными или недобросовестными, рядом с огромной массой людей неспособных, ленивых и невежд существуют в административной среде лица очень даровитые, знающие, образованные, высокой честности и вполне благонамеренные; но они, как и везде, составляя меньшинство, связаны по рукам и ногам неправильной организацией административной власти и ничего не могут сделать. Мало того: организация фатально заглушает у нас хорошие свойства людей, поощряет и развивает дурные, вытесняет способных и честных, выдвигает вперед неспособных и дурных, открывая их деятельности широкое поле. Иначе и быть не может. Облеките какого угодно человека безграничной властью над теми, кто ниже его, отдайте его в полную волю тех, кто поставлен выше, и в таком положении обеспечьте за ним безответственность и безнаказанность – и только одни герои или

чудаки устоят против искушения проводить свои мысли или обделывать свои личные дела наперекор закону и общественной пользе. Каждый человек, у которого нет хотя бы самой ограниченной сферы свободной и независимой нравственной и общественной деятельности, должен обратиться в раба – низкопоклонника и угодника; каждый, кто может безнаказанно своевольничать над подчиненными, непременно рано или поздно станет самодуром или деспотом, не стесняющимся личностью, достоинством, честью, свободой других. Каждый, в ком таким образом и сверху и снизу выстраивается вера в законный и нравственный порядок, в идеальный мир, который один дает силы бороться со злом и неправдой, должен, наконец, утратить всякие убеждения и отдаться своим личным, индивидуальным страстям и желаниям, забывая все остальное. Тщеславие, властолюбие, или нажива и наслаждение – вот куда, естественно, направятся силы души, которым все другие пути загорожены. Противно видеть, как высшие и низшие чиновники ненавидят гласность и любят тайну, отстаивают все, что делается в круге их власти, даже их подчиненными, хотя бы то, что они делают, заслуживало строгого наказания; возмутительно, как они систематически стараются разрушить все, что прямо или косвенно мешает их полновластию. Но эти черты, характеризующие наше чиновничество, необходимо вытекают из его положения, которое, с одной стороны, отнимает у чиновника не только необходимость, но и возможность развивать и воспитывать в себе высшие нравственные стремления, а с другой – насильственно втягивает его в тину и болото всяких дрянных страстей, наклонностей и привычек. Кто же, не исключая и лучших людей, не старается скрывать свои дурные поступки, оправдывать свои действия? Кто не считает прекрасным и умным все, что он думает? Кто не раздражается помехам и препятствиям? Кто, наконец, не имея силы побороть препятствия, не старается обойти его стороной? А если обстоятельства вместо того, чтобы сдерживать эти естественные наклонности, напротив, им способствуют, поощряют их развитие, то можно ли удивляться, что обыкно-

венные людские слабости получают колоссальные размеры? Русского чиновника все развращает и ничто не поддерживает на добром пути. Как же ему быть хорошим? Слава Богу, когда он настолько уцелел нравственно, что делает зло только по необходимости; таких, которые сохранили живую веру в силу и неизбежное окончательное торжество правды, нет ни одного, да такого при наших условиях и быть не может.

VIII

В Европе создание гражданских прав и местных свобод, веками установившиеся нравы, высокая образованность и культура средних слоев общества задолго предшествовали появлению и окончательной выработке сильной административной машины, подобной нашей, и потому действие ее на факте смягчалось несомненными личными качествами административного персонала, пополнявшегося из той же образованной среды. Оттого борьба против административного произвола имела и имеет в Европе более политический, чем гражданский и социальный характер. Всемогущая администрация, какова, например, Прусская, еще не так давно не оставляла желать ничего лучшего со стороны порядка, честности, добрых нравов и отличного знания дела. Такая высокообразованная администрация, развившаяся из просвещенной и однородной среды, заключая в себе замечательные таланты, имея свои предания, представляла органическое целое, проникнутое на всех своих ступенях одним духом, одним направлением, и заставляла своими несомненными достоинствами забывать ошибочность самого принципа административного всемогущества.

Совершенно иное представляет у нас личный административный состав. По званию или состоянию, по воспитанию и степени культуры, по вероисповеданию и убеждениям, даже по племени и национальности он есть соединение разнородных элементов, не имеющих между собой ничего общего. Наше высшее и низшее чиновничество – это вавилонское столпотворение и смешение языков в лицах, всемирная выставка все-

возможных элементов, скученных вместе без всякой системы и порядка, нестройная, хаотическая смесь всевозможных направлений, взглядов и стремлений. Такой личный состав при отсутствии строгой организации отражается в делах управления и на всех его ступенях производит невообразимый хаос и путаницу. Каждый чиновник, высший и низший, естественно, проводит, насколько может, свои взгляды, понятия и интересы в ту часть администрации, над которой властвует. Министр из остзейских баронов перекраивает наши новые судебные учреждения по возможности на остзейский лад ввиду их введения в Прибалтийском крае; министр-барин подкапывается под Положения 19 февраля; министр из породы верховников и временщиков подготовляет втихомолку конституцию в духе Верховного тайного совета [14]. Славянофилы, москвофилы и космополиты с европейскими симпатиями, охранители, либералы, радикалы и клерикалы всех мастей и оттенков, немцы, жиды, грузины, армяне и татары, исламиты, православные, католики, протестанты и сектанты всех русских и иностранных толков, поборники всевозможных политических, государственных и социальных форм человеческого общежития, начиная от патриархального строя первобытной эпохи и оканчивая стремлениями Парижской коммуны [15], – все тянут неуклюжий рыдван русской администрации каждый в свою сторону. Каждый из этих элементов и интересов имеет бесспорное право на существование и, если бы они могли выступить в свою защиту и со своими требованиями открыто, в литературе и печати, и предъявлять или доказывать свои права перед властью, – этому можно было бы только радоваться. Многосложность и разнообразие интересов есть один из признаков богатства элементов в народе, залог его будущности; из взаимного соприкосновения, трения и постепенного слития их образуется со временем канва для широкого исторического склада. К тому же нельзя не назвать вполне естественным, что каждый элемент себя отстаивает, старается выгородить себе особое свое место посреди других, – это неотъемлемое право каждого, тем более что нет интереса, нет элемента, который бы не вносил

чего-нибудь полезного в общую экономию государственной и народной жизни. Но, к несчастью, у нас ни один из разнообразных и разнородных элементов не может даже высказываться откровенно, вполне; каждый по необходимости скрывается, уходит в себя и переносит свои заветные стремления в глубь канцелярий, в административную деятельность, облекает их в формы самодержавной администрации и этими путями по возможности осуществляет то, чего не смеет заявить открыто и явно. Но облеченная в форму административного произвола разнородность и разнохарактерность элементов вместо того, чтобы приносить пользу стране и ее развитию, становится истинным бедствием и действительной опасностью. Когда каждый из противоречивых, взаимно друг друга исключающих элементов и интересов прикрывается в своей деятельности авторитетом законной власти, администрация необходимо превращается в организованную анархию, которая во имя закона и власти должна своими беспрестанными противоречиями и непоследовательностью подавлять все живые ростки государственной и народной жизни.

IX

В доброе старое время русские люди, заполоненные приказными, кормленщиками и воеводами, чтобы вздохнуть свободно, бежали на окраины, селились в степях и лесах; царь Иоанн IV Грозный, «стужаемый» боярами и духовенством, бежал «от великой печали сердца» в Александровскую слободу [16]; царь Петр, задыхаясь от московского святошества, лицемерия и окостенелых византийско-татарских порядков, бежал в новозавоеванную землю на устья Невы. В наше время ни царям, ни народу некуда бежать от нестерпимого порядка дел, созданного всемогуществом российской администрации. Она обнимает все, наполняет собою все, самодержавно царит и над государем, и над народом. Всякая деятельность верховной власти фатально перерабатывается в административной среде, прежде чем достигнет народа, точно так же каждое заявле-

ние народной жизни доходит до царей, преломленное в призме администрации. Но административная среда, через которую все процеживается, есть сама нечто нестройное, хаотическое, безобразное; это воплощенная анархия, выросшая в несокрушимую силу, которая бессмысленно давит и губит все, что ей ни попадется. Как всякая анархия, она не терпит никаких убеждений, принципов, твердых правил, но допускает всевозможные интересы – сословные, национальные, местные и в особенности личные. В этой среде приживаются и всплывают наверх только те, кто отказывается от всяких убеждений, верований, от нравственной брезгливости и стал неразборчив в средствах для достижения своих целей. Затем дальнейшее возвышение зависит уже от ловкости, ума, таланта, сноровки, иногда от счастливой случайности. Не прошедшие через строгий искус доброкачественности застревают на средних и низших ступенях административной иерархии, а вовсе не способные ассимилироваться выбрасываются вон. Профильтрованные таким образом сквозь административную среду и достигшие ступеней трона выбираются государем в высшие чиновники Империи. Других путей узнать людей государи у нас не имеют: все заперты наглухо. Придворная и служебная карьеры, сливающиеся наверху, открывают высшие государственные должности только лицам, пропущенным через придворный или административные фильтры. В других странах таланты и знания могут проложить себе дорогу через университет, литературные и ученые труды, печать, адвокатуру, парламентскую деятельность. У нас и кафедра, и литература, и наука, и печать, и даже наша бедная земская и городская службы отданы в кабалу администрации, которая им враждебна по принципу, держит их в черном теле, из страха, чтобы они не обратились в опасную ей силу. Диверсию гражданскому и придворному чиновничеству делают иногда только сферы военная и дипломатическая, но до сих пор они мало приносили пользы делу законного порядка. Напротив, люди, закалившиеся в военных упражнениях, только усиливают административный произвол наклонностями и привычками

военного темперамента, а дипломатическая деятельность, по существу своему, есть лишь цвет административной, высшая ее ступень, и отличается от нее только более изящными формами. Таким образом, выбор непосредственных органов верховной власти роковым образом падает только на людей, выдержанных и перевоспитанных в искусственной среде, образовавшейся между государями и народом. До сих пор она не выставила еще Конрада Валленрода [17] и едва ли когда-нибудь выставит. Зорко следит она за каждым шагом тех, кого выдвинула в первые ряды и лишает своей мощной поддержки всех, кто осмелится заговорить языком, ей неблагоприятным, или попытается коснуться ее всемогущества.

X

Таковы условия, которыми определяется наше внутреннее положение. С каждым днем разъедающие нас административное самодержавие и анархия заявляют себя сильней. Они пожирают наши лучшие силы, убивают нас материально, умственно и нравственно, отравляют скрытым ядом наше существование. Подрастающие поколения зачумляются в зараженной атмосфере, созданной насилием, произволом и анархией, и гибнут тысячами. У людей пропадает вера во все – даже в будущность страны, где может долго продолжаться такой безобразный, чудовищный порядок дел. От бед и несчастий, которыми он грозит России, может нас избавить одна лишь верховная власть, и то, если остановит зло вовремя. Ей предстоит завершить ряд частных освобождений разных классов, разрядов и сословий и, наконец, народных масс – освобождением всех подданных Империи из-под крепостного ига администрации. Это необходимо и для блага страны, и для самой верховной власти, во имя которой Русская Империя порабощена администрацией. Повторяем: не люди виноваты в теперешнем порядке дел, а ошибочная организация, основанная на конституционных фикциях, не имеющих с нашим положением ничего общего, и создающая миражи в противоположность несомненным и очевидным фак-

там. Давно пора ликвидировать ложь и обман, в которых мы запутались. Чем дольше мы будем медлить, тем опаснее будет становиться болезнь и тем труднее исцеление.

Мы глубоко заблуждаемся, думая, будто одни только конституционные учреждения, ограничивающие верховную власть, могут обеспечить народу права и законную гражданскую свободу, будто все народы, способные к культуре, рано или поздно должны ввести у себя европейские конституционные формы. Мы видели, что они, напротив, могут существовать только там, где есть сильная родовая, поземельная или денежная аристократия, естественно стремящаяся завладеть верховной властью, и притом для своих выгод, а совсем не в видах всенародной пользы и интересов масс. У нас нет и не бывало сильной аристократии, а теперь ей уже никогда не сложиться на русской почве, оттого так неудачны были все попытки ограничить царскую власть при Михаиле Федоровиче, Анне Ивановне, в начале царствования Императора Николая. В России возможны глубокие потрясения, уносящие престолы и династии, но немыслимо конституционное правление, основанное на ограничении царских прав, на разделении и равновесии политических властей. Если бы конституция в этом смысле и была когда-нибудь введена у нас, то она только прибавила бы лишнюю иллюзию, и при первом же столкновении Царской власти с политическим народным представительством она рассыпалась бы, как карточный домик. Последняя ложь была бы хуже прежних. Простодушные и легковерные люди, а они везде и всегда в огромном большинстве, убедились бы из этого надолго, что нам на роду написано не иметь добрых гражданских и общественных порядков.

Другая коренная ошибка лежит в мысли, будто интересы государей и народа не одни и те же, будто эти две силы одного и того же народного организма, по самому существу дела, противоположны, исключают друг друга. У нас этот предрассудок тщательно скрывается за взаимными уверениями власти и образованной части общества в самом трогательном единении русского государя и русского народа, и в этом по-

лагается достохвальное наше отличие от Западной Европы. Но дела и факты, к несчастью, доказывают противное. Взаимного доверия правительства и народа, о котором так много у нас говорится, нет. Правительство крайне подозрительно смотрит на всякое свободное движение, всякое проявление чувств и мыслей, в чем бы они ни выражались; народ же так привык к постоянному гнету, что не верит искренности намерений правительства облегчить и улучшить его положение, даже когда оно не подлежит никакому сомнению: вера и надежда обманывали его слишком часто. Такое ненормальное отношение возникло вследствие весьма разнообразных причин. Тут действуют и воспоминания из недавней эпохи вельможеских притязаний и шаткости престола, и европейские очки, сквозь которые мы обсуждаем наши дела и наше положение, и наговоры администрации, которой выгодно поддерживать недоверие государя к народу, и действительно существующее недовольство крайне дурным управлением, необеспеченностью прав и произволом чиновников, и, наконец, искусственное уединение, обособление власти от народа, которое само по себе не может не порождать чувства одиночества и тесно с ним связанной подозрительной чуткости и недоверчивости ко всему окружающему. Все эти причины, вместе взятые, создают миражи, разобщающие у нас народ и правительство наперекор истории, здравому смыслу и интересам того и другого. Противоположность власти и целого народа возможна только в завоеванных странах, но и здесь далеко не всегда: где массы народа угнетены и порабощены высшим слоем, там и они не враждебны завоевателю, который избавил их от тяжкого ига; у нас же нет враждебных друг другу сословий и корпораций, а верховная власть принадлежит законной, исторически установившейся династии. Какая тут может быть обособленность интересов правительства и народа? Факты, напротив, ведут к их солидарности, к их совокупному действию для достижения одних и тех же целей; а если это не так в действительности, то это не может считаться нормальным, естественным и, как мы видели, есть дело разных побочных обстоятельств и случайностей. Такие

случайности и политические предрассудки, конечно, не в состоянии подготовить или произвести у нас конституционный порядок дел, потому что для него нет у нас данных и почвы; мысли же и взгляды, как известно, только группируют факты, а не создают их. Но когда народ и правительство, пренебрегая тем, что у них под глазами, отдаются иллюзиям и миражам, то силы их, нужные на полезное дело, истощаются напрасно в бесплодной деятельности, подобно тому как биржевая игра, передавая из рук в руки огромные капиталы, отвлекает их от производительности. Такое совершенно бесплодное трение и поглощение живых сил происходит у нас теперь в огромных размерах. Власть под влиянием иллюзий предполагает в стране тайное желание ее ограничить и вследствие того более и более обособляется, уединяется от народа и опирается на воображенную ею же созданной и на ее же авторитете основанной администрации; а народ, тяготясь безурядицей, произволом и беззакониями и видя, что администрация действует во имя власти и вооружена всем ее обаянием, мало-помалу переносит на верховную власть ответственность за все зло и страдания, которые терпит, и кончает тем, что на ней сосредоточивает все свои сетования. Таким-то образом под конец у народа мало-помалу искусственно вымучивается нелюбовь к законной власти, раздражение и политические страсти, которые не способны создать прочных государственных форм, но исподволь расшатывают власть и подготовляют перевороты, которыми и династии, и политическое значение самих народов ставят на карту, делаются игрушкой непредвидимых случайностей.

Наконец, третья наша коренная ошибка – это мысль, навеянная французскими конституционными идеями, будто администрация преимущественно перед всеми другими отраслями государственного управления должна быть сосредоточена в руках государя и есть его непосредственное ближайшее дело. Такой взгляд, помимо конституционных воззрений, из которых естественно и последовательно вытекает, есть сама по себе бессмыслица. Верховная власть по своему существу есть соединение всех властей в их высшем выражении. Почему же

ей быть более административной, чем судебной или законодательной? Простому здравому смыслу этого втолковать нельзя. Что-нибудь из двух: или все атрибуты верховной власти, все виды ее проявления требуют в дальнейших своих применениях и выражениях известной правильной организации, или ни для одного из них она не нужна. У нас всякий понимает, что Царь есть глава государства и в этом качестве распоряжается военными силами, ведет сношения с другими государствами, представляет внутреннее единство страны в законодательстве, суде и администрации. Все эти части или ветви по своей многосложности и по своим, каждой из них свойственным особенностям требуют своего особого порядка, своего правильного и точного определенного устава, от которого сами государи не должны и не могут отступать, чтобы не произвести вреда, который произошел бы для них самих и для страны от произвольного нарушения установленного раз порядка. Администрация не составляет в этом отношении изъятие из общего правила и должна ему подчиняться наравне со всеми другими сторонами государственного и общественного строя. Если же это так, то только общий порядок и общее направление администрации так же, как и суда и законодательства, требуют непосредственного вмешательства Верховной власти, а ежедневный, обычный ход административной машины, движение ее бесчисленных колес должны быть однажды навсегда определены законом и совершаться в целом и частях по правилам, свойственным и присущим самому административному механизму. Отступление от этого основного правила, допущенное под влиянием порядков, заведенных во Французской империи и нам вовсе чуждых, не имеющих у нас корней, противоречит естественному ходу вещей в России и рождает зло, которое растет из дня в день и становится все опаснее.

XI

Иллюзия и призраки, которые мы рассмотрели, служат исходной точкой для всех политических соображений как рус-

ского правительства, так и русской интеллигенции. Первое, видя, что внутренние дела идут хуже и хуже и что неудовольствие растет, убеждено, что водворение и у нас конституционных порядков – не более как вопрос времени; а пока это время не приспело, оно крепче и крепче затягивает узду, усиливает кары за всякие покушения против существующего порядка дел и всячески расширяет пределы административной власти, никогда еще не достигшей в нынешнем столетии такого полномочия и такой безнаказанности. Безгласные и беззащитные массы, как они ни мало избалованы, глухо ропщут, а образованные слои общества, составляющие едва заметное меньшинство, вместе с правительством видят только в конституционных политических гарантиях выход из теперешнего крайне тяжелого и натянутого положения.

Но образованный слой, если бы он даже был сплочен у нас в компактную среду и составлял органическое целое, не в состоянии вынудить у верховной власти политических прав; для этого он слишком бессилен. Не ввелись бы у нас политические права и в таком случае, если бы какому великодушному русскому государю пришла мысль добровольно ограничить свою власть и дать России конституционные гарантии: они просуществовали бы у нас до той только минуты, пока бы ему вздумалось снова их отменить или нарушить; сделать это он может легко и совершенно безнаказанно, потому что для конституционной жизни у нас нет почвы. Покойный Государь выразился однажды, что он понимает самодержавие и республиканское правление, но не понимает конституционных ограничений власти. Карамзин чувствовал себя в одно и то же время и верноподданным, и республиканцем. В этих взглядах гораздо больше глубокого смысла в применении к России, чем обыкновенно думают. Конституционные учреждения в европейском смысле у нас немыслимы и невозможны. Это мы должны сказать себе с полной правдивостью, совершенно чистосердечно. Положение наше слишком серьезно, чтобы можно было продолжать жить иллюзиями. Коренное преобразование всего нашего государственного и общественного

строя не только необходимо, оно неизбежно в ближайшем будущем; но это желанное будущее наступит спокойно и мирно, без толчков и опасных экспериментов, если власть и образованное меньшинство поймут, что конституционные страхи и надежды у нас напрасны, что в России вопрос о народных свободах и их обеспечении должен быть поставлен иначе, чем он ставился и ставится в Европе. Самодержавный народ и самодержавный государь – две противоположные фикции, два принципа, но не действительные факты. Ни государи, ни народы не самодержавны и не могут ими быть. Оба действуют в известных условиях, в известной обстановке, которым волей-неволей подчиняются. Ни государи, ни народы не могут всего сделать, что им вздумается, а делают только то, что могут при данных обстоятельствах. Представлять себе, что власть, именно потому, что она власть, только тем и занята, как бы побольше ограничить и стеснить народ, так же нелепо, как воображать, что она денно и нощно печется о народном благе, как это пишется и печатается в официальных актах и адресах. На самом деле власть точно так же, как и народ, прежде и больше всего оберегает саму себя и на это не только имеет полное право, но и обязана это делать в интересах народного организма. Полководец не должен сражаться впереди своей армии, глава политической партии должен стоять на своем посту до последней возможности и не давать противникам выбить себя из седла. А затем верховная власть по самому своему положению и в собственных интересах не имеет никаких причин желать зла народу; напротив, она всячески заинтересована в том, чтобы народу жилось как можно лучше. Стало быть, вопрос вовсе не в том, как бы ее ограничить и уловить в тенетах, из которых она не могла бы выпутаться – их и без того больше, чем нужно, даже при так называемом самодержавном правлении, – в том, чтобы она ясно понимала, что ей и народу полезно и выгодно и что вредно. Власти крайне невыгодно иметь против себя целый народ; в таком положении ей долго не устоять. Бороться с успехом она может только против меньшинства, опираясь на большинство, или, наоборот, против на-

родной массы, опираясь на сильное, богатое, влиятельное и образованное меньшинство. У нас последнее невозможно по недостатку такого меньшинства. Вся русская история есть неопровержимое доказательство того факта, что у нас нет и не может быть обособленных друг от друга общественных слоев, классов или сословий. Как ни старались их создать искусственно, ни один опыт не удался. Таким образом, власть имеет у нас дело с целым народом, в полном составе, и их обоюдные интересы неизбежно сходятся, переплетаясь между собою, как нервы, артерии и вены в человеческом теле; отделить их и разрознить нет возможности, не вредя обоим. Поэтому все, что противополагает власть народу, разобщает их, производит между ними разлад вместо того, чтобы сближать и заставлять их действовать вместе, есть ошибка, вольное и невольное самообольщение, которое надо отбросить как вредное для народа и для власти.

XII

В основании нашего государственного устройства должно лежать не противоположение и уравновешение властей, а, наоборот, единство всех отправлений государственного и общественного организма. Фикция самодержавного народа так же нелепа на русской почве, как и другая, из нее вытекающая, будто народ враждебен всякой власти, и она, чтобы удержаться, должна быть начеку, вечно настороже, ограждать свою безопасность и неприкосновенность чрезвычайными мерами и для того постоянно держать народ в осадном положении. Такие воззрения, бывшие еще недавно в большом ходу в Европе, особливо во Франции, не имеют у нас никакого смысла. У нас верховная власть, сосредоточенная в руках государя, есть выражение государственного и народного единства. В этом значении она так же мало противоположна народу, как голова туловищу, и составляет органическую часть политического тела – Русской Империи. Ее назначение – давать единство различным отправлениям этого политического тела, разрешать

взаимные столкновения различных элементов, произносить последнее слово там, где разные интересы не могут сами прийти к соглашению и грозят нарушить гармонию целого. Для выполнения этого призвания нет никакой надобности, чтобы верховная власть сосредоточивала в себе всю народную жизнь, держала народ в опеке, осуждала его немоту и бездействие, одной себе предоставляла почин во всем и в своих руках сосредоточивала все управление, суд и законодательство. Как в физическом организме жизнь разлита повсюду, как в нем каждая точка живет своей жизнью и лишь малая доля органических отправлений доходит до создания и направляется волей, так и в здоровом, нормально живущем политическом теле верховная власть есть одна из функций и не может без существенного вреда для него и для себя заменить собой все остальные; это притом и физически невозможно и на самом деле никогда не бывает; на самом деле фикция сосредоточения всех властей в руках верховной власти переходит в произвол окружающих и, наконец, в полную анархию. Поэтому задача правильной политической организации состоит в том, чтобы все отправления государства, в том числе и представляемые верховной властью, совершались правильно, без помехи одна другой, и все в совокупности вели к сохранению и возможно полному развитию государственного и народного организма.

Существующее теперь в России государственное устройство находится с этими требованиями и задачами в вопиющем противоречии. Оно передает всю власть исключительно в руки тех, кто обступает государя и на самом деле существует только для их пользы. Благодаря такому устройству тесный кружок управляет Россией именем верховной власти. Государство точно отдано этому кружку в кабалу, может жить и дышать, думать и говорить только в той мере, как позволяет кружок. Всякая попытка открыть глаза на такое противоестественное положение дел считается у нас нарушением прав самой верховной власти и карается как преступление.

Для самовластия камарильи в России конституция на европейский лад была бы сущим кладом. Она сохранила бы всю

административную власть нераздельно в ее руках, удержала и еще усилила бы противоположение власти народу и народа власти, на чем теперь опирается всемогущество камарильи. К теперешнему государственному механизму прибавились бы только две палаты, из которых одна была бы исключительно в руках той же камарильи, а другую всегда можно обойти или разогнать, когда это нужно. Словом, конституция только укрепила и упрочила бы, прикрыв либеральными и легальными формами, существующий у нас теперь порядок дел и подготовила бы в будущем революцию не только политическую, но и социальную как неизбежное последствие обмана и притеснения, облеченных в форму законности. Нам нужна не кукольная комедия публичных свобод, какую не побоялось разыграть перед своими подданными, на наших глазах, даже турецкое правительство, а действительное, глубокое, коренное преобразование всей нашей правительственной организации и системы сверху донизу, в том духе и направлении, в каком они были задуманы и проведены Петром Великим. Эту организацию и систему надо восстановить в главных чертах и основных началах, в полной силе, с теми лишь видоизменениями и дополнениями, каких требуют условия нашего времени, успехи знания и политической опытности и большая зрелость русского народа.

Законодательная и судебная власти должны быть высвобождены из-под теперешней рабской зависимости от администрации и получить вполне самостоятельное значение. Теперь каждый министр, каждый начальник отдельной части есть законодатель для своего ведомства, а если он лицо влиятельное – то и для других ведомств. Государственный Совет разделяет законодательные функции с множеством других учреждений, но не имеет права сам возбуждать законодательные вопросы, а обсуждает только то, что ему предложено, и по данным, которые ему представлены. Все эти условия отнимают у него всякое серьезное значение. Вдобавок он наполняется военными, гражданскими, придворными и дипломатическими чиновниками, которых в него обыкновенно сажают за преклонностью

лет или негодностью к службе. Огромное их большинство ничего не смыслит в делах законодательства.

Столько же печальна доля нашего высшего судебного учреждения. Кассационный Сенат, образованный в нынешнее царствование по злосчастному французскому образу, поставлен под опеку и указ министра юстиции, который наполняет его не юристами, а чиновниками, циркулярами, отменяет его толкование законов, к чему он уполномочен своим органическим уставом, и совершенно произвольными распоряжениями искажает и отменяет существеннейшие законодательные постановления, обеспечивающие самостоятельность суда в России. Под давлением администрации, которая периодически урезывает атрибуты суда, при влиянии на него всемогущей прокуратуры, через которую Наполеон подчинил административному произволу отправление правосудия, наше судебное ведомство приравнено к другим многочисленным отраслям администрации и породнилось с политической полицией.

Об администрации, которая поглотила у нас и законодательную, и судебную функции, было подробно говорено выше. Благодаря ее уродливому развитию за счет всех других функций мы утратили всякое понятие о справедливости и об обязательности закона. Вся администрация сосредоточена у нас в единоличных органах власти, в руках министров и равных им чиновников, которые в действительности ничем не ограничены и действуют по своему усмотрению, не стесняясь законами, которые отменяются по докладу тех же министров высочайшими повелениями.

При таком положении первой и главной задачей коренной реформы центрального управления Империи должно быть, с одной стороны, возвращение законодательству и суду их действительного значения и полной самостоятельности, а с другой – введение административной власти в должные пределы. Обе эти цели могут быть вполне достигнуты помимо европейских конституционных уставов учреждением трех независимых друг от друга Сенатов – Законодательного, Судебного и Административного. Сенаты не ограничивают верховной вла-

сти государя и не суть ее органы, как гласит теория Свода законов. Один из них проектирует законы, другой заведует судом, третий управляет внутренними делами государства – все под верховной санкцией Императора. Законы и важнейшие дела по судебному и административному управлению представляются на его одобрение и утверждение председателями Сенатов. Без такого одобрения и утверждения Императором сенатские постановления не имеют силы правительственных мер и решений. Пользы Империи, убеждение в необходимости строгого порядка в отправлении государственных дел, сознание места, занимаемого верховною властью в общем государственном строе, – вот что послужит для государя достаточно сильным побуждением, чтобы воздержаться от правительственных и законодательных мер и верховных решений помимо Сенатов, без выслушания их заключений. Всякие другие ограничения верховной власти в России, кроме идущих от нее самой, были невозможны и потому, как иллюзии и самообольщение, положительно вредны. Нет ничего опаснее для государства, как неисполнимые уставы. Они создают мнимые права и воображаемые обязанности, вымышленные нарушения и фиктивные гражданские доблести. Смущая совесть и спутывая понятия, они вносят только разлад в действительную жизнь.

Каждый из Сенатов должен состоять из представителей верховной власти по ее назначению и из равного им числа представителей земств по их свободному избранию. Тем и другим вместе должно быть предоставлено <право> выбрать специалистов и представителей интеллигенции, число которых не должно, однако, превышать числа выбранных от земств или назначенных от короны. От назначаемых и избираемых в Судебный Сенат необходимо требовать известных условий юридического образования и практической опытности в делах правосудия. По объему своей деятельности Судебный Сенат может быть составлен из вдвое меньшего числа членов, чем остальные два Сената. Обновление личного состава Сенатов полезно производить не вдруг, а частями, так, чтобы через четыре или пять лет каждый Сенат обновлял-

ся вполне, причем должно быть допущено новое назначение или избрание того же лица на следующее пятилетие. Председатели Сенатов утверждаются Императором из числа двух или трех кандидатов, избираемых каждым Сенатом из своей среды. Никаких затем прокуроров, опекунов и надзирателей Сенатов не нужно. Они непосредственно подчинены верховной власти, которой докладывают о своих предположениях и заключениях через своих председателей. Внутри себя Сенатам предоставляется организоваться по своему усмотрению, сообразно с обстоятельствами и кругом занятий. Каждый Сенат имеет право в случае надобности и по своему усмотрению производить ревизии и исследования в пределах своего ведомства и возбуждать вопросы, относящиеся к предметам его занятий. Члены Сенатов несместимы до окончания срока, на какой они назначены или избраны, и подлежат ответственности перед судом только за свои действия, а не за мнение и их выражение. Каждый Сенат представляет государю годовой отчет о своей деятельности и о состоянии вверенной его заведованию части. От государя зависит соединять Сенаты в общее заседание для рассмотрения дел, какие признает нужным передать на их обсуждение, и соединять председателей Сенатов для той же цели в общее присутствие.

Административному Сенату должны быть подчинены все отрасли внутренней администрации Империи. Вместо министров, управляющих теперь ими, учреждаются по каждой ветви управления главные директоры, состоящие под распоряжением, заведованием, наблюдением и контролем административного Сената, дают ему отчет в своих действиях и распоряжениях и обязаны руководиться во всем его указаниями, предписаниями и инструкциями. Из теперешних министров должны быть оставлены только четыре: Министерство иностранных дел, Военное, Морское и Императорского двора. Министерство иностранных дел и Двора изъемлются совершенно из-под всякого подчинения Административному Сенату; военная же и морская часть находятся под надзором и контролем Сената наравне с прочими только по делам хозяйственно-

го управления и выполнению бюджетов. Часть контрольная входит вполне в круг заведования Административного Сената. Ему же должны быть непосредственно подчинены политическая полиция, цензура, земство, города и губернаторы. Эти отрасли управления, учреждений и должности представляют нечто самостоятельное, и потому заведование ими отнюдь не должно сливаться с той или другой специальной отраслью управления и подчиняться ее особенным, исключительным целям. Теперь же мы видим противное. Министерство внутренних дел, управляя вместе с цензурой земствами, городами и полицией безопасности и спокойствия, невольно переносит в исчисленные отрасли управления полицейские взгляды, подчиняет их полицейским целям, к несомненному и очевидному вреду государства.

Законодательный Сенат должен сосредоточивать в себе все законодательные вопросы Империи и подготовлять их к решению. Нынешняя разбросанность законодательных функций есть одна из важнейших причин господствующего у нас хаоса и безурядицы в управлении. Для законодательства и кодификации должно быть одно учреждение, которое бы вырабатывало законопроекты в общей связи со всем законодательством, а не урывками, врассыпную, как это делается теперь в бесчисленных законодательных учреждениях и комитетах. При новой государственной организации все законодательные предположения, возникающие по заведованию судом и администрацией, переходят из Судебного и Административного Сенатов в Законодательный, в котором подвергаются дальнейшему и окончательному обсуждению. Второе отделение Собственной Его Величества канцелярии и соответствующие ему учреждения военного и морского ведомства, Остзейский комитет и все подобные учреждения или непосредственно подчиняются Законодательному Сенату, или упраздняются.

Судебный Сенат должен быть учрежден не в виде судебной или кассационной инстанции, а в виде высшего государственного учреждения для заведования и управления судебною частью в целой Империи. Такое учреждение, равное с

законодательным и Административным Сенатом, необходимо для того, чтобы дать суду полную самостоятельность посреди других отраслей государственного управления. Суд есть охранитель закона. Он оберегает его неприкосновенность, его действительное, точное использование не только частными лицами, но и правительственными учреждениями и должностными лицами. Вот почему судебное управление государством должно в Судебном Сенате иметь свой центр, равносильный законодательному и административному. Министерство юстиции, которому с самого начала текущего столетия было вверено управление судебной частью, по своему административному и бюрократическому характеру унизило и убило самостоятельность Сената и правосудия в России, а теперешний министр юстиции доказал самым несомненным и очевидным образом, что никакие гарантии самостоятельности и независимости суда, торжественно утвержденные и провозглашенные верховною властью, не могут ужиться с министерским произволом и всегда будут им попираться под самыми ничтожными предлогами. Справедливость и строгое исполнение законов немыслимы у нас, пока министерский произвол правит судом в России и пока судебное управление не будет вверено центральному учреждению, достаточно самостоятельному и сильному, чтобы отстоять независимость суда от всяких посягательств, с какой бы стороны они ни возникали.

Таково назначение Судебного Сената. Для дел судебной администрации при нем может находиться главный директор юстиции, но он должен быть поставлен в такую же зависимость от Судебного Сената, как другие главные директоры от административного Сената и находится под его наблюдением, руководством и контролем во всех своих действиях. Нотариат, межевая часть и ипотекарные учреждения должны быть, равным образом, подведомственны Судебному Сенату.

Как сказано выше, Судебный Сенат только управляет судебной частью в Империи, наблюдает за правильным ходом правосудия, за точным исполнением законов, а не есть ни судебная, ни кассационная инстанция для текущих судебных дел.

Поэтому в нем рассматриваются и обсуждаются уголовные и тяжебные процессы только в той мере, как они возбуждают общие законодательные вопросы или указывают на необходимость каких-либо общих правительственных мер и распоряжений.

* * *

Рука об руку с преобразованием государственных учреждений должно идти коренное изменение условий государственной службы. Ни центральные учреждения Империи, ни сама верховная власть не в состоянии поставить предел административному произволу и беззаконию, пока органы власти, должностные лица находятся в теперешнем ненормальном положении. Закон в одно и то же время отдает их на совершенный произвол начальников, а частные лица и народ – на такой же произвол должностных лиц, ограждая последних от ответственности за свои служебные действия перед судом усмотрением начальства, или в лучшем случае доверяя их предание суду не судебной власти, а особому присутствию, в котором участвуют представители и суда, и администрации. Таким образом, все направлено к тому, чтобы выделать из чиновников рабских слуг, безответных приказчиков начальства, исполняющих не закон, а его волю. Не только народ и публика, но и сами министры давно отвыкли видеть в чиновниках орган правительства, исполнителя закона, в условиях и пределах, какие им поставлены. Один из наших теперешних министров наивно сравнивал чиновников с купеческими приказчиками и сидельцами – до того утратилось у нас понятие о должностном лице! При возможности, какую дает закон, уволить любого чиновника без объяснения причин, такой взгляд совершенно естественен. Целые армии таких министерских приказчиков и сидельцев опутывают Россию до отдаленнейших ее углов. Министерства, как бриареи [18], пропускают свои тысячи рук всюду и с теми громадными полномочиями, какими вооружен каждый из них, делают, что хотят. Пока государственная служба и ее представители будут находиться в таком во всех

отношениях исключительном положении, какая власть и сила на земле в состоянии сломить худший из видов деспотизма – безграничный произвол чиновничества?

Чтобы новые центральные государственные учреждения могли действительно обновить Россию, необходимо, чтобы чиновник был огражден от самовластия его начальника, а народ и публика защищены от произвола чиновника. Для достижения этой двоякой цели необходимо постановить, что должностное лицо не может быть подвергнуто взысканию, перемещению или увольнению от службы без его желания и воли, иначе как по суду за преступление или по приговору коллегиального административного учреждения, составленного из экспертов и лиц, независимых по своему положению от начальства, обвиняемого за нерадивость, неисполнительность или неспособность к отправлению служебных обязанностей. Нечто похожее на несместимость чиновника иначе как по суду существовало прежде и у нас. Увольняя чиновника, начальство было обязано объяснить причины, а чиновник, считая, что его уволили несправедливо, мог требовать суда. Но и эти слабые гарантии отменены в минувшее царствование. Теперь каждый офицер, каждый солдат обеспечены более, чем любой чиновник.

Несместимость должностного лица есть первое, главнейшее условие правильного государственного устройства. Только при этом условии можно требовать, чтобы чиновник не исполнял противозаконных приказаний начальства, не боясь быть выброшенным на улицу с семейством без куска хлеба. Начало несменяемости без суда или приговора административной коллегиальной инстанции неприменимо только к высшим должностным лицам бюрократического управления – главным директорам, губернаторам, призвание и деятельность которых выходит из ряда обыкновенной служебной распорядительности и исполнительности по текущим делам и требуют особых административных способностей, талантов, образования, опытности и известного взгляда на дело. Но и они, подобно другим, должны быть ограждены от бюрократического произвола, и их

увольнение или перемещение должны быть предоставлены постановлению Сенатов, каждого о подчиненных ему лицах.

Упрочив положение должностного лица, оградив его от произвола, необходимо в то же время усилить и его ответственность за каждое незаконное действие по отправлению служебных обязанностей. Для этого надо, прежде всего, точным и ясным образом установить пределы властей каждой должности, в чем у нас теперь чувствуется большой недостаток, и подчинить чиновника непосредственной ответственности перед судом за каждое незаконное действие по службе, не только по требованию его начальства, другого должностного лица или учреждения, или по обвинению прокурорского надзора, но и по жалобе всякого частного лица, до которого незаконное служебное действие коснулось, чьи права или интересы им нарушены. Надо совершенно отменить все преграды непосредственной ответственности чиновника перед судом, устранить предварительное согласие начальства на его судебное преследование, не принимая в виде оправдания, что чиновник нарушил закон, исполняя предписание начальства.

Огражденное таким образом законом от произвола начальников и ответственное за все свои действия перед судом, наше чиновничество скоро поднимется нравственно и займет в отправлении дел и народном мнении то почетное место, какое ему принадлежит по праву как органу и представителю государственного управления.

* * *

Соответственно со сказанным выше необходимо преобразовать коренным образом и наше теперешнее местное управление.

В губерниях и уездах происходит у нас теперь в малом виде то же самое, что в правительственном центре. Неурядица и хаос царят везде и во всем. Ведомств, учреждений, должностных лиц – многое множество, столько, что народ не знает, к кому обратиться со своими нуждами и просьбами, да и сами правительственные места и лица часто в недоумении, которо-

му из них подлежит то или другое дело. Вдобавок многосложная машина нашего местного управления не имеет связующего центра, расползается на множество отдельных ведомств, которые находятся между собой в постоянных пререканиях и войне, точно они не органы одного и того же правительства, а дипломатические агенты различных неприязненных друг другу держав. Каждое ведомство заботится только о том, чтобы угодить своему начальству, выгородить его и себя, а до общего дела, до общей пользы никому нет дела, да и не так поставлены ведомства, чтобы им кто-нибудь сказал доброе слово или спасибо за работу об общем благе, хотя бы только той местности, где они действуют. Каждое преобразование: освобождение крестьян, учреждение земств, судебная реформа, отмена винных откупов и акцизное управление, введение новой системы контроля, устройство военных округов – в губерниях и уездах новые ведомства, прибавляли к существующим новые учреждения и должности, отчего неурядица и хаос местного управления постепенно все росли и росли. На каждое новое учреждение и ведомство старые накидывались с озлоблением, как на чужака, пока оно мало-помалу не втягивалось в общий строй и не покрывалось одной с ними плесенью. Суд, земство, коренные управления, крестьянские и городские учреждения, столь различные между собой по своему значению и по мысли законодательства, приняли однообразный, всем им общий характер казенных канцелярий, между которыми только опытный глаз сумел открыть видовые отличия. Такому нагромождению разнокалиберных, не спетых между собой присутственных мест и должностей надо было придать хоть какое-нибудь единство – и вот вздумали с этой целью усилить и поставить выше всех полицейскую власть губернаторов. Но подчинить им и контроль, и земство, и суд было бы до того странно, что даже ярые поборники полицейского принципа не решались на этом настаивать. Несмотря на то, вера в спасительное начало сильной полицейской власти, может быть, в конце концов, и взяла бы верх, если бы всегдашнее стремление всех министерств и ведомств выгородиться и

занять совершенно независимое от других положение не превозмогло над всеми другими соображениями. Губернатор – чиновник Министерства внутренних дел; ни один министр, ни одно ведомство не могли желать, чтобы их чиновники были подчинены чиновнику другого ведомства, другого министерства. Допустить это – значило бы косвенно признать зависимость своего министерства от другого, что, разумеется, немыслимо по нашим понятиям. Вследствие того вопрос о правильной организации и единстве местного управления сведен на порядок обмена вежливостей между главными представителями местного управления и на право губернаторов требовать удаления из службы мелких чиновников, которыми не жалко было пожертвовать. Благодаря этому обстоятельству суд, контроль еще сохранили тень независимости от губернаторской власти, но земства, подчиненные тому же министерству, что и губернаторы, и за которые некому было заступиться, выданы последним головою.

Такому печальному положению нашего провинциального управления нетрудно положить конец, приняв за основание те же общие начала преобразования, на которые указано выше. К коренной реформе местного управления необходимо приступить одновременно с преобразованием государственного управления; по теснейшей их связи между собой одно преобразование невозможно без другого.

Правительственная администрация, суд и местное хозяйственное самоуправление, представляя три различных отправления местной общественной жизни, должны быть сосредоточены в трех различных, друг от друга независимых органах: губернском административном совете, судебных, земских и городских учреждениях.

Правительственная или коронная администрация в губерниях должна быть сцентрализована в губернском административном совете, составленном из представителей всех казенных и административных ведомств, заведующих на местах различными отраслями управления, и равного им числа выборных от местного земства под представительством

губернатора, подчиненного, как сказано, непосредственно Административному Сенату. На окончательное разрешение этого совета должно быть передано множество текущих дел, входящих теперь в министерства, Государственный Совет, Комитет министров и Первый департамент Правительствующего Сената. Здесь должны быть разрешаемы пререкания между различными ведомствами по делам местного коронного управления и сюда же должны поступать на предварительное рассмотрение и заключение отчеты местных представителей всех ведомств о ходе управления и состоянии заведуемых ими частей. Эти заключения вместе с отчетами представляются потом Административному Сенату и главным директорам по принадлежности. Губернским административным советам предоставляется издавать в случае надобности общие правила и принимать общие меры по губернии, не выходя из границ действующих законов, ходатайствовать о пользах и нуждах края и входить в Административный Сенат с представлениями, относящимися к служебной деятельности должностных лиц по губернии. Наконец, административные губернские советы представляют Административному Сенату срочные отчеты о своей деятельности и состоянии края.

При губернских административных советах должны состоять под заведованием одного из их членов статистическое бюро, где сосредоточиваются и обрабатываются статистические данные о крае, без которых в местном, как и в центральном, управлении нельзя шагу ступить.

Председатель губернского административного совета, как сказано, есть губернатор. Ему непосредственно подчинена полиция безопасности и спокойствия; в управлении же всеми прочими делами он принимает участие только в качестве и на правах председателя совета. Если бы понадобилось, подобные административные советы могли бы быть учреждены и по уездам, под председательством местных исправников.

Такая организация местного коронного управления устранила бы мало-помалу замечаемые в нем теперь существенные недостатки. Оно получило бы взаимную связь и единство, ко-

торых совсем лишено. По меткому выражению петровских законов, «рассеянная сия храмина» была бы «паки собрана».

Исполнительная власть, по существу своему единоличная и бюрократическая, была бы при такой организации удержана в лице коронных членов совета, заведующих различными отраслями местной коронной администрации. Но теперь эта единичная власть подчинена, безусловно, усмотрению министров, а тогда она была бы поставлена под контроль и наблюдение других местных представителей центральной власти и местных выборных от земств. Замена далекого бумажного контроля министерств живым, непосредственным, близким надзором местных учреждений и местных жителей, которым известен каждый шаг чиновника, действующего у них под глазами, принесло бы делу управления несомненную пользу.

Бесконечные теперь столкновения и пререкания между ведомствами, сильно вредящие делу управления, прекратились бы сами собой вследствие вмешательства центрального местного учреждения, облеченного властью разрешать такие недоразумения и указывать каждому пределы его деятельности и власти.

Одной из важнейших услуг губернских административных советов было бы и то, что они, освобождая центральное правительство от массы мелочных дел, которые теперь обременяют его без всякой нужды и замедляют ход управления, ограничили бы произвол центральной бюрократии, умерили бы силу ее действия на местах и обратили ее деятельность на предметы, более серьезные и действительно полезные для государства.

Наконец, учреждение местных административных советов дало бы возможность существенно упростить и сократить центральное управление государством, получившее, особливо в настоящее царствование, чудовищные размеры.

Возражения, которые у нас делаются против такого устройства местного управления, или суть политического свойства, или вытекают из недоверия к культурным силам страны. Одни думают, что такое устройство, значительно усилив и расширив атрибуты местной администрации, дали бы, особливо при несменяемости чиновников, слишком боль-

шой вес местным элементам над центральными, а это в некоторых окраинах, особливо в западных, польских и Остзейских губерниях, повело бы к ослаблению их государственной и политической связи с Империей. Другие, признавая пользу и необходимость такой реформы, ссылаются на низкий уровень культуры и образования в провинциях и на крайний в них недостаток людей порядочных, серьезных и дельных как на непреодолимое препятствие к ее осуществлению.

Что касается первого возражения, именно политической неблаговидности наших окраин, рассыпчатости Русской Империи, то такой взгляд есть плод совершенно ошибочного понимания нашего настоящего положения.

Когда присоединенные к России области были только что завоеваны, а главное, пока в них господствовали сильные высшие классы, представлявшие собою край, и местные жители были лишь слепыми орудиями в руках этих высших классов – отторжение этих областей и краев от России, образование из них самостоятельных держав было еще делом возможным. С богатым, влиятельным, могучим и политически развитым меньшинством, его вкусами, привычками, стремлениями и историческими воспоминаниями приходилось считаться. Тяготясь своим положением, это меньшинство могло произвести восстание, отложиться или передать присоединенный край из-под власти России под другую державу. Бывшие подобные примеры могли возбудить такие опасения и в нашем правительстве. Но теперь миновали времена, когда под страной, народом, краем и государственные люди, и завоеватели, и публицисты, и историки разумели одно влиятельное меньшинство – высшие классы. Недавно присоединенных краев на севере и западе у нас нет. Последняя из новоприобретенных здесь владений – Финляндия, как мы увидим, не идет в счет, т. к. она не находится в составе Империи и об изменении этого положения Финляндского великого княжества не может быть и речи. Затем, ни в Остзейских губерниях, ни в Литве и Польше нет больше влиятельного высшего сословия, которое могло бы по своему желанию распорядиться судьбами этих краев

и вызвать в них восстание. Центр тяжести народной жизни мало-помалу переместился и в этих краях из меньшинства в большинство, а с тем вместе и прежние пружины деятельности и мотивы, которые могут вызвать в них волнения, глубоко изменились. Народные массы крепко держатся своих обычаев и унаследованных верований, и только грубым их нарушением можно возбудить открытые восстания народа; затем, крайне тяжелое экономическое положение также способно раздражить большинство до смут и волнений. Но из-за исторических воспоминаний, из-за теоретических принципов, из-за политических прав народные массы не поднимаются и не переменяют одних властителей на других. Мы считаем задними числами, опасаясь, что Прибалтийский край, Литва, Польша, Малороссия, Бессарабия могут отвалиться от Империи, как только ослабнет железная рука, которая их теперь держит в составе Русского государства. С освобождением крестьян и упадком политических владельческих классов, с уничтожением политического значения Церкви и духовенства меньшинство уже не в состоянии увлечь большинство за собой. Оставьте за людьми их язык и веру, откройте им средства для улучшения их материального положения, не давите их чрезмерными налогами, введите сносное управление – и никакие в мире приманки не в состоянии будут поколебать политической верности масс. Введение местных элементов во внутреннее управление присоединенными краями при таких условиях не может возбудить ни малейших опасений: никакого политического значения эти элементы не имеют, а их общественное, социальное значение слишком важно, чтобы им можно было пренебрегать; напротив, мы должны ими воспользоваться, чтобы еще более скрепить связь присоединенных областей с Империей. Пусть великорусский элемент составляет ее ядро. Он слишком многочислен, могуч и состоятелен, чтобы мог когда-нибудь утонуть и расплыться в море инородных стихий. Напротив, с их притоком несомненные и замечательные качества этого племени дополнятся и обогатятся тем, чего ему недостает и чем обладают в большей или

меньшей степени наши западные и северные инородцы. Нужно только прежде всего заботиться о том, чтобы им было хорошо жить вместе с нами, в одном союзе, а этого мы достигнем всего вернее лишь тогда, когда отбросим несчастную и бесплодную мысль обратить их в великорусов введением их как полноправных граждан Русской Империи в обладание всеми теми правами, какими пользуются жители великорусских губерний. Вся наша политическая задача в крае со смешанным, разнородным населением должна ограничиться одним уравновешением различных народностей и зорким наблюдением, чтобы меньшинство не поработило себе большинства народной массы обезземелением или властью капитала над трудом. Все остальное, и прежде всего распространение в присоединенных областях нашего языка и нашей веры, должно быть предоставлено естественному ходу вещей и никак не может быть предметом законодательных и административных мер. Русский язык распространится всюду сам собой, когда полезно и нужно будет его знать; наше вероисповедание проникнет всюду само собой, если оно по внутреннему своему содержанию окажется более согласным с духом Христианства, чем другие, используемые инородцами, и если Русская Церковь будет иметь своих вдохновенных проповедников и миссионеров. Насильственное введение русского языка, насильственное распространение Православия есть медвежья услуга нашему естественному влиянию на присоединенные области, как показал недавний опыт в Западном крае, может вести к раздражению народной массы.

Живым примером и подтверждением правильности такого взгляда служит Финляндия. Она присоединена к России сравнительно недавно, существует на правах особого государства, имеет свои законы, свои финансы, свою конституцию, свою таможенную линию, свою монету; вдобавок финляндцы и не очень нас долюбливают как народ. Сколько, казалось бы, поводов опасаться, что Финляндия отложится от России! И что же? Финляндцы – верные наши союзники, тянутся к Русскому государству и нимало не желают пере-

менить теперешнего своего положения на другое. Итак, если для того, чтобы удержать за нами Финляндию, вовсе не оказалось опасным представить ей свободные учреждения и полуполитическую автономию под глазами Швеции, от которой она отвоевана, то какая же может быть опасность от предоставления местным инородческим элементам участия в управлении их местными делами в тех областях и губерниях, которые входят в состав Империи, когда они притом даже не совпадают с пределами бывших там прежде самостоятельных государств и будут управляться совершенно одинаково с коренными великорусскими губерниями? На правах колоний и присоединенных краев, под особым управлением должны находиться только местности пустынные или с крайне редким населением кочевников, или бродящих народцев, стоящих на ступени первобытной культуры, и которые, по крайне низкой гражданственности, не представляют еще никаких условий для правильной в них организации местного управления. В таких местностях, по самому существу дела, не могут и не должны быть вводимы учреждения, о которых мы здесь говорим. Такие края и места следует выделить из местной Империи с оседлым населением, с более или менее развитой гражданственностью и открыть для свободного заселения и свободной деятельности выходцев из Империи до тех пор, пока они не населятся и не будут готовы к образованию из них новых губерний правильным местным управлением. Вводя теперь в эти пустынные и дикие места общие местные учреждения, общие порядки администрации и суда, мы только понапрасну затрачиваем средства государства, чтобы искусственно мешать в тех краях русской колонизации и распространению русской культуры.

Что касается незрелости, неготовности собственно великорусских и малороссийских губерний будто бы по низкой степени образования к сколько-нибудь самостоятельной и правильной местной администрации, то это тоже одно из самых печальных недоразумений. У нас все сколько-нибудь порядочное, образованное, достаточное бежит из губерний в большие

центры или за границу. Причин такого обезлюдения провинций очень много, и они очень разнообразны. Значительная доля абсентеистов, правда, желает жить в свое удовольствие, любит удобства образованной жизни и, не находя ни того, ни другого в провинциях, выселяется из них в столицы или в Европу. Но далеко не все абсентеисты оставляют родину и свои имения по одной этой причине. Очень многие не находят в провинциях не только общественной и служебной деятельности, согласной с их нравственным достоинством, с их понятиями и воззрениями, но даже простой безопасности от произвола, капризов и населения местных властей, от вопиющих нарушений личных и имущественных прав – нарушений, остающихся безнаказанными. Когда началось освобождение крестьян, когда были введены земские учреждения и мировой суд, все порядочное и образованное бросилось из столиц и из заграницы в провинции служить по крестьянским учреждениям, по земству, по мировым судам, даже вступали в коронную и полицейскую службу. Но Министерство внутренних дел поспешило охладить это усердие целым рядом мер, которые скоро убедили, что, несмотря на преобразования, долженствовавшие влить новую жизнь в нашу одряхлевшую правительственную машину, все остается у нас по-старому, пойдет плестись по той же ржавой коле<е> чиновничьего произвола, насилия, безнравия, обмана и взяточничества. В губерниях, которые считаются политически неблагонадежными или подозрительными, чиновничий гнет и произвол не знают ни границ, ни стыда, и жители завидуют даже жалким порядкам, под какими влачат свое существование великорусские губернии. Что же удивительного, что порядочные и образованные люди, имеющие хоть какой-нибудь достаток, толпятся и баклушничают в столицах и больших центрах, где спокойнее и относительно безопаснее, или на многие годы оставляют отечество? Люди, почему-либо осужденные жить в провинции, которые могли и хотели бы посвятить себя общественной деятельности на местах, прячутся в своих деревнях и не хотят иметь ничего общего с порядком дел, который сулит

им одни неприятности и оскорбления, без всякой надежды провести полезную мысль, изменить что-либо в безобразном ходе общественных и служебных дел. Вот почему в провинциях почти нет людей; вот почему те немногие, которые есть, теряются в массе ничтожества и бездарности, посреди грубых невежд, хищников и наглых насильников. Сколько-нибудь сносное местное управление, обуздав произвол, беззаконие и бесправие, открыв возможность честным, независимым и образованным людям существовать в провинции, приложить свои труды и силы к делам своих губерний, мало-помалу приманило бы их туда снова и положило бы конец сетованиям на абсентизм, на низкую степень развития общества в губерниях. Жаль, что статс-секретарь Валуев, указывая в знаменитом своем докладе о плачевном положении сельского хозяйства в России на абсентизм и приписывая это зло, главным образом, освобождению крестьян, ни одним словом не упомянул о причинах, на которые мы указываем. Если бы они были представлены Комитету министров и доведены до высочайшего сведения, дело, конечно, не ограничилось бы предположением возложить на губернаторов и местные власти принять зависящие меры, чтобы не было абсентизма; вероятно, были бы придуманы какие-нибудь другие, более действительные меры для достижения этой цели. В настоящее время вся наша правительственная система искусственно производит и поддерживает бегство просвещенных и порядочных людей из провинции. Им нечего делать в губерниях. Отданные в руки несостоятельного и негодного чиновничества, они пустеют и дичают. Чтобы работать с самоотвержением и успехом, надо приложить к делу сердце, душу, убеждение, а люди с такими качествами требуют судебных гарантий, неприкосновенности прав, возможности, стоя твердо на законной почве, не бояться никого и доставить торжество правому делу. Таким требованиям наше провинциальное управление не удовлетворяет и в самой скромной мере.

Что касается местного судебного управления, земских и городских учреждений, то здоровые и разумные зачатки им

уже положены реформами нынешнего царствования; нужно только освободить и очистить судебные и земские уставы от тех искушений, урезок и приставок, которым они подверглись в интересах министерского и губернаторского произвола, к существенному вреду государства и общества, законных прав, правильного ведения земского управления и правосудия. Увечья, принесенные земскими и судебными уставами, мы здесь не перечисляем: они всем известны и понятны. Но, восстановив права суда и земства в полной силе, было бы необходимо подвергнуть те и другие пересмотру, чтобы придать им бóльшую самостоятельность и независимость от чиновничьего произвола. В особенности необходимо приблизить суд и нотариат к населению, сделать их более доступными и сподручными массам народа, которые в них нуждаются. С этою двоякою целью очень было полезно преобразовать теперешние волостные суды в местные всесословные судебные (мировые) учреждения и значительно расширить атрибуты теперешних мировых судей, а мировые съезды усилить несколькими судьями по назначению от правительства и превратить в апелляционные инстанции, устроив при них в каждом уезде нотариат и ипотекарные учреждения [19]; из окружных же судов и судебных палат бóльшую часть, как излишние при таком преобразовании, закрыть, сохранив лишь, сколько нужно, для управления судебной частью на местах и в виде кассационных учреждений. Распределить кассационное судопроизводство между несколькими местами не представит никаких затруднений с отделением его от права толковать и разъяснять законы, которое, как сказано выше, должно быть предоставлено исключительно Судебному Сенату. Независимо от этих преобразований судоустройства необходимо существенно изменить самый порядок судопроизводства. Введение участия присяжных по делам гражданским, отмена всех административных ограничений суда по раскрытию и преследованию преступлений, какие бы они ни были и кем бы ни были совершены, гласность уголовных следствий, отмена монополий прокурорского надзора по обвинению перед судом – вот

некоторые из важнейших вопросов, на которые должно быть обращено внимание при преобразовании судебной части.

* * *

В таком направлении должна быть произведена реформа наших государственных и местных учреждений. На нее указывают условия нашего политического существования в прошедшем, настоящем и доступном предвидению будущем. Такой государственный строй, а не конституционные порядки в европейском смысле могут освободить нас от произвола администрации, от многого множества ненужных учреждений, должностей и инстанций, от многосложной и бесконечной переписки, от бумажного производства дел и представить все необходимые условия для того, чтобы, наконец, и в России водворились законные порядки, неприкосновенность прав, правильный ход управления и судебные гарантии.

Но никакая реформа, как бы они ни была глубоко обдумана и честно выполнена, не осуществится на деле, пока слово и печать не будут освобождены от тех стеснений и того произвола, которыми мы теперь снова доведены, как в минувшее царствование, почти до совершенной, невольной немоты. Последний цензурный устав, как все реформы нынешнего царствования – крестьянская, судебная, земская, контрольная, – отменен, и дикие цензурные порядки 40-х и 50-х гг. восстановлены в прежней силе, только без прежней прямоты и откровенности.

Отмена облегчений, данных нашей печати в первой половине нынешнего царствования, была одной из самых крупных и горестных ошибок. Правительство хотело поразить революционную мысль, революционные стремления, а на деле убило свое лучшее, надежнейшее орудие и союзника в борьбе с министерским и чиновничьим произволом, с нашим повальным невежеством, с безобразными общественными и домашними нравами. Только потому, что у нас нельзя обсуждать печатно и гласно наши государственные и церковные вопро-

сы, мог пустить в России корни бессмысленный радикализм, ежедневная пресса опошлела и живет скандалами, легкая насмешка и остроумное глумление вытеснили серьезную мысль, обдуманные воззрения. Подавление свободного выражения мнений вырвало у нас с корнем не одни плевелы, но вместе с ними и пшеницу. Наше юношество никогда не ударилось бы в горестные крайности или жуирство, наша администрация никогда не осмелилась бы так нагло нарушать законы и попирать права, в публике не могли бы ходить без опровержений нелепейшие слухи, укорениться дикие понятия и воззрения, если бы свободному обсуждению и критике был дан простор с ними бороться. В слепом страхе перед невоздержанностью, нескромностью и резкостью печатного слова у нас не поняли, что в Европе не печать создала разрушительные идеи и подготовляла революции, а нестерпимые политические и общественные порядки, и что, следовательно, бороться дóлжно с ними, а не с печатью. Точно так же у нас опустили из виду, что печать, как и местное управление, может служить опасным политическим орудием только в руках могущественного и влиятельного высшего сословия, аристократии родовой, поземельной или денежной, которая держит весь народ или край в своей власти; там же, где, как, например, у нас, такого высшего сословия нет, печать не имеет политического характера и значения, а есть лишь голос народных нужд, критика законов, учреждений, правительственных распоряжений и мер, даровая полиция нравов – правительственных, общественных и домашних, и в этом смысле не только политически безвредна, но, напротив, есть полезный, хоть, может быть, и не всегда приятный деятель образования и культуры. Во всяком случае там, где, как у нас, нет сословий с политическим значением, где интеллигенция теряется в огромных крестьянских массах, везде и всегда тяжелых на подъем, печать совершенно бессильна ими ворочать. При таких условиях, когда печатное слово имеет какое-нибудь значение только в сравнительно небольшом и политически бессильном кружке высших сословий, совершенно достаточно подвергнуть

печать строгой ответственности за распространение ложных слухов, опасных для авторитета правительства, за воззвания к восстанию и нарушению законов, за клевету, против кого бы она ни была направлена, за явные насмешки и глумления над религиозными верованиями, догматами и обрядами, за грубое и циническое нарушение благопристойности и приличия. В этих границах, указываемых полицией безопасности и благочиния, печатному слову и речи должна быть представлена полная свобода, обеспеченная ответственностью не перед административной властью, а перед судом; административной власти может быть только предоставлено в особенно важных случаях и под ее собственную ответственность задерживать с немедленным преданием суду произведения, нарушающие закон о печати; все же прочие административные предостережения, право администрации разрешать и запрещать периодические издания, утверждать редакторов и т. п. должны быть вовсе отменены. Печать столичная и провинциальная как один из лучших органов управления, как единственная в своем роде, ничем не заменимая и вернейшая узда административного произвола и общественных безобразий должна быть оберегаема самим правительством с ревнивой зоркостью и постоянством против всяких посягательств и подкопов, откуда бы они ни шли.

* * *

Совокупными усилиями государственных и местных учреждений, правительственных, судебных, городских и земских и свободной печати в короткое время выяснятся и выдвинутся на первый план все главнейшие русские вопросы, стоящие теперь на очереди, и подготовится материал для их правильного, разумного решения. Имя им – легион. Нет в России отрасли управления, которая не требовала бы коренного преобразования не только в видах справедливости и целесообразности, но в очень многих случаях из одного уважения к простому здравому смыслу, нагло нарушаемому настоящи-

ми порядками, без всякой надобности и пользы. Система податей и налогов, система народного образования, торговые и промышленные уставы – все относящиеся к быту народных масс законы гражданские и уголовные, законы полиции безопасности и спокойствия настоятельно требуют тщательного пересмотра как в основаниях, так и в подробностях. Множество стеснительных мер должны быть дочиста выметены из наших законов, и, наоборот, за многие злоупотребления и преступления, остающиеся теперь безнаказанными, должны быть определены строгие наказания. Наши специалисты, практики и публицисты хорошо знакомы со всеми этими вопросами, с излишествами и пробелами нашего законодательства, но их голос теперь заглушен равнодушием, невежеством или своекорыстием тех, кто обязан его выслушать, и молчанием, на которое осуждено у нас всякое живое, правдивое слово. Правильная организация правительства и законная свобода печати и слова дадут всплыть наружу нашим действительным потребностям и нуждам, уничтожат искусственные течения, вызванные у нас ненормальным положением дел, и рассеют призраки, пугающие посреди всеобщего мрака и народ, и правительство. Тогда взволнованное теперь море русской жизни и мысли войдет опять в свои берега, положение существенно упростится, бред, лихорадка и тревожный сон, которые истощают наши силы, уступят место спокойному, здоровому биению общественного пульса, потому что все наши болезни – результат противоестественных условий, созданных нашим правительственным и административным строем, а не органическими пороками нашей государственной и общественной жизни.

XIII

Мы предвидим заранее, что намеченной выше программой преобразований наших государственных учреждений все останутся недовольны. Поборники самодержавной власти в России найдут, что с проведением такой реформы власть государей обратится в ничто и станет лишь номинальной; нас,

вероятно, даже заподозрят в тайном умысле обольстить самодержавие словами, усыпить его бдительность с тем, чтобы под благовидными предлогами устранить его от всякого участия в делах. Многие найдут, что государственные учреждения, сами избирающие своих председателей и все главные должностные лица внутреннего, центрального и местного управления, которых государь только утверждает, должны, по естественному ходу вещей, присвоить себе со временем всю власть. С таким же неудовольствием встретят нашу программу и те, кто желает для России свободных учреждений и обеспечения прав. В глазах значительного большинства интеллигенции совещательные государственные коллегии, деятельность которых и само существование вполне зависят от доброй воли государей, не представляют ничего прочного и постоянного и не дают никаких гарантий. По этому взгляду, весь вопрос законной свободы сводится к ограничению прав короны, а именно в этом смысле наша программа не обещает ничего.

Как ни противоположны обе эти точки зрения на высказанные нами мысли, но они исходят из одной почвы, покоятся на одной и той же предпосылке. И поборники самодержавной власти, и желающие ее ограничить рассматривают наше положение со стороны *политической*, именно идут от той основной мысли, что верховная власть и народ – две противоположные друг другу силы, которые по своему существу, по своей природе находятся между собой в непрерывной глухой и скрытой или явной вражде. «Кто кого смог, тот того и враг», – вот точка отправления всех политических соображений, и уравновешение властей – их цель и задача.

Охотно сознаемся, что в политическом смысле наши предположения о реформах не выдерживают критики. Но мы напомним и друзьям, и противникам самодержавия, что, по нашему глубокому убеждению, высказанному не раз в этой брошюре, политическая точка зрения не применима к внутренним делам России, что противоположение власти народу и народа – власти не имеет у нас никакого смысла, что поэтому преобразование Русского государства невозможно и всякие попытки

в этом роде будут бесплодны. У нас настоятельно необходима коренная *административная* реформа. Откладывая ее, правительство подвергает серьезной опасности и государство, и власть, и народ. Но административная реформа, без которой невозможны у нас никакие улучшения, создаст в России не политические гарантии, а только естественный, правильный порядок внутреннего управления и, следовательно, будет иметь не политический, а общественный, социальный характер. Вот точка зрения, с которой мы просим читателей обсудить нашу программу. В России власть государя не ограничена вследствие самого социального строя Русского государства, в котором нет резко различных и враждебных друг другу сословий, каст и общественных слоев, потому нет у нас и условий для ограничения самодержавия. Зная это, мы и не задавались невозможной задачей; в смысле ограничения прав короны, уравновешения властей, гарантий народных прав наша программа не имеет никакой цены. Мы приняли в ней неограниченную власть русских государей как неоспоримый факт русской общественности и старались только уяснить себе, в каких комбинациях этот коренной факт мог бы принести наибольшую пользу Русской земле и Русскому государству. Комбинации, позаимствованные из Европы с начала текущего столетия, оказались при наших условиях не только негодными, но вредными и опасными и для народа, и для власти. По нашим условиям, нам нужна организация, которая не разобщала бы народ и верховную власть, не создавала бы между ними противоположности и взаимной подозрительности, а, напротив, сближала бы их и скрепляла это сближение единством интересов, стремлений и целей. В Европе высшие слои народа заставили верховную власть подчиниться своей воле; у нас высшие слои остались политически бессильными, и потому верховной власти не от кого себя отстаивать и не с кем бороться внутри государства. Стоя лицом к лицу с целым народом, она только в его развитии и успехах черпает свою силу, могущество и упрочивает династию. Если государи этого не понимают и поступают вопреки народным и своим интересам – это великое несчастье, великое

народное бедствие, против которого бессильны всякие меры и всякие гарантии. Обдумывая программу реформ, мы не могли принять такой случайности в расчет. Мы предположили – и это кажется гораздо естественнее, – что государи, подобно народам и частным лицам, желая добра себе и своему потомству, благоразумно вникают в то, что им может быть полезно и вредно и с этим сообразуют свои поступки. Но став на эту точку зрения, по нашему убеждению, единственно правильную и, во всяком случае, единственно возможную, мы должны были отбросить вопрос, который у нас делается прежде всего: в какой мере та или другая организация ослабляет или, напротив, усиливает политическую власть главы государства. Мы считаем этот вопрос совершенно праздным, думаем, что он только сбивает нас с толку, спутывает наши понятия. У нас в России ставится совсем другой вопрос: правильно ли комбинированы в государственных учреждениях деятельность верховной власти и народа в видах государственной и общественной пользы? В этом отношении ясному взгляду на вещи нередко мешают у нас странные предрассудки, возникшие у других народов по их историческим обстоятельствам. Еще недавно институт присяжных, земские учреждения, несменяемость судей, свобода слова и печати, хотя бы в известных пределах, считались политическими гарантиями, ограничениями верховной власти; теперь же они признаны даже у нас мерами общественного и государственного благоустройства, не имеющими ничего общего с политикой. Да и странно было бы думать, что все полезное для государства и общества есть уже непременно ограничение верховной власти, точно будто ее неограниченность выражается только в том, что вредно и нестерпимо для народа!

Но если стать на нашу точку зрения и рассматривать нашу программу лишь в видах государственной пользы, интересов верховной власти, народа и их единения, то наши предположения представятся в ином, мы позволим себе надеяться, более благоприятном свете.

Глава громадной Империи физически не может издавать законы, судить, управлять сам. Что Государственный Совет,

Сенат, министры не иначе как органы верхов власти есть ошибочная и крайне вредная фикция, в которой зарождаются и которой прикрываются наш административный произвол и необеспеченность прав. Мы думаем, что должностные лица и учреждения – органы государства, а не специально государя или народа. По нашей программе, в образовании государственных учреждений одинаково участвуют и верховная власть, и народ, а в назначении и смене высших административных центральных и местных чиновников – верховная власть и высшие государственные учреждения: государь назначает председателей Сенатов, главных директоров и губернаторов из числа представленных ему Сенатами кандидатов. К такому способу назначения мы пришли совсем не по политическим, а по следующим чисто практическим соображениям: во-первых, коллегиальным учреждениям ближе, чем государю, известны люди, их способность к службе, их талантливость и нравственные качества; во-вторых, при громадной силе царской власти чиновники, непосредственно назначаемые самим государем, тотчас же вырастут опять в теперешних полновластных министров, и зависимость их от коллегиальных учреждений, как теперь министров от Сената, станет мнимой, лишь на словах, отчего единство и правильный ход администрации должны сильно страдать; наконец, в-третьих, на выбор чиновников самим государем естественно всегда будут иметь большее влияние придворные, непосредственно окружающие государя, и камарилья опять будет играть ту же расплывающую, вредную для власти и народа роль в делах правления, какую играет теперь. Что же касается законного и естественного влияния государя на избрание высших чиновников, то оно, по нашему проекту, выражается дважды: один раз – в участии сенаторов, непосредственно назначенных самим государем, в выборе кандидатов, а другой раз – в избрании государем по своему усмотрению одного из этих кандидатов в должность. Таким образом, в политическом смысле, именно как ограничение верховной власти, предлагаемая нами организация государственных учреждений, участие Сенатов в определении и увольнении высших

чиновников не имеют никакого значения, но они имеют величайшую важность в административном и общественном отношении. В наушниках и клеветниках, в эгоистах, прикидывающихся верноподданнейшими слугами, никогда не было и не будет недостатка. Государь, как и другие, может ошибаться, иметь свои пристрастия и предубеждения. Необходимо, чтобы он слышал и знал мнения не одних своих приближенных, но и взгляд коллегиальных органов управления, которые, стоя близко к делам и к тому, что происходит в государстве, лучше могут знать людей и беспристрастнее ценить их деятельность, чем придворные и царские угодники.

Точно так же нельзя видеть ограничения верховной власти в сосредоточении всего внутреннего государственного управления в трех центральных учреждениях. По нашей программе, они не имеют между собой никакой другой связи, кроме власти государя; его решения составляют для них высший закон; их личный состав обновляется в короткие промежутки времени, наполовину, по его усмотрению; наконец, придворный штат, отношения к другим государствам, военные, сухопутные и морские силы остаются вне круга действий трех Сенатов.

Тем, которые признают нашу программу не способной ввести существенные улучшения в наш государственный и общественный быт, потому что в ней опущены политические гарантии, мы заметим, что не верховная власть враждебна интересам и правам народа, а олигархия, которая, оседая и кристаллизуясь около престола, разобщает верховную власть от народа и правит государством ее именем. Кому дóроги не сами по себе политические формы, дающие талантам знания и гражданской доблести возможность и случай выказаться, а те блага, которые достигаются этими формами – законный порядок, ненарушимость суда и судебных решений, неприкосновенность прав, законный простор для верований, мысли, слова, знания, – тот едва ли решится оспаривать, что подчинение произвола министров и чиновников коллегиальным учреждениям, в которых наравне с представителями короны участвуют и вы-

борные от страны, способно дать России именно то, в чем она всего более нуждается, и если не совсем устранит, то, по крайней мере, существенно ослабит зло, которое губит наши силы, поддерживает у нас бесправие и анархию. Естественное призвание верховной власти состоит в охранении прав и законного порядка, а у нас уродливая организация доводит невольно до безумной мысли, будто существо самодержавия заключается в праве поступать несправедливо, неразумно, нарушать права и делать зло. Против такого взгляда до сих пор возмущались русский народ и огромное большинство русской интеллигенции. Верное чутье подсказывает им, что зло, которое мы терпим, происходит от ошибочных взглядов правителей, от их слабостей, от дурных советников, от обмана и лжи, которыми верховная власть окружена беспрестанно, более чем кто-либо, т. к. около нее есть чем поживиться и нагреть руки. Долго ли будет, несмотря ни на что, сохраняться в большинстве русского народа такой верный, простой и естественный взгляд на верховную власть – трудно сказать; что система нашего внутреннего управления всячески ослабляет и искореняет такой взгляд – не подлежит ни малейшему сомнению. Поэтому первой задачей государственной реформы в России будет противопоставить в глазах государя правду неправде, правильный взгляд на дело – себялюбивым внушениям окружающих, дать верховной власти возможность в каждую данную минуту знать действительное положение дел в государстве и услышать самые разнообразные суждения обо всех вопросах, касающихся Империи. При таких условиях решение государя в огромном большинстве случаев будет непременно разумное, справедливое и беспристрастное. Верховной власти всегда полезно и выгодно быть разумной, справедливой, беспристрастной, и прочные государственные учреждения, и твердо основанный порядок дадут ей точку опоры, в которой она крайне нуждается, но которой теперь у нас, к несчастью, вовсе не имеет.

Заключим эти рассуждения одним общим замечанием.

Всякая страна, всякий народ имеют свои судьбы, обусловленные всей обстановкой и ходом исторического развития, и

потому-то формы государственного и общественного быта не могут быть у всех народов одинаковы, а должны быть согласованы с обстоятельствами, при которых страна или народ живут.

В этом отношении Россия представляет явление, невиданное и небывалое в мире. Основной факт русской общественности – это крестьянство, владеющее землей, в котором все прочие общественные разряды и классы исчезают по своей малочисленности, как песчинки. Перед этим характерным фактом, не имеющим себе подобного, бледнеют все наши прочие особенности и отличия от других народов.

Европейцы называют такой общественный склад демократическим, однако он не имеет с тем, что они называют демократией, решительно ничего общего, и от такого смешения под одним названием явлений, совершенно разнородных, происходит, главным образом, путаница всех наших понятий. Зерно европейской демократии, состоя из обезземеленных народных масс и городского пролетариата, представляет элемент движения, которое естественно зарождается и поддерживается в массах вследствие материальных лишений. Охранителями общественного строя и порядка от напора демократии являются в Европе немногочисленные владеющие и зажиточные классы, против которых и борется обиженный и обездоленный простой народ.

У нас совершенно наоборот. Владеющий крестьянин есть в целом мире прирожденный охранитель, консерватор. Где крестьяне-землевладельцы составляют, как у нас, почти весь народ, там охранительные элементы покоятся в народных массах, а незаметное меньшинство, высшие слои общества и интеллигенция представляют элементы движения. В России эта микроскопически малая часть народа, по своему положению, не имеет и не может иметь политического веса. В силу этих двух условий русская мысль, с тех пор что она поднялась до сознания, всегда была свободна от сословных и всяких других предрассудков, всегда имела широкий размах и полет и в то же время всегда была политически бессильна и безвредна. Если бы мы не смотрели на себя сквозь европейские очки, мы давно

бы оценили громадную важность этих своеобразных явлений русской жизни и воспользовались бы ими, как следует. Но мы, твердя азы европейской истории, считаем развитие русской мысли опасным в политическом отношении и видим в наших землевладельческих крестьянских массах что-то похожее на демократию – пугало европейских консерваторов.

Далее, везде, где народные массы сознательно или бессознательно получают преобладание в народной жизни, непременно образуется сильная центральная власть. Это общий, неизменный закон человеческих обществ, древних и новых, европейских и других. Применение этого же закона мы можем наблюдать и в жизни русского народа. Здесь не место объяснять, какое значение этого закона и в чем заключается его связь с условиями общественной и государственной жизни. Заметим только, что там, где народные массы вышли победительницами из борьбы с насевшими на них и угнетавшими их высшими слоями, где они сознают свои силы и политическое значение, там центральная власть дышит политическими страстями, вынуждена льстить массам, хитрить с ними, чтобы как-нибудь ими управлять. Цезаризм везде живет обманом, ложью и беззаконием. Рожденный борьбой, он носит на себе ее неизгладимую печать. Но где народные массы высвободились из-под гнета и достигли гражданских прав и владения землей силой обстоятельств, вследствие реформ, в то еще время, когда нетерпение стать на свои ноги не успело перейти в озлобление, сословную ненависть и открытое восстание, там верховная власть является во всем всемогуществе, не осложненная ненавистями и политическими страстями, вытекающими из борьбы и победы. Лгать и обманывать ей не для чего, ей не из чего льстить и унижаться, спорить с ней некому, т. к. она обязана своим положением не победе, а естественному ходу вещей, естественному развитию народной жизни.

Таковы необыкновенно счастливые условия власти государей в России. Если, несмотря на то, они смотрят подозрительно на успехи и развитие народной жизни, неласковы к интеллигенции, считают непоколебимость прав и законов по-

мехой своему всемогуществу, то это плод крайне печальных недоразумений, горестный результат несчастной привычки приравнивать явления русской жизни к явлениям жизни европейских народов и переносить на первые значение последних. Этим грешат у нас и государи, и интеллигенция, и консерваторы, и либералы. Против этого-то предрассудка должны быть направлены все усилия тех, кому дороги интересы отечества. Когда мы, наконец, поймем, что в России власть и народ, аристократия и демократия, консерватизм и прогресс совсем не то значат, что они выражают в устах наших западных соседей, все остальное придет естественно, само собой.

XIV

Таков общий смысл и направление преобразований, которыми должно начаться действительное обновление России. Мы только указываем на них, не входя в подробности реформы. Нашей главной целью было открыть глаза на корень зла, разогнать призраки, которые мешают нам ясно видеть и понимать наше положение. К несчастью, правительство и образованное меньшинство все еще не могут отделаться у нас от обсуждения наших дел с европейской точки зрения. В доброй воле быть русскими недостатка у нас нет, но мы не доросли до умения думать по-русски, т. е. понимать наши обстоятельства, каковы они есть, не подводя их непременно под европейскую мерку, не придавая ей значение, какое они могли бы иметь в Европе, но не имеют и не могут иметь у нас. Отсюда – политические и социальные иллюзии, радужные или гнетущие, смотря по взгляду. Они-то вызывают на действия и меры бесполезные, ненужные или положительно вредные и опасные. Благодаря им мы живем в каком-то непостижимом самообольщении и тратим бесполезно здоровые силы нации и государства. Иногда невольно спрашиваешь: да имеет ли, в самом деле, какую-нибудь будущность страна, где правительство и образованный слой способны до такой степени жить фантазиями и забывать почву, которая у них под

ногами? Правительство боится революционных движений, сепаратизма, прессы, социализма и коммунизма, старается аристократизировать просвещение классическими языками, по возможности задержать стремление масс к образованию и подозрительно следить за его успехами; юношество ухитряется найти у нас гнет капитала над трудом, ему мерещится у нас рабочий класс и рабочий пролетариат; солидные люди и само правительство серьезно думают, что только конституционные гарантии могут вывести нас из теперешнего хаоса и безурядицы. Более полной и всеобщей мистификации трудно себе представить! Мы сами создаем себе фантомы и живем с ними, а действительная жизнь, не направляемая близким знакомством со страной и ясным пониманием ее обстановки и потребностей, идет сама по себе, как попало – скучно, вяло, полудико, безобразно. Беспрестанно врываясь в нее со своими фантазиями, мы только больше ее запутываем, делаем ее все более и более неустроенной и хаотической. В этом царстве мрака и миражей ниоткуда не видно света. Искупителем, новым Петром Великим будет у нас тот, кто, обладая чутьем русской действительности, снова выдвинет ее на первый план, возвратит ей, затертой и забытой, ее права и утраченное значение, не боясь никаких призраков и фантасмагорий.

Если же у нас не народится такого человека, мы осуждены еще долго терять понапрасну лучшие силы на борьбу с миражами или во имя миражей, не подвигаясь вперед ни умственно, ни нравственно, ни материально, пока нас не отрезвит внутри или извне какое-нибудь великое народное бедствие и мы не будем вынуждены волей-неволей опуститься из мира грез в мир нашей печальной действительности. Дай Бог, чтобы пробуждение не было слишком поздно для нашего народного могущества, для целости нашего государственного здания и власти! Не забудем, что народы не безнаказанно расточают свои силы даром. Помимо наших предрассудков и фантазий, вольных и невольных заблуждений, стремлений и успехов, дурно понятого себялюбия и узкого эгоизма есть неизменный ход вещей, неумолимая логика фактов, которая не

обращает никакого внимания на наши желания и надежды, а выводит из того, что мы делаем, то, что из него следует по существу дела, по самой природе вещей. Это и есть тот высший суд, решений которого не отвратит ничто. Они беспощадно приводятся в исполнение самими виноватыми или над их потомками за дела их предков.

Письма к редактору «Новостей» по поводу книги «Основы реформ местного и центрального управления»

I

М<илостивый> г<осударь>, я имел честь получить экземпляр книги «Основы реформ местного и центрального управления». В полном и искреннейшем моем сочувствии направлению, в котором написана эта книга, вы, конечно, не сомневаетесь. Вам первому принадлежит честь печатного почина в пределах России формулирования общественных и политических идеалов, которые у огромного большинства думающих людей не имеют еще даже формы сгущенной сидерической материи и носятся в их головах в виде какого-то бесформенного пара, ограничиваясь одними неопределенными вожделениями и неосмысленными потугами политического свойства.

Но, вполне разделяя ваш взгляд на задачи, которые вы ставите, на зло, против которого боретесь, я существенно расхожусь с вами в оценке мер, которыми предположенная вами цель может быть достигнута. При совершенной одинаковости воззрений на задачи я не могу смотреть на вопрос о средствах к их разрешению как на яблоко принципиального раздора. Мне этот вопрос при такой предпосылке представляется только как предмет спокойного обсуждения, в котором нет и не может быть места для страстных вспышек и личного раздражения. Вопрос о мерах и средствах есть чисто практи-

ческий, решаемый каждым сообразно с его взглядом положение, которое надо изменить. Естественно, что меры и способы, предлагаемые разными лицами, будут весьма разнообразны и противоречивы. Человек старый, как я, много видевший и испытавший на своем веку, будет с меньшей верой смотреть на возможность обновления наших порядков, а потому и требования свои поставит гораздо умереннее, у́же, чем человек свежий и бодрый, которого русская жизнь еще не измяла и не исковеркала в своих медвежьих лапах. Вы тысячу раз правы, говоря по поводу моей брошюры о крестьянском вопросе, что «мы слишком исстрадались, изверились в свои силы, дошли почти до состояния безнадежности, до отчаяния. Видя единственное спасение в проявлении общественного почина и самодеятельности и изверившись в возможности чего-нибудь регулярного в этом отношении, организованного на строго правовом начале, мы дорожим каждым пальятивом, в котором есть хотя слабый намек на проявление общественного почина и самодеятельности». Вы же, напротив, глубоко убеждены в возможности самой скорой реформы нашей администрации, основываясь на отзывах с разных концов России народных учителей, будущих мировых посредников, мировых судей и даже крестьян. Недавно в одной брошюре, изданной за границей, автор тоже упрекает меня за мой антиконституционный образ мыслей, говоря, что мои требования гораздо ниже моих предпосылок. Быть может, я в своем недоверии к силам страны хватаю через край; может быть, вы и автор заграничной брошюры доверяете им больше, чем сколько они дать могут; может быть, наконец, – и это самое вероятное, – что все мы хватаем через край, хотя и в противоположном смысле, и что практическая правда, практическое разрешение вопроса лежит между нами. Это очень возможно, и, повторяю, в нашем разногласии, не касающемся общих принципов, нет и не может быть повода к раздражению и желчной полемике.

Как девять десятых мыслящих, просвещенных и честно либеральных петербуржцев, вы, мне кажется, упускаете из виду в своих соображениях некоторые чрезвычайно важные

факторы русской жизни, с которыми волей-неволей нельзя не считаться. Вас окрыляет надежда, что почва для реформ подготовлена в России настолько, что на ней уже можно строить с уверенностью новое здание общественных и государственных порядков. Эту уверенность внушают вам сочувственные отзывы из провинции. Допустим, что вы их получили массу – сотнями, даже тысячами. Что они значат в смысле фундамента нового общественного здания в стомиллионном государстве? Проследите русскую историю хоть с Ивана III; либеральные, высокопросвещенные, вполне честные и искренние люди в ней никогда не переводились. Поколение за поколением выступали эти люди и погибали в неровной и непосильной борьбе. Их жизнь, деятельность и судьба есть целый непрерывающийся мартиролог в течение многих столетий. Великую услугу русской истории и русскому самосознанию оказал бы тот, кто написал бы этот скорбный лист. Полный список страдальцев и мучеников русского прогресса невозможен по недостатку данных.

Имена огромного их числа не только забыты, но и в свое время были известны немногим. Культурное значение их жизни и усилий бесспорно и велико, но на развитие общественного и политического быта и форм их влияние было почти ничтожно, почти равнялось нулю. То, что они как будто сделали, затянулось и утонуло в волнах российского хаоса и неурядицы.

Подметили ли вы также нашу хлестаковскую и чичиковскую способность врать без оглядки, только чтобы порисоваться, пококетничать перед собой и другими мыслями и чувствами, которых и тени нет в убеждении?

Известна ли вам также другая наша характерная черта – иметь убеждение и взгляд, весьма определенные, а когда доходит до дела – оставаться в стороне и пальца о палец не ударить, чтобы доставить торжество мысли, за которую на словах мы распинаемся?

Вычтите этих людей обеих категорий из числа тех, которые изъявляли вам сочувствие, – и останется едва заметная горсточка, малочисленность которой способна сломить

самую непреклонную веру и надежду на близость лучших общественных порядков.

Невольно спрашиваем себя: да не осуждены ли мы взаправду навеки веков барахтаться безысходно в тине и болоте, в которых пребываем?

Этого я, по совести, не думаю. Хоть страшно медленно, но мы все-таки двигаемся вперед, и сама логика вещей рано или поздно заставит нас завести другие порядки, перевоспитать себя на другой, более человеческий лад. Только это вряд ли случится скоро. Я, по крайней мере, совсем на это не надеюсь и не рассчитываю. В моих глазах гораздо возможнее и вероятнее, судя по тому, что происходит, наступление хаоса и смешение языков в той или другой форме.

Смутных времен и эпох у нас было несколько: в XV, XVI и XVIII вв. Таких эпох я, понятно, не желаю, хотя по ходу наших дел и считаю такую развязку невообразимой нашей путаницы возможной. Она надолго осадила бы нас назад и потребовала бы продолжительных и страшных усилий, чтобы опять собраться с силами.

* * *

В чем же тайна нашей неспособности устроиться дома сколько-нибудь комфортабельно или хотя бы только сносно?

Она лежит в двух обстоятельствах, на которые вы, мне кажется, не обратили должного внимания и потому не ввели их в свои соображения.

Первое из них есть невозможно низкая степень культуры господствующего самого многочисленного племени, создавшего русское государство, именно – великорусского. Я принадлежу к нему по рождению и, может быть, переоцениваю его способности и достоинства, – так я к нему привязан и так оно мне дорого. Но это не заслепляет мне глаза и не мешает беспристрастно взвешивать и ценить его недостатки и слабые стороны. Все они, по-моему, сводятся и объясняются совершенным отсутствием культуры. По культуре и житейским

привычкам и хохлы, и поляки, и финские племена Балтийского побережья, не говоря уже о немцах и заезжих европейских иностранцах, выше великорусов. Даже азиатцы, вошедшие в состав русского государства, некоторыми сторонами своего быта чуть ли не выше великорусов. Ниже последних в культурном отношении трудно себе представить между оседлыми народами. Я говорю не об одних крестьянах, но обо всех без исключения слоях и классах великорусов. Культура их едва-едва коснулась. Отчего – это другой вопрос. Но это факт, по моему глубокому убеждению, не подлежащий ни сомнению, ни спору. Даже характерные национальные черты этого племени еще не сложились и вырабатываются в наших глазах. Как же вы хотите, чтобы такой едва сложившийся, и то не вполне, народ, господствующий и самый многочисленный, мог создать у себя сколько-нибудь сносные общественные порядки? Он только расстраивает и разоряет порядки, существующие в завоеванных и присоединенных областях. Посмотрите, что мы сделали на Кавказе, в Крыму, в Малороссии, в Западном крае и Остзейском крае, в Царстве Польском, у казаков. И больно, и стыдно об этом говорить! А отойдите назад в историю: то же самое московские великорусы делали в княжествах Тверском и Рязанском, в Новгороде и Пскове.

Одной низкой степенью культуры того, что у нас делалось и делается, разумеется, объяснить нельзя. Великорусское племя имеет, сверх того, некоторые особенности, – созданные ли историей или составляющие физиологическую характерную его черту, пока трудно решить. Дело в том, что у нас не сложилось ни сословий, ни общественных слоев, ни кружков, которые всюду служили зародышами и прототипами общественной и политической организации. Более тесные союзы, понятно, легче и удобнее устанавливают внутри себя, между своими членами, правовой порядок и условия правильного, благоустроенного общежития. Воспитавшись в общественных кружках, сословиях и корпорациях, люди переносят потом привычки порядочной общественной жизни на более крупные общественные единицы, на целые государства. Ни-

чего подобного у нас не было. Ни одно сословие, ни один кружок или корпорация не могли у нас крепко сложиться, отстоять себя, пустить корни. Слабые их зачатки распустились и исчезли в безличном всенародстве. Неизбежным, логическим последствием этого было громадное усиление и преобладание государственной единоличной власти над всеми другими политическими факторами страны.

Очень может быть, по-моему, даже очень вероятно, что в этой характерной черте лежит задаток совершенно иной, своеобразной формации, каких доселе еще не бывало. Эту мысль я старался указать и развить в своей брошюре о крестьянах. Этой характерной чертой, мне кажется, объясняется такое крупное и беспримерное явление, как Петр Великий и его реформа.

Как бы то ни было, но отсутствие у нас кружковых, сословных, корпоративных организаций и тесно с этим связанное всемогущество единоличной государственной власти есть факт, с которым надо считаться и которого обойти никак нельзя.

Вот на эти-то два факта – отсутствие культуры и чрезвычайное развитие личной государственной власти вы не обратили должного внимания. А о них-то, мне кажется, должны разбиться в прах все попытки создать в России в скором времени какую-нибудь прочную общественную и политическую организацию. Захочет талантливый царь – она будет; не захочет он или его преемник – она разрушится. Нет такой власти, которая бы могла призвать ее к жизни помимо власти царской.

Я не вижу даже намеков на то, чтобы в народе русском могла в ближайшем будущем выработаться сила, которая обеспечила бы у нас за тем или другим политическим порядком постоянство и прочность независимо от царской воли. Я легко могу себе представить, что ошибки и бесталанность государей погубят династию; но в ум мой не вмещается, чтобы на русской почве теперь и долгое время вперед мы могли обойтись без царской диктатуры, а она по силе вещей всегда будет зависеть от личности государя.

В вашем проекте основанием всего местного управления служит бессословное выборное начало. Оно предполагает до-

вольно развитой быт, совершившееся слитие или, по крайней мере, большое сближение между различными слоями общества, если не сознание, то хоть темное чувство общественных интересов в больших массах. Поезжайте в наши медвежьи углы и взгляните сами: вы увидите, что ничего подобного нет и тени. Только редкие единицы составляют исключение.

Вы вводите в ваш проект полицию, власть административную, правительственную отдельно от местной выборной и думаете, что первую удержите в должных границах? Будьте уверены, что глиняный горшок тотчас же разобьется о чугунный. Нынешняя неправильная постановка власти губернаторов и полиции произошла не от случайных причин и злоупотреблений, а в силу общих условий нашего политического быта.

Вы удерживаете министерства как посредников между народом и верховной властью. Эти посредники завтра же обратятся в органы царской власти и будут ее именем воеводствовать, как теперь.

Вы ставите министерства под надзор и контроль Сената. Так было при учреждении министерств, и из этого ничего не вышло. При нашей царской власти докладывающий царю и получающий от него непосредственно повеления всегда будет вне контроля коллегии, как бы она ни была сильно организована. Одно и есть средство устранить произвол министров – это отнять у них доклад царю и подчинить их коллегии, которая имеет доклад через своего председателя.

Кроме того, вы, мне кажется, слишком много передали в заведование местного управления и упустили из виду те предметы, которые, имея общегосударственный характер, должны бы для пользы дела находиться у центральной власти в одних руках. Таковы большие пути сообщения, проходящие по всему государству или по значительной его части; таковы высшие учебные заведения и т. д. На этих подробностях я, впрочем, не стану останавливаться. Это не важно, а важны общие основания реформы, которые, мне кажется, невозможно на деле провести в жизнь.

Я убежден, что у нас административная комбинация, основанная на различении и уравновешении коронной администрации и выборного управления, совершенно немыслима. Единственно возможное улучшение наших порядков состояло бы во введении в коронную организацию выборных на равных правах с чиновниками, чем были бы устранены всякое столкновение и антагонизм между обоими элементами. Этого желательно достигнуть и, я думаю, достигнуть можно. Великая польза такой комбинации состояла бы в том, что выборный элемент слился бы с коронным, голоса распределились бы между теми и другими по взглядам на дело, а не по искусственным соображениям, вызываемым антагонизмом народа и правительства, – антагонизмом, которого у нас вовсе нет. А затем все усилия должны быть направлены на то, чтобы рассеять глубокий мрак, уничтожить безобразие, хаос и дичь в огромных массах народа, по крайне низкой культуре неспособных пока к сколько-нибудь правильному и благоустроенному быту. Это путь длинный, скучный, медленный, но единственно верный, вдобавок единственно возможный. Будущее покажет, какое направление примет русская жизнь, когда элементы ее будут подработаны и разовьются. Теперь рано об этом гадать.

Прошу вас принять это письмо как выражение моего глубокого к вам уважения и признательности за сочувственное ко мне отношение, которое умею ценить.

II

М<илостивый> г<осударь>, с особенным любопытством и интересом прочел я ваши замечания по поводу моего письма к вам[1]. Они навели меня на целый ряд невеселых мыслей, которые невольно заставляют снова взяться за перо.

Живем мы с вами в одном городе; интересуемся и занимаемся одним и тем же предметом – вопросами социальными и политическими – и, дурно ли, хорошо ли, а с ними

[1] Фельетон // Новости. – 1882. – № 249.

знакомы; мы оба пишем и печатаемся, оба принадлежим хотя не к одному кружку, но к одному и тому же слою мыслящих людей; вдобавок ко всему ни вы, ни я не имеем ни малейшего повода подозревать друг друга в желании учинить пакость – приеме, к несчастью, столь обычном в наши дни в печатной полемике. По всему этому, казалось бы, кому же, как не нам понимать друг друга с двух слов? А на поверку выходит, что мы совершенно друг друга не понимаем, будто говорим на разных языках. Печальный признак хаотического состояния умов в русском обществе! Горестное последствие вольной и невольной нашей немоты!

Вы вычитываете из моего письма мое «глубокое разочарование, почти болезненный пессимизм». Но или я дурно выразился, или вы меня ошибочно поняли. Во мне нет и тени разочарования или пессимизма; приятели упрекают меня, напротив, в излишнем оптимизме. Они, мне кажется, тоже не правы. При трезвом, реальном взгляде на вещи ни для слабодушного разочарования и пессимизма, ни для розовых надежд и маниловского оптимизма нет и не может быть места. Ясное понимание факта или положения и его неизбежных последствий без всяких уклонений в пользу любимых мыслей, желаний и личных вкусов – вот что всегда представлялось мне идеалом мыслящего отношения к чему бы то ни было. Логика вещей есть в моих глазах высший трибунал, решением которого мысль должна подчиняться безусловно и без возражений. Поэтому радостных и горестных воззрений в этом смысле я не знаю и не признаю.

Вы приписываете мне мысль, что «наш народ в отношении политического творчества, если можно так выразиться, стоит даже ниже азиатских племен, населяющих Россию»; что «этот народ не только не способен что-либо создать, но даже, напротив, систематически разрушает все то, что ему досталось историческим путем или благодаря усилиям правительства».

Мысли, которые вы считаете моими, есть колоссальнейшее недоразумение, какое только можно себе представить. С тех пор, что я себя помню, я никогда не говорил и не думал

ничего подобного; я говорю о культуре великорусского племени, вы же относите мои слова к политическому творчеству. Но между тем и другим – громадная разница! Замечательные способности к «политическому творчеству» великорусское племя доказало самим фактом, создав единственное крепкое и сильное славянское государство, прошедшее цело и невредимо через много бурь и тяжких испытаний. Как это было неимоверно трудно, какие на это потребовались чрезвычайные усилия и выдающиеся политические способности, видно из того, что ни одно из славянских племен, кроме великорусского, не совладало с этой задачей и что на разрешение ее великорусское племя отдало все свои несомненные силы, способности и таланты. Вглядитесь хорошенько в великоруса: ведь это прежде и больше всего дипломат и политический человек. Пробегите старинные статейные списки и наказы послам, и вы удивитесь, какие мудрецы и искусники были наши предки по части переговоров. В XVIII и начале XIX в., когда дипломатия еще что-нибудь значила, наши агенты при иностранных дворах, наши чиновники Министерства иностранных дел считались лучшими дипломатами в мире. Припомните беспримерную способность нашего простого народа найтись и ужиться со всеми национальностями в мире – у себя дома, на окраинах северных, западных, южных и восточных в Азии, даже с краснокожими в Америке. Я имел случай наблюдать эту черту крестьян в Новоузенском крае Самарской губернии и не мог надивиться тонкости, гибкости, ловкости, умению и такту их в сношениях с инородцами. То же самое поражало меня всякий раз, когда случалось вести переговоры с крестьянским сходом или миром о разных хозяйственных делах – выгонах, прогонах, пашне, лугах, отводе земель. Как искусно, с каким тактом они проводят свои планы, пользуясь всем, в том числе слабыми и хорошими сторонами, привычками, взглядом на вещи, предубеждениями и предрассудками того, с кем имеют дело. Если не остеречься и не держать ухо востро, крестьяне самым добродушным образом вас обойдут и добьются своего. Хотите понять процесс развития и образо-

вания Московского государства, типические лица московских великих князей, царей, политиков и дипломатов – вглядитесь глубже в великорусских крестьян: они своими приемами, складом ума и характера объяснят лучше всяких ученых комментариев русскую историю от Андрея Боголюбского до Петра Великого. Каким же образом, зная это, я мог сказать или подумать, будто великорусский народ не способен к политическому творчеству? Напротив, все свои несомненные способности он всецело и исключительно посвятил именно на политическое творчество, на создание русского государства и этому делу принес в жертву все остальное.

Отрицаю я в великорусском народе не способность к политическому творчеству, а культуру, разумея под культурой порядочные домашние и общественные нравы, привычки благоустроенной общественности и образованной жизни в отношениях между членами семьи, во всяких вообще отношениях между людьми в публичном и частном быту. Их я не вижу ни в древней, ни в новой России, ни в каких классах и слоях великорусского общества. В последнее время как будто замечается с этой стороны некоторое улучшение, но и то пока в виде попыток меньшинства. Лет 30–40 тому назад наши домашние и общественные нравы были ужасны, и чем далее назад – тем ужаснее. Предоставляю любителям московской старины изукрашать ее, как угодно; я в актах, грамотах, летописях, старинных сказаниях, песнях, пословицах, путешествиях иностранцев вычитываю факты и явления невозможно низкой культуры и вполне ясно понимаю, почему Петр Великий должен был в генеральном и духовном регламентах, в Указе об ассамблеях, в разных изданных при нем печатных наставлениях обучать своих подданных азбуке приличного поведения и благопристойности. Правда, с тех пор прошло без малого 200 лет и кое-что, как сказано, изменилось к лучшему, но добрые нравы, привычки порядочного быта до сих пор не вошли в нашу плоть и кровь и слишком часто составляют только внешнюю прикрышку, которой мы тяготимся, как ярмом, которую при всяком удобном и неудобном случае сбрасываем с

себя быстро и охотно. Давно ли стала наша прислуга требовать себе особого угла и кровати даже в Петербурге, и мы поняли естественность и правильность такого требования? Давно ли наши квартиры стали устраиваться для удобства в ежедневной жизни, а не для показа и выставки? Давно ли наши гостиницы стали возможны для обитания порядочных и приличных людей? Спросите содержателей отелей внутри России, даже в Одессе: они вам порасскажут, что у них квартиранты не из простого люда проделывают с комнатами, которые занимают; войдите в наш трактир, кабак и говорите с купцом, священником, чиновником, землевладельцем, крестьянином, солдатом – вы услышите от них рассказы, которым сразу поверить нельзя, пока не узнаешь и не увидишь своими глазами, что они говорят сущую правду. Все, без исключения, горько жалуются на невозможные нравы той среды, в которой живут. А наш семейный быт, наше бессмысленное и безжалостное отношение к рабочему скоту, наше безрассудное хищническое изведение полей и лесов, наше неумение пользоваться естественными богатствами страны? Поднимитесь выше, в так называемые культурные слои – и здесь то же самое. На что, например, похожи наши литературные нравы? А ведь литература везде – цвет интеллектуальной жизни. Да что и говорить! Посмотрите, как у нас встречаются люди, не знакомые друг другу: надо бы предполагать, что незнакомый – человек недурной, пока не окажется противное; мы, напротив, смотрим на незнакомого с предубеждением, пока он не докажет, что он человек порядочный. Какие невозможные общественные нравы такая предпосылка разоблачает, распространяться нечего. Таким состоянием культуры объясняется, почему наша лучшая литература ушла в сатиру и почему мы в ней особенно сильны. Начиная с Кантемира и Фонвизина и оканчивая Салтыковым, мы беспощадно и вполне заслуженно бичуем свой домашний и общественный быт.

Я бы не кончил, если бы хотел исчерпать эту тему, коротко известную всем и каждому из собственного опыта и наблюдений. Наши негодные нравы мы, естественно, перено-

сим и в общественную деятельность, в частную и публичную, коронную и выборную службу и отношения. Дайте такому обществу идеальное устройство, и, пока оно не перевоспитается и не переродится, из этого ничего не выйдет, как в крыловском квартете. Откуда взять нам порядочность в общественной и публичной деятельности, когда ее нет в домашней жизни и в ежедневных частных и личных сношениях? Крайняя недобросовестность в исполнении обязанностей, равнодушие к общим интересам, жалкое понимание отношений к государству, обществу, людям, хищничество, безалаберщина в распоряжениях, полное невнимание не только к правам и интересам других, но даже и к своим собственным – все эти и им подобные непривлекательные черты тянутся у нас непрерывающейся ниткой от деревенской избы до высших сфер русской публичной и государственного жизни. Три четверти, девять десятых неудовольствия и жалоб на наши порядки имеют источником не назревшую потребность политических свобод, а поразительное отсутствие самых азбучных культурных привычек в огромном большинстве людей, к какому бы классу, сословию и общественному слою они ни принадлежали. Оттого, что мы носим фраки, а не зипуны, пьем шампанское, а не сивуху, живем в роскошных квартирах, а не в бедных лачугах – культурности в нас не больше; отсутствие ее только скрыто благовидностью обманчивых форм.

Вас покоробило мое замечание, что в некоторых отношениях азиатские племена по культуре выше нас. Да будто это неправда? Вспомните только умение наших монгольских подданных обращать бесплодные степи в богатые растительностью места посредством искусственного орошения и сравните с нашими заволжскими поселениями, где беспощадно истребляются и те жалкие, тощие ветлы, которые случайно вырастила сама степь. При бедности воды и источников искусственное орошение создало целый ряд сложных и глубоко обдуманных взаимных юридических отношений касательно пользования водою. Но мы пренебрегли необходимостью искусственного орошения, а с ним вместе и выработанным по этому поводу

обычным правом. Только в последнее время мы хватились за ум, поняв, наконец-то, всю их важность.

Значит ли сказанное, что каков наш народ теперь есть, таким он и должен остаться? Вы так истолковываете мою мысль, но очень ошибочно. Если бы я так думал, то не стал бы вовсе писать, даже постарался бы всячески перестать думать. К чему? Медленный успех я вижу и у нас, особливо если сравнить с тем, что было лет 30–40 тому назад. К сожалению, успех заметен пока только в меньшинстве, а не в сплошных слоях, классах и сословиях, которые продолжают пребывать в том же внекультурном или бескультурном состоянии. А пока культура в объясненном смысле не проникает в массы, до тех пор о коренной перестройке учреждений нечего и думать; возможны одни лишь частичные улучшения законодательства и администрации. Вы смотрите на дело иначе по соображениям, с правильностью которых я не могу согласиться. По вашим воззрениям, культурный слой в народе есть источник добра, которое из него разливается по массе. «С течением времени, – говорите вы, – эта группа (т. е. культурное общество) разрастается, принимает все бóльшие размеры, а иногда своим высоким развитием и чрезвычайной восприимчивостью ко всему, что подсказывают нам наука и разум, даже заслоняет собой народ. Однако народ как темная, малокультурная масса… всегда и везде остается таким же, и если пользуется продуктами цивилизации более других народов, то это еще не доказывает, что он более других возвысился до сознания высших идей культуры и цивилизации или что он более других заслужил себе право на вполне благоустроенную жизнь. Но это сознание живет и крепнет в культурном слое его, а этого достаточно для того, чтобы народ прогрессировал и в своем развитии, и в своем могуществе». К такому заключению вы, мне кажется, пришли вследствие смешения двух весьма различных факторов общественности: культурного слоя и интеллигенции страны. Все, что вы говорите о первом, справедливо только в применении ко второй. Интеллигенция есть светоч, который идет впереди, освещая путь, разливая свет в темных

массах, поднимая их в умственном, нравственном и экономическом отношениях. Оттого у всех культивированных народов интеллигенция в чести и почете, оберегается и возвышается как самый могучий и благотворный деятель народной жизни. Культурный слой есть нечто иное. Под этим названием разумеют не отдельные единицы, которые могут встречаться во всех классах и общественных группах, а одни высшие или средние слои общества, которым по их положению и материальным средствам блага цивилизации, науки, искусства более доступны, чем массам, трудящимся над черной работой из-за куска хлеба. Культурный слой в этом смысле везде и всегда, кроме завоеванных стран, находится под сильнейшим влиянием масс и отражает на себе все их достоинства, но и все их недостатки. Где культуры нет в массах, там высшие и средние слои только по названию суть культурные; на самом же деле их цивилизация и образованность есть кажущаяся, мнимая, обманчивая: ее нет в нравах. Если такому относительно культурному слою удастся как-нибудь заслонить народные массы, то он внесет в народную жизнь не одни блага цивилизации и прогресса, а вместе с ними и интересы, создающие ему его выдающееся положение, и постарается обставить их наивыгоднейшим для себя образом в ущерб народному большинству. История всех культивированных стран Древнего и нового мира доказывает это. Упустив из виду различие между интеллигенцией страны и культурными ее слоями, легко можно прийти при политических комбинациях к результатам совсем неожиданным и вовсе нежелательным.

Вот мои возражения и оправдания. Их единственная цель – содействовать, сколько в моих силах, рассеянию того мрака, которым у нас покрыты различные течения русской мысли. Краткие сентенции во вкусе отзывов Собакевича о губернских чиновниках запутали взаимные отношения различных взглядов на наше теперешнее положение до невозможности. Этому надо же когда-нибудь положить конец; чем скорее он настанет, тем лучше. Я думаю, что долг каждого, кому дороги интересы Родины, способствовать по мере сил

выяснению спорных пунктов различных современных направлений в русском обществе и тем определить их границы и общую всем им почву. Нет сил дальше жить в теперешнем разброде и хаосе мыслей и стремлений.

Бюрократия и общество

I

Во все времена величайшая ошибка и несчастие правителей заключались в том, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стеной приближенных и мало-помалу, по необходимости, начинали глазами этих приближенных смотреть на вещи и на людей. Смотря их глазами, государи тоже делаются односторонними, заражаются духом партий, тогда как именно они, по своему положению и призванию, и должны стоять выше всех партий, не давать перевеса ни одной из них и извлекать из всех ту долю пользы для государства, какую они принести могут; а полезны могут быть все мнения, взгляды и партии, ибо каждая представляет известную сторону справедливой мысли или указывает на недостатки существующего порядка дел. Разобщенные от государства окружающей средой, государи рано или поздно начинают замечать, что и их приближенные тоже не всегда бывают беспристрастны: тогда в душе их зарождается недоверие ко всем людям; они становятся подозрительны и кончают тем, что разочаровываются в человечестве, перестают надеяться когда-либо водворить добро и правду в своем государстве и под давлением такого тяжелого чувства предоставляют делам правления идти по воле судеб.

Такова участь лучших, добродетельнейших государей, когда они дают уединить себя. Чтобы избежать этого обыкновенного подводного камня для монархий, есть только одно верное средство: широко открыть к себе доступ всем взглядам, мнениям, жалобам и желаниям, какие только есть в стране, прислушиваться к ним и поверять ими внушения при-

ближенных и доклады министров. Без этого опасности, одни других ужаснее, будут роковым образом окружать престол, а с ним и государство.

Верное средство знать все, что делается и думается в стране и во всех ее самых глухих закоулках, дают разумный, справедливый закон о печати и хорошо устроенные государственные учреждения. Этими двумя путями государю будет открыта вся правда, как на ладони.

Разумный, справедливый закон о печати дает возможность всякому высказать мысли, взгляды, желания и жалобы. А через них раскроется все и найдется много такого, что пригодится на пользу государю и государству.

Хорошие государственные учреждения дадут возможность проверить мнения приближенных и министров. Выслушивая, кроме их докладов, и другие, сравнивая разные мнения и предложения, государь может беспристрастно их взвесить и выбрать из них для обращения в закон то, которое, по его убеждению, окажется наиболее полезным для государства.

Серьезная опасность нашего теперешнего положения заключается именно в том, что у нас нет ни разумного, справедливого закона о печати, ни хороших государственных учреждений. Все устроено у нас так, что одни приближенные и министры имеют голос, а все остальные осуждены на безмолвие. Такой порядок дел полезен для немногих, но вреден для государей и для страны. Для его поддержания внушается, что престол окружен опасностями, что свобода печати произведет революцию, что под хорошими учреждениями разумеется конституция и ограничение самодержавной власти. В таких застращиваниях невежественно или злонамеренно подтасовываются понятия и названия. Престол действительно окружен опасностями, но именно вследствие того, что произвол высшей администрации не знает границ и нет на нее никакой управы. Теперешнее беззаконие и безурядица искусственно вызывают у нас раздражение, ожесточение и, наконец, отчаяние, которые и создают опасности престолу и государству. С водворением закона и законного порядка опасности исчезнут, а не возро-

дятся. Что у нас желают свободы печати и конституции есть клевета и напраслина на Россию. Отдельные лица, и то весьма немногочисленные, действительно их желают, но огромное большинство не только простого народа, но и образованных и полуобразованных слоев ни о свободе печати, ни об ограничении самодержавия и не помышляют, и если говорят о них, то только не умея, по незнанию и малому политическому развитию, называть вещи их настоящими именами. В действительности все, от мала до велика, от крестьянина до самого просвещенного человека, желают, чтобы место прихоти и произвола начальников заступил законный порядок, одинаковый для всех. Исполнение таких желаний, водворение законного порядка и справедливого суда, обеспечивающих всех и каждого, не вредны, а, напротив, полезны для самодержавия, не ослабят, а, напротив, укрепят его, разделив резкой чертой интересы престола и государства от интересов советников и чиновников и сняв с государей перед всей страной ответственность за злоупотребления и беззакония, прикрытые теперь их именем. Россия благодаря истории и обстоятельствам есть единственная страна в мире, где возможен твердый законный порядок и широкие гражданские свободы при полноте самодержавной власти. У нас некому с нею тягаться и соперничать, как было в Европе, а потому ни печать, ни учреждения не могут послужить никому орудием для борьбы с нею. Таким беспримерным положением надо воспользоваться в интересах самодержавия, престола и государства, которым существенно вредят произвол, беззаконие и бесправие, подкапывая их под корень. Те, которые пугают государя призраками конституции и свободы печати, благоразумно умалчивают, что ныне самодержавная власть в России стеснена и ограничена сановниками и чиновниками, которые делают, что хотят.

Наш закон о печати дурен тем, что она подчинена министру внутренних дел, который распоряжается ею самовластно, по своему усмотрению. Но и всякий другой министр, которому печать была бы вверена в управление, стал бы, конечно, направлять ее в своих личных видах, не пропуская на свет Бо-

жий ничего ему неприятного или невыгодного и, напротив, всячески поощряя то, что ему и его видам полезно. В видах общей пользы печать должна быть отдана в заведование такого учреждения, которое не зависит от министров, выше их и не заинтересовано покрывать их действия или помогать им в преследовании каких-либо личных видов и целей. Если бы управление печатью было возложено на Комитет министров, или на Сенат (по Первому департаменту), или на Государственный Совет, то от этих коллегиальных учреждений можно было бы ожидать больше справедливости, беспристрастия и законности в заведовании печатным словом, чем от единоличного произвола какого-нибудь министра.

Устройство наших высших государственных учреждений неправильно и ошибочно в трояком отношении.

Во-первых, одни министры докладывают дела государю, а так как, при самодержавном правлении, только тот и имеет силу и влияние, кто докладывает государю, то только министры и имеют влияние и власть в управлении, прочие же высшие учреждения – Сенат, Государственный Совет и Комитет министров – никакой. Такое преобладание в высшем государственном управлении единоличной власти над коллегиальными учреждениями есть главная, если не единственная, причина недостатка единства в правительственных мероприятиях, произвола и беззакония, на которые все жалуются. Если бы влиянием и властью пользовались коллегиальные учреждения, а не министры, то было бы больше единства в управлении, меньше произвола, больше законности.

Во-вторых, все наши высшие государственные учреждения составляются из одних военных и гражданских высших чиновников. Эти лица приносят с собою знание правительственных порядков и службы и опытность в делах управления; но как оно действует на страну, приносит ли ей пользу или вред – этого они не знают и не могут знать, потому что всю свою жизнь провели в положении правящих, а не управляемых, смотрели на дело сверху вниз, а не снизу вверх. Отсюда неизбежная односторонность в суждениях и взглядах этих лиц,

исключительно наполняющих наши высшие государственные учреждения. Последние только тогда могут вполне соответствовать своему назначению, когда в составе их будут находиться не одни лучшие люди служебной опытности и знания, но и такие, которые всего лучше, полнее и беспристрастнее могут ценить действие и влияние правительственных мероприятий и служебных порядков на быт и благосостояние страны.

В-третьих, коллегиальные государственные учреждения – Правительствующий Сенат (Первый департамент), Государственный Совет, Комитет министров – совершенно лишены возможности и права представлять государю о пользах и нуждах страны, о необходимых для их удовлетворения мерах и законах. Это право принадлежит исключительно одним министрам, а коллегиальные учреждения только обсуждают то, что передается на их рассмотрение государем – всего чаще вследствие доклада министров. Такой порядок нельзя назвать правильным. Министры, стоящие во главе администрации, погружены в текущие дела, не имеют нужного досуга и времени, чтобы спокойно и основательно обсудить необходимую меру или закон. Заинтересованные каждый успешным ходом своей части, они не могут беспристрастно и со всех сторон рассматривать вопросы, возникающие из применения законов и из нужд общественных. Гораздо благоприятнее поставлены в этом отношении коллегиальные учреждения. Они состоят из нескольких лиц, а не из одного, и потому могут судить о предмете многостороннее, чем одно лицо; они имеют в своем производстве дела не по одной какой-нибудь отрасли государственного управления, а все дела известного рода, и потому в них сосредоточивается и соединяется то, что раздроблено по разным министерствам; поэтому коллегиальным учреждениям гораздо легче избегнуть односторонности, неминуемой в министерствах. Наконец, не будучи обременены подробностями исполнения, коллегиальные учреждения имеют больше времени и досуга спокойно обсудить каждый вопрос и глубже вникнуть в существо дела, которое посреди забот о ходе текущих дел весьма легко ускользает из вида

министров. Все это делает коллегиальные учреждения более способными, чем министерства, возбуждать вопросы о законодательных и общих административных мерах. У нас же – как раз наоборот: право возбуждать законодательные и общие административные вопросы принадлежит не коллегиальным учреждениям, а министрам, не совещательным органам верховной власти, а исполнительным.

Чтобы положить конец разъединению государя со страною, откуда и рождается одностороннее или ошибочное понятие о действительном положении дел и вещей в государстве, необходимо поставить печать и высшие государственные учреждения в иное положение, чем в каком они теперь находятся, а именно:

1) управление печатью необходимо возложить не на какое-либо министерство, а на одно из коллегиальных высших государственных учреждений – Правительствующий Сенат, Комитет министров или Государственный Совет. От такой перемены можно, несомненно, ожидать более беспристрастия и справедливости в заведовании делами печати;

2) доклады министров государю надлежит подвергать предварительному просмотру и одобрению Комитета министров, а в делах спешных – хотя бы одного его представителя. При таком порядке каждый министр должен будет доложить вместе со своим предложением и отзыв о нем Комитета министров или его представителя, через что государю сделается известным и мнение о предлагаемой ему мере высшего коллегиального административного учреждения Империи;

3) необходимо ввести в состав хотя бы одного лишь Государственного Совета на правах членов и в равном с ними числе выборных от губернских земств. Чтобы могли быть выбраны лучшие люди губерний, а не лица, принадлежащие к тому или другому сословию, званию или слою и кружку, следует предоставить земствам выбирать, кого они признают достойным, не стесняя их никаким цензом и никакими другими условиями и вменив им лишь в обязанность выставить самых способных и честных людей, хорошо знающих свой

край, его нужды, и опытных в делах местного управления. По этим указаниям земства уже сами будут знать и понимать, кто может лучше всего представлять губернию, ее пользы и потребности перед государством в составе высшего государственного коллегиального учреждения Империи. Такая мера даст государю возможность услышать мнения не только тех, которые управляли или управляют, но и тех, которые состоят под управлением в губерниях и испытали его на себе. Поэтому-то и надо предоставить земствам самим свободный выбор выразителей их нужд перед государем. Сведущие люди, выбранные министрами, всегда будут представлять мнения последних, а не местных жителей;

4) необходимо предоставить Первому департаменту Правительствующего Сената, Комитету министров и Государственному Совету одинаковое с министрами право представлять на благоусмотрение государя предположения свои о пользах и нуждах государства и о мерах, которые надлежало бы принять для их удовлетворения. Если министры пользуются этим правом, то тем более оно должно бы принадлежать высшим коллегиальным государственным учреждениям, которые теперь его лишены. Как объяснено выше, они могут основательнее, беспристрастнее и полнее обсуждать государственные дела, чем каждый из министров в отдельности.

* * *

Объясненными мерам были бы устранены те препоны, которые теперь мешают государю знать действительное положение дел, правильно судить о различных направлениях мыслей и о достоинствах и благонадежности тех или других лиц. Минувшее царствование представляет горестные доказательства тому, как все может быть доложено государю в превратном виде, когда единственными его советниками являются министры. Честные и способные люди были оклеветаны и удалены, хищники и недобросовестные рекомендованы как преданнейшие отечеству и государю, полезные и надеж-

ные слуги и поставлены на видные места в государственном управлении; благотворные законы и преобразования были искажены в применении и вместо пользы принесли вред: те, которые их исказили, указывали, что вред произошел от этих законов и преобразований, тщательно скрывая, что они были недобросовестно приведены в действие. Благодаря тому, что только одни министры имели голос у престола, государственные имущества и доходы подверглись беспощадному и безобразному расхищению, нарушались именем государя несомненнейшие права, явно попирались законы, преследовались под предлогом неблагонамеренности лица и издания не только безвредные, но даже полезные и вполне честные, за то только, что обличали произвол того или другого министерства, не соглашались с его взглядами, противоречившими закону, указывали на злоупотребления, которые тем или другим министерством тщательно скрывались.

Пока на первом плане будут стоять министры, а коллегиальные государственные учреждения на втором, до тех пор об уврачевании нашего теперешнего во всех отношениях бедственного положения нельзя и думать. Государи при всем горячем желании не в состоянии узнать, что на самом деле творится в Империи, каково настроение и расположение умов, хорошо или дурно идут дела, какими мерами поднять общее благосостояние и довольство. И не всегда министры будут в этом виноваты. Самые благонамеренные и преданные из них способны, как все люди, ошибаться и увлекаться. Для блага государя и государства необходимо, чтобы была возможность поправить эти ошибки и пристрастия, а средств для такой поправки у нас теперь не существует. Последствия такого коренного недостатка в устройстве высшего государственного управления – самые плачевные. Авторитет самодержавной власти страдает. Вместо закона господствует произвол, против которого нет защиты. Люди честные, благонамеренные и способные теряют надежду на улучшение положения, а с нею и бодрость духа, без которой нельзя сделать ничего полезного. Сегодня одни, без всякой причины, признаются вредными

и опасными; оправдаться они не могут; завтра такая же участь постигает тех, которые вчера считались благонамеренными. Целые области, племена, исповедания и звания поочередно подпадают под опалу по навету министров, создающих им то или другое положение по своему усмотрению. Предлагаемые в этой записке меры поставят все мнения и взгляды под защиту закона, дадут возможность услышать голоса управляемых, предоставят коллегиальным государственным учреждениям равное положение перед государем с министрами. При помощи таких мер нынешнее неопределенное положение выяснится, и тогда нетрудно уже будет изыскать способы, чтобы изменить его к лучшему.

II

По первым шагам нового царствования станут заключать, каково оно будет. Оттого так необходимо, чтобы они внушили доверие и успокоили умы. Особенно это необходимо в критическую и опасную минуту, какую теперь переживает Россия.

Новый государь ничем не стеснен. Прошедшее его не обязывает, у него нет за спиной ошибок, фатально направляющих его путь в известную сторону; он ничем не связан с людьми, которые могли бы тормозить его начинания. Таким чрезвычайно счастливым положением новому государю надо воспользоваться для блага России, для утверждения государственной власти и возвращения царствующей династии авторитета и доверия, поколебленных нерешительностью минувшего правления, безумием, невежеством и недобросовестностью его советников и настойчивой энергией тайной организации, вызванной и воспитанной невообразимым хаосом и анархией внутри страны. Первые же шаги нового государя должны сразу показать, что он твердо решился покончить с печальным прошедшим и намерен идти совсем другим путем.

У нас нет ничего похожего на государственные учреждения, которые пользовались бы авторитетом и доверием страны и могли в минуты, подобные настоящей, выносить на своих

плечах всю тяжесть положения и ограждать государство и династию от опасности. То, что у нас есть, напоминает скорее помещичьих бурмистров, и приказчиков, и вотчинные конторы. Благодаря отсутствию государственных учреждений все теперь потеряли голову, никто не знает, что и как начать, и могут писаться такие неудачные канцелярские манифесты о вступлении на престол, какой мы прочли 2 марта. Надо начать с создания государственных учреждений. Об этом намерении следовало бы намекнуть в манифесте о вступлении на престол. Но так как эта благоприятная минута пропущена, то надо, не теряя времени, воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы заявить об этом намерении в одном из торжественных актов (манифестов) нового царствования.

Но коренную реформу государственных учреждений нельзя совершить вдруг, а между тем теперь крайне необходимо высшее государственное учреждение, в котором сосредоточилось бы рассмотрение важнейших государственных дел и мероприятий, не терпящих отлагательства. С этой целью необходимо теперь же немедленно устроить под председательством государя Временный верховный распорядительный совет из 15 или 20 лучших людей, какие найдутся в теперешнем составе высшего государственного управления. В совет не должны быть приняты ни Шуваловы, ни Валуевы, ни Толстые, ни Палены, ни им подобные, опозорившие минувшее царствование, настоящие виновники несчастий, которые мы пережили и переживаем. Создание хорошего центрального учреждения тотчас придало бы необходимое единство ходу государственных дел. Если выбор членов совета будет удачен, то он внушит доверие и успокоит на первый раз умы. О такой мере необходимо объявить манифестом и сделать известным личный состав совета.

Первыми распоряжениями совета должны быть: 1) возможно широкая амнистия, 2) отмена смертной казни и административных ссылок, 3) дарование печати законного существования, 4) дарование свободы совести и религиозного культа, 5) отмена стеснений народного языка в школе и ежедневном употребле-

нии. Совету же надлежит отменить самые вопиющие и притеснительные несообразности и несправедливости в действующих законах и правительственных мерах, от которых без всякой необходимости стонет Русская земля и которыми поддерживаются общие недовольство, уныние, недоверие и апатия.

Наконец, тот же совет должен выработать и установить главные основания правильной, систематически стройной организации высшего, среднего и низшего управления государством, а также прав и обязанностей подданных и должностных лиц – в замену теперешнего бесправия и анархии. Медлить этой работой никак не следует, тем более что существенные черты преобразования уже достаточно обозначились в мнении общества и самого правительства.

Такие меры, если они будут приняты и проведены безотлагательно, умиротворят страну и плодотворно для нее и для утверждения расшатанного авторитета государственной власти наполнят время до образования и вступления в действие новых учреждений, которые установят новый порядок дел в России и довершат реформы минувшего царствования, отмененные или искаженные недостойными людьми, которым, по несчастию, вверено было их осуществление.

1881 г.

VI. НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ

Мысли о современных научных направлениях по поводу диссертации г. Неклюдова [1] «Уголовно-статистические этюды»

Давно уже жалуются в Европе, что какая-то дряблость умов и сердец больше и больше вытесняет энергию стремлений, горячую веру хотя бы в софизмы, преследование идеалов. Тускнеют идеалы, меркнет вера, стремления и желания безраздельно обращены к ближайшим, мелким, житейским, почти всегда материальным целям.

Наука, хотя издали, а идет в том же направлении. Говоря *наука*, мы разумеем не собрание и разработку всякого рода материала, которые имеют свою безотносительную цену во все времена и при всех обстоятельствах. В этом отношении делается теперь очень много, гораздо больше, чем когда-либо прежде. Но взгляды, научный синтез, точка отправления сильно отзываются господствующей болезнью нашего времени. Все сколько-нибудь похожее на идеализм, традиционный или философский, потрясено в основании и не пользуется почти никаким доверием. Естественные науки вычеркнули его окончательно из своей сферы и надеются обойтись без него вовсе. В обширной области наук, ближайшим образом касающихся умственной, нравственной или общественной жизни человека, идеализм еще кое-как держится, но видимо угасая;

естественно-исторический взгляд и метод проторгаются и сюда всеми порами. Так и кажется: вот-вот еще каких-нибудь 10-20 лет, еще 2-3 больших открытия – и идеализм, в науке по крайней мере, будет окончательно побежден.

Если можно было вообразить себе, что этот результат уже достигнут, то естественным и неизбежным последствием этого было бы следующее: различие между добром и злом окончательно бы упразднилось; воля не была бы уже началом, реагирующим против обстоятельств, а, напротив, была бы их фотографическим отражением, другими словами – воли никакой не было. Что мы теперь называем нравственным достоинством, честью, обязанностью, долгом – все это сделалось смешным и жалким. Добродетель и порок, доблестный поступок и преступление слились бы тогда в наших глазах в безраздельное понятие; для преступления мы находили бы всегда объяснение и оправдание – так за что же его наказывать? А доблесть и добродетель показались бы нам донкихотизмом, странностью, граничащей с умопомешательством. Словом, люди вполне приравнялись бы к стаду, к муравьиной куче или к пчелиному улью, и естественный закон стал бы царить над человеком, как, по нынешним понятиям, царит над одними животными.

Мы не будем ломать себе голову над вопросом, наступит ли когда-нибудь этот золотой век для человеческого рода. Верно то, что если бы он когда-нибудь мог настать, то людям пришлось бы плохо, чуть ли не хуже теперешнего. Представьте себе, читатель, что вы «из нынешней юдоли печали» перенесены прямо в этот золотой век и не в начало его, а в самую середину, в цветущую его эпоху, когда люди успели уже совсем отвыкнуть от пагубных привычек идеализма – сей прирожденной проказы современного быта. Теперь закон, суд, полиция ограждают вашу собственность, личность, личные отношения и обязательства. Если бы мы с вами вздумали не признавать своих обязанностей к другим, а другие в отношении к нам, то и нас самих и других ведь принудят к тому так или иначе, но при этом кое-как еще живется, положим, с грехом пополам. Но

право, долг, обязанность – все это идеальные понятия, а идеализма в золотом веке, известно, не будет. Суд и полиция – ведь органы, жрецы идеализма: разумеется, их тоже не будет. Понуждать людей что-нибудь делать, наказывать их за что бы то ни было и подавно не придется.

И вот при таких-то порядках вы вздумаете, например, заняться сочинительством романа или музыкальной пьесы или станете писать картину. Нет, виноват! Вы этого никак не можете тогда захотеть, потому что изящная литература, музыка, живопись, вообще художество – это все идеализм, а ведь идеализма и тени не будет. Поэтические произведения заменятся научными исследованиями, живопись – планами, чертежами и рисунками, а вся музыка, конечно, ограничится заявлением одних ближайших практических потребностей. Оратории и симфонии золотого века будут выражать:

Я есть хочу!
Я пить хочу!
Я спать хочу!
И так далее…

Ну, положим, вы начнете заниматься разрешением какой-нибудь научной задачи, и непременно полезной для человечества. Бесполезным вещам как причастным греху и язве идеализма, разумеется, никто и не подумает тогда посвящать свое время. Итак, представьте, что вы сядете и преспокойно себе будете работать, как вдруг, к вашему ужасу, ваши инструменты, книги, бумага, перья, стол и стул понадобятся другому для такой же практически полезной цели, и он начнет все это у вас отнимать; или вообразите, что комната, в которой вы работаете, будет нужна другому для наблюдений или исследований еще более практически полезных, чем ваши, и он вас выталкивает из нее вон, без дальнейших церемоний. Если кулаки у вас не крепки – что станете вы делать? С тем, кто вас потревожил, может, конечно, случиться через час, через минуту то же самое, но ведь этим вы навряд ли

утешитесь. Если вы, подобно парижанину в Америке, не совсем еще расстались с теперешними понятиями, то, пожалуй, вы сгоряча станете возражать против насилия во имя личной и имущественной неприкосновенности, но тотчас же, разумеется, и запнетесь, вспомнив, что ведь это понятия обветшалые, занесенные вами в золотой век из допотопной эпохи идеализма, когда люди детски воображали, что есть право и законы, и преклонялись перед этими фетишами.

Но позвольте, позвольте, читатель! Опять виноват: проклятая привычка к идеализму! И вообразить-то золотой век порядочно не сумеешь! Ведь и учеными исследованиями, практически полезными для человечества, тогда нельзя вам будет заняться! Чтобы чем-нибудь заняться, нужен акт воли. А где же у вас тогда будет воля? Воля – это идеальное понятие, с которым вы поспешите расстаться у порога золотого века, как и со всеми другими грехами идеализма.

Видимо, читатель, мы с вами что-то замечтались, грезили с открытыми глазами. Все это – сон, нескладный, невозможный, не имеющий и не могущий иметь никакой действительности. Способность мыслить, деятельность этой способности, сознательная или бессознательная, проводить между человеком и остальным миром заметную грань, хотя между людьми и затесалось немало животных, а в животных здесь и там проглядывают человеческие черты. Волей-неволей человек останется человеком; духовная сторона ему присуща; деятельность ее со всеми ее последствиями неизбежно, даже против его желания и бессознательно будет сопровождать человека на всех его путях, по пятам, навеки веков, потому что отделаться от этой духовной стороны, ее деятельности и ее необходимых последствий он не имеет решительно никакой возможности, как бы об этом ни старался. А если это так, то очевидно, что в теперешнем направлении научного мышления, в теперешнем склоне философских идей и взглядов, ведущих в конечном выводе к безразличию, к отрицательному и как бы сонному отношению к живой действительности, должна проходить какая-нибудь доселе незамеченная

ошибка, должен оставаться непринятым в расчет, или вовсе неоткрытым, или, наконец, ошибочно понятым какой-нибудь важный факт человеческой природы, вследствие чего наши выводы неправильны, наш взгляд ложен.

Попытаемся объяснить, откуда взялось это удивительное направление, которое, задавшись безусловной свободой человека во все стороны, стало быть, предполагая в нем какую-нибудь самостоятельную точку опоры, пришло к безусловному отрицанию его духовной природы, составляющей именно эту точку опоры, условие свободы.

Источников есть несколько, и все они как нельзя разумнее. Видно, так уж человеку на роду написано, что, идя от справедливой и верной мысли, он непременно по пути собьется с прямого тракта и заберется в такую трясину, из которой потом с трудом, еле-еле выкарабкается, потратив попусту Бог весть сколько сил.

С той минуты, что человек стал размышлять о самом себе, о своей внутренней и внешней деятельности, он непременно рано или поздно должен был заметить, что в этой его деятельности каким-то непонятным образом предполагаются внешние причины, влияния, побуждения с внутренними факторами; что в ней отражается сквозь какую-то особую призму внешний мир и его условия. Но как это делается, по каким законам, что это за среда, в которой особенным образом преломляется внешний мир и внешние условия, – это были искомые, которые упорно скрывались. Все движение науки, насколько она относится к человеку в разнообразнейших его проявлениях и деятельности, может быть названо рядом более или менее удачных анализов различных продуктов духовной природы человека, – анализов, которыми определялись составные части этих продуктов и процесс, посредством которого они сложились. Эта работа продолжается и теперь, все глубже, тщательней, осторожней, при помощи все большего и большего материала, более и более удачных приемов. Нет никакого сомнения в том, что рано или поздно эта заветная, великая тайна раскроется перед пытливым умом, как множество других тайн

внешней и духовной природы, и мы не ошибемся, если скажем, что к ней, к этой тайне, сводятся теперь все запутаннейшие вопросы современной науки о человеке, что в ней ближайшая разгадка бесчисленных сомнений, которые ставят в тупик самые светлые и проницательные умы, что разрешение этой тайны должно произвести огромный переворот в науке о человеке и откроет для нее новую эпоху и новый мир.

Двумя путями подвигалась наука издавна к решению этого заветного вопроса. Они то обрывались, то шли параллельно, то пересекались. По свойству продуктов, в которых участвует духовная сторона человека, их то присваивали исключительно внешней природе и подводили вполне под ее законы, то приписывали, так же исключительно, неведомой и невидимой внутренней силе, внутреннему двигателю, который таинственно скрывался за внешней стороной явления. *Идеализм* и *материализм* – вот самые обычные и общеизвестные названия, под которыми выступали в науке оба пути, – и до сих пор ни один из них не дал удовлетворительного ответа на поставленную задачу. Сфинкс все еще остается сфинксом – более неразгаданным, чем когда-либо, сторожá людей, улещая их загадкой и потом бросая в пучину самых благовидных заблуждений. Развиваясь под сильным влиянием друг друга, обогащаясь по необходимости постепенными, бóльшими и бóльшими успехами положительного знания по всем отраслям, оба направления в нынешнем столетии достигли, кажется, апогея, выше которого нельзя уже подняться. Идеализм пытался построить весь мир *a priori* из мысли, развивающей из самой себя по необходимому закону все богатство и разнообразие форм бытия. Приняв первую посылку этого построения, нельзя не принять всех ее последствий – так обдуманно и систематически выработан идеализм знаменитым Гегелем. Но при ближайшей поверке первая посылка оказалась неверной; между мыслью и действительностью у Гегеля нет никакого перехода, никакой связи, мысль и мыслящая способность у него – одно и то же, тогда как первая, очевидно, есть продукт: этот продукт принят им за начальное основание, за исходный пункт, тогда как он – лишь

результат, в свою очередь подлежащий анализу, разложению. Все это убило Гегелеву систему, а с нею и философский идеализм. Падение его было тем глубже, тем безусловнее, чем полнее, многостороннее, обдуманнее, систематичнее было учение, которое его представляло.

С такими же притязаниями и в таком же всеоружии науки и знания выступил на смену ему материализм. Опираясь на огромные успехи естественных наук и всякого вообще положительного изучения, он стал искать разрешения той же задачи, на которую не ответил идеализм, во внешней стороне явлений человеческой природы и из нее одной, независимо от всякого особого внутреннего деятеля, надеялся объяснить их. Понятно, что к этому внутреннему деятелю материализм уже по своей точке отправления должен был отнестись не только критически, но отрицательно. Все явления, в которых, по общепринятым понятиям, участвует духовная сторона человеческой природы, должны были, с этой точки зрения, представиться как произведение одной внешней необходимости, без всякого участия какого бы то ни было особого внутреннего деятеля, который под тем или другим названием предполагался во всех идеалистических воззрениях.

Не будем останавливаться здесь на вопросе, вреден или полезен материализм. Говоря о различных направлениях науки, о различных методах знания, смешно судить их с точки зрения практической пользы или вреда. Оба направления были относительно очень полезны и оба принесли бездну зла. Материализм у нас теперь перед глазами и, доживая свой век по крайней своей односторонности и исключительности, больше поражает нас своими несообразностями и вредным влиянием, чем идеализм, давно забытый. А вспомним, как мы тяготились идеализмом под конец; вспомним, сколько всякого туману напустил он в наши головы и нашу литературу своим метафизическим жаргоном, едва понятным для посвященных и совершенно непонятным для прочих! Какая путаница, какая мертвечина, какой великолепный и трескучий вздор заменил благодаря ему положительное знание и оставил на долгое время

серьезное изучение и действительную науку! Окончательными же своими выводами он ничем не отличается от материализма. И потому будем справедливы и беспристрастны; постараемся оценить и взвесить материализм и идеализм в их сущности, по их точке отправления, по их источнику, не цепляясь за их уклонения, крайности и злоупотребления, которые людская пошлость и невежество умеют извлечь из всего, что им ни попадется под руку. И идеализм и материализм как два различные направления науки – а мы только о ней и говорим, – разрабатывали каждый одну сторону явлений – именно ту, которая была сподручней, и каждый раз, когда эти два направления сталкивались, сменялись или перекрещивались, в науку заносился какой-нибудь новый положительный факт, разрешался какой-нибудь важный вопрос, усовершенствовалась научная методика и приемы, словом, ближе и ближе подводились осадные работы к крепости, скрывавшей за собою неразрешенный вопрос, неразгаданную тайну. Материалистические воззрения нашего времени так же безусловны и исключительны, как и идеализм, который они сменили. Проведенные последовательно, до конца, они так же невозможны, как идеализм, и ведут к таким же, мы чуть-чуть не сказали – к тем же самым, нелепостям. Современный материализм, сам того не замечая, стоит на одной почве с идеализмом, против которого борется, и притом борется с ним тем же самым оружием. У материализма нет и не может быть целого, систематического *corps de doctrine*[1], потому что все, что в нем не есть положительное знание или исследование, есть отрицание идеализма, и это отрицание тогда делается вполне понятным, когда мы знаем идеализм, отдаем себе ясный отчет в коренных его ошибках, в его односторонности, в недостаточности и несостоятельности его научного метода и приемов. Идеализм и современный материализм – это родные братья, дети одной семьи, враждующие между собою, забыв, что вышли из одного гнезда. Их вражда – признак, что почва, на которой они выросли, приходит в запустение, что род, от которого они ведут свое начало, падает и разрушается.

[1] Букв.: тело доктрины (фр.). Здесь: свод толкований законов (юрид.) – *В. Т.*

Таким образом, современный материализм есть необходимое последствие односторонности, недостаточности и несостоятельности идеализма, который ему предшествовал. Сложные явления, в которых замешана духовная природа человека, допускают, по составным своим стихиям, двоякое объяснение, и, когда одно было исчерпано без успеха, место его заступило другое.

Другой источник материализма – это все глубже и глубже укореняющееся сознание и убеждение, что человек может господствовать не над одной внешней природой, но и над условиями своего общественного и нравственного быта. История застает человека бессильным и покорным перед явлениями и влияниями внешнего мира. Но ознакомившись с его свойствами и законами, которыми он управляется, человек находит в самой природе средства устранить ее вредные для себя влияния, усиливать или даже вызывать явления, для него нужные и полезные. Таким средством является известное сочетание условий, при помощи которого одни явления ослабляются или вовсе устраняются, другие, напротив, усиливаются или вызываются. Этот единственно возможный способ властвовать над внешней природой предполагает знание ее и ее законов, и потому-то чем такое знание глубже, подробнее, основательнее, тем сильнее, обширнее власть человека над внешней природой.

От владычества над внешним миром человек мало-помалу возвысился до возможности такого же господства и над условиями своего общественного быта. Чрезвычайно медленно, через ряд заблуждений и ошибок, тяжким трудом и горькими опытами дошли до этого люди; но зато мысль о возможности такого владычества так громадна, что невольно забываешь, сколько усилий и жертв она стоила. Если наш век может чем-нибудь по справедливости гордиться, так это именно тем, что в течение его созрело и упрочилось убеждение в возможности приспособлять условия общественной и нравственной жизни к нуждам и потребностям людей, подобно тому как мы приспособляем к ним явления внешней природы. Для осуществления

этой мысли кое-что уже сделано, и многое приготовляется. Положительные наблюдения и изучение условий общественного и нравственного быта людей вытеснили фантазии и утопии и с каждым днем становятся строже, серьезнее, глубже, многостороннее. Для этих наблюдений и исследований вырабатывается понемногу метод, приспособленный к материалу, который служит предметом изучения; с каждым годом этот метод становится положительнее и точнее, приближаясь все более и более этими своими достоинствами к методу естественных наук, доведенному уже до изумительного совершенства. Наконец, при помощи богатого материала и зрело обдуманных приемов достигнуты некоторые прочные научные результаты, выиграны некоторые твердые точки в изучении общественных и нравственных условий, узнаны некоторые законы общественного и нравственного быта людей и уже сделаны или делаются более или менее удачные попытки практически применить это знание во внутренней и международной политике. Конечно, все эти результаты еще очень малы, отрывочны, вероятно, потребуют еще многих критических поверок, пока будут окончательно занесены в науку, но все же несколько точек, выясненных на новом пути, имеют неизмеримую важность в том отношении, что теоретически доказывают справедливость исходной мысли, правильность метода и научных приемов; всего же важнее то, что они доказывают возможность научного изучения и точного знания такой стороны человеческой природы и быта, которая чрезвычайно долго казалась, смотря по взгляду, то областью безграничного произвола, то игралищем слепого случая, то, наконец, созданием таинственного рока, и, следовательно, во всяком случае, оставалась недоступной для изучения и понимания. Убеждение, что общественные и нравственные условия могут, подобно физическим, приводиться в известные сочетания и что через это известные общественные и нравственные явления могут быть вызываемы, а другие – устраняться, в чем и заключается такое же господство над ними, как и над внешней природой, – такое убеждение принадлежит к числу величайших завоеваний человеческого ума. Мы

потому только не ставим его неизмеримо выше тысячи других открытий, которыми гордится род человеческий, что оно как-то тихо, незаметно для нас самих овладевает сознанием современников и что усилия науки, осветившие лишь некоторые отдельные точки на этом пути, еще не свелись в стройную систему, которая бы невольно бросалась в глаза всем и каждому. До такой стройной системы, конечно, еще неизмеримо далеко. Но вглядываясь пристально в ход современных законодательств и администрации, нельзя не заметить, что практическая жизнь в этом отношении далеко уже опередила науку. Всюду законодательство и администрация идут в наше время от той основной мысли, что можно изменять общественный и нравственный быт народов посредством известного сочетания общественных и нравственных его условий. Внутренняя и внешняя политика выработала уже в этом отношении путем опыта и практических наблюдений множество истин, которые науке еще предстоит проверить и возвести в сознание при помощи строго научных исследований.

Это открытие, расширившее власть человека и коренно изменившее прежние понятия об общественной и нравственной жизни людей и народов, дало обильную пищу материализму. Если посредством известного сочетания условий общественного и нравственного быта можно изменять его, приноровлять к тем или другим целям, то отсюда необходимо следует, что человеческое общество, человеческий быт живут по известным, неизменным законам. Не будь этого, в них не было бы постоянного отношения между причинами и действиями, и потому господство над ними человека было бы немыслимо. Если же человеческие общества не суть только собрания отдельных личностей, живущих на одном пространстве, а действительно представляют живые организмы, которым присущи известные постоянные законы, то и сам взгляд на человека с его духовной стороной, с его стремлениями к идеалам, с его волей не мог не измениться существенно. Пропорции его в глазах мыслящего наблюдателя должны были умалиться, его духовная сторона должна была побледнеть перед новым взглядом, который

низводил людей, их внутреннюю и внешнюю деятельность на степень продуктов известных общественных и нравственных условий, с изменением которых и люди должны необходимо измениться. А притом, если человеческие общества суть организмы, подлежащие таким же непреложным законам, как и внешняя природа, если возможно приспособление явлений общественности посредством известного сочетания их условий к нуждам и пользам человека, как возможно такое же приспособление к ним явлений внешней природы, – то чем же, спрашивается, существенно отличается природа от человеческого общества, люди от животных? Теми и другими управляют постоянные законы, им присущие; люди, как и животные, находятся во всех отношениях в теснейшей зависимости от среды, в которой живут, и с изменениями ее необходимо изменяются; знание природы и общественного быта приобретается тем же путем точного, положительного изучения и при помощи совершенно одинакового метода; такое же господство возможно над общественностью, как и над внешней природой, посредством приемов, в существе совершенно одинаковых. Стало быть, никакой разницы между ними нет, а потому нет и причины смотреть на человека и человеческое общество иначе как на предмет естественной истории.

Таким образом, материализму дан был новый толчок, границы его широко раздвинулись и обняли новый, громадный мир – целый мир явлений общественной жизни. Пораженная изумительными и бесчисленными аналогиями между ней и физическим миром мысль естественно остановилась на них, приняла сначала параллелизм за совершенное сходство и тождество.

Наконец, распространению и упрочению современного материализма сильно содействовала идея развития.

Едва ли когда-нибудь в истории сознанию людей так неотразимо, так очевидно и осязательно представляется закон развития – постепенного, последовательного, необходимого изменения форм, как именно в наше время. Прежде смотрели на изменение, как на зло, которому люди и общества должны подчиняться со слепой покорностью, или как на добро, которое

могло прийти, но могло не прийти. Догматизм, цепкое удержание существующего данного было прежде правилом и в жизни, и в мысли. Резкое противопоставление одного другому, резкое различение противоположностей служили основанием всему и в науке, и в действительности. Каждая фаза мысли и быта рассчитывалась на вечность, располагалась держаться до скончания веков. В голове и сердце современного человека нет более догматизма. И наука, и жизнь показывают ему каждый день, чуть ли не каждую минуту, что не прочность форм, а, напротив, их изменение составляет основной закон бытия и что эта их смена не есть дело произвола, случайности, не есть добро или зло, а обусловливается разумными и необходимыми причинами. Наука во всех своих отраслях приняла этот закон как основное условие и проводит его с неотразимостью доказанной несомненной истины; вся практическая жизнь глубоко проникнута сознанием этого закона. Как ни кажется смешным знаменитое выражение «логика вещей» в устах людей, которые пользуются обстоятельствами и ловят рыбу в мутной воде, но в глубине души каждый волей-неволей понимает, что она, эта логика вещей, действительно существует независимо от доброй и злой воли людей и что хорошее и дозволенное сегодня может при изменившихся обстоятельствах и условиях оказаться завтра недозволенным и нехорошим. Сознание непрочности, изменчивости форм в мысли и жизни, убеждение, что она есть не результат случайности, а непреложного закона, присущего всему бытию, не могли не поколебать в самом основании установившихся понятий о добре и зле, об истине и лжи, о правде и неправде. Где же самостоятельная, безусловная, вечная сила истины, добра, правды, когда все изменяется и должно необходимо измениться? Да и что такое истина, добро, правда, когда сегодня их можно и дóлжно понимать так, завтра – иначе, а послезавтра – опять по-другому? Разве может быть в самом деле истинно, дóбро, справедливо то, что так меняется? Выходит, что то, что мы считаем за истину, добро, правду, не есть настоящая истина, добро, правда, а условные, преходящие понятия, зависящие от обстоятельств; стало быть, в последних вся

сила, а понятия, ими производящиеся, суть лишь их продукты. Итак, вся суть дела не в этих понятиях, которые мы считали прочными, твердыми, незыблемыми, а в законе развития и изменения, который необходимо выводит одни формы за другими, создает одни за другими новые обстоятельства и условия, упраздняющие с беспощадностью математического вывода целый мир верований и убеждений и создающие вместо них другой. Закон развития можно изучить в его явлениях. Он – такой же предмет точного, положительного знания, как и внешняя природа. Значит, в конце концов, весь мир духовных явлений как произведение обстоятельств и условий сводится точно так же к непреложным законам, как и вся внешняя природа, и самостоятельность человека тут – последнее дело.

Таким образом, в основание современного материализма легли успехи положительного знания, великие завоевания мысли и практической деятельности, научные истины, глубоко внедрившиеся в сознание современных людей. Что заключительные выводы материализма ошибочны – мы начинаем лишь теперь смутно чувствовать, и то пока больше по их практическим действиям и результатам. До сознания, до ясного, отчетливого разумения, почему эти выводы теоретически неправильны, где, в чем лежит ошибка – современная мысль еще не доработалась, и очень понятно почему. Мысли, взгляды, понятия, убеждения имеют свой ход развития, который необходимо принять в расчет, чтобы понять, почему то, что оказывалось впоследствии ошибочным и ложным, могло долгое время слыть истиной. По свойству мышления, ни одна истина никогда не схватывается сразу со всех сторон. Всегда, напротив, начинается с того, что подмечаются одна за другой разные ее стороны или выражения и каждая из этих сторон разрабатывается отдельно, причем кажется, будто эта одна сторона и есть вся истина, будто ею исчерпывается все содержание предмета и за тем ничего более в нем и нет. Только долгие и упорные наблюдения и целый ряд таких односторонностей обнаруживают ошибку и множеством сторон в одном и том же предмете уясняют, наконец, что казавшееся сначала простым

есть на самом деле более или менее сложное, результат целого процесса, которого прежде и не подозревали. Развитие наук и взглядов представляет бесчисленные тому примеры. Идеи, которыми жили многие поколения как аксиомами, простейшими истинами, не требующими доказательств, оказывались на поверку выводами, результатами, относительными истинами.

То же представляют и прежний идеализм, и современный материализм. Традиционный идеализм легкомысленно брошен, после того как критика разложила его внешнюю историческую форму. Обрадованный ум, как школьник, вырвавшийся из-под указки учителя, отвернулся от него из-за обнаруженной ветхости его внешней, исторической обстановки. Заступивший его место философский идеализм представляет собой мифический период психологии и физиологии мышления. Как в алхимии – колыбель химии, в астрологии – безобразные зачатки астрономии, так и в философском идеализме нетрудно разглядеть своего рода каббалистическую грамоту для выражения многих глубоких и верных психологических наблюдений. Философский идеализм открыл множество законов мышления, которые принял за законы мира и всего бытия. Разработанные им богатые психологические материалы теперь на время забыты и лежат под спудом вследствие общего равнодушия, почти отвращения современников к идеализму вообще. Но искусная рука какого-нибудь нового Канта, появление которого стоит теперь в науке на очереди, сумеет откопать эти сокровища гениальных наблюдений и исследований в области мысли и психологии и сделает из них надлежащее употребление. В том виде, в каком они теперь представляются, они более не пригодны. Философский идеализм в известной нам своей форме пал, и пал безвозвратно. Он исследовал только область мышления и, приняв ее за полную систему мира, заключился в одностороннюю, мертвую схему общих законов и формул; все особенное, частное, индивидуальное, личное из него выпало и осталось в нем необъясненным и неразгаданным.

Из холодной высоты отвлеченного мышления человек с увлечением и восторгом спустился в мир внешних явлений,

где все ярко, доступно, живо, ощутительно. Весело и радостно было ему опять иметь дело с тем, что подлежало чувствам, весу и мере, после страшно утомительного напряжения умственного зрения в такой среде, где исчезали все видимые различия и куда нельзя проникнуть ни одним из внешних чувств. Замеченная и потом доказанная несостоятельность философского идеализма служила, по-видимому, отрицательным подтверждением, что сущности вещей следует искать не в духовной, а, напротив, во внешней стороне явлений. Оказавшееся непреложно верным в отношении к физической природе не могло, по-видимому, не быть в последнем результате столько же верным и в отношении к человеку и его проявлениям, тем более что ведь и он тоже – физическое существо. Наблюдения и исследования, как мы старались объяснить, казалось, вполне подтверждали это предположение. Все разнообразнейшие проявления человека в мысли, слове, деятельности, в общественном быту, в убеждениях и верованиях тоже совершаются по непреложным законам и не совсем потому подлежат таким же точным наблюдениям и исследованиям, как и внешняя природа. Если законы этих проявлений и физического мира не совсем одни и те же, то сущность дела, постановка вопроса от этого нисколько не изменяются. Разве мы не находим различия между законами химических и физических явлений, органических и неорганических существ, растительной и животной жизни? Существенно и важно то, что все проявления духовной природы человека подлежат постоянным, неизменным законам и вдобавок находятся в теснейшей зависимости от внешних обстоятельств и условий, состоят с ними в постоянном, правильном отношении, почему с переменой последних сами изменяются, в свою очередь. Такая зависимость проявлений человека от внешней обстановки не доказывает ли, что предполагаемый в нем внутренний деятель не имеет самостоятельности, есть результат, который, смотря по обстоятельствам и условиям, может быть различный. Что же такое после того свободная воля, что такое нравственные истины, обязательные для человека во всех случаях? Что такое добро и зло, совесть,

обязанность и долг? Если внешние обстоятельства и условия правят людьми и определяют весь круг их идей, верований и убеждений, то не странное ли заблуждение придавать цену и важность отвлеченностям, скучным, стеснительным и, в конце концов, бесполезным, которые тем только и выкупались, что слыли за непреложные истины.

Идя от противоположной точки зрения с философским идеализмом, даже более отрицая его, чем создавая новое воззрение, материализм пришел, однако, в крайних своих выводах к одному с ним результату. Подобно идеализму, и он имеет дело только с общим – с законами, условиями, элементами, но за общими выводами особенное, личное, индивидуальное, действительно существующее выпадает из его определений и остается необъясненным, без значения и точки опоры. Подобно философскому идеализму, материализм очень тщательно и точно определяет влияние и роль общих условий, причин, общую сторону явлений, дает их формулы, но бессилен перейти из общего к индивидуальному и личному. С первого взгляда поразительно и непонятно, каким образом два направления, противоположные друг другу, идущие от предположений, не имеющих, по-видимому, решительно ничего между собою общего и потому враждующие, исключающие друг друга, могут быть так близки, так сходны между собою в результатах? Но взглянем пристальнее – и дело объяснится очень просто. Над чем бы ни работала мысль – будет ли это процесс самого мышления, или физическая природа, или внешние условия жизни и деятельности человека, – она по своему свойству может схватить только общее, общие законы, общие условия, вырабатывает только общие определения и формулы и не может остановиться над индивидуальным, личным, особенным. Жизнь, действительность есть вечная борьба, вечное сочетание противоположностей, которых общий источник неизвестен и необъясним; мышление есть вечная реакция против действительности, вечное ее разложение, вечно иная комбинация ее составных элементов. Пройдя через процесс мышления, жизнь, действительность является в

другом виде, в других сочетаниях частей, обобщенная и замиренная. Мышление – это, если можно так выразиться, органическое зеркало, которое не только отражает, но перерабатывает, препарирует особенным образом воспринимаемый образ. Элементы, в действительности борющиеся и враждующие, в мысли как бы разводятся в разные стороны и получают каждый свое особое место для мирного сосуществования в преображенном виде. То же самое делает и искусство более осязательным образом, видимо и понятно для каждого. На картине, в книге, в песне, в статуе действительная жизнь, борьба, битва, победа и поражение возводятся в художественное создание, в котором живые чувства, страсти, мучения, радости, стоны, кровь и крики являются преображенными и примиренными в общем впечатлении прекрасного. Глядя на художественное произведение, мы иное ощущаем, чем видя то же самое, что оно изображает в действительности. А почему? Потому что художественное произведение есть иной вид, иная форма действительной жизни, претворенная и преображенная действительность.

Но мало этого. Идеализм и материализм не только в том сходны, что оба одинаково представляют переработку, преобразование действительности процессом мыслящей способности: оба направления совершенно одинаково, хотя и в противоположном смысле, видят в одной стороне действительной жизни всю действительную жизнь и потому одной этой стороной, забывая другие, стараются объяснить все явления действительности. Очевидно, что вследствие этого и идеализм, и материализм осуждены роковым образом прийти в последних своих выводах к безразличию и затем относиться отрицательно к действительной природе человека, ее проявлениям и деятельности. Сложный характер человеческой природы никак не поддается одностороннему определению. Она потому и живет, что в ней борются противоположности. Если же принять один из элементов за всего человека, да вдобавок обобщить этот элемент, то очевидно, что в результате получится не борьба, а безразличие. Какое оно будет – идеалистическое или материа-

листическое – это, в сущности, совершенно все равно; но ни с тем, ни с другим человек одинаково ужиться не может, потому что безразличие, какое бы оно ни было, делает невозможной деятельность, борьбу – словом, жизнь.

Безразличие есть теоретическое основание, источник *нигилизма*. Напрасно приписывают нигилизм исключительно нашему времени и исключительно материализму. Теперешний нигилизм вышел из него, но он также может корениться и в идеализме, что мы и видели. Оба направления науки в последовательном, крайнем своем развитии ведут к нему необходимо, неизбежно, и оба, дойдя до полного безразличия, до всецелого отрицания одной из сторон человеческой природы, делаются невозможными, бессильными и смешными.

Какой же, спросят нас, правильный выход из двух противоположных направлений науки, столько сходных между собой по своим задачам, ошибкам и последним результатам? Говорить об этом здесь не место. В немногих словах этого не скажешь, не рискуя быть непонятым или дурно понятым, а подробное изложение завлекло бы нас слишком далеко за пределы этой статьи, особливо при удивительной путанице понятий в наше время, при которой пришлось бы каждую простую, простейшую истину отстаивать грудью и брать приступом, поодиночке, каждый из бесчисленных парадоксов, основанных на гипотезах, недоказанных и даже невероятных, а между тем слывущих за аксиомы. Для нашей ближайшей цели всего этого вовсе и не нужно. Достаточно заметить, что крайние выводы материализма встречают теперь всюду, даже у нас, сильную реакцию. Нигилизмом пренебрегают, над ним глумятся, он с каждым днем теряет авторитет и сочувствие. Название «нигилист» сделалось чуть-чуть не бранным словом. Большинство, как всегда, не думает, да и не хочет дать себе труд подумать, отчего же нигилизм – такая дурная вещь, отчего же года два-три тому назад оно было само наполовину нигилистом и горячо сочувствовало этому складу мыслей? Не обременяя себя трудным делом мышления, большинство круто поворотило в другую сторону; куда – не знаем, только, наверное, не к фило-

софскому идеализму, который также предполагает умственную деятельность, процесс мышления.

Как бы то ни было, охлаждение и недоверие к нигилизму – важный симптом, показывающий, что умственное и нравственное направление, которое у нас господствовало еще в недавнее время, изменилось. До сих пор, к сожалению, это только перемена аппетитов, влияние случайных обстоятельств, дело моды и каприза, и потому позволительно не придавать большого значения этим колебаниям так называемого общественного мнения. Идеализм и материализм глубоко коренятся в самом свойстве мышления, в самих условиях общественной и нравственной жизни, имеют твердую основу в вековых усилиях и завоеваниях науки. От них нельзя отделаться парой слов, отыграться шутками. Пока наука о человеке, в том числе и философия, не станет у нас серьезным делом, до тех пор мы будем менять направления, как попало, и бросаться, как дети, на всякую новизну, не имея средств проверить, что в ней правда и что ложь. Ни последовательности, ни устойчивости в мыслях, а следовательно, и в действиях ожидать и требовать от нас нельзя при теперешней нашей умственной пустоте. Потому-то пора, давно уже пора перенести вопрос о нигилизме в науку, разобрать его критически, рассмотреть его беспристрастно со всех сторон, возвести к теоретическим, исходным его началам. Как мы старались показать выше, нигилизм есть результат ошибочного вывода, есть, по своему источнику, теоретическая односторонность. Следовало бы поставить вопрос на эту почву, и дело скоро бы выяснилось вполне. Мы, по крайней мере, на свою долю глубоко убеждены в том, что прочный, безвозвратный выход из нигилизма совершится у нас только с той минуты, когда он сделается предметом строгого научного исследования, и этим путем, шаг за шагом, будет выработано другое, более последовательное правильное воззрение.

Задача эта совсем не так легка, как может казаться с первого взгляда. Курс химии, физики, астрономии, естественной истории можно перевести с какого-нибудь иностранного языка и сказать: вот вам книга, учитесь по ней, в ней содержится

последнее слово науки по этой части. Для науки о человеке, для философии, даже для истории философии нет еще такой книги ни на каком языке. Современная наука о человеке вся погружена в разработку положительного материала, и твердо установившихся общих воззрений на духовную его сторону нет. Философия – в совершенном запустении и неизобразимом хаосе. Всюду, как и у нас, заметны пока одни лишь неопределенные стремления и смутные предчувствия нового воззрения; и наука, и литература наполнены ими, но они не успели еще выработаться до ясного сознания, получить хотя бы сколько-нибудь определенные формы и колеблются еще нерешительно между двумя указанными выше направлениями, которые, видимо, падают. Стало быть, на этом пути нельзя жить чужим умом, чужими мыслями, а приходится самим думать и работать, работать и думать, до чего мы, как известно, не большие охотники.

Если не ошибаемся, первую попытку в этом роде, хотя и не в области философии, представляет любопытная диссертация г. Неклюдова под заглавием «Уголовно-статистические этюды». Мы встретили эту работу с большим интересом и сочувствием именно потому, что автор переносит чрезвычайно трудные вопросы о свободной воле и необходимости, о фатализме и господстве человека над общественными и нравственными условиями в область науки и, не довольствуясь, как у нас обыкновенно делается, мимоходными категорическими заявлениями, за которыми должна скрываться целая бездна премудрости, а на самом деле ровно ничего нет, подвергает эти вопросы применительно к уголовному праву и уголовной статистике критическому исследованию и старается разрешить их на основании положительных данных. О научном достоинстве материальной части его труда мы не беремся судить, потому что почти незнакомы с этим отделом фактов, и нам было бы не по плечу приговор о диссертации г. Неклюдова в этом отношении. Уголовная статистика – дело само по себе такое новое, что вряд ли и можно пока помышлять даже о приблизительном совершенстве уголовно-статистических исследований, для ко-

торых необходимейшего материала еще не существует. Работа г. Неклюдова – проба, опыт, этюд, как он сам ее называет. Поэтому едва ли было бы справедливо требовать от него невозможной пока в этом роде трудов отчетливости и точности. В таком новом и весьма еще темном деле особенно важно и интересно пока знать, чего исследователь ищет в статистических данных, как на них смотрит и с какими вопросами к ним приступает и каких ответов от них ждет. Остроумные люди при помощи игры в статистические цифры сумели же вывести, что соли продается тем меньше, чем она дешевле; ясно, что шаткая, колеблющаяся почва статистических данных еще не выработалась до той объективности, которая бы исключала или хоть ограничивала произвольные толкования и выводы. При таком положении статистического материала достоинство статистических исследований по необходимости измеряется не столько самим предметом, сколько взглядом, с которым ученый пускается в эту неведомую и обманчивую область знания.

Г-н Неклюдов во введении к своей работе объяснил, как он смотрит на дело. Он не идеалист – в этом нет сомнения. Он стоит на реальной почве – единственно возможной, единственно плодотворной при изучении общественных и нравственных вопросов, и в этом отношении его точка отправления вполне современная в хорошем смысле слова. Г-на Неклюдова занимает не положительное изучение действующих постановлений для практических целей непосредственного применения в суде и администрации, а объяснение основных начал, на которых стоит все здание уголовного права, отыскание тех немногих корней, из которых оно вырастает в общественном и государственном быту людей. Это поставило г. Неклюдова по необходимости лицом к лицу с основными и важнейшими вопросами философии и права, заставило объяснить свою точку зрения на преступление и наказание. Взгляд на эти предметы как нельзя лучше определяет направление; это пробный камень, по которому безошибочно можно судить, к какой категории отнести автора и его работы. Преступление есть ли акт свободной воли, или оно – дело необходимости, внешней или

внутренней? Если оно – акт свободной воли, что могло быть, но могло и не быть совершенно, и в таком случае наказание понятно; если же преступление совершается или не совершается по необходимости, то о свободной воле не может быть речи, а следовательно, и наказание не имеет смысла. Никто и не думает наказывать бревно за то, что оно, падая по законам механики, давит нескольких людей. Безразличие, к которому в последних выводах приходит и философский идеализм, и материализм, отрицает коренные основания уголовного права – и свободу воли, и различие добра и зла, а затем и само наказание. Нравственная философия, построенная на началах философского идеализма, есть или лицемерие, или непоследовательность. Что касается материализма, то он, по крайней мере, и не задает себе этой для него невозможной задачи и строго последовательно отрицает нравственную философию и уголовное право. До сих пор уголовная статистика, казалось, блистательно оправдывала такой взгляд. То, что прежде считалось произведением свободной воли или случайности, приведенное в статистические цифры, оказалось подчиненным такому же закону необходимости, как и явления внешней природы. Судя по этим цифрам, преступления, самоубийства, даже ошибки в адресах писем возвращаются ежегодно с какой-то роковой, ужасающей правильностью, почти в том же самом числе. Итак, люди, следуя своим влечениям, желаниям, страстям, действуя, по-видимому, совершенно произвольно, по своему усмотрению, на самом деле как будто выполняют какой-то страшный закон, который ежегодно требует непременно стольких-то случаев воровства, убийств, поджигательства, самоубийства, даже стольких-то ошибок в надписях на конвертах. Перед таким поразительным свидетельством цифр невольно бледнеют все рассуждения о свободной воле, о справедливости наказания! Невольно западает в душу мысль, что явления общественной и нравственной жизни – те же явления физической природы, совершающиеся с обычной правильностью, по неизменным законам и без всякого участия свободной воли. У нас такого рода вопросы обыкновенно трактуются с непостижимым и непро-

стительным легкомыслием. Мы живо принимаем всякое решение и живо его усваиваем, не задумываясь долго над тем, как оно относится к сумме наших убеждений и какие из него вытекают необходимые последствия. В Европе на таком отрицательном разрешении основных вопросов нравственной философии и уголовного права не мог долго остановиться ни один светлый и глубокий ум. Да и как, в самом деле, на нем остановиться! Род людской несчетное число лет то силится придать воле безусловное значение, не зависящее от обстоятельств, пространства, времени, внешних условий, – и не может; то силится отрицать ее, убедить себя, что воля – мечта, призрак, фантазия, что никакой воли нет, – и тоже никак не может! Оба ответа на вопрос его не удовлетворяют; действительность, факт, очевидность ежеминутно, на каждом шагу доказывают ему, что и то и другое решение не дают разгадки тайны.

Большая заслуга г. Неклюдова состоит именно в том, что он серьезно и обдуманно отнесся к этому трудному и необыкновенно важному вопросу, не пошел по торной дороге идеализма и материализма и, не увлекаясь блестящими мыслями, старается глубже вглядеться в дело, беспристрастно и свободно ищет истины. С фатализмом, с необходимостью, отрицающей волю, он не может примириться и, работая пристально над уголовно-статистическими данными, приходит к заключению, что они вовсе не доказывают фатализма с его неизбежными последствиями – отсутствием свободной воли человека, отрицанием преступления и наказания. Постоянное и периодически правильное возвращение одних и тех же преступлений, по его весьма справедливому замечанию, подкрепленному статистическими фактами, находится в постоянном, правильном соответствии с условиями, которые рождают, точнее сказать, облегчают преступления, представляя соблазн или повод их совершать; как только эти условия изменяются – изменяются и цифры преступлений: одни, известного рода, умножаются или уменьшаются, другие совсем исчезают, третьи появляются вновь. Стало быть, количеством и даже качеством преступлений управляют обстоятельства, которые им благоприятству-

ют или не благоприятствуют. Мысль сама по себе простая и не новая. Она является и в народных пословицах: “*l’occasion fait le larron*”[1]; «плохо не клади, вора в грех не вводи» и в результатах разных законодательных и административных мер; у нас, например, цифра бродяг и беспаспортных, прежде огромная, с отменой крепостного права чрезвычайно уменьшилась. Таких примеров бесчисленное множество. Но все-таки нам было особенно приятно видеть эту простую мысль обставленной и развитой научным образом в диссертации. Из нее следует, что постоянство фактов уголовной статистики есть лишь условное, зависимое от обстоятельств, с переменой которых изменяются и самые факты; значит, из такого постоянства, правильности, периодичности можно только заключать, что во всяком обществе есть известный процент людей, у которых реакция духовных элементов человеческой природы не так сильна, как у других, или, говоря простым языком, есть известный процент людей слабых, поддающихся более или менее легко внешним влияниям и соблазнам. Если все цифры точны и правильны и все обстоятельства преступлений вполне уяснены, то с дальнейшими успехами статистики можно будет даже определить, как велик в различных обществах процент таких людей; вывести же отсюда отсутствие воли никак нельзя, и, следовательно, ни по какой человеческой логике нельзя заключать, что нет преступления и не должно быть наказания. Кроме того, правильное соответствие преступлений с известными обстоятельствами и условиями, указывая на независимость первых от последних, указывает на возможность уменьшать число преступлений не одним страхом наказаний, но и другими способами. Общественные и нравственные условия быта изменяются, как мы видели, не только сами собою, но и усилиями людей при помощи известного сочетания деятелей, которые их производят; следовательно, люди могут, устраняя обстоятельства и условия, способствующие преступлениям, уменьшить их число, изменить их характер и свойство, что и

[1] Не вводи вора в грех; удобный случай делает вором (фр.). Здесь: не следует небрежным хранением имущества или ценностей вводить в соблазн. – *В. Т.*

подтверждается на опыте результатом многих хорошо придуманных и правильно выполненных административных и законодательных мер. Вот огромная практическая польза глубокого изучения преступлений не с одной их юридической, но и с бытовой стороны, со всей их обстановкой, с общими причинами, поводами и условиями, посреди которых они являются. Такое изучение покажет, от чего они умножаются, уменьшаются, перерождаются в своей форме. Если это изучение будет поведено правильно и точно, то оно укажет рано или поздно и на средства противодействовать преступлениям не одними карательными мерами, но и ослаблять условия, которые их поддерживают и умножают. Г-н Неклюдов идет гораздо далее. Ему думается, что этим путем преступления, а следовательно, и наказания когда-нибудь совсем переведутся. Мы не бросаем в него камнем за такую благородную мечту, хотя и не верим, чтобы она могла осуществиться. Безусловна только мысль, потому-то она и отвлеченность; действительная жизнь непременно условна и относительна и по своей сложной природе постоянно колеблется между крайностями, никогда не сосредоточиваясь исключительно в одной из них. Больше, меньше, мало, чрезвычайно мало, почти нуль преступлений – это мы охотно допускаем; совершенного исчезновения преступлений – никогда! Но путь мечта останется мечтой; делу она не вредит. Признаемся: мы не охотники до фантазий, когда подкладкой им служит отрицание какого-нибудь органического составного элемента действительной жизни. Г-на Неклюдова нельзя в этом упрекнуть; его фантазия есть поэзия науки, мираж, представившийся ему на неизмеримом расстоянии, куда не достигает никакое зрение, но все же путь, которым он идет, верен, а в этом все дело. Ошибка зрения только тешит его, ускоряет шаг, поддерживает силы, не заводя в трущобу. Он совершенно прав, говоря, что уголовно-статистические исследования вырабатывают материал для уголовной политики, задача которой – указать верные средства для ослабления и уменьшения преступлений. Еще не так давно считали единственным таким средством наказание; полагали, что оно и

предупреждает преступления, и исправляет преступника. С тех пор развитие общественных и политических наук дало возможность взглянуть на дело еще и с другой стороны. Открыли тесную связь преступлений с общественными и нравственными условиями всего быта, нашли, что от последних существенно зависят первые, и, таким образом, доискались, что кроме наказания есть еще другой могущественный способ предупредить преступления, именно улучшая общественные и нравственные условия и обстановку быта.

Вот взгляд и точка отправления г. Неклюдова. Нельзя им не сочувствовать. Двигаясь на такой почве, где каждый неосторожный шаг, каждый непродуманный вывод неудержимо ведет к материализму и всем его необходимым последствиям, он счастливо и удачно обходит эти опасности и представляет весьма отрадную в нашей литературе попытку проложить для мысли новые пути, выбиться из чисто естественно-исторических воззрений на человека, из чисто отрицательного взгляда на нравственную его природу. Да, человек не есть неисключимый раб обстоятельств и обстановки! Он может до известной степени господствовать над ними, конечно, не непосредственно, конечно, не вдохновением или насилием, но при помощи глубокого изучения условий, посреди которых ему суждено жить, умения и навыка приспособлять их к своим потребностям и нуждам. А такое приспособление необходимо предполагает в человеке волю, точку опоры против окружающего, при которой только и возможно относиться к ней деятельно, а не пассивно. В этом-то признании в человеке и в целом обществе точки опоры против окружающего мы и видим признак желанного поворота современных воззрений на другой, лучший путь.

Вот в каком отношении работа г. Неклюдова заслуживает, по нашему мнению, особенного внимания.

Манера его, способ выражения свежи и молоды. В них слышится и нетерпимость живого убеждения, и нетерпеливость силы, и неумеренность надежд, возбужденных перспективами, которые ему открылись в науке. Его язык смел, иногда

смел до дерзости. От этих недостатков он освободится работой и годами. Труд и время увеличат его силы, умерив их.

Место г. Неклюдова – очевидно, на университетской кафедре. Мы не желаем ему сейчас же звания профессора, ни даже штатного доцента, обязанного читать периодически известную часть уголовного права по известной программе, но от души желаем, чтобы он имел возможность работать без помехи в том же направлении и читать лекции несколько лет, не стесняясь никакой программой, выбирая для исследования и разработки вопросы уголовного права по своему усмотрению, не обязательно для него самого и для слушателей. Через несколько лет труда и изучения из г. Неклюдова вышел бы, мы не сомневаемся, замечательный профессор уголовного права. В Германии это, без сомнения, так бы и было. А у нас? У нас эти желания едва ли сбудутся. Давно ли приходили у нас в ужас от энциклопедии законоведения в убеждении, что это та же проклятая наука, которую проповедовали безбожники и революционеры во Франции в конце XVIII столетия? Давно ли Сэй [2] зачислялся у нас иными господами в один разряд с Луи Бланом [3] и Прудоном [4] под общим названием коммунистов? Кто-то заметил весьма верно, что мы особенно любим односложные отзывы обо всем. Сказав о человеке, что он подлец, скотина, мы этим освобождаемся от головоломной обязанности подумать: что же это в самом деле за человек, о котором мы так «любезно» отзываемся; освобождаемся от тяжкого для нашей умственной лени труда разбирать и оттенять его характеристические особенности и тонкие черты? Г-н Неклюдов говорит о нравственной статистике, о фатализме, о влиянии внешних условий на преступления, о возможности, изменив условия, изменить число преступлений, хвалит Кетле, говорит смело, порой резко, – не явно ли, что он нигилист? Ну, разумеется, нигилист, и еще какой! А нигилистам какая же дорога на кафедру? Слава Богу, если в какой-нибудь канцелярии писцами потерпят.

Мы были на диспуте г. Неклюдова. Внешняя обстановка, как всегда, была отличная: возражения делались, и магистрант

отвечал на них исправно. Но нам показалось, что и возражения, и необходимые на них ответы не стояли в уровень с главным, существенным содержанием диссертации, не соответствовали важности вопросов, которых она касается. Мы пожалели об этом, в особенности потому, что и вступительные слова г. Неклюдова перед диспутом, и тезисы подавали повод к весьма интересным прениям, к обсуждению чрезвычайно значительных вопросов уголовного права; но оппоненты ограничились почти исключительно частными возражениями, указанием на действительные или мнимые погрешности в деталях. До коренных задач диссертации никто не коснулся. Один из членов факультета заметил, что г. Неклюдов напрасно приводит в своей диссертации обвинения, взводимые на нравственную статистику: у нас в России ее в этих винах не подозревают, и потому не для чего было и поднимать об этом вопроса; но если уже автор решился говорить об этих обвинениях, то следовало опровергнуть их серьезно, его же опровержения слабы и недостаточны. Мы надеялись, что хоть по этому поводу спор коснется коренных вопросов, но ошиблись. Так он и удержался до конца на разборе частностей.

О нигилизме и мерах, против него необходимых

Десятилетие царствования Вашего Императорского Величества составляет, бесспорно, самую счастливую и благодетельную эпоху в истории России XIX в. По громадности совершенных или предпринятых Вашим Величеством преобразований и значению их для будущего развития нашего отечества царствование Государя Освободителя не имеет себе подобного со времени Петра и, становясь наряду с эпохою великого обновителя России, отличается от нее лишь тем духом Христианской любви и уважения к достоинству человека и к потребностям народа, которым проникнуты настоящие реформы.

Сопровождающий благодеяния внутренних преобразований успех в делах внешних, бескровное торжество над европейскою коалицией по польскому вопросу, покорение Кавказа, приобретение обширных и столь важных в будущем областей на востоке – все это показывает, что над Россией со вступлением на престол Вашего Императорского Величества взошла счастливая звезда.

Темную сторону настоящей эпохи, имеющей столь много светлых сторон, составляет тот дух материализма и отрицания, который сделался известен под именем «нигилизма» [1]. И недавно проявился во всем ужасе своем потрясающим событием [2].

Необходимо ближе изучить корень этого зла и определить, в каких оно находится отношениях к другим общественным явлениям нашего времени, дабы судить о мерах, коими следует бороться с этою умственною заразою. Прежде всего, очевидно, что нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским и с элементами его общественной жизни. Все, даже самые крайние уклонения и заблуждения в среде русского крестьянства проявлялись в форме верования религиозного (раскольничьи секты) или превратно понятого чувства преданности к царской власти. Атеизм и отрицание монархической власти, лежащие в основе современного нигилизма, не имеют ничего общего с русским народом и диаметрально противоположны всем его стремлениям; оттого-то и все попытки герценовской партии войти в связь с раскольниками имели такую полную неудачу.

Нигилизм пришел к нам с запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа и принимает в себя все отражения западных идей, т. е. лицам высших сословий и частью разночинцам. Родоначальником своим нигилисты признают главу так называемого западного направления в литературе нашей – Белинского [3]. Как учение теоретическое нигилизм перешел в Россию, в 40-х гг. из Германии и был лишь подражанием атеистическим и материалистическим теориям Фейербаха [4], Макса Штирнера [5] и др., развивавшимся в немецкой литературе преимущественно до 1848 г. Если эти теории, которые до сих пор питаются у

нас сочинениями своих немецких родоначальников и не произвели в России ни одного самостоятельного мыслителя, если эти теории не исчезли здесь перед здравым смыслом и строгою наукой, как они исчезают в Германии, то следует приписать это явление преимущественно тем самым мерам, которыми в 1849 г. правительство полагало противодействовать означенным вредным стремлениям: ограничение приема в университеты, кроме раздражения в массе молодежи, жаждавшей образования и которую правительство лишало к тому средств, произвело то, что множество молодых людей устремилось в единственный доступный факультет медицинский, и здесь они, не имея никакого призвания к медицинской специальности, приобретали только односторонний материалистический взгляд. Вместе с тем излишняя строгость полицейских мер имела последствием образование русской эмиграции, которая, естественно, сделалась руководительницею молодого поколения, выносившего из тогдашних учебных заведений семена материализма и вражды к правительству. Тогдашняя цензура, не допускавшая никакого суждения о вопросах религии, философии и государственного устройства, лишала людей мыслящих возможности опровергать ложные идеи, овладевавшие молодежью; вызывала к жизни целую рукописную литературу, ускользавшую и от закона, и от критики, и таким образом содействовала только пагубному влиянию, которое имели в то время на умы молодого поколения все появлявшиеся в заграничной печати самые посредственные и нелепые статьи.

Заимствованный в начале 40-х годов из Германии, взрощенный ложно-консервативными мерами 1849 г. нигилизм есть произведение прошлой эпохи. В последнее время эта язва только выказалась явственнее в обществе и литературе, также как и все, что до того таилось в русской жизни. Что прежде оставалось в рукописях, жадно читаемых и переписываемых, то теперь выступило печатно; что жило прежде только в идеях молодежи, то стало теперь испытываться на деле посредством устройства разных так называемых коммун. Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта сво-

бода, которую нынешнее царствование даровало всем общественным силам России и которою нигилизм воспользовался наравне со всеми прочими явлениями общественной жизни нашей, что эта свобода содействовала развитию и усилению нигилистической заразы. Напротив, факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого надзора и гнета между 1849 и 1855 гг. Сравним громадность общественного влияния на всю Россию, какое имел Герцен и его «Колокол» [6] в первые годы настоящего царствования, с нынешним их ничтожеством; вспомним обаяние, какое окружало еще так недавно в обществе нашем и даже между людьми умеренными и вполне преданными правительству представителей нигилистического учения; вспомним время, когда все тобольское общество – и во главе его председатель губернского правления, начальник жандармов и директор училищ делали овации Михайлову [7]; когда ни полицейское начальство, цензура III отделения, ни цензура гражданская не отважились воспрепятствовать изданию писанного Чернышевским в крепости романа «Что делать?» [8], ставшего заветной книгой нигилистов, и когда все читавшее в России с жадностью поглощало это бездарное и пошлое сочинение; сравним тогдашнее время с нынешним, и мы убедимся, что расширение свободы в России не только не вело к развитию нигилизма, а, напротив, все более и более подрывало его значение и силу.

Первым решительным ударом влиянию Герцена и нигилистических теорий на большинство публики была крестьянская реформа 1861 г., противопоставив туманным фразам и бредням о правах народа на землю и о мнимом коммунистическом направлении русских крестьян серьезное, практическое, для всех сторон безобидное разрешение вопроса о поземельных правах земледельческого класса и его общественном самоуправлении. Вторым ударом нигилизму было восстановление прав русской народности в Западном крае и обязательный там выкуп [9], ибо это заставляло нигилистическую партию, которую предания лондонской эмиграции и дух оппозиции к

правительству неразрывно связывали с интересами польского шляхетства, высказываться в польском деле прямо против прав народа: оттого-то замечают, что, отправившись на службу в Польшу или Западный край, молодые люди, имевшие дома оттенок нигилистических теорий, немедленно освобождались от своих заблуждений. Открытие земских учреждений, доставляя русскому обществу серьезное практическое дело, вело также к упадку нигилизма; наконец, последним и самым решительным для него ударом было уничтожение предварительной цензуры [10], отнявшее у нигилизма предлог скрывать пустоту и безобразие своих теорий под разными недомолвками и намеками и давшее благоразумным органам печати возможность вести с ним открытую полемику. Таким образом, каждая из этих благодетельных мер была шагом к поражению нигилизма, и лучшим тому доказательством может служить сравнение того шаткого состояния, в каком находилось русское общество в 1861 и 1862 гг. во время прокламаций и студенческих манифестаций, с настроением, какое обнаружило оно при известии о событии 4 апреля 1866 г. [11]

Страшное это событие обратило всеобщее внимание на таившееся в русском обществе зло нигилизма, и само общество вызывает правительство к искоренению недуга.

Какие же меры могут вести к этой цели?

Меры полицейские совершенно необходимы, но очевидно, что правительство не может ими ограничиться, ни даже поставить их на первый план в борьбе с нигилизмом, потому что полицейскими мерами удалось бы разве только предупредить или пресечь внешние, так сказать, проявления нигилистических теорий, как, например, устройство каких-нибудь коммунистических общежитий, издание прокламаций, распространение печатаемых за границею изданий, наконец, политические заговоры. Но все это оставило бы самый источник зла нетронутым, а если бы правительство, не ограничивая полицейских мер преследованием внешних, осязательных, подлежащих действию законов проявлений нигилизма, захотело вести против самой идеи его борьбу полицейскими средствами, стеснением

свободы в жизни общественной и в печати, то подобная реакция, как и в 1849 г., повела бы только к усилению нигилизма и всех вообще враждебных правительству элементов.

Нигилизм есть идея, есть учение философское, переходящее в своего рода религию (вера в отсутствие Бога, души и нравственного закона); это есть учение, имеющее уже своих пророков и жаждущее иметь своих мучеников. Потому, предоставляя полиции преграждать путь к наружному оказательству и публичной пропаганде нигилизма, так же как и к преступным замыслам фанатиков этого учения, нельзя, однако, терять из виду, что нигилизм лишь в весьма редких, исключительных случаях обнаруживается непосредственно такого рода явлениями; в большинстве же случаев учение это остается в области теории, отражающейся в убеждениях и нравственных понятиях, но неуловимой внешними средствами; следовательно, против него могут быть направлены с успехом только такие меры, которые были бы способны воздействовать на самую умственную среду, где нигилистическое учение находит себе пищу.

Среда эта – с одной стороны, духовное сословие и преимущественно семинарии, с другой стороны, дворянство и светские учебные заведения. Что касается простого народа, то он, благодарение Богу, совершенно чужд этой заразы, и потому нет никакой надобности изменять нынешних, столь счастливых, исполненных взаимного доверия отношений между правительством и крестьянским сословием. Единственная здравая политика в этом отношении состояла бы в поддержании этих отношений, стяжавших Вашему Императорскому Величеству с бессмертною славою Освободителя беспредельную преданность русского народа. Следуя неуклонно в крестьянском деле благодетельному пути, с которого не могли удалить правительство ни козни аристократической партии, ни затеи псевдолиберальной дворянской оппозиции, ни революционные движения 1862 и 1863 гг., надлежало бы только обратить более внимания на улучшение крестьянских школ, дабы нигилистическая пропаганда не могла проникнуть туда посредством недоучившихся семинаристов и злонамеренных учебников.

Духовное сословие имеет в отношении к нигилизму двоякое значение: значение положительное тем, что семинарии служат едва ли не главными рассадниками нигилистов; отрицательное тем, что духовенство наше не в силах умственным и нравственным своим влиянием противодействовать распространению атеистических и материалистических понятий в молодом поколении.

Известно, что из семинарий вышли корифеи, учители нашего нигилизма, Чернышевский, Добролюбов [12] и важнейшие из второстепенных его проповедников, что семинарии составляют главные его исходные точки. Чем другим объяснить это, как не печальным состоянием семинарий наших? Господствующая в них схоластика, ведущая свое начало от малороссийских школ XVII в., устроенных по образцу иезуитских коллегий [13], безжалостный гнет монашеской дисциплины над воспитанниками – вот главные источники зла в семинариях, вот причины, почему почти лишь одни посредственные дарования и робкие характеры подчиняются семинарской науке и идут в духовное звание; в натурах же более способных и энергических зарождаются чувства негодования и протеста, которые и приводят семинариста к прямому отрицанию всего, чему его учат, т. е. к нигилизму. История внутреннего развития Чернышевского и других, ими самими засвидетельствованная, положительно доказывает это. Могут возразить, что и в прежнее время семинарии были не лучше нынешних и что они, однако, не порождали нигилистов, но не следует забывать, что тогда и потребности общества были ниже, что не ощущался повсеместно тот запрос умственной самостоятельности и уважения к личности, отрицание коих в направлении семинарского образования и в личном обращении многих из монашествующих лиц, начальников семинарий, ведут даровитейших из их воспитанников к протесту. Поэтому немедленное и коренное улучшение семинарий с устройством преподавания в них на началах истинного православного просвещения, чуждого схоластики, и с устранением из управления ими монашеского деспотизма

было бы самым действительным и радикальным средством для поражения нигилизма в самом его источнике.

В духовное звание, как замечено выше, выходят в настоящее время почти только личности бездарные или посредственные из семинаристов. Улучшение семинарий поведет неминуемо к устранению этого страшного вреда для Церкви и общества. Но, кроме того, необходимо, чтобы приняты были другие решительные меры, которые возвратили бы духовенству влияние на умы молодого поколения. Само собою разумеется, этого нельзя достигнуть какими внешними, насильственными, так сказать, распоряжениями вроде требования аккуратного посещения уроков закона Божия, предъявления свидетельств о бытности у исповеди и причастия [14] и другими подобными средствами, несостоятельность которых слишком ясно обнаружена опытом. Нужно, чтобы священник вышел из того уничиженного положения, в которое он теперь поставлен в русском обществе, нужно, чтобы его стали уважать и доверять ему. Это может наступить лишь тогда, когда будет устранена кастическая замкнутость духовенства; когда обеспечено будет его материальное существование и когда приходское духовенство получит самоуправление, гарантирующее его от произвола архиерейской власти. Подробности всех этих мер потребовали бы особого рассуждения, и потому здесь невозможно входить в них; но нет никакого сомнения, что только при этих условиях слово христианской проповеди приобретет у нас возможность с успехом противодействовать растлевающим учениям безбожия и материализма.

Переходя к дворянскому сословию, нельзя прежде всего не заметить, что большинство нигилистов принадлежит само к дворянству в его молодом поколении. Этой крайней социалистической партии обыкновенно противополагают партию аристократическую, ультраконсервативную, бывших защитников крепостного права или безземельного освобождения крестьян, которые в настоящее время всех громче кричат против нигилизма, обвиняя правительство в том, что оно будто своими либеральными, так называемыми демократическими реформами

произвело это зло. Несмотря на то, именно между этими двумя, на вид крайне противоположными сторонами в дворянстве нашем существует внутренняя связь. Здесь, как везде в истории и в жизни, *les extremes se touchent*[1]. Общей почвой, на которой сходятся эти крайности, служит оппозиция против правительства, неудовольствие совершенными и совершаемыми реформами и, наконец, сочувствие полякам и их стремлениям (хотя, впрочем, в последнее время замечается в аристократической партии желание загладить невыгодное впечатление, произведенное прежним слишком резким заступничеством за поляков). Сколько мы знаем таких семейств в дворянстве нашем, где отец, ярый консерватор, вопиет против правительства за то, что оно дало крестьянам часть земли и умерило их повинность, а сын негодует на то же правительство, зачем оно не отдало крестьянам всей земли, зачем оставило на них часть повинностей. Очевидно, что крепостническая оппозиция в одной части дворянства должна была порождать нигилизм в другой, ибо оппозиция эта готовила умы молодого поколения к неуважению правительства, она учила их не доверять его действиям, извращать его намерения. Вступая с такою закваскою в училище, молодой человек, естественно, становится легкою добычею для нигилистической пропаганды: стоит только уму, пропитанному толками дворянской оппозиции, воспринять столь заманчивые для юношей фразы либерализма, отрицания авторитетов и т. д., и первый шаг к обращению в нигилизм уже сделан.

Итак, правительство имеет перед собою в дворянском классе две разнородные, хотя тесно связанные между собой оппозиционные партии: оппозицию, преимущественно принадлежащую молодому поколению с нигилистическим характером; и оппозицию старческую (хотя и в ее рядах попадаются некоторые молодые люди), ультраконсервативную, аристократическую.

Первой из них главною опорою, главным центром пропаганды служат казенные учебные заведения. Потому только улучшением училищ можно положить преграду этой пропаганде. В настоящее время слышны голоса, утверждающие, что

[1] Крайности сходятся (фр.). – *В. Т.*

надобно не развивать и улучшать средние и высшие учебные заведения, а, напротив, ограничивать их и затруднять к ним доступ; раздаются фразы о вреде так называемого умственного пролетариата. Ничего не может быть опаснее и превратнее подобного взгляда. Невозможно приискать такую комбинацию, при которой в университеты и академии попадали бы только люди зажиточные, а бедные были бы из них исключены. Напротив, между бедняками дворянского и чиновнического происхождения естественно должно проявляться большее стремление учиться, нежели между богатыми молодыми людьми, ибо для первых образование есть единственное средство обеспечить свою будущность. Закрыв или затруднив бедному юношеству доступ в университеты и другие высшие учебные заведения, правительство возбудило бы вновь, как в 1849–1855 гг., во всей этой массе молодых людей и в их семействах величайшее неудовольствие и заставило бы тысячи юношей оставаться при поверхностном полуобразовании, составляющем самую удобную почву для материализма и революционных страстей.

Напротив, необходимо по возможности возвышать уровень образования и распространять серьезное знание. Между нашими нигилистами не было до сих пор ни одного человека с серьезным научным образованием. В пример достаточно привести Чернышевского, который считается корифеем учености между нигилистами и который печатно утверждал, что сталь происходит от окисления железа. Наши учебные заведения страждут вообще излишеством преподаваемых предметов, невольно порождающим поверхностность знания, поощрением фразерства в преподавании словесности и недостатком серьезных занятий теми основными предметами, на которых зиждется наша образованность. Исправить в смысле серьезного классического образования курсы наших гимназий, сосредоточить в университетах занятия студентов на меньшем числе избираемых каждым наук, устранить учебники, составленные в духе материализма; наконец, очистить постепенно и повсеместно личный состав преподавателей – вот в чем заключалось бы надежнейшее средство против нигилистической пропаганды.

Что касается другой стороны дела, т. е. оппозиции в смысле дворянского консерватизма, столь вредно отражающейся в умах молодого поколения, то с нею правительство может бороться только пассивным сопротивлением. Лучшая политика в этом отношении заключалась бы в том, чтобы выказывать доверие к дворянству, не придавая серьезного значения его оппозиционным выходкам, не имеющим никакого отголоска в народе и потому безопасным для правительства, но вместе с тем не делать никаких уступок своекорыстным дворянским домогательствам, под какой бы личиной – аристократической и консервативной, или либеральной и конституционной – они ни скрывались.

В настоящую минуту эти домогательства, пользуясь впечатлением события 4 апреля, вновь усиливаются и метят, кажется, прямо на то, чтобы остановить правительство на пути реформ и разделать, насколько возможно, то, что сделано с 19 февраля 1861 г. Это все та же старческая интрига, которая с 1857 г. употребляла всевозможные козни, всевозможные способы устрашения для того, чтобы сохранить крепостное право, систему откупов и т. д. В настоящее время способом устрашения принят тот *mot d'ordre*[1], раздающийся одинаково и в аристократических салонах Петербурга, и в органах польской революционной печати, будто нигилизм есть произведение либеральных реформ самого правительства и будто правительство для своего спасения должно остановиться на пути реформ и поворотить назад. Это значит то же самое, как если бы современники Петра Великого стали утверждать, что анархические страсти стрельцов, проявлявшиеся в покушениях на жизнь государя [15], были последствием предпринятых им преобразований. Нет! Стрельцы буйствовали уже прежде, нежели Петр Великий выступил на поприще реформ; и если что-нибудь вызывало, воспламеняло их анархические страсти, то это был постоянный ропот и оппозиция тогдашней консервативной, боярской партии, противившейся преобразованиям великого монарха. Относительно нигилизма уже было замечено, что он укоренился и развился в 40-х гг., т. е. гораздо прежде

[1] Лозунг (фр.) – *В. Т.*

начала современных реформ, в эпоху самой сильной реакции, и что он в значительной степени обязан своим распространением в молодом поколении дворянскому ропоту и крикам оппозиции против правительства за крестьянскую реформу.

В настоящее время было бы опаснее, чем когда-либо, поддаться этому ропоту, сделать уступку аристократической оппозиции. Когда весь народ русский, от мала до велика, поражен известием, что на царя преступную руку поднимал переодетый дворянин, а крестьянин, тут стоявший, спас жизнь своему и всенародному Освободителю; когда всеми этими миллионами умов такое событие не могло быть понято иначе, как в смысле прямого знамения, проявленного Божиим промыслом, – в такое время даже незначительное наклонение весов правительства в пользу исключительных интересов дворянства и в ущерб крестьян могло бы вызвать взрыв народных страстей, удерживаемых ныне лишь доверием к царю и его правительству.

При этом нельзя упускать из виду, что крестьянская реформа далеко еще не приведена к окончанию. Не только половина крестьянского населения России, крестьяне государственные, ждут еще исполнения указа 5 марта 1861 г., обещающего им улучшение их быта [16], но и в отношении к бывшим крепостным осталось еще четыре года до истечения определенного Положением девятилетнего периода обязательного пользования наделом за установленные повинности. До этого срока невозможно считать взаимные отношения между помещиками и крестьянами окончательно развязанными, и было бы не только противно основной мысли закона 19 февраля, но и крайне неосторожно приступать ранее сего срока к упразднению особых по крестьянским делам учреждений и к передаче крестьянских дел в общие судебные и административные места. В этих местах возникающие из срочно-обязательных отношений крестьян к помещикам споры и недоразумения не могли бы уже решаться в том примирительном, основанном на нравственной справедливости, духе, которым обязаны руководствоваться учреждения, созданные законом 19 февраля; общие судебные и административные инстанции дали бы делам

этим формально-юридическое и канцелярское направление, причем сторона крестьян оказывалась бы, разумеется, всегда неправою, и такой поворот, который крестьяне стали бы объяснять себе не иначе как кознями помещиков, мог бы сделаться причиною самых гибельных потрясений в государстве.

Очевидно, что по крестьянскому делу невозможна никакая уступка домогательствам дворянской партии. Остается другая сторона ее домогательств: вопрос о правах политических. Но в этом отношении следует прежде всего уяснить: для кого требуются дворянскою партией политические права? Дворянство наше есть сословие многочисленное, обнимающее около миллиона душ; дворянские права одинаковы и для богача-аристократа, и для массы голодной молодежи, ищущей мест в канцеляриях или пробавляющейся писанием журнальных статей с обличительным оттенком. Неужели помышляют о том, чтобы наделить этот миллион душ какими-нибудь особыми политическими правами, которых не имело бы земство? Но это значило бы переделать Россию в шляхетскую республику, какою была старая Польша [17], где дворянство, столь же многочисленное, как в России, добыв себе от королей исключительные политические права и присвоив себе таким образом часть верховной власти, прежде принадлежавшей исключительно королям, вскоре довело правительство до совершенного бессилия, лишило простой народ всех гарантий закона и внутреннею своей неурядицей повлекло государство к падению.

Конечно, никто даже из самых рьяных поборников дворянской грамоты нашей [18] не пожелает для России повторения истории старой Польши – этого дворянского рая, как ее в то время называли. Поэтому люди, мечтающие о возможности исключительных и политических прав для дворянства, придают своим притязаниям вид заботливости в пользу крупного землевладельца. Земские учреждения наши с полным беспристрастием уравновесили представительство трех родов поземельной собственности в России: собственности общинной или крестьянской, личной мелкой собственности и, наконец, собственности более крупной, превышающей норму от 200

до 800 десятин, смотря по губерниям. В применении своем на практике Положение 1 января 1864 г. [19] дало в большей части губерний и уездов перевес, часто весьма значительный, поместному дворянству над прочими сословиями. Но поборники дворянских интересов не довольствуются этим и требуют в пользу этих интересов коренного отступления от выборного начала, на котором основано все положение о земских учреждениях; они требуют допущения крупных землевладельцев по праву, а не по избранию, в земские собрания и управы. Эта мера, кажущаяся на вид весьма незначительною и невинною, имела бы, однако, самую существенную важность, ибо она заключала бы в себе признание нового политического начала в России, именно принципа политической власти, принадлежащей лицу не по службе его, коронной или общественной, а по праву частной собственности; другими словами, это была бы уступка доли самодержавной власти в пользу некоторых привилегированных лиц, введение в России принципа западной аристократии. Само собою разумеется, что за первою уступкою в этом направлении должны бы были последовать и другие, потому что крупные землевладельцы, получив столь важное в принципе своем политическое право, очевидно, не долго могли бы довольствоваться применением его в одной только ограниченной сфере хозяйственных дел, предоставленных земским собраниям и управам, и стали бы домогаться приложения того же начала и к другим, более важным отраслям управления. Правительство было бы принуждено или вступить с ними в борьбу и для пресечения зла уничтожить только что дарованную привилегию, что было бы, конечно, сопряжено с большими неудобствами; или же если бы оно согласилось идти далее по новому пути, то вскоре Россия получила бы правление аристократическое или олигархическое. Излишним было бы доказывать историческими фактами, что аристократия не имеет никаких основ в России, что все те фамилии, из которых думают образовать в настоящее время политически самостоятельную аристократию, обязаны своим значением или родству с венценосцами (как Рюриковичи, Гедиминовичи

и т. д.), или государственной службе, и что эта мнимая аристократия никогда не имела и тени политической самостоятельности в отношении к правительству, как аристократия на Западе. Известно притом, до какой степени западный аристократический элемент был всегда разрушителен для славянских государств, так что не только в Польше, но и в Сербии и Чехии возвышение аристократии на счет верховной власти повлекло за собою вскоре и самое падение этих государств. Подобно тому и история России показывает, что всякий раз, когда усиливалось боярство и захватывало в свои руки власть, как в малолетство Иоанна IV, в эпоху самозванцев и при первых преемниках Петра Великого [20], государство повергалось в смуту и приходило в глубокое расстройство. Еще гибельнее были бы последствия подобного политического возвышения у нас аристократии в настоящее время, когда даже знатнейшие дворянские фамилии потеряли всякое действительное влияние на народ. Притом и в самом дворянстве уже сильна либеральная партия, не только питающая отвращение к олигархическим стремлениям прежних крепостников, но желающая совершенного упразднения исключительных привилегий. Партия эта, доселе поддерживавшая правительство в его начинаниях и преимущественно содействовавшая успешному исполнению великой крестьянской реформы, обратилась бы неминуемо в оппозицию, если бы правительство перешло на сторону олигархических стремлений. При воцарении Императрицы Анны Иоанновны само дворянство восстало против олигархии, пытавшейся ограничить в свою пользу самодержавную власть, и низвергнуло эту крамольную партию [21]. С того времени прошло более 100 лет, и в эти 100 лет не только усилились либеральные стремления в среде дворянства, но вырос и народ русский, ныне свободный и уже призванный к участию в общественных делах. Кто знает: если бы в наше время могла вновь проявиться какая-нибудь олигархическая попытка, ограничилось ли бы дело одним сопротивлением большинства дворян, как это случилось при Анне Иоанновне, и не подняла ли бы такая попытка народную массу?

В сжатых словах выводы наши заключались бы в следующем: нигилизм обязан своим укоренением и развитием преимущественно репрессивным мерам, действовавшим в 1849–1855 гг.

Дух оппозиции и порицания правительства, проявляемый ультраконсерваторами по поводу освобождения крестьян и других реформ, обращается также в пользу нигилизма, ибо он приготовляет умы молодежи к восприятию всякой враждебной правительству и существующему порядку пропаганды.

Полицейские меры могут остановить или пресечь только внешние проявления нигилизма, но недостаточны для существенного противодействия его влиянию и распространению. Для такого противодействия необходимы, главным образом, следующие средства: 1) коренное преобразование семинарий с устранением из них схоластики в преподавании и монашеского деспотизма в управлении; 2) улучшение положения духовенства и, главное, приходского, т. е. как материальное его обеспечение, так, в особенности, дарование ему большей самостоятельности и устранение его кастического характера; 3) улучшение светских казенных учебных заведений посредством устранения многопредметности и усиления классического образования в гимназиях и сосредоточения в высших училищах молодых людей на серьезном изучении меньшего числа наук.

В отношении дворянской оппозиции действовать в смысле долготерпения, выказывая дворянству доверие и не придавая особенного значения его оппозиционным выходкам, но необходимо избегать всякой действительной уступки этой оппозиции, следуя неуклонно избранному Вашим Императорским Величеством пути благодетельных преобразований и одинакового беспристрастия ко всем сословиям русского народа.

КОММЕНТАРИИ

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Взгляд на юридический быт древней России

Впервые опубл.: Современник. 1847. Т. 1. Кн. 1. – Отд. 2. – С. 1–52.

Повторная публикация: *Кавелин К. Д.* Сочинения. В 4 ч. Ч. 1. Рассуждения, исследования, извлечения. – М., 1859. – С. 305–379.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Монографии по русской истории. Русская история. Рассуждения, критические статьи и заметки. С портр. автора, биогр. очерком и примеч. проф. Д. А. Корсакова. – СПб., 1897. – С. 5–66.

Окончание работы над статьей датировано в Собрании сочинений в 4 т. (1897–1900) Кавелиным 23 февраля 1846 г.

Печатается по тексту второго издания.

Монография написана на основе курса лекций по истории русского права, прочитанного Кавелиным в Московском университете в 1844–1848 гг.

«Взгляд на юридический быт древней России» при своем появлении в печати привел к возобновлению оживленной полемики, возникшей раньше между учеными новой исторической школы родового быта и западниками, с одной стороны, и М. Погодиным, представителем старого, шлецеровского, критико-экзегетического направления в русской истории и «славянофилами» – с другой. К. Д. Кавелина считали основателем школы родового быта его биограф Корсаков и ряд других исследователей, который высказывал ее положения еще в 1842 г. в отрывке из своей магистерской диссертации, напечатанной в т. II сборника «Юридические записки», издававшегося П. Г. Редки-

ным в Москве; затем эти положения были развиты Кавелиным в его магистерской диссертации «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» (М., 1844) и стали основой его курса по истории русского права, читавшегося Кавелиным в Московском университете (1844–1848 гг.). Собственно статья «Взгляд на юридический быт древней России» и составляет резюме этого университетского курса. Дальнейшее развитие главных положений школы родового быта принадлежит С. М. Соловьеву, которые отразились в его магистерской диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (М., 1845) и в докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (М., 1847), кроме того, в главном труде С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», первый том которого был издан в Москве в 1851 г. По поводу исторических воззрений Кавелина до появления в печати «Взгляда на юридический быт» были опубликованы две статьи, среди которых работа М. Погодина «Отзыв о магистерском диспуте Кавелина» (Москвитянин. Ч. 1. – 1844. – № 3. – Март. – Московская летопись. – С. 229–235) и работа под криптонимом *У... Т...* «Возражение М. П. Погодину по поводу защищения рассуждения г. Кавелина» (Литературная газета. – 1844. – № 14). На страницах «Отечественных записок» (1845–1846 гг.) Каведин выступи+л с критическим разбором исторических трудов Погодина, а также в «Отечественных записках» и в «Современнике» приветствовал исторические взгляды Соловьева, не до конца, однако, соглашаясь с ним. «Взгляд на юридический быт» вызвал восторженные похвалы со стороны В. Г. Белинского и В. П. Боткина – см. письма Белинского к Герцену в журнале «Русская мысль» (1891. Кн. I) и к Кавелину (Там же. Кн. I. – 1892), а также В. П. Боткина к П. А. Анненкову в книге «Анненков и его друзья» (т. I. – С. 530). Сочувственные отзывы на статью Кавелина публиковались в «Отечественных записках» (1847, май) и в «Современнике» (1847, июнь, отд. III. – С. 119–120). В «Москвитянине» был напечатан ряд статей против воззрений Кавелина, например *М. Погодин* «О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Попова, Кавелина и Соловьева» (Ч. 1. – 1847.– С. 155–184; с подписью М. Погодин); *В. Мстиславский* «Некоторые замечания о русской современной исторической критике, по поводу рецензий на книгу г. Соловьева “Об отношениях Новгорода к великим князьям”» (там же. – С. 185–200). На эти две статьи был дан ответ редакцией «Современника», озаглавленный «Возрождение Москвитянина», опубликованный в августовском но-

мере (1847, раздел «Смесь». – С. 114–127), и статья Самарина под инициалами М... З... К... «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» (Кн. 2. – Сентябрь. – С. 133–222, криптоним). Перепечатано в «Сочинениях» Самарина. Т. I. – М. 1877. – С. 28–108. На эту статью в 1847 г. в «Современнике» откликнулся В. Г. Белинский (статья без подписи, в ноябрьской книжке, с. 29–75); была перепечатана в «Сочинениях» Белинского в издании Павленкова (т. IV. – СПб., 1896. – С. 503–559). Кавелин в статье «Ответ “Москвитянину”» с подписью своей фамилии ответил на возражения Самарина и Белинского (Современник. – 1847. – № 12. – С. 109–134; перепечатано: *Кавелин К. Д*. Собрание сочинений. Т. 1. – С. 67–96). Белинский был очень недоволен умеренным тоном возражения Кавелина, за что и упрекал его в письме от 7 декабря 1847 г. (Русская мысль. Кн. 2. – 1892. – С. 119–123). Продолжал полемизировать с Кавелиным и М. Погодин, опубликовав «Ответ рецензентам» на его критику “Исследований, замечаний и лекций”» (Москвитянин. Ч. 3. – С. 75–108).

Погодин дает пояснение к рецензии: «На мои “Исследования, замечания и лекции о русской истории”, (т. 1, 2, 3) появились рецензии в “Отечественных записках”, г. Кавелина, в “Журнале Министерства народного просвещения”, г. Бычкова и, наконец, в “Москвитянине”, во время моего отсутствия за границу, г. Беляева. Не мое дело судить о достоинстве рецензий, их духе и цели; я должен отвечать только на возражения рецензентов и разрешить их недоумения, имея в виду особенно пояснение моих мыслей для молодых друзей Истории и читателей моей книги. Начинаю с г. Кавелина. Г<-н>. Кавелин нападает на самое заглавие ее и находит в нем неискренность» (Москвитянин. Ч. 3. – 1847. – С. 75).

В разделе «Критика» журнала «Москвитянин» (Ч. 2. – 1847. – С. 133–222) под криптонимом «М… З… К…» в статье «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» рассматривались работы «Взгляд на юридический быт древней России» К. Д. Кавелина, «О современном направлении русской литературы» А. В. Никитенко и «Взгляд на русскую литературу» В. Г. Белинского. Рецензент, отмечая логичность и стройность композиции статьи Кавелина, упрекает его в односторонности взгляда, отрицая, что быт древней России был «исключительно семейственным, родственным» (С. 139, 141). Рецензент утверждает: «Приняв германское национальное начало личности за абсолютное начало, германский процесс развития через отрицание за общечеловеческий процесс, он очень естественно указал в историческом влиянии Христианства только протестантизм, в западной

истории – только на развитие личности. Дóлжно сказать, что односторонность его воззрения доведена до последней крайности. С этими готовыми понятиями он приступил к русской истории и, разумеется, определил ее отрицательно: его поразило отсутствие личности как безусловного материала, т. е. германской личности, и отсюда он вывел отсутствие личности вообще, т. е. сознания, которому мешало господство родственного начала. Значит, все, что у нас было своего, предназначено было в сломку. Задача нашего исторического развития заключалась в том, чтобы очистить место для личности, приготовить лицо как форму, ибо содержания мы все-таки не могли выработать из себя; но к этому времени с готовым содержанием, т. е. с мыслью о человеке, подоспела Европа, и мы его приняли извне. Итак, автор впал в обе ошибки, от которых предостерегал в начале своей статьи в ответе, названном им *простым*; он искал ключ к правильному взгляду на русскую историю в теории, отвлеченной от германского развития, и определил древний быт России путем сравнения с историей тех же германцев. Впрочем, основное его стремление – создать теорию – спасено; неудачи его никто не припишет теоретическому направлению вообще» (Москвитянин. Ч. 2. – 1847. – С. 151–152).

По мнению биографа Кавелина Д. Корсакова, особенно примечательна была статья Левитского «Несколько слов по поводу статьи Самарина» (Москвитянин. Ч. 2. – С. 147–158), т. к. в отличие от упомянутых выше критических статей статья Левитского защищала воззрения Кавелина от нападок Самарина.

[1] Спорное утверждение Кавелина по отношению к Киевской Руси. В подтверждение спорности утверждения можно привести слова С. М. Соловьева: «Киев был обязан своим благосостоянием тому, что служил складкою товаров между Южною и Северною Европою» (*Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 т. Кн. 1. – М., 1988. – С. 240). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – М., 1989. – С. 545, коммент. В. К. Кантора и О. В. Майоровой.

[2] Княжескую дружину современные исследователи считают главной силой, которая способствовала образованию государства в древней Руси. Именно на основе дружин шло становление раннефеодальных отношений (ссылка на: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. – М., 1989; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. – СПб., 2003).

[3] Имеется в виду, что происхождение русского монашества велось из Византии. Русское монашество в отличие от монашества стран Западной Европы сохраняло единство, не разделяясь на ордена.

[4] Местничество представляло собой систему назначения в Русском государстве XV–XVII вв. членов Государева двора на высокие судебно-административные и военные должности. Порядок назначения определялся положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Название «местничество» ведется от обычая считаться «местами» за столом и на службе. Место зависело от «отеческой чести», которая подразумевала две составляющие – родословную принадлежность и служебную карьеру самого боярина и его предков. Местнические споры судились великим князем, а с 1547 г. – царем и Боярской Думой. Местничество было упразднено при царе Федоре Алексеевиче в 1682 г.

[5] Имеется в виду призвание варяжской дружины Рюрика. Сведения об этом событии на основании «Повести временных лет» относятся к 862 г. Ко времени написания «Взгляда на юридический быт древней России» еще пользовалась авторитетом концепция русской истории «скептической школы» М. Т. Каченовского, который выражал сомнения в подлинности многих сведений из летописей. Рецензируя «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (3 т. – М., 1846) М. П. Погодина и полемизируя с ним, Кавелин поддерживал точку зрения М. Т. Каченовского (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Монографии по русской истории. – СПб., 1897. – С. 100–102).

[6] Кавелин относился скептически к многочисленным концепциям развития русской истории, существовавшим тогда в России. Он писал: «Другой науки, кроме той, которая развита и выработана в Европе, доселе не имеется. А т. к. у славянского мира нет покуда такой науки, то естественно, что он довольствуется тем, что приготовили его западные собратья. Если славянское племя даровито и призвано к всемирно-историческому действованию, оно, развившись, возмужав, усвоит себе эту науку, придаст ей свой национальный отпечаток, может быть, поведет ее дальше и выведет на более широкую дорогу, как сделал новый мир с древней греко-римской наукой. Все это может быть; но покуда этого нет, покуда мы и неопытны, и юны. Гений, оригинальность, действование на пользу человечества не призываются нареканиями на других и непомерным самомнением: они даются. Настанет время, обозначится духовная физиономия славянского племени, и т. к. оно в самом деле заключает в себе великие нравственные силы, они скажутся – за это нечего бояться. И скажутся они не в рассуждениях о том, какое племя лучше, и как бы этак сделаться великим и создать новую науку, и т. к. погибнут другие племена: они прямо и просто обнаружатся в самом действовании, как обнаруживается все

великое» (*Кавелин К. Д.* Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных. Т. 1. – М., 1845 // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 705).

[7] Вероятно, Кавелин имел в виду историка М. П. Погодина, который в начальный период своего творчества считал, что «теории не отражают существа фактов». Но с середины 1840-х гг. Погодин стал защитником теории своеобразия русской истории. На это несоответствие Кавелин указал в рецензии на «Исследования, замечания и лекции о русской истории» Погодина: «Особенно странно в г. Погодине то, что, отзываясь неблагоприятно о системах и теориях русской истории, он сам как бы невольно их строит. Стремление понять основной закон исторической жизни народа, т. е. усвоить его себе и через это открыть для ума больший простор, освободиться от страха и трепета пред таинственным, неизвестным и потому кажущимся или сверхъестественным, или случайным, – так же врожденно всегда присуще человеку, как и требование воссоздать факт прошедший так, как он был. Ни от того, ни от другого требования человек не может отказаться. Оно-то и вовлекло г. Погодина в непоследовательность. У него, современника Каченовского, было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю. Это видно из того, что он в своих разысканиях, иногда наперекор фактам, преследует какую-нибудь любимую мысль» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 105–106.).

[8] После татаро-монгольского нашествия Русь не была оккупирована татарами, которые лишь обложили русские земли сбором дани и утверждением во владении русских великих князей в Золотой Орде. Принимая во внимание новые исторические исследования, Кавелин понимал образование русско-славянского племени иначе, особенно выделяя из «русских славян» великороссов (монография «Мысли и заметки о русской истории»). Кавелин придавал особое значение происхождению великороссов из «русских славян», видя в нем суть истории русского народа.

[9] Как было отмечено выше, Кавелин видел происхождение русских из выделения из «русских славян» великороссов и в их смешении с исконными жителями – финскими племенами: «Восточная отрасль русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и северо-западного края на финской земле, частью из обруселых финнов. Русские переселенцы под влиянием новых условий, на новой почве получили иной характер, отличный от первоначального корня, от которого отделились; с другой стороны, обрусевшие финские племена

внесли новую кровь, новые физиологические элементы в младшую ветвь русского племени» (*Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – С. 184–185).

[10] В русской литературно-научной среде в 1840-е гг. широко обсуждались особенности исторического развития России, самобытности этого процесса (славянофилы) или, по мнению западников, причины отставания от Европы.

[11] По мнению В. К. Кантора – исследователя творчества К. Д. Кавелина, этой мыслью Кавелин следует гегелевскому пониманию исторической роли Христианства: «Благодаря христианской религии <…> человек, рассматриваемый как конечный для себя, есть в то же время и образ Божий, и источник бесконечности в нем самом; он есть самоцель, имеет в самом себе бесконечную ценность и назначен для вечности» (*Гегель Г. В. Ф.* Собрание сочинений. В 14 т. – М. – Л., 1935. – Т. VIII. – С. 314). Цит по: Примечания // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – С. 546.

[12] По мнению В. К. Кантора, Кавелин ссылается на мысль Гегеля, что «всякий индивидуум существует у германцев как свободный для себя» (*Гегель Г. В. Ф.* Указ. соч. – С. 328). Цит. по: Примечания // Там же.

[13] Кавелин цитирует «Повесть временных лет» (см.: Повесть временных лет. – М. – Л., 1950. – С. 214).

[14] Целовальником в Средневековой Руси называли должностное лицо, принявшее присягу через целование креста.

[15] В сер. XIX в. в русской исторической науке преобладала нормандская теория, которая утверждала нормандское (варяжское, варягов-руси) происхождение государства в древней Руси. М. П. Погодин и с некоторыми условиями С. М. Соловьев придерживались точки зрения нормандского происхождения «варягов-руси». Однако многие историки отрицали нормандскую теорию. Среди противников нормандского происхождения древнерусского государства были Ф. Л. Морошкин, М. А. Максимович, Н. В. Савельев-Ростиславич, С. А. Гедеонов, которые вели происхождение Руси от балтийских славян; Н. А. Костомаров видел исток Руси в Литве; Д. И. Иловайский пытался найти исторические сближения между славянами и гуннами.

[16] Свидетельства об этом содержатся в «Повести временных лет» (Повесть временных лет. – С. 216).

[17] Рогволд – Полоцкий князь. По преданию, был варягом, пришедшим с Рюриком из-за моря и получившим от него Полоцк. В 980 г. Владимир Святославич посватался к дочери Рогволда Рогнеде, но

Рогнеда отказала. В ответ Владимир захватил Полоцк, убил Рогволда и двух его сыновей, а Рогнеду силой взял в жены.

[18] Тур – легендарный Туровский князь. Возможно, был современником Рюрика и Рогволда. От его имени был назван г. Туров.

[19] Смерды – сословие зависимых людей, сельское население, земледельцы. Юридически смерды не обладали полными правами свободных людей. Однако не являлись рабами. За убийство смерда виновный наказывался штрафом, как и за убийство холопа. Смердам запрещалось подавать жалобы князю на господина. В IX–XII вв. смерды владели имуществом, платили штрафы за проступки. Имущество, оставшееся после смерти смерда, ни имевшего наследников, переходило к князю. В XIV в. смерды Новгородской и Псковской земель являлись крестьянами, владевшими землей или как коллективные собственники, т. е. являвшиеся членами общин, или на правах личной поземельной собственности с правом отчуждения своих наделов. Смерды лишались права перехода на другую территорию.

[20] В древней Руси название денежной пени в пользу князя за убийство свободного человека.

[21] Ярослав Мудрый (ок. 978–1054) – великий князь Киевский с 1019 г.

[22] Владимир I Святославич – великий князь Киевский (980–1015), крестил Русь, отец Ярослава Мудрого. Завет Ярослава наследникам освящен в сочинениях В. О. Ключевского (*Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 1. – М., 1987. – С. 179–198).

[23] Торк, торки (гузы) – тюркское кочевое племя, обитавшее в степях на юге древней Руси в X–XII вв.

[24] Владимир Мономах (Владимир Всеволодович по прозвищу Мономах; 1053–1125) – великий князь Киевский, правивший с 1113 г.; Мстислав Великий (1076–1132) – великий князь Киевский, правил с 1125 г. Владимир Мономах и Мстислав Великий стремились сохранить единство древней Руси под началом великого князя. Однако после смерти Мстислава Великого начался период феодальной раздробленности.

[25] Всеволод Юрьевич (Всеволод Георгиевич) Большое Гнездо (прозвище князя, потому что он имел большую семью; 1154–1212) – великий князь Владимирский (с 1176 г.). Всеволод расширил границы Великого княжества Владимирского, упрочил его позиции в Рязанской, Муромской, Новгородской землях. Большинство русских князей признали за ним старшинство в роде Мономаховичей.

[26] Святославичи – потомки князя Святослава II Ярославича.

[27] Ольговичи – потомки князя Олега, старшего сына Святослава II Ярославича.

[28] Подразумеваются эпизоды из «Повести временных лет». За 970 г.: «И сказали новгородцы Святославу: “Дай нам Владимира”. – Он же ответил им: “Вот он вам”» (Повесть временных лет. – С. 247). За 1015 г.: «Ярослав же не знал еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов» (Повесть временных лет. – С. 295).

[29] В течение XII–XV вв. – с 1136 г., после изгнания князя Всеволода Мстиславича, и до присоединения в 1478 г. Новгород являлся боярской республикой с вечевой формой правления. Вече – собрание свободных и богатых граждан, избиравших из бояр своих руководителей – тысяцкого и посадского. Новгородцы приглашали князя из других земель и заключали с ним договор, который определял его служебные функции. Князь подчинялся новгородцам, которые могли не только приглашать, но и изгонять неугодных князей. Расположение Новгорода на пути «из варяг в греки» способствовало развитию в нем торговли, ремесел, культуры (*Янин В. Л.* Средневековый Новгород. – М., 2004; *Он же.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. – М., 1981).

[30] Посадник – выборный воевода, старшина города в Новгороде и Пскове. Избирался на вече из представителей наиболее знатных и богатых боярских семей.

[31] Тысяцкий – военачальник, возглавлявший городское ополчение («тысячу»), начальник полиции и расправы (суда) в Новгороде.

[32] Юрий (Георгий) Долгорукий – князь Суздальский (1125–1157) и великий князь Киевский, сын Владимира Всеволодовича Мономаха. После смерти великого Киевского князя Мстислава Владимировича в 1132 г. Юрий Владимирович проводил активную политику на юге Руси, намереваясь приобрести Киев, за что и получил прозвище «Долгорукий». В период его княжества обозначились границы княжества. В его княжение были построены Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Дмитров. Юрий Долгорукий являлся основателем Москвы, которая впервые упоминается в летописи в 1147 г.

[33] Андрей Юрьевич (прозвище – Боголюбский; ок. 1111–1174) – князь Владимиро-Суздальский (с 1157 г.), сын Юрия Долгорукого. Намеревался стать единовластным правителем всего Владимиро-Суздальского княжества. Боголюбский перенес столи-

цу во Владимир. По инициативе Боголюбского во Владимире был построен Успенский собор. Усиление княжеской власти вызывало противодействие со стороны наиболее влиятельных бояр, которые организовали заговор против Андрея Боголюбского, в результате которого князь был вероломно убит.

[34] Слуги-кормленщики – наместники областей, назначавшиеся князем управлять областью и получавшие за исполнение своей службы содержание (корм) с местного населения.

[35] В отечественной исторической науке проблема влияния монголо-татарского ига на русскую историю является одной из ключевых. Н. М. Карамзин видел положительное влияние ига в преодолении государственной раздробленности, прекращении феодальных междоусобиц и «восстановлении единовластия» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. – М., 1989. – С. 223). Противник монархической власти А. И. Герцен видел в монгольском иге становление самодержавной власти. В 1850 г. А. И. Герцен соотносил окончание монголо-татарского ига с началом гнета самодержавной монархии: «Оправившись мало-помалу от учиненного монголами разгрома, русский народ очутился лицом к лицу с царем, с неограниченной монархией, гнет которой был особенно тяжким благодаря влиянию, приобретенному ею под сенью ханской власти» (*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 4. – М., 1956. – С. 136).

[36] Иван I (Иоанн) Данилович (прозвище – Калита) – с 1325 г. великий князь Московский и великий князь Владимирский (1328–1340).

[37] Семен (Симеон) Иванович (прозвище – Гордый) – с 1340 г. великий князь Московский и великий князь Владимирский (с 1341 г.), старший сын Ивана I Калиты.

[38] Ордынский выход – дань, которую платили русские князья ханам Золотой Орды во второй половине XIII–XV вв. Ордынским выходом было обложено все население, кроме духовенства, величина ордынского выхода с течением времени менялась. Неуплата этой подати приравнивалась к неповиновению и каралась лишением имущества или отданием в рабство.

[39] Василий III Иванович(1479–1533) – великий князь Владимирский и Московский, Государь всея Руси в 1505–1533 гг.; отец Ивана IV Грозного.

[40] Имеется в виду князь Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич, внук князя Дмитрия Шемяки. В 1446 г. захватил московский престол и ослепил великого князя Московского Василия II – деда Василия III. О юродивом с метлой повествуется в за-

писках австрийского дипломата XVI в. (*Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988. – С. 41).

[41] Иван (Иоанн) IV Грозный (1530–1584) – с 1533 г. великий князь Московский и всея Руси, с 1547 г. – первый русский царь. Кавелин имел в виду высказывание Петра I об Иване Грозном: «Этот государь <…> мой предшественник и пример. <…> Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойств его народа и великих его заслуг, называют тираном» (Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. В 4 ч. Ч. II. – М., 1830. – С. 14). Цит по: Примечания // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – С. 548. – Примеч. 30.

[42] Петр I Великий (1672–1725) – младший сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н. К. Нарышкиной. С 1682 г. – русский царь, правивший с 1689 по 1696 г. формально вместе со старшим братом Иваном V. С 1721 г. – первый русский Император.

[43] Федор Иванович (Федор Иоаннович; 1557–1598) – последний русский царь из династии Рюриковичей, правивший с 1584 г. Сын Ивана Грозного был не способен к царствованию по слабости здоровья и характера, поэтому передал престол брату своей жены Ирины Годуновой – Борису Годунову.

[44] Кавелин говорит прежде всего о князе Андрее Курбском, бежавшем накануне введения опричнины в Литву, обличителе Ивана Грозного, его постоянном адресате (См.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. – М., 1998; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М. – Л., 1979–1981).

[45] Окольничие – придворный чин и должность, предшествовавший чину боярина, давал право на участие в работе Боярской Думы.

[46] Н. М. Карамзин говорил о сугубо положительном значении прозвища царя: «Ему первому дали в России имя Грозного, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу, он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. – М., 1989. – С. 215).

[47] Судебник Ивана III (1497) – первый общерусский свод законов, который сыграл большую роль в создании системы национального права и укреплении Русского государства. Судебник был призван организовать общерусскую систему судоустройства и судопроизводства.

[48] Окладные книги содержали ежегодное распределение разных даней, повинностей и налогов по территориям.

[49] Губа – судебный округ. Губной староста – выборный представитель местных органов самоуправления в XVI–XVII вв. Губные старосты осуществляли судебно-полицейские функции, занимаясь уголовными делами по губе, в том числе осуществляли сыск.

[50] Судебник Ивана IV способствовал усилению центральных судебных органов, ограничил власть наместников. В нем был определен порядок подачи и рассмотрения жалоб на наместников (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. – М., 1960).

[51] В русском фольклоре существовали и были известны народные песни и баллады, прославлявшие мудрость и справедливость царя Ивана Грозного (Царь Иван Грозный / Сост. А. Степанова, И. Тарасенко. – СПб., 2010; *Мутья Н. Н.* Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. – СПб., 2010; Исторические песни XIII–XVI веков. – М. – Л., 1960. – С. 123–492, 532–542).

[52] Разделение на опричнину и земщину было отменено в 1572 г. Иваном IV. Опричнина (от слова «опричь» – кроме) функционировала в нескольких значениях: 1) как название Государева удела, т. е. его территории, учреждений, войска в 1565–1572 гг.; 2) как внутренняя политика Ивана Грозного в 1565–1572 гг. С иной точки зрения, опричнина продолжалась до смерти Ивана IV в 1584 г. Опричнина сводилась к мерам по укреплению царской власти, мобилизации сил страны в годы Ливонской войны. Это достигалось с помощью ряда военных, административных и финансовых и социальных мер. Опричнина сопровождалась репрессиями не только в отношении представителей высшей знати, оппозиционных царю, но в отношении рядовых дворян, дьяков и простого народа (См.: *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. – М., 1999).

[53] Введение в период правления Федора Иоанновича «заповедных лет» (от слова «заповедь» – запрет), в которые упразднялось право перехода крестьян от одного барина к другому в Юрьев день. Отмена Юрьева дня ознаменовала новый этап в становлении крепостного права. Кавелин имел также в виду указ Федора Иоанновича (1597 г.) о 5-летнем сыске беглых крестьян в «урочные лета», бежавших после 1592 г., а также указ Василия Шуйского (1607 г.) о 15-летнем сыске беглых крестьян. Полностью урочные годы были отменены Соборным уложением царя Алексея Михайловича, по которому сыск беглых крестьян стал бессрочным.

[54] Имеется в виду эпоха Смутного времени, на которую приходились царствования Бориса Годунова (1598–1605), Лжедмитрия I (1605–1606 гг.), Василия Шуйского (1606–1610 гг.), восстание под руководством Ивана Болотникова (1606–1607 гг.), движение Лжедмитрия II (1608–1610 гг.), провозглашение царем польского королевича Владислава (1610 г.), нашествие поляков, восстание в Москве против иноземцев (1611 г.), освобождение Москвы народным ополчением под предводительством К. З. Минина и Д. И. Пожарского (октябрь 1612 г.).

[55] Царь Михаил Федорович Романов, положивший начало династии Романовых, взошел на русский перестол в 1613 г., будучи избран Земским Собором.

[56] Алексей Михайлович (1629–1676) – второй царь из династии Романовых, царствовал с 1645 г. Сын царя Михаила Федоровича.

[57] Тайный приказ, или Приказ тайных дел – одно из центральных правительственных учреждений России во второй половине XVII в., одновременно выполнял функцию личной канцелярии царя Алексея Михайловича. Приказ был учрежден в 1658 г. царем Алексеем Михайловичем. Упразднен в начале царствования Федора Алексеевича (1676–1682). Дьяки приказа контролировали работу других центральных государственных учреждений, следили за действиями русских послов, городовых и полковых воевод, а также заведовали оружейными и пушечными заводами. В Тайном приказе велись следствия по наиболее значительным государственным делам.

[58] Федор Алексеевич (1661–1782) – сын царя Алексея Михайловича от первого брака с М. И. Милославской. С 1676 г. – русский царь из династии Романовых.

[59] Правительствующий Сенат был учрежден указом Петра I от 22 февраля 1711 г. Вначале являлся заменившим Боярскую Думу временным коллегиальным органом управления страной в отсутствие царя. Выполнял функции законосовещательного учреждения, а также судебно-апелляционной инстанции. Являлся также органом надзора за всеми коллегиями, за исключением Иностранной.

[60] Табель о рангах – утвержденный 24 января 1722 г. Петром I закон о порядке государственной службы в Российской Империи. В Табели о рангах определялась субординация чинов по старшинству, порядок и последовательность чинопроизводства.

[61] Речь идет о славянофилах, которые отрицательно относились к личности Петра I, не признавали последовательный и определенный историческими закономерностями характер его пре-

образований. Например, славянофил И. В. Киреевский называл Петра I «разрушителем русского и вводителем немецкого» (См.: *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. – М., 2007; *Он же*. Разум на пути к Истине: Философские статьи, публицистика. – М., 2002; *Хомяков А. С.* Избранные сочинения. – М., 2010).

[62] Татищев Василий Никитич (1686–1750) – русский государственный деятель, сподвижник Петра I, ученый-историк, основоположник русской исторической науки. Сравнение В. Н. Татищевым указов Петра I с указами Ивана IV см.: *Татищев В. Н.* История Российская. В 7 т. Т. VII. – Л., 1968. – С. 345–347, 363, 372). Цит. по: Примечания // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 47. – С. 549.

[63] Русская Правда – свод законов Киевской Руси. Начала создаваться при князе Ярославе Мудром (называлась также «Правда Ярослава», «Древнейшая Правда»). Ее формирование продолжалось при сыновьях Ярослава («Правда Ярославичей»).

[64] Елизавета Петровна (1709–1796) – дочь Петра I, русская Императрица с 1741 по 1761 г.

[65] Имеется в виду Екатерина II Великая (1729–1796) – русская Императрица.

[66] Имеется в виду Иван Никитич Берсень-Беклемишев – известный в царствование Ивана III и Василия Иоанновича III дипломат и государственный деятель. Пользовался уважением со стороны Ивана III. Привлечен к следствию по делу Максима Грека, давшего показания на Берсеня-Беклемишева, который будто бы осуждал, «поносил» царя за «упрямство» и «высокоумие», осуждал неследование обычаям. Казнен отсечением головы в 1525 г.

Краткий взгляд на русскую историю. Чтение в профессорском клубе в Бонне (1863–1864)

Впервые опубл.: Русская старина. – 1887. – № 4. – С. 168–179.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – СПб., 1897. – С. 569–584.

Печатается по тексту второй публикации.

Появилась в печати после смерти К. Д. Кавелина под рубрикой «Историческое значение освобождения крестьян в России» с редакционным подзаголовком: «Чтение в профессорском клубе в Бонне об историческом значении освобождения крестьян в России (1863–1864)». Перед заглавием помещено пояснение: «Программа. Вступ-

ление. Освобождение крестьян als Anknüpfungspunkt[1]. Цель – пояснить это событие исторически» / Пер. В. К. Кантора (*Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – М., 1989). По мнению В. К. Кантора, предваряющее статью пояснение принадлежит самому Кавелину.

«Краткий взгляд на русскую историю» представляет собой конспект реферата, прочитанного Кавелиным по-немецки в Бонне во время пребывания его за границей в 1862–1864 гг. Проживая в г. Бонне на Рейне зимой 1863–1864 гг., он был дружески принят местными профессорами и введен в их Профессорский клуб (Docenten-Club), в котором читались рефераты по научным и современным общественно-политическим вопросам. Боннские профессора, проявляя интерес к значению крестьянской реформы 1861 г. в России, попросили Кавелина объяснить им подлинный исторический и общественный смысл этого события, которое было им не совсем ясно, потому что в Западной Европе освобождение крестьян шло совершенно иным путем и при других условиях, нежели оно совершилось в России. Исполняя их желание, Кавелин сообщил в Боннском профессорском клубе свои воззрения на значение освобождения крестьян в России в его прошедшем, настоящем и будущем. Кавелин говорил по-немецки, имея в руках конспект на русском языке, чем и объясняется присутствие немецких слов в конспекте.

[1] Кавелин говорит о территориях, заселенных казаками, по словам Кавелина, жившими не берегах Днепра и на его островах ниже Киева. Как и С. М. Соловьев, Кавелин считал казаков особым типом населения России.

[2] Вслед за С. М. Соловьевым Кавелин, говоря о колонизации финского востока Руси, имел в виду движение русских славян на северо-восточные земли, населенные племенами финского происхождения.

[3] «Положение о евреях», принятое в 1835 г., для устройства еврейских земледельческих поселений разрешало выделять им казенные земли за чертой оседлости. По этому положению евреям разрешалось покупать земли в частную и общественную собственность. На основании «Положения» в 1836 г. в Тобольской и Омской губ. для еврейских поселений было выделено 15 154 десятин земли. Однако в этом же году переселение евреев в Сибирь было решено прекратить и направлять переселенцев в Новороссию.

[4] Кавелин имеет в виду великого князя Московского Ивана Даниловича Калиту.

---

1 Точка соприкосновения (нем.).

[5] Кавелин пишет о случае с любимцем Ивана Грозного – русским князем Афанасием Вяземским (?–1570), оружничим Ивана IV Грозного, влиятельным опричником. С конца 1550-х гг. он пользовался неограниченным доверием царя после падения Адашева и Сильвестра, был одним из организаторов опричнины. Иван Грозный только из его рук принимал лекарства, приготовленные царским доктором Ленсеем. Когда Иван Грозный получил на князя донос, обвинявший его в измене, царь приказал убить его лучших слуг. Вяземский невозмутимо прошел мимо их трупов, чтобы доказать свою преданность Ивану Грозному. Однако вскоре был схвачен и скончался под пытками.

[6] Дмитрий Донской (1350–1389) – сын великого князя Ивана II Красного и его второй жены Александры; великий князь Московский (с 1359 г.) и Владимирский (с 1362 г., с перерывами), возглавлявший вооруженную борьбу русского народа против монголо-татар и руководивший их разгромом в битве на р. Вожа (1378 г.) и Куликовской битве (1380 г.) в верховьях Дона (отсюда прозвище «Донской»). Впервые передал великое княжество своему сыну Василию I без согласия Золотой Орды. В период княжения Дмитрия Донского Московское великое княжество утвердило свое руководящее положение в русских землях, построен белокаменный кремль в Москве (1367 г.). Дмитрий Донской канонизирован Русской Православной Церковью.

[7] Вопрос о государственном крепостном праве среди других был поставлен Кавелиным в его «Записке об освобождении крестьян в России» (1855 г.), поданной им Александру II. Кавелин считал положение государственных крепостных крестьян таким же тяжелым и бесправным, как и положение помещичьих крестьян. В третьем выпуске «Голосов из России» А. И. Герцен опубликовал именно эту часть «Записки об освобождении крестьян в России».

[8] Хворостинин Иван Андреевич (?–1625) – князь, русский боярин, придворный Лжедмитрия I, сошелся с поляками, изучил латинский язык. Читая латинские книги, подпал под влияние католичества. За это при Василии Шуйском князя Хворостинина сослали в Иосифов монастырь. В царствование Михаила Федоровича Романова был возвращен из ссылки в Москву. Однако в дальнейшем намеревался бежать в Литву или Рим. После этого Хворостинина вторично ссылают в Кириллов монастырь. Там он принес покаяние и был снова возвращен в Москву. В. О. Ключевский видел в Хворостинине тип русского европейца, вольнодумца «на католической подкладке», имевшем сходство с философом П. Я. Чаадаевым.

[9] Иван III Васильевич (1440–1505) – сын князя Василия II Темного и княгини Марии Ярославны, великий князь Московский и Владимирский (с 1462 г.), с 1478 г. – Государь всея Руси. Присоединил к Московскому великому княжеству Ярославль (1463 г.), Ростов (1474 г.), Новгород (1477 г.), Тверь (1485 г.), Вятку (1489 г.) и другие города, в результате чего сложилось ядро единого Русского государства. В правление Ивана III было свергнуто монголо-татарское иго («стояние на Угре в 1480 г.»), а в 1497 г. был составлен Судебник Ивана III, о котором неоднократно говорил Кавелин. В правление Ивана III началось складывание центрального государственного аппарата, интенсивное строительство в Москве, вырос международный авторитет Русского государства.

[10] Никон (в миру Минов Никита; 1606–1681) – святейший патриарх Московский и всея Руси с 1652 г., проведший реформы, состоявшие в исправлении церковных книг, обрядов по южнославянским образцам, унаследованным от Византии; унификации культа. Однако реформа, которая должна была способствовать церковному и государственному сближению славянских народов, вызвала раскол в Русской Православной Церкви. Никон активно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику государства, стараясь поставить «священство выше царства» (противопоставлял власть патриарха власти царя), что вызвало его разрыв с царем Алексеем Михайловичем (1629–1676). В 1658 г. формально оставил патриаршество, но фактически оставался патриархом до 1666 г., когда Никон был лишен сана и сослан.

[11] Кавелин говорит о случае, когда жена просила мужа-иностранца побить ее в доказательство его любви. Этот случай был описан не Олеарием, а немецким дипломатом Зигмундом Герберштейном (нем. *Herberstein*; 1486–1566), бароном, путешественником. Во главе дипломатической миссии императора Максимилиана I посетил Россию в 1517 и 1526 гг. в целях создания коалиции государств для борьбы против Турции. (*Герберштейн З.* Записки о Московии / Пер. и коммент. А. Малеина. – СПб., 1908).

[12] Казачий атаман, возглавивший в 1581 г. поход в Сибирь. Поход Ермака Тимофеевича стал началом освоения Сибири Русским государством.

[13] Кавелин говорит об известном эпизоде пребывания Петра I в Гааге на приеме Великого посольства из России депутатами Генеральных штатов. Петр решил уйти, не дождавшись церемонии; ему надо было идти через зал, где собрались депутаты, поэтому он потребовал, чтобы они встали к нему спиной, когда он будет

проходить мимо них. Депутаты согласились встать, но отказались повернуться спиной к царю. Тогда Петр, чтобы укрыться от любопытных взглядов, перевернул парик задом наперед и, закрыв таким образом лицо, выскочил из аудиенц-зала (См.: *Павленко Н. И.* Петр Первый. – М., 1975. – С. 60).

[14] Кавелин подразумевает рассказ Императрицы Елизаветы Петровны: «Я помню, как покойный мой родитель при многих случаях говаривал, что он с охотою дал бы отрубить себе палец у руки за то, чтобы его в молодости учили. Однажды <…> сказал: “Как вы счастливы, дети мои, что в молодости дают вам читать полезные книги и учат вас! Я лишен был этова в своей молодости”» (Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. В 4 ч. Ч. II. – С. 25). Цит. по: Примечания // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 12. – С. 566.

[15] Кавелин имеет в виду библейскую легенду об излечении сынов израилевых от укусов ядовитых змей. В книге Библии (Числ. 21:9) говорится, что когда израильтяне были уязвляемы ядовитыми змеями в пустыне за ропот против Бога и Моисея, то Моисей получил повеление от Бога сделать медного змея и выставить его на знамя, чтобы всякий потерпевший уязвление, взглянув на него, оставался жив. В беседе Господа с Никодимом медный змей Моисеев служит предметом величественнейшего и трогательнейшего прообраза: «Как Моисей вознес змию в пустыне, – изрек Господь, – так до́лжно вознесену быть Сыну человеческому» (Ин. 3:14) и как израильтяне, взиравшие на медного змия, исцелялись, так равно спасаются и все те, которые с верою взирают на Христа Распятого. Медный змей Моисеев существовал до времен царя Езекии, который велел истребить его, «потому что до самых тех дней, – свидетельствует Книга Царств, – сыны израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар. 18:4).

[16] Анна Ивановна (Анна Иоанновна, 1693–1740) – русская Императрица (с 1730 г.) из династии Романовых, приглашенная на престол в 1730 г. дочь Ивана V, племянница Петра I. Средняя дочь царя Ивана V (Ивана Алексеевича) и Прасковьи Федоровны Салтыковой. Была замужем (1710–1711 гг.) за герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. Овдовев, Анна жила в Митаве. После смерти Петра II была приглашена 25 января 1730 г. на русский престол Верховным тайным советом по предложению Д. М. Голицына и В. Л. Долгорукова. Верховники попытались ограничить самодержавие, что нашло отражение в «Кондициях», условиях восшествия на российский трон и других документах, касавшихся реформирования

государственного управления. Анна подписала «Кондиции», согласно которым без Верховного тайного совета она не могла объявлять войну, заключать мир, вводить новые подати и налоги, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни, чести и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола. Прибыв в Москву, Анна получила поддержку у оппозиции (А. И. Остерман, Феофан Прокопович, П. И. Ягужинский, А. Д. Кантемир). Убедившись в верности дворянства, вручившего ей 25 февраля 1730 г. челобитную с просьбой о восстановлении самодержавной власти, Анна разорвала «Кондиции». Придя к власти, Анна распустила Верховный тайный совет (1730 г.), восстановила значение Сената, учредила Кабинет министров (1731 г.), в состав которого вошли А. И. Остерман, Г. И. Головкин, А. М. Черкасский. В годы правления Анны был отменен указ о единонаследии (1731 г.), служба дворян ограничена 25 годами. Ближайшее окружение Анны составляли иностранцы (Э. И. Бирон, К. Г. Левенвольде, Б. Х. Миних, П. П. Ласси). При Анне огромное влияние имел ее фаворит Э. И. Бирон. «Бироновщина», олицетворявшая политический террор, казнокрадство, распущенность нравов, неуважение к русским традициям, вошла темной страницей в русскую историю.

[17] Петр III Федорович (1728–1762) – русский Император с 1761 г., сын царевны Анны, дочери Петра Великого, и герцога Гольштинского. Происходил из Гольштейн-Готторпской династии. 28 июня 1762 г. был свергнут с престола своей женой Екатериной Алексеевной и вскоре был убит в Ропше под С.-Петербургом.

[18] Городовое положение – закон о городском самоуправлении в России 1846 г. для С.-Петербурга, 1862 г. – для Москвы, 1863 г. – для Одессы – заменило Шестигласную думу всесословной Распорядительной Думой. Городская общая дума избиралась по отдельным сословиям, но в полном составе представляла все общество. В январе 1864 г. было опубликовано Положение о губернских и земских учреждениях, в ведение которых передавались попечение об имуществе и финансах земства, строительство и содержание путей сообщения и земских зданий, контроль за развитием местной промышленности и торговли, продовольствия, а также народное образование и призрение бедных. Кавелин в статье 1864 г. «По поводу губернских и земских учреждений» рассматривал реформы в области местного самоуправления и земств как эпоху в развитии русской общественности, шаг к общественной самодеятельности и самоуправлению (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 735–778).

[19] Имеется в виду указ Александра I от 12 декабря 1801 г.

[20] Кавелин говорит о начавшихся в 1861 г. военных реформах, проводимых под руководством военного министра Д. А. Милютина, друга Кавелина.

[21] Подушная подать была отменена для цеховых ремесленников и мещан (кроме Бессарабии и Сибири). Указом Александра III от 18 мая 1881 г. предусматривалась постепенная отмена подушной подати для крестьян. Однако в европейской части России крестьяне были освобождены от подушной подати значительно позднее, в 1887 г., а в Сибири – лишь в 1899 г.

[22] Ряд указов и распоряжений Николая I свидетельствовали о его желании освободить крестьян. В области внутренней политики предпринимал неоднократные попытки подготовить крестьянскую реформу, но они не шли дальше создания «секретных комитетов». В 1827 г. в комитет внесено было Высочайшее повеление о рассмотрении вопроса о запрещении продажи крепостных крестьян без земли. Повеление это вызвало, с одной стороны, замечательную записку Сперанского о крепостном праве и мерах к постепенному его ограничению, причем, между прочим, указано было, что важным средством повлиять на улучшение положения помещичьих крестьян является упорядочение положения крестьян казенных; с другой стороны, повеление это дало повод графу В. П. Кочубею, руководителю «секретного комитета», заметить, что вопрос об улучшении положения крестьян необходимо соединить с вопросом об упорядочении положения и других сословий. Возбуждение крестьянского вопроса было вызвано значительными крестьянскими волнениями, вспыхнувшими в разных местах Империи. Вопрос об ограничении крепостного права прикреплением крестьян к земле и затруднением владеть дворовыми вне населенных имений был довольно подробно разработан комитетом 6 декабря, но намеченные им меры не получили практического осуществления, несмотря на одобрение их государем. Поднятый Сперанским вопрос об улучшении положения казенных крестьян получил некоторое практическое разрешение лишь значительно позднее. Все эти меры, хотя и получившие одобрение Николая, в конце концов, также не были приведены в исполнение.

[23] Во время польского освободительного восстания в 1863–1864 гг. русское правительство стремилось сделать крестьянство своей опорой в борьбе против восставшей шляхты, ввело в Царстве Польском обязательный выкуп земли.

Мысли и заметки о русской истории

Впервые опубл.: Вестник Европы. – 1866. –Т. 2. – С. 325–404.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – СПб., 1897. – С. 583–676.

Печатается по тексту второй публикации.

Идеи, высказанные в боннском реферате «Краткий взгляд на русскую историю», К. Д. Кавелин впоследствии развил полнее и подробнее в одной из главных своих монографий, которая сразу после выхода из печати, по мнению Д. А. Корсакова – биографа К. Д. Кавелина, к сожалению, недостаточно обратила на себя внимание в русской периодической печати и не была оценена по достоинству. Эта монография представляет, по словам самого Кавелина, итог его исторических и политических взглядов и его «лебединую песню» в области русской истории, являясь вместе с тем редким по ясности и последовательности мысли и по талантливости изложения историко-философским этюдом о древней, допетровской русской истории, точнее, допетровской истории великорусского племени. Эта монография Кавелина носит скромное заглавие «Мысли и заметки о русской истории» и была опубликована в «Вестнике Европы» (1866. Кн. II). Д. А. Корсаков с горечью подтверждал, что за прошедшие «с лишком тридцать лет и, вероятно, весьма немногим памятны эти “Мысли и заметки” Кавелина. Самым важным в этой монографии является уяснение расовых и исторических особенностей великорусского племени и самобытно выработанного им начала самодержавия. Появившись в такое время, когда внимание русского общества было всецело поглощено нашими современными внутренними делами, когда Кавелин не пользовался уже своим прежним авторитетным значением в литературе и в обществе, именно по этой причине “Мысли и заметки о русской истории” оценены были только специалистами» (*Корсаков Д. А.* Примечания к т. 1 Монографии по русской истории // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. II).

Из отзывов в печати об этой монографии Д. А. Корсаков называл: 1) за подписью *Л. И–н*. «Разбор II книги “Вестника Европы”» на 1866 г.; в газете «Русский Инвалид» (1866, № 182); 2) отзыв Ильи Васильевича Беляева в славянофильской газете И. С. Аксакова «Москва» (1867, № 59). Рецензент «Русского инвалида», по указанию Д. А. Корсакова, очень сочувственно отзывался о К. Д. Кавелине. Обращаясь к тому недавнему времени, когда «имя г. Кавелина было очень дорого мно-

гим», он заявляет, что «в большинстве мыслящих людей, несмотря на передряги последних лет, несмотря на так называемые “свержения авторитетов”, несмотря на появление новых имен в печати, имя его не забывалось, и в начале шестидесятых годов труды и влияние его еще помнились». И. В. Беляев в статье «Возражение г. Кавелину» полемизировал с ним против его положения о возникновении великорусского племени в XI–XII вв., относил начало этого племени к более ранним векам. Д. А. Корсаков уточнял, что автора этой рецензии не следовало смешивать с Иваном Дмитриевичем Беляевым (1810–1873) – известным профессором Московского университета по кафедре истории русского права, с которым также полемизировал Кавелин (См.: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. I. – С. 775–800, в разборе «Чтений в Императорском обществе истории и древностей Российских 1847 г.»). И. В. Беляев (1826–1867) – двоюродный брат И. Д. Беляева – был профессором Московской духовной семинарии и, являясь приверженцем славянофильских воззрений, участвовал в славянофильском журнале «Русская беседа» и журнале «День»; писал статьи по русской церковной истории, среди которых заслуживает особого внимания специальная монография, посвященная Стоглавому Собору. «Возражение» И. В. Беляева Кавелину было опубликовано уже после смерти Беляева. Об И. В. Беляеве имелись материалы в газетах «День» (1867, № 21), «Москва» (№ 22; 24), *Геннади Г. Н*. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. I. А. – Е. – СПб., 1876. – С. 126). Д. А. Корсаков вспоминал, что Кавелин в 1870-х гг. собирался поместить французский перевод монографии «Мысли и заметки о русской истории» в одном из парижских “*Revue*”. По словам Д. А. Корсакова, в бумагах Кавелина был найден прекрасный перевод этой монографии на французский язык, сделанный, по-видимому, человеком, хорошо знающим как русский, так и французский язык, и просмотренный Кавелиным.

Кавелин называл «Мысли и заметки о русской истории» «лебединой песнью в области русской истории». Он полагал, что в качестве историка-мыслителя выполнил свою задачу, т. к. отчетливо видел конец эпохи 1840-х гг. в области исторической науки, «времени постановки общих вопросов в русской истории, искания и разъяснения ее основ и начал, чем заняты мы были в 40-х годах». Кавелин был убежден, что в 1860-е гг. историческая наука нуждается более в разработке частных вопросов, которые, собранные воедино, помогут «путем правильной индукции сделать новый ряд обобщений и выво-

дов» (*Корсаков Д. А.* К. Д. Кавелин. Материалы к биографии // Вестник Европы. – 1887. – № 2. – С. 629).

Монография «Мысли и заметки о русской истории» была заявлена как обширная рецензия на очередные тома работ современников Кавелина («Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева и «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова). Кавелин и раньше много раз разбирал работы своих современников – Д. А. Валуева, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина и ряда других. Еще в статьях 1840-х гг. Кавелин сформулировал основы государственного, или историко-юридического направления «государственной школы» в русской историографии. По мнению Кавелина, «вся русская история – как древняя, так и новая – есть преимущественно государственная… Политический, государственный элемент представляет покуда единственно живую сторону нашей жизни, сосредоточивает в себе весь смысл и всю жизнь древней Руси» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 277, 285).

В монографической статье «Мысли и заметки о русской истории» Кавелин преодолевает рамки рецензии на очередные тома сочинений Соловьева и Устрялова. В ней вслед за работами «Взгляд на юридический быт древней России», «Дворянство и освобождение крестьян» Кавелин сформулировал главные для своего творчества историософские, культурологические и политические идеи: примат личностного начала, политические реформы и коренное отличие европейской и русской цивилизации, заключающееся в том, что Россия – прежде всего «мужицкое царство» с сильным государственным самодержавным началом. Именно в этом различии Кавелин видел специфику исторического пути России, который защитит ее от социальных переворотов, потрясавших Западную Европу.

[1] Концепция русской историографии Кавелина сформировалась еще в 1840-х гг. В ней подвергался критике подход к русской истории Н. М. Карамзина, который соединил в себе «взгляды и факты, противоречащие друг другу» (*Кавелин К. Д.* Историко-критические отрывки М. П. Погодина // Собрание сочинений. Т. 1. – С. 224). Разбирая труды М. П. Погодина, Кавелин подчеркивал, что главной задачей этого историка был кардинальный пересмотр господствовавшей тогда «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина: «Вдобавок тогда еще безгранично господствовал авторитет Карамзина, который при всех своих великих и вечно незабвенных заслугах для русской истории внес в нее совершенно противоестественное воззрение. За-

дав себе невозможную задачу – изложить русскую историю фактически верно, но с точки зрения западноевропейской истории, он выполнил ее так блистательно, умел так искусно сочетать взгляд и факты, противоречащие друг другу, взятые из совершенно разнородных слоев жизни, что даже до сих пор, несмотря на исполинские шаги вперед, мы не можем еще совершенно освободиться от обаяния, навеянного на нас "Историею Государства Российского". Тайна этого очарования, может быть, не столько скрывалась в тогдашнем фактическом незнании нашей истории (как оно ни было велико), сколько в духе и обстоятельствах времени. Чувство национальной гордости было тогда возбуждено в высшей степени великими событиями; но это чувство, проникавшее преимущественно образованные классы общества, перейдя в сознание, должно было принять характер Петровой эпохи, которую мы доживали. Более чем когда-либо мы уверились, что мы – европейцы и стоим с ними на одной степени» (*Кавелин К. Д.* Историко-критические отрывки М. П. Погодина. Т. 1. – С. 224).

Собственно, рассматривая труды Погодина, Кавелин искал в них анализа фактографии, обобщений, противопоставленных идеям Н. М. Карамзина: «... г. Погодин, очень удачно нападая на Карамзина в отдельных фактах и явлениях исторических, остался при нем в целом и так не понял или забыл свое призвание в русской исторической литературе» (там же. – С. 226). Отдавая должное Погодину как тщательному исследователю исторических источников и фактов, Кавелин критиковал его за увлечение фактографией и за отсутствие цельного, систематического взгляда на исторические события: «В период деятельности г. Погодина все наши критики, более или менее недовольные Карамзиным и господствовавшими в то время понятиями о русской истории, растратили, таким образом, свои силы над частностями. *Общее* потеряно из вида. Возникли споры, партии, вражды, которые ни к чему не привели, потому что мысль, их породившая, была забыта» (Там же). Кавелин остро критиковал историографическую концепцию М. П. Погодина: «Но г. Погодин смотрит совершенно иначе и из верного положения делает ложные выводы. Вместо того чтобы в образовании государства все внимание устремить на составные его элементы и результаты их соединения, он сосредоточивает его на тех частных, случайных явлениях и событиях, при которых эти элементы соединились, и эти частности выдвигает на первый план. В поэте такой взгляд необходим, составляет его неотъемлемую принадлежность и достоинство; в ученом, который переводит события и исторические факты в сферу мысли, – это важный недостаток, от которого терпит

наука. В г. Погодине он ощутителен и тесно связан с его полумистическим воззрением на историю – воззрением, которое проглядывает во всем, что бы он ни писал об исторических эпохах и событиях: и в исторических афоризмах, и в очерке истории Москвы, и т. д.» (Исследования, замечания, лекции М. П. Погодина. Т. 1. – С. 192).

[2] Сократ (470/469–399 до н. э.) – древнегреческий философ. Наиболее известен его тезис: «Я знаю, что ничего не знаю». Сократ являлся одним из родоначальников диалектики как метода отыскания истины. Сократа обвинили в поклонении новым божествам и «развращении молодежи». Он был приговорен к смертной казни и выпил чашу с ядом цикуты.

[3] Кавелин имеет в виду реформы 1860-х гг. Александра II, которые современники (М. Н. Катков, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Б. Н. Чичерин и сам К. Д. Кавелин) сравнивали с петровскими реформами.

[4] Кавелин придавал важное значение реформам Александра II, видя в них начало нового исторического периода, сравнивая его с преобразованиями кон. XVI – нач. XVII вв. и кон. XVII – нач. XVIII вв. Одним из главных вопросов реформ Кавелин считал решение крестьянского вопроса, называя Россию «мужицким царством». В письме к своему другу, баронессе Эрнестине Раден, от 26 мая 1864 г. Кавелин писал: «Важнейший намек тот, что у нас с лишком $^{5}/_{6}$ населения мужики. … В этом смысле можно предвидеть, что Россия призвана в истории разрешить вопрос о массах иначе и лучше, чем Европа» (Русская мысль. – 1899. – № 12. – С. 13).

[5] В период либеральных реформ Александра II существенно возрос интерес к реформам Петра I. О существовании повышенного интереса к эпохе Петра I см: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. – СПб., 1859–1863; *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в русской литературе. – СПб., 1889. – С. 57–60; отдельное издание и оттиск из «Журнала Министерства народного просвещения», 1889.

[6] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк, с 1872 г. – член Петербургской академии наук. С 1847 г. являлся профессором Московского университета, в 1871–1877 гг. – его ректор. Западник, представитель государственной школы в русской исторической науке. Основное сочинение – «История России с древнейших времен» (Т. 1–29. – 1859–1879).

[7] Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) – русский историк, с 1837 г. – член Петербургской академии наук. С 1834 г. являлся профессором Петербургского университета.

[8] Кавелин имел в виду славянофилов, которые считали царствование Петра I и его реформы исторической ошибкой, нарушившей естественное течение русской истории (*Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Т. 1. – М., 1877. – С. 234). Кавелин подчеркивал это неприятие реформ Петра I и в рецензии на «Историко-критические отрывки М. Погодина», приводя слова Погодина о случайности появления Петра I в русской истории: «И какова связь между смертью в Угличе семилетнего Царевича Дмитрия, игравшего в тычку ножом, и реформациею Петра! А последняя не могла бы произойти так, без первого происшествия. Не пресекись род Московских князей, не было бы Романовых, не было бы Петра» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 234).

[9] Кавелин рассуждает об исторической закономерности реформ Петра I и в связи с ними упоминает о нормандском завоевании Англии войсками Вильгельма I (1066 г.). Это замечание носит полемический характер, потому что, по мнению славянофилов, говоря о петровских преобразованиях, они видят в нем не поступательное развитие, а слом русской истории в противоположность органического поступательного развития истории Англии. «Жизнь Англии развивалась самобытно из своих собственных начал» (*Хомяков А. С.* О старом и новом. – М., 1988. – С. 184).

[10] Фанариоты (от новогреч. «фанар») дословно – житель Фанара, квартала в Константинополе (Стамбуле), где находилась резиденция патриарха. В Османской империи XVIII – нач. XIX в. фанариоты – представители греческого духовенства и торгово-денежной аристократии, пользовавшиеся большими привилегиями, в том числе на занятие высоких должностей в турецкой администрации.

[11] Кавелин имеет в виду слова из депеши русского посла в Константинополе П. А. Толстого (январь 1706 г.): «Греков отпускать к Москве не буду, потому что в самом деле от мала до велика все лгут и верить им нельзя» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 кн. Кн. VIII. – М., 1993. – С. 158).

[12] Первым русским митрополитом при Ярославе I Мудром с 1051 г. был митрополит Иларион, перу которого принадлежит памятник древнерусской литературы «Слово о законе и благодати».

[13] С XVII в. Литва и Польша играли роль посредников в контактах России с Западом. С. М. Соловьев считал, что литовско-польское влияние обусловило преподавание в Московском государстве богословия, риторики, грамматики (*Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 т. Т. VII. – М., 1989. – С. 183).

[14] Федор Никитич Романов (в монашестве Филарет; ок. 1544/1555–1633;) – патриарх в 1608–1610 гг. и с 1619 г. – отец первого русского царя из династии Романовых – Михаила Романова; закономерно оказался в списке царей. Со времени возвращения из польского плена в 1619 г., когда Михаилу Романову было 16 лет, и до конца жизни Ф. Н. Романов был соправителем своего сына.

[15] Кавелин говорит об обстоятельствах вступления на престол Императрицы Елизаветы Петровны в 1741 г. в результате дворцового переворота под патриотическим лозунгом борьбы с «немецким засильем» приспешников герцога Бирона (См.: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. – М., 1986. – С. 25–29).

[16] Юбилей тысячелетия Российского государства был связан с датой призвания на Русь варягов в 862 г. До 1860-х гг. XIX в. школа норманистов могла считаться господствующей, т. к. против нее было высказано лишь немного возражений (Эверс в 1808 г.). За это время наиболее выдающимися представителями норманизма явились Н. М. Карамзин, А. Круг, М. П. Погодин, А. А. Куник, П.-Й. Шафарик и Ф. Миклошич. Однако с 1859 г. оппозиция против норманизма поднялась с новой, небывалой до того силой (См.: Тысячелетие России / Сост. по официальным источникам, барон В. Штейнгель. – СПб., 1862; Беседа у памятника тысячелетия Русской земли. – СПб., 1862).

[17] Эти слова Кавелина были разъяснены следующим примечанием от редакции «Вестника Европы»: «Исследование покойного Ешевского “Русская колонизация северо-восточного края”, помещенное у нас в первом томе (март, 1866, отд. 1, с. 211), подтверждает вполне эту мысль и рисует картины, подобные которым может представить разве деятельность североамериканца, с тем только отличием, что последний истреблял все иноземное, а мы вырывали массы у варварства и дарили их цивилизации» (Вестник Европы. – 1866. – Т. 2. – С. 336). Исходный тезис статьи русского историка и этнографа С. В. Ешевского формулировался следующим образом: «Исторически распространение славянорусской народности на северо-восток европейской России, поглощение этой народностью других народностей имеет всемирно-историческое значение. В нем заключается не одно количественное увеличение русского племени, не одно приращение его материальной силы, а победа европейской цивилизации над Востоком» (Вестник Европы. – 1866. – Т. 1. – С. 216). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 15. – С. 570.

[18] Наверное, речь идет в данном случае о ст. <Г. З. Елисеева> «862–1862, или Тысячелетие России» (Свисток. – 1862. – № 1. –

С. 13–42), высмеивавшей торжественность события с точки зрения злободневных проблем.

[19] Первая русская летопись – «Повесть временных лет» – общерусский летописный свод, созданный в начале XII в. (примерно в 1113 г.; эта редакция летописи до нас не дошла), известны 2-я редакция (1116 г.) в составе Лаврентьевской летописи и 3-я редакция (1118 г.) в составе Ипатьевской летописи. Считается, что составителем первой редакции является монах Киево-Печерского монастыря Нестор. «Повесть временных лет» начинается с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, что позволяет Нестору вписать историю Руси в мировую историю. История Русской земли начинается с 852 г. и доводится до 1117 г. «Повесть…» – не только исторический, но и литературный памятник.

[20] Вслед за С. М. Соловьевым под колонизацией финского востока Кавелин имел в виду продвижение русских славян на северо-восток – на земли, заселенные племенами финского происхождения.

[21] Великороссы – самая многочисленная из трех ветвей русского народа (великороссы, малороссы, белорусы), обычно называемая просто русскими. Великороссы, как малороссы и белорусы, произошли от единой древнерусской народности, сложившейся еще в VI–XIII вв. По мнению многих историков, наименования «русские», «великороссы», «Русь», «Русская земля» восходят к названию одного из славянских племен – родиев, россов, или руссов. Из их земли в Среднем Поднепровье название «Русь» распространилось на все древнерусское государство, в которое вошли, кроме славянских, и некоторые неславянские племена. В X в. появилась письменность, затем исторические произведения (летописи) и литература на древнерусском языке, одним из ярких памятников которой является «Слово о полку Игореве» (XII в.). Издавна существовал богатый фольклор – сказки, песни, былины. В условиях хозяйственного развития отдельных областей и удельной раздробленности еще в XII в. создались предпосылки для формирования великорусской, малоросской и белорусской ветвей русского народа. Сложение русской народности связано с борьбой против монголо-татарского ига и созданием централизованного Русского государства вокруг Москвы в XIV–XV вв. В это государство вошли северные и северо-восточные древнерусские земли, где кроме потомков славян – вятичей, кривичей и словен – было много переселенцев из других областей. Начавшаяся еще в древности колонизация славянами северных земель (Прибалтика, Заволо-

чье), Верхнего Поволжья и Прикамья продолжалась в XIV–XV вв., а в XVI–XVII вв. русское население появилось в Среднем и Нижнем Поволжье и в Сибири.

Оппонент Кавелина – историк И. В. Беляев опроверг утверждение Кавелина, что великорусское племя сложилось в XI–XII вв., утверждая в статье, опубликованной в газете «Москва» (1867. – 15 марта. – № 59), что к XI в. великорусская народность уже окончательно сложилась, в том числе объясняя свое мнение фактом, что Рюрик уже владел городами Полоцком и Ростовом, а Ростов стоял на землях, исконно заселенных финскими племенами, среди которых были племена *меря* и *весь*. Кавелин отвечал Беляеву в ст. «Ответ И. В. Беляеву» (при жизни Кавелина так и не была опубликована; найдена в бумагах Кавелина и опубликована Д. А. Корсаковым. (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 675–682). Кавелин разделяет государственное единство и этническое слияние: «Возражения г. Беляева, очевидно, основаны на недоразумении. Государственного единства русского севера и юга, востока и запада, если только может быть речь о государственном единстве в варяжскую эпоху нашей истории, я никогда не отрицал. Рюрика призывали русские племена вместе с финскими; стало быть, они были в союзе, в тесной связи между собою еще до Рюрика. Но из этого никак еще не следует, что между теми и другими существовала и этнографическая связь, чтобы весь и меря были русские, славянские племена» (Там же. – С. 676–677).

Кавелин так обосновывает свою точку зрения: «Нимало не претендуя на непогрешимость моих предположений, называя их прямо гипотезами, я позволил себе выразить мысль, что великорусская ветвь сложилась в промежуток времени между XI и XV вв. по следующим соображениям: Несторова летопись могла быть писана не позднее XI в., а в ней на местах теперешних великорусских поселений называются финские племена. В XV в. московское государство является уже сложившимся государственным телом. Ни покойный г. Беляев, и никто из мыслящих людей не станет утверждать вместе с польскими публицистами, что московское государство сочинилось случайно, благодаря ловкости, хитрости и лукавству князей, благодаря насилию и разным случайностям. Такое крепкое и прочное политическое тело с формами, беспримерными в истории, не могло возникнуть, не имея мощной народной подкладки; а с другой стороны, постепенное образование нового политического тела со своеобразными формами служит внешним признаком, что народ,

посреди которого завязался этот узел, уже определился и созрел для гражданственности и самостоятельного бытия, получил свою известную физиономию. Эти общие соображения и заставляют предполагать, что великорусская ветвь возникла, вероятно, в промежуток времени между XI и XV веками» (Там же. – С. 678).

[22] Кавелин подразумевает нашествие авар (VII в.), хазар (IX в.) и литовско-польские завоевания русских земель (XIV–XVII вв.).

В результате многочисленных разделов Польши (Речи Посполитой) 1772, 1793, 1795 гг. Россия стала единственным независимым славянским государством.

[23] Кавелин говорит о следующей мысли С. М. Соловьева: «История-мачеха заставила одно из древних европейских племен принять движение с запада на восток» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. – М., 1991. – С. 8–9).

[24] Кавелин имел в виду возникшую в середине XV в. поместную систему, которая была связана с раздачей государственных земель служилым людям как плату за службу.

[25] Сеньковский Осип (Юлиан) Иванович (1800–1858) – писатель, журналист, востоковед. С 1828 г. являлся член-корреспондентом Петербургской академии наук. В статье «Скандинавские саги. Саги в отношении к русской истории» происхождение великорусского племени он вел от соединения славян, финнов и варягов. Мнение Сеньковского опроверг русский историк М. П. Погодин в «Исследованиях, заметках и лекциях о русской истории» (М., 1846). В статье-рецензии на эту книгу Погодина Кавелин поддержал точку зрения Сеньковского о финском происхождении русских.

[26] Духинский Франциск (Францишек Генрик; 1817–1880) – писатель, историк, происходил из ополяченной малорусской семьи. Первые его работы на польском и русском языках относились к вопросу о первоначальных отношениях между Россией и Польшей. После восстания 1831 г. Духинский эмигрировал во Францию, был профессором польской школы в Париже, позднее – хранителем польского музея в Рапперсвилле близ Цюриха. Автор опубликованной на французском языке книги «Арии и Туранцы. Земледелие и история ариев-европейцев и туранцев, в частности, московских славян» (Paris, 1864), в которой пытался создать лжетеорию славянской этнографии. Основанием теории служит мысль, что великороссы, или «москали», не принадлежали к славянско-арийской расе, а были отраслью племени туранского наравне с монголами и напрасно присваивают себе имя русских, принадлежавшее по справедливости только малороссам

и белорусам, близким к полякам по своему происхождению, которые одни только принадлежали к славянско-арийскому племени.

[27] Имеется в виду Указ от 11 февраля 1736 г., по которому разрешалось скупать землю у башкир, привлек в эти земли немало любителей легкой добычи, переселявшихся вместе со своими крепостными.

[28] Куторга Степан Семенович (1805–1861) – ученый-зоолог, географ, профессор С.-Петербургского университета, преподавал минералогию; член Императорского географического общества. Кавелин имеет в виду изданную Куторгой «Географическую карту Санкт-Петербургской губернии». Куторга сделал на эту тему доклад на годовом собрании Императорского географического общества 30 апреля 1852 г. (см.: Вестник Императорского географического общества. Ч. 2. Кн. 1. – 1852. – С. 4).

[29] Мокша – этническая группа мордвы, составляющая коренное население южной и западной части Мордовии. Эрзя – этническая группа мордвы, составляющая основное население восточной части Мордовии. Этноним «эрзя» этимологически восходит к иранско-сарматской лексике (*arsan* – самец, мужчина, герой). С V в. проживали к северо-западу от мокши на территории современной Рязанской и Нижегородской обл. Эрзянский язык на основе кириллицы – один из мордовских языков финно-угорской семьи, язык эрзян в настоящее время – один из трех государственных языков Республики Мордовия наряду с мокшанским и русским.

[30] В 1854 г. С. С. Куторга опубликовал статью «Заметки о финском элементе С.-Петербургской губернии», в которой он приводил русские слова финского происхождения (телега, нога, нож, луг, сапог, нить, соха, пахать, ямщик, волхв), среди которых были топонимы и гидронимы (Гатчина, Нева, Ладога), отмечая, что «в нас, русских, вошло много финских элементов и в телесную натуру, и в мысли, и в речь» (Вестник Императорского географического общества. Ч. 9. – 1854. – С. 2). Цит. по: Примечания // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – С. 572).

[31] Гримм Якоб (нем. *Grimm*; 1785–1863) – немецкий филолог, профессор Геттингенского, а в дальнейшем – и Берлинского университетов. Гримм являлся основоположником мифологической школы в фольклористике. Кавелин имеет в виду знаменитую работу Я. Гримма «Немецкая филология» (1835).

[32] В 1850-х гг. Кавелин обращался к трудам русских филологов А. Н. Афанасьева и Ф. И. Буслаева – представителям мифологической школы. Кавелин написал статью-рецензию «Архив

историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым». Книга первая. – М., 1850.

Вот как Кавелин оценивал труд Ф. И. Буслаева: «Дополнения и прибавления ко II тому “Сказаний русского народа”, собранных г. Сахаровым»: «Под скромным названием “дополнений” г. Буслаев (автор известного русскому ученому миру исследования “О влиянии Христианства на славянский язык”) напечатал в “Архиве” не только основательный, дельный разбор некоторых отделов второго тома “Сказаний” и дополнения к ним из рукописных и старопечатных источников, но представил целое собрание любопытнейших частных разысканий. Вся статья разделена на две половины. Одна имеет предметом “Словари русского языка”, другая – “Русскую народную годовщину”, составляющие пятую и седьмую книгу “Сказаний”» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. – С. 916).

С А. Н. Афанасьевым Кавелин спорит более активно: «Дополнения и прибавления к “Собранию русских народных пословиц и притчей”, изданному И. Снегиревым». Статья, которой заглавие мы выписали, принадлежит г. Афанасьеву и содержит в себе текст пословиц (более 460 и к ним слишком 60 вариантов), которых нет в собрании г. Снегирева, или варианты и дополнения к напечатанным в этом собрании с коротеньким предисловием. Здесь автор, между прочим, говорит о важном историческом значении пословиц и поговорок и в доказательство предлагает опыт восстановления постепенного развития родового быта на основании некоторых пословиц, сохранившихся до нашего времени. Мы совершенно разделяем взгляд г. Афанасьева на ход развития нашего патриархального, родового быта и на изменения, которым он последовательно подвергался; но едва ли автор прав, считая пословицы, которые он приводит, свидетелями отдаленной, седой старины» (Там же. – С. 917). Кавелин посвятил разбору работы А. Н. Афанасьева «Ведун и ведьма» рецензию «О ведуне и ведьме» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 4. – С. 191–204), а также подробно рассмотрел очень значимую этнографическую теорию Афанасьева в известной книге «Быт русского народа» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 4. – С. 5–166).

[33] В славянской мифологии – бог грозы (грома). Общеславянский культ Перуна восходит к культу бога грозы (грома) в индоевропейской мифологии (древнерусский – Перун, общеславянский – *Perunъ*). Волос – «скотий бог» в славяно-русской мифологии, в древнерусских источниках, начиная с договора русских с греками 907 г. в «Повести

временных лет», выступает как покровитель домашних животных и бог богатства. Святовид (Сварожич, Сварог) у древних славян и древних германцев – одно из главных божеств. Общеславянское языческое божество, назывался также Свентовидом, святым Витом. Святовид был покровителем земных плодов и войн.

[34] К Великому Новгороду в XII–XV вв. относились колонии, расположенные на территориях от Северной Двины до Урала и за Уралом.

[35] Семейно-родовому быту как исторической стадии развития Русского государства посвящена монография Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России».

[36] Противоречивое и неверное утверждение Кавелина. Великорусы, колонизировавшие финские земли, принесли с собой язык и веру. Противоречие заключается еще и в том, что далее в работе Кавелин говорит о государствообразующей исторической роли Православия.

[37] Флетчер Джайлс (Джильс; англ. *Fletcher*; 1549–1611) – английский дипломат и писатель. В 1588–1589 гг. был послом в России. Флетчер являлся автором книги «О государстве русском» (1591; русск. пер.: СПб., 1905). Книга Флетчера являлась одним из самых подробных и всесторонних сочинений иностранцев о России XVI в. Некоторые сведения Флетчера (например, цифровые данные о русском госбюджете) уникальны и очень важны для понимания ряда проблем русской истории. Сочинение Флетчера состоит из 28 глав. В 1–4 главах помещен географический очерк России, в 5–13 главах – устройство суда, в 15–20 главах – организация войска и быт инородцев, в 21–25 главах – церковное устройство, в 26–28 главах – частный быт русских. При составлении своего труда Флетчер пользовался показаниями Горсея; есть следы знакомства его и с сочинением немецкого дипломата З. Герберштейна. Ценность труда Флетчера снижает наличие в нем фактических неточностей и намеренная излишняя критичность автора. См.: Of the Russe Commonwealth. – Cambridge (Mass.), 1966; *Середонин С. М.* Сочинение Дж. Флетчера “Of the Russe commonwealth” как исторический источник. – СПб., 1891; *Флетчер Дж.* О государстве русском. – СПб., 1905.

[38] Кавелин говорит о расколе, в результате которого появилось старообрядчество. К расколу Церкви привели реформы патриарха Никона 1653–1666 гг., среди которых был перевод богослужебных книг и изменения ряда церковных обрядов.

Среди первых известных на Руси ересей называют ереси стригольников и «жидовствующих». Ересь стригольников охватила в XIV –

нач. XV в. Псков и Новгород. Ересь жидовствующих была распространена в Новгороде во второй половине XV–XVI вв.

[39] Здесь представлена полемика Кавелина с Чаадаевым по поводу его ошибочной точки зрения на Православие якобы как на причину отчуждения от европейского прогресса: «До нас, замкнувшихся в религиозном расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило» (*Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 1. – М., 1991. – С. 331).

[40] Кавелин называл «умственным казачеством» радикальную русскую интеллигенцию эпохи после проведения реформ Александра II. Кавелин не понимал казачества и видел в нем враждебную государству силу: «Ушедши в степь для воли, козаки могли подчиняться государству только номинально» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 т.Т. VII. – М., 1994. – С. 42).

[41] Кавелин в дальнейшем отказался от своего взгляда о влиянии монголов, высказанного в монографии «Взгляд на юридический быт древней России».

[42] Шафарик, Шафаржик Павел Йозеф (чешск. *Šafařik*; 1795–1861) – чешский славист, деятель чешского и словацкого национально-освободительного движения. Кавелин ошибся и неверно передал взгляды Шафарика, который относил псковитян и новгородцев к разным группам славянского племени, причисляя псковитян к кривичам: «Севернее всех жили собственно так называемые славяне на берегах Ильменского озера, главный город коих был Новгород; на юг за ними в нынешних губерниях Псковской, Тверской, Витебской и Смоленской <…> – кривичи» (*Шафарик П. И.* Славянские древности. Т. 2. Кн. I. – М., 1848. – С. 84 / Пер. с чешск. О. Бодянского. Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 39. – С. 573).

[43] Кавелин имел в виду разделение на Брестском Соборе 1596 г. западнорусской Церкви на униатскую и Православную. Униатская признала юрисдикцию римского папы, но сохранила православную обрядность и богослужение на церковнославянском языке. В дальнейшем Православная и униатская Церкви вели на территории Речи Посполитой непримиримую политическую борьбу.

Алексий, митрополит Киевский и всея Руси (с 1354 г.) оказал поддержку Московскому князю Дмитрию Донскому в борьбе за ярлык на княжение в княжестве Владимирском. Кавелин также имел в виду благословение Сергия Радонежского, данное им князю Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой (1380 г.). Далее, речь идет о призывах архимандрита Вассиана к великому князю Ивану III с целью

побудить его выступить на защиту Руси от набега ордынского хана Ахмата («Стояние на Угре», 1480 г.).

[44] Кавелин говорит о заимствовании на Руси внешних форм Византийской империи после женитьбы в 1472 г. Ивана III на византийской царевне Софье Палеолог. Из внешних форм Византийской империи Московским государством были переняты новый титул «царя всея Руси», византийский государственный герб – черный двуглавый орел, а также строгость, торжественность и пышность придворного церемониала.

[45] См. коммент. [11] к ст. «Краткий взгляд на русскую историю»

[46] Автором теории постепенного закрепощения и раскрепощения сословий в России являлся Б. Н. Чичерин. По мнению Чичерина, до XVIII в. все сословия были обременены «государственным тяглом». С XVIII в. формирующееся государство стало освобождать высшие сословия, начиная с дворянства, когда при Петре III и Екатерине II дворянство было освобождено от обязательной службы, что в итоге проявилось в даровании дворянству в 1785 г. Жалованной грамоты. С конца XVIII до середины XIX в. раскрепощается сначала духовенство, а затем купеческое сословие. К этому времени городскому сословию тоже была дана Жалованная грамота, по которой оно освобождалось от повинностей и службы, получало различные льготы. К середине XIX в. оставались закрепощенными крестьяне, поэтому осуществление крестьянской реформы стало насущной потребностью. Б. Н. Чичерин писал, что «в настоящее время уничтожается, наконец, и эта последняя принудительная связь: вековые повинности должны замениться свободными обязательствами» (см.: *Чичерин Б. Н.* Опыт по истории русского права. – М., 1858. – С. 231).

[47] Кавелин критически относился к созданному славянофилами образу русской сельской общины. Однако он признавал экономическую и политическую необходимость этой формы владения землей и общественного института. Поэтому, всесторонне изучив суть общинного владения, Кавелин стал горячим защитником поземельного общинного владения: «Таким образом, и в этом случае сельскохозяйственные порядки, а не общинное владение оказываются причиною указанных теперешних неудобств и недостатков в распорядке полей» (*Кавелин К. Д.* Общинное владение // Собрание сочинений. Т. 2. – С. 239). В книге «Крестьянский вопрос» (1881 г.) Кавелин назвал общинное владение единственной формой, которая поможет защитить крестьян от обезземеления и

превращения в пролетариат: «Соединить для крестьян все выгоды прочного водворения и наследственного владения землею с условиями, благоприятными для развития и усовершенствования земледелия, можно, по нашему крайнему убеждению, лишь признав земли, отведенные в надел крестьянам, за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельских обществ и предоставляя членам обществ лишь право наследственного владения и пользования этою землею, без права ее закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности. Мы непоколебимо убеждены в том, что только таким устройством землевладения будет обеспечен и упрочен быт земледельческого населения не у нас одних, но и всюду и разрешится вопрос о сельском пролетариате, озабочивающий теперь правительства, владеющие классы и мыслящих людей в целом мире» (*Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос // Там же. Т. 2. – С. 470).

[48] См. коммент. [32] к монографии «Взгляд на юридический быт древней России».

[49] Волостель – должностное лицо в древней Руси XI–XVI вв., управлявшее волостью – административно-территориальной единицей именем великого князя и управлявшее административными и судебными делами. Волостель не получал жалованья за работу, а «кормился» за счет податей («тягла»), которое платило население волости.

[50] См. коммент. [48] к монографии «Взгляд на юридический быт древней России».

[51] Положения 19 февраля передавали полицейскую власть из ведения помещиков в ведение выборных органов сельских общин.

[52] Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – историк, правовед, философ, правый либерал. Являлся профессором Московского университета. В исторической науке представлял государственную школу. Кавелин говорил о работах Б. Н. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России» и «Еще о сельской общине (ответ г. Беляеву)».

[53] См. коммент. [18] к ст. «Краткий взгляд на русскую историю».

[54] Иная трактовка личности и царствования Ивана Грозного принадлежала С. М. Соловьеву, которую он сформулировал в «Истории России с древнейших времен» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 т. Т. VI. – М., 1992), и К. Д. Кавелину, представившему ее в монографической статье «Взгляд на юридический быт древней России». С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин принадлежа-

ли к основателям государственной (историко-юридической) школы в отечественной исторической науке.

[55] Кавелин говорит о завещании (духовной) царя Ивана IV Грозного от 1572 г., которая была написана им в период болезни. Завещание было обращено к сыновьям Ивана Грозного, Ивану и Федору. Царь призывал сыновей не допускать междоусобий и беречь друг друга (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 т. Т. III. – М., 1989. – С. 543–545).

[56] Кавелин говорил о словах Ивана IV Грозного из «Второго послания шведскому королю Иоганну III»: «Мы от Августа Кесаря родством ведемся» (Послания Ивана Грозного. – М. – Л., 1951. – С. 158; цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 56. – С. 575).

[57] Кавелин имел в виду основание опричнины Иваном Грозным. В декабре 1564 г. Иван IV уезжает в Александровскую слободу; оттуда он пишет письма с угрозой отречения от престола и по просьбе жителей Москвы возвращается в Москву в январе 1565 г. После возвращения Ивана IV в Москву страна была разделена на земщину и опричнину, а царь получает абсолютное право распоряжаться жизнью и имуществом подданных, беспощадно расправляться с теми, в ком он видел изменников.

[58] В кон. XV – нач. XVI в. в результате войн царя Ивана III с Литвой Московское государство получило ряд городов Смоленской области (Брянск, Гомель), земли Чернигово-Северских княжеств.

[59] Глинские – княжеский род литовского происхождения. В начале XVI в. Михаил Львович Глинский перешел на службу к великому князю Московскому. Елена Васильевна Глинская (?–1538) – вторая жена великого князя Василия III, мать Ивана IV Грозного.

[60] Бельские – литовско-русский княжеский и боярский род, являвшийся потомками Литовского князя Гедимина. Иван Федорович Бельский (?–1542) с 1540 г. был главой боярского правления при малолетнем Иване IV (*Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. – М., 2001; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. – М., 1998).

[61] Гедимин (Гедиминас) (?–1341) – с 1316 г. великий князь Литовский, основатель княжеского рода и династии Гедиминовичей.

[62] Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) – русский князь, боярин, писатель, оппонент Ивана Грозного. Курбский участвовал в казанских походах, являлся членом Избранной рады. Во время Ливонской войны был воеводой. Страшась расправы со стороны Ивана IV, Курбский в 1564 г. бежал в Литву. Курбский являлся автором

знаменитых трех посланий к Ивану Грозному, а также «Истории о великом князе Московском».

[63] Князь Василий Шуйский венчался на царство после избрания на Земском Соборе в мае 1606 г. Во время венчания на царство дал «крестоцеловальную запись», по которой он давал обязательство править вместе с боярами, чем ограничивал свою власть. Целью бояр было достижение независимости от царя.

[64] См. коммент. [17] к ст. «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения о губерниях».

[65] Псковские летописи составлены в Пскове в XIV–XVII вв. Содержат богатый материал по истории русского города, политических событиях, о народах Прибалтики и борьбе с немецкими рыцарями. В основе сохранившихся Псковских летописей лежит летописный свод 1450–1460-х гг. XV в., составленный по летописным записям, ведшимся при псковском Троицком соборе с XIV в., официальным документам, материалам новгородских сводов, литовско-смоленских известий, местным источникам и литературным памятникам. Всего было обнаружено 25 списков Псковских летописей, которые делятся на три группы. Псковская I летопись представлена в двух редакциях – Тихоновским и Архивским 1-м списками. В основе ее лежат своды 1469 и 1481 гг.; сведения ее по Погодинскому списку доведены до 1547 г., а прибавления списков Оболенского и Архивского 3-го доходят до нач. XVII в. Псковская летопись XVII в. содержит сведения о Псковском восстании 1608–1611 гг. В Псковских летописях содержались также сведения о претензии бояр на власть при избрании Михаила Федоровича Романова (Псковские летописи. Вып. 1 // Вып. 1–2. – М. – Л., 1941–1955. – С. 131).

[66] Кавелин говорит о слухах, пересказанных Дж. Флетчером, который писал:«Младший брат царя, дитя лет шести или семи (как сказано было прежде), содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». Флетчер рассказывает о трагической судьбе тетки теперешнего русского царя, бывшей замужем за Магнусом, герцогом Голштинским. Ее вместе с дочерью лживыми обещаниями нового брака вызвали в Россию, где и заключили в монастырь. Флетчер передает слухи, будто дочь герцогини Голштинской в монастыре погибла насильственной смертью, а сама вдова герцога Маг-

нуса оплакивает свою участь и проклинает час своего возвращения в Россию. На основе всех этих слухов Флетчер делает вывод: «Вот в каком положении находится царский род в России из дома Белы, который, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произведет переворот в Русском Царстве. Если правление вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодушнее, то это послужит к благоденствию несчастного народа, удрученного теперь невыносимым рабством» (*Флетчер Дж*. О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. – СПб., 1905. – С. 20–21).

[67] Кавелин говорит о Гражданской войне в США между Севером и Югом (1861–1865 гг.).

[68] Ассамблеи – форма делового общения и светского развлечения, введенная Петром I в ходе преобразования общественной жизни России. Петр I Указом 1718 г. повелел учредить в России ассамблеи – балы и собрания в домах вельмож. В Указе Петр I постановил, что ассамблеи должны служить «не только для забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить». (*Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4. – М., 1989. – С. 230). «Объявление» об учреждении ассамблей подписано петербургским генерал-полицмейстером А. Дивиером в 1718 г. Ассамблеи созывались в частных домах как «вольные собрания» с целью связать общим досугом широкий круг лиц – от сенаторов и адмиралов до купцов и корабельных мастеров. Ассамблеи вводили в русский быт западноевропейские нравы и обычаи, ломали прежние чиновные рамки и старые ритуалы приема гостей на Руси. Женщины были обязаны участвовать в ассамблеях, чем был положен конец затворничеству русских женщин. Первая ассамблея состоялась 27 ноября 1718 г. в доме П. И. Бутурлина на Большой Дворянской улице в С.-Петербурге. В дальнейшем каждый сановник и богатый купец был обязан, по крайней мере раз в году, проводить у себя ассамблеи. Они созывались главным образом зимой, открывались не ранее 4–5 ч. дня и заканчивались не позднее 10 ч. вечера. Гость мог приехать на Ассамблею в любое удобное для него время и «отъехать волен, когда хочет». Хозяин обязан был выделить для Ассамблеи несколько комнат: самую большую – для танцев, вторую – для общих игр, третью – курительную (где мужчины вели деловые беседы) и четвертую – для дамских игр. На ассамблеях не было общего стола. Хозяева должны были приготовить игры, свечи

и «питье, употребляемое в жажду, кто попросит». Ритуал встречи гостей с поклонами и целованием упразднялся («хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать»). Перед открытием ассамблеи полицмейстер проводил досмотр: достаточно ли выделено комнат и все ли готово для приема гостей, писари от полиции записывали имена участников ассамблей. После смерти Петра I на ассамблеи перестали допускать менее знатных дворян, купцов и мастеров. Ассамблеи постепенно превратились в дворянские танцевальные балы со строго определенным ритуалом.

[69] Кавелин имел в виду устремленность деятелей русской общественной мысли 1860-х гг. к позитивизму, который пришел на смену увлечению идеалистической философией гегельянства.

[70] Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605–1681) – русский боярин, воевода, дипломат, приближенный царя Алексея Михайловича. В 1667–1671 гг. ведал внешней политикой Русского государства. В 1672 г. принял монашеский постриг.

[71] Одоевский Никита Иванович (?–1689) – русский князь, боярин, воевода, дипломат. Возглавил работу над Соборным уложением 1649 г., руководил внешней политикой Русского государства в кон. 1670-х – нач. 1680-х гг.

[72] Голицын Борис Алексеевич (1654–1714) – русский князь, государственный деятель, воспитатель и приближенный Петра I. Голицын Василий Васильевич (1643–1714) – русский князь, государственный деятель и военачальник. Являлся сторонником Милославских и фаворитом царевны Софьи. После укрепления единоличной власти Петра I в 1889 г. В. В. Голицын был лишен боярского звания, всего имущества и сослан.

[73] Матвеев Артамон Сергеевич (1623–1682) – русский государственный деятель, военачальник. Матвеев был воспитателем второй жены царя Алексея Михайловича, матери Петра I – Натальи Кирилловны Нарышкиной. Во время стрелецкого бунта 1682 г. был убит стрельцом.

[74] Посошков Иван Тихонович (1652–1726) – русский экономист, публицист. Посошков являлся сторонником реформ Петра I. Главный труд Посошкова – «Книга о скудости и богатстве».

[75] Исаев Илья Иванович (?–1742) – вице-президент Магистрата, сын московского купца. В царствование Петра I исполнял должность обер-инспектора Рижской таможни.

[76] Доверием Ивана Грозного пользовались иностранцы, служившие в его опричнине – Г. Штаден, И. Таубе, А. Шлихтинг, Э. Крузе

(См.: Реформы Ивана Грозного. – М., 1960; Опричнина Ивана Грозного. – М., 1964; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. – М., 1999. – С. 183).

[77] См. коммент. [8] к ст. «Краткий взгляд на русскую историю».

[78] Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, мыслитель, писатель, журналист. В 1841 г. был избран в члены Второго отделения Петербургской академии наук (по отделению русского языка и словесности). Погодин был сыном крепостного крестьянина графа Строганова, отпущенного на волю в 1806 г. Окончил Московский университет в 1821 г., в 1825 г. защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», в которой одним из первых выступил сторонником нормандской теории происхождения Русского государства. В 1826–1844 гг. являлся профессором Московского университета. Погодин являлся секретарем Общества истории и древностей российских и заведовал изданием «Русского исторического сборника», где поместил важную статью «О местничестве». К концу профессорской деятельности Погодина относится начало издания им главного труда «Исследования, лекции и замечания». Погодин издавал журналы «Московский вестник», «Москвитянин» (журнал славянофилов). По взглядам был близок к славянофилам. Погодин пропагандировал идею славянского единства. В этот период Погодин начал собирание «Древнехранилища», заключавшего письменные и вещественные памятники русской старины. Рукописная часть этого собрания, купленного позже Императором Николаем I, хранилась в Петербурге в Императорской публичной библиотеке (ныне Российская Национальная библиотека в С.-Петербурге).

Кавелин приводит одно из высказываний М. П. Погодина о Петре I: «Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю» (*Погодин М.* Петр Великий // Москвитянин. – 1841. – № 1. – С. 3–4). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 67. – С. 576.

[79] Вольная передача Кавелиным предсмертного высказывания Петра I: «Из меня познайте, какое бедное животное человек есть» (Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. В 4 ч. Ч. II. – С. 139). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 68. – С. 576).

[80] Цитируются письма Петра I царевичу Алексею (См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. – СПб., 1859. Т. 6. – С. 348). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – При-

меч. 69. – С. 576; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. – С. 346, 348, 350.

[81] Царевич Алексей по взглядам был чужд и враждебен реформам Петра I. Он не хотел быть сподвижником Петра I, чем вызывал постоянный гнев отца; царевич Алексей даже угрожал царю своим пострижением в монастырь. Алексей бежал в 1716 г. в Вену, но был выманен оттуда лживыми уговорами П. А. Толстого и гарантиями Петра I о прощении. Однако по возвращении Алексей был арестован, по его делу были произведены дознание и суд. Царевича подвергли пытке и приговорили к смертной казни (1718 г.) По свидетельству современников, Алексей скончался под пытками, а по слухам – был тайно задушен в Петропавловской крепости по приказу Петра I. (*Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. VI; *Погодин М.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого // Русская беседа. – 1860. – Т. 1 (год пятый). Кн. 19. – С. 1–86); *Костомаров Н.* Царевич Алексей Петрович // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. – М., 2006. – С. 789–798).

[82] Кавелин говорит о Северной войне (1700–1721) России в составе Северного союза со Швецией за выход к Балтийскому морю. Северная война завершилась победой России.

[83] Сравнение реформ Петра I с событиями Великой французской революции началось в русской исторической науке и публицистике с работ А. И. Герцена и С. М. Соловьева. А. И. Герцен сравнивал деятельность Петра I с деяниями членов революционного Конвента: «… то был деспот наподобие Комитета общественного спасения» (*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. VII. – С. 170). С. М. Соловьев тоже видел сближения Великой французской революции с эпохой Петра I: «Наша революция начала XVIII века уяснится через сравнение ее с политическою революциею, последовавшею во Франции в конце этого века. <…> В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 т. Т. VII. – М., 1992. – С. 427).

[84] Лефорт Франц Яковлевич (нем. *Lefort*; 1655/56–1699) – политический и военный деятель, с 1695 г. – адмирал. Приехал в Россию в 1675 г. Принял участие в Русско-турецкой войне (1676–1681 гг.) и Крымских походах (1687, 1689 гг.). Примерно в 1689/1690 гг. сблизился с Петром I, стал его ближайшим сподвижником, что помогло

ему сделать блестящую карьеру. В период Азовских походов (1695–1696 гг.) стал командующим русским флотом. В 1697–1698 гг. Лефорт вместе с Ф. А. Головиным и П. Б. Возницыным был главой русской дипломатической миссии в Западную Европу (Великое Посольство).

[85] См. коммент. [4] к ст. «Взгляд на юридический быт древней России».

[86] Введение с 1718 г. Петром I коллегий коснулось и церковного управления. По «Духовному регламенту», утвержденному указом Петра I в 1721 г., единоличная власть патриарха была заменена управлением духовной коллегии (Синода) – постоянным Собором духовного управления. Император был объявлен «Крайним Судиею» Синода, а представителем императора в Синоде назначался обер-прокурор – особый чиновник, возглавлявший духовное ведомство.

[87] В России XVII–XIX вв. – главный прямой налог, введенный Петром I в 1724 г. взамен подворного обложения. Подушная подать налагалась на все мужское население податных сословий (крестьяне, посадские люди, купцы). Введению подушной подати предшествовали ревизии (переписи) населения.

[88] Коллегии являлись центральными учреждениями, руководившими отдельными отраслями государственного управления в России в XVIII – нач. XIX в. Коллегии были введены Петром I в 1718 г. Коллегии отличались от приказов коллегиальным принципом управления, более систематическим разделением компетенций ведомств. В коллегиях было упразднено свойственное приказной системе соединение функциональных и территориальных принципов управления.

[89] Кавелин говорит о Ливонской войне (1558–1583) Московского государства во главе с Иваном IV против Ливонского ордена, Швеции, Польши и Великого княжества Литовского (Речи Посполитой с 1569 г.). Целью Ливонской войны являлось завоевание Балтийского побережья и расширение границ России. Однако после многих удачных завоеваний Ливонская война закончилась поражением России. Только Петр I смог завоевать для России выход к Балтийскому морю.

[90] Кавелин говорит о требованиях полного признания самодержавия власти Москвы: со стороны Ивана III – от жителей Новгорода, со стороны Василия III – от жителей Пскова, со стороны Ивана IV – от литовско-польской олигархии (См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 т. Т. III. – М., 1989. – С. 28, 228, 568).

[91] См. коммент. [18] к ст. «Краткий взгляд на русскую историю». Кавелин в этом контексте понимал под «общинным устройством» общественное самоуправление, самодеятельность.

О родовых отношениях между князьями древней Руси С. Соловьева (Московский литературный и ученый сборник на 1846 год)

Место первой публикации установить не удалось. Биограф Кавелина Д. А. Корсаков указывает место первой публикации: «Отечественные записки», 1846», однако за 1846 г. в «Отечественных записках» данная публикация отсутствует.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Сочинения. В 4 ч. Ч. 2. Критические статьи и рецензии. – М., 1859. – С. 89–97.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – СПб., 1897. – С. 269–278.

Последующие труды ученых школы родового быта опять вызвали возражения со стороны М. П. Погодина и славянофилов. Главные из этих трудов были разобраны К. Д. Кавелиным. Это статьи, во-первых, по поводу новых исследований С. М. Соловьева – его докторской диссертации «О родовых отношениях между князьями Рюрикова дома» и I тома «Истории России с древнейших времен»; во-вторых – о монографиях А. Тюрина и П. В. Павлова; в-третьих – о книге Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII в.». Книга П. В. Павлова о Борисе Годунове вызвала три статьи откликов М. П. Погодина: 1) Послание к г. Кавелину. – Москвитянин. – Кн. I. – Отд. IV. – 1850. – Октябрь. – № 19. – С. 135–142; кн. II. – Отд. IV. – Октябрь. – № 20. – С. 164–174; 2) Разбор антирецензии г. Кавелина. – Там же. – Кн. I. – Отд. IV. – Ноябрь. – № 21. – С. 31–40; 3) «Заметка о своих статьях по поводу рецензии на книгу Павлова. – Там же. – Кн. 2. – Отд. VI. – Декабрь. – № 24. – С. 82.

[1] Общерусский летописный свод южной редакции (кон. XIII – нач. XIV в.), древнейшим сохранившимся списком которого является Ипатьевский XV в. Восходит к южно-русскому летописному своду конца XIII в. Рукопись эта, найденная Н. М. Карамзиным, содержит второй по древности (после списка Летописи Лаврентьевской 1377 г.) список начальной русской летописи – Повести временных лет. Летопись охватывает хронологический период до 1292 г. и включает три основных памятника: «Повесть временных лет» – от начала летописи до 1118 г.; Киевскую летопись – от 1119 до 1200 г.; Галицко-Волынскую летопись – от 1201 до 1292 г. Летопись сохранилась в семи списках.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ИСТОРИЯ РУССКОГО СУДОУСТРОЙСТВА

Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения о губерниях. Рассуждение, писанное для получения степени магистра гражданского законодательства кандидатом прав Константином Кавелиным

Отрывок из магистерской диссертации Кавелина (III глава первой части) под заглавием «Устройство гражданских судов от Уложения царя Алексея Михайловича до Петра Великого» впервые был опубликован: Юридические записки, издаваемые профессором Петром Редкиным <П. Г. Редкиным>, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского университета. Т. II. – М., 1842. – С. 83–119.

Впервые опубликовано полностью: Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения о губерниях. Рассуждение, писанное для получения степени магистра гражданского законодательства кандидатом прав Константином Кавелиным. – М., 1844. – 188 с.

Повторно: *Кавелин К. Д.*Сочинения. В 4 ч. Ч. 1. – М., 1859. – С. 39–304.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. – СПб., 1900. – С. 205–420.

Печатается по тексту первой отдельной публикации.

«Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства…» являлось диссертацией К. Д. Кавелина на степень магистра гражданского права. Защита диссертации состоялась в Москве 24 февраля 1844 г. По поводу диспута на защите диссертации М. П. Погодин опубликовал заметки в журнале «Москвитянин» (Московская летопись. – 1844. – Март. – С. 229–235). Эти заметки были перепечатаны П. Барсуковым в книге «Жизнь и труды Погодина». Т. VII. – С. 371–380.

Д. Корсаков в примечаниях к посмертному собранию сочинений К. Д. Кавелина рекомендовал смотреть также ст.: *У. Т-ы*. Приношение М. П. Погодину по поводу защиты магистерского рассуждения К. Д. Кавелина. – Литературная газета. – 1844. – № 14. – С. 251–252.

[1] Рейц (Александр-Магнус-Фромгольд; нем. *von Reutz*; 1799–1862) – историк русского права, уроженец Прибалтийского края; образование получил в Дерптском университете, в котором с 1820 по 1840 г. занимал кафедру русского права. В начале 50-х годов недолго занимал должность инспектора классов в училище правоведения. Неоднократно предпринимал с научными целями путешествия по югославянским землям, результатом чего явился труд “Verfassungen und Rechtszustand der Dalmatinischen Kustenstadte und Inseln im Mittelalter, aus ihrer Municipalstatuten entwickelt” (Дерпт, 1841; на русском языке извлечение опубликовано в «Журнале Министерства народного просвещения». Т. IX; подробнее см. в «Сборнике исторических и статистических сведений», 1845, который отрецензирован К. Д. Кавелиным). Другие труды Рейца: “Versuch einer historisch-dogmatischen Darstellung des russischen Vormundschaftsrechts” (Дерпт, 1821), “Versuch einer Entwickelung der Grundsatze des geschichtlichen russ. Vormudschaftsrechts” (Дерпт, 1825); “Versuch ueber geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung” (Митава, 1829; пер. Ф. Л. Морошкина под заглавием «Опыт истории российских государственных и гражданских законов». – М., 1836). Вместе с Эверсом Рейц положил начало теории господства родового быта среди русских славян вообще и между членами княжеского рода в особенности – теории, впоследствии развитой С. М. Соловьевым.

[2] Новиков Николай Иванович (1744–1818) – масон, писатель, журналист, книгоиздатель. Служил в лейб-гвардии Измайловском полку. С 1767 г. – секретарь Комиссии по составлению проекта нового Уложения. С 1769 г., выйдя в отставку, издавал в Петербурге сатирические журналы «Трутень» (1769–1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773), «Кошелек» (1774), в которых утверждал мысль о несправедливости крепостного права, обличал неправосудие, взяточничество, галломанию, полемизировал с журналом Екатерины II «Всякая всячина». В 1773 г. организовал первое в России книгоиздательское объединение «Общество, старающееся о напечатании книг», которое способствовало распространению масонских идей; среди изданных там книг 46 произведений – переводы книг французских просветителей. Издал «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772 г., переизд. в 1987 г., 1–2 ч.), «Древнюю российскую вивлиофику» (1773–1775), «Повествователь древностей российских» (1776); выпускал еженедельный критико-библиографический журнал «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777) и философский журнал «Утренний свет», который считают одним из пер-

вых философских журналов в России (1777–1780), доходы от него использовал для организации в Петербурге Екатерининского и Александровского училищ (школ). Вступив в масонский орден, Новиков воспринимал многие мистические устремления масонства.

[3] «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российския посольства в другие государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних российских стихотворцев» – первое крупное издание письменных источников по истории России, предпринятое Н. И. Новиковым в 1773–1775 гг. в 10 ч. для ознакомления широких слоев русского общества с историей родины. Оно было направлено также против дворян-«полуфранцузов», как называл их Новиков, которые преклонялись перед Западом и презирали своих соотечественников. В «Древней российской вивлиофике» опубликовано много документов по истории России: ярлыки ордынских ханов русским митрополитам, договорные грамоты Великого Новгорода с Тверскими и Московскими великими князьями (1263–1571), духовные, договорные, межевые, жалованные и другие грамоты великих и удельных князей Московских, Тверских, Рязанских, Суздальских, Смоленских, Литовских и частно-правовые акты бояр и дворян (1328–1585), статейные списки и описания посольств в разные страны, записки об истории Сибири (кон. XV – нач. XVIII в.), родословные знатных боярских родов, описания путешествий (митрополита Исидора во Флоренцию и папского посла Антонио Поссевина), сказание о С. Т. Разине, житие Ф. Ртищева и др. В 1788–1791 гг. вышло 2-е, «вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное» издание «Древней российской вивлиофики» в 20 ч. В нем особую ценность представляют новые материалы по социально-экономической истории: топографические описания Симбирской губ., Иркутского наместничества, заводов Уфимского наместничества, описания Нерчинских рудников, земли Войска Донского, г. Перми. Здесь же опубликованы Двинский и Нижегородский летописцы, список и исторические известия о придворных чинах (бояре, окольничие и др.), сказание о взятии Азова и другие литературные произведения. Новикову сообщали сведения о документах историки М. М. Щербатов, Н. Н. Бантыш-Каменский, Г. Ф. Миллер. Для публикации использовались материалы Московского архива Коллегии иностранных дел, Патриаршей библиотеки, частных собраний. Издание «Древней российской вивлиофики» явилось важным этапом в развитии русской археографии и источниковедения.

[4] Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – этнограф-историк. Происходил из Полтавской губ.

[5] Голиков Иван Иванович (1735–1801) – русский историк. Курский купец, депутат елизаветинской Уложенной комиссии. Был осужден за злоупотребления по винному откупу, но затем помилован по случаю открытия памятника Петру I в Петербурге в 1782 г. Голиков собирал рукописи, относящиеся ко времени Петра I, и написал обширное сочинение «Деяния Петра Великого», вышедшее в 1788–1789 гг., с «Дополнениями» (1790–1797). Главную ценность сочинения Голикова составляют многочисленные документы и более 2 тыс. писем Петра I. Труд Голикова является одним из первых произведений русской историографии. Голиков высоко оценивал экономическую политику Петра I, его мероприятия по развитию торговли и промышленности, заботы о купечестве. В заслугу Петру I ставил «трудолюбие», «экономию», пренебрежение роскошью. До середины XIX в. «Деяния» являлись основным трудом и собранием документов по эпохе Петра; их тщательно изучали А. С. Пушкин и В. Г. Белинский. Издания сочинений И. И. Голикова: «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». 2-е изд. Т. 1–15. – М., 1837–1843; Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 1–18. – М., 1790–1797; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. – М., 1955.

[6] Стрешнев Родион Матвеевич (ск. в 1687 г.). В 1634 г. был стольником и ночевал на Государевом дворе, когда царь Михаил Феодорович ходил на богомолье на Угрешу. Летом 1636 г. сопровождал из Москвы до Нижнего по рекам Москве и Оке голштинских послов Филиппа Крузе и Отто Бругманна, секретарем при которых находился известный Олеарий; во все время пребывания посольства в Нижнем Стрешнев состоял при нем приставом. В 1645 г. участвовал в посольстве в Польшу. В 1648 г. был в числе поезжан на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марьей Ильинишной Милославской. В 1653 г. ездил в Малороссию для объявления гетману Богдану. В 1657 г. пожалован в окольничие. В течение следующих 5 лет часто упоминается сидящим в торжественных случаях за царским столом. В 1659 г. Стрешнев находился в числе лиц, которых Алексей Михайлович назначил делать в Москве земляной город и острог для укрепления от нападения крымцев. В начале 1661 г. Стрешнев сидел в приказе Большого прихода, а затем в этом же году и в 1662 г. – в Вологодской и Галицкой чети. С 1663 до 1680 г. заведовал Сибирским приказом. В 1659–1669 гг. во время распри царя с патриархом Никоном, а затем ссылки послед-

него Алексей Михайлович неоднократно посылал к нему с разными поручениями Стрешнева. После церковного суда над патриархом Никоном, когда было решено отправить его в Ферапонтов монастырь, Стрешнев принес ему от Алексея Михайловича деньги и меха и просил благословения царю, царице и всему царскому семейству. Никон не принял подарков и не дал благословения, несмотря на усиленные просьбы Стрешнева. В другой раз, в 1669 г., после кончины царицы Марьи Ильинишны, Стрешнев ездил к Никону в Ферапонтов монастырь с деньгами от царя на помин ее души. Никон опять не взял денег, но обещал поминать государыню «за многую ее милость прежнюю» и просил Стрешнева быть за него «ходатаем» перед Алексеем Михайловичем, чтобы он смилостивился над его участью. Через две недели после этого он объявил Артамону Матвееву царский указ о назначении его на воеводство в Верхотурье. В том же 1676 г. Стрешнев пожалован в бояре. С 1679 до 1685 г. был дядькой при царевиче, а затем царе Петре Алексеевиче и в качестве дядьки принимал участие в торжестве венчания его на царство в 1682 г.

[7] Морошкин Федор Лукич (1804–1857) – известный ученый-юрист. Сын священника. Морошкин обучался в Тверской семинарии и этико-политическом факультете Московского университета. Лекции некоторых профессоров развили в нем стремление к историко-философскому изучению права. Кроме текущей немецкой юридической литературы он знакомится с произведениями французской юридической литературы, с древней и новой философией, историей права и действующим законодательством. Отказавшись от посылки в профессорский институт, Морошкин защищает в 1833 г. магистерскую диссертацию «О постепенном развитии законодательств» (М., 1832) и занимает в Москве кафедру «права знатнейших древних и новых народов», читая также курсы русского и римского гражданского права. По введении нового устава 1835 г. и защите докторской диссертации «О владении по началам российского законодательства» (М., 1837) он получает звание ординарного профессора по кафедре гражданских законов. По собственному признанию Морошкина, его занятия философией убедили его в том, что «он не рожден для чистой философии», а требования нового устава университетов и настоятельные указания и руководство попечителя округа графа С. С. Уварова обратили его «к источникам самобытной силы русского просвещения: Православию, самодержавию и народности» и привели позднее к признанию необходимости «чистой исторической методы в раскрытии отечественных наук» вопреки его собственным

более ранним воззрениям. Тем не менее, на всех трудах Морошкина отражается с полной силой влияние полученного им философского образования. Серьезный юрист, обладавший точным знанием юридических фактов в области истории и догмы русского права и давший ряд ценных для своего времени трудов по их освещению, особенно упомянутая выше диссертация о владении, речь «Об Уложении и последующем его развитии» (М., 1839) и изданный после смерти Морошкина курс его лекций по гражданскому праву («Юридический вестник» за 1860–1861 гг.). Морошкин как в этих трудах, так и в других своих печатных произведениях («Кафолический дух римского права», «Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции», вступительной лекции «О правах знатнейших древних народов» в «Ученых записках Московского университета за 1833–1834 гг.») проявляет постоянное стремление к философскому обобщению исторических явлений и извлечению из уроков истории поучений общественно-политического характера. Приветствуя издание «Свода Законов», Морошкин настойчиво указывает, что одним изучением его норм отнюдь не достигается юридическое знание, цель которого состоит в том, чтобы «вызвать невидимого духа законов, извлечь сей разум из сокровенной глубины духа человеческого, из совести судей, из свойства и жизни вещей, превратить его в право положительное, развить и произвести нечто органическое». В обеих диссертациях высказал положения, что «для возведения в науку русского гражданского положения нам необходимо принять философское, а потом уже историческое направление ведения». Проникнутый традиционными началами русской жизни, Морошкин всегда выступал, однако, как убежденный защитник свободной юридической науки, просвещения и гуманных начал правосудия, одним из источников которого он признает право естественное. Направляя свои сравнительно-исторические исследования к выводам в духе Г. В. Гегеля, Морошкин никогда не впадал в мелочное изложение фактов и не терял чувства истории и современной действительности, избегая ошибок, столь частых у других представителей как немецкой исторической, так и философской школы правоведения. Его указания на творческую роль «общего здравого юридического чувства и совести судьи», на воспитательное значение судебной практики и изучения обычного права также должны быть отмечены как положительные заслуги профессора, привлекавшие к нему многочисленных слушателей и создавшие ему вместе с его трудами почетное место среди русских ученых-юристов. Кроме юридических трудов, Морошкину при-

надлежали несколько статей по русской истории: «О значении имени руссов и славян» в журнале «Маяк», «Рецензия на книгу подьячего Котошихина» в журнале «Москвитянин», 1841 г. Здесь высказано убеждение автора, что немецкие исторические критики «слишком обрезали русскую историю», «что Российское государство вызвано из ничтожества православною греко-кафолическою верою» и что «на сем краеугольном камне оно может утвердить свою власть над полвселенной». Морошкину принадлежит еще перевод книги Рейца «История российских государственных и гражданских законов» (М., 1836) с обширными примечаниями, литературными указаниями и добавлениями (См. статьи о творчестве Ф. Л. Морошкина в газете «Сын Отечества», 1857, № 52, и воспоминания А. В. Лохвицкого в газете «Русский курьер», 1881, № 138).

[8] Михаил Федорович (1596–1645) – первый русский царь из династии Романовых, избранный в 1613 г. Земским Собором, сын патриарха Филарета, фактически управлявшего страной до 1633 г. В годы правления Михаила Романова были заключены Столбовский мир и Деулинское перемирие (1618 г.), велось интенсивное строительство засечных черт против крымских татар; проходила дальнейшая колонизация Сибири. После смерти Михаил Федорович Романов передал власть сыну – царю Алексею Михайловичу.

[9] Приказы в России с XVII по XVIII в. – постоянно действующие органы центрального управления, ведавшие отдельными государственными делами (Земский приказ, Казенный, Посольский, Поместный) или территориями (Сибирский и т. д.). Их наименование произошло от термина «приказ», употребляемого в смысле особого поручения; применительно к учреждениям этот термин входит в обращение с 60-х гг. XVI в. Складывание приказной системы управления явилось одной из сторон процесса формирования Русского централизованного государства и было вызвано усложнением задач, стоявших перед молодой самодержавной монархией. В отличие от временных «путей» (формы управления периода феодальной раздробленности) приказы были постоянно действующими учреждениями. Каждый приказ был организационно оформлен, ведал определенным кругом вопросов, имел самостоятельный штат.

[10] Чети, четверти, четвертные приказы – центральные государственные учреждения в России XVI–XVII вв. с финансовыми и административно-судебными функциями по отношению к определенным территориям страны (за исключением Новой четверти). Первое упоминание о четях относится к 1561 г., но их складывание проис-

ходило на протяжении 50–60-х гг. XVI в. из территорий ведомств так называемых «кормленых дьяков». Во 2-й пол. XVI в. неоднократно менялось как число четий, так и подведомственные им территории. Типичное для XVII в. количество четий – 5 единиц.

[11] Разбойный приказ – центральное государственное учреждение в 1571–1682 гг. Ведал сыском и судом по крупным уголовным делам. Контролировал также деятельность *губных учреждений*. В 1555–1556 гг. создается так называемая «разбойная изба», которая с 1571 г. именуется Разбойным приказом. Компетенция Разбойного приказа регламентировалась специальной уставной книгой, написанной в 1555 г., которая позднее дополнялась и редактировалась. В 1682 г. на базе Разбойного приказа был создан Сыскной приказ.

[12] Казачий приказ упоминается в актах впервые в 1618 г., в последний раз – в 1646 г. Он заведовал атаманами и всем вообще казачьим войском, т. е. кормовым и беломестным, служившим в коннице и пехоте как в Москве, так и в других городах. В Польше – глава воеводства.

[13] Князь Репнин Иван Борисович (ск. в 1697 г.) – боярин и дворецкий, сын князя Бориса Александровича. В 1640 г. был стольником, в 1643 г. находился в Астрахани при отце своем, бывшем там воеводой, и в 1647 г. В 1648–1654 гг. нес дворцовую службу, сопровождал царя в его богомольных походах в Троице-Сергиев монастырь, в Кашин и Звенигород, «смотрел в большой стол» на торжественных обедах и бывал рындой на царских приемах, а в 1654 г. был головой у дворян во время Польского похода. За приезд в Вязьму на указной срок 17 марта 1655 г. получил в прибавку 50 четвертей и 5 рублей, за «Литовскую» службу, т. е. за воеводство в Могилеве в 1655–1656 гг. получил еще прибавку 200 четвертей и 15 рублей. Во время войны 1654–1656 гг. с польским королем Яном-Казимиром, когда западнорусский край был занят войсками царя Алексея Михайловича, во многие города «Литовской» Руси были назначены московские воеводы, и в Могилев назначен в 1655 г. князь Репнин. В 1650 г. Репнин был судьей Владимирского Судного приказа и был послан в Полоцк для бережения от прихода воинских людей, а в 1658 г. был стольником у стряпчих при встрече грузинского царевича Теймураза и во время обеда. В том же году был пожалован в бояре и дворецкие, а в 1659–1660 гг. был осадным воеводой в Полоцке, но отпущен в Москву по болезни. В 1661 г. вторично был судьей во Владимирском судном приказе. В 1661–1665 гг. Репнин был воеводой в Новгороде. В 1663 г. князь Репнин удостоился похвалы от царя за то, что установил цену

всяким хлебным и съестным запасам и запретил перекупщикам покупать прежде мирских людей, отчего цена на съестные припасы понизилась, и они стали доступнее для бедных людей.

[14] Борис Федорович Годунов (ок. 1551–1605) – Царь и Великий князь всея Руси, вступил на престол 21 февраля 1598 г. Род Годуновых вместе с Сабуровыми и Вельяминовыми-Зерновыми происходит по родословцам от татарского мурзы Чета, в крещении Захарии, который выехал из Орды к великому князю Московскому Ивану Даниловичу Калите и построил Костромской Ипатьевский монастырь. Старшая линия потомков Чета, Сабуровы, в конце XV столетия уже заняла место среди знатнейших родов московского боярства, тогда как младшая, Годуновы, выдвинулась столетием позже при Грозном во время опричнины. Борис начал службу при дворе Грозного: в 1570 г. он упоминается в Серпуховском походе рындой при царском саадаке (лук со стрелами). В 1571 г. Борис был дружкой на свадьбе царя с Марфой Васильевной Собакиной. Вероятно, Сабуров Семен Федорович в конце царствования Ивана Грозного был воеводой в Мариенбурге, где и получил в 1579 г. от царя грамоту об отправлении хлебных запасов в ливонские города для продовольствия войска. В 1590 г. участвовал в походе царя Федора Иоанновича под Нарву, причем во время осады этого города ему было поручено быть с князем Иваном Токмаковым у пролома и идти на приступ после того, как будет сделан пролом, имея при себе 750 стрельцов, 2380 детей боярских, да разных людей со своим головою 500 чел. В 1598 г. подпись С. Ф. Сабурова (в чине окольничего) встречается на грамоте об избрании царем Бориса Годунова.

[15] Тарханная грамота Иверскому монастырю – охранная грамота: «Тархан (мужск. – обельный) – вотчинник, свободный от всех податей; встарь иным тарханам давались и несудимые грамоты; ныне остались только почетно, без прав. Тархан на промысел идет с мешком и облыжным безменом, а домой едет на возу. Тарханить, заниматься тарханьим промыслом. Тарханство – званье это, ныне уничтоженное. А имати та пошлина со всяких людей, опричь тарханщиков, т. е. тарханов. Кто церкву покрадет, мужика ли убьет, а кто у жива мужа жену уведет, и уйдет в село во боярское, ко старому Никите Романовичу, и быть там им не в выдаче, по тарханной грамоте...» (*Даль В. И.* Толковый словарь. – 1863–1866).

[16] Котошихин, или Кошихин Григорий Карпович (другое имя – Иван-Александр Селицкий; 1630–1667) – чиновник, авантюрист. В конце 50-х гг. XVII в. был писцом, подьячим в Посольском приказе.

Прикомандированный к посольству князя Прозоровского и Ордина-Нащокина для заключения в 1661 г. Кардисского мира со Швецией, Кошихин играл при переговорах видную роль. Он вступил в сношения со шведским комиссаром Эберсом, которому за денежное вознаграждение сообщал копии с секретных инструкций, данных русским уполномоченным. В конце 1663 г. или начале 1664 г. Кошихин был послан к стоявшей на Днепре армии князей Черкасского и Прозоровского для переговоров с поляками. Сменивший Черкасского и Прозоровского воевода князь Ю. А. Долгорукий потребовал от Кошихина, чтобы он написал донос на его предшественников. Не желая исполнить этого требования и опасаясь мести Долгорукого, Кошихин бежал сначала в Польшу, потом в Пруссию и Любек и, наконец, в Нарву, откуда был отослан в Стокгольм. За границей он принял имя Ивана-Александра Селицкого. В Стокгольме был принят на шведскую службу и причислен к государственному архиву. Здесь он написал сочинение о России в царствование Алексея Михайловича. За убийство в нетрезвом виде хозяина дома, в котором он жил, по приговору суда Кошихин был обезглавлен в Стокгольме в 1667 г. Рукопись сочинения Кошихина находилась в шведском переводе в нескольких библиотеках в Швеции. В 1837 г. профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев нашел этот перевод в Стокгольмском государственном архиве, а в 1838 г. им был открыт и русский оригинал в библиотеке Упсальского университета. Сочинение Кошихина разделено на 13 глав, в которых он повествует о царях и царской семье, их образе жизни, придворных церемониях, о царских чиновных и служилых людях, о сношениях московских царей с иноземными государями, о царских дворах, приказах, городах, их управлении, об организации войска, о торговых людях и торговле, о крестьянах, боярах и их быте. Фактические неточности немногочисленны и не умаляют ценности сочинения Кошихина как исторического источника. Усвоив многие западные воззрения, Кошихин отрицательно относился к организации Московского государства и к быту московского общества. По своим взглядам Кошихин был одним из предвестников реформы Петра Великого. Сочинение Кошихина было издано Императорской археографической комиссией три раза (в 1840, 1859 и 1884 гг.). Я. К. Грот поместил статью о Кошихине в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук» (т. XXIX, 1882).

[17] Записные книги – название специальных книг для регистрации (записи) писем, сдаваемых для отправки по ямской почте, действовавшей в русском государстве в XV–XVIII вв.

[18] Боярские списки – именные перечни по чинам членов Государева двора с пометами об их служебных назначениях, пожалованиях, местонахождении и пригодности к службе. Появились во 2-й пол. XVI в., составлялись в Разрядном приказе, сводились в *боярские книги*.

[19] Дворовый Большой приход в последней четверти XVI в. – центральное финансовое учреждение Московского государства, ведавшее доходы государственные и выделившееся из московского Большого дворца, сосредоточившего в себе доходы дворцовые. Тогда же внутри этого учреждения мало-помалу формируются так называемые «четверти» с территориально-финансовым характером (наиболее раннее известие о нескольких четях относится к 1576 г.), отчего Дворцовый Большой приход иногда в актах встречается с названием «Четверть», «Четвертной приказ», «Дворцовый четвертной приказ» (1582 г.), а часть доходов его называлась «четвертными» в случаях противопоставления доходам «дворцовым», т. е. Большого дворца. В начале XVII в. Дворцовый Большой приход (теперь уже называемый обыкновенно Большой приход) еще сохранял значение центрального финансового учреждения, как это видно из записки о Московском государстве, составленной в Смутное время и найденной в Швеции.

[20] Бронный приказ – центральное государственное учреждение Российского государства в 1573 г. – 1-й пол. XVII в. Ведал изготовлением военных доспехов – брони, шлемов, сабель, луков, стрел, самопалов; при нем находились мастера, получавшие денежные и поместные оклады.

[21] Постельный приказ известен со слов дьяка Котошихина, так что, вероятно, приказ этот в середине XVII в. уже не существовал. Неволин относит возникновение его ко времени Иоанна III, учредившего должность постельничего. Из «Древней российской вивлиофики» мы узнаем, что в боярских книгах приказ этот известен только с 1573 г. Вероятно, он существовал при постельничем и ведал всем, относившимся к царской постели. Приказ этот мог иметь важное значение, т. к., по словам Котошихина, у постельничего хранилась печать «для скорых и тайных его царских дел».

[22] Казанский дворец (приказ Казанского дворца или Кавелин и Мещерский дворец) возник из Казанской избы, упоминаемой в последние годы царствования Иоанна IV; впервые встречается в записных книгах в 1599 г. В начале XVII в. говорилось безразлично: Казанский дворец и Казанский и Мещерский дворец. Во время цар-

ствования Бориса Годунова в Кавелин дворце сосредоточивалось управление бывших царств Казанского, Астраханского, Сибирского и всех понизовых городов. По учреждении Сибирского приказа все дела по сибирским городам переданы в ведение последнего. Впоследствии города бывшего Астраханского царства поручены были Посольскому приказу.

[23] Патриарший разряд – центральные учреждения Московской патриархии XVII – нач. XVIII в. Отчасти существовали, вероятно, еще при митрополитах, отчасти возникли с учреждением патриаршества; исчезли с уничтожением последнего приказа. Ведали патриаршими вотчинами и хозяйством (Дворцовый патриарший приказ), сбором налогов, пошлин (Казенный патриарший приказ), назначением духовенства на должности (Судный патриарший приказ, или Патриарший разряд). Патриаршие приказы осуществляли судебное разбирательство по делам о преступлениях против веры, ведали сборами с раскольников. *Патриарший разряд*, *или Патриарший духовный приказ* – под этим именем существовал уже в начале XVII в.; в 1635–1645 гг. называется Патриаршим собором, с 1663 г. – опять разрядом. Он определял на должности лиц белого и черного духовенства, рассматривал жалобы на них, судил их в делах о преступлениях против веры, разбирал гражданские иски лиц, находившихся в ведении патриарха. На основании определения Духовного Собора 1667 г., подтвердившего старый порядок, в патриаршем разряде существовал двоякого рода суд: один, судивший лиц духовных, а также мирян – в делах о незаконных браках и свидетельствовавший их духовные завещания, должен был состоять из архимандрита и лиц духовных; другой под председательством боярина состоял из дьяков и судил мирян, находившихся в ведении патриарха, по всем их делам. *Приказ церковных дел* был учрежден патриархом Иоакимом (1674–1690) вместо существовавшего прежде с самого начала патриаршества, тиуна и при нем тиунской избы для надзора за благочинием в церквах и поведением духовенства. *Казенный патриарший приказ* существовал с начала XVII в. и заведовал различными сборами, поступавшими в патриаршую казну. *Дворцовый патриарший приказ* был основан, по разным источникам, в период 1613–1620 гг., получил определенную организацию только после смерти патриарха Филарета, когда этот приказ стал ведать исключительно патриаршими вотчинами. Дворцовый патриарший приказ состоял в непосредственном подчинении патриарха, был одновременно административным, финансовым и судебным учреждением. *Патриарший судный при-*

каз, по сведениям из «Древней российской вивлиофики», значился уже в записных книгах 1626–1627 гг. и существовал до конца XVII в. Он заведовал излишними монастырскими и церковными доходами, а также сбором с раскольников на содержание больниц, богаделен, сиротских домов и училищ. С учреждением Синода (1721 г.) Патриарший приказ (разряд) был упразднен.

[24] Засечные линии – системы оборонительных сооружений на южной и юго-восточной окраинах Русского государства в XVI–XVII вв. для отражения ногайских и крымских набегов (Большая засечная часть, Белгородская засечная часть). Состояли из засек, валов, рвов.

[25] Рейтарский приказ – рейтары (от нем. *Reiter* – всадник) – наемные конные полки. В конце XVII в. рейтары составляли лучшую и наиболее многочисленную часть кавалерии. В России рейтары принадлежали к войскам иноземного строя. Первый копейно-рейтарский полк был сформирован в 1632 г.; $^{2}/_{3}$ личного состава были русские, $^{1}/_{3}$ – иностранные инструкторы. К концу XVII в. число таких полков дошло до 25. Со времени Петра I название «рейтары» более в русской армии не встречалось. Находился в заведовании того же боярина, что и Стрелецкий, и Иноземский приказы; с боярином в товарищах были дворянин и два дьяка. Упоминаются в записных книгах с 1651 г. Приказ ведал рейтарами, выдачей им жалованья.

[26] Разрядный приказ (Разряд) – центральное государственное учреждение России XVI–XVII вв., ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными («украинными») городами. Разрядный приказ сложился в сер. XVI в. Со 2-й пол. XVI в. и позднее, с возникновением приказов Стрелецкого, Пушкарского, Иноземского, Сибирского, Казанского дворца и других, круг дел Разрядного приказа был ограничен в территориальном и функциональном отношениях. В его ведении остались служилые люди по отечеству, а в южных городах – и служилые люди по прибору. Во время войн функции Разрядного приказа значительно расширялись, через Разрядный приказ правительство осуществляло руководство военными действиями. В ведении Разрядного приказа было также распределение служилых людей по полкам, назначение воевод и их помощников из числа бояр и дворян в города России, управление засечной, сторожевой и станичной службами, обеспечение служилых людей земельным и денежным жалованьем. В XVII в. правительство предприняло попытку сосредоточить в Разрядном приказе учет всех ратных людей. В Разрядном приказе составлялись росписи придворных церемоний (приемы ино-

странных послов, свадьбы членов великокняжеских и царских семей и их родственников, пожалования в чины); он имел непосредственное отношение к разбору местнических споров. Штат Разрядного приказа включал большое количество дьяков, подьячих и других служителей. Он делился на столы (отделы): Московский, Новгородский, Владимирский, Белгородский, Севский, Поместный, Денежный и Приказной.

[27] *Delicta private* – частные правонарушения (лат.). Понятие деликтных обязательств. По латыни деликт (*delictum*) означает погрешность, проступок, правонарушение. Специфика деликтных обязательств в сравнении с договорными в том и состоит, что они вызываются к жизни не правомерными, а, наоборот, противоправными действиями одного из участников, наносящими урон другому.

[28] Патриарх Иоасаф II – седьмой русский патриарх в 1667–1672 гг., преемник Никона. При нем состоялось окончательное отделение от Церкви старообрядцев и образовался раскол. При нем состоялся знаменитый Московский Собор 1667 г., решивший вопрос о старообрядчестве. Собор одобрил исправление книг, совершенное патриархом Никоном. На Соборе 1668 г. в присутствии патриархов Александрийского и Антиохийского произнесена анафема на неповинующихся Церкви. При Иоасафе велась борьба против раскола (изданы полемические сочинения «Жезл правления», «Глас к священноначальникам»; священники, которые продолжали совершать литургию по-старому и вообще придерживались дониконовских обрядов, патриарх лишал мест). В сочинении, разосланном всем священникам («Глас к священноначальникам»), он объяснял подробно смысл постановлений Собора о старых обрядах. Заботясь о правильном иконописании и борясь с проникновением западной манеры в русскую иконопись, Иоасаф издал «Выписку от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя» (М., 1668). В напечатанном им при «Служебнике» «Соборном свитке» исчислен ряд постановлений Московского Собора 1667 г. При нем же изданы два катехизиса Симеона Полоцкого и стараниями этого ученого восстановлена живая устная проповедь в церквах. Иоасаф не был новатором: он шел по стопам Никона, но без его энергии не было бы приведено в исполнение постановление Собора 1667 г. о заведении школ.

[29] Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович; 1705–1783) – историограф и академик, происходил из Вестфалии. Учился в Лейпцигском университете. Приехал в Россию в 1725 г. и был определен студентом в только что основанную Академию наук. Поддерживае-

мый академиком Шумахером, Миллер первые годы по приезде преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии, вел протоколы академических заседаний и канцелярии, издавал «Санкт-Петербургские ведомости» с «Примечаниями», рассчитанными на более обширный круг читателей. В 1731 г. получил звание профессора, но лишился расположения Шумахера; между ними возникла непримиримая вражда. С 1732 г. Миллер стал выпускать сборник статей, касающихся России, “Sammlung russ. Geschichte” (1732–1765 гг.). Это было первое издание, основательно знакомившее иностранцев с Русской землей и ее историей. Тем временем снаряжалась «Вторая камчатская экспедиция», в которой по поручению академии Миллер принял участие. Десятилетнее (1733–1743) пребывание в Сибири обогатило Миллера массой ценных сведений по этнографии инородцев, местной археологии и современному состоянию края. Особенно важна была вывезенная Миллером огромная коллекция архивных документов; сам он использовал только ничтожную часть их, но они служили важным источником для отдельных ученых и для целых учреждений. Князья М. М. Щербатов, Голиков, Н. И. Новиков для «Древней российской вивлиофики», граф Н.П. Румянцев для «Собрания Государственных Грамот и Договоров», археографическая комиссия и другие многим обязаны Миллеру. В Петербург Миллер вернулся в самый разгар академических интриг и, кроме Шумахера, нажил себе другого непримиримого врага в лице Ломоносова. В 1748 г. Миллер принял русское подданство и назначен историографом. В 1749 г. имел большую неприятность по поводу речи «Происхождение народа и имени Российского», приготовленной им для торжественного заседания академии. Некоторые академики (Ломоносов, Крашенинников, Попов) нашли ее «предосудительной России». Миллер обвинялся в том, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может». Нетерпимость, с какой была встречена теория скандинавского происхождения варягов, основателей русского государства, значительно объясняется тогдашними политическими отношениями России и Швеции. Речь, уже напечатанная, была уничтожена, но появилась в 1768 г. в “Allgemeune historische Bibliothek”, т. IV, под заглавием “Origines Rossicae”. В 1750 г. академические интриги отозвались на Миллере разжалованием его из академиков в адъюнкты и понижением жалованья с 1000 до 360 рублей в год. Скоро, однако, Миллер был прощен под условием предварительно подать прошение о прощении. Сам Миллер, впрочем, далеко не всегда

оказывался безупречным в своих отношениях к коллегам. В 1750 г. он напечатал первый том «Описания Сибирского царства» – «первый правильный ученый труд по сибирской истории» (Пыпин). Том 2 увидел свет лишь в отрывках, напечатанных в “Sammlung russisch. Geschichte” и «Ежемесячных сочинениях». Миллер очень медлил с работой, и академия поручила продолжение ее академику Фишеру, но “Sibirische Geschichte” последнего (СПб., 1768; русский пер.: СПб., 1774) – не продолжение, а лишь сокращенный пересказ сочинения Миллера (как напечатанного, так и остававшегося еще в рукописи). С 1754 г. в звании конференц-секретаря академии Миллер вел обширную переписку с заграничными учеными, вызывал профессоров для Московского университета. В 1755–1765 гг. он редактировал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих» – первое периодическое учено-литературное издание на русском языке. В нем участвовали все современные писатели, пользовавшиеся известностью; Миллер поместил там много статей, касающихся Сибири. Из числа собственно исторических трудов Миллера, кроме “Origines Rossicae”, главные: О летописце Несторе // Ежемесячные сочинения. – 1755; Известие о запорожских казаках // Там же. – 1760; О начале Новгорода и происхождении российского народа // Там же. – 1761 и Samml. russ. Gesch.; Опыт новой истории о России // Там же. Хотя «Нестор» Миллера являлся лишь повторением и развитием мыслей, высказанных еще раньше Татищевым, но т. к. труд последнего («История Российская», т. I) появился лишь в 1768 г., то положения Миллера (автор первоначальной летописи – Нестор; у Нестора были предшественники; указаны продолжатели) имели значение новизны; собственно, с них начинается история научного знакомства с русскими летописями. Напуганный судьбой своей речи 1749 г., Миллер в 1761 г. проводит мысль, что основатели русского государства были роксолане с Балтийского моря. Позже в сочинении «О народах, издревле в России обитавших» (Busching’s “Magazin”, т. XV, русск. пер.: СПб., 1773) он указал на присутствие варяжского элемента на юге. В «Опыте новой истории о России» Миллер хотел продолжать Татищева. Однако Ломоносову не нравилось, что Миллер занимался исследованиями о «смутных временах Годунова и Расстриги – самой мрачной части российской истории», и ему удалось добиться прекращения этого труда. Миллер принимал участие в составлении Вольтером “Histoire de l’empire de Russie sous Pierre le Grand” сообщением материалов и своих замечаний. В 1765 г. Миллер был назначен главным надзирателем Московского воспитательного дома с оставлени-

ем при Академии наук в звании историографа, а через год определен начальником Московского архива иностранной коллегии (впоследствии Московский главный архив Министерства иностранных дел). Московский период в жизни Миллера ознаменовался изданием таких ценных памятников и трудов русских ученых, каков «Судебник царя Ивана Грозного», «Степенная Книга», «Письма Петра Великого графу Б. П. Шереметеву», «Ядро Российской истории» (Манкеева), «История Российская» (Татищева), «Географический словарь» (Полунина), «Описание Камчатки» (Крашенинникова). В «Опыте трудов вольного российского собрания» Миллер поместил ряд статей о рождении, воспитании, воцарении и короновании Петра Великого, об учреждении первых гвардейских полков. Назначая Миллера в архив иностранной коллегии, Императрица Екатерина поручила ему составить «Собрание русской дипломатики» по примеру Дюмона. По старости он не мог уже сам много сделать, но подготовил учеников; в его школе выработался такой прекрасный архивист и ученый издатель, как Н. Н. Бантыш-Каменский. По смерти Миллера осталась коллекция автографов и рукописей (в 258 портфелях), важных для изучения истории, этнографии, статистики и промышленности России, и в частности, Сибири.

[30] Расправная палата в Русском государстве XVII в. – особый судебный отдел в составе Боярской Думы. В эпоху Петра I – судебное учреждение при Правительствующем Сенате, ведавшее по жалобам спорные дела, вершащиеся в приказах и коллегиях. Хотя в официальных документах Расправная палата значится только с 1712 г., она существовала и ранее, при Боярской Думе. Указом от 4 сентября 1713 г. она возведена в степень высшей судебной инстанции при Сенате; кроме спорных дел ей подлежали еще дела фискальные и подчинялись приказы и губернаторы. В 1719 г. Расправная палата была заменена с уменьшением компетенции С.-Петербургским надворным судом. (См.: *Петровский С. А*. О сенате в царствование Петра Великого // Описание документов Московского архива Министерства юстиции. Кн. III. – М., 1876.)

[31] Корнилий (ск. 26.02.1698) – митрополит Великоновгородский, Великолуцкий и всего Поморья. . Родом великороссиянин. Постригся в Зеленецком монастыре и был там рукоположен в иеромонаха. Осенью 1665 г. переведен архимандритом в Тихвинский монастырь и в январе 1667 г. представлен был в кандидаты на патриаршество, а с 10 марта 1668 г. был снова в Зеленецком монастыре настоятелем, откуда «нуждою», т. е. против собственного его желания, был хиро-

тонисан 16 марта 1673 г. в митрополита Казанского и Свияжского. В Казани, однако, побывать ему не пришлось: год и 5 мес. он прожил в Москве, а 6 августа 1674 г. перемещен был на новгородскую митрополичью кафедру, которой и правил 20 лет. При нем в 1682 г. Соловецкий монастырь отошел от Новгородской к Холмогорской епархии; в 1685 г. ему в помощь дан викарий – епископ Тамбовский Леонтий; 3 марта 1695 г. престарелый митрополит по болезни удалился на покой в Зеленецкую пустынь, где скончался и погребен.

[32] Ратманы (ед. ч. *Ratmann*, от нем. *Rat* – совет и *Mann* – человек) – России: 1) младшие советники в органах городского сословного самоуправления, магистратах в 1721–1728, 1743–1775 гг. По «Регламенту, или уставу Главного магистрата» 1721 г. избирались под надзором губернаторов и воевод из городских верхов; 2) по «Учреждениям для управления губерниями» 1775 г. ратманы – члены сословных городских судов – губернских и городовых магистратов, а также ратуш; избирались горожанами; 3) два ратмана, избираемые горожанами, заседали в полицейском органе губернского города или столицы – управе благочиния, учрежденной «Уставом благочиния» 1782 г. Ратманы существовали в магистратах и ратушах до судебной реформы 1864 г., а в управах благочиния – по мере закрытия их во 2-й пол. XIX в. (См. также: *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960.)

[33] Регламент (фр. *reglement*, от *regle* – правило): 1) совокупность правил, определяющих порядок деятельности государственного органа, учреждения, организации; 2) порядок ведения заседаний, конференций, съездов; 3) название некоторых актов международного права. Название «регламент» носят важнейшие акты петровского законодательства, которые обыкновенно соединяют в себе основные законоположения с распоряжениями инструкционного характера. В России начала XVIII в. регламенты – законодательные акты, определявшие общую структуру, статус и направления деятельности отдельных государственных учреждений. Всего в петровский период было утверждено семь регламентов. Особенно важны духовный регламент и регламенты коллегиям и главному магистрату 1701 г.

Имеются в виду регламенты городовым магистратам – так назывались городские учреждения, введенные Петром Великим при вторичном преобразовании центрального и областного управления. В 1718 г. государь предписал: «Магистратов градских установить и добрыми регулы снабдить, учинив сие на основании Рижского и Ревельского регламентов по всем городам». В исполнение

этого изданы регламенты главному магистрату 1721 г. и городовым магистратам в 1724 г. Новые учреждения явились исключительно городскими установлениями, тогда как земские избы ведали и уездное население поморских городов. Хотя магистрат и назывался «начальством города», но ведал не все городское население, а преимущественно торгово-промышленные классы или граждан, был «главою всего гражданства», к которому не причислялись ни шляхетство, ни духовенство, ни иностранцы. Состав магистратов зависел от величины городов, которые по числу населения разделялись на пять разрядов. Соответственно этому каждый магистрат состоял, по избранию всего гражданства, из одного или нескольких бургомистров, нескольких ратманов, а в больших городах, сверх того, избирались президенты. По своей компетенции магистрат был судебно-административным учреждением.

[34] Фик Андрей Генрих фон (ск. в 1750 г.) – действительный статский советник, с 1726 по 1732 г. – вице-президент Коммерц-коллегии, В начале XVIII в. Фик, уроженец Гамбурга, состоял на службе у голштинского герцога комиссаром в г. Экернферде (*Eckernförde*), где «отправлял юстицкие, экономические и полицейские дела». На русскую службу Фик был принят в конце 1715 г. как очень способный человек и знаток шведских «коллегий и прав». В 1727 г. Мануфактур-коллегия была присоединена к Коммерц-коллегии, Фик принимал деятельное участие в преобразовании этих коллегий и написал проект необходимых изменений в устройстве Коммерц-коллегии в 100 пунктах депеши Мардефельда. Мысль о необходимости учредить «Высокий тайный совет» была высказана Фиком еще в 1723 г. в записке, поданной в Сенат. В правление Анны Иоанновны за поддержку ограничительных пунктов членов «Верховного тайного совета» и критику фаворитов предшествующих царствований Фик был арестован. В 1732 г. был приговорен к вечной ссылке и лишению всех пожалованных имений. По вступлении на престол Императрицы Елизаветы Фик был возвращен из ссылки в 1743 г.; ему отдали обратно конфискованные именья и вознаградили чином.

[35] Былинский Яков Васильев – дьяк, в 1706 г. – фискал (мужск., от лат. *Fiscalis* – казенный). В эпоху Петра I и позднее, в 1711–1729 гг., – должностное лицо, государственный служащий для надзора за деятельностью, главным образом финансовой, государственных учреждений и должностных лиц. Возглавлялись обер-фискалом (с 1723 г. – генерал-

фискал), подчиненным генерал-прокурору. В переносном смысле – ябедник, доносчик.

[36] Московский Данилов монастырь (Свято-Данилов монастырь) – мужской, в Москве. Основан в 1282 г. князем Даниилом Александровичем. С середины XIX в. – место погребения деятелей русской культуры. Закрыт после Октябрьской революции. В 1983 г. был возвращен Русской Православной Церкви.

[37] Ингерманландия (Ингрия или Ижорская земля) – территория по берегам Невы и по побережью Финского залива, некогда сплошь населенная финскими народностями и входившая в состав Вотской, или Водской, пятины Новгородской. Относительно происхождения названия В. Н. Татищевым были предложены два объяснения: или оно связано с именем князя Игоря (по Якимовской летописи, Ингорь), или с именем шведской царевны Ингегерды (*Ingegerd*, у финнов – *Ingeri*, *Inkeri*, *Inko*), дочери *Olof'a Skötkonung'a* и супруги Ярослава, согласно сагам, получившей во владение как свой удел *Aldeigioborg* (вероятно, область Старой Ладоги) с прилежащим к нему ярлством. Из четырех ингерманландских племен финского происхождения, савакотов (*Sawakot*), эйремейзет (*Äürämöíset*, *Äärämöiset*), ингрикотов (*Ingrikot*) и ватьялайзет (*Watialaiset*, водь) последние были, по-видимому, первоначальным населением страны, а корельские ингрикоты (ингры, ижера), прежде называвшиеся просто корелами (*Karjalaiset*), – первым из переселившихся сюда; к месту их поселения прежде всего и стало применяться название *Ingerinmaa*, которое толкуется как «земля Ингерин», т. е. Ингегерды.

В 1702 г. началось завоевание Ингерманландии Петром I, которое в 1704 г. было уже закончено; одновременно Ингерманландия стала формироваться в новую Ингерманландскую губернию.

[38] Ближняя канцелярия – орган административно-финансового контроля над деятельностью государственных учреждений России (1699–1719); являлась канцелярией Боярской Думы. Учреждена Петром I. Возглавлялась дьяком Никитой Зотовым. Открыта была еще до учреждения Правительствующего Сената – в 1705 г. при Золотой Думе, вверху. Ближняя канцелярия была создана для собрания данных по производству в разных установлениях того времени, в особенности в приказах, важнейших государственных дел и для немедленного представления государю справок. В Ближней канцелярии собирались начальники важнейших приказов в 1708–1710 гг. (ок. 8 человек), которые составляли «консилию министров», являвшуюся прямым предшественником Сената. В канцелярию поступа-

ли ежемесячно финансовые отчеты приказов, а затем губерний, на основании которых составлялись годовые балансовые ведомости. При ее открытии царем было велено завести книгу, в которую надо вносить все состоявшиеся (с 1 января 1705 г.) именные указы. Все важнейшие бумаги главные царские слуги (министры) должны были подписывать в Ближней канцелярии, для чего съезжались туда три раза в неделю. В нее должны были поступать из всех губерний ведомости о доходах и расходах, а также ежемесячные финансовые отчеты приказов, на основе которых составлялись годовые балансовые ведомости. Затем этой же канцелярии Петр I поручил ревизию всех денежных счетов и расходов, произведенных присутственными местами. Но средств для выполнения этой важной функции, которую Петр стремился сделать новой государственной функцией, у Ближней канцелярии не было. Пришлось обращаться к старому московскому методу: для поверки приходных и расходных книг вызывать из присутственных мест приказов и губерний дьяков. С проведением реформы государственных установлений, когда дело контроля и ревизии было возложено на Ревизион-коллегию, Ближняя канцелярия была упразднена. (См.: *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. – М., 1948; *Токарев Н. Я.* Ближняя канцелярия при Петре Великом и ее дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 5. – М., 1888; *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1905.)

[39] Ландрат (нем. *Landrat*, от *Land* – страна и *Rat* – советник) – должность в России в 1713–1719 гг., введенная Петром I, советник от дворян уезда. Ландрат во главе с губернатором составляли коллегию (8, 10 или 12 человек, в зависимости от размера губернии) для управления губернией. В 1719 г. ландраты были заменены воеводами, назначавшимися правительством.

[40] Меншиков Александр Данилович (1673–1729) – русский государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра Великого.

[41] Римский-Корсаков Яков Никитич был Копорским комендантом и ландрихтером Ингерманландским, потом (в 1711 г.) – С.-Петербургским вице-губернатором. Сын стряпчего Никиты Гурьевича Римского-Корсакова. В начале Северной войны Яков Никитич – один из новгородских детей боярских – был назначен к выполнению экстренных провиантских заготовлений и своей расторопностью и угодливостью обратил на себя внимание князя А. Д. Меншикова,

который по основании Петербурга и по укреплении Нарвы как губернатор вновь завоеванной страны повысил своего любимца и при преобразовании Ингерманландской губ. назначил Римского-Корсакова в 1706 г. Копорским комендантом, а 17 января 1707 г. – ландрихтером Ингерманландской (С.-Петербургской) губ., прилегавшей к Нарве. В апреле 1708 г. ему было поручено заведование земскими делами Пскова с пригородами. В 1711 г. он был определен Петербургским вице-губернатором. Однако Римский-Корсаков вступил в недозволенные операции в интересах А. Д. Меншикова; хищения казны были обнаружены, и Римский-Корсаков, наказанный палачом (публично высечен кнутом), был вместе с братом Василием, бывшим Белозерским комендантом, отправлен в ссылку в 1715 г., а имения его были конфискованы. Дело о его злоупотреблениях производилось еще в 1720 г. Историки предполагают, что Яков Никитич Корсаков умер ранее Петра I и Меншикова (*Петров П. Н.* История родов русского дворянства. – СПб., 1885. – С. 386; Русский биографический словарь Половцева).

[42] Ратуша (нем. *Rathhaus*; польское *ratusz*, от немецкого *Rathaus*) – купеческая управа в городишках и посадах (В. И. Даль). В России: 1) центральное учреждение в Москве по управлению городским населением (купцами и ремесленниками, с конца XVII в. до 1720 г.); 2) по регламенту 1722 г. Ратуша – помещение, в котором размещался городской магистрат; 3) сословный судебный орган в 1775–1864 гг. Ратуша была учреждена Петром I в 1699 г. в Москве под названием Бурмистерской палаты, которая в том же году была переименована в Ратушу. Ратуша ведала торговых и промышленных людей, посадских всего государства в «расправных, челобитных и купецких делех», а также в сборе Государевых доходов, поборов и пошлин.

[43] Преображенский приказ – центральное государственное учреждение России кон. XVII – нач. XVIII в. Создан Петром I в 1686 г. в подмосковном селе Преображенское для управления Преображенским и Семеновским полками; использовался царем в борьбе за власть против царевны Софьи. С 1695 г. стал называться Преображенским приказом; ведал охраной порядка в Москве, расследовал особо важные судебные дела и др. С 1697 г. получил исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям. Находился в непосредственном ведении царя. Известным ограничением функций Преображенского приказа было учреждение Тайной канцелярии (1718–1726), которая рассматривала дела чрезвычайной важности (дело царевича Алексея и др.). Упразднен в апреле 1729 г. Начальники (судьи) Преоб-

раженского приказа – князь Ф. Ю. Ромодановский (1686–1717), князь И. Ф. Ромодановский (1718–1729).

[44] Органом Камер-коллегии в уезде был земский комиссар, который вместе со своими помощниками – нижними комиссарами – собирал все подати, заботился о равномерном распределении рекрутской и постойной повинности, заведовал путями сообщений и полицией, наблюдал за эксплуатацией государственных имуществ. Все сборы комиссар должен был ежемесячно передавать в «земскую казенную», или «рентерею» (казначейство – орган штатс-конторы), а ежемесячные и годовые отчеты – в «земскую контору», начальником которой был подчиненный Камер-коллегии земский камерир (иначе – надзиратель сборов) – «знатнейший камерный чиновник в губернии». По данной ему инструкции, переведенной со шведского языка, камерир не собирает, а лишь контролирует сборы: он наблюдает за продовольствием гарнизонов, за подрядами и покупками провианта и фуража на армию, заведует государственными имуществами и отдачей на откуп казенных статей.

[45] Верховный тайный совет – высшее государственное совещательное учреждение России в 1726–1730 гг. (7-8 чел., А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой и др.). Создан указом Императрицы Екатерины I от 8 февраля 1726 г. Формально был совещательным органом, фактически решал важнейшие государственные вопросы. Пытался ограничить самодержавие в свою пользу. Распущен Императрицей Анной Ивановной.

[46] Куракин Борис-Леонтий Александрович (1733–1764) – князь, президент Камер-коллегии и Коллегии экономии, сенатор. Сын обер-шталмейстера князя А. Б. Куракина – сподвижника Петра I. По учреждении Коллегии экономии 12 мая 1763 г. князь Б. А. Куракин был назначен ее президентом. Коллегия экономии должна была собирать свыше полутора миллиона доходов – почти десятую часть всего тогдашнего бюджета России. Указом 30 марта 1764 г. князя Б. А. Куракина назначили руководить и Камер-коллегией. Отсутствие высшего правительственного учреждения, которое бы ведало финансы государства в их целом составе, было весьма существенным пробелом в русском государственном устройстве в течение всего XVIII в., и попытка создания такого ведомства, начатая соединением Камер-коллегии и Коллегии экономии, в высшей степени знаменательна. Камер-коллегия в то время действовала по Регламенту 1731 г., который значительно сузил ее задачи сравнительно с тем, как очертил их Петр I. Князь Куракин предлагал вернуться к тому, что ставил задачей

коллегии Петр I. Он доказывал, что Камер-коллегия должна не только ведать доходами, а ими управлять, открывать и создавать новые источники доходов, улучшая, главным образом, положение тех классов, которые преимущественно доходы доставляют. Императрица Екатерина высоко ценила деятельность Куракина.

[47] Учреждение о губерниях 1775 г. («Учреждения для управления губерний Всероссийския Империи») – законодательный акт от 7 ноября 1775 г. о реформе местного управления в России. Создавались 50 губерний (300–400 тыс. душ) и в них уезды (20–30 тыс. душ). Административно-полицейская власть в уезде передавалась нижнему земскому суду под председательством исправника, в городах – городничему, в губерниях – губернскому правлению в составе губернатора и двух советников. 2-3 губернии объединялись под властью генерал-губернаторов или наместников. Суд имел трехстепенную организацию. Две нижние ступени строились по сословно-выборному принципу; для дворян в уезде – уездный, в губернии – верхний земский суд, для горожан соответственно – городовой и губернский магистраты, для государственных крестьян – нижняя и верхняя расправы. Суды третьей инстанции – палаты уголовных и гражданских дел – были коронными и всесословными. При верхних земских судах создавались дворянские опеки, при городовых магистратах – городовые сиротские суды. Приказы общественного призрения в губерниях ведали школами, больницами, смирительными домами и проч. Финансовое управление осуществлялось уездными казначеями и казенными палатами. Толчком к проведению реформы послужил развал местного управления в районах, охваченных Крестьянской войной 1773–1775 гг. При подготовке закона Екатериной II и ее сановниками (Я. Е. Сиверсом, Г.-Р. Фон Ульрихом и др.) были учтены требования дворянства, высказанные в проектах и наказах депутатам «Комиссии об уложении» 1767 г. Реформа усиливала роль дворянства в местном управлении, что было определенной реакцией на крестьянские восстания и усиление влияния формировавшейся буржуазии. Основные положения Учреждения действовали до 1917 г. (См.: Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. – СПб., 1830. – № 14392; *Григорьев В. А.* Реформа местного управления при Екатерине II. – СПб, 1910; *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964.)

[48] Камерир (нем. *camerier*, от лат. *camera*) – председатель папской камеры, заведующий его драгоценностями, царский каз-

начей у Петра I. В XVIII в. так называлась в России должность, соответствующая нынешней должности бухгалтера. Камериры были начальниками счетных контор в коллегиях; они состояли также в малороссийской скарбовой канцелярии, в коммерческом банке, в экспедиции о государственных доходах. В последний раз термин этот упоминается в 1804 г.

[49] Асессор (муж., лат. *assessor*) – заседатель, член, гласный, присудок; в губернском правлении – младший член, а старшие – советники. Асессорша, жена его. Коллежский асессор, чиновник 8 класса, майорского чина. Асессоровы перчатки. Асессорское звание или асессорство (Толковый словарь В. И. Даля. – 1863–1866). В старину – должность заседателя в казенных палатах. Коллежский асессор (дорев.) – гражданский чин 8-го класса (Толковый словарь Ушакова Д. Н. – 1940).

[50] Герольдмейстер (нем. *Heroldmeister*; от нем. *Herold* – глашатай и *Meister* – мастер) – в России до 1917 г.: должностное лицо, возглавлявшее Департамент герольдии. Главный делопроизводитель по герольдии (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка).

[51] Словесный суд, судоговорение – словесный обмен мыслей между сторонами в присутствии суда. Судоговорение находится в тесной связи с устной формой судопроизводства, при которой судья основывает свое решение на непосредственно им выслушанном состязании сторон. Судоговорение, как и устный процесс вообще, составляет достояние ранних ступеней развития. На Западе и в России записей в судах долго не существовало вовсе. Первые «челобитные» появляются в России только в XVI в.

[52] Дворянская грамота – Манифест от 18 февраля 1762 г. даровал дворянству на вечные времена свободу и вольность в предположении, что дворяне и без принуждения будут продолжать службу. Теперь дворянство, освобожденное от служилого тягла, но не лишенное своих прав на землю и на крепостных, сделалось привилегированным сословием. По мысли Екатерины II, в сословной монархии дворянство должно было получить значение той посредствующей власти, которая, по Монтескье, составляет характерную черту монархического правления в отличие от деспотии. Эту мысль Екатерина II выразила в своем Наказе, отметив, что «дворянское звание есть особое нарицание в чести, отличающее простых людей от тех, кои оным украшены». Дворянские идеи Наказа нашли самую благоприятную почву в сословных вожделениях дворянских депутатов екате-

рининской комиссии. Большинство дворянских наказов проникнуто требованием различных привилегий в пользу дворянства и желанием затруднить доступ в среду дворян из других сословий. В Большой комиссии был возбужден вопрос, чтобы доступ в дворянство через чины был закрыт, т. к. «вследствие этого уподляются дворянские роды и затмеваются их преимущества». В проекте о правах благородных, выработанном частной комиссией, приобретение дворянства чином было исключено. На основании богатого материала, представленного дворянскими наказами, Екатерина издала 21 апреля1785 г. Грамоту на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству. Еще при восшествии на престол она нашла, что манифест 1762 г. «более стесняет дворянскую свободу, нежели отечественная польза требовать может», и назначила особую комиссию для пересмотра этого акта. Жалованной грамотой подтверждены все основные начала прежнего манифеста и, кроме того, дарованы дворянству значительные личные, имущественные и сословные привилегии. Грамота определяет дворянское название как «следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Дворянам подтверждены на вечные времена вольность и свобода, дано разрешение службу продолжать или от службы просить увольнения и предоставлено право вступать на службу прочих союзных европейских держав и выезжать в чужие края для обучения. Приобретение дворянства по Жалованной грамоте отнюдь не затруднено, как того требовали дворянские наказы; наоборот, к прежним способам получения дворянства – выслугой чина и пожалованием присоединены новые (например, пожалование ордена).

[53] См. коммент. [18] к ст. «Краткий взгляд на русскую историю».

[54] Иностранная коллегия – центральное государственное учреждение России, ведавшее внешней политикой государства; заменила Посольский приказ. Была учреждена в декабре 1717 г., фактически начала действовать с 1718 г. Во главе Коллегии иностранных дел были президент (канцлер) граф Г. И. Головкин и вице-президент (вице-канцлер) барон П. П. Шафиров. Ведала организацией сношений с иностранными государствами, выдачей иностранных паспортов, судила иностранцев, находившихся в России, а также ведала уральскими казаками и калмыками, почтовым делом (до 1782 г.) и управлением Украиной (1727–1734, 1749–1756 гг.). Возглавлялась

лицами, игравшими ведущую роль в политической истории России (Г. И. Головкин, А. И. Остерман, А. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Панин и др.). Подчинялась Императору, минуя Сенат. С учреждением в 1802 г. должности министра иностранных дел Коллегия иностранных дел находилась в его подчинении, а в 1832 г. после реорганизации министерства Коллегию иностранных дел упразднили. (См.: *Чернов А. В*. Государственные учреждения России в XVIII в. – М., 1960.)

[55] Камер-коллегия – центральное учреждение в Российской Империи, одна из петровских коллегий. Действовала в 1721–1801 гг. с перерывами. Ведала государственными доходами, сборами пошлин и недоимок, наблюдала за исполнением натуральных повинностей. Согласно регламенту Камер-коллегии, утвержденному 11 декабря 1719 г., обязанность ее состояла в «надзирании и правлении над окладными и неокладными доходы», вследствие чего она называлась иногда Коллегией казенных сборов. Для заведования расходами учреждена была особая Штатс-контор-коллегия, но Камер-коллегия рассматривала штат всех расходов всех учреждений, «дабы могла видеть, все ли расходы основание имеют» и нельзя ли их без ущерба для дела сократить; в особую обязанность вменено было штатс-конторе заранее уведомлять Камер-коллегию о предстоящих чрезвычайных расходах, чтобы последняя могла принять меры к их покрытию. 31 июля 1731 г. был издан новый регламент Камер-коллегии, которым функции ее по-прежнему в принципе определяются как «высшее надзирание о всех окладных и неокладных доходах, какого бы оныя звания не были»; дела Камер-коллегии были распределены по 4 экспедициям, из которых одна счетная, а из остальных трех каждая ведала одну третью часть всех губерний. Сенату в XVIII в. всегда принадлежал высший надзор за правильным ходом государственного хозяйства, вследствие чего еще в 1721 г. Камер-коллегии повелено было доставлять в Сенат ежемесячные и ежегодные донесения, регламентом же 1731 г. Камер-коллегия совершенно подчинена была Сенату.

[56] Юстиц-коллегия – центральное государственное учреждение в России XVIII в., контролировавшее местные суды и служившее высшим апелляционным судом по уголовным и гражданским делам. Юстиц-коллегия была создана в 1718 г. путем объединения старых судебных приказов. В 1718 г. были установлены ее штаты и назначен президент. В 1719–1740 гг. в состав Юстиц-коллегии входила крепостная контора, оформлявшая акты на владение землей и крепостными; в 1730–1763 гг. ей подчинялся Сыскной приказ. С введением в 1775 г.

губернских учреждений судебные функции Юстиц-коллегии были переданы местным губернским судам, а управление судами – Сенату. Юстиц-коллегия была упразднена в 1786 г.

[57] Штатс-контор коллегия – одна из финансовых коллегий России в XVIII в. Ее штат, президент (И. А. Мусин-Пушкин) и вице-президент утверждены в декабре 1717 г., а функции – в декабре 1718 г. Заведовала государственными расходами, выделяла по указанию Сената определенные суммы правительственным учреждениям и должностным лицам. В ноябре 1723 г. была преобразована в сенатскую контору (Штатс-контора Сената). В 1726–1730 гг. была подчинена Камер-коллегии, а с июля 1730 г. восстановлена как самостоятельная коллегия. Штатс-коллегия была упразднена в октябре 1780 г., и ее функции были переданы учрежденным в С.-Петербурге и Москве казначействам, частично – казенным палатам (в губерниях) и уездным казначействам.

[58] Берг-коллегия – центральный орган по руководству горнорудной промышленностью в России; учреждена в 1719 г. Функционировала в 1719–1731, 1742–1783, 1797–1807 гг. Берг-коллегия имела местные органы – Берг-амты, переименованные в горные начальства (Казанское, Оренбургское, Пермское), подчинявшиеся Канцелярии главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов в Екатеринбурге. Заводы европейской России находились в ведомстве конторы Берг-коллегии.

[59] Мануфактур-коллегия учреждена Петром I вместе с Берг-коллегией в декабре 1717 г., причем им повелено ведать «рудокопными заводами, всеми прочими ремеслами и рукоделиями и артиллерией», являлась одним из центральных государственных учреждений России, ведала легкой промышленностью. До 1722 г. существовала вместе с Берг-коллегией, а затем стала самостоятельным учреждением. Поощряла развитие легкой промышленности в стране, разрешала фабрикантам покупать крестьян к их предприятиям, передавала государственные мануфактуры частным лицам, судила предпринимателей и работных людей по всем делам, кроме политических и уголовных. Мануфактур-коллегия находилась в Москве. В отличие от других коллегий не имела местных учреждений. В 1727 г. Мануфактур-коллегия была ликвидирована, ее дела переданы Коммерц-коллегии, но в том же году при Сенате была учреждена Мануфактур-контора, которую в 1731 г. объединили с Коммерц-коллегией. Как самостоятельное учреждение Мануфактур-коллегия была восстановлена в 1742 г. и просуществовала до 1779 г.;

в 1796 г. была вновь восстановлена и окончательно упразднена лишь в 1805 г., а ее дела были переданы в экспедицию государственного хозяйства. С 1808 по 1809 г. дела бывшей Мануфактур-коллегии ведались в Главном управлении мануфактур, потом переименованном в Департамент мануфактур и торговли.

[60] Актуарий (лат.) – судебный писец, заносящий в регистр представляемые в суд акты, также и пишущий самые акты; в России такое лицо называлось подьячим. Петр I, создавая канцелярии коллегий, в общем Генеральном регламенте 1720 г. (№ 3534), ввел должность актуариуса. Она определена в главе XXXII Регламента следующим образом: «Актуариус имеет по должности чина своего получаемые в коллегии письма прилежно собирать, оным реестр чинить, листы перемечивать, и о том квитанцную (или росписку) книгу иметь, в которой, ежели служители коллегии из тех дел и писем некоторые для отправления своего дела возьмут и в приеме оных росписки дадут, вносится; при отдаче же тех дел оные росписки уничтожаются, и в той книге отмечать, что принято. Также имеет он, актуариус, надзирание и попечение о бумаге, перьях, чернилах, сургуче, воске, о дровах, свечах и о прочем, что надлежит, и сверх того, некоторая часть дел ему придается; а где в Коллегиях регистратор не обретается, надлежит актуариусу его дела во всем исправлять: тако ж и регистратор равно имеет чинить, где актуариуса нет» (*Брокгауз Ф. А.* и *Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь). Должность актуария не всегда отделялась от должности регистратора. Должность актуариуса не везде была замещена и с течением времени слилась с должностью регистратора

[61] Коммерц-коллегия (от устар. нем. *Kommerz* – торговля) – центральное государственное учреждение России, заботившееся о развитии торговли, главным образом внешней. Была первой коллегией в России. Ведала строительством торговых судов и гаваней, маяков, складов, сухопутными и водными путями сообщения, торговыми консулами за границей, судом иностранных купцов, продажей пушнины, поташа и других товаров, торговля которыми была монополией казны, наблюдала за исполнением таможенных тарифов, покровительствовала созданию купеческих компаний, наблюдала за ярмарками. Указ об учреждении Коммерц-коллегии был издан Петром I в 1712 г.; коллегия начала действовать в 1715 г. С учреждением в 1802 г. должности министра коммерции Коммерц-коллегия была подчинена министру, а в 1810 г. ликвидирована. (См.: *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и про-

мышленности с пол. XVII столетия по 1858 г. Ч. 1–3. – СПб., 1859; Государственные учреждения России в XVIII в.: Законодательный материал / Подг. А. В. Чернов. – М., 1960.)

[62] Соляная контора (фр. *comptoir*, от *compte* – счет) – комната для письмоводства купца, затем отделения, открываемая купцами или торговыми компаниями в чужих странах (фактории). В России слово это вошло в употребление при Петре I, первоначально для обозначения правительственных установлений, которые являлись подразделениями и отделениями других центральных учреждений. Так, некоторые петровские коллегии имели конторы (одна называлась Штатс-конторой). Существовали Конторы адресов, Контора Государственного банка, Герольдмейстерская, Егермейстерская, Камерная, Контора канцелярии конфискации, Придворная конюшенная контора, Медицинская контора, Межевая контора, Новокрещенская контора, Нотариальная контора, Печатная, Почтово-телеграфная, Придворные, Раскольническая, Рекетмейстерская, Розыскных дел контора, Сенатская, Синодальные, Соляная, Тайной канцелярии контора, удельные, ярмарочные и многие другие. Из частных торговых предприятий действующим законодательством присвоено название контор некоторым из банкирских заведений и заведениям комиссионерским, справочным.

[63] Поместный приказ – центральное правительственное учреждение России XVI – нач. XVIII в., ведавшее вопросами феодального землевладения. Возникновение Поместных приказов связано с формированием и развитием поместной системы. Оформился как учреждение в середине XVI в. Первоначально назывался Поместной избой, позднее – Поместным приказом. Поместный приказ был тесно связан с Разрядным приказом, т. к. оформлял отводы земель служилым людям в соответствии с установленным Разрядом объемом их поместных окладов. В компетенцию Поместного приказа входила и регистрация всех изменений как в поместном, так и в вотчинном землевладении. Приказ имел также функции судебного учреждения по земельным делам. Сферой деятельности Поместного приказа были центральные уезды государства (к концу XVII в. насчитывалось 95). Ведал проведением описаний земли и переписей населения на подведомственной ему территории, со 2-й пол. XVII в. – организацией сыска беглых крестьян. В нач. XVIII в. круг дел Поместного приказа значительно расширился: ему была поручена организация сбора даточных людей в армию и на строительные работы по всей территории России. Но в 1710 г. в ведении Поместного

приказа была оставлена только Московская губ., а сам он подчинен Московскому губернатору. В 1712 г. Поместный приказ был передан в ведение Сената, в 1718 г. – Юстиц-коллегии, а в 1720 г. Поместный приказ был ликвидирован. Структурно Поместный приказ состоял из столов, которые разделялись на повытья. В основу структуры был положен территориальный признак.

[64] Вотчинная канцелярия (или вотчинных дел канцелярия) – временное учреждение в Петербурге с отделением в Москве, непосредственно подчиненное Юстиц-коллегии, устроенное отчасти по генеральному регламенту и существовавшее с января 1719 по осень 1722 г., когда превратилось в Вотчинную контору – отделение Вотчинной коллегии. Во главе Вотчинной канцелярии стоял один из членов Юстиц-коллегии. Предмет ведомства Вотчинной канцелярии – справка земель и рассмотрение земельных процессов, также сбор пошлинных денег. Вотчинная канцелярия как отделение Юстиц-коллегии иногда называется Вотчинной конторой, но ее отнюдь не следует смешивать с Вотчинной конторой как петербургским отделением Вотчинной коллегии в Москве.

[65] Бурмистерская палата создана при Петре I в 1699 г. как центральное финансовое учреждение и выборный орган самоуправления посадского (городского) населения. Одновременно была и местным органом, управлявшим московским посадом. Ведала сбором большей части налогов, собиравшихся прежде приказами. Бурмистерской палате подчинялись местные выборные посадские органы – земские избы. Бурмистры (от нем. *Bürgermeister* – начальник города), члены Бурмистерской палаты, избирались слободами и купеческими корпорациями Москвы. С созданием Бурмистерской палаты посадское население было изъято из управления и суда воевод, что показательно для возросшего значения купечества и городов. С образованием губерний (1709–1710 гг.) финансовые функции Бурмистерской палаты и земских изб отошли к губернским учреждениям. Бурмистерская палата и земские избы остались в качестве Ратуш – выборных органов посадского населения (См.: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 3. – М., 1946; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. – СПб., 1875).

[66] Главный магистрат – в России центральное государственное учреждение на правах коллегии, созданное в 1720 г. в С.-Петербурге; координировал работу всех магистратов и являлся для них судебной апелляционной инстанцией. Главный магистрат был создан Указом Петра I от 13 февраля 1720 г. с целью централизации

управления делами посадского населения. Главный магистрат подчинялся непосредственно царю и Сенату, имел ряд смежных функций с Мануфактур-коллегией и Коммерц-коллегией. Возглавлял Главный магистрат обер-президент (из дворян), в состав магистратского правления входили бургомистры и ратсгеры (из крупнейших купцов). 16 января 1721 г. был утвержден Регламент, или Устав Главного магистрата, определявший его состав и функции. На местах учреждались городовые магистраты. Главный магистрат руководил городовыми магистратами, рассматривал апелляции на их судебные решения. В ограниченной степени Главный магистрат опирался на сословное представительство от городов. Главный магистрат был упразднен в 1727 г. Верховным тайным советом, а в мае 1743 г. вновь восстановлен. Окончательно упразднен указом от 2 октября 1782 г.

[67] Московский судный приказ – центральное учреждение в России XVI–XVIII вв., осуществлявшее судопроизводство по гражданским искам привилегированных категорий землевладельцев, неподсудных городовым воеводам. Известны местные судные приказы: Судный Владимирский (1582–1699), Судный Дмитровский (1595 – нач. XVII в.), Судный Казанский (1591–1719), Судный Московский (1598–1699), Судный дворцовый (1664–1709). В 1699 г. Владимирский и Московский приказы были объединены в один – Судный приказ, просуществовавший всего около года. С образованием Юстиц-коллегии к ней в 1719 г. перешли все дела Судного приказа. В 1730–1782 гг. в Москве существовал Судный приказ, ведавший розыском беглых крепостных, регистрацией крепостных актов, тяжбами между помещиками.

[68] Стефан Яворский (в миру – Симеон Иванович; 1658–1722) – русский церковный деятель, писатель, проповедник. В 1701 г. – президент Славяно-греко-латинской академии. Из мелкопоместной шляхты. Окончил Киево-Могилянскую духовную академию (1684), учился в высших духовных учебных заведениях Вильнюса, Львова, Люблина и Познани. В 1687 г. вернулся в Россию, в 1689 г. постригся в монахи. С 1700 г. был поставлен в митрополита Рязанского и Муромского, местоблюститель патриаршего престола. Петр I, стремясь использовать уважение к Яворскому консервативных кругов русского общества, назначил его в 1721 г. президентом Синода. Однако влияния на синодальные дела Яворский не имел. Яворский отказывался подписывать протоколы Синода, не бывал в его заседаниях. Царь, очевидно, держал его только для того, чтобы, пользуясь его именем, придать известную санкцию новому учреждению. За все время пребывания в

Синоде Яворский находился под следствием по политическим делам. Будучи противником преобразований Петра I, Яворский в проповедях в иносказательной форме выступал против подчинения Церкви светским властям. Эти идеи нашли отражение в трактате Яворского «Камень веры» (написан в 1718 г., опубликован в 1728 г.). В 1713 г. началось дело Тверитинова и других, увлекавшихся лютеранством. Яворский приложил все силы, чтобы изобличить их и тем косвенно обвинить и самого царя, потворствовавшего лютеранам. Это дело ясно обнаружило диаметральную противоположность тенденций Петра I и Яворского и произвело окончательный разлад между ними. Яворский выказал явно пристрастное и нетерпимое отношение к обвиняемым. Книга «Камень веры, православным церкве святыя сыном – на утверждение и духовное созидание, премыкающимся же о камень претыкание и соблазна – на востание и исправление» имела в виду специально православных, склоняющихся к протестантству, и охватила все догматы, оспариваемые протестантами. Теоретическое значение «Камня веры» заключается в том, что Яворский выделил догматическую систему православной веры. Другую систему дал Феофан Прокопович. «Первая из них, – говорил Ю. Самарин, – заимствована у католиков, вторая – у протестантов. Первая была односторонним противодействием влиянию реформации; вторая – таким же односторонним противодействием иезуитской школе. Церковь терпит ту и другую, признавая в них эту отрицательную сторону. Но ни той, ни другой Церковь не возвела на степень своей системы и ни той, ни другой не осудила; следовательно, лежащее в основании обеих понятие о церковной системе Церковь исключила из своей сферы, признала себе чуждым. Мы вправе сказать, что Православная Церковь не имеет системы и не должна иметь ее». Этими словами Самарина наиболее точно определяется значение «Камня веры».

[69] Духовная коллегия – так первоначально именовался Святейший Синод. Духовная коллегия была учреждена в 1720 г., а через год была заменена Святейшим Синодом.

[70] Коллегия экономии синодального правления – центральное государственное учреждение России, ведавшее делами по управлению архиерейскими, монастырскими и синодальными имениями и сбором с них казенных доходов. Возникла в 1726 г. в связи с разделением Синода на два департамента, ведающих духовными и хозяйственными делами. Последний был преобразован в Коллегию экономии. Учреждение Коллегии экономии свидетельствовало о желании абсолютистского государства еще больше подчинить Русскую

Православную Церковь своему влиянию. Коллегия экономии подчинялась Сенату. В 1744 г. была ликвидирована в связи с попыткой Синода вернуть господствующее положение. После секуляризации церковных имений Коллегия экономии в 1763 г. была восстановлена для управления имениями. Ликвидирована в 1786 г. после введения новых губернских учреждений. При проведении секуляризации в Коллегию экономии поступило около 15 тыс. жалованных грамот, купчих, духовных и других документов, составивших ценнейшее собрание источников по социально-экономической истории России XIV–XVIII вв. (См.: *Верховский П. В.* Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. – СПб., 1909).

[71] Реверс (мужск.) – «обязательство, ручательство на письме» (В. И. Даль; от лат. *veresus* – обратный; англ. *Reverse*; от лат. *revertor* – поворачиваю назад, возвращаюсь). В торговом праве письменное обязательство одного лица другому, где даются гарантии чего-либо, удостоверяется что-либо, например обязательство выкупить данный в залог вексель; гарантийное письмо.

[72] Рекетмейстер (устар., ныне: статс-секретарь для принятия прошений» (В. И. Даль); фр. *maître des requêtes* – чиновник по прошениям; фр. *Requête* – жалоба, прошение; от нем. *Requetenmeister*, сложившегося от фр. *Requete* – прошение и нем. *Meister*) – во Франции – название разных должностных лиц. В парламентах существовали *chambres des requêtes* – комнаты, палаты прошений; такая же палата состояла при совете сторон королевского совета, выполнявшем функции кассационной инстанции, и сохранялась в составе французского кассационного суда в течение XIX в. Рекетмейстерами назывались члены-докладчики, входившие в состав «совета сторон»; они пользовались правом совещательного голоса и выполняли отчасти функции прокурорского надзора. В России Петр Великий, объявив Юстиц-коллегию указом от 27 декабря 1718 г. последней судебной инстанцией для всего государства, допустил как меру исключительную подачу жалоб сенатскому секретарю для доклада царю. В начале 1722 г. учреждается должность рекетмейстера, или генерал-рекетмейстера. Рекетмейстер являлся докладчиком прошений Императору или какому-либо высшему государственному органу в России. Существовала должность начальника Рекетмейстерской конторы (1722–1810), принимавшей жалобы на деятельность коллегий. Указом от 5 июня 1797 г. была образована Канцелярия рекетмейстерских дел. С учреждением в 1810 г. комиссии прошений должность

генерал-рекетмейстера сделалась излишней. В 1816 г. был обнародован указ об окончании генерал-рекетмейстерских дел и о передаче их в архив кабинета Императора.

Что есть гражданское право и где его пределы? Один из современных юридических вопросов

Впервые опубл.: Санкт-Петербургские ведомости. – 1864. – 4(16) января. – № 3. – С. 11–12; 18(30) января – № 14. – С. 57–58; 23 января (4 февраля) – № 18. – С. 73–74; 30 января (11 февраля). – № 24. – С. 97–98; (7(19) февраля. – № 31. – С. 125–126; 14(26) февраля. – № 37 – С. 148–149.

Первая публикация монографии имела заглавие «Один из современных юридических вопросов» (I, II, III, IV).

Подпись: *К. Кавелин*.

Отдельное изд.: *Кавелин К.* Что есть гражданское право и где его пределы? Один из современных юридических вопросов. – СПб., 1864. – 152 с.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. – СПб., 1900. – С. 760–861.

Монография «Что есть гражданское право и где его пределы» находится в ряду монографий и статей Кавелина, посвященных развитию своеобразных воззрений правоведа на задачу и объем гражданского права, исключительно в смысле учения об имуществах и обязательствах. Такие воззрения вызвали возражения со стороны русских правоведов-цивилистов. Откликом на монографию «Что есть гражданское право и где его пределы?» стали статьи и книги: *Филиппов М.* Невинные юриспруденты. – Русское слово. Кн. 6. – 1864. – С. 1–26; *Думашиевский А.* Журнал Министерства юстиции. Т. XXV. Кн. 8. – 1865. – С. 315–335; Кн. 9. – С. 513–535; *Зольберг Г.* Что есть гражданское право? – СПб., 1864.

[1] Аграрные римские законы (от лат. *ager* – поле) – римские законы, по которым плебеи получили равные с патрициями права на пользование общественной землей.

[2] Ленное право (*Lehnsrecht*) определяло отношения между вассалом и сюзереном. В германской средневековой правовой системе представляло обособленный комплекс правовых норм, касающихся высшего феодального сословия (существовало наряду с земским, городским и каноническим правом). Вид неполной собствен-

ности в Польше и Литве; впервые упоминается в конституции 1588 г. (*Volumina Legum*). Существеннейшая черта этого права заключалась в том, что имения, пожалованные на ленном праве, по прекращении рода в определенной линии возвращались к королю; некоторые из ленных имений жаловались с ограничением права владения до 7 или 8 поколения. Ленные имения не были изъяты от военного постоя, платили более значительные подати и были подведомственны королевскому ассесорскому суду (*sąd zadworny*). Ныне ленные имения по прекращении соответствующей линии рода переходят в казну, но таких имений немного: в западных губерниях в 1837 г. их насчитывалось только 71. В силу закона 30 ноября 1831 г. ленные имения, принадлежащие лицам русского происхождения, поступили в полную их собственность; тем же законом лицам русского происхождения предоставлено право приобретать в собственность ленные имения по купчим крепостям. Ограничения в распоряжении ленными имениями изложены в приложении к ст. 1 Устава об управлении казенными населенными имениями (Свод Законов Т. VIII; *Брокгауз Ф. А.* и *Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь).

[3] Колонат (позднелат. *colonatus*) – форма производственных отношений между крупным земельным собственником и непосредственным производителем, колоном, получившая широкое распространение в Римской империи. При системе колоната крупная земельная собственность дробилась на парцеллы – небольшие земельные участки, сдаваемые в аренду колонам, которые постепенно прикреплялись к земле. Распространение колоната было вызвано кризисом рабовладельческого хозяйства.

[4] Вотчинное право – термин, введенный К. П. Победоносцевым для обозначения в русском гражданском праве того отдела, который обыкновенно называется вещным правом (*Брокгауз Ф. А.* и *Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь).

[5] Поместное право – вид феодального «держания» земли. Зародилось в сфере княжеско-дворцового и церковно-монастырского вотчинного хозяйства. В XVII в. оформилось как преимущественное право военно-служилого дворянства владеть государственными землями с сидящими на них крепостными крестьянами. Это право было закреплено Жалованной грамотой дворянству Екатерины II.

[6] Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ и ученый, энциклопедист. Родился в Стагире, во Фракии. В 367 г. до н. э. переехал в Афины и стал учеником Платона. В 335 г. до н. э. основал собственную школу, названную перипатетической, или Ликеем.

[7] Дант (полное имя – Алигьери Данте, итал. *Dante Alighieri*; 1265, Флоренция – 1321, Равенна) – итальянский поэт, мыслитель.

[8] Майорат – одна из форм наследования недвижимости, в первую очередь, земельной собственности. По этой форме наследования недвижимость переходит к старшему из наследников.

[9] Сервитут (от лат. *Servitus* – обязанность, обязательство, повинность) – особый вид ограниченного вещного права, заключающийся в праве пользоваться (в установленных пределах) чужой вещью. Чаще всего сервитут – право ограниченного пользования чужим земельным участком. В некоторых случаях сервитутом обременяются здания, сооружения и другое недвижимое имущество. Сервитут может устанавливаться для обеспечения собственнику земельного участка прохода и проезда через другой (соседний) участок, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, обеспечения водоснабжения и мелиорации, а также других нужд, которые не могут быть обеспечены иным путем. Сервитут – не самостоятельное вещное право, поэтому не может быть предметом купли-продажи, залога и не передается каким-либо способом лицам, не являющимся собственниками недвижимого имущества, для обеспечения эксплуатации которого установлен сервитут. Термин «сервитут» употреблялся в законодательстве РФ с 1994 г. Отдельные его виды регулируются ГК РФ, Лесным, Водным и Градостроительным кодексами РФ, а также некоторыми федеральными законами.

[10] Сохранная казна – кредитное учреждение в России. Сохранные казны функционировали в 1772–1860 гг. в С.-Петербурге и Москве. Принимали вклады, выдавали ссуды помещикам под залог имений и крепостных душ.

[11] Юстиниановы Пандекты (лат. *pandectae*, от греч. *Pandektes* – всеобъемлющий) – в Древнем Риме – сочинения крупнейших юристов, построенные в виде коротких извлечений из законов и работ предшествующих авторов. Широкую известность получили Пандекты, составившие вторую часть Кодификации Юстиниана (наиболее распространенное название «дигесты»). Пандекты рассматривались как сборники действующего права и как учебники.

[12] Претор (лат. *praetor*) – одно из высших должностных лиц Древнего Рима. Первоначально (с 367 г. до н. э.) обладали административной, военной, а также судебной властью по уголовным и гражданским делам. Со временем административные функции по охране порядка отошли к специальным магистратам – эдилам, и претор стал по преимуществу судебным магистратом. Различались преторы

городские (ведавшие делами римских граждан) и перегринские (ведавшие делами перегринов, т. е. чужестранцев). Пользуясь правом издавать эдикты, преторы оказали огромное влияние на развитие римского права – существование так называемого «преторского права». В современной Италии судьи называются «претуры».

[13] Бёкинг Эдуард (нем. *Böking*; 1802–1870) – юрист. Получил юридическое образование в Гейдельберге, Берлине и Бонне, где с 1835 г. состоял профессором прав. Известность получил благодаря изданию юридических классиков. Также Бёкинг издал “Mosella” Авзония с латинским текстом и немецким переводом (Берлин, 1828; 2-е изд. – 1845 г. вместе с Мозельским стихотворениями Венанция Фортунатуса); “Brachylogus” (Бонн, 1829); “Notitia dignitatum utriusque imperii” (1839–1850); сочинения Августа Шлегеля, 12 т.: (1845), “Opera quae reperiri potuerunt omnia” Ульриха Гуттена, т. 5 (1859–1862,) и к этому «Прибавление» “Epistolae obscurorum virorum”, 2 т. (1865–1870). В числе его собственных сочинений “Institutiones” Гая (1841), “Röm. Privatrecht. Institutionen des rom. Civilrechts” (2-е изд. 1862); “Pandekten des röm. Privatrechts” (2-е изд. 1862).

III. РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Взгляд на русскую сельскую общину

Впервые опубл.: Атеней. – 1859. – № 2. – С. 165–196.

Повторно: *Кавелин К.* Сочинения. В 4 ч. Ч. 4. Критические статьи и рассуждения, относящиеся к народному быту, поверьям, праздникам. – М., 1859. – С. 249–287.

Повторно третье издание: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 162–194.

Печатается по тексту повторной публикации (1859 г.)

Монография «Взгляд на русскую сельскую общину» (1859) открывает ряд статей Кавелина, посвященных своеобразной форме землевладения – русской сельской общине. Накануне проведения крестьянской реформы вопрос о сохранении сельской поземельной общины оказался в центре внимания в связи с различными проектами земельного устройства крестьян.

Именно из-за этой монографии, предназначавшейся первоначально для газеты «Русский вестник», Кавелин разошелся с владель-

цем и главным редактором этого издания М. Н. Катковым, желавшим внести в нее некоторые изменения, на что Кавелин не согласился. Подробности содержатся в статье Д. А. Корсакова «Из литературной переписки Кавелина. Письма к нему П. М. Леонтьева и И. К. Бабста (1857–1858)» (Русская мысль. – 1892. – Март). Об этой монографии Кавелина восторженно отзывался славянофил Ю. Самарин – см. его письмо к Кавелину от 13 марта 1859 г. в «Русской мысли» (1892. – Октябрь). Однако во время своего появления она вызвала только одну специальную заметку со стороны бывшего профессора политической экономии в Киевском и Московском университетах И. В. Вернадского в его журнале «Экономический указатель» (1859. – № 1. – С. 18). Воззрения Кавелина на протяжении его творчества корректировались в сторону более критического отношения в поздний период творчества, однако можно сказать, что он поддерживал русскую сельскую общину и убеждал русское общество в необходимости ее сохранения, но с рядом существенных оговорок. Вот как сам Кавелин определяет свои оригинальные воззрения на русскую сельскую общину: «Если ты припомнишь мою статью о русской сельской общине, помещенную в “Атенее” в 1859 г., то с этой стороны ты знаешь давно и хорошо мои мысли, – писал он А. И. Герцену в 1862 г. – Я против индивидуальной личной собственности как *исключительной* формы землевладения. *Я не против ее принципа, но рядом с ней желаю общинного землевладения как ее корректива, как противовеса против конкуренции, которую оно производит.* Так я и теперь думаю. *Отсутствие частной собственности, отмена ее есть величайшая нелепость, вернейший путь к китаизму с пожертвованием начала индивидуальности и свободы*. Да этого и сделать невозможно. У нас массы народа рвутся не к общинному землевладению, а к личной собственности. Ту и другую форму нужно сохранять рядом, потому что они дополняют одна другую. О политических и гражданских привилегиях землевладения я никогда и нигде не говорил и их не желаю. У нас вдобавок каждый владеет землею, следовательно, все были бы привилегированные, если б принять за базис право владения землею». (См.: Письма К. Д. Кавелина и И. С Тургенева к А. И. Герцену. – 1892. – С. 58–59.) Такое воззрение Кавелина на русскую сельскую общину определялось его общественно-юридическим миросозерцанием, основой которого является центральное значение личности в общей коллективной общественной жизни людей. (См.: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1. Биографический очерк. – С. IX.) Это воззрение резко отличает Кавелина от воззрений на русскую общину разных ее

сторонников в других русских литературных и общественных направлениях 1840-х и последующих годов. Из воззрений Кавелина на русскую общину ясно, почему он не солидарен ни с русскими утопистами-социалистами западного направления, ни со славянофилами, ни с так называемыми народниками, ни с экономистами разных оттенков 1860-х гг. и экономических учений конца XIX в. Вместе с тем так же ясно, почему Кавелин являлся противником врагов русской сельской общины, имеющихся как в области научной, теоретической, так и среди дворян-помещиков и русских государственных деятелей.

[1] Поземельный оброк, или оброк с земли – денежная (денежный оброк) или натуральная плата (натуральный оброк) со стороны крепостных крестьян землевладельцам, помещикам или государству за используемый участок земли. Денежный оброк представлял для помещиков земельную ренту.

В период царствования Екатерины II в условиях кризиса феодальных отношений в России и формирования капиталистических отношений помещики нечерноземной полосы начинают активно переводить крестьян в своих имениях на оброчную систему, взимая с них денежный оброк. При оброчной системе помещики постепенно переставали сами участвовать в управлении сельскохозяйственными работами в имениях. По мнению В. О. Ключевского, оброчная система была очень выгодна для помещиков, т. к. они могли постоянно повышать величину оброка, а сами избавлялись от хозяйственных хлопот, причем их доходы не зависели от урожайности или неурожайности года, что позволяло им получать стабильный высокий доход с имений.

Крестьяне, занимавшиеся охотой, получали свидетельства на отхожий промысел, которые позволяли им уходить из имений и наниматься на работу за их пределами.

[2] «Сельское благоустройство» являлось приложением к журналу славянофилов «Русская беседа» (М., 1858–1859). Издание прекратилось на № 2 1859 г. О прекращении «Сельского благоустройства» было сообщено в этом номере в ст. «От редакции».

[3] Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – славянофил, выступал против утверждаемой западниками трактовки общины исключительно как административной единицы, созданной государством в период существования крепостного права с целью контроля сбора податей и повинностей. По мнению западников, община как государственная административная единица не была исконным явлением в русской истории. Наиболее влиятельным выразите-

лем точки зрения западников являлся историк Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – студент Кавелина в Московском университете. Полемику о русской сельской общине между западниками и славянофилами вызвала статья Б. Н. Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России», которая вошла в его книгу «Областные учреждения России в XVII веке» (М., 1865). Книга Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» стала началом появления целой «полемической литературы», по словам Д. А. Корсакова, на страницах двух московских журналов 1856 г.: «Русской беседы» – органа славянофилов и «Русского вестника» М. Н. Каткова (который в тот период примыкал к западникам) – журнала западнического направления. Славянофилы, прежде всего Ю. Ф. Самарин, а также И. Д. Беляев, выступали против точки зрения Б. Н. Чичерина в «Русской беседе». Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и некоторые другие публицисты из лагеря западников отвечали славянофилам в «Русском вестнике». В этой полемике принял участие и Кавелин, опубликовав статью «Взгляд на русскую сельскую общину» в московском журнале «Атеней» Е. Ф. Корша (1859. – № 2). Более подробно свои воззрения по вопросу русской общины Кавелин развил позднее, в 1870-х гг., еще в двух статьях, а также подытожил в цикле статей в журнале «Вестник Европы» (1881), которые через год вошли в состав отдельной книги Кавелина «Крестьянский вопрос» (1882). Кавелин имеет в виду полемическую статью А. И. Кошелева «Общинное поземельное владение». Кошелев писал: «Многие говорят, что круговое ручательство есть произведение, плод крепостного права <…> Вся эта выходка истекает из того, что не хотят понять, что <…> круговое ручательство вовсе не посягает на личность людей, а основано на общем поземельном владении (при личном пользовании землей), и что круговое ручательство есть не что иное, как закладный лист на общую землю, как поземельный кредит в простейшей его форме» (Сельское благоустройство. Кн. 1. – 1858. – № 3. – С. 120). Кошелев был уверен, что именно западная городская община являлась административным образованием: «Эти-то понятия об общине г. Чичерин и другие перенесли и на русскую общину и стали утверждать, что наша община есть также произведение администрации» (Там же. – С. 120–121). Особенность русской поземельной сельской общины Кошелев видел в ее поземельном устройстве, которое имеет в русской истории более глубокие корни, делает ее явлением более значимым, чем просто административная единица. «Отнимите у нашей общины землевла-

дение, и она превратится в западную, безземельную, безжизненную, административную единицу» (Там же. – С. 124).

[4] Выгон – участок земли, который использовался как пастбище для скота. Обычно находился в коллективном владении членов общины.

[5] Тягло – условная единица обложения в крепостном хозяйстве в XVIII–XIX вв. Тягло означало повинность, подать, взимаемую с трудоспособных членов крестьянских семей. После введения подушной подати термин «тягло» заменил слово «подать». Однако слово «тягло» продолжало являться условной единицей взимания податей и налогов и продолжало использоваться не только в XVIII, но и в XIX в.

[6] Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – один из идеологов русских славянофилов, поддерживал с Кавелиным дружеские отношения, несмотря на идеологические разногласия. Самарин полемизировал с Кавелиным. Кавелин говорил о статье Самарина «О поземельном общинном владении» (Сельское благоустройство. – Кн. 1. – 1858. – № 1), в которой высказывался за сохранение общины, т. к., по его мнению, крестьяне ценят выгоду равномерного и пропорционального наделения землей при общинном владении, поэтому они готовы из-за этой выгоды примириться даже с частыми переверстками общинной земли внутри общины.

Еще одним из примеров полемических выступлений по отношению к Кавелину стала его статья «О мнениях “Современника”, исторических и литературных», опубликованная в славянофильском журнале «Москвитянин» (Кн. 2. – 1847), которая являлась ответом на статью Кавелина «Взгляд на русскую сельскую общину». Кавелин откликнулся на скоропостижную смерть Ю. Ф. Самарина очень искренним по тону некрологом, в котором писал: «Эта роковая весть не могла не поразить глубоко каждого, на всех концах России, без различия партий, взглядов и мнений. Имя Ю. Ф. Самарина пользовалось у нас огромною известностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву целою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами. <…> Смерть Самарина – тяжкая, невознаградимая утрата для всего русского общества, для русской мысли, для русского дела, которого впереди еще столько. Место, которое он занимал, долго останется не занятым, как до сих пор не занято никем место Н. А. Милютина, с которым его соединяла самая тесная дружба, установившаяся и закрепленная многолетним, преданным и безупречным служением одной и той же мысли, одному и тому же задушевному интересу всей жизни. Сопоставление этих двух замечательных современников не

есть оборот речи, рассчитанный на эффект. Как ни различна была их подготовка к жизни, их круг деятельности, строй их воззрений, свойства их талантов, но и тот, и другой были цельные характеры, цельные люди, для которых убеждения – не пустые слова, а самое серьезное дело в жизни» (*Кавелин К.* Юрий Федорович Самарин: Некролог. – СПб., 1876. – С. 3, 6–7).

[7] Кавелин цитирует ст. 599 Кодекса Наполеона: «Пользующийся чужой собственностью не может по истечении срока найма требовать какого бы то ни было возмещения за те улучшения данной собственности, которые, по его утверждению, были им сделаны, хотя бы даже стоимость вещи от этого возросла» (Code Napoléon / Пер. В. А. Мильчиной. – Paris, 1807. – P. 157). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – М., 1989. – Примеч. 7. – С. 558.

[8] Вальтер Фердинанд (нем. *Walther*; 1794–1879) – немецкий юрист, профессор права в Бонне. “System des gemeinen deutschen Privatrechts” (нем.) – Система общего немецкого права. Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 8. – С. 558.

[9] Кавелин говорит о теориях классического экономического либерализма, которую в России с середины XIX в. представляли либеральные западники И. В. Вернадский, И. К. Бабст, Б. Н. Чичерин, Д. М. Струков, отрицавшие необходимость общинного землевладения, которое, по их мнению, препятствовало предпринимательской деятельности и экономическому развитию страны.

[10] «После того как новым и новейшим прусским законодательством распущены крестьянские общины, промежуточные отношения наследственного землепользования преобразованы в полную собственность крестьянина, подати, хотя и по-прежнему сохранены в качестве реальных обстоятельств, однако начинают упраздняться и облегчаться процентными банками, впредь – когда все эти меры будут до конца претворены в жизнь – останется лишь два разряда крестьянских земельных владений: владения, находящиеся в полной собственности крестьянина и не отягченные обязательствами, и обычно арендуемые владения. Вследствие этого крестьянское право подпадает под действие обычного права. Таковы ход и направление законодательства также и других стран. Весьма сомнительно, что надолго сохранятся преследуемые всеми этими мерами преимущества для крестьян – в условиях продолжающегося раздробления земельных участков, вызываемого этим обеднением, и незатрудненного получения залоговых ссуд. Вероятно, по мере того как власть денег будет возрастать, земельная собственность будет все более

переходить в руки богачей, и, как показывает пример Северной Италии с ее земельными владениями, находящимися вблизи городов, потомки крестьянина будут почитать себя счастливыми, если в качестве арендаторов будут сидеть на той самой земле, которую возделывали их предки, владевшие ею как собственностью. Фактически сложатся новые зависимости арендатора, опасающегося расторжения договора, от землевладельца; однако при этом исчезнет прежний дух благожелательности и взаимной симпатии, который в прежние времена вдыхал жизнь в учреждение аренды и давал землевладельцу не только права, но и связывал его обязательствами. По всей видимости, будет так, что арендатор, напрягая все свои силы, сумеет получить большой урожай; однако полученный им доход не вознаградит его за труды, как это бывает тогда, когда норма податей остается неизменной: ведь землевладелец вправе повысить арендный процент после окончания срока аренды. Вероятно, законодательство будет искать способы ограничить дух ростовщичества. Однако тогда вместе с ограничением свободы землевладельца по справедливости воспоследует и ограничение свободы арендатора, так что так или иначе необходимо будут созданы тем или иным способом организованные отношения личной зависимости, подобно колонату в Римской империи времен ее упадка. Неверно приносить в жертву принципу безусловной делимости земельных владений наследственные отношения арендного землепользования и тому подобные промежуточные состояния. Подобные формы были благодетельны, ибо способствовали сохранению крестьянского двора, представляли крестьянину землю на справедливых условиях, обеспечивали существование его и его детей, а тем самым поощряли трудолюбие и повышали культуру обработки земли. Последствия движения в противоположном направлении уже стали зримы – это катастрофическое падение крестьянского сословия, нищета крестьян, рост деревенского пролетариата. В разных местах уже делаются попытки смягчить принцип делимости. Если только мы хотим сохранить или восстановить наследственные отношения землепользования, то самым полезным было бы в законодательном порядке слить подобные формы наследственной аренды (эмфитезы) в подлинном их разумении и выкинуть за борт теорию дробимой земельной собственности» (пер. А. В. Михайлова). Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 14. – С. 558–559.

[11] Нибур (нем. *Niebuhr*) Бартольд Георг (1776–1831) – немецкий историк, специализировался на истории античного мира,

профессор Берлинского университета в 1810–1813 гг. С 1823 г. преподавал в Боннском университете.

[12] «С намерениями безукоризненными и с желанием облагодетельствовать крестьянина все крестьянское сословие губят предоставлением ему права продавать, дробить и отдавать в залог свои земли – так это и происходит во всем. Самые плоские взгляды стали всеобщими, возобладали, и кто бы ни решал – министерства или сословия, – результат всегда один. Ни в чем нет дурного умысла и, однако, как выразился один замечательный человек, все немецкие государства (за вычетом тех, что совершенно неподвижны), вознамерились своим законодательством довести нацию до состояния итальянцев: в городах – лавочники и шарлатаны, на селе – оборванцы-поденщики и оборванцы-арендаторы». Цит. по: *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. – Примеч. 15. – С. 559).

Общинное владение

Постников А. Общинное землевладение. Вып. 1. – Ярославль, 1875.

Якушкин Е. Обычное право. Вып. 1. Материалы для библиографии обычного права. – Ярославль, 1875.

De la propriete et de ses formes primitives, par Emile de Laveleye. – Paris, 1874.

Keussler Johannes. Zur Geschichte des bnuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Baltische Monatsschrift, N. Folge, Bd. VI, Drittes Doppelheft. – <1876>.

Впервые опубл.: Неделя. – 1876. – № 3–5. – Стб. 124–144; № 6–7. – Стб. 210–228. Подпись: К. Кавелин.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – Стб. 217–286.

Печатается по тексту повторной публикации.

Воззрения, изложенные Кавелиным в статье «Взгляд на русскую сельскую общину» (1859), он развивал и в последующих статьях об общинном владении, особенно в статьях 1876–1877 гг. «Общинное владение» и «Поземельная община в древней и новой России». В деле изучения русской общины он придавал большое значение экономисту Кейсслеру, работы которого побудили Кавелина написать две статьи. Статья «Общинное владение» переведена на немецкий язык под заглавием “Der burgerliche Gemeindebesitz in Russlaud” (Leipzig, 1887).

[1] Постников Владимир Ефимович – исследователь малорусской общины и крестьянского хозяйства на юге России. В своей книге «Южнорусское крестьянское хозяйство» (М., 1891) Постников представил описание крестьянского хозяйства, составленное на основании изучения земско-статистических работ за 1881–1891 гг. и личных наблюдений автора. Постников не верил в будущее сельской общины, которая, по его мнению, не могла развиваться вследствие малоземелья и обусловленной им обостренной борьбы экономических интересов. (См.: *Слонимский М.* Крестьянские нужды и их исследователи. – Вестник Европы. – 1893. – № 3.)

[2] Якушкин Евгений Иванович (1826–1905) – этнограф, юрист, библиограф, представитель известного дворянского рода Якушкиных, сын декабриста И. Д. Якушкина. В 1847 г. окончил юридический факультет Московского университета, служил в Межевом корпусе, преподавал законоведение в Межевом институте. С 1859 г. – управляющий Губернской палатой государственных имуществ в Ярославле, участник проведения Крестьянской реформы 1861 г. в Ярославской губ. До 1884 г. – управляющий Губернской казенной палатой. Якушкин сыграл выдающуюся роль в собирании и издании в России и за границей материалов о восстании декабристов. В начале 1860-х гг. был близок к обществу «Земля и воля». В 1858–1859 гг. в журнале «Библиографические записки» опубликовал ряд статей о творчестве А. С. Пушкина, написанных на основании ранее неизвестных материалов.

[3] Ефименко Александра Яковлевна (урожд. Ставровская; 1848–1918) – русский и украинский историк, этнограф; сотрудничала в литературно-политическом журнале «Русская мысль». Была женой политического ссыльного П. Ефименко, поэтому с 1870-х гг. жила на Украине. В 1910 г. Харьковский университет присвоил ей степень доктора истории. В 1907–1917 гг. Ефименко преподавала на Высших женских Бестужевских курсах в С.-Петербурге, став в 1910 г. профессором Бестужевских курсов. Ранние труды А. Ефименко посвящены русскому Северу. Среди них крупные исторические и этнографические работы: «Артели в Архангельской губернии» (1873), «Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии» (1878), «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (1882–1883), а также итоговый сборник статей «Исследования народной жизни: Обычное право» (Вып. 1. – М., 1884). Ефименко полагала, что основным типом землевладения на юге России было дворище, которому на Севере соответствовало печище; именно эти типы землевладения и положили начало общине. (См.: Дворищное землевладение в Южной Руси. – 1892.)

[4] Койслер Иван Августович (у Кавелина – Кейсслер; нем. *Keussler*; 1843–1896) – писатель по экономическим вопросам, уроженец Лифляндии. Окончил Дерптский университет, там же получил степени магистра и доктора политической экономии за сочинение о русской земельной общине; читал в Рижском политехникуме лекции по истории торговли и статистики; поступил на службу в Министерство финансов. Почти все труды в России и за границей Кейсслер печатал на немецком языке, но касался почти исключительно вопросов русского и преимущественно крестьянского хозяйства. С 1879 по 1881 г. был редактором газеты "St-Petersburger Herold". В «Вестнике Европы» была опубликована статья Кейсслера «Сельская община и ее современное положение» (декабрь 1887 г.); в "Handworterbuch der Staatswissenschaften", издаваемом профессорами Конрадом и Лексисом, помещена статья о мире и освобождении крестьян в России; в юбилейном сборнике в честь профессора Hanssen'a (1889) – статья о крестьянских товариществах, образующихся для покупки земли при помощи крестьянского поземельного банка. Как экономический публицист Кейсслер был в Германии еще более известен, чем в России. Его труды знакомили иностранцев с земельным строем русского крестьянства и значительно повлияли на многих немецких экономистов в деле признания преимуществ общинного землевладения по сравнению с частным (например, на А. Вагнера). Главное сочинение Кеслера "Zur Geschichte und Kririk des bauerlichen Gemeindebesitz in Russland" (в 4 т., 1876–1887) на русском языке наиболее полно представляет историю русской земельной общины от древнейших времен до современного ее положения. Кейсслер являлся не только одним из лучших знатоков русской земельной общины, но и горячим ее защитником. Подвергая самому тщательному анализу эту форму землевладения в связи с ее административным и финансовым устройством и значением, Кейсслер не впадал в крайности и нередко односторонние увлечения чисто русских приверженцев общины. В конце IV тома (или, вернее, III части) Кейсслер дал целый проект необходимых преобразований в общинном устройстве, приближаясь в этом отношении в некоторой степени ко взглядам Кавелина, но и отличаясь от него некоторыми особенностями. По мнению Кейсслера, необходимо предупредить чрезмерное дробление крестьянских дворов, предоставить наследникам преимущественное право на получение тех же полос, обеспечить наделы от задолжания в связи с устройством особого крестьянского кредита, признать преимущественное право общины и ее сочленов на приобретение общинных участков земли и,

наконец, организовать колонизационную общинную политику путем образования общинных касс и сборов с целью доставления избыточному общинному населению новых земель. Проект этот, будучи основан на близком знакомстве с делом (Кейсслер исследовал общину во многих местностях непосредственно), чужд всякой фантастичности и насильственной ломки современного строя мирского землевладения, являясь как бы естественным его преобразованием согласно развивающимся потребностям аграрной техники и политики.

[5] «Еженедельник» – газета земская и сельская. – СПб., 1872, 3 января – 1875, 23 ноября.

[6] «Молва» – газета политическая, экономическая и литературная; ежедневное издание. – СПб., 1 января 1861 г. – 16 марта 1881 г.; либо газета политическая, общественная и литературная. – СПб., 4 января 1876 г. – 10 октября 1876 г.

[7] Лавеле, Лавелэ Эмиль Луи Виктор де (фр. *de Laveleye*; 1822–1892) – бельгийский экономист и социолог, публицист, профессор Лютихского университета. Представитель историко-реалистической школы в политической экономии, занимался экономикой сельского хозяйства, финансами. Автор книг «Первобытная собственность» (1875), «Современный социализм» (1882), «Правительство в демократии» (на русск. яз. 1882), «Основания политической экономии» (1895), «Собственность и ее изначальные формы» (на русск. яз. 1885). Отрицал объективный характер экономических законов, выступал против классической политической экономии и политэкономии марксизма, не признавал теорию трудовой стоимости К. Маркса. Лавеле поддерживал вмешательство государства в экономическую жизнь, но был решительным противником социалистической идеи регулирования хозяйства. Идеал общественной жизни Лавеле видел в союзе «свободных самоуправляющихся» общин, в широкой децентрализации, доходящей до федерализма. Бельгийская королевская академия учредила премию Лавеле, которая присуждается каждые шесть лет международным жюри экономистам и юристам.

[8] В 1868 и 1869 гг. изданы были правила, на основании которых крестьяне в известных случаях освобождались от круговой ответственности в отбывании государственных податей и повинностей (Уст. под., ст. 521 по прод. 1869 и 1870 г.)[1].

---

[1] Речь идет об издании: Инструкция о порядке определения крестьянского надела и о способе исчисления оброчной подати с государственных крестьян в губерниях Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской и Уфимской. Утв. 15 октября 1869 г. [С прил.]. – [Б. м., 1869].

[9] Царан (царане, молд. цара – земля) – феодально-зависимые крестьяне в Молдавии. Царане жили на землях феодалов, которым отдавали $^1/_{10}$ часть произведенных продуктов и исполняли фиксированную барщину. Юридически считались свободными; могли уйти от феодала, но были прикреплены к родным селам, где платили налоги. По реформе 1868 г. получили за выкуп небольшие земельные наделы, и термин «царане» стал обозначать земледельцев, крестьян вообще.

[10] Против единогласных заявлений, что общинное владение оберегает крестьян от пролетариата, сделаны возражения из Уманского у. Киевской губ. и из Симбирской губ. Одно заключается в том, что «участковое хозяйство более уравнивает быт всего крестьянского общества и приносит ему пользу в хозяйственном отношении; между тем, где общества имеют общинное пользование землею, там более есть пролетариев, и пользование землей находится в руках богатых односельцев». В другом отзыве указывается против тех, которые опасаются пролетариата от введения участкового владения, «во-первых, на большое количество незаселенных казенных и частных земель и, во-вторых, на обеднелых и бездомных крестьян, не приносящих пользы ни себе, ни правительству, ни обществу, которые забрасывают свою землю и самые дома и, скитаясь по свету, служат только обременением обществу». Ни одно из этих заявлений не доказывает, впрочем, ничего против пользы общинного владения как одной из действительнейших мер против пролетариата. Они только свидетельствуют, что при участковом владении крестьяне могут быть зажиточны, а при общинном – бедны, но в этом едва ли кто-либо сомневался; далее указывается на злоупотребления при общинном владении богатых; и это легко может быть, и естественно, при отсутствии закона, который бы определял порядок распределения наделов и при отсутствии всякой возможности жаловаться на распоряжения мира по поземельным делам; наконец, никто, конечно, не станет отрицать, что и при общинном владении, как и при участковом, были, есть и будут лентяи, забулдыги и негодяи, которые предпочтут бродяжничество и легкую наживу воровством, мошенничеством или прошением милостыни честному, упорному, постоянному труду и оседлой жизни. Тяжесть и неравномерность налогов, конечно, немало содействует увеличению их числа и крайнему обременению обществ. Что же касается указания на частные и государственные земли для поселения безземельных крестьян, которые будут выбрасываться из общин при участковом устройстве их владений, то в нем заключается только

признание доказанного и несомненного факта, что исключительное господство личной поземельной собственности неизбежно сопровождается обезземелением части сельского населения.

Поземельная община в новой и древней России

Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland, von Johannes von Keussler. Erster Theil, 1876. in 8. III b. 304[1]

Впервые опубл.: Вестник Европы. – 1877. – Т. 3. – Кн. 5. – С. 200–233. Подпись: К. Кавелин.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 287–326.

Печатается по тексту повторной публикации.

Высказанное в статье «Взгляд на русскую сельскую общину» воззрение на русскую сельскую общину Кавелин развивает и в последующих своих статьях об этой проблеме, в особенности в статьях 1876–1877 гг.: «Общинное владение» (Собрание сочинений. – С. 217–286) и «Поземельная община в древней и новой России» (Собрание сочинений. – С. 287–326). Он придавал большое значение в деле изучения русской общины книгам остзейского экономического публициста Кейсслера, которые и подали повод Кавелину написать две названные статьи.

Статья «Общинное владение» переведена на немецкий язык под заглавием “Der burgerliche Gemeindebesitz in Russlau” (Leipzig, 1887).

[1] Валуев Петр Александрович (1814–1890) – граф, русский государственный деятель, статс-секретарь, тайный советник, писатель. С 1845 г. – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Риги Е. А. Головине, в 1853 г. – Курляндский губернатор, в 1858 г. – директор департамента Министерства государственных имуществ при М. Н. Муравьеве, в 1861 г. – министр внутренних дел, в 1868 г. уволен по болезни. В кон. 1860-х – нач. 1870-х гг. – председатель правления Учетно-ссудного банка и Общества взаимного поземельного кредита. В 1870 г. подал Александру II записку «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой развивал идею введения всесословной воинской повинности. В 1872–1879 гг. Валуев, будучи министром государственных имуществ, руководил работой нескольких комиссий.

[1] К истории и критике крестьянской общинной собственности в России», фон Кейсслера. Первое [Theil], 1876. В 8 т. Т. III. – С. 304.

В 1877 г. был председателем Совета министров и Комиссии прошений. В 1878 г. Валуев был назначен председателем Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности, в 1879–1881 гг. – председателем Комитета министров, активно участвовал в разработке мер по борьбе с революционным движением. В 1880 г. был возведен в графское достоинство. В 1881 г. был уволен со всех должностей (кроме членства в Государственном Совете). Валуев был типичным выразителем течения, возобладавшего в высших сферах при проведении в жизнь «великих реформ». Начав государственную деятельность, по собственному выражению, «покорным орудием кн. В. А. Долгорукова и М. Н. Муравьева» – противников крестьянской реформы – и в этом смысле составив для них записку против редакционных комиссий, Валуев и при введении земства, которое он называл «школой представительных учреждений», выступил со всеподданнейшим докладом (1862), заботившимся о «сохранении и ограждении» прав государства от «неуместных притязаний» общества и положенным в основание проекта Земского положения (1863). Ему же пришлось принимать Закон о печати (1865) в духе, о котором свидетельствует следующая его печатная резолюция: «Общее правило, что нашу и даже всякую печать нельзя задобрить снисходительностью и послабляющими колебаниями, а можно держать в известных пределах только благоразумною твердостью». Валуев добился передачи цензуры в ведение Министерства внутренних дел (1862), руководил разработкой «Временных правил о печати» (1865), создал правительственные газеты «Северная почта» (1862–1868), «Правительственный вестник» (1869–1917), «Отголоски» (1879–1880), выступая в них как публицист. В конце царствования Императора Александра II и начале – Императора Александра III Валуев явился противником космополитических реформ графа М. П. Лорис-Меликова, приведших к убийству Александра II. Оставив службу, Валуев занялся литературной деятельностью. Им были изданы романы «Лорин» (1882), «Черный бор» (1887) и «Княгиня Татьяна» (1891), а также «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» и статья «Религиозные смуты и гонения V–XVII веков».

[2] Лешков Василий Николаевич (1810 – 1881) – юрист, заслуженный ординарный профессор по кафедре законов государственного благоустройства и благочиния, соревнователь (*membre associé*) Королевского общества северных антиквариев, председатель Московского юридического общества и член Киевского юридического общества, действительный член Московского общества русской

истории и древностей, декан юридического факультета Московского университета, один из разработчиков учения славянофилов. Главный труд – «Русский народ и государство» (1858).

С 1850 г. Лешков читал оригинальный курс о законах благосостояния и благочиния, сближающийся с курсом государственного, а еще более – полицейского права и называемый самим Лешковым курсом общественного права. В 1865 г. стал председателем Московского юридического общества и получил возможность развивать свои юридические взгляды перед образованной публикой и распространять юридическое образование в России помимо университета. На заседаниях Лешков читал свои статьи по различным юридическим вопросам. В 1874 г. прочел сочинение «Наша средняя история общественного права», в 1876 г. – «Русская промышленность по указам Петра Великого» (Юридический Вестник. – 1876. – № 1–2. – С. 5–35). Лешков был идейным вдохновителем первого съезда русских юристов. В главном сочинении Лешкова «Русский народ и государство» наиболее разработан период господства Русской Правды и несколько идеализирована Допетровская Русь. Община, самоуправление и самодеятельность, по мнению Лешкова, – народные русские черты, проходящие всю его историю; в противоположность Петровскому периоду, когда правительство, регламентация и государственность заглушили свободное развитие общественного и экономического быта русского народа, это развитие в допетровский период шло свободно.

Землевладение в Западной Европе

Впервые опубл.: Неделя. – 1877. – 26 июня. – № 26. – С. 872–880; 3 июля. – № 27. – С. 898–909; 10 июля. – № 28. – С. 929–937; 17 июля. – № 29. – С. 963–971. Подпись: К. Кавелин.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 326–386.

Статья «Землевладение в Западной Европе», составленная на основании известного сочинения *А. В. Васильчикова* «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», вышедшей в Петербурге в конце 1876 г., в 2 т., находится в непосредственной связи со всеми монографиями Кавелина о сельской общине, и в особенности с монографией «Общинное владение» (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – С. 217–286). Статья эта излагает сведения о различных формах землевладения на Западе для сравнения с русским общинным землевладением. Кавелин собирался

написать большое исследование о земледелии в России и обо всех связанных с ним промыслах на основании материалов, изданных Министерством государственных имуществ, но оставил свое намерение ввиду появления указанной выше книги князя А. И. Васильчикова, ограничившись настоящей статьей, знакомящей публику с одним из вопросов, рассматриваемых в книге Васильчикова.

Подробности можно прочитать в изданной Д. А. Корсаковым переписке Кавелина с князем Васильчиковым (Русская мысль. Кн. 1. – 1897).

[1] Васильчиков Александр Илларионович (1818–1881) – русский общественный и земский деятель, князь, экономист, публицист, славянофил, публицист, земский деятель и теоретик самоуправления. Сын князя И. В. Васильчикова – председателя Госсовета и Комитета министров. Окончил в 1839 г. Петербургский университет со степенью кандидата прав. В 1845 г. служил чиновником, в 1846 г. назначен церемониймейстером двора. Во время Крымской войны 1854 г. участвовал в Дружине ополчения, после чего зачислен в сверхштатные чиновники канцелярии начальника Новгородской губ.

Его главный труд по истории русской общины и аграрному строю дореформенной России – «Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах» (Т. 1–2. – 1876). В трудах по истории русской общины, проблемам аграрных отношений, кредита, местного самоуправления и народного образования А. И. Васильчиков выступал за сохранение в России общины, видя в ней средство спасения от классовой борьбы и революции. Он критиковал западноевропейский капитализм и выдвигал идею некапиталистического развития России. Васильчиков обосновал оригинальную точку зрения на решение аграрного вопроса в России и участие народа в местном управлении. В результате сравнительного анализа организации управления в европейских странах – Франции и Англии – он пришел к следующим выводам. 1. Формы правления независимы от форм управления, какие бы ни были формы правления – самодержавные или представительные, монархические или республиканские – формы управления всегда принимают вид: а) или земский, общественный (если местное управление поручается местным жителям); б) или бюрократический, «приказный» (если местное управление «заведывается людьми сторонними»). 2. Представительная форма «тем недостаточнее, чем обширнее государство, чем разнороднее пользы и нужды разных местностей». 3. Самоуправление при бла-

гоприятных условиях неминуемо ведет к народному представительству. Реализовывать самоуправление дает возможность земство, в основе которого – землевладение, земское уравнение (а не социальное братство или политическое равенство), мирное разрешение всех вопросов. Понимая самоуправление как полную самостоятельность местных органов, но в пределах законов, Васильчиков выделял три периода его становления: 1) стремление к тому, чтобы налоги и повинности, устанавливаемые центральной властью, раскладывались на местах по соображениям местных жителей; 2) поручение самого расходования земских сборов местным земским органам; 3) передача местным органам контроля над раскладкой и расходованием сборов, а также передача им судебных функций. Для осуществления самоуправления в России Васильчиков предлагал следующие меры: а) пересмотр налогового законодательства; б) расширение колонизации новых земель и наделения крестьян государственной землей; в) преобразование волости в общесословное учреждение; г) устройство кредитных товариществ и рабочих артелей; д) введение обязательного страхования от огня и падежа скота и установление подоходного налога. Главными органами русского самоуправления Васильчиков считал народное училище, земское собрание и мировой суд; он видел два пути участия народа в самоуправлении: «практический» (через участие в местных совещаниях и судах) и «учебный» (через посредство школ). Васильчиков утверждал, что России не обязательно повторять путь Запада со всеми его превратностями и заимствовать западные экономические формы, чтобы стать «цивилизованной страной с европейским уровнем культуры». Специфика России в том, что она переживает «промежуточный период», когда социальные отношения окончательно не установлены, нет антагонизмов сословий, рабочего вопроса, вражды капитала и труда. Все это позволяет осуществить преобразования мирным путем, нужно только «по правде и справедливости» решить аграрный вопрос. Решение аграрного вопроса в России Васильчиков связывал, во-первых, с равномерным распределением поземельной собственности между различными классами населения. Исходя из принципа, что «без собственности человек не свободен и в общественном смысле только раб», а земля должна принадлежать тем, кто на ней трудится, Васильчиков выступал за освобождение крестьян с землей, а после реформы 1861 г. – за наделение их государственной землей, за сохранение общинного землевладения, с которым «надо помириться... как с суровым климатом...»; во-вторых, с активной государственной

поддержкой крестьянства. Условиями народного благосостояния в славянских землях Васильчиков считал общинное землевладение, мирское управление, земские учреждения, земельный надел и народный общедоступный кредит, которые противопоставляются им европейскому парламентаризму, аристократическому землевладению, бюрократическому правлению, владычеству бирж и банкиров. Сочинения Васильчикова: О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских учреждений. Т. 1–3. – СПб., 1866–1871 (2-е изд.: СПб.,1872); Русский администратор новейшей школы. – Берлин, 1868; Письмо министру народного просвещения графу Толстому от кн. В. – Берлин, 1875 (2-е изд.: Киев, 1876); Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1–2. – СПб., 1876. (2-е изд.: СПб., 1881); Сельский быт и сельское хозяйство в России. – СПб., 1881.

[2] *Leoncede Lavergne* (фр. *Léonce-Guilhaud de Lavergne;* Лавернь; 1809–1880) – французский экономист и политический деятель. Являлся профессором иностранной литературы в университете Монпелье, потом служил в Министерстве иностранных дел и помещал в “Revue des deux Mondes” статьи по литературным, финансовым и торговым вопросам. Избранный депутатом в 1846 г., он занял место среди консерваторов. В 1848 г. Лавернь боролся против доктрин Прудона и оспаривал финансовые мероприятия временного правительства. В 1871 г. был избран в Национальное собрание, где занял место в группе правого центра. Среди его трудов: L’Agriculture et la population en 1855 et 1856 (Земледелие и народонаселение в 1855 и 1856 гг.). – 1856; Economie rurale de la France depuis 1789 (Сельское хозяйство во Франции после 1789). – 1860 (4-е изд.: 1878); Essai sur l’économie rurale de Angleterre, de l’Ecosse et de l’Irlande (О земледелии в Англии). – 1854; Biographie de Léon Faucher (Биография Леона Фуше). – 1855; L’Agriculture et l’enquête (Сельское хозяйство и анкета). – 1866.

[3] Пасси Фредерик (фр. *Passy*; 1822–1912) – французский политический деятель и адвокат. В 1868 г. Пасси основал и возглавил «Международную Лигу мира». Активный участник создания Международного межпарламентского союза в 1889 г. Нобелевская премия мира 1901 г. совместно с А. Ж. Дюнаном.

[4] Кольбер Жан Батист (фр. *Colbert*; 1619–1683, Париж) – французский государственный деятель. Сын богатого купца. В 1651 г. был взят на службу кардиналом Мазарини. Рекомендованный кардиналом королю Людовику XIV, был использован на государственной

службе. Кольбер выявил злоупотребления генерального контролера финансов Николя Фуке и добился его отставки и суда над ним. Кольбер сделал быструю карьеру: член Высшего совета с 1661 г., сюринтендант государственных строений и мануфактур с 1664 г., торговли с 1665 г., генеральный контролер финансов с 1665 г., морской министр с 1669 г.; почти целиком сосредоточил в своих руках руководство внутренней политикой Франции. Экономическая политика Кольбера, так называемый кольбертизм – одна из разновидностей меркантилизма. Кольбер добивался увеличения государственных доходов, в первую очередь, за счет активного торгового баланса – путем создания мануфактур, поощрения промышленности, увеличения вывоза промышленных изделий и ввоза сырья, сокращения ввоза готовых изделий иностранного производства. По настоянию Кольбера в 1661 г. была учреждена особая судебная палата для разбора дел о финансовых злоупотреблениях. По инициативе Кольбера были организованы монопольные торговые компании для внешней торговли, главным образом для колониальной (Вест-Индская, Ост-Индская, Левантийская, Сенегальская).

[5] Бурбоны (фр. *Bourbons*, исп. *Borbones*, итал. *Borboni*) – королевская династия, занимавшая престол во Франции в 1589–1792, 1814–1815, 1815–1830 гг.; в Испании – в 1700–1808, 1814–1868, 1874–1931; в Королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском) – в 1735–1805, 1814–1860 гг.; в герцогстве Парма и Пьяченца – в 1748–1802, 1847–1859 гг. Первый представитель династии – Генрих IV (1589–1610). Период правления Бурбонов во Франции характеризуется ростом абсолютизма – максимальный расцвет при Людовике XIV (1643–1715). В 1792 г. во время Великой французской революции Бурбоны во Франции были низложены (21 января 1793 г. был казнен Людовик XVI). В 1814 г. и вторично в 1815 г. (после «Ста дней») Бурбоны были восстановлены на троне. В результате революции 1830 г. на французский престол вступила младшая, Орлеанская, ветвь Бурбонов в лице Луи-Филиппа (1830–1848), которая была свергнута революцией 1848 г.

[6] *Domesday Book* (англ.) – кадастровая книга, земельная опись Англии, свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии по приказу Вильгельма Завоевателя в 1085–1086 гг. Эта земельная перепись имела важное значение в укреплении феодальных порядков в Англии. Ее результаты, записанные на пергаменте, получили в народе название «Книга Страшного суда» (“Domesday book”).

[7] Елизавета I (англ. *Elizabeth Tudor*; 1533–1603) – королева Англии, последняя из династии Тюдоров, правившая в 1558–1603 гг. Дочь короля Генриха VIII и Анны Болейн. Наиболее яркая представительница английского абсолютизма.

[8] Палата общин (англ. *House of Commons*) – избираемая палата парламента Соединенного Королевства. Состоит из 651 члена (659 членов после 1996 г.), которые представляют одномандатные избирательные округа.

[9] Верхняя палата – установившееся в науке государственного права наименование одного из законодательных собраний в государствах, где народное представительство в законодательном органе организовано по двухпалатной системе.

[10] Карл II Стюарт (англ. *Charles II Stuart*; 1630–1685). Правил с 1660 по 1685 г. Сын короля Карла I. В 1660 г. утвердил Великую Хартию, Петиции о правах и Статут о праве парламента назначать подати. К этому времени окончательно сложилась английская парламентская система и образовались две партии – тори (безусловные сторонники короля и англиканской Церкви, выражавшие интересы сельского населения и землевладельцев) и виги (находились в оппозиции королю, придавали важное значение торговле, развитию мореплавания и проповедовали веротерпимость). В 1681 г. Карл распустил парламент и до самой смерти правил единолично.

[11] Адриан IV (лат. *Hadrianus*; в миру – Николас (Николай) Брейкспир; англ. *Nicholas Breakspear; Nicolaus Breakspear*; ок. 1100–1159) – папа римский в 1154–1159 гг. Родился в Лангли (Англия), умер в Ананьи (Италия), единственный англичанин на папском престоле. Сторонник папской теократии. В качестве папского легата в Скандинавии (1152–1154) укрепил церковные связи Скандинавских стран с Римом. В награду за выдачу ему Арнольда Брешианского короновал Фридриха I Барбароссу императорской короной (1155), но затем вступил с ним в борьбу. В 1156 г. пожаловал норманнскому герцогу Вильгельму I Сицилию и Нижнюю Италию. Адриан последовательно проводил политику укрепления централизованного управления Церковью, энергично действуя в русле Григорианской реформы. Он направлял своих легатов в различные страны, таким образом укрепляя связи отдельных церковных провинций с Римом. О его неутомимой административной деятельности свидетельствуют написанные им многочисленные послания.

[12] Генрих II (1133–1189) – английский король с 1154 г., первый из династии Плантагенетов; герцог Нормандский – с 1150 г. Ему

принадлежали обширные владения во Франции, где он провел значительную часть своего правления. Став английским королем, провел судебную реформу, расширив компетенцию королевских судов, в которые, однако, могли обращаться только свободные люди. При Генрихе II были заложены основы общегосударственной судебно-административной системы. Он пытался подчинить королевской власти автономные церковные суды. Но борьба Генриха II с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом, противившимся его политике подчинения английской Церкви светской власти, была безуспешной (Т. Бекет был убит в 1170 г. по приказу короля). В его правление начались покорение и колонизация Ирландии.

[13] Остготы – германское племя, восточная ветвь готов. В IV в. создали мощный племенной союз во главе с Эрманарихом и двинулись из причерноморских степей на запад. Расселились в Паннонии, часть остготов стала в V в. наемниками восточно-римских императоров. Под главенством Теодориха они двинулись в Италию (ок. 100 тыс. чел.). Разбив Одоакра и захватив Равенну в 493 г., образовали обширное королевство, в состав которого входили Италия, Сицилия, Далмация и др., с 510 г. – Прованс. После смерти Теодориха власть перешла к его дочери Амаласунте (правила в 526–534 гг.). В 540 г. остготские войска были разбиты византийским полководцем Велизарием, и в начале 60-х гг. королевство остготов перестало существовать.

[14] Ариовист (лат. *Ariovistus*, I в. до н. э.) – вождь германского племени свевов. Ок. 71 г. по просьбе галлов-арвернов и секванов, боровшихся с другим галльским племенем – эдуями, перешел с отрядом германцев р. Рейн и ок. 61 г. одержал победу над эдуями. Поселившись на территории Галлии, Ариовист собрал вокруг себя ок. 120 тыс. германцев. Недовольные властью Ариовиста галльские племена обратились за помощью к Юлию Цезарю, который ок. 58 г. при Везонцио разгромил армию Ариовиста. Раненый Ариовист с остатком войска переправился через Рейн в Германию, где вскоре умер.

[15] Лангобарды (длиннобородые) – германское племя. В I в. н. э. обитало по левому берегу нижнего течения р. Эльба. В 9 г. лангобарды вошли в военный союз с Марободом, но при столкновении с племенами херусков (17 г.) перешли на их сторону. Они участвовали в Маркоманской войне 166–180 гг. С начала IV в. постепенно заняли бассейн среднего Дуная и его притоков. В VI в. лангобарды – федераты Византийской империи в Паннонии. В 568 г. во главе большого племенного союза вторглись в Северную Италию. В борьбе с Византией (которой принадлежала Италия) лангобарды

завоевали территорию Ломбардии (область получила название от лангобардов) и Тусцию (ныне Тоскана), образовав свое королевство, столицей которого стала Павия. При лангобардском завоевании было разрушено много городов, особенно в Северной Италии, истреблено и изгнано большое число знатных римских землевладельцев. Период разрушений и бедствий, вызванных вторжением лангобардов, постепенно сменился периодом некоторого оживления ремесла и торговли в кон. VII–VIII в. Завоевательная политика лангобардов (захват в 751 г. Равенны, попытка захватить Рим) окончилась неудачей в результате вмешательства франков (походы Пипина Короткого в 754 и 756 гг.), действовавших в союзе с папством. При короле Дезидерии (правил в 756–774 гг.) государство лангобардов было завоевано Карлом Великим в 773–774 гг.

[16] Вандалы – группа германских племен. Предположительно проникли из Скандинавии (или из северной Ютландии) и в I–III вв. занимали территорию от Одера до Дуная. Во II в. выступили противниками Рима в Маркоманской войне. В 270 г. вторглись в римскую Паннонию, но потерпели поражение. В 335 г. поселены римским императором Константином в Паннонии и несли военную службу. В 409 г. пересекли Рейн и проникли в Испанию. Предводительствуемые Гейзерихом вандалы в 429 г. переселились в Африку и создали на территории значительной части римской Африки государство (в 439 г. был захвачен Карфаген). В середине V в. разросшееся королевство вандалов в Северной Африке превратилось в сильнейшее государство Средиземноморья. В Средиземном море вандалы захватили Сицилию, Корсику, Сардинию и Балеарские острова. В 455 г. вандалы захватили и разграбили Рим (отсюда выражение «вандализм» как бессмысленное уничтожение культурных ценностей). Теснимое берберскими племенами, королевство вандалов в начале VI в. значительно ослабло. В 533–534 гг. оно было завоевано Византией.

[17] Гуситские войны – гражданская война между католическим и гуситским лагерями в Чехии. Началась в 1419 г. в ответ на расправу с Яном Гусом. В ряде битв гуситы наголову разбили войско феодалов-католиков. Император Сигизмунд I, понимая, что своими силами победить гуситов не может, организовал в 1420–1431 гг. вместе с римским папой (обеспокоенным отпадением Чехии от католичества) пять крестовых походов (1420, 1421–1422, 1426, 1427, 1431) против чехов-гуситов, в которых приняли участие феодалы (со своими отрядами) из многих стран Европы, но прежде всего – из Германии. Все походы крестоносцев в Чехию закончились их поражением. Когда речь шла

о сопротивлении общему врагу, гуситы объединялись, но основной военной силой гуситов была армия таборитов во главе с Яном Жижкой. После смерти Жижки (1424) его дело продолжил Прокоп Голый. В 1426 г. (после 3-го крестового похода) гуситы перенесли военные действия за пределы Чехии. Начался новый этап – наступательный. Заграничные походы гуситов преследовали следующие цели: исключить новые интервенции, обеспечить себя всем необходимым за счет врагов, принудить их к заключению мира. Постепенно эти походы приобрели чисто грабительский характер. В результате гуситского движения чехи смогли легализовать гуситскую Церковь, был создан прецедент в Европе. Чехи перестали платить Риму налоги и признавать авторитет папы. Гегемония католической Церкви была впервые поколеблена, католическая Церковь потеряла все свои владения, церковные земли достались дворянству, появились земельные владения и у городов. Королевская власть была ограничена сеймом (земским парламентом), хотя права императора Сигизмунда на чешский трон были подтверждены. Гуситское движение стало прообразом европейской Реформации XVI в.

[18] Леопольд I (1640–1705) – император Священной Римской империи с 1658 г., король Венгрии с 1655 г., король Чехии с 1656 г.; второй сын императора Фердинанда III и Марии-Анны Испанской. В его правление турки безуспешно осаждали Вену. Царствование Леопольда I отмечено острым соперничеством с Людовиком XIV за гегемонию в европейской политической ситуации.

[19] Фридрих I Прусский (нем. *Friederich*, 1657–1713) – прусский король с 1701 г.; с 1688 по 1701 г. – курфюрст Бранденбурга (Фридрих III), происходил из династии Гогенцоллернов. Получил королевский титул, обязавшись поставить императору «Священной Римской империи» военный контингент для надвигавшейся войны за Испанское наследство.

IV. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Дворянство и освобождение крестьян

Впервые опубл. отдельным изданием анонимно: Дворянство и освобождение крестьян. – Берлин, 1862. – 68 с.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 106–142.

Печатается по тексту повторной публикации.

«Дворянство и освобождение крестьян» написано в мае 1861 г. Статья была издана впервые отдельной брошюрой в 1862 г. без имени автора. После публикации этой брошюры Кавелин совершенно разошелся с А. И. Герценом, с которым находился в дружеских отношениях с 1845 г. Подробности см.: Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. – 1892. – С. 3–84.

В этой работе Кавелин высказал ключевую для него идею межсословного компромисса. Кавелин видел в дворянстве тот класс, который соединял в себе наиболее культурных представителей общества, класс, который должен был нести западную культуру народу, культурно и экономически просвещать народ, особенно крестьянские массы в провинции. Через просвещение народных масс должна была осуществиться административная децентрализация России, которая ослабила бы чиновничий и полицейский произвол на местах. Именно дворянству в сословном представительстве принадлежала ведущая роль в формировании гражданского самоуправления и самодеятельности.

Брошюра «Дворянство и освобождение крестьян» шла вразрез с общим настроением. В процессе подготовки крестьянской реформы правительство Александра II старалось предоставить главную роль в установлении главных положений дворянству. Однако в дальнейшем правительство поддержало в Государственном Совете точку зрения либерального меньшинства, а не консервативного большинства. Консерваторы сначала стояли за то, чтобы передать установление конкретных размеров крестьянских наделов и повинностей на усмотрение помещиков, а в дальнейшем предлагали существенно уменьшить размер будущих крестьянских наделов. Правительство затем лишь ограничилось созданием видимости ведущей роли дворянства в реформе, а на деле всемерно старалось ограничить его влияние на содержание крестьянской реформы. Это положение можно было объяснить пассивной позицией большинства дворянства, которое выступало против отмены крепостного права. Дворянство губерний и уездов направляло Александру II дворянские адреса со своим видением проведения реформы, а в ответ на эти адреса губернаторы получили от царя рескрипты об учреждении дворянских комитетов, в задачи которых входила разработка местных проектов реформы. Деятельность губернских дворянских комитетов сводилась к позиции отстаивания

освобождения крестьян без земли. Однако к 1858 г. правительство Александра II было склонно поддержать позицию либералов и создало в 1859 г. для подготовки реформы особые Редакционные комиссии. В составе Редакционных комиссий по подготовке освобождения крестьян работали эксперты, помещики и известные ученые, и представители министерств и ведомств. Проект Положения, подготовленный Редакционными комиссиями, обсуждался в Главном комитете по крестьянскому делу и в Государственном Совете, пересматривался и корректировался в направлении уменьшения крестьянских наделов по сравнению с дореформенным периодом и увеличения крестьянских повинностей. Несомненным поражением дворянства в крестьянской реформе было то, что оно не смогло сохранить в неприкосновенности дворянского землевладения и власти помещика в своей вотчине. Голоса консервативной части дворянства в Государственном Совете, которые требовали изменить размеры крестьянских наделов и повинностей в пользу помещиков, в полном объеме не были воплощены в Положениях 19 февраля. Поэтому Положения 19 февраля носили компромиссный характер и в полной мере не удовлетворяли ни консервативной части дворянства, ни тем более крестьян.

[1] Уставная грамота – правоустанавливающий документ, определявший согласно Положениям 19 февраля 1861 г. размеры надела крестьян и повинностей за пользование этим наделом. В Уставной грамоте также содержались сведения о разверстке угодий, перенесении усадеб. Уставная грамота составлялась помещиком в процессе крестьянской реформы и вводилась в действие мировым посредником, не принимавшим мнения крестьян, которые могли отказаться от уставной грамоты, и все равно утверждавшим ее без согласия крестьян. По Положениям 19 февраля помещик наделялся правом отрезать в свою пользу крестьянскую землю в зависимости от размера крестьянского надела. В уставных грамотах фиксировался не только размер крестьянского надела, но и их повинности (отработка барщины или платежи оброка) за пользование помещичьей землей.

По Положениям 19 февраля крестьянин был обязан выкупать свою усадьбу, что существенно сокращало площади помещичьих земель. При выкупе земель крестьяне не были обязаны нести какихнибудь дополнительных повинностей и платить оброк натурой. По Положениям размер барщины также уменьшался до 40 дней для мужчин

и 30 дней для женщин. (См.: *Иванюков И.* Падение крепостного права в России. 2-е изд. – СПб., 1903; *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. – СПб., 1907; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. 2-е изд. – М., 1960; *Он же.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М., 1958.)

[2] Майорат – одна из форм наследования недвижимости, в первую очередь, земельной собственности. По этой форме наследования недвижимость переходит к старшему из наследников.

[3] Кавелин говорит о Великой французской революции 1789–1794 гг. Страшным примером для Кавелина являлись массовые убийства дворян и духовенства 2 сентября 1792 г.

[4] В XVI – нач. XVII в. из английского дворянства выделилась часть, которая получила название «новое дворянство», или джентри, которая стала превращаться в буржуазию, используя наемный труд и получая за счет этого доход. Джентри объединились с буржуазией и выступило против попытки династии Стюартов восстановить абсолютистское правление. Это привело к так называемой «Славной», или «бескровной революции» 1688–1689 гг., в результате которой в Англии утвердилась конституционная монархия.

[5] Борис Годунов (1552–1605) – русский царь, был избран на Земском Соборе 1598 г. Его сын, царевич Федор, и жена, царица Мария, были задушены сторонниками Лжедмитрия I.

[6] Шуйский Василий Иванович (Василий IV) – русский царь, в мае 1606 г. избран Земским Собором на царство после свержения Лжедмитрия I.

[7] Михаил Федорович (1596–1645) – русский царь, первый из династии Романовых. В 1613 г. избран на царствование на Земском Соборе.

Отечественная историческая наука однозначно не определила характер отношений царя Михаила Романова с боярами. Суммируя различные точки зрения на этот вопрос, В. О. Ключевский утверждал, что в первые годы правления Михаила Федоровича его власть была ограничена боярством (*Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 3. – М., 1988. – С. 72).

[8] Кавелин имеет в виду законы Петра I, среди которых Указ о единонаследии 1714 г. и Табель о рангах 1722 г. В Табели о рангах декларировалось, что не только дворянин, но и представитель любого сословия мог подняться до высших государственных чинов. По Табели о рангах 1722 г. потомственное дворянство давалось тем, кто дослуживался до XIV класса для военных чинов и до VIII – для

чинов гражданских (Дворянство // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1. – М., 1996. – С. 683).

[9] Александр I Павлович Романов (1777–1825) – русский Император, вступил на престол после убийства заговорщиками в марте 1801 г. своего отца – Императора Павла I.

[10] Кавелин приводит основные пункты «Жалованной грамоты Императрицы Екатерины II на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 г. (Жалованная грамота дворянству // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 2. – М., 1996. – С. 165–166).

[11] Указ о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г. позволял помещикам освобождать своих крестьян целыми селениями или отдельными семьями обязательно с землей за выкуп.

23 мая 1816 г. в Эстляндской губ. было принято положение, по которому эстляндским крестьянам даровалась свобода, но освобождение производилось без наделения землей и без права переселения в другие губернии. В мае 1817 г. подобное положение было принято в Курляндии, а в 1819 г. – в Лифляндии.

В течение первой половины XIX в. в период правления Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855) властью предпринимались многочисленные попытки решения крестьянского вопроса и делались проекты отмены крепостного права. Кроме указа о вольных хлебопашцах Александр I в 1818 г. поручил А. А. Аракчееву, Н. С. Мордвинову и другим секретное поручение разработать проекты отмены крепостного права. Николаем I был утвержден закон «Об обязанных крестьянах» (1842), позволявший помещикам уступать крестьянам свои земли в постоянное наследственное пользование в счет уплаты установленных повинностей. В общей сложности при Николае I было издано более 100 законов, направленных на некоторое облегчение положения крепостных крестьян.

[12] Восточная (Крымская) война (1853–1856) между Российской Империей и коалицией держав в составе Великобритании, Франции, Сардинии и Османской империи (Турции) за владычество на Ближнем Востоке. В этой войне Россия потерпела поражение.

[13] Кавелин говорит о речи Александра II, произнесенной им перед московским дворянством 30 марта 1856 г. о необходимости отмены крепостного права. Именно в этой речи были произнесены знаменитые слова: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (*Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М., 1958. – С. 66–67).

[14] Помещики требовали за выкуп крестьянских усадеб большие суммы. По данным известного историка П. А. Зайончковского, губернский комитет в Ярославской губ. определил стоимость усадьбы в 160 рублей серебром с каждой ревизской души. По такому расчету помещик был вправе получить за усадьбы крестьян больше той суммы, в которую оценивалось все имение помещика (*Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М., 1958. – С. 96).

[15] Мировые посредники – должностные лица, назначавшиеся только из потомственных дворян-помещиков, обладавших определенным земельным цензом. В период крестьянской реформы мировые посредники отвечали за утверждение уставных грамот, судили и разбирали споры между помещиками и крестьянами. Мировые посредники назначались Сенатом и по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства из местных помещиков-землевладельцев.

Положения 19 февраля 1861 г. предполагали замену вотчинной власти помещика крестьянским самоуправлением. Начальной ступенью самоуправления было сельское общество (община), ранее являвшееся помещичьим имением. Следующей ступенью являлся сельский сход, состоявший из дворохозяев. Сельский сход избирал старосту, сборщика податей, смотрителя сельских магазинов. Сельский сход распоряжался пользованием общинной землей, раскладкой казенных податей, рекрутскими наборами, сбором податей и недоимок.

Несколько сельских обществ составляли волость. Другой разновидностью самоуправления был волостной сход, который ведал раскладкой мирских повинностей и рекрутскими делами; избранием волостного суда, волостного старшины, его помощников; рассмотрением и судом незначительных крестьянских дел на основе обычного права.

[16] Кавелин видел в Пруссии пример неограниченной и благоустроенной монархии. Крепостное право в Пруссии было отменено в 1807 г., однако отмена феодальных повинностей, в том числе и барщины, произошла после революции 1848–1849 гг.

[17] Кавелин напоминал, что французская конституция не стала препятствием Луи Бонапарту в его захвате власти и объявлении себя императором Наполеоном III в 1851 г. Ко времени появления работы Кавелина «Дворянство и освобождение крестьян» в 1861 г. Франция была еще империей.

Главы из книги «Крестьянский вопрос: исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян»

Впервые опубл.: Вестник Европы. – 1881. – Т. 2. – № 3. – С. 237–257; Т. 4. – № 8. – С. 570–598; Т. 5. – № 9. – С. 5–30; Т. 5. – № 10. – С. 713–732; Т. 6. – № 11. – С. 88–124; Т. 6. – № 12. – С. 472–513.

Отдельное издание: Крестьянский вопрос: исследование значения у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян. – СПб., 1882. – [4], 212 с.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 393–598.

Печатается по тексту отдельного издания.

Крестьянский вопрос вообще в период времени после обнародования Положений 19 февраля 1861 г. находился в центре внимания русского общества. Большое исследование «Крестьянский вопрос», являющееся центральной монографией Кавелина по проблеме землеустройства поземельной собственности крестьян, представляет итог размышлений Константина Дмитриевича по крестьянскому делу после освобождения крестьян. Освобождение крестьян, по справедливому его мнению, должно было лишь положить начало действительному улучшению крестьянского быта. Кавелин рассматривал крестьянское дело как основу всех русских внутренних государственных, общественных и экономических потребностей, исходя из того простого основания, что в России крестьянское население составляло подавляющее большинство сравнительно со всеми остальными слоями населения, и притом такое большинство, какого не было ни у одного из европейских народов. Ввиду серьезного значения массы крестьянского населения в русском государстве Кавелин в этой монографии представил подробное рассмотрение материальных, умственных и нравственных условий крестьянского быта и указал на необходимость дальнейшего их развития в следующем порядке: 1) общие меры улучшения материального быта; 2) улучшение землевладения; 3) улучшение сельского хозяйства и экономического положения; 4) улучшение крестьянских учреждений, административных и судебных; 5) расширение и упрочение сельской школы.

«Крестьянский вопрос», написанный в течение 1880 и 1881 гг., первоначально печатался в «Вестнике Европы» в 1881 г. Тогда же из-

влечения из этой статьи помещались в немецкой газете “Zeitung fur Stadt und Land”, издаваемой в Риге, с некоторыми редакционными замечаниями. Выдержки из этой газеты были опубликованы в аугсбургской газете “Allgemeine Zeitung” (1882, № 39). Письмо Кавелина к редактору “Zeitung fur Stadt und Land” в русском переводе помещено в конце отдельного издания «Крестьянского вопроса», а также в т. 2 Собрания сочинений К. Д. Кавелина (СПб., 1899. – С. 591–594).

Первый раз настоящее исследование появилось в виде ряда отдельных статей в «Вестнике Европы» 1881 г. Предисловие к нему написано автором еще в январе 1881 г., а потом все сказанное им в связи с современным положением вещей относится исключительно к тому времени, т. е. к самому началу 1881 г. Отдельное издание дополнено ответом автора на те возражения, которые были вызваны в печати первым появлением его статей в свет. Этот ответ помещен приложением в конце.

Отдельное издание «Крестьянского вопроса» вышло в С.-Петербурге в 1882 г., но, к сожалению, не вызвало большого внимания в русской публицистической литературе. Д. А. Корсаков указывал, что ему была известна лишь одна статья, посвященная этому исследованию Кавелина, а именно статья за подписью «Д. Д.» в «Русском вестнике» (Т. CLXIV. – 1883. – Апрель. – С. 579–615).

[1] Опера знаменитого русского композитора Михаила Ивановича Глинки (1804–1867, похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре). Будучи за границей, Глинка задумал написать народную русскую оперу. По его возвращении в Россию в 1834 г. по совету В. А. Жуковского Глинка остановился на сюжете «Ивана Сусанина», который был обработан по плану Глинки писателем – бароном Е. Ф. Розеном. Глинка сначала написал увертюру, а затем первые два акта. В 1836 г. у гофмейстера, действительного статского советника, князя Б. Н. Юсупова, а затем у графа М. Виельгорского был исполнен первый акт «Жизни за царя». Окончив оперу, Глинка не без труда добился ее постановки на Императорской сцене. Дирекция обязала Глинку подпиской не требовать вознаграждения за свое произведение. В пятницу 27 ноября 1836 г. состоялось первое представление «Жизни за Царя». Успех оперы был огромный. Спрос на номера оперы, изданной Снегиревым, был так велик, что недоставало экземпляров для продажи.

[2] В 1833 г. граф Н. С. Мордвинов, адмирал, поставил вопрос о недостатках мер к развитию и поощрению земледелия и сельского хозяйства, следствием чего явилось учреждение под его председа-

тельством Комитета об усовершенствовании земледелия, который признал необходимым создать особое самостоятельное учреждение с сосредоточением в нем всех дел о сельском хозяйстве Империи. Осуществление проектированных комитетом мер было отсрочено Государственным Советом до преобразования Управления государственными имуществами. В 1836 г. для выработки лучшей организации по управлению государственными имуществами учреждено было V отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и одновременно с этим департамент государственных имуществ изъят из ведения Министерства финансов и подчинен особому совету. В 1837 г. было учреждено Министерство государственных имуществ в составе трех департаментов: государственных имуществ, канцелярии, совета министра и ученого комитета. Первым министром государственных имуществ был граф П. Д. Киселев. На Министерство было возложено заведование государственными имуществами, попечительство над государственными крестьянами и колонистами, оценка, описание и межевание казенных земель, лесное дело, сельскохозяйственное образование, собирание и распространение сведений по земледелию и сельскому хозяйству, принятие необходимых мер к дальнейшему развитию и усовершенствованию различных отраслей его. Местными органами Министерства государственных имуществ первоначально оставались казенные палаты, но уже в 1838 г. учреждены были особые палаты государственных имуществ.

[3] Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – русский военный историк, публицист, генерал-майор. Противник военных реформ Д. А. Милютина, сторонник панславизма. В 1876–1878 гг. – доброволец, участник национально-освободительной борьбы балканских народов. Автор трудов по истории войны на Кавказе, «Писем о современном состоянии России» (1881). Продолжая развивать и дополнять свои взгляды на совершавшиеся в русской армии преобразования, Фадеев в 1873 г. собрал свои статьи и брошюры в одну книгу под заглавием «Наш военный вопрос». В конце книги была помещена политическая брошюра «Мнение о восточном вопросе», напечатанная в 1869 г. в «Биржевых ведомостях» (№ 310,№ 313, № 315 и № 323) и переведенная на английский и чешский языки. Брошюра эта снискала Фадееву широкую известность в славянском мире: славянские газеты и журналы стали печатать статьи о нем и его биографии, а несколько славянских городов прислали дипломы на почетное гражданство. «Мнение о восточном вопросе» и прибавление к нему – это программа решения всеславянского дела. Находя, что восточный во-

прос неразрешим на Балканах, польский не распутывается в Варшаве, вопрос о Черном море не кончается на Босфоре и что все эти затруднения стянуты общим узлом, лежащим на среднем Дунае или, согласно позднейшей поправке Фадеева, в Берлине, – публицист говорил, что славянам предстоит неизбежное онемечение, если они не объединятся под главенством и при помощи России. Как и все беспристрастные наблюдатели происходящего в средней Европе племенного брожения, Фадеев утверждал, что никакое мирное развитие в этой стране света невозможно, пока быт всех славян не будет обеспечен от немецких посягательств, не будет устроен в смысле русских желаний. При окончательном решении славянского вопроса Фадеев придавал значение выработанности общественного мнения и не без основания полагал, что от степени нашего нравственного развития и экономического благосостояния будет зависеть ясное понимание исторического значения для России славянского объединения. Исходя из такого мнения, Фадеев в ряде статей, помещенных в «Русском мире» (1872) под общим заглавием «Чем нам быть?» и вышедших в 1874 г. отдельным изданием под названием «Русское общество в настоящем и будущем», высказал свои мысли о необходимости организовать общественное мнение при помощи создания связного культурного сословия. Являясь высшим правящим классом в России, это сословие не должно быть замкнутым для прилива в него лучших сил из нижних слоев населения. Признавая необходимым постепенное ограничение, если не искоренение, бюрократизма в России, Фадеев предлагал с этой целью передать внутреннее управление в руки земства. Деятелями его могли бы явиться все слои населения, принадлежащие к культурному сословию, ядром которого было бы земельное дворянство. Чтобы предоставить цензовому дворянству реальное влияние на жизнь, Фадеев полагал расширить его роль в местном управлении, сделав земство учреждением государственным. Тогда земские деятели стали бы вырабатывать из своей среды людей, способных и к общему руководительству по всем отраслям государственного управления. Русское дворянство, составляющее союз образованных русских родов, какого бы происхождения они ни были, тесно сплоченное с верховной властью, надолго обеспечило бы правильное развитие России, обеспечило бы до тех пор, пока не воспитало бы народ до всесословности не на словах, а на деле. Фадеев считал также необходимым определить особые обязательные отношения дворянства к всесословной воинской повинности и службе в армии. Для упорядочения крестьянского самоуправления он со-

ветовал поставить, по избранию дворянства, над волостями особых попечителей. С целью поднятия уровня народного образования и сосредоточения наших образовательных средств Фадеев указывал на необходимость для современной России трех ступеней общественного воспитания: грамотности для народа, техническо-промышленного обучения для молодых людей, перерастающих чернорабочий слой вследствие зажиточности своих родителей, и науки в полном значении этого слова для культурного класса.

[4] Газета «Весть» издавалась с 7 января 1862 г. по 24 апреля 1870 г. в С.-Петербурге. В период с 7 января 1862 г. (№ 1) до 4 августа 1863 г. (№ 31) – «Русский листок».

[5] Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – выдающийся русский философ-славянофил, публицист, идеолог панславизма, писатель, поэт. Вместе с братом К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным представлял «младших» славянофилов. Сын писателя С. Т. Аксакова. В то же время он не разделял некоторых утопических моментов славянофильской доктрины, которые были присущи взглядам его брата и А. С. Хомякова. Окончил Петербургское училище правоведения (1838–1842). В 1843–1851 гг. занимал различные должности в государственных учреждениях, служил чиновником в Москве, Калуге, Астрахани, Бессарабии, Ярославле. В 1840-х гг. Иван Аксаков совмещал карьеру чиновника с литературной деятельностью. С 1851 г. – в отставке. По поручению Русского географического общества И. С. Аксаков изучал торговлю на Украине и написал «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (1858). Служил добровольцем в ополчении во время Крымской войны (1855). В 1858–1878 гг. играл руководящую роль в Московском славянском комитете. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. организовал кампанию в поддержку южных славян и получил огромную популярность. За речь в Славянском комитете во время Берлинского конгресса 1878 г., содержавшую резкую критику царской дипломатии, был выслан из Москвы, а Славянский комитет был закрыт. В 1870–1880-е гг. Аксаков был связан с банками, являясь председателем совета Московского общества взаимного кредита. Начиная с 1860-х гг. редактировал ведущие славянофильские издания «Московский сборник» (1840–1850-е гг.), журнал «Русская беседа», газеты «Парус», «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Москвич» (1867–1868), «Русь» (1880–1886), в которых опубликована бóльшая часть статей, содержащих его основные политические и исторические идеи. По политическим взглядам И. С. Аксаков был монархистом, отстаивал Православие, стремился к решению

славянского вопроса: Российская Империя мыслилась им как центр объединения и притяжения всех зарубежных славян, лишенных самостоятельных славянских государств. В вопросах внутренней жизни России стремился противопоставить артельно-общинное «народное производство» развитию капитализма. В 1850–1860-х гг. выступал за либеральные реформы, критиковал правительственный бюрократизм; позднее, особенно в 1880-х гг., занимал консервативные позиции. В последние годы жизни И. С. Аксаков выступал активным пропагандистом панславизма – идеи объединения всех славянских народов под началом России. Философские и политические взгляды Аксакова нашли отражение в его лирике 1840–1850-х гг. В неоконченной поэме «Бродяга» (1846–1850) предвосхищается сюжетная и образная система поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». И. С. Аксакову принадлежит одно из первых серьезных исследований жизни и творчества Ф. И. Тютчева (1874), на дочери которого он был женат. Независимая общественная позиция И. С. Аксакова на протяжении всей литературной деятельности неоднократно становилась причиной цензурных и полицейских преследований со стороны правительства. Работы: Сочинения. В 7 т. – М., 1886–1887; Стихотворения // Сборник. – М., 1886.

[6] В Ветхом Завете, в Книге Пророка Исаии говорится: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими» (Ис. 40:3, 4). В Евангелиях призывы Иоанна Крестителя также именуются «гласом вопиющего в пустыне». Иоанн Креститель сказал: «Я глас вопиющего в пустыне: “исправьте путь Господу”, как сказал пророк Исаия» (Ин. 1:23; Мф. 3:3; Лк. 3:4).

Две речи о крестьянской реформе <19 февраля 1881 г.>

Впервые опубл.: Порядок. – СПб. – 1881. – 5(21) февраля. – № 51. – С. 2.

От редакции: «19 февраля у Донона принимавшие участие в трудах по освобождению крестьян собрались на свой обычный обед, и в их среде К. Д. Кавелин произнес следующую речь».

Подпись: К. Кавелин.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – Стб. 649 – 656.

19 февраля 1885 г.

Впервые опубл. под загл.: К крестьянскому вопросу // Новости и биржевая газета. – СПб., 1885. – № 71(13(25) марта). – С. 3–4.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 649–656.

Печатается по тексту повторной публикации.

[1] Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (нем. *Bismarck Schönhausen*; 1815–1898) – князь, германский государственный деятель. Родился в Шёнхаузене. Выходец из среды померанского юнкерства. В 1847–1848 гг. был одним из самых консервативных депутатов 1-го и 2-го соединенных ландтагов Пруссии. В 1851–1859 гг. являлся представителем Пруссии в бундестаге во Франкфурте-на-Майне, а в 1859–1862 гг. – посланником в России, в 1862 г.– во Франции. С 1862 г. Бисмарк – министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Бисмарк провел в 60-х гг. военную реформу, что значительно укрепило военную мощь Пруссии. Был инициатором конвенции 1863 г. с правительством царской России о возможных мерах по совместному подавлению восстания в Польше. Опираясь на мощь прусской армии, Бисмарк в результате победоносных войн с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870–1871) осуществил план объединения Германии сверху на прусско-милитаристской основе. В 1871 г. Бисмарк оказал активную помощь правительству Тьера против Парижской Коммуны. После создания в 1867 г. Северогерманского союза Бисмарк стал бундесканцлером. В 1871–1890 гг. – рейхсканцлер Германской империи, в которой господствующую роль играла Пруссия. Бисмарк энергично укреплял господство в стране юнкерско-буржуазного блока. В 1878–1890 гг. применением исключительного закона против социалистов и программой социального законодательства (обязательное страхование для некоторых групп рабочих) пытался помешать росту рабочего движения. Бисмарк явился инициатором Русско-Австро-Германского соглашения 1873 г. («Союз трех императоров»). В 1879 г. добился заключения союза с Австро-Венгрией, заключив Австро-Германский договор 1879 г., а в 1882 г. – Тройственного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия), направленного как против Франции, так и против России. Стремясь предотвратить возможность войны на два фронта, Бисмарк пошел в 1881 и 1884 гг. на возобновление «Союза трех императоров», а в 1887 г. заключил с Россией договор «перестраховки». В конце 80-х гг. Бисмарк выступал против намере-

ния германских военных кругов начать превентивную войну с Россией, считая, что война с Россией была бы чрезвычайно опасной для Германии. Но германское проникновение на Балканы, поддержка там Австро-Венгрии против России, мероприятия против русского экспорта ухудшали отношения Германии с Россией. Бисмарк не учитывал глубины англо-германских противоречий и пытался добиться сближения с Англией. Однако проводившаяся Бисмарком в 80-х гг. политика колониальной экспансии приводила к резкому обострению отношений Германии с Англией. Провоцирование «военных тревог» способствовало началу сближения Франции и России. Провалы во внешней политике и подавление рабочего движения предопределили отставку Бисмарка в марте 1890 г. Главное сочинение Бисмарка: DiegesammeltenWerke. T. 1–15. (Собрание произведений). – Berlin, 1924–1935; в русск. пер.: Мысли и воспоминания. Т. 1–3. – М., 1940–1941.

[2] Гладстон Уильям Юарт (англ. *Gladstone*, 1809–1898) – английский государственный деятель. Родился в семье богатого коммерсанта. Образование получил в закрытой аристократической школе в Итоне и в Оксфорде, где изучал богословие и классическую литературу. В 1832 г. избран в парламент от партии Тори. Однако, постепенно поняв, что развитие капитализма и усиление буржуазии делают старый торизм бесперспективным, Гладстон начал ориентироваться на либералов. В 1843–1845 гг. – министр торговли в правительстве Пиля, в 1845–1847 – министр колоний. В 1852–1855 гг. – министр финансов в коалиционном правительстве Абердина; в 1859–1866 гг. – министр финансов в либеральном правительстве Пальмерстона; в период Гражданской войны в США 1861–1865 гг. выступал в поддержку рабовладельцев Южных штатов. В 1868 г. избран лидером Либеральной партии. В 1868–1874 гг. – премьер-министр; его правительство провело реформу начального образования, легализовало профсоюзы (введя в то же время наказание за пикетирование забастовщиками предприятий в целях борьбы со штрейкбрехерами), ввело тайное голосование на выборах. После поражения либералов на парламентских выборах 1874 г. Гладстон возглавил оппозицию консервативному правительству Дизраэли. Став в 1880–1885 гг. во главе правительства, Гладстон продолжал экспансионистскую внешнюю политику консерваторов. В 1882 г. правительство Гладстона направило английские войска для захвата Египта. В Ирландии, жестоко подавляя национально-освободительное движение, правительство Гладстона шло одновременно на незначительные уступки. Разгром английских войск в Судане и осложнения в Ирландии привели к паде-

нию правительства Гладстона. Возглавив на короткое время правительство в 1886 г., Гладстон внес в парламент законопроект о Гомруле, провал которого побудил его подать в отставку. Борьба по этому вопросу затянулась. Вновь возглавляя правительство в 1892–1894 гг., Гладстон провел этот законопроект через палату общин, но палата лордов отклонила его. Гладстон вновь вышел в отставку, и его более чем 60-летняя политическая карьера закончилась. Английская историография без должных оснований создала Гладстону славу великого государственного деятеля.

19 февраля

Впервые опубл.: Порядок. – 1881. – 3(19) февраля. – № 49 – С. 1–2.

Подзаголовок: 1861–1881 гг.

Подпись: К. Кавелин.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 646–648.

Печатается по тексту повторной публикации.

Начиная с 1862 г. ежегодно 19 февраля члены редакционных комиссий, составивших «Положение о крестьянах», а также лица, вообще потрудившиеся в деле освобождения крестьян, собирались на дружеские обеды по подписке в одном из петербургских ресторанов. На этих обедах происходил обмен мыслями о дальнейшем движении крестьянского дела и произносились речи, посвященные как этому вопросу, так и памяти умерших деятелей крестьянской реформы. Постоянный участник этих обедов К. Д. Кавелин произнес на них две речи в 1881 и 1885 гг.

Об этих знаменитых обедах до 1884 г. рассказывается в статье в сборнике «Русская старина» (Т. XLI. – 1884. – С. 669–734). Об обеде 19 февраля 1885 г. – Там же. – 1885. – Март). К последней статье был приложен перепечатанный текст речи К. Д. Кавелина от 19 февраля 1885 г.

Письма из деревни

Впервые опубл.: Московские ведомости. – 1860. – 4 сентября. – № 192 . – С. 1519–1521. Опубл. в литературном отделе: 7 сентября. – № 194. – С. 1536–1537.

Подпись: К. Кавелин.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 663–688.

Печатается по тексту повторной публикации.

Статья «Письма из деревни» в четырехтомном «Собрании сочинений» Кавелина (СПб., 1897–1900) была помещена в разделе «Сельский быт и самоуправление» среди статей, написанных им в 1870–1880-х гг. В этих публицистических материалах Кавелин описывает факты из деревенской действительности, опыт занятий сельским хозяйством в своих имениях. В целом статьи о русской деревне посвящены хозяйственно-экономическим условиям Новоузенского края Самарской губернии, и в особенности имения Кавелина, находившегося в этом крае непосредственно. В статьях описывается деревня непосредственно перед освобождением крестьян и после освобождения. Впечатления от жизни в деревне и опыт ведения управления имением Кавелина вошел в противоречие с его теоретическими воззрениями. Кавелин предлагает читателям способы улучшения ведения сельского хозяйства в деревне, которые примирили бы теорию с практикой занятий сельским хозяйством в деревне.

Из деревенской записной книжки

Впервые опубл.: С.-Петербургские ведомости. – 1873. – 20 сентября (2 октября). – № 259. – С. 1–2; 21 сентября (3 октября). – № 260. – С. 1–2; 25 сентября (7 октября). – № 264. – С. 1–2.

Первая публикация была подписана псевдонимом «Ивановский».

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 779–810.

Печатается по тексту повторной публикации.

[1] Майер Франц Христианович (1783–1860) – известный практический сельский хозяин и агроном-писатель. Иностранец, в 15-летнем возрасте переселившийся в Россию. Современники вспоминали: «Писал Майер своеобразно, чисто в русском духе, и возмущался от всяких нововведений, заимствуемых необдуманно у иностранцев. Слава его в 1840–1850 гг. достигла такого апогея, что многие считали его русским Таером, как тогда называли обык-

новенно Теэра». Он был сначала винокуром на больших заводах в Курской, Тульской и других губерниях, ввел в это техническое производство много разных улучшений. В 1820-х гг. был приглашен братьями Шатиловыми в известное их имение в село Моховое Тульской губернии, где и оставался до конца дней. Здесь главным образом и проявились многоразличные его способности в улучшении сельского хозяйства. Особенно он заслужил известность искусственным разведением обширных лесных плантаций. Русские хозяева были убеждены, что на черноземе, кроме сосны, не может расти ни одно хвойное дерево. Майер решил доказать, что на черноземе можно разводить всякие хвойные деревья, и действительно, в его насаждениях скоро появились ель, пихта, веймутова сосна, кедр сибирский, лиственница и другие хвойные. Майер обращал также внимание на разведение и лиственных пород – дуба, березы, ильма и др. В Моховом Майер устроил превосходный питомник, который служил для удовлетворения потребностей лесоразведения многих имений разных губерний, преимущественно Тульской, Орловской и Рязанской. Память об этом питомнике сохранилась в изданной Майером незадолго до его смерти статье, опубликованной в «Трудах Вольного экономического общества» (1860, I, III, IV) под заглавием «Степное лесоводство». Эта статья в дальнейшем была издана отдельно и обратила на себя внимание русских сельских хозяев. До 1860 г. питомником отпущено в разные места более миллиона хвойных пород, до 800 тыс. лиственных, до 200 тыс. садовых кустарников; всего выращено, считая употребление на собственные культуры, до 1,5 млн. хвойных, 900 тыс. лиственных и более 200 тыс. садовых кустарников. Поэтому Майера справедливо можно считать основателем русского степного лесоразведения. Кроме того, Майер занимался изобретательством сельскохозяйственных орудий (сеялок, скоропашек, устройств для сортировки семян), которые широко применялись потом в большинстве русских земледельческих хозяйств. Майер написал много статей по разным отраслям сельского хозяйства, между прочим, по управлению имениями, но последние имели значение только для времени крепостного труда, с которым он так сжился, что не хотел верить в возможность отмены его. В 1850 г. все его статьи были собраны и напечатаны в 3 т. «Полного собрания сочинений Франца Майера».

[2] В греческой мифологии 50 дочерей царя Даная – Данаиды, наполняя водой дырявый сосуд, несут вечное наказание за

убийство своих мужей. Отсюда: наполнять бочку Данаид – значит предпринимать напрасный труд.

[3] «Лев и комар» – басня греческого баснописца Эзопа (ок. VI в. до н. э.) в переводе и пересказе И. А. Крылова: «Бессильному не смейся / И слабого обидеть не моги! / Мстят сильно иногда бессильные враги: / Так слишком на свою ты силу не надейся! / Послушай басню здесь о том, / Как больно Лев за спесь наказан Комаром». Имеется в виду и другая басня греческого баснописца Эзопа в переводе и пересказе И. А. Крылова «Лев и Мышь» (1833).

Окончание басни – фразеологизм, ставший крылатым выражением: «Читатель, истину любя, / Примолвлю к басне я, и то не от себя / Не попусту в народе говорится: / Не плюй в колодезь, пригодится / Воды напиться».

Письма из медвежьего угла

Впервые опубл.: Русская мысль. Кн. 11. – 1880. – 15 сентября. – С. 205–244; отд.: Русская жизнь. – С. 1–26 второй пагинации.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 811–838.

Печатается по тексту повторной публикации.

Путевые письма

Впервые опубл.: Вестник Европы. – 1882. – Т. 5. – Кн. 10. – С. 685–707.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 838–862.

В этой статье К. Д. Кавелин, как и в ряде других на эту же тему, описывает неутешительное положение дел в деревне. Кавелин изобразил затруднительное состояние деревенского сельского хозяйства за десятилетие с 1873 по 1882 г.; он дал описание, главным образом, Белевского уезда Тульской губернии, в котором находилось второе имение Кавелина – сельцо Иваново, бывшее некогда любимым летним местом пребывания его родителей. Поэтому эта статья «Из деревенской записной книжки», бывшая первой в цикле статей на тему положения в деревне, при первой публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» была подписана псевдонимом Ивановский.

V. «ЗЛОБЫ ДНЯ» ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Политические призраки

Впервые опубл.: *Кавелин К. Д*. Политические призраки. Верховная власть и административный произвол. Один из современных русских вопросов. – Berlin, 1878. – 125 с.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 927 – 994.

Печатается по тексту первой публикации.

[1] Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг., вызванная подъемом национально-освободительного движения на Балканах и обострением международных отношений. Основные события: сражение на Шипке, осада и взятие русскими войсками Плевны и Карса, зимний переход русской армии через Балканский хребет, победы у Шипки-Шейново, Филиппополя, взятие Адрианополя. Война завершилась Сан-Стефанским миром 1878 г., решения которого пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 г. Война способствовала освобождению народов Балканского полуострова от османского ига и формированию идеи панславизма.

[2] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – русский государственный деятель, граф. Сын сельского священника. В 1791 г. окончил Петербургскую духовную академию. С 1797 г. – на государственной службе, был связан с масонскими ложами. В 1803–1807 гг. – директор департамента Министерства внутренних дел. Составил несколько записок по вопросам государственных преобразований; из них наиболее значительна «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803). С 1807 г. – статс-секретарь Александра I, с 1808 г. – член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции. К октябрю 1809 г. по поручению Александра I составил план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов». Сперанский рекомендовал для предотвращения революции в России придать самодержавному строю внешние формы конституционной монархии: ввести элементарную законность, выборность части чиновников и их ответственность, новые начала организации суда, государственного контроля, разделение властей и пр. По проекту Сперанского полити-

ческие права получали только два сословия – дворянство и «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне). Они выбирали законодательную Государственную Думу и распорядительные окружные и губернские думы, а также судебные органы; министры и чиновники местной администрации назначались Императором. Все высшие законодательные, исполнительные и судебные функции сосредоточивались в Госсовете – высшем совещательном органе при Императоре. Третьему сословию – «народу рабочему» (крепостные крестьяне, рабочие, домашние слуги) по проекту Сперанского давались лишь некоторые гражданские права при сохранении крепостного строя. Сперанский считал, что крепостное право будет отменено постепенно путем развития промышленности, торговли и просвещения. Под руководством Сперанского были составлены первое «Полное собрание законов Российской Империи» в 45 т. (1830), «Свод законов» в 15 т. (1832) и др.

[3] Первая Французская империя (фр. *Le Premier Empire*; 1804–1815) – эпоха империи Наполеона Бонапарта во Франции.

[4] Судебный (Кассационный) Сенат (лат. *senatus*, от *senex* – старик) – Правительствующий сенат, высший государственный орган, подчиненный Императору. Учрежден Петром I в 1711 г. как высший орган по делам законодательства и государственного управления, проводил сенаторские ревизии. С 1-й пол. XIX в. – высший судебный орган, осуществлял надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников.

[5] Людовик-Филипп (1773–1850) – король французов с 1830 по 1848 г., старший сын герцога Людовика-Филиппа-Иосифа Орлеанского, носил сначала титул герцога Валуа, потом герцога Шартрского.

[6] Людвиг Наполеон (фр. *Napoléon III*; 1808–1873) – Шарль Луи Наполеон Бонапарт, французский император с 1852 по 1870 г., сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи.

[7] Климов Федор Дмитриевич (1838–?) – Самарский губернатор с 1872 по 1875 г.

[8] Лутковский Иосиф Васильевич (1814–1891) – действительный статский советник, С.-Петербугский губернатор; происходил из дворян Смоленской губ. В 14 лет поступил на службу кондуктором в кондукторскую роту Главного инженерного училища. Произведенный в 1832 г. в полевые инженер-прапорщики, Лутковский оставался до 1834 г. в училище. Затем был переведен в первый конно-пионерный эскадрон, а в 1843 г. прикомандирован к лейб-гвардии конно-пионерному эскадрону. В 1848 г. оставил военную службу и в

следующем году определился чиновником VIII класса во временный люстрационный комитет при Министерстве внутренних дел, которым был командирован в Минскую губ. для поверки действий по введению инвентарных правил в помещичьих имениях. В 1851 г. Лутковский снова переменил службу, зачислившись по удельному ведомству, и вскоре был назначен управляющим сначала Костромской, а затем Старорусской и Новгородской удельными конторами. Ему пришлось вводить в действие новое положение о крестьянах дворцовых и удельных. Произведенный в 1863 г. в действительные статские советники Лутковский в 1868 г. был назначен С.-Петербургским вице-губернатором, в 1871 г. исправлял должность губернатора, а в 1873 г. был утвержден в этой должности. Во время последней Русско-турецкой войны Лутковский принимал активное участие в деятельности Красного Креста. С.-Петербургским губернатором состоял 16 лет до выхода в отставку осенью 1889 г.

[9] Инвалидный капитал состоял в заведовании Александровского комитета о раненых (1814–1918, Петербург) и служил для выдачи пенсий и вспомоществований раненым военнослужащим, а также вдовам и детям убитых и умерших от полученных на службе ран и увечий. Возник по частной ини циативе коллежского советника Пезаровиуса, который в 1813 г. предпринял издание газеты «Русский инвалид», чтобы вырученные деньги обращать для вспомоществования раненым. Мысль Пезаровиуса встретила сочувствие Императрицы Марии Федоровны и общества. Дело о расхищении комитетских сумм директором канцелярии комитета, тайным советником А. Г. Политковским, похитившим свыше 1 млн. 100 тыс. рублей серебром.

[10] Август (лат. *Augustus*; 23.09.63 до н. э. – 19.08.14; до 44 г. до н. э. – Гай Октавий, с 44 г. – Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 г. до н. э. – Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) – римский император. Внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании.

[11] Трощинский Дмитрий Прокофьевич – известный государственный деятель (1754–1829). По окончании курса в Киевской духовной академии поступил на службу в малороссийскую коллегию. Звание полкового писаря получил в 1773 г. Будучи командирован в Молдавию в распоряжение князя Н. В. Репнина, Трощинский своим трудолюбием и деловитостью скоро привлек внимание князя. В 1787 г. Екатерина II предприняла путешествие в Крым; ее сопровождал граф А. А. Безбородко. Князь Репнин рекомендовал ему Трощинского как надежного и опытного чиновника. В 1793 г. Трощинский

был назначен членом Главного почтового управления и возведен в звание статс-секретаря. Это дало ему возможность обратить на себя внимание Екатерины II. В 1796 г. он получил от Императрицы местечко Кагарлык в Киевской губернии, все кагарлыкское староство, а также два староства в Подольской губернии. Трощинский сопровождал Императора Павла в Москву на коронацию и был назначен сенатором и присутствующим в Совете, учрежденном при Воспитательном обществе благородных девиц. Император Александр I назначил Трощинского членом Государственного Совета и главным директором почт, а при учреждении министерств – министром уделов. Последнюю должность Трощинский занимал с 1802 до 1806 г., затем вышел в отставку и переехал в село Кибенцы Миргородского уезда. Полтавское дворянство выбрало его губернским маршалом. С 1814 до 1817 г. Трощинский был министром юстиции. Выйдя в отставку, он лет пять оставался еще в С.-Петербурге, а затем переехал в село Кибенцы, где собирал у себя местных помещиков. В числе последних были и Гоголь-Яновские – свойственники Трощинского по брату. Благодаря Трощинскому Н. В. Гоголь был определен в Нежинскую гимназию. Бумаги Трощинского в 1833 г. были пересланы его племянником Императору Николаю I. Некоторые из них и относящиеся преимущественно ко времени управления Трощинского Министерством юстиции напечатаны в «Чтениях Московского общества истории и древностей» (1858–1861, 1864).

[12] Фиоритура, фиоритуры (итал. *fioritura*, букв. – расцветка) – затейливый, витиеватый оборот речи (иронич.). «Бессмысленные фиоритуры либерализма, которыми, как древле кашею, наполнены в настоящее время рты россиян». Салтыков-Щедрин (*Ушаков Д. Н.* Толковый словарь. – 1935–1940).

[13] Государственный контроль – центральное государственное учреждение Российской Империи. До 1811 г. в России не существовало самостоятельного учреждения, на обязанности которого лежало бы наблюдение за правильностью и законностью поступления государственных доходов и производства расходов. Высочайшим манифестом 28 января 1811 г. учреждено было Главное управление ревизии государственных счетов с Государственным контролером во главе, состоявшее из двух департаментов: 1) ревизии счетов по гражданской части и 2) ревизии счетов по части военной. В 1836 г. это главное управление было переименовано в Государственный контроль, в состав которого вошли три департамента: 1) гражданских, 2) военных и 3) морских отчетов.

[14] См. коммент. [45] к ст. «Основные начала русского судоустройства и гражданского судоустройства от Уложения до Учреждения о губерниях».

[15] Парижская коммуна 1871 г. – первая пролетарская революция и первое правительство рабочего класса, просуществовавшее 72 дня (18 марта – 28 мая), крупнейшее событие в истории революционного движения XIX в. Возникновение Коммуны было вызвано глубокими социальными противоречиями внутри французского общества, обострившимися к концу 1860-х гг. в связи с завершением промышленного переворота, ростом численности и организованности пролетариата; вместе с тем Коммуна явилась результатом освободительной борьбы французского и международного рабочего класса.

[16] См. коммент. [39] к ст. «Взгляд на юридический быт древней России».

[17] Конрад Валленрод происходил из древнего франконского рода, избран 12 марта 1391 г. гроссмейстером Тевтонского ордена в момент, когда вследствие неудачной осады Вильно орден очутился в очень стесненном положении. Валленрод сначала продолжал крестовый поход против Литвы в союзе с князем Витовтом. Когда же в 1392 г. последний отпал от Ордена и соединился с польским королем Владиславом II, Валленрод предпринял новую войну против обоих союзников, причинил много вреда Польше и Литве, но 25 июля 1393 г. умер в припадке бешенства. Летописцы-монахи, ненавидевшие Валленрода за то, что он был недостаточно щедр к Церкви, изображают его еретиком и врагом Ордена, понесшим справедливую кару небес. Предание сделало из него даже литвина, который вступил будто бы в Орден с единственной целью – отомстить ему за разорение своей родины. Таким именно мы его видим в знаменитой поэме Мицкевича «Конрад Валленрод».

[18] Бриарей – сторукий великан, сын бога Урана и богини земли Геи, который вместе со своими тремя братьями помогал Зевсу в его битве против титанов. Гомер, а за ним Вергилий наградили Бриарея сотней рук, иногда ему приписывали 50 голов. Стаций следует традиции, которая представляет Бриарея не более чем свирепым гигантом. Вместе с другими гигантами Данте поместил Бриарея в девятом круге Ада (Современный словарь-справочник: Античный мир. Словарь-справочник / Сост. М. И. Умнов. – М., 2000).

[19] Ипотека (греч. *Hypotheke* – залог) – вид залога, при котором заложенное имущество, как правило, земля и другая недвижимость остается во владении залогодателя до наступления срока

платежа. «Ипотека – в историческом процессе развития института залог. Ипотека представляет третью, наиболее совершенную его форму, отвечающую насущным потребностям поземельного кредита и экономического быта. Само слово “ипотека” указывает на греческое его происхождение; оно введено впервые Солоном, в начале VI в. до Рождества Христова» (*Брокгауз Ф. А.* и *Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь).

Письма к редактору «Новостей» по поводу книги «Основы реформ местного и центрального управления»

Письмо I. Впервые опубл.: Новости. – 1882. – 21 сентября (3 октября). – № 249. – С. 1–2.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 1096–1103.

Письмо II. Впервые опубл.: Новости. – 1882. – 28 сентября (10 октября). – № 256. – С. 1.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 1103–1110.

Печатаются по текстам повторных публикаций.

Бюрократия и общество

Впервые опубл.: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1898. – С. 1068–1078.

Статья написана в 1881 г. уже по воцарении Императора Александра III.

VI. НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ

Мысли о современных научных направлениях. По поводу диссертации г. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды»

Впервые опубл.: С.-Петербургские ведомости. – 1865. – 28 мая (9 июня). – № 132. – С. 1–2; 29 мая (10 июня). – № 133. – С. 1–2.

Повторно: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – СПб., 1899. – С. 241–268.

Печатается по тексту повторной публикации.

«Мысли о современных научных направлениях» – статья, вызванная магистерской диссертацией Н. А. Неклюдова «Уголовно-статистические этюды». Это была первая статья Кавелина, напечатанная им по возвращении из заграничной командировки 1862–1864 гг. За статью он подвергся открытому печатному порицанию со стороны демократической петербургской прессы 1860-х гг.

В «Современнике» (Современное обозрение. – 1865. – Июнь. – С. 273–292) критик М. А. Антонович под псевдонимом «Посторонний сатирик» в заметке «Ученые пристрастия» обрушился на воззрения К. Д. Кавелина, высказанные в его статье «Мысли о современных научных направлениях». Нападки Антоновича, занявшего место первого критика в «Современнике» после смерти Добролюбова в 1861 г. и прекращения литературной деятельности Чернышевского в 1863 г., на Кавелина «отличаются резкостью и парадоксальностью, как все, что выходило из-под пера этого полемиста 60-х годов» (Д. А. Корсаков). О характере полемических приемов г. Антоновича см.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический русский словарь русских писателей и ученых с начала русской образованности да наших дней. Т. I. – СПб., 1886. – С. 666–682. – Статья Кавелина восстановила против себя «постороннего сатирика за порицание укоренившихся в то время среди молодого поколения воззрений материализма и только что нарождавшегося нигилизма».

Помимо возражений г. Антоновича «Мысли…» К. Д. Кавелина вызвали еще заметку: *Ч. П.* Мысли по поводу мыслей о современных научных направлениях, письмо к Н. И. Смирнову» (Журнал Министерства юстиции. Т. XXVI. Кн. 10. – 1865. – С. 178–194.

[1] Неклюдов Николай Адрианович (1840–1896) – правовед, профессор, магистерская диссертация которого подала повод к написанию статьи К. Д. Кавелина. Принадлежал к группе талантливых ученых и высокообразованных русских юристов, которая была создана реформой судоустройства и судопроизводства 1864 г. Студент Петербургского университета 1850–1860-х гг. и слушатель в нем лекций Кавелина, Н. А. Неклюдов был в 1860-х гг. одним из самых выдающихся мировых судей С.-Петербурга и в течение нескольких лет избирался председателем столичного мирового съезда. Затем он достиг высших служебных ступеней сначала в судебной сфере, а позднее – на административном поприще, занимая должность обер-прокурора Общего собрания и соединенного присутствия I-го и Кассационных департаментов Сената, помощника государственного секретаря и, наконец,

товарища министра внутренних дел. При преобразовании Военно-юридической академии в 1877 г. Н. А. Неклюдов одновременно с Кавелиным был туда приглашен на кафедру гражданского права. Затем занял кафедру уголовного права и оставался на ней до назначения на пост помощника государственного секретаря.

Статья К. Д. Кавелина «Мысли о современных научных направлениях» вслед за появлением в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла отдельной брошюрой (СПб., 1865) в издании Н. А. Неклюдова, который напечатал ее в собственной типографии – одной из лучших в Петербурге в 1860-х гг.

[2] Сэй Жан Батист (фр. *Say Jean Baptiste;* 1767–1832) – французский экономист, пропагандировавший идеи А. Смита во Франции. Известен своим законом Сэя, в соответствии с которым всякое производство создает спрос. Эта идея означает, что товары производятся лишь для того, чтобы на вырученные деньги получить какие-либо блага. Идея лежит в основе автоматического поддержания общего равновесия на основе абсолютной гибкости цен. Основная работа – «Трактат политической экономии».

[3] Блан Луи Жан Жозеф (фр. *Blanc Louis Jean Joseph*; 1811–1882) – французский утопический социалист. Утверждал, что ликвидация социального гнета возможна путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права. В период Революции 1848 г. – член Временного правительства, возглавлял Люксембургскую комиссию. С 1854 по 1870 г. жил в Великобритании.

[4] Прудон Пьер-Жозеф (фр. *Pierre-Joseph Proudhon*; 1809–1865) – французский социалист, теоретик анархизма. Пропагандировал мирное переустройство общества путем реформы кредита и обращения; выдвинул утопическую идею учреждения Народного банка с целью предоставления дарового кредита для организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких товаропроизводителей. В период революции 1848 г. выдвигал проекты экономического сотрудничества классов и анархическую теорию ликвидации государства.

О нигилизме и мерах, против него необходимых

Записка была написана К. Д. Кавелиным в первой половине мая 1866 г. и 20 мая 1866 г. передана Императору Александру II.

Опубликована впервые П. А. Зайончковским: Исторический архив. Т. V. – М. – Л. 1950 – С. 326– 341.

Печатается по данному изданию.

[1] Нигилизм (от лат. *Nihil* – ничто, ничего) – негативное умонастроение, выражающее полное отрицание всего общепризнанного, исходящее из уверенности в абсолютной ложности отрицаемого.

[2] Речь идет о первом покушении на жизнь Императора Александра II. Происходивший из мелкопоместных дворян Саратовской губернии бывший студент, выгнанный из Казанского и Московского университетов, и участник революционных кружков Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) 4 апреля 1866 г. у ворот Летнего сада стрелял в Александра II, но промахнулся. По официальной версии, в последний момент его ударил по руке костромской крестьянин Осип Иванович Комиссаров (1838–1892). Впоследствии крестьянин Комиссаров был удостоен потомственного дворянства, а дворянин Каракозов повешен.

[3] Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, публицист, один из представителей социально-политического течения западничества. Начав с «абстрактного героизма» и апологии монархии, через увлечение гегельянством и «примирение с действительностью» в 1840-е гг. обратился к немецкому и французскому радикализму, став материалистом, атеистом, социалистом.

[4] Фейербах Людвиг Андреас (нем. *Feuerbach Ludwig Andreas*; 1804–1872) – немецкий философ, материалист и атеист. Фейербахианство проникло в Россию в кон. 1830-х – нач. 1840-х гг. Особое впечатление на мыслящих людей 1840-х гг. произвела его книга «Сущность Христианства» (1841). Запрещенные к изданию в России сочинения Фейербаха были известны по немецким оригиналам и изложениям русских авторов и к 1850-м гг. стали теоретической модой.

[5] Штирнер Макс (нем. *Stimer Max*; наст. имя и фамилия – Иоганн Каспар Шмидт, нем. *Johann Caspar Schmidt*; 1806–1856) – немецкий философ-младогегельянец, идеолог индивидуалистического анархизма, автор книги «Единственный и его собственность» (1845), в которой обосновал эгоистическую форму индивидуалистического анархизма, поддерживающую право индивида делать именно то, что ему нравится, не обращая внимания на Бога, государственные законы или моральные нормы.

[6] Речь идет о русской бесцензурной газете «Колокол», которую в 1857–1867 гг. издавали в эмиграции Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарев. За 10 лет существования газеты было выпущено ок. 500 000 экз.; во времена наибольшей популярности издания тираж номера доходил до 2500–3000 экз., а с

повторными тиражами – до 4500–5000 экз., что сделалось соизмеримым с тиражами наиболее крупных легальных российских газет (10–12 тыс. экз.) того времени. Как известно, «Колокол» регулярно читал даже Император Александр II. Однако после начала реформ в России и особенно ввиду поддержки издателями польского восстания 1862–1863 гг. газета стала терять читателей, а после покушения на Императора в 1866 г., когда практически перестала поступать корреспонденция из России, влияние «Колокола» свелось к нулю, и в 1867 г. он прекратил существование.

[7] В конце 1861 г. за революционную деятельность в Восточную Сибирь был выслан поэт-революционер, публицист и переводчик Михаил Илларионович Михайлов (1826–1865). Путь его, как и многих других, традиционно пролегал через г. Тобольск, где в то время находился приказ «О ссыльных» (единственное учреждение такого типа), занимавшийся распределением ссыльных по региону. Михайлов был встречен в Тобольске, как герой. В тюремном замке «новичка» навещали местные чиновники высокого ранга: вице-губернатор М. Г. Соколов, прокурор Н. А. Жемчужников, полицмейстер К. Д. Кувичинский, военный врач Е. Н. Анучин. Сам Михайлов не только принимал гостей, но и делал визиты в городе (более 10 раз). В его честь давались обеды. Женщины приносили ему цветы в камеру. После 28 дней пребывания в г. Тобольске Михайлова отправили дальше в г. Иркутск. Спустя некоторое время по доносу адъютанта жандармского штаб-офицера поручика А. В. Ланского началось дело о «сочувствии и послаблениях государственному преступнику М. И. Михайлову». Расследование, к которому были привлечены 17 человек, проводилось комиссией из столицы под руководством генерал-майора И. Г. Сколкова. В результате проверки были сняты со своих должностей губернатор А. В. Виноградский, М. Г. Соколов, В. А. Масалов, К. Я. Фон Колен, Н. А. Жемчужников, К. Д. Кувичинский. Наказание в той или иной форме понесли и другие «за превышение и бездеятельность власти» (см.: *Филатов Сергей*. В Сибирь в оковах // Тобольская правда. – 17.11.2011. URL: http://tyumedia.ru/68717/html).

[8] Роман «Что делать?» был написан Н. Г. Чернышевским в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости в период с 4 декабря 1862 г. по 14 апреля 1863 г. С января 1863 г. рукопись частями передавалась в следственную комиссию по делу Чернышевского (последняя часть была передана 6 апреля). Комиссия, а вслед за ней и цензоры увидели в романе лишь любовную линию и дали разрешение к печати. Оплошность цензуры вскоре

была замечена, ответственного цензора В. Н. Бекетова отстранили от должности. Однако роман уже был опубликован в журнале «Современник» (1863. – № 3–5). Несмотря на то, что номера «Современника», в которых печатался роман «Что делать?», оказались под запретом, текст его в рукописных копиях разошелся по стране и вызвал массу подражаний.

[9] По «Положению о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий» от 19 февраля 1861 г. помещик был обязан предоставить крестьянам на выкуп только усадьбу, полевой же надел выкупался крестьянами либо по добровольному соглашению с помещиком, либо по его одностороннему требованию. Сущность выкупной операции заключалась в том, что крестьяне получали от государства выкупную ссуду, выплачиваемую единовременно помещику, которую они должны были погасить в течение 49,5 лет по 6% ежегодно. До выкупа крестьяне, оставаясь лично свободными, продолжали расплачиваться за пользование помещичьей землей через барщину и оброк (так называемые временно обязанные крестьяне). Наибольшее число временно обязанных крестьян оставалось в тех местностях, где помещику казалось невыгодным требовать выкуп или согласиться на выкупную сделку при условиях, желательных для крестьян. Поэтому правительством был введен обязательный выкуп. Если по всей стране обязательный выкуп устанавливался законом 1881 г., то в девяти Западных губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) обязательный выкуп был введен Именными указами 1863 г.: от 1 марта «О мерах к облегчению и ускорению прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временно обязанными крестьянами, посредством выкупа сими последними земель их надела с содействием Правительства, по губерниям Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, а также в Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком уездах Витебской губернии»; от 30 июля «О мерах к ускорению в губерниях Киевской, Подольской и Волынской прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временно обязанными крестьянами посредством выкупа сими последними земель их надела, по распоряжению Правительства»; от 2 ноября «Об ускорении прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными

на их землях временно обязанными крестьянами, произведением выкупа сими последними земельного надела во всех тех сельских обществах временно обязанных крестьян губернии Могилевской и уездов: Витебского, Велижского, Городецкого, Лепельского, Невельского, Полоцкого, Себежского и Сурожского Витебской губернии, которые еще не воспользовались выкупом угодий».

[10] Именной указ Императора Александра II, данный Сенату «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г., постановлял: «1. Освобождаются от предварительной цензуры: а) в обеих столицах: 1) все выходящие доныне в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание; 2) все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов и 3) все переводы объемом не менее 20 печатных листов; б) повсеместно: 1) все издания правительственные; 2) все издания академий, университетов и ученых обществ и установлений; 3) все издания на древних классических языках и переводы с сих языков; 4) чертежи, планы и карты» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXX: Отделение первое. – 1865. – № 41988. – СПб., 1867. – С. 396). Детальные правила о цензуре и печати регламентировало Высочайше утвержденное 6 апреля 1865 г. мнение Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXX: Отделение первое. – 1865. – № 41990. – СПб., 1867. – С. 397–406), получившее название «Временные правила о печати»1865 г. В частности, по этим правилам освобождение газет и журналов от предварительной цензуры происходило при внесении ими залога от 2,5 до 5 тыс. рублей. Вся книжная продукция менее 10 печатных листов, так называемая народная литература, а также духовная и иностранная литература, изобразительная продукция подвергались предварительной цензуре.

[11] Неудавшееся покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. произвело на русское общество огромное впечатление. Для петербуржцев, для жителей всей России случившееся было настоящим потрясением, ведь впервые в российской истории кто-то осмелился стрелять в царя! Событие это вызвало всеобщее негодование, а чудесное спасение Царя Освободителя – всеобщее ликование (4 апреля 1866 г.: Полный сборник известий, адресов, телеграмм и стихотворений по случаю чудесного спасения жизни Государя Императора Александра II. Вып. 1-й. – СПб., 1866).

[12] Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) и Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) родились в семьях священников и учились в духовных семинариях: первый в 1842–1846 гг. – в Саратовской, а второй в 1848–1853 гг. – в Нижегородской.

[13] Для первых школ, образованных в XVII в. при Андреевском, Чудовом и Заиконоспасском монастырях в Москве, были взяты в качестве образца латинизированные программы литовских и малороссийских православных школ. Впоследствии на базе школ, в которых преподавались грамматика, пиитика, риторика, логика и физика на латинском и греческом языках, была создана Славяно-греко-латинская академия со схоластическим направлением преподавания (в основе схоластики лежала система формальных логических аргументов для теоретического обоснования догматов христианского вероучения). Что касается иезуитских коллегий – закрытых католических средних учебных заведений, основанных на обучении схоластике и диалектике (искусству спора), то иезуитам удалось организовать свою небольшую школу в Москве, куда принимались дети из княжеских и дворянских семей, вплоть до царского дома, в 1684 г. Однако уже в 1689 г. эта школа была закрыта.

[14] Для всех подданных Российской Империи православного вероисповедания обязательна были регулярная исповедь перед приходским священником и причащение Святых Таин. Исповедь и причащение желательно было посещать четыре раза в год, в четыре многодневных поста, особенно людям преклонного возраста и особо благочестивым. Необходимым же и обязательным минимумом Церковь признавала пребывание у исповеди и причастия один раз в течение года. Это требование было закреплено законодательно, а его неисполнение считалось преступлением, и соответствующие статьи содержались в Своде законов Российской Империи (Устав Предупреждения Преступлений // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. 14. Ст. 23, 25, 27. – СПб., 1857; Устав о благоустройстве в казенных селениях // Там же. Т. 12. Ст. 215). Свидетельство об исполнении долга исповеди и святого причастия обязательно требовалось при поступлении на государственную службу, производстве в следующий чин, при заключении брака, получении заграничного паспорта и т. д.

[15] Стрельцы, в XVI – нач. XVIII в. составлявшие постоянное войско, вооруженное огнестрельным оружием, были активными участниками политических событий начала правления Петра I. В результате стрелецкого бунта 1682 г. его соправителем стал сводный

брат Иван, а фактической правительницей – сестра Софья. В августе 1689 г. по Москве распространился слух, что царь Петр ночью решил занять своими «потешными» полками Кремль, убить царевну и брата царя Ивана и взять власть в свои руки. Тогда фаворит царевны Софьи Алексеевны и глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый (?–1689) собрал стрелецкие полки, чтобы идти «великим собранием» на село Преображенское, где находился Петр, и побить всех его сторонников за их намерение убить царевну Софью. Но среди стрельцов были сторонники Петра, которые снарядили двух единомышленников и послали их с вестью в Преображенское. После донесения Петр с небольшой свитой в тревоге поскакал в Троице-Сергиев монастырь. Следствием пережитых ужасов стрелецких выступлений была болезнь Петра: при сильном волнении у него начинались конвульсивные движения лица. Еще один бунт стрельцов, намеревавшихся вернуть на престол царевну Софью, находившуюся в заточении в Новодевичьем монастыре, случился в 1698 г. В результате были казнены около 2000 стрельцов, 601 человек бит кнутом, клеймен и сослан, а 1965 человек разосланы по городам и монастырям – начата ликвидация стрелецкого войска.

[16] Имеется в виду Именной указ, данный Министру государственных имуществ 5 марта 1861 г. «О составлении предположений касательно применения главных начал Положений о крестьянах, водворенных на помещичьих землях, к крестьянам государственным и вообще водворенным на землях казенных, и о предоставлении им ныне же некоторых облегчений» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXVI: Отделение первое. – 1861. – № 236713. – СПб., 1863. – С. 436).

[17] Шляхта (польск. *Szlachta*, либо от древневерхненемецкого *slahta* – род, либо нем. *Scblacht* – сражение) в Польше, Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой и Царстве Польском – наименование светской знати, которое соответствовало дворянству, составлявшей до 30% населения Речи Посполитой (1569–1795). После получения Кошицкого привилея (1374), Краковского привилея (1433), Цереквицкого привилея, позже подтвержденного Нешавским статутом (1454), Пиотрковского привилея (1496), закрепивших и расширивших шляхетские права, в 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции, начинавшейся словами: «Никаких нововведений» (*Nihil novi*). По этой конституции новые законы могли издаваться лишь с согласия обеих палат вального (общего) сейма, который стал высшим законодательным органом, ограничивающим королевскую власть.

Нижняя палата вального сейма – посольская изба – состояла из представителей шляхты (земских послов), избираемых на местных шляхетских сеймиках. Верхнюю палату составлял сенат. С течением времени в сейме все бóльшую роль стала играть посольская изба. От участия в сейме были совершенно устранены не только крестьянство, но и города. Конституция Польского государства, оформившаяся в 1569–1573 гг., укрепила политические позиции шляхты. Одним из основных принципов шляхетской конституции являлось утверждение принципа выборности польских королей. Когда в 1572 г. умер последний король из династии Ягеллонов – Сигизмунд II Август, то шляхта, возглавляемая Яном Замойским, добилась права участия в выборах нового короля и выступила во время предвыборной борьбы как решающая политическая сила. Избранный королем Польши французский принц Генрих Валуа (1573–1574) принял ряд предложенных ему условий, известных как Генриховы артикулы. Артикулы подтверждали принцип свободной элекции (избрания) королей. Король был обязан регулярно каждые два года созывать сейм. Без согласия сейма король не мог ни объявлять войну, ни заключать мир, ни созывать «посполитое рушение» (всеобщее шляхетское ополчение). При короле состояла постоянная сенатская рада (совет). Отказ короля от исполнения своих обязательств освобождал шляхту от повиновения ему. В сейме решения могли приниматься лишь при наличии единогласия всей посольской избы, представлявшей шляхту. Любой депутат нижней палаты мог воспрепятствовать принятию решения, хотя бы за него голосовали все остальные депутаты. Это был так называемый принцип *liberum veto*. Шляхетские депутаты сейма – земские послы – в свою очередь должны были строго придерживаться инструкций, выработанных для них местными сеймиками. Таким образом, Польша фактически была превращена в шляхетскую республику (*rzeczpospolita szlachecka*). Частые срывы сеймов, являвшиеся результатом отсутствия единогласия, привели впоследствии, во 2-й пол. XVII в., к тому, что реальная власть в пределах отдельных частей государства сосредоточилась в местных сеймиках, в которых преобладало влияние богатых и сильных магнатов – носителей феодальной анархии в стране (История цивилизаций. Образование Речи Посполитой // URL:http://www.historycivilizations.ru/newtime/01/18.htm).

[18] Имеется в виду Жалованная грамота, освободившая дворян от обязательной службы – «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», подписанная Императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 г.

[19] Имеется в виду «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Отделение первое. Т. XXXIX. – 1864. – № 40457. – СПб., 1867. – С. 1–10).

[20] Кавелин имеет в виду начало царствования Иоанна IV (1530–1584) Грозного, Великого князя Московского и всея Руси с 1533 г., первого русского царя с 1547 г., ставшего править самостоятельно с 1560 г. – эпоху Смутного времени с 1598 по 1613 г.; эпоху временщиков с 1725 по 1741 г., т. е. в периоды в истории России, когда власть в стране лишь номинально принадлежала царю, или возникало бесцарствие, а фактически правили или различные группировки знати, или самозванцы, или регенты, или фавориты.

[21] Имеются в виду события 25 февраля 1730 г., когда Анна Иоанновна, незадолго до этого приглашенная членами Верховного тайного совета на Российский престол и подписавшая предложенные ей верховниками «Кондиции», ограничивавшие самодержавие, в Кремлевском дворце приняла представителей оппозиции Верховному тайному совету (А. М. Черкасского, В. Н. Татищева, Л. Д. Кантемира и др. – всего, по разным сведениям, от 150 до 800 гвардейских офицеров и дворян), вручивших ей челобитную, а затем адрес от дворянства, в котором просили Императрицу принять «самодержавство», благорассудно править государством в правосудии и в облегчении податей, уничтожить Верховный совет и возвысить значение Сената и т. д. Поддерживаемая гвардией и дворянством Анна Иоанновна разорвала «Кондиции» и распустила Совет, став самодержавной правительницей.

СОДЕРЖАНИЕ

III. РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

IV. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

V. «ЗЛОБЫ ДНЯ» ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

VI. НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 110 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 20.03.2013 г. Формат 84 х 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 64,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.